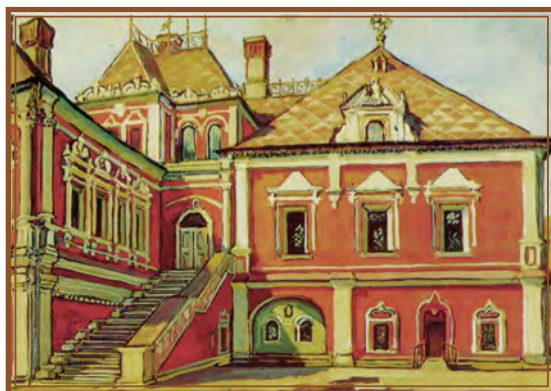

СТАРАЯ МОСКВА

Доклады и сообщения членов
Комиссии по изучению старой Москвы
Московского археологического общества
1909–1923 гг.

Центр краеведения, москвоведения и крымоведения
Российского научно-исследовательского института культурного и
природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия)

СТАРАЯ МОСКВА

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ СТАРОЙ МОСКВЫ МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА 1909–1923 гг.

*Посвящается создательнице и председателю «Старой Москвы»
Прасковье Сергеевне Уваровой (1840–1924)*

МОСКВА
ИЦ «Краеведение»
2025

УДК 908(470-25)+001.32
ББК 26.891(2-2Москва)+72.471.5+79.0+94.3
С77

Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия)

Рецензенты:

Е. И. Ядохина, канд. искусствоведения, зав. Мемориальным музеем-квартирой
А. М. Васнецова (Государственная Третьяковская галерея);
А. В. Окороков, д-р ист. наук, зам. директора по научной работе, руководитель отдела
материального наследия Института Наследия

Редакционная коллегия:

В. Ф. Козлов (рук. проекта), *А. Г. Смирнова (науч. ред.)*, *К. А. Смирнова (сост.)*

С77 Старая Москва: Доклады и сообщения членов Комиссии по изучению старой Москвы Московского археологического общества. 1909–1923 гг. : сб. документ. мат-лов / Институт Наследия, Центр краеведения, москвоведения и кримведения; рук. проекта В. Ф. Козлов, науч. ред. А. Г. Смирнова, сост. К. А. Смирнова. — Москва : Институт Наследия; ИЦ «Краеведение», 2025. — 640 с. — DOI 10.34685/ИИ.2024.49.68.001.

ISBN 978-8-5-86443-481-9

Сборник содержит документальные материалы из наследия Комиссии по изучению старой Москвы Московского археологического общества за 1909–1923 гг., сохранившиеся в архивах — это тексты докладов и выступлений членов Комиссии, сделанных ими на заседаниях и посвящённых самым разнообразным сюжетами истории Москвы, её культурным традициям, повседневной жизни москвичей, а также самим москвичам, исторической топографии города и его памятникам, многие из которых ныне уже утрачены. Подобная публикация предпринята впервые за прошедшее столетие, и большинство текстов также публикуются впервые.

В сборник включено 105 разных по объёму, форме и содержанию текстов, принадлежащих 44 авторам-москвоведом, членам Комиссии, среди которых и известные деятели (А. М. Васнецов, И. П. Машков, П. Н. Миллер, И. Я. Стеллецкий, А. В. Чаянов и др.), и не столь известные, но оставившие нам свои интересные, оригинальные исследования.

Публикация сопровождается комментариями и иллюстративным рядом: старыми фотографиями и художественными произведениями, запечатлевшими памятники и уголки старой Москвы, которым посвятили своё творчество члены Комиссии.

Сборник будет одинаково полезен и специалистам: краоведам, историкам, культурологам, представителям музейного и архивного сообщества, и широкому кругу читателей, любящих Москву и интересующихся древней историей и богатым культурным наследием Первопрестольной.

УДК 908(470-25)+001.32
ББК 26.891(2-2Москва)+72.471.5+79.0+94.3

ISBN 978-5-86443-481-9

© ИЦ «Краеведение», 2025
© Институт Наследия, 2025

«Комиссия уверена, что старая Москва, наша прародина, создавшая обширное Российское государство, заслуживает детального изучения ее истории и быта. Мы ничем иным не воздадим так полно уважения к памяти предков, как правдивым изучением их жизни на основании вещественных и письменных памятников...»

Из доклада секретаря «Старой Москвы»

П.Н. Миллера. 1921 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

160 лет назад, в 1864 г., в Москве произошло знаменательное событие — ученый, археолог, известный общественный деятель граф Алексей Сергеевич Уваров (1824—1884) создал Московское археологическое общество (МАО), которому суждено было сыграть выдающуюся роль в развитии отечественной археологической науки — науки о российских древностях, в широких рамках которой зарождались, формировались и развивались такие направления, как собственно археология, археография, музейное дело, памятниковедение, краеведение, научная реставрация, охрана памятников и др. Не менее значительна роль МАО в объединении научных сил столичных и провинциальных центров, в консолидации местного культурно-научного сообщества, в поддержке и стимулировании исследований истории, культуры, наследия края на самых разных территориях Российской империи. Без малого 60 лет (1864—1923 гг.) было отдано Обществом этой работе.

После смерти А.С. Уварова, в течение 20 лет бессменного председателя МАО, эстафету приняла его супруга и единомышленница, ученый и организатор науки — графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840—1924). Во главе МАО она пробыла 33 года, не просто продолжив начинания А.С. Уварова, но значительно расширив и масштабы, и направления деятельности общества. И уже в ее председательство в научно-общественной жизни Москвы произошло еще одно важнейшее событие — по инициативе Прасковьи Сергеевны в структуре МАО возникла Комиссия по изучению старой Москвы, она была учреждена 115 лет назад, в декабре 1909 г. Это была уже пятая (и последняя по времени создания) комиссия МАО — кроме нее, существовали комиссии: По сохранению древних памятников, Археографическая, Славянская, Восточная (они сформировались еще в 1870—1890-е гг.). Но именно самой молодой из них — Комиссии по изучению старой Москвы, или, как ее стали чаще называть, Комиссии «Старая Москва», суждено было не только пережить давнее ей начало МАО, но стать одним из самых известных, деятельных, успешных, интересных краеведческих обществ не только в Москве, но и вообще в стране, она просуществовала до начала 1930 г.

Для П.С. Уваровой «Старая Москва» была любимым детищем. Будучи председателем МАО, она с самого начала возглавила и эту Комиссию и оставалась ее руководительницей вплоть до 1917 г. И хотя этот год, полный трагических событий, стал концом и всего прежнего уклада жизни, и самой Российской империи как таковой, МАО все же пережило его — ему было отпущено еще несколько лет. В труднейших условиях революционных потрясений, Гражданской войны, в целом первых лет советской власти общество продолжало работу, и особенно активно действовала его Комиссия по изучению старой Москвы. Но в июне 1923 г. и МАО не избежало участи прежних дореволюционных научных и научно-общественных организаций, оно было ликвидировано. А его Комиссия «Старая Москва» продолжила свою деятельность уже в другом качестве.

Целью настоящей работы стало изучение наследия «Старой Москвы» в период, когда она являлась частью МАО, то есть в 1909–1923 гг. (до июня 1923 г.). Комиссия с самого начала объединила в своих рядах целую плеяду замечательных исследователей и популяризаторов Москвы, ее истории, культуры, памятников. О богатстве этого москвоведческого наследия свидетельствуют документы «Старой Москвы», ее отдельных членов, частично опубликованные, но большей частью хранящиеся в архивах, доступные лишь специалистам и, вобщем, малоизвестные. Следует отметить, что листы использования во многих архивных делах весьма красноречиво свидетельствуют о том, что исследователи не слишком часто обращаются к этим материалам, многие работы после выдачи в 1970-е, 1980-е, 1990-е гг. оставались нетронутыми вплоть до последних лет или имеют достаточно длительные перерывы в использовании, да и круг исследователей представлен не столь большим списком фамилий (среди которых и фамилии нескольких известных краеведов и москвоведов), хотя диапазон москвоведческого материала в этих работах чрезвычайно широк.

Изучением деятельности МАО, его Комиссии «Старая Москва», биографией П.С. Уваровой и документальным наследием членов Комиссии в настоящее время (и в течение уже многих лет) занимаются сотрудники Центра краеведения, москвоведения и кримведения Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, размещающегося, в том числе в старинных палатах на Берсеневской набережной, где с 1868 по 1923 г. «жило» МАО, где заседали его члены, где руководили работой Общества два его председателя А.С. и П.С. Уваровы, где часто собирались и выступали со своими научными изысканиями члены Комиссии по изучению «Старой Москвы».

Документальное наследие «Старой Москвы» и ее подразделений (внутри комиссии существовало несколько тематических комиссий) сохранилось и состоит, главным образом, из протоколов, отчетов и других общих материалов, а также научных докладов и сообщений, сделанных членами Комиссии на заседаниях — они хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в составе большого фонда — Ф. 177 «Московское областное бюро краеведения». Опись общих документов, включая протоколы заседаний (за весь период деятельности

«Старой Москвы»), в общей описи 177-го фонда занимает 39 страниц (Картон №1–4), в том числе входят сюда и документы интересующего нас периода. Помимо этого, отдельные дела, в которых отложились доклады, сообщения, статьи членов «Старой Москвы», находятся, среди прочих, в составе картонов №38–52 (систематизированы по алфавиту фамилий авторов). Также документальные комплексы некоторых членов Комиссии хранятся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), кроме того, здесь же в Ф. 402 сосредоточены документы Музея старой Москвы (этот музей Комиссия собирала и формировала на протяжении всей своей истории), частично документальное наследие членов «Старой Москвы» находится и в Архиве РАН. Для нас, в первую очередь, важен фонд в ОР РГБ — опубликованные в данном сборнике материалы выявлены именно в этом архивохранилище.

В 1970–1980-е гг. С.Б. Филимоновым был составлен указатель историко-краеведческих материалов этого фонда, а в 2020 г. В.Ф. Козловым издан путеводитель по архивным материалам «Старой Москвы», отложившимся в Ф. 177, с большим очерком ее истории¹.

Насколько важно ввести в научный оборот, сделать достоянием широкой публики (конечно, далеко не только профессиональной) результаты москововедческих исследований, понимали и сами авторы этих работ — члены Комиссии, собственно, задача «публикования собранных материалов и трудов Комиссии»² была изначально обозначена в «Правилах Комиссии» еще в процессе ее учреждения. И в 1912 и 1914 гг. свет увидели 2 сравнительно небольших по объему сборника, так и названные — «Старая Москва»³, издательская программа должна была быть продолжена, и об этом писал, еще в 1921 г. секретарь Комиссии П.Н. Миллер: «Портфель Комиссии содержит в себе 55 докладов подлинников... Такое наличие докладов позволило бы издать 3–4 сборника, если бы в свое время нашлось для этого достаточно денежных средств, а в настоящее время — типография и бумага»⁴. Но история распорядилась иначе. Еще только один сборник под тем же названием вышел уже в конце 1920-х гг., но в него вошли работы более позднего периода⁵.

¹ Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края / под ред. С.О. Шмидта. — М., 1989. — 168 с.; Козлов В.Ф. Общество «Старая Москва» и культурное наследие. 1909–1930 гг.: Путеводитель по архивным материалам. — М., 2020. — 340 с.

² Цит. по: Козлов В.Ф. Общество «Старая Москва» и культурное наследие... — С. 19. См. также: ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 1. — Д. 3. — Л. 2.

³ Старая Москва / изд. Комиссии по изучению старой Москвы при Императорском Московском археологическом обществе. — Вып. 1. — М., 1912. — 72 с.; Вып. 2 / под ред. Н.Н. Соболева. — М., 1914. — 135 с. Факсимильное издание этих двух сборников осуществлено уже в наше время: Старая Москва. — Вып. 1 и 2: Сб. — М., 1993. — 224 с.

⁴ См.: статью П.Н. Миллера «Сто заседаний Комиссии», опубликованную в настоящем сборнике.

⁵ Труды Общества изучения Московской области (ОИМО). — Вып. 5: Старая Москва: Статьи по истории Москвы XVII–XIX вв. — Сборник первый. — М., 1929. — 184 с.

Готовя настоящий сборник, составители видели в нем продолжение публикаторской программы «Старой Москвы». В связи с этим в книгу не включена републикация статей двух дореволюционных изданий Комиссии. Однако не все работы членов «Старой Москвы» за 1909—1923 гг. публикуются здесь впервые. В первую очередь, это относится к докладам А.М. Васнецова (причем, в 2011 г. ОР РГБ опубликованы работы Васнецова из Ф. 177)⁶, отчасти С.К. Богоявленского, П.В. Сытина (занимаясь и в дальнейшем профессиональной научной деятельностью, ряд своих москвоведческих разработок они включали в более поздние работы (книги, статьи, лекционные курсы), опубликованные в 1920—1930-е гг. и в 1980-е гг. — начале XXI в.). Частичная публикация архивных материалов членов «Старой Москвы» предпринята Л.В. Ивановой в сборнике «Краеведы Москвы» в 1997 г. (заметки Н.П. Виноградова, П.Н. Миллера, И.М. Тарабрина о персоналиях опубликованы с некоторыми сокращениями)⁷.

Важно подчеркнуть, что составители видели свою главную цель не только в выявлении и введении в научный оборот комплекса оригинальных трудов отдельных авторов-москвоведов — членов «Старой Москвы», но в публикации в целом комплекса москвоведческих исследований, осуществленных Комиссией в указанный период, чтобы показать тематическую широту, разнообразие форм и методов исследований, общие подходы и направленность всей этой работы по изучению истории, культуры, исторической топографии, памятников Москвы и многого др. Желая дать общую картину научной москвоведческой работы «Старой Москвы», составители сборника и сочли возможным, более того, необходимым, объединить в рамках одной книги и оригинальные материалы, пролежавшие в архивах под спудом чуть более столетия (их большинство), и те работы, которые, хотя и были опубликованы, но в разное время, и рассредоточены по различным изданиям. Всего предлагаемая книга объединила 105 москвоведческих работ 44 авторов.

Скажем несколько слов о принципах отбора и публикации документов. В сборник включены очень разные по форме, по объему и по степени готовности к печати работы. Сюда вошли, как доклады и сообщения, изложенные в протокольных записях секретарем со слов выступавшего, так и авторские тексты отдельных докладов и сообщений, в свое время сданные докладчиками после выступления секретарю для публикации и отложившиеся в виде самостоятельных архивных дел. Общим критерием отбора была москвоведческая направленность содержания текста, отдельные сохранившиеся в архиве работы литературоведческого характера или посвященные деятелям науки без москвоведческого контекста, в сборник

⁶ См.: Аполлинарий Васнецов: К столетию со дня рождения / Труды Музея истории и реконструкции Москвы. — Вып. VII. — М., 1957; Москва в творчестве А.М. Васнецова: Сб. [Статьи А.М. Васнецова, посвященные Москве XII—XVII веков] / сост. Е.К. Васнецова. — М., 1986. — 272 с.; Отзвуки минувшего [Публикация статей, докладов А.М. Васнецова]. — М., 2006. — 320 с.; Древняя Москва. *Васнецов А.М.* Рисунки. Документы / сост. В.Ф. Молчанов, А.Е. Родионова, О.Л. Соломина. — М., 2011. — 160 с. и др.

⁷ Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1997.

не вошли. Имел значение и объем текста, однако в большей степени составителями учитывалось содержание работы — его оригинальность, научная значимость и т.д. Исходя из этих критериев, к публикации были отобраны и весьма пространные и значительные по объему труды, и совсем краткие протокольные записи с изложением выступления. При подготовке текстов к публикации при наличии одновременно рукописного и машинописного вариантов чаще использовалась машинописная копия, при необходимости она выверялась по рукописи.

Публикуемые материалы разнообразны по форме: в их числе — полноценные тексты статей, подготовленные (или, вернее, почти подготовленные) к публикации, с незначительной авторской правкой, и черновые тексты с насыщенной правкой, вставками, вычеркиваниями и прочими авторскими пометками, и даже наброски или отдельные фрагменты текста, которые докладчик использовал при выступлении на заседании, но которые никак не могут выступать в качестве законченных произведений, хотя бы отчасти подготовленных к печати. В сборник вошли также работы, которые по форме не являются, собственно, статьями и представляют собой роспись архивных документов (как, например, материалы И.Я. Стеллецкого и др.). В таких работах, утративших свое чисто практическое значение (эти документы хранятся уже в других архивах и фондах, имеют другие шифры), интересно, в первую очередь, их содержание, характеризующее самые разные сюжеты истории Москвы.

Вошли в сборник и те сообщения, которые носят не научно-исследовательский, а, скорее, научно-информационный характер — это тоже часть москвоведческой работы «Старой Москвы», и многие такие выступления донесли до нас информацию об уже утраченных памятниках или забытых сюжетах из истории города.

Материалы систематизированы по алфавиту фамилий авторов, внутри каждого такого «персонального» раздела отдельные доклады и сообщения размещены в хронологическом порядке (по датам выступления на заседании «Старой Москвы»). Тексты сопровождаются комментарием составителей, помещенным в конце каждого раздела, объединенным сквозной нумерацией для всех статей одного автора. В основном комментарии давались в тех случаях, когда необходимо было уточнить устаревшие термины и понятия, актуализировать информацию о конкретных памятниках, существовавших сто лет назад и утраченных или видоизменившихся ныне (это относится и к исторической топонимике и топографии Москвы), скорректировать фактические неточности или уточнить историческую и краеведческую информацию с учетом накопленного за столетие научного знания и т.д. Помимо научного комментария, составители в ряде случаев выносили в примечания информацию об особенностях оригинального текста (о его цельности или фрагментарности, об авторских вставках и исправлениях и проч.) для более точной и полноценной его передачи при публикации.

В ряде работ присутствуют подстрочные комментарии, данные их авторами (как, например, в работах А.М. Васнецова и некоторых др.), этот подстрочник сохранен как в оригинале, в качестве знака сноски использовалась «звездочка»,

авторские ссылки на источники и литературу (по возможности) приведены в соответствие с современными стандартами.

Поскольку публикуемые тексты сохранились в авторском исполнении, и в подавляющем большинстве, как уже говорилось, не являются подготовленными к печати (не прошли редакторскую обработку), составители сочли, например, возможным в некоторых случаях, разбить текст на смысловые абзацы (в ряде работ деление на абзацы отсутствует вообще или есть в минимальном объеме, и текст на нескольких страницах подряд вне зависимости от содержания деления не имеет). Редакторское вмешательство в авторский текст этим исчерпывается.

В соответствии с современными правилами научной публикации документов тексты докладов и сообщений даны полностью в авторской редакции, с сохранением особенностей авторского стиля, способа и формы изложения материала, публикаторы также не вмешивались в оригинальную систематизацию авторского материала, приведенного в виде росписей и списков (даже в случае, если принцип систематизации не совсем ясен или недостаточно четкий). Тексты приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации (за исключением, цитат из документов, включенных в тексты работ). Исправлены явные орфографические и иные ошибки и опечатки (специально это не оговаривается). В тех местах, где текст (рукописный или машинописный) не представлялось возможным разобрать (плохая сохранность, блеклость, слабо пропечатанные буквы, слова, трудночитаемый авторский почерк, неразборчивые вставки, вычеркивания и проч.), или не было достаточной уверенности в правильности его прочтения, публикаторы в квадратных скобках в тексте давали пометку «нрзб» («неразборчиво»); предполагаемое по начертанию и по смыслу, но не вызывавшее абсолютной уверенности прочтение отмечено в тексте знаком вопроса или оговаривается в примечаниях. Авторские сокращения слов, названий, имен и фамилий в тексте публикаторами разворачиваются и расшифровываются в квадратных скобках (это делается в тех лишь случаях, когда сокращение затрудняет понимание текста или может иметь разночтения), необходимые по тексту уточнения и пояснения или вставки явно пропущенных слов даны в круглых скобках с пометкой составителей («сост.»).

Каждый публикуемый документ имеет заголовок (авторский, или при его отсутствии — данный составителями, помещенный в квадратные скобки), далее следует унифицированная информация: о дате заседания⁸, на котором прозвучало выступление, о номере протокольной записи и месте, где проходило заседание (в доме МАО на Берсеневской наб., в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер., в Историческом музее или в бывш. Английском клубе на Тверской). Также к каждому документу дан архивный шифр (поскольку весь публикуемый документальный комплекс хранится в Ф. 177, и фонд имеет единственную опись, эти данные приведены единожды и далее опущены), и указано, является ли текст протокольной записью,

⁸ Благодаря проделанной работе удалось уточнить ряд датировок архивных документов, приведенных в описи фонда 177, которые ошибочны или неточны.

или сохранился в виде отдельного архивного дела. Также каждый документ кратко характеризуется по внешней форме (рукописный или машинописный; характер записи — чернила, карандаш; сохранность — потертости, утраты; носитель текста — отдельные листы, сброшюрованные или сшитые, тетради и т.д. (их формат); наличие автографов и проч.), в ряде случаев в архивных делах к текстам прилагаются архивные документы или чертежи, рисунки — это оговаривается; для протокольной записи указывается фамилия сделавшего ее секретаря.

Для каждого автора приводятся краткие биографические сведения и информация о его участии в работе «Старой Москвы». Приходится констатировать, что наши знания о некоторых членах Комиссии крайне скудны, а в ряде случаев практически вообще отсутствуют. Выявление соответствующей биографической информации, ее уточнение — актуальная исследовательская задача.

Научно-справочный аппарат издания, помимо подстрочного (авторского) и данного составителями внутритекстового и после текста комментария, составляют также и приложения. В Приложении 1 опубликованы единичные авторские материалы членов «Старой Москвы» — совсем краткие протокольные записи, которые составители не сочли возможным вынести в основную часть сборника именно по краткости изложения. При этом следует оговориться, что если такая краткая запись принадлежала автору сразу нескольких опубликованных в сборнике материалов, то она все же включалась в основную часть (чтобы не дробить комплекс работ одного автора). В приложениях также даны список источников, историографических и справочных изданий, использованных авторами статей и упомянутых в тексте или в авторском подстрочнике; перечень работ членов «Старой Москвы», опубликованных в сборниках 1912 и 1914 гг.; обширный предметно-топографический указатель, который облегчает поиск необходимой информации по тексту сборника и одновременно имеет самостоятельное научное значение. Научно-справочный аппарат дополняет список рекомендованной литературы, посвященной Комиссии «Старая Москва», ее деятельности и отдельным членам.

Для более полного представления о самой Комиссии по изучению старой Москвы, о ее деятельности и условиях формирования ее научно-москвоведческого наследия в книгу помещен краткий исторический очерк о «Старой Москве».

Дополнением к публикуемым документальным материалам служат иллюстрации: копии дореволюционных и первых послереволюционных лет фотографий, репродукции живописных произведений, запечатлевших те исторические территории Москвы и те памятники, которым посвящены исследования членов Комиссии. Особое место здесь принадлежит репродукциям живописных произведений члена и Почетного председателя «Старой Москвы» художника А.М. Васнецова, ибо его работы являются сами по себе уникальными научными москвоведческими исследованиями-реконструкциями. В иллюстративный ряд вошли также фотографии членов «Старой Москвы», чьи работы включены в сборник. Надо отметить, что по горькой иронии судьбы, портретный ряд москвоведов того времени чрезвычайно

скуден, их фотографии или сделанные карандашом или кистью портреты буквально единичны, даже тех, кто почитался и современниками, и чьи имена хорошо известны современному научно-культурному сообществу. Поэтому, наряду с задачей дальнейшего выявления биографических сведений о членах «Старой Москвы», не менее актуальной является и задача разыскания, в первую очередь в архивах, их фотографических или художественных изображений.

Конечно, следует подчеркнуть, что составители сборника не претендуют на исчерпывающую полноту этой публикации, ведь это первое более чем за столетие комплексное прикосновение к наследию наших предшественников. Тем более что публикация подобного материала весьма непростая уже в силу того, что публикатор имеет дело с текстами, которые их авторы (почти без исключения) не готовили непосредственно к изданию, лишь предполагая дальнейшую их доработку и редактуру. Передача содержания этих материалов в соответствии с правилами научной публикации требует и от самих публикаторов едва ли не энциклопедического знания по широчайшему спектру москвоведческих проблем, рассматриваемых авторами, тем более что за столетие слишком много изменений произошло с Москвой, ее территориями, застройкой, наследием, и на данный момент не по всем сюжетам, требующим научного комментария, удалось найти необходимую и достаточную информацию (это перспективная исследовательская работа).

И, тем не менее, составители сборника надеются, что этот первый шаг по публикации научного наследия Комиссии «Старая Москва» принесет свою пользу — не только введет в научный оборот интереснейшие и не утратившие своей актуальности москвоведческие материалы, но также и пополнит новыми или несправедливо забытыми сегодня именами славную когорту москвоведов не столь уж отдаленного прошлого. Публикуемые материалы интересны не только сами по себе, а их тематическая широта, в ряде случаев новизна подходов, особенности исследовательских методик, безусловно, дают возможность более полно и глубоко оценить уровень и представить направления развития москвоведения 1910-х — начала 1920-х гг., но и позволяют составить весьма достоверные портреты их авторов как исследователей-москвоведов, знатоков прошлого Москвы, проникнуть в творческую лабораторию многих из них, почувствовать широту их научных интересов и масштаб проделанной работы.

Без сомнения, дальнейшие исследования, направленные на выявление, систематизацию и введение в научный оборот и в целом в систему историко-культурного краеведческого, москвоведческого знания богатейшего документального наследия краеведческого объединения «Старая Москва», созданного и более десятилетия развивавшегося под эгидой МАО, с целью сделать это наследие общественным достоянием — важнейшая задача современного москвоведения.

О КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ СТАРОЙ МОСКВЫ МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. 1909–1923 гг.

«Старая Москва» — общепринятое название московской краеведческой организации, существовавшей с 1909 по 1930 г. За свою более чем двадцатилетнюю историю она претерпела значительные изменения, связанные с наименованием и структурной принадлежностью.

Будучи самой молодой из 5 комиссий Московского археологического общества¹, учрежденная 14 декабря 1909 г. как Комиссия по изучению старой Москвы (сокращенно — Комиссия «Старая Москва»), она после ликвидации Общества (в июне 1923 г.) не прекратила работу и стала называться «Группой лиц, интересующихся изучением старой Москвы» при Российском Историческом музее (РИМ). 11 января 1924 г. по постановлению Ученого Совета РИМ статус «Группы» был повышен, она стала «Ученой Комиссией при Музее Старой Москвы»². Почти через 3 года «Старой Москве» вновь в силу различных причин пришлось претерпеть реорганизацию: 16 декабря 1926 г. она стала именоваться секцией «Старая Москва», войдя в состав большого краеведческого объединения — Общества изучения Московской губернии (ОИМГ). В феврале 1930 г. секция «Старая Москва» была упразднена, а существовавшие в ней комиссии присоединили к другим секциям тогда уже Общества изучения Московской области.

Время показало, что вышедшая из недр МАО «Старая Москва» оказалась, пожалуй, самой деятельной городской краеведческой организацией 1920-х гг. или, как еще называют эти годы — «золотого десятилетия» (выражение С.О. Шмидта) отечественного краеведения. В конце своего существования «Старая Москва» объединяла в своих рядах до 300 членов (!). На ее 464 заседаниях побывало в общей сложности 33 тыс. чел., и было заслушано не менее 900 докладов и сообщений. Конечно, такой объем работы и такая массовость членства в «Старой Москве» в значительной степени были достигнуты именно в послереволюционный период в силу разных объективных и субъективных

¹ С 1881 г. Общество имело почетный статус Императорского.

² Музей этот формировался членами «Старой Москвы» с первых дней существования ее в МАО, это была одна из основных задач Комиссии. Музей, к сожалению, так и не обрел собственного помещения и официального статуса.

факторов, влиявших на общий процесс развития отечественного краеведения в эти годы. Однако и время деятельности Комиссии в лоне МАО стало важным этапом в развитии москвоведения, и персональный вклад членов «Старой Москвы» в этот период в историко-культурное краеведческое изучение города очень значителен.

Хронологические рамки настоящего сборника докладов «Старой Москвы» определяются первоначальным периодом истории деятельности Комиссии — 1909—1923 гг., когда она находилась в составе МАО, поэтому обратимся, прежде всего, к летописи «Старой Москвы» в эти годы.

После кончины своего мужа графа А.С. Уварова (1824—1884), создавшего в 1864 г. МАО, графиня П.С. Уварова (1840—1924) возглавила Общество и до 1917 г. руководила его деятельностью, заключавшейся, прежде всего, в развитии археологических (в широком смысле этого слова — то есть относящихся к любым древностям) исследований, изучении и охране памятников старины, издании трудов, организации национальных Археологических съездов и проч.

Комиссия по изучению старой Москвы была создана по инициативе Прасковьи Сергеевны, как уже упоминалось, 14 декабря 1909 г. на учредительном собрании в ее особняке в Леонтьевском пер. Приглашенные на первое заседание члены МАО, известные деятели: Н.А. Ардашев, С.К. Богоявленский, Э.В. Готье, А.М. Гуржиенко, И.П. Машков, А.П. Новицкий, И.Я. Стеллецкий, Д.П. Сухов, В.К. Трутовский, а также сама Прасковья Сергеевна с двумя дочерьми, К.А. Хрептович-Бутенев, Ф.О. Шехтель, Н.С. Щербатов и другие, стали членами-учредителями «Старой Москвы». Были разработаны и приняты «Правила для Комиссии по изучению старой Москвы». В них говорилось, что Комиссия «...имеет целью изучать Москву и ее ближайшие пригородные местности, т.е. собирать материалы по ее топографии, истории, изучать ее рост и развитие не только в отношении зодчества и иконописи, но также и прикладных искусств, заботиться о сохранении древностей, о собирании их с целью образования в будущем музея гор. Москвы и, наконец, публикование собранных материалов и трудов Комиссии»³. Согласно «Правилам» во главе Комиссии стоял председатель, ему помогал и при необходимости его замещал товарищ председателя. Комиссия собиралась на заседания обычно 1 раз в месяц, протоколы записывал секретарь. Весь восьмилетний дореволюционный период истории Комиссии председателем была П.С. Уварова. За эти годы «Старая Москва» провела 67 заседаний (подавляющая их часть — 61, состоялись в доме в Леонтьевском пер.). Дореволюционные заседания Комиссии были малочисленны — в среднем на них присутствовало 15—20 чел. В повестке дня каждого заседания были 1—2 доклада или сообщения на различные москвоведческие темы.

Первые 70 протоколов (с 1909 по 1918 г.) записаны в большую конторскую книгу в твердом переплете. Фиксации протокольных записей уделялось особое

³ Цит. по: Козлов В.Ф. Общество «Старая Москва» и культурное наследие... — С. 19. См. также: ОР РГБ. — Ф. 177. — К. 1. — Д. 3. — Л. 2.

внимание. Формуляр протоколов включал порядковый номер, дату, место проведения, время начала и окончания заседания, фамилию председателя и секретаря собрания, конспект (запись) выступления докладчика, фамилии участвовавших в прениях, а также вновь принятых членов, краткое изложение хода заседания, текущих дел, различной информации, списки предметов, подаренных членами Комиссии формировавшемуся с первых заседаний Музею Старой Москвы и, наконец, заверительные подписи председателя и секретаря. Важность протокола как будущего ценного источника понимали и сами члены «Старой Москвы». Составленный секретарем текст черновика предыдущего протокола зачитывался, обсуждался, дополнялся и исправлялся, если это было необходимо — потом утверждался (такая практика существовала и на заседаниях самого МАО и других его комиссий).

В упомянутую конторскую книгу включены записи 81 протокола (от 14 декабря 1909 г. до 11 декабря 1919 г.).

В последующий период, с начала 1920 г. и до конца существования «Старой Москвы», каждый протокол велся уже на отдельных листах большого формата, поэтому изредка это приводило к потере отдельных протоколов. В феврале 1920 г. было принято решение не конспектировать подробно доклады, а прилагать к протоколу их копии или даже подлинники. Полностью это требование не соблюдалось, но все же благодаря этому решению в Ф. 177 сохранилось немало докладов в виде автографов, машинописных копий, тезисов.

Важную работу в Комиссии выполнял секретарь, он составлял протокол, оповещал членов «Старой Москвы» о заседании, участвовал в выработке повестки дня. Первым секретарем стал Н.С. Курдюков, а с 1911 г. секретарем был избран историк-архивист, археограф, сотрудник Московского архива Министерства юстиции И.С. Беляев (†1918). По воспоминаниям И.Я. Стеллецкого, «...Это был знаток старой Москвы... работал самоотверженно, умел записывать, ночи проводил, обрабатывая протоколы, которые под его пером являются целой поэмой Старой Москвы»⁴. Во многом благодаря Беляеву, составлявшему подробные протоколы, мы знаем первоначальную историю Комиссии.

«Старая Москва» собиралась преимущественно по четвергам, хотя иногда заседания проходили и по пятницам, и по субботам, изредка по воскресеньям. Начинались они, как правило, вечером в 19.30 и продолжались до 22, иногда

⁴ Козлов В.Ф. Общество «Старая Москва» и культурное наследие... — С. 21; о вкладе И.С. Беляева в деятельность Комиссии и в изучение Москвы см.: Смирнова К.А. «Страстный москвовед» И.С. Беляев (1860–1918) — секретарь комиссии «Старая Москва» Московского археологического общества, и его научное наследие (по материалам ОР РГБ и ОПИ ГИМ) // Московское археологическое общество (1864–1923 гг.): История. Деятели. Опыт. Наследие: сб. мат.-лов Межрегион. науч.-практ. семинара «Московское археологическое общество (МАО) и его члены — исследователи и хранители культурного наследия» (Москва, 1 декабря 2023 г.) и II Всерос. науч.-практ. конф. «Московское археологическое общество и его роль в становлении и развитии археологии, охраны культурного наследия и краеведения». К 160-летию основания МАО (Москва, 12 апреля 2024 г.) / отв. ред. А.Г. Смирнова, сост. К.А. Смирнова. — М., 2024. — С. 83–105. — DOI 10.34685/HI.2024.81.39.010.

и до 23 ч. Из уже упомянутых 67 состоявшихся до 1917 г. заседаний «Старой Москвы» подавляющая часть — 61, было проведено в особняке Уваровых в Леонтьевском пер., а 6 раз Комиссия проводила заседания в Доме МАО в старинных палатах на Берсеневской набережной.

Большое значение в Комиссии придавалось принятию новых членов. Для того чтобы вступить в ее ряды, требовалась рекомендация двух членов Комиссии. Выборы проводились на заседании, следующем после того, где рассматривались заявления кандидатов. Так, в первый полный год — 1910-й, существования Комиссии в ее члены были избраны известные деятели, представители разных профессий: архитекторы И.Е. Бондаренко, Н.Д. Струков, В.К. Олтаржевский, художник К.Ф. Юон, меценат А.А. Бахрушин, архивист И.С. Беляев, историк, граф П.С. Шереметев, искусствоведы Н.Н. Соболев, Ю.И. Шамурин, книготорговец и краевед Ф. Тастевен и др. В 1911 г. членами Комиссии стали музейный работник, нумизмат А.В. Орешников, купец Ф.В. Челноков, москвовед Б.С. Пушкин; в 1912 г. — художник А.М. Васнецов и москвовед П.Н. Миллер, издатель Б.П. Юргенсон, москвоведы И.Н. Жучков, П.Н. Зенбицкий, историк граф С.Д. Шереметев и даже городской голова Н.И. Гучков. В следующем, 1913 г., «Старая Москва» пополнилась известными в будущем реставраторами и искусствоведами Н.Р. Левинсоном, Н.Б. Баклановым, судьей, москвоведом Г.И. Хлоповым, офицером, специалистом по военным музеям В.Н. Смердовым. В 1914 г. в состав Комиссии были избраны церковный историк, священник Н.А. Скворцов, художник, старообрядец А.П. Хотулев; в 1915 г. — придворный иконописец В.П. Гурьянов, художник-график И.И. Нивинский, москвовед Н.А. Шамин, архитектор И.И. Поздеев, журналист, искусствовед В.А. Дударева, археограф и публицист В.Н. Сторожев.

В 1916 г. в «Старую Москву» вступили иконописец А.А. Глазунов, священник, протоиерей И.Ф. Горский, археолог, реставратор и музейный работник Н.Д. Протасов.

Численность «Старой Москвы» росла с каждым годом. В 1910 г. в ней состояло 79 чел., в 1911 г. — 90, а в 1913 г. — 124, но лишь малая часть их регулярно посещала заседания. Вплоть до начала 1920-х гг. деятельность Комиссии носила в целом камерный характер, и мы уже упоминали выше, что показатель средней посещаемости не превышал 15–20 чел.

В первые годы существования «Старая Москва» в известной степени копировала свою старшую «сестру» по МАО Комиссию по сохранению древних памятников. Значительная часть повестки дня новой Комиссии была посвящена памятникоохранительной деятельности, попыткам найти помещение для комплектуемого Музея старой Москвы. Постепенно «Старая Москва» вырабатывала свой особый профиль. Стержнем заседаний стали классические по форме доклады или, как их иногда именовали в повестках дня, «рефераты» членов по различным темам истории Москвы: общей истории города, истории его районов, улиц, площадей, отдельных гражданских и церковных памятников,

дворцов, крепостных сооружений, усадеб, подземных ходов; внимание также привлекали биографии москвичей, темы, связанные с городскими увеселениями, театральной жизнью, с московскими пожарами; предметом изучения становились уникальные документы, старинные планы и проч. В 1909–1917 гг. на заседаниях Комиссии в формате докладов (рефератов) и больших сообщений прозвучало около 80 выступлений; кроме них, судя по протоколам, было заслушано более 170 различных по форме небольших выступлений, информации, предложений, обсуждений. И это, не считая многочисленных прений, содержание которых в протокольных записях не указано.

Лидерами по выступлению с заглавными докладами в дореволюционный период истории Комиссии стали знатоки Москвы И.Я. Стеллецкий, И.С. Беляев, П.Н. Миллер, А.М. Васнецов, И.Е. Бондаренко, Г.И. Хлопов.

Большим достижением Комиссии первых лет ее существования было издание в 1912 и 1914 гг. уже упомянутых выше двух выпусков сборников докладов, читанных на заседаниях. В эти сборники вошли 19 статей членов «Старой Москвы» (См. Приложение 3). Выпуск таких изданий предполагалось сделать регулярным — 4 раза в год, но воплощению этих планов помешали сначала Первая мировая война, а затем и революция и война Гражданская. В конце 1920-х гг. несмотря на очень интенсивную деятельность общества, был издан лишь один сборник докладов его членов, о котором мы уже говорили выше.

Появлению и успешному развитию Комиссия обязана, в первую очередь, своей председательнице П.С. Уваровой, в доме которой она возникла и заседала. Графиня, несмотря на крайнюю занятость по руководству МАО, внимательно следила за развитием своего детища, за пополнением его новыми членами. Из 67 заседаний на 47 она председательствовала и, хотя не делала монографических докладов, часто выступала с информативными сообщениями в основном на памятникоохранительные темы, по устройству Музея старой Москвы. Активно участвовала в прениях (25 раз) по различной тематике докладов⁵.

Плавное, неспешное и поступательное развитие Комиссии по изучению старой Москвы было прервано на девятом году ее существования революционным 1917-м годом.

После свержения самодержавия в феврале 1917 г. Общество, находившееся под покровительством императора, как и другие подобные общественные организации, оказалось в трудном положении. Деятельность Комиссии «Старая Москва» почти прекратилась: если в 1916 г. она собиралась 10 раз (прочитано более 20 докладов), то в 1917 г. Комиссия заседала лишь дважды, и был заслушан лишь 1 доклад! Протоколы 1917 г. крайне скупы и мало информативны. П.С. Уварова была занята спасением своего уникального усадебного Порецкого музея (в имении Поречье под Можайском); последний раз была на заседании Комиссии

⁵ Подробнее см.: Козлов В.Ф. Председатель Московского археологического общества П.С. Уварова (1840–1924) как создатель и руководитель Комиссии «Старая Москва» — первого московского краеведческого общества // Московское археологическое общество (1864–1923 гг.): История. Деятели. Опыт. Наследие... — С. 10–23.

в январе 1917 г., а в трагические дни конца октября — начала ноября 1917 г., уже спасая большую семью, покинула Москву, думая временно, но, как оказалось, навсегда.

Как ни странно, но осиротевшая Комиссия в жутких условиях послереволюционной разрухи, холода и голода не только выжила, возродилась, но и стала на несколько лет самым деятельным структурным подразделением МАО. В статусе Комиссии Общества «Старая Москва» просуществовала еще пять с половиной лет⁶.

1918-й год, как и предыдущий, был крайне тяжелым для «Старой Москвы» (собиралась лишь 4 раза), потеряли двух очень значимых членов: скончался секретарь И.С. Беляев, эмигрировал заместивший П.С. Уварову на посту председателя Э.В. Готье. Последующие два года стали переломными — «Старая Москва» по числу заседаний сравнялась с довоенными годами, хотя посещаемость оставляла желать лучшего: в 1919 г. — 10 заседаний, а в 1920 г. — 12. А с 1921 г. начался буквально взрывной рост «Старой Москвы», как по частоте заседаний (в 1921 г. — 22, а в 1922 г. — 27), так и по числу присутствующих. Если до середины 1921 г. Комиссия собиралась 1 раз в месяц, то с июля того же года — по 2 раза в месяц, а иногда даже и чаще.

Причин подобного взлета в деятельности Комиссии несколько. Главная из них заключалась в том, что сформировавшееся в 1910-х гг. ее ядро состояло из специалистов, имевших не только опыт работы по изучению различных памятников города, но и горячо любящих старину и радеющих за ее сохранность. Новая власть, как всем известно, ликвидировала многие старые учреждения и заведения культурного профиля, и работавшие в них сотрудники — учителя, чиновники, представители сословных организаций, остались не у дел. Некоторые из них влились в состав Комиссии. Наконец, с начала 1920-х гг. благодаря дальновидной политике Наркомата просвещения (Наркомпрос) РСФСР, неожиданно заметную поддержку получили организации, общества, музеи, ставящие целью изучение местного края, привлечение населения к просветительской и образовательной работе. Новая власть в тот период считала краеведение важным звеном в новой культурной политике. В конце 1921 г. была проведена Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края, вскоре при Академии Наук было создано Центральное бюро краеведения, повсюду, иногда с государственной поддержкой, организовывались местные губернские и уездные краеведческие общества. Общественное краеведческое движение по всей стране приобретало размах и системную организацию.

Существованию и развитию «Старой Москвы» содействовал и РИМ, теснейшим образом связанный с МАО и его комиссиями. Тем более что среди членов «Старой Москвы» были и ведущие специалисты Музея. Помимо этих факторов, на «живучесть» и привлекательность «Старой Москвы», конечно же, повлиял и состав ее нового руководства. После отъезда Э.В. Готье временным председателем

⁶ При составлении дальнейшего текста очерка были использованы материалы книги: Козлов В.Ф. Общество «Старая Москва» и культурное наследие...

стал художник А.М. Васнецов, хорошо к тому времени известный своими полотнами-реконструкциями старой Москвы, а секретарем — П.Н. Миллер, знаток города, обладающий к тому же прекрасными организаторскими способностями. На отдельных заседаниях в 1920 — середине 1923 г. председательские и секретарские обязанности исполняли также старые кадры, авторитетные знатоки Москвы: М.И. Александровский, Д.П. Сухов, Н.Н. Соболев, Н.П. Чулков.

В 1919 г. — начале 1920-х гг. в «Старую Москву» вступили известные историки, искусствоведы, литераторы: в 1919 г. — пушкинист М.А. Цявловский, церковные историки Н.П. Виноградов и М.И. Александровский, экскурсионист Н.А. Гейнике, краевед В.М. Борин; в 1920 г. — экономист и историк А.В. Чаянов, усадебовед В.В. Згура; в 1921 г. — историк Н.М. Коробков, доктор Н.С. Пучков, музейный работник А.И. Попенцева; в 1922 г. — публицист В.А. Гиляровский, реставратор Н.Д. Виноградов, зав. Московским коммунальным музеем П.В. Сытин, старообрядческий деятель И.И. Новиков; в 1923 г. — архитектор С.К. Родионов и др.

К маю 1921 г. численность «Старой Москвы» выросла до 201 чел., однако, как и прежде, большинство не посещало заседания. По предложению П.Н. Миллера было принято решение считать «временно выбывшими» членов, не бывавших на заседаниях в течение двух и более лет. Из состава Комиссии было выведено 133 чел., и, таким образом, на 1 января 1922 г. в ее рядах осталось лишь 68 членов. Но в 1922 г. в «Старую Москву» вновь вступили 36 чел., и к концу года ее численность превысила сотню.

Васнецов, Миллер и ближайшие к ним коллеги в начале 1921 г. предложили членам Комиссии несколько новшеств, сделавших отдельные заседания более привлекательными. Речь идет о юбилейных заседаниях, превращенных организаторами в праздники краеведения с приглашением известных гостей, с самыми популярными докладчиками, с шутивными стихотворениями и пр. Так, на сотое, юбилейное заседание Комиссии 29 мая 1921 г., в Дом МАО на Берсеневке пришел 81 чел. (41 член и 40 гостей), заседание вел сам председатель МАО академик Д.Н. Анучин, а доклады делали широко известные А.М. Васнецов («О Воскресенском мосте») и А.В. Чаянов («О ситуационном плане Москвы XV в.»). Столь же многолюдным (80 чел.) было и юбилейное 121-е заседание 23 марта 1922 г., посвященное 10-летию избрания членом Комиссии А.М. Васнецова и 3-летию его председательства. С приветственными словами выступил от МАО Д.Н. Анучин, от Восточной комиссии МАО — В.К. Трутовский, от Исторического музея — Н.С. Щербатов. Васнецову был поднесен художественный альбом, в который приветствия, рисунки и стихотворения поместили 56 членов Комиссии. На заседании была представлена выставка работ А.М. Васнецова.

В начале 1920-х гг. Комиссия собиралась не только в Доме МАО на Берсеневке, но и в Историческом музее, и в бывшем здании Английского клуба на Тверской, превращенном в музей. Это позволяло иллюстрировать доклады подлинными

музейными предметами, что, конечно, украшало собрания и привлекало на них и самих членов «Старой Москвы», и уже многочисленных гостей.

Повестка дня заседаний в первые послереволюционные годы усложнилась, особенно в 1920—1923 гг. Стало больше кратких информационных выступлений о плохом состоянии памятников — особенно старинных деревянных домов, надгробий. Новым явлением стали регулярные отчеты об осмотре членами Комиссии памятников старины, главным образом, монастырей, храмов, усадеб. Так, например, в 1920 г. состоялось 10 экскурсионных осмотров, а в 1922 г. уже 18. Подавляющим числом осмотров руководил М. И. Александровский. Как и прежде, на заседаниях большое внимание уделялось биографиям известных москвичей и москвоведов. Так, только в 1922 г. звучали доклады о Пушкинской Москве, об архитекторах М. Ф. Казакове, А. А. Григорьеве, художниках Ф. Я. Алексееве, Т. Е. Мягкове, бытописателе Д. Н. Никифорове, историке К. Я. Тромонине и др. Особое внимание уделяла «Старая Москва» памяти своих скончавшихся сочленов. Так, протоколы сохранили тексты специальных мемориальных докладов биографического характера об ушедших видных исследователях Москвы: И. С. Беляеве, Г. И. Хлопове, Н. А. Скворцове, В. П. Гурьянове и др.

Как и в дореволюционный период, стержнем заседаний Комиссии были классические по форме и содержанию доклады и большие сообщения. В 1918 — первой половине 1923 г. на собраниях «Старой Москвы» их было прочитано более 100. Как и раньше, наибольшее число докладов сделали руководители Комиссии А. М. Васнецов и П. Н. Миллер, а также «ветераны» Н. Н. Соболев, В. М. Борин. В то же время значительно снизилась или даже прекратилась активность прежних постоянных докладчиков — членов МАО и Комиссии — И. Я. Стеллецкого, И. П. Машкова и некоторых др. Основными выступающими на заседаниях становились новые члены «Старой Москвы» — знатоки Москвы: М. И. Александровский, Н. П. Виноградов, В. В. Згура, И. Н. Жучков, В. И. Мансветов, В. И. Троицкий, А. В. Чаянов и др. Удивительно, но в первые послереволюционные годы в тематике докладов не появилось каких-либо идеологических и политических тем или даже мотивов, связанных с новой или новейшей историей Москвы. По-прежнему превалировали выступления, касающиеся, главным образом, истории и памятников XVII—XVIII вв. — храмов, монастырей, улиц, гражданских зданий, редких документов, особенно планов и т. д.

1923-й год стал особенным в судьбе «Старой Москвы». 7 июня на 151-м заседании в Доме МАО на Берсеневке П. Н. Миллер проинформировал о кончине 4 июня председателя МАО Д. Н. Анучина. А на 153-м заседании 5 июля в Историческом музее он же объявил о том, что по распоряжению властей МАО ликвидировалось. Соответственно упразднились и комиссии Общества.

Руководство «Старой Москвы» твердо решило сохранить свое москвоведческое сообщество и обратилось в дирекцию Исторического музея с просьбой разрешить собираться на заседания в каком-либо музейном помещении. Разрешение

было получено, но отныне в протоколах «Комиссия по изучению старой Москвы МАО» уже не упоминалась, а указывалась «Группа лиц, интересующихся изучением старой Москвы». Изменения коснулись и руководства Комиссии. На том же 153-м заседании П.Н. Миллер избирается председателем, а секретарем становится М.И. Александровский. 19 июля 1924 г. на 154-м заседании А.М. Васнецов был избран Почетным председателем заседаний Группы.

Формально Комиссия по изучению старой Москвы была ликвидирована вместе с МАО, фактически же она не только продолжила свою деятельность, но и как последний живой осколок Общества продлила его жизнь до 1930 г.

Тема истории Комиссии «Старая Москва» и ее наследия после июня 1923 г. (после МАО) не входит в хронологические рамки данной публикации, но этот новый период, несмотря на значительные изменения и в статусе, и в положении «Старой Москвы», и в ее работе, неразрывно связан с предыдущим, он — его органичное продолжение, и мы очень кратко обозначим основные вехи деятельности этого краеведческого объединения в годы «после МАО».

В январе 1924 г. решением Ученого Совета РИМ вместо «Группы» объединение стало называться «Ученой Комиссией при Музее Старой Москвы». Комиссии было предоставлено право устраивать в помещении Исторического музея публичные заседания с демонстрацией музейных материалов. Оказалось, что новый ученый статус Комиссии, ее постоянная приписка к главному музею Москвы благотворно сказались на ее развитии. Так, в 1924 г. «Старая Москва» собиралась 39, в 1925 — 48, в 1926 — 47 раз. С размахом отмечались юбилеи — 200-е заседание (23 октября 1924 г.), 15-летие Комиссии (27 декабря 1924 г.), 300-е заседание (2 декабря 1926 г.).

Последнее крупное изменение в статусе и ведомственной принадлежности «Старой Москвы» произошло в середине декабря 1926 г. Она вышла из юрисдикции Музея и вошла на правах секции в существовавшее с 1925 г. ОИМГ. Это сделало «Старую Москву» еще более популярной — на еженедельные заседания стало приходить немало новых людей. В 1927 г. в среднем посещаемость собраний составляла 120 чел., а на отдельные заседания приходило более 200 слушателей! В 1928 г. «Старая Москва» собиралась 51 раз, а средняя посещаемость составила 133 чел. (!), что было рекордом за весь период ее жизни. При секции «Старая Москва» были открыты различные тематические комиссии и секции: журнально-газетная, по учету и регистрации архитектурных памятников Москвы, мемуарная, экскурсионная, Пушкинская, кладбищенская и другие (всего 11).

В конце 1920-х гг. в Москве начались массовые сносы памятников церковного зодчества, и на заседаниях «Старой Москвы» все чаще звучала информация об этом, принимались обращения в защиту старины. Неотъемлемой частью заседаний стали выставки книг, гравюр, планов. Устраивались они для иллюстрации отдельных докладов. Особо укажем на регулярные выставки фотографий памятников старины известного фотографа А.А. Губарева под общим названием «Хроника старой Москвы».

В последний полный год своего существования (1929 г.) «Старая Москва» под влиянием процесса идеологизации всей государственной и общественной жизни страны тоже не избежала изменений: в повестках дня стали появляться и политизированные темы. Конец 1920-х — начало 1930-х гг. в современной историографии названы временем «разгрома краеведения». Гонениям подверглась и «Старая Москва». В феврале 1930 г. существование этой секции ОИМО (тогда уже это объединение носило название не губернского, а областного) было признано нецелесообразным, и решением Президиума Правления ОИМО его секция «Старая Москва» была упразднена (вскоре та же участь постигла и само ОИМО, как и другие краеведческие общества в стране).

Уникальная краеведческая организация «Старая Москва», основанная П.С. Уваровой в структуре МАО в декабре 1909 г., канула в лету.

Но яркие два десятилетия, отпущенные историей Комиссии по изучению Старой Москвы, дали такой мощный импульс развитию москвоведения, что память о них не исчезла. Более того, для современного научно-краеведческого сообщества задача изучения, освоения и актуализации богатого опыта и наследия «Старой Москвы» не только не теряет своей актуальности, но и становится все более ощутимой потребностью.

КОМИССИЯ «СТАРАЯ МОСКВА»

Прасковья Сергеевна Уварова
председатель Комиссии по изучению Старой Москвы.
Фотография, 1910 г.

И.П. Машков

Э.В. Готье

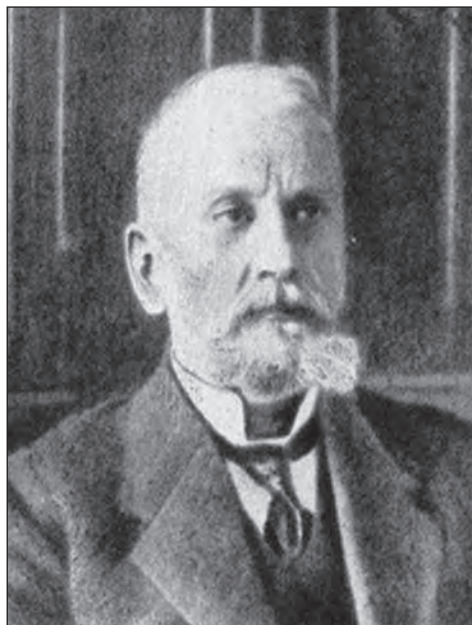
И.Е. Бондаренко

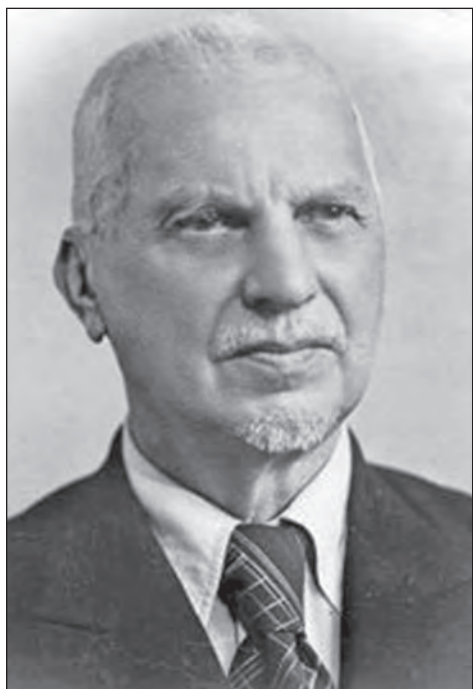
И.Я. Стеллецкий

А.М. Васнецов

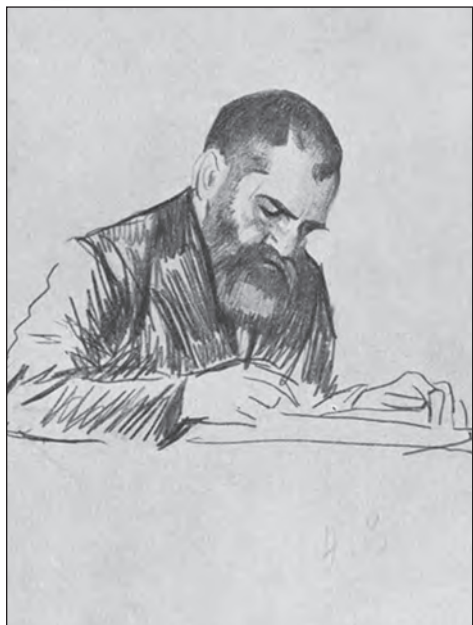
П.Н. Миллер

С.К. Богоявленский

А.В. Чаянов

И.К. Линдеман (по рис. Ф.И. Захарова.
*Из книги: И.К. Линдеман: К 40-летию
научной и литературной деятельности:
1888–1928. – М., 1928. – 8 с., 1 л.)*

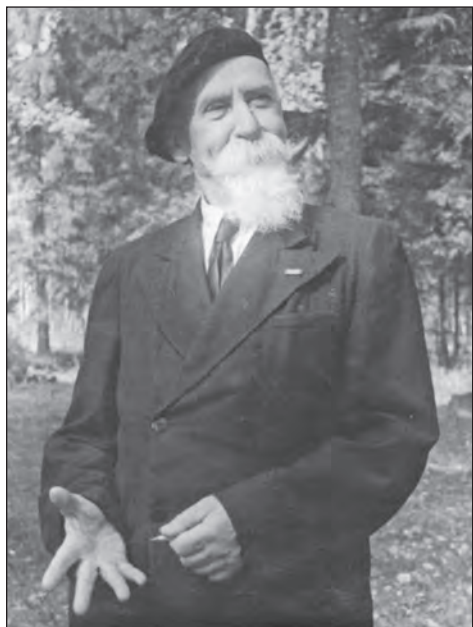
М.И. Александровский

Л.П. Александров

П.В. Сытин

Н.Н. Соболев

В.Г. Сахновский

В.К. Трутовский

М.Ю. Шединг

В.Н. Смердов

М.В. Довнар-Запольский

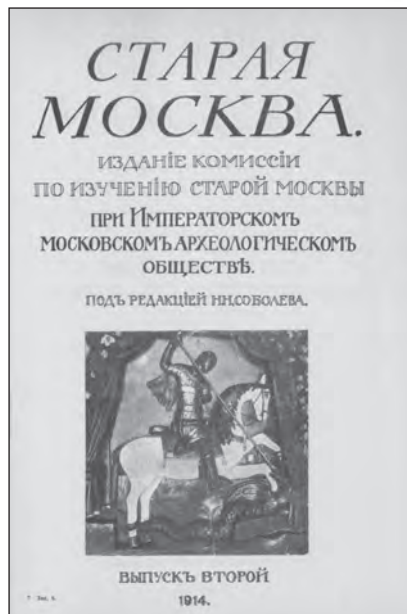
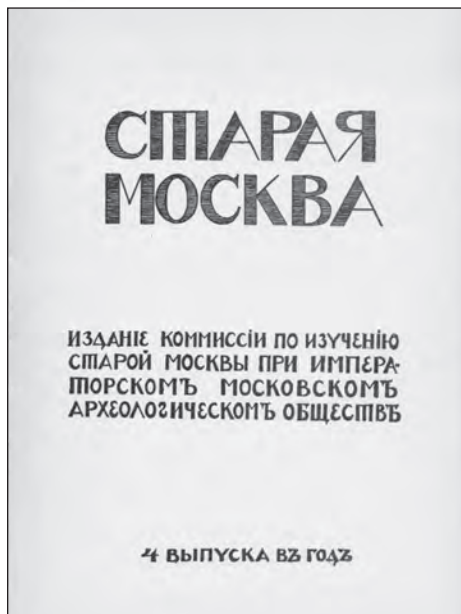
В.Н. Сторожев

протоиерей И.И. Кузнецов

И.Ф. Огнев

Сборник «Старая Москва»

(Вып. 1. — 1912 г.)

(Вып. 2. — 1914 г.)

Комиссия «Старая Москва» у башни Китайгородской стены.
Фотография, первая половина 1920-х гг.

Особняк П.С. Уваровой
в Леонтьевском пер.,
где была учреждена
и заседала «Старая
Москва». Фотография,
начало XX в.

Исторический музей.
Фотография, начало XX в.

Дом МАО на Берсеневке.
Фотография, начало XX в.

Музей революции
на Тверской
(бывш. Английский клуб).
Фотография, 1920-е гг.

ДОКЛАДЫ ЧЛЕНОВ
КОМИТЕТА
«СТАРАЯ МОСКВА»

АЛЕКСАНДРОВ Леонтий Петрович (1858–1929)

*Д-р медицины, хирург, главврач Детской больницы св. Ольги,
проф. Московского университета, председатель Общества детских врачей*

Родился в Москве в дворянской семье химика и педагога. В 1876 г. окончил 2-ю Московскую гимназию, в 1881 г. — Московский университет и в течение 2-х лет был домашним врачом в частном доме. В 1883–1885 гг. работал врачом в Орловской губ. Совершенствовал медицинские познания в Германии и Франции. Вернувшись в Россию, работал помощником прозектора на кафедре оперативной хирургии и топографии анатомии Московского университета. В 1886 г. стал старшим врачом хирургического отделения Детской больницы св. Ольги, а с 1889 по 1927 г. был главврачом этой больницы. Один из самых известных детских врачей России. В 1893 г. Александров стал приват-доцентом Московского университета и впервые в России начал читать курс детской хирургии. Основатель Общества детских врачей в Москве (1892 г.), издавал на свои средства в 1896–1905 гг. журнал «Детская медицина». В течение многих лет был бессменным секретарем Московского хирургического общества при Московском университете, редактором печатного органа Общества «Летопись хирургии». В 1919 г. — профессор 1-го Московского университета по кафедре хирургических заболеваний детского возраста. В 1918 г. был семейным врачом у кн. Н.С. Щербатова и работал в Историческом музее, где Щербатов был директором. В 1919–1920 гг. служил врачом в Красной армии.

Интересовался историей, искусством, ботаникой, изучал подмосковную флору. Член Комиссии «Старая Москва». В 1922–1928 гг. сделал 8 докладов по различным темам: о Нескучном саде, «“Войне” Елизаветы Петровны с лягушками», событиях 1812 г. в Москве по запискам иностранцев, об академике Н.Я. Озерецковском, о с. Свиблове, о Сенежском озере, о землетрясении в Древней Руси. Четырежды выступал на заседаниях в прениях (в 1923–1927 гг.). Опубликовал в 1923 г. две брошюры: «Прошлое Нескучного сада: Историческая справка» и совместно с В.Л. Некрасовым «Нескучный сад и его растительность: Пособие к ботаническим экскурсиям». Принимал участие в археологических раскопках в подмосковных Барвихе, Очакове. В течение двух лет состоял председателем экскурсионной комиссии «Старой Москвы».

Похоронен на кладбище Донского монастыря.

Значительная часть 419-го заседания «Старой Москвы» 21 марта 1929 г. была посвящена воспоминаниям о Л.П. Александрове. П.В. Кисляков рассказал о его биографии, а А.В. Григорьев дал характеристику Александрова как руководителя экскурсионных осмотров. Было решено ходатайствовать о присвоении 1-й детской туберкулезной больнице имени Л.П. Александрова, а также переиздать его доклад «Прошлое Нескучного сада». В зале заседания была устроена выставка из 43 предметов, посвященная памяти Александрова.

НЕСКУЧНЫЙ САД И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ

доклад на 131-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
10 августа 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)

(ОР РГБ. — Ф. 177. — Оп. 1. — К. 1. — Д. 9. — Л. 49об.—50об.¹; протокольная запись)
Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с правкой. Листы
двухсторонние, разноформатные, разлинованные. С автографами. Записано
М.И. Александровским.

Нынешний Нескучный сад, имеющий протяжение в 57 десятин, составил-
ся из пяти существовавших в XVIII веке отдельных владений, одновременно
приобретенных в дворцовое ведомство при Николае I. Сведения, изложенные
о Нескучном у Пыляева² и у Шамурина³ неполны, неточны и частью неверны,
Л. П. (Леонтий Петрович — *сост.*) имел возможность восстановить историче-
скую верность по архивным документам.

Название «Нескучное» известно с 1807 года и обозначало только край-
нюю часть нынешнего сада, ту, которая заходит за Калужскую заставу. Часть
эта принадлежала Л.А. Шаховскому, приобретена дворцовым ведомством око-
ло 1825 года. Она была открыта для публики, дворцовое управление имело там
в 1830—1834 годах летний театр, охотно посещавшийся москвичами. Далее от Ка-
лужской заставы было владение кн. Голицыной, приобретенное дворцовым ве-
домством в 1842 году. К Голицынской даче примыкало владение Н.М. Походя-
шина, приобретенное в 1786 году гр. Ф.Т. Орловым. Следующее владение было
купца Серикова и, наконец, владение П.А. Демидова. Последний по смерти отца,
случившейся в 1745 году, поселился в Москве, и в 1756 году построил себе огром-
ный дом и устроил при нем образцовый ботанический сад, восхищавший Палла-
са⁴, который посетил Демидова в 1781 году. По смерти Демидова в 1786 году его
владение, а также владение купца Серикова куплено кн. Е.Н. Вяземской. В 1793
это соединенное владение перешло к гр. Ф.Т. Орлову, уже семь лет владевшему
бывшим домом Походяшина. Гр. Ф.Т. Орлов умер в 1796 году, оставив наследни-
цею малолетнюю племянницу гр. А.А. Орлову-Чесменскую.

Ее отец гр. А.Т. Орлов-Чесменский имел свой дом деревянный на Калуж-
ской же улице, там, где в 1831 г. (1828—1833 гг. — *сост.*) построена 1 Градская
больница. В царствование Павла I А. Орлов жил в Дрездене, сейчас же по воца-
рении Александра I вернулся в Россию, жил в доме дочери, который назывался
тогда «майским», умер в 1808 году.

Гр. А.А. Орлова в 1820 году переехала в Петроград, а в 1832 году про-
дала свой дом на Калужской в дворцовое ведомство за 1½ миллиона рублей.
В 1842 году ведомство окончательно округлило свое здешнее владение, ку-
пив участок, принадлежавший кн. Голицыной — Демидовский дом, ставший
Александринским дворцом, крупным переделкам не подвергался. От 1781 года

сохранился рисунок дома, приложенный к сочинению Палласа. Существенным отличием от нынешнего является отсутствие фронтона с полукруглым сводом при северном фасаде. При Демидове не было рядом с домом флигелей, которые значатся на последедемидовских планах, но были каменные постройки по переднему забору. Переделки эти могли произойти при Ф. Орлове или при Вяземских. В 1806 г. Жихарев⁵ назвал дом старинным, что исключает возможность недавних больших переделок. Ал. Орлов мог построить манеж, который отмечен как здание сравнительно новое в оценочной комиссии археологов в 1832 году. Каменный летний домик с колоннами и ванное здание у пруда надо отнести к Ф. Орлову, так как они стоят на земле Походяшина. Каменная беседка в конце главной аллеи, которую Шамурин напрасно приписывает Тюрину⁶, существовала и до перехода владения в дворцовое ведомство. Тюрину принадлежит постройка каменной гауптвахты. Скульптуры на главных воротах были уже в 1833 году. Скорее всего они относятся ко временам Ф. Орлова, который заменил прежнюю елизаветинского стиля решетку новою, а потому, надо полагать, и построил нынешние ворота. Два мраморных бульдога при входе во дворец перенесены в 1836 году от Пресненского пруда. Решетчатые ворота под гротесковым мостом были сделаны по рисунку Монферрана⁷.

В докладе Л. П. приведено много любопытнейших и очень важных фактов, характеризующих быт Москвы конца XVIII и начала XIX века, а также отдельных лиц, как П.А. Демидова, А.Т. Орлова, его дочь и др. Закончил Л.П. пожеланием, чтобы восстановлен был ботанический сад, бывший при Демидове, и чтобы в нем увековечена была память о самом Демидове и об описавшем его сад Палласе.

О ЛОВЛЕНИИ В ПРУДАХ И КАНАЛАХ СТАРОГО ГОЛОВИНСКОГО САДА ЛЯГУШЕК И ОБ ОТВОЗЕ ИХ, КУДА НАДЛЕЖИТ

*доклад на 135-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
5 октября 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 38. Д. 28. Л. 1—4; архивное дело)

Машинописный текст с автографом, с рукописными пометами и правкой, встречаются опечатки. Листы скреплены, сохранность хорошая.

Императорский дворец, известный под названием Головинского, в котором жила императрица Елисавета Петровна, находился в с[еверо]-в[осточной] части Москвы, на р. Яузе, в Лефортове, и сад при нем изобиловал

каналами и прудами, в водах которых каждую весну раздавались громкие лягушачьи концерты. Их громкое пение смущало покой Елисаветы Петровны и она объявила им войну не на живот, а на смерть. Следствием этого явилось курьезное дело, находящееся в Моск. отд[елении] архива М[инистерства] И[ностранных] Д[ел]⁸, числящееся по описи №15 за №41636 (1744 г.), на 15 листах. В деле борьбы с лягушками принимали участие немаловажные персоны из окружающего императрицу лиц. Дело это, начавшись 8 февраля 1744 г. и пройдя все стадии канцелярской волокиты, благополучно простым способом закончилось 24 апреля.

Приведем в выдержках это государственное дело. Дело начинается с донесения Гофинтендантской конторы в Главную дворцовую канцелярию.

1.

«Сего 744 года февраля 8 дня Ея Императорское Величество Всемиловитейшая Государыня указала Высочайшим своим изустным указом майору Воейкову, что как станет вода вскрываться как в старом Головинском саду в прудах и каналах, так и в новом саду в каналах, лягушек неводами ловить и прочь их отвозить, куда надлежит далее, чтоб их в тех каналах и прудах не было, чего ради к Его Высокопревосходительству Обер Гоф Мейстеру и кавалеру Тайному Действительному Советнику господину фон Минниху взнести для ведома доношение и притом требовать с Его Превосходительства для показанного впредь ловления лягушек неводов и отвозки лошадей с кадками и работных людей откудова повелено будет брать, о том Московская интендантская контора требует указанной резолюции».

На это доношение последовал следующий указ.

2.

«Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской интендантской конторе. В доношении оной конторы, поданном сего марта 13 дня, объявлено сего 744 года февраля 8 дня: Ее Императорское Величество Всемиловитейшая Государыня указала Высочайшим своим Императорского Величества изустным указом майору Воейкову, как станет вода вскрываться в Головинском саду в пруде и каналах, лягушек неводами ловить и прочь их отвозить, куда надлежит далее, чтобы их в тех каналах и прудах не было и требует для вышепоказанного впредь ловления лягушек неводов и отвозки работных людей с лошадьми и с кадками откуда будет повелено брать резолюции: и по Ее Императорского Величества указу и по определению Его Превосходительства Действительного Тайного Советника Обер Гоф Мейстера и Кавалера фон Минниха велено в оную контору послать указ, по которому в объявленных прудах и каналах по силе Высочайшего Ее Императорского Величества повеления лягушек выловить и отвозить прочь наемными работными людьми, как и прочие работы исправляются. А неводы, ежели есть в ведомстве дворцовой

канцелярии, то оные на то время потребовать от той канцелярии, а буде нет, то как оные, так и кадки сыскивать в партикулярных домах за плату и купить без передачи и оные исправить тотчас по вскрытии воды неотменно и интендантской конторе учинить о том по Ее Императорского Величества указу.

Марта 14 дня 1744 г. Фонь Миннихъ*.

На запрос Гофинтендантской конторы в Дворцовую канцелярию был[а] получена следующая промемория.

3.

«№2199. Из главной дворцовой канцелярии в Гоф Интендантскую контору. Сего числа присланной в оную канцелярию из оной конторы промеморией требовано об отпуске для вылавливания в Головинском саду в прудах и каналах лягушек неводов до десяти, а буде такого числа неводов не имеется, то в прибавок к тому бредников⁹, а ежели одного требуемого числа неводов и бредников не отыщется, уведомлять о том письменно; того ради по резолюции главной дворцовой канцелярии велено в оную Гоф интендантскую контору послать промеморию, в которой объявить, что в ведомстве главной дворцовой канцелярии неводов наличных кроме употребляемых и то малого числа в рыбной про дворцовые расходы ловли, а бредников и ничего не значится и за тем отпустить не из чего и Гоф интендантская контора о вышеписанном да благоволит быть известна. Марта 22 дня 1744 г. Дубровский».

В виду отказа со стороны Дворцовой канцелярии в доставке нужных снастей, Интендантской конторой были назначены торги на ловлю и отвозку лягушек. Результаты торгов выразились в следующих предложениях.

4.

«1. 1744 года апреля 5 дня в московской гоф интендантской конторе московского уезда вотчины вдовы княгини Дарьи Васильевой дочери Голицыной сельца Самарокова крестьянин Артемий Яковлев подписался в том, что в Головинском саду во всех прудах и каналах и при Лефортовском доме в прудах и каналах и по Яузе близости одного сада по берегам, где имеются болотные места, лягушек выловить, все своими неводами и прочим и своими работными людьми и отвозить далее куда надлежит на своих лошадях и в своих кадках, ценою возьмет за все пять сот рублей и впредь торговаться будет.

2. Купец Семенов просит чetyреста девяносто пять рублей. Апреля 11

3. Крестьянин Артемий Яковлев просит 492 рубля. Апреля 17.

4. Купец Семенов соглашается на 480 рублей».

Когда результаты торгов были представлены на утверждение в Дворцовую канцелярию, в ответ был прислан следующий Высочайший указ.

* Барон Христиан Вильгельм (1688—1768) — брат фельдмаршала; в 1742 г. пожалован обергофмейстером с заведованием главной дворцовой канцелярией: в 1760 году уволен (написано от руки на Л. 1об. — *сост.*).

5.

«№376. УКАЗ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ¹⁰ интендантской конторе.

В доношении оной конторы поданном сего апреля 23 дня, в котором объявлено, что за вылавливание в Головинском саду в прудах и каналах лягушек по учиненной публикации по последней цене подписался купец Семенов за четыреста за восемьдесят рублей. А понеже садовый мастер Брастов объявил, что, по его мнению, для выловления лягушек надлежит содержать четырех мужиков, которые притом из каналов и прудов всякую нечистоту вынимать имеют и тому ж делу потребно неводов два: один десяти саженный, другой двадцати саженный да два бредника, да две кадки для метания тех лягушек. Того ради по ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА УКАЗУ и по определению Его Превосходительства Действительного Тайного Советника Обер Гофмейстера и Кавалера фон Минниха велено в оную контору послать указ, по которому об том ловлении лягушек учинить по выше предъявленному садового мастера Брастова способу в самом немедленном времени, а на подряд за высокой ценой не сдавать и интендантской конторе учинить о том по сему ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА УКАЗУ. Апреля 24 дня 1744 года. Фон Минних».

Так здравый смысл садового мастера восторжествовал над канцелярской волокитой; кончилось тем, с чего, может быть, следовало начать.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Далее в архивном шифре повторяющиеся сведения об архиве, фонде и описи не указываются.
- ² М.И. Пыляев (1842–1899) — писатель, автор книг «Старая Москва», «Старый Петербург» и др.
- ³ Ю.И. Шамурин (1888–1918?) — историк искусства, искусствовед, усадьбовед, автор серии «Культурные сокровища России» (1912–1919 гг.), книги «Подмосковные» (М., 2007) и др.
- ⁴ П.С. Паллас (1741–1811) — ученый-энциклопедист, путешественник, естествоиспытатель.
- ⁵ С.П. Жихарев (1787–1860) — бытописатель, автор «Записок современника» (М., 2004. — 560 с.).
- ⁶ Е.Д. Тюрин (1792–1875) — известный московский зодчий.
- ⁷ Огюст Монферран (1786–1858) — известный петербургский зодчий.
- ⁸ Ныне в составе Российского государственного архива древних актов (РГАДА).
- ⁹ Бредник — небольшой бредень (рыболовная сеть, невод).
- ¹⁰ Здесь и ниже выделения текста прописными буквами авторские.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Михаил Иванович (1865–1943)

*Педагог, музейный деятель, специалист в области церковной археологии
и топографии Москвы, член-корреспондент МАО,
секретарь Комиссии МАО по изучению Старой Москвы*

Родился в Москве в семье магистра богословия, протоиерея И.Н. Александровского. Детские и юношеские годы провел на берегу Москвы-реки, «на Пупышах», в Нижних Садовниках. В 1887 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен для приготовления к профессорскому званию на два года, потом еще на год. Отец умер рано в 1886 г., оставив девять человек детей, и Михаилу Ивановичу как старшему пришлось содержать семью, занимаясь подработкой, частными уроками. Работал помощником библиотекаря Московского университета с 1892 по 1896 г. Имел склонность к изучению иностранных языков, знал греческий, латинский французский и немецкий. Во время обучения в университете и работы в библиотеке принимал участие в подготовке к изданию «Палеи Толковой». В середине 1890-х гг. переехал в Западный край и преподавал в гимназиях Люблина и Варшавы. В 1910 г. вышел на пенсию, вернулся в Москву. По состоянию здоровья не мог долго заниматься в библиотеках и архивах, врачами было предписано больше гулять на свежем воздухе.

Так, любознательный Александровский стал изучать памятники старины. Позже в автобиографии он писал: «В 1913 г. была архитектурная выставка. Я ужаснулся, что археологи и архитекторы так мало знают Москву, и сам стал заниматься московской архитектурой». Быстро стал знатоком Москвы православной и за несколько лет составил и издал за свой счет небольшие брошюры справочного характера: «Указатель московских церквей» (М., 1914; 2-е изд., доп. М., 1915. 76 с.), «Указатель кремлевских церквей» (М., 1916. 32 с.), «Указатель церквей и часовен Китай-города» (М., 1916. 341 с.), «Указатель древних церквей в местности Ивановского сорока» (М., 1917. 36 с.). В 1910-е гг. работал в различных московских учебных заведениях. В 1919 г. преподавал на Вторых пехотных курсах командного состава. Одновременно с этим в марте 1919 г. поступил на службу в Московский губернский музей и работал там зав. секцией народного быта до второй половины 1921 г. Будучи уже знатоком в области московской церковной истории и церковного искусства, он входил в комиссию, которая производила учет церковных ценностей и осматривала московские храмы.

В конце 1919 г. Александровский с братьями Павлом, Михаилом, Алексеем и сестрой Александрой были арестованы, находились в заключении (в основном в Ивановской тюрьме). Александровский был освобожден в начале 1921 г. В том же Мосгубмузее работал до 1925 г. ученым секретарем.

С конца 1922 г. работал и в Историческом музее, где стал в 1926 г. старшим помощником хранителя отдела архитектуры. Здесь же в музее в 1927–1929 гг. он читал курс лекций по истории Москвы.

В течение 1920-х гг. Александровский, будучи уже признанным авторитетом в области архитектуры (главным образом, церковной), работал над фундаментальным справочником «Исторический указатель древних архитектурных сооружений в Москве; прежде бывших и ныне существующих», составлял большую картотеку московских монастырей и храмов. Характеризуя научные заслуги Александровского, Исторический музей писал в конце 1926 г.: «Михаил Иванович Александровский в настоящее время является совершенно исключительным знатоком истории города Москвы, ее исторической топографии, ее внешнего облика, ее памятников церковных и гражданских, а также уезда и губернии».

Александровский был специалистом и в области иконографии Москвы — в 1926 г. он вместе с другими сотрудниками: П.Н. Миллером, В.А. Дударевой и В.М. Лобановым, принимал участие в составлении Каталога выставки в Историческом музее «Москва в древних изображениях».

Участвовал в работах по изучению, учету и охране памятников: в 1932–1937 гг. вместе с другими историками работал в архивно-исторической бригаде при Метрострое, а в 1938–1942 гг. — консультантом в Комиссии по истории Москвы при Институте истории Академии наук СССР, составлял паспорта на памятники в Музее архитектуры.

В 1941–1942 гг. участвовал вместе с П.Н. Миллером в собирании материалов для «Московской летописи Отечественной войны».

Скончался от дистрофии 7 марта 1943 г. Похоронен на Даниловском кладбище.

Его архив с неизданными материалами хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 465).

М.И. Александровский — один из самых активных членов «Старой Москвы». Посещать заседания Комиссии он начал в 1919 г., через несколько лет стал ее секретарем. Его вклад в развитие этого краеведческого объединения можно сравнить только с вкладом руководителей — А.М. Васнецова и П.Н. Миллера. 11-летнее пребывание Александровского в «Старой Москве» — пожалуй, самая яркая часть его биографии. Он был предложен в члены Комиссии на 76-м заседании и уже принимал участие в прениях по докладу П.Н. Миллера и В.А. Дударевой о храме Георгия в Старых Лучниках. Избран в члены на 77-м заседании, а первый доклад сделал на следующем 78-м заседании в Доме МАО 4 сентября 1919 г. на тему «О древних названиях московских церквей по ружным книгам». На 79-м заседании 16 октября 1919 г. в Доме МАО Александровский сделал свой второй «программный» доклад «Некоторые стеснения для церковного быта при Петре I». В своих выступлениях открыто высказывал приверженность к допетровской эпохе и ее культуре, не принимал реформы Петра I, повсеместно насаждавшие западноевропейские образцы, бескомпромиссно защищал древние памятники.

Был великолепным организатором экскурсий, руководил осмотрами памятников и докладывал о них на заседаниях; не только проводил в первой половине 1920-х гг. экскурсии, но и писал протоколы осмотров (в течение 4-х лет — 80 осмотров). Так, уже на первом заседании «Старой Москвы», когда Александровский был принят в ее члены, им был сделан отчет об осмотре храма Николы в Блинниках.

Своей активностью и знаниями обратил на себя внимание, и уже в 1922 г. ему стали поручать вести секретарские дела. Так, на 131-м, 132-м, 133-м заседаниях (август 1922 г.) он числится секретарем Комиссии, а со 154-го (19.07.1923 г.) и до 297-го заседания (11.11.1926 г.) почти бессменно выполняет очень важные секретарские обязанности; подсчитано, что секретарем заседаний в течение 1920-х гг. он был не менее

138 (!) раз. Именно благодаря ему мы имеем достаточно подробные протоколы за этот период.

Он автор (с 1920 г.) следующих докладов, сообщений, публичных отчетов об экскурсиях и осмотрах памятников: «Об осмотре церкви Воскресения в Барашихах» (97-е засед. 24.03.1921 г.); «Об осмотре церкви Адриана и Натальи» (103-е засед. 24.07.1921 г.); «Об осмотре старообрядческой Покровской церкви в 3-м Ушаковском переулке» (110-е засед. 20.10.1921 г.); «Топография Москвы XIII в.» и «Топография Москвы в XIV в.» (113-е засед. 01.12.1921 г.); «Осмотр дома №32 (Кацмана) на Кадашевской набережной и храма Воскресения в Кадашах» (126-е засед. 01.06.1922 г.); «Об осмотре Никольского единоверческого монастыря в Преображенском» (133-е засед. 07.09.1922 г.); «О значении осмотров и обнаружении в подвале собора Отцов Семи Вселенских Соборов в Даниловом монастыре белокаменной кладки времен Ивана Грозного» (135-е засед. 05.10.1922 г.); «Об истории церкви Параскевы Пятницы в Охотном Ряду» (140-е засед. 14.12.1922 г.); «Об изучении им антиминсов, хранящихся в Оружейной палате» (146-е засед. 22.03.1923 г.); «О колокольне Ивана Великого в Кремле» (162-е засед. 18.10.1923 г.); «О времени постройки некоторых храмов и приделов Симонова монастыря» (197-е засед. 01.10.1924 г.); «Об открытии при ремонтных работах в церкви Николы в Блинниках расписной сводчатой палаты» (198-е засед. 09.10.1924 г.); «О состоявшейся экскурсии в села Коломенское и Дьяково и о состоянии и реставрации храмов Вознесенского, Георгиевского, Иоанно-Предтеченского и Соколиной башни» (227-е засед. 21.05.1925 г.); «Об истории разных названий Мясницкой улицы» (236-е засед. 30.07.1925 г.); «О художнике Ф.Я. Алексееве и его акварельных видах Москвы (преимущественно Кремля), о разрушении в эпоху Екатерины II московской старины» (262-е засед. 04.02.1926 г.); «Об истории храма Параскевы Пятницы и значении ее в истории архитектуры» (263-е засед. 11.02.1926 г.); «О состоявшемся осмотре дома №19 на углу ул. Герцена соседних домов и церкви “Малое Вознесение”» и «О Никольском Можайском соборе» (279-е засед. 24.06.1926 г.); «Об археологии и топографии Москвы по Г. Штадену» (284-е засед. 12.08.1926 г.).

Кроме выступлений с докладами, сообщениями и отчетами об экскурсиях и осмотрах памятников, принимал живейшее участие в прениях по различным докладам. В течение нескольких лет был (вместе с П.Н. Миллером) самым активным членом «Старой Москвы». Так, судя по протоколам, выступал в прениях в 1921 г. 6 раз, в 1922 г. — 13, в 1923 г. — 12, в 1924 г. — 18, в 1925 г. — 13, в 1926 г. — 11. К сожалению, в ноябре 1926 г. Александровский оставил секретарскую должность и на заседаниях не появлялся. П.Н. Миллер в отчете за 1926 г. писал об уходе Александровского: «Потеря его очень велика... Исключительный работник». Мы не знаем точно мотивов расставания этого знатока Москвы с Комиссией «Старая Москва». Известно, что Александровский имел твердый характер, свои незыблемые принципы и свой взгляд на изучение Москвы. Он был против расширения деятельности «Старой Москвы» и включения в орбиту ее внимания областей, по его мнению, напрямую не относившихся к истории Москвы (например, история театра), отрицательно относился к переходу «Старой Москвы» из Исторического музея в Общество изучения Московской губернии и т.д. Возможно, это и послужило причиной его ухода из Комиссии. К тому же он работал в тот момент над фундаментальной книгой-справочником по московским памятникам и, видимо, хотел ее издать.

В советский период М.И. Александровский почти не публиковал свои работы — известны лишь две его печатные статьи: «Происхождение новых названий московских улиц» в журнале «Коммунальное хозяйство» (1922. №8–9) и «К истории шатровых храмов XVII века» в сборнике Общества изучения русской усадьбы (М., 1927. №4–5).

О ДРЕВНИХ НАЗВАНИЯХ МОСКОВСКИХ ЦЕРКВЕЙ ПО РУЖНЫМ КНИГАМ XVII ВЕКА¹

*доклад на 78-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
4 сентября 1919 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 38. Д. 31. Л. 9–21; архивное дело)

Рукописный и машинописный вариант. Рукописный текст, черные чернила, с пометками и вставками. Листы двухсторонние, большеформатные. Машинописный текст с рукописной правкой, листы односторонние, текст хорошо читается.

Московские церкви изучены недостаточно и в их истории, и в их современном состоянии. Более всего изучены Кремлевские храмы, но и тут встречаются такие ошибки, как наприм[ер], у Н.А. Скворцова смешивание церкви митрополита Филиппа в патриаршем доме с церковью Апостола Филиппа в том же доме. О церквях вне Кремля, главным образом, печатались архивные материалы, но и те остаются очень мало разработанными. Одна из последних книг, посвященных всем московским церквям вместе, Путеводитель архитекторов 1913 года², книга, которая может назваться лучшею в своем роде, и, во всяком случае, очень важною, кроме случаев простого умолчания или смешивания церквей одной с другой, включает в себе такие, напр[имер], ошибки, как отнесение церкви Троицы в Полях всецело к XIX веку, хотя ее главная часть сохранила крещатые своды 1566 года, или отнесение придела св. Мины в церкви Стефана Архидиакона к середине XVII века, хотя этот придел оказывается построенным в 1714 году. В настоящем докладе имеется ввиду указать на неразработанность тех археологических указаний, которые даются тремя ружными книгами³ XVII века, так как эти указания очень важны и проливают некоторый свет на историю Старой Москвы, а, между тем, их некоторые составители монографий по отдельным церквям обходят молчанием.

Первая книга напечатана в IX томе Дополнений к Актам Историческим под №107. Озаглавлена она так: «7185 году, по указу царя и великого князя Феодора Алексеевича давалось в ружные монастыри и другие церкви жалованья...»⁴, и далее перечислены 266 названий, по каждому из которых отпускались рубли, алтыны и деньги членам причта. Перед каждым почти названием стоят слова «со 133 года», только при 8 названиях поставлены другие годы.

Вторая книга 1681 года и третья 1699 напечатаны во II томе Материалов, изданных под редакцией Забелина⁵. Книга 1681 у Забелина названа просто «ружною», а книга 1699 г. — ружною разметною книгою, так как в ней сделаны пометы, для каких церквей руга отменяется. Некоторая возможность

ошибок в этих книгах усматривается в способе их составления, указанном в книге 1699 года*.

Названия церквей в книге 1699 года почти всегда те же самые, которые являются общеизвестными и в настоящее время. Нет случаев, которые возбуждали бы сомнение, о какой церкви здесь идет речь. Между прочим, характерно стремление называть церкви по главному престолу, хотя бы позднеjšíму, а не по первоначальному, которое утвердилось в народном употреблении.

По книгам 1677 и 1681 годов есть несколько десятков названий, совсем не сразу понятных, а в отдельных случаях даже почти непонятных, причем в обеих этих книгах церкви названы вобщем одинаково. Один из главных способов определить, о какой именно церкви идет речь, есть сравнение с книгою 1699 года и применение метода остатков, т.е. вычеркивание в книгах 1677 и 1681 года, с одной стороны, и в книге 1699 года — с другой, явно тождественных церквей, и искание в оставшихся названиях 1699 года соответствия с теми, которые в 1677 и 1681 не являются сразу понятными. Самое соответствие выясняется составом причтов тех или других церквей и количеством назначенной им руги. Дело в том, что очень разнообразным являлось в XVII веке и то, и другое, т.е. и состав причта, и количество алтынов и денег, назначенных разным членам причта в разных церквах. Важно отметить и то обстоятельство, что раз назначенная руга обыкновенно не изменялась, и отпускалаь в том же самом количестве как в 1677 г., так и в 1681 и 1699 годах.

Рассмотрим сначала группу тех семи названий церквей, которые можно назвать почти непонятными. Надо заметить, что вообще все названия московских церквей, встречающиеся в древних письменных источниках, обыкновенно понятны и указывают на церкви, или и ныне существующие, или недавно переставшие существовать. Помимо ружных книг, известны только очень немногие случаи упоминания церквей, ниоткуда более не известных. Таковы, напр[имер], не отмеченные у Н.А. Скворцова церковь Стефана Святого**, упоминающаяся при описании пожара 1547 года и находившаяся где-то около Сретенки, и церковь Гавриила Архангела*** где-то на Арбате, упомянутая в 1548 году в акте о продаже одного двора. Ружная книга 1677 года дает таких именно семь

* «В нынешнем 207 году января в числе, по указу В[еликого] Г[осударя] Ц[аря] и В[еликого] К[нязя] Петра Ал[ексеевича], всея В[еликия] и М[алыя] [и Белья] России сам[одержца], взяты к нему, великому государю из Приказов ружником и обротчиком из Большие Казны годовым и кормовым денежным окладом и что даеця с Отдаточного двора вина, а из Большого Дворца хлебным, а из Казенного Приказу суконным дачам книги, и из тех книг выписано в доклад» (Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / собр. и изд. руководством и трудами Ивана Забелина: в 2 ч. — Ч. 2. — М., 1891. — Стб. 423 (сост.)).

** Июня 21... а по Устретенской до Стефана святого... (См.: Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. — Т. 8. — СПб., 1819. — С. 39 (Примечания к XVIII т.). — Примеч. 173).

*** Акты Юридические №430 (по бумагам Боголюбского) (Вероятно, имеются ввиду: Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства / изд. Археографической комиссией. — СПб., 1838. — 511 с. (сост.)).

названий, не упомянутых даже в 1681 году, не говоря уже об отсутствии этих названий в Строельной [книге] 1657 года. Мы явно имеем дело с церквами, давно переставшими существовать, причем факт их небытия замечен подьячими Приказа Большой Казны только к 1681 году. Эти семь названий следующие:

В отделе «за Неглинку»: 1) Акинфия Святого, 2) Егория святого, что у Воскресения Высокого, 3) Иоанна Лествичника в Семчинском сельце, 4) Николая чудотворца в Солодовниках. В отделе «За Москву реку»: 5) Николая чудотворца за Песком, 6) Святых жен мироносиц новые церкви, 7) Происхождения Честного Креста Господня, что в Жернилове.

Ниоткуда более не известные, как только из книги 1677 года, не встречающиеся даже в окладных книгах патриаршего казенного приказа, эти семь названий порождают недоуменный вопрос, каким же образом они с 1625 года продолжали получать ругу, когда их уже, по крайней мере, полвека не существовало. Это недоумение дает право высказать некоторые предположения и догадки отдельно по каждой церкви.

1) Церковь Акинфия святого упомянута в списке скоро после церквей Алексея на Глинищах⁶, Григория на Дмитровке⁷, Космы-Дамиана в Шубине. Вообще порядок, в котором перечисляются церкви 1677 года, — топографический, хотя и не выдержанный, часто прерываемый как бы случайно забытыми в свое время названиями церквей другой местности. Такой порядок все-таки дает возможность искать ц[ерковь] св. Иакинфа где-то около Шубина. А сопоставление этих двух последних имен заставляет припомнить воеводу Дмитрия Донского Иакинфа Шубу, упомянутого в Софийском временнике под 1368 годом. Тогда ход событий представлялся бы ясным: Шуба имел двор около Тверской, основал церковь своего имени Иакинфа, в ней потом явился престол второй Космы и Дамиана, при дальнейших перестройках, особенно после пожаров, престол Иакинфа был не восстановлен, а Космодамианский причт некоторое время мог получать ругу и по Космодамианскому престолу, и по Иакинфовскому, раз соответствующая бюджетная статья из окладных книг не была еще вычеркнута.

2. Церковь Егория святого, что у Воскресения Высокого⁸. Ясно, что она находилась около Тверской близ Воскресенского монастыря. Так как этот монастырь недавний, упоминается впервые под 1598 годом⁹, то церковь могла быть древнее его, а монастырь мог образоваться первоначально именно около этой церкви, а уже затем построить свою Воскресенскую, и некоторое время мог получать и ту, и другую ругу.

3. Иоанна Лествичника в Семчинском¹⁰ сельце. Уже название «сельцо», а не «село» делает вероятным предположение, что там была только одна церковь, и что, следовательно, древнейшим престолом у Успения на Остоженке был Иоанна Лествичника, а древность села Семчинского, упоминаемого в заветах первых московских князей, заставляет догадываться об основании этой церкви Иваном Калитой, праздновавшим свои именины на Иоанна

Лествичника. Тем более что ц. Успения в 1681 обозначена у «Остожного двора», т.е. указано на какой-то, надо полагать, государев двор, хозяйственный.

4. Николая Чудотворца в Солодовниках. Хорошо известны Солодовники за Москварекой у Спаса на Болвановке, но, очевидно, были какие-то другие Солодовники, так как ц. Николая Чудотворца помещена в списке среди очень большого отдела «за Неглинку». Представляется естественным искать эту церковь в церкви Спаса в Каретном ряду¹¹. Последняя до 1657 года имела только один Никольский престол, известна с 1625 года, и числится в книге 1699 года. Едва ли можно думать, что ругу назначили этой древней церкви только пред самым отнятием ее у всех приходских церквей¹². Следовательно, она получала ее и прежде, но под другим именем. Перемена имени была причиной пропуска этой церкви в 1681 году.

5. Николая Чудотворца за Песком. Помещена в отделе «за Москву реку». Название «на песку» в Софийском Временнике отнесено в 1493 году к церкви Николы на Берсеневке. «За Песком» — надо искать где-нибудь подальше. Можно думать, что это Никола-Голутвино. В приказных книгах об этой церкви путаница. В 1677 году упомянуты и Рождество в Голутвине, и Никола за Песком, и Пятница за Песком, а в 1681 только Пятница за Песком, а в 1699 только Рождество в Голутвине, но нет ни Николы, ни Пятницы. Возможно, представлять себе дело так: была прежде церковь Рождества, и ей назначена была руга. Затем появился особый, хотя бы и придельный или приписной, храм св. Николы, и ему назначена руга; потом так же явилась церковь св. Пятницы, тоже с ругой. После какого-либо пожара вместо трех, явилась одна церковь, с одним причтом. Приказные дьяки, заметив ошибку, в 1681 году выдали ругу только по одному престолу, а в 1699 году самый престол обозначили наиболее правильно, т.е., назвав главный и вместе с тем первоначальный престол. Что касается «Пятницы за Песком», какового престола мы не встречаем нигде, кроме 1677 и 1681 годов, то надо припомнить записанное пр[отоиереем] Н.А. Скворцовым по книге о Голутвине предание, сохранившееся у причта этой церкви даже в начале XIX века, предание о том, что новый Тихвинский придел заменил собою некогда существовавший Пятницкий. О том же вспоминал причт и в 1722 году.

6. Святых жен мироносиц новая церковь. Упомянута в списке непосредственно перед Пятницей за Песком, следовательно, надо искать где-то около Якиманки. А около последней улицы действительно была какая-то церковь и кладбище церковное, как видно из напечатанного у Забелина (I, 886¹³) дела, состоявшего в том, что в 1702 г. окт. 21 просили в оброк землю. Писали так: «за Москвою рекою, против Кадашевской Якиманской улицы, за Кружечной избой, что на Полянке, значат немногие могильные цки (доски — *сост.*), что тут старое церковное кладбище». Местные жители показывали: «то де вышеписанное порозжее место церковная кладбищенская земля, а как во имя была церковь, за давными леты не знают». Земля была дана в оброк. Следовательно,

можно думать, что здесь была именно Мироносицкая церковь, которая существовала недолго, не успев попасть в патриаршие окладные книги, будучи к 1681 вычеркнутой из ружных записей, и при том названная «новой» в книге 1677 года. И могильных памятников около нее было немного: в 1702 году найдено всего 2 могильных цки.

7. Происхождения Честного Креста Господня, что в Жернилове. Эта церковь, как и предыдущая, числится у Мартынова среди неизвестных церквей. Она кажется особенно непонятной. Никакого урочища «Жернилова» ниоткуда более не известно, и что означает такое название местности, сказать ничего нельзя. Мало того, в Замоскворечье вообще нам не известен ни один престол, ни главный, ни придельный, ни теперь, ни прежде, посвященный празднику 1 августа (по ст. ст. — *сост.*). Шаткое, но все же некоторое основание для догадки о местности этой церкви дает самый текст статьи об этой церкви в книге 1677 года. Там так написано: «Происхождения Ч[естного] К[реста] Г[осподня] что в Жернилове, великого государя жалованья годовых и молебных денег и по великой княгине иноке Марфе и на просвиры: попу, дьякону, просвирице вопче 3 рубли 5 алт[ын] 3 денги»¹⁴. Упоминание о старице Марфе заставляет искать эту церковь там же, где находились еще две церкви, потом слившиеся в одну ц. Спаса на Болвановке, церкви, связанные с тем же именем старицы Марфы. Это «церковь Преображения Спасова на Красной царицыной и великой княгини слободе» и «церковь Георгия святого, что в Солодовниках, что был на Яру на Болвановке». В той же местности есть и церковь Троицы в Лужниках, построенная у тех лугов, на которых паслись коровы матери царя Михаила — названная в 1677 году очень любопытно: «ц[ерковь] Н[иколая] Ч[удотворца], в конюхах на Верченом»¹⁵.

Вторую группу древних названий московских церквей составляют такие названия, которые находятся и в книге 1677 года или в книге 1681 года, но отсутствуют в книге 1699 года, где те же церкви названы иначе. Среди таких любопытных древ[них] названий есть два, бывшие предметом моего особого доклада в археологическом отделе О.Л.Д.П. (Общество любителей духовного просвещения — *сост.*). Упомяну поэтому о них только кратко. Название «Симеона Дивногорца» в книгах 1677 и 1681 года соответствует названию ц. Н[иколая] Ч[удотворца], что на Покровке в Блинниках в книге 1699 года. Название «Ильи пророка, что под Сосенками» в 1677 и 1681 г. соответствует названию «Введения пресвятой Богородицы, что в Барапах», равно как и название «ц. Успения под Сосенками» есть древнее название церкви Воскресения в Барапах. Кроме этих трех церквей, к той же второй группе относятся следующие названия церквей.

1. «Премудрости Божии Софии, что на Ваганькове» упоминается в 1677 году. То же название есть и в 1681: «Премудрости слова Божия, что на Ваганькове». В книге 1699 ни такого названия, ни такой церкви нет. Надо думать, что это

та церковь, которая значится и в патриарших окладных книгах, и в Строельной 1657, и в списке 1690, но без обозначения «на Ваганькове», а только «что подле Земляного города», «за Никитскими воротами». Она числится вновь прибывшею по писцовым книгам 150 года¹⁶, а в 201 году значится снесенною, так как на ее месте построена каменная церковь Рождества в Кудрине, не значащаяся ни в одной из ружных книг. Любопытно название «на Ваганькове», хотя церковь находится как будто очень далеко и от нового, и старого Ваганькова. Искать объяснения можно в том, что первая церковь Николы в Новом Ваганькове, построенная для переведенцев из Старого Ваганькова, находилась гораздо ближе, чем теперь, к Кудрину. Она в 1677 году названа «ц[ерковь] Н[иколая] Ч[удотворца], что на Ваганькове, у государева нового двора», в 1681 — ц[ерковь] Н[иколая] Ч[удотворца], что на Ваганькове, у Псаренного Двора*. В патриарших окладных книгах она названа «что во Псарях» с обозначением «за Никитскими воротами» «за Земляным городом» (в 150 г.) и с указанием, что она в 183 году перенесена за Земляным городом на новое пустое место и приход к ней поселен. Следовательно, новое Ваганьково хотя и было всегда за Земляным городом, но первоначально находилось на другом месте, ближе к Никитским воротам, близко от нынешнего Рождества в Кудрине.

2. В 1677 г. значится «церковь Воскресения Христова хороших колокол». В 1681 она названа «ц[ерковь] В[оскресения] Х[ристов] хороших Колокольников». В 1699 году не значится ни одного названия, прямо соответствующего этому. Но это та же, конечно, церковь, про которую в Лебедевской летописи записано под 1560 годом: «того же лета, июля в 13 день в четверг, на собор Архистратига Гавриила загорелся на Москве за Неглинскою на Никитской улице храм Воскресение Христово у хороши колокольницы» (Моск[овские] церк[овные] вед[омости] 1897, 223, статья Страхова). Следовательно, это та церковь, которая теперь называется Воскресения на Вражке, которая, хотя и находится в Брюсовском переулке, но больше имеет права обозначаться «на Никитской», чем церковь Рождества в Кудрине — «на Ваганькове». Что прямого обозначения Воскресенской церкви нет в ружной 1699 года, объясняется легкой возможностью путаницы с церковью Малого, а потом и Большого Вознесения. Даже путеводитель 1913 года¹⁷ вследствие этой путаницы заставляет думать, что колокольня Большого Вознесения относится к 1548 году. Еще Карамзин под этим 1548 годом говорит о «Вознесении у хорошей колокольницы». Что обозначение «у хорошей колокольницы» относится к Воскресению, а не к Вознесению, доказывается совпадением известия от 1560 года с двукратным таковым же обозначением в ружных книгах. Но путала и даже ружная книга 1699 года. Церковь Вознесения «на Никитской» есть в 1677 и 1699, при чем здесь нет ц. Вознесения «за Никитскими воротами», каковая есть в 1681 с обозначением также «в Сторожах», причем обозначено только хлебное¹⁸: «попу и на просвиры хлеба 4 ч. без

* В 1699: ц. Н[иколая] Ч[удотворца] на Новом Ваганькове за Преснею.

четверика ржи, 2 ч. с осминою и пол-2 четверика овса». Следовательно, ошибка только в том, что в 1681 не умели назвать церковь Малого Вознесения, и Большое не было ружной. (В 1817 Малого Вознесения совсем нет, у Кондратьева¹⁹ — одно целое с Большим). В 1699 при названии ц. Вознесения Господня на Никитской обозначено то же денежное жалованье, что Воскресения в 1681 и то же хлебное, что в 1681 для «за Никитскими воротами». Таким образом, и к 1699 году руга не была отнята у Воскресения на Вражке, но обозначение этой руги скрывается в обозначении руги Малого Вознесения: при названии Малое Вознесение значит денежная руга Воскресенская, а хлебная — Мало-Вознесенская. (Руга Воскр. 1681: 3 р. 5 а[лтын] 3 д[еньги] также у М. Возн[есения] 1699), иначе сказать: в 1677 есть и М[алое] В[ознесение], и Воскресения на Вражке; в 1681 — Воскресения, и только хлебом Малое Вознесение, а в 1699: жалование Воскресения, хлебом Вознесение.

3. В 1677 году записана церковь Георгия в Сущеве после ц[ерквей] Успения и Леонтия на Вражке²⁰, перед Василием на Тверской²¹ и Николой в Гнездицах²². В 1681 году то же название помещено в конце списка, после церквей «за Земляным Городом», под №254. Надо объяснять так: название ставило в тупик даже подьячих 1681 года, вычеркнуть же его было нельзя за существованием недавних подписей в получении руги, вот и отложили в конец списка. Есть возможность разгадать загадочное название: в тексте 1677 упоминается: «... и по великой княгине иноке Марфе», а мы из исследования Н.А. Скворцова о церкви на Красной Горке²³ знаем, что мать царя Михаила выхлопотала увеличение руги для этой церкви. Это соображение подтверждается и местом названия в списке 1677 года, и тем, что в 1699 году есть название, не найденное в 1677 и 1681 годах: церкви влкмч. (великомученика — *сост.*) Георгия, что на Тверской против Моисеевской богадельни. Конечно, для церкви на Красной Горке в 1699 году не в первый раз выдавалась руга, следовательно, эта церковь должна быть в списках 1677 и 1681, хотя бы под другим названием. Любопытно, что в 1699 году показана руга не 2 р. 4 а[лтына] 1 д[еньга], как в 1677 и 1681, а 5 р. 25 алтын, т.е. та руга, которая выдавалась церкви Егория святого, что у Воскресения Высокого. Иначе сказать, когда причт приходил за ругой, подьячие в 1699 не могли отыскать в книгах, под каким именем выдавалась руга для Красной горки, и сочли таким именем ц. Егория, что у Воскресения Высокого, решив, что построенная в 1688 году кн. В.В. Голиц[ыным] церковь Пятницы в Охотном²⁴, где наверху — Воскресение, и есть Воскресение Высокое. А Голицынскую церковь подьячие не могли не знать и по самому храмоздателью, и по роскошной архитектуре этой церкви. Таким образом, «Сущевых» было в Москве не одно, а два: одно у Нового Воротникова, другое у Красной Горки (Красная Горка с 1619), потому «в Сущеве» древнее, и церковь очень старая.

4. В 1681 году нет обозначенной в 1677 году церкви Сергия святого, что в Новых Сторожах. Вместо этого названия в 1699 году есть ц. Сергия Чудотворца,

что на Петровке. Это та церковь, которая теперь называется «в Крапивках», в 1657 году обозначено «у Трубы», а в 1690 — в Старых Серебренниках. Следовательно, название «Сторожей» существовало не только для местности Большого Вознесения, но и для «Крапивок». Кстати, надо заметить, что нынешнее здание этой церкви не новое, с характером постройки XIX века, как указано в Путеводителе 1913 года²⁵. К перестройке 1749 года мало отнести колокольню и восьмигранный купол, а расширенный четырехугольник под куполом уже тем, что он расширенный, свидетельствует, что он сохранился от постройки 1678 г. (по [нрзб] 1722 года); одностолбная трапезная тоже, по-видимому, древнее 1749 года, напоминая характером постройки трапезную Рождества в Путинках.

5. В 1677 и 1681 церковь Николая Чудотворца в Хамовниках обозначена «у митрополичьих конюшен», с ругою попу, дякону, просвирнице 3 р. 6 а[лтын] 2 д[еньги]. Обозначение, очень много говорящее. Там была земля Чудова монастыря, и теперь там есть улица Чудовская²⁶. Церковь, стало быть, существовала до патриаршеских времен, до 1589 г. и даже, можно думать, основана Митрополитом Алексием²⁷, при котором Чудов монастырь был нераздельным с митрополичьей кафедрой.

Затем отметим случаи, когда вполне понятная церковь обозначена в ружных 1677 и 1681 так, как она нигде больше не обозначалась.

1. Николая Чудотворца в Пушкарской слободе. Уже с переписи 1620 года эта церковь называется «Преображение Спасово». Следовательно, древнейший престол был именно Никольский, и церковь основана задолго до 1620 года.

2. Ц. Троицы в Сыромятниках названа церковью Агапия Святого. Придел этого имени упоминается по записи о ставленниках в 1649 г., почему и можно догадаться, о какой церкви идет речь. Следовательно, первоначальный престол был св. Агапия, а не Троицы.

3. Охотнорядская церковь (Параскевы Пятницы — *сост.*) названа загадочным именем: «ц. Пятницы у Быдаревы».

4. На Поварской церковь названа «ц. Бориса и Глеба²⁸, что у Карцева».

5. Ц. Воскресения Старого и в 1677, и в 1681 названа «на Дуровом огороде».

6. На Арбатской площади церковь названа: «ц. Николая чудотворца, что на Арбате», т.е. в теперешней церкви св. Тихона²⁹ Никольский престол надо считать древнее, чем Тихоновский по времени основания. Нынешняя церковь Николая чудотворца на Арбате³⁰ названа «ц. Николая Чудотворца Новые Прощи из-за Арбатских ворот», очевидно, в отличие от Николы Явленного Старые Прощи, которая названа так: «ц. Похвалы Преч[истой] Б[огороди]цы, что у Москвы реки, на берегу реки, за старым дровяным двором, да в приделе Николая чуд. Явленного».

7. Ц. Рождества Христова, что у Мисюревы мельницы. Есть в 1677, в 1699 обозначена «ц. Рождества Христова за Тверскими вороты». Странное название

сделало то, что дьяки в 1681 году пропустили вовсе эту церковь. Теперь называется «Рождества в Палашах»³¹.

8. В 1677: ц. Саввы св., в патриаршее село Баде. Церковь понятна, но местность названа исключительно непонятным образом.

9. В 1677: ц. Григория святого, что в Морозове слободе. Это Григория Нео-кесарийского. Пропущено в 1681 по непонятности названия, есть в 1699.

10. В 1677 г. обозначена церковь Петра святого в Холстове. Точно так же в 1681. В 1699 обозначена иначе: «ц. П[етра] и П[авла] в Голутвиной». Эта церковь находится на Якиманке³². «В Холстове» надо считать опиской, вместо «в Хвостове», как эта церковь обозначена в патриарших окладных книгах за 1625 год. Следовательно, хоть и с опиской, но ружные книги подтверждают важность названия в Хвостове. Название знаменательное: оно относит основание этой церкви к XIV веку, именно оно дало нам повод к такому объяснению Иоакимфовой церкви. Которое приведено выше. В завещании Димитрия Донского упоминается «село Хвостовское у города, луг великий за рекою» ([нрзб] Т. 1. №34). И в завещании Вас[илия] I (1408) есть «сельце Хвостовское у города и с луги, что к нему потягло». В завещании 1423 г. «Хвостовское сельцо да луг великий у города у Москвы за рекою». В завещании 1462: «сельцо Хвостовское у города у Москвы» «с дворы городскими, что к нему потягло». Село это было отобрано Симеоном Гордым у боярина Алексея Петровича Хвоста, следовательно, церковь Петра и Павла, названная, вероятно, по имени отца этого Хвоста, восходит ко времени Ивана Калиты*.

11. Ц. Николы в Толмачах и в 1677, и в 1681 названа ц. Иоанна Предтечи Ясовой. По книгам Патриаршего приказа числится уже только придел Иоанна Предтечи, но тоже 1 раз (185 год) с обозначением «Ясовой». В 1699 г. церковь названа «Сошествие св. Духа в Толмачах». Название «Ясовой» непонятно даже в грамматическом смысле. Ход событий ясен: сначала был один престол Иоанна Предтечи, потом явился второй Николая Чудотворца, и церковь стала называться по этому, второму, более популярному имени. В 1697 г. построена каменная церковь, престола Предтечи уже не было, а официальные книги стали называть церковь по главному престолу. Совершенно ясная и доказанная история смены названий именно этой церкви облегчает нам понимание, как вместо названия Симеона Дивногорца явилось название Казанской в Блинниках, и как вместо названия Успения под Сосенками явилось название Воскресения в Барашихах.

12. В 1677 значится церковь «Николая чудотворца у Русанина двора красных колокольников» В 1681 г. — то же название с видоизменением «у Русалнина двора». Эта церковь в 1699 названа «ц. Живоначальной Троицы, что в Берсеневских Садовниках, с одним и тем же причтом во всех трех записях и с тою же ругой: попу, дьяку, просвирнице 3 р. 6 ал[тын] 1 д[еньга] Значит, раньше Аверкия

* Сведения о Хвостове взяты из бумаг покойного М.С. Боголюбского.

Кириллова здесь владел двором какой-то Русана, а церковь отличалась хорошими колоколами.

Я привел все те древние названия церквей в ружных книгах, которые обратили на себя мое внимание своею необычностью и непонятностью и еще более тем, что эти названия не объяснены, а иногда даже не упомянуты в известных мне сочинениях о московских церквах. Моя попытка понять и объяснить эти названия может оказаться кое в чем ошибочной. Но было бы приятно видеть, что на данный предмет обращено внимание, и древняя история московских церквей становится все более и более ясной в своих подробностях.

О НЕКОТОРЫХ СТЕСНЕНИЯХ ЦЕРКОВНОГО БЫТА В МОСКВЕ ПРИ ПЕТРЕ I

*доклад на 79-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
16 октября 1919 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 38. Д. 32. Л. 1—7об.; архивное дело)

Рукописный текст, черные чернила, с правкой и пометками. Листы сдвоенные, большеформатные, двухсторонние, сшиты в блок.

Посещая московские церкви в настоящее время и обращая в них внимание на археологические предметы, можно вывести заключение, что церкви эти не так богаты стариной, как можно было бы ожидать, судя по исключительной преданности церкви и ее обрядам, бывшей у московского населения в XVI и XVII веках, и даже не так богаты, как церкви некоторых второстепенных городов, как, например, Ростов, Ярославль, и городов северной России. Археологических предметов сохранилось не очень много потому, что было нечто вроде гонения на старую Россию и на церковную археологию, были стеснения именно для открытой преданности церкви и ее обрядам, и эти стеснения имели в виду, главным образом, Москву, старую Москву с ее некогда богатейшим материалом по древнему, очень развитому и очень художественному церковному искусству. Стеснения эти начались со времени Петра I, созданы были указами личными его самого или других правительственных органов, действовавших в его духе. Создание правительственных гонений на московскую археологию воспринято было значительною частью так называемого образованного общества, и среди разных течений, существовавших одновременно в правительстве и в обществе в продолжение двух сотен лет, течение, враждебное старому московскому церковному быту, было одним из очень сильных и захватывало все

более и более широкие массы населения, в результате чего явилось как бы опустошение в археологическом смысле города и храмов.

В настоящем докладе имеется в виду обратить внимание на начало упоминаемых стеснений, начало, положенное Петром, между прочим, потому что история этого начала мало разработана, значение этой истории мало распространено, а основной источник этой истории, архив Святейшего Синода, хотя и описанный подробно и научно в 1878 году, оказывается или просто замолчанным в силу указанной враждебности, или остается непонятым за отсутствием ясного представления о старой Москве, как с ее улицами и домами, так, особенно, с ее церквями, часовнями и стенами, на которых висели и висят образа. Рассмотрим отдельные стороны церковного быта при Петре I, именно скажем: 1) о колоколах, 2) о могилах, 3) о часовнях, 4) о постройках церквей, 5) о домовых церквях, 6) о фонарях при образах на стенах и воротах.

1. О колоколах

В настоящее время на московских колокольнях почти нет колоколов XVII века, хотя тогда выливали колокола очень художественно, напр[имер], колокол 1695 года в 200 пудов на Новоспасской колокольне, изящно орнаментированный. Почему их нет? Ведь, что их было много, видно хотя бы из того, что при церквях с XVI в., как правило, [нрзб] «и каменные колокольни». Распространено утверждение, будто Петр I «не пожалел» даже колоколов, когда надо было спасать Россию от Карла XII. Это ходячее мнение уже само по себе не выдерживает критики, так как является вопрос, почему же он пожалел Царь-Пушку и другие старые пушки, до сих пор сохраняющиеся в Кремле; ведь под Полтавой у Петра было только около 30 пушек, а у Карла только 8, т.е. пушек тогда было нужно так немного, да и при том, таких небольших, что для всей артиллерии, может быть, было достаточно ограничиться медью одной Царь-Пушки. Рассмотрение распоряжений о колоколах освещает вопрос совсем иначе. Есть такой указ, изданный после войны и свидетельствующий о стеснении для любви москвичей к колоколам. №256: О запрещении монастырям на их деньги не только вновь лить колокола, но и переливать старые и разбитые. 23 февраля 1722 года³³: «Во всех Всероссийского государства монастырях колоколов вновь из казны монастырской не делать, и старых и ежели где есть разбитых, то и тех разбитых без повелительного указу из Св. Синода не переделывать, и в строение этих колоколов через собирателей прошаков денег и прочего не собирать и нигде не просить, а ежели кто вкладчики будут в те монастыри колокола или иное что давать, и то принимать не запрещается, только тому иметь записку именную кто что подаст. А где ныне обретаются старые разбитые колокола, о том для ведома в Св. Синод присылать доношения за руками настоятельскими, а ежели же кто из вкладчиков и прочих пожелают (где те разбитые колокола есть) своим иждивением перелить, и о том требовать указу из Св. Синода».

Указ свидетельствует, что меры против колокольного звона принимались во все не для военных надобностей. И если церкви и монастыри по другим более ранним указам уменьшали вес своих колоколов, вследствие чего погибло много древних колоколов, то это было только намеренным стеснением для создавшегося раньше московского вида стремлений к церковному благочестию.

По одному из прежних указов, напр[имер], Во Владимирском Успенском монастыре 1701 года 28 февр. отобрана на пушечный двор четвертая часть «в пушечное и матерное (? — *сост.*) литье» два колокола 53 пудов, которые взяты в 1701 году. По другому, в 1710 году, из Данилова взято 57 п[удов] 10 ф[унтов], кроме тех 73 пудов, которые взяты в 1701 году. Донской то же, в 1710 г. по четвертой доле оставшегося весу. Любопытно, что нужно было [нрзб] и деньгами, по 4 р. 50 к. за пуд, чем и можно, напр[имер], объяснить, что в Симонове м[онасты]ре колокола сохранились³⁴.

2. О могилах

В Москве, в общем, покойников погребали при приходских церквях до 1771 года, когда устроены нынешние 8 общих кладбищ³⁵. Кое-где остались и надгробные памятники на дворах около церквей, напр[имер], у Спиридона³⁶, у Риз-Положения, в Кадашах у К[осмы] и Д[амиана]³⁷ и у Пятницы на Пятницкой³⁸. Но сохранившиеся — все XVIII века, XVII же нет. Могут ввести в заблуждение вставленные в стены церквей памятные плиты, датированные иногда даже XVII веком: как будто до XVIII века и не было могильных памятников. Объяснение заключается в следующем Указе 12 апреля 1722 года: «Обретающиеся в Москве и в городах, у приходских церквей, также и в монастырях, положенные над гробами погребенных тамо человеческих телес камни, неуравнительно с землею лежащие, окопав опустить в землю, дабы с положением места лежали равно, а вырезанные на краях оных камней о тех погребенных известия позволить вырезать на поверхностях тех камней, а к надлежащему уравниению неудобовместные употребить в церковное строение и выдать тех камней святым церквям от того неуравненного положения безобразие наносящих и регулярному важному в церемониальном высокочестные персон погребении провождающему строго за неумещением от тех камней места препятствующим, не класть»³⁹.

От такого указа, употребившего слово «безобразие», и указа, удивительно распространенного даже на все сельские церкви, напр[имер], на ц[еркви] Старой Рузы, где трудно было находить «церемониальные высокочестные персон погребения», исчезли весьма важные, а, может быть, и очень художественные памятники многим-многим москвичам, даже из числа занесших свои имена в историю. Не найдено даже памятников над могилами бояр Романовых, погребавшихся до 1497 года при Георгиевском монастыре на Дмитровке⁴⁰. Только в редких случаях в стенах церквей оказывается надпись на плите, перенесенная с убранных древних памятников.

Запрещение ставить памятники, должно быть, весьма тяжело отозвалось в сердцах высоко чтивших своих родителей и своих предков москвичей. Надписи на стенах церквей являются как бы стремлением обойти закон [нрзб]⁴¹.

3. О часовнях и о фонарях⁴²

Указом 16 января 1722 года предписано было Московскому Приказу церковных дел взять в приказ все фонари со свечами, какие найдутся в Москве на воротах и в других местах в Кремле городе и около Кремля и сделать допрос приставленным к ним лицам. Ворот было много, но были представлены только 4 фонаря и приведены два лица.

Четыре фонаря у образа Богородицы, от Спасских ворот, что внутри города, у образа Печерской Божией Матери, что у Е[го] И[мператорского] В[еличества] на Сениях, у образа Благовещения, что на Житном дворе, у образа Знамения Богородицы, что на Старом Каменном мосту. Для допроса им в Приказе взяты только двое... с житного двора и с каменного мосту⁴³.

После чего последовал новый указ 30 января/9 февраля 1727 г.: «осмотрев и описав фонари, стоящие в... городе перед образами, составить “обстоятельные и прежние (? — *сост.*) выписки” о том, в которых годах свечи кто ставит имяны (? — *сост.*) и по каким указам». 22 февраля были доставлены выписки о фонарях: они оказались в 26 местах, из которых 10 — те самые, где фонари стоят и ныне, по крайней мере, висели и в самое последнее время, остальные были пред теми воротами, которых теперь уже нет. С делом о фонарях пока не стали спешить, хотя в начале дела было приказано снять фонари, а людей, ими заведовавших, сделать как бы подследственными. По-видимому, первоначальная решительность сменилась осторожностью вследствие сильной оппозиции со стороны населения. Так, при описи фонаря у Покровских ворот человек, продававший свечи «не сказал» своего имени описывавшему фонари священнику Павлову. Когда последний повел его в Приказ с собою, то Преображенского полку солдаты отбили его у Павлова. Трудно было считать фонари у образов при воротах, когда тут стояли караулы из солдат, как это значится в 6 местах, причем эти караульные «в ночное время зажигают и лампаду у образа». Самая незначительность числа (4) конфискованных фонарей первой попытки надо объяснять потому именно наличием этих караульных солдат.

Некоторая неудача затеянного дела о фонарях отразилась на действиях против часовен. Сначала была сделана перепись часовен. Указом 31 декабря 1721 года велено было, «где есть в Москве от монастырей и приходских церквей часовни каменные и деревянные переписать из Духовного Приказа, со взятием тех монастырей у властей ведомостей, а у церквей священнических сказов, давольно которая часовня построена и по какому указу, и сборы которые собираются в тех часовнях, куда отдаются, и по чему в котором году в которых часовнях какого подаяния сбиралось». 13 февраля подана была из Духовного Приказа

исторически драгоценная (?— *сост.*) опись московских часовен. Их оказалось очень немного (40), почему и удивительно, что даже такое число кому-то мозолило глаза и вызывало враждебное чувство. В настоящее время число часовен почти то же, именно 42, но некоторые, тогда бывшие, перестали существовать, другие, новые, явились. Из нынешних тогда существовало 20, а другие двадцать почти все тогда же были устроены временные для сбора подаяния на время построения новых часовен, или же были часовнями как несуществующих монастырей, напр[имер], Воздвиженского.

После получения сведений о часовнях состоялся о них и о фонарях указ, очень любопытный по своему содержанию и легко доступный критике. Вот его текст: «28 марта 1722 года Св. Синод имел советный разговор о бесполезном и слову Божию несогласном обычае, который начался и утвердился от невежд и бесполезных вымыслов некоторых лиц духовных в точном употреблении, что пред святыми иконами, вне церкви стоящими (которые на внешних церковных стенах и над градскими вороты поставлены или написаны, поклонения ради мимоходящих христиан), возжигаются ночью и днем свечи и без всякого молитвословия, некоторые невежды, оставивши посвященные молитвенные храмы и в них святые иконы, призывают пред те внешние иконы невежд священников и молебствуют на распутиях и торжищах, где всегдашнее всенародное бывает собрание. При том же дошло рассуждение и о построенных близ церквей и на торжищах, на перекрестках и в селах и в других местах часовнях, которым быть отнюдь не надлежит, понеже во градах и селах обретаются, и кроме часовен, довольно церквей для славословия Божьего имени правильно созданных и посвященных. И о сем вышеозначенном Св. Синод, рассуждая, согласно приговорили: пред вышеупомянутыми вне церкви иконами на сонмищах⁴⁴ и стогнах⁴⁵ молебны невеждами отправляемые и свещевозжение, тамо безвременно и без потребы бываемые, весьма возбранить; также бы и часовен отныне в городах и в селах и в деревнях и в других местах за вышеобъявленными важными причинами не строить; а которые донныне построены, деревянные разобрать, а каменные употребить на иные потребы тем, кто оные построил; а обретающиеся в тех часовнях иконы и книги и прочее, описав, отдать в те монастыри и церкви, в чьих приходах и ведениях они обретаются; срок же оному часовен разобранию полагается в каждом месте от получения сего указу на неделю; а ежели кто в срочное время оных не разберет, то по прошествии того срока разобраны и материалы их проданы будут от Синода»⁴⁶.

Если распоряжение о снятии фонарей и даже об описании их в феврале 1722 года исполнить было нелегко, то указ о закрытии часовен тем более не мог быть в точности исполнен в скором времени. Вследствие этого далеко после недельного срока, именно 24 октября 1722 же года состоялось распоряжение послать особых посыльщиков для разобранья и закрытия часовен. По городу Москве донесение об исполнении представили разные нарочные посыльные,

между прочими, например, Приказа церковных дел подъячий Степан Васильев с десяткими и с солдаты. 12 ноября 1722 года. Осмотр производили разными отрядами 15 ноября, 16 ноября, 27 ноября, 1 декабря, 2, 8 декабря. В донесении указано, в каком именно состоянии нарочные посыльщики нашли каждую из прежде бывших московских часовен. Приведем дословно донесение об особом и ныне чтимых часовнях:

1. О часовне Спаса Москворецкого⁴⁷: «в Китайском сороке у Москворецких ворот часовня каменная, верх сломан, а в ней торгует города Глухова черкашенин Григорий Константинов бузою, а отдана в наем из Соловецкой пустыни».

2. О часовне Ник[олая] Чуд[отворца] на Никольской⁴⁸: «У Никольского греческого монастыря, что за иконным рядом, часовня была каменная, а ныне отдана из того монастыря в наем армянину для брадобрития»...

3. Об Иверской часовне: «У Воскресенских ворот, что была часовня каменная Николая Угreshского монастыря, отдана из найма яблоснику Ивану Тимофееву».

4. За Яузскими воротами часовня деревянная у Таганск. (? — *сост.*) ворот, а в ней торгует бузою Таганной слободы Павел Петров.

5. Часовня каменная убогого дома, а в ней торгует калачами гостиного двора отставной сторож Матвей Прокофьев.

6. Часовня каменная близ Андроньева монастыря («Проща — *сост.*); а в ней торгует того же Андроньева монастыря крестьянский сын Федор Васильев калачами.

Любопытно, что донесения посыльщиков составлены весьма тщательно: упомянуты такие строения, которые в прежде составленном «историческом» списке часовен не включены в число часовен; при этом упомянуто и о снятии образов, находившихся при городских воротах или на стенах, а именно:

1. У Никитских проезжих ворот по Китаю, что был у богадельни киот, и тот киот по прошлой описи снят, а образ взят в церковь Владимирской Богородицы.

2. В Новой слободе, что на Дмитровке за Земляным городом, в мясном ряду стоит киот, и тот киот разобран.

3. В Тверской ямской слободе за Земляным городом в лесном ряду был киот у караулен на стенах, и тот киот разобран же.

Часовни были восстановлены при Петре II — 25 июня 1727 года, но при первой возможности, именно при Анне Иоанновне (1730—1740 гг. — *сост.*), Феофан Прокопович⁴⁹ вновь принял меры против часовен. 10 июня 1734 года было объявлено, что «старые часовни, которые ныне где имеются, и те оставить в прежнем состоянии», а вновь часовен отнюдь строить не повелено, при чем сделали ссылку на указ, изданный самим Петром I еще в 1707 году, ноября 25.

Вследствие всего этого гонения на часовни, нынешние московские часовни [нрзб] резко на две половины: 1) часовни, существовавшие до 1722 года, и 2) часовни, созданные в самом недавнем времени.

4. О постройке церквей

Стеснения для постройки деревянных церквей в Москве были сделаны Петром I еще в 1701 году по случаю бывшего тогда в Кремле пожара. Но в Москве тогда уже деревянных церквей и не строили: конец XVII и начало XVIII века — это время усиленного строительства каменных церквей, как совсем новых, так, особенно, в замену прежним деревянным или обветшавшим каменным. Средним числом в два последних десятилетия XVII века и первое XVIII-го явилось в год по 4 новых церкви, из числа сохранившихся доныне. Но вот 9 октября 1714 года вышел указ, заслуживающий дословного без пропусков приведения его текста. П.С.З. (Полное собрание законов — *сост.*) т. V №2848 от 9 окт. 1714 года. Стр.126: Именной, объявленный из Сената. О запрещении на несколько лет строить во всем государстве каменные дома — «Великий Государь указал объявить свой царского величества указ всех чинов людям: понеже здесь каменные строения зело медленно строятся, от того что каменщиков и прочих художников того дела трудно и за добровольную цену, того ради запрещается во всем государстве на несколько лет (пока здесь удовольствуются строением), всякое каменное строение, какого б имени ни было, под разорением всего имения и ссылкой; и сей указ объявить во всех городах и уездах С. Петербургской губернии, кроме здешнего места, дабы неведением никто не отговаривался». Указ опять весьма легко раскритиковать, но сейчас нам важно отметить слова «какого б имени ни было». Законодатель предвидел, что действие указа почти исключительно коснется церквей, и заранее устраняет сомнение в своем неуважении к храмам Божиим. Закон был отменен около 1730 года, но в своем применении к церквам был несколько смягчен 16 января 1721 года. В выданном из Сената в Синод 4 июня 1722 году значится: «По докладу в Сенате Е[го] И[мператорскому] Величеству в прошлом 1721 году генваря 16 дня, написано: «именным де указом во всех губерниях всем каменное строение строить запрещено, ныне же разных городов архиереи и прочие духовного и мирского чина люди бьют челом о церковном каменном строении: одни, что вновь стены выведены, а не достроены, припасы заготовлены, другие, что строить не начаты, а припасы заготовлены же — чтобы достроить». Над оным подписано собственною Е. И. В. рукою тако: «Достраивать с верным свидетельством и подписанием губернаторов или воевод, что подлинно не вновь». А прошедшего мая 11 дня сего 722 году всех пресветлейший державнейший Петр Великий [нрзб], будучи в Сенате, указал, «в городех каменные церкви старые починивать, тако же, где ныне нужда будет требовать, и вновь строить позволить, токмо по рассмотрению Св. Синода». Таким образом, с 9 октября 1714 года по января 16 1721 года нельзя было достраивать церквей, а до 11 мая 1722 г. нельзя было чинить старые церкви. Для построения же новых церквей даже дольше остается в силе то ограничение, что дело должно восходить (?— *сост.*) на усмотрение центральной церковной власти.

Указ 9 октября 1714 года резко отразился на жизни Москвы, усиленная стройка церквей сразу обрывается на 8 лет, после чего вновь строившиеся церкви отличаются уже совсем не тем стилем и не тою роскошью изящной архитектурной отделки, какая свойственна церквам до 1714 года. Задержаны же были постройкой в Москве следующие, начатые до 1714 года ныне существующие, здания церквей: Петра и Павла на Новой Басманной — освящена в 1723 году, Петра и Павла на Якиманке⁵⁰ освящена в 1738 году, Спаса в Наливках⁵¹ — освящена в 1738 году, Варсонофьевская⁵² — в 1730, Вознесенская на Серпуховке — в 1762, Предтечи на Пресне — в 1734, Николы в Греческом монастыре⁵³ — в 1724, Успения в Кожевниках — в 1724⁵⁴, Космы и Дамиана в Шубине — в 1723, Тихвинской в Лужниках⁵⁵ — в 1762, Воздвижения на Воздвиженке⁵⁶.

5. О домовых церквях

1722 года апреля 12-го состоялся такой указ: «Обретающиеся в Москве у знатных персон в домах церкви весьма упразднить, дабы ходили господа (како духовным регламентом определено) к церквам приходским, а ежели которые престарелые персоны до церкви ходить не могут, а литургии слушать требуют, тем иметь с благословения синодального в собственных палатах антиминсы с потребным к священнослужению убранством, токмо в верхи этих палат никакой от прочих отметки не иметь, и в прочее время по отсутствию или по преставлении тех первых, когда антиминсы имеют быть к Синоду взяты, были бы оные палаты к домовому употреблению свободны, а прочие в Москве обретающиеся церкви переписать обстоятельно, с показанием строения лет и приходских дворов числа и расположения от церкви до церкви места и со изъяснением причин, обстоятельств, и, переписав, учинить о излишних свыше потребы построенных рассмотрение в Синоде»⁵⁷. Указ опять такой, который легко критиковать. Мы отметим сейчас только ту сторону дела, которая касается устранения внешней видимости церкви там, где она есть, а также и того обстоятельства, что было объявлено о предстоящем уменьшении числа и приходских церквей, и именно церквей, а не только причтов.

Во исполнение означенного указа в Москве запечатаны были существовавшие прежде домовые церкви. Список им был составлен, он напечатан в том же «Описании документов и дел Архива Св. Синода», т. II, ч. I. Оказывается, что домовых церквей было совсем немного, так это опять является удивление, что и такое число дом[овых] церквей кому-то мозолило глаза. Дело тем более удивительное, что самые церкви эти мало чем отличались от приходских. Домовых церквей было всего 17, из них до сих пор существуют следующие:

1. Господ Александра да Ивана Львовичев Нарышкиных в Белом городе церковь Святой мученицы Ирины⁵⁸.
2. Подполковника Александра да капитана Михаила Петровичев Салтыковых церковь Успения Богородицы⁵⁹.
3. Вдовы Анны Борисовны Головиной церковь Казанской Богородицы⁶⁰.

По этим сохранившимся домовым церквям можно судить, что и остальные 14 были изящными архитектурными сооружениями; запечатание, конечно, повлияло на судьбу их весьма губительно, о чем археологи старой Москвы могут только пожалеть.

Ограничений числа приходских церквей в Москве сделано не было, так как список им был представлен только 19 ноября 1723 года, а Петр I скончался в начале 1725, не успев, следовательно, запечатать или разрушить церкви. Из дела о приходских церквях вышло только хорошее: мы имеем прекрасный список московских церквей 1723 года, имеющий значение важного и достоверного первоисточника по вопросу о времени построения московских храмов.

Перечисленные пока виды стеснений можно дополнить упоминанием о других распоряжениях, близких по своему содержанию к изложенным.

В 1699 году отменена руга для всех приходских церквей с обозначением, как должны без руги жить причты, именно: «пусть кормятся подаванием».

В 1714 закрыты были мастерские палаты при Московской Оружейной палате, причем иконописцы и зодчие должны были переехать в Петроград (так в тексте — *сост.*) и там учиться у немецких учителей работать по-новому. Запрещено было ходить с образами по улицам от церквей в дома прихожан 21 февраля 1722 года⁶¹.

Издано было ограничение и для погребения почивших при церквях приходских, за исключением знатных персон. 10 октября 1723 г.⁶² Запрещены домовые [храмы] в вотчинах — 1723, марта 11⁶³. Запрещено было делать дубовые гробы, так как дуб ценное дерево, 14 ноября⁶⁴ 1723 г. Сняты привески с образов 20 апреля 1722 г.⁶⁵

Во всех этих стеснительных для прежнего церков. быта распоряжениях важно отметить одно им обще свойство: старались уменьшить количество и силу внешних (подчеркнуто в тексте — *сост.*) проявлений церковной жизни. Законодателю неприятно было, что в Москве так много было внешних материальных примеров преданности народа своему церковному укладу жизни, и он, как бы не решаясь запрещать самую преданность, стремился сделать так, чтобы снаружи, по возможности, было не видеть и не слышать о том, чем полна была жизнь города Москвы до Петра. Неискренность мотивировки распоряжений тоже заметна везде, но особенно поражает в законе 9 октября 1714 года: ведь каменщики из Астрахани или Тобольска добровольно не пойдут в Петербург искать заработка по каменным делам, если таких нет, они займутся у себя дома другим трудом.

Но нелегко было открыто сказать, что нельзя строить больше церквей, и выдвигается непонятная мотивировка. Равным образом и в распоряжении о запрете часовен есть ссылка на то, что церквей очень много, а между тем их было только 14000 слишком, да и те преимущественно в городах, между тем, как было бы совершенно естественно, чтобы каждая деревня могла иметь свою часовню, так как до сельской церкви часто бывает и десять и больше верст расстояния.

Заканчивая свой доклад, скажу еще, что я имею ввиду сопоставление нескольких запрещений касательно церковного быта, так как именно при сопоставлении указов, их смысла и рисуется очень определенная картина положения дел при Петре I.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ НИКОЛЫ НА ПОКРОВКЕ

сообщение по итогам осмотра памятника на 80-м заседании

Комиссии по изучению Старой Москвы

23 октября 1919 г. (в Доме МАО на Берсеневке)

(К. 38. Д. 30. Л. 1—2об.; архивное дело)

Рукописный текст, черные чернила, с правкой, с автографом. Листы большеформатные, сдвоенные, двухсторонние. Приложены копии архивных документов.

Церковь, ее разные помещения и предметы, находящиеся в церкви, показывал священник Мечев⁶⁶.

Исторические сведения о церкви выяснились следующие. Она была первоначально построена деревянная, обетная, в 1468 году, по случаю прекращения пожара, грозившего гибелью кремлевским зданиям. Пожар кончился 24 мая на день памяти св. Симеона Дивногорца; поэтому и церковь была названа именем этого святого. С тем же именем церковь упомянута под 1547 годом и в ружных книгах 1677 и 1681 годов. Но уже с переписи 1620 года входит в употребление другое название — Николая Чудотворца, а с 1690 года третье — Казанской Божией Матери. За отсутствием в книгах Патриаршего приказа названия Симеона Дивногорца, надо думать, что престол этого имени в 1625 году уже не существовал, был только один Никольский, к которому в конце XVII века прибавился Казанский. Строельная книга 1657 года дает понять, что к этому году построена каменная церковь, но что и деревянная еще сохранялась. В 1701 году церковь Николая Чудотворца в Клиниках названа новопостроенною, в записи о выдаче к ней антиминса.

Наружный осмотр церкви членами Комиссии дал следующие результаты. На южной стороне главной церкви выяснились два признака, указывающие на время около конца XVII века, именно: 1) под крышею проведен как бы карниз, состоящий из зубчиков, образованных кирпичами, поставленными углами вперед; 2) на штукатурке около окон второго света ясно обнаруживаются следы когда-то бывшего обрамления, причем надоконные фронтоны имели форму определенно треугольную, однако с поднятием боковых наличников под фронтонами с обеих сторон. Третье замеченное обстоятельство, рустовка нижней части пилястр, могло бы вносить некоторое сомнение о принадлежности этой части здания к XVII, а не к XVIII веку, но не доказано, что подобная же

рустовка, замечаемая на некоторых частях Потешного Дворца (в Кремле — *сост.*) и на Спасской церкви Симонова монастыря⁶⁷, относится не ко времени царя Федора Алексеевича. Кроме того, рустовка могла быть сделана впоследствии.

Восточная сторона здания представляет собою две двусветные алтарные абсиды, южная побольше, северная поменьше по своим размерам. Определенно выяснилось, что эти абсиды разновременные: 1) верхний карниз южной абсиды состоит из одного полукруглого жгута, а в северной — из жгута еще с двумя обломами; 2) кирпичи обеих абсид разные, северные гораздо крупнее, потому древнее. В северной абсиде замечена некоторая неправильность: верхняя ее часть как бы шире нижнего света, как бы выдалась несколько на север от линии нижней части, что дает впечатление о том, что верхняя часть была надстроена над более древней нижней.

То же впечатление дает северный фасад церкви: его верхний свет отделен от нижнего карнизом. Обращено было внимание на то, что этот карниз не представляет собою одной непрерывной линии, но в части, близкой к алтарю, несколько приподнят. Это обстоятельство разъяснилось, когда члены комиссии вошли внутрь помещения нижнего яруса церкви, ее северной половины. Помещение оказалось ничем иным, как прежде бывшею церковью, с ее алтарем и трапезной и ясно выраженной главной частью, своды которой более приподняты, чем своды алтаря и трапезной. Алтарь от главной части отделен многоцентральной аркой, в которой, надо полагать, помещался иконостас с царскими и северными вратами. Трапезная имеет коробовый свод, ось которого идет с севера на юг. Позднейшие переделки, особенно помещение в толще стены печки, затемняют несколько понимание того, как именно сообщались трапезная с главной частью, сколько и каких было тут дверей или арок. Нижний этаж идет и далее на запад от трапезной, причем не заметно, чтобы эта западная часть была позднейшею пристройкою; можно подумать, что она с самого начала имела то же назначение, какое имеет и сейчас, т.е. представляла собою жилые помещения для причта.

По выяснении, таким образом, того обстоятельства, что древнейшею частью всего здания надо считать нижний этаж его северной половины, представлявший собою в свое время отдельную церковь, над которою позднее надстроили верхний этаж, и к которой еще позднее пристроили зараз всю южную половину с ее обоими этажами, члены комиссии обменялись впечатлениями о колокольне. Она явно относится по своему стилю совсем к другому времени, чем прочие части здания, гораздо позднее их: некоторая разукрашенность колокольни, особенно коринфская капитель пилястров делает наиболее вероятным, что она относится к XVIII веку, но не к концу его, а приблизительно к 70-м годам. Глава на колокольне совсем не такая, как на церкви; последняя чисто барочная, в духе подобных глав XIX века, потому может быть отнесена к 1853 году, когда церковь имела общее значительное обновление.

Далее члены Комиссии осматривали нижнее помещение под южную половину здания. Это помещение, в настоящее время жилое, в точности повторяет собою план находящейся под нею Казанской церкви; в нем так же определенно означены алтарь, главная часть и трапезная. В стене, отделяющей главную часть от алтарной, можно усмотреть три бывших прохода, из которых один сохранился, средний занят печью, северный обращен в шкаф. Однако нет никаких известий, чтобы в XVII веке и позднее в церкви был какой-либо третий престол. Помещение представляет собою только подклет, подобный подклету церкви Троицы в Никитниках, последний очень хорошо приноворен, чтобы устроить в нем церковь, однако церковь в нем устроили только с 1904 года. Помещение под Казанской церковью отличается от помещения под Никольскою тем, что в первое — вход с востока, что противоречит предположению, будто предполагалась здесь устроить алтарь, и тем, что во втором главная часть приподнята над алтарем и трапезной, что свидетельствует о самостоятельном существовании нижней Никольской церкви, без ее верхнего этажа. В Казанском подклете члены Комиссии обратили внимание на изразцы одной из печек, с травным орнаментом внутри ромба синего цвета, а также на принадлежащие обитателям подклета старые образа и старые книги*, и те, и другие, однако, не представляют особого чего-либо очень замечательного.

Затем члены Комиссии поднялись наверх внутрь церкви. Обстановка как главной, Казанской, части, так и Никольского придела оказалась поздняя, конца XIX века, и только отдельные предметы, показанные священником Мечевым, заслуживают внимания со стороны археологов. К ним относятся: 1) напрестольный восьмиконечный крест, помеченный 1726 годом; 2) синодик с гравюрами начала XVIII века с рядом имен государей, первоначально заканчивавшийся Анной Ивановной** (1730—1740 гг. — *сост.*), 3) икона архангела Михаила, небольшая, 6х8, середины XVII века, московских писем, с выемкою, без ризы; 4) икона Феодоровской Божией Матери, в алтаре главного храма начала XVIII века, с древним венчиком, старым окладом, новою ризой и новейшими эмалевыми украшениями при венчике и на углах оклада.

Взобравшись на колокольню, члены Комиссии обратили внимание на один колокол, выдающийся из среды прочих, совсем новых; колокол этот небольшой, пудов в 15, почти лишен украшений, на нем только проведены две выпуклых линии и третья, состоящая из трех едва намеченных желобков. Надо полагать, что этот колокол древний, может восходить к XVII веку.

* На одной из книг надпись: «Hujus libri fuosmor est Mosquensis mercatoris filius Ioannos Trubicin 1816 anni August 20 mo die».

** Синодик школы граверов Леонтия Бунина и Аф. Трухменского.

ТОПОГРАФИЯ МОСКВЫ XIII в. И XIV в.

доклад на 113-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
1 декабря 1921 г. (в Историческом музее)

(К. 38. Д. 35. Л. 1—6об.; 7—13об.; архивное дело)

Рукописный текст, разборчивый, коричневые, черные чернила, с автографом, Есть авторские вставки и правка. Листы разлинованные, большеформатные, двухсторонние, сшиты тетрадами.

Топография Москвы XIII в.

Изучение старой Москвы тесно связано с составлением карт и планов, относящихся к той или другой эпохе. Мы имеем для XVIII века достаточно хороший Мичуринский план⁶⁸, но для более раннего времени составление планов является пока только попытками, иногда более, иногда менее удачными. Отсутствие хороших исторических карт Москвы соответствует недостаточному еще накоплению исторических данных о старой Москве, в частности, недостаточной приуроченности добытых данных к той или другой, более ранней или более поздней эпохе. До сих пор, напр[имер], несколько десятков церквей начинают свою историю одинаково около 1620, особенно же с 1625 года, под какими годами они впервые упоминаются, а ведь, конечно, они появились не все вместе сразу, и основаны гораздо раньше и при том каждая в свое время. Тем не менее, следует, кажется, по временам давать себе отчет о том, что⁶⁹ именно мы уже в настоящее время знаем о топографии Москвы за тот или другой период времени. Попытку такого отчета за XIII век и представляет настоящий доклад.

К топографии Москвы, прежде всего, относятся реки, речки, ручьи, пруды, холмы, овраги. С этой стороны Москва за все века своего существования потерпела мало изменений, по крайней мере, таких, которыми бы один век определенно отличался от другого. В этом отношении можно и для XIII века смело рисовать карту нынешней Москвы с прибавлением только немногих речек, прудов и оврагов, которых теперь уже нет, которые по большей части исчезли сравнительно недавно. У Забелина в «Истории Москвы»⁷⁰ перечислены относящиеся сюда названия: 1) Черторой, протекавший по нижней половине теперешнего Пречистенского (ныне Гоголевского — *сост.*) бульвара и далее по Лесному проезду⁷¹; с Берсеновской набережной можно рассмотреть водосточную трубу, изливающую на другом берегу в Москву реку дождевую воду в мокрую погоду, труба напоминает о бывшем здесь овраге с ручьем. 2) Речка Рачка протекала через нынешний Чистый, некогда Поганный, пруд и далее по Яузскому бульвару и впадала в Москву реку около устья Яузы. 3) Ручей Черногрязка протекал через Черногрязскую Садовую в Яузу. 4) Около ц[еркви] Николы Дербенского был ручей Ольховец. 5) Существовал Красный пруд с речкой Чечорой, в которую впадали ручьи Ольховец и Кокуй. Не упомянуты у Забелина

1) речка Капля, приток Напрудной, существовавшая там, где теперь церковь Троицы на Капельках⁷²; 2) та речка, без имени, которая протекала по Ермолаевскому переулку через Патриарший пруд, образовала здесь Козье болото, и далее впадала в Пресню; вытекала она, по-видимому, из прудов, почему и существует здесь Трехпрудный переулочек; речка эта упомянута в монографии Б.С. Пушкина о Спиридоновской церкви⁷³; 3) речка Бубна, впадавшая в Пресню, сохранившая свое название в Бубнинском переулке. Надо считать существовавшим в XIII веке Балканский пруд, хотя он, конечно, так не назывался. Так как уже от 1328 года известно село Напрудное, то надо думать, что пруд здесь существовал гораздо раньше, во всяком случае уже в XIII веке. Пруд этот был очень большой, он был местом охоты на «мокрую» птицу, так называвшуюся в отличие от «верховой». Затем, у Забелина не упомянуты некоторые овраги, которые были и исчезли. Таков Успенский вражек, с тремя на нем церквями Воскресения, Успения и Леонтия Ростовского⁷⁴. Близ Плющихи есть церковь Воздвижения, что на Пометном Вражке: вот, значит, еще один овраг, которого теперь уже нет. На старых планах церкви Космы и Дамиана Старого значится овраг, теперь засыпанный; в списке церквей 1690 года церковь эта так и названа «на Вражках»; овраг здесь шел с южной стороны церкви.

Затем на карту Москвы XIII века надо нанести некоторые леса и болота. Урочища, именуемые «Бор», были в двух местах. 1) У церкви Спаса на Бору⁷⁵, к северу и северо-востоку от Кремля тянулся бор, может быть, соединявшийся с тем бором, который был на месте Ивановского монастыря. Дорога по нынешней Ильинке могла пересекать этот бор. 2) У церкви Иоанна Предтечи, что «под бором» этот бор был невелик, так как все Замоскворечье в общем представляло собою «луг великий» противу города за рекой, как он называется в великокняжеских записках, и так как рядом есть названия «Полянка», «Всполье». Из болот в древности одно известно на Москворецкой улице, продолжавшееся по Мокринскому переулку⁷⁶. Оно упоминается под 1488 годом, когда горела церковь «Благовещения на болоте», нынешний Никола Москворецкий⁷⁷. Козьи болота известны в двух местах: в Патриаршей слободе, где церкви Ермолая и Спиридона⁷⁸, и потом у церкви Власея, которая также обозначалась «что на Козьем болоте». Где теперь Болотная площадь, там тоже было болото, так что даже церковь Воскресения в Кадашах в начале XVII века обозначалась как «Воскресения на Грязи».

Однако для исторической карты Москвы именно XIII века важнее, чем выяснение географических условий местности, является определение в точности, какие населенные пункты уже тогда существовали. Так как в этом отношении в XIII веке существовало и то, что известно за более раннее время, то лучше всего начать перечисление с того, чем началась Москва.

Одним из древнейших, а может быть и самым древним населенным пунктом на нынешнем пространстве города Москвы надо считать стоянку

доисторического человека в местности Андреевской богадельни⁷⁹, открытую лет 10 тому назад. Найденные здесь остатки человеческой культуры, вообще говоря, соответствуют культуре разных разрытых городищ, следовательно, относятся приблизительно к IV или V веку по Р. Х. (Рождестве Христовом — *сост.*); они принадлежат славянскому племени, так как вообще в чисто Московской области, как известно, нельзя доказать существования финских племен. Письменные известия о местности Андреевской богадельни начинаются с Бориса Годунова (1598—1605 гг. — *сост.*), при котором здесь похоронены были те, которые тогда во множестве умирали от голода.

Собственно Москва началась с Кремлевского городища, приблизительно тогда же, когда явилась и Андреевская стоянка. В этом отношении Москва не отличается от Новгорода, около которого тоже было Городище, на котором обыкновенно останавливались послы Московского государя, когда приезжали в Новгород. Но Москва так и осталась при своем старом кремлевском городище, а Новгород переселился от своего городища за ½ версты, почему и стал Новым городом. Размеры древнего кремлевского городища, следовательно, и Кремля в XIII веке были очень малы, и церковь Спаса на Бору стояла уже за валом. По образцу других городищ надо себе представлять и в Москве валы, шедшие по верху холма даже там, где был обрыв к Москве или к Неглинной. Несколько неясно, когда именно охвачен был укреплениями Подол. Вероятнее всего, это было сделано при построении дубовой стены в 1339 году, так как, если ставить не очень надежное укрепление, то безопаснее его помещать наверху, а внизу имеет смысл строить стену только очень прочную, грозную самое по себе. Для XIII века Подол не надо бы отмечать внутри Кремля.

На пространстве теперешней Москвы известно не одно, а три городища. Второе было у церкви Николы в Драчах⁸⁰. О нем мы знаем из благословенной грамоты патриарха Иоакима, данной на построение каменной церкви, вместо прежней деревянной в 1682 году. Там значится, что церковь разрешается строить на «старом Городище». Остатков валов и рвов не сохранилось, раскопки произведены не были; размеры городища надо представлять себе такими же, какие являются обыкновенными для прочих городищ, т.е. не очень большими.

Третье городище известно тоже по документу XVII века о том, что, если случится душегубство за Яузою, «ино к тому тянет и Андроньев монастырь и Городище» (Акты Арх. Эксп. I, 87⁸¹; см. также у Забелина «Кунцево», стр. 237⁸²). Ходаковский⁸³ указывал, что это городище находилось там, где теперь ц. Покрова, что на Лыщиковой горе. С этим можно согласиться, потому что эта местность известна как населенный пункт исстари: еще в 1356 году Иоанн II (Иван Иванович Красный — *сост.*) в своем завещании упомянул село Лыщевское на Яузе. Как ни малы были древние городища, все-таки, по крайней мере, внутри кремлевского городища надо отличать особый топографический пункт. Это церковь Иоанна Предтечи⁸⁴, построенная на месте прежнего языческого требища.

Церковь эта с 1462 года обыкновенно называется Рождества Предтечи, что на Бору. Но, разумеется, если существовало городище, то внутри его валов не было бора. Бор начинается сейчас же за валом с севера, а обозначение церкви «на Бору» или название Боровицких ворот надо считать в позднейшее время перенесенным на всю местность от названия пункта, который в самом деле был в бору, именно от церкви Спаса на Бору. Княжеский двор, по-видимому, не представлял собою особого топографического пункта, он находился у самой церкви Предтечи, может быть, даже соединялся с нею какими-либо переходами. На этом дворе в 1322 году поселился св. Петр Митрополит, когда князь имел свое жилище уже на месте теперешней Георгиевской залы дворца (Большого Кремлевского дворца — *сост.*).

Затем, к числу очень древних населенных пунктов Москвы надо отнести те места, где при земляных работах были найдены арабские диргеми, т.е. местности Храма Спасителя и Симоновской колокольни⁸⁵. Если здесь в X веке останавливались и торговали арабские купцы, значит, поселения здесь были. В XIV веке здесь были тоже не пустыри, и надо думать, что преемственность населенности не прерывалась.

Древность Ваганьковского поселения⁸⁶ надо признать тоже очень большою. По исследованию Н.А. Янчука⁸⁷ здесь было языческое кладбище, которое было также местом и общественных увеселений, и языческих молений. Уже в начале XV века Ваганьково принадлежало великокняжескому дому, со дворцом Софии Витовтовны⁸⁸: надо думать, что в XIII веке здесь был не пустырь. Местом игрищ Ваганьково продолжало быть до указа патриарха Филарета, запретившего происходившие здесь кулачные бои.

По летописному известию, в Батыево нашествие 1238 года в Москве «сгорели и церкви и монастыри все и села». Конечно, так и надо представлять себе древнюю Москву: она состояла из Кремля и нескольких сел около него. Но названия этих сел неизвестны. С достоверностью можно говорить о селе Семчинском, селе Напрудном⁸⁹, Лыщевском⁹⁰, Симонове, Высоком и других только с XIV века, не раньше. Для XIII же надо отметить лишь одно Кучково Поле, несомненно, существовавшее с XII века. Кучковичи были исторические деятели, были причастны убиению Андрея Боголюбского⁹¹. Кучковым Полем называлась местность от Чистых Прудов до Трубной площади; где-то здесь, следовательно, была усадьба боярина Кучки и близ нее село Кучково.

Равным образом неизвестны имена церквей и монастырей, сожженных Батием, кроме вышеупомянутой церкви Иоанна Предтечи. Нам осталось, перечисляя топографические пункты XIII века, назвать только церкви. Их можно насчитать 6, и то, все будут основанные после Батия.

1. Архангельский собор. Точное летописное сведение о нем относится только к 1333 году, когда он был построен каменный Иваном Калитою⁹². Но объяснения, почему Калите вздумалось его построить, мы не найдем, если

не предположим первоначального существования этого храма в деревянном виде. Трудно также объяснить наименование в честь Михаила Архангела, если не принять вслед за Карамзиным и Забелиным догадку, что храм основал князь Михаил Ярославич Храбрый, правивший Москвою с 1244⁹³ по 1248 год. Собор стоит на самом лучшем месте Кремля, самом видном, и потому он существовал уже, когда задумали строить Успенский собор, который естественно было бы поставить именно на месте Архангельского. Надо представлять себе дело так, что Архангельский храм был поставлен как загородный, и что около него было кладбище, на котором, может быть, погребены были некоторые лица, близкие к князю, например, три брата Калиты и его мать, похороненные неизвестно где.

2. Церковь Спаса на Бору. Летописное известие о ней относится к 1319 году, когда в ней было поставлено тело убитого в Орде Михаила Ярославича Тверского. Точных сведений о существовании этой церкви в XIII веке нет, а обыкновенно, по преданию, ее основание возводят к девятому году княжения Даниила Александровича⁹⁴, т.е. к 1272 году, при сем Спас на Бору иногда спутывают с Даниловым монастырем, утверждая, будто в последнем была белокаменная церковь Спаса. Церковь Спаса на Бору не могла не быть древней, иначе она не была бы названа «на Бору», хотя все же бор, среди которого она была выстроена, был не первоначальный, а вторичный, выросший после Батые, который мог осаждать Москву только с севера или северо-востока, т.е. именно со стороны бора. А известно, что при осаде городов, прежде всего, сжигалось все то, что было перед укреплениями, чтобы враг при наступлении не имел какого-нибудь прикрытия.

3. Данилов монастырь. В нем постригся в монахи, в нем погребен князь Даниил Александрович в 1303 году. Следовательно, этот монастырь смело можно относить к XIII веку. Только на карте XIII века его надо обозначить несколько на ином месте, чем он стоит теперь. Даниил Александрович построил и назвал монастырь по своему тезоименитству, т.е. в честь Даниила Столпника, между тем, там церковь со времен Грозного была и есть во имя Семи Вселенских Соборов, Даниила же Столпника была церковь в Даниловской слободе до 1699 года, когда она впервые была построена каменная с переименованием в честь Воскресения Христова. При последней и был первоначально устроен монастырь, скоро пришедший в забвение и оставивший по себе след в виде приходской церкви Даниила Столпника. Князь Даниил был погребен не при церкви, а на общем братском кладбище, так что и могила его одно время затерялась. Иван Грозный восстановил монастырь, построив церковь Семи Вселенских Соборов у места погребения князя Даниила. Следовательно, для карты XIII века надо брать не ту точку, где теперь стоит монастырь, а ту, где находится приходская церковь Воскресения, которая, таким образом, по времени своего основания является одною из самых древних в Москве, именно четвертою из известных.

4. Благовещенский собор. Сохранилось занесенное в некоторые повести полулетописного стиля предание, что в 1291 году церковь Благовещения в Москве построил князь Андрей Александрович. В основе содержания таких повестей должно крыться какое-то действительно бывшее событие. Иначе совершенно непонятно было бы, почему названы именно 1291 год, и почему упомянуто название церкви имени Благовещения. Определенное летописное известие говорит только о построении каменного Благовещенского храма в 1395 году. Но опять трудно думать, что прежде не стояла деревянная церковь. Такой почтенный археолог-архивист, как прот. Н.А. Скворцов, историю и Архангельского, и Благовещенского соборов начинает только с построения их каменных зданий, вовсе даже не упоминая о мнении, которое разделяет и Карамзин, и Забелин, о том, что прежде существовали деревянные церкви. Кажется, прот. Скворцов не прав. Нельзя не задумываться над вопросами, которые сами собою бросаются в глаза, нельзя не искать их объяснения. Почему Успенский собор поставлен, если уже не на месте Архангельского, то хотя бы Благовещенского собора? Почему московские государи до самого 1395 [года] не имели своей домово́й церкви, когда подобный обычай был распространенным еще в Киеве? Надо заметить, что Благовещенский собор по отношению к княжеским хоромам расположен так же, как обыкновенно бывало в боярских усадьбах, т.е. впереди сбоку, напр[имер], так, как на Воздвиженке у Стрешнева⁹⁵, в Кускове у Шереметева⁹⁶, в Петровском-Разумовском у Нарышкина⁹⁷ и т.д. Кажется, гораздо более риску ошибиться, если составить карту XIII века без Благовещенского собора, чем если его отметить на настоящем его месте.

5. О начале Богоявленского монастыря (в Китай-городе — *сост.*) Карамзин не нашел сведений в летописях. Домовая книга монастыря 1600 года, сохранившаяся в списке 1843 года, рассказывает несколько неясно: «от 1296 до 1304 года бысть обитель чуднаго Богоявления да в приделе Благовещения Пречистыя Богородицы на Москве за торгом Божиим благословением и строением благовернаго и благочестиваго великаго князя Даниила Александровича». Что, собственно, было в 1296 году, т.е. в XIII столетии, и что случилось в 1304, т.е. в XIV, не сказано. Деревянные церкви строили иногда в один день, для этого восьми лет вовсе не нужно было. Приходится удовлетвориться тем, что в 1296 году все-таки что-то было, и монастырь, как топографический пункт, отнести к концу XIII века. Верить свидетельству домово́й книги тоже можно, так как из жития Алексия Митрополита видно, что в начале XIV века монастырь, несомненно, существовал. Зачем и почему построен монастырь, опять понятно. Всякий город должен был быть обнесен стеною, хотя бы деревянною, и должен был иметь подгородный монастырь. Данилов не был таковым, был слишком далеко, а Богоявленский находился при главной дороге — Владимирской. Если бы монастырь основал Калита, то церковь с самого начала была бы каменная. Юрий Данилович ничего не строил, значит, построил Даниил Александрович.

6. Начало существования церкви Успения на Крутицах надо отнести к концу XIII века. Первое документальное о ней сведение имеется в духовной Иоанна II от 1356 года: «а ис тамги ис Коломенское дал есмь четвертую часть ко Святой Богородицы на Крутицу». Из этого упоминания в завещании можно определенно заключить, что церковь была очень важная, близкая княжескому дому, предмет заботы государей. Если о построении такой важной церкви не говорится при перечислении в летописях церковно-строительных забот Иоанна II, Симеона⁹⁸ и Иоанна I (Калиты — *сост.*), то, значит, она была построена раньше. Таким образом, надо признать достоверным то свидетельство предания, по которому основателем Крутицкого храма был Даниил Александрович. Предание это принято Амвросиевою «Историей Иерархии»⁹⁹ и подробно рассказано у Забелина. Причина появления Крутицкого храма весьма правдоподобно объяснена этим преданием. Если Москва привлекла к себе самого Всероссийского Митрополита, то поселение в Москве хотя бы кого-либо из архиереев и прежде должно было составлять важный предмет заботы московского правительства. Что по России разъезжал с мощами грек епископ Варлаам, это было вполне естественно для того времени. Что князь Даниил выстроил для него подворье с церковью и поместил его недалеко от своего любимого Данилова монастыря, кажется вполне понятным. Равным образом только такая причина появления Крутицкого храма и может дать объяснение, почему Сарские епископы¹⁰⁰ выбрали своею резиденциею в середине XV века именно Крутицу. Возможно, что и сам св. Петр (митрополит Киевский — *сост.*) до 1322 года останавливался на Крутице. На карту XIII века церковь надо занести, но не теперешнюю церковь Успения, а другую, наполовину разрушенную в 1816 году, церковь Воскресения, до 1689 года именно и бывшую Успенским на Крутицах собором.

Вот и все топографические пункты, которые можно было бы соответственно современному уровню знаний занести на историческую карту Москвы XIII века. После Батыева нашествия Москва далеко не сразу стала опять большим городом. К тому же каменных зданий вовсе не было, а только каменные обыкновенно и отмечались в летописях.

Топография Москвы XIV в.

Историческая карта Москвы конца XIV века должна заключать в себе все то, что было в XIII веке с небольшими изменениями и с прибавлением новых топографических пунктов, которые становятся известны впервые с того или другого года XIV века.

Изменить для XIV века надо показания карты XIII-го только для Кремля.

1. Линия кремлевских укреплений охватывает гораздо большее пространство, чем прежде. Кремль расширялся три раза: в 1339 году, когда была сооружена дубовая стена, в 1367 году, когда построили первую каменную стену, и в 1485—1495, когда возведены нынешние стены. Уже дубовая стена захватывала собою Чудов

монастырь¹⁰¹, прирезок 1367 года был небольшой, и от нынешнего очертания Кремля, то, которое относится к концу XIV века, отличается только следующим. Никольская стрельница в 1491 году была заложена не по старой основе, а с прибавлением городского пространства. Обозначая на карте эту стрельницу, всего менее риску ошибиться будет, если считать ее местом для 1367–1491 годов там, где теперь главные ворота Арсенала, т.е., где проходила и дубовая стена, еще не преграждавшая дорогу с Никитской на Ордынку. Фроловская (современная Спасская — *сост.*) стрельница, первая каменная отстояла, по расчетам Забелина, на 30 саженей от прежней дубовой стены, т.е. почти на нынешнем ее месте, и улица Ордынка выходила на реку против каменной стены уже с 1367 года, как об этом можно догадываться из умолчания летописей о том, чтобы Константино-Еленинская башня в 1490 г. была построена не на старом месте. Но надо вообще иметь в виду, что новые стены закладывались с внешней стороны старых стен, потому и около Фроловской и Константино-Еленинской башен в конце XIV века Кремль был несколько теснее, чем теперь. Подол, конечно, в конце XIV века был уже внутри Кремля, чего в XIII веке еще не было. Можно считать ясным, что если не в дубовом¹⁰², то уже в первом каменном городе¹⁰³ были все ворота, которые соответствуют нынешним. Тайницкие прежде назывались Чешковыми, Константино-Еленинские — Тимофеевскими, Спасские — Фроловскими, Никольские упоминаются в 1447 году, Троицкие прежде, надо полагать, никак не назывались, но каменный мост при них упомянут еще в 1471 году, Боровицкие ворота упоминаются в 1423 году.

2. В Кремле надо нанести на карту новые топографические пункты, не бывшие в XIII веке. Это, прежде всего, Успенский собор, который был на том же месте, где и теперь. Он не занимал большего, хотя при нем были пристроены два придела: поклонения веригам Ап[остола] Петра в 1329 году и Дмитрия Солунского, вероятно, со времени Дмитрия Донского. Для скрупулезной точности можно северную стену собора нанести несколькими аршинами севернее, чем теперь, так как Фиораванти¹⁰⁴ отодвинул собор от митрополичьего двора. Княжеский дворец с самого начала XIV века надо считать находящимся там, где теперь Георгиевская зала дворца (Большого Кремлевского дворца — *сост.*). Фасад был на восток, т.е. на Соборную площадь.

4. На той же площади приблизительно с 1325 года был митрополичий двор, фасадом на юг, на Успенский собор. Двор этот захватывал некоторое пространство и на запад от собора, как можно судить по появлению там в XV веке митрополичьей церкви Риз Положения, но на восток не заключал в себя пространства, занятого теперь церковью 12 Апостолов, построенную частью на земле, подаренной Никону (Патриарху — *сост.*) в 1653 году, взятой из Цареборисовского двора.

5. В 1329 году — первое здание колокольни Ивана Великого с церковью Иоанна Лествичника под нею. Стояла колокольня на том месте, где и теперь стоит ее третье здание, т.е. именно на месте Годуновского столпа¹⁰⁵.

6. В 1339 году упоминается церковь Воскрешения Лазаря, по поводу чуда, бывшего в ней от иконы Божией Матери. Церковь была деревянная, но с 1393 года на ее месте стоит белокаменная, над которою с 1514 года находится другая, именуемая Рождества на Сениях¹⁰⁶, перестроенная в 1681 году.

7. С 1358 года существует Чудов монастырь в нынешних его границах. Церковь в монастыре в XIV веке была одна, Чуда Архангела Михаила, на том же месте, где и теперь¹⁰⁷. С 1358 года она была деревянная, с 1365 года белокаменная. Нынешние белокаменные подвалы с наибольшим вероятием надо считать сохранившимися от 1365 года.

8. В 1386 году впервые упоминается Афанасьевский монастырь, по случаю погребения в нем некоего Семена Ямы. Монастырь был разобран в 1776 году, его план и размеры значатся на картах Москвы XVIII века и в XIV веке были, вероятно, в таком же виде, как в XVIII. Не следует смешивать бывшую в монастыре церковь Афанасия и Кирилла с двумя одноименными, существовавшими тут же в Кремле. Именно и у Скворцова, и у Забелина выходит, что церквей такого имени было две, а не три, нет отчетливого различия двух рядом стоявших, в монастырях Афанасьевском и Вознесенском¹⁰⁸. Между тем, по ружной книге¹⁰⁹ 1677 года вполне определенно существуют три церкви Афанасия и Кирилла: в Аф[анаси]евом, в Вознесенском и «ниже дьяческих палат». Правильное различие церквей вполне разрешает вопрос, почему построен в 1462 году каменный храм Афанасия и Кирилла Ермолиным¹¹⁰, а в 1514 опять храм того же имени Бобыниным. В Афанасьевском монастыре церковь Афанасия и Кирилла была, по известию от 1727 года, с приделом св. Пантелеимона, т.е. так же, как значится и под 1462 годом. При построении же храма Бобыниным придел не упоминается, как его и не было в храме этого имени в Вознесенском монастыре. Различение двух церквей помогает устранить все еще иногда упоминаемое мнение, будто Вознесенский монастырь существовал уже в XIV веке. Дело в том, что в одних списках летописей Семен Яма значится погребенным в 1386 году в Афанасьевском монастыре, в других в Вознесенском. Ошибка последних вполне понятна: монастыри не только были рядом, но в обоих были одноименные церкви. Таким образом, на карте конца XIV века Вознесенского монастыря писать не следует.

9. По кормовой книге Троицкого монастыря (Троице-Сергиева — *сост.*) 1673 года в Кремле Троицкое подворье существовало еще при жизни преп. Сергия, т.е. до 1392. Вместе с Забелиным таковое показание надо принять за достоверное. Планы и размеры подворья, надо полагать, оставались одни и те же до XVIII века, когда они с полной точностью были заносимы на карту. Подворье было разобрано в 1808 году. Но с Забелиным нельзя согласиться, будто уже в 1374 году существовала Богоявленская церковь этого подворья. Надо думать, что Василий Васильевич Протасьев в 1374 году похоронен не в Кремле, а при Богоявленской церкви Богоявленского монастыря на Никольской, при той

церкви, которую в 1342 году его отец боярин Протасий построил каменную, как это значится в домовоей книге Богоявленского монастыря 1600 года.

10. Улиц и переулков в Кремле до 1500 года не было. Дворы отдельных лиц стояли в разброску. Из этих дворов можно, не определяя в точности их размеров, отметить на карте XIV века следующие.

А. Двор Андрея Ивановича, сына Калиты, стоял за Архангельским собором.

Б. Двор боярина Протасия и его потомства занимал место где-то около нынешней церкви 12 Апостолов.

В. Двор Плещеевых, между Протасьевским двором и Троицким подворьем.

Г. Двор Тимофея Васильевича, окольного при Дмитрие Донском, у Константино-Еленинской башни.

11. Следует отметить в Кремле XIV века еще садец Подольный, завещанный Чудову монастырю Алексием Митрополитом. Существование этого сада наводит на мысль, что он мог образоваться у теперешней Беклемишевской (Москворецкой — *сост.*) башни именно путем расширения города при постройке первой каменной стены: прирезок по Кремлю был местом незастроенным, по нему пролежала Ордынская дорога.

12. К Кремлю с востока прилегал посад, у которого были довольно определенные границы с трех сторон: река Москва, кремлевская стена, река Неглинная. В конце XIV века Василий I задумал провести для посада границу и с востока. По линии теперешней Китайской стены¹¹¹ от Лубянской (не существовавшей до 1708 г.) площади к Москве-реке стали копать ров и возводить вал. Предприятие не увенчалось успехом, жители были очень недовольны, что для проведения прямой линии их дома разметывались, и дело пришлось оставить. Однако кое-какие остатки начатого сооружения продолжали существовать. Так в XV веке упоминается Острый конец с церковью Воздвижения на Остром конце, с ц. Кузьмы и Демьяна¹¹² и далее Николы Мокрого¹¹³ (1468, 1472, 1498), а самое его название показывает, что он расположен был острым углом, именно между линией Москвы-реки и линией вала 1328 года. Эта линия вала должна быть обозначена на карте конца XIV века.

13. В посаде за XIV век прибавляется только один топографический пункт — Никольский монастырь на Никольской¹¹⁴. Первое летописное известие о нем относится к 1330 году, когда в нем остановился Митрополит Киприан, второе — к 1404 г., когда Киприан выпустил из него епископа Иону, которого держал там в заключении 3½ года. Оба известия называют монастырь Николой Старым, значит, он существовал давно. Если Никольские ворота существуют с 1367 года, и если они никогда иначе не назывались, как Никольскими, то, значит, монастырь существовал уже до 1367 года, и потому и ворота названы Никольскими.

14. За посадом и в Заречье (Замоскворечье — *сост.*) надо отметить, прежде всего, некоторые улицы и некоторые села, а потом те церкви и монастыри,

которые известны с XIV века. Улица Никитская, вероятно, так еще не называвшаяся, в 1495 году, была преграждена каменной стеною, а дубовая стена 1339 года и каменная 1367 года устроены были так, что улица беспрепятственно продолжалась вдоль восточной стороны Кремля. Эта улица была дорогой на Волоколамск, и далее на Новгород.

15. Улица Ордынка преграждена была стеной Кремля в 1367 году, а прежде составляла непосредственно продолжение Никитской. Обе улицы имели то же направление, как и теперь, но имен не имели, а существование их доказывается не летописями, а соображениями о теперешнем их виде.

16. Дорога на Владимир долго не устанавливалась. В 1395 году Владимирскую икону несли через Кучково поле и далее, следовательно, по Никольской, которая тогда не была еще точно определена. Но впоследствии, напр[имер], в 1518 году, эта же дорога шла через Басманную на Андроников монастырь, что тоже не совсем понятно. Яснее обозначалась дорога на Смоленск. Она шла через село Семчинское, нынешнюю Остоженку. Это село упоминается в княжеских завещаниях XIV века без наименования в нем церкви. Возможно, что церквей издревле было много, как можно судить из того, что было в середине XIV века, когда тут существовали церкви Климента в Чертолье¹¹⁵, Илии Обыденного, Николы в Киевце¹¹⁶, Воскресения Старого¹¹⁷, Воскресения Нового¹¹⁸, Иоанна Лествичника, Успения¹¹⁹ и еще монастырь Зачатьевский. Что дорога должна была идти через Семчинское, это вполне естественно: на юго-западе Москвы только в одном месте берега Москвы-реки и с той, и другой стороны не круты, это там, где впадает Сетунь. Где Арбат, там берег был очень крут, потому первая церковь на Арбате явилась только в 1593 году, Николы Явленного Новая Проща¹²⁰. А церковь Николы Явленного Старая Проща стояла на Смоленской дороге через Семчинское, это именно церковь Николы в Башмачках, известная с XV века¹²¹.

17. Кроме Семчинского, для XIV века известны еще села Напрудное, по завещанию Калиты 1328 года, и село Черкизово¹²², приобретенное Алексеем Митрополитом от Ильи Азакова, чем и объясняется наименование Черкизовской церкви в честь Ильи Пророка.

18. Далее топографическими пунктами для карты XIV века вне Кремля остаются отдельные церкви, как показательницы существовавшего здесь прихода или монастыря. Есть основание обозначить на карте разобрannую в 1773 году церковь Николая Чудотворца в Киевце, находившуюся на берегу Москвы-реки в 234 саж. от ц. Успения на Остоженке. В последней хранится из разобрannой церкви икона Николая Чудотворца, помеченная 1524 годом. Название «В Киевце» заставляет думать, что церковь еще древнее, что она основана тогда, когда северо-восточная Русь заселялась выходцами из южной Руси. Нет необходимости думать о временах Юрия Долгорукова, потому что есть определенный занесенный в летописи факт появления в Москве 1700 киевлян, пришедших

к Ивану Калите вместе с боярином Радионом Нестеровичем. Естественно, что выходцы из Киева поселились в Москве вместе, и что местность, где они жили, должна была называться Киевцем. На картах XVIII века церковь эта обозначена, и, таким образом, точное ее местоположение известно.

19. Церковь Петра и Павла на Якиманке¹²³ не менее древняя по времени своего основания, чем церковь в Киевце. В Патриарших окладных книгах сохранилось старое обозначение церкви Петра и Павла «что в Хвостове». То же обозначение, но уже в искаженном виде есть и в ружных книгах 1677 и 1681 годов: «что в Холстове». В бумагах М.С. Боголюбского¹²⁴ есть такая выписка об этой церкви: «В княжение Симеона Ивановича Гордого боярин Алексей Петрович Хвост затеял какую-то крамолу против князя. Поэтому его имение было, конечно, конфисковано, и Симеон в духовном завещании отдает жене своей Хвостовское село на Клязьме (С.г.г. I, 1 №24¹²⁵). Дмитрий Донской отказывает сыну своему Василию из московских сел Хвостовское у города, луг великий за рекою (ibid. (там же — *сост.*) №34¹²⁶). Василий Дмитриевич (1406) сельцо Хвостовское у города и с луги, что к нему потягло, назначает кн. Софии Витовтовне (№39¹²⁷), но во второй духовной 1423 г. Хвостовское сельцо да луг великий у города у Москвы за рекою назначает сыну Ивану Васильевичу (№41¹²⁸). Василий Васильевич 1462 сельцо Хвостовское у города у Москвы уже с двора городскими, что к нему потягло, отдает кн. Марии Ярославне (№87¹²⁹)». Из этого можно заключить, что Хвостово существовало уже во времена Калиты, и что Церковь Петра и Павла так названа по тезоименитству отца боярина А.П. Хвоста.

20, 21. Связанными с именем Алексия Митрополита и с его временем, кроме Чудова монастыря и села Черкизово, являются монастыри Андрониковский, основанный около 1360 года, и Зачатейский, почти тогда же. При нанесении на карту Андрониковского монастыря не следует забывать ручья Золотой Рог, так названного св. Алексием в воспоминание о Константинопольском Золотом Роге. Ручей этот существует¹³⁰, но название его забывается, и уже Золоторожская улица переименована¹³¹. Монастырь стоит при впадении ручья в Яузу.

22. Ко временам Алексия Митрополита относится появление церкви Николы в Хамовниках. В ружных книгах 1677 и 1681 годов эта церковь обозначена «что у митрополичьих конюшен». В XVII веке никакой митрополит здесь конюшен не имел, местность принадлежала, как и до самого последнего времени, Чудову монастырю. Обозначение «у митрополичьих конюшен» для XVII века есть исторический пережиток от тех времен, когда не только еще не было в Москве патриарха, но и сам московский и всей России митрополит не различал своей кафедры от Чудова монастыря. А это было только во времена Алексея Митрополита.

23. Церковь Космы и Дамиана на Шубине известна, собственно, только с 1621 года. Но заставляет искать объяснения урочище Шубино. Наиболее

вероятно, что Шубино так же указывает на боярина Шубу, как Хвостово на боярина Хвоста. Под 1368 годом, например, в Софийском временнике назван один из воевод Дмитрия Донского Окинф Шуба. Но он в опалу не попадал, и потому села Шубина в княжеских завещаниях нет. Зато есть название церкви св. Иакинфа, до того редкое для церквей, что его в данном случае можно смело возводить к тому же Шубе. Церковь эта упомянута только один раз, и именно в ружной 1671 года, ее нет даже в ружной 1681 года, из чего следует, что и в список церквей 1677 года церковь эта попала по ошибке. Церковь была, и руга по ней выдавалась, и записи об этой руге велись, но к 1677 году она не существовала, и уже давно, так как в записях не дворцовых, а патриарших ее не было вовсе, а эти последние записи известны с 1625 года. Следовательно, ошибку надо объяснить тем, что недавно еще перед 1677 годом, если не существовало церкви, то руга по ней продолжала еще выдаваться. Иначе сказать, за ругой являлся причт какой-то другой церкви, имевшей на то какое-либо основание. Ясно, что тут произошло то же, что было, напр[имер], с церквями Симеона Дивногорца и Иоанна Предтечи Ясовой: при древнем престоле являлся придельный, а при перестройках, в особенности после пожаров, церковь восстанавлялась наскоро однопрестольная, но уже с позднейшим, прежде придельным, более популярным наименованием. Таким образом, древнейшим наименованием церкви Космы и Дамиана надо считать св. Иакинфа. В ружной 1677 года церковь св. Иоанна помещена среди церквей отдела «За Неглинну».

24. Церковь Всех Святых в Чертолье упоминается по случаю пожара 1365 года. Разобрана в 1838 году по случаю построения Храма Спасителя. Стояла в 20 саженьях от церкви Николы в Башмаках, там, где потом сооружен был памятник Александру III¹³².

25. Наименование Спасских ворот Фроловскими заставляет думать о существовании где-то церкви Фрола и Лавра. Такой церковью можно считать упоминаемую в 1547 году ц. Флора и Лавра у Государевых конюшен, приблизительно на нынешнем Хитровом рынке¹³³. Нет причины не считать это место конюшен самым древним. Если под 1423 годом в той же местности упоминается загородный государев двор у Володимера в Садах¹³⁴, то и конюшни там существовали, по крайней мере, с этого же года. Но, когда появился там государев загородный двор? Если такой же загородный двор митрополита опять в той же местности известен с 1406 года у церкви Трех Святителей, то более естественно думать, что сначала дачу там построил себе князь, потом митрополит, а не наоборот. Таким образом, все известия клонятся к тому, чтобы признать конюшни с церковью Флора и Лавра существовавшими там уже в XIV веке. Вполне понятно и то, что такие ворота, как Спасские, вели к конюшням князя: там был и загородный двор князя, а церковь сначала была одна, Флоровская. После пожара 1547 года церковь Флора и Лавра уже не существовала как отдельная, а была приделом у ц. Трех Святителей, которая поэтому до самого последнего времени именовалась

то Трех Святителей, то Флора и Лавра. Если под 1423 годом упоминается именно «новый государев загородный двор», это не должно нас смущать: Новая слобода 400 лет все Новая, Новая Басманная уже 200 лет все Новая.

26. Церковь Рождества Богородицы на Старом Симонове основана в 1370 году.

27. Церковь Успения в Симоновом монастыре¹³⁵ основана в 1378 году.

28. Петровский монастырь впервые упоминается в 1378 году, когда его архимандрит Иоанн был в числе послов, отправленных в Константинополь на поставление нового митрополита.

29. По «Известию о церквях» 1796 года, церковь Всех Святых на Кулишке основана в память Куликовской битвы сейчас же, когда Дмитрий Донской вернулся в Москву. Нынешнее ее здание подтверждает это сведение. Главный четвероугольник с двумя нерастесанными окнами построен в 1388 году, но рассмотрение подвалов указало на некоторые стенки, сложенные из кирпича еще более раннего, XV (XIV? — *сост.*) века. В летописях церковь упоминается впервые под 1488 годом. Но, если она тогда была каменная, то в деревянном виде, значит, существовала еще раньше.

30. По той же книге 1796 года раньше Сретенского монастыря существовала церковь Марии Египетской в Сретенском монастыре¹³⁶, около нее и встречена была икона Владимирской Божией Матери¹³⁷. Ряд сведений и изображений подтверждает верность показаний 1796 года. Церковь Марии Египетской до середины XVIII века была приходской, а не монастырской. Нынешнее здание имеет главу от 1685 года, значит, само построено лет на 100 раньше. Странность дороги из Владимира не по Владимирке можно объяснить желанием именно зайти к этой церкви. В Москве тогда остался Владимир Андреевич Серпуховской. Его мать Мария Кейстutowна незадолго перед тем основала Рождественский монастырь, очевидно, поблизости от жилища своего и своего сына. Вполне было бы понятно, что она даже прежде монастыря построила здесь приходскую церковь, и назвала ее по своему тезоименитству.

31. Рождественский монастырь существует с 1386 года. Мария Кейстutowна в нем похоронена в 1389 году.

32. Сретенский монастырь основан скоро после встречи здесь иконы Владимирской Божией Матери, приблизительно после 1397 года.

Таким образом, карта Москвы XIV века должна представлять собою не пустыри, а достаточно заселенное место, именно целый город. Явно, что Москва после Тохтамышева нашествия восстала из пепла очень скоро и в более богатом виде, чем была до 1382 года. Каменные стены и каменные церкви Тохтамыш не уничтожил, а эти обстоятельства имели в те времена весьма важное значение и притягивали к себе население, чего с Москвою не было в такой мере после Батыева нашествия.

О ЦЕРКВИ ПЯТНИЦЫ В ОХОТНОМ РЯДУ

*сообщение на 140-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
14 декабря 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 38. Д. 33. Л. 1—2об.; архивное дело)

Рукописный текст, синие и черные чернила, с пометками и правкой. Листы двухсторонние, сдвоенные, большеформатные.

Церкви этой угрожает опасность быть уничтоженной¹³⁸. Архитектурное общество объявило конкурс на проект Дворца Труда в Охотном Ряду, и издало литографированный план местности, где будет производиться постройка. Александровский видел этот план и заметил, что на нем обозначены границы пространства, освобождаемого от имеющихся ныне на нем построек. Пятницкая церковь находится внутри этого пространства, следовательно, назначена к сломке. По мнению Александровского, такое решение могло явиться результатом незнания, когда церковь построена, равно как и того, что она представляет собою своеобразный прекрасный памятник московского барокко.

Печатные известия о времени построения этой церкви чаще всего повторяют дату 1760 года, принятую в Путеводителе 1913 года¹³⁹, у Кондратьева¹⁴⁰, у арх. Иосифа¹⁴¹. Эту же дату привел в одном своем докладе А.М. Васнецов, ее же напечатал в 1915 году М.И. Александровский в своем Указателе¹⁴². Происхождение такой датировки относится к списку 1817 года, напечатанному в Чт[ениях] О[бщества] И[стории] и Д[ревностей] Р[оссийских] за 1908 год, списку, составленному для преос[вященного] Августина на основании ответов причтов на вопросы, когда церкви построены и почему имеют такие обозначения, как Хамовники, Кадаши, Листы и др. На чем в данном случае основывался причт, указывая год 1760, неизвестно, вероятно, по каком-нибудь обновлении, бывшем в оном году, но, во всяком случае, церковь по своей архитектуре ничего не имеет общего с церквями середины XVIII века. Другие датировки приведены в подписях, сделанных внутри самой церкви, указывающие и на 1661 год, и на 1767, и на 1861 годы, когда, вероятно, было какое-либо обновление, но, как раз, не важное; между тем, эти датировки могут сбивать с толку людей, желающих узнать время построения церкви. Еще есть причина, почему распространены неверные представления о времени сооружения нынешнего здания храма, именно та, что до 1780 года в разных описаниях числились две, а не одна церковь, с упоминанием, что они находятся в одном здании, именно верхняя Воскресения и нижняя Пятницкая. По этой причине в Материалах Забелина¹⁴³ не приведена истинная дата построения церкви, точно известная для Воскресенской церкви, у Забелина вовсе не значащейся.

Пятницкая церковь, конечно, по своему происхождению гораздо более древняя, чем нынешнее ее здание [Древнейшие ее названия — «Пятницы у Бударевы» и «Пятницы у Поля», из которых второе указывает на время, когда

ближе к Неглинной еще не стояла Анастасьевская церковь¹⁴⁴ и Спас в Копье¹⁴⁵, т.е. на время, по крайней мере, раньше середины XVI века. В 1657 церковь значится уже каменной¹⁴⁶. Первый, правильно понявший, какое сведение решает вопрос о построении нынешнего здания, был Н.А. Скворцов. В XI томе Вифлиофики Новикова¹⁴⁷ написано, что генваря 23 в 1678 году Патриарх Иоаким освятил церковь Воскресения, домовую у князя В.В. Голицына. Это и есть нынешнее здание Пятницкой церкви, так как нижний храм, конечно, того же времени, как верхний, своими арками и столбами рассчитанный поддерживать тяжесть верхнего храма. Тем более что в том же известии находится упоминание, что для освящения храма были принесены мощи из нижней, приходской церкви Параскевы Пятницы. В списке 1772 года также упоминается, что под Пятницкой церковью есть Воскресенская. Верхняя и нижняя церкви имели свои отдельные причты, пока митр[ополит] Платон в 1780 году не лишил верхнюю значения домово́й церкви и не отдал ее приходу.

Архитектурное рассмотрение здания подтверждает, что оно построено в конце XVII века. Новыми являются колокольня, построенная в 1793 году, вместо прежней, отдельно стоявшей, потом два боковых нижних алтаря, пристроенные в 1877 году, и части архитектурной отделки наружных стен, наличники нижних стен, ангелы при верхних. Но сам храм сохранился хорошо, со своим малороссийским пятиглавием, с нерастесанными окнами верхней церкви, старыми купчатыми¹⁴⁸ железными решетками в этих окнах, с колонками, разделяющими окна на две части, характерными барочными, т.е. с коринфскими капителями и со жгутом посередине. Не сохранилась ходовая паперть вокруг верхней церкви. А что она была, доказывает одно северное и одно южное окна, переделанные из дверей, выходивших на паперть. Эти окна имеют иную форму, чем прочие, и решетки в них, уже не купчатые, а крещатые¹⁴⁹, т.е. приблизительно второй половины XVIII века. Своеобразность и вместе с тем особенная красота здания заключается в устройстве верхней церкви, имеющей хоры с трех сторон, и своими арками и сводами дающей впечатление какой-то приятной живописности. Явно, что именно эта Пятницкая церковь и именно вследствие красоты устройства верхнего этажа послужила образцом для архитектора Трезини, когда царевич Алексей поручил ему построение церкви Вознесения у Серпуховских ворот¹⁵⁰, церкви более грандиозной, но также двухэтажной с верхней ходовой папертью, с трехсторонними хорами верхнего храма, с крестообразным [верхом]. Нет только малороссийского пятиглавия, и, разумеется, полного тождества в белокаменных деталях.

В виду вышеизложенного Александровский полагает, что Комиссия по Старой Москве могла бы обратиться в Комиссию по сохранению древних памятников¹⁵¹ и высказаться за ходатайство Археологического общества перед надлежащими инстанциями о сохранении такого древнего и интересного памятника московского барокко, как Пятницкая церковь.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ В архивной описи Ф. 177 указано еще одно отдельное архивное дело с идентичным названием (К. 52. — Д. 13. — 13 л.), но под авторством члена «Старой Москвы» В.В. Шереметевского — «Шереметевский В. О древних названиях московских церквей по ружным книгам XVII века — статья. [1920-е гг.]». Это ошибка. Дело содержит еще одну машинописную копию текста М.И. Александровского 1919 г. Возможно, текст по той или иной причине отложился в бумагах В.В. Шереметевского (и был ему приписан ошибочно); в протоколах нет сведений о каких-либо выступлениях В.В. Шереметевского в связи с докладом М.И. Александровского, в том числе и в прениях на заседании в 1919 г.
- ² Путеводитель по Москве, изданный Московским архитектурным обществом для членов V съезда зодчих в Москве / под ред. тов. председателя Общества И.П. Машкова. — М., 1913. — 311 с.
- ³ Книги, куда записывалась выдаваемая из казны причтам московских храмов, а также в монастыри руга — особая выплата (денежная или натуральная) духовенству.
- ⁴ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. — Т. IX. — СПб., 1875. — С. 314–335.
- ⁵ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / собр. и изд. руководством и трудами Ивана Забелина: в 2 ч. — Ч. 2. — М., 1891. — Стб. 373–422; 423–546.
- ⁶ Храм не сохранился.
- ⁷ Храм не сохранился.
- ⁸ Воскресенский Высоцкий монастырь у Золотой решетки находился в начале ул. Тверской, на четной стороне. С середины XVII в. стал подворьем звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря; упразднен в 1770-е гг. после пожара (См.: *Скворцов Н.А.* Московская церковная старина. Уничтоженные церкви в местности Никитского сорока // *Московские церковные ведомости (МЦВ)*. — 1897. — №22. — С. 294–297). На месте монастыря — здание Саввинского подворья начала XX в. (д. 6, стр. 6; в 1938 г. передвинуто вглубь от красной линии улицы, вид на него закрыт д. 6 стр. 1).
- ⁹ В литературе приводятся и более ранние даты.
- ¹⁰ Семчинское — древнее московское урочище (село) в районе современной ул. Остоженки и прилегающих к ней переулков.
- ¹¹ Храм не сохранился.
- ¹² С 1698 г. была отменена руга приходским церквам, владевшим угодьями и приходскими дворами, церквам, не имевшим таковых владений, она была значительно сокращена.
- ¹³ Материалы для истории, археологии и статистики... — Ч. 1. — М., 1884. — Стб. 886.
- ¹⁴ Дополнения к Актам историческим... — С. 334.
- ¹⁵ Там же. — С. 333.
- ¹⁶ В тексте Ружной книги 1677 г. даты обозначены по церковно-славянскому летосчислению (от Сотворения Мира), при этом первая цифра даты опускается: например, вместо 7150 г. (1642 г.) указывается 150 г. и т.д.
- ¹⁷ Путеводитель по Москве, изданный Московским архитектурным обществом...
- ¹⁸ Руга, выданная натурой.
- ¹⁹ Седая старина Москвы: Исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей, соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, общественных зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ и проч., и проч.: с подробным историч. описанием основания Москвы и очерком ее замечат. окрестностей / сост. И.К. Кондратьев. — М., 1893. — 686, VI с.
- ²⁰ Храм не сохранился.
- ²¹ Храм не сохранился.
- ²² Храм не сохранился.

- 23 *Скворцов Н.А., свящ.* Храм св. великомученика Георгия Победоносца на Красной Горке в Москве: Исторический очерк / изд. Комис. по осмотру и изучению памятников церковн. старины г. Москвы и Московской епархии. — М., 1904. — 15 с.
- 24 Храм не сохранился.
- 25 Путеводитель по Москве, изданный Московским архитектурным обществом...
- 26 Не существует.
- 27 Митрополит Алексей (1292–1378) — святитель Московский; митрополит Киевский и всея Руси с 1354 г., основатель ряда московских монастырей, в том числе Чудова в Кремле.
- 28 Храм не сохранился.
- 29 Храм не сохранился.
- 30 Храм не сохранился.
- 31 Храм не сохранился.
- 32 Храм не сохранился.
- 33 Указ 23 февраля 1722 г. — О запрещении без указов Святейшего Синода лить вновь колокола для монастырей из их сумм; о не сборе на сие подаваний и о разрешении принимать от вкладчиков добровольные приношения на колокола и проч. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. [Царствование государя императора Петра I], 1722. — Т. 2. — СПб., 1872. — С. 84.
- 34 Весь абзац — это вставка; текст вписан на верхнем поле страницы, и место вставки не указано. Составителями вставка помещена сюда, поскольку по смыслу наиболее связана с предыдущим абзацем.
- 35 В связи с чумой 1771 г. было запрещено хоронить покойников в городе при храмах, за городом отводилась земля для специальных кладбищ (См.: Указ 11 ноября 1771 г. — О предосторожностях от заразной болезни // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). — Собр. 1-е. — М., 1830. — Т. 19. — С. 371. — №13.696); в Москве возникли кладбища: Ваганьковское, Даниловское, Миусское, Немецкое на Введенских горах, Преображенское (старообрядческое), Пятницкое, Рогожское (старообрядческое), Семеновское.
- 36 Храм не сохранился.
- 37 Храм не сохранился.
- 38 Храм не сохранился.
- 39 Цитата передана дословно не совсем точно. См.: Указ от 12 апреля 1722 г. — Об уравнивании надгробных камней с поверхностью земли // ПСЗ... — Т. 6. — С. 653. — №3965.
- 40 Не сохранился.
- 41 Весь абзац — это вставка; текст написан на верхнем поле страницы. Место вставки определено составителями по смыслу.
- 42 Ниже подзаголовка вычеркнут фрагмент текста — видимо, выписки (отрывочные) из документов относительно разных часовен в Петербурге, Риге, а также Николо-Перервинского монастыря.
- 43 Весь абзац — это вставка; текст написан в конце доклада, без указания места вставки; сюда помещен составителями по смыслу.
- 44 Скопление людей, место скопления людей (устаревш.).
- 45 Улицы, площади (устаревш.).
- 46 Цитата передана с купюрами. См.: №509. 28 марта 1722 г. — О запрещении свещевозжения и отправлении молебных служений пред иконами вне церквей на сонмищах и стогнах; о недозволении вновь строить часовен и о упразднении уже существующих // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания... — С. 156–158.
- 47 Не сохранилась.
- 48 Не сохранилась.

- 49 Феофан Прокопович (в миру Елисей/Елеазар Церейский) (1681–1736), государственный и церковный деятель, сподвижник Петра I, первый вице-президент Святейшего Правительствующего Синода (с момента его учреждения в 1721 г.), проповедник.
- 50 Храм не сохранился.
- 51 Храм не сохранился.
- 52 Храм не сохранился.
- 53 Храм и монастырь не сохранились.
- 54 Храм не сохранился.
- 55 Храм не сохранился.
- 56 Храм не сохранился.
- 57 Указ от 12 апреля 1722 г. — О позволении иметь домовые церкви токмо по крайней нужде, об исчислении приходских церквей в Москве и об уничтожении излишних // ПСЗ... — Т. 6. — С. 652. — №3964.
- 58 Впоследствии — Ирининский храм при Главном Архиве Министерства Иностранных дел на Воздвиженке; не сохранился.
- 59 Храм Успения на Чижевском подворье на ул. Никольской в Китай-городе.
- 60 Храм не сохранился.
- 61 Указ 21 февраля 1722 г. — О нехождении из монастырей и церквей с образами в дома к приходским жителям // ПСЗ... — Т. 6. — С. 512. — №3910.
- 62 Указ 10 октября 1723 г. — О погребении мертвых, кроме знатных персон, внутрь городов и об отвозе оных в монастыри и к приходским церквам за город // Там же. — Т. 7. — С. 130. — №4322.
- 63 В документе этот и последующий текст до конца абзаца — с правкой, прописано нечетко, видимо, не доработано до конца. О вотчинных церквях см.: Указ 30 апреля 1722 г. — О грамотах на построение церквей // Там же. — Т. 6. — С. 670. — №3991. См. также: Указ от 11 марта 1723 г. — Об употреблении материалов разобранных домовых церквей по воле хозяев оных // Там же. — Т. 7. — С. 33. — №4187.
- 64 Указ 2 декабря 1723 г. — О непогребении священниками никого в дубовых гробах // Там же. — С. 167. — №4377.
- 65 Указ 20 апреля 1722 г. — О приносе в Синод иконных привесок и о разобрании их // Там же. — Т. 6. — С. 658–659. — №3975.
- 66 В августе 1919 г., когда происходил осмотр храма, его настоятелем был св. прав. Алексей Мечев, тогда же в храме служил и сщмч. Сергей Мечев.
- 67 Надвратный храм Происхождения Честных Древ Креста Господня (Всемилоственного Спаса); не сохранился.
- 68 План Императорского столичного города Москвы, сочиненный под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 г.
- 69 На слове «что» стоит ударение.
- 70 *Забелин И.Е.* История города Москвы. — Ч. 1: с прил. древн. плана Кремля. — М., 1902. — XX, 635 с.
- 71 С начала XIX в. и до 1922 г. — название Соймоновского пр-да (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий московских улиц. — М., 2011. — С. 486–487).
- 72 Храм не сохранился.
- 73 *Пушкин Б.С.* Московская Спиридоновская, на Козьем болоте, церковь. — М., 1904. — 16 с.
- 74 Храм не сохранился.
- 75 Храм в Кремле — не сохранился.
- 76 Переулок в Зарядье — не существует.

- 77 Храм не сохранился.
- 78 Оба храма не сохранились.
- 79 Бывший Андреевский монастырь, упраздненный в 1764 г. Ныне вновь возрожден.
- 80 Храм в районе ул. Трубной — не сохранился.
- 81 Речь идет о документе XV в. (ранее 1486 г.) — «Губной (уставной) Московской записи»: «...А будет душегубство за Язуою, ино к нему Андрониев манастырь и Городищо...». (См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук / дополнены и изданы высочайше учрежденною комиссиею. — Т. 1: 1294—1598. — СПб., 1836. — С. 87).
- 82 Забелин И. Е. Кунцово и древний Сетунский стан: ист. воспоминания. — М., 1873. — 258 с.
- 83 З. Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий) (1784—1825) — археолог, этнограф.
- 84 Храм не сохранился.
- 85 Колокольня Симонова монастыря — не сохранилась.
- 86 Ваганьковский холм — в Занеглименье, напротив Кремля в районе современного Староваганьковского пер. между ул. Знаменка и Воздвиженка.
- 87 Н. А. Янчук (1859—1921) — этнограф, фольклорист, антрополог.
- 88 Софья Витовтовна (1372/1375—1453), великая княгиня, супруга великого князя Московского Василия I Дмитриевича.
- 89 Район современной ул. Трифоновской в северной части Центрального административного округа Москвы.
- 90 Урочище Лыщикова гора между р. Язуой и ул. Николоямской. Существует Лыщиков пер., выходящий на ул. Николоямскую.
- 91 Андрей Боголюбский, сын кн. Юрия Долгорукого, великий князь Владимирский в 1157—1174 гг.; убит в результате заговора.
- 92 Иван Данилович Калита, великий князь Московский (1325—1340 гг.), великий князь Владимирский с 1328 г.
- 93 В современной историографии упоминается дата 1246 г.
- 94 Даниил Александрович Московский — первый московский удельный князь, Московский удел получил в наследство от отца кн. Александра Ярославича Невского в 1263 г. (в 3-летнем возрасте), фактически самостоятельно княжил в 1272—1303 гг.
- 95 Имеется в виду бывшая усадьба Стрешневых-Нарышкиных на Воздвиженке, позднее — Московский главный архив Министерства иностранных дел с домовым Ирининским храмом (не сохранились). Сейчас на этом месте — комплекс Российской государственной библиотеки.
- 96 Имеется в виду усадебный (домовый) храм Спаса Всемилоственного в усадьбе Шереметевых Кусково.
- 97 Имеется в виду утраченный Петропавловский храм в усадьбе Нарышкиных в Петровском-Разумовском, позднее — при Сельскохозяйственной академии.
- 98 Симеон Иванович Гордый, московский князь в 1340—1353 гг.
- 99 *Амеросий (Орнатский А. А.)*. История российской иерархии. — М., 1822. — 646 с.
- 100 Сарайская или Сарская (позднее Сарская и Подонская; Крутицкая) епархия учреждена Русскою Церковью в 1261 г. в столице Золотой Орды — г. Сарае. В 1454 г. перенесена в Москву.
- 101 В Кремле; не сохранился.
- 102 Дубовой стеной Кремль был обнесен при князе Иване Калите в 1339 г.
- 103 Каменные стены Кремля возведены в 1365—1367 гг. при князе Дмитрие Ивановиче Донском (1350—1389).

- ¹⁰⁴ Аристотель Фиораванти (1415–1486) — итальянский инженер, архитектор, приглашенный в Москву Иваном III для строительства Успенского собора в Кремле в 1470-е гг.
- ¹⁰⁵ Строительство колокольни осуществлялось в несколько этапов: после разборки первоначальной церкви Иоанна Лествичника 1329 г. ее комплекс включил три разновременных постройки: собственно столп-колокольню 1508 г. (надстроена по указу Бориса Годунова в 1599–1600 гг.), звонницу 1540-х гг. и Филаретову пристройку 1624 г.
- ¹⁰⁶ Ныне находится в составе комплекса Большого Кремлевского дворца.
- ¹⁰⁷ Храм не сохранился.
- ¹⁰⁸ Монастырь не сохранился.
- ¹⁰⁹ Книги, в которые записывалась руга — денежные и натуральные выплаты духовенству из казенных средств.
- ¹¹⁰ В.Д. Ермолин (ок. 1420–1481/1485) — зодчий, строитель.
- ¹¹¹ Не сохранилась, разрушена в середине 1930-х гг.
- ¹¹² Храм не сохранился; находился недалеко от церкви Зачатия св. прав. Анны, что в Углу по линии современного Китайгородского проезда у ворот Китайгородской стены (не сохранились), которые по нему получили название Космодемьянских; сгорел в середине XVI в.
- ¹¹³ Храм не сохранился.
- ¹¹⁴ Никольский Греческий монастырь — не сохранился, в уцелевшем, принадлежавшем монастырю здании (по линии ул. Никольской) ныне существует городское подворье Заиконоспасского монастыря.
- ¹¹⁵ Храм не сохранился.
- ¹¹⁶ Храм не сохранился.
- ¹¹⁷ Храм Воскресения Христова Старого в Савеловском (ныне Пожарском) пер.; не сохранился.
- ¹¹⁸ Храм Воскресения Христова Нового на Остоженке, у Зачатьевского монастыря (приписной к монастырю); не сохранился.
- ¹¹⁹ Храм Успения Божией Матери на Остоженке, в сельце Семчинском не сохранился; по сведениям П.Г. Паламарчука, храм первоначально был во имя Иоанна Лествичника, как Успенский упоминается в 1625 г. (Сорок сороков / авт.-сост. П.Г. Паламарчук. — Т. 2: Москва в границах Садового кольца: Китай-город, Белый город, Земляной город, Замоскворечье. — М., 1994. — С. 409).
- ¹²⁰ Храм не сохранился.
- ¹²¹ Храм известен также как Похвалы Богородицы в Башмакове; близ храма Христа Спасителя; одной из святынь была икона свт. Николая; храм не сохранился.
- ¹²² Район современной ул. Б. Черкизовской в Восточном административном округе Москвы.
- ¹²³ Храм не сохранился.
- ¹²⁴ М.С. Боголюбский, протоиерей (1826–1902) — церковный и общественный деятель, председатель московского Общества любителей духовного просвещения.
- ¹²⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Коллегии иностранных дел. — Ч. 1. — М., 1813. — С. 37.
- ¹²⁶ Там же. — С. 58.
- ¹²⁷ Там же. — С. 72.
- ¹²⁸ Там же. — С. 80.
- ¹²⁹ Там же. — С. 207.
- ¹³⁰ Приток р. Яузы; ныне в коллекторе.
- ¹³¹ Золоторожская ул. в 1919 г. была переименована в ул. Бухаринскую; в 1937 г. вновь переименована — ул. Волочаевская. Память о ручье сохраняется в названиях новой

- ул. Золоторожской (1994 г.; проходит по линии русла ручья Золотой рожок), Золоторожских переулков и Золоторожского вала (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 85—86; 169—170).
- ¹³² Памятник не сохранился.
- ¹³³ Не существует, на его месте Хитровская пл.
- ¹³⁴ Храм св. Владимира в Старых Садах.
- ¹³⁵ Храм не сохранился.
- ¹³⁶ Храм не сохранился.
- ¹³⁷ Речь идет о принесении в Москву Владимирской иконы Божией Матери из Владимира во время нашествия Тамерлана и встрече ее москвичами в 1395 г.
- ¹³⁸ Храм не сохранился.
- ¹³⁹ М.И. Александровский ссылается на издание 1913 г. «Путеводителя по Москве, изданного Московским архитектурным обществом...» (переиздан в 1998 г.): «Первоначальная церковь была построена в 1667 году, церковь сгорела и была в 1760 году возобновлена...» (Цит. по: *Путеводитель по Москве* / под ред. И.П. Машкова. — М., 1998. — С. 361).
- ¹⁴⁰ Седая старина Москвы: Исторический обзор...
- ¹⁴¹ Путеводитель к святыне и священным достопамятностям города Москвы и ее окрестностей / сост. архим. Иосиф (Левицкий). — М., 1896. — С. 203.
- ¹⁴² Указатель московских церквей и монастырей / сост. М. Александровский. — М., 1915. — С. 34.
- ¹⁴³ Материалы для истории, археологии и статистики...
- ¹⁴⁴ Храм вмч. Анастасии (сер. XV в.), находился рядом с храмом Параскевы Пятницы, на углу современной Театральной пл. напротив ул. Б. Дмитровки; не сохранился.
- ¹⁴⁵ Храм Спаса Преображения в Копье, находился в районе современного Копьевского пер. (бывш. Спасского) между ул. Б. Дмитровкой и ул. Петровкой; не сохранился.
- ¹⁴⁶ В квадратные скобки текст заключен автором.
- ¹⁴⁷ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся, изданная Николаем Новиковым... — Изд. 2-е, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное. — М., 1788—1791.
- ¹⁴⁸ Кубчатая (кубоватая) решетка — древнерусская решетка из волнистых кованых прутков, состоящая из элементов, напоминающих по форме ромб, со скругленными боковыми углами и килевидными заострениями вверх и вниз.
- ¹⁴⁹ Более сложная разновидность кубчатой решетки; получает распространение с конца XVII, в XVIII в.
- ¹⁵⁰ Строительство храма осуществлялось на средства царевича Алексея Петровича с 1708/1709 г. Участие в строительстве архитектора Д. Трезини — предположительно.
- ¹⁵¹ Одна из комиссий Московского археологического общества, старейшая, возникшая в начале 1870-х гг.

БЕЛЯЕВ Иван Степанович (1860–1918)

*Историк-архивист, археограф, литератор, общественный деятель, член МАО,
секретарь Комиссии МАО по изучению Старой Москвы*

Родился в Москве, в многодетной семье чиновника. Беляев писал о себе: «во втором поколении москвич». Жил в районе Плющихи, Новинского бульвара, Хамовников, в Богородском. Окончил московское уездное училище (1880 г.), служил в Московском приказе общественного призрения, обучался в Учительской семинарии военного ведомства, получив звание учителя городского училища, 8 лет проработал в Петровско-Басманном городском училище.

Служил в Министерстве внутренних дел, в Московском архиве Министерства юстиции (с 1886 г.) — казначеем, с 1912 г. старшим помощником архивариуса (позднее старший делопроизводитель). Имел чины коллежского, затем надворного советника.

И. С. Беляев печатался в «Историческом вестнике», «Отечестве», «Вестнике всемирной истории», сотрудничал с художественно-историческим журналом «Баян» и другими изданиями. В 1897–1898 гг. выпускал под собственной редакцией научно-литературный журнал «Родная речь». В 1898 г. написал и издал историческую повесть «Искушение» по материалам Тайной канцелярии. Серия его рассказов «Бытовые очерки прошлого по архивным документам» публиковалась в «Историческом вестнике» и «Русской старине».

Среди опубликованных работ: «Приступ турок под Очаков в 1737 г.» (на основе архивных документов; 1899 г.); брошюра «Купеческие родословные как исторический источник» (1900 г.); документы «Архив села Вошажникова. Бумаги фельдмаршала Б. П. Шереметева» (1901 г.); «Крестьянин-писатель начала XVIII века И. Т. Посошков» (1902 г.); «Следственное дело об убиении Димитрия царевича в Угличе 15 мая 1591 г. Его разбор в связи с новооткрытым завещанием А. А. Нагого и группировкой свидетелей по алфавитному указателю» (1907 г.); архивно-методическое пособие «Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий» (два издания: 1907 г. и 1911 г.); «Росписной список г. Москвы 7146 (1638) года» (1911 г.) и др.

Являлся инициатором изучения источников военной русской истории XVII в., до сих пор неизвестных в литературе.

Читал лекции, выступал с докладами и сообщениями на различные темы: «Полтавская битва и Великий преобразователь России», «Об увековечении памяти императора Петра Великого по случаю 200-летия Полтавского боя», «Бородинское поле по писцовым книгам и ревизским сказкам», «Осада Свято-Троицкой Сергиевой Лавры поляками в 1609 году и освобождение ее 12 января 1610 г.», «Памятники Дома Романовых в московском Новодевичьем монастыре», «Заметки о Державине»,

«О чешских актах в собрании графа А.С. Уварова», «Завещание чеха Ивана Горжича XVII-го века» (перевод с чешского языка), «Представление депутатов псковского дворянства императрице Екатерине II в 1786 г.» и др. Организатор ряда выставок.

Был активным общественным деятелем, состоял членом многих обществ: Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, Императорского Общества любителей древней письменности, МАО (с 11 февраля 1911 г. — член-корреспондент, с 14 января 1914 г. — действительный член), Общества любителей духовного просвещения, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, Общества хоругвеносцев Троице-Сергиевой Лавры, Императорского Русского военно-исторического общества, Московского историко-родословного общества в Москве, Императорского Православного палестинского общества и др. Был председателем: Общества благоустройства села Богородского, Первого русского гимнастического общества «Сокол» и Русско-чешского вспомогательного общества памяти Яна Гуса.

Похоронен на Пятницком кладбище.

Личный архив И.С. Беляева (6 ед. хр.) хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 121).

Будучи членом МАО, участвовал в работе его Археографической комиссии; в качестве распорядителя присутствовал на открытии памятника первопечатнику Ивану Федорову (1909 г.), производил осмотр Красной площади для выбора места памятника Патриарху Гермогену и архимандриту Дионисию (1911 г.).

На 5-м заседании Комиссии «Старая Москва» 16 марта 1910 г. Беляев был избран ее членом, на 14-м 4 апреля 1911 г. — секретарем (по предложению П.С. Уваровой).

За 9 лет им было сделано более 10 докладов и сообщений: «О составлении библиографии по истории Москвы» (12-е засед. 06.02.1911 г.), «Ильинская улица в Китай-городе и Покровская в Белом каменном в 1671–1672 гг., с планом и описаниями» (15-е засед. 06.10.1911 г.; опубликован в сборнике «Старая Москва» (Вып. 1. М., 1912)), «Дом князя Дмитрия Михайловича Пожарского на Лубянке» (16-е засед. 05.12.1911 г.; опубликован в сборнике «Старая Москва» (Вып. 1. М., 1912)), «О карточной игре поэта Г.Р. Державина в Москве в банк-форо в 1770 г. на основании дела Московской полицмейстерской канцелярии» (19-е засед. 13.03.1912 г.), «О плане Москвы 1775 г. из коллекции Э.В. Готье» (21-е засед. 19.04.1912 г.), «К истории развлечений москвичей в половине XVIII столетия. Маскарад и опера Локателли» (27-е засед. 16.02.1913 г.; опубликован в сборнике «Старая Москва» (Вып. 2. М., 1914)), «О планах г. Москвы XVIII–XIX вв., предложенных к изданию» (30-е засед. 24.04.1913 г.), «Новый источник для истории Москвы. “Расписной список 1764 г.”» (39-е засед. 07.02.1914 г.), «Увеселения москвичей в двадцатых годах XIX столетия» (44-е засед. 02.10.1914 г.; опубликован К.А. Смирновой в 2023 г.), «Демонстрирование видов Москвы начала XIX ст., пожертвованных членом Комиссии гр. С.Д. Шереметевым» (46-е засед. 27.11.1914 г.), «Бани в Москве в XVII–XVIII столетиях» (65-е засед. 20.12.1916 г.); «Описание гравюр — видов Москвы в кн. “Виды Москвы”. Лондон, 1823 г.».

Помимо докладов, выступал с информационными сообщениями на различные темы: «О зале “Москвы в эпоху Отечественной войны”, устроенном на выставке 1812 года в Историческом музее» (23-е засед. 04.10.1912 г.); о посещении им Музея Старого Петрограда, расположенного в 1-й линии Васильевского острова в старинном доме со сводами середины XVIII в. графа Сюзора (49-е засед. 13.02.1915 г.); о намеченных для осмотров памятниках старины Москвы: крепостных сооружениях, домах, храмах, монастырях, подмосковных усадьбах (60-е засед. 22.03.1916 г.) и др.

Принимал активное участие в прениях по докладам и сообщениям своих коллег (с 1911 по 1918 г. — около 40 раз).

Был одним из самых деятельных членов Комиссии: принимал активное участие в деле создания музея Старой Москвы; выступал с предложениями к членам «Старой Москвы» записать их воспоминания о происшествии в Москве в революционные дни 1917 г., осуществить фотофиксацию ряда московских памятников, был членом Комиссии для подготовки сборника «Старая Москва» и редактором первого выпуска 1912 г. и т.д.

Последнее заседание с участием Беляева состоялось 21 апреля (н. ст.) 1918 г., а 1 декабря того же года И.П. Машков (исполнявший обязанности председателя) сообщил о его смерти. Члены «Старой Москвы» вспоминали И.С. Беляева как «всегда энергичного, полного жизни, неутомимого, страстного московеда». На одном из заседаний 1924 г. И.Я. Стеллецкий сказал, что личность И.С. Беляева «недостаточно оценена. Это был знаток старой Москвы по архивным данным и был хороший оратор. ...Он работал самоотверженно, умел записывать, ночи проводил, обрабатывая протоколы, которые под его пером являются целой поэмой Старой Москвы».

О ПЛАНЕ МОСКВЫ 1775 г. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Э.В. ГОТЪЕ

*доклад на 21-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
19 апреля 1912 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 35об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Краткое изложение, запись сделана И.С. Беляевым.

План был утвержден императрицею Екатериною II июля 7 дня 1775 г. подписью «Быть по сему», закончен при Моск. главнокомандующем Захаре Григорьевиче Чернышеве. Он является чрезвычайно важным планом Москвы при генеральном межевании¹, может служить ценным источником для исторической топографии древней столицы, особенно при сопоставлении его с известными планами: Мичурина — 1739 г.; 1801 г., 1812 и 1819 годов.

На плане 1775 г. за Москвою-рекою указано здание, называемое «Воробьевским дворцом»², из чего видно, что последний еще в то время существовал. Москва по плану 1775 г. Земляным городом³ уже не оканчивается, границы ее составляет новая черта, называемая «Камер-коллежским валом»⁴, на расстоянии двух-трех верст от Земляного города, и в этой новой полосе представляет большие площади незаселенных мест. Стен Белого города⁵ уже нет, на их месте в плане указаны древесные насаждения, а в реестре к плану добавлено: «против бывшего Белогорода вокруг на пристойных к тому местах отведены площади, кварталы и корпуса под строение торговых харчевен, харчевых лавок и под другие публичные строения». Между Ильинкою и Варваркою на плане указывается длинное владение, называемое «Магистратом». О Посольском дворе на Ильинке в реестре сказано, что «он назначается к помещению торговых мест». За Москвой-рекой на месте теперешней канавы⁶ на плане нанесена длинная полукругом полоса, соединенная с Москвой-рекой; она называется

«вновь проектированным каналом». В разных местах города названы многие дворы по фамилиям владельцев, и между ними, как отголосок XVII в., — «блинная солдата Василия Степанова».

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРЕДПОЛАГАЕМОМУ ИЗДАНИЮ СТАРЫХ ПЛАНОВ г. МОСКВЫ

*сообщение на 30-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
24 апреля 1913 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 49об.—50об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с правкой и вставками, с автографами. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись сделана И. С. Беляевым.

Секретарь Комиссии [И. С. Беляев] доложил собранию некоторые материалы к предполагаемому изданию старых планов г. Москвы. Пока, по имеющимся данным, самым древним планом столицы, исполненным по правильному масштабу, является план Мичурина 1739 года; последнее его издание становится уже редкостью, оставшиеся экземпляры продаются по 3 рубля в Москов. Главном архиве Минист. иностр. дел.

Следующим по времени идет план Москвы Генерального межевания 1775 г. из коллекции товарища Председателя Комиссии Э. В. Готье. Содержание его было доложено Комиссии секретарем Комиссии 19 апреля 1912 г. Промежуток времени от плана Мичурина до плана 1775 г. составляет около 35 лет.

Третьим и четвертым планами являются планы из собрания же Э. В. Готье: а) всей Москвы 1796 г., раскрашенный с гербами уездов и б) план Москвы же «на 30 верст в округе», конца XVIII столетия, работы Махаева. Промежуток времени от предыдущего плана равняется около 20 лет.

В Военно-топографическом депо Главного Штаба в г. Петербурге хранится план Москвы и уездов 1800 года. О его значении и содержании было уже доложено Комиссии ее членом Гр. В. Балицким в заседании 14 января 1912 г. 5[-й] план.

Капельмейстер из Калуги доставил Археологическому обществу (МАО — *сост.*) план Москвы 1819 г., т. е. план столицы после пожара 1812 г. Его содержание было доложено Комиссии ее членом И. Я. Стеллецким 19 апреля 1912 г. 6-й план.

В собрании же Э. В. Готье имеются еще следующие три плана г. Москвы: 7-й) около 1830 года, гравированный Афанасьевым, 8) всей же Москвы 1843 г., раскрашенный и, наконец, 9-й план, раскрашенный, всей же Москвы 1864 года.

Таким образом, эти переименованные планы Москвы идут в непрерывной связи за 135 лет ее существования с промежутками между отдельными планами

около 20 лет, все они сопровождаются так называемыми экспликациями, или объяснениями расположения отдельных частей и мест столицы, как раз дающими тот ценный материал, который необходим для применения сравнительно-исторического метода при группировке и освещении прошлого Москвы, если все эти девять планов издать от Комиссии в одном общем сборнике. Несомненно, такой сборник послужит и для научных, и практических целей, явится от Комиссии по изучению Москвы крупным вкладом для ее истории. Три из этих девяти планов почти уже приготовлены к печати; если бы члены Комиссии Старой Москвы пожелали принять участие для такой же работы в остальных шести планах, хотя [бы] каждый по одному плану, тогда бы дело издания сборника старых планов г. Москвы можно бы было двинуть в ход. Работа каждого из авторов по обработке плана к печати должна быть помещена в сборник за его подписью, а все статьи сборника с планами — иметь одну общую цель — передачи в общей последовательности роста или убыли, возникновения новых или исчезновения старых целых урочищ, или отдельных мест, площадей, улиц и переулков и даже владений старой Москвы, давая по возможности точную картину всех переходов, через которые дошли до настоящего времени многие уголки современной нам Москвы.

Если средним числом класть на изготовление клише каждого плана 50 рублей, то для всех девяти потребуется сумма около 450 рублей, набор текста сборника и печатание его планов будет стоить около 400 р. Так что общий расход по изданию сборника может выразиться в сумме около 850 р., на покрытие его имеется около 750 р., заявленных как пожертвование на издания Комиссии ее членом Г.В. Балицким, а остальные 100 рублей могут быть уплачены из общих сумм Комиссии.

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ МОСКВЫ. «РОСПИСНОЙ СПИСОК» 1764 ГОДА

*доклад на 39-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
7 февраля 1914 г.⁷ (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 39. Д. 20. Л. 1–2об.; архивное дело)

Рукописный текст, черные чернила, с правкой, вставками и пометками, есть авторские сноски. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами.

В первоначальном своем существовании, относящемся к концу XVI века, «рописные списки» название получили от существительного «ропись» (перечневая, именная и т.п.), перечислявшего подробно наличность⁸ нескольких однообразных или разнообразных предметов. Позднее этим именем стали

называться росписки, делавшиеся воеводами при сдаче или приеме города друг от друга с приложением описания города, причем они должны «росписаться», т.е. закрепить своими подписями акт приема или сдачи. В росписном списке указывалось, сколько в городе башен, ядер, пищалей, пороху, свинцового запаса, а также — кто с каким орудием должен явиться на стену при защите города.

В 1911 году в Трудах Военно-исторического общества мною был напечатан древнейший росписной список г. Москвы, восходящий к 1638 г. В настоящее время мною предлагается Вашему вниманию найденный в «разбитых и неполных документах Москов. архива Мин[истерства] юст[иции]» самый позднейший росписной список нашей же столицы за 1764 г., причем он же является теперь и самым позднейшим списком между всеми городами, так как до сих пор таковым считался расписной список по Шацку 1742 г.

Но в начале XVIII столетия одновременно с другими реформами состоялось и коренное преобразование управления городов: по указу Великого Петра в 1709 г. воеводы стали заменяться комендантами, в ведение последних перешли стены и башни крепостей, а богатое именно их описанием содержание росписных списков все суживалось, они сами после 20–30[-х] годов того же XVIII столетия становились уже пережитком минувшего, хотя по указу Петра Второго (1727–1730 гг. — *сост.*) 12 сентября 1728 г. воеводам и предписывалось по приезде в город всю наличность свидетельствовать по прежним росписным спискам, во всем расписаться и тот росписной список прислать в Сенат*. Конечно, новая русская столица Петербург не имела их совсем. Зато старая Москва сохранила свою старину, оставшись ей верной далеко даже за половину XVIII века. И несочувствие к планам великого императора его сына царевича Алексея, его первой жены, урожденной Лопухиной, и даже любовь к родным заветам его дочери от второй жены, императрицы Елизаветы, в корне покоились на глубоком самосознании московского населения, воспитавшемся на заслугах его собирателей. Сохранившийся «росписной список» Москвы 1764 г. служит еще раз тому примером.

Историк областного управления России от Петра до Екатерины II, т.е. учреждений, предшествовавших губернским присутствиям 1775 года, Ю.В. Готье, не имел под руками нашего росписного списка; он, конечно, составил бы для него ценный материал, так как сообщает много характерных и красочных данных для истории Московской губернии, и центрального ее управления «губернаменской канцелярии», как называли ее современники. Но, и не имея нашего документа, г. Готье на основании других материалов приходит к выводу, который получается и из обследования росписного списка, что «сравнение с допетровской стариной убеждает, что в финансовой области губернаторы и воеводы XVIII века были настоящими преемниками воевод времени первых Романовых»,

* Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 1-е. — М., 1830. — Т. 8. — №5333. — П. 2.

что «внешний налет, конечно, остался и чувствовался кое в чем, но Московское нутро так и сквозит из всех финансовых рапортов, реестров и ведомостей»^{*}.

С.М. Соловьев при характеристике екатерининских губернаторов вскользь ссылается на наш росписной список, делая только характеристику дел и сумм Московской губернской канцелярии, но по заключению или концу лишь росписного списка, находящегося в С.-Петербурге в Государственном архиве^{**}, тогда как в Архиве Министерства юстиции в Москве он сохранился весь целиком. Из ссылки же С.М. Соловьева видно, что заключение росписного списка, или донесение губернатора представлялось уже не как прежде Разрядному приказу или Сенату позднее, а самой императрице.

Из многих особенностей города по росписному списку я позволю себе остановиться на одной самой важной, касающейся значительного расширения площади города. До сих пор существовало мнение, что Камер-коллежский вал и при нем заставы были устроены во время генерального межевания Москвы 1775 г.⁹ Но росписной список 1764 года дает точное указание, что в это уже время, кроме прежнего «земляного города», окруженного валом, во многих местах осыпавшимся, «около Москвы имелся ров и вал земляной, а где оного рыть не можно (по-видимому, в болотистых местах), сделаны от Камер-коллегии дубовые сваи. При рве же и вале имеются сделанные 17 застав, при которых построены избы с сенями (несомненно деревянные, которые и следует считать родоначальниками позднейших каменных)». И Камер-коллежский вал, и заставы, все это было сделано, как ни странно, не для укрепления или расширения города, а для борьбы с тем же злом, о котором заговорили вновь в недавнее время, — для борьбы с пьянством, или, как говорит документ, «для пресечения провоза в Москву корчемных питей», так как последние были отданы в содержание (откупное) крестьянину гр. П.Б. Шереметева из села Выхина Степану Лылову.

Росписной список сообщает чрезвычайно ценные данные о центральном, как мною уже сказано, в Москве присутственном месте — «Московской губернаментской канцелярии», совмещавшей в 1764 году нескольких теперешних должностных лиц и правительственных учреждений: губернатора и обер-полицеймейстера, их канцелярий, губернского правления, казенной палаты, казначейства и проч. Он же дает характеристику деятельности Канцелярии по четырем ее отделам, или экспедициям и подсчитывает общий состав личного ее состава.

Приводим текст самого документа¹⁰.

^{*} Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: В 2 т. — Т. 1: Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. — М., 1913. — С. 465.

^{**} История России с древнейших времен / соч. С.М. Соловьева; изд. Тов. «Общественная польза». — Кн. 6: Т. XXVI–XXIX. — СПб., 1911. — Т. XXVII. — Стб. 288.

УВЕСЕЛЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ В ДВАДЦАТЫХ ГОДАХ XIX СТОЛЕТИЯ

*доклад на 44-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
2 октября 1914 г.¹¹ (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 39. Д. 14. Л. 1—4об.; архивное дело¹²)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с правкой, вставка-ми и пометами. Листы двухсторонние, есть пятна. Приложены выписки из архивных документов.

История топографии Москвы, освещающая прошлое многих ее уголков, служит, таким образом, интересным и естественным ответом на присущее нам желание знать, что было раньше на том или другом месте, давая вместе с тем ряд данных для научных выводов о росте или убыли города, о движении его населения, — она может быть односторонней и немой, если не сопровождается бытовыми очерками из жизни тех лиц, которые некогда составляли ее душу.

В Московском архиве Министерства юстиции мною найдено дело, сообщающее некоторые сведения о времяпрепровождении наших предков в часы досуга в двадцатых годах прошлого XIX столетия. Несмотря на то, что разгром 1812 года, взятие французами Москвы и ее сожжение нарушили до основания колею жизни москвичей, менее чем через два года после испытанных ужасов в древней столице в ноябре 1814 года, как говорит наш документ, какой-то иностранец господин Маттио с дозволения начальства в доме Благородного собрания на Дмитровке¹³ предлагает посмотреть его искусство в сделанном фрегате. Сия точная копия, — публикует он, — имеет 48 пушек, расположенных в двух ярусах с натурально оснащенными мачтами и принадлежащими к ним блоками для матросских лестниц и для управления парусами, коих 22 в полном движении. Во внутренности фрегата можно видеть верхний ярус с жилыми покоями, или каютами, места для лоцмана и матросов, компас для управления кораблем, запасные якоря и канаты, колокол для зова к богослужению, насосы и прочие вещи и места, которых описать никак невозможно. Модель можно видеть с 10 ч. утра до 5 пополудни, кроме четверга. Цена один рубль с персоны. «Г. Маттио, — заканчивает объявление, — надеется, что модель послужит занятием особенно для молодых людей». 1)¹⁴

Спустя 6 лет, в феврале месяце 1821 г. Контора Императорского московского театра выдала иностранцу Орсини дозволение показывать в течение Великого поста фантасмагорию, с оговоркою, чтобы Орсини являлся в Контору театра каждую неделю для назначения ему для показывания этой фантасмагории дней, свободных и незанятых другими концертами и представлениями. 2)

В апреле того же 1821 года жена московского купеческого сына Марфа Иванова Иевлева в своем прошении на имя Московского обер-полицмейстера

Александра Сергеевича Шульгина объясняла, что при доме ее загородном за Рогожской заставой, выстроенном на земле экономических крестьян, имеется довольно обширный сад; сюда в летнее время приезжают для прогулки весьма много благородных семейств и даже из других частей города. Желая еще больше доставить удовольствие посетителям сада, — как говорит Иевлева, — она просила разрешения построить для катания две летние горы. 3)

Летом 1821 года иностранец Сарнет в доме Сенатской типографии в Охотном ряду¹⁵ ежедневно с 9 утра до 9 ч. вечера показывал оптические панорамы, которые «до того времени в Москве показываемы не были». Виды. 1. Замка Людвигсбурга с окружным его садом. 2. Колоннада Ватикана в Риме. 3. Бибрийский замок в окрестностях реки Рейна. 4. Пирамиды Египетские — Каио Кастиа и храм Весты в Египте. 5. Окрестности Амстердама и королевский дворец. 6. Аббатства с замком Думферолимским. 7. Площадь при р. Тибре и часть крепости Сент-Ангела. 8. Большой театр в г. Марсели. 9. Внутренность церкви Св. Петра в Риме. 10. Народная площадь и церковь Св. Андрея с большим фонтаном в Риме. 11. Банк в Стокгольме и дом графа Пипера. 12. Церковь Св. Гоара на Рейнфельской крепости. За вход в панораму Сарнет брал с взрослых 1 рубль, с детей 50 копеек. 4)

Московские народные гулянья скоро, по-видимому, будут лишь одним воспоминанием, так как они одно за другим прекращаются, ничего, к сожалению, не давая взамен себя. Теперь уже уничтожено народное гулянье на Девичьем поле и остается, кажется, единственное близ Пресненской заставы¹⁶. Сам я застал еще гулянье на Красноворотской площади¹⁷ (где теперь сквер), называвшейся тогда Сенной и имевшей на середине деревянное крытое зданье с большими весами для возов. Гулянье происходило в Троицын и Духов день, большей частью бывало многочисленно и оживленно. Ряды балаганов, обтянутых полотном, имели впереди себя сверху деревянные помосты, на которые в трико телесного цвета выходили паяцы, женщины, сильно нарумяненные и с большими декольте, и зазывали к себе народ. Охрипшими голосами наверху помостов вели они разные нехитрые диалоги, иногда не без юмора; между ними были «невеста» и «дурак», а нас, детей, особенно занимал паяц в безобразной маске лешего с ослиными ушами и рогами в свободном широком балахоне, посредством палок внутри этот балахон с маскою лешего поднимался кверху более сажени, и нашему детскому удивлению не было конца. Свои диалоги на верхних помостах паяцы перед уходом вниз оканчивали обыкновенно призывом: «Пожалуйте, сейчас начинается!», прибавляя иногда — «господа почтенные». В балагане стояло несколько скамеек, на которых рассаживалась публика, и деревянная возвышенная площадка — сцена. В одних балаганах под музыку или гармошку, а иногда и без них давались акробатические гимнастические упражнения с разными сальто-морталеми, в других — небольшие пьесы. Из последних я, например, запомнил немного одну под названием «Анчутка безпятьй». Здесь к обессилевшему от нужды мужику по его зову является чертенок

и спрашивает, что тому нужно. — «Конечно, деньжонок, Анчуточка!» — отвечает крестьянин. Чертенюк бросает ему в ноги мешок, который, падая, звенит. Мужичок как-то надувает Анчутку и с мешком удирает. Во всех балаганах большинство представлений заканчивалось пляскою актеров. Между балаганами один бывал непременно с «петрушкою», очень любимым народом. Кукла с длинным носом показывалась из-за ширм, и оттуда рукою заставляли ее кланяться и делать разные движения, сопровождая их объяснениями, произносимыми через особую металлическую пластинку под языком, отчего получалась особая крикливость. Появлялась другая кукла-цыган, происходила потасовка, и представление «петрушки» заканчивалось.

Другими удовольствиями на гуляньях служили разные качели, прежде всего, самокаты, где на конях верхом или, сидя на скамейке, кружились кругом центра, где стояла шарманка, игравшая какой-нибудь марш. Во время езды на самокате ехавшие из особой дощечки вытаскивали руками железные небольшие кольца и первый, вынувший их три, кричал: «партия!». Дощечку закрывали, и самокат продолжал еще вертеться с минуту. Вытащивший «партию» мог кататься еще раз уже бесплатно. Другие качели назывались «перекидными», на них в деревянных люльках, где на каждой могли сидеть не более двух катавшихся, люльки быстро путем раскачивания стоящими рабочими то поднимались вверх сажень на 5, то спускались вниз. По окончании катания рабочие просили «на бузу!» или на чай, причем, может быть, название этого албанского напитка указывает на место, откуда к нам появились перекидные качели.

На гулянии же с открытых лотков продавались орехи, подсолнухи (семечки — *сост.*), пряники, стручки цареградские¹⁸, разные дешевые сласти, наконец, мороженое и сбитень — чистый и с молоком.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы народные гулянья имели значительное воспитательное значение, но нельзя и не считаться с тем, что для правильного развития человеческого организма удовольствие должно быть необходимым, поэтому, по моему наблюдению, с этой стороны для неинтеллигентного работника народные гулянья вполне достигали цели.

Так, вероятно, смотрели и современники в начале XIX столетия, к которому относится наш документ, потому что ежегодно составляли целый круг гуляний на всю Москву на весь год, утверждаемый обер-полицмейстером.

В 1821 г. им, обер-полицмейстером, были допущены следующие торговые палатки на всех народных гуляньях: чайные, сбитенные, съестные, фруктовые и казенных питей, а также балаганы. Гулянья были утверждены в следующие дни.

1 мая, когда начинался их сезон, — в Сокольниках. 13 мая — под Девичьим (Девичье поле у Новодевичьего монастырем — *сост.*). 19 мая — у Вознесенья, что на Гороховом поле. 21 мая — у Сретенских ворот (Белого города — *сост.*). 22 мая — у Страстного монастыря¹⁹; здесь, кроме палаток и балагана, была допущена «карусель». 23 мая — в Марьиной роще. 29 и 30 мая — у Полевого двора, на Каланче²⁰ и за Дорогомиловской заставой.

3 июня — у Варварских ворот (Китай-города — *сост.*). 23 июня у Сретенских ворот. 24 июня — у Трех гор²¹. 29 июня — у Петра и Павла, что в Преображенской слободе.

20 июля — у Илии Пророка на Воронцовом поле. 28 июля — под Девичьим.

1 августа — на Трубе и под Симоновым²². 6 августа — у Новоспасского монастыря. 15 и 16 августа — у Спаса Андроньева монастыря. 19 августа — у Донского монастыря. При последних двух гуляньях дается разрешение дворовому человеку княгини Голицыной Зубкову показывать «камер обскур»²³. 26 августа — у Сухаревой башни²⁴. 29 августа — у Ивановского монастыря.

1 сентября — у Данилова монастыря. 8 сентября — на Бутырках²⁵. 14 сентября — в Красном селе²⁶.

Наконец, 1 октября, заключение сезона, в Покровском селе²⁷. Здесь дается разрешение москов[скому] мещанину Ивану Надуеву на «показывание видов картин разных городов».

Таким образом, общее число народных гуляний в году было 25, а самыми обильными месяцами по числу их были: май — 8 гуляний, и август — 7, или в это время через каждые четыре дня в какой-либо части Москвы бывало непременно гулянье, что, конечно, указывает, что на них был спрос, что они приходились москвичам по вкусу, и что народ посещал их с охотою.

Одновременно в том же 1821 г., когда составлялся этот список народным гуляньям, московский военный генерал-губернатор, управляющий и гражданскою частью, князь Дмитрий Владимирович Голицын, «равно как и прочие с ним соучастники», как сказано в документе, с июля месяца стал хлопотать о выписке в Москву итальянской труппы, на что в сентябре месяце последовало Высочайшее соизволение, а с 12 ноября 1821 г. в Императорском московском театре начались представления в следующем составе труппы. Театральный директор Доменик Бартолоцци. Актеры Пелегрино Поли с женою Люджею и служителем Бабтистом, Люджи Заледони с сыном Жозеппом и дочерьми Жозефиною и Люджею. Певцы Петр Рота, Андрей Перуччи с женою Сесилиею и сыном Домеником, Газтано Замбони. Певицы Люджи Замбони, Анжела Козелло. Капельмейстеры Жозепа Цаппа, Мишель Жулиани. Музыканты Люджи Гранни с женою Викториею, Жозеппа Манианти, Петр Мижори.

Труппа эта давала итальянские оперы два раза в неделю по средам и субботам; по мере надобности предполагалось назначать представления и чаще, чтобы успеть дать 80 спектаклей, составляющих годовой абонемент, и сверх того бенефисы.

Князь Д. В. Голицын предписывал обер-полицмейстеру во время итальянских представлений для соблюдения порядка при разъезде экипажей отпускать потребное число жандармов и часть пожарной команды с трубами. Воинский же караул в театр должен отпускаться по распоряжению местного коменданта. 5)

5 ноября 1821 г. Контора Императорского московского театра выдала дозволение вечно цеховому Матвею Антомати показывать ежедневно с 9 ч. утра

до 6 вечера в доме г-жи Беклемишевой ежедневно панораму и военно-линейный корабль. Указано, что печатание афиш Антомати должен производить по установленным правилам в типографии Императорского московского театра. 6)

По-видимому, одновременно с итальянской оперой в Императорском московском театре давал представления какой-то «воздушный гротес» Майер. Московский обер-полицмейстер предложил директору театра г. Сухопрудскому, согласно 9[-й] статьи Высочайше конфирмованного (утвержденного — *сост.*) 23 марта 1816 г. доклада генерала от артиллерии графа Аракчеева, обязать Майера дать одно представление в пользу инвалидов в один из дней после 11 декабря 1821 года, на что тот и согласился. 7)

30 декабря того же 1821 года Контора Императорского московского театра разрешила иностранке Деннебек до 1 февраля 1822 года, то есть в течение одного месяца, показывать зверей в доме Бекетова на Тверской, ежедневно с 9 ч. утра до 7½ ч. вечера. 8)

Вот частица тех развлечений, которые предлагались москвичам в двадцатых годах XIX столетия. Как много ни говорится в наше время о прогрессивном движении человечества, но я думаю, что по части народных увеселений мы далеко отстали от постановки их, существовавшей 100 лет назад. Ни теперешние народные дома, ни кинематографы их не заменят. Те, прежде всего, были полезны тем, что происходили свободно на открытом воздухе, при том их было такое подавляющее количество, что редкий уголок Москвы не жил во время гулянья своим местным интересом, и число их из года в год все увеличивалось. Народу давали систематически здоровую «пищу». Мне даже кажется, что и теперь о старых народных гуляньях не мешает вспомнить, если будет решен вопрос об уничтожении торговли водкою навсегда. Как очевидец, я могу сказать, что при наличности народных гуляний пьянства было меньше.

БАНИ В МОСКВЕ В XVII–XVIII СТОЛЕТИЯХ

*доклад на 65-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
20 декабря 1916 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 39. Д. 16. Л. 1–2об.; архивное дело)

Машинописный текст, с рукописными вставками чернилами. Листы двухсторонние, с пятнами.

Секретарем Комиссии И. С. Беляевым был сделан доклад о банях в Москве в XVII–XVIII столетиях. Докладчик, прежде всего, остановился на происхождении самого слова «баня» и привел предположение Карамзина от польского «*bania*», т.е. круглое здание с главой, или в начале христианства особенная

пристройка для крещения взрослых, ставшая впоследствии банею в настоящем значении слова. Нестор (летописец — *сост.*), описывая быт славян, говорит, что у них «бани древени; пережгут камене румяно, разволокутся нази, облиются квасом уснияном (щелоком), возьмут на ся прутье младое, бьются сами, только едва слезут жилы, облиются водою студеною и тако оживут. И то творят по вся дни, не мучими ни ким же, на сами ся мучат, а то творят мовенье, а не мученье». Баня является особым знаком внимания к гостю. Вдова Игоря Ольга велела для послов древлян изготовить баню, в которой их потом сожгли. Из договора Олега с греками 907 г., по одному из летописных списков, имеется указание, свидетельствующее, насколько существенно необходимым была баня для наших предков-славян: «Иже придут гост[нрзб], да емлют месячину на 6 месяц: и хлеб, и вино, и мясо, и рыбы, и овощем и да творят им мовь, елико хотят»²⁸. Бани, мыльни, мовницы начинают встречаться в летописях с XII столетия в Киеве, Новгороде и Москве. В XV и XVI веках они уже представляют существенный предмет русского обихода, когда редкий зажиточный человек ее не имел. В Стоглаве 1551 года²⁹ было замечено, что «мужчины и женщины моются вместе в одних банях, куда даже самые иноки и инокини не стыдятся ходить». Баня в жизни русского человека приобретает столь важное значение, что в числе обвинений, предъявленных первому Лжедмитрию³⁰, указывалось, что он «не мог терпеть бани и ни однажды еще не мылся в бане с своею поганою царицею». С появлением на престоле Михаила Федоровича (Романова; 1613–1645 гг. — *сост.*), вышедшего из русской боярской среды, баня занимает соответствующее место и в царском быту. Перед своим бракосочетанием с Марьей Владимировной Долгоруковой он устраивает новую каменную мыленку. Царь Алексей Михайлович (1645–1676 гг. — *сост.*) в 1666 году приказывает сделать себе новую ванну водяную из 10 сосновых досок, а в ней кресла деревянные, обитые атласом червчатым, к ней два опахальца бумажные. В 1691 году была починена мыленка царя Петра Алексеевича (Петра I; 1682–1725 гг. — *сост.*), в которой находились таз мерою ведро с рыльцем и со скобками, 4 топора добрых и два замка немецких. Во дворце указывались особые мыльни для царицы, царевиче[й] меньших и больших, царевен и даже для «верховых богомольцев». В Москве в XVII веке в рядах существовал особый мыльный ряд с продаже[й] в нем всех банных принадлежностей. Целая местнос[ть], идущая от Яузских ворот к прежнему Васильевскому лужку, ныне Воспитательному дому, была покрыта частновладельческими и торговыми банями и называлась «Мыльниками». Недалеке были расположены на реке Яузе и на одном из ее островков известные «Серебрянические» бани, с которых имеется рисунок. В половине же XVII столетия упоминаются еще следующие 4 бани, которые можно считать древнейшими в Москве: 1) На Трубе³¹, идучи из города на левой стороне, 2) за Сре-тенскими воротами, за Земляным городом по правой стороне, 3) у Егория в Яндове³², идучи от Живого моста³³ к Кузнечному ряду и 4) за Фроловскими,

или Спасскими воротами. Около бань стояли торговые шалаши для продажи кваса, а в одном случае даже «сусленый кувшин». В 1638 году в Москве насчитывалось 13 баньщиков, из которых двое показываются еще одновременно и «дворниками», а один «гуляющим человеком», 10 мыльников и 2 банных водолива. С бань ежегодно собиралось до 2000 тысяч рублей. Топились они 1 или 2 раза в неделю, в летние жары, во избежание пожаров они не открывались. В баню обыкновенно ходили после обеда и не страдали от последствий. Кто ходил в баню, тот и парился; потом мывшийся выбегал на воздух, летом бросался в близлежащую реку, а зимою катался нагим по снегу или обливался холодною водою на морозе. Баня служила русским людям главным лекарством от разных болезней: при начале нездоровья пили водку с чесноком или перцем, закусывали луком и шли париться: часто это средство достигало цели.

Относительно торговых бань в Москве в XVIII столетии докладчику повезло найти в Московском архиве Министерства юстиции обширное дело Камер-Коллегии, в ведении которой уже они находились. Документ этот нигде не был напечатан, равно как и не был известен И.Е. Забелину. С 1735 года под торговые бани земля отводилась казною, равно как и самые бани большею частью строились на казенные средства, а потом уже отдавались на откуп частным лицам; для некоторых из них бани явились специальным промыслом, так на содержании у купца Готовцева их было шестеро, у купца же Аристова — пятеро. В деле перечислены все Московские бани в 1735 году, с их подробным указанием топографии, названием и окладом откупа, и их перечень был изложен докладчиком.

Самыми большими банями, по сумме откупа, идут уже поименованные выше бани у Егорья в Ендове, с них берется в год 370 рублей 75¼ копейки, вторыми — бани в Белом городе около Кузнецкого моста, с окладом 322 руб. 85¼ копейки, Серебренические бани на Яузе занимают 3 место и дают казне откупа 293 рубля. Итого в Москве было 52 торговых бани, они давали в год казне дохода 5723 рубля 62 коп. или на наши современные деньги около 57 230 рублей. В 1735 году каждая баня приходилась на 1923 человека, тогда как в наше время одна баня падает на 20 000 человек, т.е. при сравнении с XVIII столетием мы от него отстали в 10 раз. Дух времени, обусловленный правовыми отношениями личности к государству, ярко виден в делах, касавшихся финансовой стороны бань. При доимках на откупщиках описывали для уплаты даже дворы последних, не давая им никакой пощады. Содержатель бань за Петровскими воротами купец Семенов за банную доимку 142 рубля 32 копейки содержался в заключении более года под караулом в Московской губернской канцелярии, а когда здесь и умер, то Камер-коллегия отыскала его поручителя некоего Холщевникова; он, как сказано в деле, к платежу доимки Семенова был «не в состоянии», тогда Камер-коллегия для зарабатывания этой доимки отдала его в дом партикулярному человеку с тем, чтобы последний платил за Холщевникова

казне ежегодно по 24 рубля, и, таким образом, несчастный поручитель за чужую доимку должен был работать подневольно, как крепостной, более 2 лет. Если с одной стороны принимались суровые меры ко взысканию доимок, то с другой допускалось попустительство того, что составляло прямое дело Коллегии: кроме 52, нашлись еще 6 бань, которые были Коллегии неизвестны и которые наносили казенным такое «умаление и подрыв», что один из откупщиков от снятых у Камер-коллегии бань отказался. В числе этих 6 бань, не плативших оклада, одни были пожалованы Петром Вторым (1727–1730 гг. — *сост.*) Мишукову, другие графу А.Г. Орлову, остальные разным учреждениям. Сенат постановил после долгой переписки о новых банях просить Высочайшего указа Государыни. До 1801 года торговые бани находились в ведении казны, когда последовало распоряжение передать их вместе с доходами городам, а в 1803 году последним предоставлено право сдавать их от себя на откуп. Входная плата с торговых бань в 1770 году без сторожки была одна деньга с человека; кто оставлял на хранение платье в гнездах, или деревянных клетках, тот платил 1 копейку. В 1803 году с военнотружущих вместе с сторожкой брали 2 копейки, со всех остальных также 2 копейки, но без сторожки; кто же желал ею пользоваться, тот прибавлял еще 3 копейки.

Явление, отмеченное еще на соборе 1551 года, продолжалось и в XVIII столетии. Сенатом издавались указы в 1743 и 1760 годах, чтобы мужеск[ий] и женск[ий] пол в торговых банях не парились вместе под опасением штрафа без пощады. Наконец, в 1782 году последовало новое и последнее распоряжение по сему предмету Сената: «кто войдет мужеска пола к женщинам, а женского — к мужчинам, или будут вместе париться, то виновного или виновницу посылать в Смирительный дом бани топить, дондеже³⁴ за себя штраф заплатят». Тогда же было указано торговые бани в городах разделить на 2 помещения с отдельным входом в каждое и с надписью: Баня «мужеска» или «женска» пола. Докладчику в 70-х годах уже XIX столетия памятливые старые «Лепешкинские бани» на Москве-реке, у Новинского переулка³⁵, сохранившиеся в целом виде от XVIII века: все внутренне[e] их устройство было деревянное, на скамьях лежали посетители с поставленными на спинах «банками», любители париться поддавали на каменку душистыми уксусами или настоями мяты, и как неизменный отпечаток прошлой бани слышалась трель сверчка, имевшего там право гражданства. И вспоминая эти старые деревянные бани, докладчик отдал им предпочтение перед современными, потому что они доставляли более неги и телу, и душе, а может быть, еще потому, что в них более чувствовалось нашей народной самобытности.

О ГРАВЮРАХ-ВИДАХ МОСКВЫ В КН[ИГЕ] «ВИДЫ МОСКВЫ» (ЛОНДОН, 1823 г.) — ОПИСАНИЕ

*доклад на заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
до 21 апреля 1918 г.*³⁶

(К. 39. Д. 21. Л. 1–2; архивное дело)

Рукописный текст, черные и синие чернила, встречается карандаш, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные.

[Виды:]

I. Кремля и парадной площади³⁷. Снимок зимой

1. Еще существует старый дворец³⁸ с красным крыльцом, взамен которого в 1849 г. окончен настоящий³⁹.
2. Виден бок прежней Ружейной палаты, где ныне Кремлевские казармы⁴⁰.
3. Уже нет собора Николо-Гостунского, сломанного в одну ночь для парада⁴¹.
4. У Ивана Великого нет Царя-колокола, находившего[ся] в это время в земле.
5. На площади старинный способ езды «цугом» в 4 лошади: карета и сани.
6. На площади же один из ходящих торговцев сбитенщик со своим большим чайником-самоваром.

II. Кремля и теперешней Дворцовой площади

1. На первом плане красивое здание прежней Оружейной палаты. На этом месте ныне построены Кремлевские казармы.
2. Вдали старый Елизаветинский дворец⁴²
3. Направо здание Арсенала
4. Налево — Сената, ныне здание Судебн. установлени[й]
5. Нет Царь-пушки, как у Арсенала каменных постаментов с пушками

III. Красной площади

1. Здесь уже памятник Минину и Пожарскому⁴³
2. Направо обширное здание с колоннами рядов, выстроенное до 1816 г. архитектором Бове⁴⁴ с так наз. одним «глаголем», выходящим к Казанскому собору
3. За памятником налево на месте теперешнего Истор. музея здание Шестигласной Думы⁴⁵
4. От Никольских ворот спуск в виде моста, окруженный решеткой, а вдоль Кремлевской стены — каменный рундук.

IV. Красной площади с другой стороны

1. Налево «глаголь» от рядов против Лобного места
2. У Спасских ворот такой же спуск в виде моста с решеткой, как у Никольских
3. У моста экипаж цугом в 4 лошади
4. На площади посредине парный извозчик (на паре лошадей — *сост.*), экипаж «гитара»⁴⁶, на ней седок военный верхом, немного далее на площади сбитенщик с своим чайником

V. Синодальной типографии, на Никольской

1. По-видимому, к типографии принадлежало и соседнее здание, ныне «Славянский базар»

2. За типографией влево два однородных двухэтажных здания Никольского монастыря (Николо-Греческого монастыря — *сост.*), теперь уже не существующего

3. На улице, настолько в настоящее время бойкой, что переходить ее нужно чуть не бегом, в то время изображен какой-то прохожий, спокойно расположившийся отдохнуть, сидя с собакой

VI. Каменного моста

1. Набережная укреплена еще бревенчатым частоколом

2. Внизу недалеко от моста берут воду для питья бочкою и ведрами — на промысле, точно в селе, и тут же человек верхом пускает пить воду двух лошадей

3. Внизу на отлогом левом берегу большие деревья

4. За мостом — вид Кремля с старым Елизаветинским дворцом, напоминающим современный, левее отдельно высится терема и еще левее на холму, ближе к Боровицким воротам храм — вероятно, древняя церковь Иоанна Предтечи⁴⁷.

VII. Москворецкого моста, по-видимому, деревянного

1. Здесь набережная каменная

2. Внизу тоже взятие воды бочками и ведрами и питье лошадей, а может быть их купание как у Каменного

3. Живорыбный ряд своим зданием вплотную без теперешнего разрыва примыкает к Кремлевской стене

4. Ура Мученика⁴⁸

КОММЕНТАРИИ

¹ Подчеркивания в тексте авторские.

² Первоначально дворец в с. Воробьево появился в конце XV в., после того, как село было куплено Софьей Витовтовной; оставаясь великокняжеской, а затем и царской загородной резиденцией, неоднократно перестраивался. В 1732–1735 гг. отстроен архитектором И.Ф. Мичуриным. В 1775 г. его посетила Екатерина II. В начале XIX в. обветшал, сгорел в 1812 г.

³ Древо-земляные укрепления Земляного города сооружены в 1590-е гг. (четвертая линия городских укреплений), впервые охватив Москву полным кольцом, включая и территории Замоскворечья, закрепили радиально-кольцевую планировку города. Окончательно уничтожены в первой трети XIX в. в ходе восстановления и реконструкции Москвы после пожара 1812 г. Ныне по линии бывших укреплений Земляного города проходит Садовое кольцо.

⁴ Камер-Коллежский вал сооружен в 1730-е — 1740-е гг. Камер-Коллегией как таможенная граница Москвы, затем служил полицейской границей города и границей административной между Москвой и Московским уездом; ликвидирован в середине — второй половине XIX в.; память сохраняется в названиях ряда улиц, проходящих по трассе бывшего вала.

⁵ Каменные укрепления Белого города сооружены в начале 1590-х гг. под руководством зодчего Федора Коня (третья линия городских укреплений). Обветшавшие стены и башни были

- разобраны в середине — второй половине XVIII в. В конце XVIII — начале XIX в. по линии бывших стен Белого города разбили бульвары. Ныне — это Бульварное кольцо.
- 6 «Канавой» москвичи называли Водоотводный канал, сооруженный в 1780-е гг. Проект его как раз был предусмотрен Проектированным планом 1775 г. на месте заболоченной старицы Москвы-реки.
- 7 В архивной описи дело не датировано.
- 8 Подчеркивания в тексте — авторские.
- 9 Устройство Камер-Коллежского вала относится к 1730-м—1740-м гг.
- 10 В архивном деле текст документа отсутствует.
- 11 В архивных деле и описи нет точной датировки — указана первая четверть XX в.
- 12 В архивных деле и описи ошибочно указана фамилия автора — Белявский.
- 13 Здание конца XVIII в. на углу Охотного ряда и ул. Большой Дмитровки (ул. Б. Дмитровка, д. 1). В 1780-е гг. — усадьба князя В.М. Долгорукова-Крымского, в 1784 г. куплено Благородным собранием и перестроено архитектором М.Ф. Казаковым. После революции в доме находился Центральный совет московских профессиональных союзов, здание называлось — Дом Союзов. Ныне используется для проведения различных мероприятий.
- 14 Нумерация здесь и далее по тексту проставлена автором в конце сюжетов.
- 15 Здание Сенатской типографии на западной стороне Театральной площади было построено в 1821 г. по проекту архитектора И.М. Матвеева. В 1970-е гг. снесено в связи со строительством второй очереди гостиницы «Москва».
- 16 В районе пл. Краснопресненской заставы и станции метро «Улица 1905 года».
- 17 Современная пл. «Красные ворота».
- 18 Цареградские стручки — плоды древесного растения, содержащие до 50% сахара, благодаря чему употреблялись в пищу как лакомство.
- 19 Монастырь не сохранился.
- 20 Речь идет о Полевом артиллерийском дворе, располагавшимся с начала XVIII в. до 1812 г. в районе современного Ярославского вокзала.
- 21 Трехгорный холм (Три горы) — в районе Пресни на левом берегу Москвы-реки; местность упоминается с 1410 г.
- 22 У Симонова монастыря. Монастырь не существует, ансамбль сохранился частично.
- 23 Камера-обскура — устройство, позволяющее получать оптическое изображение объектов. Первые камеры-обскуры представляли собой затемненные помещения (или большие ящики) с отверстием в одной из стен.
- 24 Воротная башня Земляного города; не сохранилась.
- 25 Бутырская солдатская слобода на северо-восточной окраине Москвы за Камер-Коллежским валом — в районе современной ул. Бутырской.
- 26 Древнее подмосковное село (ныне — в восточной части Центрального административного округа Москвы), упоминается в XV в., в городскую черту вошло в 1806 г. — в районе современных ул. Верхней и Нижней Красносельских, метро «Красносельская».
- 27 Видимо, речь идет о Покровском-Рубцове, царском селе на востоке Москвы, на правом берегу р. Яузы (ныне — в составе Центрального административного округа Москвы); упоминается с XVI в. — в районе современных улиц Бакунинской, Малой и Большой Почтовых.
- 28 Подчеркивания в тексте авторские.
- 29 Сборник решений Стоглавого Собора 1551 г.
- 30 Лжедмитрий I — самозванец, выдававший себя за царевича Димитрия, сына царя Ивана IV Грозного, и претендовавший на русский престол в период Смуты в начале XVII в.
- 31 В районе современной Трубной пл.

- ³² Храм Георгия в Ендове в Замоскворечье, ул. Садовая.
- ³³ Москворецкий мост. Изначально был наплавным, почему получил сохранявшееся и позднее название «Живой».
- ³⁴ Устаревшее — до тех пор; пока; доколе.
- ³⁵ Не сохранились. Находились в районе современной ул. Новый Арбат и Смоленской наб.
- ³⁶ Дату выступления пока установить не удалось; в архивной описи дана ошибочная датировка дела — 1920-е гг.
- ³⁷ Подчеркивания в тексте авторские.
- ³⁸ Комплекс старого Кремлевского дворца, включавший Теремной дворец, выстроенный в 1630-е гг.
- ³⁹ Большой Кремлевский дворец архитектора К.А. Тона.
- ⁴⁰ Здание, построенное в 1806 г. по проекту архитектора И. Еготова для Оружейной палаты; в 1851 г. было перестроено под казарму; снесено в 1959 г. для возведения Дворца Съездов.
- ⁴¹ Кремлевский храм Николы Гостунского был разобран в 1817 г.
- ⁴² Зимний дворец, построенный по проекту архитектора Б. Растрелли в Кремле в 1749—1756 гг. Разобран при строительстве В.И. Баженовым дворца для Екатерины II в 1770-е гг.
- ⁴³ Памятник, сооруженный по проекту скульптора И. Мартоса, был установлен в 1818 г. перед Верхними торговыми рядами и обращен к Кремлю, в 1931 г. передвинут на нынешнее место у Покровского собора.
- ⁴⁴ Здание Верхних и Средних торговых рядов, отстроенное после пожара 1812 г.; существующие здания построены в начале 1890-х гг.: Верхних рядов по проекту архитектора А.Н. Померанцева; Средних рядов по проекту архитектора Р.И. Клейна.
- ⁴⁵ Исторический музей построен в 1870—1880-е гг. на месте разобранного здания бывшего Земского приказа (Главной аптеки). Московская Шестигласная Дума заседала в здании Губернского правления, выстроенном при императрице Анне Иоанновне в комплексе Монетного двора (ныне в Историческом проезде). Здание сохранилось — со стороны Красной площади примыкает к комплексу Казанского собора и к Воскресенским воротам.
- ⁴⁶ Экипаж с длинным сиденьем от козел к задку, на котором сидели боком, мужчины могли сидеть верхом; появился в первой трети XIX в.
- ⁴⁷ Храм Рождества Иоанна Предтечи в Кремле — древнейший в Москве. Разобран в 1847 г., престол перенесен в Боровицкую башню; не сохранился.
- ⁴⁸ Этот пункт вписан карандашом. Вероятно, имеется в виду тот же храм Рождества Иоанна Предтечи в Кремле — в конце XVI в. придел храма был посвящен мч. Уару.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ Сергей Константинович (1871–1947)

*Историк, архивист, педагог, член-корреспондент Академии наук (1929 г.),
член МАО*

Родился в Москве в семье протоиерея Покровского собора Константина Ивановича, племянника московского митрополита Филарета (Дроздова). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1895 г.). Участвовал с 1896 г. в археологических раскопках в Москве и Московской губ. В 1906 г. сделал сообщение в МАО о составлении археологической карты Подмоскovie. С 1898 г. работал в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, позже стал управляющим архивом, после 1917 г. работал в московских архивах, в Центральном архивном управлении, преподавал в Московском университете. В 1930 г. арестован по «делу Академии наук», отбывал ссылку в Новосибирске. С 1933 г. вновь в Москве.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Личный фонд С. К. Богоявленского хранится в Архиве РАН (Ф. 553).

Занимался проблемами социально-политической, экономической истории Москвы, преимущественно XVII в. Автор многих печатных работ по истории Москвы. Активно участвовал в многотомном издании «Москва в ее прошлом и настоящем», где опубликовано 4 его статьи (1910 г.). Опубликовал статьи «Московские слободы и сотни в XVII в.» (сборник «Московский край в его прошлом». Ч. 2. М., 1930), главный свой труд «Приказные судьи XVII в.» (М.; Л., 1946). Занимался проблемами московского театра при царях Алексее Михайловиче и Петре I. После кончины Богоявленского в «Истории Москвы» (Т. 1. М., 1952) было опубликовано несколько написанных им глав.

Участвовал в первых заседаниях Комиссии «Старая Москва» и считался членом-учредителем Комиссии. С 1921 по 1929 г. сделал 5 научных докладов и 1 раз выступал с воспоминаниями: «О Мещанской слободе в Москве в XVII в.» (103-е засед. 24.07.1921 г.); «О санитарном состоянии Москвы в XVII в.» (151-е засед. 07.06.1923 г.); «Дворцовые деревянные постройки в Москве в XVII в.» (юбилейное 200-е засед. 23.10.1924 г.); «О Голицынском доме в Охотном ряду» (277-е засед. 05.06.1926 г.); «Казенная слобода и Торговые ряды в XVII в. в графическом изображении» (457-е засед. 26.12.1929 г.), на юбилейном 200-м заседании выступал также и с воспоминаниями о создании и развитии Комиссии «Старая Москва».

В прениях участвовал лишь 5 раз: в 1922, 1926, 1927 и 1928 гг. (большей частью в ходе обсуждения докладов А. М. Васнецова).

Последний раз выступил на юбилейном заседании «Старой Москвы», посвященном 20-летию Комиссии.

Некоторые из текстов докладов, сделанных С.К. Богоявленским на заседаниях «Старой Москвы», вошли (в переработанном виде) в состав книги «С.К. Богоявленский. Научное наследие» (М., 1980).

О МЕЩАНСКОЙ СЛОБОДЕ В МОСКВЕ В XVII ВЕКЕ

доклад на 103-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы

14 июля 1921 г. (в Доме МАО на Берсеневке)

(К. 39. Д. 33. Л. 1–10об.; архивное дело)

Рукописный текст, чернила, с автографом, с правкой и пометками. Листы большеформатные, сшитые.

Продолжительные войны, котор. вел царь Алексей Михайлович (1645–1676 гг. — *сост.*) с Польшей, привели в Москву большое количество пленных и переселенцев польской, литовской и еврейской породы, как тогда выражались. Андрусовский договор (1667 г. — *сост.*), в котором было выговорено право польской шляхты свободно возвращаться из плена на родину, не разрешил вопроса, могут ли воспользоваться подобным правом мещане, т.е. жители городов и местечек, но в ст. 10 выражено пожелание, чтобы на последующих посольских съездах было достигнуто и по этому пункту какое-либо соглашение. Однако Моск. Правительство, дорожа пришедшим более культурным элементом, не стало ждать, будет ли пребывание его в России упрочено договором с Польшей, и приняло ряд мер, чтобы различными льготами удержать его у себя. «Великий Государь, говорится в памятях, разосланных по всем приказам в 1682 г., — мещанам ни в какой службе не быть с черными и дворцовыми слободами не указал, потому что о мещанах с польским королем еще договору не учинено, а отложен о них договор до постановления вечного мира, а чтобы их теми службами не потеснить, и когда при договоре вечного мира будет об них с польским королем договор, и они б, видя себе налогу и тягость в службах, не учили проситься в Польскую и Литовскую сторону». Надо было это привилегированное население сосредоточить в одном месте, поставить его в наилучшие условия, обещавшие развитие и благосостояние. В этих видах в 1671 г. Приказу Малой России было поручено устроить особую слободу за Земляным городом в районе теперешних Мещанских улиц¹. Тут находилась порозжая выгонная земля, пашенная земля дворцовой Напрудной слободы² и загородные боярские дворы. К сожалению, дела о первоначальном отводе земель под мещанские дворы не найдено, и первое описание слободы относится к 1676 году, когда за пять лет существования размеры Мещанской слободы значительно выросли. Этот рост отмечен некоторыми документами. В конце 1673 года и начале 1674 куплены загородные дворы кн. Мышецкого, Скрябина и Собакина и переданы мещанам, в начале же 1674 г. к Мещанской слободе приписана была большая

часть соседней Троицкой слободы³. В мещанском челобитье необходимость прирезки новых земель оправдывалась такими мотивами: «Многие (? — *сост.*) мещане за недостатком земли живут в иных слободах и по монастырским подворьям на дворничестве»; 2) Троицкая слобода «отсела» мещан от воды, от реки Неглинной. Прошение было удовлетворено, и мещанам была отписана та часть Троицкой слободы, которая была расположена на левом берегу Неглинной. Здесь жили своими дворами тяглецы⁴ Сретенской сотни и солдаты, очевидно, в большом количестве, потому что Троицкая слобода иногда называлась солдатской. Земля, купленная на средства казны, мещанам была передана без выкупа, а за постройки они должны были уплачивать прежним владельцам. В 1676 году в Мещ[анской] слободе уже насчитывалось 551 двор тяглый, 14 дворов причта и бани. Длинна 1-й Мещанской улицы была 544 сажени (теперь 1081 с.), 2-й 478 ½ с. (теперь 886 с.), третьей 415 с. (теперь 790) и 4-й, заселенной только с одной правой стороны, 150 с. (теперь 231 с.).

Через 8 лет, в 1684 г., новая перепись показывает дальнейшее расширение слободы: число дворов с 551 поднялось до 679, кроме 15 дворов причта и бань, Мещанские улицы удлиннились — 1-я на 121 с., 2-я — 59 с., 3-я — на 103 с., четвертая, отстав от прочих, только на 5.

Между Мещанскими улицами появились новые переулки. Маленькими дворами обстроилось и пустое пространство около Земляного вала. О позднейших прирезках земли имеется ряд указаний: в 1691 г. примерено из Напрудной слободы и из боярских загородных дворов очень обширных, напр[имер], двор князя Ив. Юр. Трубецкого в 3430 кв. сажень, или двор княгини Авдотьи Андреевны Куракиной в 9960 кв. саж. 3 десятины, в 197 г.⁵ примерено было еще земли на 200 мещанских дворов и т.д. Помимо этих законных прирезок, мещане забирали земли Напрудной слободы и захватным порядком. В июне 1685 г. староста Напрудной слободы Тишка Хвостов от лица всей слободы подал в Посольском приказе челобитную с жалобой, что мещане захватывали пашенную землю Напрудной слободы, ставя свои дворы и устраивая огороды, заняли уже 20 десятин, вытоптали пшеницу, да еще навезли хоромы для дальнейших захватов. Чтобы пресечь дальнейшее расширение мещанской земли, тяглецы Напрудной слободы прибегли к такому средству: они стали строить кирпичные сараи и копать большие ямы для добывания глины у крайних мещанских дворов. Мещанский мир немедленно подал жалобу, и указали, что их соседи испортили очень важное в царском обиходе место: «Как ваше в.г. (Великого Государя — *сост.*) бывает шествие в походы Новомещанскою слободою и по вашему в.г. указу поставлены бывают Ваши в.г. отхожие большие шатры».

В новую слободу стали стекаться жильцы и добровольно, и поневоле. За немногими исключениями, это были иностранцы польской, литовской

и еврейской породы*, редко татарской, немецкой, и встречаются даже лица русского происхождения. Последние попадали в слободу, женившись на мещанках во двор, и только в единичных случаях можно [нрзб] данные и купленные дворы коренных русских. Пленные — подданные Польско-Литовского государства, освобожденные от тех, которыми были взяты в плен, или перепроданные другим, охотно перешли в слободу. Отметим, что некоторые из них, не менее 70 человек, выехали, было, после своего освобождения на родину, но добровольно вернулись обратно и поселились в Мещанской слободе.

Поселенные в слободе претерпели много мытарств. Вот, для примера, судьба одного из насельников новой слободы Терешки Мартынова: «родом Смоленского уезду села Красного в пр[ошлом] 163 г. (1655 г. — *сост.*) взял его в полон в малых летах стрелец, а которого приказу — того не упомнит, и приведши в Москву, продал Посольского приказу подьячему Григорию Котошихину и жил 16 лет; и будучи он Григорий на службе с боярином князь Як. Куд. Черкасским Великому государю изменил — отъехал в Польшу, а он Терешка в то время с ним же Григорием на службе был, а в Польшу с ним он ехать не похотел, и за то он Терешка пожалован на Москве — дана ему свобода; и освободясь, жил у сапожных мастеров в учениках, в пр[ошлом] 181 году (1673 г. — *сост.*) взят в Мещанскую слободу с поручной записью, а рукоделье его — сапожное ремесло».

Относительно времени выезда из Польского государства дали определенное заявление 513 дворохозяев. Оказывается, основная часть жителей новой слободы состояла из забранных в плен во время победоносного похода в 163 году. Таких насчитывается 288 дворохозяев, т.е. более половины. Далее идут выпешдшие в 164 году (1656 г. — *сост.*) — 99 ч., в 162 году (1654 г. — *сост.*) — 39 ч., 168 г. (1660 г. — *сост.*) — 16 ч., в 167 году (1659 г. — *сост.*) — 10 ч., а в другие годы число выходящих или выведенных было меньше 10. Следовательно, подавляющая масса мещан до водворения в новой слободе жили 15 и более лет в Московском государстве, могли хорошо усвоить русский язык, русские нравы и православную религию.

Конечно, первые поселенцы зорко следили, чтобы слобода пополнялась новыми жильцами. Некоторые из мещан давно уже устроились в других слободах своими дворами и платили тягла; их стали выводить к большому огорчению сотских и старост в Мещанскую слободу. Протесты и жалобы старост, лишившихся тяглых людей, не имели никакого успеха. А.С. Матвеев, под

* Разбор[ные] книги 1676 г. дают такие цифры относительно 570 дворохозяев. Конечно, эти цифры не могут претендовать на безупречную точность, т.к. мещане давали сведения о себе по памяти, не подтверждая какими-либо документами, иногда даже заявляли, что о происхождении не помнят, но общее впечатление должно быть приблизительно верно — за исключением 2-х мещан, одного из Вязьмы, а другого из Оршицы, все новые поселенцы слободы были иноземцы, родом из Польского государства, в подавляющем количестве из восточных его окраин, и только отдельные личности были из Львова, Варшавы, Риги и Швеции. Главную массу мещан дали три города с уездами: Шклов 94 ч., Смоленск 89 ч. и Дубровна 83 человека. Далее идут Вильна 46 ч., Копысь 32 ч., Витебск 22 ч., Полоцк 21 ч., Могилев 21 ч., Орша 19 ч. и т.д. Тут были не только жители городов и местечек, но и жители сел, надо думать, что последние занимались не пашней, а ремеслами или торговлей.

руководством которого строилась и расширялась слобода, был слишком сильным человеком. Если мещане сами не хотели переходить из иных слобод, то их переводили силою и даже сажали в тюрьму. Приведем такой случай. Власко Иванов, иноземец, уже давно жил в Барашевской слободе своим двором, пользовался почетом и даже был выбран в слободские старосты, но должен был по иноземчеству переселиться в Мещанскую слободу. Т.к. он не хотел бросить насиженного гнезда, то очутился в Мещанской съезжей избе, в тюрьме. У Власки оказались сильные покровители. Протопоп Спасского на Бору собора Анисем Федоров, вероятно, истощив законные пути к освобождению Власки, учинил там ряд скандалов, приехав 8 августа 1675 года в Мещанскую слободу, где содержался Власко. Не удовольствовавшись этим, буйный протопоп на следующий день 9 августа отправился в Аптекарский приказ и стал бранить Матвеева неподобною матерною бранью. Дьяк Иван Патрекеев, присутствовавший при этом вместе с доктором фон Гавеным, подьячими, алхимистом и костоправом, дипломатично занялся самым внимательным чтением выписок да и вообще объявил при допросе себя человеком мало памятным, а доктор не удержался, чтобы не вступить в пререкания с протопопом, и между ними завязался любопытный разговор, переданный в показаниях фон Гавена. Алхимист и костоправ подтвердили показания доктора. Протопоп за такие речи был отправлен в ссылку. Его заступничество принесло новое горе Власке Иванову; его взяли уже не в Мещанскую слободу, но, бив кнутом, отправили в Сибирь. Впрочем, там он прожил недолго, скончался царь Алексей, и звезда Матвеева стала быстро склоняться к закату. Власко подал 7 февраля 1676 г. челобитье, в котором чернил своего защитника и уверял, что протопоп Анисим хлопотал за него «пьяным обычаем» без его ведома, и просил о помиловании. Просьба была удовлетворена, велено было Власку водворить в Москву и отдать ему его двор, а исполнение указа было поручено тому же А.С. Матвееву.

Привлекая в слободу новых жильцов, мещане старались не выпускать старых. Ненадежные связывались поручными записями, которые обязательно собирались с тех, которые уходили в другие слободы жить на время по жилым записям. Немногочисленные случаи ухода из Мещанской слободы в тягло, в иные сотни и слободы кончались тюремным заключением беглецов, чтобы другим было неповадно. В заботах о заселении Мещанской слободы миру постоянно помогало правительство, потому что дорожило приливом более культурных жителей и рассчитывало, что процветание слободы не только удержит в Москве тех, кто имел право уехать на родину в Польшу и Литву, но и привлечет новых выходцев из этих государств. В конце XVII в. правительство грозило ссылкой в Самару тем мещанам, которые не перейдут в Мещанскую слободу из иных слобод.

Несмотря на постоянные прирезки земли к Мещанской слободе, далеко не все мещане получали дворовое место. В переписной книге 1684 года поименованы 865 мещан; из них 260, т.е. более 23% было ненаделенных земель

в слободе. Несмотря на краткое существование слободы между жителями ее уже успела проявиться рознь богатых и бедных. Первые поселенцы образовали слободскую аристократию, захватили в свои руки мирские должности и отстаивали свои интересы в ущерб бедным и, в частности, бездворным. Рознь между мещанами особенно ярко выразилась в двух случаях: в разделе ново примеренной земли в 194 году (1686 г. — *сост.*) и в выборе старосты на 191 год (1683 г. — *сост.*). Полученную от Напрудной слободы землю мещане решили поделить между собою, а не отводить бездворным, а чтобы придать этому более благовидный характер, решили брать с вновь отводимых дворов и огородов незначительную плату от 30 коп. до 1 рубля с сажени поперечника, будто бы для того, чтобы возместить де деньги, которые «затряс» староста Степан Холщевник, запрашивая в приказах земельные прирезки. В то время как многие бездворные мещане не получили ничего, старожилы, имевшие уже дворы, получили еще другие дворовые места. Один из них Степан Купчинин, живший на обширном своем дворе около самого Земляного вала, захватил еще семь дворовых мест для «скопкого своего пригону». Но Купчинин не пожелал платить за эти дворы, дело попало в Посольский приказ, который, однако, отнесся к расхищению земли как-то вяло и нерешительно. Может быть, в деле был замешан и дворянин, отводивший землю, А. Жадовский, который, как упоминается в этой челобитной, взял однажды за отвод дворовой земли в почесть сто свечей сальных.

Дворовые места, предоставленные мещанам, были разного размера. Самым обычным был участок в 5 сажень по улице и 20 сажень в глубину. Но некоторые поражают своей миниатюрностью, например, 2½ на 7 сажень. Особенно мелки были дворы на лучшем для торговли месте, лицом к Земляному валу. Сравнение двух вышеуказанных переписных книг рисует целую картину, как одни дворы дробились, другие сливались с соседними. На данной ему земле мещанин строил хоромы и в редких случаях отдавал в аренду. Земля становилась полной собственностью с правом продажи и заклада, но только с одним ограничением: отчуждать землю можно исключительно мещанину. Поэтому, если двор был заложен инослободцу или беломестцу⁶ и в срок не выкуплен, то кредитор мог получить только хоромное строение. Из этого правила были и исключения, но очень редко, скорее, по недосмотру. Даже указы из других приказов о продаже двора инослободцу оставались без исполнения. Правительство неоднократно подтверждало свой приказ, чтобы в Мещанской слободе были только тяглые мещанские дворы, а никак не беломестцы, и даже назначало штраф в сто рублей за продажу и заклад двора беломестцу. В 186 г. (1678 г. — *сост.*) Правительство обелило сразу двадцать дворов, зачислив их владельцев в гостиную и суконную сотни⁷, в том числе семейство Исаевых, из которого вышел Илья Исаев — президент Петербургского магистрата, и семейство Евреиновых, давшее известного президента Коммерц-Коллегии. С представителями Гостинной сотни не знали, что делать: изгонять из слободы их было неудобно, когда же приказ предложил им платить тягло

по мирскому окладу, то они платить не стали, а старосты настаивать не решались и даже не составляли на них доимочной росписи. Проскальзывают и другие беломестцы, например, князь Путятин за долг получил по памяти Посольского приказа мещанский двор. С богатыми и влиятельными беломестцами бороться было трудно. Перешедший из мещан в Гостинную сотню Яков Черный не боялся даже дворянина, управлявшего Мещанской слободой, Ив. Тараканова, в съезжей избе бранил его матерно и бесчестил и называл его вором и изменником Федькой Шекловитым и, ухватя со стола чернильницу и выхватя у себя из ножен нож, замахивался и бросал в него Ивана и мать его Иванову и жену обесчестил неподобными словами.

Поселенные в слободе мещане пользовались особыми привилегиями. Во 1) (так в тексте; во-первых — *сост.*) Они не могли быть обращены в кабальное хозяйство; 2) Они не несли никаких служб вместе с чернослободцами⁸, что было подтверждено боярским приговором 1682 г. 23 авг. и в 3) (в-третьих — *сост.*) состояли в ведомстве одного приказа, который имел в слободе своего агента. Последнее преимущество они разделяли с другими московскими иноземцами. В 189 г. (1681 г. — *сост.*) греков, армян, кизылбаш⁹ торговых людей, живших в Москве, ведал двор[янин] Вас. Даудов. Во главе и Мещанской, и Немецкой слободы стояли дворяне — посредники между миром и приказом; они назначались для того, чтобы «мещанам ни от кого обид не было». Действительно, дворянин неоднократно изгонял из Мещанской слободы агентов разных приказов, пытавшихся нажиться за счет зажиточных жителей слободы. Дворянин назначался тем приказом, который ведал слободу, т.е. прежде Малороссийским, потом Владимирскою четью, а потом Посольским. Посольский приказ ведал слободу в одном поветы¹⁰ с папой, императором¹¹ и Францией по всем делам судом и расправою, внимательно ограждая это свое право от притязаний других приказов. Суд между мещанином и инослободцем и по истцу, и по ответчику производился непременно в Посольском приказе, который в таких случаях приговаривал к наказанию и чернослободца, и дворцового слугу, и ямщика, и других чинов людей. Другие приказы допускались в мещанские дела только в следующих случаях. Торговые отношения, отдача на оброк лавок ведаются в приказе Большой Казны и Б[ольшого] Прихода, однако и тут мещане имеют поддержку в Посольском приказе. Например, несколько мещан, торговавших с саней хлебом на Болоте (в Замоскворечье — *сост.*), были изоброшены из Б. Прихода по рублю с каждых саней; когда же получили извещение об увеличении оброка до 2 рублей, то пожаловались в Посольский приказ, который и не замедлил послать в Б. Приход указ, запрещающий повышать оброк с мещанских саней. Дела о разбое и краже с поличным разбирались в Сыском приказе. Бани с 186 года (1678 г. — *сост.*) перешли в ведомство Конюшенного приказа. Наконец, кружечный двор¹² в Мещанской слободе с 181 г. (1673 г. — *сост.*)

был ведом в Новгородском приказе, в 184 г. (1676 г. — *сост.*) в Новой аптеке, а с 185 по 193 год (1677—1685 гг. — *сост.*) в приказе Б. Казны.

Дворяне, обыкновенно в чине стольника, назначались заведовать Мещанской слободой на неопределенное время. Они были мало родовитыми людьми, вышедшими из стрелецких сотников и голов, Ив. Рыкачев, Воробин, Москвитинов, Я. Рыкачев, А. Родичев, Тараканов; из более видных фамилий был только П.П. Жадовский, человек близкий к кн. В.В. Голицыну, не оставивший своего покровителя в тяжелую минуту изгнания и пытавшийся спасти от конфискации часть серебряной утвари из Голицынского дома. Жадовский правил слободой в то время, как Голицын находился на вершине своего могущества, но нуждался в верных людях для наблюдения за подозрительными людьми и многочисленными врагами. Жители Мещан. слободы также были взяты Голицыным под подозрение. Один из них Пантюшка Никитин, отыскивая пропавшее добро, зашел в село Преображенское и потом подвергся суровому допросу: на кого доводил. Дворянин получал наказ, определявший его обязанности по следующим пунктам: 1) ведать слободу судом и управью. Отношение между Приказом и дворянином по суду и управу определялось очень расплывчатым и неопределенным положением. Которых дел вершить будет не можно, и те дела присылать в Гос. Посол. приказ. Не заметно ограничение суда дворянина ни характером дел, ни суммой иска. Дворянин в Мещанской съезжей избе разбирает и гражданские, и уголовные дела; принимает челобитные, снимает допросы, вызывает свидетелей, делает обыски и осмотры, постановляет решение, приводит приговор в исполнение, сажает в тюрьму и бьет кнутом, не доводя до сведения приказа. Но и истец, и ответчик всегда могут перенести дело в любой стадии процесса в Посольский приказ, ссылаясь на волокиту или пристрастие дворянина. Ничто не мешало также мещанину начинать дело прямо в приказе; хотя бы сумма иска была ничтожна, и приказ ведет дело, большею частью не прибегая к помощи дворянина; как будто его и не было в слободе. В редких случаях приказ пишет дворянину, требуя каких-либо справок. Можно указать также случай, когда приказ произвел мелочную проверку, [нрзб] сделанную в съезжей избе выписку с подлинным делом. Может быть, это объясняется неграмотностью стольника Родичева, по крайней мере, за него подписываются другие.

Конечно, выдающиеся по своей важности дела или дела, сопряженные с перепиской с другими приказами и властями, дворянин отсылает в Посольский приказ. Напр[имер], десятский донес Воробину, что к мещанину Якушке Михайлову приходят неведомые люди и пьют беспрестанно. Воробин отправил на двор к Якушке «для осмотру причинных снастей», как он выразился, и вынул у Якушки денежные шканы и деньги медные и оловянные, а также двух неизвестных лиц. Арестовав Якушку и его гостей, Воробин поспешил все дело передать в Посольский приказ.

П. Жадовский не решился сам распорядиться, как поступить с мещанином Ларкой обручником. Который «учинился в безумии и в том безумии жену свою и детей бьет беспрестанно и гоняется за ними с топором и в хоромах стены и двери вырубил и в подклете огни по ночам раскладывает и по двору с огнем ходит... И тот бесноватый мещанин взят в Новомещанскую приказную избу и сидит в Мещанской приказной избе 4-й день, а сидя всякое бесчинство чинит, солдатом бранит и на них плюет». Кн. В.В. Голицын, определив причину безумия Ларки, положил такое решение: «того мещанина пьяницу послать под начал в Симонов монастырь для исправления и вытрезвления».

Следующий пункт наказа — это принять дела от предшественника и расписаться с ним. Дворянин Московитинов не мог исполнить этого требования, т.к. его предшественник, не смотря на неоднократные приглашения, не пожелал явиться в съезжую избу или прислать кого-либо вместо себя. Кончилось тем, что коробья с делами была взята из съезжей избы в приказ и там осмотрена, а находившиеся в ней деньги пересчитаны.

Далее дворянин должен наблюдать, чтобы расставлены караулы, чтобы не было пристанища для сторонних людей, чтобы в летние дни жители изб не топили. Последний пункт был предусмотрен, потому что объезжие головы не имели доступа в Мещанскую слободу. В мае 1696 объезжий соседней Сретенской сотни решился нарушить неприкосновенность Мещанской слободы и, предварительно подослав гулящего человека, нагрянул в кузницу одного мещанина, заарестовал хозяина и его жену, но Посольский приказ немедленно вступился за обиженных.

Последующими статьями наказ поручает дворянину следить за тем, чтобы в слободе не было неявленного питья и товаров. До 193 года (1685 г. — *сост.*) пивной и винной выемкой мещане были ведомы в приказе Б. Казны, но уже в 192 г. (1684 г. — *сост.*) они стали терпеть притеснения от наезда выемщика из Новой четверти¹³. «Приходят, — жаловались мещане, — к ним в слободу из приказу Новые четверти великим многолюдством выемщики и ходят по слободе по многим дворам нагло, и от того их выемщиков наглого и многолюдного приходу учинилось им великое разорение и домам их безвинно бесчестье и налога». После этой жалобы мещанам дано было право записывать явки вина и пива в своей съезжей избе также как было в Немецкой слободе, а кроме того и выемка ведалась только в Мещанской съезжей избе.

Далее наказ внушает дворянину как бы изолировать мещан от других жителей Москвы — он должен был смотреть, чтобы в слободу никто из посторонних без дела не приходил, а если кто скажет, что ему дело до мещанина, то проследивать, к кому именно и зачем идет. Если кто из посторонних поселится в доме мещанина для обучения мастерству или для работы, то на таких лиц должны быть явлены дворянину жилые записи.

Также и выезжать из Москвы без проезжих грамот из Посольского приказа отнюдь не разрешалось.

Последний пункт наказа предлагает дворянину составить на слободе переписные книги и представить их в приказ с подлинной очисткой. Д. Воробин в 1676 г. и П. Жадовский в 1684 г. исполнили это поручение, а С. Москвитинов и Я. Рыкачев книг не составляли и в приказ не присылали. Обе книги сохранились, первая без конца, вторая целиком. Сравнение их вскрывает ряд неточностей в измерении дворовых участков, перепутывание имен и даже пропуски дворов. Книги Жадовского составлены более подробно, более внимательно и дают не имеющиеся в книгах Воробина указания на размер слободского тягла.

Дворянин не имел своего двора в Мещанской слободе и приезжал на время в съезжую избу, где и творил суд и расправу. Под избой находилась холодная тюрьма, куда запирали арестованных. Дворянин имел право не только запираить в тюрьму, но и заковывать в цепи по своему усмотрению. Сохранилось немало дел, когда заключенный освобождался только после жалобы в приказе, и дело о нем прекращалось. Приказ ни в одном случае не сделал дворянину должного внушения, и освобожденный никогда не начинал дела о незаконном задержании.

В съезжей избе хранились в коробье дела по слободе: переписные книги, книга для записи указов, приходные книги сборов с дворовых купчих, работничьих записей, пивных явок, судебных пошлин и мировых челобитий, а также столпы всяких дел, по одному на год. В коробье же хранились собранные деньги, подлежащие отсылке в приказ в конце года. Сохранившиеся описи столбцов всяких дел показывают, что дворянин ни в каком случае не был обременен делами по слободе; проходит в году много дней, не отмеченных ни одним, хотя бы мало-важным, делом. Выезжал дворянин на обыски, на следствия и на осмотры только в самых редких случаях. Изредка заходил он и в приказ. Вообще, дворянин, назначение которого считалось признаком особой заботливости правительства, стоял далеко от населения, и очень много дел шло мимо него вследствие непосредственных сношений мещанского мира с Посольским приказом.

Первым представителем мира был староста, избиравшийся на один год на мещанском сходе. Чтобы наметить себе старосту, мещане сходились по повестке отслужившего свой год старосты в съезжую избу не по один день. Право участия в выборах принадлежало далеко не всем мещанам, достигшим совершеннолетия. Прежде всего, мы не находим, кроме одного сомнительного случая, среди избирателей мещан хотя и приписанных к слободе, но не владевших дворами. Затем, только в двух случаях среди участников схода находим отца и не отделившегося от него взрослого сына; прочие участники, насколько можно судить при обилии одинаковых имен и отчеств, были только дворохозяева. Далее, не допускаются на сход женщины, хотя бы дворовладельцы, и не имевшие взрослых сыновей. Конечно, беломестцы, священники и причетники также в выборах не участвуют. Но и за этими исключениями в 1682 году было около

600 мянских дворов, а в выборах старосты приняли участие только 89 мян, т.е. около 15%. Нельзя предположить, чтобы прочие показали пренебрежение к своим правам, т.к. именно на этих выборах разрешалась, как увидим далее, партийная борьба. Надо предположить, что не все дворохозяева имели избирательное право, а только некоторые, облеченные особым доверием мира. На это указывает и такой текст рукоприкладства¹⁴: «Стенька Иванов вместо Мещанской слободы старосты Якова Емельянова да тое же слободы выборных мян Андрея Яковлева Пучка, Григория Кузьмина Короса по их велению руку приложил». И в протоколе выборов также имеется выражение: «Староста Яков Емельянов да мян лутшие выборные люди первыя статьи», а после перечисления имен: «и все мян лутшие выборные люди первой статьи и середней со всего совету выбрали и т.д.». Надо было бы здесь прибавить «и меньшей статьи», т.к. среди избирателей было несколько человек, плативших низкие оклады слободского тягла. На выборах старосты в 193 году (1685 г. — *сост.*) приняло участие еще меньшее число мян — 70 человек, т.е. менее 12% дворохозяев. А выборы на другие, не так важные мирские службы, привлекали 2–3 десятка избирателей. В 184 году (1676 г. — *сост.*) в выборах купчины на Малороссийский двор участвовало только 13 мян. Они также именуются выборными людьми. На сходе всегда видим бывших старост и других мян, занимавших выборные должности. К числу таких лиц можно причислить не менее половины участников каждого из известных нам в подробностях сходов. Т.к. мы не имеем списков десятских, то не решаемся ни утверждать, ни отрицать того соображения, что участниками сходов могли быть только те мян, которые когда-либо были почтены мирским доверием и исполняли выборные должности. Но, во всяком случае, сход определялся так: бывшие старосты + доверенные представители десятков, как на северном волостном сходе представители деревень. Напр[имер], в 193 году (1685 г. — *сост.*) выбирали старосту 24 жителя Большой улицы и только 4 из 3-ей улицы. Нельзя также предположить, что из каждой статьи выбиралось по одному числу представителей, т.к. преобладание на сходах более богатых не подлежит сомнению. Можно надеяться, что по мере того, как будут разысканы новые материалы по Мещанской слободе, вопрос о составе слободского схода будет так или иначе разрешен.

Выборы старосты в 191 году (1682 г. — *сост.*) ознаменовались большими беспорядками в связи с общим запутанным политическим положением. Собрались мян — выборные люди, чтобы наметить то или другое лицо на должность старосты. «Да тут же — читаем в их жалобе — приходили на выбор ведомые озорники и затейщики Петр Красовский с сыном своим Афонкой, да Трофим Нечистой, да Фома Павлов, напився пьяни, наглым озорничеством и бранили нас, сирот ваших, всякими неподобными и скаредными бранями и называли нас безвинно ворами и хотели бить. И мы, сироты ваши, убояся тех их угрозных слов и похвальных речей, от выбору разошлись. И как мы разошлись, и он

Петр с товарищами без нас выбрали мещанина ж по своему нраву в старосты Власа Исаева, такова ж озорника, чтобы нас с ним Власом вконец разорить». Красовский с товарищами подал в приказ приговор об избрании Власа Исаева. Но состоялся законный сход, и в приказе был получен второй приговор об избрании в старосты Ивана Исаева. Сравнение имен участников того и другого избирательного собрания показывает, что смутным временем хотели воспользоваться более бедные жители Мещанской слободы против богатых. Последних поддержал приказ: Красовский с семьей был сослан в Сибирь на пашню, а его соучастников было приказано бить кнутом нещадно на козле и в проводку. Волнения в Мещанской слободе на этом и заглохли, и жители ее даже получили от правительства две похвальные грамоты за то, что они никаким прелестным и смутным словам кн. Ив. Хованского не поверили, к надворной пехоте не пристали, но показали свою верность; обычное повиновение и всякое послушание. Грамоты были посланы из Троице-Сергиева монастыря, где долго задержались высшие представители правительства, испугавшиеся московских волнений¹⁵.

Староста, выбираемый на год, не столько глава самоуправляющегося мира, сколько слуга приказа и дворянина. Отношение старосты к миру определяется в общих выражениях, помещаемых в избирательном приговоре: «и будучи ему Тимофею в старостах по сему нашему выбору служить и о государских и всяких мирских делах радеть и о всем ему Тимофею с нами советывать и учинить ему книги приходные и расходные, а нам его старосту Тимофея во всем против сего нашего заручного выбору слушать и ни в каких делах нам его старосту Тимофея не выдать и непослушным не быть и не спорить».

Главнейшее дело, о котором староста советовался с мещанами, а особенно с бывшими своими предшественниками, это выбор мещан на различные службы, которые будут перечислены ниже, раскладка и сбор слободского тягла, и, наконец, расходование слободских денег. Мир выбирал окладчиков, которые составляли окладные книги, и сборщиков, которым староста давал выписи из этих книг по их участку. Имена неуплативших вносились в доимочные росписи. Конечно, не обходилось без злоупотреблений при сборе слободского тягла со стороны старосты и сборщиков. Приведу такой пример: мещанин Васька Степанов, которому по окладу приходилось платить 15 алтын, жаловался в приказ, что сборщик Михайло Росальский вымучил с него 35 алтын 2 д[еньги] и в тех деньгах в тюрьму сажал и бил. Замечательно, что в тюрьму мог сажать даже такой незначительный по своему положению человек, как сборщик. Случаев можно привести очень много. Росальский не только отрицал обвинение, но утверждал, что брал с Васьки деньги не он, а его товарищ. Приказным дьякам, очевидно, не хотелось заниматься таким малым делом, и они мудро постановили решить дело жребием.

Староста с своей стороны не прочь был стребовать с сборщиков больше, чем они собрали, и вызывал жалобы даже от таких лиц, которые могли про себя

сказать: «а мне с ним старостой в суд идти не для чего; что я человек скудный и недостаточный, и он староста мочью своею и просрочит».

Собранные деньги староста расходовал на мирскую подмогу мешанам, несшим различные тяготительные должности, на содержание штата приказной избы, т.е. подьячих, приставов, караульщиков и пр. и на хождение по приказам по мирским делам. Выше уже упоминалось, что такое хождение с ходатайствами о прирезке к слободе новых участков земли не поглотило все деньги из мирской коробьи, но заставило старосту «затрясть» свои личные средства. В приходе и расходе староста должен был отчитываться перед своим преемником. Самому старосте никакого вознаграждения не полагалось.

Исполняя поручение приказа, староста совмещал в своем лице различные должности квартального надзирателя и акцизного чиновника. Как полицейский чин староста снимает предварительный допрос с задержанного буяна, осматривает раны избитых и порезанных после ссоры во время пирушки. В случае пожара староста собирает мешан и спешит «с топоры и с водоливными медными трубами и с ведры, и с кошелю и с щиты», причем всегда должно быть в готовности на 100 человек слободжан по две трубы, а в каждом десятке по щиту лубяному, по ведру, по кошелю, по лопате. Помощники старосты были выборные десятские, обязанные следить за порядком в своем десятке. Они должны были доносить старосте о подозрительных личностях и о подозрительных собраниях, не играют ли мешане в карты и зернь¹⁶, не пьют ли табаку, нет ли пришлых людей, не объявивших себя в съезжей избе.

Боясь ответственности, десятские показывали иногда чрезмерное усердие, задерживали, например, извозчиков, привезших товар издалека и переночевавших в слободе ночь-другую. Они, как слободские воспитатели, убеждали мешан жить смирно и выговаривали тем, которые жили не смирно. По ночам они по несколько человек наряжались в ночные караулы.

Как судебные пристава, старосты оценивали и продавали дворы неисправных должников. В этом случае на помощь себе они приглашали окольных жителей, сообща составляли ценовную роспись и делали на воротах надписи о продаже. Эти ценовные дают представление о том, что такое был мешанский двор, и какова была ему цена.

Случаи выемки неявленного питья и табака были зауярым явлением. Выемка табака случалась реже, т.к. табак легко скрыть или уничтожить, как поступил, напр[имер], Самошка портной, который «выхватил из-за голенища две бумажки табаку, кинул в рот и тот табак съел».

Жалобы на старост редки и исходили большею частью от лиц, которые имели бы счета со всякой полицейской властью, да и в старосты выбирали людей степенных и радушных. А вот подьячий, сидевший в съезжей избе, заведовавший письменной частью, знавший законы и судебные порядки, хорошо постигший московское взяточничество и волокиту, руководивший неопытным в делах старостой,

а иногда и дворянином, и тот, и другой не всегда были грамотными, мог быть бичом для жителей слободы. Можно привести не один случай, когда подьячий, не испросив приказа ни дворянина, ни старосты, морил невинных людей в тюрьме, заковав в цепи. Правда, жалоб на подьячих также немного, но это объясняется боязнью мещан возбудить гнев сильного господина. Жаловались сторонние жители, имевшие какие-либо дела в Мещанской слободе. Например, вдова подьячего Ирина Кузьмина заявила в Посольский приказ, что Мещанской съезжей избы подьячий Игнатий Осипов взял с нее по делу ее с мещанином напрасно пошлины да еще полтину, неведомо за что. Игнатий Осипов заявил, что Ирина дала ему пошлину добровольно и велела же деньги отдать в почесть старосте Тарakanову, управлявшему слободой, а он Василий же деньги ему стольнику отдал, а себе с нее никаких денег не бирова и пошлин никаких не правливал. В приказе была положена резолюция: взять с подьячего все деньги, что он себе взял и что будто отдал Тараканову, но никакого наказания не было наложено, не было сделано никакого внушения. Что от Игн[ата] Осипова туго приходилось мещанам, видно из того, что они решились всем миром подать на него жалобу с просьбой убрать его из слободы. Поведение Осипова рисуется в таких чертах: «в съезжей избе сидит пьянским обычаем и нас многих мещан и жен наших и детей всегда бьет и увечит без виновности своим озорничеством и за мещаны с ножом гоняется наголо и замахивается; а по улице ездуци, многим мещанам и детям нашим и сторонним многим людям и челобитчиков по тому ж бьет и увечит и чинит многие обиды и налоги и разорение, и приходит всегда в съезжую избу пьян». Неизвестно, на сколько лет затянулось бы дело по этому челобитью, но на место Осипова стали проситься подьячие из приказов, очевидно, в слободе место было выгодное, и Посольский приказ велел навести справку: «Игнатий Осипову дела [нрзб] или спился». Дворянин Тараканов сообщил, что Осипов в съезжей избе не сидит, слободских никаких дел не делает и в съезжую избу не ходит, пьет и бражничает, и что на него бывали жалобы от всего мещанского мира. Спившийся подьячий не стал ждать, что[б] его удалили из слободы, а предпочел уехать в монастырь замаливать свои многие грехи и постригся в Лукьяновской пустыни. Сын этого Осипова, тоже подьячий Мещанской съезжей избы, также вызвал особое следствие «о битье и ножовом резаньи» гостиной сотни Леонтия Соболяникова, его жены и челядницы.

Кроме подьячих, в съезжей избе были пристава, которые, случалось, также без ведома дворянина сажали мещан в тюрьму и били, а также караульные солдаты или стрельцы. Всем им уплачивалось содержание из мирских денег.

Мещане исполняли следующие повинности и службы. На мирские расходы они должны были платить тягло по назначению окладчиков. Имевшие дворы платили в 1684 г. от 10 к. до 1 р. 50 к. в год, при среднем окладе в 30 коп., а бездворные от 10 коп. до рубля при среднем окладе 16 коп. Всего собиралось с мещан 228 р. 21 к. С течением времени размер тягла увеличивался. На это указывает также сравнение: в 1685 году мещане первой статьи платили 1 р. 20 к., а в

1698 году, т.е. через 13 лет, мещанин второй статьи платил больше — 1 р. 30 к. Чтобы тягло не повышалось, мещане несколько лет собирали по книгам 199 г. (1691 г. — *сост.*), напр[имер], в 203 г. (1695 г. — *сост.*) и запрещение увеличивать тягло вносили в выборы старосты.

Затем мещане принимали участие, хотя и неохотное, в экстренных сборах. В 187 и 188 гг. (1679 и 1680 гг. — *сост.*) они платили десятую деньгу по окладу в 285 р. 50 к., десятую же деньгу платили в 195 и 197 гг. (1687 и 1689 гг. — *сост.*).

На них были возложены также особые повинности. Ежегодно они должны были выбирать голов и целовальников к питейной продаже, до 183 года (1675 г. — *сост.*) в Новой Аптеке, а с 183 г. на Мещанском кружечном дворе. Кружечный двор был устроен в конце слободы, недалеко от церкви Филиппа Митрополита, работал он очень исправно и приносил значительный доход, хотя по хронике различных скандалов можно видеть, что мещане усердно посещали и другие московские кружечные дворы, напр[имер], бывший на Петровке, и напивались там до бесчувствия. Однажды к своему кружечному двору мещане выбрали такого голову, который и в приказе был известен как горький пьяница. Конечно, выборы не были утверждены, и пришлось выбирать другого.

Другой повинностью был выбор купчины и целовальников на Малороссийский двор для ведения довольно сложного хозяйства этого двора, где постоянно пребывали гетманские посланцы. Надо было выбирать целовальников на Сафьянный двор и в Купецкую палату к ефимочной покупке¹⁷. Хотя в эти службы выбирались люди добрые и прожиточные, однако они настолько запускали свои дела, что требовали себе мирской подмоги. Установился за выборные службы, кроме безвозмездной службы старосты и десятников, оклад по 1 р. в месяц. Всего мещане издерживали на подмогу до 180 рублей в год. Но, кроме этих ежегодных служб, были экстренные, также требовавшие затрат мещанских денег. Мы знаем несколько случаев, когда в составе посольств, отправлявшихся к Цесарю¹⁸, к шведскому и польскому королю, были у Соболиной казны скорняки мещане с подмогой из слободы до 25 р. В 190 году (1682 г. — *сост.*) целовальники из мещан были у приему каменных запасов на строение в Москве каменных стен; в том же году мещане ездили в Смоленск и Рославль для покупки вина. В некоторые годы мещане должны были выбирать для разных служб, кроме старосты и десятских, более двадцати человек.

Была еще служба, но добровольная, это строение церквей в слободе и исполнение должности церковного старосты. Хотя население в слободе было пришлое, из Польши и Литвы, но оно было православное, может быть за очень редким исключением: иностранных имен не встречается, кроме одного — Казимир; евреи, которых в слободе было немало, были все крещеные. Одной старой церкви, св. Троицы в Троицкой слободе, где Сергиево-Троицкому м[онасты]рю принадлежал обширный участок в 8100 кв. сажень, было недостаточно для духовных нужд многочисленного мещанского населения. Царским жалованием и мирским

подаванием были построены еще две церкви, св. муч. Адриана и Наталии¹⁹ и Филиппа Митрополита. Храм Адриана и Наталии в 1674 был уже ограблен, похищены были серебр. кресты, оклады с двух евангелий и нескольких икон, и, кроме того, с иконы Пр[есвятой] Богородицы снято множество мелких приношений, крестов, серег, цепочек и пр., всего по оценке на сумму 160 р. 30 к. К этой церкви был приглашен от Введения в Барашах поп Иван Фокин, с которым у мещан было потом немало неприятностей. Ему было отведено бесплатно дворовое место средних размеров, но он «излюбил себе на Большой улице и взял себе 4 дворовых места, поперек 20 саж., длиннику 40 сажень для своих многих прихотей и большого строения». Однако поп Иван, должно быть, сильно простроился и по смерти оставил жену и детей с большими долгами. Вдова оказалась особой очень энергичной и подала в Посольский приказ челобитную, чтобы двор оставить за ней, т.к. «поп Иван в церковь ризы и книги покупал и многую церковную утварь, и будто школу и богадельню поставил. А все то строение заводил он будто своими деньгами». Староста и все мещане горячо опровергали это притязание, и им удалось отстоять за собой дворовые места. Тогда вдова Афимья подала новое челобитье о сложении с нее долгов с ссылками на Уложение²⁰ и на правила св. отец и с необыкновенными цветами красноречия. По-видимому, и это челобитье не имело успеха. Наученные горьким опытом мещане взяли с преемника Ивана Фокина особую запись. Из этой записи видно, что свящ. Петр Федоров был выбран мещанами, но ни срока выбора, ни определенных размеров вознаграждения не было условлено. Заметим, что ни в одном приговоре мещанского схода нет подписи священника — духовного отца.

Примеру попа Ивана Фокина последовал пономарь у Филиппа Митр[ополита] Федька Сергеев. Он заявил, что занятое им дворовое место принадлежит ему, и засел в своем доме. Староста и понятые прибегли к серьезному воздействию: они сняли с петель двери и оконные рамы и заперли их в сарае. Конечно, пономарь не преминул начать тяжбу об ограблении из его дома пожитков.

Скажем теперь кратко о занятиях жителей Мещанской слободы. Московское правительство не ошиблось, привлекая в Москву различными льготами иноземцев польской, литовской и еврейской породы, как выражались в то время. Они принесли с собой промышленную энергию и новую струю культурности. Среди мещан почти не замечаем нищих, они жили всего в трех-четырех дворах, и все же имели возможность платить тягло. Зато видим множество торговцев и ремесленников. Московских мещан найдем и в Архангельске, куда они ездили с товарами для заморской торговли, и на Свинской ярманке²¹, где пользовались особой льготой — находились в ведении игумена Свенского м[онастыря] ря, защищавшего их, по приказанию Посольского приказа от налогов и обид со стороны Брянского воеводы; и в Малороссийских городах, с которыми поддерживали самые оживленные сношения. В Москве в Торговых рядах им принадлежит немало лавок, а около Нового Гостиного двора у Ильинского крестца

был даже особый ряд, занятый исключительно мещанами. Зажиточность мещан можно засвидетельствовать тем, что немало их было взято в Гостиную сотню. В переписной книге 1684 г. отмечены 17 дворов мещан, взятых в Гостиную сотню преимущественно в 1678 г., но оставшихся жить в Мещанской слободе. Мещане послабее вели мелочную торговлю хлебом, харчем, яблоками и всяким «переулочным товаром». Торговали они в своей слободе и в разных концах Москвы, напр[имер], снимали на Болоте место для торговли хлебом с саней, харчевни около кружечных дворов, напр[имер], у Таганских ворот и т.д. Среди торговцев-мещан нельзя не отметить таких, как торговцы книгами, очками, жемчугом, кутьей, стеклянной посудой.

Не менее половины мещан были ремесленниками. Много было кузнецов, и среди них были такие, которых приглашали на более тонкие и ответственные работы для царского двора, напр[имер], обить карету. Но плотников было мало; очевидно, в данном деле трудно было конкурировать с жителями черных слобод. Много мещан занималось более тонкими ремеслами: зеркальники, переплетчики, повар немецкий, «делает околы²², источенные на немецкую руку» (о шитье шапок — *сост.*), «приготавливает сахарах ряжные» (о кондитере — *сост.*), «делает пухи женские», суды пишет, листы печатает, часовщик делает сережное каменье. Были из мещан и представители искусства — органисты, живописцы, из которых один был «верховым», даже учитель пения, который научил одного из своих учеников «ермосов и ермологий²³ весь и праздники и партесному пению концертов²⁴ с 20». Были два учителя разных наук. Первый упомянут в переписной книге 1676 г. Это Иван Федоров Волошенинов, который уже известен нам как учитель мещанских детей, приглашаемых принять участие в комедиях. Волошенинов был родом из Нежина, приехал в Москву в 1664 году, по-видимому, в качестве певчего и потом сделался учителем в Мещанской слободе и, не имея собственного двора, жил в школе; находилась школа близ церкви Адр[иана] и Нат[алии], на церковной земле. Напомним приведенную выше выписку из челобитья вдовы попа Ивана Фокина, где она утверждала, что ее муж своими деньгами построил школы; он перевез ее из Барашей на средства мещан. В 1684 г. был другой учитель Яков Яковлев, также бездворный, учивший мещанских детей «словесному».

Затем в слободе было два лекаря и одна лекариха. Не думаю, что они имели большую подготовку во врачебном искусстве. Первый был взят в плен под Вильно, потом освобожден и «живал в наймах у дохтуров и разных хозяев». Об этом лекаре было челобитье властей Симонова м[онасты]ря: «Мы [нрзб] по чину общежительных обителей для братского лекарства приискали себе в Нов. Слободе Семена Михайлова, и того, [нрзб], лекаря Нов. Слободы начальник П.П. Жадовской не отпускает». Приказ распорядился, чтобы лекаря отпустили в м[онасты]рь на время.

Второй лекарь больше промышлял в Зелейном ряду, т.е. аптекарством. Лекариха могла заняться врачебным делом потому, что первый ее муж был лекарем

в царской Аптеке. Судя по тому, как мало платили тягла упомянутые представители интеллигентных занятий — живописцы, учителя и лекари — 10, 15 и 20 коп., можно думать, что их занятия не давали им больших доходов.

Несомненно, что общий уровень промышленности и интеллигентности в Мещанской слободе был выше, чем в черных слободах. Но отражалось ли это на большей мягкости нравов и на большей совестливости. Конечно, привести сравнительную статистику преступлений нет возможности, но общее впечатление такое, что на поставленный вопрос надо ответить положительно. Заметно, что сами мещане старались оградить свою слободу от дурной славы, «плутам мы не потаковщики», заявил в приказе один из мещанских старост. Одного ведомого плута, вора и корчемника Карпушку Анисимова, чтобы перед мещанами не было дурного примера, мир просил вовсе убрать из слободы. Мещане вели между собою бесконечные тяжбы, но это в громадном большинстве случаев гражданские пени, которых всегда много среди торговцев и промышленников, и мелки соседские ссоры, вроде дела по жалобе одной мещанки на соседа, который уже 7 лет бросает в нее камнями, как только она появится у себя на дворе. Крупные уголовные дела об убийстве, разбое и грабеже крайне редки и вызываются чаще всего пьянством и страстью к азартным играм, в чем мещане могли бы поспорить с жителями любой слободы. Можно бы сообщить немало дел, интересных с бытовой точки зрения, но чтобы не злоупотреблять вниманием почтенного собрания, ограничимся выше сказанным.

САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ МОСКВЫ В XVII ВЕКЕ

*доклад на 151-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
7 июня 1923 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 39. Д. 34. Л. 1—6об.; архивное дело)

Рукописный текст, черные и синие чернила, с правкой и пометами. Обложка сверху надорвана.

В XVII веке, вероятно, ни один город в Европе не мог похвалиться образцовым санитарным состоянием. Москва же, стоявшая на рубеже Европы и Азии, жившая еще полудеревенской жизнью, так же мало применяла элементарные правила санитарии, как мало о них думают в деревне. Перерезанный значительной рекой со множеством притоков и ручьев, между которыми возвышались невысокие холмы, город имел для поселений и более здоровые возвышенные места, и нездоровые сырые низины. Городское благоустройство настоятельно требует осушения последних, хотя бы с затратой значительных средств, но непременно по одному широко продуманному плану. Однако чтобы дойти до

признания этой истины, требуется такой культурный уровень, какого не было в московском государстве в XVII веке. Правительство, располагавшее значительными средствами, мало обращало внимания на состояние города, частная инициатива, раздробленная вследствие разобщенности многочисленных слободских миров, несвязанных подчинением какому-либо одному приказу, не могла проявиться даже в том случае, если бы москвичи понимали, как важно для них самих поддерживать чистоту в своих жилищах и на улицах, строить свои жилища на сухих местах, пить незагрязненную воду и т.д. Москва жила в грязи, и только чрезвычайная плодovitость жителей покрывала большую смертность.

Известия о санитарном состоянии Москвы в XVII веке очень скудны, т.к. этот вопрос мало интересовал и русских людей, и приезжавших в Московское государство иностранцев, привыкших к печальному состоянию санитарного дела в узких улицах и закоулках западного города. Однако последние все же были изумлены той грязью, которая царилa не только в низменных местностях Москвы, но и вообще во всем городе. «Этот обширный город — пишет Бернгард Таннер²⁵ — очень грязен, почему по площадям, улицам и иным местам [нрзб] всюду настланы гати». «Город — говорит Гваньино²⁶ — так низмен и грязен, что по улицам в разных местах необходимо делать мосты». В том же тоне пишет Маскевич²⁷: «Улицы в Москве довольно широки, но осенью и вообще в дождливую погоду ужасно грязны, и грязь там глубокая». Ван-Кленк²⁸ резюмирует впечатление, произведенное на него внешним видом Москвы, в таких словах: «Посетители Москвы говорят, что как идешь издали, будто видишь Иерусалим, а войдешь, так перед тобою Вифлием». В сырое время грязь на улицах была так глубока, что иногда приходилось выпрягать лошадей и покидать повозки на произвол судьбы. Правда, главные улицы были вымощены поперек бревнами, но и на них густая и вязкая грязь лежала толстым слоем поверх бревен, и по такой мостовой, по свидетельству того же Кленка, можно было пройти только в сапогах. По [нрзб] определению Рейтенфельса²⁹, мостовая улица в Москве представляла из себя бревно, плавающие в грязи. При этом надо заметить, что бревенчатая мостовая не занимала всей ширины улицы, а проходила узкой полоской, на которой трудно было разехаться двум телегам.

Что настилки были узки, доказывает ряд недоразумений, которые разрешались на съезжих дворах и в Земском приказе или в разряде. Приведем один случай, происшедший на мостовой улице. Дьякон Федор Андреев кричал на Сретенке караул и просил задержать неизвестного ему человека, который избил его плетью. «И против словесного челобитья приводной человек на съезде двора допрашиван, а в допросе сказался дому святейшего патриарха архидиаконов келейник Стенька Иванов, ехал он Стенька из похода изo Владыкина села и наехал де он на Сретенке в Белом городе едет на извозчике дьякон, а как де его зовут, того де он Стенька не ведает; и стал де он говорить его дьяконову извозчику, чтоб он лошади сваей поправил и его б Стеньку пропустил наперед

для того, что де он Стенька ехал наскоро с крытой телегой с архидиаконской келейной рухлядью; и он де дьякон учал его Стеньку бранить, и он де Стенька его дьякона плетью стегал». Очевидно, такого недоразумения не могло произойти на широком пути. Только в очень немногих, особенно бойких, местах как, напр[имер], от Неглиненских ворот (китайгородские Иверские (Воскресенские) ворота — *сост.*) через Неглинную до Мучного ряда бревна клались в 2 ряда.

В некоторых низменных частях города вода не высыхала все лето, и, однако, там стояло жилье. Когда кладбище у церкви Леонтия Ростовского³⁰, между Тверской и Никитской улиц, оказалось тесным, то под новое кладбище была отведена земля, на которой стояли дворы дьяконова брата и просвирни. Но прихожане подали челобитную в Земский приказ с указанием на неудобство этого места, «потому что оно водяно: стоит на том месте во все лето вода». В районе теперешних Голутвинских переулков за Москвой-рекой было настоящее болото, переходившее в пруд, вошедший теперь в состав Водоотводного канала. Однако и этим болотом не брезговали окрестные жители, в том числе и подьячий Стрелецкого приказа Василий Иванов, уличенный в том, что часть болота пригородил к себе во двор. Даже Патриарший двор в Китае-городе стоял на Грязи. Такие названия как «Троица на Грязях», «Никола на Мокром», «Козье Болото» доказывают, что в грязной Москве были особо грязные и сырые места, особо замеченные даже неприхотливыми относительно чистоты жителями.

Стены московских укреплений в тех местах, где они стояли на откосе, как плотины не давали стекать влаге, и около стен образовывались болотины. Такая болотина была в самом центре города, в южном конце Красной площади, где Китайгородская стена, тянувшаяся, как известно, до Кремлевской, подходила к самому Кремлю. Однако и там стояли дворы московских обывателей. Там поставил свой двор Вознесенский протопоп Иоаким, принужденный, однако, покинуть свое жилище вследствие бесцеремонности своих соседей, торговцев Живорыбного ряда, выливавших из садков воду под уклон так, что, по словам протопопа, образовалась грязь и болотина непроходимая. Даже в доме благоустроенной Немецкой слободе в сырое время была невылазная грязь. В дневнике Корба³¹ читаем: «Несколько дней подряд шли дожди, так что улицы Немецкой слободы стали непроходимыми; повсюду там разбросаны повозки, которые так глубоко засели в грязь, что лошади бессильны их вытащить».

В летнее жаркое время гниющая грязь, распространяя миазмы, постепенно подсыхала и давала глубокий слой пыли, столбом стоявшей на улицах, где езда была более оживленной. На улицу же выкидывались отбросы из прилегающих дворов. Очистка улиц от пыли и отбросов производилась только в исключительных случаях по тем улицам, по которым должен был проезжать царь. Тогда партия метельщиков под руководством подьячих направлялась очищать путь для царского шествия. Надо думать, что в таких случаях в приказе приостанавливалось течение дел за отсутствием подьячих. В 1660 году Москва готовилась

к встрече царя, и оказалось, что «в Земском приказе старых и молодых подъячих немного и те все расписаны по улицам и мостят по всей Москве мосты и к пришествию великого государя пути строят и по Москве по улицам для очищения помету ходят». Заметим, что в наказах объезжим головам, как представителям полицейской власти, нет ни одного слова о необходимости наблюдать за чистотою улиц, и только боярский приговор 1686 года обратил внимание на уличную грязь: «Послать память в Земский приказ, велеть на Москве во всех улицах и переулках всяких чинов людям сказать, чтоб они, всякой против своего двора, велели осмотреть навозу и мертвечины и всякого скаредного помету; и буде против чьих дворов такой помет и мертвечина объявятся, и то велеть очистить и вывозить за Земляной город, от слобод в дальные места и засыпать землею тем людям, против чьих дворов такой помет объявится. И впредь ни с чьих дворов навозу и мертвечины и никакого скаредного помету на улицах метать не велеть, чтоб однолично было во всех улицах очищено апреля к 4 числу нынешнего 194 году (1686 г. — *сост.*). Также с дворов и с поварен и из отходов на улицы выпусков никто не делали. А которые люди учинятся ослушны, навозу и мертвечину и всякого скаредного помету против дворов своих к тому числу не очистят, и за то знатным людям быть в опале, а боярским и иных нижних чинов людям в жестоком наказанье безо всякие пощады. Да и объезжим о том в наказах написать же».

Приведенный боярский приговор, как видно из его содержания, имеет в виду не регулярную очистку улиц, а только очистку к определенному дню, к 4 апрелю 1686 года; впредь предписывалось только не выбрасывать на улицы помет и мертвечину. Приговор ярко рисует состояние московских улиц, что подтверждается другими памятниками. В 1667 году думный дьяк Герасим Дохтуров бил челом о присоединении к его двору переулка, связывавшего Тверскую с Дмитровкой, рядом с Космодемьянским переулком, и одним из оснований указывал на загрязнение проезда: «в тот переулок возят из дальних окольных дворов стерво и всякой скаредной помет». Один объезжий обратил внимание на страшное загрязнение Тверской улицы и сообщил в приказ, что из многих владений, между прочим, из Страстного монастыря «из отходов на улицу поделаны выпуски». На Дмитровке выпуск на улицу сделан у мясника из бойни и «из нее плывет всякой скаред». Если такие картины развертываются на оживленных и бойких улицах центра, то санитарное состояние окраин было, конечно, еще хуже.

Торговые ряды на Красной площади представляли из себя настоящую клоаку. Вспомним про тот ряд, где сидели московские цирюльники, не имевшие привычки убирать остриженный волос, и про то неприятное название, какое носил этот ряд. По свидетельству Эрколе Зани³², подобное явление можно было наблюдать и в Шерстяном ряду: «идешь точно по матрацу». Смачиваемая дождем, гниющая шерсть, конечно, была очагом заразы. Торговые люди Кичного, Холщевого и Шубного рядов при всем своем презрении к чистоте

и опрятности принуждены были подать такую характерную жалобу: «Промежу Овчинного и Холщевского ряду торговые люди ходят и каятся и лавки их заскаредили пометом, и от того помету и от духу сидеть им в лавках невозможно».

Мясные лавки, разбросанные по всей Москве, можно было бы узнать издали по запаху, который от них исходил. По словам Таннера, москвичи обладали очень своеобразным вкусом. «Много мясных лавок, отдающих тяжким запахом (из мясников некоторые торгуют тухлым мясом, выкладываемым на солнце). Проходя или проезжая мимо их, Москвитяне, даже вельможи, пробуют пальцем посиневшее от порчи мясо, достаточно ли оно мягко, и, выпив чарку водки, публично пожирают кусок этой сыры с куском чесноку». Не меньше запаха распространяли лавки, торговавшие соленой рыбой — обычным блюдом московской бедноты. Вследствие экономии в соли, дорогой от значительной пошрины, рыба солилась недостаточно и скоро портилась.

Неблагоприятно отзывалось на санитарном состоянии Москвы значительное количество скота, находившегося в черте города. Часть его была разбросана по обывательским дворам, а часть сосредоточивалась в определенных местах: на Мясницкой была коровья площадка, в нескольких местах расположены были царские конюшни и, наконец, в городе имелся выгон, занимавший пространство в 20 с лишком десятин в местности между Нижними Садовниками и Большими Лужниками за Москвой-рекой.

С точки зрения санитарии является совершенно недопустимым наличие в черте города большого числа кладбищ. В Москве XVII века кладбища были у каждой церкви и примыкали к обывательским дворам. Не редкость такие записи переписных книг: «Поставлен тот двор на кладбище и с дву[x] сторон того дьяконовского двора кладены усопшие». Москвичи не оказывали кладбищам большого пиетета. К целому ряду дворов, прилегавших к кладбищам, проезд пролегал через самые кладбища по могилам. Вследствие переполнения кладбищ умерших клали в соседних дворах причта и даже в прилегающих переулках. Могилами были заняты переулки у Введения на Лубянке³³, Николы в Столпах³⁴, Спаса в Глинищах³⁵, Трех святителей на Кулишках, Большого Вознесения, Благовещения на Тверской³⁶ и около других церквей в людных частях города.

Москва изобиловала водой. Реки Москвы — Яуза, Неглинная, ряд речек и ручейков, пруды Красный, Патриарший, Поганный, Лебяжий, Пресненские и др. давали много водной поверхности, столь важной для санитарного благополучия города в том случае, если вода остается незагрязненной. Это условие и не поддерживалось московскими обывателями, которые видели в реках и прудах наиболее удобные места для удаления городской грязи. Если считать позволительным выводить сточные канавы в самые людные улицы, то тем более позволительно выводить такие канавы в воду. Такой точки зрения держалось само правительство. На Сафьянном дворе был устроен пруд для вымачивания кож, а стоки из этого пруда, по распоряжению Приказа, были сделаны в Яузу. Сафьянный двор

помещался в Москве на Воронцовом поле. Река Москва представляла из себя центральный сточный канал. Вот слова Павла Алеппского³⁷: «На Пасхе лед на реках растаял, и мы пошли смотреть реку Москву, протекающую под Кремлем и через середину города, а до тех пор мы ее не видали, потому что она была загромождена горами снега и льда. Обыкновенно весь сор и нечистоты, как в этом городе, так и в других селениях, по которым протекают реки, счищают и вываливают на лед реки; когда он растает, все уносится вместе с ним».

Можно себе представить, как заражены были окрестности реки в течение довольно длительного периода между началом таяния снегов и ледоходом. Москворецкий плавучий мост был как бы прачешной для всей Москвы, как об этом говорит Павел Алеппский: «все городские служанки, слуги и простолюдины приходят к этому мосту мыть платье в реке, потому что вода здесь стоит высоко, в уровень с мостом». Тут же купались прохожие.

Состояние прудов достаточно характеризуется нелестным эпитетом «Пога-ный», который прилагался не только к пруду у Покровских ворот, но и к пруду, образовавшем[у]ся от разлива запруженной реки Неглинной. «В Белом городе — говорит Олеарий³⁸ — находится литейный завод, а именно в местности, которую они называют Поганим бродом, на реке Неглинной; здесь они льют много металлических орудий и больших колоколов». Относительно Патриаршего пруда имеется характеристика, относящаяся к XVIII веку, но надо думать, что и в XVII веке он был не в лучшем состоянии: Патриарший пруд «из давних лет находится в крайней нечистоте и зарос тиной и грязью, около него объезжено дорогами, рыбы в нем не имеется». Пруды были обычным местом, куда ночные грабители сбрасывали свои жертвы. По словам иностранцев, на прудах нередко всплывали трупы убитых.

Принимая во внимание, что колодцев общественного пользования в Москве не было, а сохранившиеся купчие на московские дворы в описании строе-ний редко упоминают о колодцах в частных владениях, надо заключить, что вода для питья бралась из рек и прудов, зараженных городской грязью.

Помимо указанных постоянных водных поверхностей, были еще временные вместилища, наполнявшиеся водой в сырое время, это рвы и каналы. Такие рвы находим в Замоскворечье около ц.ц. (церквей — *сост.*) Николы в Толмачах и Георгия в Ендове, и они не имели значения сточных или осушительных канав, как видно из того, что часть рва в Ендове местный священник приспособил себе под двор. Он сложил во рву сруб, засыпал сруб землей и на этом прочном основании поставил свои постройки. Легко себе представить, какое неприятное и губительное для здоровья соседство имели обитатели этого двора в виде застоявшейся и гниющей воды, в которой плавали всевозможные отбросы.

Широко раскинувшаяся Москва имела много незастроенных пространств под садами, лугами и огородами. В записках Петра Петрея³⁹ 1608 года читаем: «В городе есть и большие луга, пустыри, много деревьев и садов, занимающих

немало места. Великий князь сам имеет 3 прекрасных обширных сада, где растут разного рода деревья и травы, да большой луг у самого замка, приносящий ему ежегодно свыше 600 возов сена». Наличие обширных незастроенных пространств отмечает и Мейерберг⁴⁰, посетивший Москву в 1661 году. Действительно, сады и огороды при боярских дворах занимали очень много места. Так, огород боярина Н. И. Романова, отданный потом Иверскому монастырю и находившийся по соседству с Тетеринской слободой⁴¹, занимал площадь в $3\frac{1}{2}$ десятины. На месте теперешнего Воспитательного дома находился обширный Васильевский луг. Огород кн. Ф. Ф. Волконского около Арбата тянулся на трех десятинах. По берегу Москвы-реки были расположены два царских сада. С наружной стороны укреплений в военных целях оставлялись широкие полосы свободной от построек земли, предмет постоянных покушений со стороны обывателей, торговцев и ремесленников, имевших особый интерес поставить свои дворы и лавки поближе к центру.

Размеры обывательских дворов были значительны, в среднем 100 квадратных сажень, из коих постройки занимали не больше четверти, а остальное уходило на огород. Так как во дворе жила обыкновенно одна семья, то надо признать, что в Москве особой скученности не замечалось, и в этом отношении санитарную обстановку города надо признать удовлетворительной. Но эта обстановка постепенно изменялась к худшему вследствие захвата под жилье незастроенных площадей. Особенно пострадала полоса около укреплений по мере того, как Москва освобождалась от опасности непосредственных ударов врагов. На Сигизмундовом плане⁴² свободные земли перед укреплениями обозначены более широкими полосами, чем на позднейшем плане Мейерберга. Вал и стена Земляного города приходили в упадок и быстро теряли значение серьезной оборонительной линии, а в связи с этим теряло свое военное значение свободное пространство перед Земляным валом. «Большие следы разрушенных стен — пишет Таннер в 1678 году — глубокие, обильно наполненные водой рвы, свидетельствуют о минувшем блеске, померкшем от частых татарских набегов». Когда за Сретенскими воротами (Белого города — *сост.*) строилась Мещанская слобода, то по прежней практике у Земляного Вала была оставлена широкая полоса свободной земли, которая, однако, стала постепенно застраиваться, «потому что то место у города, а в поле мещане селиться не хотят, потому что люди скудные», как заявил в Посольском приказе мещанский староста. Приказ не решился отодвинуть мещанские дворы от стены и вала, да и места под дворы отводил мещанам сам стольник Яков Рыкачов, управлявший Мещанской слободой по поручению Посольского приказа. Такой же участи подверглись незастроенные участки перед другими линиями укреплений. Во время Великой Северной войны (1700—1721 гг. — *сост.*) движение шведов на Москву казалось столь вероятным, что Петр распорядился привести столицу в военное положение. Тогда вокруг укреплений стали сносить выросшие вокруг них постройки,

и между прочими была снесена церковь преп. Феодосия, находившаяся на Лубянской площади, вместе с окрестными домами прихожан.

Если вообще Москва жила достаточно широко, то все же были уголки необыкновенной скученности, где дворы занимали ничтожное пространство. Переписными книгами зарегистрированы дворы в 7, 8, 9 и 10 кв. с[ажений]. Попадают такие дворы, у которых фасадная линия имела только полторы сажени. Приведем два примера скученности населения, один в центре города, другой на окраине. В Звонарском переулке по одной стороне было 13 владений размером от 27 до 63 кв. саж., в среднем на двор приходилось 37 кв. саж. В Красном селе в одном из переулков было 10 владений от 25 до 50 кв. саж., в среднем на двор приходилось 38 кв. саж. Эти данные взяты по переписи 1620 года.

Относительно санитарного состояния московских жилищ ограничимся несколькими словами, потому что внутреннее устройство московских домов до сих пор еще не выяснено в подробностях и ждет своего исследователя. О русских жилищах иностранцы отзывались с большим пренебрежением. Они отмечали ничтожные их размеры. И, действительно, на участке земли шириной в 2—3 сажени нельзя поставить широких хором. Принимая во внимание то обстоятельство, что нужно было оставить часть фасада для ворот, надо представить себе дом на таком участке столь узким, что не найдем аналогий в современной деревне. Рисунки из московского быта, набросанные иностранцами, изображали московские дома в виде очень узких строений, но, судя по расположению окон, в 2 этажа, и, не смотря на эти 2 этажа, очень низких. Строения, помещенные русскими художниками в «Книге в лицах о избрании на престол Михаила Федоровича»⁴³, также поражают своим узким фасадом. Нижний этаж, или подклеть, предназначалась для вещей и скота, а верхний отводился под жилье, а также и для мелкого скота, который укрывали от зимней стужи в жилых помещениях.

Следовательно, недостаток воздуха — вот первое отступление от основных правил гигиены. Но и этот недостаточный воздух отравлялся присутствием скота. Второе отступление — недостаток вентиляции. Затянутые промасленным холстом или кусочками льда, а иногда слюдой окна не могли отворяться также свободно, как в современных домах и были большею частью закрыты. Самые окна, как они обозначены на рисунках, представляли из себя узкие щели, дававшие мало света. Далее, Рейтенфельс свидетельствует, что сохранились еще курные избы: «Многие дома, даже среди города, не имея дымовых труб, выпускают дым через крайне узкие окна и не заключают в своих стенах ничего другого, кроме печи для варки пищи, стола с скамьями и небольшой иконы святого. Бояре живут также очень тесно и в деревянных тоже, по большей части, домах, а рабы укрываются в маленьких, расположенных на том же дворе, вокруг дома их господина, домиках, кои в других странах были бы сочтены за свиные хлевы». Если присоединим к этой картине первобытную нечистоплотность

московских жителей, то не удивимся резкому отзыву о московских домах, данному Лизеком⁴⁴, посетившим Москву в 1675 году: «Обиталище, достойное скорее грязных скотов, чем людей». Конечно, мы имеем в виду серую московскую массу, а не немногих избранных, которые могли и хотели жить в лучших условиях.

Так печальны были санитарные условия, в которых жили московские обыватели и которые должна была преодолевать их крепкая натура. Следствием этих условий была чрезвычайно высокая смертность, которую нельзя за отсутствием статистического материала представить цифрами, но о которой можно составить приблизительное понятие по тем документам, в которых имеются указания на жизнь какой-либо семьи. Когда для новорожденных царских детей выбирались кормилицы, то собирались сведения о их нравственных и физических качествах и, в частности, о числе живых и умерших детей. Сведения по последнему пункту, которые можно заподозрить только в преуменьшении, а никак не в преувеличении, производят удручающее впечатление и настолько колоритны, что трудно удержаться, чтобы не сделать обширной выписки. Для вскармливания царевны Марфы Алексеевны выбирали кормилиц среди обитательниц Конюшенной слободы, причем кандидатками были: Дарья Кириллова из 8 детей умерло 3, Мавра Максимова из 6 детей умерло 2, Ирина Логтинова из 3 детей умерло 2, Ирина Варфоломеева -/- 7 -/- -/- 4, Акинья Родионова -/- 6 -/- -/- 2, Анна Клементьева -/- 10 -/- -/- 7.

По этому списку детская смертность определяется в 50%. Такую же картину получим при рассмотрении списка женщин, из которых выбирали кормилицу для царевича Симеона Алексеевича. Последний список интересен тем, что указаны лета кандидаток в кормилицы: это исключительно молодые женщины от 19 до 28 лет. Конечно, в кормилицы выбирали только особенно здоровых и крепких.

Если дети молодых здоровых матерей вымирали наполовину, то общий уровень детской смертности по Москве должен быть выше 50%. Высокий % смертности объясняется двумя основными причинами: на первом месте надо поставить совершенно неудовлетворительные санитарные условия и только на втором отсутствие врачебной помощи. Врачи иноземцы, прошедшие серьезную медицинскую школу, были очень малочисленны и обслуживали только царское семейство и немногих знатных людей. Были врачи и для нищих классов, но с такой подготовкой, которая не обещала ничего хорошего. Вот послужные списки таких врачей: «во дворе Сенка Михайлов, лекарь, родом Резицкого уезду, что под Ригой; в прошлом 164 году (1656 г. — *сост.*) взяли его солдаты и отдали полуподполковнику своему Финкиловтосу и жил у него десять лет, и как отпущен был в свою землю и их по указу великого государя от них немец брали и освобождали на волю и после того живал в наймах у дохтуров и у разных хозяев и в прош[лом] во 183 году (1675 г. — *сост.*) взят он в слободу с подушной записью, а кормится лекарством и зеленою работою, а в тягле нигде не живал». Этот Семен Михайлов

пользовался популярностью и за пределами своей слободы: его приглашал лечить братию сам Симоновский архимандрит. Вот еще женщина врач — Анна Николаева. «Муж ее был лекарь и был в аптеке, и после его смерти шла замуж за поляка за Карпа Григорьева и с ним взята в Мещанскую слободу, и тому мужу ее в Мещанской слободе смерть учинилась, а промысел ее лекарство». Кроме профессиональных врачей были и случайные, имевшие своих клиентов. Сиделец лавки в Семенном ряду Артюшка Никитин настолько был известен своим врачебным искусством, что был приглашен лечить заболевшего зажиточного мещанина Василия Станиславского, но во время первого же визита Станиславский умер, как говорили соседи, от данного ему лавочным сидельцем лекарства. Наконец, больные обращались за помощью к ворожеям, которые, однако, преследовались властями самым жестоким образом, вплоть до сожжения. Захваченная на московском дворе Романа Акинфова ворожейка Дарьица на допросе показала, что она занималась ворожбой и лечением болезней лет с 50-и и что ее приглашали к себе многие бояре и всяких чинов люди.

Вспыхнувшая в 1654 году эпидемия моровой язвы вследствие санитарной запущенности Москвы унесла в городе множество жертв. Подсчет уцелевших жителей пятнадцати черных слобод показал убыль в 80%. Меры, которые принимались против распространения эпидемии, сводились к следующему: те дома, в которых были умершие от язвы или подвергались уничтожению, или дезинфицировались. Лучшим средством для дезинфекции в зимнее время считалось вымораживание в течении двух недель, а затем рекомендовалось поступать так — «а как две недели минет, и вы б в тех выморочных дворах велели избы вытопить можжевеловыми дровами и положить полыни, чтобы гораздо понатопить, и велеть топить дни по три, чтобы в тех избах духу можжевелового и полынного понадержалось гораздо и велели в тех дворах жити по прежнему». Из одежды умерших безусловно уничтожению подлежало только то платье, которое было на умерших, а также постель, на которой умер больной; прочее платье больных пускалось в обращение после мытья и замораживания. Уцелевшие в зараженных дворах люди подвергались изоляции: «а в которых дворах учинилось на Москве моровое поветрие, и из тех дворов остальных людей выпускати не велеть и велеть те дворы завалить и приставить к тем дворам сторожи крепкие, чтобы из тех дворов никто не выходил из Москвы по деревням и в города их не отпускать». Изоляция, однако, не проводилась с надлежащей настоятельностью, и само правительство предписывало выводить из зачумленных дворов перед дезинфекцией и размещать их по соседним дворам среди дворовых. Много значения придавалось огню, как защите от заразы и подозрительный по чуме мог сноситься с здоровыми только через огонь.

Чтобы оградить царский дворец от заразы были приняты особые меры, которые сводились к тому, что был затруднен доступ к дворцу, а в тех помещениях, в которых хранилось царское платье, двери и окна были замазаны, «чтоб

ветр не проходил». Как известно, царь и его семейство во время эпидемии находились вне Москвы, но многие бояре, которые остались в Москве, как заместители царя, погибли от страшной болезни, несмотря на принятые меры к изоляции их от очагов заразы.

Опустошения, причиненные моровой язвой, настолько испугали московские власти, что в течение многих лет после окончания эпидемии всякая скоропостижная смерть вызывала строгое расследование. Для примера можно привести такой случай: в 1660 году в Стрелецком приказе по подозрению в воровстве за караулом содержалась 80-летняя татарка. «31 мая, рассказывал пристав, ходил он с той женкой в мир, просила она милостыни в рядах и купила двуденежный калач да на две деньги пресного меду и в приказ пришел с нею часу в шестом дня, и та женка была здорова, пила и ела и едши спала и перед вечерними встала, учала тосковать и блевать; из приказа вышла на площадь и сидела на дровах и умерла в 15-м часу дня в начале, а какая у ней болезнь того не ведает и преж той скорби на ней никакой не видал; а как он с нею ходил по рядам, и та женка вина ни у кого не пила». Подьячие Стрелецкого приказа, дневальные и колодники о скорой смерти татарки были допрошены «издалека в четырех саженьях». Подьячему Тимофею Антипину было приказано вместе с ярыжными отвезти труп за Калужскую заставу и закопать подальше от города на непашенном месте. Подьячий вывез тело за город, осмотрел его через огонь, «а по осмотру знаку той женке постижные болезни, как было в моровое поветрие, нет», закопал глубоко в землю и на могиле сжег большой костер. Подьячий и ярыжные были изолированы в своих домах до указа, «и в которых местах та женка блевала и умерла, и те места по царскому приказу велеть выскоблить и водою смыть и святою водою окропить». Царю посылались доклады о всех подробностях следствия о скорой смерти татарки.

Но страх перед новым взрывом эпидемии не подсказал московским жителям, что надо жить в чистоте и опрятности и что предупреждать болезнь легче, чем ее лечить. В течение всего XVII века Москва оставалась грязной и зловонной и такую же перешла в XVIII век.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ На месте бывшей Мещанской слободы на северо-востоке Москвы существовали 4 Мещанские улицы. Сегодня сохраняется ул. Мещанская (бывш. 4-я Мещанская), остальные три переименованы: ул. Гиляровского, ул. Щепкина, Пр-т Мира (включил 1-ю Мещанскую).
- ² Напрудная дворцовая слобода возникла в XVII в.; село Напрудное (Напрудское) впервые упомянуто в 1339 г.; на притоке р. Неглинной — р. Напрудной. Ныне — район ул. Трифоновской (север Центрального административного округа Москвы. Память сохраняется в названии переулка и храма Трифона в Напрудной (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 331).
- ³ Троицкая (Троицкая Неглименская) слобода упоминается в XVII в.; за Сretenскими воротами Земляного города у р. Неглинной; с 1609 г. принадлежала Троице-Сергиеву монастырю; часть земель отошла к Мещанской слободе; ныне в составе Центрального административно-

- го округа Москвы; память сохраняется в названиях улицы и переулков и Троицкой церкви (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 533).
- 4 Жители, платившие государственные подати и исполнявшие государственные повинности — тягло.
- 5 Дата приведена по церковно-славянскому летосчислению от Сотворения Мира, при этом первая цифра опущена — 7197 г. (соответствует 1689 г.).
- 6 Житель белых слобод, не облагавшихся тяглом (государственными податями и повинностями) или обыватель, лично (в силу разных причин) освобожденный от тягла.
- 7 Гостиная и Суконная сотни — привилегированные корпорации торговых людей (купечества) в Русском государстве в конце XVI — начале XVIII в.
- 8 Жители черных слобод, облагавшихся тяглом.
- 9 Кизылбаши — название кочевых племен, говоривших на азербайджанском языке; духовно-военное объединение тюркских кочевников, в XVI в., распространивших власть на пространстве от Каспийского моря до Персидского залива. Слово «кизылбаш» в тексте С.К. Богоявленского, возможно, означает выходцев с этих территорий, персидских, восточных торговцев.
- 10 Посольский приказ имел структурное деление по повытьям (по территориально-государственному признаку). Каждое повытье ведало своей группой государств и осуществляло в их отношении ряд своих функций.
- 11 Император Священной Римской империи (Священной Римской империи германской нации), существовавшего в 962—1806 гг. надгосударственного союза ряда европейских, балканских и западнославянских государств и народов.
- 12 Питейное заведение.
- 13 Приказ Новая четверть (четь), один из территориальных приказов Русского государства в XVI—XVII вв. (наряду с приказами Владимирской, Новгородской, Галицкой четей и т.п.).
- 14 Имеется ввиду подписанный документ — «руку приложил».
- 15 Имеются в виду Стрелецкий бунт 1682 г. в связи с вопросом престолонаследия после смерти царя Федора Алексеевича и последовавшие в результате его события, получившие название «Хованщина».
- 16 Азартная игра в кости, у которых были белые и черные грани.
- 17 Ефимочная покупка — покупка серебряной иностранной монеты (ефимков); ефимками уплачивался таможенный сбор за ввозимый и вывозимый товар.
- 18 Цесарь — император Священной Римской империи германской нации.
- 19 Храм не сохранился.
- 20 Соборное Уложение — основной кодекс законов Русского государства, принятый Земским Собором 1649 г.
- 21 Свенская ярмарка — возникла в начале XVII в. в окрестностях Брянска, у Свенского Успенского монастыря; проходила в августе.
- 22 Околы или опушки (меховые) у шапок.
- 23 Ирмологий (греч.) — богослужебная книга в Православной Церкви с богослужебными текстами, предназначенными для пения в храме. Ирмос (греч., церк.-слав.) — первая строфа в каждой из девяти песен канона, в которой прославляются священные события и лица.
- 24 Партесное пение — многоголосое хоровое пение в православном богослужении; партесный концерт — жанр партесного пения.
- 25 Бернгард Леопольд Франциск Таннер, чешский путешественник, был в Москве в 1678—1682 гг., оставил записки о Москве.
- 26 Александр Гваньини, итальянец на польской королевской службе. Оставил записки о Москве XVI в.; сам в Москве не был, использовал сведения польских купцов, записки современников и другие документы.

- 27 Самуил Маскевич, польский дворянин, был в Москве во время Смуты в 1609—1612 гг., оставил записки.
- 28 Конрад Кленк, голландский купец, посол Вильгельма Оранского в Москве в 1675 г.; записки оставил член его посольства Балтазар Коэйтт.
- 29 Якоб Рейтенфельс, курляндец, жил в Москве в 1670—1673 гг., оставил записки.
- 30 Храм не сохранился.
- 31 Иоганн Георг Корб, секретарь австрийского посольства; был в Москве в 1698—1699 гг., оставил записки.
- 32 Эрколе Зани, итальянский путешественник, в 1671—1672 гг. был в Москве, оставил записки.
- 33 Храм не сохранился.
- 34 Храм не сохранился.
- 35 Храм не сохранился.
- 36 Храм не сохранился.
- 37 Павел Алеппский, архидиакон, сын Антиохийского патриарха Макария; был в Москве в 1655—1656 и 1666—1669 гг., оставил записки.
- 38 Адам Олеарий, математик, антикварий, придворный советник герцога Шлезвиг-Голштинского; был в Москве в 1633—1634, 1635—1636 гг., оставил записки.
- 39 Петр Петрей де Ерлезунда, шведский дипломат, военный комиссар при экспедиционном корпусе короля Карла XI; был в Москве в 1617 г., оставил записки.
- 40 Августин фон Мейерберг, барон, австрийский дипломат, глава австрийского посольства в Москве в 1661—1662 гг., оставил записки.
- 41 Находилась между современными ул. Верхней Радищевской, Николаямской и Земляным валом.
- 42 План Москвы 1610 г., выполненный перед походом на Москву польского короля Сигизмунда III.
- 43 «Книга об избрании на превысочайший престол великого российского царствия Великого Государя Царя и великого князя Михаила Федоровича всея Великия России Самодержца» (Москва, Посольский приказ. 1672—1673 гг.; Музеи Московского Кремля) посвящена коронационным торжествам 1613 г.; печатный экземпляр издан в 1856 г. (См.: Книга об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича: Факсимильное издание 1856 г. — СПб., 2009).
- 44 Адольф Лизек, секретарь австрийского посольства; был в Москве в 1675 г., оставил записки.

БОНДАРЕНКО Илья Евграфович (1870–1947)

*Архитектор, искусствовед, реставратор, художник, историк архитектуры,
член Комиссии МАО по сохранению древних памятников*

Родился в Уфе. Получил образование в Уфимской гимназии, учился в 1887–1890 гг. в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Слушал лекции в Цюрихском политехникуме. Изучал западноевропейскую архитектуру во время поездок по городам Европы, русскую архитектуру в Угличе, Ростове, Ярославле, Костроме.

Строил в стиле русского модерна гражданские и церковные здания. По его проектам были сооружены в Москве старообрядческие храмы 1-й и 2-й поморской общины в Переведеновском и Токмаковом пер., поповцев в Гавриковом пер., беспоповцев на М. Андроньевской, ряд зданий Иверской общины сестер милосердия (служил архитектором в этой общине).

После революции 1917 г., помимо проектировки зданий, работал в системе Наркомпроса РСФСР, в структурах его Музейного отдела, в 1918–1920 гг. возглавлял Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, активно сотрудничал с Центральными государственными реставрационными мастерскими. В конце 1920-х гг. вернулся к архитектурной практике. Специалист по истории русской архитектуры, в особенности XVIII в. Автор монографии об архитекторе М.Ф. Казакове (М., 1912). Подготовил и опубликовал альбом «Архитектурные памятники Москвы» (Вып. 1–3. М., 1904–1905). Автор объемных воспоминаний (изданы под названием «Записки художника, архитектора. Труды, встречи, впечатления» (М., 2018. Кн. 1–2)).

Член Московского архитектурного общества (1913 г.), член МАО с 1914 г.. Коллекционировал книги по истории Москвы, искусству, а также гравюры.

Похоронен на новом кладбище Донского монастыря (колумбарий).

И.Е. Бондаренко — один из первых членов Комиссии «Старая Москва». Активно участвовал в заседаниях в дореволюционный период; в 1910–1915 гг. им было сделано 4 доклада на темы, связанные с историей московской архитектуры в XVIII — начале XIX в.: «Застройка Москвы в эпоху Empire» (4-е засед. 24.02.1910 г.), «Регистрация памятников Москвы второй половины XVIII в.» (5-е засед. 16.03.1910 г.), «Об Елизаветинских дворцах в Москве» (48-е засед. 27.01.1915 г.), «О Екатерининском дворце в Москве» (55-е засед. 11.12.1915 г.).

В протоколах «Старой Москвы» 1916–1930 гг. он замечен лишь дважды: на 358-м заседании (12.01.1928 г.) — выступил с дополнениями о художнике В.И. Соколове, и на 397-м заседании (11.10.1928 г.) — читал доклад «С.И. Мамонтов и его эпоха».

В прениях по докладам других членов «Старой Москвы» практически не участвовал. В протоколах выявлено только 2 таких случая (в 1912 и 1918 гг.).

ЗАСТРОЙКА МОСКВЫ В ЭПОХУ EMPIRE

доклад на 4-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
24 февраля 1910 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер. — ?¹)

(К. 1. Д. 3. Л. 9об.—10об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, есть карандашные вставки, с автографами. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись сделана Н. С. Курдюковым.

С новым веком явился новый стиль. Empire (ампир — *сост.*) — его хронологическое определение 1790 до 1830 и даже до 1835 года.

Три периода: 1) ранний Empire; первый 1790—1810, прост, тяжеловат в массах, без орнаментации — представитель его L. Rusco². 2) Расцвет стиля 1810—1825 (особенности 1812 г.). Богат в массах, пышная орнаментальная уборка. 3) Упадок стиля, вторгаются элементы готических форм (под влиянием Шинкеля³) 1825—1835.

Москва создала свой стиль Empire в отличие от СПб (Санкт-Петербурга — *сост.*). СПб — монументален, величествен в размерах, официален и огромен, Москва — уютный, скромный в своих размерах и прекрасный, особенно по типу своих особняков этой эпохи.

В эпоху Екатерины (Екатерины II (1762—1796 гг.) — *сост.*) обстраивалась больше «Немецкая» или «Слобода» (все Лефортово); туда к Слободскому дворцу тянулась знать — с нач. XIX века начинает застраиваться емпир'ными памятниками «Староконюшенная», т.е. Арбат, Пречистенка с прилегающими улицами и переулками.

1812 г. вносит особенное оживление в застройку М[осквы]. Создаются ряд новых зданий, богатых, интересных, и «одеваются» старые еще последних лет Екатерининского века, здания.

Лучшие силы зодчих стянуты в СПб, где заканчивается создание новой столицы — там Росси, Захаров, Воронихин, Старов, Мельников и оба Михайловы.

«Двор» — Москву как-то забыл, и из СПб-архитекторов редко кто теперь посещает Москву.

Росси⁴ — этот лучший зодчий СПб — строит в Москве лишь один деревянный театр у Арбатских ворот (1807 г.). Захаров, Воронихин даже не бывали в Москве. Москва дала своих зодчих не менее талантливых.

В эту эпоху работали зодчие:

Иосиф Ив. Бове⁵ (1784—1834) (ученик Кампорези⁶). Строил много особняков, лучший — д[ом] кн. Н. С. Гагарина (Новинский бул.)⁷. Главная работа — Петровский театр (1821—1825) (измен. фасад)⁸. Триумфальные ворота (1829)⁹. Архитектурная обработка Манежа¹⁰ и Верхн. Торг. Рядов¹¹.

Дом[енико] Ив. Жилярди (из Италии). Мариинская больница¹². Павловская больница¹³. Лучшее произв. Опекунский Совет (Солянка). Дом Государств.

банка (Никитск. бульвар)¹⁴. Кузьминки (имение кн. С.М. Голицына). Университет — старое здание (на ул. Моховой — *сост.*).

Ив. Вас. Еготов — строил Оружейную палату в Кремле (1810) (теперь перестроена)¹⁵, дачу Писареву (Люблино) (теперь Голофтьева)¹⁶.

А. Ив. Старов — общественные здания и главный надзор за стройкой М. — после 1812 г.¹⁷

В конце эпохи [нрзб] представители упадка стиля — архитекторы:

Ив. Л. Мироновский (Синодальная типография¹⁸, Вознесенский монастырь в Кремле¹⁹.

А. Бакарев (Можайский собор и ряд, к счастью, неосуществленных проектов фантастической готики)²⁰.

Огромное значение «Комиссии строений» — помещалась на Чистых прудах — нач. А. Арсеньев²¹. Обсадка Кремлевского сада²² и А.А. Бапилов. Устройство Петровского парка. «Комиссия» устанавливала фасады и следила, чтобы здания были «в пропорциях приличны», даже следила за окраской зданий.

Алфавитный список зданий (сохранившихся), эпохи Empire:

Церквей — 16

Общественных зданий и частных выдающихся — 25

Частных зданий и менее сохранившихся — 72

Деталей и разных памятников — 14.

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ДВОРЕЦ В МОСКВЕ

*доклад на 55-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
11 декабря 1915 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 95об.—97; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами. Листы двухсторонние, разнолинованные, с пятнами. Запись сделана И. С. Беляевым.

Членом Комиссии И.Е. Бондаренко был прочитан доклад о «Екатерининском дворце в Москве», ныне доме 1 Кадетского корпуса в Лефортове²³. Дворец этот был начат постройкой в 1773 г. и окончен около 1797 года, т.е. строился более 20 лет. По мысли императрицы Екатерины II, следовало на фундамент старого Анненгофского дворца²⁴ наложить каменный этаж с «мезаниною», если можно; впоследствии же было возведено на этом фундаменте новое огромное здание, сохранившееся до нашего времени. Постройку дворца императрица поручила князю Макулову, являвшемуся заведующим всею хозяйственной частью, но под чертежами везде стояло его имя, что даже подало повод некоторым исследователям считать его архитектором.

Он, как видно из многочисленных рапортов, больше стремился к обогащению собственного кармана. Чертежи дворца были составлены архитектором Яковлевым, и в помощь ему был дан архитектор С. Волков. Кроме остатков от старого Головинского дворца²⁵, для стройки были отведены два кирпичных завода у Калитникова кладбища и на Введенских горах. Архитектор Яковлев был уже в преклонном возрасте, он скоро был «оставлен за старостию в штате строителей», а императрица прислала из Петрограда (так в тексте — *сост.*) план и вновь сделанную фасаду, по проекту Ринальди, возвысившегося около 1770 г. до звания «штатного архитектора» Ее Величества, занятого уже постройкой Мраморного дворца для гр. Орлова. Сравнивая фасады этого последнего с Екатерининским дворцом в Лефортове, видим необыкновенное тожество, начиная с общей архитектурной концепции и кончая деталями каждого наличника. В 1774 г. при стройке были еще художник Протас Яковлев и каменного дела мастер итальянец Руско.

Императрица очень интересовалась стройкою дворца, приказывая, например, крыть его луженым железом, а службы черепицей, и на запрос князя Макулова, писавшего, что лестницы из дикого камня могут стоять до 15 000 рублей, а из белого ординарного за его слабостью прочны быть не могут, отвечала: «Строить из белого камня, и они довольно будут прочны, если простоят столько же времени, как Иван Великий и Красное крыльцо». В том же ответе, говоря о полах, она оттеняет свое собственное настроение, столь крепко связавшее ее с деятелями предыдущего елизаветинского царствования: «Полы должны быть самые простые из русского дерева, а чужезванного²⁶ отнюдь не надобно, о чем уже в прежних моих записках помянуто было; а если не ясно, то опробованный кусок отселя дается вам». Царство князя Макулова кончилось назначением на его место кн. Тюфякина, а по настоянию Руско была созвана комиссия для осмотра дворца в 1776 г. из архитекторов Карла Бланка, Ивана Яковлева, Василия Баженова, Матвея Казакова, Семена Волкова и Семена Карина. Комиссия пришла к очень грустному выводу, что кирпич в стенах крошится и никуда не годится. Указано было, что лучшая глина найдена в подмосковных селах Измайлове и Покровском, где и решено устроить кирпичные заводы. Нужно было стены разобрать и выложить вновь. В 1778 г. во главу постройки дворца был назначен И. И. Измайлов, стены велись выкладкою, а для помещения служебного персонала был приобретен в Немецкой слободе дом Бестужева. На постройку стало отпускаться не 100 000, как прежде, а 250 000 р. в год. Императрица прибавила число покоев в 3 этажах до 280, а архитектором был назначен Карл Иванович Бланк, точный, исполнительный, экономный и очень опытный зодчий, а главным каменным мастером вместо ушедшего Руско был приглашен Осип Тирольмо.

Самый дворец имел крупнейший объем до 40 000 куб. сажень, в нем строилась церковь во имя Успения Преч[истой] Богородицы, целый ряд пышных

зал, например, 15х13 саж. и 22х7, несколько столовых, 3 кухни — при каждой хлебная, скатертная, тафельдекарская²⁷, 2 конфетных, сервизная для хранения и разбирания золотой и серебряной посуды, 2 покоя для содержания шандалов и свечей, при каждой свечной по одному покою для убирания и пудрения ливрейным служителям волос и т.д. Включая ко дворцу сад, называвшийся «Дворцовым», а иногда «Слободским», общая площадь всего участка доходила до 70 десятин. В саду тогда был расположен храм Петра и Павла, мост же был только Салтыков.

Насколько в широком масштабе велась стройка, можно видеть по количеству употребляемого кирпича: в 1781 г. было его заказано 12 000 000 штук, да в Каменном приказе приобретено 5 000 000. Рамы и двери изготовлял лучший в то время столяр Витман, делавший модель Баженовского дворца²⁸, а в 1781 г. явился указ о припечатании в «Москов. вед[омостях]» вызова желающих заготавливать к главному корпусу дворца нужное число «русских стекол». В 1782 г. был выписан из Италии знаменитый Кваренги составить рисунки внутренней отделки фасада дворца. Участие Кваренги сказалось, кроме того, для украшения скучного длинного фасада, по его рисункам колоннады, существующей доныне. В следующем году были сложены печи, причем для главных помещений 24 фаянсовые были присланы из Петрограда (так в тексте — *сост.*). Для лепного дела появляется мастер Кампорези. В 1784 г. в штукатурке фасада принимал участие скульптор Гагенборгер. Во французском описании 1790 г. было сказано: «Новый дворец находится вне города за рекой Яузой, он имеет в длину 96, а в ширину 66 сажен, главный фасад имеет 47 пролетов, 16 коринфских колонн в середине, балюстрада во всю длину, галерея, шириною в 7 аршин, на боковых крыльях 4 полуколонны, 6 статуй на обоих крыльях и 3 на фронте, вышина здания всюду 11 сажен. Большая зала имеет площадь 15х14 сажен при высоте 19 аршин. В теперешнем его состоянии он уже стоил около 5 миллионов рублей».

Сколько труда и средств, внимания и забот самой императрицы было приложено к ее дворцу, но ей самой не пришлось увидеть его законченным, так как она скончалась прежде его отстройки. Преемник ее император Павел Петрович, будучи в Москве и гуляя 13 мая 1798 г. в Головинском саду, ограничился лишь повелением «стоящие здесь в кадках бужбонные²⁹ деревья остричь так, как они прежде были, т.е. в виде петухов, павлинов и прочих геометрических фигур». А еще раньше приказом кн. Юрию Влад. Долгорукову предписывалось роскошное здание, приспособлявшееся для жизни царской фамилии, «Екатерининский дворец, приняв в свое ведомство, обратить оный на казармы, предоставляя собственному рассмотрению, конный или пехотный полк в оном разместить удобнее». При Александре I, до 1812 г. Екатерининский дворец министром народного просвещения гр. П.В. Заводовским ввиду тесноты зданий Московского университета с согласия государя совсем уже был назначен для

университета, но почему-то гр. Аракчеев³⁰ отклонил этот перевод, а в 1824 г. дворец был отдан для помещения 1-го Кадетского корпуса.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Место заседания в протоколе не указано; до революции большинство заседаний Комиссии проходило в особняке П.С. Уваровой (См.: *Козлов В.Ф.* Комиссия «Старая Москва» и культурное наследие. 1909–1930 гг.: Путеводитель по архивным материалам. — М., 2020. — С. 22).
- ² Луиджи Руска (1762–1822), швейцарец, архитектор, работал в России в 1783–1818 гг.
- ³ Карл Фридрих Шинкель (1781–1841), немецкий архитектор, живописец, театральный художник. Лидер «романтического историзма», архитектуры прусского эллинизма, работал в стилях неоготики и неоренессанса.
- ⁴ Карл Карлович (Карло ди Джованни) Росси (1775–1849), уроженец Неаполя, архитектор, один из создателей архитектурного стиля русского ампира.
- ⁵ Подчеркивания в тексте авторские.
- ⁶ Франческо Кампорези (1747–1831), итальянский архитектор, работал в России, в Москве.
- ⁷ Не сохранился — один из лучших образцов творчества архитектора О.И. Бове; частично пострадал от пожара во время бомбардировки летом 1941 г., снесен в 1950-е гг.
- ⁸ Петровский театр (назван по местоположению у ул. Петровки), предшественник Большого театра. Петровский театр сгорел в 1805 г. О.И. Бове — руководитель «фасадической части» Комиссии для строений в Москве (создана в 1813 г. для восстановления Москвы после пожара 1812 г., работала до 1843 г.), выстроил новое здание, переработав конкурсный проект проф. А.А. Михайлова. Постройка Бове реконструирована в 1840-е гг., сгорела в 1853 г.
- ⁹ Триумфальные ворота сооружались в 1829–1834 гг.; первоначально были установлены у Тверской заставы (совр. пл. Тверской заставы); в 1936 г. демонтированы; частично декоративное убранство сохранилось в фондах Музея архитектуры им. А.В. Шусева; в 1968 г. на Кутузовском просп. установлена копия Триумфальных ворот.
- ¹⁰ Здание Манежа, построенное в 1817 г. по проекту А. Бетанкура с фасадной отделкой О.И. Бове, перестроено после пожара 2004 г., утратив в значительной степени историческую подлинность.
- ¹¹ Верхние Торговые ряды были перестроены О.И. Бове после пожара 1812 г. В начале 1890-х гг. на месте разобранного здания Бове построили новое (арх. А.Н. Померанцев), ныне существующее.
- ¹² Марининская больница для бедных на Божедомке — ныне не является лечебным учреждением (ул. Достоевского, д. 4 корп. 1).
- ¹³ Павловская больница для бедных — после пожара построена в камне М.Ф. Казаковым в 1803 г.; Д.И. Жилярди в 1830-е гг. пристроил 2 флигеля — ныне Городская клиническая больница №4 (ул. Павловская, д. 25, в районе метро «Тулская»).
- ¹⁴ Дом Луниных — построен архитектором Д.И. Жилярди в 1814–1818 гг. В 1820-е гг. продан владельцами банку; ныне Государственный музей Востока (Никитский б-р, д. 12а).
- ¹⁵ Не сохранилось. Старая Оружейная палата в 1850-е гг. перестроена в Кремлевские казармы, здание снесено в 1950-е гг. при строительстве Дворца Съездов.
- ¹⁶ И.В. Еготов — предполагаемый строитель усадебного дома в имении Дурасовых Люблино (ок. 1801 г.); в числе последующих владельцев усадьбы — генерал А. Писарев, купец-старообрядец К.Н. Голофтеев, устроивший в Люблино дачный поселок.
- ¹⁷ В ходе реконструкции Москвы после пожара 1812 г. всей планировкой и застройкой (а также и благоустройством) города ведала специально созданная Комиссия для строений

- в Москве (1813–1843 гг.). Ее главным архитектором (архитектором по фасадической части), осуществлявшим надзор на всей архитектурно-строительной деятельностью был О.И. Бове.
- 18 Здание Синодальной типографии на ул. Никольской (д. 15; ныне здание Историко-архивного института РГГУ) построено совместно с архитектором А.Н. Бакаревым, 1814 г.
 - 19 Вероятно, имеется ввиду строительство Екатерининского храма Вознесенского монастыря, однако храм был начат постройкой в 1808 г. архитектором К. Росси, после 1812 г. достраивался архитектором А.Н. Бакаревым; храм и монастырь не сохранились.
 - 20 А.Н. Бакарев, помимо строительства нового Никольского собора в Можайске (1802–1814 гг.) и возведения главного корпуса Синодальной типографии на Никольской, участвовал в строительстве многих московских зданий (См.: Зодчие Москвы времени барокко и классицизма (1700–1820-е годы) / сост., науч. ред. А.Ф. Крашенинников. — М., 2004. — С. 26–27). По-новому оценить творчество А.Н. Бакарева позволила дипломная работа студентки ИАИ РГГУ М. Саввиной (рук. В.Ф. Козлов), посвященная неопубликованным дневникам сына А.Н. Бакарева; ныне опубликованы (См.: «Где найдешь Москву другую?..»: Воспоминания архитектора В.А. Бакарева / авт.-сост. Л.И. Смирнова, В.А. Устинов. — М., 2012. — 957 с.).
 - 21 Комиссия для строений в Москве (1813–1843 гг.) размещалась в палатах Сверчкова (ныне — Сверчков пер., д. 8 стр. 3; близ Покровки); непосредственно подчинялась московскому генерал-губернатору (последовательно — Ф.В. Растопчину, А.П. Тормасову, Д.В. Голицыну); должность директора Комиссии занимали последовательно кн. М.Д. Цицианов, И.П. Поливанов, А.А. Башпилов.
 - 22 Александровский (первоначально Кремлевский) сад у стен Кремля на месте забранной в трубу р. Неглинной и оврага был разбит по решению Комиссии для строений в Москве по проекту О.И. Бове, им выполнено архитектурно-декоративное убранство сада; первый публичный сад в Москве.
 - 23 Екатерининский (Головинский) дворец в Лефортово (1-й Краснокурсантский пр-д, д. 3/5); ныне принадлежит военной академии.
 - 24 Анненгоф — название дворцов, строившихся архитектором Б. Растрелли для императрицы Анны Иоанновны в 1730–1731 гг. Зимний Анненгоф был возведен в Кремле, летний — в комплексе Головинского дворца на Яузе. Летний Анненгоф достраивался и благоустраивался в 1730-е — 1740-е гг. Зимний Анненгоф был в 1736 г. перенесен из Кремля также на Яузу. Основой для возведения Екатерининского дворца послужил летний Анненгоф.
 - 25 Головинский дворец — в усадьбе генерал-фельдмаршала Ф.А. Головина, деятеля петровского времени. Головинский дворцово-парковый ансамбль на берегу Яузы напротив Немецкой слободы (и напротив Лефортовского дворца) сформировался в первые годы XVIII в.
 - 26 Подчеркивания в тексте авторские.
 - 27 Тафельдекер — придворный служитель, накрывающий на стол и убирающий со стола.
 - 28 Дворец, строившийся по заказу Екатерины II в Кремле в 1773–1775 гг. В.И. Баженовым (не достроен и разобран).
 - 29 Бужбон — сорт яблок.
 - 30 А.А. Аракчеев (1769–1834), государственный и военный деятель, военный министр, главный начальник Императорской канцелярии и военных поселений.

ВАСНЕЦОВ Аполлинарий Михайлович (1856–1933)

*Художник, историк, краевед, член МАО, председатель
и Почетный председатель «Старой Москвы»*

Родился в с. Рябово Вятской губ. в семье потомственных священнослужителей Вятского края. Прапрадед, прадед и дед его служили в различных сельских храмах Вятской епархии, имели склонность к рисованию. Отец — Михаил Васильевич, по семейной традиции окончил Вятскую духовную семинарию, женился на дочери священника — Аполлинарии Ивановне Кибардиной, в 1850 г. переведен в храм с. Рябово. В семье было шестеро сыновей, в числе которых — и Виктор (1848–1926), в будущем знаменитый русский художник. В семье рисовали отец и брат Виктор. В детстве стал рисовать и Аполлинарий. Рано потерял родителей: в 9 лет — мать, в 14 — отца (1870 г.). Первыми наставниками в художественном увлечении Васнецова стали его брат Виктор и ссыльный художник Э. Андриолли. Первоначально пошел по стопам предков и поступил в Вятское духовное училище, но после его окончания в 1872 г. по предложению брата Виктора поехал в Петербург, где в течение трех лет знакомился с художественной жизнью столицы. Вернувшись в Вятку в 1875 г., под влиянием идей народничества уехал учительствовать в сельскую местность, однако через год, разочаровавшись, вернулся в Вятку, а затем уехал в 1878 г. в Москву к брату Виктору. Жил рядом с Кремлем, знакомился с древностями, ради заработка иллюстрировал газеты и журналы, в том числе и рисунками московских памятников. А.М. Васнецов вспоминал: «Прибытие мое в Москву было решительным поворотом и в искусстве... Очутившись в Москве... после деревенской жизни я был поражен видом Москвы, конечно, главным образом, Кремлем... любимыми прогулками после работы было кружение около Кремля: я любовался его башнями, стенами и соборами».

А.М. Васнецов не получил ни среднего, ни высшего образования, не учился ни в Академии художеств, ни в художественных училищах, свой талант он развивал на практике, самостоятельно оттачивая художественное мастерство. С 1882 г. благодаря брату Виктору входил в Абрамцевский кружок художников, ставший для него настоящей школой. Участвовал в выставках передвижников, стал известным художником-пейзажистом. После творческих поездок по стране и за рубеж в 1890-е гг. постоянно жил в Москве, его духовные и художественные интересы сосредоточились на историческом прошлом города, он писал: «Чем... дальше шло увлечение прошлым Москвы, тем более и более открывались несметные сокровища этого исторического города. Приходилось рыться не только в древних хранилищах, но буквально рыться в земле, отыскивая останки древних зданий...». Как художник-историк-москвовед реконструировал в своих живописных произведениях московское прошлое, в основном XVII век. В начале XX в. написал целую серию исторических картин, на которых люди

и повседневность изображены на фоне архитектурных памятников — это Кремль, его стены и соборы, стены Китай-города, мосты, городские ворота и др. А. М. Васнецова называют основоположником исторического пейзажа.

В 1900 г. Петербургская Академия художеств присвоила ему звание академика, с 1901 г. он стал преподавать в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где руководил пейзажной мастерской. Став знатоком Москвы, пишет художественно-исследовательские работы — раздел «Облик старой Москвы» для двухтомника «История русского искусства» (под ред. И. Э. Грабаря. М., 1910); для издания И. Н. Кнебеля создает в 1909 г. серию картин из жизни допетровской Москвы.

После революции 1917 г. потерял свою мастерскую в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и возможность преподавать, зато получил заказ Московского Коммунального музея на написание серии акварелей-реконструкций, посвященных истории Москвы разных эпох, от основания Москвы до XIX в. Продолжал участвовать в выставках Союза русских художников, преподавал в Московском техникуме кустарной промышленности (в 1923–1930 гг.), создал серию картин и этюдов по Москве и Подмосковию. В 1929 г. провел персональную юбилейную выставку к 50-летию творческой деятельности в Румянцевском музее.

Последние два года жизни тяжело болел и скончался 23 января 1933 г. в своей квартире в Фурманном пер., д. 6, где жил с 1904 г. Похоронен на Введенском кладбище.

В 1965 г. в доме в Фурманном пер. открыт Мемориальный музей-квартира художника А. М. Васнецова (Государственная Третьяковская галерея).

А. М. Васнецов был тесно связан с МАО — в 1901 г. был избран членом-корреспондентом, через пять лет — действительным членом; в «Трудах МАО» напечатано более 10 его докладов, посвященных памятникам старины; участвовал в работе Комиссии по сохранению древних памятников при МАО, обследовал ряд московских древностей.

16 февраля 1912 г. на 18-м заседании «Старой Москвы» избирается ее членом, и особенно тесно был связан с работой в Комиссии в последние полтора десятилетия жизни. С 1912–1913 гг. присутствует на заседаниях; 7 декабря 1912 г. выступил в прениях по докладу П. Н. Зенбицкого о пожаре в Москве в 1736 г.; активно включился в работу Комиссии с начала 1914 г.: 10 января выступил по докладу И. Я. Стеллецкого об истории Китайгородской стены, через две недели — в прениях по сообщению П. Н. Миллера о плане Москвы 1600 г.; на 40-м заседании 25 февраля в доме П. С. Уваровой в ее присутствии сделал свой первый доклад «Московский Кремль при Иване Калите» — в оригинальной форме, соединив демонстрацию эскизов своих работ-реконструкций и научно-исторический текст; 11 марта вместе с И. А. Белоусовым рассказал о белокаменной кладке, обнаруженной в кремлевском соборе Спаса на Бору; 16 октября сделал доклад о древней иконе прп. Сергия Радонежского с изображением Кремля и Водяных ворот; и в течение этого года еще трижды выступал в прениях. 6 марта 1915 г. сделал доклад о Путеводителе по Москве 1827–1831 гг. (4 тома). Больше до революции 1917 г. с докладами не выступал, но активно участвовал в прениях (6 раз в 1916 г.).

К 1918 г. стал одним из самых активных членов Комиссии, лишившейся к этому времени двух председателей: в 1917 г. из Москвы уехала П. С. Уварова, через год эмигрировал заменивший ее Э. В. Готье. А. М. Васнецов председательствовал на заседаниях более 4-х лет — с 72-го (30 марта 1919 г.) до 150-го заседания (24.05.1923 г.). Именно в это четырехлетие он наиболее часто выступает с докладами, построенными на демонстрации живописных реконструкций древней Москвы: с 1919 г. до середины 1923 г. (4,5 года) он выступил более 20 раз (для сравнения — с 1912 г. по 1918 г. (6 лет) сделал 3 доклада). В этот период состоялись «премьеры» докладов-реконструкций:

«Печатный двор на Никольской улице» (75-е засед. 15.06.1919 г.), «Стена Белого города у Трубной площади» (77-е засед. 14.08.1919 г.), «Об офорте XVII в. с изображением на нем Красной площади и Спасских ворот» (78-е засед. 04.09.1919 г.), «Мосты старой Москвы» (81-е засед. 11.12.1919 г.), «Пушечный литейный двор по изображениям XVII в.» (94-е засед. 20.01.1921 г.), «Воскресенский мост и прилегающая к нему местность в XVII в.» (100-е засед., юбилейное, 19.05.1921 г.), «Альбом автолитографий "Древняя Москва" (Издательство "Берендеи")» (122-е засед. 06.04.1922 г.), «Спасские Водяные ворота Китай-города в XVII веке» (125-е засед. 18.05.1922 г.), «Об архитектуре Беклемишевской башни» (133-е засед. 07.09.1922 г.), «Остатки Берсеневских ворот Белого города» (134-е засед. 21.09.1922 г.), «Вероятный вид на Белокаменный Кремль. 1367–1485» (142-е засед. 11.01.1923 г.), «Вероятный вид белокаменного Кремля при Дмитрие Донском» (145-е засед. 22.02.1923 г.).

В этот же период (1919 г. — первая половина 1923 г.) выступал с докладами и сообщениями на другие темы: «О деятельности Комиссии МАО по сохранению древних памятников» (83-е засед. 19.02.1923 г.), «О москвоведении Г.И. Хлопове» (89-е засед. 04.11.1920 г.), «Об иконописце В.П. Гурьянове» (113-е засед. 01.12.1921 г.) и др.

После кончины председателя МАО Д.Н. Анучина в июне 1923 г. и последовавшей ликвидации общества его краеведческая по сути Комиссия «Старая Москва» сохранилась, но уже с другим статусом и подчинением («Группа лиц, интересующихся изучением старой Москвы» при Историческом музее), а А.М. Васнецов на 154-м заседании 19 июля 1923 г. был избран Почетным председателем заседаний Группы (председателем стал П.Н. Миллер).

В 1920-е гг. более разнообразной стала тематика выступлений А.М. Васнецова, все чаще не только как художника, но и как историка, археолога, биографа. С середины 1923 г. до начала 1930 г. прозвучали выступления: «О рисунке 1797 г. с изображением Московского Кремля» (158-е засед. 30.08.1923 г.); «Об имении Узком и его окрестностях» (165-е засед. 08.11.1923 г.); «О книжной торговле в древности на Спасском мосту» (182-е засед. 22.05.1924 г.); «О старинном XVII в. доме по ул. Семеновской, 6» (196-е засед. 25.09.1924 г.); «Семиверхая башня Белого города и прилегающая к ней местность» (200-е засед., юбилейное, 23.10.1924 г.); «О новой картине-реконструкции древней Москвы у устья Неглинной» (203-е засед. 13.11.1924 г.); «Вероятный вид Красной площади во второй половине XVII в.» (225-е засед. 12.05.1925 г.); «Воспоминание об И.И. Левитане» (236-е засед. 30.07.1925 г.); «О доске со знаками зодиака на доме 2-й гимназии на Разгуляе», «Об училище Фидлера во время событий 1905 г. в Москве» (256-е засед. 24.12.1925 г.); «Лубяной торг в Москве в XVII в.» (264-е засед. 18.02.1926 г.); «О московском Каменном мосте 1687 г.» (278-е засед. 17.06.1926 г.); «Воспоминания о В.М. Васнецове» (283-е засед. 05.08 и 284-е засед. 12.08.1926 г.); «О 50-летию своей деятельности как художника» (285-е засед. 18.08.1926 г.); «Способы передвижения на улицах Москвы в XVII и XVIII вв.» (309-е засед. 03.02.1927 г.); «Виктор Михайлович Васнецов как москвич» (334-е засед. 04.08.1927 г.); «Воспоминания о встречах с художником В.Д. Поленовым» (339-е засед. 08.09.1927 г.); «О кончине члена «Старой Москвы» художника Н.К. Константинова» (332-е засед. 08.12.1927 г.); «Об одностолпной палате XVI в. в Заиконоспасском монастыре и необходимости установки памятной доски» (362-е засед. 09.02.1928 г.); «Воспоминания о художнике В.В. Переплетчикове» (375-е засед. 10.05.1928 г.); «Воспоминания о С.И. Мамонтове» (397-е засед. 11.10.1928 г.); «Воспоминания о В.А. Гиляровском» (408-е засед. 03.01.1929 г.); «Москва-городок и ее окрестности во второй половине XII в.» (417-е засед. 07.03.1929 г.).

Со второй половины 1920-х гг. частота выступлений А.М. Васнецова с докладами на заседаниях снизилась. В 1926 г. ему исполнилось 70 лет, при этом он еженедельно (!) председательствовал на многолюдных заседаниях, по-прежнему часто выступал в прениях, дополняя личными воспоминаниями доклады коллег о московских художниках, меценатах, литераторах. Во второй половине — конце 1920-х гг. стухли тучи над московскими памятниками, А.М. Васнецов выступает с сообщениями о планах сноса, о разборках памятников: 17 мая 1928 г. (совместно с П.Н. Миллером) информирует о массовом характере сноса московских памятников; 16 августа 1928 г. — о предполагаемом уничтожении металлических зонтов-балдахинов над надгробными памятниками в Донском монастыре; о занятии детским садом части усадьбы В.М. Васнецова (13.06.1929 г.); о предполагаемом сносе Воскресенских ворот и Иверской часовни (09.08.1929 г.); о вырубке парка екатерининского времени в подмосковном с. Демьянове в имении Танеевых и угрозе сноса усадебных дома и храма (05.12.1929 г.) и др.

Символично, что последнее, 464-е, заседание «Старой Москвы» 5 февраля 1930 г., на котором присутствовало более 100 чел., было посвящено ее Почетному председателю. Ему как художнику-историку-краеведу посвятили свои выступления: И.Н. Жучков («Васнецовская Москва в репродукциях»), В.М. Лобанов («Аполлинарий Васнецов»), А. Губарев представил свою фотохронику «Моменты жизни Васнецова» и снимки с его картин.

А.М. Васнецов в своей прочувственной ответной речи сказал: «Друзья мои “Старая Москва”! Я всегда Вас так называл и буду называть. “Старая Москва” очень добра ко мне». В этих словах выдающегося художника-москвоведа была и грусть расставания с обществом, которое грело его сердце и душу — после ликвидации «Старой Москвы» он прожил менее трех лет. На его надгробии на Введенском кладбище высечены слова: «Художнику, историку, мыслителю...».

КРЕМЛЬ ПРИ ИВАНЕ КАЛИТЕ

*доклад на 40-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
25 февраля 1914 г.¹ (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 40. Д. 48. Л. 1–23; архивное дело)

Машинописный текст, с рукописной правкой, с авторскими сносками, с автографом. Листы односторонние и двухсторонние, большеформатные, сшитые.

Опыт изображения по историческим материалам внешнего вида Кремля Ивана Даниловича Калиты (1325–1340 гг. — *сост.*) является главным поводом для настоящего доклада*. История города есть в то же время и история края, целой эпохи. В постепенном его изменении сказывается и общий ход событий данного времени. Вид города служит, так сказать, вещественной скрижалю истории. Поэтому, приступая к изображению Кремля Калиты, неизбежно приходится бросить беглый взгляд и на время, в которое жил этот князь, и на его личность, для того, чтобы с достаточной ясностью и достоверностью представить вид его удельного города.

* Эскиз картины экспонировался на выставке Союза Русских художников в 1914-м году.

В самом начале существования Москвы современная нам местность Кремля и была, собственно, «город Москва». С развитием же посадов это название ширилось вместе с ростом города и обособляло более и более Кремль или Кремник как средоточие всего городского уклада. В XIII-м и XIV-м веках пропорционально увеличению московского удельного княжества увеличивался и самый город, а при нашествии Батые в 1237 году Москва была уже большим многолюдным городом, судя по словам летописи. «[...]Татарове идоша к Москве; тое же зимы взяша татарове Москву, и воеводу убиша Филипа Нянка за православную хрестыанскую веру, а князя Володимера яша рукама, сына Юрьева, а люди убиша от старца до сущаго младенца, а град и церкви огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша и много имения вземше, отыдоша»^{*}.

Через 56 лет после Батыева нашествия Москва опять настолько обстроилась, окрепла и обогатилась, что при князе Данииле Александровиче (1272–1303 гг. — *сост.*), сыне Александра Невского, опять была взята в 1293 году и послужила добычей Деденю с его монгольскими полчищами, разгромившими и опустошившими ее, но, по-видимому, «не пожгоша», так как в летописи об этом не упомянуто. А через 15 лет она могла уже противостать Тверскому князю Михаилу Ярославичу, приходившему на нее в 1308 году во второй раз с большою силою, но, который, «града не взя и, не успев ничто же, возвратися», хотя бой его под Москвой «бысть силен». Князю Даниилу Александровичу приписывается, между прочим, построение церкви Спаса-на-Бору², Данилова монастыря и Богоявленского (1296 г.), где первым игуменом был брат преподобного Сергия св. Стефан и где монашествовал будущий митрополит всея Руси св. Алексий, сын боярина Феодора Бяконта, переселившегося из Чернигова в Москву^{**}. Это доказывает, что построенный князем Даниилом Богоявленский монастырь был славен и, вероятно, обширен. Ему же приписывается постройка церкви Архангела Михаила (в Кремле — *сост.*), впоследствии перестроенная Иваном Калитой в каменный храм. Все упомянутые церкви и стены вокруг монастырей были, конечно, деревянные. На предполагаемом изображении Кремля, стена вокруг него мною предполагается воздвигнутой именно этим деятельным строителем и оставшейся целой и в княжение его сына Ивана Даниловича Калиты (1325–1340 гг. — *сост.*), при котором Москва настолько уж разрослась, что он имел возможность разделить ее по числу своих сыновей на три трети, которые пошли в наследство как отчины и управлялись наместниками и третниками, так что целые улицы, дворы, сады, села, поля, луга и участки земли принадлежали, одни в городе, другие в посаде и заречьях, удельным окупным и служилым князьям

^{*} Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссией. — Т. 1: I. П. Лаврентьевская и Троицкая летописи. — СПб., 1846. — С. 196 (Цитата передана с некоторыми неточностями (*сост.*)).

^{**} Из истории Москвы. 1147–1703: Очерки: с 212 рисунками / В. Н[азаревского]. — М., 1896. — С. 12 (См. также: Назаревский В.В. Из истории Москвы. 1147–1913: Иллюстрированные очерки / подгот. к изд. В.П. Шевчук. — М., 1996. — 464 с. (*сост.*)).

и боярам. В каждой трети были свои осадные дворы, мытные избы и конские площади*. Этот деятельный и дальновидный князь-политик, не побрезговавший для достижения намеченной цели даже предводительством языческих монгольских орд, опустошивших христианские области его врага князя Александра Тверского, прекрасно понимал, что, при наличии соответствия сил: с одной стороны, власти монгольских ханов с их дикими полчищами, и, с другой — русского населения, обессиленного набегами татар и постоянными распрями удельных князей, — он знал, что необходимо было или угодничать пред ханом, и тем спасти себя и начатое дело, или, в противном случае, погибнуть. «И бысть оттоле тишина великая по всей Русской земле на 40 лет», — замечает Никоновская летопись в похвалу тактике Калиты, — «и пересташа татарове воевать русскую землю».

Страшный призрак монгольского ига грозил с юга постоянными бедами и напастьми. Не пренебрегая средствами и в 1238 году получив от Узбека (золотоордынского хана — *сост.*) ярлык на великокняжеский титул, он увеличивал свои владения, где силой, как он поступил с тверичами, сняв с ихнего Спаса (Спасо-Преображенский собор — *сост.*) вечевой колокол и перевезя его к себе, в знак зависимости этого княжества от Московского, где хитростью и угодничеством, как с Ордой, а главное — казной. Недаром он и был «Калита» — мешок с деньгами. Собираение татарской дани со всех русских княжеств, порученное Ивану Даниловичу Калите Узбеком за оказанные им услуги против Тверского князя Александра, конечно, оставляло «за хлопоты» долю немалую и в кошель Калиты... От Новгорода Великого он требовал закамского, то есть сибирского и уральского серебра. Немало у него было доходных деревень и сел, судя по его духовному завещанию. «Напрудное у города, Коломенское, Раменское, Гуслицы, Астафьево, Труфановское, Черноголов на Воре, Маковец, Радонеж». Любопытно в этом отношении его духовное завещание, метко говорящее о его бережливости и богатстве. Деля свои вещи между сыновьями, дочерьми и женой, великий князь подробно исчисляет свой скарб по части посуды, украшений и носильной одежды (портище). Здесь мы встречаем целую роспись разных вещей: и чаши золоты с жемчугом, и из судов блюда, блюдца и золотые с камнями и серебряные без украшений, и ковши, и чары, и чеппи, и пояса с жемчугом и камнями, и сердоличные, и на черевчатом шелку, и царевские, и фряжские, и шапки золотые, и бармы, и ожерелья, и обручи (обручальные кольца), и гривны, мониста и коробочки золотые, и кожухи — червленьый, жемчужный, и кожух желтой обьяри — и бугай соболий с наплечники, и с великим жемчугом, и с камнем, scarлатное портище с бармами и т.д. А блюдо великое о 4 кольца отдать святой Богородице Владимирской. Три сельца отдать на помин души в монастыри. Серебряные пояса раздать по попьям — заключает завещание, начинающееся следующими знаменательными словами: «Идя в Орду, никем не нужен (не принуждаем — *А. В.*),

* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города / изд. А. Мартынова; текст И.М. Снегирева. — Т. 1. — М., 1875. — С. 7.

целым своим умом, в своем здравии» — это значило, что для утверждения духовного завещания он должен был идти и кланяться в Орду, о чем говорит маленькая круглая свинцовая ордынская с звездообразным орнаментом печать, повешенная под серебряной печатью хорошей работы с изображением Иисуса Христа и Иоанна Крестителя. «Пользуясь своим богатством, Иоанн Данилович увеличивал свои владения при помощи купли земель. Так он распространил Московское княжество на юго-запад от Коломны вверх по Оке и приобрел там города Серпухов и Каширу, а на северо-восток граница охватывала уже часть Поволжья, заключая в себе Углич и Кострому. Кроме того, Калита приобрел Звенигород, Галич Мерский (Мерянский) и Белозерск. Для подчинения других княжеств он пользовался родственными связями. Выдав дочь свою за Ростовского князя, он при помощи своих бояр хозяйничал в его уделе, как в своем»^{*}.

С увеличением доходов креп и его стольный город. В конце своего княжения он обносит Кремль дубовой стеной с башнями, бойницами и крепкими воротами и первый начинает каменное строительство, воздвигнув пять белокаменных храмов. До него Москва была сплошь деревянная, крытая тесом, гонтом³ и соломой, а с каменными храмами началась новая эпоха города более устойчивого характера, и княжение Ивана Калиты в этом отношении весьма знаменательно для истории Москвы. Опустошительные пожары, испепелявшие город, не могли уж сравнить с землей каменные твердыни. Собственно, с этого времени и можно считать установившийся внешний облик города. Поэтому весьма желательно было бы восстановить тот внешний вид, какой имел тогда город, и, главным образом, конечно, Кремль. К сожалению, в обилии имеющийся графический материал для XVII-го века и отчасти для XVI-го, совершенно отсутствует для XIV-го. Единственным материалом, которым можно руководствоваться для этого, являются летописи, догадки и аналогии, основанные на архитектурных памятниках позднейших эпох, но, тем не менее, возможных и в XIV-м. Так, деревянные стены Кремля были, несомненно, такие же, какие изображены у Олеария⁴, Пальмквиста⁵, Мейерберга⁶ и других западноевропейских путешественников XVII-го века. Они напоминали остатки Якутского острога 1683 года, сохранившиеся и до наших дней⁷, или ту деревянную полуразрушенную башню, которую мне удалось зарисовать в г. Арске Казанской губернии в 1887 году. Деревянные церкви, несомненно, были точные копии дошедших до нас северных церквей или зарисованных с натуры в альбоме Мейерберга 1661 года. Каменные церкви Ивана Даниловича Калиты, с уверенностью можно сказать, повторяли имевшиеся уже тогда в других городах одноглавые храмы кубического типа с посводными покрытиями во Владимиро-Суздальском княжестве: в Переяславле Залесском, Юрьеве Польском, Владимире-на-Клязьме и друг[их], и были кладены из белого камня, как и впоследствии на Москве до Иоанна III-го, при котором Алевиз и Аристотель Фиораванти⁸ научили москвитов хорошо делать кирпич.

^{*} Из истории Москвы. 1147–1703... — С. 25.

Каменные храмы Калиты были весьма небольших размеров, не превышавших одноглавую Ризоположенскую церковь — если не меньше, — находящуюся против западного входа в Успенский собор, построенную в 1451-м году и сохранившуюся до нашего времени, и были покрыты или белой жостью, или дубовым гонтом и щепой, наподобие облицовки куполов деревянных северных церквей. Пользуясь этими соображениями и зная территорию Кремля в XIV веке и расположение на ней зданий, возможно до некоторой степени правдоподобно вызвать зрителя, например, приехавшего из Корсуня (Херсонеса — *сост.*) или Царь-града (Константинополя — *сост.*) иконописца, поразившегося невиданным деревянным городом и пожелавшего зарисовать его на доске или куске пергамента и находящегося на середине Москвы-реки на одном из судов, пришедших снизу с товарами, и неподалеку от впадения в нее реки Неглинной, вблизи пристани и против Боровицких ворот. На первом плане виднелась бы пристань с судами и плотами. В эту эпоху ближайшими к реке воротами Кремля были Боровицкие, или «под Бором», и, следовательно, ближайший путь для подвоза кладей был именно через эти ворота. Не прав И.Е. Забелин в своем заключении, что через Боровицкие ворота невозможен был подъем в Кремль по случаю крутизны его. Уступ Боровицкого холма или мыса, судя по одному акварельному очень подробному плану XVIII-го века, экспонировавшемуся на архитектурно-археологической выставке при съезде архитекторов в 1914 году⁹, проходил там же, где он и теперь, т.е. не доходил Боровицких ворот и находился в стороне от них, оставляя свободным и покатым подъем к Колымажным или Гербовым воротам дворца¹⁰. Вероятно, таким же он оставался и в предшествовавшие века. В 1533 году Василий Иоаннович, отец Грозного, во время одной из отлучек опасно занемог в дороге злокачественной язвой и, чтобы скрыть перед боярами безнадёжность своего положения, въехал в Кремль рано утром через Боровицкие ворота. На всех древних планах по направлению к этим воротам показана улица. Да и зачем было строить ворота в Кремль, когда через них нельзя было ездить, а, между тем, эти древние ворота Кремля, и притом же «водяные», т.е. ближайшие к реке, являлись в свое время необходимейшей принадлежностью всякого города для подвоза в него воды.

В каменной стене Дмитрия Донского 1367 года и Иоанна III (1485—1490 годов), когда появились в восточной части стены Константино-Еленские ворота¹¹, ведущие в Кремль от моста, то и пристань перешла в местность ниже расположения моста, где она изображена на плане Герберштейна (нач. XVI в.), плане Кремля (1600) и у Мейерберга (1661 г.); почему и мытные дворы (таможни), старый и новый, показаны на планах XVII и XVIII века на Москворецкой улице, поближе к пристани и мосту*.

* Планы Москвы XVII века / изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском Главном архиве Министерства иностранных дел // Древнерусская картография. — Вып. 1. — М., 1898.

Далее за пристанью взору зрителя, любующемуся видом Кремля Ивана Калиты, представился бы луг, заваленный выгруженным товаром, бревнами и белым камнем. За лугом виднелись бы прясла потемневшей от времени деревянной стены с воротами и башнями, поднимающиеся в гору на восток по краю кремлевского уступа и идущие по лугу направо от ворот к Москве-реке. За Боровицкими воротами в самом Кремле на подъеме в гору виднелась бы древняя деревянная церковь Рождества Иоанна Предтечи¹², около церкви дома и палаты бояр; далее по горе в беспорядке нагроможденные избышки, избы, хоромы и всевозможные постройки служилых людей и ремесленников, крытые тесом, гонтом и соломой, а выше на взгорье кремлевского холма виднелись бы разукрашенные расписными колонками, со слюдяными оконницами и позолоченным гребнем великокняжеские палаты с массой пристроек, надстроек и переходов; тут же каменные церкви с жестяными и деревянными крышами, резко выделяющиеся своей белизной на фоне серых бревенчатых пристроек. Чужеземный пришелец с удивлением бы заметил, как из окон некоторых домов валит дым, и первое время предположил бы начало пожара, но, узнав, что у «Москотов», за малым исключением, все избы курные, без труб, удивление сменил любопытством. Увидел бы на узких, немощеных улицах пеших и конных горожан и возвращавшиеся с пастбища стада коров и овец, поднимающих облака пыли. Немалое удивление возбудили бы в нем и странные сооружения (журавцы, или очепы) для поднятия воды из колодцев на дворах москотов, в таком изобилии изображенные впоследствии на рисунках с натуры в альбоме Мейерберга 1661 года и еще в большем обилии встречающиеся в настоящее время по деревням. Такой приблизительно вид открылся бы на Кремль Ивана Калиты в конце его княжения.

Попробуем разобраться более подробно в беглом наброске намеченных зданий.

Ближе к зрителю расположена церковь Рождества Иоанна Предтечи; «глаголют же, яко та первая церковь на Москве бысть». Архитектура ее мною заимствована с северных деревянных церквей, представлявших первоначально нечто другое, как составленные в ряд несколько срубов под крышами на разных уровнях, завершенными маленькой главкой с шатровым покрытием. Образцом мне служила древняя деревянная церковь XV–XVI века в крепости Старой Ладogi, зарисованная мною с натуры в 1873 году. Неоднократно церковь сгорала, и Василий Темный в 1461 году вместо деревянной построил каменную, спустя 32 года сгоревшую и разрушившуюся «от небесного огня». Вместе с нею сгорела и казна великой княгини Софьи Фоминишны (Софьи Палеолог — *сост.*), хранившаяся под церковью в споях и подвалах*. Сын Василия Темного Иоанн III-й на место разрушенной поставил в 1508 году новую, судя по сохра-

* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. чл.-кор. Императорского Археологического общества А. Мартыновым; текст Н.М. Снегирева. — Изд. 3-е с доп. — М., 1852. — С. 41.

нившемся рисунку с натуры XIX-го века, складенную из белого тесаного камня или облицованную им, наподобие Успенского собора, выстроенного незадолго перед тем Аристотелем Фиоравенти*. Возможно, при Иване Калите она оставалась такою же, какою была построена в самом начале, быть может, еще до основания города Москвы, из бревен росшего здесь бора, если предположить, что бывшие до того пожары не коснулись ее. После переселения Петра Митрополита на постоянное жительство из Владимира в Москву эта церковь была соборною до постройки каменного Успенского собора. Здесь, у церкви Иоанна Предтечи, неподалеку находился и двор Петра Митрополита, перенесенный впоследствии ко вновь выстроенному собору**. Возможно, что здесь же неподалеку помещался и старый княжеский терем, перенесенный потом тоже на гору к вновь выстроенной церкви Спас на Бору. Одно время церковь Рождества Иоанна Предтечи называлась «что на дворце», что обозначало, равно как и двор князя, так и двор Петра Митрополита.

Хотя в программу настоящего доклада и не входит подробное изложение исторической смены событий, но, памятуя то значение, какое имел Митрополит Петр на укрепление Московского княжества, а, следовательно, и г. Москвы, нельзя не отметить этого исторического факта. По словам историка Русской Церкви [Е. Е.] Голубинского (1834—1912 — *сост.*), «после смерти митр[ополи-та] Максима великий князь Михаил Ярославич посылал в Константинополь ставиться в митрополиты своего игумена Геронтия с тем, чтобы в митрополите, себе преданном, приобрести сильного помощника в борьбе с князем Московским и вообще в своих стремлениях к возвышению своей родной Твери. Когда вместо Геронтия пришел на митрополичью кафедру св. Петр, великий князь встретил неожиданного митрополита как врага и этим врагом остался на всю свою жизнь, не один раз пытавшийся свергнуть его с кафедры. Встреченный как враг великим князем Петр, естественно и необходимо, должен был искать дружбы с его врагом — московским князем. В 1311-м году сын великого князя Тверского, находившегося тогда в Орде, Димитрий Михайлович пришел ратью на князя Московского, как кажется, вынужденный оберегать великокняжеские права своего отца. Митрополит Петр, ясно, являющийся сторонником князя Московского, употребил против княжича тверского такую решительную меру, как церковное отлучение. Имея своим врагом великого князя, которому принадлежал Владимир, хотя этот и не жил в нем постоянно, митрополит, естественно, мог находить неудобным и стеснительным для себя пребывание в своем кафедральном городе, а потому весьма вероятно предполагать, что с самой первой минуты прибытия на Русь он старался как можно менее жить

* В 1848 г. по повелению императора Николая Павловича и с благословения митрополита Филарета церковь Рождества Иоанна Предтечи разобрана, и на ее месте сделан проезд.

** Русская летопись по Никонову списку / изд. под смотрением Императорской Академии Наук. — Ч. III. — СПб., 1786. — С. 130.

во Владимире и как можно более в Москве у своего союзника — князя московского. Эти частые и продолжительные проживания митрополита в Москве не означали первоначально перенесения им кафедры митрополичьей из Владимира в Москву: они означали только проживание митрополита вместо своего кафедрального города в одном из пригородов своей епархии, каковым была Москва по отношению к Владимиру в церковно-административном отношении. После временных, более или менее частых и продолжительных пребываний или проживаний в Москве св. Петр, наконец, перенес в нее из Владимира кафедру митрополии¹³. Голубинский в своей «Истории русской церкви» указывает даже на время, когда был решен этот существенный для Москвы вопрос, совпавший с закладкой первого каменного храма Успения Богородицы, где по настоянию Ивана Даниловича Калиты свят. Петр и решил уготовить для себя место погребения, а не Владимир бывшей своей митрополии.

Следующая на кремлевском холме за деревянной Предтеченской церковью видна белокаменная Спаса Преображения на Бору, заложенная в 1330 году. О ней, хотя и есть свидетельство летописи, — справедливо замечает И.Е. Забелин, что она «вновь построена в 1527 году и с “приделами”», но, по всему вероятию, это свидетельство относится только к постройке приделов с южной его стороны, главный же храм по своим очень малым размерам напоминает первоначальную постройку при Иване Калите». С Забелиным нельзя не согласиться, так как во время одной из реставраций под слоем штукатурки на высоте человеческого роста с поднятой рукой оказалась древняя из белого камня кладка. Не есть ли это единственный остаток сохранившегося от XIV-го века памятника древней Москвы? Если так, то весьма желательно было бы хотя часть этой древней кладки освободить от штукатурки и вырезать на ней надпись, обозначающую год постройки храма и имя его строителя. В 1554 году случился пожар, от которого «погорели все освященные церкви, и честные иконы, и царский двор, и палаты, и многия стяжания» — заключает летописец, но, вероятно, стены этой церкви уцелели, или, по крайней мере, часть их, и нельзя ли считать вышеозначенную белокаменную стену этим остатком? Церковь Спаса Преображения на Бору была 4-й из каменных, выстроенных Иваном Калитой, и слыла, по отзыву летописца, «чудной». Князь украсил ее иконами, сосудами, пеленами, снабдил книгами и всяким узорочьем, а старейшина иконников Гойган с греческими и русскими учениками расписал внутри стены*. В Спасо-Преображенский монастырь при церкви в архимандриты Великий князь поставил отца Иоанна, «мужа сановитаго и словеснаго и любомудраго сказателя книгам, и учительнаго божественных писаний». За этой церковью на север на предлагаемом изображении Кремля Ивана Калиты видны кровли этого монастыря и покои Петра Митрополита. Архитектура ее мною взята с Переславского (Залесского) белокаменного храма Спаса Преображения, построенного

* Русская старина в памятниках... — Т. 1. — М., 1848. — С. 79.

в 1152 году Юрием Долгоруким, основателем Москвы. Храм Калиты тоже во имя Спаса Преображения, и тоже белокаменный. Отличительная особенность его та, что средняя закомара фасада выше двух боковых, как это изображено и на моем рисунке. Руководствовался также изображением подобной церкви на одной древней иконе XV или XVI века.

Южнее этой церкви, на том месте, где стояла на каменных подклетах каменная набережная палата Иоанна III-го, и где стоит теперь Большой кремлевский дворец, находился великокняжеский деревянный терем. На это есть прямые указания летописей. Судя по изображению Кремля у Герберштейна¹⁴, все деревянные дома в нем имели наружные лестницы; вероятно, и княжеский терем был тоже с наружной крытой лестницей, богато украшенной резьбой и раскраской. Эти архитектурные приемы остались впоследствии и для каменных построек. Каменный дворец Иоанна III-го, например, имел наружную лестницу, а еще позже появились наружные каменные лестницы, так называемые «отмётные» на столбах и ползучих арках, пример которых мы видим у собора Василия Блаженного, а деревянные наружные лестницы встречаем по деревням, особенно часто в домах Архангельской и Вологодской губерний.

На восток от княжеского терема, на том месте, где теперь стоит Благовещенский собор, слывший прежде «на сенях», т.е. бывший придворной церковью, я позволил себе поместить домовую деревянную церковь шатрового типа наподобие изображенных в альбоме Мейерберга и сохранившихся от XVI и XVII веков деревянных церквей севера. Я думаю, не делаю большой ошибки, изображая домовую церковь, хотя о ней и нет прямых упоминаний, так как не только великий князь, но и простые бояре имели в то время домовые молельни и церкви. Притом же, по легендам, постройка этой церкви относится к 1291 году*.

На самом краю кручи кремлевского холма я позволил себе изобразить «защитную стену» со стороны Москвы-реки. Это мною сделано на основании того, что Иоанном III-м была воздвигнута каменная стена внутри Кремля от Боровицких ворот к церкви Иоанна Предтечи, защищавшая площадь перед ней от вражеских стрел со стороны реки. Подобная же каменная стена, судя по плану Кремля 1600 года, при Годунове загораживала с тою же целью и площадь у кремлевских соборов. Защитная стена в Кремле Калиты изображена мною на самом краю кручи, как бы на том месте, где проходила при Юрии Долгоруком первоначальная стена или тын Москвы, обозначенная на моем рисунке пунктиром и образующая с двумя другими сторонами небольшой треугольник, занимаемый при этом князе городком Москвой, или «Московой», а может быть «Моствой». Возможно, что при постройке новых стен, каждый раз отодвигаемых дальше, эта часть Юрьева городка и была оставлена, чтобы служить защитой, конечно, при предположении, что она не была ранее того

* Из истории Москвы. 1147–1703... — С. 26.

уничтожена одним из пожаров. В то смутное время, когда шайки татар бродили по всей Руси, постоянно можно было ожидать нападения со стороны Замоскворечья, с ордынской дороги, и шальная отравленная стрела легко могла залететь и на княжий двор. Защита была необходима.

Хоромы княжеские, кроме упомянутого высокого терема, состояли из разнохарактерных, соединенных между собою переходами всевозможных построек внутри двора, защищенного со стороны реки, как я сказал, деревянной стеной-частоколом. Здесь были поварни, мыленки (бани), солодяные избы, квасные, портомойни, людские, сплошь загромождавшие тесный двор. Тут же сбоку терема, вероятно, была пристроена и большая изба для пиршеств*.

Из-за края княжеского терема виден верх первого каменного храма Москвы — Успения Пресвятой Богородицы, заложенного в 1326 году Иваном Калитой вместе с Петром Митрополитом, не дожившим до его освящения, но при жизни еще своей приготовившим себе в нем место для погребения. В 1344 г. при Симеоне Гордом греческие мастера «подписали» митрополичью соборную церковь Успения и окончили работу в один год**.

Строение каменных церквей особенно деятельно продолжалось при преемнике св. Петра, митрополите Феогносте, причем он сам не столько являлся помощником великого князя, но и взял на себя инициативу***. Иван Калита в борьбе за преобладание среди русских городов Москвы, несомненно, желал украсить ее и из бедного деревянного городка сделать большой, могущий поспорить каменными храмами с Владимиром и Тверью. А Феогност, придя «из грек» на митрополичью кафедру в Москву, тоже, конечно, старался «соломенный и лубяной» городок «приукрасить» и сделать митрополию соответствующей своему сану и возвысить тем княжество Калиты на подобающую степень. По словам историка Русской Церкви Голубинского: «При мощах св. Петра начали совершаться чудеса с самой минуты погребения. Князь Иван Данилович приказывал записывать чудеса и еще прежде прибытия Феогноста на Русь, будучи побуждаем, с одной стороны, конечно, непосредственным желанием прославить чудотворца, а с другой стороны — несомненно, и государственными целями прославить Москву, удостоившуюся получить явный знак Божия к себе благоволения в том, что почивший в ее стенах святитель сподобился получить от Бога дар чудотворений, посылал записи о чудесах во Владимир, чтобы они прочитывались с амвона в кафедральной митрополичьей церкви и, таким образом, становились известными всей Руси... Феогност, побуждаемый, с одной стороны, желанием воздать должное

* Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1860.

** Разобрана в 1472 г. при Иоанне III-м и на ее месте построен в 1479 г. Аристотелем Фиораванти Успенский собор, сохранившийся до наших дней.

*** Голубинский Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. — Т. 2, первая половина: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно / изд. Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1900.

угоднику Божию, явно прославленному Богом, а с другой — несомненно, побуждаемый желанием содействовать прославлению Москвы, поспешил торжественным и формальным образом причислить Петра к лику святых»¹⁵.

Неподалеку от вышеупомянутого Успенского собора из-за домовой церкви княжеского терема выглядывает глава 2-й построенной Калитой в 1329 году церкви Иоанна Лествичника*. Построена она по такому случаю и является как бы «обетной». В 1327 году владимирским великим князем был Александр, сын Михаила Ярославича Тверского, но жил он не в стольном городе, а в Твери. Случилось в этом году приехать из Орды послу Узбекову — Шевкалу (Челхан), его двоюродному брату, с толпой тиунов, страшно притеснявших тверичей и вызвавших своим утеснением восстание, руководимое самим князем Александром. Шевкал и его приближенные были перебиты. Хан Узбек, к слову сказать, принявший к тому времени магометанство, пришел в неистовую ярость и «донесшему» на Александра князю Московскому Ивану Калите приказал отомстить и наказать ослушника. С большой татарской ратью и пятью темниками Калита вышел из Орды и разгромил Тверскую область. Александр бежал во Псков и там заперся. Калита гнался за ним по пятам и под стенами Пскова вместе с другими удельными князьями стал уговаривать князя смириться. Не подействовали горькие речи укоризны осажденного: «Вам лепо было друг за друга и брат за брата стояти, а татарам не выдавати, но противлятися за них», — говорил он осаждавшим, но глухи они оставались к его справедливым укоризнам и требовали у Александра выдачи себя головой. Он решил было пойти в Орду, чтобы не накликать ханского гнева на всю Русь своим отказом сдаться, но псковичи на вече порешили не пускать, зная, что отпустят его на верную смерть. Тогда Калита прибег к новому средству принуждения; он вместе с князьями, как говорит Никоновская летопись: «начаша увещевати и молити преосвященного митрополита Феогноста, дабы отлучением и запрещением связал». Александр Михайлович, не желая, чтобы из-за него тяготело на псковичах церковное отлучение, удалился от них в Литву к Гедемину¹⁶, а митрополит после этого снял с псковичей отлучение**. И, вот, возвратясь в Москву, Иван Калита в благодарность Богу за удачно оконченное дело заложил церковь Иоанна Лествичника, а в том же году и другую обетную церковь (3-ю каменную) возле гробницы Петра Митрополита у северной стены Успенского собора придел в честь спасения вериг св. апостола Петра.

Ставя эти обетные церкви в благодарность за успешно оконченное дело, как знать, не были ли они в то же время и «молитвенными» перед Богом за «невольное содеянное»?.. Такой прозорливый и богомольный князь, как Иван Калита, не мог, конечно, не сознавать неправо дело, какое он совершил против первого русского

* Была разобрана в 1600 году и на ее месте Борисом Годуновым сооружена башня Иван Великий, сохранившаяся до наших дней.

** Голубинский Е. История Русской Церкви. Период второй...

князя, дерзнувшего поднять руку против насильника монгольского хана. На такой поступок через тридцать лет решился только Димитрий Донской, в открытом бою померявшись силой на Куликовом поле, да Иоанн III-й через сто с лишком лет, в гнев растоптав ханскую басму. А выдавая головой князя Александра на мученическую смерть язычнику за то, что он стал за «православную христианскую веру», Калита не мог не видеть в этом измену христианству и Руси. Набег же на татарские области «монгольских орд с пятью темниками», происходивший под его непосредственным предводительством и сопровождавшийся, наверно, избиением «от старца до сущаго младенца» и неистовыми жестокостями, происходившими на его глазах, не мог не вызвать в нем, как богомольном князе, некоторого угрызения совести, результатом чего и была торопливая постройка в один год двух каменных храмов: один во имя своего ангела Иоанна, а другой возле гроба благочестивого своего духовного отца и советника Митрополита Петра.

Александр впоследствии возвратился из Литвы в Тверь и княжил там до 1335 года, но не уверенный за прочность своего положения, пошел в Орду, где Узбек принял его милостиво, вероятно, получив хорошие дары, и простил обиду, возвратив ему Тверское княжество. Узнав об этом, Калита в 1338 году поехал с жалобой в Орду. Туда же был вызван и Александр со своим сыном. Оба были преданы жестоким мукам: «их разняли по суставам» — как сказано в летописи^{*17}. Такие жестокие приемы борьбы удельных князей, хотя и невероятными кажутся теперь, но в ту эпоху были понятны. Котел междоусобной «свары» кипел, разжигаемый страстями «стяжания и захвата», заглушавшими совесть и христианское человеколюбие. Не Владимир — так Тверь, не Тверь — так Москва — кто-нибудь должен был взять верх. «Чья первая возьмет, кто больше захватит» — вот единственные побудительные причины были этой борьбы. О каком-нибудь высшем принципе «объединения Руси» или «идеи государственности» в начале этой борьбы не могло быть и речи; они стали обозначаться значительно позже. Кому в этой борьбе условия более благоприятствовали — тот и брал верх. Здесь учитывалось все. Едва ли не самым главным из этих условий, помогшим Москве, было то, что она стояла на конечном пункте торной «Ордынской дороги», единственной артерии для торговых и всяких сношений с югом. О ней говорят современные урочища: Ордынка, Крымский брод.

Этот древний путь существовал и до монголов. С ним даже связана легенда о начале вражды между Кучковичами и Юрием Долгоруким. «В 1158 году** ехал Юрий из Киева во Владимир к сыну Андрею и наехал по дороге место, где теперь Москва». Тут были села, которыми владел некий богатый боярин именем Кучко Иванов. Кучко встретил князя гордо и недружелюбно, «возгордился зело,

^{*} Голубинский Е.Е. История русской церкви. — Т. 2. — М., 1900; Русская летопись по Никонову списку... — С. 153; Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцева. — Т. 1. — СПб., 1896.

^{**} Год в легенде проставлен ошибочно, так как Юрий Долгорукий умер в 1157 году.

не почте его и поносив ему». Не стерпя хулы, князь предал его смерти. У Кучко остаются два сына «млады суши и лето зело и дщерь благообразна» (Улита), которых князь отсылает во Владимир к сыну Андрею. После того князь Юрий «взыде на гору и обозре очима своима семо и овамо, по обе стороны Москвы реки и за Неглинною, возлюбил села оныя и повеле вскоре сделати мал деревянный град и прозва его Москва град». Потом князь едет во Владимир к Андрею, женит его на дочери Кучко и заповедует ему Москву «людьми населяти и распространити»^{*}. Не значит ли это, что Долгорукий и дальновидный князь прекрасно увидел выгодное положение местности на большой судоходной реке, пересеченной торной дорогой с юга в его княжество, и велел срубить городок; попросту сделал «заставу» на дороге. Несомненно, Кучковичи, владевшие местностью, а, быть может, и перевозом или мостом через реку стали ему помехой. В местности, занимаемой современной Москвой, пути расходились в разные стороны лучами: на Волок Ламский, на Тверь, на Ростов, Ярославль, в древний Владимиро-Суздальский край, в Нижний Новгород на Волгу^{**}. Отсюда легче и скорее, чем из дальних «суздальских» городов и Твери, можно было доскакать до Орды, от воли которой зависело казнить и жаловать. Но зато же, стоя на рубеже, она первая из северных городов обречена была принимать на себя татарские удары; это был передовой редут на проторенной старой дороге, и через Москву нужно было перешагнуть, как через порог, для того чтобы попасть в населенный со многими городами северный край. Потому-то в 1339 году Иван Калита обносил Кремль крепкой дубовой стеной, а в 1367 году Димитрий Донской защищает его каменными башнями и стенами. Молодой город Москва, только что возникший у конечного пункта ордынской дороги в северную Русь на средоточии всех ее дорог и руководимый настойчивыми, ни перед чем не останавливающимися князьями, взяла верх. И так церковь Иоанна Лествичника, построенная Иваном Калитой и перенесенная впоследствии в нижний этаж колокольни «Иван Великий» и оставшаяся там до наших дней¹⁸, служит безмолвным свидетелем той далекой от нас борьбы.

О четвертом каменном храме, построенном Калитой, было упомянуто выше: Спас Преображения (на Бору), построенный в 1330 году, а в 1332-м году ставится пятый храм. На самом краю Боровицкого холма, поодаль от терема

^{*} Москва. Подробное историческое и археологическое описание города / изд. А. Мартынова; текст сост. И.М. Снегиревым. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Т. 1. — М., 1875 (в тексте А.М. Васнецова ссылка дана на первое издание 1865 г., однако сюжет о приведенной легенде присутствует только в тексте издания 1875 г.; См.: С. III–IV (сост.)). Карамзин считает эту легенду весьма близкой к истине.

^{**} В XIX веке почти параллельно некоторым из этих путей легли линии железных дорог, а в семидесятых годах при существовании одной Курской магистрали с юга существовали радиусы железных дорог на Вязьму—Смоленск, Тверь—Петербург, Ростов—Ярославль, Владимир—Нижний. Таким образом, внешние условия, способствующие развитию и росту города, остаются неизменными и до нашего времени, что еще более подтверждает справедливость исторического предположения.

на восток стояла деревянная церковь Михаила Архангела, построенная, по преданию, Даниилом Александровичем, сыном Александра Невского. Здесь Иван Калита в благодарность Богу за спасение Московского княжества в 1332 году от голода, известного под названием «рослой ржи», воздвигнул на ее месте каменный храм Архангела Михаила, назначив ему служить усыпальницей для себя и для своего потомства*. Через четыре года после его смерти, при его сыне Симеоне Гордом в 1344 и 1346 годах расписали этот собор великокняжеские росписники Захарий и Иосиф с товарищами, а в 1399 году — Феофан Греченин с учениками своими**. Такая заботливость в расписывании стен доказывает, что этот храм был особенно чтим князьями и был, вероятно, обширнее других, судя еще по тому, что строился четыре года, тогда как другие храмы всего по году. В летописях и грамотах называется «церковью преименитой, Архангелом на Москве на площади». В 1450 году его повредил гром и сильный вихрь, а через 25 лет после того пожар. На изображении Кремля Калиты этот храм представлен еще в лесах, что датирует мою картину годами 1332—1336, так как он строился четыре года. Если бы изобразить Кремль с оконченным Архангельским храмом, то мне привелось бы все пространство Кремля представить в виде пепелища с остовами потемневших от дыма каменных церквей, так как в следующем по окончании году 1337 «бысть пожар на Москве (Москва вся погоре), изгоре церквей 18», а через три года после смерти Калиты, под 1343 отмечено: «Мая 31-го погоре город Москва, церквей изгорело 28; в пятнадцать лет се на Москве уже четвертый пожар бысть великой» — с сокрушением замечает новгородский летописец.

В тяжелую годину русской истории зарождалась Москва. Едва ли найдется другой русский город, а может быть и вообще город, в котором при начале его возникновения было бы пролито столько человеческой крови и столько было уничтожено пламенем пожаров плодов человеческого упорного труда. Отпрыск славянской культуры, загнанный на север с юга в леса и болота натиском монголов, должен был вести отчаянную борьбу с враждебными условиями, чтобы вырваться на свет и стать впоследствии могучим дубом. Опустошительные набеги монгольских орд под предводительством свирепых ханов: Батые (в 1237—1241 гг. — *сост.*), Деденя (в 1293 г. — *сост.*), Тохтамыша (в 1382 г. — *сост.*) и проч. уничтожали от стара до мала население возникавшего города, одних предавая мечу и копыю, других уводя в плен. Междоусобия удельных князей, иногда не уступавших им жестокостью, немало уносили московского народа то в походах на Тверь, на Псков, то в битвах «на стогах града». Недаром при современных случайных раскопках в Москве то там, то здесь наткнутся на груды остовов неизвестно когда и неизвестно кем закопанных в общую яму людей. А пожары? «Вся Москва погоре без остатка,

* Разобран при Иоанне III-м и выстроен вновь в 1507 г. (1505—1508 гг. — *сост.*) миланцем Алевизом Новым и остался сохранным до наших дней.

** Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т. IV. — С. 206—292 (в оригинале место и год издания не указаны — *сост.*).

погоре церкви, иконы святых, узорчье и казна...» и «люди погоре», то тысяча, то две тысячи, а то «много народу утонуло в Москве реке, спасаясь от огня, задохлись от дыма...». Отчего же происходили эти опустошительные пожары? Конечно, главную услугу пламени оказывало то, что все было деревянное да лубяное. Будь под рукой камень, стой город на подпочвенной горной породе, удобной для построек, как, например, Нюрнберг, до сих пор сохранивший свой средневековый вид, такой опустошительности пожаров, как в старой Москве, не было бы. Возникали они то от «Божией милости» — от молнии, то от свечки, не вовремя затопленной бани, а чаще всего от поджогов. И.Е. Забелин в истории Москвы говорит: «[...]Они бывали особенно часты в те года, когда политическая сила Москвы обнаруживала свое неуклюжее возрастание, конечно, всегда сопровождаемое обидами и насилием для тех, кто не хотел идти по следам московской политики, крепко державшей в своих руках идею государственного единения. Очень заметно, что пожары, это периодическое выжигание Москвы, совершалось в известных случаях из ненависти и мести. У оскорбленных и обездоленных людей, каких немало могло явиться при первом усилении Москвы, пожар был единственным самым убедительным средством нанести обидчику и насильнику желанное возмездие. Вот, почему периодические пожары при первоначальном устройстве города в княжение Ивана Калиты, а потом в государство Иоанна Третьего, когда происходило еще более сильное и более богатое переустройство города, ряды таких пожаров невольно останавливают внимание исследователя и заставляют отыскивать, раскрывать их причины в тех обидах, какими особенно было богато время Ивана Третьего. Горела Москва и от воли Божией, и от воли обиженных ею людей и по правде, и по неправде*». Немалую помощь пожарам оказывало и то, что в Москву был большой приток извне разного обездоленного народа. Бесправное, обезземеленное крестьянство, обремененное непосильными оброками, ругами, налогами и поборами, бросало землю, не оплачивавшую трудов, разбегалось на все стороны и наполняло столицу пришлым, голодным и голым людом, для которого пожары являлись предлогом поживиться чужим добром во время суматохи и являлись как бы промыслом**. Недаром существовали в XVII веке и раньше уличные решетки, запиравшиеся во время пожаров и преграждавшие доступ черни к погорельцам. Москва горела так часто, что, можно сказать, она постоянно горела и постоянно сызнава строилась. По меткому выражению одного из историков Москвы, после пожаров «она вновь вставала из пепла как птица Феникс».

В 1339 году Иваном Калитой заложен град Москва дубов. «Месяца ноября в 5 день на память святого мученика Климента замыслиша и заложиха рубити град Москву, а кончиша тое же зимы на весну в великое говение». Выбрана была зима для такого серьезного дела потому, что зимой менее была возможна помеха

* Забелин И.Е. История города Москвы. — Ч. 1. — 2-е изд. (автора), испр. и доп.; с рис. в тексте и в особом альбоме. — М., 1905. — С. 81–82.

** Костомаров Н.И. Очерки домашней жизни и нравов...

и со стороны татар и соседних враждебных князей — снега, морозы, переходы трудны. Вероятно, дубовая стена была из неободранных бревен — вспомним южный Коростень — и значительно выше, прочнее и красивее, чем та, которая изображена на моем рисунке, построенная одним из его предшественников. В продолжение всего своего княжения, с 1326 (1325 — *сост.*) до 1340 года, ему привелось жить в Кремле со старой стеной; выстроенный же им дубовый Кремль при жизни его просуществовал всего один год и после смерти его три года, так как майский пожар 1343 года, вероятно, вместе с 28 церквями испепелил и дубовые стены.

Пространство, занимаемое Кремлем Ивана Калиты, с точностью определить трудно. С запада и юга стены проходили параллельно позднейшей стене Иоанна III-го, так как с той и другой стороны существовавшие естественные преграды — уступ горы на запад и река Москва на юг — заранее предопределяли направление стен. На северо-восток граница проходила от Арсенальной башни, через современный Чудов монастырь¹⁹, перерезала Ивановскую площадь и спускалась на подол Кремля к церкви Константина и Елены²⁰. По крайней мере, на такое направление указывают следы рва, открытые при постройке Малого Кремлевского дворца²¹, и существовавшая в XVII веке церковь Рождества Богородицы, «что на Трубе»*. Древний ров, сохранившийся до XVII-го века и обделанный деревом, вероятно, и послужил названию «на Трубе», т.е. на канаве для сточных внешних и дождевых вод. Сущестующая в настоящее время в Кремлевской стене, против предполагаемого направления рва Калиты, каменная труба для стока воды из Нижнего Кремлевского сада не есть ли некоторое указание на то, что и прежде в этом месте и с тою же целью была сделана соответствующая арка в каменной стене позднейшего времени? Относительно положения ворот в дубовом Кремле Калиты трудно сказать что-нибудь положительное, кроме Боровицких на запад и Фроловских (Спасских — *сост.*) на восток. Существовали ли Никольские и Константино-Еленинские²² — вопрос открытый. Вернее, существовали те и другие. Первые — для сообщения посада с западной частью Кремля, а вторые — посада с Подолом Кремля. В древние времена, начинаясь от Кремля, шла параллельно реке Москве так называемая Великая улица, что говорит о ее протяжении и значении как главной артерии городского движения**. Вероятно, она шла там, где теперь проходит Мокринский переулок²³, и проходила чрез древние Космодемьянские ворота в Китайгородской стене, теперь закрытые²⁴, и шла через Яузский мост мимо пороховых мельниц и Серебрянских бань²⁵ дальше на восток. Несомненно, такая торная дорога должна была иметь соответствующие ворота и в Кремле Калиты, которыми могли быть только Константино-Еленинские, находившиеся как бы против Великой улицы. При Димитрии Донском (1359—1389 гг. — *сост.*) они, бесспорно, существовали; чрез них проходили

* Она находилась неподалеку от теперешнего памятника Александру II-му, (не сохранился — *сост.*) почти напротив него.

** Москва или исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского... — Ч. 2. — М., 1827. — С. 5—258.

войска на Куликово поле. На предлагаемой картине Кремля Ивана Калиты мною взят юго-западный его угол. Что же касается внешнего вида его восточной части, то что-нибудь положительное в историческом отношении об этом сказать трудно, так как с точностью не известно ни направление здесь улиц, ни положение церквей и обывательских домов. Поэтому, не рискуя быть голословным, изображать эту часть Кремля представляется невозможным.

Как было упомянуто выше, при изображении стен Ивана Калиты мною были взяты за образец рисунки Олеария, Пальмквиста, Мейерберга и друг[их] путешественников XVII века, а главным же историческим материалом мне служили древние стены Тихвинского Новгородского монастыря, изображенные на его плане XVII века, но по характеру постройки, по-видимому, древнее этого века*. Типичные подробности этих стен. Некоторые башни примкнуты к пряслам стены своими углами; следовательно, башня выдается своим углом, открывая наружу только две стороны, очень удобные для обстрела и прицела во все стороны: и параллельно стене, и наискось, и прямо, а, главное, обладает большой устойчивостью, так как угол служит упором, как контрфорс. Начинаясь от первой башенки справа от Боровицких ворот, и поднимаясь в гору, параллельно стене идет невысокий частокол или ряд надолб, какие обыкновенно вбивали в землю на некотором расстоянии от стены в тех случаях, когда стена почему-нибудь не имела пред собой рва, как в данном случае — что делалось с целью не допустить приступа неприятеля к самой стене. Такие параллельные ряды надолб тянулись иногда от стен на довольно далекое расстояние, образуя узкие коридоры, откуда легко можно было отражать приступы неприятеля, идущего на город**. По словам Воронежской летописи, около Воронежа такие коридоры шли от города на протяжении пяти с половиной верст до караульного городка, устроенного для наблюдения и для подачи вестей в город. Изображенные на первом плане картины штабели и плоты бревен говорят о заботливой подготовке Ивана Калиты к постройке новых стен необходимого материала. Этот «опасливый» князь, увеличивая свои владения и власть, вероятно, из предосторожности «загодя замыслил» укрепить свой город трудно поддающимися огню и разрушению стенами и, не торопясь, готовился к тому, не упуская из виду и других дел. Груды белого мячковского камня²⁶ и пережженной извести и алебаstra напоминают о его усердном храмостроительстве, чему доказательством служит пятый, выстроенный им храм Архангела Михаила, изображенный на картине еще в лесах, в котором и был погребен после его окончания первый, положивший начало целому ряду князей и царей, и первый, начавший каменное строительство на Москве. Гробница его в Архангельском соборе находится на правой стороне от входа у самой стены в первом ряду.

* Хранится в Москве, в архиве Министерства иностранных дел.

** Костомаров Н. И. Очерки домашней жизни и нравов...

ИВАНОВСКАЯ ЗВОННИЦА — ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА [К ИЗДАНИЮ ВИДОВ МОСКВЫ ТРОМОНИНА²⁷]

доклад на 75-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
15 июня 1919 г.²⁸ (в Доме МАО на Берсеневке — ?)²⁹

(К. 40. Д. 61. Л. 1—1об.; архивное дело)

Рукописный текст, черные чернила с пометами и мелкой правкой, большеформатный лист с оборотом.

Изображенная на литографии звонница «Ивана Великого» представляет здание, заключающее в себе части трех эпох: XVI, XVII и XVIII веков. Центральная часть, собственно звонница, построена Фрязином Петроком Малым³⁰ при Василии Иоанновиче (1505—1533 гг. — *сост.*), отце Грозного. Он окончил постройку в 1543-м году, не доделав только каменной лестницы к храму Воскресения, помещавшемуся в третьем этаже звонницы. Лестница была приделана в 1552-м году московскими мастерами. Возможно, что глава над центральной частью звонницы, судя по архитектурным мотивам, позднейшего происхождения. Звонница была построена для больших колоколов и, между прочим, для огромного для того времени колокола Благовестника, слитого в 1533-м году. Вероятно, поднятие этого колокола или какого-нибудь другого подробно изображено в известном альбоме Пальмквиста, шведского инженера, посетившего Москву в XVII в. Поднятие колокола происходит между двумя выступами звонницы с северной стороны при помощи блоков и платформ, нагруженных камнем. Ивановская башня или «Ивановский столп», о чем гласит надпись, сделанная под главой, сооружен в 1600 году Борисом Годуновым с целью увековечения своего царствования, а равно и с намерением дать заработок в тяжелую голодную годину пришлому из деревни народу.

Северная пристройка с шатровой кровлей и с четырьмя малыми шатрами и имеющая название Филаретовской, построена при Михаиле Федоровиче (1613—1645 гг. — *сост.*), при патриархе Филарете. Тогда же, вероятно, судя по характеру архитектуры, сооружен и выступ-терраса с западной стороны, поднимающийся до этажа колоколов. Наконец, одноэтажное с колоннадой здание со стороны площади перед Успенским и другими соборами относится к XVIII-му веку и предназначалось, по всей вероятности, для караула, который помещается сейчас под Грановитой палатой.

На месте всей группы зданий «Иван Великий» или на месте Иванова столпа помещалась при Иване Калите построенная им церковь Ивана Лествичника. Она, как и все храмы Ивана Калиты, была небольших размеров и построена из белого камня. При сломке ее при Годунове для Ивановского столпа церковь (престол) была перенесена в первый этаж башни, где она находится

и в настоящее время, благодаря чему храм стал носить имя «Иван Лествичник, что под колоколы»³¹.

В 1812 году при отступлении французов по приказу Наполеона все три разновременные постройки минированы и взорваны, но, к счастью, разрушены взрывами были только звонница Петрока Малого и Филаретовская пристройка, годуновская же башня осталась невредимой, дав только незначительную трещину. Рисунок, изображающий разрушенную звонницу с валяющимися среди мусора колоколами, находится в Щукинском музее. Сооруженная звонница на месте разрушенных построек, к сожалению, во многом отлична от прежних, как в пропорциях, а равно и в деталях.

МОСТЫ СТАРОЙ МОСКВЫ

*доклад на 81-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
11 декабря 1919 г.³² (в Историческом музее)*

(К. 40. Д. 56. Л. 1—7об.; архивное дело)

Рукописный текст, черные чернила, с правкой, с автографом; ученическая тетрадь в клетку без полей (на обложке напечатано «Реальное училище Воскресенского»), на обложке рукописное название: «Мосты Московской Руси. Ап. Васнецова». Листы двухсторонние.

Огромные пространства древней Руси, покрытые непроходимыми лесами, определили характер русской архитектуры, искони деревянной. Технические приемы при сооружении жилых домов, крепостных стен, мостов и проч. по необходимости должны были подчиниться тому материалу, из какого они строились. До сих пор надо еще удивляться, как при помощи топора и долота, без единого железного гвоздя строятся дома по деревням в лесной стороне, поражая остроумием приемов, простотой и удобствами. Идея плавучего деревянного моста или живого, как самая элементарная, первая нашла себе осуществление в постройке русских мостов. И в настоящее время очень часто приходится встречать подобного типа мосты довольно внушительных размеров; можно указать на недавно разобранный мост через реку Великую в Пскове. В древней Руси этот тип моста был едва ли не единственный, как вследствие простоты конструкции, так равно и по обилию строительного материала, который был всегда под рукой. Такой мост без особенного ущерба мог быть разобран и возобновлен из бревен тут же растущего леса. Он обыкновенно составлялся из отдельных плотов, скрепленных между собой; поверх плотов вдоль моста настилался тес для избежания тряски во время езды. Изображения таких мостов можно видеть на рисунках Мейерберга 1661 года из путешествия его по Московии³³.

На территории древней Москвы таких мостов у него изображены два. Один против Всехсвятских или Берсеневских водяных ворот Белого города на месте современного Каменного моста и другой — у водяных ворот Китай-города на месте современного Москворецкого моста³⁴. Карамзин указывает еще на Крымский, Дорогомиловский и Яузский, но эта ссылка относится, вероятно, к XVIII веку; на планах и рисунках XVII века первые два отсутствуют.

На месте Крымского моста существовал так называемый Крымский брод, что, само собой, говорит об отсутствии здесь какого бы то ни было моста. Москворецкий живой мост особенно подробно изображен на известной гравюре Пикара петровского времени³⁵. Он же не менее тщательно представлен на древнейшем плане Москвы, Герберштейновском 1497 года³⁶. Любопытна подробность в изображении у Мейерберга Всехсвятского моста. Вверх по течению реки в близком расстоянии от моста показаны сваи, к которым, вероятно, канатами подтягивался мост с целью препятствовать прогибу вниз по течению весьма подвижного живого плавучего моста. Отсюда можно заключить, что Москва-река в этой части имела довольно быстрое течение. Мосты изображены без перил, но это не означает, что они отсутствовали; до таких подробностей изображения обыкновенно не доходили. Вероятно, были и поплавки — бочки, с целью препятствовать погрузке (в воду — *сост.*). В современных плавучих мостах они существуют, и их можно было видеть у Псковского моста. В начале XVII-го века, по видимому, таких поплавков у Москворецкого моста не было, так как при въезде Димитрия Самозванца в Москву под тяжестью его свиты мост погрузился в воду до колен лошадей, что принято было за дурное предзнаменование.

Изобилуя речками, территория древней столицы имела немало мостов разнообразных конструкций. Кроме плавучих, существовали свайные, на плашкоутах³⁷ или лодках и горбатые. Характер постройки последних встречается довольно часто и в настоящее время по деревням. Такие мосты представляют большую устойчивость во время весеннего половодья и вообще большую прочность, так как верхние брусья, или «слеги», поставленные под углом, и, упираясь нижними концами во вбитые в землю устои и в то же время соприкасаясь верхними концами, вдобавок поддерживаемые снизу сваями, дают большую устойчивость и меньшую осадку. Воспоминание о таких мостах осталось в урочищах Москвы: в названии Горбатого Яузского моста и Горбатого на реке Пресне³⁸. Как на пример моста на лодках можно указать на Сигизмундовский план Москвы 1610 года и план Готфрида Мериана 1638 года³⁹ на которых именно таким изображен Москворецкий мост. Свайных мостов в древней Москве существовало несколько, из них следует указать, как на самый длинный, имевший шестьдесят сажен; он был проложен через болото или пруд на реке Неглинной⁴⁰, находившийся на месте современной нам Театральной площади и соединявший Куретный или Охотный ряд с частью Белого города, примыкавшей к Лубянской площади, где поблизости моста находился Пушечно-литейный двор. Кроме плавучих и свайных

мостов, были и на «клетях», набитых внутри камнем. Такой мост существовал в Великом Новгороде чрез реку Волхов; рисунок его помещен в альбоме Пальм-квиста, шведского путешественника конца XVII века.

Деревянные мосты в Москве очень медленно уступали место каменным. Мы знаем, что Москворецкий мост был на сваях до половины XIX-го века, а Устинский — до его конца. Самым древним каменным мостом следует считать Старый Троицкий у Троицких ворот Кремля. Время его основания, вероятно, относится к XV-му веку, когда были построены и стены Кремля Иоанном III-м; следовательно, есть основание приписать его постройку итальянским зодчим. Современный Троицкий мост почти буквально повторяет древний, как по виду, так и по размерам, так как его устои опираются на древние основания, и точки соприкосновения с Троицкой и Кутафьей башнями остались прежние. Очень жаль, что этот древний мост вместе с изящными полукруглыми лестницами, спускающимися с его середины в Александровский парк — постройки начала XIX-го века, — разобран до основания лет пятнадцать тому назад. С ним погиб памятник зодчества XV века, и исчезли характерные, очень изящные лестницы стиля ампир. Надобности в сломке его не представлялось, возможен был только ремонт, но городское управление, несмотря на протесты Московского Археологического общества, не вняло добрым советам и разобрало мост до основания, намереваясь построить нечто несообразное: подобие прежнего моста на тонких устоях с широкими пролетами. Археологическому обществу стоило больших усилий остановить постройку и принудить ставить устои на прежних фундаментах, отчего мост не терял своего древнего вида. На всех планах старой Москвы у Троицкого моста показаны водяные царские мельницы. Шлюзы мельничного пруда, устроенные в арках под мостом, подпирали воду до Воскресенского моста, бывшего на современной Воскресенской площади (ныне пл. Революции — *сост.*). Мельницы при московских мостах все принадлежали царю, и на них служилые люди, получающие жалованье рожью, обязаны были молоть ее не иначе, как на царских мостовых мельницах. Любопытно, что до сих пор еще пути сообщения по проселочным и трактовым дорогам зачастую у нас связаны с водяными мельницами, так как у мельниц легче перекинуть мост у шлюза, или «вешняков», как у места, где река суживается, и оба берега укреплены деревом. Таким образом, есть основание предположить, что мельницы у каменных мостов древней Москвы ведут свое начало от их деревянного прототипа.

По некоторым данным, возможно предположить существование у башни Кутафьи подъемного моста, идущего на Троицкий мост со стороны Чертольи или Занеглименья (за рекой Неглинной). На существование здесь подъемного моста определенно указывают следы заложенных щелей для рычагов, подымающих мост. Возможно, что нижняя часть Кутафьи древняя, современная самому мосту⁴¹; верхняя же декоративная — позднейшего происхождения, не ранее конца XVII-го века. Несомненно, Кремль, имея каменный мост

не менее тридцати саженей длины, должен был иметь в наружном конце укрепление, каковым и явилась башня Кутафья с подъемным мостом, существовавшим против ее боковых ворот с восточной стороны. Современные проезды с севера и запада — позднейшего происхождения.

Далее следует указать на каменный Воскресенский мост⁴² против Воскресенских ворот Китай-города — нынешних Иверских. Мост имел весьма интересную конструкцию. На всех без исключения планах Москвы XVII-го века по бокам моста вместо перил или парапета идет высокая аркада, вероятно, по образу древних европейских мостов, служившая опорой для двухскатной крыши*. Это был типичный крытый рынок-мост, на котором шла бойкая торговля пряниками. Здесь находился пряничный ряд древней Москвы; здесь же неподалеку жили пряничники. Так же как и у Троицкого моста, внизу у арок шумела мельница, приводимая в движение большим Неглинским прудом⁴³, заполнявшим современную Театральную площадь и простиравшимся до «трубы», или арки в стене Белого города, там, где теперь находится Трубная площадь.

Спасский каменный мост у Спасских или Фроловских ворот и Никольский у ворот того же названия, пролежавшие через ров Кремля с восточной его стороны⁴⁴, вероятно, одновременны с кирпичной обкладкой рва при Василии III-м (1505—1533 гг. — *сост.*), сыне Иоанна III-го (1462—1505 гг. — *сост.*), произведенной Алевизом Фрязиным⁴⁵; следовательно, и сооружение мостов и примыкающих к ним с обеих сторон бастионов следует приписать ему же. Спасский мост имел длины 16 саженей по ширине рва против Спасских ворот. Как и все каменные мосты того времени, он опирался на неширокие арки и, судя по планам и рисункам, имел их не менее четырех. По-видимому, тогдашние зодчие еще не решались делать широкие мостовые пролеты, боясь за их прочность. На Спасском мосту в прилегающих лавках искони шла бойкая торговля церковными и светскими книгами, и у него же было место сборища безместных священников, которые нанимались для богослужения в домовые церкви бояр и вельмож. Никольский мост против Никольских ворот Кремля, вероятно, по размерам и внешности повторял своего соседа. Неподалеку от него помещался старый Земский приказ⁴⁶, а против самых ворот и моста на Красной площади находился бастион-башня с пушками наверху, направленными дулами на Никольскую улицу.

Самым замечательным по красоте и размерам, несомненно, следует считать Всехсвятский каменный мост через Москву-реку против Всесвятских ворот Белого города. Он носил название также Нового Каменного, в отличие от старого Троицкого моста, и название Берсеневского, по близлежащему урочищу Берсеневки. Не только в те времена, но и теперь он мог бы смело стать в ряду замечательных сооружений XVII века, известных в Европе. Среди москвичей он слыл

* Крыша могла обрушиться под тяжестью снега или от ветхости, сгореть и могла быть не возобновлена вновь; в таком виде мост и был изображен посещающими Москву иностранцами и отечественными топографами.

седьмым чудом света, настолько он поражал современников смелым замыслом каменного моста через многоводную реку.

История его такова*. В 1643-м году вызван был в Москву из Страсбурга палатный мастер Яган Кристлер с дядею своим Иваном Яковлевым Кристлером. Для производства привез он с собою разные медные и железные снасти: медную печь, векши⁴⁷ большие и малые, подпятки, пазники к деревянному делу, долотники, ворота с лопатами, винтовики и шурупники, кирки жерновые, закрепки и проч. По приказанию царя Михаила Федоровича Кристлером представлен был деревянный мостовой образец — модель с чертежом на три статьи, «по которому быти сделану каменному мосту через Москву-реку». Образец этот делали под руководством Кристлера дворцовые плотники. В «перечне», т.е. смете, было показано, сколько надобно на это большое государево дело камня, кирпича, извести, железа и всяких каменных, железных и деревянных запасов. Для начальных пяти больших сводов требовался белый крепкий камень, добываемый в Настасьине, длиною и шириною в 1 аршин, зола горшечная, городской, хорошо обожженный кирпич. По рассмотрении модели и сметы в Посольском приказе думный дьяк Григорий Львов и Степан Кудрявцев спрашивали Кристлера: «Можно ли будет тому мосту устоять ото льду толщиною в два аршина..?». Он отвечал, «что у него будут сделаны шесть быков каменных острых, а на те быки учнет лед, проходя, рушиться, а тот рушенный лед учнет проходить под мост между сводов мостовых, а своды будут пространны, порожаго (пустого, свободного — *сост.*) места будет по 40 аршин, а меж порожих мест у столпов же сделаны отлоги острые; и ото льду мосту поруки никакой не будет, укрепить его мочно. Своды у того моста будут по 40 аршин...». На вопрос же: «Можно ли будет по тому мосту возить большой пушечный снаряд, и от большой тяжести устоят ли своды?» Кристлер отвечал: «Своды будут сделаны толсты и тверды, и от большия тяжести никакой поруки не будет». Но за преждевременной смертью царя Михаила Феодоровича и самого Кристлера в 1645 году строение Каменного моста через Москву-реку остановилось и вновь было возобновлено только в 1682-м году при царевне Софии при непосредственном участии князя В.В. Голицына, украсившего Москву многими зданиями.

Зодчим при постройке моста был неизвестный монах. Сначала были вбиты дубовые сваи в русло реки**, и на них настланы брусья, на которых и производилась каменная кладка быков. Это сооружение казалось настолько грандиозным, что даже вошло в народную поговорку о чем-либо чрезвычайно дорогом: «дороже Каменного моста». Мост окончен в 1687-м году, следовательно, строился

* Снегирев И.М. Всесвятский Каменный мост в Москве // Русские достопамятности / изд. А. Мартынова. — Т. 1. — М., 1877.

** Они до сих пор видны между арками современного Каменного моста (мост, о котором пишет А.М. Васнецов, в конце 1930-х гг. разобран и заменен новым, существующим ныне (*сост.*)).

пять лет — время не особенно большое для такого грандиозного сооружения и во время, когда технические приемы были не особенно совершенны. Гравюра Пикара, исполненная около 1710 года, изображающая Всехсвятский мост довольно подробно, передает этот памятник в том виде, каким он был вскоре после окончания его постройки. Прекрасная гравюра де Ла Барта 1797 года представляет его с восточной стороны, но уже в разобранном виде, без башен, арок на мосту и лавок, но в точности передает основу моста. Он имел девять арок; из них семь были водяные и две сухие на берегу по концам его. Длина моста равнялась 70, а ширина — 11-ти сажням. Восточная сторона быков была полукруглая, западная — с острыми ледорезами. На южном конце моста возвышалась башня с двумя шатровыми верхами, увенчанными двухглавыми орлами в особых лучеобразных рамках. Мотив архитектуры чисто русский; таковы Иверские ворота и многие древние церкви с двумя шатровыми верхами. Башня имела часы и шесть ворот, отчего и башня называлась Шестиворотной. В 1782-м году Рубан⁴⁸ так описывает мост: «Шесть ворот каменные на конце Каменного моста, у суконной фабрики⁴⁹ и у камер-коллежского винного двора⁵⁰. Оные с трех сторон стояли: одни прямо против Каменного мосту и Козмодемьянской улицы с двумя проездами, где ныне вместо их одна часовня стоит⁵¹; другие из Каменного мосту направо едучи на берег в Берсеневку, так же с двумя проездами и ныне так же сломаны; третьи, едучи из Каменного же мосту налево на берег к большому Суконному двору, с двумя же проездами, которые и поныне еще стоят, но проезд один закладен. По-настоящему, сих ворот только трое было, но по причине шестерых сквозь оные проездов, называются “шестеро ворот”».

В середине моста, подобно Ponto Vecchio во Флоренции⁵², шла с обеих сторон аркада с прекрасным видом в одну сторону на Кремль и в другую — на Москву-реку вплоть до Воробьевых гор. В XVIII веке это было любимое место гуляний москвичей, посещаемое охотно всеми слоями населения древней столицы. От аркады к тому и другому концу моста шли каменные лавки, также напоминая тем флорентийский мост. На юге они упирались в Шестиворотную башню, а на севере оканчивались вместе с мостом; далее шел перерыв, вероятно, застроенный деревянными лавками до Берсеневских ворот или Всесвятской стрельницы Белого города. Под мостом с восточной стороны стояли мельницы с плотинами и сливными воротами (шлюзами), которые и можно видеть на гравюре Пикара.

Мосты старой Москвы жили каждый своей особой жизнью. Всесвятский мост, как соединяющая артерия собственно Москвы-города со стрелецкими слободами Замоскворечья и как дорога, пролежавшая чрез него из южнорусских городов в северные суздальские города, отличался особенной оживленностью. На мосту стояла мытная изба, где собирался мыт (пошлина) с провозимых в Москву товаров. Так как место было бойкое, людное, где проходило и проезжало много разного народа, то сюда выводили из Сыскного приказа так называемых «языков» — колодников с завязанными лицами с отверстиями для глаз. Они оговаривали прохожих как своих соучастников преступления, часто

для того только, чтобы протянуть судопроизводство и тем отдалить должное наказание. Сюда же выводили колодников для собирания милостыни. Здесь можно было встретить и нищего слепца, поющего пропевы, и гуслея, под аккомпанемент гуслей повествующего «сказания давно минувших дней». А для праздного гулящего люда на конце моста находилось кружало⁵³ под названием «Заверейка», а под самым мостом находился пивной фортенной* ледник. Кроме того, в каменных лавках на мосту шла бойкая торговля «щепотным» красным товаром⁵⁴ и пивом. Если к этому прибавить, что на левом берегу реки, вверх от моста стояли бани, называемые Меншиковскими**, и находились житницы «для хлебной раздачи государева жалованья Преображенского полка Гренадерской роты солдатам», то постоянная сутолока народа на мосту будет еще более понятна. Не лишнее упомянуть, что сухие арки под мостом служили убежищем для воров-грабителей — «из-под девятой арки», как говорилось в то время на Москве. Случалось, как видно из дел Сыскаго приказа, ограбленных они бросали в реку; это значило на их языке «концы в воду»***. Их быт описан в известном литературном произведении «Ванька Каин»⁵⁵.

В палатах Шестиворотной башни помещался Корчемной приказ, и были корчемные тюрьмы, где сидели колодники, обличенные в корчемстве, коих в 1756 году значилось 40 человек. Тут же на мосту находилась палата Азовского Предтеченского монастыря, четыре каменные лавки Меншикова и табачная таможня. Более или менее выдающиеся мосты, как мосты небезопасные в половодье и ночное время от грабителей, имели иконы, водруженные в особые киоты у моста или на самом мосту, и часовни. В 1700 году «Великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожаловал по именному своему великого государя указу из Азова Предтеченского монастыря архимандрита Иосифа с братиею велел того монастыря на Москве на Каменном мосту у Всесвятских новых ворот и каменной стены построить часовню и перед часовней земли отвести длиннику две сажени»⁵⁶.

В истории России Всесвятский мост имел достопамятные страницы. В 1695 году юный Петр с Преображенским, Семеновским и пятью стрелецкими полками сел на струги и отправился в Донской поход. Когда же он праздновал в Москве в 1696 году взятие Азова, тогда имел торжественное шествие из села Коломенского через Каменный мост. При входе на мост были сооружены триумфальные ворота. На правой стороне была статуя Марса, а на левой — Геркулеса, а самые стены ворот были увешаны коврами и картинами, изображающими победы прежних государей российских. Через Триумфальные ворота и мост ехали в богатых каретах сподвижники Петра. В триумфальной колеснице, устроенной наподобие морской раковины, окруженный тритонами и наядами шествовал генерал-адмирал Лефорт, а сам Петр

* Фартина — питейное заведение.

** Они существовали до 80-х годов прошлого (XIX — *сост.*) столетия.

*** *Снегирев И.М.* Всесвятский Каменный мост в Москве...

в простом офицерском мундире и шляпе шел пеший пред своим Преображенским полком — так мог поступить только гениальный Петр.

Величественный памятник русского зодчества простоял нерушимо до 1731-го года, следовательно, просуществовал в первоначальном своем виде всего 44 года. В этом году указом Анны Иоанновны (1730—1740 гг. — *сост.*) повелено было сломать мельницы под мостом, а на плане Махаева половины XVIII-го века не видно уже ни лавок, ни палат, ни шатровых башен над шестью воротами моста; в конце же XVIII-го века нет уже и основания Шестиверхой (Шестиворотной — *сост.*) башни; мост стоял лишенный каких бы то ни было архитектурных добавлений, представляя одну изогнутую линию мостовых арок, каким он и изображен у де Ла Барта. Этому немало способствовали весенние воды, но усердие подрядчиков и «радетелей» сделали несравненно больше. Затрачены были на ремонт и травление довольно порядочные суммы для того времени. В 1724 году велено на починку Всехсвятского моста и на покупку припасов деньги 530 руб. 790 коп. взять в московскую рентерею⁵⁷ из московской акцизной камеры, в том же году «на дачу подрядчикам, каменщикам и за поставленный камень и бут, железо и лесникам за лес, и на дачу поденным работникам и колодникам, плотникам и кузнецам 11.449 руб.».

В 1783 году мост пострадал от весеннего напора вод. В 1784 году приступлено к его исправлению. Для производства дел по этой постройке был учрежден особый департамент. В это время лавки на мосту разобраны на кирпич, а кирпич, полученный от разломки их, в количестве 53 тысяч отдан в Приказ общественно-го призрения⁵⁸. С 1788 по 1792-й год снова производится переделка моста; с этого времени он поступил в ведомство Казенной палаты. В 1804 году мост потребовал новых починок; модель моста посылалась даже в Академию художеств, и было ассигновано на этот предмет 111164 рубля. Работы начались в 1809 году и окончились перед 1812 годом, но вскоре после того они снова возобновились. И вот, результатом всех этих работ, как говорится: «у семи нянек дитя без глазу» — случилось то, что в половине XIX-го века приказано было сломать мост до основания. Так погиб один из лучших памятников русской архитектуры допетровского периода. Очевидец этого факта вандализма историк И.М. Снегирев пишет так: «Скольких стоило усилий и иждивений, чтобы сломать этот двухвековой памятник! Самою ж трудностью сломки доказывалась прочность его кладки и доброта материала*»⁵⁹. Московские жители с любопытством и сожалением собирались смотреть на разрушение этого моста, который долго почитаем был одною из диковинок не только древней столицы нашей, но вообще и всей России. Местность его обратилась в урочище, то есть само название Каменный мост.

Необходимо указать еще на один каменный мост в окрестностях Москвы в летнем пребывании московских царей в селе Измайлове. По длине этот мост превосходил Всехсвятский, судя по сохранившемуся рисунку XVIII века, он имел четырнадцать арок. Мост был проложен через широкий пруд, примыкав-

* Так как лом не брал, взрывали порохом.

ший к селу Измайлову, и упирался в предмостную трехъярусную башню прекрасной архитектуры с шатровым верхом, увенчанным двухглавым орлом. Башня сохранилась до наших дней, напоминая об утраченных в XVIII веке мотивах самобытной русской архитектуры. В этом грандиозном мосте мы в третий раз встречаем предмостную башню: у Троицких — Кутафью, у Всесвятских — Шестиворотную, у Измайловского — трехъярусную с шатровым покрытием. Отсюда можем вывести заключение, что самый древний Троицкий мост служил, по-видимому, прототипом для последующих грандиозных мостов.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ НА СПАССКОМ МОСТУ

доклад на 94-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
20 января 1921 г.⁶⁰ (в Историческом музее)

(К. 40. Д. 53. Л. 1—2; архивное дело)

Рукописный текст, карандаш, правки почти нет; большеформатные листы, линованные, с оборотом.

Книжная торговля на Спасском мосту⁶¹ и около производилась издревле, так в Соборном постановлении за 1681-й год говорится: «На Москве всяких чинов люди пишут в тетрадах и на листах и в столбцах выписки, имянуя из книг Божественного Писания, и продают их у Спасских (кремлевских — *сост.*) ворот и в иных местах, и в тех письмах простолоудины, не ведая истинного писания, приемлют себе за истинну, и в том согрешают, паче же вырастает из того на Святую Церковь противление»⁶². Для истребления таких писаний назначались два пристава. Один от государя из светских, другой от патриарха из духовных, которые должны были стеречь и забирать тех, у кого найдут лживые письма. Таким образом, мы видим, что рядом с духовной литературой здесь имела корни торговля и светского содержания произведениями, что весьма важно. Можно было приобрести за недорогую цену сказания о являвшихся чудесах, повести из «Великого зеркала»⁶³ и из «Римских Дей»⁶⁴, любитель-книгочий мог найти и рукописную повесть о горе и злосчастии, «Слово о полку Игореве», «Шемякин суд»⁶⁵ и другие литературные произведения, говорящие о саморазвитии русского словесного творчества, прямого доказательства живучести русского национального духа. Немало было произведений стихотворных сатирического характера, вроде «Хождения попа Саввы большой славы», «аще живет он за рекою, а в церкву ни ногою; люди встающие молятся, а он по приказам волочитя, ищет с кем бы ему потягаться, и впредь бы с ним не видатца. Да он же по площади рыщет, ставленников ищет и много с ними говорит и за реку к себе манит, у меня, де, за рекой стойте, а в церкви хотя и не пойте» и т.д. (Забелин)⁶⁶. Такого содержания сатирические произведения нередко переходили в кошунственные и неприличные, потому-то

и необходима была здесь светская и духовная цензура. Кроме литературных произведений, здесь шла бойкая торговля «печатными листами», лицевыми изображениями святых и портретами царских особ. В половине XVIII века в Спасских воротах было отобрано царских портретов Печатного двора у батырщика⁶⁷ 22, Архангельского собора у дьячка 22. Следовательно, цензура следила за выходом в свет и лицевых изображений. Забелин пишет: «Спасский мост в старой Москве был основателем и распространителем той литературы, которую не без основания можно назвать простонародною и в церковных, и в светских ее произведениях. Толпа безместных попов, собиравшихся у Спасских ворот, поспособствовала своею грамотностию завести здесь книжный торг письменами и листами. По всему вероятно, сначала этот торг был походячий, т.е. в разноску, а затем, несомненно, появились и скамьи, лавочки, столы, где с другим мелочным товаром продавались писанные тетради, листы, столбцы»⁶⁸.

На Спасском мосту, кроме лавок, существовало особое довольно высокое здание для книжной торговли под названием «библиотеки». Так это здание обозначено в полицейских делах 1729 года и на старинном глазомерном плане 1738 года, которое, по всему вероятно, было построено при Петре I, если еще не при царе Федоре Алексеевиче (Забелин). Здание этой библиотеки находилось, идя от Спасских ворот по Спасскому мосту, в конце моста на правой стороне в 15 саженьях от ворот. Оно занимало пространство в 5 саж. в квадрате и было двухэтажное с хорами или верхними галереями.

Книжная торговля на Спасском мосту прервалась в нашествие французов 1812 года. Из последних торговцев на Спасском мосту в 1811 году упоминается Алексей Телепнев, который в 1813 торгует уже на Никольской подле Управы благочиния, куда переместился и Матвей Глазунов, торговавший также на Спасском мосту с 1787 году. У Спасских же ворот тоже, вероятно, на самом мосте или возле него существовал и Кофейный дом, упоминаемый еще в 1730 г.

ПУШЕЧНО-ЛИТЕЙНЫЙ ДВОР ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ XVII ВЕКА

*доклад на 94-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
20 января 1921 г. (в Историческом музее)*

(К. 40. Д. 55 Л. 1—Зоб. ; архивное дело)

Рукописный текст — черные чернила, с правкой, вставками и пометками.

Машинописный текст — хорошо читается, с ошибками, часть из которых надо выверять по рукописному варианту. Листы двухсторонние, большеформатные.

Первые сведения о пушках встречаются в летописях в 1380 году при осаде Москвы Тохтамышем (1382 г. — *сост.*) в княжение Дмитрия Донского

(1359—1389 гг. — *сост.*); «Гюфяки и эти самые пушки» впервые защищали московские твердыни от монголов. Какого происхождения были эти первые орудия — трудно сказать; вероятнее всего, иностранного, и путь проникновения их в Москву был из Новгорода Великого, искони торговавшего с Западом. Какое впечатление произвели на нападавших варваров грохочущие [жерла] первых зачаточных чудовищ — неизвестно. По-видимому, стрелы, горячая смола и кимки (? — *сост.*), которыми москвиты отражали нападение, произвели большое воздействие — натиск был отбит. Дальнейшее развитие пушечно-литейного дела можно проследить по летописным сведениям у иностранцев, посещавших Россию. В 1537 г. Павел Иовий Новокомский⁶⁹ пишет: «В московской крепости видно много медных пушек, вылитых искусством итальянских мастеров и поставленных на колеса». Здесь мы видим, что первыми учителями в литье были итальянцы. В 1488 г. фрязином Павлом Дебосисом была вылита великая пушка. Параллельно с литьем пушек шла отливка колоколов, начатая также итальянцами, иначе не могло и быть, т.к. преемственность — великое орудие в руках культуры. В 1563 г. Петром Фрязином слит большой колокол весом в 350 п[удов]; в 1532 г. Николаем Фрязином слит колокол в 500 п[удов]; и в 1533 г. Николай Немчин слил Благовестник в 100 пуд. Ричард Ченслер⁷⁰ — 1553—1556 — замечает, что крепость — Кремль, снабжена орудиями всякого рода. Петр Петрей⁷¹ в 1608 г. пишет: ниже первой крепостной стены (в Кремле) построена другая, где находится множество пушек, таранов и разной величины мортир. Невдалеке от торговой площади у великого князя своя оружейная, где можно видеть разную военную утварь, также большие и малые пушки. При реке же Неглинной, протекающей в городе, стоит и великокняжеская литейная, где льют большие орудия и колокола. Следовательно, литейный двор обслуживал не одно военное дело, но лили и колокола. У Маскевича⁷² в 1611 г. мы читаем: в Кремле и Китай-городе «бесчисленное множество осадных и других огнестрельных орудий на башнях, на стенах, при воротах и на земле. Там, между прочим, я видел одно орудие, которое заряжается сотнею пуль и столько же дает выстрелов; оно так высоко, что мне будет по плечо, а пули его с гусиные яйца; стоит против ворот, ведущих к живому мосту»⁷³. По-видимому, это была своего рода митральеза⁷⁴. Подобное старинное орудие я видел в Петербургском Арсенале. Это был ряд небольших мортир, прикрепленных к железным брускам, таких брусков было несколько; они имели горизонтальное направление и прикреплялись к раме, вращавшейся около горизонтальной оси; к затравкам шел общий желобок, но возможно было стрелять и из каждой в отдельности. Далее Маскевич пишет: «Среди рынка я видел еще мортиру, вылитую, кажется, только для показа; сев в нее, я на целую пядень не доставал головою до верхней стороны канала. А пахолки⁷⁵ наши обыкновенно влезали в это орудие человека по три и там играли в карты под запалом, который служил им вместо окна»⁷⁶. В деревянных стенах Земляного города или Скородома — пишет он далее —

«множество ворот, между коими по 2 и по 3 башни; а на каждой башне и на воротах стояло по 4 и по 6 орудий, кроме полевых пушек, коих так там много, что перечесть трудно»⁷⁷. В альбоме Пальмквиста — шведского путешественника, инженера конца XVII века, имеется рисунок, изображающий прекрасно содержимую московскую артиллерию на колесах.

Не мудрено, изобилуя всевозможных родов орудиями, Москва должна была иметь и соответствующее учреждение для производства их, каковым и является Пушечно-литейный двор, отличавшийся внушительным видом и размерами. Так Стрюйс⁷⁸ — 1668—1670 гг. — отметил: «здесь (на реке Неглинной — *А. В.*) у его величества большой литейный завод для литья пушек и колоколов». Рейтенфельс⁷⁹ — 1671 — «Здесь есть два завода — один огромный, где льют пушки и колокола, и другой, не уступающий первому, где делают порох». Эрколе Зани⁸⁰ — 1672 г. — также упоминает о большом литейном дворе. Ван Кленк⁸¹ — 1675 г. — «у его ц[арского] величества здесь (в Белом городе — *А. В.*) литейный завод для пушек и колоколов, которые отливаются в большом числе». Таннер⁸² — 1678 г. — «Близ р. Неглинной стоит большой литейный завод, где льют колокола и пушки». Ни у одного из посещавших Москву иностранцев не ускользал из внимания стоявший на реке Неглинной внушительного вида Пушечный двор.

Огромного значения дело литья пушек и колоколов, как было упомянуто выше, началось иностранцами, и продолжало оно развиваться так же под их влиянием. У Олеария — 1632 — читаем: «В этой части города (в Белом городе — *А. В.*) находится литейный завод, а именно в местности, которую они называют поганым болотом на реке Неглинной. Здесь они много льют металлических орудий и больших колоколов. Здесь до сих пор находится очень опытный мастер, именем Ганс Фалькен из Нюрнберга, от него некоторые русские путем одного лишь наблюдения научились литью. При помощи особой сноровки он устраивал орудия таким образом, что 26 фунтов железа можно было с успехом выбросить из орудия при помощи 25 фунтов пороха; поэтому он так прославился в Голландии, что упоминается в голландском издании Меттерана. Он же в другом месте: «Знаменитый литейщик орудий Ганс Фальк, когда формовал или лил свои лучшие орудия, то русские помощники должны были уходить, дабы не переняли от него искусство литья. Однако теперь нам говорят, они умеют лить и большие орудия, и колокола. И в минувшем году в Кремле рядом с колоколом Ивана Великого, ученик означенного Ганса Фалька отлил большой колокол, который, будучи очищен, весил 7.700 пудов». Отсюда явствует, что учителя очень осторожно учили учеников своему мастерству, боясь их успеха, могущего повредить государству, из которого они сами были родом. Но, не смотря на эти предосторожности, дело быстро развивалось, и к концу XVII века искусство литья пушек не только поднялось на уровень европейского, но даже и превосходило его. Тому, конечно, немало способствовала огромная потребность в колоколах, литье которых совершенствовало и литье

пушек. Кремлевские орудия, пищали и пушки, сохранившиеся до наших дней, как то: царь-пушка, единорог, дробовик и т.д., наглядно показывают, до каких размеров художественности и изобретательности достигло искусство литья в XVII веке. Мне назад тому лет 30 привелось видеть в Петербургском арсенале древнерусскую железную пищаль, пушку, заряжавшуюся с казенной части. Приспособление для этого было, хотя и примитивное, но, тем не менее, оно на 200 с лишком лет опередило современные орудия, изобретенные Западной Европой. Вкладывавшийся заряд замыкался вращающимися на шипах по бокам орудия толстыми скобами с винтовыми нажимами.

Место отливки пушек и колоколов, как мы видели по летописным сведениям и по планам Москвы XVII века, находилось на реке Неглинной неподалеку от шестидесятисаженного моста через нее и простиралось до ул. Рождественки; оно находилось приблизительно там, где расположены в наше время центральные бани⁸³. Очень жаль, что при постройке их и близлежащих домов своевременно не было обращено внимания на земляные работы; вероятно, при выемке земли для подвалов и фундаментов можно было собрать много предметов, напоминавших о существовании на этом месте грандиозного сооружения Пушечно-литейного двора. Внешний вид этого здания, судя по сохранившимся планам Москвы XVII века, был не одинаков в разное время. Вначале он представлял многогранную или круглую огромную башню с конусообразной крышей и небольшим завершением, ныне прикрытым конусообразной крышей. Его окружала ограда, частью каменная, частью деревянная в виде частокола или высокого забора. Таким оно изображено на плане Федора Борисовича Годунова⁸⁴, Сигизмундовском 1610⁸⁵, Блевиановском тридцатых годов XVII века⁸⁶ и у Готфрида Мериана 1638 г. У Блевиана и Готфрида Мериана в ограде изображено еще небольшое здание, подсобное главному, так же прикрытое конусообразной крышей с остроконечным завершением. Что такое представляла собою эта огромная башня-амбар? Вероятнее всего, это был амбар с доменной печью посредине и с выходной трубой; в пространстве между печью и стенами, вероятно, и происходила, главным образом, отливка пушек и колоколов. Кому приводилось видеть современные доменные печи старой конструкции, тот легко поймет параллель между ними и изображениями на древних планах Пушечно-литейного двора. Таковым было здание приблизительно до половины XVII века. У Мейерберга в 1661 г. и на плане, изданном Ламанским (17-й лист)⁸⁷, оно представлено двухбашенным сооружением с высокими шатровыми покрытиями. На последнем плане мы видим, что пространство двора занимало неправильный четырехугольник в 88 сажень в длину со стороны Китай-города; другая сторона от Суздальского подворья⁸⁸ 82 сажени; с лица, т.е. со стороны ворот с Рождественки — 27 сажень, и от реки Неглинной — 48 саж. Со стороны Рождественки были двое ворот, одни в каменной стенке перед двором и вторые проезжие и проходные в переднем корпусе двора. Изнутри двор окружали

с четырех сторон корпуса-кузницы, где ковались всевозможные принадлежности к пушкам, железные пищали, принадлежности к ним, языки к колоколам и проч. В левом здании находился приказ и выход наверх, вероятно, на здание впереди двора с воротами. На самом дворе изображены такие подробности, как весы с гирями под особой затейливой чешуйчатой крышей с флюгером; колодезь с колесом и даже ушатом для воды. Главное здание представлено в виде двух рядом стоящих башен с шатровыми, увенчанными флюгерами, покрытиями и окнами в них. Из прилегающих зданий мы видим на плане рядом расположенную церковь Иоакима и Анны⁸⁹ и Суздальское подворье, изображенные довольно подробно. Так у ц. Иоакима и Анны нарисованы кокошники под куполами и колокольня шатрового типа. Суздальское подворье имело двухъярусную пятиглавую церковь⁹⁰ и трехжильный (в три жила, т.е. трехэтажный — *сост.*) корпус с воротами; то и другое каменное строение. Суздальское подворье выходило на Рождественку и имело в длину 48 с[аж.] с 2 ч[етвертями]. Между Пушечным двором и Суздальским подворьем находилось порожнее место, в длину 29½ саж. и поперек 8½ саж. За улицей Рождественской помещена одворица⁹¹ окольничего Михаила Васильевича Собакина, имеющая по Рождественке длиннику 65 саж. Самые палаты, каменные, трехжильные, теремного характера с крыльцом под круглой крышей с флюгером. Далее на плане показана Кузнецкая улица, где жили кузнецы, работавшие на Пушечно-литейном дворе. Пролетающая в нынешнее время между Кузнецким мостом и Китайгородским проездом улица Софийка (ныне ул. Пушечная — *сост.*), судя по плану, в XVII веке не существовала. Как на любопытные подробности в планах прилегающей к Пушечно-литейному двору местности можно указать на следующее. У Мейерберга изображены общественные бани с журавлями для подъема воды из Неглинного пруда*. На всех планах показан мост через Неглинный пруд, или, как он назван у Олеария, «Поганный брод»; он имел длины 60 сажень. Этот мост соединял занеглинную часть, собственно Охотный или Куретный ряд, с Лубянской площадью. На плане Олеария против Литейного двора изображено какое-то непонятное сооружение с колесами и рычагами. На плане Блевiana и на Мейерберговском [нрзб] рядом с Пушечно-литейным двором расположена ц[ерковь] Иоакима и Анны. В Сигизмундовском плане очень подробно изображены окружающие обывательские бревенчатые дома, чем, в особенности, отличается от других этот интересный план Москвы XVII века.

В заключение должен сделать оговорку. Все планы, представляющие старую Москву с птичьего полета, конечно, только до известной степени достоверно передают внешний вид зданий, и только некоторое участие интуиции и воображения совместно с графическими источниками и литературным мате-

* Эти бани существовали и в XVIII веке, о чем напоминает рисунок, приложенный к 1-му выпуску «Старой Москвы»; существовали они до самого конца XIX века при гостинице Метрополь до ее перестройки в настоящий вид, и многие из нас их помнят. Челышевские бани.

риалом могут дать более или менее правдивое изображение исчезнувших зданий, что я и попытался сделать в демонстрируемой моей акварели вероятного вида Пушечно-литейного двора, базирующейся, главным образом, на Сигизмундовском плане 1610 г.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ МОСТ И ПРИЛЕГАЮЩАЯ К НЕМУ МЕСТНОСТЬ В XVII ВЕКЕ

доклад на 100-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
29 мая 1921 г.⁹² (в Доме МАО на Берсеневке)

(К. 40. Д. 54. Л. 1–8; архивное дело)

Рукописный текст, черные чернила, с правкой, вклейками и пометками, с автографом. Листы двухсторонние, большеформатные, с полями и без, сшитые.

В XVII веке и раньше местность, занимаемая в настоящее время Воскресенской площадью (ныне пл. Революции — *сост.*), примыкала к мосту того же названия через р. Неглинную. Наименование свое мост получил от ворот Китай-города Воскресенских, современных нам Иверских. В свою очередь, ворота получили это название по Воскресенскому монастырю — Саввинское подворье⁹³ — находившемуся на Тверской или, как она называлась встарь, на Царской улице. Обычно свои названия ворота древних городских стен получали или от ближайшего города, или от ближайшей чтимой церкви, или монастыря, мимо которых пролежала дорога от ворот вне города. Так, кремлевские Фроловские или впоследствии Спасские получили название от древней церкви Флора и Лавра на Мясницкой⁹⁴, Никольские от улицы Никольской, проходившей мимо монастыря того же названия.

Вероятно, с глубокой древности пролежала здесь дорога из южных городов (в Заволочье (Волок на Ламе или Волоколамск) и в суздальские города*). Этот путь заставил построить здесь мост через р. Неглинную, который был, конечно, в начале деревянным. Неподалеку по той же дороге через Москву реку находился другой мост — Москворецкий, живой или плавучий, составленный из скрепленных между собой плотов, изображенный на самом древнем плане Москвы Герберштейновском XV-го века.

Тот и другой мост существовали, вероятно, с глубокой древности. Каменным Воскресенский стал не ранее закладки Китайгородской стены, последовавшей в 1534 году; дата о его постройке неизвестна. Судя по планам древней Москвы,

* Суздальский — «сыздалекие» по отношению к южным городам, откуда двигалось население, гонимое монголами.

Воскресенский мост имел очень оригинальный вид. Почти на всех известных планах он изображен с высокой аркадой по бокам моста на его парапетах. На некоторых обе аркады заменены рядами лавок, на других одна из них; так у Олеария и Мериана показана только северная, другую же заменяют лавки. По-видимому, на более древних сохранились обе аркады, на более поздних одна или обе заменены [лавками], что вполне естественно, т.к. от времени арки разрушались, их не ремонтировали, а заменяли лавками. Высота аркад разная. На плане Бориса Годунова 1600 года⁹⁵ и Блевия половины XVII века⁹⁶ она имеет вышину, равную примыкающим к ней деревянным лавкам, на Сигизмундовском 1610 г., отличающемся из всех планов наибольшей точностью внешнего вида зданий, высота аркады значительное выше лавок, что наиболее достоверно. Аркада, помимо архитектурной задачи (красоты), предназначена была, как будто, еще для того, чтоб любоваться из арок видом, открывающимся отсюда вниз по Неглинной на пруд с примыкающей к нему кремлевской стеной с башнями и Троицким мостом вдали и вверх по Неглинной на обширный пруд, омывающий стены Китай-города, и вдали на грандиозное здание Пушечно-литейного двора. Вероятно, в вечернюю пору вид отсюда был очарователен, когда окружающие стены и башни отражались в зеркальной поверхности прудов. Помимо эстетической цели, аркада имела, по-видимому, и другое значение, практическое: это была опора для крыши. Обычный тип крытых средневековых мостов Европы коснулся и Москвы. Представителя подобного моста мы видим в наше время в Подольском крытом мосту через р. Пахру, приписываемом Петру I-му⁹⁷.

В Европе крытые мосты сохранились в Люцерне, недавно такой же мост был сломан в Цюрихе. На Воскресенском мосту крыша, вероятно, сгорела в один из многочисленных пожаров или обрушилась от ветхости или тяжести снега и, по тем или иным причинам, не возобновлялась. Это могло случиться вскоре после его постройки, и в таком виде застали его посещавшие Москву иностранцы, оставившие нам его планы того времени.

На Воскресенском мосту и в расположенных здесь рядах лавок торговали пряниками; возможно, что шла торговля и на самом мосту на ларях и лотках, и прикрытие их крышей от дождя и снега было вполне естественно.

Пруд, примыкавший к мосту с севера, обслуживал мельницу, расположенную у мостовых арок с южной стороны. Доход с мельницы, как и со всех московских мельниц, шел в царскую казну, и на них также должны были молоть жито служилые люди, получающие жалованье натурой, т.е. рожью и овсом. Мост опирался на несколько каменных арок, коих на Сигизмундовском плане помечено 7, на плане Блевия 4, 5-я на берегу, у Исаака Массы⁹⁸ 3, у Мериана 5, Годуновском 6, а на сохранившейся сепии конца XVIII века, деланной с натуры, не менее трех, а, судя по акварели того же времени, мост был довольно длинен, и, вероятно, имел не менее пяти арок. Шлюзы, существовавшие между устоями моста, запруживали воду Неглинского верхнего пруда, и отсюда была проведена вода

на колеса мельницы. На Мичуринском плане 1739 года у моста на пруду обозначены какие-то сооружения, напоминающие живорыбные садки с примыкающими к ним лавками начинавшегося здесь Куретного, впоследствии Охотного ряда.

Мост стоял как бы окруженный с двух сторон водой: с севера верхнего, с юга среднего пруда, и проходивший по нему москвич созерцал мирную картину на прудах, где, вероятно, хорошо клевала рыба, слушал успокаивающий шум мельничного колеса вместо современных нам ужасных звуков грохочущих грузовиков, треска и свиста сирен и всевозможного рева автомобильных гудков... Надо думать, во время нивелировки местности при устройстве Александровского сада в начале XIX века, если не весь мост, то части его, примыкающие к пологим берегам Неглинной, были засыпаны, и имеется, так сказать, «скрытая» возможность более или менее точно определить его размеры.

В местности, примыкавшей к мосту, прежде всего, следует указать на Воскресенские ворота Китай-города⁹⁹. Как [будто] с них в 1534 г., по словам Синодальной летописи, начиналась постройка Китайгородской стены: «Зачали строить по Неглинке в верх ко Троице где ея поля были», т.е. к церкви св. Троицы в старых Полях¹⁰⁰, где происходили судебные поединки. Первоначальный вид воротной башни был иной, в ней отсутствовали две башни с шатровыми завершениями, построенные, вероятно, при Федоре Алексеевиче в 1680 году, когда после сильной «поруки» частью были разобраны и построены вновь. На всех планах ворота изображены без башен с двухскатной крышей, что особенно правдиво передано на плане Массы. Основание башни с воротами, вероятно, мало изменено перестройкой 1680-го года; боевой вид ворот остался неизменным с самого их начала 1534 г. Проходящие могут наблюдать в арках вертикальные щели для опускаемых решеток, герсов, и огромные крюки, следы двойных ворот из толстых брусев, окованных железом, а также видеть верхние настенные бои и стоки для горячей смолы, кипятку, которые лили на головы осаждавших. Как стены, так и воротная башня до конца XVII века были кирпично-красные, почему и город, заключавшийся в них, носил название Красного города, в отличие от Белого с белыми стенами. Только по повелению правительницы Софьи (1682—1689 гг. — *сост.*) стены были выбелены. Ворота в разные эпохи носили разные названия. Одно время они назывались Неглинскими по р. Неглинной, как и противоположные им Москворецкими по Москвереке, на которую они выходили. Носили название Куретных по Куретному ряду и Львиных по львам, жившим неподалеку в особо устроенном помещении*. Иверскими ворота стали называться при Алексее Михайловиче. В 1669 г.

* На чертеже Москвы Федора Годунова отмечено *Porta Naglinae, quae et porta leonum nominatur*. Снегирев (*Снегирев И. М. Воскресенские ворота // Русские достопамятности / изд. А. Мартынова. — Т. 1. — М., 1877. — С. 1* (у И. М. Снегирева также содержится отсылка к работе: Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы / соч. И. Снегирева; изд. А. Семена. — М., 1841. — С. XLVI (*сост.*)).

здесь была построена часовня, и поставлена в ней прибывшая с Афона икона, список с чудотворной иконы Богоматери Святейшей Вратарницы, оберегавшей и освящавшей ворота на Афоне. Потому-то она и была водружена в Москве у ворот города, принявших название Иверских, потому что икона на Афон прибыла из Иверии — Грузии.

Существующая часовня построена при Александре I-м¹⁰¹. В восемнадцатом веке ворота слыли за Триумфальные, т.к. Петр I-й и Екатерина II-я в ознаменование событий государственной важности устраивали чрез них торжественные шествия, украшали их статуями, картинами и коврами. Такие торжества происходили после взятия Нарвы Петром I-м и Екатериной II-й заключения мира с турками.

Хотя предмет настоящего доклада — XVII век, но, тем не менее, я не могу пройти молчанием, чтобы не упомянуть о начале Московского Университета, имевшего первое пристанище в палатах над воротами башни.

Здесь в 1731 году существовала Университетская гимназия¹⁰² и университетская типография¹⁰³, переведенная затем за теснотой на Моховую в занимаемое теперь университетом здание*. Проходящие под сводами ворот и не подозревают, что здесь некогда ютилась прабабушка Московской alma mater.

Но вернемся в XVII век. У моста по направлению к Тверской улице находился Моисеевский девичь монастырь¹⁰⁴, подробно изображенный на Сигизмундовском плане 1610 с деревянной церковью Моисея Боговидца с богадельней. В книге 1722 года церковь показана уже каменной, Благовещения Пресвятыя Богородицы с приделом Моисея Боговидца и Николая Чудотворца. Неподалеку находился двор стремянного, разных стрельцов, крупной торговой ряд и стрелецкая слобода. На плане Мейерберга, Олеария, Массы и Блевия также мы видим здесь монастырскую церковь и примыкавшие к ней здания.

Непосредственно начинаясь у моста, на всех планах помечен Куретный рынок с рядами лавок, тянувшимися вплоть до шестидесятисаженного моста через Неглинный пруд. Все города Европы в древности имели центральные рынки съестных припасов, в Париже, Лондоне, Лейпциге до сих пор, если не самые рынки, то урочища напоминают о давно прошлом. В Москве это был Куретный ряд, где, кроме кур и всякой птицы, можно было купить все, что необходимо для кухни. Куретный ряд был в полном смысле слова чрево Старой Москвы. Торговля около Воскресенского моста была ответвлением Великого Торга Китай-города. За теснотой на большой площади (Красной) иногда издавались указы о переводе отсюда некоторых отраслей торговли. В 1626 г. «велено сослать походячих харчевников и пирожников, которые с сдобными калачами носили по рядам на веках»; пирожникам даны места у Никольского моста, а харчевникам — по Неглинной. В харчевом ряду были лавки и шалаши, тут же

* Вероятно, университет занимал у Иверских ворот и часть обширного здания магистрата, стоявшего на месте Исторического музея.

было разрешено построить и избы для харчевого варенья. Недалеко от Неглинских ворот были отведены особые места для торговли белою рыбицей. Каждое место было мерою $\frac{3}{4}$ сажени, причем торговцам было указано [«и сидеть им по скамьям притом, без кровель, а по рядам с белою рыбицей не ходить»]. Рядом с местами, отведенными для белой рыбицы, устроены были места для торговли паровыми сельдями, такого же размера $\frac{3}{4}$ саж.; причем, торговцам было приказано «по рядам на веках с сельдями не ходить»; они торговали по скамьям. Лицом к самопальному ряду у Неглинских ворот на лавках торговали разными овощами, это уже в Куретном ряду. Охотным он стал называться, когда здесь приютился охотный промысел, и все, что связано с «охотой», забавой; охотничьи собаки, певчие птицы, принадлежности рыбной ловли и т.д.*

Общий колорит жизни рынка XVII в. остался таким же в XVIII и даже в XIX-м. Любопытная страница путеводителя 1831 г. под заглавием: «Москва или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского» дает о том некоторое понятие (Том 3, стр. 9¹⁰⁵).

Вернемся в XVII век. На Сигизмундовском плане вблизи моста в Куретном ряду по берегу пруда изображена часовня на столбах. Пруд этот, как было упомянуто выше, подпирался шлюзами Воскресенского моста; он назывался то поганым болотом, то прудом и занимал значительную часть современной Театральной площади и был так обширен, что Павел Алеппский, архидиакон и сын Патриарха Антиохийского Макария, посетившего Москву в 60-х годах XVII века, называет его озером: «Среди города находится большое озеро». Потому-то лет пятнадцать назад или более вынимаемая земля для подводки нового фундамента под большой театр, состояла из черной грязи с органическими остатками. Влево от моста на береговой полосе между прудом и стеной Китай-города на Сандуновском (Сигизмундовском? — *сост.*) плане изображен ряд домов или сытный ряд, харчевни, блинные, пекарни. Между прочим, для этих харчевен по строгому приказу запрещено было брать воду из пруда для кушанья и питья; была своего рода санитария. В описи 1622 г. мы читаем: «У Неглинских ворот близ городской стены лавки, скамьи и харчевни со всяким товаром и по левую сторону Львиный двор, огороженный надолбами». Такие же ряды находились на Москворецкой улице у Водяных ворот Китай-города: калачный ряд и рыбный, оставивший по себе воспоминание в недавно сломанном живорыбном трактире у Москвы-реки. «Великий торг» — Китай-город и Красная площадь, всегда кишели народом, потому что поблизости расположились сытный или съестной, сбитной ряд, где простому народу за копейку-две можно было получить «сытный обед». Воскресенский мост как самое бойкое проходное место по пути из Белого города в Кремль и на Великий торг привлекало к себе пряничную торговлю. Неподалеку где-то жили и пряничники. Здесь можно было купить и «сахарный хруст», леденцы и всевозможной формы

* Этот род торговли впоследствии перекочевал на Трубную площадь.

и вкуса замысловатые пряники, о которых мы можем судить по сохранившимся пряничным доскам и тем сушенным пряникам в виде зверей и птиц, какие еще можно встретить кой-где в провинции.

На Неглинском мосту также торговали огурцами и всякими овощами. По правому берегу среднего Неглинского пруда, простиравшегося от Воскресенского моста до Троицкого*, на всех планах XVII века изображены ряды строений, вероятно, лавок, продолжение торговых рядов Воскресенского моста, т.к. тут же непосредственно параллельно им изображены лари и лотки торговцев разносным товаром, сусликом, квасом, блинами. В этом же ряду, несколько отступя, и отдельно на плане Блевия под цифрою 4 изображен *Nova civium Curia* — Новый земский приказ. Старый земский приказ находился на Красной площади, на месте, занимаемом теперь Историческим музеем. На Сигизмундовском плане на месте Нового Земского приказа так же изображены значительные палаты, а равно мы их видим и на плане Мейерберга. Эта местность носила название Чертолья, поэтому и Троицкие ворота Кремля назывались Чертольскими, так как они вели в Чертолье. Наименование местности происходило от речки или ручья Черторый или Чертоньи, протекавшей в впадине или овраге за современным Храмом Христа Спасителя, и впадение которой в Москву-реку можно заметить в настоящее время в виде трубы, подобно тому, как р. Неглинную по трубе значительно большего размера.

Ряд домов на древних планах, простирающийся напротив Земского приказа и торговых рядов, соответствует правой стороне Моховой улицы с церковью Георгия¹⁰⁶, изображенной почти на всех планах и сохранившейся до наших дней в сильно измененном виде. Тогда все пространство от Неглинной и до Моховой было свободно от жилых домов в виду предупреждения опасности от пожаров, дабы отсюда не перебросило огонь на Кремль, что случалось довольно нередко. Деревянные же лавочки, существовавшие здесь, судя по рисунку из путешествия Олеария, не отличались прочностью, и их легко можно было разметать на случай опасности. Это были большею частью «рундуки», небольшие лавки или шалаши с откидной доской, служившей дверью и прилавком.

На всех планах, за исключением почему-то Сигизмундовского, в Куретном ряду изображена церковь Параскевы Пятницы¹⁰⁷; отсутствие церкви на Сигизмундовском потому еще не понятно, что она изображена на более древнем Феодора Борисыча (Годунова — *сост.*) плане; такую погрешность можно объяснить только недосмотром рисовальщика. Каменной церковь стала в 1667 г., до того же времени, как и все приходские церкви древней Москвы, была деревянной. Каменная одноглавая церковь XVII века сгорела в один из московских пожаров, и ее вновь выстроили в 1760 в сильно измененном виде, сделав ее многоглавой, какою она существует в настоящее время.

* Современная Неглинская улица (ныне — ул. Неглинная (*сост.*)).

Далее за церковью Параскевы Пятницы, как было упомянуто выше, находился шестидесятисаженный деревянный мост на сваях через Неглинский пруд-болото, ведущий к Пушечно-литейному двору, находившемуся между берегом Неглинского пруда и ул. Рождественкой на месте современных Центральных бань*. Этот мост, названия которого не сохранилось, был единственным соединяющим Занеглименье с Лубянской площадью и прилегающей к ней местностью Белого города. Кузнецкий мост ни на одном древнем плане не помечен; он, по-видимому, построен в XVIII веке и был каменным, его остатки засыпаны землей при нивелировке местности во время заключения р. Неглинной в трубу¹⁰⁸. В XVII веке улица Кузнецк[ий] мост называлась Кузнечной улицей по жившим на ней кузнецам Пушечно-литейного двора. «Мостом» она названа с постройкой моста, т.е. не ранее XVIII в.

Следует отметить, как наиболее выдающийся памятник остатков XVII века в прилегающей местности, это дом №3 Баратова и д. №9 бывш. Мещанского общества в Охотном ряду, непосредственно за церковью Параскевы Пятницы. Оба они заняты жилыми помещениями, и в одном в одно время помещался извозный трактир. Есть много оснований приписать эти дома или один из них знаменитому сподвижнику правительницы Софьи Алексеевны князю В.В. Голицыну¹⁰⁹. Дома, конечно, сильно изуродованы, хотя не устранена возм[ожн]ость восстановления их прежнего вида. По сохранившимся описям имущества этих домов в XVII веке, можно заключить о европейских вкусах их владельца. Три этажа д. №9 с высокими сводами, обилие света, простор помещений говорят за то, что мы имеем в нем представителя, характеризующего переходящую ступень от чисто московского зодчества к европейскому типу. Стоит только внимательно присмотреться к зданиям, чтобы убедиться в том, что это не простые жилые хоромы прошлого, а архитектурный памятник в разрушенном или изуродованном виде. Какая-нибудь сводчатая дверь в [нрзб] д. №3 носит следы архитектурной обработки. Стесанные варварской рукой наличники окон дома №9 по остаткам, едва заметным, напоминают типичную обработку конца XVII века, не говоря о внутренней архитектурной обработке зал — все говорит за то, что это замечательный памятник давно прошлого. Отдел по делам Музеев и охраны памятников искусства и старины обратил на них внимание, произвел исследование и взял под охрану. В одном из заседаний Комиссии по изучению Старой Москвы Шереметевым был прочитан доклад о них, и Комиссия поддержала постановление Отдела Д.М. (по делам музеев — *сост.*) и подала мысль об устройстве в них со временем музея той эпохи, к которой они принадлежат. Следует еще указать на уцелевший, по-видимому, дом XVII века — на дом Давыденко №2 в Обжорном переулке¹¹⁰. Характерные для древнего дома лопатки и общая конструкция говорят о том. Дом от разновременных перестроек сильно пострадал: окна растесаны и самая облицовка стен

* Очень жаль, что при постройке бань не было обращено внимание на это обстоятельство и не обследована была земля, вынимаемая для подвалов и фундаментов.

местами новая, но, тем не менее, общий вид дома очень напоминает приемы постройки XVII века. Лопатки — слабого рельефа пилястры — это остаток деревянного зодчества, соответствующий выступам бревен угловых и поперечных стен деревянных домов. В переходах храма Василия Блаженного можно видеть, как зодчие Барма и Посник, имея образцы деревянных многогранных храмов, в виде украшений трактовали круглые концы бревен, имитируя тем настоящие бревна. По лопаткам возможно узнать: древний это дом или нет, как икону по внешним признакам: выпуклым закраинам доски и впадине середины, относится она к древним или позднейшего происхождения. Самое название переулка «Обжорный», как урочище, осталось от существовавших встарь харчевен; на д. №2 до сих пор красуется полустертая вывеска: «Съестная».

Снова должен оговориться, хотя темой моего доклада взят XVII в., но не могу пройти молчанием стоявшее непосредственно у Иверских ворот направо от выезда грандиозное здание присутственных мест и монетного двора, хотя на его фасаде, обращенном к Охотному ряду, и была дата 1820 год, но это относится к его перестройке; на рисунке¹¹¹ XVIII в., хранящемся в Эрмитаже, оно есть, а также на сепии начала XIX века и на картине Алексея XVIII в. [в] Третьяковской галерее¹¹². На этой картине любопытно изображение среднего Неглинского пруда справа картины и самого моста с 4-мя каменными столбами для фонарей на его углах (его некоторые из нас помнят*). Двухэтажное массивное здание с покатым цоколем из тесанного белого камня с небольшими сравнительно с фасадом окнами, оно обнаруживает типичные следы архитектуры XVIII века, этот дом был известен у москвичей «долговой ямой». В вышеупомянутом путеводителе по Москве, 1827 г.¹¹³ т. 2, стр. 352, читаем — здесь, между прочим, сидел Пугачев перед свершением над ним казни.

Нельзя также не указать на другой памятник XVIII века, может быть, его начала, на Александровские ряды, выходящие лицевой стороной к Александровскому саду. Его изображение можно угадать в двух длинных корпусах, тянущихся параллельно р. Неглинной, на гравюре Пикара 1710 г., изображающей панораму Кремля при Петре Великом. Очень хорошо переданы ряды на гравюре 1799 года, представляющей масляничное гулянье на среднем Неглинском пруду¹¹⁴. Стоит только заглянуть внутрь бывших здесь магазинов, чтобы убедиться в несомненной древности здания. Эти массивные поперечные и продольные арки и арки, заложенные в боковых стенах, говорят о примитивных приемах постройки, давно забытых. Архитектурная обработка фасада с узкими окнами и рисунок наличников также говорят о мотивах давно прошлого. Пока здание совсем не развалилось, а оно разваливается, его необходимо обследовать и сфотографировать¹¹⁵. Название свое ряды получили от Александровского сада, устроенного Александром I-м. Ранее ряды носили другое название. Не был ли это Лоскутный ряд, от которого осталось название Лоскутной гостиницы?

* На его месте построено здание Московской думы (ныне входит в комплекс зданий Государственного Исторического музея (сост.)).

Местность, примыкавшая к Воскресенскому мосту в начале XVIII-го века, имела сурово-оборонительный вид. Москва находилась под угрозой удара от шведов. В виду этого Петр всю местность около Китай-города и Кремля приказал окружить защитными рвами, валами и брустверами. Угловая Неглинская или Собакина башня Кремля, ближайшая к мосту, поэтому была особенно укреплена и имела значительный бруствер и ряд надолб — заостренных свай. На приведенной картине Алексеева это укрепление показано именно в таком виде¹¹⁶. Налево от моста между прудом и стеной Китай-города также тянутся рвы, валы и брустверы с надолбами, и так кругом всего Китай-города и Кремля. Эти военные сооружения еще существовали в 1739 г. и помечены довольно подробно на Мичуринском плане. Их след можно было видеть в конце XVIII века и даже начале XIX-го, судя по сохранившейся сепии.

Вот тот беглый взгляд на историю местности, примыкающей к древнему Воскресенскому или Куретному мосту, достаточно ясно говорящий о том, как в сравнительно небольшой период времени, около одного столетия с небольшим, местность изменяется и дает городу совершенно неузнаваемый вид, какой мы наблюдаем теперь, смотря на Воскресенскую площадь.

АЛЬБОМ АВТОЛИТОГРАФИЙ «ДРЕВНЯЯ МОСКВА»¹¹⁷

доклад на 122-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
6 апреля 1922 г. (в помещении Музея старой Москвы, ул. Тверская, д. 59)

(К. 1. Д. 9. Л. 24—25; протокольная запись)

Рукописный текст, синие чернила, встречается карандаш, с правкой, с автографами. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись краткая, сделана П.Н. Миллером.

Альбом посвящен древней Москве, т.е. Москве деревянной, до перехода ее к каменному строительству.

Демонстрируя по отдельности каждый лист альбома, А.М. (Аполлинарий Михайлович — *сост.*) иллюстрировал его пояснениями. Описание первых двух листов¹¹⁸ альбома — «Кремль при Иване Калите» и «Кремль при Иване III», приложены в «Пояснительной записке» к акварелям А. М., сделанным им для Московского Коммунального музея.

На третьем листе — «Всесвятский мост и Кремль в конце 17-го века», изображены: 1) Всесвятский мост с шестиворотной башней¹¹⁹ (с Берсеневской набережной), 2) Всесвятские или Берсеневские ворота¹²⁰, 3) Боровицкие ворота, 4) Троицкие ворота, 5) ц[ерковь] Рождества Иоанна Предтечи (1461)¹²¹, 6) Кремл. стена от Боровицких ворот к Запасному дворцу (1499)¹²², 7) Запасный

дворец, 8) Иконописные терема, 9) Колымажные ворота и Гербовая башня¹²³, 10) ц. Рожд. Богородицы (ныне существующая)¹²⁴, 11) Сретенский собор¹²⁵, 12) Терема (сохранились)¹²⁶, 13) ц. Спаса за золотой решеткой (сохранилась)¹²⁷, 14) Соб. Спаса Преображение, что на Бору (сохранился)¹²⁸, 15) Набережная палата (перестроена)¹²⁹, 16) Свибловская или Водовзводная башня, 17) Иван Великий, 18) Круглая башня на Нижнем набережном саду, 19) верх Казнохранилища, 20) Архангельский собор, 21) Приказы¹³⁰, 22) Спасские (Фроловские) ворота, 23) Собор Черниговских чудотворцев¹³¹, 24) Покровский собор, 25) Берсенеvская набережная (на переднем плане).

Копия с этой картины находилась в галерее литературно-художеств. кружка в Москве, а ныне в Ярославском музее.

Четвертый лист — «На Крестце в Китай-городе».

Пятый лист «Книжные лавочки на Спасском мосту» (см. доклад на 94-м засед. Комиссии в 1921 году¹³²).

Шестой лист «Печатный двор на Никольской улице» (см. доклад на 75-м заседании Комиссии в 1919 году¹³³).

7-ой лист «Пушечно-литейный двор на р. Неглинной» (см. доклад на 94-м засед. Ком. в 1921 году).

8 лист «Общественные бани». Подобные бани, вероятно, были: 1) у Неглининского проезда, 2) На Яузе (Серебренические), 3) у Москворецкого моста на Москве-реке, 4) у Крымского брода и 5) у Краснохолмского моста.

9 лист «Лубяной торг на Трубе» (см. доклад на 77 засед. ком. 1919 г.)¹³⁴.

10 лист «Земский приказ на Красной площади». Здесь изображен старый Зем[ский], приказ, перенесенный потом в Чертолье и находившийся между Троицкими и Воскресенскими воротами¹³⁵.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К АКВАРЕЛИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

к докладу «Альбом автолитографий „Древняя Москва“» на 122-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы 6 апреля 1922 г. (в помещении Музея старой Москвы, ул. Тверская, д. 59)

(К. 40. Д. 63. Л. 1—2об.; архивное дело)

Машинописный текст, бледный, плохо читаемый, с рукописными вставками и пометами, есть опечатки. Листы пожелтевшие, ветхие, двухсторонние, большеформатные.

Предлагаемые мною акварели Кремля представляют характерные эпохи его развития. Видоизменение наружного облика города есть в то же время показатель культурного развития нации, которой он принадлежит.

Таковым был Московский Кремль.

В XII-м веке деревянный городок, обнесенный частоколом и затем дубовой стеной в XIV веке Иваном Калитой, он, как нельзя больше, обрисовывал быт малокультурной народности, живущей среди дремучих лесов.

Внешний вид города, раскинувшегося на взлобье холма или мыса, образуемого реками Неглинной и Москвой, мог быть таким, каким он изображен на предлагаемой акварели на основании летописного и графического материала, имеющегося в многочисленных чертежах, рисунках и планах, хотя и позднейшего времени, но, тем не менее, характерного вообще для деревянного зодчества древней Руси. Дубовые стены Кремля Ивана Калиты, несомненно, имели такой же вид, в каком они изображены на рисунках XVII века у Мейерберга, Олеария и других европейских путешественников, посещавших Россию. За Боровицкими воротами на склоне горы видна первая по времени деревянная церковь Москвы Рожд[ества] Иоанна Предтечи¹³⁶ с деревянной звонницей на столбах. Впереди ее расположены старые палаты Петра Митрополита, перенесенные впоследствии к храму Успения Пресвятой Богородицы¹³⁷. Прототипы каменных храмов той эпохи мы видим на лицевых изображениях рукописей и икон и, главным образом, в сохранившихся до наших дней храмах. Средняя часть церкви Спаса на Бору¹³⁸, по-видимому, относится именно к этим дошедшим до нас памятникам. Княжение Ивана Калиты было началом каменного строительства в Москве.

Изображенные на акварели четыре белокаменных храма суть следующие. Рядом с княжим теремом на север помещен Спас на Бору. Из-за терема налево высится глава Успения Пресвяты Богородицы. Направо — Иоанна Лествичника под Колоколы, что ясно указывает, что это был храм под звонницей, помещавшийся в нижнем ее ярусе, по образцу которой и, вероятно, на том же месте Фрязином Боном¹³⁹ при Василии Иоанновиче (1505—1533 гг. — *сост.*) была построена значительно в большем размере звонница, просуществовавшая до 1812 года и входившая в группу звонниц разных эпох, называвшуюся в совокупности «Иван Великий». Четвертым храмом на Кремлевском уступе изображен строящийся храм Архангела Михаила. Вид на Кремль в предлагаемой акварели взят с юга-запада, с Москвы-реки.

Ближайшая вежа или башня с воротами — Боровицкие ворота, называвшиеся в то время Водяными по близости их к Москве-реке. Здесь же, вероятно, неподалеку находилась пристань и места склада строительных материалов: бревен, камня, кирпича, доставляемых по реке, а также и амбары для склада товаров, по крайней мере, грубых: дегтя, смолы, пеньки и т.д. Здесь же, по всей вероятности, находились общественные бани, которые на всех планах древней Москвы изображены на берегах рек: Москвы, Яузы и Неглинной, с неизменными журавцами для подъема воды в банные желоба и без крыш, замененных землей и дерном, как это делается и по сие время по деревням. Следующий в хронологическом порядке должен быть изображен Кремль Дмитрия Донско-

го (1359—1389 гг. — *сост.*) с белокаменной стеной около него. Но отсутствие какого бы то ни было графического материала лишает возможности сделать подобное изображение.

Вторая акварель представляет вероятный вид Кремля Иоанна III-го (1462—1505 гг. — *сост.*).

Руководящей нитью послужила, главным образом, «История Москвы» И.Е. Забелина.

Почин призыва итальянских зодчих, воспитанных в стране великого классического искусства, навсегда определили историческую физиономию Кремля. Итальянско-византийский облик в соединении с чисто национальными русскими чертами дал любопытную окраску архитектуры этого всемирно известного памятника. Акварель представляет вид Кремля, каким он мог быть, если смотреть на него с набережной Москвы-реки несколько ниже современного Москворецкого моста, который на рисунке Герберштейна изображен плавучим, составленным из соединенных между собою плотов. На берегу у моста — торговая пристань для судов, идущих с Оки и Волги, амбары для склада товаров.

На плане Кремля Герберштейна на этом месте изображены суда, что также говорит о существовании здесь в его время речной пристани. Основание для того, чтобы образоваться здесь пристани, было, главным образом, присутствие на Красной площади огромного гостиного двора со всевозможными товарами. Потому что тут же на Москворецкой улице неподалеку от пристани находился мытный двор (таможня), существовавший здесь до XVIII-го века на месте Нижних Торговых рядов¹⁴⁰. При Иване Калите образование пристани у Боровицких ворот имело причиной, главным образом, близость к Кремлю и великокняжескому двору; с развитием же торговли и промышленности причины, руководящие укладом города, стали иные. Как на Герберштейновском плане, на акварели стены Кремля изображены в один ряд. Двойные и тройные стены возникли в XVII веке. Ров, обложенный камнем с восточной стороны, отсутствует, что и понятно, т.к. он был сооружен при Василии Иоанновиче. Вместо него, вероятно, существовал ров, обложенный деревом с частоколом по внутреннему его краю. На взлобьи Кремлевского холма подряд, начиная с запада, помещены следующие здания. «Набережная палата»¹⁴¹ на «кружалах», т.е. аркады террасы, служащей основанием палаты; налево от нее стена, идущая к Боровицким воротам; из-за нее видна глава каменной церкви Рождества Иоанна Предтечи. Рядом с палатой — Благовещенский собор, далее казнохранилище, строящийся Архангельский собор и строящаяся звонница — на месте калитинской церкви Иоанна Лествичника. За ними возвышается строящийся великокняжеский каменный терем, сохранившийся нижними двумя ярусами до наших дней. Виден верх Грановитой палаты и главы Успенского собора.

Остальная часть Кремля наполнена деревянными домами, типа изображенных на Герберштейновском плане, т.е. большинство с наружными лестни-

цами, какие мы и по сие время встречаем в деревнях и селах Архангельской, Вологодской и Вятской губерний. Видны палаты Ховрина, Хабар Симского (Хабро), храмы Чудова монастыря¹⁴² и т.д.

Третий эскиз представляет картину расцвета Кремля, т.е. конец XVII-го века и отчасти начала XVIII-го. Гравюра Пикара, современная Петру I-му, изображающая панораму Кремля с Всесвятским мостом, послужила главным источником для предлагаемого третьего эскиза. Весь Кремль сплошь наполнен каменными зданиями различных эпох*. Кремль с юга обрамляет двойная стена с башнями, сохранившимися большею частью до наших дней. На первом плане — предместье Берсеневка с Берсеньевской уличной решеткой¹⁴³ и кожевенным заводом с журавцем для подъема воды из Москвы-реки. Направо боярская одворица (двор, владение — *сост.*) с всевозможными хозяйственными постройками, колодцем, садом, огородом и проч.

С начала XVIII-го века Кремль постепенно приходит в разрушение. Многие здания от времени приходят в ветхость, другие умышленно ломает рука, чуждая любви к родине и ее истории. Следы разрушения видны уже и на изображенном Пикаром Кремле; так вторая стена, ближайшая к Москве-реке, местами развалилась и образует значительные бреши. Центр государственного управления передвинулся на берега Невы, и с этим заботы о поддержании Кремля пришли на второй план, так что во второй половине XVIII-го века Кремль во многих частях напоминает уже полуразвалину.

ПРИМЕЧАНИЕ. Гладкие стены с открытыми зубцами в Кремле Иоанна III-го мною взяты таковыми по Герберштейну, посетившему Московию при Василии Иоанновиче. Такими были стены североиталианских укреплений, вроде Миланского Castello, и по образцу которых, вероятно, и строил Алевиз стены Московского Кремля. Климатические условия и другие чисто местные соображения заставили покрывать зубцы и постенные проходы кровлями и устраивать сливы и постенные верхн[ие] бои¹⁴⁴. Такими стены Кремля изображены на плане Кремля Бориса Годунова, в каком виде сохранились до наших дней стены Китай-города (не сохранились — *сост.*) с восточной и южной стороны.

Кирпично-красными стены изображены на том основании, что они только что отстроены. Стены Китай-города долгое время стояли в кирпиче и выбелены только в конце XVII-го века.

* При оригинале будет приложен транспорт с подробным обозначением всех зданий (сноска дана на Л. 2об. *сост.*)).

СПАССКИЕ ВОДЯНЫЕ ВОРОТА КИТАЙ-ГОРОДА В XVII ВЕКЕ

доклад на 125-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
18 мая 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)

(К. 40. Д. 57. Л. 1—3об.; архивное дело)

Рукописный текст, чернила, с правкой, вставками и пометами, есть подклейки.
Листы двухсторонние, разлинованные.

Местность, примыкавшая к бывшим Водяным воротам Китай-города, едва ли не самое древнее сельбище на территории Москвы. Дорога, идущая из Серпухова, Тулы и других южных городов по современной Пятницкой улице, и Ордынская дорога, шедшая по современной Ордынке, говорят о том, что искони здесь намечался путь к перевозу через многоводную в то время р. Москву. Эта дорога давно была известна южнорусским князьям и вела с юга в Тверь, Ярославль, Кострому, Вологду и в суздальские (сыздалекие, издалекие) города Северной Руси. Естественно, при переправе через многоводную реку у перевоза образовался небольшой поселок из двух или трех изб для перевозчиков, а также и для сторожевого пограничного караула того князя, который владел левым берегом Москвы-реки, а таковыми были владимирские великие князья. Когда же здесь был проложен живой мост¹⁴⁵, местность еще более оживилась, и, помимо сторожевых изб и жилья перевозчиков, появился здесь и мытный двор, собиравший пошлину с провозимых по мосту товаров; вся же остальная местность, занимаемая в настоящее время гор. Москвой, представляла сплошной дремучий бор. На самом древнем плане Москвы Герберштейна XVI в. мост изображен живым, составленным из отдельных плотов, и вблизи него изображено несколько парусных судов, пришедших с низовья с товарами. Здесь, таким образом, намечается зачаток пристани у моста, и, если мы учтем присутствие впоследствии на Москворецкой улице¹⁴⁶ Мытного двора, то нам станет ясной та роль, какую играла в истории торговли г. Москвы местность, примыкавшая к мосту и пристани. А отсюда становится понятна причина, образовавшая Великий торг именно в этой местности и заставившая в XVI в. огородить ее каменной стеной. Первоначально в 1534 г. правительницей Еленой (Глинской — *сост.*), матерью Грозного, была устроена защита из двух плетеных стенок с землей, набитой между ними, но такое сооружение не достигало цели ни в пожарном, ни в стратегическом отношении, и в следующем 1535-м году Петр Фрязин заложил вокруг посада и, вероятно, с внешней стороны плетеной стены каменную, сохранившуюся до наших дней (не сохранилась — *сост.*). Тогда была построена и надворотная башня Спасских ворот Китай-города, в отличие от одноименных ворот Кремля, названных по близости к Москве-реке Водяными. Спасскими они названы по церкви Спаса Смоленского¹⁴⁷, находившейся поблизости на Москворецкой улице. Во всякой более или менее сильной городской стене, примыкавшей к реке или

морю, были ворота носившие эпитет водяных. В Помпее мы знаем Portamarina, в новгородском Детинце, в Нижнем Новгороде существовали ворота с названием водяных; в московском Кремле таковыми слыли Тайницкие.

На всех планах древней Москвы ворота изображены в виде двухпролетной башни под двухскатной крышей: наиболее подробно и правдоподобно они представлены в альбоме Мейерберга 1661 г. Пред ними расположен бревенчатый мост через Москву-реку; направо, идя по мосту, показана пристань с амбаром; налево от ворот какое-то здание под двухскатной кровлей и Китайгородская стена, примыкающая к угловой Беклемишевской стрельнице Кремля.

Не меньшего внимания заслуживает и Сигизмундовский план 1610 г. На нем также подробно изображены Водяные ворота под двухскатной кровлей, с двумя пролетами и с примыкающими к стенам Китай-города амбарами. Но, что особенно обращает на себя внимание Сигизмундовского плана, это очень подробно изображенные на нем Москворецкие общественные бани с журавцами для подъема воды. Они находились на современной Раушской набережной, неподалеку от моста. На плане, нарисованном одним из московских бояр, знакомым Исааки Массы, путешественника 1606 г., современника Димитрию Самозванцу и даже стяжавшего при его дворе славу, по словам Массы, Водяные ворота на его плане изображены изнутри города и в два проезда, каковыми они изображены почти на всех планах, и только у Мериана и Пикара в один проезд, что наименее вероятно, т.к. Водяные Спасские ворота по своей конструкции, судя по многим планам и рисункам, повторяли Воскресенские, или Иверские. Двухпролетными они изображены и на образе Сергия Радонежского конца XVII века, имеющемся в моей коллекции, а также на схематическом изображении в планах Москвы XVII [в.], собранных Белокуровым и изданных К[омиссией] П[ечатания] Г[осударственных] Г[рамот] и Д[оговор] при Моск. арх. М[инистерства] ин[остранных] дел¹⁴⁸. Вопрос о притыке Китайгородской стены к кремлевским стенам остается открытым, т.к. на одних планах стена упирается в Беклемишевскую стрельню, а на других во вторую стену Кремля, обрамляющую ров. Так, у Мейерберга на плане стена упирается во 2-ю кремлевскую стену, а на его же рисунке — в стрельню. На Годуновском плане 1600 г. — во 2-ю стену Кремля, на Сигизмундовском 1610 г., а также на Исаака Массы 1606 г. — в стрельню; более вероятно последнее, хотя исследование направления части сохранившейся стены наиболее правильно решит этот вопрос, но, во всяком случае, она не могла упираться в 1-ю стену Кремля, сохранившуюся до наших дней, т.к. по пути она неминуемо встречала вторую кремлевскую стену за рвом. На некоторых планах Москворецкий мост не приходится против ворот и отодвинут вниз по реке, что мало вероятно, т.к. других соответствующих мосту ворот не было в Китайгородской стене со стороны Москвы-реки. На одних планах мост изображен бревенчатым или живым, на других — на лодках, а на третьих — на сваях, каким он существовал до половины XIX-го века, судя по сохранившимся гравюрам.

Как весьма важный стратегический пункт Водяные ворота и мост имели солидную защиту как со стороны Беклемишевской стрельницы, так и части

второй стены Кремля, примыкавшей к Беклемишевской стрельнице с юга. Кроме того, на Красной площади, против Москворецкой улицы, стояли две огромных пушки на невысо[ко]й башенке, направленные к Водяным воротам на случай вторжения неприятеля. В начале XVIII века при Петре I-м местность, примыкавшая к воротам со стороны Москвы-реки, была укреплена земляными валами, брус[т]верами и бастионами на случай нападения шведов, угрожавших в то время нарождавшейся мощи России.

Как было упомянуто выше, местность, примыкавшая к Водяным воротам, неизбежно, благодаря пристани судов в XVI и XVII веках, привлекала массу народа. Кроме того, до постройки Всесвятского моста это был единственный путь в Замоскворечье, где, между прочим, неподалеку от моста существовали общественные бани, и находилось пользующееся известностью кружало¹⁴⁹. Поэтому поблизости ворот толпилось много праздного и делового народа около лавочных шалашей со всякой снедью.

Позволю себе сделать маленькое отступление и выписать из материал[а] по истор[ии] Москвы Забелина¹⁵⁰ любопытные строки, характерные для производившей здесь и вообще в тогдашней Москве разнообразной торговли. «За Москвою рекою по конец живаго мосту скамьи против мясных скамей, идучи с мосту, на правой стороне; скамья Панкратьевской слободы Марчки Михайлова 2 алт[ына] 2 ден[ги]; бочка квасная садовника Гришки Недопекина 10 алт[ын]; две скамьи садовника Микифора Олферьева 2 гр[ивны]; шелаш блинной кадашевца Федора Яковлева сына Турченина и сына ево Андрюшки 5 алт[ын]; за Москвою рекою по конец мосту скамья масляная Иева прозвище Первушки Филипова 3 алт[ына]; кадь квасная Ивашка Антонова 5 алт[ын]. За Спасскими Водяными вороты против, на левой стороне кадь квасная Ордынской сотни Ивашка Яковлева сына квасника 2 гр[ивны]; л[авка] Панкратьевской слободы Марчки Михайлова 2 гр[ивны]. За Москвою рекою, идучи из города к Георгию Страстотерпцу на правой стороне, против торговых бань, кадь квасная да сусленой кувшин садовника Варфоломейка Веденихтова 20 алт[ын]» и т.д.

В городе за воротами, по Москворецкой улице, по левой стороне, были расположены лавки калачников; параллельно Китайгородской стене, от ворот налево, находился Живорыбный ряд, а, судя по словам Павла Алеппского 1670 г.¹⁵¹, и на самом мосту шла бойкая торговля в лавочках, расположенных по бокам его.

Водяные Спасские ворота существовали еще в начале XVIII-го века; они изображены на панораме Кремля Пикара 1710 г.; на гравюре Махаева 1764 г.¹⁵² вместо них зияет только пролом в Китайгородской стене против моста на сваях довольно приличной конструкции. На гравюре De la Barthea (Ж. Делабарт — сост.) 1799 г., по-видимому, существовал тот же пролом вместо ворот и, что любопытно, по левую сторону от ворот вдоль стены тянулись такие же каменные лавки-амбары, как и по правую, недавно разобранные. Вид они имели довольно примитивный и, вероятно, перестроены после пожара 1812 г., в каком виде и просуществовали до самого последнего времени. На гравюре, изображающей

Кремль от 1815 до 40[-х] годов, стены между Москворецкой улицей и Беклемишевской башней нет и следа, и вместо нее показано двухэтажное, с порталом посредине, здание, характера торговых помещений. Местонахождение Водяных ворот определить нетрудно. Если продлить стены Китай-города с той и другой стороны, то они придутся с левой стороны, если идти от моста, против лавки №30 и справа против узкого дома в три окна №43, рядом с часовней. Имея в виду относительное тождество с Воскресенскими воротами Водяных, то они как бы займут несколько наискось всю ширину улицы, т.к. длина башни Воскресенских ворот приблизительно 27 арш., почти равная ширине Москворецкой улицы; ширина же их могла быть 65 арш., равная ширине Воскресенской башни. Очень жаль, что во время прокладки канализационных труб в начале девятисотых годов, не было обращено внимания на следы фундамента бывших ворот. Проходя мимо во время этих работ, на месте ворот я видел толстые бревна, вынимаемые с довольно значительной глубины из черного болотистого грунта; вероятно, остатки бревенчатой мостовой, проложенной по Москворецкой улице. В настоящее время не осталось даже урочища, напоминавшего бы о существовании Водяных ворот, тогда как сохранились урочища всех бывших ворот Белого города. До нас дошли только стены, примыкавшие к воротам с правой стороны, и с левой только часть, недавно освобожденная от скрывавших ее зданий. От тех, давно минувших, времен остался до наших дней только род торговли, существовавший здесь до самого позднейшего времени, это торговля живой рыбой в лавках, находившихся на углу набережной Москвы-реки и Москворецкой улицы, и в садках на самой реке*. Многие из нас еще помнят, а, может быть, и бывали в нем — Живорыбный трактир, славившийся особенным искусством приготовления растягаев и сборной ухи из свежей рыбы. Растягаи продавались и в разнос у трактира по 15 к. штука и пользовались большой известностью в околоте — Р. С. О растягах сообщено со слов старожилы Кокоревского подворья, где я имел в продолжение десяти лет прекрасную мастерскую, выходившую окнами на Москву-реку. Отсюда, из окна, мною была написана картина-этуд, изображавшая крестный ход вокруг Кремля в первое воскресенье после 1 октябр[я], установленный в память избавления Москвы от нашествия неприятеля в 1812 г. На этой картине (90-е годы прошлого века) изображены как Беклемишевская башня**, так и здание Живорыбного трактира с баркой-садком на Москве-реке и более мелкими судами с живой рыбой около нее. Картина находилась в коллекции бывшего товарища министра финансов П.М. Романова, в настоящее время — неизвестно где.

Предлагаемая мною акварель Водяных ворот изображает их в том виде, какой они могли иметь (вероятный вид) в конце XVII века, т.е. то время, когда были еще в кирпиче, посему и Китай-город называли Красным городом; выбелены стены

* На гравюре Махаева 1764 они изображены очень тщательно; на ней с таким же вниманием представлены и барки с товарами у пристани (Иван. Вел.).

** Ошибочно названная Свибловской.

в правление Софьи Алексеевны (1682—1689 гг. — *сост.*). На воротах помещен образ Нерукотворного Спаса, имя которого носили ворота; показаны опускные решетки (герсы), наподобие бывших у Воскресенских ворот. Направо от ворот изображен амбар для склада товаров и брусаяная изба — жилище сторожей, охранявших пристань. Налево от ворот — каменное здание, усматриваемое на плане Мейерберга, может быть, жилище стражи, оберегавшей ворота. Далее Беклемишевская стрельница с примыкавшей к ней стеной Китай-города и набережная, вторая стена Кремля. Вдали за кремлевской стеной здания приказов с собором Черниговских чудотворцев, и видны одворицы на «взруб», и за ними — Кирилло-Белозерское подворье с церковью Афанасия Александрийского. Налево от Беклемишевской башни соборы Архангельский, Успенский и годуновский столп — Иван Великий. На первом плане помещены суда, напоминающие герберштейновские, с покрытиями из дуба. С них выгружают товары и сносят в амбар. Поодаль видна часть Москворецкого моста с продольной настилкой поверх бревенчатой основы. У моста сидят торговцы со всякой снедью: калачами, квасом, суслом, пестиками черными и белыми, с белорыбицей и т.д. Время года — приблизительно май, конец апреля, когда не спала еще вешняя вода, и уровень Москвы-реки сильно приподнят. Пришли с товарами первые суда с Оки и Волги.

В заключение должен сказать о надворотном образе Нерукотворного Спаса; он находится в часовне на Москворецкой улице¹⁵³. Образ сильно пострадал от непогод, вероятно, еще в бытность на градской стене. Необходимо было бы восстановить его древний вид; в особенности настоятельно напрашивается это сделать после того, как лишили его серебряной ризы и, когда обнаружилась доска, лишенная каких бы то знаков божественного лика.

ОСТАТКИ БЕРСЕНЕВСКОЙ ВОРОТНОЙ БАШНИ БЕЛОГО ГОРОДА

*доклад на 134-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
21 сентября 1922 г.¹⁵⁴ (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 40. Д. 37. Л. 3—6; архивное дело)

Текст в 2-х экземплярах. Машинописный текст, слабопротпечатанный. Листы двухсторонние, разлинованные. Один экземпляр с рукописной правкой (чернила, карандаш); второй экземпляр — чистый.

В 1587 году при Феодоре Иоанновиче (1584—1598 гг. — *сост.*) была заложена стена, так называемого, Белого или Царь-города, шедшая на месте современных бульваров. Она шла на протяжении 9 верст, имела 28 башен, в числе их 9 воротных; из последних оставили по себе урочища 6: Пречистенские,

Арбатские, Никитские, Петровские, Мясницкие и Покровские, и 3 лишены их; в том числе Берсеневские. Строителем стен был зодчий Федор Конь¹⁵⁵; он же строил смоленские стены. Поэтому о виде бывших стен и башен Белого города можно судить по частям оставшихся в целости смоленских стен. Главнейшие из воротных башен Белого города, судя по Арбатской*, разобранной в 1792-м году, имели завершения, подобные воротным башням Китай-города. На некоторых планах древней Москвы все башни изображены с кровлями, большею частью, пирамидальными. Весьма возможно, утраченные крыши в конце XVII и начале XVIII века не были возобновлены, каковыми и были зарисованы Пикаром (1710) и художником, сопровождавшим Мейерберга в 1661 г. Материалом для постройки стен служил мячковский известняк; посему и часть Москвы, заключенная в них, носила название Белого города, по белокаменным его стенам.

Исчезнувшие Берсеневские ворота имели вид прямоугольной башни и, вероятно, напоминали Никольскую и Предмостную смоленских стен. Особенно подробно они изображены на известной гравюре Пикара 1710 г. На ней башня не имеет покрытия, как и на рисунке 1661 г. из альбома Мейерберга, тогда как на всех более древних планах она покрыта: на Сигизмундовском 1610 г. имеет три пирамидальных высоких крыши; на плане Федора Борисовича Годунова — две, на остальных на два или на четыре ската с коньком. На всех планах и рисунках она в два проезда. Названия ворота имели разные. У Пикара и Мейерберга они названы «Троицкими» по близлежащей церкви Троицы на Берсеневке¹⁵⁶, куда от ворот направлялась дорога через мост на другую сторону реки, почему и самые ворота иногда слыли «Берсеневскими». Назывались и «Водяными» по тому значению, какое они имели для примыкающей к Москве-реке этой части Белого города; а также и «Всесвятскими» по близлежащей церкви Всех Святых «что в валу»¹⁵⁷. Стены города, непосредственно примыкавшие к башне, изображены на планах различно. У Пикара они имеют зубцы, подобные кремлевским; такие же и у смоленских стен. На рисунке из альбома Мейерберга справа от ворот, если смотреть на них со стороны Москвы-реки, стены имеют обычные покрытия стенных проходов, наподобие Китайгородским; слева зубцы кремлевского типа. Интересна одна подробность. Перед стеной слева показан ров, обложенный камнем, и за ним земляной вал, на котором сооружена сравнительно невысокая стена. Посему и церковь Всех Святых слыла «что в Валу», соприкасаясь с ним с внутренней стороны города**. Вал шел до угловой Семиверхой башни¹⁵⁸ и, судя по планам, изданным Ламанским, заворачивал на север к Пречистенским воротам.

* Рисунок их сохранился.

** О ней И. П. Машков читал доклад в Комиссии по изучению Старой Москвы.

Почему именно в этой части Белого города требовались такие серьезные стенные укрепления, нигде не существовавшие в других его частях, — трудно сказать. Возможно, что этот угол укреплений с грозной Семиверхой башней, направленный к Крымскому броду, был надежной защитой против крымских орд и ногаев, частых недругов, грозивших Москве, и именно с этой стороны. На этом рисунке любопытна также подробность — «живой», т.е. бревенчатый плавающий мост, шедший от ворот на Берсеневку. Мост прикреплен к сваям, вбитым в дно реки вверх по течению с целью воспрепятствовать прогибу моста вследствие быстрого здесь течения реки, причиной которого историком Соловьевым приняты даже пороги, якобы, заставлявшие в этом месте перегружать товары с глубоко сидящих судов на более мелководные и обратно, что и послужило, по мнению Соловьева, образованию здесь населенного пункта с основания города Москвы. Эта «стречь» устранилась с прокладкой в этом месте Всесвятского каменного моста¹⁵⁹. Но мы и теперь еще видим вниз по реке от Каменного моста быстрое шумливое течение реки — остаток древней стрети, шедшей, быть может, до самого Крымского брода.

Остатки исчезнувших Берсеневских ворот мною были открыты случайно. Проходя на Берсеневку в Археологическое общество¹⁶⁰ на заседание Комиссии по изучению Старой Москвы, пред Каменным мостом со стороны Ленивки я обратил внимание на груды белого камня и полуистлевших бревен, вынутых из проводимой здесь канализационной траншеи. Ничем иным, как следами бывшего в этом месте здания, объяснить эти остатки было нельзя. Или это остатки крайней сухой арки Всесвятского моста, или воротной Берсеневской башни, так как траншея на глубине аршин пяти прорезала древнюю бревенчатую мостовую и две белобашенные стенки аршин в 5 ширины, на расстоянии сажен 6-ти одна от другой. По словам десятника, поверх мостовой найден был досчатый желоб* в аршин в поперечнике для стока жидкостей; доски желоба укреплялись вбитыми в мостовую кольями, [нрзб] и части досок были окрашены порошкообразной сине-голубой краской, что возможно объяснить или окрашенной жидкостью, протекавшей по желобу с какой-нибудь красильни на Моховой или Ленивке, или от особого грибка сине-голубого цвета. Траншея проходила, по-видимому, через один из пролетов ворот, как это показано на прилагаемых чертежах — так как мостовая лежала непосредственно на стене под воротами**. Стена была сложена из белого известняка на обильной известковой прокладке, следов кирпича не найдено. Что это был не фундамент, а нижние части стены, доказывают правильные ряды плитняка и резко

* Мостовая в пределах башни имела горизонтальное направление и состояла из бревен разной толщины и окружности. Возможно, поверх бревенч. мостовой были проложены продольные доски.

** Происхождением не ранее XVIII–XIX века.

очерченные углы стенок, усматриваемые несколько поодаль от перерезанной траншеей стенки. Траншея не дошла до основания стены и, надо полагать, что бут залегал ниже ее дна. О находке мною сейчас же было сообщено на собрании Комиссии Старой Москвы и дано знать через Коммунальный музей о необходимости произвести обмеры остатков башни и взять в Музей образцы мостовой и остатки исчезнувшего архитектурно-стратегического памятника древней Москвы.

По окончании заседания члены Комиссии направились на осмотр траншеи и пришли к несомненному заключению, что это не что иное, как следы исчезнувшей башни. В одно из последующих заседаний член Комиссии А.А. Круглый сообщил, что им зарисованы следы постройки и мостовой. Члены Комиссии по изучению Старой Москвы, возвращаясь после одного из заседаний, наняли подводу и в сопровождении члена Комиссии В.А. Дударевой направили несколько камней и бревен в Музей Старой Москвы¹⁶¹ при Государственном Историческом музее, временно помещающийся на Тверской в бывш. доме Английского клуба¹⁶². Среди камней один имел орнамент, характерный для надгробных плит, взятый, вероятно, с соседнего кладбища как строительный материал. Один из камней имел закругление, соответствующее карнизу или выступу. Взято несколько прямоугольных глыб камня, два-три бревна из мостовой и толстая плаха с двумя массивными гвоздями.

Стена Белого города, как известно, была разобрана в XVIII веке по повелению императриц Елизаветы и Екатерины II, просуществовав всего два века*. Между тем, такой солидный исторический памятник заслуживал бы большего внимания. Сохранившийся рисунок Арбатских ворот говорит и об архитектурно-художественных его достоинствах, не уступавших башням Китай-города, стены и башни которого, увы, ждет, по-видимому, та же участь, как и стены Белого города, если не приняты будут в скором времени самые решительные меры к сохранению их. На стенах и башнях его растут трава и деревья, а в одном месте на стенах был недавно устроен сад с беседкой и огород с редиской, с овощами. От стен и башен отваливаются целые пласты, а местами они разбираются местными жителями для постройки печей. Такое печальное состояние стен легко может повести к окончательному их разрушению и, как про исчезнувшие части смоленских стен почему-то говорится, что их «смольняне расколотили табачными рожками», так и про стены Китай-города пройдет молва, что их москвичи разобрали на печи для варки картошки.

* Из материала по разборке стен были построены Воспитательный дом и генерал-губернаторский дом.

БЕКЛЕМИШЕВСКАЯ БАШНЯ КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ

доклад на 135-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
5 октября 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)

(К. 1. Д. 9. Л. 64—65; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой. Листы двухсторонние. Запись краткая, сделана П.Н. Миллером.

А.М. Васнецов читает доклад «Беклемишевская башня Кремлевской стены», предпослав краткую историческую справку о построении башни при Иване III архитектором Марко Фрязиным¹⁶³ в 1487 г. (Тайницкие ворота и башня построены Антоном Фрязиным¹⁶⁴ в 1485 году), объяснив происхождение ее. Названная от находившегося близ нее на подоле Кремля двора боярина Никиты Семеновича Беклемишева, А. М. (Аполлинарий Михайлович — *сост.*) перешел к описанию башни по древним изображениям, которые тут же демонстрировал.

[1)] Первым изображением башни надо считать Герберштейновский чертеж Москвы половины XV века. На этом чертеже как Беклемишевская, так и другие угловые башни, изображены четырехгранными, тогда как, напр[имер], Петровская — круглой. Вообще весь чертеж зданий и сооружений на Герберштейновском чертеже крайне фантастичен и неверен, тогда как изображения фигур животных и людей очень близки к истине и были сделаны, несомненно, с натуры, а изображения стен, башен и построек — по памяти или по рассказам.

2) Следующее изображение относится к Годуновскому плану (около 1600 г.). Чертежу можно доверять. Из него видно, что башня была круглая, одной высоты с кремлевской стеной с машикулями¹⁶⁵ и постенными боями.

3 и 4) Такие же изображения башни находим и в чертежах Сигизмундовского плана 1610 г., и у Мейерберга в трех изображениях (1661 г.). Во всех предыдущих изображениях башня представлена без надстройки, покрытой, как и все прочие башни, четырехскатной крышей.

5) На чертеже-панораме Пиккара 1710 года башня впервые изображена с надстройкой, почти в том виде, как мы видим ее теперь.

Обратить внимание на эту башню заставило А. М. то обстоятельство, что проходя мимо нее, он заметил под смывшейся штукатуркой следы заложенных окон, которые, как он предполагает, ни что иное, как стесанные машикули башни или зубцы ее. Восточная стена Кремля была выше башни, и заложеными зубцы обнаружены только с восточной и северо-западной частей башни, тогда как с южной стороны таких заложенных окон... (так в тексте — *сост.*). Было бы очень желательно обратиться к И.В. Рыльскому¹⁶⁶ с просьбой исследовать стены башни изнутри, чтобы определить правильность предположений о заложенных окнах.

ВЕРОЯТНЫЙ ВИД НА БЕЛОКАМЕННЫЙ КРЕМЛЬ 1367–1485 ГОДОВ

*сообщение на 142-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
11 января 1923 г.¹⁶⁷ (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 40. Д. 49. Л. 1–4об.; архивное дело)

Рукописный текст, коричневые чернила; с правкой и пометками, с автографом.
Листы двухсторонние, разлинованные.

При исполнении заказа Коммунального музея¹⁶⁸, задачей которого было представить в картинах внешний вид Кремля в разные эпохи его культурного развития, начиная от деревянных стен его XII–XIV-го века и кончая его расцветом в XVII-м веке, мною был оставлен пробел для белокаменного Кремля XIV–XV веков, т.к. отсутствие графического материала отнимало возможность дать более или менее достоверный вид Кремля этой эпохи. Но, приложив некоторые старания, удалось воссоздать, по крайней мере, его «вероятный вид». В настоящее время пробел этот пополняю, демонстрируя картину: «Вероятный вид на белокаменный Кремль 1367–1485 годов».

Деревянный Кремль горел. В 1332-м «заложен град-Москва дубовый» Иваном Калитой*, а через четыре года в 1343-м при сыне Калиты Симеоне Гордом выгорело вместе с Кремлем 28 церквей. Далее, в 1354-м горит Кремник весь и церквей 13; пожар случился в страшную засуху. Затем в 1365-м вспыхнул катастрофический пожар Всесвятский, от церкви Всех Святых в Чертольи, в местности у Берсеневских водяных ворот Белого города. «Погорел посад, Кремль и Заречье» — одним словом, вся Москва начисто.

Итак, требовалась какая-нибудь защита, средство против этого бедствия, ослаблявшего зарождающуюся мощь молодого Московского государства. Зимой в 1366 году начинают возить камень из ближайших к Москве каменоломен и, вероятнее всего, из Мячковских. Почему именно зимой, а не весной и летом по Москве-реке, то, как объясняет Забелин, в это время Тверь, соперница Москвы, пользуясь московскими бедствиями, готовилась нанести Москве решительный удар. В 1367 году по весне заложили «каменный город» — огород, ограду, а в 1368-м мы уже видим перед только что сооруженными стенами войско литовского князя Ольгерда, союзника Твери. Но, простояв перед крепкими стенами три месяца, Ольгерд, не в силах взять крепкого города, ушел ни с чем. В 1370-м году опять Ольгерд, и так же безрезультатно. Из этого можно заключить, насколько была настоятельная нужда для Москвы в крепких каменных стенах. В 1375 году под защитой их собирается рать против Твери, а пять лет спустя — полки русских князей перед Куликовской битвой. Они выходили из Кремля двумя колоннами через двои ворот: Фроловскими или

* 1-я картина в Коммунальном музее.

Спасскими и Нижними, на подоле Кремля, соответствовавшими теперешним Константино-Еленинским. В случае поражения на Куликовом поле и отступления для Дмитрия Донского в тылу была надежная каменная защита, за которой можно было укрыться.

Но беды для московского Кремля не кончились. Разбитый на голову Мамай бежал с Куликова поля (1380 г. — *сост.*), но через два года в 1382-м году идут на Москву новые полчища татар под предводительством Тохтамыша, желавшего «наказать московского улустника за куликовские поражения».

23-го августа он подошел к Москве во время отсутствия Великого князя, ушедшего в северные города собирать войско для отражения Тохтамыша. Простояв под стенами Кремля некоторое время и не в состоянии взять его, Тохтамыш обманом вошел в него, избивая граждан, предавая все разграблению и огню. Когда Дмитрий Донской вернулся на пепелище, то видя в развалинах пожарища результаты стольких стараний и забот — «плакася горько». Пострадавшие от пожара каменные стены были исправлены, просуществовав от начала постройки до 1485 года 117 лет, до тех пор, пока не были сооружены кирпичные стены итальянскими зодчими при Иоанне III-м.

Какой вид имели стены при Дмитрии Донском, и что служило им образцом? В XIV-м веке уже были торговые сношения с югом, с Кафой и Сурожем, т.е. Керчью и Феодосией¹⁶⁹ — где издавна существовали каменные стены. Кроме того, север так же давал пример: в Старой Ладогe плитняковые стены существовали уже в XII-м веке*. При постройке каменных стен Кремля мастера из этих городов могли руководить работами. Могло быть влияние и с запада, с которым также давно существовали сношения. Наконец, влияние Грузии, где было также обилие горных башен и крепостей, также не могло пройти незаметным для строителей белокаменных стен. При этом не надо забывать, что существовало много белокаменных храмов XI–XIV веков, доказывавших умение русских мастеров обращаться с этим строительным материалом. Впоследствии в XVI-м веке белокаменные стены Серпухова, вероятно, исходили от тех же источников, от которых и стены Кремля Дмитрия Донского, поэтому они взяты мною как исходный пункт для моей демонстрируемой картины. Те же непокрытые кровлями полубашни-бастионы, постенные бои, сплошные широкие зубцы с бойницами. Угловая башня, соответствующая впоследствии Свибловской или Водяной, мною изображена круглой как и все угловые башни крепостных сооружений, за малым исключением; в стенах Старой Ладогe, Новгорода Великого, Нижнего [Новгорода], в кирпичном московском Кремле XV-го века, все они круглые.

Немалую подмогу для воссоздания внешнего вида белокаменных стен Кремля оказали иконы XI–XV веков с изображениями городов, окруженных

* Мой рисунок ладожских стен, сделанный в 1873-м году, находится в папке моих рисунков в Историческом музее.

стенами, хотя нередко фантастического характера, но, тем не менее, дающие возможность сделать кой-какие догадки о действительном виде стен.

Размер площади Кремля был несколько меньше занимаемой кирпичным Кремлем XV-го века, так как новые стены строились всегда с наружной стороны старых, дабы не оставлять город без защиты, и только при окончании новых старые разбирались. Белокаменный Кремль был, несомненно, значительно больше деревянного в сторону посада и, вероятно, совпадал восточной границей с линией современной нам стены Иоанна III-го.

На демонстрируемой картине мною взят со стороны Москвы-реки юго-западный угол Кремля с башнями: угловой круглой и Боровицкой воротной с подъемным мостом пред ней. На первом плане, как и на картине деревянного Кремля Ивана Калиты, изображены общественные бани с характерными журавцами для подъема воды. Впереди бань — судовая пристань. За банями по направлению к Боровицким воротам — торговый ряд под общей «повестью» или крышей. За стеной видна: деревянная церковь Рождества Иоанна Предтечи, а на взлобьи кремлевского холма — церковь «Спаса на бору».

Угловой круглой башней закрыты: княжий терем, Успенский собор и церковь Иоанна Лествичника¹⁷⁰. Направо от башни виден Архангельский собор и прилегающие строения, спускающиеся по скату холма на подол Кремля. Вид деревянных зданий внутри его несколько иной, чем на предыдущей картине, изображающей деревянный Кремль, по причине пожара 1343, изменившего вид города. Взято время перед нашествием Тохтамыша. На ладьях и парусных судах население Коломны, Рязани и других местностей на юге от Москвы спешит укрыться «в осадное сидение» под защиту крепких каменных стен Кремля. Стены укрепляются по верху деревянными «заборами» (забралами) в защиту от татарских стрел, тучами пускаемых в осажденный город; стрелы были отравленные*. Время дня — к вечеру, август месяц. Кремль рисуется на фоне кумулюсов¹⁷¹ отдаленных гроз, символизируя для Москвы приближающуюся грозу татарских полчищ.

В дополнение к настоящему докладу считаю не лишним указать на следующее. Фундаментальное строительство началось постройками из белого камня, материала, находящегося под Москвой. Многие города, как то: Одесса, Симферополь, Париж и друг[ие], построены из материала, лежащего непосредственно под городом. Первые огнеупорные здания XIV века построены Иваном Калитой из белого камня, стены Димитрия Донского и стены Белого города XVI-го века** построены из того же материала — все говорит за то, что «дары природы» в виде

* Моя картина, изображающая внутренности Кремля во время осады Тохтамыша, находится в Костромском музее.

** Остатки белокаменной стены недавно открыты на месте воротной башни Берсеневских ворот на берегу Москвы-реки (См. статью А.М. Васнецова «Остатки Берсеневской воротной башни Белого города» в наст. сборнике (*сост.*)).

геологических напластований известняка всегда могут служить на культурные потребности человека, доставляя даровой строительный материал. Почему бы и нам москвичам XX-го века не вспомнить старину и не обратиться к забытым «дарам природы» и не применить мячковский камень для построек. В виду невероятной дороговизны топлива и рабочих рук, когда каждый кирпич обходится в 500.000 рублей, следовало бы городскому хозяйству Москвы обратить внимание на такую ненормальность и воспользоваться даровым строительным материалом, мячковским камнем¹⁷², простым, удобным для пилки и тески, чему основательным доказательством служит Успенский собор, простоявший четыре с половиной века. Удобный и дешевый путь доставки материала по Москве-реке (28 верст) в любую часть города, расположенную неподалеку от реки, все говорит за то, что пора серьезно взглянуть на необходимость снова прибегнуть к дешевому строительному материалу, находящемуся под Москвой, и современная задача архитекторов и инженеров должна решить этот вопрос наиболее просто и скоро.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ В архивных деле и описи указана другая дата — 10 февраля; в этот день заседаний Комиссии не было.
- ² Храм не сохранился.
- ³ Гонт — кровельный материал из древесных пород; короткая дощечка с заостренным концом; применялся для покрытия криволинейных поверхностей, шатров и других форм кровли.
- ⁴ Адам Олеарий, математик, антикварий, придворный советник герцога Шлезвиг-Гольштинского; был в Москве в 1633–1634, 1635–1636 гг., оставил записки.
- ⁵ Эрик Пальмквист, швед, участник посольства 1673 г., специалист по фортификации, выполнял неофициальную разведывательную миссию посольства в России, сделал зарисовки планов, карт городов и комментарии к ним — альбом «Заметки о России» 1674 г. (См.: Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году = *Några Observationer Angående Ryssland = Some Observations Concerning Russia*: [альбом] / [Государственный архив Швеции, Институт славистики Стокгольмского университета, С.-Петербург. Институт истории РАН. — М., 2012. — 340 с.).
- ⁶ Августин фон Мейерберг, барон, австрийский дипломат, глава австрийского посольства в Москве в 1661–1662 гг., оставил записки.
- ⁷ Деревянные крепостные сооружения Якутского острога не сохранились.
- ⁸ Итальянские зодчие, приглашенные московским великим князем Иваном III в конце XV — начале XVI в. для строительства кремлевских стен и соборов.
- ⁹ V Всероссийский съезд зодчих проходил в Москве в 1913 г. Материалы выставки отражены в изданном каталоге (См.: Каталог исторической выставки архитектуры при V Всероссийском съезде зодчих в Москве 1913 г. — М., 1914. — 61 с.).
- ¹⁰ В конце XV в. великокняжеский двор и дворец в Кремле были защищены дополнительной стеной с воротами, в 1630-е гг. при постройке нового Теремного дворца ворота были увенчаны надвратной башней, получили название Колымажных (по близстоящей Колымажной палате Конюшенного приказа); с XVIII в. Гербовые — по изразцовому декору башни с изображением гербов областей Русского государства; не сохранились.
- ¹¹ Не существуют.

- ¹² Храм Рождества Иоанна Предтечи в Кремле — древнейший в Москве. Разобран в 1847 г., престол перенесен в Боровицкую башню; не сохранился.
- ¹³ Голубинский Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. — Т. 2, первая половина: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно / изд. Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1900. — С. 136–138.
- ¹⁴ Сигизмунд Герберштейн, словенец, посол, был в Москве в 1516–1517, 1525–1526 гг., оставил записки.
- ¹⁵ Голубинский Е. История Русской Церкви. Период второй... — С. 150–151.
- ¹⁶ Гедимин — в 1316–1341 гг. великий князь Литовский.
- ¹⁷ Ссылка требует уточнения: Голубинский Е. История Русской Церкви. Период второй... — С. 152–153, 155 (у Е. Голубинского кратко описывается лишь сюжеты, связанные с восставшим в Твери в 1327 г. и его последствиями, но не упоминается судьба тверского князя после 1335 г.); Русская летопись по Никоновскому списку / изд. под смотрением Императорской Академии Наук. — Ч. III. — СПб., 1786. — С. 153–169; Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцева. — Т. 1. — СПб., 1896. — С. 130–131 (именно в словаре, а не в летописном тексте описывается смерть Александра Михайловича Тверского и его сына, когда их «розняли по суставам»).
- ¹⁸ Храм ныне не действует, находится в составе Музеев Московского Кремля.
- ¹⁹ Монастырь не сохранился.
- ²⁰ Храм не сохранился.
- ²¹ Не сохранился. Малый Кремлевский (Малый Николаевский — с 1830-х гг.) дворец — императорская резиденция в московском Кремле до постройки Большого Кремлевского дворца в 1850-е гг. Находился на углу Ивановской пл. и ул. Спасской в соседстве с Чудовым и Вознесенским монастырями; здание снесено в 1929 г.
- ²² Константино-Еленинская башня утратила функцию проездной в конце XVII в., ее ворота заложены; Никольская башня проездная, однако в этом качестве ныне не используется.
- ²³ В Зарядье — не сохранился, уничтожен при строительстве гостиницы «Россия» (ныне также снесенной).
- ²⁴ Космодемьянские ворота были заложены в конце XVII в.; Китайгородская стена разобрана в 1935 г., однако участок вдоль нынешнего Китайгородского проезда (где и находились ворота) сохранялся до 1950-х гг., но также был разобран (ныне здесь воссоздан фрагмент стены).
- ²⁵ Серебрянские (Серебрянические) торговые бани — не сохранились; на их месте — здание богадельни начала XX в. (Серебрянический пер., д. 15/17); находились в районе средневековой ремесленной слободы мастеров серебряного дела (Старые Серебряники), память о которой сохраняется в нескольких топонимах (переулок, набережная, храм Троицы в Серебрениках) — ныне в Таганском районе Центрального административного округа г. Москвы.
- ²⁶ Белый строительный камень добывался в районе сел Верхнее и Нижнее Мячково (ныне Раменский р-н, Московская обл.), расположенных по берегам Москвы-реки при впадении в нее р. Пахры.
- ²⁷ Видимо, речь идет об издании: Достопамятности Москвы, изданные Корнилием Тромониным. — М., 1843. — 128 с., 66 л.
- ²⁸ В архивных описи и деле дана датировка 1920-е гг.; в протоколе №75 от 15 июня 1919 г. доклад не упомянут, в тексте доклада, отложившемся в архиве, точной датировки нет, но имеется авторская пометка — «15 июня»; приняв во внимание это, а также и то, что на предыдущем заседании (протокол №74 от 25 мая 1919 г.) прозвучал доклад П.Н. Миллера «К.Я. Тромонин» (А.М. Васнецов выступал в прениях), публикаторы сочли возможным датировать настоящий доклад 15 июня 1919 г.

- 29 Место заседания в протоколе не указано; можно предположить, что оно прошло в Доме МАО на Берсеневке, поскольку все остальные летние заседания 1919 г. прошли именно там.
- 30 Петр Фрязин (Петрок Малый; первая половина XVI в.), возможно — Петр Франческо ди Аннибале, итальянский зодчий, работавший в Москве при Василии III.
- 31 Храм не действующий.
- 32 В архивных деле и описи дана неверная датировка — 1920-е гг.
- 33 Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. — М., 1874. — 216 с.
- 34 Стены Белого города не сохранились, разобраны в середине — второй половине XVIII в. (один из фрагментов кладки стены выявлен и сохранен как археологический памятник на Хохловской пл. у Покровских ворот). Всехсвятские (Берсеневские) ворота находились примерно там, где ныне ул. Ленинка выходит к набережной Москвы-реки; Москворецкие (Водяные) ворота Китайгородской стены разобраны в 1810-е гг.
- 35 Гравюра П. Пикара «Российская столица Москва» (также упоминается как «Вид Москвы от Каменного моста до Швивой горки»).
- 36 С. Герберштейн составил «Записки о московитских делах» с планом Москвы (возможно, составленным по памяти), план опубликован во 2-м издании «Записок» в 1556 г. в Базеле. Это первый печатный план Москвы.
- 37 Плашкоут — одна из разновидностей плоскодонного несамоходного грузового судна с малой осадкой.
- 38 Р. Пресня ныне в коллекторе, Горбатый мост сохранился, является достопримечательностью (ныне — над сухим старым руслом реки) — у Дома Правительства, у пересечения Б. Десятинского пер. и ул. Конюшковской.
- 39 План опубликован в 1638 г. в составе книги «Всемирная архонтология», издававшейся с 1628 г. художником, гравером М. Мерианом и его наследниками на основе книги французского историка и географа П. д'Авити в переводе И.Л. Готфрида (См.: *Драницына Е. С. Планы городов. Москва // Виртуальные выставки РНБ. Россия на картах: из фондов отдела картографии РНБ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://expositions.rnlib.ru/ve/RA8139/gossiya-na-kartakh>).*
- 40 Ныне в коллекторе.
- 41 Возведение башни относят к концу XV — началу XVI в. — периоду строительства новых кремлевских стен и прочих фортификационных сооружений вокруг Кремля.
- 42 Существует как археологический памятник в составе подземного Музея археологии Москвы (входит в объединение «Музей Москвы»). Музей создан в 1997 г. по результатам раскопок 1990-х гг. под руководством А.Г. Векслера (в том числе были обнаружены сохранившиеся каменные устой Воскресенского моста)
- 43 Не существует.
- 44 Мосты не сохранились; ров вдоль кремлевской стены (Алевизов ров) существовал с 1508 г. до 1810-х гг. — проложен в ходе строительства новых стен Кремля и фортификационных сооружений, засыпан в ходе работ по восстановлению Москвы после пожара 1812 г., реконструкции ее планировки и застройки; проходил вдоль восточной стороны Кремля от Арсенальной до Москворецкой башни.
- 45 Алоизио да Карезано; да Каркано (конец XV—XVI в.), итальянский инженер и архитектор из Пьемонта, с 1494 г. возглавлявший в Москве строительство в Кремле, осуществивший, в том числе, гидротехнические работы на р. Неглинной, оборудование рва перед восточной стеной Кремля (вдоль современной Красной пл.).
- 46 На его месте — здание Государственного Исторического музея.
- 47 Блоки-векши — устройства для подъема крупных строительных материалов.

- 48 Василий Григорьевич Рубан (1742–1795), писатель, переводчик, издатель, автор путеводителя по Москве (См.: Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе звание государских ворот, казенных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов и рынков, фабрик, заводов и прочее / собр. и изд. в свет для удовольствия общества издателем Описания Санкт-Петербурга г.н.с. В.Г. Рубаном. — СПб., 1782. — 159 с.).
- 49 Суконный двор в Замоскворечье — не сохранился.
- 50 Винно-Соляной двор в Замоскворечье — не сохранился.
- 51 Часовня свт. Николая — не сохранилась.
- 52 Понте-Веккьо — старейший мост во Флоренции на р. Арно, построенный в середине XIV в.
- 53 Кружечный двор, кабак.
- 54 Красный товар — высококачественная, хорошо выделанная кожа.
- 55 Первые сочинения о Ваньке-Каине появились в XVIII в. Возможно, А.М. Васнецов делает отсылку к роману М. Комарова «Обстоятельная и верная история двух мошенников: первого — российского славного вора Ваньки-Каина, со всеми его сысками, забавными разными его песнями и портретом его; второго — французского мошенника Картуша и его сотоварищей» (СПб., 1779) или к лубочным повестям, выходившим во второй половине XIX в. — «История известного пройдохи Ваньки-Каина и постигшего его наказания» (М., 1852; 1870).
- 56 Часовня не сохранилась.
- 57 Московская рентерея — выполняла функции казначейства при Московской Штатс-Конторе.
- 58 Приказ общественного призрения — учреждение, возникшее в ходе реформы 1775 г.; ведал народными школами, богадельнями, приютами, больницами, госпиталями, тюрьмами.
- 59 *Снегирев И.М.* Всесвятский Каменный мост в Москве // Русские достопамятности / изд. А. Мартынова. — Т. 1. — М., 1977. — С. 20.
- 60 В протоколе №94 от 20 января 1921 г. данный доклад не упомянут; текст доклада, отложившийся в архиве (К. 40. Д. 53), никаких датировок не имеет. Публикаторами доклад помещен в настоящий сборник на основании сведений самого А.М. Васнецова из его доклада «Альбом автолитографий “Древняя Москва”» на 122-м заседании 6 апреля 1922 г. (см. в настоящем сборнике).
- 61 Спасский мост — от Спасской башни Кремля через Алевизов ров, шедший вдоль восточной стены Кремля от р. Неглинной к Москве-реке; деревянный мост построен при устройстве фортификационных и гидротехнических сооружений вокруг Кремля в начале XVI в., в камне выстроен в XVII в.; после пожара Москвы в 1812 г. в ходе реконструкции Красной пл. в 1814–1815 гг. ров вдоль кремлевской стены был засыпан, а мост разобран.
- 62 Цитата приведена с небольшими сокращениями (См.: *Забелин И.Е.* История города Москвы. — Ч. 1: с прил. древн. плана Кремля. — М., 1902. — С. 623).
- 63 «Великое зеркало» — переводной западноевропейский сборник небольших по объему религиозно-нравоучительных рассказов эпохи Возрождения; перевод сделан в 1670-е гг.; рукописная книга; пользовалась популярностью в России в XVII–XVIII вв.
- 64 Видимо, имеется в виду переводной западноевропейский исторический сборник «Римские деяния», в списках имевший также названия «История из Римских деяний» или «История из Римских дей»; перевод сделан в последней четверти XVII в.
- 65 «Шемякин суд» — сказочно-сатирическое сочинение; древнерусский литературный памятник XV в.
- 66 Сатирические стихи «Хождение попа Саввы» впервые были обнаружены И.Е. Забелиным; опубликованы в «Истории города Москвы...» (М., 1902. — С. 623–624). Специалисты относят время возникновения этого устного произведения к началу XVIII в.
- 67 Батырщик — работник в типографии, обслуживающий ручной печатный станок.

- 68 Цитата передана с некоторыми неточностями и сокращениями (См.: *Забелин И.Е.* История города Москвы... — С. 628).
- 69 Павел Иовий (Паоло Джовио) Новокомский, епископ города Комо, историк, географ, врач, писатель, автор «Книги о московитском посольстве» (1525 г.).
- 70 Ричард Ченслер, английский мореплаватель, был в России в 1553–1554 гг.; оставил записки.
- 71 Петр Петрей де Ерлезунда, шведский дипломат, военный комиссар при экспедиционном корпусе короля Карла XI; был в Москве в 1617 г., оставил записки.
- 72 Самуил Маскевич, польский дворянин, был в Москве во время Смуты в 1609–1612 гг., оставил дневниковые записи.
- 73 См.: Сказания современников о Дмитрие Самозванце. — Ч. 2: Маскевич и дневники. — Изд. 3-е, испр. — СПб., 1859. — С. 58.
- 74 Митральеза — многоствольное, скорострельное артиллерийское орудие (русск. — картечница) в XIX в.
- 75 Пахолки — оруженосцы при польских гусарах.
- 76 См.: Сказания современников о Дмитрие Самозванце... — С. 58–59.
- 77 См.: Там же. — С. 60.
- 78 Йенс Йенсон Стрюйс, голландский путешественник, парусный мастер на первом русском корабле «Орел» в 1669 г., пушкар в посольстве К. ван Кленка в 1675 г.; оставил записки.
- 79 Якоб Рейтенфельс, курляндец, жил в Москве в 1670–1673 гг., оставил записки.
- 80 Эрколе Зани, итальянский путешественник, в 1671–1672 гг. был в Москве, оставил записки.
- 81 Конрад ванн Кленк, голландский купец, посол Вильгельма Оранского в Москве в 1675 г.; записки оставил член его посольства Балтазар Коэйтт.
- 82 Бернгард Леопольд Франциск Таннер, чешский путешественник, был в Москве в 1678–1682 гг., оставил записки о Москве.
- 83 Не существуют. Центральные (Хлудовские) бани существовали в 1893 г. — начале 1990-х гг. Построены Г.И. Хлудовым (арх. С.С. Эйбушиц, Л.Н. Кекушев); здание сохранилось (реконструировано после пожара 1993 г.) — Театральный пр-д, д. 3 стр. 4.
- 84 Рукописный Годунов чертеж России был подготовлен, как полагают, царевичем Ф.Б. Годуновым ок. 1605 г. В 1613, затем в 1614 г. на его основе в Амстердаме картографом Г. Герритсом была издана карта, на которой сверху был помещен план Москвы (вопрос о принадлежности этого плана также Ф.Б. Годунову дискутируется).
- 85 Сигизмундов план — план Москвы 1610 г., выполненный перед походом на Москву польского короля Сигизмунда III.
- 86 Видимо, имеется в виду план «Царствующий град Москва» (Петров чертеж), отражающий реалии конца XVI в. — 1610-х гг. Изначально был отпечатан отдельным листом Г. Герритсом в 1613 г., а распространение получил благодаря 12-томному изданию голландского картографа Я. Блау (вошел во 2-й том): «Большой атлас, или Космография Блау» («Le Grand Atlas, ou Cosmographie Blaviane, en laquelle est exactement descritte la terre, la mer, et le ciel») 1667 г. (См.: *Драницына Е.С.* Планы городов. Москва...).
- 87 См.: Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия: Прилож. ко 2-му тому Записок славяно-русского отд. Археологического общества / ред. В. Ламанский. — СПб., 1861. — 111 с.
- 88 Суздальское архиерейское подворье (Спасо-Евфимьевского монастыря) занимало участок на углу ул. Рождественки и Софийки (ныне ул. Пушечная), включало здания постройки XVII в.
- 89 Храм не сохранился. Стоял напротив Пушечного двора; на месте храма — д. 5 по ул. Пушечной.
- 90 Храм Рождества Иоанна Предтечи — не сохранился, разобран в конце XVIII в.
- 91 Одворица — «усадьба или усад, все место под двором или строеньем», вятский говор (по В.И. Далю).

- 92 В архивном деле проставлена дата 15 мая; в архивной описи дело не датировано.
- 93 Воскресенский Высоцкий монастырь не сохранился; находился в начале ул. Тверской, на четной стороне; с середины XVII в. стал подворьем звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, о котором ныне напоминает здание Саввинского подворья начала XX в. (д. 6 стр. 6; в 1938 г. передвинуто вглубь от красной линии улицы, вид на него закрыт д. 6 стр. 1).
- 94 Храм не сохранился.
- 95 Вероятно, речь идет о плане Ф.Б. Годунова.
- 96 Вероятно, речь идет о Петровом чертеже, изданном в атласе Я. Блау.
- 97 Крытый мост через р. Пахру в Подольске был построен в 1864 г.; разобран в 1932 г. Ему предшествовал «живой» мост (наплавной) второй половины XVIII в.
- 98 Исаак Масса, итальянец, голландский торговый резидент в Москве, был в России в 1601–1609, 1612–1634 гг.; оставил записки.
- 99 Упоминаемые А.М. Васнецовым ворота были снесены в 1932 г.; воссозданы в 1995 г.
- 100 Храм не сохранился; открытые при раскопках его фундаменты музеефицированы.
- 101 Иверская часовня, изначально деревянная, была перестроена в камне в конце XVIII в. (арх. М.Ф. Казаков), возобновлялась после пожара 1812 г., разрушена в 1929 г., воссоздана в 1994–1995 гг.
- 102 Гимназия была учреждена одновременно с Университетом как одна из его частей в 1755 г. Первоначально гимназия, как и Университет, располагались в здании Главной аптеки (Ратуши), примыкавшем к Иверским воротам, до постройки собственного здания Университета на Моховой, окончательно университетские подразделения выехали из здания на Красной пл. в 1790-е гг.
- 103 Университетская типография была основана в 1756 г. До конца 1780-х гг. находилась, как и Университет, в здании Главной аптеки (Ратуши) у Воскресенских ворот (в литературе также есть упоминания, что она помещалась в самих воротах).
- 104 Монастырь не сохранился. Храм во имя пророка Моисея упоминается в документах в 1639 г. Точная дата основания монастыря неизвестна, впервые женская обитель при Моисеевском храме упоминается в 1676 г.; монастырь упразднен при Екатерине II в 1765 г.
- 105 *Гурьянов И.Г.* Москва или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского: В 4 ч. — Ч. 3. — М., 1831. — 416 с.
- 106 Храм Георгия на Красной Горке — не сохранился.
- 107 Храм Параскевы Пятницы в Охотном Ряду — не сохранился.
- 108 Как мост не сохранился; каменным построен в 1754–1761 гг.; в конце 1980-х гг. при земляных работах были обнаружены белокаменные основы моста, после их обследования и фиксации памятник вновь скрыт под землей.
- 109 Речь идет о палатах В.В. Голицына и палатах И.Б. Троекурова в Охотном ряду. Палаты Голицына — уникальный памятник московского барокко 1680-х гг.; в 1920-е гг. «Старая Москва» изучала палаты и вела борьбу за их сохранение; отреставрированы П.Д. Барановским; снесены полностью к началу 1930-х гг. (храм Параскевы Пятницы снесен в 1928 г.) в связи со строительством здания СТО (ныне Государственной Думы РФ). Палаты И.Б. Троекурова (Георгиевский пер., д. 4–6 стр. 2) сохранились; в 1691 г. реконструированы из более ранней постройки; реставрированы во второй половине 1950-х гг. под руководством Г.В. Алферовой; реставрацией 2018–2019 гг. искажен облик палат и изменены первоначальные объемы; входят в комплекс зданий Государственной Думы РФ.
- 110 Переулок не существует; застройка снесена, и переулок ликвидирован в 1930-е гг. при расчистке пространства между Манежем и строящейся гостиницей «Москва»; в числе прочих территорий включен в состав нынешней Манежной пл.
- 111 Над текстом есть вставка — «Кваренги», но место вставки не показано. Можно предположить, что это относится к «рисунку XVIII в.».

- ¹¹² Очевидно, речь идет о картине Ф. Я. Алексеева из собрания Государственной Третьяковской галереи «Вид на Воскресенские и Никольские ворота и Неглинный мост от Тверской улицы в Москве» 1811 г.
- ¹¹³ *Гурьянов И. Г.* Москва или Исторический путеводитель... — Ч. 2. — М., 1827. — 397 с.
- ¹¹⁴ Речь идет о гравюре «Вид ледяных гор в Москве на реке Неглинной во время сырной недели» (художник Ж. Делабарт, гравер Г. Оберкоглер), 1799 г.
- ¹¹⁵ Здание не сохранилось.
- ¹¹⁶ Речь идет о картине Ф. Я. Алексеева «Вид на Воскресенские и Никольские ворота и Неглинный мост от Тверской улицы в Москве», 1811 г.
- ¹¹⁷ *Васнецов А.* Автолитографии. — [М.]: Изд-во «Берендеи», [1922]. — 10 л.
- ¹¹⁸ Подчеркивания сделаны в оригинале протокольной записи.
- ¹¹⁹ Мост и башня не сохранились; мост дважды перестраивался; современный Б. Каменный мост по местоположению немного отодвинут от места, где находился Всесвятский мост XVII в.
- ¹²⁰ Всесвятские (Берсеневские) ворота Белого города — не сохранились.
- ¹²¹ Храм не сохранился. Указан год строительства каменного храма.
- ¹²² Запасной дворец построен в первые годы XVII в. при царе Борисе Годунове; разобран для строительства Кремлевского дворца архитектором В. И. Баженовым в 1770-е гг.
- ¹²³ Колымажные ворота — в кирпичной стене, окружавшей великокняжеский дворец Ивана III, сооруженной Алевизом Фрязиным в конце XV в.; в первой трети XVI в. ворота были увенчаны трехъярусной шатровой башней, в изразцовом декоре которой присутствовали изображения гербов земель, входивших в состав Русского государства (Гербовая башня); ворота и башня не сохранились — разобраны в 1807 г.
- ¹²⁴ Храм Рождества Богородицы на Сениях, ныне — в составе комплекса Большого Кремлевского дворца.
- ¹²⁵ Храм не сохранился — разобран в 1801 г.
- ¹²⁶ Теремной дворец — в составе комплекса Большого Кремлевского дворца.
- ¹²⁷ Царский домовый храм при Теремном дворце. Богослужения не совершаются.
- ¹²⁸ Один из древнейших храмов, третий каменный храм, построенный Иваном Калитой в 1329—1330-х гг.; неоднократно перестраивался; не сохранился.
- ¹²⁹ Не сохранилась.
- ¹³⁰ Здание приказов построено в Кремле в конце XVI в. при царе Борисе Годунове; перестраивалось в последней четверти XVII в.; разобрано при строительстве Кремлевского дворца архитектором В. И. Баженовым в 1770-е гг.
- ¹³¹ Храм не сохранился — разобран при строительстве Кремлевского дворца архитектором В. И. Баженовым в 1770-е гг.
- ¹³² В протоколе этого заседания указанный доклад не упомянут.
- ¹³³ В архивном фонде текст доклада отсутствует.
- ¹³⁴ В протоколе указанного заседания (№77) упоминание об этом докладе А. М. Васнецова отсутствует; на отложившемся в архиве тексте доклада (К. 40. Д. 51) есть карандашная запись «прочитан 18 февраля 1826 г.», чтение этого доклада на этом заседании зафиксировано и в протоколе (№94 (264)).
- ¹³⁵ Земский приказ — центральный орган управления Москвой (1560-е — 1699 гг.); позднее разделен на Старый и Новый земские дворы: Старый располагался в северной части нынешней Красной пл. у Иверских ворот, Новый — в Занеглименье близ Кутафьей башни; на месте Старого двора построили здание Бурмистерской палаты (ратуши), а в 1870-е гг. — здание Исторического музея.
- ¹³⁶ Храм не сохранился.
- ¹³⁷ Храм не сохранился.

- 138 Храм не сохранился.
- 139 Бон Фрязин (начало XVI в.), итальянский зодчий, вероятно, из рода венецианских зодчих Бонов; по приглашению Ивана III участвовал в строительстве в Кремле в начале XVI в.
- 140 Не сохранились.
- 141 Не сохранилась.
- 142 Все упомянутые постройки не сохранились.
- 143 В средневековой Москве улицы на ночь перегораживались специальными решетками, у которых дежурила стража в целях безопасности и поддержания порядка.
- 144 На средневековых крепостных стенах на разной высоте оборудовались специальные горизонтальные ярусы (бои), с которых обороняющие крепость могли обстреливать врага, в том числе при помощи артиллерии: ярусы нижнего (подошвенного), среднего и верхнего боя.
- 145 Живой, т.е. наплавной мост, соединял Замоскворечье с Великим посадом, был проложен вблизи современного Большого Москворецкого моста. Подробнее о такого рода мостах в Москве см. работу А.М. Васнецова «Мосты Москвы», опубликованную в настоящем сборнике.
- 146 Улица не имеет застройки — снесена в 1930-е — 1960-е гг. Ныне является проездом, ограниченным Москворецкой наб., съездом Большого Москворецкого моста и территорией Парка «Зарядье».
- 147 Храм не сохранился. Известен с 1514 г. до начала XVIII в.; затем на его место перенесена часовня Христа Спасителя (Всемилоостивого Спаса), бывшая за Китайгородской стеной (См.: *Паламарчук П.* Сорок сороков: в 2 т. — Т. 1: Кремль, Китай-город, Белый город. — М., 2007. — С. 126–127).
- 148 Планы г. Москвы XVII века / изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Моск. главн. архиве Министерства иностранных дел; [работа исполн. С.А. Белокуровым] // Древнерусская картография. — Вып. 1. — М., 1898. — 80 с.
- 149 Кружечный двор, кабак.
- 150 Материалы для истории, археологии и статистики... — Ч. 2. — М., 1891. — Стб. 1235.
- 151 Павел Алеппский, архидиакон, сын Антиохийского Патриарха Макария; был в Москве в 1655–1656 и 1666–1669 гг., оставил записки.
- 152 М.И. Махаев. Вид Кремля из Замоскворечья между Каменным и живым мостом к полудню. 1764 г.
- 153 Икона «Спас Вседержитель» («Спас Москворецкий»), Чудотворная, вторая четверть XVII в.; находилась в нише Москворецких (Водяных) ворот, затем — в специально построенной в 1680-е гг. часовне Всемилоостивого Спаса на ул. Москворецкой; в советское время судьба неизвестна; в 2018 г. подарена Государственному Историческому музею; в 2019 г. образ освящен; находится в Покровском соборе (См.: *Чернышева Л.* Икона «...письма удивительно-го» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blog.mediashm.ru/?p=4918>).
- 154 В архивных деле и описи указана другая дата — 19 октября 1922 г. Она соответствует протоколу заседаний Комиссии №136, но в протоколе сведений о выступлении А.М. Васнецова нет; его выступление зафиксировано в протоколе №134 от 21 сентября 1922 г. Также в архивном деле красными чернилами проставлена дата 22 октября 1918 г., однако в этот день заседаний Комиссии не было.
- 155 Конь Федор Савельев (конец XVI в.), московский зодчий, «государев мастер»; достоверно известно о строительстве им стен Белого города в Москве (1586–1592 гг.), стен Смоленского кремля (1595–1602 гг.); высказываются предположения и о других его церковных, гражданских, фортификационных постройках, в том числе в Москве.
- 156 Больше известна как свт. Николая (Николы) на Берсеневке.
- 157 Храм не сохранился, снесен при строительстве Храма Христа Спасителя в 1830-е гг.
- 158 Семиверхая — Алексеевская башня Белого города (увенчана семью шатрами), прикрывала Москву со стороны Крымского брода; разобрана вместе со стенами Белого города в XVIII в.;

располагалась на берегу Москвы-реки, примерно в районе современного Соймоновского пр-да у Храма Христа Спасителя.

- ¹⁵⁹ Ныне — Большой Каменный мост (1930-е гг.), 3-й по времени постройки на этом месте (чуть сдвинутый вниз по течению по сравнению со своими предшественниками; до постройки 1930-х гг. мост выходил на трассу ул. Ленивки).
- ¹⁶⁰ Имеется в виду Дом Московского археологического общества, где, в том числе, заседала и его Комиссия по изучению Старой Москвы — палаты Аверкия Кириллова на Берсеневке (Берсеневская наб. д. 18—20—22 стр. 3); ныне здание Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Института Наследия).
- ¹⁶¹ Музей, формировавшийся Комиссией «Старая Москва»; его создание было одной из основных задач Комиссии.
- ¹⁶² Ныне здание Государственного центрального музея современной истории России (ул. Тверская, д. 21).
- ¹⁶³ Марко Фрязин (Руффо?; конец XV в.), итальянский мастер; по приглашению Ивана III участвовал в первоначальном строительстве кремлевских стен и башен, а также палаты (1487 г.), получившей позднее название Грановитой.
- ¹⁶⁴ Антон Фрязин (Антонио Джисларди — ?; вторая половина XV в.), итальянский мастер, приглашенный Иваном III, занимавшийся строительством Кремля — его южной линии укреплений, возможно и гидротехнических сооружений. Существуют разные предположения относительно личности и биографии мастера, вероятно, был представителем знатного рода и занимал высокое положение на родине и при дворе Ивана III (См.: Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV — середины XVIII в. / отв. ред. д-р архит. И. А. Бондаренко; науч. ред. д-р искусствовед. И. Л. Бусева-Давыдова. — М., 2008. — С. 104—107).
- ¹⁶⁵ Машикули — навесные бойницы в верхних частях стен и башен средневековых укреплений.
- ¹⁶⁶ И. В. Рыльский (1876—1952), архитектор, действительный член МАО, секретарь (с 1913 г.) комиссии общества По сохранению древних памятников.
- ¹⁶⁷ В архивных деле и описи дана дата 24 декабря 1922 г.
- ¹⁶⁸ Московский коммунальный музей — с 1920 г., бывш. Музей городского хозяйства (с 1896 г.); с 1930-х гг. — Музей истории и реконструкции Москвы; ныне — Музей Москвы.
- ¹⁶⁹ Кафа — древнее название Феодосии; Сурож — древнее название Судака.
- ¹⁷⁰ Храм, построенный в 1339 г., просуществовал до начала XVI в., главный престол перенесен в комплекс колокольни Ивана Великого; как храм ныне не действует.
- ¹⁷¹ Кумулосы, от лат. *Cumulus* — «род облаков» (термин) или обозначение кучевых облаков.
- ¹⁷² Подчеркивания в тексте здесь и далее — авторские.

ВИНОГРАДОВ Николай Петрович (1873 — после 1928)

*Церковнослужитель (диакон), церковный историк Москвы и Подмосковья,
член-корреспондент МАО*

Закончил Звенигородское духовное училище (1886 г.), Вифанскую духовную семинарию (1892 г.). Диакон церкви Успения в Печатниках. В 1922 г. арестован по делу об изъятиях церковных ценностей.

Один из самых активных членов «Старой Москвы», знаток истории московских храмов. До революции принимал активное участие в деятельности Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Опубликовал в трудах этой Комиссии — «Московская церковная старина», в 1904—1911 гг. десять материалов историко-церковного характера, главным образом, статьи по истории московских церквей: Знамения на Знаменке, Троицы в Пушкинах, Успения в Печатниках, Николая в Стрелецкой, Алексия митрополита Московского на Глинцах и др. В этом же издании в 1905 г. опубликован его «Указатель изданий, журнальных статей, заметок, материалов по истории Москвы и Московской губернии», напечатанных в 1903 г., а в 1913 г. — статья «Епископы Можайские, викарии Московские». Последней его печатной книгой было издание о Вознесенской Давидовой пустыни (1915 г.).

Был секретарем, а в июне 1917—1918 гг. председателем Церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения. На заседаниях отдела сделал не менее 10 докладов по церковно-исторической тематике.

Избран в члены «Старой Москвы» на 75-м заседании 15 июня 1919 г. В 1919—1927 гг. сделал 16 самостоятельных докладов, главным образом, по истории московских храмов и об ушедших церковных историках Москвы: «О Николаевской в Кленниках церкви» (77-е засед. 14.08.1919 г.), «О Троицкой на Хохловке церкви» (82-е засед. 15.01.1920 г.), «Из истории Петропавловской в Лефортове церкви» (89-е засед. 12.08.1920 г.), «Церковь Воскресения в Барапах» (95-е засед. 17.02.1921 г.), «О Покровском соборе Покровской общины сестер милосердия в Москве» (112-е засед. 17.11.1921 г.), «Памяти [иконописца] В.П. Гурьянова» (153-е засед. 04.08.1921 г.), «Воспоминания о протоиерее И.И. Кузнецове» (123-е засед. 26.04.1923 г.), «Церковь Троицы в Никитниках» (153-е засед. 05.07.1923 г.), «О Китайгородской стене и утратах ее частей в XVIII в. по записям, оставшимся от церковного историка Н.А. Скворцова» (157-е засед. 16.08.1923 г.), «Китайгородская стена в XVII столетии по бумагам Н.А. Скворцова» (171-е засед. 17.01.1924 г.), «О работах Н.Д. Струкова по изучению московской церковной старины и работах по Москве» (176-е засед. 13.03.1924 г.), «Об убитом в 1917 г. священнике-историке Н.А. Скворцове» (188-е засед. 10.07.1924 г.), «О Китай-городе по бумагам А.Ф. Малиновского и Н.А. Скворцова» (215-е засед. 19.02.1925 г.), «Записки современника о Москов-

ском университете середины XIX столетия» (282-е засед. 29.07.1926 г.), «Об урочище “Пупыши”» (286-е засед. 26.08.1926 г.), «В Старых Панех (о Космодамиановском храме)» (331-е засед. 14.07.1927 г.).

В 1919–1928 гг. не менее 23 раз выступал в прениях по различным, главным образом, церковно-историческим темам. Считается зачинателем дела по составлению Словаря московских краеведов, был председателем созданной для этого комиссии; подготовил в 1928 г. список краеведов на букву «А». Последнее выступление Н.П. Виноградова на заседаниях «Старой Москвы» отмечено в протоколе от 29 ноября 1928 г.

О НИКОЛАЕВСКОЙ В КЛЕННИКАХ ЦЕРКВИ

*доклад на 77-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
14 августа 1919 г.¹*

(К. 41. Д. 10. Л. 1–2; архивное дело)

Рукописный текст, черные и синие чернила (встречаются фиолетовые), с правкой. Листы большеформатные, разлинованные, с полями.

Предмет доклада была небольшая, но довольно интересная по своим историческим воспоминаниям частичка, крупица города Москвы, одна ячейка, из которых составлялась тогда наша столица и о которой мы основательно забыли. Эта ячейка есть приход, конечно, с его центром, т.е. храмом во имя св. Николая в Кленниках в самом начале улицы Маросейки, на левой стороне, если идти из города. Название улицы Маросейкою произошло от Малороссийского подворья², существовавшего там, где сейчас дом Хвощинского³. Ныне она составляет часть Покровки, а в начале XVII в. она называлась также Покровкой. На левой стороне Маросейки находится храм св. Николая, которому присвоено теперь название «в Кленниках». Это название некоторые исследователи московской старины (Розанов, Беляев) производили от слова клен и говорили, что здесь была кленовая роща⁴. Между тем, здесь нет и речи о клене. Название в Кленниках или Клинниках появилось только в самом конце XVIII века, ранее же с конца XVII века (с 1690 г.) церковь называлась в Блинниках, и даже в Блинной (на пл[ане] 1739 г., Хавский «Древности»⁵), потому что в конце XVII в. в этой местности стояли блинницы. В конце XVIII в. это название не понравилось причту: не понимали ли они это слово, или оно показалось ему неблагозвучным, а, скорее всего, потому что не знал происхождения его, но причт решил его переменить на другое. И вот в клир[овых] вед[омостях] 1775 г. он пишет в Блинниках. Через три года — в Клинниках, пять лет далее — в Блинниках, один раз — даже в Пленниках, затем — в Кленниках с переменной буквы «и» на «е», с 1790 и даже до сего дня — в Кленниках⁶.

Другое название, присвоенное храму, было: «что у Покровской решетки» (1686 г.), так как близ него стояла деревянная застава или решетка, которыми обычно запирались на ночь улицы в Москве. У решеток, как известно, стояли и берегли город от пожара, воров и разбойников решеточные сторожа, которые выбирались из посадских, слободских, дворовых людей и церковнослужителей. Покровская решетка уп[оминается] в 1620 г. Покровка же получила свое название от ц[еркви] Покрова, упраздненной в 1777 г. и стоявшей там, где ныне дом Еремеевых⁷.

Храм св. Николая на улице Покровке в первый раз упоминается в документе 1620 г. (Переп. моск. дв. XVII ст. М. 18[нрзб], стр.13⁸) Есть мнение, что храм этот является преемником существовавшего еще в XV в. храма св. Симеона Дивногорца, поставленного в память избавления от пожара 23 мая 1468 г. и упоминаемого в ружной книге 1681 г. Время построения ныне существующей церкви определяется записью в выдаче антиминса 24 августа 1701 г. в новопостроенную церковь⁹. Сравнительно немного пострадавшая в майский пожар 1737 г. церковь сильно пострадала внутри в майский опустошительный пожар 1748 г., когда в ней «иконостас и св. образа, престол и жертвенник, ризы, св. иконы и книги — все погорело без остатку» (Скворцов, Материалы... 136¹⁰). В 1749 г. она была вновь отделана и освящена Гавриилом, архиеп. Устюжским. Сохранился напрестольный крест, пожертвованный в [нрзб] (погорелую? — *сост.*) церковь св. Николая. В 1812 г. церковь пострадала, сравнительно с другими московскими церквями, немного. Престолы и антиминсы остались целы, ризница почти вся цела, иконостасы не повреждены.

Интересна история приходских дворов. В начале XVII века здесь был дом кн. Елецкого, в 1631 г. проданный голландцу Давиду Николасу Рутцу, датского короля приказчику, а у него купленный русским правительством в 1666 г. «для посольского приезда» и вскоре значительно отремонтированный. На этом посольском дворе в 1675 г. производились репетиции «комедийных действ». В 1672 г. к этому двору был прикуплен двор К.П. Пущина и Немирова для приезжавших в Москву малороссиян, и, таким образом, получилось Малороссийское подворье. В 1690 г. огородная земля Рутца была дана В.О. Нарышкину, дом которого в 1700 г. был пожалован для первой в России немецкой школы или гимназии пастору Глику, тому самому, у которого жила когда-то Екатерина I, а после пожара 1708 г. был дан Иллирийскому графу Сав. Вл. Рагузинскому, от наследников которого перешедший к кн. Н.В. Кантемиру, а потом к дочери его Д.Н. Ко[нрзб]вской, а в 1826 г. — в Человеколюбивое общество. Интересны сведения и о других домах: дом Сытина, в XVIII Щербатовых, а затем Шаховской¹¹; дом Стахеева, в XVIII в. кн. Урусовых и др.

О ТРОИЦКОЙ НА ХОХЛОВКЕ ЦЕРКВИ (РЕФЕРАТ ДОКЛАДА)

*доклад на 82-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
15 января 1920 г.¹² (в Историческом музее)*

К. 41. Д. 11. Л. 1—4об.; архивное дело)

Рукописный текст (черновик), фиолетовые чернила, с правкой, вставками. Листы двухсторонние, сдвоенные, в клетку, тетрадный формат.

В докладе о «Троицкой на Хохловке церкви» референт дал историческую справку о церкви, известной с начала XVII века. Она упоминается в 1625 г., и тогда местоположение ее в документах обозначается «в Старых Садах», через 10 лет она значится уже «на Хохловке». Первое обозначение ее местоположения ясно указывает, что местность, где стояла церковь, входила в район великокняжеских садов, которые к тому времени [были] уже утратившими значение, а потому и названы «старыми», т.е. бывшими. Другое название, и поныне существующее, «на Хохловке», требует объяснения. В историко-археологической литературе мы находим два объяснения. По мнению [И.М.] Снегирева, название Хохловка (Москва, стр. 104¹³) происходит от князей Хохолковых-Ростовских, у которых здесь будто бы был дом. Это объяснение не было принято Н.П. Розановым, который, издавая 48 л[ет] тому назад «Описание московских церквей, учиненное Моск. Дух. Консistorией в 1817 г.», сделал подстрочное примечание, что тогда было бы «на Хохолкове». Само изданное Розановым описание было составлено по собранным в 1817 г. Консistorией чрез благочинных местным сведениям вследствие данного тогда епископом Дмитровским Августинном предписания. Благочинный Ивановского сорока, к которому принадлежит Троицкая на Хохловке церковь, со слов, конечно, причта, сообщил, что название это получилось, потому что «на сем месте был Посольский Малороссийский дом, когда Малороссия была еще отделена от Великороссии. Малороссияне же и ныне у простолюдинов великорусских называются в насмешку Хохлами — по хохлу, чубу на голове их» (Опис., стр. 8¹⁴). Это объяснение наиболее вероятно и наиболее приемлемо и подтверждается местными устными преданиями о существовании здесь Малороссийского двора, с указанием даже места его нахождения. Однако документальных данных, проливающих свет на историю Хохловки, пока не найдено.

По документу 1657 г. церковь на Хохловке называется уже каменной (Токмаков, Сборник материалов 8 Арх[еологического] съезда, в. 3, М. 1889, стр. 9¹⁵). Из ружной книги 1677 г. видно, что при церкви существовали приделы Сошествия св. Духа и преп. Сергия. Церковь эта пользовалась вниманием царского семейства. На поминование матери царя Михаила Федоровича, Великой Старицы Марфы сюда выдавалась руга. 20 ноября 1676 г. по указу ц[аря] Феодора

Алексеевича было приказано сделать «на Казенном Дворе ризы, камки бела травной, оплечье отласное золотное, опушка отлас черевчат, подпушка [нрзб]-желтое, подкладка крашенинная». Но 28 того же месяца была послана память, что отласов золотистых нет (Арх[ива] Оруж[ейной] пал[аты] №136¹⁶).

Была церковь эта известна и св. Патриарху.

В XVII веке в приходе жили Чириковы. В 1673 г. 4 марта Патриарх ходил сюда погребать жену Ильи Чирикова (Заб[елин] I, 489¹⁷). Эти Чириковы и были храмоздателями ныне существующей каменной церкви. По счастью, сохранилась на южной церковной наружной стене, закрытой чуланом, к ней пристроенным, надгробная надпись, в которой находим сведения, как о постройке храма, так и о личности самих храмоздателей. Надпись эта читается так: В сем месте в основании сея церковия... погребена... возлюбленного своего и избранного [нрзб] живущаго в мире сем и страхе божи... [нрзб] девственной чистоты девицы Неонилы, дщери окольникыаго Ильи Ивановича Чирикова. Божественнаго насыщася причащения Духом Святым, неуклонное возыме всегда... к нетленным уллучити желая вечную жизнь, чистое жит[нрзб] и венец имея, еже паче ума деял совершая непрестанно, читая божественное писание и не бо плоти и крови ревнованах [нрзб], но желая Христова царствия не жила есть плоти. Но Богу и Духу, им же питаюсь и кончину свою матери и сущим окрест себя про[нрзб] и помаза в дух чистым и пресветлым елеем радость преславно, дарованием множества [нрзб] дева Неонила, д[нрзб] одобрение и победа, ее же преселил Бог от мирского сего мятежа в вечный покой от сотворения мира в лето 7203 году месяца июня в 1 день в часу дня. Жития ея было в маловременном сем [нрзб] 14 лет 7 месяцев, 4 дня. А мать же ея боярыня вдова Евдокея Авраамовна, дщерь думного дворянина Авраама Микитича Лопухина, иже быть во иноцех схимонах Александр, видя, яко лишился своего чаде с великим усердием и любовию ото всего сердца своего, вдохновениям вня Духа Святого, благоволила в сию св. церковь немалы подаяние дати от сокровищ своих, которые уготовано было ей, и положи начало здания храма сего зовомо в Старых Садах на Хохловке и в приделе Пресвятыя Богородицы честная иконы Владимирская, яже начато быть строити в лето 7204 Апреля с 1 число тоя церкви при священнике Иоанне Феодорове. Читавшие, боголюбивый всяк да глаголет: Господи, девицу Неонилу упокой со Святыми Твоими во царствии небесным». Таким образом, дочь думного боярина Авраама Никитича Лопухина вдова Евдокия Авраамовна Чирикова в память своей нежно любимой малолетней дочери Неонилы, умершей на 15 году жизни и отличавшейся добродетелями и талантами, спешит построить новую каменную ныне существующую церковь Св. Троицы на Хохловке, приступив к работам с ранней весны — 1 апреля 1696 г., едва пропустив первую зиму после смерти дочери¹⁸.

В дальнейшей истории храма должно отметить след[ующие] изменения, происшедшие в XVIII и XIX вв.

В XVIII веке был построен другой придел во имя св. Димитрия Ростовского, причисленного к лику святых в 1757 г., по просьбе прихожан и свящ. Мих. Иванова. Дозволение было дано Синодальной Конторой 25 июня 1757 г. (Материал... прот. Н.А. Скворцова, стр. 131¹⁹).

Церковь страдала в майский пожар 1737 и в пожар 1748 г., во время бури в июле 1761 г.

В 1812 г. во время пребывания в Москве французов в этой церкви совершалась служба местным свящ. Петром Ивановым, имевшим на то письменное дозволение от французского начальства (Моск. еп[архиальные] вед[омости] 1871 г. №35, стр. 335). Ризница сохранилась, будучи зарыта под полом.

В 1824—1825 гг. были произведены переделки алтаря и купола. Референт сообщил также несколько интересных сведений о бывших прихожанах этой церкви (Чириковы, Лопухины, Шереметевы, Глебовы) и членах причта.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ В ЛЕФОРТОВЕ ЦЕРКВИ

*доклад на 89-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
12 августа 1920 г. (в Историческом музее)*

(К. 41. Д. 13. Л. 1—6; архивное дело)

Рукописный текст, коричневые чернила, с исправлениями и вставками, с пятнами (в том числе чернильными), мешающими прочтению. Листы двухсторонние, большеформатные с вертикальной разлиновкой, сшиты.

Лефортовская часть города Москвы получила свое название от одного из любимцев и сподвижников Петра Великого, Франца Яковлевича Лефорта. Конечно, говоря о Лефортовском храме Св. Ап. Петра и Павла нельзя обойти молчанием и личность этого человека, оставившего после себя память не только в истории русской, но и в названии целой местности московской.

Лефорт родился в Женеве в 1656 г. и происходил «от благородного и патрического поколения»*, из состоятельной и влиятельной купеческой семьи. Свою жизненную, нужно заметить, недолговременную карьеру — ибо Лефорт умер 43 лет от роду — он начал в торговле, которую скоро же заменил военной службой, а последней он остался верен до конца дней своих. Определенный сначала к торговым делам в Марсель, Лефорт самовольно поступил там в военную службу, потом уехал в Голландию, где в качестве волонтера принимал участие в военных

* Так сказано в свидетельстве, выданном ему в 1682 г. См.: *Бантыш-Каменский [Н. Н.] Обзор внешних сношений [России (по 1800 г.)]. — Ч. 2. [Германия и Италия]. — М., 1896. — С. 221.*

действиях против французов. В то время в Голландии русский посланник приглашал офицеров в русскую службу. Тогда-то и был принят Лефорт*. В 1675 г., имея 19 лет от роду, он вместе с другими прибыл на корабле в Архангельск, где и узнал о вступлении на русский престол Феодора Алексеевича (1676—1682 гг. — *сост.*). Не получая видов для проезда в Москву, он вынужден был прожить в Архангельске семь месяцев, и это время он употребил с большой для себя пользой, употребив его на изучение русского языка. Найдя случай приехать в столицу, Лефорт познакомился здесь с датским резидентом Гордоном и поступил к нему секретарем в его посольство. Вскоре после того Лефорт был принят на военную службу и получил чин капитана и роту солдат в 150 человек, с которой он и участвовал в 1677—78 и 1681 гг. в Чигиринском и Крымском походах против турок и татар, где выказал свою храбрость. Более двух лет положение его оставалось неопределенным, пока он не женился на Елизавете Сутэ, двоюродной сестре первой жены Гордона, под надзором которого он занимался укреплением Киева. По смерти Феодора Алексеевича Лефорт был представлен царям Петру и Иоанну, которым не замедлил оказать важнейшую услугу. Стрельцы под предводительством Хованского взбунтовались и посягали на жизнь царей (1682 г. — *сост.*), двор удалился в Троицкий монастырь, куда в числе набранного охранного войска явился и верный Лефорт. Хованский был казнен, стрельцы усмирены, а двор и войско долгое время оставались в монастыре. Тут Лефорт часто обучал своих солдат военным экзерцициям, и в этом занятии отрок-царь Петр Алексеевич всегда любовался на стройного и красивого капитана-иностранца. «Отважный рубака, говорун и весельчак, человек подвижного ума, увлекательный рассказчик Лефорт — по словам [Е.Ф.] Шмурло — с 1690 г. завоевал искреннюю привязанность Петра, которому был с своей стороны неизменно предан»**.

Они сблизились. Петр восхищен был умными ответами Лефорта, а потом и полюбил его наставительные беседы. Лефорт красноречиво передавал Петру о современном состоянии Европы, особенно о военном искусстве, мореплавании, торговле и художествах. Лефорт учил Петра немецкому, а особенно голландскому языкам, он же сформировал из молодых дворян роту потешных, которой сам команд[ов]ал и в которой Петр был рядовым. Эта рота послужила началом нашей гвардии. Вместе с тем Лефорт получил один за другим чины — майора, подполковника, полковника, генерал-майора, генерал-поручика. Затем был именован полковником одного из двух регулярных полков, находившихся в Москве. В то же время по повелению царя Лефарту выстроен в Москве, между Немецкою и Преображенскою сло-

* Справ[очный] Энциклопед[ический] словарь / изд. под ред. А. Старчевского. — Т. 7. [Л—Мар]. — СПб., 1853. — С. 164 (?); ([Гельбиг Г. Русские избранники и случайные люди (Тюбинген, 1809)] // Рус[ская] стар[ина]. — 1886. — №4. [О Ф. Лефорте — С. 15—21]).

** Лефорт (Е. Шмурло) // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. — Т. XVII^a. — СПб., 1896. — С. 615.

бодами, особый дворец. В громадной зале этого дворца то и дело давались обеды, балы, вечеринки, а в 1692 г. в саду его на пруде произвел маневры, представляющие морское сражение. Полк, которым командовал Лефорт, сначала размещался по частным квартирам, но потом, после увеличения своего состава стал помещаться в казармах, построенных подле дома Лефорта. Новое поселение получило название Лефортской слободы. Пользуясь большим влиянием при дворе, Лефорт не вмешивался, однако, в дела управления, которых не понимал, а был и оставался военным. Он был неизменным спутником царя в его поездках на Переславское озеро (1691–92) и Белое море (1693–94 г.), участвовал в Кожуховских маневрах (1694 г.) и обоих Азовских походах (1695 и 1696 г.). В последнюю из этих кампаний он начальствовал над нашими морскими силами. В это время он, вероятно, и получил звание адмирала. При торжественном вступлении возвращавшихся в Москву войск большой Лефорт с триумфом был везен на колеснице, сделанной в виде морской раковины, великолепно и изящно украшенной. Не без влияния Лефорта была задумана поездка Петра за границу и отправка Великого посольства (1697–1698 гг. — *сост.*) к европейским дворам «для примечания иностранных придворных обхождений». В Москву он вернулся в сентябре 1698 г., а 1 марта следующего 1699 г. Петр и Россия лишились этого знаменитого человека. Раны и усиленные труды совершенно расстроили его здоровье, кроме того, он получил гнилую горячку, которая и свела его в могилу.

Жизнь и деятельность Лефорта не осталась без внимания в науке. Лефорт имеет подробную биографию и на русском, и на иностранных языках. Кроме «Деяний Петра Великого» Голикова²⁰ и «Деяний знаменитых его полководцев»²¹, мы имеем специальное «Историческое изображение жизни и всех дел славного женева Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта, первого любимца Петра Великого, первого Российского генерал Адмирала, первого из иностранных Его министра и в советах Его президента, полковника выбранного своего имени полку, генерала выборных же пехотных войск, наместника Великого Нова-города, чрезвычайного и полномочного посла при многих Европейских дворах и сослужебника его, подобно же посветившего себя службе отечества нашего, знаменитого шотландца, войск его же величества генерала-аншефа Патрика Гордона, известного у нас под именем Петра Ивановича Гордона». В книге более 300 страниц, напечатана в Москве в 1800 г., автор ее [И.И.] Голиков.

Возникновение около дома Лефорта солдатской слободы вызвало необходимость в построении здесь особого храма. Такой храм и был построен в 1711 г., т.е. спустя целых одиннадцать лет после смерти Лефорта и был посвящен св. апостолам Петру и Павлу, чем хотели почтить имя тезоименитого царя. Храм этот имеет два описания, одно краткое [И. Ф.] Токмакова²², не имеющее значения, другое принадлежит местному священнику Озерову²³ и, во всяком

случае, заслуживает внимания. К сожалению, автор, пересмотревший, по-видимому, немало печатного материала, не знаком с материалом архивным и, кроме того, делает большую ошибку, считая 1711 год годом построения деревянного храма, а построение теперешнего каменного относя к 1771 г., ссылаясь на клировые ведомости.

В настоящем своем докладе мне и хотелось бы внести в историю храма несколько поправок и дополнений. Из документов не видно, чтобы первоначальный храм был деревянным, а строителем его — Лефорт. Скорее всего, он был построен только иждивением прихожан, к тому же Лефорт был кальвинист и к делам веры относился безразлично. Датой, устанавливающей время построения храма в Лефортове, служит надпись на существовавшем прежде, а теперь неизвестно где находящемся деревянном кресте, которая говорит: «Освятися жертвенник Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа во храме С. Верховных Апостолов Петра и Павла при державе благочестивейшего Великого Государя, Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всея России и при благоверном Царевиче и Великом Князе Алексее Петровиче, меж Патриаршеством, Преосвященными митрополита собором, что при Москве, в Новой Солдатской слободе, в Лефортовском полку, в лето 1711 г. индикта 4 месяца Июлия в 1 день». Так она читается в существующих описаниях московских церквей*. «Историческое и топогр. описание городов Моск. губ. М. 1787 г.»²⁴ говорит: «Кем построена, неизвестно, по сказыванию старых людей и в оном приходе давно живущих, сей церкви строитель был первого московского полку полковник Лефорт». «Церковь строена для показанного полку и была полковою, поныне при ней и реченный полк поселен был и назывался по полковнике Лефортовским». «Историческое известие о всех церквях столичного города Москвы», М. 1796 г.²⁵ говорит также, что «по сказанию старых людей и в том приходе давно живущих, построена вместе с приделами первого московского полку полковником Лефортом». Новейший «путеводитель по Москве», изд. под редакцией И.П. Машкова (М. 1913 г., стр. 192)²⁶ указывает год построения 1711 г., а придел св. Ирины — в 1792 г. Церковь имеет два придела: преп. Сергия и Ап. Иоанна Богослова.

Эта надпись на кресте относится не к деревянному, а ныне существующему каменному храму. В документе 1722 г. сказано, что она была каменная. «Церковь Петра и Павла, что в Лефортовской слободе каменная, поп Дмитрий Иванов. Приходских 407 дворов»**. В 1717 г. при церкви значится женская богадельня на 50 человек***. В 1722 г. при храме существовала деревянная

* Истор[ическое] и топогр[афическое] описание город[а] Моск[вы]. — М., 1787. — С. 102–103; Путев[одитель] к древ[ностям] и достопамят[ностям] московским... — Ч. IV. — М., 1793. — С. 284–285.

** Семисотлетие Москвы. 1147–1847, или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков / соч. П. Хавского. — М., 1847. — С. 157.

*** Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / собр. и изд. руководством и трудами И. Забелина. — Ч. 1. — М., 1884. — Стб. 1097. Ср. 1100.

часовня, о которой священнику не было известно ни время ее построения, ни количества сбора в ней за прежнее время, а в его время «у часовни для сбора никто не сидел»*. В 1737 г. во время большого пожара в Москве 29 мая церковь снаружи погорела**, а в Лефортовской Солдатской слободе сторело 145 дворов, 176 покоев***. После чего явилась необходимость покрыть церковь. К сентябрю 1740 г. оставалось неуплаченных 2 гильдии купцу Ив. Железникову за покрывку 52 р. 68 к. По челобитью в Лефортову слободу к церкви Св. ап. Петра и Павла для взятых тех денег и для отдачи их Железникову был послан Духовной Дикастерии²⁷ канцелярист Яков Силин, который деньги у приходских людей требовал, но «токмо оные приходские люди тех денег без указа Силину для отдачи тому купцу не дали и учинились противны». 3 сентября Духовная Дикастерия, слушав поданного доклада и сказки о том Силина, приказала: «Ко оной церкви послать из Дикастерии нарочного подьячего по инструкции, которому велено означенные деньги, взяв из наличных, взятых за проданное место бывшего попа Петра Иванова, принести в Дикастерию, а достальные, что затем явитца, отдать той церкви попу и приходским людям с распискою и о том ко имеющемуся ныне при той церкви священнику Симеону Михайлову и приходским людям послать указ»****. Конец дела неизвестен.

В моровую язву 1771 г. из 180 дворов вымерло 84, и умерли два священника Димитрий Лукин и Василий Степанов*****.

В печатном описании храма построение его относится к 1771 г. Между тем, в 1783 г., т.е. чрез 12 лет, оказалось, что «иконостас резной вызолоченный от давнего времени снизу пришел в ветхость, ибо на тумбах резьба обгнила и обвалилась, чрез что делает неблагообразие, несколько, как местных, так и прочих образов пришло в ветхость, которые от сырости красками попортились, в трапезе отопление в зимнее время от набивания дыма своды и стены закоптели, и пол находится в ветхости». Свящ. Василий Иванов просил и в мае получил дозволение «ветхость вновь исправить и вызолотить и образа, кои можно поправить, трапезу с приделами выбелить и в ней пол перемостить»*****.

В 1812 г. неприятели помещали в храме быков, которых здесь и били*****, но храм стенами, кровлею, иконостасами и иконами остался цел, утварь

* Опис[ание] док[ументов] и д[ел], хран[ящихся] в Арх[иве] Св[ятейшего] Правительствующего Синода. — Т. II. — Ч. 1. — СПб., 1879. — С. 66.

** Сворцов Н.А., *прот.* Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. — Вып. II. — М., 1914. — С. 579.

*** Чтен[ия] Общ[ества] ист[ории] и др[евностей] рос[сийских]. — 1858. — Кн. 3, 15, 43.

**** Протоколы 17 [нрзб] 3 сент.

***** Архив Моск[овской] дух[овной] консистории. Вязка дел по Петропавловской, в Лефортове ц[еркви] (ныне фонд в составе ЦГА г. Москвы — *сост.*).

***** Архив Моск[овской] дух[овной] консистории. Вязка дел по Петропавловской, в Лефортове ц[еркви].

***** Моск[овские] еп[архиальные] вед[омости]. — 1871. — №37.

церковная большая часть цела, а малая похищена. Из приходских 97 дворов 22 сгорели*.

В 1813 г. для церкви требовалось: большие и малые сосуды со всею принадлежностью, евангелие, крест, дарохранительница, дароносица, кадило, ковшечек для теплоты и копие**.

О состоянии храма и об его освящении свящ. Сергей Иванов писал епископу Августину: «Церковь наша по наружности невредима, внутри оной иконостасы и св. иконы, как в настоящей во имя св. первоверховных апостолов Петра и Павла, так и в приделе преп. Сергия, целы и престолы на своих местах, на них срачицы и одежды также целы, а в приделе св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова престол неприятелем истреблен, и со всех трех престолов св. антиминсы неприятелем похищены, и все оные церкви вхождением неприятельским осквернены, приходу же за сгорением осталось ныне в целости 70 дворов». Просил «дозволить, как настоящую Петропавловскую церковь и придельную во имя преп. Сергия освятить и св. антиминсы выдать, так и в приделе Иоанна Богослова престол вновь сделать и к оному одежду и срачицу». 7 Декабря 1812 г. последовала резолюция: «Получить антиминс и придел освятить». Антиминс выдан 10 декабря. Свящ. Сергей Иванов 17 февр. 1813 г. рапортовал епископу Августину, что придельная Сергиевская церковь им освящена***. По клировым ведомостям 1813 г. придел преп. Сергия был освящен 16 дек. 1812 г., настоящая освящена большим освящением 30 апр. 1813 г., а придел Св. Иоанна Богослова оставался неосвященным. Приходских дворов было 75, жителей муж. п[ола] 319, жен. 295, сожжено 22 двора****.

В 1819 г. оказалось, что «в настоящем храме штукатурка и лепная по местам уборка от давнего времени пришла в ветхость и составляет в храме неблагообразие. Прихожанам было желательно для лучшего благолепия стены во всем храме вновь оштукатурить и по приличным местам расписать, для большого освящения разделить окна и двери, в новой каменной ограде построить для умножения церковного дохода каменную лавку на церковную и вкладную от прихожан сумму». Разрешено 26 июня 1819 г.*****

В 1820 г. по духовному завещанию отставного штабс-капитана Сергея Михайлова, учиненному 24 апр. 1816 г., на украшение придела преп. Сергия

* Труды Церковно-Арх[еологического] отд[ела] при Общ[естве] л[юбителей] д[уховного] пр[освещения]. — Вып. 1. — М., 1911. — С. 212.

** Архив Моск[овской] д[уховной] конс[истории]. — Д. без № за 1813 г. (Ведомость, в каких церквях не достает вещей, служащих к священнослужению, составленная вследствие назначения 30 000 из пожертвованных костромским дворянством 50 000 р. на поправку церквей, разоренных неприятелем).

*** Там же. — Д. 81. 1813 г.

**** Сведения о моск. церквях, иером[онаха] Даниила // Чт[ения] в Общ[естве] л[юбителей] д[уховного] пр[освещения]. — 1883. — С. 300.

***** Архив Моск[овской] д[уховной] конс[истории]. — Д. 12. 1819 г.

было отказано восемь тысяч рублей в двух билетах Сохранной Казны и образ преп. Сергия в серебряной ризе*.

В апреле месяце 1828 г. священник Петр Федоров с причтом и церковным старостой подали след[ующее] прошение Иннокентию епископу Дмитровскому: «В Петропавловской теплой церкви необходимым признали мы поновить повредившееся от долговременности стенное писание на имеющуюся сумму от кошелевского сбора и от доброхотных дателей, не касаясь суммы от свечной прибыли». Просили: «благоволить повелеть нам означенное стенное писание поновить». Дозволение дано 12 апреля**.

В 1845 г. было подано след[ующее] прошение: «В приделах теплой церкви, устроенных во имя Иоанна Богослова и преп. Сергия, иконостасы, неоднократно возобновляемые и по возможности поддерживаемые, наконец, обветшали до невозможности возобновления, посему предполагаем устроить новые, но с некоторым изменением формы настоящих, которое состоит в выступе царских врат во храме и в отступе престолов от горнего места, что считаем необходимым, ибо углублением царских врат и приближением престолов к горнему месту так стеснены ныне алтари, что нельзя поместить в них ни утвари, необходимой для богослужения, ни запрестольных икон. С устройением новых иконостасов желаем написать и иконы новые фряжским письмом, но помещены быть имеют и из прежних те, которые окажутся твердыми и удобными к помещению по своему размеру, остальные же, твердые и писанные на досках, имеют быть размещены по простенкам храма. По недостатку света, от того что из пяти окон, показанных на фасаде церкви, два крайние устроены фальшивыми, по устройении в сих местах печей, желаем над средними окнами разделить по одному с обеих сторон храма полуциркульному окну, придерживаясь к настоящей архитектуре церкви». На это дело было пожертвовано 24 500 р. Указом Синода разрешено 4 июля 1846 г. — иконостас был по Высочайше утверждённому рисунку деревянный в два яруса, резьба и пилястры вызолочены, а гладь — лаковая белая, иконы написаны благолепно фряжским письмом, напрестольные кресты, евангелия, свящ. сосуды для одного придела устроены новые, а для другого имеются прежние. Придел Иоанна Богослова освящен 25 янв. 1848 г.***

Из примечательных событий в истории храма должно отметить небывалый по своей силе ураган, пронесшийся над Лефортовым 16 июня 1904 г. и задевший Петропавловский храм, на котором кресты или снесены, или весьма согнутые, крыша по местам была раскрыта, железные решетки погнуты, в ограде деревья повалены, в память чего установлено совершать в этой местности крестный ход****.

* Архив Моск[овской] д[уховной] конс[истории]. — Д. 59. 1820 г.

** Там же. — Д. 28. 1828 г.

*** Там же. — Д. 700. 1845 г.; Д. 934. 1847 г.

**** Исторические сведения о Лефортове и описание Петропавловского храма: Изд. юбил. (1711–1911 г.) для местных жителей / сост. диакон С. Озеров. — М., 1911. — С. 28–29.

От истории обращаясь к самому храму как зданию, должно, прежде всего, отметить его архитектуру характера XVII века*. Церковь отмечается простотой отделки и украшений. Церковь — четырехугольная о пяти главах, украшенных одним рядом кокошников по трибунам с раковидными впадинами и пояском из кирпичиков под карнизом; фронтоны в виде заостренных кокошников. Колокольня шатровая. Между храмом и колокольней — трапеза с двумя приделами. Церковь стоит на открытой возвышенной местности и производит приятное впечатление. На наружной стене храма около входа в паперть вделана надгробная надпись о погребении в 1726 г. Стефаниды Тихонова Салтановой, жены капитана Лефортовского полка Федора Акинфиевича Салтанова. При Петропавловском храме, как и при других московских храмах, существовало кладбище, которое по указу от 2 июля 1748 г. было закрыто, как находившееся на пути к Яузскому дворцу**. Внутри храма обращает на себя внимание стенопись, исполненная Калмыковым и Петенкиным. Особенно интересно изображение Пятидесятницы***.

Иконостас главного храма деревянный, позолоченный, пятиярусный времени построения, срединные резные колонны перевиты резным виноградом. Местные иконы Спасителя и Смоленской Б[ожией] М[атери] — Ушаковского характера письма. Другие иконы первого яруса: ап. Петр и Павел, Воскресение Христово, Св. Троица, Иоанн Предтеча, Николай Чуд[отворец] (записана), преп. Сергей. Во втором ярусе — 12 праздников, в третьем — Деисус и по сторонам апостолы, в четвертом — Богоматерь с Давидом, Соломоном, Аароном и пророками; в пятом — Господь Саваоф и Праотцы. Вверху — Распятие с Предстоящими. В приделах следует отметить иконы: в Богословском Николай Чуд[отворец] XVIII в. и Иоанн Богослов, в Сергиевском — Казанской Б[ожией] М[атери] (следовало бы исследовать), пр. Сергия (18 [в.]), Власия, Антипия (трех, на стене XVIII в.), в простенке — Страстной Б[ожией] М[атери] (18 в.), на левом столбе — Знамения Б[ожией] М[атери] (18 в.), вверху Господь Саваоф, внизу Афонские святые (записана). Из утвари: крест напрестольный с чернью 1799 г., другой с чернью же 1817 г., третий с финифтяными украшениями 1817 г., четвертый с изображением на финифти Тайной Вечери и Страстей Христовых 1818 г. Потир с колосьями и стразами. Евангелие 1681 г., на верхней литой серебряной доске литое изображение Спасителя в кругу и символы Евангелистов. Евангелие в окладе с финифтяными украшениями 1815 г. Евангелия 1735 г., 1764, 1805. Двенадцать книг Миней 1724 г. Требник XVII в.

* Путеводитель по Москве, изданный Московским архитектурным обществом для членов V съезда зодчих в Москве / под ред. тов. председателя Общества И.П. Машкова. — М., 1913. — С. 192.

** Сворцов Н.А., *прот.* Материалы по Москве и Московской епархии... — Вып. I. — М., 1911. — С. 145.

*** Исторические сведения о Лефортове... — С. 46.

О ПОКРОВСКОМ СОБОРЕ В ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНЕ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В МОСКВЕ

*доклад на 112-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
17 ноября 1921 г. (в Историческом музее)*

(К. 41. Д. 12. Л. 1—6; архивное дело)

Рукописный текст, черные и фиолетовые чернила, с автографом, с правкой и пометами. Листы двухсторонние, большеформатные с большими полями, сдвоенные, сшиты. Приложен рисунок фрагментов храма карандашом на клетчатой тетрадной странице с подписью Р. Б. Я. Кульпин и РБЯК.

Покровский собор в Покровской общине сестер милосердия представляет собою один из интереснейших памятников русского церковного зодчества начала XVII в., на котором останавливали свое внимание историки русского искусства. О нем говорят: [И. М.] Снегирев (в издании А. А. Мартынова «Русская Старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Тетр. [нрзб], М. 1849 г.²⁸), В. В. Суслов (Памятники древнего русского зодчества, в [ып]. 6. СПб. 1899 г.²⁹), Горностаев Ф. Ф. (в «Истории русского искусства» И. Э. Грабаря, в [ып]. 6. М. 1910—1911³⁰), Покровский Н. В. (в своей «Церковной археологии в связи с историей христианского искусства», Петр. 1916 г. стр. 180³¹). Красовский М. в своем «Очерке истории Московского периода древнерусского церковного зодчества»³² семь страниц отводит этому храму (М. 1911 г., стр. 258—264). Покойный прот. Н. И. Соколов, полвека прослуживший при этом Покровском соборе, посвятил ему целую диссертацию, представленную в Московский Археологический институт, и получивший за нее золотую медаль. Автор собрался напечатать свой труд, приготовил клише и умер, не успев исполнить своего намерения. Помянем добрым словом покойного, который работал над своим предметом с необыкновенною любовью и усердием, кропотливо и настойчиво собирая материалы печатные, а архивные писал добросовестно и обстоятельно.

Покровский собор освящен 26 октября 1626 года. Он построен из двенадцатифунтовых красных кирпичей, поставлен на подклет, образуя тем двухэтажное здание. Главная и центральная часть представляет собою квадрат, длиною и шириною по 17 арш., к которому с востока пристроен алтарь с тремя абсидами, по обеим сторонам алтаря — два придела: св. Димитрия Царевича и преп. Сергия, к которым примыкает галерея с трех сторон — юга, запада и севера, окружающая эту центральную часть. По плану эта церковь похожа на церковь в селе Вяземах, отличаясь от последней тем, что не имеет столбов. Храм Покрова, — говорит Горностаев, — представляет собою «вполне развитой бесстолпный храм» (Грабарь. Ист. Рус. Иск., VI, 122). «Рассматривая разрез самого храма, — говорит Красовский, — мы видим в нем совершенно новый, еще

не встречавшийся [нам] в московском зодчестве, прием конструкции перекрытия. ...Главный квадрат церкви покрыт сомкнутым сводом с четырьмя сферическими распалубками, сходящимися у отверстия шеи главы». Такой прием Красовский называет «в высшей степени красивым и очень смелым, в особенности, если принять во внимание величину покрываемого сводом пространства, — сторона квадрата главной части церкви превышает четыре сажени. Производимое сводом эффектное впечатление усиливалось прежде открытым верхом»³³, который, равно как и окна в нем, в 20-х годах XIX столетия при устройстве духового отопления были заложены, что принесло немалый ущерб тому впечатлению, которое производит рассматриваемый нами памятник.

Устройство указанных распалубков преследовало не одни только художественные цели. Они были необходимы, иначе бы в свод врезались бы верхи оконных ниш, поднимающихся выше пят свода.

Во внутреннем виде храма, прежде всего, останавливает внимание устройство верха, составленного из четырех рядов закомар — кокошников, поставленных по своду, постепенно уменьшающихся по мере возвышения свода. Они расположены так, что нижний ряд как бы увенчивает стену, выходя из нее, это — «настенный ряд», другие три расположены по окружности, служа основанием шеи главы. Круглая кирпичная шея главы возвышается среди верхнего ряда кокошников, как бы покаясь на них. В ней четыре узких окна, обрамленных полуколонками с двумя висячими арочками вверху. Верх шеи украшен двумя рядами валиков, над верхним валиком — кирпичный карниз из выступающих кронштейнов. На шее высится шлемовидная глава, украшенная красивым сквозным подзором, богатого рисунка. Такая картина художественного покрытия церкви производила на И. М. Снегирева впечатление голгофы с возвышающимся на ней крестом. Подобная же церковь, но поставленная на подклете, имеется в Донском монастыре и построена в 1592 г.³⁴

Храм окружает, как сказано, с трех сторон двухэтажная, прежде открытая галерея с 11 пролетами (пять с западной стороны и по три с остальных трех) и 10 столбами (два по углам, четыре на западной стороне и по два на остальных двух). В половине XVIII в. галерея заложена, причем, в каждом пролете устроено по одному окну, а в одном из западных устроен выход в галерею. Столбы украшены филенками, внизу шире, вверху — уже. В середине, как бы разделяя между собою два этажа галереи, идет каменная ширинка в один аршин вышиною, в виде тройных рамок, придающих всему зданию красоту. В глаза бросается, что ряд ширинок прерывается на южной стене, в пролете между двумя столбами, ближе к юго-западному углу. На этом месте до 1787 г. существовал главный вход в храм с крыльцом на ползучих арках, длиною 9 аршин, шириною 6, с площадкой и 13 ступенями. Близ крыльца пролегал проезжая дорога, постоянная езда наносила вред крыльцу, почему ежегодно, как в 1726 г. доносит протопоп Назарий Сергиев, приходилось делать починку. В 1746 г. своды на лестнице были весьма

ветхи. На них появились великие расселины, и они отстали от паперти, так что ходить по лестнице стало опасно. По состоянию крыльца, устроенного в таком неудобном месте и, кроме того, не по церковному чиноположению (т.е. не с запада) вызван вопрос о его уничтожении, что и было сделано в марте 1787 г., а вход устроен в среднем пролете западной стены.

Колокольни не было, а над прежними входными дверями свех кровли существовала звонница псковского типа — три кирпичных столба в один ряд, скрепленных брусчатым железом, на котором в 1787 г. висело 9 колоколов, покрыта была жестью, на верху ее — два креста железных. В марте 1787 г. по ветхости звонница была сломана. Шесть колоколов спущены на землю, а три небольших повешены над папертью, но, как и в каком месте, из документов не видно. Ныне существующая на западной стороне колокольня построена в XIX в. Можно, кстати, отметить, что предположение Красовского («вероятно»), что трехстолпная звонница возвышалась над западной стеной, не оправдывается документами; не совсем вероятен и рисунок Суслова, допускавшего существование одной только входной лестницы. На северной стороне ближе к углу западной стены существовал другой вход. В описи 1764 г. сказано, что к «оной церкви приделано крыльцо деревянное» против Покровского Дворца, стоявшего на севере от храма. И. М. Снегирев предполагает, что в этот северный вход из дворца шла особая галерея. Вход уничтожен в первой четверти XIX в. Галерея в верхнем этаже имеет сводчатое перекрытие, а в нижнем крестовое. В нижнем, прежде также открытом этаже галереи была усыпальница, и стояли надгробия, уничтоженные в XVIII в. Весь нижний этаж галереи с примыкающим подклетом под приделами был обращен в палатки для соборян, а в XIX в. — в жилые помещения для причта, а потом сторожей.

Закрытая галерея, загораживая храм, значительно убивает первоначальную красоту этого интересного памятника русского зодчества начала XVII в. Наружные стены храма украшены пилястрами, хорошо и просто сработанным карнизом, который как бы лентою легко обхватывает стены и состоит из рядов кирпичей. На каждой стороне имеется по одному окну, которые прорезывают карнизы и своими несоразмерно большими масштабами портят архитектуру. Первоначальное окно, несомненно, было небольшого размера; при закладке окон барабана, подававших свет во внутренность храма, волей-неволей пришлось со стен устроить освещение путем увеличения существовавших в них окон.

В один ряд с главным алтарем и, как бы заканчивая галерею, стоят два придела, несколько выдаваясь против линии галереи, на 2 арш. 2 [ершка]. Карнизы приделов такие же, как и у главного храма. Стены каждого придела украшены тремя пилястрами, вверху заканчивающимися двумя кокошниками, расположенными в два ряда (в нижнем 8, в верхнем — 6). Верхние имеют остроконечную форму. На каждом приделе на кокошниках возвышается по одной шее с главами. Они имеют совершенно тот же характер, что и главный верх,

но архитектурное убранство их значительно беднее. На придельных шеях, несомненно, были окна, судя по оставшимся впадинам Димитриевского придела.

Посреди придельных стен, охватывая их вместе со всей восточной стеной (абсидами трех алтарей), идет очень редкий фигурный пояс, состоящий из трех положенных друг на друга кружков, из которых средний — меньшего размера, разделенных парой полуколонок и окаймленных сверху и снизу двумя полосками в один кирпич. Над этим пояском идет параллельно полоска в один кирпич. Между пилястрами — по одному окну. Алтарные абсиды разъединяются между собой пилястрами. В каждой абсиде вверху — по одному окну, небольшое оконце сделано в пилястре Сергиевского придела. У окон остались следы бывших наличников, безжалостно стесанных и счищенных. До половины XVIII в. окна были слюдяные, а потом стеклянные. Внизу в абсидах каждого из трех алтарей сделано по окну, из которых в главном — древнее, а остальные пробиты в XVIII в. при устройстве под собором палаток.

Внутреннее устройство нижнего этажа Покровского храма таково. Вход в него через дверь под галереей с северной стороны. В середине стоит квадратный столб (2х2 арш.), на который опираются крестовые своды. Все помещение темно и слабо освещается из входной двери и из оконца на юге. Прохода под главный алтарь нет, восточная стена его глухая. Под обоими приделами палатки с коробовыми сводами, на восточной стене переходящими в полукупольные. В палатки имеются отдельные входы через деревянные двери, и только непосредственно из палаток идут двери под главный алтарь. Все это помещение освещается из древнего оконца в средней абсиде. В нижнем этаже не существует трехчастного деления среднего алтаря, какое имеется вверху. Точно так же в алтаре вверху стоят две стены, отделяющие предалтарие от алтаря и ризницу от главного храма, а внизу соответствующих стен нет, и верхняя стенка, таким образом, поставлена на своды нижнего этажа.

О покрытии храма сведения имеются за XVIII в. До 1748 г. крыша на соборной церкви была крыта по закомарам белым железом, а над папертями, трапезами и над крыльцом была деревянная; между кокошниками были деревянные желоба. В 1748 г. церковь с приделами и паперть были покрыты листовым железом уже по железным стропилам и по выкованным решетинам и выкрашены зеленою краскою. При этом крыша на галерее была приподнята на шесть вершков против прежней, закрыв собою находящийся на этом месте стены валик, идущий с трех сторон (кроме восточной). Теперешнее покрытие видно на рисунке. Алтари прежде были крыты отдельно, а ныне подведены под одну общую крышу³⁵.

Самый храм из галереи имеет три входа. В западном сохранилась, по-видимому, от XVII в. двустворчатая дверь из толстых полос железа; по сторонам ее пробито две арки. Имеются еще два входа — с северной и южной сторон,

позднего, по мнению Суслова, происхождения (Памятн. Др.-рус. Зодч. В[ып]. 6. СПб, 1899. Л. 2³⁶), с чем едва ли можно согласиться.

Пол в соборе из лещадей³⁷ был несколько выше кирпичного пола галереи на два вершка, в приделах пол был деревянный и только со второй половины XIX в. в соборе и приделах — из подольского мрамора.

Каждый придел в старину представлял совершенно отдельную церковь с отдельным входом из галереи, запиравшимся замком, ключ от которого хранился у своего придельного священника, а ключи от собора хранились у протопopa. Впоследствии при закладке пролетов галереи отдельные входы были растесаны и превращены в арки.

Главный алтарь отделяется от центральной части храма сплошной стеной с тремя пролетами для дверей царских, северных и южных. В соответствии с тремя абсидами алтарь разделяется на три части, причем средняя отделяется от боковых двумя стенками, поставленными на сводах нижнего этажа. Стенки эти значительно укорочены. К восточной стене примыкает кирпичное горнее место с сопрестоліями для сидения сослужащих, покрытое сверху плитами из белого камня, несколько обрезанное для большего простора в алтаре. Главный престол сложен из кирпича, окрашен масляною темно-коричневою краской и имеет углубление для хранения св. мощей. Сергиевский престол и ныне каменный, Димитриевский — деревянный. На правой стороне от главного алтаря — особое помещение, одна часть которого занята ризницей, другая — царской моленной с особой нишей для сиденья. В ризницу ведет железная дверь со старинной решеткой, упоминаемой в 1764 г.

В XVII в. в Покровском соборе было много царских вкладов облачением и утварью, с течением времени частью переданных в Чудов монастырь, часть исчезнувших неизвестно куда и на что. Из сохранившихся памятников иконографии должно, прежде всего, отметить храмовую икону Покрова, размером 26х20 вершк., современную основанию храма. Лет десять тому назад она требовала реставрации, в таком же положении она, по-видимому, остается и теперь. Риза на ней 1871 г. Есть еще две иконы, по-видимому, современные с иконой Покрова, но сплошь записанные, требующие основательной расчистки. Это — Жив[она]чная] Троица, ныне в Димитриевском приделе, и св. Николая у Покрова на северной стене. Точно так же к XVII веку принадлежат и придельные храмовые иконы, записанные: преп. Сергия и св. Димитрия Царевича. В Димитриевском приделе должно отметить: запрестольный образ Живоносный Источник и Страстной Богоматери XVII в., местные — Спасителя [нрзб] и Богоматери [нрзб] и Тихвинской. Все они требуют подробного обследования. Интересен образ Воскресения со страстями, вклад дворцового певчего Герасима Ермолаева, в половине XVIII в. состоявшего в числе [нрзб] при церкви Воскресения. Образ этот искусно резан на кипарисе, размером 6х5 в[ершков]; на верхнем

поле его вырезано: «Року 1695 месяца октоврия 1 дня написал икону сию Алексей Феодоров сын Лозинский».

Из предметов утвари в храме имеется оловянное блюдо русского дела с надписью на поле: «Великие Государыни благородные Царевны и Великие Княжны Марии Алексиевны». Напрестольный крест, деревянный, обшитый басмою, современный основанию храма; крест-тельник; потир серебряный XVIII в.

Из предметов шитья можно отметить два покровца XVIII в., шелковые, малинового цвета, фелонь шелковой парчи красноватого цвета, интересного рисунка. Две хоругви, одна с надписью: «сия хоругвь писана в монастыре Воскресенском Нового Иерусалима лета седми тысяща двести третьяго месяцев июня и июля», и на другой стороне: «По изволению Государыни благородныя царевны и великия княжны Татианы Михайловны в селе Покровское». Другая хоругвь также XVII в. Обе давно помещены в ризницу. А года два тому назад поступили в Церковно-Археологический музей в Епархиальном доме³⁸.

К числу достопримечательностей Покровского собора должно отнести два старинных колокола с надписями, один 1626 г., на нем надпись: «Божиею милостию повелением великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, по благословению великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси и по обещанию великие государыни иноки Марфы Ивановны слит колокол к храму Покрова Пресвятыя Богородицы в село Рупцово лета 7 135 сентебря в 14 день мастер Филипп Григорьев». Отсюда видно, что колокол был слит к освящению храма. На другом, 1636 г., написано: «Божиею милостию повелением великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и благословением отца ево государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского всея Руси и по обещанию великие государыне иноки Марфы Ивановны слит колокол Покрову Пресвятыя Богородицы в село Рупцово лета 7 145 сентября в 14 д.».

Можно упомянуть, наконец, что в соборе, кроме царской моленной, было еще царское место, находившееся у западной стены между двумя арками, одно время здесь висел портрет императрицы Елизаветы Петровны. Около храма имеется кладбище, на котором есть древняя плита, разбитая, с неразборчивою надписью 1642 г.

Будучи интересным памятником археологическим, Покровский собор вместе с тем есть памятник исторический, памятник тех событий, которые случились в Москве и Московском государстве в начале XVII в.

Описанный храм стоит в древнем подмосковном селе Покровском-Рубцове. Название Рубцово, Рупцово и Рыбцово получило это селение от жителей, занимавшихся рыболовством по реке Рыбенке. В 1573—74 гг. Рубцово принадлежало Протасию Васильевичу Юрьеву, а затем составляло вотчину бояр Романовых, главным образом, цариц и царевен. После построения храма Покрова Рубцово стало именоваться Покровским. Это была дача русских царей и царской

семьи. Особенно часто здесь бывал царь Алексей Михайлович. В 1739 г. по указу императрицы Анны Иоанновны построен был каменный дворец, в котором жила Елизавета Петровна под строгим надзором то Меншикова, то Долгорукова, то Бирона. Сделавшись императрицей, Елизавета Петровна неоднократно посещала Покровское. Екатерина II из Покровского торжественно въехала в Москву 13 сент. 1762 г. На планах XVIII в. при дворце значатся свои церкви, разные сады, теплицы, службы и проч. В 1876 г. дворец перешел к Покровской общине сестер милосердия, речка Рыбинка заключена в трубу, существовавшие в Покровском пруды засыпаны.

Остался лишь Покровский собор, потерпевший некоторые изменения в своей архитектуре. Обстоятельства его построения таковы. В 1618 г. польский королевич Владислав и малороссийский гетман Конашевич Сагайдачный шли на Москву. Царь Михаил Феодорович 9 сентября собрал Земский Собор, на котором выразил свою непреклонную волю: «В Москве в осаде сидеть и с королевичем биться», сколько Бог поможет, к тому же он звал и всех русских людей. 20 сентября королевич стоял уже в Тушине. Сагайдачный появился у Донского монастыря и начал пропускать обозы свои для соединения с королевичем. Желая воспрепятствовать их соединению, русские вышли из Москвы, но, по словам летописца, на них напал ужас великий и они без бою пропустили гетмана мимо Москвы к Владиславу. К тому же на небе явилась комета, которая еще более увеличила ужас москвичей. Звезда эта имела хвост, «яко поприще»³⁹, а голова ее стояла над самой Москвой. Направление хвоста шло к землям Польской и Немецкой. В Москве это было истолковано так, что она будет взята королевичем. Поляки стояли под Москвой, русские растянули свою защиту на большое пространство от ворот Арбатских до Сретенских. Защитников было недостаточно, приглашена была немецкая пехота. И вот, из королевичевых таборов явились к царю «два французские немцы петардники» и сообщили ему, что в следующую ночь будет сделан приступ к городу. И, хотя им не поверили, но на всякий случай приняли необходимые меры. 30 сентября 1618 г. в ночь под первое число октября, т.е. на праздник Покрова Пр[есвятой] Богородицы гетман сделал нападение на Арбатский острожек, поставил к воротам его петарду, выломал, вошел в него. Русские сделали вылазку, схватились с неприятелем; поляки держались до света, но, не получая помощи от своих, отступили.

Вынужденный покинуть Москву царь удалился в Рубцово. Утром 1 октября, когда поляки уже отступили, царь вышел из своих хором, отошел саженьей 40 по направлению к местному сельскому храму св. Николая⁴⁰ и в виду этой церкви получил радостную весть о спасении Москвы. По словам церковной летописи, царь тотчас же поспешил воздать благодарение Богородице за чудесное спасение устройством в Рубцове храма в честь Покрова Пр[есвятой] Богородицы, поставленного на том месте, где была получена радостная весть. Эта первая обетная церковь, по словам [И. М.] Снегирева, была деревянная и, по принятому

обычаю, вероятно, обыденная, т.е. поставленная и освященная в одни сутки. Построенный же вместо него каменный, ныне существующий Покровский храм с двумя приделами в честь особо чтимых святых был освящен в присутствии царя и его семейства 26 октября 1626 г. Патриархом Филаретом Никитичем, причем царем и членами его семьи было дано много утвари, облачений, колокола.

ПАМЯТИ В. П. ГУРЬЯНОВА

доклад на 113-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
1 декабря 1921 г.⁴¹ (в Историческом музее)

(К. 41. Д. 17. Л. 1—3; архивное дело)

Рукописный текст, чернила и карандаш, с правкой и пометами. Листы с пятнами, на оборотах — черновые записи карандашом.

22 июля ст[арого] ст[илия]⁴² скончался член Комиссии по изучению «Старой Москвы»⁴³, известный иконописец Василий Павлович Гурьянов (род. 1867 — *сост.*). По поручению нашего Президиума сообщая это печальное известие в заседании Комиссии, я прошу позволения сказать о покойном несколько слов и глубоко сожалею, что по краткости времени не имею возможности дать о нем более подробные сведения. Я не знаю, напр[имер], точного года его рождения, не успел собрать и многих других сведений. Он умер приблизительно 50 лет, родился в известном иконописном центре — слободе Мстере Владимирской губ., здесь же он и умер, и погребен.

Первоначальное обучение иконописному делу и реставрации древних икон получил на родине. Когда и в силу каких обстоятельств переехал в Москву, мне не известно, но здесь он работал у известного иконописца-реставратора Иосифа Сем. Чирикова. С 1890 г. работал в разных музеях, любительских собраниях и храмах г. Москвы, где имел возможность по прекрасным образцам изучать древнюю иконопись, причем с наиболее выдающихся по древности и исполнению икон делал фотографические снимки и переводы. В Москве он основал иконописную мастерскую, работы которой, благодаря упорному труду и выдающейся энергии Вас. Павл., обратили на себя всеобщее внимание и заслужили лестные отзывы, награды и благодарности. Вместе с тем он приобретал старинные иконы и составил из них богатую коллекцию. В. П. (Василий Павлович — *сост.*) не был ремесленником, отлично накладывавшим краски; нет, это был ученый иконописец, самородок и талант в иконописи; он любил икону, изучал ее, приобретал нужные книги, учился, всегда учился. Он приобретал всякую новую книгу по его специальности. После него осталась довольно большая

библиотека, в которой, кроме отдельных монографий по истории церквей и монастырей, можно найти и катакомбы фон Фрикена, и Минологии греческого императора Василия II, атлас Лихачева, его же бумажные водяные знаки, изображения великокняжеской семьи на миниатюрах XI в. Кондакова, его же изображения Богоматери, издания Общества древнерусского искусства, Общ. люб[ителей] древн[ей] письм[енности], Московского археологического, труды архивных комиссий и многие другие ценные книги по иконографии, искусству и археологии. Путем такого самообразования при несомненной природной талантливости В. П. приобрел обширные и теоретические, и практические познания в своей специальности, получил обширную и заслуженную известность, работал для храмов не только в России, но и за границей, как, напр[имер], в Андреевском скиту на Афоне, в Токио, Киото, Мацуяме, на о. Сикоку, в Буэнос-Айресе, Берлине, Вене и мн. др.

Вместе с тем ему поручались ответственные работы по реставрации икон таких сокровищ древнерусского искусства, как: Троице-Сергиева Лавра, Успенский, Благовещенский и Верхо-Спасский соборы, Мироваренная палата в Москве и различные московские музеи, и по росписи возобновленных или же вновь сооруженных замечательных храмов, как то: соборы в Варшаве, Петергофе, пустынях Югско-Дорофеевской и Саровской, в монастырях Новоспасском, Знаменском, Никольском единоверческом, Страстном, Перервинском, Гуслицком и др. Неоднократно экспонировал на выставках как в России, так и за границей. В результате у него накопился громадный запас наблюдений над древними иконами, стал входить в общение с людьми науки, участвовать в их собраниях и выступать со своими докладами и печатать свои труды, в которых лишь редакция и обработка стиля принадлежит другому лицу, все же выводы, заключения, наблюдения, вся работа ученого-иконописца принадлежит В. П.

Он состоял членом многих ученых обществ. Особо близкое участие он принимал в церковно-археологическом отделе Общ. люб[ителей] дух[овного] просв[ещения], где им прочитано восемь докладов. Из них доклады об иконографии св. Алексия митр[ополита] Московского, св. Анны Кашинской и о сохранении памятников церковной старины остались ненапечатанными. В последнем он приводит ту мысль, что в семинариях должно преподавать церковную археологию, в будущих пастырях нужно воспитывать любовь к старине. Печатные труды его след[ующие].

1. «Переводы с древних икон, собранные и исполненные иконописцем и реставратором В. П. Гурьяновым». Текст А. И. Успенского. М., 1902 г. В большую четвертку⁴⁴, 121 стр. и 96 рисунков. Некоторые из изданных икон сохранили надписи, как о первоначальных заказчиках, так и о художниках (Андрей Рублев, Кирилл Уланов и др.). («Моск. церк. вед[омости]»).

2. «Владимирская икона Богоматери в московском Успенском соборе». Издание и рисунки иконописца В.П. Гурьянова. Текст А.И. Успенского. М., 1902. Большая четвертка, 16 стр. и три листа снимков.

3. «Икона Явления Божией Матери преп. Сергию, писанная на гробовой доске преподобного, сопутствовавшая войскам в русско-японской войне». М., 1907. (Из «Моск. церк. старины», т. 4, большая четвертка, 7 страниц и два рисунка). Икона — 1588 г., после войны была в 1906 г. реставрирована автором (Реферат в церк.-арх[еологическом] отделе Общ. л[юбителей] д[уховного] пр[освещения] 29 нояб. 1906 г.).

4. «Две местные иконы св. Троицы в Троицком соборе Свято-Троицко-Сергиевой Лавры и их реставрация». М., 1906. Большая четвертка. 9 стр. и 4 листа рисунков. («Моск. церков. старина», т. III, в[ып]. 2. Реферат в Церковно- археол. отделе Общ. люб. д[уховного] пр[освещения] 9 сент. 1905 г.). Отсылая интересующихся к самому труду В.П., нельзя не отметить, что произведенная им реставрация указанных икон и ее результаты обратили на себя внимание ученого мира. Проф. [Н.П.] Лихачев в своем докладе в Обществе люб[ителей] др[евней] письменности «Манера письма Андрея Рублева» уделяет почетное место.

5. «Иконы Спасителя письма Симона Ушакова». М., 1907. Большая четвертка, 7 стр. и 4 таблицы («Моск. церк. стар[ина]», т. 4. Реферат в церковно-археол. отд[еле] Общ. л[юбителей] д[уховного] пр[освещения] 14 марта 1906 г.).

6. «Сказание о блаженной великой княгине Евдокии, во инокинях Евфросинии. Выпись из лицевого царственного летописца». Издано при Моск. археолог. институте иждивением автора. М., 1907. 1+1+1+6+13+[нрзб].

7. «Лицевые святцы XVII в. Никольского Единоверческого монастыря в Москве» с 24 фототипическими таблицами. М., 1904. 6+36+24.

8. «Житие св. Николая Чудотворца. Переводы из собрания В.П. Гурьянова». М., 1902, 7 стр. текста А.И. Успенского и 16 таблиц, большая четвертка.

9. «Запрестольный крест Успенского собора, сооруженный повелением царя И[оанна] В[асильевича] Грозного, [хранящийся в Патриаршей (Синодальной) ризнице]», стр. 9 и 1 рисунок (Реферат в церковно-археол. отделе Общ. люб. д[уховного] просв. 25 янв. 1910 г. Труды церк.-археол. отдела [при Обществе любителей духовного просвещения], в[ып]. 1. М., 1911. Стр. 74—83).

10. Напечатан, но еще не выпущен в свет доклад В.П. о памятниках древнерусской иконописи в Сионском соборе г. Тифлиса (7 марта 1916 г.).

11. Кроме того, В.П. было приготовлено два издания: «Материалы по иконографии св. Алексия митр[ополита] Московского» (Реферат по этому вопросу был читан в церковно-археол. отделе Общ. л[юбителей] д[уховного] пр[освещения] 21 апр. 1915 г.).

12. Датированные иконы.

Из только что сообщенных мною кратких сведений о научной деятельности В.П. открывается, что в лице его утасла, несомненно, крупная научная сила.

Всю жизнь, особенно последние два года пред революцией, он страдал туберкулезом, но умер не от него. У него появился нарост на груди. Местные врачи признали нужным вместо операции сделать прокол, не принесший пользы. Болезнь затронула ребра. Пришлось подвергнуться операции удаления ребра, что и было сделано благополучно, и В. П. месяца полтора чувствовал себя настолько хорошо, что мечтал после Преображения (6 августа по ст. ст. — *сост.*) выписаться из больницы. Но почувствовал слабость и тихо в полном сознании отошел в вечность, трогательно простившись с семьей и окружавшими. Вот все, что я мог сообщить о В. П., т[ак] сказать, на скорую руку. Остальное прошу дополнить присутствующих.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Доклад в протоколе не упомянут, сведения о месте заседания отсутствуют. В архивных деле и описи дана датировка — до 1918 г., однако это не мотивировано ни внешними характеристиками, ни содержанием документа, к тому же в члены «Старой Москвы» Н. П. Виноградов был избран в июне 1919 г. Дата указана согласно сведениям В. Ф. Козлова (См.: *Козлов В. Ф.* Общество «Старая Москва» и культурное наследие. 1909—1930 гг.: Путеводитель по архивным материалам. — М., 2020. — С. 142).
- ² Первоначально вся трасса улицы в пределах Белого и Земляного города называлась Покровкой. С конца XVIII в. вошло в обиход и закрепилось в XIX в. название Маросейка (начальный отрезок улицы до Армянского и Старосадского пер.). С 1670-х гг. на участке, занимаемом современными строениями д. 9, располагалось Малороссийское подворье, позднее рядом с ним возникла фартина (питейное заведение) «Малороссиянка» («Малороссейка») — это название и послужило причиной возникновения топонима Маросейка (См.: *Рачинский Я. З.* Полный словарь названий... — С. 296).
- ³ На участке Малороссийского подворья со временем возник комплекс жилых и доходных домов XVIII — начала XX в., принадлежавших в разное время разным владельцам, в начале XX в. одним из домовладельцев был П. А. Хвоцинский. Высказываются предположения, что в составе дома Хвоцинского (ул. Маросейка д. 9/2 стр. 6) могут сохраняться элементы палат Малороссийского подворья. Дом является памятником регионального значения.
- ⁴ Подчеркивание в тексте — авторское.
- ⁵ Ссылка дана на: *Хавский П. В.* Древность Москвы или Указатель источников ее топографии и истории. — Изд. 2-е. — М., 1854. — С. 73.
- ⁶ П. Г. Паламарчук упоминает версию о названии «В Кленниках» в связи с чудесным явлением иконы свт. Николая в подмосковной деревне Кленники и считает ее наиболее правдоподобной. (См.: *Паламарчук П.* Сорок сороков: в 2 т. — Т. 1: Кремль, Китай-город, Белый город. — М., 2007. — С. 126—127).
- ⁷ Храм Покрова в Старых Садах не сохранился; известен с 1749 г.; на его месте — д. 2 по ул. Маросейке (См.: *Рачинский Я. З.* Полный словарь названий... — С. 407). Д. 2 по ул. Маросейке — участок городской усадьбы конца XVIII в. графини В. П. Разумовской; впоследствии комплекс перестраивался, менял владельцев — со второй половины XIX в. принадлежал купцам Еремеевым. Ныне в доме — наземный вестибюль станции метро «Китай-город».
- ⁸ Переписи московских дворов XVII столетия. — М., 1896. — 123 с.
- ⁹ В 1701 г. существующее церковное здание пострадало от пожара, было перестроено и вновь освящено; каменный храм упоминается в 1657 г. (См.: *Паламарчук П.* Сорок сороков: в 2 т. — Т. 1... — С. 188).

- ¹⁰ *Скворцов Н.А.* Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. — Вып. I. — М., 1911. — 266 с.
- ¹¹ На участке, где сейчас находится д. 7/8 по ул. Маросейке (соседний с церковью свт. Николая в Кленниках), располагался с XVIII в. дворец Шаховских; в начале XX в. участок был выкуплен Товариществом И.Д. Сытина (известного книгоиздателя), на нем возведен в 1913–1914 гг. существующий ныне дом.
- ¹² В архивных деле и описи дана неверная датировка — до 1918 г.
- ¹³ Москва. Подробное историческое и археологическое описание города / изд. А. Мартынова; текст сост. И.М. Снегиревым при сотрудничестве самого издателя. — Т. 1. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1875. — С. 110.
- ¹⁴ Описание московских церквей, учиненное Московскою консисториею в 1817 году, с показанием, когда церкви построены и от чего имеют название своей местности / Н.П. Розанов; изд. Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1875. — 44 с.
- ¹⁵ Сборник материалов для VIII-го Археологического съезда в Москве / сост. И.Ф. Токмаков: Вып. 1–9. — Вып. 3: Московская губерния и ее святыни: (история, археология и статистика). — М., 1889. — 22 с.
- ¹⁶ Ныне в составе фондов РГАДА.
- ¹⁷ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / собр. и изд. руководством и трудами И. Забелина: в 2 ч. — Ч. 1. — М., 1884. — С. 489.
- ¹⁸ Далее зачеркнут большой фрагмент текста, а в протокольной записи упоминаются сообщенные докладчиком сведения из этого текста, приведем его: «Кстати, двор наследников Лопухина существовал здесь еще в половине XVIII века, перейдя от Марии Авраамовны Долгоруковой по закладной к кн. Андрею Феод. Вяземскому, который продал кол[лежскому] ас[сessorу] Афон. Яковл. Сытину, от Сытина перешел к его сестрам Анастасии Як. Свиныной, жене [нрзб] Серг. Ив. Свинына и Фекле Як. Глебовой, жене кол. ас. Ив. Мих. Глебова, своими пожертвованиями, от которых кое-что сохранилось и до настоящего времени, принимавшим немалое участие в судьбе храма. Глебовы были давнишние хохловские прихожане, как видно из надгробных надписей о смерти членов семейства Глебовых в XVII и XVIII вв. Сестры же часть двора продали за 1000 р. гр. Сергею Бор. Шереметеву. Потом владение раздробилось, частью перешло к кн. Серг. Дим. Кантемиру, частью к наследникам ген.-майора Ив. Афон. Шипова, а также к поруч. Александру Влад. Нарбекову. В XVIII и почти до половины XIX в. в здании церкви произошли след. изменения, известные по документам. Из них, прежде всего, должно отметить постройку второго придела во имя св. Дим[итрия] Ростовского. Свящ. Михаил Иванов с прихожанами подали [нрзб]. Известие об этом священнике в указе 28 декабря 1781» (Л. Зоб.—4).
- ¹⁹ *Скворцов Н.А.* Материалы по Москве... — Вып. I. — С. 131.
- ²⁰ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 12 ч. — М., 1788–1789.
- ²¹ [*Бантыш-Каменский Д.Н.*] Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого, с портретами их. — Ч. 1. — М., 1812. (О Ф. Лефорте — С. 1–10).
- ²² Историко-статистическое и археологическое описание церкви во имя святых апостолов Петра и Павла, что в Лефортове, в Москве, и ее прихода / сост. И.Ф. Токмаков. — М., 1898. — 40 с.
- ²³ Исторические сведения о Лефортове и описание Петропавловского храма: Изд. юбил. (1711–1911 гг.) для местных жителей / сост. диакон С. Озеров. — М., 1911. — 62 с.
- ²⁴ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами, с прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквах. — М., 1787. — 272 с.

- 25 Историческое известие о всех церквях столичного города Москвы, собранное из показаний духовенства и начальства, при оных обретающегося, також с надписей и из летописей Российских... — М., 1796. — 219 с.
- 26 Путеводитель по Москве, изданный Московским архитектурным обществом для членов V съезда зодчих в Москве / под ред. тов. председателя Общества И.П. Машкова. — М., 1913. — 311 с.
- 27 Духовная дикастерия — в 1720-е — 1740-е гг. название Духовной консистории, органа епархиального управления Русской Церкви в синодальный период.
- 28 Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. А. Мартыновым; текст И.М. Снегирева. — Изд. 2-е с доп. — Год третий. — М., 1852. — С. 58–72.
- 29 Памятники древнего русского зодчества / изд. Императорской Академии художеств; сост. акад. В.В. Суслов. — Вып. 6. — СПб., 1900. — [С. 5–6].
- 30 *Грабарь И.* История Русского искусства. — Т. 2: Архитектура. История архитектуры. Допетровская эпоха. — М., 1911. — С. 120, 121, 122, 124. О Покровском храме упомянуто в разделе 6. «Бесстолпные храмы».
- 31 Церковная археология в связи с историей христианского искусства / проф. Н.В. Покровский. — Пг., 1916. — 226 с.
- 32 *Красовский Мих.* Очерк истории Московского периода древнерусского церковного зодчества (от основания Москвы до конца первой четверти XVIII в.). — М., 1911. — 432 с.
- 33 Там же. — С. 260.
- 34 Имеется в виду Малый собор Донского монастыря.
- 35 Ныне храм имеет позакомарное покрытие, алтари также покрыты каждый отдельно.
- 36 Памятники древнего русского зодчества... — [С. 6].
- 37 Лешадь — плитка, расколотый на слои, обтесанный камень, плоский прямоугольный кирпич для полов.
- 38 Епархиальный дом в Лиховом пер. (Подробнее см.: *Козлов В.Ф.* Епархиальный дом в Москве. Летопись жизни Дома и Князь-Владимирского храма. 1902–1918 гг. — М., 2015. — 716 с.).
- 39 Вероятно, это образное сравнение с древнерусской мерой пути, применявшейся для обозначения больших расстояний (от ста с лишним метров до полутора км; расстояние в день пути и др.); В.И. Даль приводит значение — «путевая мера и, вероятно, суточный переход, около 20 верст».
- 40 Храм Николая Чудотворца в Покровском существует и ныне.
- 41 В архивных деле и описи дана датировка — 1920-е гг.
- 42 В справочных сведениях о В.П. Гурьянове годом его смерти обозначен 1920 г. Однако текст сообщения Н.П. Виноградова ясно указывает на дату смерти — 4 августа (22 июля по ст. ст.) 1921 г.
- 43 В.П. Гурьянов был также членом-корреспондентом МАО с 1908 г.
- 44 Четвертка — полиграфический термин, формат печатного издания в четверть бумажного листа.

ВЫСОТСКИЙ Николай Гаврилович (1876 – ?) – ?¹

Биографических сведений о нем не обнаружено. Возможно, речь идет о богослове, писателе, архивисте (Московский архив Министерства юстиции), члене Общества истории и древностей Российских, Высоцком Николае Гавриловиче, окончившем Московскую духовную академию, имевшем в 1910-е гг. печатные труды о русских мистических сектах — хлыстах, духоборах.

Избран в члены Комиссии «Старая Москва» на 54-м заседании 6 ноября 1915 г. Дважды выступал на заседаниях «Старой Москвы» с докладами: «О пожаре Москвы 1737 г.» (61-е засед. 30.04.1916 г.), «Сыщик Семен Караулов. Из истории сыска дела на Руси в 30-е гг. XVIII века» (449-е засед. 25.10.1929 г.).

МОСКОВСКОЕ ПОЖАРНОЕ РАЗОРЕНИЕ 1737 г.²

*доклад на 61-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
30 апреля 1916 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 41. Д. 37. Л. 1–4об.; архивное дело)

Черновик в трех разных фрагментах (единого текста нет). Рукописный текст, черные и синие чернила, большая правка, зачеркивания больших фрагментов; машинописный текст, правка небольшая, но большие рукописные вставки (трудночитаемые и нечитаемые) на полях. Фрагменты текста не связаны нумерацией, не связаны структурно; отсутствует концовка текста (оборван на переносе слова). Приложены архивные документы.

Троицкий пожар Москвы, случившийся 29 мая 1737 года* — событие довольно большого исторического значения³.

Прежде всего, несомненно, он много способствовал преждевременному уничтожению «Старой Москвы». Он уничтожил ст[арую] М[оскву], благодаря чему Москва скорее, чем следовало бы ожидать, утрачивала свой прежний красочный облик. В истории внешнего устройства столицы пожар явил[ся] определенной гранью [нрзб], отделив архитектурн. формы древнерусского зодчества от новых форм строит. искусства⁴. В нем погиб один древний [нрзб], грозная стихия истребляла вещ[ественные] пам[ятники] московской старины;

* В этот день был праздник Пятидесятницы; почему и пожар обычно называется «Троицким».

но вместе с тем она же уничтожала и памятники письменности. Но самое ужасное бедствие, причиненное пожаром, заключалось в том, что огонь коснулся государственных архивных хранилищ и уничтожил этим массу древних актов и памятников письменности, имевших громадную историческую ценность. Многое из того, что и доселе остается неизвестным по истории XVI, XVII и XVIII веков, должно быть объяснено исчезновением именно в эти ужасные моменты. Таким образом, пожар повлек за собой печальные последствия не только для истории города Москвы, но и для истории вообще всей России.

Старая Москва горела часто. Но так, как она горела в 1737 году, ей приходилось гореть редко. По своему историческому значению пожар 1737 г. может быть сопоставлен⁵ в прошлом с пожаром 1626 года, а в последнее время с пожаром 1812 года. Пожар 1626 года уничтожил Московию XV и XVI вв., от пожара 1737 года, главным образом, погибала Русь XVII столетия, а пожар 1812 года истреблял и то, что еще сохранилось от XVII века, и то, что оставалось от XV и XVI столетий. Эти три пожара, разделенные между собой целыми столетиями, как бы дополняют друг друга в своей стихийной разрушительной работе. В этом обстоятельстве по справедливости должна заключаться известная доля оправдания того, почему мы так несовершенно знаем свою прошлую историю.

Казалось бы, что то значение, которое имеет пожар 1737 года, обязывало бы исследователей обратить должное внимание на это печальное событие. Но, к сожалению, до сих пор не было даже и попыток представить исчерпывающую картину московского разорения. В настоящее время имеются, в общем, крайне скудные и довольно отрывочные сведения о пожаре. Несколько строк в «Истории» С.М. Соловьева («История государства Российского» — *сост.*) и немного архивных документов, опубликованных в «Чтениях» (Общества истории и древностей российских? — *сост.*) Л.И. Ивановым, — вот, собственно, все главное, что по этому пожару можно указать в печати⁶. Между тем, в наших архивах хранится относящегося к Троицкому пожару довольно много. Без преувеличения можно сказать, что почти в каждом из древлехранилищ находятся документы, так или иначе касающиеся этого события. Нужно прежде всего собрать их воедино, тщательно обследовать, а затем уже на основании их дать картину пожарища⁷. Но главная масса их, и притом наиболее существенная, находится в Московском Архиве Министерства Юстиции⁸. Хранящиеся здесь материалы заключают в себе результаты официальных расследований о пожаре, имеющих быть подразделены на две группы: первую составляют документы, сохранившиеся в делопроизводстве Прав[ительствующего] Сената, а вторую — документы нарочито учрежденной Комиссии об этом пожаре. В основу настоящего сообщения легли документы первой группы; материалы же второй группы мы намерены сделать предметом особого доклада⁹.

Стихия сделала свое дело. И пред правительственной властью встал целый ряд вопросов, решение которых было делом неотложным.

Прежде всего, необходимо было подробно выяснить картину разрушения: нужно было точно определить, какие учреждения, купеческие лавки и обывательские дворы подверглись огню; что в них сгорело, и что осталось, какие церкви, монастыри, соборы и подворья пострадали в пламени, и как велики оказались повреждения, причиненные пожаром, и пр., пр., пр.

Далее необходимо было принять меры к тому, чтобы бедствие, произведенное стихией, не осложнилось бедствием, естественным в таких случаях, возникающим от злой воли человека, прежде всего принять экстренные меры к тому, чтобы на пепелище не было грабежей и воровского расхищения оставшегося имущества.

Наконец, нужно было выяснить причины пожара, дабы знать, не было ли здесь злого умысла.

Все эти требования власть действительно предъявила к немедленному исполнению. Но одно дело — предъявить требования, а другое — их исполнить. Выполнить их представляло задачу очень трудную и сложную. Во всяком случае, немедленный ответ на поставленные вопросы дать было нельзя. Для этого требовалось время. И, действительно, подробные сведения о пожаре собирались в течение нескольких месяцев, и только к концу августа были представлены документы (да и то не все), на основании которых можно уже было составить общую картину пожарного бедствия.

Трудность выполнения указанных выше требований немало зависела еще и от того, что в дело расследования непосредственно вмешалась центральная власть, как бы не доверявшая его местной администрации. Она вмешалась в дело с самого начала. И теперь принимала на себя чисто полицейские функции. При таком порядке вещей было естественно, что ее распоряжения запаздывали, или ее требования были преждевременны. Центральная власть, по крайней мере, на первых порах заметно нервничала, и это, конечно, отражалось на работе местной администрации.

Вероятно, м[ожет] б[ыть], такое вмешательство имело и благотворные последствия, так как это заставляло местную власть работать усиленно и по свежим следам составить картину разорения. Может быть, благодаря именно этому непосредственному вниманию к делу расследования центральной власти, мы и обязаны тем, что имеется богатый материал, на основании [нрзб] возможно исчерпывающим образом представить картину пожара.

Постараемся проследить в хронологическом порядке деятельность правительственной власти, как центральной, так и местной, при расследовании ею обстоятельств пожарного разорения 1737 г.

Старая Москва горела часто. Но так, как она горела 29 мая 1737 года, ей приходилось гореть редко. Недаром даже в официальных документах и правительственных актах пожар 1737 года называется «большим» и «великим» Московским пожаром¹⁰.

Вот общая картина пожарища, как она изображена во всеподданнейшем донесении графа Семена Андреевича Салтыкова, бывшего в то время главным-командующим в Москве. «Загорелось, — пишет он — за Боровицким мостом, на Знаменке, в приходе церкви Антипия Чудотворца, что слывет у Колымажных ворот, на дворе князя Федора Голицына, или у Александра Милославского, а подлинно ныне узнать еще до следствия не можно. В котором случае, тотчас от великого и сильного ветра и вихрев метало жестоким полымем и искрами на другие дворы и на дом, блаженной памяти, сестрицы Вашего Величества, Государыни Царевны, Екатерины Иоанновны. И той же минутой перекинуло в Кремль, и начали гореть Потешные конюшни и Потешный двор, весь дворец Вашего Императорского величества, також соборы, монастыри и подворья, и все коллегии, и канцелярии, и цейгаузы. А после того в Китае (Китай-городе — *сост.*), как ряды и гостиные дворы, так и дома и монастыри выгорели ж. Сверх же того, в улицах, начав от того двора, на котором начался пожар, горело в Белом городе через Знаменку, Арбатскую и Тверскую и по Петровке, и то только те места, которые стояли против Кремля, а не до самого Белого города; а потом перекинуло чрез Ниглинку; в Белом же городе, и, начав от Китая, даже по самый Белый город, горело по Рождественке, по Сретенке и по Яузской, кроме одного Пушечного двора; а по Мясницкой и по Покровке, как в Белом городе, так и в Земляном, горело все, и притом выгорели Новая и Старая Басманная улицы, також в Елохове, и вся Немецкая Слобода, и слободской дом Вашего Императорского Величества. А потом перекинуло на Гофшпиталь¹¹ и в Лефортовскую слободы, что все и сгорело, только мог отстоять один Вашего Императорского Величества Аннин гоф¹²».

Более подробно рисует ту же картину «Ведомость Полицеймейстерской канцелярии», составленная по рапортам офицеров полицейских команд: действию огня подверглись команды первая, вторая, седьмая, десятая и одиннадцатая. Особенно сильно пострадали [нрзб]...¹³

«От дежурного капитана и второй команды от поручика Угрюмова объявлено: что де в команде ево, сего мая 29 числа, учинился пожар на Знаменке в доме князь-Федора Голицына или у Александр Милославского, того без следствия признать не можно. И во время того пожара имелся великой ветр и вихорь. И от того загорания перекинуло во дворец, что у Боровицкого мосту; а с того дворца той же минуты кинуло в Кремль, на Житный и на Конюшенный, к Потешному дворцу; а по загорении в Кремле, загорелся Татищев двор, то с того двора перекинуло на Шиманского двор, а с Шиманского на Цейгауз. А от зачатия загорания, где сперва загорелось, в команде его горело: вверх по Неглинной, и дворы тайного советника и кавалера сенатора Александр Львовича Нарышкина, и бывший Адмиральской и Репнина дворы, и что на Тверской майора Хилкова, и мушные, и крупяные ряды, и Воскресенский мост, по Петровке — до двора майора Шепелева, а по Дмитровке — вдовы Ирины

Федоровой, дочери Шереметевой, да згорело: двор девиц Волынских, Петровское кружало¹⁴, полиция и прочее к Неглинке.

Первой команды от прапорщика Худякова объявлено: что в той ево команде, во-первых, горело: Кремль, Китай и Белый город по Неглинную и по церковь Николая Чудотворца по Рождественке и по Маслов двор, и имеющуюся на Гостине дворе селитру взорвало. И той его команды обыватели при своих домах и пожитках принуждены быть, в которое время были великие ветры и вихрь, и отнимать было не можно, отчего и сами с трудностью спаслись; а ныне нашлось на улице горелых тел шестнадцать человек; да в той же команде при заливании по пожаре усмотрено капитаном Батюшковым в Ивановском монастыре згорелых женских одиннадцать да мужеска один человек.

А в коих местах прежде загорелось, предложено реэстром. А именно: в Кремле кинуло на Житный и на Конюшенный дворы, что к Потешному двору, а с Потешного двора той же минуты кинуло на Дворцовую Канцелярию и что Ревизион-Коллегия и Статс-Контора на верхи; а с тех верхов кинуло на Горновитую (Грановитую — *сост.*) полату на кровлю, а с Горновитой полаты на Вотчинную Коллегию и на Троицкое подворье, от которого цейгауз был и отстоен. А с Вотчинной Коллегии в Китай и на Варварской крестец на двор генерала кавалера Андрея Ивановича Ушакова и на двор генерала же и кавалера Григорья Петровича Чернышова и Барятовской двор, что ныне графа Михайла Гавриловича Головкина; а в Кремле и на прочих Коллегиях, на Синоде, на Чудове горело, потом загорелось Вознесенкой монастырь, Спасская башня и библиотека, а к Никольским воротам от одного монастыря и Трубечкой двор.

Седьмой команды от капитана объявлено: что-де на означенном случившемся пожаре от Покровских ворот перекинуло на Мясницкую, в Земляной город, и горело, как Покровкою, так и по Мясницкой по обе стороны; да репортом от той же команды показано, что в Китае городе в Нижнем зарядье человек згорел.

Девятой (?— *сост.*) команды от капитана объявлено: сего де мая 29 числа был он на случившемся пожаре, и из седмой команды чрез Земляной город перекинуло и загорелось в команде ево Красныя ворота и на Житном дворе и от Покровки Старая Басманная, что у Николы в Кобильском, и горело во оной Старой и Новой Басманных слободах от Земляного города и Немецкая слобода и Лафортовский дом и Лафортовская слобода и Гофшпиталь. И горело до самого сего мая 30-го дня.

Десятой (?— *сост.*) команды от капитана объявлено: что де во время реченного пожара метало из Белого города в ево команду за Язу и загаралось; токмо до того не допущено отъемом.

Первой надесять команды от капитана объявлено: что де во время одного пожара в команде ево загорелось Каменной мост, снизу в двух местах, и переметывало чрез Белой город из Лебяжьего переулка; токмо до того не допущено отъемом».

Как видно, пожар, начавшийся в Антипьевском переулке, окончился в Лефортове [нрзб]. Огненная стихия, таким образом, шла в направлении с юго-запада на северо-восток. Теперь, пожалуй, трудно даже и представить себе, какой ад творился в этом море огня. При тех противопожарных средствах, какими располагала Москва того времени, нечего было, конечно, и думать об утишении бушевавшей стихии. Нужно было ожидать только того, что она сама остановится.

Пожар начался в 11 часу дня 29 мая и продолжался даже до четвертого часа по полуночи на 30[-е] число. «Огонь бушевал, таким образом, без малого суток». Но в некоторых зданиях, особенно каменных, «от великаго жару» горело «с трои суток».

Сила огня была настолько велика, что не было никакой возможности унять бушующую стихию. Салтыков доносил Государыне: «В таком несчастливом случае, хотя, Всемиловейшая Государыня, крайнее мое старание и радение о утишении того пожара имел, токмо ни которыми образы унять было невозможно, для того, что во время того пожара великий ветр и вихорь, и сухо было, от чего чрез дальния и разныя места бросало и загоралось, в котором случае, хотя бы несколько полков здесь было, то бы утушить было не можно». Несколько позднее в другой официальной бумаге, тот же Салтыков писал: «И в тот случай так жестоко было ветрено, что обгорелые приказные письма и неведомо откуда без рам сплюденые в жести окончины и желяные обгорелые листы находились на Купавне и на Пахре, от Москвы в тридцати верстах».

Страшное бедствие, постигшее Москву, сильно взволновало правительство. Не только местная администрация, но и центральная власть положительно были ошеломлены ужасным событием. Это и понятно. Сгорели [не?] окраины древней столицы, а ее центр; огнем были уничтожены не обывательские дворы, а правительственные учреждения с их казенным имуществом, денежной казной и многочисленными государственными актами и документами. Пожар приобретал, в собственном смысле, значение события большой государственной важности.

Пожар еще не кончился, огонь только стал заметно утихать, а гр. Салтыков уже пишет Государыне всеподданнейшее донесение, в котором «рабски» сообщает в общих чертах о сем «несчастливом случае», присовокупляя, что более под [нрзб]...¹⁵

КОММЕНТАРИИ

- ¹ В архивных деле и описи даны инициалы Н. Г., уточнить имя и отчество выступающего по документам «Старой Москвы», а также найти биографические сведения о нем не удалось. Имя и отчество — Николай Гаврилович, указаны предположительно, по косвенным данным, что требует дальнейшего уточнения.
- ² Материал, отложившийся в архиве, не является единым связным текстом, вероятно, это авторские заготовки устного доклада или материалы к докладу (статье). Смысловая или

хронологическая последовательность трех отдельных частей текста однозначно не усматриваются. В данной публикации составители сгруппировали эти три части в наиболее вероятной логической последовательности. В тексте есть вставки (отдельные фразы и целые фрагменты), которые прочесть не удалось, они опущены.

- 3 Фраза автором зачеркнута — публикуется, поскольку содержит сведения, отсутствующие в остальных фрагментах текста.
- 4 Фраза-вставка на верхнем поле страницы, место вставки не указано — помещена публикаторами в текст в наиболее подходящее, по их мнению, место.
- 5 Эта часть фразы зачеркнута, но без нее теряется смысл всего сюжета.
- 6 В 1914 г. церковным историком и краеведом протоиереем Н. А. Скворцовым были опубликованы документы архива Московской Синодальной канцелярии, касающиеся последствий пожара 1737 г. См.: *Скворцов Н.А., прот.* Архив Московской Св. Синода Канцелярии. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. — Вып. II. — М., 1914. — С. 543–585.
- 7 Фраза частями вычеркнута.
- 8 Ныне в составе фондов РГАДА.
- 9 Этот фрагмент текста (от начала) дан на Л. 2об.—2 (так проставлена архивная нумерация).
- 10 Фраза вычеркнута.
- 11 Первый военный госпиталь, учрежденный Петром I в 1706 г.; ныне Главный военный клинический госпиталь им. Н.Н.Бурденко (Госпитальная пл., д. 1–3 стр. 1).
- 12 Летний и зимний дворцы императрицы Анны Иоанновны в Лефортово; не сохранились.
- 13 Далее текст продолжается неразборчивой большой вставкой на полях.
- 14 Питейное заведение — кружечный двор, кабак.
- 15 Текст не окончен. На полях и внизу страницы — большой фрагмент-вставка, но все зачеркнуто; прочесть текст не удалось.

ГОТЬЕ (Готье-Дюфайе) Эмилий Владимирович (1863 — после 1922)

*Фотограф, общественный деятель, москвовед, коллекционер,
председатель «Старой Москвы»*

Из купеческой семьи французского происхождения; отец Владимир Иванович — известный в Москве книготорговец и владелец типографии. Эмилий Владимирович получил домашнее образование, окончил частную гимназию Э.Х. Репмана. Не состоя на службе, активно участвовал в работе благотворительных и научных общественных организаций. С 1906 г. — член-корреспондент, затем действительный член МАО, был избран казначеем. В 1918 г. эмигрировал, жил в Швейцарии.

Э.В. Готье-Дюфайе — один из 20 учредителей Комиссии «Старая Москва» в 1909 г. На 17-м заседании 14 января 1912 г. по предложению П.С. Уваровой был избран товарищем председателя Комиссии. В 1912–1917 гг. в отсутствие П.С. Уваровой под его председательством состоялось 16 заседаний (в 1912 г. — 18-е 16.02; 22-е 10.05; 23-е 04.10; 24-е 02.11; 26-е 21.12; в 1913 г. — 31-е 15.05; 32-е 19.10; в 1914 г. — 38-е 25.01; 43-е 23.04; 46-е 27.11; 47-е 12.12; в 1915 г. — 51-е 10.04; в 1916 г. — 60-е 22.03; 62-е 05.10; 65-е 20.12; в 1917 г. — 67-е 28.04).

С отъездом П.С. Уваровой из Москвы в конце 1917 г. заменил ее в качестве председателя, под его руководством прошли 3 из 4-х заседаний 1918 г.: 68-е (14.01), 69-е (04/17.02), 70-е (08/21.04).

Лишь однажды выступал с докладом «Воксал в Петровском парке» (62-е засед. 05.10.1916 г.). Однако чрезвычайно велика его роль в организации работы «Старой Москвы» в годы ее становления, в определении ее задач (по фотофиксации культурного наследия, систематизированному изучению Москвы, собиранию документальных памятников о Москве). Неоднократно выступал на заседаниях: по поводу необходимости исследования старого немецкого кладбища в Марьиной Роще (7-е засед. 13.05.1910 г.); необходимости исследования Москвы по участкам (27-е засед. 16.02.1913 г.); с демонстрацией старинных планов и гравюр Москвы (8-е засед. 05.12.1910 г.), плана Москвы 1775 г. и фотографии Рогожского кладбища 1870-х гг. (20-е засед. 05.04.1912 г.), 14 старинных планов XVIII — середины XIX в. (21-е засед. 19.04.1912 г.) — все из собственной коллекции; с демонстрацией 100 библиографических карточек книг по истории Москвы из собственной библиотеки (28-е засед. 08.03.1913 г.). Неоднократно выступал в прениях.

Значительная часть коллекции Э.В. Готье (оригинальные фотографии, гравюры, литографии, рисунки, открытки) в числе 3 тыс. ед. хранится в Российской государственной библиотеке. Особую ценность представляют 8 альбомов с 800 фотографиями памятников Москвы 1910-х гг.

ВОКСАЛ¹ В ПЕТРОВСКОМ ПАРКЕ

сообщение на 62-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
5 октября 1916 г. (в Доме МАО на Берсеневке)

(К. 1. Д. 3. Л. 109об.—111; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись сделана И.С.Беляевым.

Товарищем Председателя Комиссии Э. В. Готье было сделано сообщение о «Воксале в Петровском парке» на основании печатной заметки под таким же названием, помещенной в одном из прежних русских журналов. После устройства в 1831 г. заботами сенатора Башилова² театра в Петровском парке, здесь же 16 мая 1837 г. был открыт воксал. Пространство земли, занимаемой воксалом, равнялось 8500 сажням или 3½ десятинам. Главное воксальное здание имело 36 сажень в длину, 10 в ширину, план ему был составлен архитектором Михаилом Доримедонтовичем Быковским³, получившим вслед за тем стройку Биржевой залы в Москве (здания Биржи (1839 г.) — *сост.*), а производителем работ воксала в Петровском парке был архитектор, как сказано в заметке, «тоже обладающий вкусом и положительными сведениями в своем искусстве», Николай Ильич Козловский⁴. По окончании стройки была выпущена книжка «Об устройстве Воксала»⁵, послужившая материалом автору печатной заметки, сообщенной Э.В. Готье.

Танцевальная зала в воксале огромностию своею превосходила все существующие, кроме только Благородного собрания. Белые матовые арки числом 16, сделанные наподобие круторогой луны, окаймлены золотыми полосками в 20 свеч, в пилястрах 4 канделябра, и в потолке 15 люстр, тоже по 20 свеч в каждой, а по карнизу ряд свеч до 400. Гостиная, имея 24 арш. длины, 12 ар. ширины и 8 ар. высоты, назначается для дамских, говоря простосердечно, невинных игр. Здесь фортепиано, маленькие китайские билиарды, фортуны⁶, на столах рисунки, дамские журналы, альманахи и самые новейшие романы. В столовой, как для прихотливого гастронома, так и для обыкновенного человека, ничего не упущено в пищу, чтобы удовлетворить как первого, так и последнего. Для коммерческих же игр и для билиардов учреждены отдельные комнаты, где игра может продолжаться до 2-х часов пополуночи. Все отечественные журналы и газеты и многие иностранные получают в воксале, для них определены комнаты в верхнем этаже, чтобы шум веселящихся не мог нарушать умственного пищеварения газетных и журнальных тружеников, курить здесь не дозволяется. Мебель всегда матовая, она белая, официанты в одинаковой ливрее, обложенной басоном⁷; на пуговицах вензелевый герб воксала: лира, окруженная венком, с буквою «в» посредине; швейцар — высокий, статный, красивой наружности в длиннополом французском кафтане, с изурованной широкой перевязью, в треугольной с загнутыми полями шляпе, с огромной булавой.

При воксале устроено несколько террас, из которых с верхних видна вся Москва белокаменная с своими золотыми маковками. При воксале расположено отдельное здание, 15 саж. длиною и 10 шириною — театр, предназначенный для приезжих г.г. (господ — *сост.*) артистов, акробатов, эквилибристов и прочих мучеников гимнастики. В театре маленькое фойе, уборные комнаты для актеров, буфеты, проходные коридоры и 2 подъезда. В здании, кроме сцены, устроены ложи, кресла и даже русский раек⁸, «из которого будет торчать окладистая русская борода, и раздаваться громкий наивный хохот и шумное рукоплескание». В здании могут поместиться более 1000 человек.

Против театра возвышается воздушный цирк, занимающий в окружности 240 сажен, обнесенный снаружи дощатым забором, имеющим на верху узорную красивую решетку. Внутри цирка есть манеж, для волтижеров⁹, дающих представления в хорошие летние дни. За цирком в отдельном квадрате кегли, качели всех родов или русское гулянье. Здесь качающаяся большая лошадь, на которой можно наездиться вдоволь, дальше эластическая доска: садитесь на нее, прыгайте, и как бы вы не страдали болью в пояснице, обещаем прыгавшим на доске совершенное исцеление. Потом карусель — с лошадьми и колясочками, дающая средства пощеголять ловкостью и мужеством; за нею летние горы, построенные в готическом стиле, и на некотором расстоянии беседка с камер обскурою¹⁰, в ней можно увидеть все, что делается в воксале; далее — фонтаны, или наполненные водой бассейны, а за ними довольно обширное здание — русский трактир; здесь можно услышать звучный торбан¹¹, разыгрывающий трепака, заунывно-грустную песню: «Уж как пал туман на сине-море», и игру на органе какого-нибудь стародавнего контрданса¹² Тирольда; распить чай в самоварах, Кроновское пиво¹³ со своими разноцветными отливами; съесть янтарную уху из Шекснинских стерлядей, сочные расстегаи с молоками, поросенка молочного под хреном и пр.

Петровский парк удостоился посещения до 1831 г. императора Николая Павловича, по приказанию которого ранее воксала и был устроен летний театр, просуществовавший до 1908 г., и Петровский парк, как говорит автор заметки, «сделался любимым местопребыванием нашей древней столицы». Однако пожелание его же: «прожить свободные часы почти на воздухе, далеко за полночь, не примечая докучливой полночи и заготовить разговор на завтрашний день», вылилось впоследствии в несколько иной форме в виде современных шумных поездок на тройках за Тверскую заставу и разгула в ресторанах Петровского парка. Но его же заключение в стихах как раз нашло себе живой отклик в занятиях нашей Комиссии:

«Быть может, поздние потомки,
В журналах роясь, нас прочтут,
И быта нашего обломки
С благоговеньем соберут».

В заметке приведены некоторые сведения о существовании в Москве воксала гораздо раньше, чем был устроен Петровский воксал, именно — о воксале Медокса в Таганской части¹⁴, во 2 квартале, проезд к которому был из Чертова

переулка. Здание было 17 сажен длины и 6 ширины, из него через сад проходили в ротонду, имевшую 12 сажен в диаметре, при ротонде имелась сцена, на которой представлялись разные зрелища. После 1812 г. воксальное здание в Таганской части пришло в упадок, было уничтожено, а земля из-под воксала в количестве 7074 сажен была разделена на участки и распродана разным лицам под застройку.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Увеселительное место (сад) или помещение, где организовывались гуляния, музыкальные вечера, танцы, маскарады, музыкальные концерты, театральные представления и иные формы досуга.
- ² А. А. Башилов (1777–1847), сенатор, генерал-майор; в 1830-е гг. начальник Дворцового управления в Москве и Кремлевской экспедиции, в 1831–1832 гг. директор Комиссии для строений Москвы; разработал правила для устройства дач в Петровском парке (См.: Московская энциклопедия. — Т. 1: Лица Москвы. — Кн. 1: А–З. — М., 2007. — С. 149).
- ³ М. Д. Быковский (1801–1878), архитектор, реставратор, стоял у истоков направления эклектики в архитектуре, один из организаторов Московского училища живописи, ваяния и зодчества, основатель и председатель Московского архитектурного общества.
- ⁴ Н. И. Козловский (1791–1878), архитектор эпохи эклектики, академик Императорской Академии художеств, работал в Комиссии для строений в Москве, был архитектором при Московских Императорских театрах; проектировал, строил, перестраивал церковные и гражданские здания в Москве и Московской губ.
- ⁵ Изложение об устройстве воксала в Петровском парке в Москве. — М., 1836. — 11 с.
- ⁶ Старинная азартная лотерейная игра, вид рулетки, с разыгрыванием вещей.
- ⁷ Басон (фр.) — текстильные изделия в виде шнуров, тесьмы, бахромы, кистей, вырабатываемые плетением, кручением и на особых ткацких станках, в том числе с добавлением металлической нити.
- ⁸ Раек (устарев.) — галерка, верхний ярус зрительских мест под потолком.
- ⁹ Вольтижер — наездник, выполняющий крутые повороты (вольты) вправо и влево на лошади, идущей рысью или галопом; занимающийся вольтижировкой.
- ¹⁰ Камера-обскура — устройство, позволяющее получать оптическое изображение объектов. Первые камеры-обскуры представляли собой затемненные помещения (или большие ящики) с отверстием в одной из стен.
- ¹¹ Торбан — украинский народный струнный щипковый музыкальный инструмент в 30–40 струн.
- ¹² Изначально английский, впоследствии французский народный танец и музыка к нему.
- ¹³ Кроновское пиво (английское) — по названию пивоваренного производства А. Крона и Ф. Даниельсона (в Петербурге и Москве).
- ¹⁴ Майкл Джордж (Михаил Егорович) Медокс (1747–1822), английский инженер, театральный антрепренер, основатель первого общественного музыкального театра — Петровского (1780 г.); в 1780-е гг. открыл воксал в районе Таганки (в XIX в. сложились соответствующие топонимы, в том числе Б. и М. Вокзальные пер. — ныне Б. и М. Факельные пер. (См.: *Рачинский Я. З.* Полный словарь названий... — С. 547)).

ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ Митрофан Викторович (1867–1934)

*Историк, историограф, этнограф, фольклорист, педагог,
действительный член МАО*

Родился в г. Речица Минской губ. в семье мелкопоместного шляхетского рода. Начальное и среднее образование получил в учебных заведениях ст. Барановичи, г. Пловдива (Болгария), Речицы, Мозыря, Киева. В 1889–1894 гг. учился на историко-филологическом факультете Киевского университета. В 1894–1899 гг. служил в Московском архиве Министерства юстиции, в 1899–1901 гг. преподавал в Московском, а в 1901–1919 гг. — в Киевском университетах. Основал в Киеве Киевский коммерческий институт (первый ректор). Преподавал в вузах Харькова, Баку, Минска (в 1925–1926 гг. был заведующим кафедрой истории Белоруссии в Белорусском государственном университете). В январе 1926 г. избран председателем I-го съезда исследователей белорусской археологии. В 1926–1934 гг. вновь жил и работал в Москве: профессор МИНХИ Тимирязевской сельскохозяйственной академии, Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.

Один из основоположников белорусской историографии, автор более 200 научных работ по истории Белоруссии, Литвы, Польши, Украины.

Похоронен на новом Донском кладбище.

В 1997 г. в Речице открыт памятник М. В. Довнар-Запольскому.

Был членом МАО (действительный член с 1898 г.) и лишь однажды побывал на заседании новооткрытой Комиссии «Старая Москва» и выступил на 3-м заседании 3 февраля 1910 г. с докладом «Московские ремесленники в XVII в. (первая часть)».

О МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ МОСКОВСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ В XVII в.

*доклад на 3-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
3 февраля 1910 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 5об.—8; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, со вставками. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись сделана Н.С. Курдюковым.

В XVII в. московское правительство с весьма большой настойчивостью стягивало к себе ремесленных и промышленных людей самых разнообразных профессий, и мастеров по металлу, и каменщиков, и резчиков, и иконописцев и т.п. — вызывали этих людей со всеми их семействами, захребетниками¹ и учениками. Иногда такие вызовы затрагивали всю Россию (напр[имер], вызывали портных по 24 из каждого десятка²), иногда касались пленных (напр[имер], требовали прислать ремесленных и умелых людей из числа пленных литовцев). Конечно, такая политика наталкивалась на сопротивление со стороны провинции: бывали случаи, когда вместо ремесленников высылали людей неумелых, но тогда центральная власть прибегала к силе, и хоронившихся ремесленников со стражей отправляли на Москву. Не довольствуясь местными силами, правительство выписывает иностранцев, охотно платит им значительные деньги; и, надо заметить, что эти иностранцы характеризуют московских ремесленников, как людей сметливых и легко усваивающих новые производства.

Еще до прилива иностранцев можно отметить, что ремесла получили значительную...³ Уже в начале XVII в. можно насчитать до 250 специальностей, между которыми распадается все ремесленное производство Москвы; некоторые ремесла охватывают до 50 отраслей, как, напр[имер], кузнечное, куда входят и кузнецы, и пушкарники, и литейщики, и медники, и паяльщики, и булавочники, и часовых дел мастера, и оружейники и т.п.; столь же мелкая специализация наблюдается и в кожевенном деле (22 отрасли), в портновском, деревоотделочном и др.; слабо развита специализация в химическом производстве.

Такое дробление профессий на ряд мелких специальностей, несомненно, способствовало развитию ремесел, их процветанию, что, в свою очередь, отразилось благоприятно на численности ремесленников. По переписи 1638 г., дающей, однако, неполный материал, среди общего посадского населения в 4300 ч[ел.] на долю ремесленников приходится 2492 ч[ел.] — причем в это число входят и такие профессии, которые можно назвать по-современному, интеллигентными, а также и профессиональные нищие; в число же ремесленников внесены захребетники и ученики.

Ремесленники по численности распределяются так: мастера в металлическом производстве составляют 20% общего числа, — наименьший % составляют мельники, а в середине — нищие.

По переписи 1641 г., относящейся до кузнечного дела, находим, что на Москве было 128 кузниц, при 172 мастерах, хозяевах и арендаторах.

Где же находил применение труд столь многочисленных ремесленников? Частью в работе на заводе, частью в работе на рынок. Некоторые ремесленники, напр[имер], серебрянники работали преимущественно на заказчика, которым выступало иногда дворцовое правление, или же частные лица, причем, такой мастер получал на руки материал, или же его стоимость — и, следовательно, при расчете с ним расценивался лишь его труд! У других же ремесленников,

напр[имер], у портных, ввиду более мелкого характера производства, был развит труд на рынок, что, конечно, вызывало появление посредника — купца, а это, в свою очередь, отражалось уменьшением на заработке ремесленника.

В случаях крупных заказов, напр[имер], при постройке какого-либо здания, материал доставлялся хозяином, а работы поручались иногда одному лицу — подрядчику, иногда же артели рабочих, причем создавалась круговая порука.

Что касается размеров ремесленных заведений, то они были, по-видимому, весьма незначительны; обыкновенно работал лишь сам хозяин, иногда же он имел одного наемного работника или ученика — захребетника. По переписи пятинной деньги⁴ 142 г. (1634 г.) из 626 ремесленников числилось 158 захребетников. По описи 1641 г. из 152 кузниц — 24 пустовали, а в остальных 128 кузницах в 83 работали одни хозяева, в 6 с наемными рабочими, в 15 — одни наемные рабочие, 24 кузницы были в аренде и имели по 1 рабочему, и только в 2 — по 2 рабочих.

При таком мелком производстве мастера редко обладали таким капиталом, который позволял бы им самостоятельно оборудовать мастерскую, иметь собственное помещение; нередко случаи, где мастер или снимает помещение, или арендует дворовое место.

Иностранцы вообще рисуют материальное положение ремесленников весьма мрачными красками. Из «сказок»⁵, собранных боярами во время «медного» бунта 1662 г., видим, что «в прежних местах можно было мастерскому человеку и с женой быти сыту днем алтынным хлебом, а ныне мастерскому человеку одного хлеба саму другу надобно на 20 алтын». Отсюда видно, что алтын — это минимальная поденная плата в XVII веке, но достаточно ли такого вознаграждения для рабочего человека с небольшой в 3—4 лица семьей? Алтын представляет собой довольно мелкую единицу, судя по тому, что, напр[имер], при дворце нередко дают на чай по 4 деньги, митрополит Никон подает милостыню по 2 деньги. Если принять рабочий год в 250 дней, то годовой заработок выразится в сумме 250 алтын; если принять норму питания современной крестьянской семьи, то на хлеб, т.е. рожь, муку, овес потребуется для семьи в 4 человека 166 ал. 10 денег; следовательно, на удовлетворение других потребностей в пище остается лишь около 100 алтын.

При таком расчете рабочий может прожить, лишь имея постоянную работу и воздерживаясь от всякого излишества в одежде и пище.

В отношении одежды потребности удовлетворялись домашними средствами, т.е. материи ткались, и одежда шилась дома. Бюджет ремесленника часто нарушался и болезнью, и перерывами в работах, и, наконец, праздничными и послепраздничными днями.

Особенно тяжел, по-видимому, для ремесленника был наем помещения, и этим объясняется существование, по-нынешнему, коечно-каморочных жильцов, которые ютились по 5—6 человек в подклетах.

Необеспеченность ремесленного сословия видна из того факта, что в начале Московское правительство освобождало от налога тех ремесленников, которые имели имущества менее 10 рублей, но при переписи 142 г. мы видим, что правительство облагает налогом и этих маломочных людей, плативших менее рубля, причем они составляли значительное большинство плательщиков.

Из всего предыдущего докладчик пришел к следующим выводам:

- 1) Москва является в XVII в. центром, где скопилась масса ремесленников.
- 2) Ремесла дробились на множество мелких отраслей, что свидетельствует о значительной специализации в этой сфере труда.
- 3) Ремесленники находили приложение своему труду или на рынке, или у частных закупщиков.
- 4) В материальном отношении моск. ремесленники, особенно работавшие на рынок, представляют класс людей малообеспеченных.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Захребетник — здесь, скорее всего, в значении вольных или гулящих людей, не несших ни государственной службы, ни тягла; наемных рабочих у хозяев.
- ² В XVII в. посадское население делилось на сотни и десятки.
- ³ Фраза не окончена, в строке оставлено пустое место.
- ⁴ Пятинная денга — специальный налог, 6 раз вводившийся в XVII в. ввиду потребности покрыть крупные государственные расходы в связи с последствиями Смуты и войнами. Принцип установления размера пятины вызывает дискуссии: пятая часть годового дохода; пятая часть стоимости имевшегося движимого имущества; пятая часть стоимости движимого и недвижимого имущества.
- ⁵ Сказки — делопроизводственные документы XVII–XVIII вв.: записи устных показаний несудебного характера (отчеты, сообщения и т.д.).

ЖУЧКОВ Иван Николаевич (1882–1963)

Библиофил, собиратель экслибрисов

Один из самых активных и деятельных членов Комиссии «Старая Москва», входил в «пятерку» тех, кто наиболее часто выступал на заседаниях с докладами, информационными сообщениями и участвовал в прениях по докладам других.

О нем почти ничего неизвестно: место его рождения, образование, место работы и т.д. Фрагментарные сведения на Интернет-ресурсах не дают полноценного представления о его личности.

Активно участвовал в деятельности Русского общества друзей книги (РОДК), председатель РОДК и член «Старой Москвы» С. Г. Кара-Мурза писал о нем: «Изучающий историю московских художественных кружков, пытливым и дотошным москвовед Иван Жучков». Был собирателем старых экслибрисов, его коллекция насчитывала 1100 книжных знаков. Судя по сохранившимся в музеях и библиотеках отдельным экземплярам старых книг, он собирал и книги. На его экслибрисе был изображен большой жук на книге с надписью на странице «Из книг И. Н. Жучкова». Известно, что в 1934 г. Жучков составил отчет о деятельности Секции собирателей книги и экслибрисов (ССКиЭ) при Всероссийском обществе филателистов.

Сведения о творческой биографии И. Н. Жучкова содержат протоколы «Старой Москвы» и материалы к ним.

И. Н. Жучков был избран в члены Комиссии «Старая Москва» на 20-м заседании 5 апреля 1912 г. Не ясно, почему он проявился на заседаниях как докладчик или выступающий по разным вопросам лишь через 9 лет (!) — в 1921 г. Всего с 1921 по 1930 г. выступал с полноценными докладами 17 раз, уступая в этом, пожалуй, только А.М. Васнецову, П.Н. Миллеру, И.Я. Стеллецкому, Н.Д. Виноградову. Большая часть его докладов посвящена биографиям московских художников, топографии их творческой жизни в Москве. Был биографом братьев А.М. и В.М. Васнецовых (с докладами и сообщениями о них выступал трижды). Автор докладов: «Иван Евменьевич Цветков и старая Москва в его галерее» (96-е засед. 03.03.1921 г.), «А.А. Булочкин и его акварельные виды Москвы» (97-е засед. 24.03.1921 г.), «Иван Николаевич Павлов [художник]» (115-е засед. 29.12.1921 г.), «Верещагинская дача» (138-е засед. 16.11.1923 г.), «В.М. Васнецов и Москва (1898–1923). К 75-летию со дня рождения» (150-е засед. 24.05.1923 г.), «Савва Иванович Мамонтов и его художественный кружок» (154-е засед. 19.07.1923 г.), «О художнике В.Д. Поленове (по поводу его будущего чествования)» (183-е засед. 29.05.1924 г.), «И.Е. Репин в Москве» (190-е засед. 07.08.1924 г.), «О художнике В.Л. Боровиковском» (223-е засед. 30.04.1925 г.), «Об И.И. Левитане (к 25-летию его кончины)» (236-е засед. 30.07.1925 г.), «О двух этюдах Левитана, изображающих Потешный дворец в Кремле» (248-е засед. 29.10.1925 г.), «Памяти

В.М. Васнецова» (283-е засед. 05.08.1926 г.), «Где жил Виктор Михайлович Васнецов в Москве» (334-е засед. 04.08.1927 г.), «В.Д. Поленов» (339-е засед. 08.09.1927 г.), «О художнике-гравере В.И. Соколове» (358-е засед. 12.01.1928 г.), «Памяти В.В. Згуры (воспоминания)» (372-е засед. 18.04.1928 г.), чтение справки некролога о скончавшемся художнике-гравере А.Г. Якимченко (416-е засед. 28.03.1929 г.), «Васнецовская Москва в репродукциях» (464-е засед. 05.02.1930 г.).

Существенно дополняют творческий портрет И.Н. Жучкова как москвоведа его также многочисленные информационные и иные выступления на заседаниях «Старой Москвы». Таких выступлений в 1921–1929 гг. было не менее 44. Его занимала тема сохранения и фиксации памятников старины — он сообщал о похищении старинной иконы из часовни М.А. Морозова в Покровском монастыре (1921 г.), о предстоящей сломке колокольни и надвратной церкви Сретенского монастыря (1927 г.), об угрозе закрытия Скорбященского храма на Б. Ордынке (1928 г.), об уничтожении ворот церкви Троицы в Вишняках (1929 г.), о начале разрушения кремлевского Вознесенского монастыря (1929 г.) и др. Несколько раз выступал с информацией об осмотре монастырей и церквей Китай-города (1926 г.) и т.д.

В 1926 г. на трех заседаниях (в феврале—марте) выполнял обязанности секретаря «Старой Москвы».

И.Е. ЦВЕТКОВ И «СТАРАЯ МОСКВА» В ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕЕ

*доклад на 96-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
3 марта 1921 г. (в Историческом музее)*

(К. 42. Д. 49. Л. 1–14; архивное дело)

Рукописный текст, черные чернила (встречаются синие), с правкой (вставки на полях) и пометками. Обложка с отдельной пагинацией. Листы двухсторонние, разлинованные, тетрадный формат, сшитые и переплетенные тонким картоном чуть большего формата. На картонной обложке наклеен листок с вписанным от руки названием.

Ницше в своей «Психологии искусства» делил людей на артистов-творцов, людей, артистически-впечатлительных, но неспособных к самостоятельному творчеству, и толпу, лишь в слабой степени реагирующую на создания творцов-артистов. Определяя признаки второй группы, Ницше говорил, что это те, которым присущи высшие стремления, но у которых нет сил и способностей их проявить, и они могут лишь заражаться и восхищаться такими проявлениями. Они наслаждаются, лишь воспринимая, тогда как артист чувствует то же, передавая и отдавая свои впечатления. Роль этой группы, подчиненная по существу, тем не менее, чрезвычайно важна в жизни общества, так как ее представители служат той передаточной инстанцией между артистами-творцами и толпой, без которой усилия артиста пропали бы даром. Они, любя искусство, заражают своей любовью толпу и особенно тех из них, которые любят искусство деятельной любовью и, наслаждаясь им сами, хотят привлечь к тому и других. На этой

почве и возникли некоторые издательства, частные галереи, музеи художественных произведений; особенно те из них, которые волею их собирателей целиком перешли во владение городов, обществ и т.п. В Западной Европе и в Америке имена таких деятелей насчитываются десятками. У нас же они были очень редки, и в небольшом числе их одно из видных мест по праву занимает И.Е. Цветков, передавший городу Москве свою Картинную галерею, известную теперь под названием «Цветковской»¹.

И.Е. Цветков родился 28 апреля 1845 г. в Симбирской губернии, Алатырском уезде в семье священника. На находящейся в его галерее картине Н.А. Савицкого «Встреча иконы» имеются в числе персонажей портреты отца и матери создателя галереи, я упомянул об этом обстоятельстве потому, что оно весьма хорошо характеризует, как самого И.Е. (Иван Евменьевич — *сост.*), так и ту эпоху в русской художественной жизни, представителем которой он является как художественный деятель; дело в том, что в Третьяковской галерее имеется также картина Н.А. Савицкого «Встреча иконы», но там священник совершенно другого типа, и для И.Е., горячего русского патриота, такой тип был совершенно неприемлем, а потому он и просил Н.А. Савицкого изменить тип священника и заменить его портретом отца И.Е.

Как и у большинства русских людей, из небогатой среды, детство и отрочество И.Е. было не красно, сначала домашнее обучение по часослову и псалтири, а затем школьная учеба в Алатырском духовном училище, мало давая пищи уму и сердцу учащегося, благодаря ужасным гигиеническим условиям, скверно отражалась на ребенке в физическом и нравственном отношении.

В то же время среди учащихся были особые аудиторы и секуторы², на обязанности первых было следить за занятиями товарищей, а вторые подвергали жестокому сечению малоуспевающих из них. Только большие природные способности позволили И.Е. кое-что вынести из этой тяжелой учебы и с некоторым запасом знаний, приобретенным из развившейся любви к чтению, поступить в 1812 г. в Симбирскую семинарию. Семинарские порядки были совсем другого рода и натолкнули И.Е. на горячее желание поменять род своего образования духовного на светский, это горячее желание помогло ему в один год подготовиться, и в 1864 г. он поступил в 6-й класс Симбирской гимназии. Окончив гимназию, он сначала поступил на стипендию в Петербургский технологический институт, но здесь тяжелая борьба за существование и неблагоприятные климатические условия так дурно отразились на его здоровье, что он тяжело захворал и, проведя лето на кумысе, осенью поступил в Казанский университет, откуда через год перешел на физико-математический факультет Московского университета.

До сих пор мы не видели никаких художественных впечатлений или влияний в жизни будущего коллекционера, да их и не было, ибо, по словам самого И.Е., живя в Симбирске, он видел всего только две картины масляными

красками «Император Николай I» и «Преосвященный Феодосий епископ Симбирский и Сызранский» — да и эти две картины написаны были прескверно, и уж, конечно, не они пробудили в нем любовь к искусству. Зато с переездом в Москву художественные впечатления все расширяющейся волной вливаются в жизнь И.Е. В 1871 г., будучи студентом второго курса, он начал посещать Голицынскую галерею³ — затем Румянцевский музей⁴. В 1872 г. он в качестве учителя с семьей князя Гагарина попал за границу в Швейцарию, по дороге же туда осмотрел Венскую галерею, а на обратном пути — Берлинскую, та и другая произвели на него чрезвычайно сильное впечатление. В 1873 г. он ездил в Харьков; здесь в залах университета была устроена вторая передвижная выставка. На выставке было много хороших картин; были выставлены, между прочим, «Портрет Достоевского» и «Птицелов» В.Н. Перова. В 1874 г. открылась Третьяковская галерея, сначала помещалась она в двух маленьких комнатах. Здесь он буквально жил, изучал картины, отдыхал душой; что-то непонятное тянуло его к русской живописи, к русским художникам.

А между тем, жизнь И.Е. шла своим чередом, в 1873 г. он окончил университет, и предстояло избрать себе окончательную жизненную дорогу. Кандидатская диссертация И.Е. обладала такими качествами, что ему предложено было остаться при университете, но, близко знакомый с педагогической деятельностью по своим многочисленным урокам в пору собственного учения, он отклонил это предложение и в 1874 г. поступил на службу в Московский Земельный банк; здесь около двух лет он пробыл бухгалтером, затем нашел свое настоящее призвание в качестве агента по оценке имуществ, представляемых в залог банку. Началась разъездная жизнь с ранней весны до поздней осени в пределах 19 центральных губерний, обширные знания, приобретенные им при оценках с самой щепетильной добросовестностью в соблюдении интересов банка, доставили Цветкову в поземельно-кредитных сферах самую широкую известность и лестную рекомендацию. В 1890 г. он начал служить по выборам общего собрания акционеров банка в звании члена оценочной комиссии банка, и с тех пор в течение девятнадцати лет он исполнял эту обязанность, вызывая неоднократно благодарность со стороны акционеров, награду за свою полезную деятельность. В 1895 г. он был избран председателем этой самой оценочной комиссии и в 1909 получил от общего собрания акционеров банка единогласную благодарность за свою тридцатипятилетнюю деятельность на пользу банка.

И так материальные условия в жизни И.Е. сложились чрезвычайно благоприятно, по его собственным словам, он жил как бы под золотым дождем, появилась возможность так или иначе ответить на свои эстетические запросы; а эти запросы толкали его на коллекционерство, и в конце семидесятых годов (XIX в. — *сост.*) он действительно приступил к созданию своей галереи. Сначала он приобретал все хорошие картины иностранных и русских мастеров, которые нравились и продавались относительно недорого. Затем в восьмидесятых

годах его внимание совершенно случайно одной удачной покупкой остановилось почти на исключительном приобретении рисунков. В то время рисунками никто не интересовался, их не собирали и не сохраняли, и ему пришла счастливая мысль заняться их собранием и составить особую коллекцию рисунков, сделанных русскими художниками.

Рисунки в деле живописи имеют такое же большое значение, как черновые планы и наброски ученых или литературных произведений; автор всякой большой картины несколько раз меняет отдельные фигуры и детали, прежде чем окончательно остановиться на известной форме изображения. Собрание рисунков, несомненно, крайне важно для истории искусства, ибо близко знакомит с процессом творчества, игрою мысли и чувства художника. Иногда, к сожалению, конечная картина художника не представляет лучшего произведения, уступая в достоинствах первоначальному плану его или рисунку, который в таком случае получает, конечно, первенствующее значение.

В последующее время, наконец, вместе с увеличением своего художественного образования и знания, как и свободных материальных средств, И.Е. для наилучшего выполнения своей благой задачи — знакомства русской публики с ее искусством, решил даже не ограничиваться одними рисунками, но приобрести как дополнение к ним небольшую коллекцию русских картин — составив нечто вроде «Хрестоматии русской живописи». Для этого он выработал себе общий план, т.е. определил, какие художники должны считаться самыми крупными представителями своего времени, и каким родом живописи, наиболее характерным, каждый из них должен быть представлен в его небольшом собрании картин и, наоборот, в обширном собрании рисунков. Он начал усердно отыскивать картины намеченным манером, причем, по его словам, ему иногда приходилось годами ждать какой-либо намеченной картины; так, например, картина В.Г. Перова «Рыболовы» при первом же знакомстве с ней произвела на И.Е. чрезвычайно сильное впечатление, и он предлагал владельцу довольно крупную сумму за нее, но тот наотрез отказался; тогда И.Е. на протяжении двадцати лет проследил ее и уже впоследствии у наследников все-таки приобрел ее. Другая картина Перова «Прием странника» — также попала к нему с большим трудом. П.М. Третьяков готов был дать за нее какие угодно деньги, но Перов не хотел с ней расстаться, так как это была, так сказать, семейная картина. На ней художник изобразил в фигуре странника своего брата, в пожилой женщине няньку, а в молодой — жену. После смерти В.Г. Перова И.Е. купил эту картину у его наследников.

Когда И.Е. начал приводить свой замысел о расширении собрания приобретением масляных картин, то вскоре же в конце девяностых годов обнаружилось, что помещение, занимаемое им, слишком недостаточно, и так или иначе надо было позаботиться об его расширении, подумал, подумал он, да и решил построить свой дом.

Прежде всего, конечно, предстояло выбрать место, и после долгих поисков место было выбрано чрезвычайно удачно на берегу Москвы-реки с чудным видом почти около самого водопада Бабьегородской плотины⁵; за водопадом виднелись Донской монастырь, Голицынская больница⁶, 1-я городская больница⁷, Мещанское училище⁸, Казанская церковь на Якиманке⁹, красавец-дом Игумена в русском вкусе и на той же улице целое море домов, церквей и колоколен, и, наконец, левее Василий Блаженный, Кремль, Спасские ворота, Знаменитые Кремлевские соборы — Архангельский и Благовещенский, Иван Великий, Большой Кремлевский дворец со своими знаменитыми теремами и, наконец, крайний левый фас заканчивался монументальным зданием Храма Христа Спасителя. За место было заплачено чрезвычайно дешево, всего 14 000 руб.

Теперь предстояло подумать о постройке, конечно, таковая уже была предрешена в древнерусском стиле; но, прежде чем приступить к ней, И.Е., чтобы уяснить себе свое желание и найти желанную форму, перечитал все, что было известно относительно древнерусской архитектуры, пересмотрел все издания, все фотографии с древних русских зданий, осмотрел сохранившиеся остатки древних зданий в Москве, нарочно ездил в Ярославль, в Ростов Великий, потерял целый год в попытках создать дом желаемой формы, сначала при помощи одного профессора архитектуры, потом другого, пока не нашел искомой формы в импровизированных рисунках художника-живописца В.М. Васнецова, этого вдохновенного любителя и знатока древнерусского вкуса.

На месте, где возводилось здание будущей Цветковской галереи, в тридцатых годах (XIX в. — *сост.*) при постройке Храма Христа Спасителя сваживалась (свозилась (устаревш.) — *сост.*) земля, и набережная была поднята на целых четыре аршина, так что пришлось строить дом на 24-х каменных столбах, соединенных каменными арками. Строилось здание в течение двух лет и обошлось в 96 тыс. рублей. Когда здание было готово, с такой же тщательностью было произведено и его внутреннее убранство, шкафы, витрины для помещения рисунков были заказаны в мастерских Строгановского училища, причем мотивами для их украшения послужили старые пряничные доски, в тех же Строгановских мастерских были исполнены и оконные занавески по рисункам В.М. Васнецова, для освещения галереи были заказаны люстры, представляющие из себя точные копии новгородских паникадил времен Иоанна Грозного.

Но, горячо любя картины, усиленно их приобретая и заботясь о достойном помещении, И.Е. не забывал и их творцов-художников. В то время в Москве уже с 1861 г. существовало «Общество любителей художеств», и И.Е. с 1882 г. состоял в нем деятельным членом¹⁰. В основанный в 1872 г. при обществе фонд для вспомоществования больным и престарелым художникам он привлек пожертвование в 20 000 рублей; с 1894 по 1901 г. он занимал в обществе должность председателя; а в 1911 за привлечение в тот же фонд вспомоществования художникам пожертвований К.Ф. Галяшкиной в 10 000 рублей он был избран

почетным членом, и имя его в виду его заслуг перед обществом было занесено на мраморную доску. Восьмого июня 1899 г. И.Е. был избран членом совета Третьяковской галереи, где он, кроме общеизвестной борьбы его с новым искусством, выявлявшимся тогда в произведениях Врубеля, Рериха, Малявина, усиленно заботился также о безопасном хранении столь дорогих его сердцу картин, хлопоча, например, как это видно из доклада Московской городской управы от 4 ноября 1904 г. за №270, об ограждении галереи от пожара. Но новое искусство так интенсивно стремилось в галерею, что И.Е., не находя общего языка со своими товарищами по управлению галереей, 29 марта 1905 г. отказался от должности члена совета Третьяковской галереи.

В 1903 г. в жизни И.Е. произошло чрезвычайно приятное для него событие, он был избран действительным членом Академии Художеств; при ежегодных поездках по этому случаю в Петербург И.Е. постоянно встречался со многими художниками и усиленно пользовался этими встречами для пополнения своего теперь уже очень разросшегося собрания.

Наконец, настал заключительный момент художественной деятельности И.Е. 28 апреля 1909 г. в день своего рождения он прислал в Городскую думу следующее заявление: «В течение последних 30-ти лет я усиленно собирал картины и рисунки русских художников и составил небольшую картинную галерею, помещающуюся в моем доме на Пречистенской набережной близ храма Христа Спасителя. Чтобы дать некоторое понятие о составе и характере собрания, я представляю при сем несколько экземпляров перечня моих вещей, изданного в 1904 г. Я старался вводить в собрание наиболее крупных художников. Старался представить каждого из них наиболее характерными для них произведениями — так, чтобы собрание давало понятие о всей русской живописи, начиная с половины XVIII века и до нашего времени. Со времени составления перечня число предметов значительно увеличилось и простирается в настоящее время до 1500, в том числе около 300 картин масляными красками и около 1200 так называемых рисунков, сделанных на бумаге акварелью, сепией, карандашом и пером, на собрание которых я обратил особое мое внимание. Желая обеспечить передачу моей галереи в общественное пользование, я решаюсь предложить Московской городской думе теперь при моей жизни принять от меня в дар городу Москве упомянутый мною дом со всеми находящимися в нем художественными предметами, работы исключительно русских художников, на следующих условиях:

1) Я оставляю за собой право пожизненно пользоваться домом с правом воздвигать новые строения и перестраивать существующие по моему усмотрению, причем все расходы принимаю на себя.

2) Я оставляю за собой право полного распоряжения галерей, т.е. я могу, как увеличивать собрание, так и сокращать его, если найду это нужным, в целях улучшения собрания.

3) После перехода моего владения в распоряжение города я желаю, чтобы соблюдались следующие условия:

а) жертвуемый мною дом, построенный по рисункам и указаниям В.М. Васнецова, не может быть изменен в своем внешнем виде;

б) все 12 комнат первого и второго этажа должны служить исключительно для помещения предметов искусства, но не для жилья;

в) только нижний полуподвальный этаж, отделенный от галереи нестрогаемым сводом, может служить помещением для некоторых необходимых служителей;

г) имеющийся при доме садик должен оставаться в своем настоящем виде и никаким застройкам не подвергаться в целях необходимого освещения галереи.

4) Художественное собрание, которому желательно было бы дать самое краткое наименование — Цветковской галереи, должно сохраняться в том составе, каким будет принято городским управлением. Из него ничего не может быть изъято и ничего не может быть прибавлено, даже в виде пожертвования.

5) Галерея должна быть доступна для лиц, интересующихся живописью, не менее 4-х час. каждодневно, кроме некоторых праздничных дней, которых не может быть более 10-ти в течение года. Мне представляется право назначить первого попечителя галереи и составить правила хранения картин и рисунков, которые в свое время будут подлежать рассмотрению и утверждению Городской думы.

6) Если художественное собрание почему-либо исчезнет, например, в случае пожара, то жертвуемый дом не может сдаваться в наймы и служить доходной статьей городу. В этом несчастном случае — который, надеюсь, допущен не будет, — дом должен служить целям просветительным или благотворительным, например, для помещения школы, читальни или амбулатории для приходящих больных. Если Городской думе будет угодно принять предложенный дар на этих условиях, я не замедлю совершить крепостной акт». 30 апреля 1909 г. Дума по обычаю передала предложение И.Е. в Комиссию о пользах и нуждах общественных, поднявшись с мест, гласные выразили благодарность И.Е. за его щедрый дар; 12 мая щедрый дар был принят, а 20 мая того же года у московского нотариуса Жеребкова на Театральной площади И.Е. была совершена дарственная запись на передачу городу галереи вместе с домом, в котором она помещалась.

После передачи своей галереи в дар городу И.Е. в неустанных заботах о сохранении и пополнении ее прожил еще 8 лет. В 1915 г. им был издан второй перечень художественных произведений его галереи; в это 2-е издание перечня вошло 410 картин, писанных масляными красками, 1373 художественных произведения, сделанных на бумаге другими способами (т.е. рисунков) и 36 скульптур, а всего в перечне обозначено 1819 художественных произведений, представляющих образцы работ 404 русских художников.

В январе 1917 г. И.Е. опасно захворал, а 16 февраля в 8 часов вечера жестокий припадок грудной жабы унес его в могилу. Отпевание тела И.Е. состоялось, по желанию покойного, при весьма скромной обстановке без венков в церкви Ильи Обдыденного на Остоженке в присутствии многочисленных почитателей памяти покойного, среди которых были многие из проживавших в Москве художников, погребен он на Ваганьковском кладбище.

И.Е. не стало, но дело рук его — художественная галерея, благополучно пронесенная через наши смутные дни, существует и поныне¹¹, широко отвечая на эстетические запросы своих многочисленных посетителей. Зайдем и мы в красивое здание на Пречистенской набережной и прочтем ту главу из хрестоматии русской живописи, которая больше всего отвечает нашим интересам, рассмотрим изображения «Старой Москвы».

Виды «Старой Москвы» в собрании И.Е. начинаются работами знаменитого видописца екатерининских времен, в некотором роде сподвижника князя Г.А. Потемкина-Таврического, изображавшего и кончину светлейшего среди далеких южных степей, Михаила Матвеевича Иванова¹², который представлен двумя видами дома гр. Разумовского на Гороховом поле и видом пруда при том же доме, полные жизни и свежести большие листы, беглый рисунок пером на которых бойко проложен акварелью несколькими тонами. Точки зрения, с которых взяты виды, не заучены. Пейзажи оживлены фигурами господ и рабочих.

Русский Каналетто¹³ Ф.Я. Алексеев¹⁴ представлен рисунком тушью, изображающим Красную площадь в том виде, в каком она была до 1812 г. В 1800 г. состоялось повеление императора Павла I о командировании Алексеева в Москву для снятия видов, во время этой командировки им было исполнено много рисунков, послуживших впоследствии материалом для его известных картин, одним из таких подготовительных к картинам рисунков и является рассматриваемый вид; из всего, на нем изображенного, в неизменном виде дошли до нас, кажется, одни только Воскресенские ворота. Интересны расположенные вдоль кремлевской стены пушки, не находились ли они здесь для салютационной пальбы?

Вдохновенный поэт лунных петербургских ночей М.Н. Воробьев¹⁵ отозвался на красоты современной ему Москвы двумя рисунками тушью: первый из которых изображает то место в Кремле, на котором впоследствии был построен Большой Кремлевский дворец, на рисунке ясно видна незастроенная, как теперь, со всех сторон церковь Спаса на Бору¹⁶ и здание разрушающихся теремов с церковью Рождества Богородицы. На втором рисунке изображен Николаевский дворец до его надстройки.

Переходя от этих работ художников-петербуржцев к работам самих москвичей, надо еще отметить акварель родившегося в Москве, но проведшего всю жизнь в Петербурге П.А. Федотова¹⁷, на акварели изображен выход самого Федотова со своими родителями из 1-го московского Кадетского корпуса по окончании курса, здесь, кроме здания корпуса и типов москвичей тридцатых

годов (XIX в. — *сост.*), интересны изображенные на первом плане ворота с характерным московским львом.

Из москвичей обилием работ выделяется просвещенный любитель искусства, литературы и науки, столп московского художественного кружка первой половины XIX века, в доме которого в приходе Николы в Грачах, кроме библиотеки всевозможных коллекций, была даже на крыше устроена обсерваторийка — К.И. Рабус¹⁸; из его работ обращают на себя внимание две картины масляными красками, Красная площадь 1837 г. с выбеленными кремлевскими стенами и вид Алексеевского монастыря, сломанного по повелению императора Николая I для очистки места под Храм Христа Спасителя; среди рисунков того же мастера имеется целая серия видов Симонова монастыря, вид церкви Василия Блаженного и терема царя Алексея Михайловича.

А.К. Саврасов¹⁹, заложивший первые камни в фундамент современной пейзажной школы живописи, представлен видом масляными красками знаменитой Кутузовской избы на Филиях²⁰, в ее, если можно так выразиться, натуральном виде, т.е. до всяких переделок и реставраций, и двумя тонко нарисованными карандашными рисунками, изображающими вид Воробьевых гор и вид на Москву с Воробьевых гор.

Дореволюционная Москва представлена на картине Сергея Ивановича Светославского²¹, изображающей Москворецкий мост в 1893 году.

Кроме перечисленных картин и рисунков, можно еще отметить работы не специально живописцев, это будет изображенный пером фронтон Технического училища работы скульптора Ивана Петровича Витали²², и изображенный акварелью вид Триумфальных ворот, работы архитектора Михаила Ивановича Бове²³. Затем следуют менее интересные работы менее известных авторов: внутренность Архангельского собора Степана Михайловича Шухвостова²⁴ масляными красками; вид «Андреевской богадельни на Москве реке» Платона Аполлоновича Нисевина²⁵ акварелью и «Пожар Большого театра» Николая Николаевича Каразина²⁶, тушью.

Кроме видов «Старой Москвы», много собрано у И.Е. и портретов старых москвичей, среди них следует отметить портрет основателя московского художественного класса Е.И. Маковского²⁷, с легкой руки которого пошло столь развившееся впоследствии московское коллекционерство, портрет писан сыном Е.И. К.Е. Маковским²⁸; В.А. Тропинин²⁹ изобразил хлебосольнейшую и гостеприимнейшую супругу Е.И. Л.К. Маковскую; сам Тропинин представлен как автопортретами, так и акварелью А.П. Соболевского³⁰, изобразившего, кроме В.А., и супругу его Анну Ивановну. Ф.С. Тверской изобразил на акварели, помеченной 1827 г., художника К.И. Рабуса; и, наконец, хотя и ближе к нам подходят, но все же принадлежат теперь всецело прошлому: портрет карандашом А.П. Бахрушина³¹, нарисованный В.Н. Мешковым³², 1899 г.; портрет художника С.В. Иванова³³ работы О.Э. Бразза³⁴ и портрет приятеля В.И. Сурикова³⁵,

с которым он часами разыгрывал гитарные дуэты, художника Д.Э. Мартена³⁶, написанный А.В. Маковским³⁷, 1913 г.

О том, какую обильную пищу может представить Цветковская галерея для интересующихся старым московским бытом, лучше всего будет свидетельствовать краткий список находящихся в ней произведений художников — Петра Михайловича Шмелькова³⁸: «Проводы к венцу», «У закладчика», «Монахиня-сборщица в трактире», «Поздравление с масленицей», «Купец перед фотографом», «Сборы купцов на именины», «На бульваре», «Игорный дом», «Утро в передней частного пристава», «Ночной пожар», «Пленных турок ведут»; В.Г. Перова³⁹: «Увеселительное заведение», «Дворник-самоучка», «Толкучка в Москве», «Московские святоши». И особенно В.Е. Маковского⁴⁰: «Поздравление с ангелом», «Получение пенсии», «В швейцарской», «Собиратель картин и рисунков», «В вагоне конки», «В казначействе в ожидании пенсии», «Беседа в трактире» и т.д.

Мы весьма поверхностно просмотрели только одну главу, а таких глав в драгоценной Цветковской хрестоматии очень и очень много, да будет же земля легка ее ревностному собирателю, и да существует она еще многие и многие годы на благо и процветание родного искусства.

Библиография:

Перечень картин и рисунков собрания И.Е. Цветкова. Москва, 1904.

Перечень художественных произведений Цветковской галереи. Москва, 1915.

И.И. Янжул. И.Е. Цветков (основатель Цветковской картинной галереи в Москве). «Русская старина». Февраль 1911 г., есть отдельные оттиски.

Н.Г. Тарасов. Цветковская галерея в Москве. «Старые годы». Декабрь 1909 г., есть отдельные оттиски.

Хрестоматия русского искусства памяти Ивана Евменьевича Цветкова. «Нива», 1918 г. №11.

Michel Delines. La galerie tsvetkoff. Deux siecles de peinture russe 1700—1900. Figaro illustre aout 1911.

Из многочисленных газетных статей и заметок можно отметить:

Миллионный дар городу. «Русское Слово». 29 апреля 1909 г. №98.

В Цветковской галерее. «Голос Москвы». 5 мая 1909 г. №101.

Цветковская галерея. «Русское слово». 1 августа 1909 г. №176.

И.Е. Цветков. «Раннее утро». 18 февраля 1917 г. №40.

Выставка рисунков и эстампов. «Утро России». 23 декабря 1912. №293.

Воспроизведения с картин галереи помещены:

«Русский художественный архив». 1894 г.

«Московский листок. Иллюстрированное прибавление». 24 мая 1909 г. №20.

«Искры». 2 августа 1909 г. №30, 14 апреля 1913 г. №15, 3 ноября 1913 г. №43 и 26 февраля 1917 г. №9.

«Нива». 1917 г. №48, №50 (Виды «Старой Москвы»), 1918 г. 8 и 9.

«Зеркало». 1911 г. №42.

ВЕРЕЩАГИНСКАЯ ДАЧА ПОД МОСКВОЮ

доклад на 138-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
16 ноября 1922 г.⁴¹ (в Доме МАО на Берсеневке)

(К. 42. Д. 41. Л. 2—7об.; архивное дело)

Рукописный текст с автографом, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, тетрадный формат, сшитые и переплетенные тонким картоном чуть большего формата. На картонной обложке наклеен листок с вписанным от руки названием «И. Жучковъ. Верещагинская дача». Прилагается карандашный рисунок дачи на плане окружающей местности (дача помечена красной точкой) — калька, наклеенная на картон.

27 октября исполнилось 80 лет со дня рождения В.В. Верещагина⁴², родился он в Череповце, и по рождению его москвичом считать, конечно, нельзя, но в то же время с Москвою у В.В. (Василия Васильевича — *сост.*) была не только духовная связь, как почти у всякого чем-либо выдающегося русского человека, но материальная, этой связью была та самая Верещагинская дача, которой теперь уже нет, и лишь на территории которой члены нашей Комиссии были в этом году во время экскурсии в Коломенское. В свое время Николай Андреевич Шамин⁴³ предлагал включить Верещагинскую дачу в составлявшийся московским городским управлением список всех домов в Москве, в которых когда-либо проживали и творили знаменитые русские писатели, ученые и художники. В списке этом на всю Москву числилось только около 30 домов.

Местность, среди которой была расположена усадьба В.В. Верещагина⁴⁴, и теперь отличается своей уединенностью и пустынностью, а во время проживания здесь В.В. была еще уединеннее и пустыннее. Существует предание, что в древности здесь обитали разбойники, в последующее же время здесь находились ломки глины, и были расположены кирпичные заводы. Отсюда каждый праздник доставлялись в Павловскую больницу насмерть избитые и убитые люди. Кругом было страшное бездорожье, ухабы, рытвины, трясины. Но в то же время дикие косогоры были живописны, а открывавшаяся отсюда величественная панорама Москвы, оживлявшаяся на первом плане Москвой-рекой, протекавшей по низменным лугам, давала, особенно при вечернем освещении, такую чудную картину, что она заставляла забыть о всех неудобствах этого места. Только что приведенные особенности, уединенность и красота, обратили на эту местность внимание В.В. Верещагина, который в восьмидесятых годах (XIX в. — *сост.*) искал под Москвою места для оседлого жительства. Точно мне не удалось узнать, когда именно им был арендован лишенный всякой древесной растительности пустырь в 2½ десятины у крестьян деревни Котлы.

Со свойственной ему стремительностью и энергией В.В. принялся за устройство своей усадьбы, и в 1890 г. на пустыре уже шумно зеленели довольно порядочные древесные насаждения, и возвышался большой деревянный дом. В целях

безопасности вся усадьба была обнесена высоким забором и были привезены из Америки особой породы большие черные злые собаки, потомки тех собак, которые караулили невольников-негров на американских плантациях. В.В. прожил на своей даче до рокового для него 1904 года. Как известно, 31 марта 1904 года он погиб вместе с адмиралом С.О. Макаровым на броненосце «Петропавловск». После смерти В.В. семья его, состоявшая из жены Лидии Васильевны и двух дочерей и сына, не захотела оставаться в уединенном и низком месте, и усадьба была продана купцу К. Ф. В-рь, который в 1909 году снес и распродал все постройки, и место, на котором трудился пером и кистью один из крупнейших русских художников, превратилось опять в пустыню, и только заботливо посаженные и выхоженные им деревья свидетельствуют о его здесь пребывании.

Но что же представляла из себя усадьба при В. В., при его жизни? По характеру В. В., скорее всего, можно было назвать нелюдимым, если он и не прочь был от общения с людьми, то только на нейтральной почве. Так П.И. Шукин⁴⁵ в своих воспоминаниях рассказывает, что, несмотря на продолжительное знакомство и оживленную переписку, к себе его В. В. никогда не приглашал, а другой бытописатель московских коллекционеров А.П. Бахрушин⁴⁶ совсем даже не знал, что у В. В. было в Москве постоянное жительство. Только после смерти В.В. мастерская его была описана Владимиром Васильевичем Сизовым⁴⁷ в «Русских Ведомостях» 19 сентября 1904 года №261, и о том же предмете есть некоторые сведения в статье, помещенной Власом Михайловичем Дорошевичем в «Русском слове» 11 марта 1911 года №49. По свидетельству того и другого, центральную часть дома В. В. составляла мастерская, к которой уже затем постепенно пристраивались новые комнаты. Кроме этой главной мастерской, во дворе В. В. было устроено три отдельных помещения, служивших временными мастерскими для писания с натуры, в которых можно было работать, принаравливаясь к обычным изменениям солнечного света в течение дня. Самая мастерская представляла собою обширное помещение с необитыми бревенчатыми стенами, хорошо освещенное находившимся влево от входа огромным квадратным окном, обращенным на север, из которого можно было любоваться панорамой Москвы. В глубине комнаты напротив входа по освещенным стенам были развешаны картины различных размеров, от огромных полотен до маленьких картинок в изящных рамах. Прямо против окна почти посреди комнаты возвышался густой темно-зеленый филодендрон с его широкими вырезными листьями, окруженный несколькими пальмами в горшках. Письменный стол, поставленный вблизи этой живописной группы растений, служил для литературных занятий, которым покойный художник посвящал много времени, работая здесь ежедневно с самого раннего утра, когда в доме все еще спали и когда работать возможно было только при свечах. С наступлением дневного света художник обыкновенно принимался за палитру и работал кистью настойчиво, долго, иногда до самой темноты. Таким усердно трудящимся за мольбертом

изобразил В. В. скульптор Гинзбург (И. Я. Гинцбург — *сост.*) на статуэтке, находившейся в мастерской; хорошо также передавал внешность В. В. и находившийся тут же гипсовый бюст, исполненный великим скульптором Тильгнером⁴⁸. На одной из стен мастерской была развешена богатая коллекция оружия старого и нового европейского и азиатского.

На этой же стене были размещены и реликвии турецкой войны 1877 года⁴⁹: ключ от города Адрианополя, изодранный боевой значок Скобелева⁵⁰, его походный сюртук и его походный стул, наконец, план взятия какой-то крепости в Испании, весь исписанный рукою Скобелева, по которому был взят Геок-Тепе⁵¹.

Ближайшая ко входу часть мастерской была устроена весьма уютно: вдоль стены тянулась широкая лавка, покрытая прекрасным персидским ковром; на стене над лавкой на ветвистых рогах оленей были развешаны красивые японские фонари, с потолка в разных летящих позах спускались чучела весьма редких пород орлов и ястребов из Гималаев; тут же в углу находился в клетке чрезвычайно ручной и ласковый какаду, привезенный В. В. из Владивостока; на полках стены, ближайшей к этому углу, были расставлены интересные образцы языческой китайской и индусской кустарно-художественной промышленности, каковых предметов у В. В. были весьма обширные коллекции. Пол перед лавкой был покрыт большим индийским ковром с красивым рисунком по голубому фону, посередине ковра находилось индийское кресло, представлявшее из себя образец индийской художественной резьбы и инкрустации, а рядом с ним небольшой шкафчик — образец русской художественной резьбы, [на] шкафчике большой раскрашенный бюст Наполеона I-го.

Направо от входа в мастерскую был устроен особый павильон-палатка, обитый темно-вишневым манчестером⁵², служивший спальней для хозяина. На темно-вишневых бархатных стенах были красиво развешены шитые шелками художественные японские панно и портреты жены В. В. Лидии Васильевны, написанные им в Крыму.

Такой вид имела мастерская В. В. незадолго до его кончины, но, конечно, не всегда она была такой, так, например, все японские коллекции появились в ней только в 1903 году после путешествия в Японию, зато до японских коллекций в мастерской было размещено очень интересное собрание древнерусских бытовых вещей (кресты, пуговицы, серьги, посуда медная и серебряная), приобретенное В. В. у наследников Н. И. Подклюшникова.

Как видно из всего приведенного, мастерская В. В. представляла из себя довольно обширный музей, переполненный весьма ценными и интересными вещами. Но, само собою разумеется, что самый живой интерес для посетителя в мастерской покойного художника представляли его полотна, покрывавшие стены, стоявшие на мольбертах и даже на полу у стен, ведь, кроме написанных ранее, только в этой мастерской В. В. была исполнена вся серия картин войны

1812 года, картины, относящиеся к испано-американской войне, и картины, явившиеся результатом путешествий на север, на восток в Японию и Америку.

Некоторый интерес представляет судьба находившихся здесь верещагинских коллекций. После смерти В.В. все, находившееся в его мастерской, было перевезено в Петербург, и там 9 ноября 1904 года в залах Общества поощрения художеств была открыта посмертная выставка, с которой некоторая часть вещей поступила в устроенный стараниями князя Н.А. Гедройц в Николаеве музей изящных искусств имени В.В. Верещагина, музей этот был открыт через десять лет после смерти В. В. 24 мая 1914 года, и какова его судьба теперь мне не известно⁵³.

В декабре 1910 года была устроена и в Москве в галерее Лемерсье⁵⁴ посмертная выставка работ В.В., но очень малочисленная, на ней было всего-навсего вместе с рисунками и набросками 75. Выставленная тогда же и там же коллекция собранных В. В. японских вещей, насчитывавшая 280, была тогда же распродана без остатка.

Есть еще одно обстоятельство, выделяющее В.В. из всех других художников в Москве: ему и А.А. Иванову⁵⁵ принадлежит первое место по количеству произведений в московских музеях. У каждого из них имеется по 658 работ, и у В.В. масляных картин, у А.А. Иванова — большинство представляют рисунки, у следующего за ними по порядку в этом отношении В.М. Васнецова — только 455 картин и рисунков.

Да послужит это обилие произведений кисти В. В. в московских собраниях некоторым утешением в том печальном обстоятельстве, что от его строительной и коллекционерской деятельности ничего не осталось.

В.М. ВАСНЕЦОВ И МОСКВА —

ДОКЛАД К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

доклад на 150-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы

24 мая 1923 г.⁵⁶ (в Доме МАО на Берсеневке)

(К. 42. Д. 38. Л. 1—11; архивное дело)

Рукописный текст, синие чернила, с правкой, пометами, легко читается. Листы двухсторонние, разлинованные, тетрадный формат, сшитые и переплетенные тонким картоном чуть большего формата. На картонной обложке наклеен листок с вписанным от руки полным названием: «И. Жучковъ. В.М. Васнецовъ и Москва. 1848 3/16 мая 1923 г. (к 75-ти летию со дня рождения)».

Если любитель и почитатель старой Москвы в одну из своих прогулок по городу забредет в отдаленный район Мещанских улиц⁵⁷, то на четвертой Мещанской⁵⁸ в третьем Троицком переулке⁵⁹ он получит большое удовольствие

от созерцания небольшого, но очень стильного вида той самой старой Москвы, любовью к которой преисполнено его сердце. Я имею в виду усадьбу замечательно-го художника В.М. Васнецова (1848–1926 — *сост.*), главным образом, прославившегося своими иконописными и живописными на религиозные темы работами.

В своем религиозном служении восточные народы принесли к престолу Божию свою литературу, западные народы — восславили его в могучих формах своей архитектуры и в мощных звуках своей музыки, русский же народ принес Господу Богу скромный, но ценный дар в своей иконописи; и в наши дни, когда не только ценность, но и необходимость иконописи подвергается критике устами лиц, казалось бы, весьма компетентных, вспомнить о художнике, положившем огромный талант и массу труда в деле развития иконописи, очень следует.

В.М. Васнецов родился 3/16 мая 1848 года в селе Лопьяле Вятской губернии Уржумского уезда, так что теперь ему исполнилось 75 лет, общее образование он получил в духовном училище, затем обучался в Вятской духовной семинарии, из богословского класса которой вышел в 1867 г. для поступления в Петербургскую Академию художеств. В академии он пробыл до 1875 г. и в 1876 г. отправился за границу в Париж; о его художественной деятельности существует, может быть, недостаточно обширная по важности и значительности предмета, но все-таки целая литература; в мою же задачу входит отметить, по возможности, в этой деятельности то, что имеет какое-либо отношение к Москве.

В Москву он прибыл непосредственно из Парижа в 1877 г., и, как говорит его биограф В.В. Стасов: «Приехав в Москву, он почувствовал, что приехал домой и ехать ему уже более некуда. Кремль, Василий Блаженный и все другие архитектурные чудеса древней Руси заставляли его чуть не плакать, до такой степени все это веяло на него родным, дорогим своим, несравненным». И эти горячие чувства к Москве В.М. (Виктор Михайлович — *сост.*) сохранил и во всю свою последующую жизнь, так как, когда в начале девяностых годов (XIX в. — *сост.*) Академия художеств предложила ему быть профессором-руководителем мастерской религиозной живописи в высшем художественном училище при академии, но, несмотря на горячее желание содействовать симпатичным ему академическим начинаниям, В.М. все-таки отклонил это предложение, чувствуя себя не в силах переехать в Петербург и покинуть Москву. Из этих двух отрывков из биографии художника становится ясно, что по духу В.М. — настоящий старый москвич. Но, прежде чем обосноваться в своей усадьбе в Троицком переулке, В.М. порядочно поколесил по Москве. По приезде из Парижа в 1877 году он поселился у Крымского моста в 3-м Ушаковском переулке⁶⁰, отсюда он переехал к Зачатьевскому монастырю, затем жил на Воронцовской ул. в Таганке, где начал писать «Богатырей», отсюда он переехал на Полянку в Шапошный переулок⁶¹, из Шапошного переулка он переехал в Лефортово в Демидовский переулок в дом Михайлова и, наконец, уже отсюда — во вновь построенный свой дом.

Быть может, это очень странно, но в московских церквях, многие из которых украшены копиями с картин В. М., обрамленных исполненными по его рисункам или в его духе орнаментами, совсем нет оригинальных работ кисти художника; только у Троицы на Смотеке в приходском храме художника имеется исполненный мозаикой по его рисунку образ Спасителя, а в церкви в честь иконы Божией Матери «Отрада или Утешение» на Ходынском поле⁶² хранится художественно выполненная шелками монахинями Алексеевского монастыря плащаница, исполненная по рисунку и под наблюдением В. М.

Но, если московские церкви так бедны оригинальными произведениями В. М., зато Московский Исторический музей хранит в своих стенах заказанное в 1883 году замечательное его произведение — сцены из каменного века⁶³. Картина несколько пострадала от сырости, но, несмотря на это печальное обстоятельство, производит глубокое незабываемое впечатление. В Третьяковской галерее произведениям В. М. отведена одна из самых обширных зал, [у]вешанная его картинами на религиозные исторические и бытовые темы, есть его работы и в Цветковской галерее⁶⁴, и в Румянцевском музее. По количеству произведений в московских музеях В. М. занимает второе место, у него во всех московских публичных собраниях насчитывается 455 работ.

Но, кроме произведений кисти, Москва хранит в своих стенах и произведения В. М. как архитектора, кроме уже упоминавшегося мною дома, построенного В. М. для себя, почти напротив того дома, в котором мы теперь находимся⁶⁵, через реку возвышается небольшой терем, построенный И. Е. Цветковым для его художественной галереи. И. Е. Цветков был очень требовательным, осторожным человеком, и, когда в конце девяностых годов (XIX в. — *сост.*) он задумал построить для себя дом в русском стиле, то, чтобы уяснить себе свое намерение и найти желаемую форму, он перечитал все, что тогда было известно относительно древнерусской архитектуры, пересмотрел все издания, все фотографии с древних русских зданий, осмотрел сохранившиеся остатки древних зданий в Москве, нарочно ездил в Ярославль и в Ростов Великий, потерял целый год в попытках создать дом желаемой формы сначала при помощи одного профессора архитектуры, потом другого, пока, наконец, в рисунках чуткого в понимании старой русской красоты В. М. Васнецова не нашел искомой формы.

Для технической разработки проекта В. М. был приглашен архитектор Б. Шнауберт⁶⁶, большое также участие в постройке принимал близкий друг И. Е. Цветкова М. В. Челноков⁶⁷. На месте, где воздвигалось здание, в тридцатых годах (XIX в. — *сост.*) при постройке Храма Христа Спасителя сваливалась земля, и набережная была поднята на целых четыре аршина, так что пришлось строить дом на 24-х каменных столбах, соединенных каменными арками, вследствие этого обстоятельства небольшое сравнительно здание строилось в течение двух лет и обошлось строителю в 96 000 рублей.

Законченный дом И.Е. Цветкова показал всем любителям русского стиля, каким большим архитектурным талантом обладает В.М. Васнецов, поэтому, когда при перестройке Третьяковской галереи по инициативе финансовой Комиссии городского самоуправления возник вопрос о художественном фасаде для галереи, собранное по этому случаю городским головою совещание из Совета галереи, Строительного совета и выдающихся художников и архитекторов, сочувственно выслушало заявление В. М. о том, что фасад галереи русских картин, собранных русским гражданином, должен быть исполнен в русском стиле, и с благодарностью приняло его предложение в память П.М. Третьякова⁶⁸ исполнить проект этого фасада безвозмездно. Перестройка Третьяковской галереи продолжалась пять лет с 1900 по 1904 год, собственно, главные работы по устройству фасада были произведены в 1903 г., потому что возведенные еще в 1901 году стены вестибюля пришлось разобрать, так как они дали осадку вследствие оказавшегося в грунте плавучего песка; для технических работ при осуществлении проекта В. М. по его рекомендации был приглашен архитектор Башкиров⁶⁹. Фасад был сделан в русском стиле XVII века и строго выдержан в деталях. Герб Москвы, пояс надписей [нрзб], цоколь пилястры, наличники окон и дверей были исполнены из радомского песчаника. Вся мелкая арматура дверей, решетки окон были исполнены по рисункам В.М. Смета на устройство фасада была составлена в сумме 29 391 руб. 66 коп., обошлись же все работы в 31 808 руб. 65 коп. И, таким образом, художественные ценности Третьяковской галереи были заключены в достойный их художественный убор.

Но, кроме архитектурных памятников, в Москве есть и своеобразные скульптурные произведения, автором которых является В.М. Это намогильные кресты, исполненные по рисункам В.М. Первый из них, ныне не существующий, был поставлен по инициативе и на средства Киевского полка в 1907 году в Кремле на месте кончины Сергея Александровича⁷⁰, затем 25 апреля 1910 года на кладбище Скорбященского монастыря⁷¹ был освящен крест на могиле бывшего редактора «Московских ведомостей» Владимира Андреевича Грингмута⁷². И, наконец, на Рогожском старообрядческом кладбище был воздвигнут крест на могиле Ф.П. Рябушинского⁷³. Рассматриваемые порознь через некоторый промежуток времени эти кресты кажутся однообразными, но, когда сравниваешь непосредственно их изображения между собой, то поражаешься той изобретательности, которую проявил художник в одинаковых произведениях в одном и том же стиле.

Но, кроме этих трудов, являвшихся принадлежностью как бы Москвы в целом, немало потрудился В.М. своею кистью и для отдельных московских учреждений. Так традиционные кунтуши польского образца, в которые одевались в торжественных случаях московские певчие, были в синодальном хору заменены исполненными фирмой А.В. Голосова по рисункам В. М. стихарями. Для Московского археологического института⁷⁴ В.М. был исполнен весьма

сложный рисунок в русском стиле диплома для почетных членов института и вариант того же рисунка для окончивших в нем курс. К столетнему юбилею Московской духовной академии В. М. исполнил проект нагрудного знака для ношения профессорами и студентами. Знак этот изображал орла с распростертыми крыльями, на голове орла лежало Евангелие, открытое на словах: «Въ началѣ бѣ слово». К этой же группе работ для отдельных московских учреждений можно отнести и работу В. М., исполненную для отдельного москвича — книжный знак для И. Е. Остроухова⁷⁵.

Сделавшись постоянным московским жителем, В. М. не раз откликался своею талантливою кистью на те или иные события, происходившие в столице: так для обоих произошедших при нем коронационных трапез им были нарисованы художественные меню. По случаю открытия мощей Патриарха Гермогена⁷⁶ В. М. был написан образ этого святителя, который был на нем изображен шествующим из Успенского собора — своей патриаршей кафедры, к храму Чуда архангела Михаила. В подземелье этого храма, как известно, Патриарх принял мученическую кончину. Святитель, остановившись, поднял правую руку для благословения; в левой руке его Евангелие. На голове Святителя патриарший куколь с серафимами, на спускающихся воскрилиях которого изображены Спаситель и Богоматерь. Облачен Святитель в фиолетовую мантию со скрижальями, на груди панagia. В воздухе изображена Казанская икона Богоматери, в прославлении которой Святитель принимал участие, будучи митрополитом Казанским. Это произведение В. М. вполне соответствует исторической правде. Лицо Святителя написано по портрету в «Титулярнике» царя Алексея Михайловича⁷⁷, куколь совпадает с куколем его преемника Патриарха Филарета Никитича. На груди та самая панagia. Оклады Евангелия напоминают оправу «Святославова изборника»⁷⁸. Оригинал этого образа был впоследствии В. М. пожертвован в церковь в мамонтовском имении Абрамцеве, и списанная с него копия в значительно увеличенном размере сделалась неперменной принадлежностью всех больших московских крестных ходов.

Когда началась великая европейская война (Первая мировая война — *сост.*), В. М. стремился, насколько это было возможно, облегчить страдания ее жертв, им были нарисованы открытки и плакаты для благотворительных сборов, программы для благотворительных спектаклей, каталоги для благотворительных выставок. Темами для этих работ вначале служили батальные сцены из древней Руси и иллюстрации к сказкам, но постепенно и в этих работах В. М. перешел к более серьезным историческим темам, так для Комитета Елизаветы Федоровны⁷⁹ им была нарисована великолепная акварель, изображающая Александра Невского, акварель эта была использована Комитетом как стенка для отрывного календаря. Для благотворительного сборника «Клич»⁸⁰ В. М. были нарисованы изображения страдальцев за Русскую землю на Куликовом поле, Пересвета и Ослябя, оба святых представлены на фоне Симонова

монастыря, вблизи которого они погребены. Для московского городского самоуправления В. М. была нарисована чрезвычайно красивая благотворительная марка, темой для которой послужил московский герб — Георгий Победоносец.

Свои произведения В. М. вначале выставлял на передвижных картинных выставках, причем в первый раз, еще как экспонент, он выставил картину «За чаем», на 3-й передвижной выставке в 1874 году*. Так что со времени первого знакомства москвичей с произведениями В. М. Васнецова идет уже пятидесятый год. Затем он перешел в Союз русских художников, в котором участвует до сих пор. Но, кроме совместных с товарищами выставок, В. М. были устроены в залах Исторического музея и две выставки исключительно из своих произведений. Первая из них продолжалась с 21 февраля по 11 апреля 1910 года. На выставке появились исключительно произведения на религиозные темы с колоссальным «Страшным судом» для церкви в Гусь-Хрустальном⁸¹ во главе; выставка вызвала значительный интерес, число ее посетителей доходило в будние дни до 100 человек, а в праздники до 700. Вторая выставка из произведений на исторические, былинные и всякие другие не религиозные темы открылась 11 ноября 1912 года и продолжалась по 6 января 1913 года, за все время ее существования ее посетило 12000 человек. Обе выставки пользовались значительным успехом и вызвали в московских газетах ряд хвалебных статей. 25 марта 1910 года в большой аудитории Политехнического музея Обществом преподавателей графических искусств было устроено первое чтение для учащихся, посвященное В. М. Васнецову. На чтении выступили с докладами Н. В. Некрасов⁸², П. П. Пашков⁸³ и наш сочлен-председатель Общества преподавателей графических искусств И. Е. Евсеев. Собравшиеся в количестве более 1100 человек члены общества, их знакомые и учащиеся от самых маленьких школьников до студентов Университета выслушали с большим интересом предложенные доклады и покрыли громом аплодисментов чтение телеграммы В. М., в которой он приветствовал собравшихся и выражал сожаление, что не мог быть лично на чтении.

Но не всегда В. М. участвовал в жизни Москвы как художник, по некоторым вопросам он выступал и со своим авторитетным словом. Так, когда московское городское управление устроило на Красной площади трамвайную петлю (1909 г. — *сост.*), загородив всю площадь трамвайными столбами и запутав ее проводами, в комиссии, собранной по этому поводу⁸⁴, В. М. заявил: «По красоте своей и историческому значению Красную площадь можно сравнить с площадью св. Марка в Венеции. Много народа приходит в Москву, приезжают также иностранцы, чтобы взглянуть с Красной площади на Кремль, на памятник Минину и Пожарскому, составляющие гордость и славу России, на собор Василия Блаженного. Нельзя будет любоваться памятниками, если они будут загромождены трамвайными столбами, будут перепутаны целой сетью “колец” и “петель”, и по площади будут сновать взад и вперед вагоны. Везде памятники

* 3-я передвижная выставка в Москве продолжалась со 2. IV по 31 мая 1874 г.

строго охраняются, и только у нас в России они находятся в каком-то запустении. С проведением трамвая через площадь трудно будет пройти, и возможны будут несчастия, так как Красная площадь сама по себе небольшая. Если же смотреть с узко коммерческой стороны, с точки зрения быстроты и удобства сообщения, то можно дойти до того, что и Кремлевские стены придется снести, уничтожить Китайскую стену: ведь и они мешают быстроте сообщения, и их приходится обходить и объезжать. В Венеции есть люди, которые в целях удобства сообщения предлагают засыпать каналы. Конечно, этого не случится, так как итальянцы слишком гордятся стариной. Необходимо и нам охранять красоту исторических памятников». В другой раз после произведенной И.Э. Грабарем⁸⁵ перевески картины в Третьяковской галерее В.М. поместил в «Родном слове» 22 января 1916 года целую статью, в которой он со строгой эрудицией, основываясь на многих фактах, доказывал, что следовало оставить Третьяковскую галерею в неизменном виде, основать новую галерею для позднейших художественных приобретений города.

Я начал свой очерк упоминанием об усадьбе в Москве на Четвертой Мещанской⁸⁶, кончая его, я могу еще отметить, что столь приятному ее древне-московскому виду соответствует и такое же стильное внутреннее убранство, интересна деревянная отделка комнат первого этажа, интересна лестница, ведущая в обширную мастерскую и, наконец, маленькая светлая спальня самого художника, все носит на себе оттенок истинной художественности и истинного проникновенного понимания стиля. Но, что особенно поражает в жилище В.М., это обилие икон, их даже больше, чем в хорах заправского старомосковского служилого боярина или богатого торгового гостя, так как собирает их В.М. уже давно с большим знанием и со строгим разбором и не только как приметы религиозного культа, но и как произведения искусства, и в его собрании есть такие вещи, как блестящая своими красочными тонами превосходного новгородского письма икона XVI века «О тебе радуешься», или как проникнутые русскими национальными чертами две иконы также XVI века, изображающие свв. Бориса и Глеба, в одном случае пеших и в другом конных. Наконец, Деисус XVI века и много еще других замечательных икон.

Источники:

- 1) «Художник В.М. Васнецов о Красной площади» (Русское Слово. 13.IX.1909 г. №210);
- 2) Н. Ст-ко «У В.М. Васнецова» (Русское Слово. 16.X.1909 г. №237); 3) «На выставке В.М. Васнецова» (Утро России. 7.III.1910. №124/91); 4) «Закрытие выставки В.М. Васнецова» (Голос Москвы. 8.I.1913. №6); 5) «Патриарх Гермоген в изображении В.М. Васнецова» (Русское Слово. 24.IV.1913. №94); 6) «Юбилейный Знак Духовной академии» (Русское Слово. 24.X.1915 г. №244); 7) Доклад №93 Финансовой Комиссии по проектам расширения помещений и обеспечении целостности художественной галереи П. и С.М. Третьяковых 2.III.1900 г.; 8) Доклад №21 М.Г.У. (Московского городского управления — *сост.*) о дополнительном кредите на устройство городской художественной галереи П. и С.М. Третьяковых 12.III.1901 г.; 9) Доклад №176 М.Г.У. о постройке фасада Г.Х.Г. (Городской художественной галереи — *сост.*) П. и С.М. Третьяковых 7.IX.1901 г.;

10) Смета на работы по отделке фасада Г.Х.Г., предположенная к производству по рисункам художника В.М. Васнецова в 1902 г.; 11) Доклад №210 Ревизионной Комиссии о ревизии произведенных в течение последних лет работ по переустройству Г.Х.Г. имени Бр[атьев] П. и С.М. Третьяковых 29/П — 1/П.1908 г.; 12) «И.Е. Цветков (основатель Цветковской картинной галереи в Москве)» (С. Петербург, 1911); 13) А.И. Успенский «Виктор Михайлович Васнецов» (Москва, 1906); 14) Иллюстрированный каталог XVII передвижной выставки «Товарищества передвижных художественных выставок» с приложением перепечатки указателей первых 15-ти передвижных выставок. Составил и издал Н.П. Собко (С. Петербург, 1889 г.); 15) Иллюстрированный каталог XVIII передвижной выставки «Товарищества передвижных художественных выставок» с приложением перечня журнальных статей о первых 16-ти передвижных выставках. Составил и издал Н.П. Собко (С. Петербург, 1890); 16) Известия Общества преподавателей графических искусств за 1910 г. №4; 17) «Новая Москва» (Кривое Зеркало. Москва. 29/XI.1909 г. №7; 18) Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде, декабрь 1911 — январь 1912 (Том 3. Петроград); 19) «Храм в честь иконы Божией Матери, именуемой “Отрада или Утешение”, сооруженный на Ходынском поле в Москве» (Москва, 1909); 20) «По поводу новой развески картин в галерее П. и С. Третьяковых» (письмо в редакцию «Русского слова» (22. I.1916, №17).

КОММЕНТАРИИ

- ¹ После смерти И.Е. Цветкова (1845—1917) его галерея в 1925 г. вошла в состав Третьяковской галереи как филиал, но в 1926 г. филиал был закрыт. Основная часть собрания пополнила фонды Третьяковской галереи, остальное было распределено по губернским музеям.
- ² Аудитор (авдитор) — ученик, назначенный учителем для проверки уроков у других учеников; секутор — переименованное от экзекутор, в дореволюционных школьных заведениях, буквально, тот, кто сечет.
- ³ Частная галерея — Голицынский музей, общедоступный; создан по воле кн. М.А. Голицына (1804—1860) на основе его коллекции, размещавшейся в голицынской усадьбе в М. Знаменском пер. (ул. Волконка); Голицынский музей открыт в 1865 г. В 1880-е гг. музейное собрание приобретено Эрмитажем (См.: *Полунина М., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы: Иллюстр. биограф. словарь. — М., 1997. — С. 137—140).
- ⁴ Румянцевский музей — образован на основе библиотеки и коллекций графа Н.П. Румянцева (1754—1826); существовал в 1862—1925 гг. Располагался в Доме Пашкова. Состоял из трех отделов: коллекции русской и западноевропейской живописи; русской и западноевропейской гравюры; этнографические коллекции русских путешественников (Дашковский музей). После ликвидации коллекции распределены между художественными музеями Москвы и Ленинграда, библиотека послужила основой Государственной библиотеки Ленина (ныне Российская государственная библиотека (РГБ)).
- ⁵ Бабьегородская плотина существовала выше Б. Каменного моста между совр. Пречистенской и Берсеневской набережными Москвы-реки; разобрана в 1937 г. в связи с постройкой Канала им. Москвы; название получила по местности Бабий городок (XVI—XVIII вв.) на правом берегу Москвы-реки между совр. Крымской наб. и ул. Б. Якиманкой.
- ⁶ Больница открыта в 1802 г. на средства кн. Д.М. Голицына, построена по проекту архитектора М.Ф. Казакова. Ныне входит в комплекс Городской клинической больницы №1 им. Н.И. Пирогова (Ленинский просп., д. 8).
- ⁷ Первая Градская больница — первая московская больница, построенная на городские средства; открыта в 1833 г.; построена по проекту архитектора О.И. Бове. Ныне входит в комплекс Городской клинической больницы №1 им. Н.И. Пирогова (Ленинский просп., д. 8).
- ⁸ Московское мещанское училище (1835—1918 гг.) размещалось в здании начала XIX в. (быв. усадебный дом Д.Н. Лопухина, построенный по проекту архитектора А.Н. Бакарева),

в 1835 г. здание приобретено Московским Мещанским обществом; перестраивалось в XIX–XX вв. Ныне (как и в советское время) в здании размещается вуз — Горный институт НИТУ МИСиС (Ленинский просп., д. 6).

⁹ Храм не сохранился.

¹⁰ Московское общество любителей художеств (1860–1918 гг.), благотворительное; проводило конкурсы, присуждало премии; создало фонд для помощи бедным и престарелым художникам и их семьям; постоянно действовавшая при обществе выставка выполняла роль первого московского публичного художественного музея.

¹¹ В бывшем здании Цветковской галереи с 1942 г. размещалась Французская военная миссия, ныне — военный атташат Франции. На здании в 1995 г. установлена мемориальная доска И. Е. Цветкову.

¹² М. М. Иванов (1748–1823), живописец, акварелист, академик Императорской Академии художеств, хранитель отдела рисунков в Эрмитаже.

¹³ Прозвание Каналетто носил итальянский живописец, гравер, мастер офорта и жанра городского пейзажа (венецианской ведуты) Дж. А. Каналь (1697–1768).

¹⁴ Ф. Я. Алексеев (1753–1824), живописец, один из основоположников и крупнейших мастеров классицистического городского пейзажа, академик Императорской Академии художеств.

¹⁵ М. Н. Воробьев (1787–1855), живописец и рисовальщик, основоположник и крупнейший представитель романтико-классицистического пейзажа; глава «воробьевской» школы; академик и профессор Императорской Академии художеств.

¹⁶ Храм не сохранился.

¹⁷ П. А. Федотов (1815–1852), уроженец Москвы, живописец и график, портретист, иллюстратор, поэт, академик Императорской Академии художеств.

¹⁸ К. И. Рабус (1800–1857), живописец, график, педагог — преподаватель Московского училища живописи и ваяния, академик Императорской Академии художеств.

¹⁹ А. К. Саврасов (1830–1897), живописец, пейзажист, член-учредитель Товарищества передвижных выставок, академик Императорской Академии художеств.

²⁰ Памятник не сохранился.

²¹ С. И. Светославский (1857–1931), художник-пейзажист, член Товарищества передвижных выставок.

²² И. П. Витали (1794–1855), скульптор, педагог, академик Императорской Академии художеств; автор скульптурной композиции Богини Минервы на аттике центрального фасада перестроенного Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьевым (1820–1830-е гг.) бывш. Слободского дворца (с 1868 г. — Императорское Московское техническое училище; ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана).

²³ Архитектурный проект Триумфальных ворот, возведенных в Москве к 1834 г., принадлежит О. И. Бове; его младший брат М. И. Бове (1798–?) — Бове 2-й, участвовал в строительстве; после смерти О. И. Бове (†1834), назначен главным архитектором сооружения.

²⁴ С. М. Шухвостов (1821–1908), живописец, академик Императорской Академии художеств.

²⁵ П. А. Нисевин (1830–1877), художник-акварелист; преподавал в Строгановском училище, академик Императорской Академии художеств.

²⁶ Н. Н. Каразин (1842–1908), живописец, график, баталист, один из членов-учредителей Общества русских акварелистов, академик Императорской Академии художеств.

²⁷ Е. И. Маковский (1802–1886), художник-любитель, коллекционер, один из основателей Московского училища живописи, ваяния и зодчества, отец живописцев Маковских (Константина, Николая, Владимира).

²⁸ К. Е. Маковский (1839–1915), представитель династии художников, живописец, график, один из учредителей Товарищества передвижных художественных выставок, академик и действительный член Императорской Академии художеств.

- 29 В.А. Тропинин (1776—1857), живописец, представитель романтической школы, портретист, академик Императорской Академии художеств.
- 30 А.И. Соболевский (1789—1867), живописец, акварелист.
- 31 А.П. Бахрушин (1853—1904), представитель династии Бахрушиных, купец, меценат, библиофил, коллекционер.
- 32 В.Н. Мешков (1867—1946), живописец, график, д-р искусствовед. наук, профессор Всероссийской Академии художеств, народный художник РСФСР.
- 33 С.В. Иванов (1864—1910), живописец, академик Императорской академии художеств.
- 34 О.Э. Браз (1873—1936), живописец, портретист, гравер-офортист, литограф, академик Императорской Академии художеств, член «Мира искусства».
- 35 В.И. Суриков (1848—1916), живописец, мастер жанра исторической живописи, академик и действительный член Императорской Академии художеств.
- 36 Д.Э. Мартен (1860—1918), живописец-пейзажист, график, член Московского общества любителей художеств, Московского товарищества художников.
- 37 А.В. Маковский (1869—1924), представитель династии художников, живописец, график, член Товарищества передвижных художественных выставок, академик Императорской Академии художеств.
- 38 П.М. Шмельков (1819—1890), художник, карикатурист, педагог, член Московского общества любителей художеств.
- 39 В.Г. Перов (1833—1882), живописец, писатель, педагог, один из членов-учредителей Товарищества передвижных художественных выставок, академик Императорской Академии художеств.
- 40 В.Е. Маковский (1846—1920), представитель династии художников, живописец, график, портретист, педагог, член Товарищества передвижных художественных выставок, академик и действительный член Императорской Академии художеств, ректор Высшего художественного училища при Академии художеств.
- 41 В архивных деле и описи дана дата — 9 октября.
- 42 В.В. Верещагин (1842—1904), русский живописец-баталист.
- 43 Н.А. Шамин (1862—1933), москвовед, член «Старой Москвы», гласный Московской городской думы, общественный деятель.
- 44 Ныне — местность на юге Москвы, у бывш. д. Верхние Котлы (известна с XIV в.).
- 45 П.И. Щукин (1853—1912), предприниматель, коллекционер, основатель частного музея. При жизни подарил коллекцию Российскому Историческому музею.
- 46 П.А. Бахрушин (1853—1904), предприниматель, коллекционер, меценат.
- 47 Имеется в виду Владимир Ильич Сизов (1840—1904), археолог, историк искусства, член Московского археологического общества, секретарь и хранитель коллекций Российского Исторического музея.
- 48 В.О. Тильгнер (1844—1896), австрийский скульптор.
- 49 В.В. Верещагин — участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; был тяжело ранен.
- 50 М.Д. Скобелев (1843—1882), русский военачальник, генерал от инфантерии, участник военных кампаний Российской империи в Средней Азии, Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., освободитель Болгарии («Белый генерал»).
- 51 Геок-Тепе — укрепленный пункт туркменов-текинцев, взятый штурмом 12 января 1881 г. М.Д. Скобелевым в ходе Ахал-Текинской экспедиции Русской армии 1880—1881 гг.
- 52 Манчестер — ворсовая, хлопчатобумажная ткань из крученой пряжи с вертикальным направлением ворса как у бархата, велюра, вельвета.
- 53 Н.А. Гедройц (1853—1933), художник, общественный деятель, меценат, друг В.В. Верещагина, инициатор создания музея в Николаеве в память о В.В. Верещагине. Первое музейное

- собрание, помимо работ художника, включало его личные вещи; ныне это — Николаевский областной художественный музей им. В.В. Верещагина.
- 54 Частная художественная галерея, существовавшая в Москве в 1909—1917 гг.
- 55 А.А. Иванов (1806—1858), живописец, график, представитель классицистической школы, автор полотен на библейские и античные мифологические сюжеты, академик Императорской Академии художеств.
- 56 В архивных деле и описи дана дата — 26 мая.
- 57 Ныне — Мещанский район Центрального административного округа Москвы. Название по бывшей здесь в XVII в. Мещанской слободе.
- 58 Ныне — ул. Мещанская. Возникла в Мещанской слободе в конце XVII в. как 4-я Мещанская; три других номерных улицы переименованы (1-я или Большая Мещанская — часть просп. Мира от Сухареvской до Рижской пл., 2-я — ул. Гиляровского, 3-я — ул. Щепкина. (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 308).
- 59 Ныне — пер. Васнецова (между улицами Троицкой и Мещанской). В начале XX в. назывался Новым Троицким, затем 3-м Троицким. Название связано с находившейся здесь в XVII в. Троицкой (Троице-Сергиева монастыря) слободой. Переименован в 1954 г. (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 69).
- 60 Ныне — Турчанинов пер. (между Пречистенской наб. и ул. Остоженкой). Такое же название носил в первой половине XIX в.; с середины XIX в. до 1922 г. — 3-й Ушаковский (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 539).
- 61 Ныне — 2-й Спасоналивковский пер. (от ул. Б. Полянка до Казанского пер.). Название Шапошный (Шапошников, Шапкин) существовало до 1912 г. (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 495).
- 62 Храм не сохранился.
- 63 Живописный фриз «Каменный век» был заказан В.М. Васнецову одним из основателей и руководителей Российского Исторического музея графом А.С. Уваровым для Археологического зала (Зал №2); 25-метровое панно создавалось в 1882—1884 гг.
- 64 Подробнее см. работу И.Н. Жучкова «И.Е. Цветков и “Старая Москва” в его художественной галерее», помещенную в настоящем сборнике.
- 65 Заседание, на котором выступал с этим докладом И.Н. Жучков, проходило в доме МАО на Берсеневской наб., бывш. палатах думного дьяка Аверкия Кириллова (ныне здание Росийского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева).
- 66 Б.Н. Шнауберт (1852—1917), архитектор, член Московского архитектурного общества.
- 67 М.В. Челноков (1863—1935), купец-предприниматель, общественный деятель, гласный Московской городской думы, Московский городской голова (1914—1917 гг.).
- 68 П.М. Третьяков (1832—1898), предприниматель, коллекционер, меценат, Почетный гражданин г. Москвы; основатель Третьяковской галереи: музей на основе личного собрания П.М. Третьякова был основан в 1856 г., в 1892 г. передан в дар Москве (ныне — Всероссийское музейное объединение «Государственная Третьяковская галерея»).
- 69 В.Н. Башкиров (1870— после 1917), уроженец Вятской губ., архитектор, член Московского архитектурного общества.
- 70 Крест на месте убийства у Никольской башни 4 февраля 1905 г. террористом Каляевым генерал-губернатора Москвы, почетного члена МАО, вел. кн. Сергея Александровича (род. 1857), был установлен 2 апреля 1908 г.; снесен 1 мая 1918 г. В 1986 г. останки вел. кн. перезахоронены в усыпальницу Романовых в Новоспасском монастыре; в 1998 г. в монастыре установлен памятный крест (скульп. Н.В. Орлов, по оригинальным эскизам В.М. Васнецова); 4 мая 2017 г. воссозданный васнецовский памятный крест (скульп. Н.В. Орлов) установлен на прежнем месте в Кремле.
- 71 Монастырь и кладбище не сохранились.

- ⁷² В.А. Грингмут (1851–1907), публицист, литературный критик, общественный и политический деятель, основатель Русской монархической партии, идеолог черносотенного движения, член-корреспондент МАО; могила и васнецовский крест не сохранились.
- ⁷³ Ф.П. Рябушинский (1886–1910), меценат, член Русского географического общества, организатор одной из самых крупных и значимых по результатам экспедиции на Камчатку (1908–1910 гг.; Экспедиция Рябушинского — снаряжена на его средства). Семейный московский некрополь старообрядцев Рябушинских на Рогожском кладбище не сохранился.
- ⁷⁴ Московский археологический институт (1907–1922 гг.) — высшее учебное заведение, готовившее археологов и архивистов; открыт по инициативе генерал-лейтенанта В.Г. Глазова (почетный попечитель) и приват-доцента Харьковского университета, действ. члена МАО, тов. председателя Церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения А.И. Успенского (директор).
- ⁷⁵ И.Е. Остроухов (1858–1929), художник, библиофил, собиратель живописи и древнерусских икон, основатель частного общественного художественного музея, общественный деятель (Подробнее см.: Остроухов Илья Семенович (1858–1929) // *Полунина Н., Фролов А.* Указ. соч. — С. 250–254).
- ⁷⁶ Речь идет о прославлении в лике святых сщмч. Ермогена Патриарха Московского и всея Руси — 12 мая 1913 г.
- ⁷⁷ «Царский титулярник» или «Большая Государева книга или Корень российских государей» (1672 г.) — справочник по титулам русских и иностранных царствующих лиц и государственных деятелей с кратким изложением русской истории, использовался, в том числе, для дипломатической переписки; богато иллюстрированная рукопись.
- ⁷⁸ «Изборник Святослава» составлен для великого князя Святослава Ярославича в 1073 г. — одна из самых древних русских рукописных книг.
- ⁷⁹ Елизаветинский комитет — благотворительная организация; создан по инициативе великой княгини Елизаветы Федоровны в 1914 г. (См.: *Букалова С.В.* Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны в системе общественного призрения периода Первой мировой войны // *Вестник ПСТГУ / серия II: История. История Русской Православной Церкви.* — 2023. — Вып. 110. — С. 90–100).
- ⁸⁰ День печати. Клич. Сборник на помощь жертвам войны: Альманах. — М. 1915. — 230 с. Иллюстрированное издание, включившее произведения известных литераторов, художников, музыкантов, безвозмездно передавших свои произведения. Вырученные от продажи деньги направлялись на помощь жертвам войны.
- ⁸¹ Композиция для мозаик церкви св. Георгия Победоносца в Гусь-Хрустальном — в 1896 г. была заказана Ю.В. Нечаевым-Мальцовым, написана к 1904 г.
- ⁸² Н.В. Некрасов (1860–?), публицист, искусствовед, сотрудник Третьяковской галереи (1920-е гг.).
- ⁸³ П.П. Пашков (1872–1952), проф., художник, декоратор, педагог, общественный деятель, один из основателей Государственной центральной театральной библиотеки в 1922 г., работал в области художественного оформления тканей, книжной графики и проч.
- ⁸⁴ Борьбу против трамвайной линии на Красной пл. летом–осенью 1909 г. вело МАО; в специальную комиссию вошли: председатель МАО П.С. Уварова, действ. член МАО Д.Я. Самоквасов, представители городского управления, специалисты и в том числе В.М. Васнецов; был поднят в широком смысле вопрос об отношении к памятникам, к историческим территориям и облику исторических мест и городов. Борьба против трамвая, по словам П.С. Уваровой, стала одной из причин создания внутри МАО в том же 1909 г. специальной комиссии — «Старой Москвы».
- ⁸⁵ И.Э. Грабарь (1871–1960), живописец, искусствовед, музейный деятель, реставратор, руководитель Центральных государственных реставрационных мастерских, действительный член Императорской Академии художеств, Академии наук, Академии художеств СССР, лауреат Сталинской премии, Народный художник СССР.

- ⁸⁶ Дом в неорусском стиле по проекту В.М. Васнецова построен в 1894 г.; художник в нем жил с 1894 до 1926 г. В 1927 г. наследники организовали здесь «Посмертную выставку картин и рисунков Виктора Васнецова». К 100-летию со дня рождения художника (1948 г.) наследниками было принято решение о создании мемориального музея, в дальнейшем дом, участок, художественное собрание были переданы государству. Музей был открыт в 1953 г. В 1963 г. стал филиалом Музея истории и реконструкции Москвы (ныне — Музей Москвы); с 1986 г. — в составе Государственной Третьяковской галереи.

МОСКОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ, КОТОРЫМ ПОСВЯЩЕНЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЛЕНОВ «СТАРОЙ МОСКВЫ»

Симонов монастырь. Фотография, конец XIX в.
(Из книги: *Московская панорама. Книга-фотоальбом: В 2 т. —*
Т. II. — Изд. 2-е, доп., испр. — М., 2014)

Собор Спаса на Бору в Кремле. Фотография, конец XIX в.

**Здание бывшего Земского приказа на Красной площади перед разборкой.
Фотография, конец 1870-х гг.**

**Красная площадь. Вид на здание бывшего Земского приказа,
Иверские ворота, здание Губернского правления, Казанский собор
и Верхние Торговые ряды. Фотография, 1880-е гг.**

Храм Параскевы Пятницы в Охотном ряду. Фотография, 1880-е гг.

Храм Святителя Николая в Кленниках. Фотография, 1880-е гг.

Храм Марии Египетской в Сретенском монастыре. Фотография, 1920-е гг.

Вид ул. Покровки и храма Успения. Фотография, 1880-е гг.

Вид на ул. Мясницкую в районе Почтамта.
Фотография, конец XIX в.

**Храм вмц. Ирины при МГАМИД на
Воздвиженке. Фотография, 1880-е гг.**

**Собор Покрова Пресвятой Богородицы
на Покровке. Фотография, 1880-е гг.**

**Храм Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке
Фотография, 1880-е гг.**

Вид со стороны ул. Пречистенки на старинный дом (в глубине у храма) и храм Спаса на Божедомке в Царицынском пер. Фотография, конец XIX в.

Палаты Волковых—Юсуповых в Б. Харитоньевском пер. Фотография, начало XX в.

Тверской полицейский дом с пожарной каланчой.

Фотография П.П. Павлова, 1910-е гг.

*(Из книги: Московская панорама. Книга-фотоальбом: В 2 т. —
Т. I. — Изд. 2-е, доп., испр. — М., 2014)*

**Лефортовский (на первом плане) и Слободской (на втором плане) дворцы
в Лефортово. Фотография, конец XIX в.**

**Александринский дворец в Нескучном саду на Калужской улице.
Фотография, 1884 г. (Из книги: *Московская панорама. Книга-фотоальбом: В 2 т. — Т. II. — Изд. 2-е, доп., испр. — М., 2014*)**

**Бывшая Мамонова дача близ Воробьевых гор. Фотография П.П. Павлова, 1910-е гг.
(Из книги: *Московская панорама. Книга-фотоальбом: В 2 т. — Т. II. — Изд. 2-е, доп., испр. — М., 2014*)**

ИЛЬИНСКИЙ А. А.¹

Биографических сведений об А.А. Ильинском не обнаружено.

Упоминается среди докладчиков и участников прений лишь однажды — на 116-м заседании «Старой Москвы» 12 января 1922 г. — прочитал доклад «Тимофей Егорович Мягков, московский художник 40-х — 50-х годов прошлого столетия».

ТИМОФЕЙ ЕГОРОВИЧ МЯГКОВ, МОСКОВСКИЙ ХУДОЖНИК 40-х — 50-х ГОДОВ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

*доклад на 116-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
12 января 1922 г. (в Музее старой Москвы, ул. Тверская, д. 59)*

(К. 1. Д. 9. Л. 1—3об.; протокольная запись)

Рукописный текст, синие и коричневые чернила, с автографами, с правкой. Листы двухсторонние, некоторые разлинованы, есть пятна. Запись сделана П.Н. Миллером.

Перед докладом были демонстрированы пять портретов (масляных) кисти художника, из них три автопортрета и два портрета его жены Веры Денисовны. Во время и после доклада демонстрировалось до 100 эскизов, набросков, рисунков, фотографических снимков, писем, документов.

Предпослав своему докладу сообщение, что биографических печатных материалов о Т.Е. Мягкове ему не приходилось встречать ни в одном из значительных указателей, словарей и т.п., кроме одного маленького художественного альманаха, в котором значилось имя художника Мягкова, причем вслед за отчеством — «Егорович», поставлен знак вопросительный; что о Мягкове вообще никаких сведений не имеется², что судьба связала его с его потомками, т.к. он живет ныне в доме, в котором некогда жил Т.Е. (Тимофей Егорович — *сост.*) и во дворе которого сохранился прежний брусняной двухэтажный флигель, находящийся под №19 по Выползову переулку³ на Старой Божedomке (ныне ул. Дурова — *сост.*), — А.А. приступил к докладу.

Мягков с самого начала своей жизни чувствовал свое будущее призвание — быть художником. Это становится совершенно ясным, если ознакомиться

с сохранившейся начатой, но не оконченной автобиографией художника. (Копия с этой автобиографии прилагается⁴).

От одной древней старушки, все время жившей во дворе этого владения, лишь недавно умершей — Куровой, удалось получить скудные сведения, что Мягков обучался живописи у Максимова, был дворовым человеком «его превосходительства» генерала Перфильева и в 30-х годах пр[ошлого] столетия (XIX в. — *сост.*) приехал в Москву из Лебедяни.

Просматривая дневники нескольких годов или как они названы «Памятные книги», которые вначале очень аккуратно вел Мягков, можно видеть, как росла художественная деятельность и работа Т. Е., его материальное благосостояние, место, количество и характер его работ и пр.

Например, под 1834 годом значится, что он заработал 500 рублей на исправлении икон и живописи какой-то провинциальной церкви.

В 1836 году начинаются работы уже в Москве, причем заработок составляет из уплат за нарисованные портреты и церковные работы; в упомянутом году Мягков заработал на портретах 1154 р., причем писал семейные портреты Голицыных, Перфильевых, Бистром, ... (так в тексте — *сост.*) и других, а за церковные работы получил 900 руб.

В 1844 году в памятной книжке значится исполненными 44 портрета, заработано 10 000 рубл.

В 1846 заработок достиг 11 000 р., а в 1848 — 12 800 рублей, — самый большой заработок.

Из этого нельзя не видеть, что Т. Е. Мягков пользовался широкой популярностью.

Позднее [18]48 года ведение памятных книжек становится небрежнее, чувствуется упадок в работе, доходы становятся меньше, и слава Т. Е. постепенно гаснет.

1841 год⁵ отмечен в жизни Т. Е. необычайным событием: им получен из Императорской Академии художеств аттестат на звание некласного художника⁶.

Мастерство Т. Е. доходит до апогея и поддерживается им до [18]48 года. К тому же времени надо отнести перелом в характере его живописи, — он все более склоняется от портретной к иконописной и окончательно на ней утверждается.

В 1844 году он представляет несколько картин в Чудов монастырь.

В 1845—1848 гг. работает, исполняя заказ церкви Рождества Христова в Палашах⁷ (приход б[ывшего] Английского клуба, где происходит настоящий доклад). К работам в этой церкви он возвращается в 1855 году «для исправления икон».

В 1854 году им произведены иконописные работы в Страстном м[онастыре]⁸, позднее, уже под закат его деятельности и жизни в ц[еркви] Власия в Староконюшенной и др.

Внешность Т. Е. была крупная, представительная. Это видно и из тех автопортретов, которые удалось найти, сохранить и показать на сегодняшнем заседании вместе с портретами его жены Веры Денисовны.

Первый относится к 1836 году, второй к 1841 и последний к концу 50-х годов; этот был найден на чердаке, и его не удалось в достаточной степени реставрировать.

Портреты Веры Денисовны относятся к 1834 и 1841 годам, причем, последний был, несомненно, переписан, что заметно по проступающим сквозь верхние краски чертам другого изображения.

Фотографические снимки изображают Т. Е. в шестидесятых годах, уже перед кончиной.

По характеру Т. Е. был в высшей степени добродушен, весельчак, величайший семьянин, хорошо относился к окружающим и страдал одним очень распространенным среди талантливых натур недугом — сильно выпивал.

Страстно любил бани, где пропадал по неделям и откуда писал жене письма, напр[имер], следующего содержания: «Брат-жена, не ходи за баню»... выражение, которым он, вероятно, хотел предупредить свою супругу, чтобы она воздержалась от выпивки, т.к. и она страдала тем же недугом. Бани Т. Е. посещал всегда Трубные, находящиеся на Трубной площади.

Грубый по воспитанию и происхождению Т. Е. совершенно по-институтски воспитал свою единственную дочь — Веру, которую докладчик еще застал в живых, близко с ней познакомился и от которой имеет большинство того материала и сведений, которым делится на сегодняшнем заседании.

Мать и дочь Мягковы жили не особенно дружно.

Тот холм, по которому тянется часть Выползова переуллка, где стоял дом Мягковых, в прежнее время представлял из себя как бы остров, окруженный большими и довольно глубокими прудами, в одном из них чуть не утонула Екатерина (Вера ? — *сост.*) Тимофеевна.

До настоящего времени сохранился только надворный двухэтажный деревянный флигель, ныне обшитый тесом, а по фасаду на улицу выходил одноэтажный домик.

И дом, и флигель существовали и в 1834 году, когда в них поселились Мягковы, и принадлежали тогда Анне Федоровне Сусленниковой; в 1837 году владение было куплено Ульяной Егоровной Плохинской, которая продала его в 1847 г. Матрене Ивановне Ермоловой; в 1857 году владение перешло к действ[ительной] ст[атской] сов[етнице] Александре Дмитриевне Морозовой, продавшей в том же году владение Мягкову. По смерти Мягкова в 1865 году дом поступает во владение к зятю его Алексею Михайловичу Колесову⁹ (классному художнику¹⁰) и остается в его владении по 1906 год.

Приобретя владение, Мягков в 2½ этажном деревянном надворном флигеле устроил свою мастерскую, приспособив для сего здание, прорубил большое окно для выноса больших картин и т.п.

По переднему, уличному фасаду стоял маленький одноэтажный дом, настолько ветхий, что в 1867 году полиция определила его к сломке. На месте этого дома, Колесовыми-детьми был возведен теперешний 3½ этажный дом¹¹.

О домовладелице Ермоловой (1847–1857) упомянутая выше старушка Курова говорила, что Матрена Ивановна приходится матерью известной артистки Марии Николаевны Ермоловой.

В 1865 году... (так в тексте — *сост.*) Тимофей Егорович умер от разрыва сердца, сильно злоупотребляя перед смертью спиртными напитками; через 4 года вследствие тех же причин умерла и его жена Вера Денисовна.

Портрет Т.Е. кисти его зятя А.М. Колесова находится в Историческом музее.

Все потомки Мягкова отмечены художественными талантами: из трех сыновей Колесова — Павел¹² был архитектором, Алексей — артистом, пользовавшимся известностью на провинциальной сцене и Василий (Владимир? — *сост.*) — художником¹³.

Из них Павел и Алексей уже умерли, оставшийся в живых Василий — невенчаем (?— *сост.*). Живые свидетели жизни Мягкова ничего не могли дать существенного докладчику, и даже его дочь Вера Тимофеевна во всех своих разговорах и рассказах касалась больше всего жизни ее мужа Алексея Михайловича Колесова, а не отца.

Совершенно случайно из-под комода докладчик высвободил три забытых рулона, о которых Вера Т[имофеевна] не подозревала, и лишь потом после промывки они оказались теми автопортретами, которые сегодня показывались.

Недели 4 тому назад бесследно исчезли 4 пачки документов, приготовленных для передачи докладчику Александрой Павловной Колесовой, правнучкой Мягкова; они были положены около печи, которую обыкновенно топила девочка.

В заключение докладчик отметил, что сегодняшнее сообщение он посвятил исключительно бытовой стороне жизни московского художника Т.Е. Мягкова, не имея ввиду критического разбора его художественных произведений.

Эти труды Мягкова подлежат особому и специальному изучению и исследованию, и дело будущего дать Тимофею Егоровичу подобающее ему место среди русских художников.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ В протокольной записи, в архивных деле и описи даны только инициалы автора доклада.
- ² Т.Е. Мягков (1811–1865) упомянут в издании: *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. — СПб., [1914–1915]. — Ч. II. — С. 133. Уроженец с. Теплое Лебедянского уезда Тамбовской губ.; выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Жил у художника А.М. Максимова (1810–1865) в Москве; зарабатывал, расписывая храмы в Москве, Туле, Твери, Задонске, Лебедяни и проч., писал портреты местных купцов, священников, помещиков. Похоронен на Лазаревском кладбище в Москве (кладбище не сохранилось). Работы — в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Историческом музее, ряде областных художественных и краеведческих музеев. О нем см.: *Архипова В.Н.* «Почти утраченный» художник. О живописце, иконописце, реставраторе Тимофее Егоровиче Мягкове (1811–1865) // *Московский журнал*. — №8 (320). — 2017. — С. 90–96. Автор статьи публикуемый здесь архивный текст доклада А.А. Ильинского не использовала.

- ³ По сведениям В.Н. Архиповой, по приезду в Москву Т.Е. Мягков, вероятно, жил у художника А.М. Максимова, затем в доме помещика Туманова (Мещанская слобода). В.Н. Архипова указывает, что собственный дом в Выползове пер. Т.Е. Мягков приобрел в начале 1850-х гг. (См.: *Архипова В.Н.* Указ. соч. — С. 95), это не совпадает со сведениями А.А. Ильинского, называющего датой покупки дома 1857 г.
- ⁴ Документ отсутствует.
- ⁵ У С.Н. Кондакова указан 1842 г.; звание было присвоено за картину «Подача милостыни» (См.: *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764—1914. Часть биографическая. — СПб., 1915).
- ⁶ «Некласный художник» («свободный художник») — звание выпускника Императорской Академии художеств, по итогам аттестационных экзаменов удостоенного Малой (или второго достоинства) серебряной медали.
- ⁷ Храм не сохранился.
- ⁸ Монастырь не сохранился.
- ⁹ А.М. Колесов (1834—1902), живописец, портретист, иконописец; член Московского общества любителей художеств, зав. Училищем иконописания и ремесел Московского Епархиального ведомства.
- ¹⁰ «Класный художник» — звание выпускника Императорской Академии художеств, по итогам аттестационных экзаменов удостоенного Большой серебряной, Малой золотой или Большой золотой медали.
- ¹¹ Застройка участка бывшего владения Т.Е. Мягкова (деревянный флигель, где была мастерская художника, дом, построенный наследниками) не сохранилась.
- ¹² П.А. Колесов (1868 — после 1913), архитектор, член Московского архитектурного общества, помощник архитекторов И.П. Машкова, А.М. Калмыкова и др.; помощник городских архитекторов при Городской управе (См.: Справочник Научных Обществ России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.snor.ru/index-an=pers_337.html).
- ¹³ В.А. Колесов (1869—1928), живописец, портретист, педагог. Эти краткие справочные сведения противоречат материалу, изложенному в докладе. В свою очередь, докладчик, по его словам, опирается на информацию, полученную от В.Т. Колесовой — матери В.А. Колесова.

КЛЕМЕНТЬЕВСКИЙ Николай Матвеевич (?—?)

Статский советник, специалист по межевому делу, домовладелец

Автор брошюры «Историческое развитие межевого дела в Москве и современные его задачи» (М., 1913. 36 с.; «Труды Общества межевых инженеров»).

Избран в члены Комиссии «Старая Москва» на 16-м заседании 5 декабря 1911 г. Дважды выступил на заседании с докладом: «Рост старой Москвы» (26-е засед. 21.12.1912 г.) и «О книге А.Н. Петунникова «Пути сообщения в г. Москве» (М., 1915)» (59-е засед. 04.03.1916 г.), и не менее трех раз участвовал в прениях (25-е засед. 07.12.1912 г.; 29-е засед. 04.04.1913 г.; 30-е засед. 24.04.1913 г.).

ПЕТУННИКОВ А.Н. «ПУТИ СООБЩЕНИЯ В МОСКВЕ ПО ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОМУ ПЛАНУ РЕГУЛИРОВАНИЯ» (МОСКВА, 1915 Г.)¹

*сообщение на 59-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
4 марта 1916 г.² (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 44. Д. 1. Л. 1—5, 6—7об.; архивное дело)

Рукопись сохранилась в двух вариантах: рукописном и машинописном. Машинописный текст с рукописной (чернилами, карандаш) правкой и вставками, с автографом. Рукописный текст, карандаш. Листы потрепаны, сшиты. Приложено описание переписной книги больших улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе 1626 г.

Русская литература о московских улицах и переулках не бедна. От 1739 года, — когда «под смотрением» архитектора Мичурина был составлен первый полный «План Императорского столичного города Москвы» и к нему описание с перечнем больших улиц, — до начала XX столетия, на протяжении более полутора веков, идет целый ряд литературных сочинений и печатных источников, так или иначе касающихся московских улиц и переулков. Здесь мы находим книги, печатанные «по Всевысочайшему повелению», с «Указного дозволения», издания официальные, выпущенные частными издателями, «изданные в свет для удовольствия общества», видим и солидные научные

труды*. Некоторые книги сопровождаются частными и общими планами Москвы. Разнообразие заглавий и содержания книг указывает на причины, факты и события, в силу которых они появлялись в свет. Есть заглавия, по которым трудно представить, чтобы здесь находились сведения об улицах и переулках (описание моровой язвы, словарь географический Российского государства и др.). Все это показывает: по каким разнообразным сочинениям и по каким неожиданным источникам должны были собирать сведения лица, изучавшие Москву с ее улицами и переулками, пока был составлен список тех и других и установлены их названия.

Но разнообразные по своему содержанию сочинения о Москве дают достаточно односторонние сведения и указания по отношению ее улиц и переулков. Все они говорят лишь о названиях улиц и переулков и о числе тех и других. Только в двух книгах мы встречаем и некоторые другие указания: о длине больших и малых улиц, откуда и куда простираются переулки**, и о количестве земли под площадями и улицами***. Следя в хронологическом порядке за содержанием книг, легко видеть, как, начиная с весьма краткого Мичуринского перечня больших московских улиц, список этот с течением времени непрерывно пополнялся и расширялся по мере постепенного роста самой Москвы и ее застраиваемости, включая не одни только улицы, но и переулки, а затем площади, набережные, сады, бульвары, поля, рощи, реки, каналы и проч.

Напечатанная в 1888 году (третьим изданием) книга А. Мартынова — «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями»³ — заканчивает собою круг сочинений о Москве. Насколько известно, после нее до конца XIX века и в начале XX столетия научных трудов по рассматриваемому вопросу на книжном рынке не появлялось.

Вышедшая в свет после четвертьвекового перерыва книга г. Петунникова — «Пути сообщения в г. Москве» — является в настоящем столетии первым солидным сочинением в данной области. По своему содержанию она представляет весьма интересный труд и отвечает назревшим потребностям времени, а равно и запросам о фактическом состоянии городских путей и об успешности осуществления регулирования города.

Не углубляясь в вопрос о верности установившихся названий разного рода городских путей сообщений, автор лишь проверил правильность написаний (начертаний) всех существующих в Москве проездов по приведенным им планам, а также и по указываемым литературным источникам. При этом он попутно дает характеристику каждого плана, особенно подробно останавливается

* Перечень книг приведен в конце.

** Москва с топографическим указанием всей ее местности и окрестностей: подробная справочная книжка для приезжающих и живущих в столице: в 3 ч.: (с планом Москвы) / сост. М. Рудольф. — М., 1848—1849.

*** Указатель г. Москвы / изд. Моск. гор. стат. ком-та; [сост. И. Савинов]. — М., 1866. — 619 с.

на последнем утвержденном плане регулирования г. Москвы и тщательно отмечает все недостатки последнего, как по отзыву специалистов, так и по его личному мнению. Но не эти характеристики составляют отличительное достоинство книги.

Ценность труда г. Петунникова заключается, прежде всего, в тех сведениях о проездах г. Москвы и в освещении вопроса с такой точки зрения, с какой он в предшествовавших исследованиях не рассматривался, а затем в той полноте списка разнородных проездов, какими ныне располагает Москва в пределах городской территории, а отчасти и за нею.

В алфавитном списке названий всех проездов Москвы автор дает границы, длину, ширину, площадь и оценку земли каждого проезда, отмечает, какие из них замощены полностью или частично, а равно и не мощенные; в примечаниях приведены указания о древесной обсадке проездов и другие сведения. Во вступлении, классифицируя проезды по их родам и категориям, автор дает общие итоги всех улиц, переулков, тупиков, площадей, ворот башенных, набережных, мостов, проходов, парков, скверов и бульваров. Здесь приведена сравнительная таблица количества, протяжения и площади городских путей в 1897 и в 1914 годах*. Затем определено процентное отношение всей площади под путями к общей площади городской территории. Далее приводятся сведения о проектированных проездах, которые в будущем должны быть открыты, и о немощенных проездах и площадях. Наконец, помещены данные о расходах, сделанных, о расходах, которые предстоит произвести в силу постановлений Московской думы по приобретению городом и уступке им земли в целях регулирования**. В заключение сделан подсчет расходов по приобретению земель для проложения проектированных по утвержденному плану регулирования путей.

Вот, те новые данные и сведения, которые мы впервые почерпаем в рассматриваемой книге. Центр тяжести ее лежит не в историческом и топографическом исследовании, а в земельной и экономической разработке вопроса о городских путях. Вопрос о путях автор ставит и рассматривает не в отвлеченном виде, а в тесной связи и зависимости с утвержденным городовым планом. Эта точка зрения вполне отвечает и правилу закона: «город строится не иначе, как по плану, Высочайше утвержденному».

Книга г. Петунникова, по интересу содержащихся в ней сведений и по новому освещению вопроса о городских путях должна принести пользу не только Московскому городскому управлению, но сослужить большую службу вообще городским управлениям и особенно тем, которые будут составлять новые городские планы, так как она дает убедительное представление о громадных затратах, вызываемых регулированием города, и о сложности этого дела. Существенное

* Много интереснее была бы таблица о проездах, бывших при введении Городового положения 1870 г. и в 1914 году. Из нее было бы видно, насколько возросли городские пути за время деятельности Московского городского общественного управления.

** В конце книги помещена красноречивая ведомость о расходах по регулированию.

значение получает поэтому мягко оттененное указание автора на тот факт, что Московским городским управлением после четвертьвекового опыта и практики по осуществлению утвержденного городского плана поднят вопрос «о необходимости пересмотра плана регулирования, как в отношении существующих путей, так, в особенности, вновь проектированных, а равно и городской черты».

Книга получила бы еще больший интерес, если б к ней был приложен и современный план регулирования Москвы.

Перечень книг и сочинений о Москве, в которых содержатся сведения и указания о ее улицах и переулках

Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений. По Всевысочайшему повелению напечатано 1775 года в Москве при Императорском Университете.

Описание Императорского столичного города Москвы. Собранное в 1775 году и изданное в свет, для удовольствия общества, издателем описания Санкт-Петербурга, г.н.с. В.Г. Рубаном. С.-Петербург. 1782 г.

Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. 1787 г.

Указатель Москвы. 1793 г. С приложением иллюминированного плана Москвы с разделением ее на 20 частей.

Т. Полежаев. — Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы с приобщением генерального и частных планов. М. 1796 год. С Указного дозволения.

[А. М.] Щекатов. — Словарь географический Российского государства. 1805 г.

Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы домам и землям, равно казенным зданиям, с показанием, в котором квартале и на какой улице или переулке состоят. Печатаны с дозволения г. Московского военного генерал-губернатора. М. 1818 г.

8. Изъяснение к проектированному плану столичного города Москвы, изданному и с натуральным положением сверенному 6 класса и кавалером Е. Челиевым. Третьим тиснением. М. 1824 г.

Изъяснение топографическое и по порядку чисел нового плана Москвы, изданного в 1825 году, и полная алфавитная роспись соборов, церквей, монастырей, публичных зданий и проч., также главных улиц и переулков, находящихся в Москве. М. 1825 г. С дозволения Правительства.

Москва или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. М. 1827. 4 книги.

Снегирев Ив. — Памятники Московской древности. 1842—1845 г.

Хавского Петра. — Семисотлетие Москвы 1147—1847, или указатель источников ее топографии и истории за семь веков. М. 1847 г.

Рудольф М. — Москва с топографическим указанием всей ее местности и окрестностей. В 3 частях, с планом Москвы. М. 1848 г.

Захаров М. — Указатель Москвы. Составлен распоряжением г. московского обер-полицеймейстера. М. 1851 г.

Изъяснение плана Москвы. С.П.Б. 1851 г.

Савинов И. — Указатель г. Москвы. Издание Московского Городского статистического комитета. М. 1866 г.

Справочная книга с планами и описаниями Москвы, С.-Петербурга и Варшавы. М. 1869 г.

Мартынов А. — Москва. Подробное археологическое и историческое описание города. М. 1873/75 г. 2 тома.

Мартынов А. — Названия Московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М. 1888 г. 3-е издание.

Приведенный перечень есть только частичный. Каталог разнообразных сочинений о Москве составляет, сам по себе, целую книгу.

* * *

Древнейший исторический документ о московских улицах и переулках, известный до сего времени, относится к 1626 году. Это — переписная книга больших улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе.

Документ этот возник по следующему обстоятельству: 3 мая 1626 года «Загорелися в Китае городе дворы, и Китай город выгорел и от Китая Кремль город выгорел, а отнятии было нельзя, потому что в те поры ветры были великие да и потому, что улицы и переулки и тупики были перед прежним тесны». Поэтому царь Михаил Федорович (Романов (1613—1645 гг.) — *сост.*) велел окольному князю Волконскому и дьяку Волкову в Кремле и Китае городе перемерить и описать, какой ширины были большие улицы, переулки и тупики до пожара, какой ширины были те же улицы и переулки при царе Федоре Ивановиче (1584—1598 гг. — *сост.*), и сколько ныне от дворов, по обе стороны, в прибавку к улицам и к переулкам земли отойдет против прежней меры.

Рассматриваемый документ содержит в себе разнообразные и весьма интересные сведения. Из него мы узнаем:

1. что при царе Федоре Ивановиче «для береженья от пожаров» улицы были шириною 12 сажень, а переулки — по 6 сажень, и от городских стен дворы были далеко. После ж московскаго разоренья «тех улиц и переулков приняли много во дворы всякие люди и к городской стене поставили дворы близко, а у иных дворов мест города и проезду нет — поставили дворы до стены»;

2. что после московского пожара 1626 года в Кремле и Китае-городе были установлены вновь ширина больших улиц и переулков, а именно: в Кремле — улицам большим и воротам быть шириною в 6½ и 5 сажень, переулкам — в 4 сажени, улицам подле городских стен — от 3 до 5¼ сажень; в Китае-городе — улицам большим Никольской, Ильинской и Варварской быть шириною в 7½ сажень, улице Зачатской⁴ — быть в 4 сажени, и потому что она не проезжая, «ворота Васильевские⁵ затворены и в них не ездят», переулкам из улицы в улицы — в 4 сажени, а тупикам и переулкам между переулками — в 2 и 1 сажень, улицам подле городских стен — от 2½ до 3½ сажень;

3. что в то время улицы разделялись на большие и малые, а переулки — на переулки между улицами и на переулки между переулками;

4. видим, что и в то отдаленное от нас время в Москве существовали тупики, эти своеобразные и, как кажется, только Москве присущие пути сообщения, шириною в 2 и 1 сажень, служившие не столько для проезда, сколько для прохода;

5. узнаем также о том, что в Кремле ни улицы, ни переулки названий не имели, а названия имели только кремлевские башенные ворота, тогда как

в Китае-городе почти все улицы и переулки имели наименования. В Китае-городе были следующие большие улицы: Никольская, Ильинская, Варварская, малая улица — Зачатцкая; переулки (между Никольской и Ильинской улицами) Богоявленский, Воскресенский⁶, между ними — переулки Космодемьянский⁷, — а из Воскресенского переулка — тупик; с Никольской же улицы — переулок к Троице, что у старых поль⁸, к пушечным воротам. Между Ильинской и Варварской улицами — переулки: Введенский⁹, Посольский¹⁰, — с выходящим на него тупиком, — Ипатцкий (Ипатьевский — *сост.*), и из него переулок к Китаю-городу. Между Варварской и Зачатцкой улицами — переулки: Псковский¹¹, и из него два переулка: один — в Зарядье и другой — Знаменский; с Варварской же улицы — переулок Знаменский¹². Переулок с Зачатцкой улицы; из нее же — переулок к тюрьмам и к тюрьмам же переулок с улицы Варварской;

6. какие в то время в Кремле и Китае-городе существовали монастыри, церкви, подворья, владельческие и другие дворы и места.

Если сравнить приведенные названия улиц и переулков с современными их названиями, то видно, что почти все бывшие названия сохранились и удержались до наших дней. Исчезла только улица Зачатцкая, место которой ныне занял переулок Мокринский.

Следующим по времени документом является Именной указ 1658 года (П.С.З. №226¹³) царя Алексея Михайловича — о переименовании городских ворот в Москве. По этому указу велено было ворота писать и называть: в Кремле — «которые ворота назывались Фроловскими вороты и те вороты Спасския, которые назывались Курятными, те Троицкия; которые называли Боровицкими, те Предтеченския; в Белом городе — которые назывались Чертольскими, те Пречистенския, и улица Пречистенская ж; которые назывались Арбатскими, те Смоленския, и улица Смоленская ж; которые назывались Мясницкими, те Фроловския».

Современные названия приведенных ворот и улиц показывают, что новые наименования удержались только за Спасскими, Троицкими и Пречистенскими воротами и улицей Пречистенской, остальные же ворота и улицы, вопреки указу, сохранили свои прежние названия и донныне.

Засим следует период в 80 лет, который не может быть отмечен ни законодательными актами, ни историческими документами в отношении московских улиц и переулков.

КОММЕНТАРИИ

¹ Пути сообщения в г. Москве по Высочайше утвержденному плану регулирования / сост. А.Н. Петунников. — М., 1915. — XXIV, 367 с.

² В архивных деле и описи дана дата — декабрь 1915 г.

- ³ Улицы и переулки Москвы. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями / сост. А. Мартыновым. — 3-е изд., испр. и значит. доп. — М., 1888. — 244 с.
- ⁴ Ул. Зачатская (Зачатийская) — в Зарядье; название с XVII в. (в XV–XVI вв. — ул. Большая, Великая); название по церкви Зачатия св. Анны, что в Углу; с начала XIX в. закрепилось название Николомокринский, позднее Мокринский пер. (по церкви свт. Николы Мокрого); переулок снесен в 1960-е гг. при строительстве гостиницы «Россия», ныне также снесенной (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 316–317).
- ⁵ Васильевские ворота — также Космодемьянские; в стене Китай-города, выходившие к Васильевскому луку (в сторону современного Китайгородского проезда и Воспитательного дома).
- ⁶ Воскресенский пер. — совр. Б. Черкасский пер. (с XVIII в.), в XVII в. также упоминается как ул. Воскресенская; название по церкви Воскресения Христова, что в Панех, у Ильинского крестца (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 573).
- ⁷ Космодемьянский пер. — совр. Старопанский пер. (с 1922 г.); название по церкви Космы и Дамиана в Старых Панех.
- ⁸ Храм св. Троицы в Полях — не сохранился.
- ⁹ Введенский пер. — совр. Рыбный пер. (с начала XIX в.); в XVI в. упоминается как ул. Введенская; в XVII в. — и как ул. Введенская, и как пер.; название по церкви Введения Пресвятой Богородицы Златоверхое на Большом посаде, за Торгом; за Рыбным рядом; со второй половины XVIII в. — Магистратский пер. (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 458).
- ¹⁰ Посольский пер. — совр. Никольский пер. (с 1994 г.); название с начала XVII в. (также ул. Посольская) по Посольскому двору на Ильинке; в XVIII в. — Шустов, Юшков пер., в советский период — пр-д Владимирова (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 344).
- ¹¹ Псковский пер. — не существует, снесен при строительстве гостиницы «Россия» (ныне также снесенной) в 1960-е гг.; также урочище Псковская горка (гора); название по переселенным сюда в XVI в. псковичам (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 432).
- ¹² Б. и М. Знаменские пер. — в Зарядье; название по Знаменскому монастырю; оба снесены при строительстве гостиницы «Россия» в 1960-е гг.
- ¹³ Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 1-е. — СПб., 1830. — №226. — С. 450.

ЛИНДЕМАН Иосиф Карлович (1860 — после 1930)

Лингвист, историк, археолог, литературовед, ученый секретарь МАО

Окончил 3-ю Московскую гимназию, историко-филологический факультет Московского университета и Московский археологический институт (1908 г.). Работал с июня 1901 г. учителем истории и географии в Тверской реальной гимназии, был членом Тверской ученой архивной комиссии, потом инспектором и преподавателем истории и географии в 11-й Московской мужской гимназии, управляющим Московским учебным округом.

Проводил археологические раскопки в Дмитровском (1907 г.) и Подольском (1912–1914 гг.) уездах, занимался собиранием и исследованием тверских пряничных досок.

После революции служил библиотекарем в Государственной академии художественных наук, был членом Ученого совета археологического подотдела Музейного отдела Наркомпроса РСФСР. Автор оригинальных работ: «Греческие слова в русском языке» (1895 г.), «Происхождение названия города Коломны» (1907 г.), «Маринкина башня в Коломне и вопрос смерти Марины Мнишек» (1910 г.), «Русские пословицы и поговорки в рисунках В.М.Васнецова» (1913 г.), «Пушкин как художник и рисовальщик» (1915 г.). В 1928 г. Русское общество друзей книги выпустило брошюру «Иосиф Карлович Линдеман. К 40-летию научной и литературной деятельности. 1888–1928» (7 с.).

И.К. Линдеман — один из учредителей и самых активных членов «Старой Москвы», участвовал во многих ее заседаниях с 1909 по 1929 г. На 6 заседаниях (1918–1924 гг.) исполнял секретарские обязанности. Известен как автор стихотворений, сочиненных к юбилейным датам «Старой Москвы» и А.М. и В.М.Васнецовых: «Ода Аполлинарию Михайловичу Васнецову» (1922 г.), «Пятнадцатилетие “Старой Москвы”» (1924 г.), «Двести заседаний Комиссии по изучению “Старой Москвы”» (1924 г.). Эти шуточные стихотворения, зачитанные на заседаниях, создавали дружескую атмосферу.

Четырежды выступал с докладами: «О загадочных плитах князей Гагариных» (35-е засед. 05.12.1913 г.), «О дополнительных сведениях к латинской надписи на Спасской башне» (50-е засед. 06.03.1915 г.), «К вопросу о топографии улиц Тверской и Дмитровки в г. Москве» (57-е засед. 29.01.1916 г.), «Грибоедов в Москве» (414-е засед. 14.02.1929 г.). Дважды выступал с воспоминаниями: о создании «Старой Москвы» (209-е засед. 27.12.1924 г.), о В.О. Ключевском (395-е засед. 04.10.1928 г.).

Чрезвычайно много выступал в прениях по докладам разнообразной тематики: с 4 апреля 1911 г. по 31 октября 1929 г. — не менее 43 раз! Последний раз присутствовал на 457-м заседании «Старой Москвы» 26 декабря 1929 г.

ЗАГАДОЧНЫЕ ПЛИТЫ КНЯЗЕЙ ГАГАРИНЫХ

доклад на 35-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
5 декабря 1913 г.¹ (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)

(К. 45. Д. 16. Л. 1–2; архивное дело)

Рукописный текст, синие чернила, с правкой, есть подтеки и смазанность текста. Листы двухсторонние.

Членом Комиссии И.К. Линдеманом был прочитан доклад «Загадочные плиты князей Гагариных». Им же в собрании демонстрировалась одна из этих плит чугунная, квадратная, размером $\frac{1}{4}$ аршина, толщиной ок. 2-х верш. На лицевой стороне в рамке самую середину занимают следующие слова, вылитые из того же чугуна по времени, очень искусно гражданским русским шрифтом вязью с титлами, причем буква «З» в двух случаях начертана латинским «S»: «Се созидали по мѣѣ вышнаго кнѣзѣ Іѣѣн Пѣрѣѣѣ да кнѣзѣ Младѣѣ Пѣрѣѣѣ Гагаринѣѣ»;верху арабскими цифрами: «1702», на левой и правой боковых сторонах по пяти одних и тех же букв в одном и том же порядке следования: «Т. В. N. О и N» и, наконец, внизу доски также пять букв: «S. N. B. N. T». На всех четырех концах лицевой стороны доски отлиты [из] чугуна же украшения из звездочек. Снимок с доски помещен в московском еженедельном журнале в №34 (прилож[ение] к «Русскому слову»²).

Изложив историю плит и отметив все места их нахождения, докладчик подчеркнул, что плиты были также открыты им и на Тверской в доме, некогда принадлежавшем кн. Гагариным³. Дав подробное описание плит, он указал, что общий их характер таков, что они имеют практическое значение только в массе, служа для настилки пола. За исключением дома Гагариных, эти плиты не могут служить монументальными для всех тех зданий, в которых или около которых они были найдены. Они не были предназначены для храма, а скорее для здания светского, но по тому времени грандиозного. Отнюдь не были предназначены для церкви Илии пророка, построенной в 1518 г. и перестроенной в 1653 г. Предположение, что у кн. Гагариных был чугунно-литейный завод, что плиты представляют его фабрикаты, а загадочные латинские литеры — фабричное клеймо, — должно быть отвергнуто, т.к. существование такого завода в Петровскую эпоху, когда заводы были известны на перечет, ровно ничем не засвидетельствовано, а надпись не представляет характерных признаков клейма. Слова же «се созидали» должны быть относимы не к самим плитам, а к зданию, потому что в старину к предметам сравнительно небольшого размера не применяли глагол «созидать», а другой глагол — «строить».

Всего вероятнее, плиты были получены кн. Гагариными со стороны, если принять во внимание ту видную роль, которую они оба играли в управлении Сибирью. Другое предположение, что они хотели плитами украсить церковь, а Петр приказал их отдать в церковь на пол, как нелогичное, ни на чем не основанное, противоречивое, также не может быть допущено.

Сообщив дальше биографические данные о кн. Гагариных по Бантыш-Каменскому⁴ и Пыляеву⁵, докладчик указал, что ими при Петре великом был построен на Тверской улице чудный дом, над воротами которого укреплено было клеймо с княжескою короною и надписью: «Боже, во имя Твое спаси!». Так как и в этом доме также были открыты чугунные плиты, то естественнее предположить, что они первоначально были предназначены именно для этого дома или, точнее, для его нижнего этажа, а при позднейших владельцах разошлись по Москве и в места от нее недалекие.

Перейдя к попытке объяснения латинских букв, докладчик высказал, что подобную тайнопись не всегда удастся дешифровать, потому что под одно и то же сочетание инициалов можно подвести различные выражения слов, что вследствие того, множество подобных инициалов осталось не разобранным. К ним можно подходить только с известной мотивировкой. Объяснить надпись одним из девизов князей Гагариных не представляется возможным. И.К. Линдеман допускает лишь одно предположение, построенное на психологическом факте. Князья Гагарины, очевидно, любили цитировать псалмы, чем и объясняется изложенная выше над воротами их дома надпись. Не имеем ли мы и на плите отрывок одного из них? В псалме 31 стих 17 читаем: «Fas utluceat facies tua supra servum tuum; serva mebenignitate tua», т.е. «Просвети лицо Твое на раба Твоего; спаси мя милостию Твоею». Не навеяна ли горизонтальная строка литер последними словами? Тогда мы бы могли ее читать так: «serva nos benignitate nominis tui», а в соответствии этому литеры боковых колонок прочесть: «Tua benignitas nobis omnibus necessaria», т.е. внизу — «Милостию имени Твоего сохрани нас», а по бокам: «Милость Твоя необходима для всех нас».

Об этих плитах можно прочесть в первых книгах первого года «Русской старины», в статьях, кажется, Коробанова⁶.

О ЛАТИНСКОЙ НАДПИСИ НА СПАССКИХ ВОРОТАХ

*сообщение на 49-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
13 февраля 1915 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 83—84об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись сделана И.С. Беляевым.

...И.К. Линдеман сделал замечания относительно латинской надписи на Спасских воротах⁷: во-первых, о загадочных ее местах и, во-вторых, о хронологических датах.

А) Прежде всего, латынь данной надписи — латынь средневековая, которую итальянцы называют *latino volgare*, *latino maccheronico*. К ней нельзя

предъявлять тех требований точности, грамматической и стилистической правильности, какие мы предъявляем к латыни классической. К этой надписи, для ее выяснения, не приходится также искать параллелей в латинской эпиграфике, которая в настоящем случае нам не поможет. Графом К.А. Хрептовичем-Бутеневым (член «Старой Москвы» — *сост.*) уже отмечен был некоторый итальянский налет этой надписи (Buolgarie, Raxie)⁸. Итальянцы XV века «s» и «ss» передавали через «x» и наоборот писали «ss» вместо «x» (milanexi вм. milanesi). Слово синтаксис у них звучит «sintassi». После этого удивительно ли будет, если мы в этой надписи и в других случаях встретим итальянскую манеру выражаться — итальянизмы. Литера «F», следующая за словом «condere», представляет собою сокращение слова «fecit». Такое сокращение, как это видно из специальных словарей, например, Ricci (Dizionario delle abbreviature latine) и др., было в обычае того времени. Еще в классической латыни глагол «facere» получал иногда смысл: «приказывать» — *sensu praegnanti*: «Caesar pontem fecit» («fecit» — велел построить). В средневековой латыни глагол «facere» в этом случае употребляется с неопределенным наклонением. Примеры такого употребления находим в словаре средневековой латыни Дюканжа (Glossarium Du Cange): «facere audire, facere videri — Henricus rex turrim funditus fecit everti». Современный итальянский язык сохранил это средневековое употребление глагола «facere»: у итальянцев глагол «fare» значит «ordinare», т.е. «заставить».

Б) Надпись возбуждает несколько вопросов со стороны хронологии. Иоанн III начал княжить в 1462 г. По латинской надписи он велел построить башни на 30-м году своего царствования, следовательно, в 1492 г. Эта хронологическая дата стоит в полном противоречии с другою датой, стоящею в самом конце надписи и указывающею, что вся постройка завершена была в 1491 г., ибо ясно, что повеление должно было предшествовать исполнению, а не следовать за ним. Если не быть слишком придирчивым и допустить, что приказ был дан князем в 1491 г., то должны будем признать неимоверную скорость выполнения работы, что она совершена менее чем в год. В то время крепости не строили так быстро. Например, Коломенская крепость строилась итальянскими архитекторами 5 лет.

Русская надпись, не представляет перевода латинской надписи. Она ведет речь об одной стрельнице, т.е. башне, тогда как латинская — о нескольких (*has turres*). Кроме того, русская надпись гласит, что данная стрельница сделана была в лето 6999 июля. 6999-й год от Сотворения мира за вычетом 5508, дает 1491 г. от Рождества [Христова]. Этот год совпадает с годом, показанным в надписи латинской, но в месяце оказывается разноречие: латинская надпись указывает на март (*Kalendis Martiis*), русская — на июль. Приходится сделать вывод, что русская надпись относится лишь к одной стрельнице, латинская же к целой совокупности башен (*has turres*), построенных Петром Антонием Солари⁹.

Латинская надпись вскрывает нам еще одно интересное обстоятельство. По Карамзину, введение сентябрьского счета¹⁰ последовало по постановлению

московского Собора 1492 г. Таким образом, год завершения работ (1491) мартовский год. Работа Солари была закончена к началу нового года. Вероятно, открытие башен было связано с каким-нибудь торжеством. Это тем более допустимо, что над проезжими воротами вешали икону. В свою очередь, это обстоятельство исключает к прочтению литер «К». «М». именно так: «Kalendis Martiis», а не «Kalendis Maiis». В загадочных конечных литерах можно видеть или: а) указание на индикт, что было в обычае и в эту эпоху, или же б) если принять их за 2 вертикальные черты — указание на второй день недели. Мартовские календы падают на вторник.

О НАДПИСИ НА СПАССКИХ ВОРОТАХ (ДОПОЛНЕНИЕ)

*сообщение на 50-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
6 марта 1915 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 87об.—88об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись сделана И.С. Беляевым.

Членом Комиссии И.К. Линдеманом было сделано дополнительное сообщение к его прежним замечаниям о надписях на Спасской башне следующего содержания: В.О. Ключевский в «Сказаниях иностранцев о Московском государстве» говоря о крепостной стене (стр. 186—187)¹¹, между прочим, пишет: «По известиям XVI века, крепость окружали кирпичные стены с башнями и бойницами, построенными итальянскими мастерами, о чем Поссевин прочитал надпись над одними из кремлевских ворот под образом Богоматери». Отсюда не видно, над какими воротами прочитал Поссевин эту надпись. Пока мы знаем только одну латинскую надпись на Спасской башне о строителе Петре Антонии Солари. Интересно отметить место надписи «под образом Богоматери». Обращаясь к подлинному сочинению Антония Поссевина¹² «Antonii Possevini societatis Zesu Moscovia et alia opera LXXXVII», мы находим там такое содержание надписи: «Arces autem Moscuae duas Principis hujus parens Basilius aedificari iussit Mediolanense architecta Italici operarii». Правда, здесь говорится о миланском архитекторе, но говорится здесь о крепостях (arces), а не о башнях; говорится о великом князе Василии, а не об Иоанне III. Дается также новое сведение, что, кроме архитектора, приехали в Москву и простые итальянские рабочие (operarii).

[О «ЗАПИСКАХ ЖЕЛЯБУЖСКОГО»]¹³

*сообщение на 50-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
6 марта 1915 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 88об.—89.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись сделана И.С. Беляевым.

И[осиф] же К. Линдеман указал, что в «Записках Желябужского» (с 1682 по 2 июля 1709 г.)¹⁴ имеются сведения о первом московском авиаторе и 1-й лотерее. 1695 г. 30 апреля мужик сказал государево слово, а в расспросе сказал, «что он, сделав крыле, станет летать как журавль. И по указу Вел[иких] Г[осуда]р[ей] сделал себе крыле слюдные, а стали они из государевой казны 18 рублей. Боярин князь Иван Троекуров с товарищи стали смотреть. Мужик те крыле устроя, по своей обыкности перекрестился и стал мехи надымать, хотел лететь, да не поднялся, сказал, что он те крыле сделал тяжелы. И боярин на него кручинился, и мужик бил челом, чтоб ему сделать другие крыле иршенные¹⁵: и на тех не полетел, а другие крыле стали 5 р[ублев]. И за то учинено наказание — бить батоги, снем рубашку, те деньги велено на нем доправить и продать его животы и остатки»¹⁶.

Под 1699 годом у Желябужского записано: «Произволением нашего В[еликого] Г[осударя] Царя сим всему миру являет Яков Андреев, сын Гасениус, часового дела мастер, что на дворе окольного Ив[ана] Ив[ановича] Головина, возле Андрея Артемоновича, у Николы в Столпах¹⁷ будет вскоре установлено счастливое воспитание, по иноземчески называются «лотори», в 80 рублей лот, с числами, где всем охотником и охотницам вольно свою часть испытать, како добыти тысячу рублей за гривну. К сему делу 8.020 счастливые ерлыки, на которых написаны будут 14 рублей, разделено на сию статью: одна лота или ерлык в 1000 р., одна лота в 100 р., одна лота в 50, две лоты в 20 р., в лоте 5 лот [по 10 р.], в лоте 10 лот по 5 р., в лоте 20 лот по 3 руб., в лоте 30 лот по 2 р., в лоте 8 [лот] по 1 р., в лоте 7900 лот или ерлыка, по 10 алтын». Описание «лотори» заканчивается извещением, что «в сем деле будет равная оправа, како большому господину, також и рабу и младенцу безо всякого обману»¹⁸.

К ВОПРОСУ О ТОПОГРАФИИ ТВЕРСКОЙ И ДМИТРОВСКОЙ УЛИЦ В МОСКВЕ

*сообщение на 57-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
29 января 1916 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 99об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

В попол[не]ние и развитие доклада по тому же предмету Г.И. Хлопова¹⁹ И.К. Линдеман представил некоторые новые данные к истории этих улиц на основании труда А.А. Мартынова о названии московских улиц и переулков²⁰ и П.В. Хавского по книге «Древность Москвы, или указатель Москвы ее топографии и истории»²¹, в особенности осветив подробности истории церквей в указанной местности.

Докладчик остановился также на выяснении некоторых улиц и переулков, несомненно, получивших свои названия от живущих здесь лиц. Им был прочитан следующий перечень переулков, с указаниями происхождения их названия: 1) Благовещенского, именовавшегося прежде «Черным», здесь домовладельцем в 1792 г. был купец Семен Черный; 2) Брюсовский — в 1745 г. значится домовладелец полк. Александр Роман. Брюс. 3) Газетный прежде назывался Строгановским — по домовлад[ельцу] действ. ст[атскому] сов[етнику] барону Ник. Гр. Строганову, 4) Глинищевский — Облезовым по владению гостя Осипа Сем. Облезова в 1739 г. (ныне дом Мятлева на Б. Дмитровке), 5) Долгоруковский²² — по угловому владению, [принадлежавшему] в нач. XVIII ст. члену Верх[овного] Тайн[ого] сов[ета] кн. Алексею Гр. Долгорукову, 6) Камергерский — по домовлад. в 1741 г. камергеру Вас. Ив. Стрешневу на углу (ныне дом Шаблыкина²³), 7) Леонтьевский — по влад[ению] 1725 г. бригадира Мих. Ив. Леонтьева, 8) Мамоновский — по влад[ению] в 1793 г. президента Вот[чинной] колл[егии] Матв. Вас. Дмитриева-Мамонова, 9) Салтыковский²⁴ — по влад[ению] 1756 г. бригадира Серг. Вас. Салтыкова, 10) Столешников — прежде Мамонов по влад[ению] в 1738 купца Андр. Афан. Мамонова и, наконец, 11) Чернышевский²⁵ — по дому первого моск. главнокоманд. Захара Гр. Чернышева.

КОММЕНТАРИИ

¹ В архивных деле и описи дана датировка — 13 декабря.

² Имеется в виду иллюстрированный художественно-литературный и юмористический журнал «Искры».

³ Дом кн. М.П. Гагарина на Тверской — построен в 1707 г. (арх. Ф. Фонтана ?); в XVIII—XIX вв. менял владельцев, перестраивался. Ныне не существует (снесен в начале XX в.).

Место, где находился, включено в комплекс домов арх. А.Г. Мордвинова (ул. Тверская, д. 4). Кн. М.П. Гагарин (ок. 1659—1721), владелец и строитель дома на Тверской — крупный сановник, государственный деятель петровского времени (нерчинский воевода, глава Сибирского приказа, комендант Москвы (1707 г.), губернатор Сибири); обвинен в лихоимстве, казнокрадстве и казнях.

- 4 Словарь достопамятных людей Русской земли: В 5 ч. / сост. Д. Бантыш-Каменский; изд. А. Ширяевым. — Ч. 2. — М., 1836. — С. 7—12.
- 5 См.: *Пыляев М.И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни Первопрестольной столицы. — СПб., 1891. — С. 288—295.
- 6 Имеется в виду упоминание о плитах, заготовленных князьями братьями Матвеем и Иваном Петровичами Гагариными, в очерке П.Ф. Карабанова «Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии» (См.: *Русская старина*: Ежемесячное историческое издание. — Т. II. — СПб., 1870. — С. 474.).
- 7 Речь идет о надписи на латинском языке, помещенной с внешней стороны (со стороны Красной пл.) на стрельнице Спасских ворот (с внутренней стороны над воротами размещалась надпись на русском языке). О надписи и истории ее изучения см.: *Белоброва О.А.* Латинская надпись на Фроловских воротах Московского Кремля и ее судьба в древнерусской письменности // Материалы и исследования / Государств. музеи Моск. Кремля. — Вып. V: Новые атрибуции. — М., 1987. — С. 51—57.
- 8 На 48-м заседании «Старой Москвы» 27 января 1815 г. К.А. Хрептович-Бутенев выступил с докладом «Латинская надпись на Спасских воротах и их творец Петр Антонио Солари»; см. также: *Хрептович-Бутенев К.А.* Латинская надпись на Спасских воротах и их творец Петр-Антоний Солари // Сб. статей в честь гр. П.С. Уваровой. — М., 1916. — С. 215—228.
- 9 Солари Пьетро Антонио (между 1450—1453 — 1493), из рода миланских скульпторов и архитекторов; по приглашению Ивана III занимался постройкой кремлевских стен и башен с 1490-х гг.; участвовал в строительстве Грановитой палаты.
- 10 В древней и средневековой традиции на Руси начало нового года считалось с марта (мартовский стиль), затем, с 1492 г. — с 1 сентября (сентябрьский стиль), до преобразований Петра I, когда с 1700 г. началом года стало 1 января.
- 11 *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1866. — 264 с.
- 12 Антонио Поссевино, секретарь Ордена иезуитов, папский легат, глава дипломатической миссии на русско-польских переговорах о перемирии; был в России в 1581—1582 гг., оставил записки.
- 13 В протокольной записи информация И.К. Линдемана «О надписи на Спасских воротах (дополнение)» не отделена от его же информации о «Записках Желябужского». Принимая во внимание разнохарактерность не связанной друг с другом информации, публикаторы сочли возможным разделить эти два сообщения, дав второму из них условное название «О “Записках Желябужского”».
- 14 Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 / И.А. Желябужский. — СПб., 1840. — С. 46—47.
- 15 Ирга, ирха (устарев.), у В.И. Даля — особо выделанная кожа (как замша), иршеный — прилагательное от ирха.
- 16 Цитата передана с отдельными неточностями по тексту.
- 17 Храм не сохранился; находился на углу М. Златоустинского и Армянского пер.
- 18 Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709.... — С. 151—154. Цитата передана с отдельными неточностями по тексту.
- 19 На 54-м заседании «Старой Москвы» 6 ноября 1915 г. Г.И. Хлопов выступил с докладом «Об историко-топографическом исследовании участка по улицам Тверской и Дмитровке с конца XVII до середины XIX в.». Текст доклада Г.И. Хлопова опубликован в настоящем сборнике.

- ²⁰ Улицы и переулки Москвы. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями / сост. А. Мартыновым. — М., 1878. — 100 с. См. также последующие переиздания, исправленные и дополненные.
- ²¹ Древность Москвы или Указатель источников ее топографии и истории / соч. П. Хавского. — Изд. 2-е. — М., 1854. — X, 512 с.
- ²² Ныне — Никитский пер.
- ²³ Тайный советник И.П. Шаблыкин, владелец участка. Его наследники в 1913 г. построили 5-этажный угловой дом. Ныне — «Дом педагогической книги» (Камергерский пер., д. 5/7 стр. 1).
- ²⁴ Ныне — Дмитровский пер.
- ²⁵ Имеется в виду Большой Чернышевский пер. — ныне Вознесенский.

МАШКОВ Иван Павлович (1867–1945)

*Архитектор, реставратор, педагог, общественный деятель, член МАО,
председатель Комиссии МАО по изучению и сохранению древних памятников*

Родился в Липецке Тамбовской губ. в семье крестьянина. Рано потеряв родителей, воспитывался в семье купца П.К. Машкова, фамилию которого стал носить.

Учился в уездном училище, окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества со званием классного художника архитектуры (1886 г.). Работал в разных должностях в Политехническом музее. В 1895–1917 гг. был участковым архитектором Московской управы. Проектировал ряд московских доходных домов и особняков, зданий для богаделен и училищ, участвовал в сооружении памятников Первопечатнику Ивану Федорову и писателю А.Н. Островскому.

В советское время работал в отделе проектирования Моссовета и Комитете по делам архитектуры при СНК РСФСР. Преподавал в Московском архитектурном институте, Вечернем строительном институте Моссовета.

Похоронен на новом Новодевичьем кладбище, спланированном по его проекту в начале XX в.

Занимался большой общественной работой, связанной с изучением и охраной памятников древности Москвы и Подмосковья. С 1888 г. — действительный член Московского архитектурного общества (в 1908–1918 гг. — товарищ председателя); с 1895 г. — член-корреспондент, с 1898 г. — действительный член МАО, в 1895–1923 гг. — активный член, ученый секретарь, товарищ председателя, а затем и председатель Комиссии МАО по изучению и сохранению древних памятников, был бессменным редактором печатного органа Комиссии — сборника «Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников».

Приобрел большой научно-организационный опыт в деле охраны памятников архитектуры, участвовал в работах по ремонту и реставрации многих церковных и гражданских памятников в Москве. Слыл знатоком исторического и культурного наследия Москвы. Автор многочисленных трудов по истории московских памятников; под его редакцией вышли известные московские путеводители (1895 и 1913 гг.).

Чрезвычайно велика роль И.П. Машкова как одного из самых активных и опытных членов МАО в становлении Комиссии «Старая Москва». По положению и статусу в МАО Машков в Комиссии среди ее членов-учредителей был вторым после П.С. Уваровой. Много работал в первые 9 лет (до 1918 г.). Им были сделаны 3 доклада: «О планах московских церквей и монастырей в делах Каменного приказа XVIII столетия» (51-е засед. 10.04.1915 г.), «О Монетном дворе в Охотном ряду и о прилегающей к нему местности» (53-е засед. 16.10.1915 г.), «Сухарева башня в Москве и ее реставрация» (71-е засед. 01.12.1918 г.) и 1 сообщение — о кончине секретаря «Старой

Москвы» И.С. Беляева. Активно участвовал в обсуждении ключевых вопросов Комиссии — о возможности устройства музея Старой Москвы в Сухаревой башне или в помещении Исторического музея (1913–1915 гг.), об издании силами Комиссии совместно с Московским архитектурным обществом путеводителя по Москве и др.

После 1919 г., видимо, почти не посещал заседания — за десятилетие протоколы лишь дважды зафиксировали его участие: на 209-м юбилейном заседании 27 декабря 1924 г., когда он выступил с воспоминаниями о создании Комиссии, и на 407-м заседании 27 декабря 1928 г., когда выступил с докладом «Памятники старой Москвы — дома царевичей Грузинских и Н.И. Новикова».

МОНЕТНЫЙ ДВОР В ОХОТНОМ РЯДУ

*доклад на 53-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
16 октября 1915 г.¹ (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 46. Д. 3. Л. 1–10б.; архивное дело)

Рукописный текст, карандаш, вставка чернилами, с правкой, вставками и пометами, есть ошибки. Листы двухсторонние, разлинованные, есть залом. Запись сделана И.С. Беляевым

И.П. Машков сделал доклад о Монетном дворе в Охотном ряду и прилегающей к нему местности. Докладчиком демонстрировались пять планов, из которых один помечен 1781 годом из дел Каменного приказа², другой около 1783 года из документов Управы Благочиния³, остальные же планы даты не имели, и из числа этих последних один интересен тем, что указывал место Монетного двора в Охотном ряду, он в положительном виде говорит о деятельности здесь этого учреждения, указанием, например, помещения «12 горнов для чеканки монеты», тогда как из других планов нельзя точно определить существовал ли в Охотном ряду Монетный двор в натуре, или планы его касались предполагаемого здесь его устройства.

При сравнении с настоящими планами Москвы И.П. Машков выяснил много подробностей, касающихся топографии местности в половине XVIII столетия. Так, в то время теперешний Охотный ряд — его лавки, выдвигались гораздо значительно на площадь, почти до церкви Пятницы Прасковии⁴ (Параскевы Пятницы — *сост.*), с одной стороны которой помещался Питейный дом, а в границах Охотного ряда была расположена Полицмейстерская канцелярия, за нею Сенатская типография⁵; самый Монетный двор помещался в той части Охотного ряда, которая и до сих [пор] носит здесь же его название. На месте Большого театра стоял оперный дом Медокса⁶, занимая также и часть Театральной площади. Между теперешним Большим театром и решеткою дома гр. Ностиц стояла церковь Спаса Преображения в Копье⁷, а у Сенатской типографии — другая церковь Анастасии Узорешительницы⁸, обе сломаны в начале XIX столетия. Улица Петровка продолжалась гораздо длиннее теперешней,

загибая ближе к Дмитровке. На месте здания теперешней Большой Московской гостиницы⁹ находился кабак, носивший прозвище на «Деревянном скачке».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СТАРОМ ДОМЕ ВО ВЛАДЕНИИ СЕЛЕЗНЕВА, ВЫХОДЯЩЕМ НА ЦАРИЦЫНСКИЙ ПЕР.¹⁰

*сообщение по итогам осмотра памятника на 63-м заседании
Комиссии по изучению Старой Москвы 28 октября 1916 г.
(в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 114об.—115; протокольная запись)

Рукописный текст, разные чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой. Листы разные, двухсторонние, один лист выцвел, с пятнами. Запись краткая. сделана И.С. Беляевым.

Заключение о старом доме, выходящем из этого владения («бывшего Селезнева, на Пречистенке» — *сост.*) на Царицынский переулок, сделал член Комиссии Старой Москвы и тов. председателя Комиссии по сохранению древних памятников И.П. Машков.

По его мнению, старое здание, послужившее темой для доклада в нашей Комиссии, является памятником двух столетий: нижний первый этаж с подвалом-подклетом — XVII, а верхний — начала XVIII века. Доказательством древности первого служит кладка кирпича, обильно покрытого толстым слоем извести; почти сплошная обмазка стен тем же раствором, из которого делалась известь [нрзб], окон в виде узких глубоких ниш, хотя ныне и заложённых кирпичом, но внутри здания ясно различаемых; наружным верхним поясом или карнизом, выпущенным кругом всех стен вершка на два в форме так называемого «мулора» и служившим основанием для настилки крыши и, наконец, обычным сводом потолка. Второй же, верхний этаж, по мнению И.П. Машкова, был выстроен позднее — в начале XVIII века, над стоявшим уже первым, но со всеми его особенностями, присущими XVII веку — с точно такими же типичными окнами, как и в нижнем этаже. Доказательством принадлежности второго этажа к XVIII веку служит как кладка кирпичей, так и железные полосы над дверями. Каменная же лестница, по своим округлым ступеням, должна быть пристроенной еще позже — к концу того же XVIII столетия и в начале могла быть совсем открытой с легким только частичным железным тамбуром.

Ввиду того, что ни входная дверь, ни окна не были обращены в сторону церкви, членами Комиссии Старой Москвы было высказано мнение, что это старое

здание не могло относиться к церкви, а было или самостоятельным, или принадлежало к общему владению, находящемуся как в собственности Москов. дворянства. С.А. Маминым было высказано предположение, не могло [ли] служить осматриваемое здание в виде покойницкой для лиц, случайно найденных мертвыми на улицах и остававшихся здесь до погребения их в соседней церкви Спаса или по-прежнему Пятницы Парасковии (Параскевы Пятницы — *сост.*), «на Божьих домах». Кроме того, все присутствовавшие осматривали и главное здание во владении, бывшем Селезнева, выстроенное по Пречистенке в стиле «ампир»¹¹. Внутри оказались чрезвычайно интересные два камина из мрамора, с рельефными украшениями, по-видимому, привозные итальянской работы и очень красивые плафоны, снимки с которых для Комиссии любезно предложили сделать члены Комиссии Е.В. Гольдингер и В.А. Дударева. Осмотр окончился в 3 ч. дня.

СУХАРЕВА БАШНЯ В МОСКВЕ И ЕЕ РЕСТАВРАЦИЯ

*доклад на 71-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
1 декабря 1918 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 1. Д. 4. Л. 1–2; протокольная запись)

Машинописный текст (черновик) с рукописной правкой и вставками разными чернилами. Листы двухсторонние, на листах желтые пятна, углы завернуты. Запись сделана И.К. Линдеманом.

Сухарева башня¹² построена в два приема; настоящий ее вид — не первоначальный, в начале она была возведена в 1692–1695 году; по приезде своем из-за границы в 1698 году Петр I приступил к ее перестройке, которая была окончена в 1701 г. В ней устроено было «Училище математических и навигацких наук». Некоторые источники указывают, что Лефор¹³ и даже сам Петр I принимали участие в сооружении этого памятника зодчества. И.Е. Забелин считает строителем ее М.И. Чоглокова¹⁴.

По произведенным исследованиям первоначальная окраска нижнего этажа была белого тона. Остальные два этажа имели последовательно: темно-красной окраски реставрации 1897–[189]8 гг., под ним серый тон, далее зеленый (изумрудный), ярко-красный и, наконец, желтый цвет; на стенах башни желтого цвета не обнаружено, а первая окраска красного цвета. Первоначально в здании помещалась Школа навигационных и математических наук, просуществовавшая до 1715 г., после чего была переведена в Петербург; она послужила основанием Морской академии.

Помещения Навигационной школы в Сухаревой башне были не приспособлены для этой цели и неудобны. В нижнем этаже на правой стороне башни была одна палата, а на левой две палаты: кроме проездных ворот в середине,

был пешеходный проход с левой стороны. В верхнем этаже было три зала; из них большой зал с правой стороны был покрыт деревянным потолком; этот зал назывался «рапирным», два же зала с левой стороны перекрыты сводами. Нижний этаж с верхним непосредственного сообщения не имели. Учеников в школе было не менее 500 человек. По-видимому, все они были приходящими — по крайней мере, для жилья помещение было совершенно не приспособлено. Хотя Сухарева башня и отапливалась печами, жить в ней было невозможно.

При раскопках, попутно произведенных при ремонте башни с целью устройства в ней «Музея старой Москвы», найдены были печные изразцы. В одном из сохранившихся документов учащиеся пишут, что жить им очень трудно. Жили они большею частью в Мещанской¹⁵ и Панкратьевской¹⁶ слободах, на постоянных дворах. По переводе Навигационной школы в Петербург около Сухаревой башни поместили кораблик-бот, который и возили во время мира, заключенного Петром I. Впоследствии для него был устроен специальный сарайчик, который затем сгорел.

В башне помещались разные учреждения — между другими, Адмиралтейская коллегия¹⁷.

Сухарева башня очень часто подвергалась всевозможному ремонту. Часто ремонт мотивировали тем, что вследствие течи в крыше промокали своды. В одной из палат был большой глобус, подаренный Голландским[и] Соединенными Штатами. Он имел величину 1 саж. в диаметре.

В настоящем своем виде здание башни чрезвычайно крепко; большой ее ремонт был в 1750 г.¹⁸ произведен архитектором кн. Ухтомским¹⁹. Князь Ухтомский доносит о плохом состоянии кровли. Первоначально она была тесовая. К[н]. Ухтомский предлагает покрыть башню черепицею и на самом деле кроет ею. Затем в 1757 г. возникает дело о ветхости башни вследствие непрочности сделанной кн. Ухтомским кровли. В 1760 г. черепичную крышу сняли и покрыли башню железом. Балкончики также закрыты железом. Вид башни от этого пострадал. Под полами, в мусоре найдены в большом количестве изразцы. Башня очень интересна в бытовом отношении. В верхнем этаже были выступы; эти выступы заняты были ретирадами. Подле башни стояла изолированно будка.

В 1805—[180]6 гг. башня осмотрена архит. Кестнером, и в то же время была сделана на чердаке деревянная лестница; в 1813 г. после французов был произведен ремонт башни, дальше ремонты были в 1820 г., 1835 г., 1869 г., 1874 и, наконец, реставрация и ремонт 1897—[18]99 гг. В Архиве Министерства иностранных дел есть чертеж, подписанный архитектором фон-Штемцелем. Это — планы-фасады и разрезы Сухаревой башни. Из этого плана усматривается, что наружная лестница шла не так, как в настоящее время, а сделана была в два марша. Фон-Штемпель предполагал, по-видимому, ее переделать.

Около Сухаревой башни были частные строения. На план Петраева, относящийся к 1750 г., занесена часовня Перервинского монастыря, которая первоначально была построена в 1693 г. В 1755 г. ее сделали каменною. Затем ее

сломали и перенесли внутрь башни, где она помещается и ныне. Подле башни были торговые мясные ряды и лавки. Окрашена башня у фон-Штемпеля зеленым цветом.

У разных авторов даются сведения о работах Брюса²⁰, о библиотеке в башне, о тайных обществах, в ней собиравшихся, как-то «Нептуновское о-во», все эти сведения требуют проверки и документальных подтвер[ж]дений.

Средняя часть башни подвергалась неоднократным и всевозможным переделкам. В одном из ярусов башни, в чердаке боковых ее частей встречаются майоликовые орлы — их можно видеть под крышей²¹. Архитектор Б.Н. Засыпкин²², принимавший участие в работах по ремонту башни, сделал интересные наброски первоначального вида башни. В последнее время башня лишилась украшавшего ее орла. У Мартынова²³ есть любопытный рассказ об орле. Перед тем, как придти Наполеону в Москву, по направлению к башне летел ворон, который запутался в орле и издох. Простой народ считает это предзнаменованием гибели Наполеона. Орел этот — петровского времени. В последнее время орел подвергся разрушению. Началось с того, что кто-то взлез на башню и, подбравшись к орлу, сбил с него корону. Комиссия корону нашла и водворила на место. Некоторые лица оказались этим недовольны и направились в Спасские казармы с заявлением своего недовольства. Вследствие этого из «Чрезвычайной комиссии» (ЧК — *сост.*) приехали на автомобиле латыши, взяли лом и топор и, разрубив его (орла — *сост.*) на части, сбросили вниз. Комиссия решила из разрозненных его частей орла собрать и поправить.

В ближайшее время Комиссия займется вопросом о дальнейших работах по устройству башни для «Музея старой Москвы». И.П. Машков обещал действовать в этом направлении, исходя из того, что для чего-либо иного башню использовать нельзя.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ В архивных деле и описи дана неверная датировка — 1920-е гг.
- ² Каменный приказ (1775—1782 гг.), учреждение местного управления, занимавшееся регулированием застройки Москвы, реализацией прожектированного генерального плана 1775 г., вопросами планировки и благоустройства города.
- ³ Управа благочиния — городской полицейско-административный орган, учреждена в Москве в 1782 г.; помимо прочего, в компетенции Управы благочиния был и контроль планировки и застройки города — в соответствующих случаях москвичи должны были получать разрешение от полиции.
- ⁴ Храм не сохранился.
- ⁵ Здание Сенатской типографии на западной стороне Театральной площади было построено в 1821 г. по проекту архитектора И.М. Матвеева. В 1970-е гг. снесено в связи со строительством второй очереди гостиницы «Москва».
- ⁶ Майкл Джордж (Михаил Егорович) Медокс (1747—1822), английский инженер, театральный антрепренер, основатель первого общественного музыкального театра — Петровского (1780 г.).

- ⁷ Храм известен с 1620-х гг., разобран в 1817 г. (память сохраняется в Копьевском пер. — название с 1922 г.).
- ⁸ Храм известен с XVI в., разобран в конце XVIII в.; находился примерно на стыке современных ул. Охотный ряд, Б. Дмитровка и Театрального пр-да.
- ⁹ Большая Московская гостиница в Охотном ряду находилась напротив здания Городской думы (ныне принадлежит Государственному Историческому музею); снесена в процессе строительства гостиницы «Москва» в 1930-е — 1970-е гг.
- ¹⁰ Ныне — Чертольский пер. Речь идет о палатах усадьбы Салтыковых или же палатах церкви Спаса на Убогих домах на Божедомке (Параскевы Пятницы на Божедомке; храм не сохранился — на его месте школа); палаты входят в комплекс зданий Государственного музея А.С. Пушкина.
- ¹¹ Усадебный дом Хрущевых-Селезневых на Пречистенке. Возведен в 1814 г. по проекту арх. А.Г. Григорьева на месте сгоревшего в 1812 г. дома. Ныне — Государственный музей А.С. Пушкина.
- ¹² Не сохранилась.
- ¹³ Ф.Я. Лефор (1656—1699), генерал, адмирал, сподвижник Петра I.
- ¹⁴ М.И. Чоглоков (? — 1723), зодчий и художник.
- ¹⁵ Территория Мещанской слободы располагалась за Земляным Валом (Сухарева башня была воротной башней — Сретенских ворот Земляного города), ныне в составе Центрального административного округа (в северной его части), между совр. Садовым кольцом, просп. Мира, и Олимпийским просп. (память сохранилась в названии ул. Мещанской (бывш. 4-й Мещанской; остальные три Мещанские переименованы) и района «Мещанский».
- ¹⁶ Панкратьевская слобода — крупная московская слобода, соседствовала с ул. Сретенкой, Земляным валом, известна с первой трети XVII в.; в слободе существовала церковь спмч. Панкратия (XVII в.) — не сохранилась (память сохраняется в названии Панкратьевского пер., единственного из бывших нескольких пер.); ныне в составе Красносельского района Центрального административного округа Москвы.
- ¹⁷ До переноса столицы в Санкт-Петербург.
- ¹⁸ В тексте ошибочно указан 1850 г.
- ¹⁹ Кн. Д.В. Ухтомский (1719—1774), выпускник Школы математических и навигацких наук; архитектор, фактически выполнял функции главного архитектора Москвы.
- ²⁰ Я.В. Брюс (1699—1735), государственный деятель, военачальник, инженер, ученый, сподвижник Петра I, один из руководителей Навигацкой школы; в Москве бытовали легенды о Брюсе-чернокнижнике и колдуне из Сухаревой башни.
- ²¹ Реставрацией башни, в том числе ее изразцового декора, в начале XX в. занималось Московское археологическое общество.
- ²² Б.Н. Засыпкин (1891—1955), архитектор, реставратор, член Центральных государственных реставрационных мастерских, репрессирован в 1934 г.
- ²³ См.: Сухарева башня в Москве // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. А. Мартыновым; текст И.М. Снегирева. — М., 1850. — С. 19—20.

МИЛЛЕР Петр Николаевич (1867–1943)

Историк-москвовед, археолог, организатор изучения истории Москвы, председатель Комиссии МАО «Старая Москва», член-корреспондент МАО

Родился в с. Тепловка Саратовской губ. в семье поручика, потомственного дворянина Николая Ивановича Миллера. Мать, Антонина Петровна Слепцова, происходила из семьи саратовского помещика. В 1880-х гг. обучался во 2-м Московском кадетском корпусе, затем в Александровском военном училище, по окончании которого в 1888 г. в чине подпоручика направился на службу в артиллерийский батальон в крепость Осовец на западе Российской империи. В 1891 г. ушел в отставку и до 1905 г. работал чиновником в Московском почтамте. Увлёкся публицистикой и в качестве журналиста печатал материалы исторической направленности в различных газетах и журналах. Работая в почтамте, был награжден орденами св. Анны 2-й и 3-й степени, св. Станислава 2-й и 3-й степени. Принял активное участие в революционных событиях 1905 г., став одним из руководителей забастовки почтовых служащих; был арестован и год отбывал заключение в Бутырской тюрьме, где мог писать, заниматься самообразованием, в тюрьме начинает серьезно изучать историю Москвы. По выходе в мае 1906 г. из заключения продолжил занятия революционной деятельностью, за что вновь в октябре 1906 г. был арестован и оказался снова в Бутырской тюрьме, где занимался изучением материалов по истории Отечественной войны 1812 года. После освобождения становится зав. меморативным отделом юбилейной выставки, посвященной 100-летию Отечественной войны 1812 года.

В 1914–1917 гг. работал экспедитором в редакции газеты «Русское слово». Положительно воспринял февральскую революцию 1917 г., от Московского почтамта был избран городским почт-директором (1917–1918 гг.). Явился инициатором создания в 1918 г. Музея почтово-телеграфного союза, был его заведующим до октября 1920 г.

В период строительства московского метро в 1930-е гг. приглашается для описания отдельных участков трассы, по его инициативе на них развернуты археологические работы, в 1934–1937 гг. руководил историко-архивной бригадой на строительстве метрополитена. В 1936 г. стал руководителем Пушкинской комиссии Московского областного научно-исследовательского бюро краеведения. В 1937 г. в соавторстве составил путеводитель «Пушкинская Москва», занимался устройством Всесоюзной Пушкинской выставки. В 1938 г. совместно с П.В. Сытиным составил книгу «Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы».

В середине 1939 г. как знаток Москвы был привлечен в качестве ученого секретаря к работе занимавшейся, в том числе, подготовкой многотомного издания по истории города Группы по изучению истории Москвы, реорганизованной в 1940 г. в Комиссию по истории Москвы при дирекции Института истории Академии наук.

Когда после начала Великой Отечественной войны деятельность Комиссии почти прекратилась, выступил с инициативой по составлению московской летописи войны, инициативу поддержало руководство Института истории и создало небольшой коллектив, но к середине 1942 г. работу продолжал только П. Н. Миллер — он вел подробный дневник московских событий, записывая в него факты из повседневной жизни москвичей в 1941–1942 гг.

В сентябре–ноябре 1942 г., сильно ослабев, попал в Сокольническую больницу. Скончался 22 января 1943 г., тело его было кремировано, прах захоронен на Новодевичьем кладбище.

Библиотеку и архив Миллера перевезли в Музей реконструкции и развития г. Москвы (ныне — Музей Москвы). Архив хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 134) и в Музее Москвы (Ф. 8169).

В Комиссии по изучению старой Москвы П. Н. Миллер активно работал с 1912 по 1930 г. Его кандидатура была предложена к избранию в члены Комиссии на 16-м заседании 5 декабря 1911 г., избран на следующем заседании 14 января 1912 г. Первый раз участвовал в прениях по вопросу реставрации «Крутицкого теремка» 5 апреля 1912 г. и с тех пор, регулярно посещая заседания, стал одним из самых деятельных членов Комиссии, был ответственным за хранение и комплектование существовавшего при Комиссии Музея старой Москвы. До конца 1917 г. выступал с докладами и пространными сообщениями 7 раз и не менее 10 раз участвовал в прениях по докладам. Первые два его выступления были посвящены скончавшимся историкам Москвы, и во все последующие годы всегда отдавал дань памяти ушедшим коллегам. Ввел в практику заседаний тщательно подготовленные доклады-отчеты о деятельности «Старой Москвы», являющиеся сегодня лучшими источниками по истории этого краеведческого объединения.

С 1912 по 1930 г. с докладами и большими сообщениями на различные темы выступал около 90 раз — намного больше, чем даже самые активные члены Комиссии. В 1912–1917 гг. выступил с докладами и сообщениями: «Памяти историка Москвы Н. П. Бочарова» (21-е засед. 19.04.1912 г.); «Памяти Петра Ивановича Щукина» (24-е засед. 02.11.1912 г.); «О посещении членами Комиссии ее заседаний в 1910–1913 гг.» (36-е засед. 20.12.1913 г.); «О плане Москвы 1606 г. по сказанию Исаака Мас-сы» (38-е засед. 25.01.1914 г.); «О плане Москвы 1824 г.» (41-е засед. 11.03.1914 г.); «В защиту исследователя старой Москвы П. В. Хавского» (59-е засед. 4.03.1916 г.); «О плане Москвы Хавского 1843 г.» (64-е засед. 25.11.1916 г.).

На последнем дореволюционном заседании Комиссии 28 апреля 1917 г. П. Н. Миллер и еще 7 членов «Старой Москвы» были избраны как уполномоченные в состав организуемого «Московского союза деятелей по истории искусства, археологии и музееведения».

С 4 мая 1919 г. стал секретарем Комиссии (до 21 июня 1923 г.). С 5 июля 1923 г. по 5 февраля 1930 г. (последнее заседание) был председателем «Старой Москвы». Во многом благодаря его энергии, обширным знаниям, выдающимся организаторским способностям Комиссия из вобщем-то камерного научного кружка превратилась в большое деятельное краеведческое общество, собиравшееся еженедельно.

В послереволюционные годы очень часто участвовал в прениях по докладам членов «Старой Москвы». В 1918–1930 гг. выступил с докладами: «К. Я. Тромонин» (74-е засед. 25.05.1919 г.); «Церковь Георгия в Старых Лучниках на Лубянке» (совместно с В. А. Дударевой; 76-е засед. 03.07.1919 г.); «О Музее Старой Москвы и объединении деятельности специальных комиссий по старой Москве» (80-е засед. 23.10.1919 г.); «Отчет о деятельности Комиссии за 1918–1919 гг.» (83-е засед. 19.02.1920 г.); «О необходимости расселения и реставрации двух старинных домов (один из них принадлежал В. В. Голицыну)

в Охотном ряду и размещения в них “Музея быта и старины допетровской эпохи” (86-е засед. 27.05.1920 г. и 87-е засед. 24.06.1920 г.); «О картинной галерее архитектора Е.Д. Тюринна» (94-е засед. 20.01.1921 г.); «О работе Комиссии по изучению старой Москвы за 1920 г.» (95-е засед. 17.02.1921 г.); «Памяти А.Н. Петунникова» (98-е засед. 14.04.1921 г.); «100 заседаний Комиссии» (100-е засед. 19.05.1921 г.); «Медали по Москве и их собрание в Музее Старой Москвы» (101-е засед. 16.06.1921 г. и 102-е засед. 30.06.1921 г.); «Геодезическая планография Москвы за первые 100 лет. 1739–1839 гг.» (105-е засед. 11.08.1921 г. и 106-е засед. 25.08.1921 г.); «Баронский гонор в Москве (похороны барона Льва Карловича Боде в 1859 г.) и о вскрытии его склепа и разбитой надгробной плите в храме в имении Лукино» (110-е засед. 20.10.1921 г.); «Русская уника. Рукописный атлас Московской губернии 1800 г.» (114-е засед. 15.12.1921 г.); «С.Б. Алмазов — собиратель Старой Москвы (по поводу годовщины смерти С.Б. Алмазова)» (115-е засед. 29.12.1921 г.); «О работе Комиссии по изучению старой Москвы за 1921 г.» (118-е засед. 09.02.1922 г.); «О жизни бытописателя Москвы Д.Н. Никифорова (к 15-летию его кончины 1/14.03.1907) и призыв к присутствующим собирать «сведения о писателях, собирателях и изобразителях Москвы»» (120-е засед. 09.03.1922 г.); «О кончине членов “Старой Москвы” Я.В. Кульпина, А.И. Станкевича, А.С. Панкратова» (122-е засед. 06.04.1922 г.); «Николай Алексеевич Скворцов. Памяти его по случаю пятилетия со дня его убийства» (128-е засед. 29.06.1922 г.); «Памяти Аполлона Александровича Григорьева. По случаю столетия со дня рождения» (130-е засед. 24.07.1922 г.); «Рукописная книга по Москве» (133-е засед. 07.09.1922 г.); «Памяти Петра Ивановича Щукина» (139-е засед. 30.11.1922 г.); «Островский — москвич» и «О кончине 5.04.1923 г. члена Комиссии церковного историка протоиерея Покровского собора И.И. Кузнецова» (147-е засед. 12.04.1923 г.); «О кончине 4.06.1923 г. члена Комиссии, председателя МАО Д.Н. Анучина (с его краткой биографией)» (151-е засед. 07.06.1923 г.); «О временном прекращении деятельности Московского археологического общества» (153-е засед. 05.07.1923 г.); «О конном дворе имения Узкого и имении Воронцово» (166-е засед. 22.11.1923 г.); «О пострадавшем от пожара архиве Казенной палаты в угловой китайгородской башне близ церкви Зачатия в Углу и плохом состоянии архива во Владимирской башне» (171-е засед. 17.01.1924 г.); «О кончине члена “Старой Москвы” архитектора Н.Д. Струкова» (176-е засед. 13.03.1924 г.); «О происходящей ликвидации старообрядческих храмов у Преображенской заставы и о будущей судьбе находящихся там белокаменных резных ворот» и «О появившейся 10.04.1924 г. в газете статье И.Я. Стеллецкого о библиотеке Грозного и ее поисках» (178-е засед. 10.04.1924 г.); «О работе Комиссии за 1923 г.» и «О розысках подземных ходов в Москве» (совместно с Н.Д. Виноградовым; 180-е засед. 08.05.1924 г.); «О своих изысканиях по вопросу о домах в Москве, связанных с именем А.С. Пушкина» (183-е засед. 29.05.1924 г.); «Об изысканиях по дому, где родился А.С. Пушкин» (185-е засед. 12.06.1924 г.); «О находках надгробных плит конца XVII в. при земляных работах у лютеранской кирхи св. Михаила» и «О докладе в Историческом музее 9.07.1924 г. И.Я. Стеллецкого, перспективах поиска библиотеки Ивана Грозного и др.» (188-е засед. 10.07.1924 г.); «Об археологических находках (черепя, изразцы, фрагменты надгробий), собранных при раскопках у лютеранской кирхи св. Михаила» (совместно с Н.А. Всеволожским) и «О ходе переименования московских улиц» (190-е засед. 07.08.1924 г.); «О кончине П.С. Уваровой в Сербии» (197-е засед. 01.10.1924 г.); «О деятельности “Старой Москвы” за время первых 200 заседаний» (200-е засед. 23.10.1924 г.); «О раскопках и обнаружении погребений на Сапожковской площади у Манежа» (совместно с И.Я. Стеллецким; 203-е засед. 13.11.1924 г.); «О кончине Г.И. Холмогорова» (207-е засед. 11.12.1924 г.); «Воспоминания о создании и развитии Комиссии “Старая Москва” и о ее деятелях к 15-летию Комиссии» (209-е засед. 27.12.1924 г.); «О врытых в землю на улице Варварке двух больших старинных пушек и о найденных материалах по палатам

Симона Ушакова» (216-е засед. 05.03.1925 г.); «О масонском гнезде в Москве» (218-е засед. 26.03.1925 г.); «О кончине А.С. Фортунатова» (221-е засед. 16.04.1925 г.); «О подмосковных усадьбах в конце XVIII в.» (223-е засед. 30.04.1925 г.); «О необходимости фотографирования сносимых часовен у Спасской башни и икон с кремлевских ворот, которые снимут “в недалеком будущем”» (совместно с Б.С. Пушкиным) и «О сломке двух часовен на Дорогомиловском кладбище» (233-е засед. 09.07.1925 г.); «Об истории старинного дома на углу Газетного пер. и ул. Никитской и сносе его флигеля» (242-е засед. 17.09.1925 г.); «Глиняный подсвечник на службе москвичам (остатки подсвечников, найденных при расчистке подвалов Голицынского дома)» (246-е засед. 15.10.1925 г.); «О кончине члена “Старой Москвы” С.А. Долгова» (247-е засед. 22.10.1925 г.); «О домах-свидетелях революции 1905 г.» (251-е засед. 19.11.1925 г.); «О деятельности “Старой Москвы” за 16-й год [1925 г.] существования» (257-е засед. 27.12.1925 г.); «О внимании московской печати к заседаниям “Старой Москвы”» (262-е засед. 04.02.1926 г.); «О появлении в “Известиях” статьи Ю. Коробьина “Несколько новых слов о старых вещах” и ответе на нее, составленном П.В. Сытиным» (264-е засед. 18.02.1926 г.); «100 заседаний Ученой Комиссии и о ее первом заседании 17.01.1924 г.» (270-е засед. 08.04.1926 г.); «О кончине врача С.В. Пучкова — устроителя больницы имени Газа и Братского кладбища» (288-е засед. 09.09.1926 г.); «О деятельности Комиссии “Старая Москва” за время ее существования» (300-е засед. 02.12.1926 г.); «Новый план Исаака Массы» и «Годовой отчет о деятельности Комиссии “Старая Москва” за 1926 г.» (304-е засед. 30.12.1926 г.); «О смерти директора Исторического музея профессора-историка Н.А. Рожкова» (309-е засед. 03.02.1927 г.); «О творчестве художницы Н.Я. Симанович-Ефимовой, рисующей уходящую Москву» (311-е засед. 17.02.1927 г.); «О ходе разборки Красных ворот и их обмерах и фотофиксации, о разбитии лепного медальона и необходимости установления систематических наблюдений за разборкой» (совместно с П.В. Сытиным; 328-е засед. 23.06.1927 г.); «О времени сооружения церкви Троицы на Арбате» (330-е засед. 07.07.1927 г.); «Народные революционные выступления в Москве на протяжении веков» (336-е засед. 18.08.1927 г.); «О находке и обмерах старинного моста через Неглинную и деревянной мостовой на Тверской» (совместно с А.М. Васнецовым; 338-е засед. 01.09.1927 г.); «Об обнаружении погребений и архитектурных фрагментов (капитель и база колонки) церкви Рождества Богородицы в Столешниках и о находке плит с могилы математика Л.Ф. Магницкого и его жены в Гребневской церкви» (340-е засед. 15.09.1927 г.); «Франсузы в Москве XVIII века» и «О трагической смерти председателя ОИРУ В.В. Згуры» (341-е засед. 22.09.1927 г.); «О посещении Новоспасского монастыря, ликвидации Преображенского собора, уничтожении надгробий в усыпальнице Романовых и перевозке некоторых фрагментов надгробий XVI в. в Шереметевский Знаменский храм» (347-е засед. 03.11.1927 г.); «Одно из сооружений архитектора М.Ф. Казакова — Бутырская тюрьма, ее история и быт» (357-е засед. 05.01.1928 г.); «О кончине 8 февраля 1928 г. члена “Старой Москвы” с 1914 г. И.Ф. Огнева» (363-е засед. 16.02.1928 г.); «О 50-летию литературной деятельности члена “Старой Москвы” Н.П. Розанова» (368-е засед. 22.03.1928 г.); «Пушкинский план Москвы, составленный по плану 1832 г.» (379-е засед. 07.06.1928 г.); «Об обнаружении под штукатуркой разрушаемой церкви Параскевы Пятницы стесанных “совершенно исключительных наличников окон и дверей”; о ходе сноса церкви Николы в Мясниках и здания 3-й гимназии на Лубянке» (совместно с Н.Р. Левинсоном; 383-е засед. 05.07.1928 г.); «О творческом наследии и архиве умершего в июне 1928 г. Андрея Николаевича Ильина — автора труда “Село Виноградово”» (385-е засед. 19.07.1928 г.); «Воспоминания о В.А. Гиляровском» (408-е засед. 03.01.1929 г.); «Предложение к ГИМу о восстановлении комнаты, где работал И.Е. Забелин» и «О необходимости передать в ГИМ доску с креста на могиле И.Е. Забелина, валяющуюся на земле на Ваганьковском кладбище» (410-е засед. 17.01.1929 г.); «О найденных при разборке кирпичи

св. Михаила останках Я.В. Брюса» (413-е засед. 07.02.1929 г.); «О смерти члена “Старой Москвы” Л.П. Александрова» (417-е засед. 07.03.1929 г.); «О кончине академика М.М. Богословского» (424-е засед. 25.04.1929 г.); «О кончине А.А. Бахрушина» (430-е засед. 13.06.1929 г.); «Источники по истории фабрично-заводской промышленности в старой Москве» (445-е засед. 26.09.1929 г.); «О смерти видного деятеля “Старой Москвы”, известного литератора И.А. Белоусова и о планах устройства заседания его памяти» (459-е засед. 09.01.1930 г.); «Москва и москвичи по эмигрантским листкам 50–60-х гг. XIX в.» и «О смерти директора Оружейной Палаты Д.Д. Иванова» (460-е засед. 16.01.1930 г.); «9 января в Москве» (461-е засед. 23.01.1930 г.).

Кроме этого, П. Н. Миллером с 1923–1924 гг. на заседаниях «Старой Москвы» были сделаны десятки небольших информационных сообщений об уничтожении различных памятников, об обнаружении во время земляных работ фундаментов старинных строений, захоронений, о разрушении исторических некрополей и т.д.

О ПЛАНЕ МОСКВЫ 1606 г. ПО СКАЗАНИЮ ИСААКА МАССЫ

*сообщение на 38-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
25 января 1914 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 61об.—63; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись краткая, сделана И. С. Беляевым.

Членом Комиссии П. Н. Миллером было сделано сообщение о плане Москвы 1606 г. по сказанию Исаака Массы¹. Докладчик, прежде всего, рассмотрел печатные указания, сделанные Археографическою комиссиею о плане при его издании в 1874 году², и далее совершенно справедливо указал, что план Массы любопытен еще тем, что «на нем подробнее, чем на каком-либо другом древнем плане, нанесены тогдашние окрестности, не только ныне вошедшие в черту города, но и более дальние». П. Н. Миллером демонстрировались исполненные им на кальке два снимка с некоторых частей плана Массы.

По этому же плану от Тверской-Ямской слободы, например, разветвлялись две дороги — одна на северо-запад — Тверская, разветвлявшаяся, в свою очередь, к западу на Воскресенскую дорогу, и другая на северо-восток — Дмитровская. Последняя, по плану Массы, упирается в какую-то постройку, в которой можно узнать стену с круглой крепостной [башней], напоминающей Тушино.

От теперешней Новослободской дороги — два пути на Дмитров и Троицу (Троице-Сергиев монастырь — *сост.*); между этими путями на склоне двух холмов изображена, по-видимому, церковь Казанской Божией Матери³. Обширное поместье по ту сторону Неглинной докладчик относит к Троицкому подворью⁴. За ним — Мещанская слобода с Троицкой дорогой и далее намеченная дорога, вероятно, Рязанская.

К северо-востоку видна постройка, могущая принадлежать воеводе Шеину⁵, современнику плана, так как здесь некогда была церковь «Спаса на Шеине дворе». Между реками Яузой и Москвой намечена слобода, вероятно, Рогожская на Владимирской дороге. Постройки против Новоспасского монастыря не разгаданы; может быть, — это церкви Успения, Троицы и Флора и Лавра⁶, единственные находящиеся ныне между валом и Даниловым монастырем.

Постройку вправо от Калужской дороги можно принять за прежний Андреевский монастырь, «убогий дом» в 1604 году, служивший во время голода при царе Годунове одною из московских скудельниц.

В Земляном городе докладчик насчитал 11 ворот и 41 башню; последние — круглые и остроконечные, а ворота изображены в два прохода с тремя остроконечными вышками. Кроме того, через реку Неглинную, на месте нынешней Самотеки, замечен мост с тремя пролетами, по-видимому, каменный, с башнями по концам. Повыше моста через Яузу, вероятно, у Николо-Ямской любопытно изображение водяной мельницы.

В Белом городе, по плану Массы, П.Н. Миллер насчитал 9 ворот (без водяных) и 22 башни. Первые — разной конструкции, круглые и четырехугольные, в 1 или в 2 пролета, но все с остроконечными вышками. Особенно интересны Водяные ворота⁷ своим громадным, сравнительно с другими, размером, многоярусные, с пятиглавым верхом. Также интересно изображен мост через Неглинную, здесь же в Белом городе, по-видимому, каменный, в 4 пролета и как будто с арочной выемкой. В черте Белого города нанесено всего 8 мостов, из которых Воскресенский кажется деревянным, остальные — каменные. У соединения Лубянки и Рождественки обращает на себя внимание постройка круглой формы с высоким шатром, — вероятно, Пушечный литейный двор. В заключение докладчиком были приведены из цитированного им труда Костомарова о Смутном времени⁸ выдержки, касающиеся некоторых мест Старой Москвы.

О ПЛАНЕ МОСКВЫ 1824 г.

*сообщение на 41-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
11 марта 1914 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 68об.—69об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с правкой и вставками, с автографами. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

Членом Комиссии П.Н. Миллером было сделано сообщение о плане Москвы 1824 г. На плане этом не помечено, кто его чертил и где он печатался, описание же к нему составлено [Е.Г.] Челиевым, к сожалению, доклад-

чиком не найденное. Надписи на плане сделаны по-русски и французски. Город оканчивается Камер-коллежским валом с нанесением только места у Воробьевых гор для предположенного храма в память 1812 года⁹. Москва разделена на 20 частей, в числе которых 3 ныне уже несуществующие: Новинская, Покровская и Таганская. Переулки надписей на плане не имеют.

Докладчик взял на себя труд составить сравнение плана 1824 года с планами: [И.] Мичурина 1739 г., [А.] Хотева 1859 г. и с последними — нынешними сведениями. В первую очередь, он рассмотрел Кремль и Китай-город. Нынешний Большой Кремлевский дворец в 1739 г. назывался «дом Ея Императорского Величества, дворец каменный», в 1824 г. — «Кремлевский дворец» и в 1852 г. — «Императорский Большой Кремлевский, новый дворец». На плане 1824 г. нет уже соборов Николы Гостунского и Черниговских чудотворцев, церкви Бориса и Глеба, помещений коллегий и канцелярий, занимавших почти всю длину теперешней Царской площади¹⁰; нет подворий: Кирилловского с церковью св. Кирилла Александрийского, Крутицкого с церковью Благовещения и, наконец, Троицкого на том месте, где ныне Кремлевские казармы¹¹ и, где ранее была Оружейная палата. «Главная гобвахта» помещена по плану 1824 г. между Успенским собором и Ивановской колокольней; между южной частью Кремлевской стены и Москвой-рекою вычерчены древесные насаждения.

В Китае-городе по плану 1824 г. отдельно указаны Губернское правление¹² и дом Городской думы, последний там, где ныне Исторический музей¹³; Рыбный двор, ныне дом Купеческого общества в Рыбном переулке¹⁴; Тверское подворье — ныне дом тоже Купеческого общества в Юшковом¹⁵ переулке; Ростовское подворье, где ныне Старый Гостиный двор; Нижегородское подворье — пометка поставлена там, где ныне дом бояр Романовых на Варварке, только одно очерченное место, но без означения церкви Жен Мироносиц¹⁶, на Никольской при доме гр. Шереметева; церковь Воскресения в Булгакове¹⁷ — между Юшковым и Рыбным переулками — ныне Купеческого общества; церкви Климента папы Римского и Николы в Углу; Главная аптека на части места, занимаемого ныне Историческим музеем; Аптекарские сады между Никольскими и Спасскими воротами на Красной площади; Посольский двор — ныне дом Торгового банка на углу Ильинки и Юшкова переулка. Наконец, по плану 1824 г. вдоль всей Кремлевской стены обозначены древесные насаждения: от Собакиной (Арсенальной — *сост.*) башни до Никольской — в один ряд, и от Никольской до Беклемишевской (Москворецкой — *сост.*) — в два ряда.

В ЗАЩИТУ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ СТАРОЙ МОСКВЫ П. В. ХАВСКОГО

*сообщение на 59-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
4 марта 1916 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 105—105об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись краткая, сделана И. С. Беляевым.

Ввиду того, говорит докладчик, что на одном из заседаний Комиссии Старой Москвы пришлось выслушать нелестное суждение о значении трудов П. В. Хавского¹⁸, а в недавно выпшедшей книжке — ноябрь—декабрь, «Рус[ского] архива» 1915 г. г. Мордвинов указывает, что современники при чтении неясно изложенных статей обыкновенно говаривали: «темно, как у Хавского»; П. М. Строев называет его московским шарлатаном, а А. А. Куник — «пресловутым доносчиком», ввиду этого докладчик занялся желанием снять с П. В. Хавского клеймо «путаника». Поэтому П. Н. Миллер сообщает биографию Хавского, полную трудовой жизни, и список его трудов, из которых часть отмечена видными благодарностями. Далее он подробно разбирает самую раннюю книгу Хавского «Указатель дорог от Кремля»¹⁹, затем «Указатель источников по истории и географии Москвы»²⁰. Видно, — говорит П. Н. Миллер, — что Хавский пользовался всевозможными источниками, отмечая все события и не оценивая важность одних перед другими. Можно ли в его выдержках усмотреть путанность, шарлатанство, какой-либо донос? — «Все ясно, откровенно и чисто». Потом докладчик останавливается на третьем труде: «Семисотлетие Москвы»²¹, сообщает вступление к нему и обследование нескольких параграфов книги.

Все три книги Хавского, — говорит П. Н. Миллер, — представляют собою как бы звенья одного целого, в котором каждое последующее звено является более разработанным и совершенным; их значение быть источниками-справочниками, и такой характер, по мнению докладчика, должен за ними утвердиться. Хавским положена масса труда, чтобы издать свои книги, хотя бы путем списывания, заимствования, компилирования. В трудах Хавского есть, конечно, ошибки и лишние строчки в тексте, но у кого их нет? «Я полагаю, — говорит П. Н. Миллер, — что нелестные о себе отзывы Хавский заслужил за свои труды не московского периода, а за дальнейшие: там пошли хронология, генеалогия, история, пасхалия и т. п.». Какая причина, что на труды Хавского нет нигде никаких ссылок, докладчик не знает, они ему не встречались ни с положительной, ни с отрицательной стороны.

Для членов нашей Комиссии, заключает он, конечно, было не лишним узнать о трудах П. В. Хавского, по рождению не москвича, но домовладельца Москвы²², прожившего в ней 61 год и посильно поработавшего над изучением ее старины.

Докладчиком приложен план дома П.В. Хавского в Б. Афанасьевском переулке, принадлежавшего ему в 1854 г. под №485, в 1882 г. — Хавской, Щербачеву и Муранову под №612—614 и, наконец, в 1904 г. — Щербачевой, Барсу и Муранову.

О ПЛАНЕ П.В. ХАВСКОГО

*доклад на 64-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
25 ноября 1916 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 115—116об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с правкой и вставками, с автографами. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись краткая, сделана И. С. Беляевым.

Членом Комиссии П.Н. Миллером был сделан доклад о плане П.В. Хавского, составленном в 1843 г. Докладчиком демонстрировался этот план по новому его изданию 1853 г. Он квадратный, в 55 дюймов на сторону или около 4 кв. арш. размером, разделен 11.100 полудюймовых квадратов, по 250 кв. или по 50 погон. сажень в каждом, а при своей книге 700-летия Москвы²³ Хавский приложил азбучный указатель со ссылками на параграфы, как этой книги, так и его плана.

В сообщении П.Н. Миллера был принят порядок идти за описанием Москвы с 1840 г. и отмечать особенности и несоответствия с планом Хавского и проверять по книге Петунникова «Пути сообщения в г. Москве»²⁴. Докладчик свое изложение начинает с центра и переходит ко всем остальным частям города. Так, у Хавского Рыбный и Хрустальный переулки в Китае-городе названы «рядами», а Зарядье показано как продолжение Кривого переулка²⁵. В Серпуховской части названные по плану Хотева²⁶ Крымская улица и Коровий вал у Хавского отмечены просто Земляным валом, на участке от Донского м[онасты]ря к заставе назван «Малый летний бег», а около теперешнего Титовского переулка «Обухова гора». В Якиманской части дом Археолог[ического] общ[ества]²⁷ отмечен «Винным двором». В Тверской части Хавский Волхонку не называет совершенно, а часть ее от бульвара до Знаменки — Пречистенкой, Шереметевский пер. назван Крестовоздвиженским, а Нижн. Кисловка — Шереметевским. На Воздвиженке на месте Архива ин[остранных] дел²⁸ показано Горное правление, а против него — Коммерческий суд. Там, где теперь дом Банка госуд[арственного] на Никитском бул., надпись: Дом Коммерческого банка. На Тверской между М. Гнездиновским и Леонтьевским переулками вырисовано полукружие: «Английский клуб», а против дома Благородного [собрания] с Георгиевского переулка — «Немецкий клуб». Хрущевский переулок на Пречистенке наименован Барятинским, 1 Ильинский пер. (ныне 1-й Обыденский пер. — *сост.*) на Остоженке — Безобразовским, улица за Остоженкою по течению Москвы-реки помечена Хавским: «Киевцы урочище». На месте владения Бутикова во 2 Ушаковском пер. (ныне

Хилков пер. — *сост.*) были расположены «Минеральные воды», на углу Арбата и Денежного переулка — «Народное уездное училище», а на углу Арбата же и Староколюшенного пер. — «Казенная палата и уездное Казначейство», а на Поварской — «Контора адресов». Плющиху Хавский называет Смоленскою улицею, тогда как у Петунникова — Смоленская и бывшая Саввинская. Грибоедовский переулок у Хавского показан Некрасовским²⁹. На Плющихе Хавским указан дом вице-губернатора, ныне Братолюбивого общества (№38/10) и Приказа общественного призрения — ныне Волхова (№26/2) на углу Смоленской. Около Хамовнического частного дома у Хавского показаны Томесовы переулок и фабрика, а в Пресненской части, там, где ныне Арестантские роты, съезжий дом бывшей Новинской части. В Мясницкой части обозначены на местах теперешние: Строгановского училища — «Университетские клиники», дома Страх[ового] общ[ества] «Россия» на Сретен. бульваре, где была панорама Плевны и народн. театр Черепанова, у Хавского — «Старый почтамт», теперешнего Мясницкого полицейского дома в Трехсвятител[ьском] пер. — «Архив иностранной коллегии», Александровская больница в Казен[ном] пер. названа «Больница для чернорабочих, Ортопедический институт», на углу Краснохолмской улицы «Лежневские бани». В Мещанской части на месте станции Виндав[ской] (Рижской — *сост.*) ж.д. обозначены «Вышеславцевы пруды», на углу Красноворотской площади, в д. Григорова, где родился Лермонтов³⁰, значится «уездное училище». В Басманной части против ц[еркви] Петра и Павла, на месте нынешнего дома [нрзб; где?], стояла военная инвалидная богадельня, и одного из теперешних корпусов фабрики Бостанжогло — «бывшая главная аптека». В Рогожской части Лизин пруд назван «Сергиевский Лизин пруд» и, наконец, в Лефортовской части улица Стромынка именовалась еще Матросской, а на месте нынешн. владения моск. купч. Ирины Тим. Савостьяновой, по Хотеву, значилась упраздненная римско-католическая церковь Петра и Павла. Плану Хавского верить нельзя, но книжные труды его ценны, и пользоваться ими можно, — сказал в заключение П.Н. Миллер.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ Е.Д. ТЮРИНА В МОСКВЕ

*сообщение на 94-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
20 января 1921 г. (в Историческом музее)*

(К. 46. Д. 16. Л. 1–33; архивное дело)

Машинописный текст, чистовой. Листы односторонние, тонкие, большеформатные, нумерация авторская. К тексту приложены документы.

Задача сегодняшнего моего сообщения очень скромная, — доложить о приобретенной мною для Музея Старой Москвы рукописи «Подлинные документы по Картинной галерее коллежского советника Е.Д. Тюрина³¹. 30 августа

1863 года. Москва», причем я не смею вдаваться ни в сравнения, ни в обобщения, ни вообще в какие-либо обозрения частных картинных собраний в Москве, их содержания и т.п., хотя исследование и очень заманчиво и интересно.

Мне пришлось пользоваться только случайными живыми справками, прячя ослабевшую память и воспользоваться двумя-тремя печатными источниками, и вы, конечно, меня извините за такую неосновательность, так как каждый из вас знает, как трудно найти время для ознакомления или разговора с каким-либо источником и еще труднее дойти до этого источника в буквальном смысле слова.

Частные картинные и иные собрания, конечно, в Москве были и не представляли из себя какого-либо редкого исключения, существовали они с давних пор, но «публичных», доступных не одним только родным и знакомым хозяина, было, конечно, мало.

Известна, например, Растопчинская публичная галерея, существовавшая до 19–20 года прошлого столетия (XIX в. — *сост.*) в его доме на Садовой*.

Попытки учредить в Москве публичные галереи и положить основание Музею изящных искусств более многочисленны: И.В. Цветаев в брошюре «К истории создания Музея изящных искусств»³² говорит: «Мысль об учреждении “Эстетического музея” при Московском университете, сначала в области европейского ваяния, принадлежит княгине Зинаиде Александровне Волконской, рожденной княжне Белосельской-Белозерской. В конце 20-х годов XIX в. эта замечательно даровитая и разносторонне образованная русская аристократка, живя в Риме, горячо мечтала о создании для Москвы коллекции образцов скульптуры и много хлопотала в правительственных кругах Петербурга и Москвы об осуществлении своей идеи, поддерживаемая в этом как отечественными, так и иностранными художниками и учеными. Она составила программу этого Музея, которая и была напечатана ею в Москве в 1831 году (“Телескоп” изд. Надеждина 1831, кн. III, стр. 385 и след.). И не ее была вина, что сильные лица России того времени не помогли осуществлению этого женского проекта, для исполнения которого в ту пору не нашлось ни в Москве, ни в Петербурге и 5.000 рублей, при начале дела тогда требовавшихся».

А.А. Благовещенский в «Русском художественном Архиве»³³ подробно описывает историю возникновения в Москве Училища Живописи, Ваяния и Зодчества и Московского Художественного общества. В 1832 по частной инициативе составилс кружок любителей живописи и художников, сходявшихся порисовать с натуры, а через 11 лет в 1843 возникло Художественное О[бщест]-во. Кружок, вначале называвшийся «Натурным классом», основан полковником Скарятиним Федором Яковлевичем, адъютантом Московского военного губернатора при содействии художников Алексея и Василия Степановичей Добровольских и Ивана Трофимовича Дурнова.

* Устно [сообщил] А.В. Чаянов.

В 1836 году А.С. Добровольский представил проект об учреждении в Москве картинной галереи и выставки художественных произведений. Ему уже были обещаны для начала 74 картины из коллекции генеральши Альбини, но смерть А.С. (1.VII.1837 г.) прекратила эти начинания, и Москве еще около 30 лет пришлось оставаться без публичной картинной галереи.

Наконец, я предлагаю Вашему вниманию «Подлинные документы» о галерее Е.Д. Тюриня, еще в 1835 известной московским художникам и любителям живописи.

Чем объяснить, что частная инициатива по открытию в тогдашней безмузейной Москве публичных картинных галерей и основанию Музея изящных искусств не имела успеха и не была осуществлена до галереи-музея князя Голицына (на Волхонке)³⁴ и вскоре затем Московского Публичного Румянцевского Музея³⁵. Ведь это уже 60-е годы, т.е. после царствования Николая I-го (1825–1855 гг. — *сост.*), так славимого современниками как покровителя изящных искусств.

«Документы» начинаются с «Объяснения о цели составления Тюриным Карт[инной] галереи». Объяснение следующее³⁶: «Объяснение о цели составления мной коллекции оригинальных картин и средствах основания из оных Публичной Картинной Галереи в Москве без траты казенных сумм и проч.*

Священное чувство каждого русского. Беспредельная любовь к престолу и отечеству есть девиз каждого русского; это священное чувство руководит его во всю жизнь и составляет главную цель его существования. Я с самой юности до сего времени, в течение более 35 лет пламенно желал одного только, чтоб чем-нибудь быть полезным славному моему отечеству.

Побуждение к составлению коллекции картин. Зная, что в Москве нет Публичной Картинной Галереи, я как художник решился собирать картины по мере сил моих, дабы впоследствии посвятить их Москве для общей пользы.

Важность Публичной Картинной Галереи в Москве. Всем известно, что Публичная Картинная Галерея во всяком просвещенном государстве не только что необходима для художников, подобно тому, как и избранная библиотека для ученых, но она составляет еще и великую важность, особливо и в древней столице обширнейшей в мире Империи, откуда просвещение распространяется на большую часть России. Я думал, что Москве, обладающей неисчислимыми сокровищами всех родов, только и не доставало такой Галереи.

Надежда на водворение в Москве Музея изящных искусств. Со временем Публичная Картинная Галерея в Москве при покровительстве высшего начальства

* Подобное объяснение представлено было от меня при прошении Его Сиятельству господину Московскому Военному Генерал-губернатору в минувшем 1853 году 12 августа, но ныне я дополняю в сем объяснении, что имею намерение ежегодно жертвовать из доходов Галереи пятую часть в пользу раненых воинов, не могущих продолжать службы, и в пользу приютов в Москве, где могут быть призрены сироты после убитых воинов, чем выполнится полезность моего предположения. (Здесь и далее подстрочные сноски из документов Е.Д. Тюриня выделены курсивом (*сост.*)).

может возвыситься до степени величайшего музея, в котором будут и многие избранные предметы изящных искусств классической Европы, и многие произведения живописи и ваяния наших значительных художников*. Они изобразят в них доблести сынов России в делах православной нашей религии, верноподданнической преданности к престолу и отечеству, подвигах добродетели и неустрашимого героизма. Такие изображения будут не только образцами искусства, но в высшей степени интересны и поучительны для всего мира.

Москва как первопрестольная столица достойна иметь Музей. Древняя первопрестольная столица Москва, представительница огромнейшего государства, вполне достойна обладать такими изображениями славных дел нашего отечества: она всегда была в них главной участницей. Я уверен, что в составлении Музея в Москве, чтимой матерью градов Русских, примут участие даже самые отдаленные губернии**.

Монаршее покровительство изящным искусствам. Августейший монарх наш, Николай Павлович, отец своих подданных, яви неслыханное покровительство изящным искусствам, высочайше соизволив повелеть быть Президентом Императорской Академии Художеств ее императорскому высочеству государыне великой княгине Марии Николаевне, при управлении просвещенного сановника, его сиятельства г-на министра Уделов и управляющего Кабинетом его императорского величества» (в архивном деле документ на Л. 7–9 — *сост.*).

Как видите, мысль не новая, но это нисколько не умаляет достоинства того, кто ее лелеял и питал в течение долгих лет.

Что же ответствовали тогдашние сильные мира на это «объяснение». Читаю по подлиннику: «Министерство Императорского Двора. Канцелярия. Отделение I. В С. Петербурге. 7 января 1856 г. №84. Господину Архитектору коллежскому советнику Тюрину.

Уведомляю ваше высокоблагородие, что по всеподданнейшему докладу моему записки вашей от 6-го сентября минувшего года, о дозволении вам открыть в Москве публичную галерею из принадлежащих вам картин, истребованного по записке сей мнения г.г. Московского Военного Генерал-Губернатора, Обер-гофмейстера барона Боде и гофмейстера князя Грузинского государь император не изъявил высочайшего соизволения на отвод особого помещения для таковой галереи, по неимению свободных комнат в зданиях, подведомственных Московской Дворцовой Конторы; относительно же розыгрыша в лотерею коллекции ваших картин предоставляет вам просить установленным порядком

* Один просвещенный сановник в С. Петербурге, известный знаток изящных искусств и покровитель русских художников, собрал единственную Галерею одних славных русских художников числом 137 картин, может быть, этот истинный патриот имеет великую цель посвятить их своему отечеству: Москва есть представительница Его, и потому она вправе ожидать обладания такими сокровищами произведений своих соотечественников.

** В числе особ, объявивших желание быть членами-учредителями Галереи, были из самых отдаленных областей безмерного нашего отечества.

через г. министра Внутренних дел. Министр императорского Двора гр. Адлерберг». (документ на Л. 9 — *сост.*).

Не нашлось свободных комнат... И этих свободных комнат не могли найти во всей Москве три московских сановника, от которых можно бы ждать понимания культурного значения выгодно предлагаемого начинания, т.е. граф Закревский, барон Боде и князь Грузинский.

«Объяснению», поданному в 1853 году, вероятно, современным является и следующий, подшитый к делу, документ, представляющий из себя нечто вроде «адреса» от посетителей галереи Е.Д. Тюриня, имеющий 30 подписей разных деятелей: как продолжение и дополнение «адреса» служат отзывы и мнения, на отдельных листах подшитые в деле вслед за «адресами».

Из этого «адреса» уже начинают вырисовываться хотя и слабые, но все же точные контуры галереи. Вот текст «адреса»: «Евграфу Дмитриевичу, господину Тюрину. На лестное приглашение Ваше рассмотреть составленную Вами коллекцию картин для открытия Публичной картинной галереи в Москве и проекта Вашего по сему важному делу мы, нижеподписавшиеся, по подробном рассмотрении их долгом поставляем засвидетельствовать: 1-ое. Что беспримерные долготлетние труды Ваши, посвященные на составление этой изящной коллекции картин, собранной единственно для общей пользы, заслуживают глубокую благодарность от лица всех друзей искусства. 2-ое. Известно нам, что Вы по неимению материальных средств к приобретению картин за дорогую цену, руководствуясь усердием к общей пользе, неустанно трудились в течение 30 лет отыскивать картины сообразно с Вашими возможностями и находили иногда образцовые произведения живописи во владении людей, не посвященных в таинство искусств, в сырых подвалах, на печах, чердаках и тому подобных местах, где бы они могли погибнуть для художественного мира, но Вы как истинный знаток живописи спасли их и храните в течение такого долгого времени, претерпевая многие лишения, не согласились продать ни одной из картин Ваших иностранцам, предлагавшим Вам значительные суммы. Такое самоотвержение Ваше для общей пользы приносит Вам великую честь. 3-е. Что, хотя Вы за некоторые картины Ваши платили умеренные цены, но они по достоинству своему признаны знатоками драгоценными, так что вся огромная коллекция Ваша, состоящая из 400 картин, по мнению нашему, стоит более ста тысяч рублей серебром. 4-ое. Что коллекция Ваша, собранная с полным знанием искусства и состоящая из произведений почти всех известных школ Европы, вполне заслуживает быть основанием Публичной Картинной Галереи в Москве, ибо и знаменитый Брюллов относился об оной с особой похвалой. 5-ое. То предложение Ваше к открытию Публичной Картинной Галереи в Москве заслуживает удивление: во-первых, потому что Вы один труженик из пламенного усердия и общей пользы совершили такое дело, на которое в других Государствах тратят огромные суммы и целые столетия времени. Во-вторых, передавая в собственность

Москвы единственное свое сокровище, доставшееся Вам тяжкими трудами, Вы показываете истинное бескорыстие, ибо не требуете за Ваши картины следуемой Вам суммы, но соглашаетесь получить оную частями в течение нескольких лет из доходов Вашей же Галереи — без процентов на следуемую Вам сумму. Дай бог, чтоб побольше являлось у нас подобных Вам патриотов.

Академик Михаил Быковский; Императорской Академии Художеств художник 12 (1) класса Егор Васильев; Императорской Академии Художеств художник Александр Ястребилов; Императорской академии художеств** академик Андрей Сухих; И.А.Х. Академик Василий Добровольский; И.А.Х. почетный вольный общник архитектор надворный советник Николай Чичагов; И.А.Х. художник коллежский асессор и кавалер Антон Борзаковский; Инженер-поручик Александр Николаев Андреев; директор Чертежной и архитектор коллежский советник и кавалер Иван Львович Миронов; И.А.Х. художник И. Подключников; любитель изящных искусств. коллежский советник и кавалер Егор Маковский; любитель изящных искусств, надворный советник и кавалер и инспектор Дворцового Архитектурного училища Петр Макс; архитектор коллежский советник и кавалер Василий Дрегалов; И.А.Х. академик надворный советник и кавалер Александр Никитин; профессор архитектуры Академии Художеств статский советник Федор Рихтер; любитель изящных искусств статский советник Петр Масленников; любитель изящных искусств подполковник Иван Ильин; майор от ворот Большого Кремлевского Дворца назначенный в Академики художник И.А.Х. Алексей Максимов; Иван Павлов Каратыгин Академии художник; Архитектор и любитель изящных искусств коллежский асессор Михаил Лопыревский февраля 24 дня 1857 г.; Я полагаю, что эта коллекция стоит более. И.А.Х. академик и академик в Риме, Мюнхене и Дрездене О. Узинг; академик Василий Шебуев. 9 февраля 1858 г.; художник Василий Поляков. И.А.Х.; И.А.Х. Свободный художник Василий Пуговишников; И.А.Х. профессор живописи надворный советник Михаил Скотти: 10 ноября 1859 г.; художник И. Захаров; академик В. Худяков; художник Дмитрий Струков. Сент. 26. 1860; Василий Иванов Миллер; саратовский помещик Павел фон Берхольц» (документ на Л. 9—13 — *сост.*).

Надписи начинает датировать архитектор Лопыревский 1857 годом (20-я подпись).

Из «адреса» и отдельных писем видно, что Тюрин начал коллекционирование в [18]20-х годах, за 30 лет собрал до 400 №№, собирал преимущественно, а, может быть, и исключительно иностранцев, что в его собрании находились картины Маратта, Вувермана, Корраджо, Риберра-Испаньелета, Дюрера.

Подшитые к «делу» дальше документы относятся к более раннему времени, к 40-м годам, и заключают в себе как отдельные мнения и впечатления, так и запись в члены-учредители и члены имеющей быть публичной картинной

* В дальнейшем будет сокращено: И.А.Х. — Императорск. Акад. Худ.

галереи. Точность архитектора Лопыревского выдала один секрет — одновременное составление «адреса» с отображением от него мнения, обе его подписи датированы 24 февраля 1857 года³⁷.

Вместе с отправкой своего «Объяснения» Е.Д. Тюрин посылал помощнику директора Эрмитажа Бор. Вас. Коню особый лист с монограммами и гербами, имевшимися на некоторых из картин его собрания, что, может быть, даст возможность узнать о судьбе, если не всего собрания Е.Д. (Евграфа Дмитриевича — *сост.*), то хоть некоторых его номеров. Этот лист приложен к документам³⁸ и имеет на себе карандашные пометки Коню, из которых видно, что, кроме уже упомянутых мною мастеров, в собрании Тюриня были [пустое место — пропуск текста] т.е. картины мастеров XVI и XVII веков.

Этим листом и заканчиваются «Подлинные документы».

Но возвратимся к середине, самым ценным, конечно, являются автографы. Их около 300, не разобрано мною лишь 3—4. Я их сгруппировал, причем получилась любопытная картина: за 15 лет (с 1848 по 1863 г.) галерею Тюриня посещали лица самых разнообразных профессий и общественного положения, а мы с Вами в первый раз слышим о картинной галерее Е.Д. Тюриня в Москве.

Дали автографы: 14 академиков (живописи, скульптуры, архитектуры), два аптекаря, 32 архитектора (не считая служащих Дворцовой конторы и отнесенных к другим спискам), сослуживцы Е.Д. по Дворцовой К[онто]ре — 19, военные инженеры — 22, купцы и почетные граждане 24, офицеры — 7, помещики и дворяне 13, профессора (не живописи) — 4, доктора — 3, сенаторы и камергеры — 3, студенты — 3, учителя — 8, художники — 25, чиновники различных учреждений — 29, и точно не определенные мною — 64.

Для выяснения общественного положения давших надписи я успел воспользоваться лишь Адрес-календарем Нистрема за 1849 и 1855 годы³⁹.

Из отдельных отзывов, данных о галерее, позвольте познакомить Вас со следующими: Академика Щедровского, С.Г. Писарева, литографа-рисовальщика Гр. Кар. Фриденбург, академика Шебуева, художника Павла Соколова, коммерсанта Антонио Палацци, академика Завьялова и художника Рамазанова, академика Добровольского — Вас. Степ., одного из ревностных основателей Училища Живописи Ваяния и Зодчества, художника Ястребилова, академика Карла Рабуса.

Интересно отметить в хронологическом отношении мнение академика Сухих, ревностного поклонника галереи Е.Д. Тюриня, пом[ощника] директора Эрмитажа Коню. Некоторые из посетивших галерею письменно выражали желание пожертвовать для предполагаемой публичной галереи имеющиеся у них картины, каковы, например, майор Гаврилов, коллежский советник Кубарев, Давыдов, Андреев. Письмо майора Гаврилова настолько любопытно, что я решаюсь на 2 лишние минуты задержать Ваше внимание. Вот список давших автографы при посещении галереи (приложен отдельно).

Мы тщетно будем среди всех этих лиц искать находящихся в живых; Мафусаилы редки в теперешние времена, нет никого из живых свидетелей этого прекрасного московского начинания.

Ничего не удалось даже собрать по биографии Евграфа Дмитриевича Тюринина, значительного и не бесталанного московского архитектора. Его многочисленные чертежи, своим колоритом напоминающие Джильярди, в таких же нежных розовато-голубых тонах, имеются в Музее Старой Москвы⁴⁰, в Архитектурном Музее, касаются в большинстве московских казенных дворцовых зданий и отличаются изяществом, точностью вырисовки деталей и приятностью формы.

Не знаю, удалось ли мне найти, наконец, портрет этого выдающегося москвича, я теперь весь в погоне за этим, но не вполне уверен, что недавно приобретенный мною портрет, который я Вам здесь показываю, изображает именно Евграфа Дмитриевича. В Архитектурном обществе⁴¹ мне говорили, портрета нет, и сведения о Тюрине весьма незначительны.

Я не перестаю удивляться, что нигде и никто из бывших посетителей, несмотря на разнообразие общественного их положения, не оставил никакого следа о существовании в Москве в течение 30 лет картинной галереи из 400 №№.

Не успев ничего больше сделать для освещения этой тайны, я зываю к Вам: помогите, и если что-либо кто-нибудь может дополнить к моему слабому труду, прошу меня вспомнить и мне сообщить.

[Список давших автографы при посещении галереи Е.Д. Тюринина]

«Евграф Дмитриевич за свое непреодолимое стремление ко всему изящному, по моему слабому разумению, достоин стать во главе просвещения и образования, к коему ближайший путь есть любовь к Живописи, Скульптуре, Архитектуре, Музыке, Поэзии — академик Игнатий Степанович Щедровский

Архитектор свободный художник И.А.Х. в Петербурге Александр Эдуардов сын Денн. Октября 1-го дня 1863 г.

Имею случай видеть классические произведения живописи почти во всех столицах Европы и зная, как по своей редкости и достоинству оригинальные картины старинных художников высоко ценятся всеми любителями изящного, я, осмеливаясь произнести свое суждение, нахожу, что ценители редкой и драгоценной Галереи Евграфа Дмитриевича Тюринина, известные художники и любители назначили за нее весьма умеренную цену в сто тысяч серебром. Галерея Евграфа Дмитриевича заключает в себе столько прекрасных вещей, что они, бесспорно, могут быть краеугольным камнем самой блестящей картинной галереи, и многие заграничные, известные своими богатствами коллекции, не отказались бы принять в свою среду те высокие произведения кисти, которыми так богата коллекция господина Тюринина. Отраднo, что есть у нас на Руси люди, которые соединяют в себе пламенную любовь к благу своей родины с истинным высоким просвещением. 22 января 1855 года. Сергей Писарев

Изучив глубоко искусство живописи в произведениях великих художников и зная из личных наблюдений, как высоко ценится каждый взмах карандаша и кисти этих славных имен, я тоже совершенно убеждаюсь, что картинная галерея Евграфа Дмитриевича Тюринина, вмещающая в себя такие произведения, как картины К. Маратти, Вувермана и других славных живописцев, стоит несравненно дороже полагаемой оценки в сто тысяч рублей, тем более что при бедности общественных учреждений в этом роде у нас в России подобное собрание заслуживает величайшую

благодарность всякого истинного сына России и образованного человека. Любитель изящных искусств А. Давыдов. 31 марта 1855 года

Коллежский секретарь Григорий Карлович Фридебург, занимающийся с высочайшего государя императора соизволения изданием портретов и составлением жизнеописаний всех августейших членов благополучно царствующего дома Романовых, при посещении Галереи г. архитектора Тюриня был поражен прекраснейшим и весьма редким собранием великолепных картин древних художников, разных школ. — Галерея эта по своему разнообразному характеру может служить украшением известных Европейских галерей и составляет драгоценный сборник древней нашей столицы. 1855 года июня 22 дня. Коллежский секретарь Григорий Карлов Фридебург

Признавая достоинство картин г. коллежского советника Тюриня, я, с своей стороны, желаю быть членом Публичной картинной галереи, открытой из его коллекции. Действительный статский советник Павел Руднев. 10 июня 1855 г.

Милостивый государь Евграф Дмитриевич. Зная, как Вы много положили трудов и пожертвований для того, чтоб собрать коллекцию художественных картин, которые желаете посвятить на общую пользу Москвы, и особливо для художников, которым они будут примером и руководством; будучи военным человеком, я не много понимаю в искусстве, служу моему государю офицером более 30 лет, а вместе с тем думаю, что намерение Ваше превосходно, и я, вспоминая то время, когда учился в Корпусе: сколько об нас было старания начальства, чтоб примерами давать способы к изучению военного искусства, за то многие из нас вышли достойными офицерами; и я, употребляя пример корпусного учения в пользу, имею счастье быть майором и ношу орден святого Георгия 4 степени да и впредь буду нести службу мою как прилично офицеру, и все это от того, что в нас вкоренились хорошие примеры с самых юных лет; поэтому-то я и полагаю, что примеры и для художников необходимы. Желая доказать, сколь много я уважаю предположение Ваше, я препровождаю к Вам, милостивый государь, имеющуюся у меня старинную масляную картину в золоченой раме; мне говорили, что это оригинал какого-то итальянского художника. Если Вы как знаток живописи найдете, что она неважного художника, то, и кроме меня, другие, узнав превосходную Вашу цель, пожертвуют для Вашей Галереи много картин. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности навсегда П. Гаврилов. 12 сентября 1855 года

Его высокоблагородию Е.Д. Тюрину. С истинным восхищением осматривал прекрасное и драгоценное собрание картин г-на Тюриня. 21 сентября 1855 г. Москва. К. Ляхницкий

Человек по своей натуре живет различными сторонами жизни: разумною, нравственно и физическою; цель его постоянное развитие как умственных, нравственных, так и физических сил. Одно умственное развитие недостаточно для его разнообразной жизни, потому необходимо образование вкуса. Для умственного развития нужны вспомоществования. А именно: собрание умственных произведений времен прошедших, все то, что было выработано мыслителями и учеными, опытом и исследованиями, — одним словом, нужны библиотеки. Но жалкий был бы человек, развив одну сторону своей жизнедеятельности — умственную, без нравственной, без усовершенствования вкуса или эстетического развития. Изящные искусства столь же необходимы, сколько и познания умственные; музыка, ваяние и живопись идут рука об руку с философией, историею и даже религиею. Для вспомоществования желающим посвятить себя этой части необходимы произведения времен прошедших. Коллекции или галереи изящных искусств суть неперемennые условия к образованию вкуса. Нет причины доказывать, насколько изящное, эстетическое, прекрасное действует на нравственную сторону человека, без них цель существования нашего не будет достигнута. Потому, предполагаемый проект г. Тюриня об открытии публичной галереи в Москве из собственной его коллекции картин будет составлять столь же важную эпоху не только в истории Москвы, но даже целой России, подобно основанию Университета, потому что это первое и единственное зерно для будущих времен, школа для будущих талантов. Произведения гениальнейших мужей по части искусства живописи не столь многочисленны. Исполнение каждой картины требует много времени, а потому и ценность их слишком высока, почти недоступна человеку недостаточных средств. Рафаэли, Корраджо, Микель-Анджело, Тициан Вечели, Мурилло, Тениер, Рубенс, Ван-Дик и пр. и пр. украшают царские чертоги или кабинеты вельмож, куда частному человеку доступ совсем прегражден.

Мысль г. Тюриня должна найти отголосок в сердцах благомыслящих людей, в особенности соревнователей просвещения. Каждый от души пожелает успеха столь благому делу; профан же замолкнет, потому что увидит все ничтожество своего существования, он не понимает духа времени; потребностей века, он зрящий слепец, горе ему... с жизнею его погибнет и память об нем. Отринув от себя дело всевышнего, — дело общей пользы, живет сам в себе и сам для, и сходит с поприща мира сего без малейшего сочувствия со стороны ближних. Жертва г. Тюриня велика, возвышенна, почти беспримерна для частного человека. Мы смело должны назвать поступок этот жертвою, потому что г. Тюрин назначает цену своим картинам только 100 т[ысяч] р[ублей] сер[ебром] (между тем как они стоят несколько сот тысяч), лишь бы только быть участником в соревновании развития человечества; выше этой цели ничего быть не может. Г. Тюрин сам даже не предполагает, не предугадывает того величия и той хвалы, какую воздаст ему потомство. Кто всему человечеству приносит пользу, память того будет жить вечно; дело же просвещения есть дело всемирное, вскоре оно обуюет всеми, — живущие во времени должны помнить о времени. Честь и слава г. Тюрину, успех его будет успехом нашим; труд на пользу общую не погибает, лицо исчезнет, но память об нем будет жить вечно. Москва. 23 октября 1855 г. Любитель и ценитель изящного Кандидат В.

Желаю быть членом предполагаемой галереи г-на Тюриня. Солдатенков; Герасим Хлудов; Академик Раев

Я думаю, что это купец товарищ богача Солдатенкова, потому что у него не борода, а целая борода, рыжая. Как и все волосы на голове, но как же я был удивлен, когда по подписи его узнал, что он академик, который видел в Италии все лучшие произведения живописи и который опять скоро уезжает в Италию. Вот как русская борода скрывала известного нашего живописца и мозаиста. 4 декабря 1855 года

Желаю быть членом Галереи господина Тюриня, подписываюсь за двоих. Московский купец Федор Фомин

То же, но за одного себя, коллежский секретарь Александр Студницын

С 1841 года и постоянно наслаждаюсь, обозревая Галерею картин, принадлежащих Евграфу Дмитриевичу Тюрину. Написав эти строки, мне предстали два вопроса: чему более удивляться: достоинству картин или терпению и знанию господина Тюриня. — Удивляться должно тому и другому; мы знаем, с каким старанием даже с трудом собирал Евграф Дмитриевич картины — за то и [нрзб] картины

В 1843 году, быв в Петербурге, я рассказывал отцу моему о превосходной галерее картин Евграфа Дмитриевича. — Тут мне случилась не маленькая подпора — рассказ мой был в присутствии Карла Павловича Брюллова и был им подтвержден; он сказал: «Эта коллекция достойна быть открыта публично, для образования художников». — Отец мне отвечал: «У меня был господин Тюрин, и я узнал, что он любитель и знаток картин из разговора с ним. — Кланяйся ему от меня и скажи, что очень жалею, что не был в Москве и не видел его галереи». — Императорской Академии Художеств академик Василий Шебуев. 12 февраля 1858 г. Москва

Я, нижеподписавшийся, похваляя желание Евграфа Дмитриевича Тюриня завести с дозволения Правительства публичную картинную галерею в Москве, сам, по мере сил своих, хочу содействовать устройству оной и потому приношу в дар оной галерее свои две оригинальных картины г-на Тропинина, если только сия галерея будет открыта в продолжение шести месяцев от нижеписанного числа; в противном же случае предоставляю себе право по прошествии сего времени, если галерея не будет открыта, продать или подарить сии картины, кому захочу. 23 февраля 1858 г. коллежский советник Алексей Михайлов Кубарев

Я же, Давыдов, жертвую для означенной галереи, если она в продолжение шести месяцев будет открыта, картину, признаваемую знатоками за Гольбейнову. 23 февраля 1858 года. Коллежский секретарь Александр Павлов Давыдов

Для блага общего и общественной пользы, ежели будет открыта картинная галерея из картин коллежского советника Евграфа Дмитриевича Тюриня, то в число общего капитала, который необходим для первоначального основания, то я, по мере своих сил, обещаю в числе прочих дать 150/100 руб. сереб. с тем, что оные будут мне выплачены или из дохода, получаемого

из этой галереи, или, ежели будут какие-нибудь пожертвования, то из той суммы, в чем и подписуюсь титулярный советник Вик силий (так в тексте — *сост.*) Неводничанский

Когда проект г. Тюриня осуществится, то я хотел бы быть вместе с прочими членом оной

Выразив собственное чувство наслаждения, доставленное мне многими оригинальными картинами, составляющими собрание Евграфа Дмитриевича Тюриня, известное всем ценителям, я подтверждаю здесь неоднократно слышанное мною от покойного моего отца о том же собрании. Он говорил так же, как и многие художники и знатоки, что эта галерея по достоинству находящихся в ней произведений заслуживает составить собою достояние Музеума и не частного лица, а целого общества, и удивлялся, что давно не приведено в исполнение содействие оной общественной галереей, которая, таким образом, могла быть доступна всякому лицу. — По моему мнению, здешняя Московская школа всего более имеет на это право. Остается только пожелать, чтобы явилась возможность, и тогда самые картины в более удобном размещении и расположении к свету много выиграли бы и были более доступны внимательному рассмотрению. И.А.Х. Художник Павел Соколов. Москва « » мая 1858 года

После всех тех отзывов, которые г. Тюрин имеет от известных наших художников о его галерее, мне остается только скромно прибавить, что я прошел по ней с истинным наслаждением и любовался прекрасными образцами, у него находящимися, и желал бы видеть осуществление благородной мысли г. Тюриня. 19 февраля 1859 г. Н. Фон Крузе

Буду считать себе за особенную честь быть записанным в число членов-учредителей предполагаемой в Москве публичной картинной галереи Евграфом Дмитриевичем Тюриным. Титулярный советник Сергей Писарев Тульской губернии в г. Ефремове

Желаю быть Членом картинной галереи господина Тюриня. Давыдов

Желаю быть членом Галереи г-на Тюриня. Московская купчиха Екатерина Анфиног. Маслова

Желаю быть членом Галереи г-на Тюриня. Купец 2 гильдии Яков Петров Маслов. Дома у Новоспасского м[онасты]ря, староста ц[еркви] 40 мучеников, купца Маслова

Осмотрев прекрасное собрание картин Е.Д. Тюриня, желаю быть членом имеющей открыться Публичной галереи картин. Коллежский советник князь Владимир Трубецкой

Считаю за особое наслаждение чаще и чаще смотреть на эту прелестную галерею и с признательностью готов быть членом публичной галереи. Надворный советник Юрий [нрзб]

За счастье считаю быть подписчиком во всяком предприятии г. Архитектора Тюриня (в картинной галерее). Академик Водо

Желаю быть членом будущ[ей] откр[ы] карти[нной] галереи. Почетный гражданин Давыд Хлудов.

Желаю быть членом предполагаемой галереи. Инженер-технолог Ганри

Желаю быть членом Картинной галереи господина Тюриня. Соболевский

Желаю быть членом предполагаемой галереи г-на Тюриня. Алексей Константинович Кузнецов

Желаю быть членом предполагаемой галереи господином Тюриным. Евграф Калмыков

Я сам торгую картинами и потому знаю, какой огромной суммы стоит одна редкая оригинальная картина, сохраненная в целости, а таких картин находится много в коллекции г-на Тюриня между 400 картин, собранных им как знатоком сего искусства. По мнению моему, все картины его станут много более ста тысяч рублей серебром. Антоно Палацци

Имея случай осматривать картины, принадлежащие г-ну Тюрину, приятным долгом себе поставлю засвидетельствовать, что многие картины его коллекции (состоящей более нежели из 300 экземпляров) вполне заслуживают похвалу и невольным образом поселяют мысль: какую бы важную пользу могли принести они, если бы принадлежали общественной галерее. Марта [...] дня 1848 года академик Федор Завьялов; художник Николай Рамазанов

После вышеподписавшихся художников я также имел удовольствие видеть собрание картин господина Тюриня и вполне нашел мнение господ художников справедливым; выбор таких

картин не только показывает знатока и собирателя, но и улаживает мысль, что и в Москве есть люди, любящие и умеющие ценить искусство. Июня 26 дня 1848 года академик Василий Добровольский

Свидетельствую, что собрание картин господина Тюриня состоит из многих образцовых отлично сохранившихся картин, выбор коих вполне делает честь собирателю и доказывает его знание в изящных искусствах. Сентября 3 дня 1848 года И.А.Х. профессор Федор Рихтер

Многолетний труд господина Тюриня, употребленный на собрание коллекций картин, делает ему истинную честь, ибо такое огромное собрание картин отличного достоинства может принести несомненную пользу в общественной галерее. И.А.Х. художник Александр Ястребилов 1848 года ноября 20 дня

Хотя я вполне убежден в достоинстве коллекции оригинальных картин, собранных господином Тюриним, мне приятнее присовокупить мнение гениального нашего художника Карла Павловича Брюллова, который при мне, отзываясь об упомянутых картинах с отличною похвалою. С.-Петербургской Академии Художеств академик Карл Рабус. Декабря 6-го дня 1848 года

Я вполне признаю и достоинство вышеписанных картин, и ту важную пользу, которую они могут доставить в общественной галерее. Академик Быковский декабря 18 дня 1848 года

Разделяю вполне мнение всех вышеприведенных художников, как относительно достоинства галереи господина Тюриня, так и чести, которую она делает собирателю, а равно пользы для публичной галереи. Декабря 19 дня 1848 г. Академик Никитин

Утешительно видеть, что все г.г. художники отдают должную справедливость необыкновенным трудам г-на Тюриня, посвященным в течение многих лет на пользу общую. О сем важном деле позволяю себе иметь честь изъяснить особенное свое мнение. И.А.Х. Академик Андрей Сухих

За величайшее счастье почитаю, что удостоился рассмотреть коллекцию оригинальных картин господина Тюриня, и вполне соглашаюсь с похвалами господ художников, признавших оные достойными для открытия Публичной картинной галереи в Москве. Художник Карл Жуковский. 1849 февр. 7 дн.

Не могу вполне выразить искренней моей благодарности Евграфу Дмитриевичу Тюрину за рассматривание его картинной галереи, этого описать нельзя, а надобно видеть и наслаждаться таким редким собранием картин знаменитых художников. Художник И.А.Х. Василий Поляков

С величайшим наслаждением рассматривал прелестные картины господина Тюриня. 19 февраля 1849 г. И.А.Х. Почетный вольный общник и профессор А. Штакеншнейдер

Вполне разделяю мнения художников. Академик Я. Реймерс

Соглашаюсь с мнением всех вышеподписавшихся художников. Академик Каминский

С истинным удовольствием любовался я прекраснейшим и редким собранием картин, достойных знаменитейших Европейских галерей. 5 декабря 1849 г. Профессор И. Чернин

Чтобы исполнить волю душевных чувств моих, обязанностью себе поставляю засвидетельствовать Евграфу Дмитриевичу мою искреннюю благодарность за дозволение внимательно рассмотреть его галерею картин. В отношении же достоинства этих произведений одно можно сказать со многими, что превосходное само за себя говорит сильно. Академик Сергей Зырянко 7 декабря 1849 г.

Долгом считаю засвидетельствовать истинное мое согласие со мнением всех вышеподписавшихся г. художников и искренно желаю, чтоб столь великая драгоценность, как галерея г. Тюриня, сделалась публичною, что было бы неоцененною пользою для всех художников. Художник Федор Клагес

Считаю за честь предложение Ваше написать мое мнение о достоинствах картин, которые я имел удовольствие видеть сегодня, могу сказать, что достоинства, найденные в них г-ми художниками, действительно, совершенно справедливы, и как преподаватель в Московском Художественном классе я уверен, что всякий согласится, что галерея г-на Тюриня принесет

несомненную пользу и для художников, ежели исполнятся все предположения. Художник Егор Васильев

Искренне желаю, чтобы идея почтеннейшего Евграфа Дмитриевича осуществилась и увенчалась успехом для пользы истинно необходимой, что же касается достоинства собрания картин, то нахожу лишним повторять похвалы, прежде меня сказанные г. художниками. Академик Н. Резанцов

Дозвольте и мне, почтеннейший Евграф Дмитриевич, поблагодарить Вас за доставленное Вами мне истинное наслаждение видеть вашу драгоценную галерею картин, которая напомнила мне много старых друзей по кисти, виденных мною за границей, разделяю вполне мнение моих товарищей по искусству и желаю от души исполнения ваших желаний. Академик Михаил Скотти

Нахожу, что прекрасное собрание картин г-на Тюриня достойно иметь Правительству, и за особенное удовольствие имел несколько раз его любоваться. И.А.Х. почтенный вольный общник архитектор надворный советник Николай Нилов

С восторгом обозревая картины, я искренне благодарю многоуважаемого Евграфа Дмитриевича за позволение посещать его галерею; кто бы ни пожелал, чтобы такое редкое собрание сделалось доступным для каждого понимающего изящное искусство. Архитектор М. Лапыревский. Февраля 24 дня 1857 года

Осмотрев коллекцию картин г. Тюриня, не могу не отдать полной справедливости его просвещенному труду в составлении столь замечательного собрания искусственных произведений. Этот труд, руководимый знанием, был увенчан полным успехом, остается только пожелать, чтоб это собрание осталось и в будущем времени неразлучно в своем составе. 12 апреля 1857 г. Москва. А. Брюллов

С особенным удовольствием рассматривал галерею г-на Тюриня. Ф. Моллер

Осматривая коллекции картин г. Тюриня, очень сожалею, что эти превосходные произведения живописи до сих пор не открыты Правительством в публичной галерее в Москве, для которой она была бы совершенным сокровищем. Имп. Академ. Худож. академик и академик в Риме, Мюнхене и Дрездене О. Узинг

С 1835 года, пользуясь благосклонным расположением г-на Тюриня, я многократно имел удовольствие обозревать собрание картин его, причем первым моим чувством всегда было необыкновенное удивление, заключающееся в том, что, как человек с ограниченными средствами мог собрать столь значительное количество картин, и притом знаменитых мастеров всех известных школ. Таковой подвиг ясно доказывает горячую любовь его к изящным искусствам, и вместе с тем, несомненное знание их. Ныне же узнал, что г-н Тюрин, составляя свою огромную коллекцию картин в течение многих лет, имел единственную прекрасную цель посвятить их для открытия Публичной галереи в Москве. Я, руководимый чистейшею справедливостью, долгом почитаю сказать, что это предприятие г-на Тюриня будет самым общепользным делом: оно положит прочное основание для образования знаменитого Отечественного музея в Москве, центре безмерной империи. Музей сей может быть наполнен приношениями сокровищ изящных искусств на алтарь отечества истинными сынами его. Служа 10 лет при императорской эрмитажной картинной галерее, я, потом занимаясь в продолжение нескольких же лет исправлением картин, принадлежащих его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу и императорской Академии Художеств, я имел возможность изучить все школы живописи, а потому и осмеливаюсь утвердительно сказать, что собрание картин, составляющее многоценную собственность г-на Тюриня, есть одно из таких редких собраний, которое может заслужить всеобщую похвалу от всех знатоков изящных искусств. Это мнение мое мне кажется справедливым еще более потому, что знаменитый товарищ мой Карл Павлович Брюллов, при мне рассматривая означенные картины, был совершенно согласен с этим моим мнением, а притом он сказал про картину Карла Марата, что он ничего не видел лучше из произведений сего славного живописца, он же определил достоинства картин: Корраджии и Риберра-Испаньета. С тех пор коллекцию картин почтенный собиратель еще обогатил приобретением нескольких мастерских произведений живописи, так что ныне коллекция его состоит более, нежели из трех сот картин. Такой беспримерный труд г-на Тюриня в течение многих лет,

посвященных для пользы изящных искусств — есть истинная заслуга отечеству. И.А.Х. Академик Андрей Сухих. Января 6 дня 1849 года

Имея случай видеть огромную для частного человека коллекцию картин, принадлежащих Е.Д. Тюрину в Москве, долгом поставляем засвидетельствовать, что эта коллекция состоит из многих мастерских произведений живописи старых мастеров, известных школ Европы. Профессор П. Басин

Имея случай неоднократно видеть превосходную картинную коллекцию г-на Тюрина, мы узнали притом его благородную цель посвятить оную на пользу общую, как для образования юношества по части живописи, так и для наслаждения любителей изящного. Вполне сочувствуя высокой идеи г-на Тюринна положить из его оригинальных картин основной камень общественной картинной галереи в Москве, мы, нижеподписавшиеся, считаем себя счастливыми изъявить с своей стороны готовность, объявить себя участниками и первыми членами-учредителями такого общепользующего предприятия, обязуясь на сей предмет вносить по основанию галереи в Москве по десяти рублей серебром ежегодно. Февраля « » дня 1849 года

Инженер-полковник Федоров

Коллежский советник Данилевский

За себя и еще за пятерых инженер-капитан Щербачев

За себя и за двадцать членов инженер-капитан Коваленский

Титулярный советник Иванов

Инженер-поручик Белов за себя и за пять членов

Подполковник Астрцов

Инженер штабс-капитан Галактионов

За себя и за четырех отставной ротмистр Иван Егорьев Волосевич

Коллежский советник и кавалер Иван Львов сын Мироновский

Коллежский ассессор и кавалер Василий Дрягилов

Корпуса путей сообщения и публичных зданий инженер штабс-капитан Ридель

Корпуса инженеров Морской строительной части инженер прапорщик Пасынкин

За себя и за десять членов: надворный советник и кавалер Соколовский

Надворный советник и кавалер Петр Максютин

Коллежский ассессор и кавалер Василий Александров

Московской дворцовой конторы помощник архитектора Решетов или Детинов

Московской дворцовой конторы помощник архитектора Попов

Московской дворц. конторы пом[ощник] архитектора Солнцев Алексей Мартынов

Московской дворц. конторы архитекторский помощник Тухтаров Александр Мартынов

Московской дворц. конторы архитекторский помощник Шохин

И.А.Х. художник титулярный советник Александр Ястребилов

И.А.Х. художник коллежский ассессор и кавалер Антон Борзаковский

Дворцового архитектурного училища старший учитель титулярный советник Сергей Любецкий

И.А.Х. профессор Федор Рихтер

Инженер-капитан Одинцов

Надворный советник и кавалер Егор Маковский

Коллежский ассессор и кавалер Сергей Нейч

Коллежский секретарь Дмитрий Шишков

Надворный советник и кавалер Карл Гоф[нрзб]

Николай Андреев Моск. двор[цовой] конторы архитектора помощник

Коллежский ассессор Сергей Румянцев
Коллежский ассессор и кавалер Василий Гурьянов
Моск. дворц. конторы пом. архитектора Леонтий Голиевский
За себя и за пять членов надворный советник Михаил Быковский
Инженер-полковник и кавалер Павел Васильев сын Минин
Надворный советник и кавалер Афанасий Григорьев
Коллежский ассессор Академик Никитин
Свободный художник Николай Подключников
князь Шаховской
Василий Астраханов
Академик Андрей Сухих
Иван Соколов
Архитектор И. Дмитриев — за двух членов
Коллежский секретарь Николай Захаров
Коллежский секретарь Василий Богданов
Свободный художник Адриан Малихов
Архитекторский помощник Николай Фирсов
Титулярный советник Николай Купреянов за себя и за трех членов
Коллежский регистратор Илья Ушаков
Коллежский советник Сократ Акимов
Инженер-подпоручик Андреевский
Инженер-подпоручик Дементьев
Инженер штабс-капитан Рудин
Надворный советник Александр Марковин
Статский советник Михаил Иваненко
Академик архитектор Каминский
И.А.Х. академик Реймер
Надворный советник И. Козловский — за себя
Действительный тацкий советник камергер Матвей Окулов
Штабс-ротмистр Михаил Окулов
Димитрий Александрович Равинский
Штабс-капитан Лев Раковский
Действительный статский советник Михаил Загоскин
Инженер-поручик Граматин
Борис Ордынский
Надворный советник Павел Матвеев
Желаю быть членом Никита Костров
Вполне сочувствую прекрасной мысли г. Тюрина и желаю быть членом будущей галереи [нрзб]
Академик живописи Карл Рабус
Николай Павлов за 10 человек
Действительный статский советник Василий Суховецкий
Камергер Александр Талызин за 10 человек
Академик Василий Добровольский

Профессор Стефан Шевырев за 10 человек

Купец Иван Степанов Пахомов

Владимир Змеев

Учитель рисования [нрзб] Гаген отвечаю за десять билетов

Постоянно убеждаясь в истинной пользе предложения г-на Тюрина, подписываюсь еще за двадцать любителей изящных искусств. Академик А. Сухих

Желаю быть членом. Купец Евграф Павлов Столяров

Желаю быть такой прекраснейшей галерее в Москве. Учитель 1-ой Рисовальной школы Е. Титов

Желаю быть такой отличной галереи в Москве член. Губернский секретарь и кавалер Ф. Путо

Желаю быть членом Московский купецкий сын Иван Сергеев Постников

Желаю быть членом такой очаровательной галереи, его высочества полка поручик Александр Людвиг Валери

С признательностью желаю быть членом. Отставной ротмистр гвардии орловский помещик И. В. Карташов

Желаю быть членом предполагаемой галереи. Александр Любимцев

Желаю быть членом предполагаемой галереи, за троих Николай Александрович Глебов

Желаю быть членом картинной галереи, Николай Васильев Глебов

Желаю быть членом галереи. Коломенский 1-го года купеческий сын Карнеев

Подписуюсь за себя и за двоих членов подписуюсь, помощник поручик Вуич

Желаю быть членом. Студент Алексей Казакович

Желаю быть членом. Студент Алексей Вышеславцов

Желаю быть членом. Борис Болховской

Желаю быть членом. Учитель Вивьен

Желаю быть членом. Купец Иван Родной

Желаю быть членом. Инженер-поручик Солов [нрзб]

Инженер поручик В. Максимов

Подписываюсь за десять членов, Николай Ершов (об нем узнать от Г. Ершова)

Подписываюсь на единовременный взнос 10 р[ублей] с[еребром] Проскаев

Надворный советник и кавалер Дмитрий Алексеевич Козлов. Пречистенской части 4-го квартала дом под №376

Художник И. А. Х. Н. Зубов желает быть членом и принимает на себя обязанность раздать 5-ть билетов

С удовольствием желаю быть членом. Инженер прапорщик Даринский

Желаю быть членом Московский купец Андрей Анисимов Винов

Desidero essere socio della galleria Raffaello Conti artista di Conto

Иосиф Грузинов

Желаю быть членом предполагаемой галереи Василий Кларк

Желаю быть членом. Инженер подполковник Ашенбоеннер

Инженер подполковник Николай Лебедев

Поручик Туряняев

Академик архитектуры П. Козен

Желаю быть членом. Надворный советник Григорий Иванов Букин

За себя и за четырех. Архитектор Корицкий

Петр Дмитриевич Дельсон
Дмитрий Карлович Войт
Желаю быть членом оной галереи А. Ульянов
Коллежский советник Александр Кочулин
Коллежский советник Драшу
Коллежский секретарь И. Сафонов
Коллежский регистратор В. Яковлев
Антон Лонжинотти
Камергер Владимир Никитин
Коллежский ассессор и кавалер Яков Николаев сын Протопопов
Николай Андреев
Василий Старюгин
Титулярный советник Дмитрий Васильев сын Коженнов
Иван Туракин
Иван Васильевич Ваков с сыном
Андрей Ефимов Сорокин
Губ. секретарь Курбатов
Людмила Вилькинс
Желаю быть членом галереи П. Кудрявцев
Сенатор Андрей Богдановский
Варвара А. Богдановская
Коллежский ассессор Ермолай Эверт
Андрей Евстафьевич Берс
Корнет граф Григорий Строганов
Василий Николаевич Петров
Александр Иванов Могичевич
К. Коновалов
Константин Баранов
Помещик Харьковской губернии Павел Федотович Заикин
Свободный художник Василий Рытбинский
Учитель рисования Алексей Гавр. Заруцкий
Инженер технолог Николай Ульберг
Василий Коротнев
Мария Коротнева
Федор Карлович Мадер, аптекарь
Карл Зедеггольм, кандидат Моск. Университета
Александр Дроздов, студент Моск. Университета
Петр Матвеев, почетный гражданин
Петр Уразов, почетный гражданин
Андрей Чихов, почетный гражданин
Екатерина Манкевич, генерал-майорша
Федор Роггенбау, коллежский советник
Михаил Иванович Ровель

Алексей Алексеевич Валицкий
Иван Николаевич Киреевский
Петр Владимирович Веревкин, Орловской губ. г. Болхов
Николай Семенович Володимеров, Орловской губ. г. Болхов
Алексей Михайлович Зилов
Поручик князь Петр Долгоруков
Петр Спиридов
Николай Мартынов
Тит[улярный] советник Люминарский
Петр Алекс. Пешуров
Александр Любимов
Коллежский ассессор Григорьев
Действительный статский советник князь Сергей Дмитриевич Горчаков
Александр Петров Викентьев
Бывший рязанский купец, а ныне Рыбинский Николай Денисов сын
Г.С. Грибанов
Московский купец Филипп Иванович Соколов
Московский временный купец Карл Карлов Пипер
Финляндский купец Фридрих Северин
Иностранец Антон Палацци
Григорий Романов, Звенигородский купец
Московский купец Егор Тимофеев Лукьянов
Профессор Московского университета Федор Бунин
Московские 1-й гильдии Константин и Семен Абрамовы Поповы. Семен Попов обязывается пожертвовать оригинальную картину при открытии галереи
Александр Михайлович Устинов
Желаю быть членом галереи, почетный гражданин Николай Александров Морозов
Оба брата мои Михаил и Иван желают быть членами галереи. А. Давыдов
Желаю пожертвовать для галереи некоторую оригинальную картину И. Морозов
Желаю пожертвовать тоже оригинальную картину А. Давыдов
Василий Андреевич Дашков (сын сенатора)
Архитектор А. Мюллер (Миллер? — *сост.*)
Коллежский секретарь Александр Давыдов, десять билетов
Почетный гражданин и Владимирский 1-ой гильдии купеческий сын Александр Андреев Никитин [нрзб] 10 [нрзб]
Петр Жеребцов
Андрей Иванов
Артиллерии подпоручик Иван Сорохитин
И.А.Х. почетный вольный общник архитектор надворный советник Николай Ч[нрзб].
Павел Ефимович Басистов
Николай Дмитриевич Попов
Желаю быть членом, И. Кронгель (Вронгель? — *сост.*)
Желаю быть членом с моими дочерьми, Карл Феррейн

Желаю быть членом галереи и подписываюсь еще за десять любителей. Смотритель Каранов

Николай Азаров

Желаю быть членом за себя и товарища своего Титова. И. Кутаисов

Г.В. Коене, в Санкт-Петербурге, в бывш. Езуитском доме у Казанского моста

Милостивый государь, Евграф Дмитриевич. Возвращая доставленную мне для прочтения копию с объяснения об учреждении картинной в Москве общественной галереи, которое Вы представили его сиятельству графу Арсению Андреевичу, я душевно благодарю Вас за истинное удовольствие, доставленное мне как художнику вашими стараниями публичной картинной галереи и желаю искренно, чтобы все ваши добрые намерения исполнились к общей пользе. С чувством глубочайшего почтения и преданности имею честь [быть] Вам, милостивый государь, покорнейшим слугою. Михаил Веселовский. Сентября 18 дня 1853 года

Видел с величайшим удовольствием замечательное собрание картин господина Тюриня, и готов, с своей стороны, с полным сознанием пользы принять участие в осуществлении предложения владельца в звании члена предполагаемого им общества для составления публичного Музея в Москве, для которого драгоценное его собрание могло бы послужить прекрасным основанием. — Февраля 23 дня 1854. — Действительный статский советник М. Юзефович

Истинное удовольствие доставило мне картинное собрание г-на Евграфа Дмитриевича Тюриня. Академик А. Угрюмов

Желаю быть членом публичной картинной галереи г-на Тюриня за имеющуюся быть утвержденной плату. 27 ноября 1853 года — Владимирский дворянин Михаило Рипш

Милостивый государь, Евграф Дмитриевич. С истинным наслаждением я прочел Ваше «Положение об учреждении в Москве Публичного Музея» и не только что изъявляю согласие на принятие меня в число членов оного, но еще надеюсь по мере возможности быть полезен сему учреждению как трудами своими, так и приобщением к сему хранилищу посильных моих приношений из числа небольшой коллекции находящихся у меня картин. Примите, милостивый государь, истинное мое уверение, с коим имею честь быть Ваш покорный слуга, А. Андреев. 3 января 1853 г.

Имею случай осматривать коллекцию картин господина Евграфа Дмитриевича Тюриня, я за честь и величайшее удовольствии почитаю поступить в число членов-учредителей предполагаемой г. Тюриним публичной картинной галереи в Москве со взносом в год десяти рублей серебром. Февраля 14 дня 1860 года Московский второй гильдии купец Николай Васильевич Букалов

1861 г. ноября 26 дня я был так счастлив, что по приглашению Евграфа Дмитриевича Тюриня был в его Картинной галерее, где видел столько замечательных оригинальных вещей, что не полагаю уже, у кого бы другого могло найтись такое количество. 10 лет тому назад в отдаленном краю России я слышал о существовании этой галереи и о находящихся в ней сокровищах, но ожидания превзошли все, что я воображал. Жаль, что эта галерея не учреждена общественною — любители изящного, не имея счастливого случая быть известны владельцу, много теряют. Василий Владимирович Безсонов. 1861 г. ноября 26 дня

Архитектор Николай Николаевич

Архитектор Николай Васильевич Никитин [нрзб]

Михаил Петров Куропеев в Малом Кисельном переулке, дом купчихи Дмитриевой

Иван Алексеев Кашкадамов, дом кн. Кудашевой на Мясницком бульваре

Иван Осипов Змиоский (так в документе — *сост.*) под №26

СТО ЗАСЕДАНИЙ КОМИССИИ (КРАТКИЙ ОТЧЕТ)

*доклад на 100-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
29 мая 1921 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 46. Д. 37. Л. 1—6об.; архивное дело)

Рукописный текст в двух экземплярах, синие чернила, с правкой, вставками, авторскими сносками на полях (в том числе карандашом), с автографом; листы большеформатные, разлинованные, с полями, двухсторонние, сшитые. Второй экземпляр черновой, синие чернила, с карандашными пометами; листы большеформатные, с оборотом, есть чернильные пятна.

Почему настоящее, сотое, заседание нашей Комиссии нами решено отметить от прочих? Почему мы решились представить нашу скромную деятельность на общественный суд именно теперь, по прошествии двенадцати лет нашей работы и 99 наших заседаний?

Не жажда юбилействовать, не жажда «торжества» руководила нами, а искреннее желание отдать себя на Ваш суд, т.к. он когда-нибудь да должен придти, и без него жизнь нашей Комиссии была бы не полна: ей недоставало бы того нравственного удовлетворения, потребность которого испытывает каждый работник вне зависимости от того хорош или дурен будет отзыв об его работе. Это нравственное удовлетворение должно дать свой толчок к дальнейшей деятельности и всегда дает толчок положительный. И мы будем чрезвычайно признательны и благодарны, если выслушаем от вас совет, указание для дальнейшей нашей работы.

За одиннадцать с половиной лет жизни и деятельности Комиссия имела 100 заседаний с 124 докладами, из которых в двух выпшедших сборниках «Старая Москва»⁴² опубликовано 16.

99 заседаний посетило 1679 членов и гостей, тогда как могло бы посетить около 11.600 наличных членов. Процент посещаемости невелик, в среднем 14, но необходимо принять во внимание 1918 и 1919 годы, когда посещаемость упала до 8%, и члены не могли еще достаточно освоиться с переживаемыми затруднениями по передвижению и т.п.*

Жизнь и деятельность Комиссии не замирала, не прекращалась ни в один из годов своего существования; правда, она имела длинные промежутки в своих занятиях, как например, в 1917 году, когда состоялось всего два заседания с одним докладом, и в 1918 году — 4 заседания, но уже с 4 докладами. Не прекращался и приток новых членов в Комиссию; самым бедным оказался опять-таки

* Наибольшее число посетителей пришлось на 58 заседание 12. II. 16 г. с докладом В.А. Никольского «Московские князья и графы» и с 29 посетителями на 40 и 45-ое заседания 25. II и 16. X. 1914 г. с докладами А.М. Васнецова и К.А. Хрептовича-Бутенева; А[поллинарий] М[ихайлович] прочел доклады «Московский Кремль при Иване Калите» и образ преп. Сергия XVII в. с изображением Моск. Кремля, а К[онстантин] А[поллинариевич] «Серебр. монеты, чеканенные в Москве Аристотелем Фиорованти».

1917 год, когда все были поглощены развернувшимися событиями, не давший ни одного нового члена, и 1918 год, когда прибыло всего 5 новых членов. Последующие года дали: 1919-ый — 12, 1920-ый — 13 и 1921-ый, в неполной первой половине — 9, что доказывает неослабевающий интерес к Комиссии.

В настоящее время по спискам значится до 209 членов, но многие и многие вне Москвы, едва ли не большая половина, причем, об очень многих нет никаких сведений за последние три с лишним года. Все ли они в живых?

Из двухсот с лишком членов докладчиками выступило 47 членов Комиссии, давших, как упомянуто выше, 124 доклада, т.е. около 22½%. Я не ставлю в счет доклада П.С. Уваровой составленных ею «правил» Комиссии, послужившего предметом первого организационного заседания Комиссии 14 декабря 1909 года.

Первый доклад на третьем заседании Комиссии 3 февраля 1910 года был сделан не членом Комиссии профессором Довнар-Запольским и являлся повторением его доклада в Археологическом обществе.

Наибольшее число докладов и сообщений сделано И.Я. Стеллецким — 14, П.Н. Миллеру принадлежит 10 докладов, по девяти — увы, уже умершим И.С. Беляеву и Г.И. Хлопову, восемь докладов дал А.М. Васнецов, по пяти — Н.П. Виноградов, В.А. Дударева и М.И. Александровский, по четыре — И.Е. Бондаренко, К.А. Хрептович-Бутенев и П.Н. Зенбицкий; по три — Б.С. Пушкин, Н.Н. Соболев, И.Н. Жучков, И.П. Машков и А.В. Чаянов, по два — Ф.М. Тастевен (покойный), Н.М. Клементьевский, И.К. Линдеман, И.Ф. Огнев и В.М. Борин, и по одному — М.В. Довнар-Запольский, Н.Н. Ардашев, В.К. Трутовский, Г.В. Балицкий, Ю.И. Шамурин, Н.А. Александров, А.П. Хотулев, З.И. Иванов, С.Н. Петухов, М.С. Померанцев, И.И. Кузнецов, В.А. Михайловский (покойный), Н.Г. Высотский, Э.В. Готье, С.С. Головин, П.С. Шереметев, Н.Р. Левинсон, И.Н. Бороздин, С.И. Смирнов, Н.Ф. Окулич-Казарин, В.Н. Смердов и В.А. Никольский.

По содержанию своему доклады посвящены: 18 — отдельным местностям, считая подмосковные, 27 — отдельным сооружениям и зданиям, 5 — архитектурному и инженерному строительству Москвы, 12 — описанию церквей, 7 — картографии Москвы, разобраны планы 1606, 1775, 1800, 1819, 1824 и 1843 года и построен ситуационный план XVII века, 3 доклада относятся к московским пожарам 1633, 1736 и 1737 гг., 3 — [к] подземным московским ходам; 4 доклада обрисовали жизнь сословий, девять — быт москвичей — гулянья, увеселения, бани и пр.; 14 докладов посвящены памяти отдельных лиц, в двух докладах доложено о Музее старой Москвы, и 20 затронули разные темы.

Кроме заслушания докладов, членами Комиссии, произведено 10 осмотров одной выставки, двух гражданских и семи церковных памятников; из этих десяти осмотров три приходятся на 1921 год.

Но одними докладами и осмотрами деятельность Комиссии не ограничилась, и она, согласно «Правилам» (§§1 и 11) и намеченной программе деятельности, пыталась осуществить поставленные перед нею задачи.

Параграф первый «Правил» излагает цель учреждения Комиссии — изучать Москву и ее ближайшие окрестности, т.е. собирать материалы по ее топографии, истории, изучать ее рост и развитие не только в отношении зодчества и иконописи, но также и прикладных искусств; заботиться о сохранности древностей, о собирании их с целью образования в будущем Музея старой Москвы и, наконец, публиковать или печатать собранные материалы и труды.

Вопрос о Музее старой Москвы начал обсуждаться с первых же заседаний Комиссии, предполагалось занять под него и Сухареву башню⁴³, и дом Бурьшиных (против Музея изящных искусств)⁴⁴, наконец, под него было отведено даже помещение, правда скромное по площади и проникающему в него свету, — прежняя торговля свечами и воском Каптелина в одном из углов здания Исторического музея, в помещении этом были даже сделаны некоторые приспособления для размещения имеющихся в распоряжении Археологического общества предметов, относящихся к истории Москвы, но начавшаяся война (Первая мировая — *сост.*) помешала осуществлению Музея, — помещение было отдано под временное пользование прибывающих в Москву офицеров. Таким образом, Музей так и остался несорганизован, и лишь в 1918 году по инициативе И.Е. Бондаренко — заведывающего реставрационным п/о (подотделом — *сост.*) Главмузея — было положено начало Музею организацией при п/о Центральном Музее Комиссии Музея старой Москвы, отводом помещения для Музея — дом бывшего Английского клуба на Тверской улице⁴⁵ и приглашением сотрудников. Вопросу о Музее был посвящен обширный доклад члена Комиссии В.Н. Смердова, а членом Комиссии В.Д. Сорокоумовским составлено положение о Музее.

Издательская деятельность Комиссии выразилась выпуском двух сборников «Старая Москва» с 19 статьями — 16 докладов и три без доклада, в 225 страниц с 22 фототипиями. Оба сборника разошлись без остатка и представляют из себя ныне библиографическую редкость.

Портфель Комиссии содержит в себе 55 докладов подлинников (остальные доклады в большинстве кратко изложены в протоколах заседаний или находятся на руках у докладчиков, в большинстве обещавших их возвратить по обработке и приведению в порядок). Такое наличие докладов позволило бы издать 3–4 сборника, если бы в свое время нашлось для этого достаточно денежных средств, а в настоящее время — типография и бумага.

Параграф одиннадцатый «Правил» возлагает на членов Комиссии обязанность извещать Археологическое общество и Комиссию о замеченных не только уничтожениях памятников, но даже о всех искажениях, которым те подвергаются от небрежения, незнания или злого умысла. Необходимо с этих памятников, говорит §11-ый, озабочиваться снятием рисунков, планов, фотографий и в случае надобности — слепков.

Этот параграф «Правил» исполнялся членами Комиссии по мере сил и частью выразился в докладах, частью лишь в фактическом исполнении, не сопровождавшимся докладами.

«Программа деятельности» Комиссии, выработанная и напечатанная вместе с «Правилами», первой⁴⁶ своей задачей ставила изучение истории и археологии Москвы, а равно устройство специального Музея старой Москвы, в котором были бы собраны с древнейших времен все предметы домашнего и общественного обихода прежней московской жизни, наглядно могущие знакомить с бытовой историей предков.

Для осуществления этой первой задачи было намечено шесть нижеследующих пунктов:

1) Изучать памятники Москвы и наблюдать за их сохранностью, для чего она разделена на 63 участка, и членам Комиссии предлагается взять один из них по своему усмотрению в заведывание, выражающееся в изучении исторического и археологического прошлого находящихся в участке старых зданий и их внешних и внутренних украшений, с составлением описей их современному состоянию, при возможности с фотографическими снимками.

На практике оказались более удобными коллегиальные обследования и изучения районной Москвы без деления на участки.

2) Заботиться о сборе пожертвований разными вещами для Музея старой Москвы.

Пожертвования поступали; хотя и в очень ограниченном количестве, что объясняется тем, что помещения для Музея не было, и хранить пожертвования можно было только в помещении Археологического общества, перегруженного своими материалами. Это знали члены и с этим считались. Товарищ председателя Комиссии Э.В. Готье, сам один из крупных собирателей по Москве, говорил мне, что все свое собрание он предназначает для Музея старой Москвы, но пока не выяснится, где будет Музей помещаться и кто им будет заведовать, собрание он будет хранить у себя*.

3) Делать фотографические снимки с типичных московских зданий, подвергающихся полной ломке и перестройке, а равно площадей, улиц и переулков, изменяющих свой внешний вид путем их расширения, возведения на них новых зданий, или путем разбивки, посадки на них деревьев, садов, парков. Снимать фотографии с редких типов москвичей вообще, а также торговцев, ремесленников, отживающих свой век и становящихся достоянием истории, по возможности, с описанием кратких их биографий, чтобы впоследствии можно было составить альбом снимков исчезающих мест, зданий и самих обитателей столицы.

Мало сделано было вследствие обычного препятствия — неимения средств. В настоящее время в Музее старой Москвы собрано несколько сотен негативов,

* Несмотря на скромное количество пожертвований, Комиссия старой Москвы имела возможность участвовать в выставке Коммерческого училища на Остоженке 11–12 февр. 1917 г. по случаю 100-летнего основания училища, где были выставлены виды и планы старой Москвы.

отпечатков, зарисовок. Но это такой обширный и непрекращающийся материал, что полностью он никогда не сможет быть представлен, в особенности при переживании городом таких стремительных эволюций, какие выпали ему на долю за последние десятилетия.

Особенно слабо пока представлены типы москвичей.

4) Жертвовать и привлекать к пожертвованию в библиотеку Комиссии книги и другие труды, касающиеся истории Москвы.

Те несколько книг, которые пожертвованы Комиссии, не могут, конечно, быть названы библиотекой, но важно, что и этот пункт не остался без исполнения.

5) Составлять по имеющейся в Комиссии форме библиотечные карточки книгам по истории, археологии и этнографии Москвы, вышедшим отдельными изданиями или помещенным в журналах, как находящимся у частных лиц, так и хранящимся в общественных библиотеках. По карточкам предполагается издавать Комиссией систематические указатели всех печатных трудов в этой области.

Такие карточки были доставлены: П.С. Уваровой — 72, Э.В. Готье — 222 и П.Н. Зенбицким — 160, всего 454 карточки.

6) Сбирать из архивов новые данные по истории и археологии Москвы и докладывать их на заседаниях Комиссии в виде материалов или в форме исследования для помещения их затем в печатном органе Комиссии под названием «Старая Москва».

Подобные исследования московских архивов были доложены членом-учредителем] Комиссии И.Я. Стеллецким.

Таким образом, как «Правила», так и «программа» выполнены по всем пунктам, хотя и не полно, а в иных случаях и слабо, но ни один пункт не обойден, члены Комиссии делали все возможное и от них зависящее.

Эти труды Комиссии были оценены Археологическим обществом, и в 1920 году шесть членов Комиссии приняты членами-корреспондентами Общества (Н.П. Виноградов, М.И. Александровский, С.С. Головин, В.А. Дударева, И.Ф. Огнев и П.Н. Миллер).

Однако деятельность Комиссии не ограничивалась «Правилами» и «программой», Комиссия ставила своим членам задачи и сверх правил и программы, например, на 7-м заседании обсуждался вопрос о выработке правил для пользования вывесками, на 21[-м] заседании И.П. Машков предложил издание Путеводителя по Москве, на 29-м заседании было предложено издание старых планов Москвы, начиная с Мичуринского (1737 г. — *сост.*), на 27-м — Э.В. Готье предложил исследование Москвы по участкам применительно к полицейским границам, на 41-м заседании Г.Н. Клумовой предложено образовать справочное бюро по истории Москвы на предполагаемой Всероссийской выставке 1916 года, на 58-м заседании Г.И. Хлопов предложил организовать экскурсии для осмотра подмосковных и т.п. и т.д.

Нельзя не упомянуть о состоявшемся по решению Комиссии в 1912 году соединенном с Архитектурным обществом заседании памяти М.Ф. Казакова.

За революционный период деятельность Комиссии выразилась в выборах на 67 заседании (1917 года) 8 уполномоченных и 4-х к ним кандидатов в Московский союз деятелей по истории искусства, археологии и музееведения и в единогласном принятии предложения И.С. Беляева членам Комиссии записать свои воспоминания на местах о происшествиях и ходе Московской революции в октябрьские и ноябрьские дни 1917 года (68 заседание 14 янв. 1918 года).

Изложив вкратце деятельность Комиссии, нельзя пропустить молчанием ни учредителей, ни должностной персонал, бескорыстно отдававший Комиссии свои силы и время.

Членами учредителями являются:

- 1) Ардашев Николай Николаевич
- 2) Богоявленский Сергей Константинович
- 3) Бодиско Вера Филипповна
- 4) Готье Эмилий Владимирович
- 5) Гуржиенко Антон Михайлович
- 6) Курдюков Николай Сильверстович
- 7) Машков Иван Павлович
- 8) Новицкий Алексей Петрович
- 9) Стеллецкий Игнатий Яковлевич
- 10) Степанова Марина Филипповна
- 11) Сухов Дмитрий Петрович
- 12) Трутовский Владимир Константинович
- 13) Уварова Екатерина Алексеевна
- 14) Уварова Прасковья Алексеевна
- 15) Уварова Прасковья Сергеевна
- 16) Хрептович-Бутенев Константин Аполлинариевич
- 17) Шехтель Франц Осипович
- 18) Щербатова Мария Николаевна
- 19) Щербатова София Александровна
- 20) Щербатов Николай Сергеевич

из них в Москве шестеро, а двое отошли в вечность.

Занятия Комиссии в первые 69 заседаний проходили под председательством П.С. Уваровой и в редких случаях ее отсутствия — товарища председателя Э.В. Готье.

На 70 и 71 заседаниях председательствовал И.П. Машков, а с 72-го председательское место занял А.М. Васнецов.

Товарищами Председателя избирались: К.А. Хрептович-Бутенев, сложивший с себя полномочия на 16-м заседании в 1911 году, его сменил Э.В. Готье, а последнего, вследствие его выезда и[з] Москвы в 1918 году — Г.И. Хлопов; в этой должности Г[ригорий] И[льич] умер. После него товарищ председателя

не выбирался. Казначеем Комиссии состоял Э.В. Готье, как казначей Археологического общества, ныне состоит И.Н. Бороздин.

Выборными секретарями состояли: Н.С. Курдюков, ведший первые десять заседаний; с 13 заседания вступил в должность И.С. Беляев и секретарствовал по 70-ое заседание включительно; обоих секретарей уже нет в живых. С 73 заседания секретарствует П.Н. Миллер, который делил свою работу в случаях невольного своего отсутствия с И.К. Линдеманом (71, 72, 75–77 заседания) и Н.Р. Левинсоном (сентябрь–декабрь 1920 года). Два летних заседания 1912 года и 33-е в 1913 году секретарствовал С.Н. Петухов.

Комиссия считает своей обязанностью отметить долголетнее участие в работе Комиссии по ведению членских списков, хранению пожертвований, писанию, печатанию и рассылке повесток Софии Васильевны Чертороговой.

Вот и вся скромная жизнь нашей дорогой нам Комиссии.

Позвольте в заключение привести последнюю красную строку (абзац) из правил и программы Комиссии:

«Комиссия уверена, что старая Москва, наша прародина, создавшая обширное Российское государство, заслуживает детального изучения ее истории и быта. Мы ничем иным не воздадим так полно уважения к памяти предков, как правдивым изучением их жизни, на основании вещественных и письменных памятников. Изучая старую Москву, мы тем самым изучаем быт наших дедов и отцов. Сделавши свое дело, мы оставим продолжение его в наследство следующим поколениям и молодым членам Комиссии и, кроме того, заботу об освещении эпохи, к которой принадлежим сами, притом способами, в пользу которых убедились. Самое основание Комиссии служит очевидным доказательством нашего самосознания, корни которого сокрыты в далеком прошлом, а разработка последнего как раз должна составлять прямые задачи членов Комиссии...».

О ПИСАТЕЛЕ Д.И. НИКИФОРОВЕ

*сообщение на 120-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
9 марта 1922 г. (в Музее старой Москвы, ул. Тверская, д. 59)*

(К. 1. Д. 9. Л. 18; протокольная запись)

Рукописный текст, чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой. Листы односторонние, разлинованные, с пятнами. Запись краткая, сделана П.Н. Миллером.

Д.И. Никифоров родился в с. Гутакове Темниковского уезда Тамбовской губ. (1834 — *сост.*); воспитывался в пансионе и затем в Корпусе инженеров в С[анкт-]П[етер]б[у]рге, откуда отправился на фронт в Турецкую кампанию

1853—54 гг. (на Кавказ), а затем был и при обороне Севастополя. Выйдя в 1858 году в отставку, поселился в Москве, где с 1860 года начал служить по ведомству импер[атрицы] Марии⁴⁷, состоя перед тем плац-адъютантом при Моск. коменданте Кизмере⁴⁸ при ген.-губ. Закревском⁴⁹. С переселением в Москву им был приобретен дом на Пречистенке, против Левшинского переулка. Д[митрий] И[ванович] был подвержен одной страсти — любил строиться. С большим напряжением купил дом в Столешниковом переулке, где выстроил новый (№5), на чем разорился.

Интересуясь и ранее историей Москвы, занимаясь в архивах и хранилищах, с года разорения Д.И. стал при помощи Х.Д. Селезнева издавать свои труды и помещать заметки исторического содержания сначала в «Моск. ведомостях», а потом в «Русском слове». С 1901 года им выпущены «Из прошлого Москвы»⁵⁰, два выпуска «Старая Москва»⁵¹, «Москва в царств. Ал. II»⁵², «Сокровища в Москве»⁵³ и «Кавказ и Севастополь»⁵⁴ и «Воспоминания из царств. Николая»⁵⁵ (все перечисленные издания, а также портрет покойного и копия с его формуляра демонстрировались на заседании).

Со времени разорения Д.И. часто менял квартиры, жил одно время в меблированных комнатах в доме Хлудовой в Хрущевском переулке и умер 73-х лет от удара, в квартире единственной дочери Нины Дмитриевны, по мужу Косман, в д. Афремова у Красных ворот⁵⁶. Отпевали в ц[еркви] Трех святителей⁵⁷ там же, а похоронили на Ваганьковском кладбище.

Свои литературные работы Д.И. начал с отзывов о книгах в «Моск. ведом[остях]». Затем начал помещать воспоминания. В газете их сильно урезывали, что и привело его к изданию воспоминаний отдельно. После него осталось немало переписанных рукописей, а также черновиков, газетных вырезок, заметок и пр., но все это погребло, отчасти разворованное из сундука, стоявшего на чердаке, частью сожженное дочерью перед предполагавшимся ее отъездом за границу в 1918 году. Сожжение мотивировалось тем, чтобы «не глумились» над ее родителем.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Исаак Масса, итальянец, голландский купец и торговый резидент в Москве; был в России в 1601—1609, 1612—1634 гг.; оставил записки.
- ² Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России: с прил. портр. Массы, плана Москвы (1606 г.) и двора Лжедмитрия I / изд. Археографической комиссии. — СПб., 1874. — VI, 362, VII с.
- ³ Храм не сохранился.
- ⁴ Владение по берегам Неглинной пожаловано царем В.И. Шуйским Троице-Сергиеву монастырю в 1609 г. (существует доньяне — храм Троицы Живоначальной в Троицкой слободе у Троицкого подворья). В 1630-е гг. вокруг сложилась монастырская (лаврская) Троицкая слобода; по подворью и слободе сформировалась местная топонимика — сохранились названия: Троицкие улицы и переулки, Лаврский пер.

- ⁵ М.Б. Шеин (конец 1570-х — 1634), военный и государственный деятель, боярин, okolnichiy, сподвижник царя Василия Шуйского, позднее — Патриарха Филарета; главнокомандующий русской армией в Смоленской (русско-польской) войне 1632–1634 гг.; казнен в 1634 г. за неудачные боевые действия.
- ⁶ Вероятно, речь идет о храмах Успения в Кожевниках (не сохранился), Троицы в Кожевниках, Флора и Лавра у Зацепы.
- ⁷ Всехсвятские, Берсеневские — у Каменного моста.
- ⁸ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. — М., 1904. — 672 с.
- ⁹ Имеется в виду будущий храм Христа Спасителя; по первоначальному замыслу архитектора А.Л. Витберга должен был быть возведен на Воробьевых горах.
- ¹⁰ Царская пл. в Кремле — ныне Ивановская пл.
- ¹¹ Кремлевские казармы занимали бывшее здание Оружейной палаты (1806 г.), перестроенное для них в 1851 г.; снесено в 1959 г. при строительстве Дворца Съездов.
- ¹² Здание губернского правления (присутственных мест), 1730-е гг. (выстроено для нового Монетного двора); у Воскресенских ворот — ул. Никольская 5/1 стр. 1.
- ¹³ Здание Государственного Исторического музея построено на месте здания бывшего Земского приказа (ратуши; Главной аптеки) в 1870–1880-е гг.
- ¹⁴ Речь идет о здании Нового гостиного двора (Рыбный пер., д. 3); здание построено в 1830-е — 1840-е гг.
- ¹⁵ Ныне — Никольский пер.
- ¹⁶ Храм не сохранился.
- ¹⁷ Храм не сохранился.
- ¹⁸ П.В. Хавский (1783–1876), юрист, историк, москвовед; тайный советник, чиновник Министерства юстиции, Правительствующего Сената, инспектор Сенатского архива в Москве; входил в комиссию М.М. Сперанского по изданию свода законов, участвовал в составлении Полного Собрания Законов Российской империи; автор москвоведческих, исторических трудов (Подробнее см.: Московская энциклопедия. — Т. 1: Лица Москвы: В 6 кн. / гл. ред. С.О. Шмидт. — Кн. 5: У–Я. — М., 2012. — С. 161).
- ¹⁹ Указатель дорог от Кремля Московского к заставам и к границам Московского уезда: с приложением замечаний о реках, горах и древнем делении уезда Московского на волости и станы, также о предполагаемом ныне соединении Москвы реки с Волгой и проч. / соч. П. Хавского. — М., 1839. — XI, 79 с.
- ²⁰ Хавский П.В. Древность Москвы или Указатель источников ее топографии и истории. — Изд. 2-е. — М., 1854. — 528 с.
- ²¹ Семисотлетие Москвы 1147–1847, или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков: 4–5 апреля 1847 г., в день семисотлетнего юбилея, совершившегося со дня историч. известности Москвы / соч. П. Хавского. — М., 1847. — XXIV, 512 с.
- ²² П.В. Хавский в 1856–1876 гг. жил в Б. Афанасьевском пер. (д. 33 — перестроен).
- ²³ Семисотлетие Москвы 1147–1847, или Указатель источников...
- ²⁴ Пути сообщения в г. Москве по Высочайше утвержденному плану регулирования / сост. А.Н. Петунников. — М., 1915. — XXIV, 367 с.
- ²⁵ Переулок в Зарядье, исчез при строительстве гостиницы «Россия» (ныне также снесенной) в 1960-е гг.
- ²⁶ Атлас столичного города Москвы, составленный А. Хотевым. 1852–1853 гг.
- ²⁷ Палаты Аверкия Кириллова на Берсеневской наб. (д. 20).
- ²⁸ Здание архива не сохранилось, на его месте — комплекс зданий Российской государственной библиотеки.

- 29 Грибоедов пер. ныне не существует — застроен; первоначально в конце XVIII — начале XIX в. носил название Некрасовский (по домовладельцу), затем назывался Соковнинским (по домовладельцу) и с середины XIX в. — Грибоедовским (Грибоедовым) (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 118).
- 30 М.Ю. Лермонтов родился в доме генерала Толя у Красных ворот; дом не сохранился — снесен в конце 1930-х гг.
- 31 Е.Д. Тюрин (1792–1870/1875), архитектор, преподаватель, член Комиссии по построению Храма Христа Спасителя, директор чертежной Московской дворцовой конторы. (Подробнее см.: Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е — 1917 годы): Ил. биогр. словарь / под науч. рук. А.Ф. Крашенинникова; под ред. А.В. Рогачева. — М., 1998. — С. 242; *Московская энциклопедия...* — Кн. 4).
- 32 *Цветаев И.* Музей Изыщных Искусств имени императора Александра III в Москве: [К истории создания музея]. — М., 1912. — 16 с.
- 33 *Благовещенский А.А.* История Школы живописи, ваяния и зодчества в Москве // *Русский художественный архив.* — М., 1894. — Вып. I, II. — С. 1–19, 73–90.
- 34 Частная галерея — Голицынский музей, общедоступный; создан по воле кн. М.А. Голицына (1804–1860) на основе его коллекции, размещавшейся в усадьбе в М. Знаменском пер. (ул. Волконка) его сыном кн. С.М. Голицыным; Голицынский музей открыт в 1865 г. В 1880-е гг. музейное собрание приобретено Эрмитажем (См.: *Полунина М., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы: Иллюстр. биогр. словарь. — М., 1997. — С. 137–140).
- 35 Румянцевский публичный музей (1862–1925 гг.), образован на основе библиотеки и коллекций графа Н.П. Румянцева (1754–1826); располагался в Доме Пашкова; состоял из трех отделов: коллекции русской и западноевропейской живописи; русской и западноевропейской гравюры; этнографические коллекции русских путешественников (Дашковский музей). После ликвидации музея коллекции распределены между художественными музеями Москвы и Ленинграда, библиотека послужила основой Государственной библиотеки Ленина (ныне Российская государственная библиотека).
- 36 Здесь и далее автор дает отсылки к тексту соответствующих документов, помещенных отдельно в конце статьи. Публикаторы для удобства восприятия вставили документальные фрагменты непосредственно в текст, в места, указанные автором.
- 37 Здесь и далее отсылки к конкретным страницам рукописи, сделанные П.Н. Миллером, мы опускаем.
- 38 Таблица «Монограммы и гербы, имеющиеся на некоторых картинах Е.Д. Тюрин»; подписана: «Московской Дворцовой конторы архитектор коллежский советник и кавалер Евграф Тюрин. Сентябрь 1853 года. Москва» (Л. 34–36).
- 39 Адрес-календарь жителей Москвы (перепечатан с изменениями из календаря 1848 года). 1849 / К. Нистрем: В 2 ч. — М., 1849; Книга адресов жителей Москвы: Составлена по официальным сведениям и документам... 1855. — Ч. 1. — М., 1854; Ч. 2. — М., 1855.
- 40 Музей Старой Москвы — собирался членами Комиссии «Старая Москва» с момента ее учреждения, но так и не обрел собственного здания (помещения), вошел в состав Государственного Исторического музея. В ОПИ ГИМ хранится фонд Музея Старой Москвы (Ф. 402).
- 41 Московское архитектурное общество (1867–1932 гг.).
- 42 *Старая Москва* / изд. Комиссии по изучению старой Москвы при Императорском Московском археологическом обществе. — Вып. 1. — М., 1912. — 72 с.; Вып. 2 / под ред. Н.Н. Соболева. — М., 1914. — 135 с.
- 43 Сухарева башня не сохранилась.
- 44 Особняк Глебовой–Бурышкиных (Колымажный пер., д. 4); входит в комплекс зданий ГМИИ им. А.С. Пушкина.

- ⁴⁵ Английский клуб переехал во дворец Разумовских на Тверской (д. 21) в 1831 г.; закрыт после революции 1917 г.; ныне здесь — Государственный центральный музей современной истории.
- ⁴⁶ Здесь и далее подчеркивания в тексте авторские.
- ⁴⁷ Ведомство учреждений императрицы Марии занималось благотворительными учреждениями; основано в 1797 г. императрицей Марией Федоровной, супругой Павла I; управляло благотворительными учебными заведениями, воспитательными домами, богадельнями, приютами, вдовьими домами, больницами и пр.; упразднено в марте 1917 г.
- ⁴⁸ И.И. Кизмер (1786–1865), военачальник, генерал от кавалерии, комендант в Севастополе (в 1853–1855 гг. — во время осады в период Крымской войны), комендант в Москве (с 1855 г.).
- ⁴⁹ А.А. Закревский (1783–1865), военный и государственный деятель, сенатор, московский генерал-губернатор в 1848–1859 гг.
- ⁵⁰ *Никифоров Д.И.* Из прошлого Москвы (записки старожила). — М., 1901. — 186 с. (репринт — М., 2014).
- ⁵¹ *Никифоров Д.И.* Старая Москва: описание жизни в Москве со времен царей до двадцатого века: В 2 ч. — М., 1902–1903. — 248; 204 с.
- ⁵² Москва в царствование императора Александра II: Воспоминания Д. Никифорова: с ил. событий того времени и портретами деятелей царствования имп. Александра II. — М., 1904. — 200 с.
- ⁵³ Сокровища в Москве [Выст. худож. произведений старины в Строгановском училище] / сост. Д. Никифоров. — М., 1901. — 50 с., 15 л.: ил.
- ⁵⁴ Кавказ и Севастополь: Воспоминания Д.И. Никифорова. — М., 1901. — 80 с.
- ⁵⁵ Воспоминания из времен императора Николая I / [соч.] Д.И. Никифорова. — М., 1903. — 60 с. См. также объединенное издание: Воспоминания из времен императора Николая I; Кавказ и Севастополь / Д.И. Никифоров; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2016. — 154 с.
- ⁵⁶ Девятиэтажный доходный дом Ф.И. Афремова — построен в 1904 г. арх. О.О. Шишковым; сохранился.
- ⁵⁷ Храм не сохранился.

МИХАЙЛОВСКИЙ
Владимир Александрович
(? — январь 1920)

Историк театра

О биографии В.А. Михайловского известно очень мало.

В последние годы жизни состоял хранителем театрального музея А.А. Бахрушина. Составлял большой труд о Малом театре. Умер от сыпного тифа.

Членом Комиссии «Старая Москва» избран в 1912 г. На заседаниях «Старой Москвы» сделал доклад «О зданиях Императорских московских театров в XIX столетии» (59-е засед. 04.03.1916 г.) и однажды участвовал в прениях (28.10.1916 г.).

Члены «Старой Москвы» на 83-м заседании 19 февраля 1920 г. почтили память В.А. Михайловского, а часть 85-го заседания 22 апреля 1920 г. была посвящена воспоминаниям о нем.

Некролог о В.А. Михайловском помещен в журнале «Художественная жизнь» (1920. — №2).

ЗДАНИЯ ИМПЕРАТОРСКИХ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ
В XIX СТОЛЕТИИ

доклад на 59-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
4 марта 1916 г.¹ (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)

(К. 46. Д. 51. Л. 1—8; архивное дело)

Машинописный текст, с рукописной подписью чернилами. Листы односторонние, большеформатные, с ветхими краями.

В 1806 г., когда Московский театр перешел в ведение Дирекции Императорских Театров, Большой, так называемый Петровский, уже не существовал. В октябре 1805 г. он сгорел дотла перед началом представления оперы: «Днепровская русалка», по неосторожности гардеробмейстера. Несчастий с людьми не было. Простой народ в этом пожаре видел наказание Божие за представление дьявольской пьесы. Как известно, в Днепровской Русалке фигурировало много всякой чертовщины.

Признавая необходимость существования для Москвы театра, государь повелел выстроить новый деревянный на Арбатской площади, временно же спектакли шли в доме Пашкова, на Моховой, переделанном из манежа². 13-го апреля 1808 года новый театр, построенный на Арбатской площади архитектором Росси³, был уже готов, и с этого числа открылись в нем спектакли специально написанным по этому случаю С.Н. Глинки прологом: «Баян русский, песнопевец древних времен».

По отзывам современников, театр этот был очень красив. Весь окружен колоннами. Подъезды к нему шли со всех сторон. Большое пространство между колоннами, в виде длинных галерей, служило удобным местом для прогулок. К сожалению, кажется, видов этого театра не сохранилось. Арбатский театр просуществовал 4 года. 30-го августа 1812 года в нем был последний спектакль с маскарадом. Публика состояла только из одних военных. После этого спектакля, пред вторжением Наполеона в Москву, часть труппы по предписанию театрального начальства была переведена в Петербург, а часть вместе с Театральной школой отправилась сначала в Плес, заштатный город Костромской губернии. А затем в Кострому, где в доме губернатора Пасынкова давались спектакли. Арбатский театр стал первой жертвой пожара 1812 года. Он был подожжен вахтером по распоряжению Дирекции.

По изгнании французов из Москвы спектакли открылись на Знаменке, в доме Апраксина, где ныне Александровское военное училище⁴. Для открытия сезона 30-го августа 1814 года была поставлена одна из любимейших опер того времени — «Старинные святки». Первоначально предполагалось для театра снять манеж у Пашкова, на Моховой, где ныне Университетская церковь, но тогдашний Управляющий Московскими театрами А.А. Майков не сошелся с Пашковым в условиях, а потому и было снято помещение для театра у Апраксина.

В Апраксинском доме Императорский театр просуществовал 4 года. Теснота дома и неудобства, соединенные с нею, заставили Дирекцию искать другого помещения. Срок контракта с Апраксиным кончился 1-го августа 1818 года. В виду этого Управляющий театрами Майков, озабочиваясь безостановочным ходом спектаклей, обратился к Московскому генерал-губернатору [А.П.] Тормасову⁵ относительно постройки сгоревшего в 1805 году Петровского театра. По получении же ответа, что по Высочайшему повелению постройка этого театра отложена на неопределенное время, Майков вступил в переговоры с Пашковым и арендовал у него манеж, на углу Моховой и Никитской, где ныне Университетская церковь и где в 1814 году давались временно спектакли императорских театров, за 28000 рублей в год.

25-го августа 1818 года состоялось открытие нового Пашковского театра. Для открытия была поставлена опера Херубини «Водовоз». На другой день после открытия Майков писал вицедиректору [П.И.] Тюфякину: «Первое начало обещает впоследствии добрый успех и оправдывает наше предприятие. Театр

вышел в отделке очень хорош и имеет все выгоды для зрителей со стороны слуха, зрения и спокойствия места. Публика вчера была очень довольна».

Зал театра в доме Пашкова действительно был красив и удобен. По словам недавно умершей в преклонных годах артистки Малого театра Н.В. Рыкаловой, та часть нынешней университетской церкви, где теперь помещается алтарь, тогда отведена была для уборных артисток. Театр имел два подъезда: один с Никитской и другой с Моховой. Преимущества Пашковского театра перед Апраксинским заключались в центральнойности положения первого и обширности площади его.

В 1823 году Московский театр был отделен от Петербургского управления и по высочайшему повелению был подчинен Московскому генерал-губернатору кн. Д.В. Голицыну⁶, человеку редких душевных качеств, с эстетическим развитым чутьем, страстному театралу. Он задался целью поставить Московский театр на надлежащую высоту. Пользование одним театром не отвечало его широким планам, и он тотчас при вступлении в новую должность решил постройку двух театральных зданий, для чего, помимо восстановления здания бывшего Петровского театра, арендовал дом Варгина для Малого театра, а затем и приобрел его в собственность казны.

По слухам, в этом доме некогда жил масон Шубин-Поздеев, где имел масонскую ложу, что можно предполагать из особого рода сводчатых подвальных помещений, сохранившихся и до сего времени. Строителем Малого театра считается известный архитектор К.А. Тон⁷. Неизвестно, сохранился ли театр в том виде, как был тогда построен. Тогда, как и теперь, он имел 4 яруса. При постройке театра Тону было поставлено условие — фасад театра сделать совершенно одинаковым с фасадами домов, окружающих Театральную площадь. Это однообразие фасадов сохранялось долгое время.

Открытие Малого театра состоялось 14-го октября 1824 года. Для открытия спектаклей был поставлен рыцарский балет: «Лилия Нарбонская или рыцарский обет».

В 1840 году и 1856 году театр подвергался капитальному ремонту, причем устроен был водопровод. До 1863 года Малый театр освещался маслом, которое было заменено газом. В 1893 году проведено электричество. Большое достоинство постройки этого театра — это его акустические условия. Вместимость театра в настоящее время 1000 слишком человек.

На месте Пашковского театра на Моховой в 1837 году была построена и освящена митрополитом Филаретом Университетская церковь во имя св. Татьяны⁸.

К постройке сгоревшего в 1805 году Петровского Большого театра было приступлено в 1822 году. Он был заново возведен от самого основания и значительно увеличен против прежнего. Строил его архитектор [О.И.] Бове⁹ по плану профессора [А.А.] Михайлова, несколько измененному. Открытие состоялось 6-го января 1825 года. Для торжественного открытия М.А. Дмитриевым¹⁰ специально

был написан пролог под заглавием: «Торжество муз». Перед началом спектакля публика единодушно вызывала строителя и наградила его долго не смолкавшими рукоплесканиями. По словам современника, внешний вид театра пленял глаз соразмерностью частей, в которых легкость соединялась с величием.

С.Т. Аксаков в своих «Театральных воспоминаниях» писал, что Большой Петровский театр, возникший из старых обгорелых развалин, поразил его своим великолепием и грандиозностью. Другой современник описывает вновь выстроенный театр в таких высокопарных фразах: «Петровский Театр, как феникс из развалин, возвысил стены свои в новом блеске и великолепии. Давно ли на сем месте безобразные груды, следы опустошительной стихии, представлялись глазам нашим, и глухие удары рабочего молота раздавались. И уже восхищенный взор поражается прекраснейшим зданием, очаровывающим вкус своим возвышением и благородной простотой, соединенной с изяществом; и уже в стенах его гремят вдохновения муз, благотворные вдохновения человечества».

В Театре было 5 ярусов, и не было ни одного места, откуда бы не видна была сцена во всей полноте. Передний занавес изображал на голубом поле лиру Аполлона, окруженную сиянием. Антрактный — изображал приподнятый занавес, из-за которого видна часть сцены. Перила во всех ярусах обиты красным бархатом. Наружные стены лож позолочены. Все это освещалось огромной люстрой, спускавшейся с потолка. На фронтоне театра надпись: «Сооружен в 1824 году».

В 30-м году прошлого столетия (XIX в. — *сост.*) Дирекция императорских московских театров по инициативе директора Ф.Ф. Кокошкина построила в Нескучном саду летний, воздушный театр или Колизей (официально в «Московских ведомостях» он назван Отделением Малого театра). Цель постройки этого театра, по мнению Кокошкина, была следующая: 1) покрытие летом зимних убытков; 2) нравственная польза; и 3) одновременно «любовь к благопросвещению соотечественников, не получивших образования». При этом он ссылаясь на древнегреческий театр. «Древнегреческие зрелища — писал он, явно доказывают тогдашнюю цель правительства, чтобы, забавляя народ, возбуждать в нем религиозные и гражданские добродетели и представлять ужасные последствия бурных страстей и вечные терзания совести по совершении даже невольных преступлений. На этом основании должны представляемы [быть] нарочно сочиненные народные зрелища, которые: 1) знакомили бы, хотя несколько низший класс с отечественной историей, 2) утверждали бы народ в свойственной ему преданности к престолу и покорности властям и 3) представляли бы ему весь позор и пагубные последствия пороков».

Постройка воздушного театра закончена была в 2 недели и обошлась Дирекции, при даровом месте и материале, в 10000 руб. Театр обнесен был красивой загородкой. В нем было 2 яруса и галереи с потолками, а также крытые коридоры, в которых публика укрывалась от дождя. Занавес был раздвижной с изображением пейзажа. На сцене ставились одни пристановочные декорации

(пратикабли). Кулисами служили натуральные деревья. Сцена без потолка. М.Н. Загоскин рассказывает, что он был зрителем, как однажды в проливной дождь артистки дотанцовывали последний акт балета — «Венгерская хижина», по колена в воде. Спектакли, драматические и балетные шли по 2 раза в неделю, преимущественно по праздникам, и пользовались успехом. Но главная цель постройки театра: покрытие убытков зимнего сезона, не была достигнута. Сборы были неважные. Артисты не любили этот театр.

М.С. Щепкин¹¹ в письме к Петербургскому артисту И.И. Сосницкому так описывает его: «Вообрази театр весь открытый, как над зрителями, так и над сценой, зал сцены не имеет занавеса и примыкает прямо к лесу: вместо боковых кулис врыты деревья, при малейшем ветре не слышать ни слова; к тому же карканье ворон и галок служит в помощь к оркестру; сухого приюта нигде нет, ибо и уборные покрыты холстом, когда делали первую репетицию, то пошел дождь, принуждены были прервать оную часа на два и прятаться в сырых уборных и потом продолжать на мокрой сцене». Заключает письмо таким словами: «Прощай, дружище, помоли Бога, чтобы Нескучное сделалось для зрителей скучно — ибо и первый сбор был с небольшим 1200 руб., а расходу около тысячи, что-то будет»*. Несочувственно к затее Кокошкина отнеслась и печать. «Московский телеграф» в №11 (1830 г.) поместил громовую статью, на которую обратили внимание в Петербурге, и Кокошкину пришлось отписываться.

В Нескучном саду Театр скоро был закрыт, а взамен его в 1835 году был открыт в Петровском парке построенный благодаря инициативе и хлопотам сенатора А.А. Башилова¹², владевшего большими землями в Парке. Театр этот был деревянный с фасадом, напоминавшим Большой театр. В нем преимущественно давались драматические спектакли, легкие комедии и водевили. Первое время Театр охотно посещался московской публикой.

«Как хорошо, — писал Белинский в «Молве» — погулявши в парке, войти в этот миниатюрный театр, посмотреть на эту маленькую сцену, которая вся видна, и с которой все слышно, взглянуть на эту небольшую сжатую и пеструю публику. Первый ряд кресел иногда занимается дамами, и это придает особенно очаровательный и приятный оттенок маленькому театру. Как приятно в антрактах выходить на крыльцо театра, наблюдая за вечереющим днем и за этою живою картиной, которая через каждые полчаса принимает новый характер».

Но с течением времени публика к нему охладела, что объяснилось, с одной стороны, неудачно выбранным репертуаром, а с другой, обстановкой пьес мало опытными дебютаантами. Сборы уменьшались, Театр приходил в ветхость, и за ветхостью в 1870 году Дирекция продала его. Но частная антреприза эксплуатировала его еще не один десяток лет, и только на наших глазах, в 1908 году он окончательно снесен.

* Михаил Семенович Щепкин. 1788—1863: Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. — СПб., 1914. — С. 143.

В 1843 году Большой театр подвергся капитальному ремонту, причем все деревянные стены и потолки в коридорах были заменены кирпичными сводами. После ремонта Театр был открыт 9-го сентября 1843 года оперой Глинки: «Жизнь за Царя».

11-го марта 1853 года по неизвестной причине в Большом театре случился пожар, истребивший все внутренние помещения, кроме зал и нижнего этажа, где помещалась касса, контора и буфет. Вот, как описывает этот пожар один из современников, режиссер Малого театра Соловьев: «Какое потрясающее зрелище! Из каждого окна верхнего этажа высывались длинные, огненные языки, сливались между собою и исчезали в больших клубах черного дыма. Огонь с особенной силой свирепствовал на сцене и в зрительном зале. Там был настоящий ад. В “покойном” театре ложи бельэтажа поддерживались чугунными колоннами, которые опирались на барьер бенуаров. После пожара нашли одну из этих колонн. Один конец ее был расплавлен и превращен в безобразный ком. Каков же был огонь, от которого плавился чугун. Многие артисты, совершенно потерянные, со слезами на глазах ходили без всякой цели около своего горевшего гнезда. Огонь с возрастающей силой продолжал делать свои опустошения, он с неумолимой жестокостью сжигал целые миллионы. Вместе с прекрасным зданием сгорел драгоценный гардероб, скопляемый в течение многих десятков лет. В нем, между прочим, была богатая коллекция французских кафтанов из дорогих материй, изящно вышитых шелками, серебром и золотом. Сгорело также много музыкальных инструментов и небольшая часть Театральной библиотеки. К счастью, вся библиотека находилась в Малом театре. Сильный огонь продолжался около 2 суток, а весь пожар кончился недели через полторы. Первое время пожар был так силен, что на Театральной площади и на прилегающих к ней улицах растаял снег. Ветер был так силен, что бумаги, летевшие по воздуху, находили даже в Останкине. После пожара я входил внутрь театра посмотреть на Зрительную залу. Какая печальная и вместе величественная картина. Это был скелет великана, внушавшего невольное уважение. Эти остатки громко говорили о минувшей славе, о былом величии». Убытки, причиненные пожаром, исчислялись приблизительно в 10 миллионов.

Следователь, ведший дело о пожаре, подозревал поджог, почему из конторы театров были затребованы сведения относительно назначенной ревизии всех костюмов, а также о найденном около театра снопе соломы. Из ответа конторы видно, что ревизии в театре производились ежегодно. На отношение же следователя Директор театров А.М. Геденов ответил, что он требуемые сведения не находит способствующими к открытию истинной причины пожара, и что [об] этом предмете собираются сведения, которые Директором будут представлены на высочайшее благоусмотрение. Каковы были собранные сведения, осталось неизвестным. Причины пожара открыты не были, и дело было закончено.

С пожаром Большого Театра тесно связано имя крестьянина Ярославской губернии Василия Марина, о геройском поступке которого узнала почти вся Россия. Пожар Большого театра не обошелся без человеческих жертв. Трое рабочих, спасаясь от огня, выскочили на крышу. Двое из них, не видя спасения, решились броситься на мостовую и разбились до смерти. Третий, Петров, колебался. Вдруг из толпы вышел какой-то мужичек, сбросил полушубок и, захватив с собой веревку, полез по лестнице, далеко недостижавшей крыши, где в беспомощном состоянии стоял Петров. Марин — это был он — начал карабкаться по водосточной трубе. Достигнув карниза, он встал на него и бросил Петрову веревку, по которой последний благополучно спустился на землю. Когда Марин вместе со спасенным от верной гибели Петровым появился в толпе, то последняя бросилась к бесстрашному крестьянину, целовала его и совала в руки деньги. Но Марин неловко чувствовал себя в неожиданной роли героя. Он незаметно скрылся и в тот же день уехал к себе в Колпино, где служил на фабрике котельщиком. Слух о геройском поступке Марина дошел до Государя. Император Николай Павлович пожелал видеть его. И колпинского котельщика привезли во дворец. Государь обратился к нему со следующими словами: «Спасибо за доброе дело. Поцелуй меня и расскажи, как тебе Бог помог». Внимательно выслушав бесхитростный рассказ котельщика, государь наградил его серебряною медалью за спасение погибающих*.

Вскоре после пожара по высочайшему повелению поручено было некоторым художникам-архитекторам заняться составлением проектов возобновления театра и представить их на рассмотрение особой Комиссии, учрежденной для этой цели при Главном управлении Путей Сообщения и Публичных Зданий. Из представленных проектов высочайше утвержден был 3-го мая 1855 года проект главного архитектора императорских театров [А.] Кавоса. В том же месяце приступлено было к постройке. Почетный гражданин Тарасов предложил Дирекции свои услуги для выполнения проекта. Работы производились под руководством Кавоса и под наблюдением архитекторов [А.С.] Никитина и Стальпа.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ В архивных деле и описи дана ошибочная датировка — 1920-е гг.
- ² Корпус усадьбы П.Е. Пашкова; в 1830-е гг. арх. Е.Д. Тюриным перестроен под университетскую церковь св. Татианы.

* Марин помер в глубокой старости в глуши Ростовского уезда в 1900 г. Один из драматургов вдохновился подвигом Марина и написал на эту тему драму: «Подвиг Марина при пожаре Московского Большого Театра», которая шла на сцене Александринского театра 29-го сентября 1853 г. в бенефис режиссера Яблочкина. Фаддей Булгарин разбирал художественные достоинства пьесы и нашел ее достойной похвалы.

- ³ К. И. Росси (1775—1849), итальянец по рождению, русский архитектор, создатель ансамблей Петербурга, один из основоположников русского ампира; в 1708 г. командирован в Москву в Экспедицию Кремлевского строения (московские постройки не сохранились).
- ⁴ Дворец С. С. Апраксина (1790-е гг., арх. Ф. И. Кампорези), перестроен в XIX в., комплекс зданий между Пречистенским (ныне Гоголевским) б-ром, ул. Знаменкой и Б. Знаменским пер.; корпус по ул. Знаменка перестроен в 1940-е гг. Александровское военное училище располагалось здесь в 1849—1917 гг. Ныне комплекс зданий занимает Министерство обороны РФ.
- ⁵ А. П. Тормасов (1752—1819), московский главнокомандующий в 1814—1819 гг.
- ⁶ Д. В. Голицын (1771—1844), московский генерал-губернатор в 1820—1841 гг.
- ⁷ К. А. Тон (1794—1881), русский архитектор, крупнейший представитель архитектуры эклектики (русско-византийского стиля), академик, профессор, ректор архитектурного отделения Императорской Академии художеств.
- ⁸ Это предложение вписано автором внизу листа без указания места для вставки — в эту часть текста помещено публикаторами.
- ⁹ О. И. Бове (1784—1834), архитектор, главный архитектор (по фасадической части) Комиссии для строений в Москве, руководившей восстановлением Москвы после пожара 1812 г. и дальнейшей планировкой, застройкой и благоустройством города. Строительство Петровского театра шло под эгидой Комиссии для строений; переработанный проект театра А. А. Михайлова был представлен О. И. Бове на утверждение Комиссии в 1821 г.
- ¹⁰ М. А. Дмитриев (1796—1866), поэт, критик, переводчик, мемуарист.
- ¹¹ М. С. Щепкин (1788—1863), актер, один из основоположников русской актерской школы.
- ¹² См.: статью Э. В. Готье «Воксал в Петровском парке», помещенную в этом сборнике.

НИКОЛЬСКИЙ Виктор Александрович (1875–1934)

*Искусствовед, критик, историк искусства, беллетрист,
популяризатор древнерусского искусства*

Родился в Москве. Сотрудник московской газеты «Русское слово», был редакционным секретарем до ее закрытия в 1917 г., затем работал в ряде советских издательств. Член Государственного ученого совета в 1920-е гг., действительный член Государственной академии истории материальной культуры, председатель секции декоративных искусств Государственной академии художественных наук.

В 1928 г. арестован, находился в Бутырской тюрьме, сослан в Сибирь, был на поселении в Саратове. В последние годы жизни работал консультантом при издательстве «Всекохудожник». По некоторым сведениям, скончался в Ялте.

Творческие интересы Никольского были чрезвычайно широки: в дореволюционный период подготовил к изданию альбом «Сто русских литераторов», написал работы о творчестве русских и иностранных художников, скульпторов; автор монографии о В.И. Сурикове (1910 г.); главным его монументальным трудом стала «История русского искусства» (1915, 1923 гг.).

Автор популярных книг: «Старая Москва: историко-культурный путеводитель» (Л., 1924) и «Музей декоративного искусства (Оружейная палата)» (Пг.; М., 1923). Путеводитель подвергся критике ряда членов «Старой Москвы» на заседании 22 мая 1924 г.

На заседаниях «Старой Москвы» выступал дважды — 12 февраля 1916 г. с докладом «Московские князья и графы» и 28 октября 1926 г. с воспоминаниями о Шмаровинских «средах».

МОСКОВСКИЕ КНЯЗЬЯ И ГРАФЫ

*доклад на 58-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
12 февраля 1916 г.¹ (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 47. Д. 38. Л. 1–12; архивное дело)

Рукописный текст, синие чернила, встречается карандаш, с правкой, вставками. Листы односторонние (один — двухсторонний), разлинованные, сшитые. Есть чернильное пятно.

Разработка материалов по истории Москвы, так оживившаяся за последние годы, почти не коснулась еще общей истории московского землевладения.

Между тем, труды в этой области, несомненно, могли бы осветить многие чрезвычайно интересные и важные вопросы московского прошлого.

Разве не интересно было бы знать, например, где, на каких улицах, расселялись в различные эпохи представители знатных русских фамилий, как росло и уменьшалось число родовитых домохозяев Москвы, как нарождались среди аристократии крупные московские землевладельцы и т.п.?

Общие исторические обзоры московского землевладения, интересные сами по себе, при дальнейшей разработке привели бы к установлению истории отдельных почему-либо особенно интересных владений, а в конечном результате дали бы богатые материалы для истории московских улиц для того идеального исторического путеводителя по Москве, который раскрывал бы любознательному москвичу и путешественнику прошлое каждого дома, каждого владения, имеющего право на наше внимание.

Отнюдь не имея в виду дать исчерпывающий труд в этой области, мы попытались разработать вопрос о княжеском, графском и баронском землевладении в Москве за последние два века в самых общих чертах и притом исключительно по опубликованным уже материалам, не прибегая к архивным разысканиям.

Вопрос настолько обширен, что для осуществления поставленной задачи — дать подготовительный, так сказать, черновой очерк — оказалось вполне достаточным использование лишь части печатных материалов. Источниками для настоящего очерка послужили следующие издания:

Хранящаяся в московском Архиве Министерства юстиции «Перепись московских дворов» 1716 года, произведенная по указу царя Петра «для определения впредь о сборе великого государя денежной казны». К сожалению, часть этой переписи, относящаяся к Замоскворечью, к Кремлю и Китай-городу, не разыскана и не опубликована, но этот пробел отчасти восполняется книгой Камер-коллегии по сбору мостовых денег на пятилетие 1718—1723 годов, составление которой должно относиться приблизительно к тому же времени, что и перепись. Данных же о знатном землевладении в Замоскворечье, относящихся к 1716 году, нам отыскать не удалось.

Изданный в двух томах в Москве в 1793 году «Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку имена владельцев домов сей столицы»² и т.д.

Изданный в 1853 г. «Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы», составленному Хотевым³.

«Алфавитный список улиц города Москвы», напечатанный в приложении к изданию «Вся Москва» на 1915 год.

Указанные источники рисуют не безошибочные, конечно, в частности, но верные в общем, картины московского землевладения в три различных момента: в последние годы блестящего века Екатерины, к концу царствования Николая Павловича и в наши дни.

В 1793 г., в эпоху расцвета аристократической жизни Москвы, в ней насчитывается 340 владельцев княжеских, графских и баронских фамилий,

владельцев 507-ю дворовыми местами. Через шестьдесят лет число владельцев и владений уменьшается вдвое. В 1853 г. находим 169 владельцев вместо 340 и 256 владений вместо 507. В 1915 году в строго городских границах Москвы видим всего уже 105 владельцев и 140 владений. Надо заметить, впрочем, что за последнее сорокалетие аристократическое домовладение в Москве почти не испытывает колебаний: по адрес-календарю Москвы 1875 г., владельцев было 115 (на 10 больше, чем теперь), а владений 139 (на одно меньше нынешнего числа).

Неполнота сведений по 1716 году лишает нас возможности ввести в эту статистику землевладение данной эпохи. Но, если из списка владений 1915 г. исключить данные по Замоскворечью, то мы получим следующие цифры. В 1716 году было 193 владельца и 243 двора, а через двести лет владельцев осталось 97, а владений — 130.

Данные о московском землевладении 1716 года, не смотря на их неполноту, настолько интересны, что мы позволим себе несколько остановиться на них, прежде чем перейдем к картинам позднейших эпох.

В списке московских дворовладельцев Кремля, Китая, Белого и Земляного городов 1716 года встречаем супругу царя Феодора Алексеевича царицу Марфу Матвеевну, владеющую загородным двором в приходе Ермолая на Козьем болоте⁴, супругу Петра — царицу Екатерину Алексеевну, владеющую двором в приходе Георгия в Лучниках (на Лубянском проезде), царевну Наталью Алексеевну — двор в приходе Бориса и Глеба на Поварской⁵, «милитицкую» царицу Екатерину Давыдовну, мать калмыцкого царевича Ульяну Филипповну Кучумову, вдову сибирского царевича княгиню Аксиныю Федоровну и двух царевичей: сибирского — Василия Алексеевича, и калмыцкого — Ивана Васильевича.

Из отдельных владений 1716 г. нельзя не упомянуть немного не дожившие до двухсот лет знаменитые палаты князя Матвея Петровича Гагарина на Тверской в приходе Василия Кесарийского⁶. Загородный двор князя Матвея находился в то время в приходе Знамения за Петровскими воротами. Здание Ново-Екатерининской больницы⁷, первоначально построенное, к слову сказать, именно в 1716 году, находится на месте этого гагаринского загородного двора.

Интересно отметить, между прочим, что в том же приходе Знамения в 1716 г. значатся еще два княжеских загородных двора: Богдана Ивановича Гагарина и Ивана Ивановича Щербатова, ныне Петровские казармы⁸.

Едва ли не единственным во всей Москве владением, остающимся двести лет в руках одного рода, является дом графа Сергея Дмитриевича Шереметева на Никольской⁹, значащийся в 1716 г. за родоначальником Шереметевых — фельдмаршалом Борисом Петровичем.

В приходе Гавриила архангела на Чистых прудах находим в 1716 году отошедший под почтамт двор светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, ярким воспоминанием о котором служит Меншикова башня.

Дворы сподвижников великого Петра рассеяны по всей Москве. У Смоленских (Арбатских) ворот в приходе Тихона Чудотворца¹⁰ живет первый министр граф

Гаврило Иванович Головкин. На Тверской в приходе Космы и Дамиана в Шубине живет генерал-пленипотенциар¹¹ князь Яков Федорович Долгоруков. Князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский владеет хоромами на Большой Никитской в приходе Вознесения (ныне дом Семенковича №22¹²). В приходе Николы Стрелецкого¹³ у Боровицкого моста находим дом графа Никиты Моисеевича Зотова.

Как интересно было бы точно определить местонахождение владений всех этих «птенцов гнезда Петрова».

Перенесемся теперь в Москву конца блестящей екатерининской эпохи, в ту Москву, которая в один вечер давала до 40 балов в одних только дворянских домах.

В 1793 г. в Москве насчитывается 85 фамилий знатных владельцев (53 княжеских, 28 графских и 4 баронских). По числу владений на первом месте стоят Голицыны — собственники 56 дворов. За ними идут Долгорукие — 26 владений, Волконские — 25 и Шаховские — 23 владения. Пятое место принадлежит Трубецким (22 владения), шестое — Гагариным (19 дворов), седьмое — Щербатовым (15 дворов). Графы Шереметевы и Орлов-Чесменский владеют 26 дворами, Барятинским принадлежит 11 дворов, Прозоровским, Разумовским и Черкасским — по 10 дворов.

Среди московской знати видим уже отдельных крупных собственников. На первом месте владелец 13-ти земельных участков герой Чесмы — граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский. Ни одно из его владений не дошло до нашего времени. Радикально перестроен в тридцатых годах минувшего века (XIX в. — *сост.*) Нескучный дворец графа¹⁴. Хорошо известный Московскому археологическому обществу дом общины «Утоли моя печали» на Петропавловской улице в Лефортове¹⁵, приписываемый Орлову-Чесменскому, в 1793 г., если верить «Указателю», еще не был собственностью графа Алексея Григорьевича. Отметим попутно, что в литературе о Москве есть указания, будто этот дом-дворец был выстроен лефортовским богачом екатерининской Москвы — фабрикантом Матвеевым.

Графу Николаю Петровичу Шереметеву в 1793 г. принадлежало 10 дворовых мест и в их числе поныне остающиеся в роду Шереметевых дома на Никольской и в Черкасском переулке. За Шереметевым значится и нынешний дом Анофриевых на Семеновской улице.

Из восьми владений, принадлежавших в 1793 г. графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, судьбе угодно было сохранить одно почти в неприкосновенности. Это дом графа С.Д. Шереметева на Воздвиженке¹⁶, выстроенный Разумовским по плану, быть может, самого Кваренги в 1780 г. и проданный в начале XIX века Шереметеву за громадную по тем временам сумму — 400 000 рублей. Наружный вид дома сохранился почти без перемен, несмотря на серьезные внутренние перестройки. Зато исчез знаменитый в свое время по роскоши дом Разумовского на Девичьем поле — на загородном графском дворе в приходе Знамения в Зубове¹⁷. Нет следов и от графского дома на Поварской в приходе Симеона

Богоприимца. Ничем не замечательный дом купца Коровкина (Тверская, №70) занимает место четвертого дома графа Кирилла Григорьевича. Не имеется у нас и сведений о судьбе владений Разумовского на Шаболовке, Б. Якиманке и в Трубниковском переулке. Восьмым владением графа в 1793 г. был двор на Гороховом поле, на котором графу Алексею Кирилловичу еще при жизни отца и в момент составления «Указателя», в 1790—[17]93 гг., знаменитый М. Ф. Казаков выстроил дом, по счастью, живой и поныне.

Разыскать следы, а, если возможно, и проекты всех владений Разумовского 1793 года было бы особенно интересно, потому что Кирилл Разумовский любил красивые здания и умел вверять свои постройки первоклассным мастерам.

Из семи владений князя Дмитрия Юрьевича Трубецкого уцелел лишь один дом на Покровке (мужская гимназия)¹⁸.

Исчезли шесть дворов графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. Из них особенно интересен был дом графа на Маросейке (ныне Грачевых)¹⁹, занявший место палат боярина Артамона Матвеева.

Но многое, многое погибло. На нашей памяти сломан и заменен зданием Консерватории на Б. Никитской дом княгини Екатерины Романовны Дашковой. Величественно возвышается козаковский храм Вознесения на месте палат светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Один нарек остался от дома знаменитого графа Остермана на Садовой...

Не будем вписывать новые утраты в этот синодик и, минуя пожар 1812 года, — смело могущий служить темой для отдельного исследования, — перенесемся к Москве 1853 года.

В списках московских домовладельцев видим теперь представителей 71-й знатной фамилии (41 княжеская, 26 графских и 4 баронских). В распределении владений по родам — неизбежные перемены. Первое место по числу владений занимает теперь граф Дмитрий Николаевич Шереметев, воистину первый домовладелец николаевской Москвы. Ему принадлежит 40 владений, почти одна шестая общего числа московских аристократических владений. Второе место занимают Голицыны — 21 владение. За ними идут: Панины — 13 владений (из них собственником 13-ти является граф Виктор Никитич), Толстые — 12, Шаховские — 11 и Долгоруковы — 10 владений.

В домовладельческом списке 1853 года редко звучат уже отголоски екатерининской Москвы. На углу Фурманного пер. и Черногрязской-Садовой видим дом графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской (ныне Чумакова), а в Рогожской в Безымянном пер. стоит дом сына екатерининского орла — графа Сергея Петровича Румянцева-Задунайского (ныне дом Чирикова в Бол. Покровском пер.²⁰).

Зато в изобилии появляются владения новых знатных собственников, неведомых екатерининской Москве: княгиня Авалова, барон Боде, графы Бобринские, княгиня Бибарсова, графы Виельгорский и Гудович, княгиня Девлет-Кильдеева, графы Зубовы, Зотовы и Закревский, баронесса Корф,

князья Маматов, Мустафин и Мансырев, княгиня Мансурова, графы Марков и Орлов-Денисов, графини Стенбок-Фермор и Самойлова, графы Уваров и Флейнмин, княгиня Яшвилль, бароны Розен, Толь, фон-Рейхель.

В настоящее время Москва насчитывает лишь 55 знатных домовладельческих родов (30 княжеских, 17 графских и 8 баронских).

По числу владений, первое место, как и в 1793 году, занимают Голицыны — 15 владений, а второе Гагарины — 13 владений.

В списках 1853 г. мы нашли 26 знатных владельческих фамилий, неведомых Указателю 1793 г. Теперь, по сравнению со списками 1853 г., находим 29 новых фамилий. Знатные владельцы непрерывно приливают в Москву на протяжении всех двухсот лет, а постоянное ядро московских знатных домовладельцев состоит всего из 16 фамилий. Князья Волконские, Вяземские, Горчаковы, Голицыны, Гагарины, Долгоруковы, Козловские, Куракины, Мещерские, Оболенские, Трубецкие, Урусовы, Хилковы, Щербатовы, Юсуповы и графы Шереметевы — вот представители коренных москвичей за последнее двухсотлетие.

Интересно отметить также постепенное уменьшение в Москве числа княжеских владельческих фамилий (53 в 1793 г., 41 в 1853 г. и 30 в 1915 г.), наряду с тем фактом, что с 1793 г. графское землевладение в Москве неизменно составляет более половины княжеского: в 1793 г. — 28 фамилий, в 1853 г. — 26 и в 1915 г. — 17 фамилий.

Территориальное распределение аристократических владений в Москве рисует интересные картины жизни некоторых московских улиц.

Почти сплошь занятая ныне больницами и богадельнями Большая Калужская улица в 1793 г. была вполне аристократическою. На ней находились в то время владения князей: Бярятинского, Вяземского, Голицыных, Козловского, Трубецкого; графов: Воронцова, Орлова-Чесменского, просто Орлова, графини Шуваловой, барона Строганова — словом, целых 11 владений знатных фамилий. И за шестьдесят лет, к 1853 г., на Б. Калужской не осталось ничего, кроме маленького владения княгини Шаховской.

На Девичьем поле и в Хамовниках в 1793 г. встречаем фамилии князей: Голицыных, Долгоруковых, Ростовскую-Касаткину, Трубецкого, Урусова; графов: Апраксина, Головкина, Дмитриева-Мамонова, Мусин-Пушкина, Орлова, Разумовского, Шереметева — всего 15 владений. Через шестьдесят лет их уже одиннадцать. Осталась княгиня Голицына, графы Дмитриев-Мамонов и Шереметев; появились вновь князья: Вадбольский, Оболенские и Туркестанов и графы Панин и Уваров. Еще шестьдесят лет — и уже нет ни одного знатного владельца, и только некоторые улицы и переулки (Трубецкая, Несвицкий, Оболенский и Трубецкой пер.) хранят память о былом этого района.

Бронные и Козица, еще недавно такие демократические, почти сплошь заселенные учащеюся молодежью, двести лет назад, в 1716 году, были аристократическою местностью. Кроме царицы Марфы Матвеевны, здесь имели свои дворы княгиня Байберекова и князья: Дашковы, Долгоруков, Козловские, Куракин,

Одоевский, Урусов, Шихматов и Щербатовы. В 1793 г. аристократический характер местности становится еще ярче. Волконские, Гагарины, Голицыны, Горчаковы, Екатерина Романовна Дашкова, Долгоруковы, Мещерские, Мусины-Пушкины, Сибирские, Салтыковы, Хованские, Цициановы, Черкасские, Щербатовы — вот землевладельцы будущего Латинского квартала Белокаменной. Через шестьдесят лет из пятнадцати владельцев здесь остается один граф Шереметев, владеющий землею на углу Козихинских переулков.

Особенно ярка коренная перемена в составе владельцев в отношении Тверской и прилегающих переулков, за исключением Леонтьевского, о котором упомянем особо. В 1793 г. на Тверской находим владения 25 князей и графов. В 1853 г. княжеских и графских владений остается только 9, а теперь — лишь 5.

Среди домовладельцев Леонтьевского переулка в 1793 г. встречаем княгинь: Волконскую, Гагарину и Черкасскую, князя Долгорукова и барона Черкасова. В 1853 г. остаются только княгиня Трубецкая, князь Юсупов и граф Толстой. Теперь в переулке значится только один дом — графини Прасковьи Сергеевны Уваровой²¹.

Но история аристократических московских улиц знает и другие картины. В 1793 г. на Поварской было 9 аристократических владений: Долгоруких, Несвицкой, Прозоровских, Кирилла Разумовского, Хилкова, Цициановой и Щербатова. В 1853 г. их осталось лишь три: графов Зубова и Моркова и барона Боде. Но теперь аристократическое домовладение на Поварской возрождается снова. Мы находим на ней 6 владений, принадлежащих княгине Гагариной, графиням: Олсуфьевой, Сологуб, Шуваловой, графу Хрептовичу-Бутеневу и баронессе Мейендорф.

Несмотря на постоянные перемены в названиях московских улиц и переулков, некоторые из них до сих пор хранят в своих названиях память прежних знатных домохозяев. Таковы: Волконские переулки на Самотеке, Волхонка (или точнее Волконка), переулки: Гагаринский, Долгоруковский (ныне Никитский — *сост.*), Мерзляковский (Мамстрюковский — по отчеству владельца князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского), Настасьинский (по имени жены домовладельца княгини Анастасии Афанасьевны Волконской), Несвицкий (Несвижский — *сост.*), Оболенский, Орловский (у Трифона в Напрудной), недавно устроенная на Яузе у бывшего сада Разумовских — Разумовская (ныне Академика Туполева — *сост.*) набережная, Трубецкая улица и переулок (ныне пер. Хользунова — *сост.*) на Девичьем поле, Большой Черкасский, Бол. Чернышевский (ныне Вознесенский — *сост.*) и Шереметевский (ныне Романов — *сост.*) переулки.

Теперь лишь на 7 из этих 16-ти проездов находим 12 владений знатных фамилий, а в остальных 9-ти нет уже ни одного аристократического владения.

Позволяем себе закончить настоящий, далеко не полный, конечно, очерк аристократического землевладения в Москве за последние двести лет — желанием более широкой и всесторонней разработки вопроса, которая может быть достойно выполнена лишь общими силами членов комиссии Старой Москвы.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ В архивных деле и описи дана неправильная датировка — 1920-е гг.
- ² Указатель Москвы: Показывающий по азбучному порядку имена владельцев всех домов сей столицы; каждый дом, в которой части города, в котором квартале, под каким номером, где в приходе, на какой главной улице или в каком переулке находится: С приложением иллюминированного плана Москвы, на части разделенной: В 2 ч. — М., 1793. — 413, 470 с.
- ³ Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы, составленному по распоряжению г. московского обер-полицмейстера... генерал-майора Лужина А. Хотевым. — М., 1852—1853. — 184 с.
- ⁴ В районе совр. ул. Б. Садовой, Ермолаевского, Козихинского пер.; храм не сохранился.
- ⁵ Храм не сохранился.
- ⁶ Палаты не сохранились, снесены в начале XX в.; храм не сохранился.
- ⁷ Ныне здание входит в комплекс владений Московской городской думы («Московский парламентский центр»; Страстной б-р, д. 15/29 стр. 1).
- ⁸ Петровские казармы — построены в 1800 г., в 1820-е гг. здание перестроено арх. Ф. Шестаковым, в 1950-е гг. реконструировано. Ныне — здание ГУВД Москвы (ул. Петровка, д. 38).
- ⁹ Шереметьевское подворье — ул. Никольская, д. 10/2; корпус по Никольской полностью разобран и выстроен заново в ходе полной реконструкции в начале XXI в.
- ¹⁰ Храм не сохранился.
- ¹¹ Пленипотенциар — полномочный посол, министр. Я.Ф. Долгоруков — единственный имел должность генерала-пленипотенциара-кригс-комиссара.
- ¹² Дом сохранился с тем же адресом — ул. Б. Никитская, д. 22; доходный дом В.Н. Семенкевича построен в 1870-е гг.
- ¹³ Храм не сохранился.
- ¹⁴ Речь идет о дворце в бывшем имении П.А. Демидова в Нескучном; в 1790-е гг. имение приобрел Ф.Г. Орлов, перестроивший дворец, затем имение перешло к его племяннице Анне, дочери А.Г. Орлова-Чесменского (в ее малолетство управлял имением); в 1830-е гг. в выкупленном казной Нескучном Е.Д. Тюрин перестроил дворец для императорской фамилии (Александровский дворец); ныне — старое здание Президиума РАН (Ленинский просп., д. 14).
- ¹⁵ Входит в комплекс зданий городской клинической больницы №29 (Госпитальная пл., д. 2 к. 2, 3, 6).
- ¹⁶ Дом Разумовского—Шереметева (ул. Воздвиженка, д. 8/1 стр. 1).
- ¹⁷ Храм не сохранился.
- ¹⁸ Дворец Апраксиных-Трубецких («Дом-комод») построен в 1760-е гг.; с 1861 г. в здании находилась 4-я мужская гимназия (ул. Покровка, д. 22).
- ¹⁹ Первоначально владение принадлежало купцу М.Р. Хлебникову. М.С. Грачев приобрел особняк в 1870-е гг.; ныне это — посольство Республики Беларусь (ул. Маросейка, д. 17/6 стр. 1).
- ²⁰ Оба упомянутых переулка (Безымянный и Б. Покровский) были переименованы; ныне не существуют.
- ²¹ В доме Уваровых в Леонтьевском пер. (д. 18) была создана в декабре 1909 г. Комиссия Московского Археологического общества по изучению Старой Москвы; здесь часто проходили ее заседания; здание сохранилось.

ОГНЕВ Иван Флорович (1855–1928)

Гистолог, д-р медицины, заслуженный профессор Московского университета (1914 г.), действительный статский советник, член-корреспондент МАО

Родился в семье московского врача Ф.И. Огнева, предки которого по материнской линии происходили из казачьего рода Полетика. Мать происходила из обрусевшей французской семьи. Иван Флорович учился в Московской Петропавловской немецкой школе, закончил в 1874 г. 4-ю Московскую гимназию. В 1879 г. окончил медицинский факультет Московского университета, а в 1884 г. после защиты диссертации занял должность прозектора; в 1891 г. стал профессором и зав. кафедрой. В течение ряда лет читал курс по гистологии на Московских высших женских курсах.

С осени 1919 г. жил в Сергиевом Посаде, так как его московская квартира не отапливалась. Ушел из Московского университета в 1924 г. в связи с тяжелой болезнью.

Похоронен на Пятницком кладбище в Москве.

И.Ф. Огнев избран в члены Комиссии по изучению старой Москвы в 1914 г., в 1920 г. стал членом-корреспондентом МАО. Дважды выступал на заседаниях с докладами: «О профессорах Московского университета 70-х гг. XIX столетия» (49-е засед. 13.02.1915 г.), «Воспоминания о профессоре Московского университета А.П. Богданове»¹ (66-е засед. 31.01.1917 г.; заседание состоялось в доме Уваровых, и П.С. Уварова выступила в прениях, вспоминая этнографическую выставку 1877 г.).

И.Ф. Огнев участвовал в прениях (1918 г.). Видимо, в связи с переездом в Сергиев Посад в 1919 г. он не принимал более участия в работе Комиссии. На 363-м заседании 16 февраля 1928 г. П.Н. Миллер, сообщая о смерти И.Ф. Огнева, назвал его «старейшим членом “Старой Москвы”».

О ПРОФЕССОРАХ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 70-х ГОДОВ XIX СТОЛЕТИЯ

*доклад на 49-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
13 февраля 1915 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 83–87; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с правкой и вставками; листы с оборотами, разлинованные, пожелтевшие. Запись сделана И.С. Беляевым.

...Докладчик доложил, что в Комиссии много говорилось по топографии Москвы, и ему первому приходится сказать о старых людях в Москве

в Университете, в центре тогдашней московской жизни, когда старое и новое стояли рядом, как огромные дома вместе с маленькими, в Университете старое и молодое жило вместе, и личная индивидуальность была яснее. Свои воспоминания И. Ф. Огнев начал о профессоре Алексее Ивановиче Полунине², декане Медицинского факультета и о первом его впечатлении на слушателей, когда в аудиторию ввалилась огромная человеческая масса в шубе с колоссальным стоячим воротником, из которого потом показалось большое лицо в очках, шишка сбоку. Он медленно сел в кресло и с торжественностью стал не читать, а положительно петь, начиная каждую лекцию всегда одинаковым вступлением: «Прошлым разом мы беседовали...» и т.д. В аудитории Полунина называли по имени, но как только он выходил за ее порог, он сейчас же делал всякому, кто его так называл, замечание: «Какой я, Алексей Иванович, я господин декан!». Практические занятия Полунина происходили в маленьком флигеле Екатерининской больницы на Страстном бульваре³, где всего при двух каминах тепла было не более 4 градусов, и студенты ходили в шубах и калошах. У него был любимец, служитель Иван Иванович Латыш, которого Полунин называл по имени и отчеству и говорил ему «вы», тогда как Латыш обращался с профессором на «ты». Однажды слушатели сыграли с ними забавную сцену. Когда среди занятий Полунин приказал Латышу, которого не было в зале, что-то принести и ему дать, один из студентов, подражая голосу служителя, ответил: «Не дам!». Полунин стал уговаривать: «Как же вы, Иван Иванович, не исполняете приказаний профессора?» — «Сказано тебе, что не дам», — вновь говорил студент при хохоте всех присутствующих. Полунин опять принялся упрашивать, и как раз в это время появился Латыш, посмотрел на профессора и, крикнув ему: «Видимо ума рехнулся!», повернулся к нему спиной и ушел из залы. В другой раз одному из студентов на экзамене он поставил двойку, тот переспросил Полунина и, когда узнал, что его балл — двойка, тотчас же заметил: «Когда вы мне поставили двойку, мне ничего не остается как только застрелиться» и быстро удалился вон. А.И. Полунин во все время экзамена думал, как бы исправить дело. К нему на помощь пришел суб-инспектор Андрей Михайлович Богословский, «невероятный ругатель». С ним вместе А.И. Полунин отправился на квартиру студента, оказавшегося лежащим в постели. Полунин сказал ему, что поставил ему тройку с минусом — балл переводный, только «дайте расписку, что не застрелитесь», — прибавил он, что студент и исполнил. При приеме больных он был редким бессребреником и, когда ему давали большую плату, он всегда возражал: «мне это много», и давал сдачи. В нем таился высокий дух и характер, он мог даже радоваться чужою радостью. Перед смертью он жил в теперешнем доме Лионского кредита на Кузнецком мосту, тогда еще имевшем пред собою садик. У него появилась подозрительная опухоль всех частей тела, он шутил, что у него «болезни бедные», но ничем не пользовался, потому что не верил ни в какие лекарства.

Григорий Антонович Захарьин⁴ — высокий, бледный, с пронзительными умными глазами, в очках, с подкрашенными волосами, с тростью в руках и с манерою стучать пальцем при произношении. У него был большой, быстро схватывающий, ясный ум, огромный талант и наблюдательность, он по достоинству считался лучшим лектором и диагностом, но в его распоряжении и в применении было не более каких-нибудь 10 лекарств. Его ассистент, в настоящее время известный в Москве доктор, рассказывал докладчику, как однажды на приеме у Захарьина, когда последний уже значительно устал, к нему ввалился толстый упитанный купец, большой нахал, позволивший дерзко обходиться с профессором; Захарьин набросился на купца, стал стучать стулом, крича при этом: «Как обжора и пьяница, ты возражаешь, если ты так будешь пить, то умрешь»; стал при этом махать тростью, зажал, наконец, купца в угол, сам упал в кресло, а купец убежал. «Теперь он до гробовой доски меня не забудет», — говорил потом Захарьин. Но сейчас же после купца к нему в кабинет вошла дама порядочного общества и была очарована его приемом. По-видимому, он знал, с кем как обходиться, и потому свои приемы он делал сознательно. Про его капризы и жадность также много было рассказов, но при видимой жадности к деньгам, он все-таки много умел делать добра, но зная по своей бедности в молодости, как трудно зарабатывать деньги, он их зря никогда не тратил.

Александр Иванович Бабухин⁵ был величайшим русским ученым, умевшим внушить глубокую любовь к своему делу. Докладчик вспоминает лекцию Бабухина в низкой аудитории, переполненной студентами. Шла какая-то темная фигура в осеннем пальто, в маленькой шапочке на голове, длинные усы и борода, напоминавшие иконы святых, как Преподобный Сергей Радонежский. Он казался взволнованным и нервным. Начал лекцию тихим голосом и приковал все наше внимание — очарование было полное. В своей внутренней жизни он глубоко презирал женщин, говорил, что они не могут учиться; в квартире он презирал жену и своих домашних, от которых его комната отделялась перегородкой и была так устроена, что обед ему подавался почти автоматически. Всю жизнь он боялся простуды, почему у него на пальто надевалась еще шуба, на голове шапочка, а сверху еще покрывало. Ходить он не любил и не мог, только ездил. Бывал только за границей, где ходил и пешком. В Берлине они шли по одной из улиц вместе с докладчиком; против ветра Бабухин открыл зонтик и, не обращая ни на кого внимания, пошел вперед, а ему навстречу щеголь прусский гвардейский офицер, Бабухин концом зонтика в офицера, и, к счастью, разошлись, как ни в чем не бывало. В другой раз он предложил докладчику с ним вместе пообедать в ресторане, но везде, где ни садился, Бабухин хотел сидеть, не снимая шляпы, обед уносили, и профессору с своим спутником так и не удалось взять стол в ресторане. Иногда Бабухин любил и загулять. Однажды с докладчиком отправились они в Зоологический сад, и Бабухину пришла охота сесть непременно в оркестр, и здесь он без всякой цели стал колотить

в барабан. Пришлось уйти. А. И. Бабухин следовал позитивной философии; отрицая Бога, он искал Бога, и во многом напоминал типы Достоевского.

Историческое значение этих трех профессоров, и в особенности Захарьина и Бабухина, было огромно. Наша литература стала уже давно известна в Западной Европе. Заслуги же этих трех лиц заставили там смотреть на нашу Россию, как на страну, в которой могла процветать научная работа, они добились уважения к русскому таланту, к русскому имени. Немец Генрих Мюлер молодому Захарьину дал одну научную работу, не думая, что он с ней справится, но Захарьин так прекрасно ее выполнил, что Мюлер желал даже отнять и данную, а дальше уже ему прямо завидовал. Эти профессора научили целые русские поколения научной работе, они на собственном примере доказали, что нельзя в науку приходить без собственного дара, достигнуть его нужно большим трудом, нужно приходить с своей идеей, а как подойти к тому или другому, как разобраться, способы давали названные профессора.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Текст доклада сохранился в архиве, но не включен в данный сборник, поскольку не имеет москвоведческого характера.
- ² А. И. Полунин (1820–1888), врач-патологоанатом, один из основоположников русской школы патологической анатомии, доктор медицины, декан медицинского факультета Московского университета.
- ³ Речь идет о бывшей Ново-Екатерининской больнице; ныне здание входит в комплекс владений Московской городской думы («Московский парламентский центр»; Страстной б-р, д. 15/29 стр.1).
- ⁴ Г. А. Захарьин (1829–1897), врач-терапевт, заслуженный профессор Московского университета, основатель московской клинической школы, один из основоположников отечественной курортологии, занимался разработкой методов физиотерапии, почетный член Императорской Академии Наук.
- ⁵ А. И. Бабухин (1827–1891), гистолог, физиолог, эмбриолог, основатель московской гистологической школы, значительна его роль в развитии отечественных физиологии, гистологии и бактериологии, заслуженный профессор Московского университета.

ПОПЕНЦЕВА Адда (Алевтина) Ивановна (1872–?)

Музейный работник

Сотрудница Отдела по делам музеев и охраны памятников старины Наркомпроса РСФСР. В первой половине 1924 г. являлась заведующей музеем в Донском монастыре. После 1925 г. эмигрировала.

Избрана членом Комиссии «Старая Москва» на 109-м заседании 6 октября 1921 г. Участвовала в заседаниях «Старой Москвы» в 1922–1924 гг. Выступила единожды с докладом «О Тихвинской церкви в Симоновом монастыре» (128-е засед. 29.06.1922 г.). Еще трижды выступала с информацией: о могиле отца собирателя коллекции по старой Москве С.Б. Алмазова Б.Н. Алмазова в Донском монастыре (116-е засед. 12.01.1922 г.); о намерении Москоммунхоза Моссовета уничтожить 22 московских кладбища и устроить на их месте рабочие сады (145-е засед. 22.02.1923 г.); об открытии в Китайгородской стене прежде неизвестных пешеходных заложённых ворот (180-е засед. 08.05.1924 г.).

Известно, что на 124-м заседании 4 мая 1922 г. А.И. Попенцева принесла в дар Музею Старой Москвы акварель неизвестного художника с видом на Кремль от Ивановского монастыря.

ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ТИХВИНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В СИМОНОВСКОМ МОНАСТЫРЕ¹

*доклад на 128-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
29 июня 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 48. Д. 21. Л. 1–11об.; архивное дело)

Рукописный текст, красные чернила, с исправлениями и карандашными вставками. Л. 1 — отличается от остальных, оформлен как обложка с указанием автора и названия доклада, синими и красными чернилами. Листы разнолинованные, соединенные по два листа, с оборотами. Приложены чертежи планов и зарисовки (карандаш с красными чернилами) на 6 тетрадных листах в клетку.

Тихвинская церковь строилась не сразу. Поэтому вышло такое здание, которое благодаря своей необычности, так сильно интересует, так удивляет. Она состоит из 5 неравных частей: церкви, 2-х приделов, трапезной, паперти и палаты.

Самые древние части этого здания: 1) церковь во имя препод. Сергия Рад[онежского]² 2) звонница, 3) палата.

Их строили еще много лет до пребывания царя Федора Алексеевича (1676–1682 гг. — *сост.*) в Симоновском монастыре. Но Фед. Алек., строя большую трапезную для монашествующих, соединил все 4 части — и старые, и новые — под одной крышей. Таким образом, вся постройка несет печать конца XVII-го века.

1) Церковь преп. Сергия Рад[онежского]. Эта церковь была одноглавая, 4-угольная, очень маленькая и по всем признакам похожая на церковь Всемилов. Спаса, что над Святыми воротами³ того ж монастыря или на церковь Рождества Богородицы, что в Старом Симонове. И как у этих церквей, так и у нее — не световой, а глухой купол.

Внутренняя площадь церкви имела размер около 11x13½ аршин, высота, без крыши около 14 аршин. Она была разделена от алтаря стеной (иконоostasом) белого камня, доходящей до самого потолка алтаря. Эта стена существует и ныне. Помещение алтаря с востока оканчивалось тремя полукруглыми апсидами и имело размер около 10x11½ аршин. Высота 11 аршин.

В 1840 году, когда к этой церкви пристроены были два большие придела, южная и северная стены были сломаны. Другие оставшиеся стены (они резко отличаются от стен приделов) ясно доказывают толщину и прочность прежних стен.

Под крышей теперешней церкви с приделами — с 1840 года она переименована в Тихвинскую — сохранилась часть верхней древней церкви. Видно все каменные украшения, которые тогда украшали этот маленький скромный храм. От кокошников следов осталось мало, но все идет к тому, что они действительно были.

Прилагаемый рисунок дает, может быть, не совсем точное по размеру, но приблизительное изображение древней церкви во имя преп. Сергия Рад[онежского].

Теперешняя башня над церковью была построена при царе Фед[оре] А[лексеевиче], при соединении всех зданий она была тем более необходима, потому что крыша высокой трапезной, где столовалось около 300 человек, оказалась выше, чем глава церкви.

Теперь существующая тоненькая глава — она никак не подходит к этому громадному зданию, — вероятно, это и есть прежняя глава.

Очень возможно — и, по-видимому, и нет сомнения, — что под Серг[иевской] церковью, где теперь помещаются усыпальницы, раньше существовала такая церковь, как Сергиевская.

2) Второе древнее здание: звонница. Эта звонница стояла, или лучше сказать, занимала около двух третей теперешней паперти. Это было здание весьма простое, очень прочное и почти без всякого украшения. Высотой около 26–27 аршин, причем нижняя площадка имела около 13 квадратных аршин. На этой площадке стоял четверик, с каждой стороны которого имелось по арке вышиною до 12 аршин.

Прилагаемый рисунок дает приблизительный вид древней звонницы.

При царе Фед[оре] Ал[ексеевиче], — вероятно, в это время строили красивую, ныне также не существующую звонницу при главном храме во имя Успения Б[ожией] М[атери] — древняя звонница была упразднена.

Теперь на ее месте стоит башня с гульбищем, на котором любил бывать Фед[ор] Ал[ексеевич].

Но, тем не менее, древняя звонница стоит целиком на своем старом месте. Она как будто одета в новый футляр. Стоит только с площадки над крыльцом паперти более внимательно посмотреть в эти 4 красивые, большие окна башни, тогда — к великой радости — за внешней стеной будет видно целую сохранившуюся часть древней наружной стены.

Теперь можно подняться в это помещение, где на 4-х сторонах помещались 8 отверстий для колоколов (четыре от них еще ныне видно), чтобы иметь больше понятия о звоннице.

Осталось еще идти под крышу, и там новый сюрприз: здесь перед глазами открыты три стороны звонницы. Теперь не трудно узнать ее в ее прежнем виде. От высоких арок видно только $4\frac{1}{2}$ аршин. Нижняя часть арок находится в стенах теперешней паперти. Нужно еще прибавить, что при постройке паперти звонница не оказалась в середине паперти, а на передней части. Смотри план.

3) Третье древнее здание: палата. Эта палата — 2-этажное здание с одной большой комнатой в каждом этаже. Она тесно связана со зданием древней звонницы. Вход в палату вел через арку звонницы.

По преданию, этот домик был построен Фед[ором] Ал[ексеевич]ем, который ежегодно во время постов пребывал в нем по несколько недель. Он квадратный, имеет внутреннюю площадь около 14x14 аршин. Но судя по южному фасаду нижнего этажа, который выходит в более позднюю сводчатую пристройку, труднодоступного для осмотра, этот дом по характеру наличников относится к XVI веку.

Там видно в стене три заложенные окна, и у одного даже еще остались петли от железных ставен. Почти вся стена, окна с полуколоннами, украшение (сухарики) — целиком сохранили свой древний вид. Стена не штукатурена.

Во втором этаже, в покое царя, над этой самой стеной — также капитальная стена с тремя окнами. Одно окно еще сегодня существует (оно выходит в ближайšie сени), из второго сделана дверь, третье же заложено.

(План фасада)

Теперь несколько слов о трапезной. Всем она известна своим большим помещением с голубыми колоннами у окон и у дверей.

По плану видно, где стояла Серг[иевская] церковь, где звонница, где палата. Нелегко было их соединить. Но строитель, по-види[мо]му, [с]правился

со своей задачей. Вышел дом вроде дворца. Кругом трапезной, на арках шла галерея. Рядом с трапезной храма во имя преп. Сергия была царская палатка, пристроенная к окну церкви, чтобы присутствовать невидимым народом при церковной службе. В нее дверь вела из большой монастырской трапезной.

Под трапезной были когда-то жилые помещения. Теперь они пустые и для жилья негодные.

В южно-западном углу паперти находился каменный мешок. Половина его теперь заложена. Но в первом этаже он вполне сохранился и имеет маленькое оконце, выходящее в каменную пристройку. Петли и крюки свидетельствуют о том, как крепки были запоры у двойных дверей. На полу этого мешка видно по пробитому своду — отверстие, дающее возможность предполагать, что внизу есть еще мешки. Вход засыпан землей.

Там внизу — как говорят старцы монастыря — совершались и пытка, и казни, и там внизу еще теперь должны находиться все принадлежности этих печальных судебных приемов прошлого времени. Надеемся, что в нынешнем лете удастся освободить вход от земли и проверить сказание старцев. (Местоположение мешков см. план)

* * *

Как уже сказано выше, кругом трапезной вела галерея на арках. В 1840-м году — когда к церкви пристроили два больших придела, — арки были уничтожены. Остались только незаложенные две арки под главным крыльцом паперти.

Теперь вопрос в том, в какое время состояла[сь] разноцветная роспись здания? Многие говорят, что постройка трапезной и роспись совершались одновременно. Этому противоречит пристройка приделов. Но есть еще другой факт, по которому можно легче судить. В 1842 году пристроена летняя трапезная. При прогулке под крышей этой новой трапезной обнаружилась верхняя часть зимней трапезной, в длине столько аршин, сколько новая трапезная примкнет (так в тексте — *сост.*) к старой. С улицы верхняя часть здания гладкая, под крышей же совсем другая картина. Карниз имеет зубчики и другие украшения в виде квадратных ширинок. Но следов краски там нет. Нет и штукатурки, которая покрывает здание только до крыши. По штукатурке шла роспись. И, так как штукатурка сравнительно более поздняя, чем стены, то поэтому можно легко принять, что покрасили здание после 1842 года.

* * *

Наконец, еще несколько слов об одном очень любопытном обстоятельстве.

Под крышей дома во всей длине теплой трапезной идут широкие стены, больше двух аршин, с глубокими нишами. Высота их око[ло] 1½ аршин. Верхний край везде обломан. В каждой стене по 8 арок. Арки пустые. В каждой арке

свободно могут поместиться 3 человека. Эти стены дают повод к следующим вопросам.

1) Был ли раньше потолок ровный, и построили своды после окончания стен?

2) Возможно ли, что раньше предполагалась более высокая постройка, и потом иначе решили?

3) Быть может и этот дом (трапезная) со своими (2¼ аршин) толстыми стенами — ровно как церковь, звонница и палата, существовал уже до Фед[ора] Алек[сеевич]а, и его при нем только перестроили?

4) Если каждая ниша соответствует окнам в фасаде, то почему в фасаде 6 окон, а под крышей 8 ниш?

Это пока все о церкви Тихв[инской] Б[ожией] М[атери]⁴.

КОММЕНТАРИИ

¹ Как монастырь не существует; в 1929–1932 гг. были уничтожены все храмы (Успенский собор взорван), за исключением Тихвинского, а также значительная часть ансамбля монастырских стен и башен. В 1990-е гг. Тихвинский храм возвращен Русской Православной Церкви (Подробнее см.: *Козлов В. Ф.* Православные монастыри Москвы и их культурное наследие: науч.-справ. изд. — М., 2023. — С. 440–472).

² Храм прп. Сергия Радонежского в 1840-е гг. был перестроен внутри и переименован во имя Тихвинской иконы Божией Матери.

³ Имеется в виду надвратный храм Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня; не сохранился.

⁴ К докладу прилагаются рисунки, демонстрировавшиеся автором: «рисунок карандашом древней звонницы и площадки»; «рисунок карандашом, красными чернилами: фасад в пристройке. Украшение нижнего карниза», «рисунок-чертеж карандашом, красными чернилами» приделов, трапезной, крыльца, паперти, «рисунок карандашом» части верхнего карниза трапезной под крышей, «рисунок простым и цветным карандашами» части звонницы с наложенным на него листом с вырезанными 4 окошками (подпись: «часть прежней звонницы, которая видна в окна») — Л. 6–8.

ПУАРЕ Александры Яковлевны (1854 — после 1922)

Из известной семьи подданных Франции Пуаре, живших в Москве после Отечественной войны 1812 года. Дед Александры Яковлевны — французский офицер Виктор Пуаре, был в составе наполеоновской армии, попал в плен в 1812 г., позже женился и остался в Москве (В. Пуаре и его жена были похоронены на Немецком кладбище в Москве). Его сын Яков Викторович открыл в Москве на Б. Дмитровке «Школу гимнастики и фехтования». В середине XIX в. семья В.Я. Пуаре имела семерых детей (по старшинству: Александр, Виталий, Евгения, Александра, Владимир, Эммануэль, Мария) и проживала в доме Михайловых на ул. Петровке.

Дети Я.В. Пуаре получили в Москве хорошее образование, и почти все стали известными в области культуры, искусства, военного дела. Наиболее прославились младшие: Эммануэль (†1909), уехавший во Францию и ставший известным художником-карикатуристом под псевдонимом Каранд'аш, и Мария (1863–1933) — известна как актриса, композитор, певица и поэтесса, выступала в разных театрах Москвы, написала популярные романсы «Я ехала домой», «Лебединая песня» и др. Какое-то время у нее был даже собственный театр мелодрам в саду «Аквариум».

Трое других детей продолжили дело отца — Якова Викторовича. Старший сын Александр преподавал гимнастику и фехтование в московских театральных училищах, дочери Евгения и Александра преподавали гимнастику в московских институтах благородных девиц.

Об Александре Яковлевне сохранилось мало биографических сведений. Известно, что она была активной участницей культурной жизни Москвы второй половины XIX — начала XX в., и рассказала об этом на 137-м заседании «Старой Москвы» на Берсеневке 22 ноября 1922 г.

Родители Александры Яковлевны и сестра Мария были похоронены на Ваганьковском кладбище.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ ЯКОВЕ ВИКТОРОВИЧЕ ПУАРЕ, О ТЕАТРАЛЬНОЙ МОСКВЕ [18]70-х гг.

*доклад на 137-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
2 ноября 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 48. Д. 33. Л. 1—6об.; архивное дело)

Рукописный текст, черные чернила, текст хорошо читается, с небольшой правкой. Листы большеформатные с большими полями, двусторонние, сшитые.

Первым из Пуаре, прибывшим в Россию и жившим в Москве, был мой дед Никанор Григорьевич (? — *сост.*) Пуаре. Будучи офицером 7-го егерского полка, он участвовал в походе Наполеона в Россию в 1812 году, был ранен под Бородиным, лечился от ран в Польше, где женился на Яворской (портрет-акварель). Дед был состоятельный и, переехав в Москву, занялся арендой домов. Одним из последних таких домов, в котором жил и дед с семейством, был дом Римского-Корсакова в Камергерском переулке¹, где теперь помещается Художественный театр. В этом доме дед умер, и через год после него умерла и бабушка. Оба похоронены на Введенских горах.

Воспоминаний о деде сохранилось мало. Женидьба отца на православной отдалила обе семьи друг от друга. Мало слышала и рассказов. Помню, что дед иногда возил внуков на гулянье под Новинское², где устраивались балаганы, в которых шли разные представления. Из них в памяти осталась танцовщица, женщина с бородой Юлия Пострана. Вспоминается сцена, когда антрепренер танцовщицы, какой-то англичанин или американец, ударил хлыстом, и как она продолжала танцевать. Публика выразила ей свое сочувствие, и танцовщица по окончании представления сошла к публике и пожатием руки выражала свою благодарность, вспоминается и эта маленькая рука, покрытая волосами, в белой перчатке.

Отец — Яков Викторович Пуаре, родился в Москве в 1826 году. Образование получил во французском пансионе Брюло, где-то на Большой Дмитровке или Петровке*. С ранних лет в нем замечалось пристрастие к физическим упражнениям, которое не покидало его во всю жизнь.

Вскоре по окончании курса отец вместе с Билье открыл единственную в Москве школу гимнастики, фехтования и верховой езды.

В конце [18]40-х годов отец женился на дочери московского суконного фабриканта Тарасенковой, русской. Впоследствии фабрика перешла к Бутиковым. Брат матери — доктор Тарасенков, пользовался в Москве известностью³, он, между прочим, состоял доктором Шереметевского странноприимного дома на Сухаревской площади.

После женидьбы отец открыл самостоятельное учебное заведение для преподавания гимнастики и фехтования в доме Левинсона в Рахмановском переулке⁴.

В 1856 году после коронации часть войск была оставлена в Москве, и был объявлен конкурс на преподавание в войсках гимнастики. На конкурсе победил отец, и наш бывший гимнастический зал бывал переполнен военными.

Несмотря на предложение переменить подданство, отец продолжал оставаться французским подданным, и в приезды государя в Москву при смотрах войск отец присутствовал всегда во фраке и со шляпой в руке провожал государя во время его смотров. Государь всегда очень милостиво относился к отцу.

* В 1839 г. пансион Андрея Брюло значится против Страстного м[онасты]ря в д. Корсакова.

Когда родился брат Александр, мать в шутку при обсуждении вопроса, кого пригласить в крестные отцы, указала на государя. Отец по своей прямоте и искренности тотчас же написал просьбу государю, на которую и получил согласие. Для такого кума надо было выбрать и соответствующую куму, и выбор отца остановился на супруге тогдашнего московского генерал-губернатора, прекраснейшего человека, Тучкова⁵. Заместителем государя на крестинах был назначен кн. Оболенский. В день крестин все залы нашей квартиры были красиво убраны. Весь наряд новорожденного был из лилового муара. К приезду царского курьера был поставлен стол, а на него кресло для матери, которая с большой гордостью называла себя «царской кумой».

Нас детей всего было 7 человек, из которых в настоящее время живы только двое — я и сестра Мария Яковлевна, находящаяся в Петербурге. Я родилась в 1852 году.

В 1861 году отец был послан во Францию для ознакомления с методами преподавания за границей, и, вернувшись, представил о своей поездке доклад, который командиром курсов генералом Рамзаем был найден слишком либеральным. После этого отец бросил преподавание в войсках.

В 1862 году мы переехали в другое помещение, более обширное и удобное, на Петровку против Рахмановского переулка в доме Скорняковой, где после аренды была устроена большая фехтовальная зала. Наверху помещалась наша квартира. Было устроено несколько зал для раздевания, тир для стрельбы в цель, классы для мальчиков и девочек и пр. Кроме детей, у отца обучалось много взрослых, и отец должен был составлять особое расписание, по которому и производились занятия. В числе учеников у отца были кн. Урусов, Плевако, Захарьин, Гагман, Чериков, Каспари, Шкот, Чайковский, Рубинштейн и много других. Вечерние часы отводились преимущественно для коммерсантов и служащих в коммерческих предприятиях, которые освобождались от своих занятий только к вечеру.

Кроме преподавания в своей школе, отец давал уроки во многих учебных заведениях.

Открытый отцом тир пришлось закрыть после того, как в нем один из учеников, студент, застрелился.

Кто не помнит популярной и обаятельной фигуры отца! Жили мы тогда хорошо. Народу у нас бывало очень много, и меньше всего французов.

В числе других учебных заведений отец преподавал в Театральном училище, которое помещалось там, где теперь управление Государственными театрами, на Б. Дмитровке⁶. И мать, и отец очень интересовались драматической школой, составлявшей часть Театрального училища, и часто нас, девочек, брали с собой. Вспоминается балерина Лебедева, кормившая нас конфетами, Федорова.

Кроме преподавания в Театральном училище, отец заведывал в театрах постановкой сражений, дуэлей и пр., почему имел постоянную ложу — в Большом театре 8-й бенуар, куда нас также очень часто водили.

Состояние тогдашней оперы было печальное. Скучный репертуар — «Громобой», «Аскольдова могила», и отсутствие выдающихся певцов. Из этого периода вспоминается тенор Владиславлев.

Прибытие в Москву итальянской оперы сразу изменило Большой театр, который совершенно преобразился: он представлял из себя красивое зрелище, был надушен, дамы являлись в туалетах, но лишь в ложи; в партере им полагалось быть не ближе 3-го ряда кресел и обязательно в городских костюмах и шляпах.

Началом московской итальянской оперы надо считать приезд в Москву на гастроли итальянской певицы Оноре, которая осталась в Москве и была прекрасной исполнительницей роли Вани. Вместе с ней вспоминается и русская певица Александрова-Кочетова.

Многие итальянские артисты бывали и у нас, как, например, Патти (приезжавшие для концертов), Нильсон, Арто, Станио, Падилла... (последний бывал особенно часто); посещали нас тогдашние и русские артисты — Живокини, Акимова, Никифоров и др.

Большим успехом в Большом театре пользовались дававшиеся в нем оперы и оперетты Оффенбаха.

Знакомству с артистами способствовало и наше житье на даче в Останкине, где, например, познакомились с Ек. Николаев. Васильевой, Бородиной (Варварой... (так в тексте — *сост.*)), вышедшей впоследствии замуж за Музиля.

Постоянное посещение театра и училища, естественно, пробудили в нас любовь и вкус к театру, и мы стали устраивать домашние спектакли. Мое первое выступление было в «Сцене у Фонтана», где я играла Марину, мне было всего 14 лет, я оказала успех, так же, как и мои сестры. В один из следующих спектаклей была поставлена сцена из «Марии Стюарт», прошедшая с большим успехом.

Эти успехи привели к решению устроить свой домашний театр. Об этом театре упоминает в своих записках Николай Васильевич Давыдов⁷.

Увлечение театром не мешало нашим обычным учебным занятиям. Мы воспитывались в пансионе Брок, где теперь Рукавишниковский приют на Смоленском бульваре⁸. Конечно, зачастую под тетрадкой у нас на парте во время класса лежала роль, но все же занимались мы науками усердно и успешно.

Занавес нашего театра помещался наверху, имелся и оркестр. С субботы мы начинали устраивать театр, готовились к спектаклю. Для склада декораций служило бывшее помещение тира. Декорации в большинстве писал Наврозов. Для оркестра была сделана выемка в полу.

Если для спектакля нам не хватало своих сил, мы приглашали. Мать тогда принимала участие в спектаклях, исполняя разные роли.

В нашем театре начали играть на сцене некоторые, ставшие потом известными артистами, как, например: Макшеев — артиллерийский офицер, Борисовский, кн. Урусов, Запольский, Стружкин⁹.

Наши спектакли были платные, билеты раздавались знакомым, но буфет в антрактах был бесплатный. Существование нашего театра на таких условиях объясняется отличным отношением к нам тогдашнего Московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова¹⁰. Сестра Женя успешно выступала в водевилях, я в драматических ролях. Одним из выдающихся спектаклей у нас был «Женитьба» Гоголя. Подколесина играл Владимир Васильевич Давыдов, брат Николая Васильевича, Жевакина — Багриновский, Агафью Тихоновну — мать.

Спектакли давались только зимой по несколько спектаклей в зиму. Шли: «Ревизор», «Горе от ума», переводные пьесы и водевили.

Наши спектакли посещали Рубинштейны, Глик. Ник. Федотова, Чайковский.

В последние перед смертью годы мать не принимала непосредственного участия в спектаклях, а с 1871 года, после ее смерти спектакли совершенно прекратились; все декорации отец подарил Московской Консерватории.

В 1870 году государыней было выражено желание, чтобы в женских учебных заведениях было введено преподавание гимнастики. Я и сестра...; (так в тексте — *сост.*) я в Екатерининский институт, где начальницей была Мингалева, а сестра в Александровский¹¹ (кн. Долгорукая). Мы только что кончили пансион, сами были большими детьми, и наше положение преподавательниц нас первое время сильно стесняло. В институтах нас очень баловали, и я слыла под названием «enfant gatee de l'Institut». На уроки нам приходилось проезжать Екатерининским парком, пользовавшимся плохой репутацией, но наш кучер Терентий был надежным и верным телохранителем.

После смерти матери я оказалась во главе семьи, на мне лежало все хозяйство, кроме того, приходилось давать уроки в нашем гимнастическом доме, а с 1872 года преподавать и в институте.

В том же 1872 году в Москве была Политехническая выставка в Александровском саду. Отец заведывал народными гуляниями на Варварской площади. В Александровском саду был устроен «Примерный дом хозяина», воздвигнутый на одном из холмов, примыкавших к кремлевской стене, на другом холме была построена церковь. В этом «доме хозяина» нам назначено было присутствовать при посещении выставки государем. Мы встретили государя на лестнице, отец, я и сестра... (так в тексте — *сост.*), которая отличалась полнотой. Государь, как всегда, узнал отца и, указав взглядом на сестру, спросил его: «Votre femme?»

Вспоминаются блестящие морские празднества, бывшие во время выставки, в которых большое участие принимал Московский Яхт-клуб, одним из основателей которого был мой отец¹². В первые годы основания Клуба речные гонки производились от Фон Визинской дачи (Мамоновской)¹³. В год выставки отец был вице-командиром Клуба, командиром был Нейман. Яхт-клуб устроился на даче Студенец (до строительства собственного здания на стрелке — *сост.*), где было несколько блестящих и красивых празднеств, которые посетили в[еликие] к[нязья] Алексей и Константин Николаевичи.

Вероятно, я была плохая хозяйка, т.к. наши денежные дела шли все хуже и хуже. С Петровки мы переехали на Тверской бульвар в д. Ромейко (рядом с Поляковыми), где и был наш последний гимнастический зал. Со смертью отца, последовавшей в 1877 году, дело было вести некому. Дачу продали, от наследства отказались и дело прикончили. Когда... (так в тексте — *сост.*) Архипов (наш опекун) открыл шкатулку, в ней оказались только просроченные векселя.

Мой младший брат Эммануил, впоследствии всемирно известный рисовальщик и карикатурист Каранд'аш, родился в 1859 году в Москве в доме Левинсона в Рахмановском переулке на Петровке*. С малых лет он увлекался рисованием и всегда что-нибудь чертил и раскрашивал. У Дациаро¹⁴ продавались листы с напечатанными солдатиками по 5 к. за лист; таких листов Эммануил изводил великое множество, целыми днями сидел с красками и раскрашивал их. Как дома, так и в III гимназии (на Лубянке)¹⁵, куда он поступил 10-ти лет, он учился лениво и плохо, но зато много читал, был очень развитым и с малых лет общим любимцем и баловнем. Всему классу в гимназии доставляло большое развлечение, когда Пуаре вызывали во время урока; он был большой комик, отвечать на вопросы не любил, и когда слышал с кафедры: «Садитесь, единица!», был очень доволен. Пройдя три класса гимназии, Эммануил ушел из нее. Товарищи его очень любили, и среди них у него не было врагов. В чтении очень увлекался Майнридом и всегда воплощал те типы, про которых только что [узнал]¹⁶: раскрашивал себе лицо, придумывал и составлял костюмы, переодевался и т.п. Большое впечатление произвела на него впервые приехавшая в Москву японская труппа. Помню его увлечение фигурками Гревена, он старался одеваться именно так, и у него был собственный портной Иван Данилович, человек с очень кривыми ногами и очень красным носом, живший по очень оригинальному адресу, записанному у нас: «на Бутырьках около церкви, завернуть направо, где кабак и лавка». Этот Иван Данилович шил Эммануилу всевозможные костюмы по его заказу, и во время примерки оба часто покатывались со смеху при удачно схваченной особенности костюма.

* Дом Левинсона, бывший кн. Касаткина-Ростовского значится в 1826 году под №98 на углу Петровки и Рахмановского пер., простираясь до Неглинного проезда (против Сбер. кассы). В 1852 г. значится за наследниками князя под №496; в 1909 году в прежней площади принадлежал п.п. гр. С.К. Грачеву (№22 по Петровке) и в текущую революцию сломан и разобран.

Рядом с комическими сторонами жизни людей и животных Эммануил изучал жизнь художников, в особенности баталистов Детайля, Месонье... (так в тексте — *сост.*) и др.

Несмотря на то, что братья были православными, они оставались французскими подданными, и когда Эммануилу приближалось 19 лет, ему предстояло отбывать воинскую повинность во Франции. Тогдашний вице-консул Эш посоветовал поехать ему во Францию и послужить волонтером, что он и сделал в январе 1878 года¹⁷. Я до сих пор помню, с какими мучениями я расставалась с ним, т.к. мне не удалось обставить его путешествие должными удобствами и снабдить какими-либо средствами.

(А[лександра] Я[ковлевна] прочла фельетон о Кранд'аше Льдова в «Биржевых ведомостях»).

Не могу не поделиться своими воспоминаниями о тех экипажах, которыми пользовались в Москве во время моего детства, которые я помню и «в которые» мы в детстве играли, это так называемые «гитары». Ямщики садились верхом, а дамы с двух сторон боком, причем вчетвером сесть на такого извозчика было очень трудно; дома мы строили такие «гитары» из стульев и втискивались в узкие промежутки.

И.К. Линдеман¹⁸ вместе с карандашом учился в III гимназии, где гимнастику преподавал Яков Викторович. До Я[кова] В[икторовича] гимнастика в гимназии не преподавалась. Помнит так называемую сборную, длинную комнату, где в первое время происходили уроки, всегда оживляемые веселостью преподавателя; устраивались бега в запуски с раздачей призов, которыми служила, напр[имер], зубочистка или другой подобный пустяк; вспоминаются шуточные команды, напр[имер], «мундирус надевандиус» после окончания урока и т.п. Вспоминается и гимназический зал на Петровке, и случай, который наблюдали из дома в Салтыковском переулке: напротив находился питейный дом, из которого однажды вышла пьяная компания и должно быть как-нибудь задела проходившего тут Я.В., который преспокойно расшвырял их в разные стороны и продолжил свою дорогу.

Эммануил Яковлевич, которого товарищи звали «Эммочкой», вышел не из III а из IV класса.

Учился он действительно неважно, но чертил и рисовал великолепно, это всегда отмечал тогдашний учитель рисования Заруцкий. Каранд'аш постоянно участвовал в любительских спектаклях, которые в большинстве происходили в квартире Евгения Маттэрн, с которым он вместе учился.

В.Д. Сорокоумовский, ученик Я.В. на Петровке, отлично помнит обстановку дела и коренастую, среднего роста с окладистой черной бородой фигуру Якова Викторовича; вспоминает его постоянную веселость и живость; учеников всегда поражала та легкость, с какой этот человек делал гимнастические упражнения.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Дом С.А. Римского-Корсакова (владел с 1851 г.), впоследствии перешел к Г.М. Лианозову, сдавался в аренду театру Ф.А. Корша, другим группам, в начале XX в. был перестроен Ф.О. Шехтелем по заказу С.Т. Морозова для Московского Художественного Театра (МХТ); Камергерский пер., д. 3 стр. 1.
- ² Народное гулянье под Новинским, близ Новинского Введенского Богородицкого монастыря (упразднен в 1764 г.) в XVIII — первой половине XIX в.; устраивалось в Пасхальную неделю.
- ³ Е.П. Тарасенков, купец 1-й гильдии, его брат А.Т. Тарасенков, врач-невропатолог и психиатр. Е.П. Тарасенков с 1820 г. владел усадьбой на Остоженке, позднее приобретена фабрикантом И.П. Бутиковым, перестроена в 1880-е гг., здесь размещалось «Товарищество мануфактур Ивана Бутикова» (Коробейников пер., д. 1/2 стр. 3 и 4).
- ⁴ Дом А.Б. Левенсона в Рахмановском пер. (д. 4; от угла переулка и ул. Неглинной дом занимал большую часть переулка); на месте усадьбы кн. Касаткиных-Ростовских (занимала всю четную сторону Рахмановского пер.); в 1830-е г. жил В.Г. Белинский, в 1881 г. здесь основана Типография А.А. Левенсона; не сохранился.
- ⁵ П.А. Тучков (1803—1864), московский генерал-губернатор в 1859—1864 гг.
- ⁶ Речь идет о городской усадьбе Мясоедова (главный дом середины XVIII в. — ул. Б. Дмитровка, д. 8 стр. 2); с 1829 г. размещалась Дирекция Императорских театров, затем Московская театральная школа, в доме жили актеры; после 1917 г. — Управление государственными театрами; с конца 1940-х гг. — Государственная театральная библиотека (ныне Российская государственная библиотека искусств).
- ⁷ Н.В. Давыдов (1848—1920), юрист, общественный деятель, профессор Московского университета, председатель правления и член попечительского совета Народного университета им. А.Л. Шанявского, литератор (писал очерки, рассказы), первый председатель Толстовского общества.
- ⁸ Городская усадьба А.И. Несвицкой (Смоленская-Сенная пл., д. 30 стр. 6); в XVII в. имение Желябужских; с 1790-х гг. принадлежало кн. А.И. Несвижской (дом перестроен в 1801 г., возможно, М.Ф. Казаковым); с 1860-х гг. владел доктор медицины Ф.Ф. Брок, в доме располагался престижный частный женский пансион (содержательница М. Дюмушель); в 1878 г. часть здания и участка приобретены для приюта Рукавишников (существовал до 1920 г.).
- ⁹ Внизу страницы приписка карандашом — «Артистки Шуберт, Сибил...?».
- ¹⁰ В.А. Долгоруков (1810—1891), военный и государственный деятель, московский генерал-губернатор в 1865—1891 гг.
- ¹¹ Екатерининский институт благородных девиц основан как Московское училище ордена св. Екатерины в 1802 г. императрицей Марией Федоровной; архитектурный ансамбль сложился в середине XVIII — первой трети XIX в.; ныне в здании Культурный центр Вооруженных Сил РФ им. М.В. Фрунзе (Суворовская пл., д. 2). В 1805 г. при Екатерининском училище образовано отделение — «Училище для мещанских девиц в Москве», с 1807 г. получило наименование Александровского, с 1842 г. обрело статус самостоятельного Мещанского училища, а в 1891 г. преобразовано в Александровский женский институт; ныне в здании Институт фтизиопульмонологии и инфекционных заболеваний (ул. Достоевского, д. 4).
- ¹² Императорский Московский речной яхт-клуб был основан в 1867 г.; командором клуба был избран И.С. Фонвизин (московский гражданский губернатор), вице-командором — Я.В. Пуаре. В 1870-е гг. на стрелке Москвы-реки и Обводного канала было выстроено деревянное здание и пристани, в 1890-е гг. — каменное здание (Болотная наб., д. 1 стр. 1); помимо занятий гребным спортом, члены клуба должны были упражняться в гимнастике, плавании, стрельбе, фехтовании и проч.
- ¹³ Мамонова дача (усадьба Васильевское Дмитриева-Мамонова) конца XVIII — начала XIX в., на Воробьевых горах; ныне на территории Института химической физики РАН (ул. Косыгина, д. 4).

- ¹⁴ В магазинах Дациаро продавались принадлежности для рисования, различная полиграфическая продукция, эстампы, литографии, фотографии и прочее, высокого качества, собственного издания. И.Х. Дациаро (1806–1865), итальянец по происхождению, основатель фирмы, первые магазины в Москве открыл в 1820-е гг. (в том числе на Кузнецком мосту).
- ¹⁵ Третья Московская гимназия была открыта в 1839 г. С 1840-х гг. размещалась на Лубянке (угол ул. Б. Лубянки и Фуркасовского пер.); здание не сохранилось.
- ¹⁶ В оригинале слово «узнал» зачеркнуто и заменено на «знакомился», однако вся фраза при этом не исправлена — чтобы не нарушать согласование, публикаторы оставили зачеркнутое слово.
- ¹⁷ Э.Я. Пуаре (Каран д’Аш), карикатурист, иллюстратор, считается основоположником жанра комикса; умер в Париже в 1909 г.
- ¹⁸ И.К. Линдеман (1860 — после 1930), член МАО и один из учредителей Комиссии «Старая Москва». Подробнее о нем см. биографическую справку, публикуемую в настоящем сборнике.

ПУСТАХАНОВ Николай Алексеевич (1889–1937)

Архитектор-реставратор

Родился в пос. Красногор Оренбургской губ. в семье служащего. Получил среднее специальное образование. После 1917 г. работал в системе Наркомпроса РСФСР, в его Музейном отделе, Академии архитектуры, Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ), активно участвовал в заседаниях архитектурно-реставрационного отделения ЦГРМ — только за 1920–1923 гг. не менее 20 раз выступал с сообщениями об осмотре и состоянии многих подмосковных усадеб, памятников старины Москвы.

В июне 1937 г. арестован, обвинен в «антисоветской агитации, высказывании террористических намерений». Расстрелян в ноябре 1937 г.

Принят в состав «Старой Москвы» на 101-м заседании 16 июня 1921 г. Не менее 6 раз выступал на заседаниях Комиссии в 1922–1927 гг.; дважды с докладами: «Юсуповский дом в Огородниках» (139-е засед. 30.11.1922 г.) и «Московские частные пожарные дома» (150-е засед. 24.05.1923 г.), а также в 1925–1927 гг. с информационными сообщениями о ходе работ по раскопкам у Голицынского дома в Охотном ряду и раскрытию там подземного хода, а также об осмотре Юсуповского дома в Огородниках.

О ДОМЕ, БЫВШЕМ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ, В ТРЕХСВЯТИТЕЛЬСКОМ ТУПИКЕ, БЛИЗ КРАСНЫХ ВОРОТ

*доклад на 139-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
30 ноября 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 1. Д. 9. Л. 74–76; протокольная запись)

Рукописный текст, черные и синие чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись сделана М.И. Александровским и П.Н. Миллером.

Изучение этого дома¹ началось со статьи И.М. Снегирева, помещенной в «Русской старине» в 1846 году². Приведенные здесь сведения, сводятся к тому, что дом принадлежал Алексею Волкову, за его бездетностью перешел

в казну, а в 1727 году Петром II пожалован князю Григорию Димитриевичу Юсупову. Впоследствии писавшие о том же доме [М.И.] Пыляев, [А.А.] Потопов и [И.Е.] Бондаренко не прибавили никаких новых исторических данных. В «Русской старине» есть и мартыновский (А.А. Мартынова — *сост.*) рисунок дома, представляющий как бы проект реставрации, а не точное изображение. Так, [И.М.] Снегирев пишет, что кувшинообразные колонны нижнего этажа, что они только «чувствуются», а у Мартынова они уже изображены среди открытых арок. Но рисунок Мартынова все же дает представление о Юсуповском доме, как он был до реставрации, произведенной Н.В. Султановым³. Последний не делал докладов о своей работе, и только Николаю Алексеевичу (Пустаханову — *сост.*) удалось найти в петроградском доме Юсупова на Мойке 20 чертежей, относящихся к работам 1895 года. Выясняется, что Султанов придавал особенную пышность и витиеватость русского барокко дому, прежде более просто украшенному, что он построил кругом расположенные службы на северном дворе, и он же пристроил северное крыльцо, которое стало парадным подъездом, вместо прежнего, всегда бывшего с юга. О работах Султанова говорит и альбом фотографий дома, поднесенный им князьям Юсуповым, сам по себе не дающий ответа на вопрос, что было до Султанова, и что он именно сделал.

К источникам по архитектурной истории дома относится также изображение, помещенное в издании 1903 года «Московские святыни и памятники»⁴, передающее тот вид дома, который был до реставрации. Здесь южный подъезд еще крытый, и обработка фасадов сравнительно простая.

Чертежи, найденные докладчиком на Мойке, свидетельствуют, что до султановских работ здание большой палаты имело в нижнем этаже перегородки, а также фиксируют то обстоятельство, что северного крыльца вовсе не было. Во втором этаже было несколько комнат, одна из которых занята была лестницей наверх. В третьем этаже, где теремок, церкви еще не было, но была молитвенная комната, было помещение конторы, а в толще стены показан выход наружу. По разрезу видно, что зала большой палаты имела и второй свет (ярус — *сост.*), и что были балкончики.

До Султанова были работы [18]60-х годов. Они состояли, прежде всего, в соединении Юсуповского дома с рядом на западе стоявшим домом Вяземского, который в 1814 году показан еще отдельным владением. Работы производились архитектором, фамилию которого докладчик прочитал как «Меделон». Проект работ утвержден князем в 1860 году. В нижнем этаже назначено было открыть пузатые колонны и сделать проход в теперешнем проезде у большой палаты из одной части нижнего этажа в другую. Фронтоны над окнами палаты обозначены в виде рваных сандриков. Издание 1903 года зафиксировало именно то, что сделано в 1860-х годах, именно закрытый проезд, рваные сандрики, у теремка кокошники и большой кокошник над фасадом, там, где пузатые колонны.

Существует еще один старый вид дома, это — фотография Барщевского⁵. Она важна тем, что изображает каменную ограду по Харитоновскому переулку из кирпичей в клетку, с воротами ампириного характера. Значит, были работы и в начале XIX века, как и следовало ожидать. Тогда в Москве проживал Николай Борисович Юсупов⁶, он и мог назначить строительные работы по дому.

Благодаря любезности Сырейщикова, докладчик мог познакомиться с чертежами, относящимися к работам 1814 года. Здесь наличники окон как у Мартынова, воротный проезд закрыт, пузатые колонны только «чувствуются», весь дом имел одно перекрытие, большого фронтона нет. По плану владения, составленному архитектором Балашовым⁷, большая палата была открытая, без деления на комнаты, камин и печи не те, что теперь, выход в толще стены не зафиксирован. На этом плане улица, на которую выходит южный фасад дома, называется Большая Хомутовка⁸, а в нынешнем Трехсвятительском тупике⁹, через который к дому не было проезда, значится загораживающая его кузница.

Наконец, если идти еще дальше вглубь времен, мы имеем план и разрез, относящийся к 1760—1780 годам. Вобщем, здесь то же, что имеется и для 1814 года. Можно отметить, что угловые колонны были. Имеющаяся на мартыновском рисунке некоторая белесоватость, слева над пузатыми колоннами, здесь объясняется тем, что была сделана пристройка во втором этаже. По разрезу видно, что большая палата была открытая, внутри ее не было обработки стен, из теремка идет к палате галерея.

Повторяя свои выводы из рассмотренных материалов, докладчик высказался, что весь низ здания относится к середине XVII века, между прочим, по обработке окон второй этаж — к концу XVII, ко времени русского барокко, большая палата — к первой половине XVIII века. На переходе от главного здания к палате можно видеть обработку стены, закрытую этим переходом, что свидетельствует о одновременности частей. Надо думать также, что своды палаты были переложены. Можно отметить, что кирпичи в стенах очень большие, фунтов по 18. Докладчик думает, что палата пристроена кн. Борисом Григорьевичем Юсуповым¹⁰ в период 1735—1744, так как после он переведен был в Петербург, после чего Юсуповы обыкновенно все время там и жили.

Дальше докладчик сообщил некоторые подробности в рассмотренных им источниках. Мартынов и Снегирев дали рисунок дома, который имел в виду Султанов при реставрации, но это был собственный Мартынова проект реставрации. В том издании «Русской старины», которое не назначалось для широкой публики, к рисунку приложен план или чертеж дома. Снегирев упоминает про пруд или озеро, которое будто бы было у Юсупова. Но пруд был в другом владении тоже Юсупова, в Харитоновском же переулке, но напротив, там, где потом Бове¹¹ построил здание Работного дома, как это обозначено в плане 1818 года.

Пыляев в своей книге, относящейся к 1890 году¹², сведения о доме заимствовал у Снегирева, а характеристику Гр[игория] Дим[итриевича] Юсупова

взял по надгробной надписи, находящейся в Богоявленском монастыре. Фамилия князя тогда была Юсупово-Княжево, только с Екатерины II вторая половина «Княжево» была забыта. Надпись представляет как бы послужной список князя, между прочим, указывает, что он умер в 1735 году, 2 сентября, в 1 ч. 50 минут ночи.

Потапов¹³ руководствуется рисунком Мартынова, дает свои обмеры и свой проект реставрации, в котором видное место предоставлено «гульбищам».

Курьезна статья Дудина (Дунина — *сост.*)¹⁴, помещенная в «Столице и усадьбе», по передаваемой им легенде, будто бы на месте Юсуповского дома Иван Грозный зацепился шапкой за ветку дерева, рассердился по этому случаю и приказал вырубить кругом все деревья. Но любопытно, что, по Дудину (Дунину — *сост.*), дом принадлежал Меншикову.

По статье Бондаренко¹⁵, Юсуповский дом построен был для Петра II, и работали итальянские мастера.

Докладчик делал попытки выяснить историю возникновения дома. По Снегиреву, он принадлежал Волкову, но дом Волкова был в Харитоновском переулке, а не на Хомутовке. В юсуповских бумагах нет упоминаний о Волкове, равно как и о переходе дома от Меншикова.

МОСКОВСКИЕ ЧАСТНЫЕ¹⁶ ПОЖАРНЫЕ ДОМА

*доклад на 150-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
24 мая 1923 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 1. Д. 11. Л. 19–19об.; протокольная запись)

Рукописный текст, разные чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разноразмерные, с пятнами. Запись краткая, сделана П.Н. Миллером.

Доклад касался, главным образом, архитектуры домов, а не истории московских пожаров, последнее и не входило в задачу докладчика.

Свои изыскания докладчик направил на отыскание первоначального типа пожарных зданий — каланчей.

Летописи упоминают только о пожарах, описания зданий в них не встречается, нет описания пожарных зданий и в записках иностранцев. Впервые тип здания появляется после пожара 1812 года, когда этим заинтересовалась учрежденная тогда Комиссия для строений¹⁷.

Образцы древних каланчей-колоколен сохранились до сих пор в Дмитровском уезде, в Яхроме, Волоколамске и др.

Патриарх Макарий (Антиохийский — *сост.*)¹⁸ упоминает, что при пожарах звонили в колокола «над воротами». В Москве сохранились названия «Каланчевская площадь», «Набатная башня»¹⁹, в Новгороде «Часозвонная башня» и т.п. Об устройстве «пожарного дела» впервые упоминается при Петре I в 1723 году. При Екатерине II город делится на 4 части, и при каждой из них положено быть инструментам и бочкам, которые должны были храниться под особыми навесами. При Екатерине II был даже вызван из заграницы специальный архитектор Вист, который должен был возводить специальные пожарные здания.

В 1804 году образована первая команда пожарных (из арестантов). В 1808 году издан указ об устройстве здания для пожарного депо, где должны были изготавливаться пожарные инструменты. Этому учреждению после 1812 [г.] грозила опасность быть закрытым, т.к. появилось достаточно частных мастеров для изготовления нужных инструментов, но Комиссия Львова постановила сохранить Депо²⁰, и оно существует до сих пор.

Чертежи пожарных частей встречаются впервые в альбоме Комиссии для строений, изданном в 1832 году, где помещены Сretenская²¹ и Пятницкая²² часть. Каланчи их имеют иную форму, чем впоследствии, как мы привыкли их видеть, они не оканчивались шестами для подъема шаров или фонарей.

Первые архивные материалы, обнаруженные докладчиком, касаются Серпуховского частного дома (1837 года), который ныне не существует. Этот план всех построек частного дома (демонстрировался в кальке на заседании, как и многие планы и чертежи других частных домов) вместе с экспликацией к нему очень интересен в бытовом отношении: там, между прочим, значатся «сарай для хранения эшафота», «Костяная для анатомии трупов» и т.п.

Самой интересной в архитектурном отношении является Яузская часть²³, от которой теперь осталась только средняя ее часть, интересна и Лефортовская²⁴.

В данное время половины прежних зданий частей уже нет, но и оставшиеся находятся в самом жалком состоянии, из бывших 21 частей 8 совершенно разрушены, 8 полуразрушены, 2 новых и 3 еле держатся. Памятники прежнего строительства безвозвратно гибнут, необходимо стать на защиту хоть некоторых из них, и докладчик предлагает возбудить ходатайство о поддержании в прежнем, хотя бы наружном, виде Пожарного депо Якиманской²⁵ и Басманной частей²⁶.

КОММЕНТАРИИ

¹ Палаты Волковых-Юсуповых — Б. Харитоньевский пер., д. 21 стр. 4.

² Московский дом князя Юсупова // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. А. Мартыновым; текст И.М. Снегирева. — Изд. 2-е, доп. — М., 1850. — С. 90–96.

³ Н.В. Султанов (1850–1908), архитектор, гражданский инженер, академик архитектуры.

⁴ Московские святыни и памятники. Краткие исторические сведения о московских соборах, монастырях, древних церквях, памятниках и замечательных зданиях. — М., 1903. — 135 с.

- ⁵ И.Ф. Барщевский (1851–1948), член МАО, фотограф, мастер архитектурной фотографии, автор и издатель фотоальбомов по русскому искусству.
- ⁶ Н.Б. Юсупов (1750–1831), государственный деятель, дипломат, коллекционер.
- ⁷ В.А. Балашов (1782–1853), архитектор, занимался в основном церковной архитектурой.
- ⁸ Б. Хомутовка ул. — ныне Б. Харитоньевский пер.
- ⁹ Трехсвятительский пер. — ныне Хоромный туп.
- ¹⁰ Б.Г. Юсупов (1695–1759), московский (1740–1741 гг.) и петербургский губернатор, камергер.
- ¹¹ О.И. Бове (1784–1834), архитектор, один из крупнейших московских зодчих, главный архитектор (по фасадической части) Комиссии для строений в Москве, осуществлявшей восстановление Москвы после пожара 1812 г., масштабные работы по ее планировке, застройке и благоустройству.
- ¹² *Пыляев М.И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни Первопрестольной столицы. — СПб., 1891. — С. 286–287.
- ¹³ *Потанов А.А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры: [В 2-х вып.]. — Вып. 2 (последний). — М., 1903. — С. 159–161.
- ¹⁴ По всей видимости, имеется в виду статья А. Дунина «Сокольничий дворец Грозного в Москве (Теперь князей Юсуповых)», см.: Столица и усадьба. — 1914. — №16–17, 1 сентября. — С. 17–20.
- ¹⁵ Архитектурные памятники Москвы / ред. и текст И.Е. Бондаренко. — Вып. 2 и 3: Эпоха Петра I-го, эпоха Елизаветы, эпоха Екатерины II-й. — М., 1906. — С. 23.
- ¹⁶ Пожарные дома, существовавшие при полицейских частях (на части делилась территория города).
- ¹⁷ Комиссия для строений в Москве (1813–1843 гг.), учреждена для восстановления Москвы после пожара 1812 г.; централизованно руководила всеми работами по планировке, застройке, а также благоустройству города.
- ¹⁸ Был в России в 1654–1656 и 1666–1667 гг.
- ¹⁹ Название одной из кремлевских башен на восточном участке стены на спуске к Москвереке.
- ²⁰ Московское пожарное депо — здание Пречистенской пожарной части (ул. Пречистенка, д. 22/2 стр. 1); каланча утрачена.
- ²¹ Дом Сретенской полицейской части (3-й Колобовский пер., д. 13 стр. 1); каланча утрачена.
- ²² Дом Пятницкой полицейской части (ул. Пятницкая, д. 31); каланча утрачена.
- ²³ Дом Яузской полицейской части (ул. Садовая-Черногрозская, д. 14/9 к. 7); каланча утрачена.
- ²⁴ Дом Лефортовской полицейской части (Старокирочный пер., д. 13 стр. 1); каланча утрачена.
- ²⁵ Здание не сохранилось; находилось в Казанском пер.
- ²⁶ Здание Басманной полицейской части (ул. Новая Басманная, д. 29); каланча утрачена.

ПУЧКОВ Николай Сергеевич (?–?)

Биографические сведения о Н.С. Пучкове не выявлены. По очень скудным косвенным данным можно предположить, что Н.С. Пучков — один из двух сыновей известного общественного деятеля, врача, благотворителя С.В. Пучкова (1856–1926).

На заседаниях «Старой Москвы» один раз выступал с докладом «Село Васильевское — Мамоновская дача» (136-е засед. 19.10.1922 г.) и дважды с информационными сообщениями, сделанными на 149-м заседании 10 мая 1923 г.: об уничтожении на топливо деревянного дома Котова в Преображенском и о сносе Коммунистическим университетом национальных меньшинств Запада памятного обелиска на месте разобранного в XIX в. храма Поклонения веригам св. Петра (Петроверигский пер.).

СЕЛО ВАСИЛЬЕВСКОЕ (Б[ЫВШАЯ] МАМОНОВСКАЯ ИЛИ НОЕВСКАЯ ДАЧА) В МОСКВЕ ЗА КАЛУЖСКОЙ ЗАСТАВОЙ НА ВОРОБЬЕВЫХ ГОРАХ

*доклад на 136-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
19 октября 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 48. Д. 35. Л. 1–21; архивное дело)

Машинописный текст, с рукописными вставками и пометой чернилами, с автографом. Листы односторонние, есть утраты. Обложка и первый лист текста под одним номером. Есть зарисовки планов.

Историческая справка

Прежде чем начать свой доклад, считаю своим долгом принести свою искреннюю благодарность всем, оказавшим мне большую помощь в советах и сообщениях данных, в особенности П.Н. Миллеру, Л.П. Александрову, Н.Н. Соболеву, М.И. Александровскому, В.А. Дударевой и Н.П. Чулкову.

За Калужской заставой, среди чудного парка, стоит белый заколоченный дом с колоннами, от которого веет такой дорогой стариной, что, проходя мимо, невольно чувствуешь эти «старые годы» и так хочется заглянуть поглубже в его прошлое, раскрыть ветхие книги, перелистать полуистлевшие страницы и воскресить в памяти прошедшие дни и ушедшие образы.

Это желание овладело мною, когда я еще в первый раз увидел «Мамоновскую дачу»¹, и теперь я решаюсь поделиться тем, что удалось найти и установить.

Несмотря на то, что эта так называемая «Мамоновская или Ноевская дача» пользуется большой популярностью и хранит много легенд о себе, мне не приходилось видеть ни одного, хотя бы краткого, описания ее истории.

Специальных мон[о]графий и очерков по этому вопросу, насколько мне известно, нет, а в художественной и исторической литературе обыкновенно можно найти всего несколько строк. Мне поэтому особенно было интересно составить хотя приблизительную историю этого интересного уголка Москвы.

При выяснении вопроса о первых владельцах «Мамоновской дачи» мне пришлось столкнуться с утверждением в докладе Моск. городск. управ[ле-ния] №78 от 23 февраля 1912 года, будто бы первоначально при Петре Великом владельцем этого угодия являлся известный богач того времени Демидов, и им же именно здесь был разбит знаменитый ботанический сад, описанный академиком Палласом в 1781 году. Никаких доказательств в подтверждение этого предположения здесь не приводилось. По этому поводу я имел беседу с нашим уважаемым сочленом Л.П. Александровым, который мне сообщил, что это мнение было высказано покойным А.Н. Петунниковым, который делал свое предположение, якобы, на основании тождества рисунков ограды около Демидовского дома, изображенного Палласом в его описании Демидовского сада, причем, по мнению Л[ео]нтия П[ет]ровича, это совершенно неверно, так как у Демидова типичная железная решетка стиля барокко Елизаветинского времени, а при Мамоновской даче — типичный ампир Александровского времени. В настоящее время после подробного доклада Л.П. Александрова о «Нескучном», основанного на точном архивном материале, место сада, описанного академиком Палласом, является бесспорно устан[о]вленным, именно в самом «Нескучном», где находится Александринский дворец.

Первый след об этом владении мне удалось найти в Архиве б[ывшем] Министрства юстиции, в 1635 году, когда оно было куплено боярином Борисом Михайловичем САЛТЫКОВЫМ², затем по духовной перешло к брату его Михаилу Михайловичу, а от него к сыну — Петру Михайловичу и от последнего к сыну Алексею Петровичу САЛТЫКОВУ.

Документ об этом гласит так: Из Отказных книг. Книга 20. №37. «7204 г. (1695 г.) Октября 15 числа отказано Алексею Петровичу сыну САЛТЫКОВУ из вотчины деда его Михаила Михайлова сына САЛТЫКОВА, а им дано по духовному завещанию от Бориса Михайлова сына САЛТЫКОВА в Московском уезде, село Андреевское на 5 листах». «Отказано боярину Алексею Петрову сыну САЛТЫКОВУ деда его родного боярина Михаила Михайлова и отца его боярина Петра Михайлова сына САЛТЫКОВА, что им боярам Михаилу Михайлову и Петру Михайлову по духовной отказал боярин Борис Михайлов купленную свою вотчину по жалованной грамоте 7143 г. (1635 г.) в Московском уезде

в Сетунском стану в половине села Андреевском, что во Пленницах на Москве реке, а в ней на его половину место дворовое, боярское, а смежна та вотчинная земля с землею Великих Государей Дворцового села Воробьева, да с землею Ратуеваго стана Андреевскаго монастыря вверх от Москвы реки за Калущкую большую дорогу до земли Пречистой Богородицы Донскаго монастыря, а в ней пашни 10 чети в поле, а в двух по тому же».

Указание границ в документе подтверждает верность утверждения, что это есть владение, которое после стало «Мамоновской дачей».

Вотчиной этой владеют САЛТЫКОВЫ до 3 августа 1709 года, когда она путем мены переходит от племянника Алексея Петровича САЛТЫКОВА поручика Преображенскаго полка Алексея Федоровича САЛТЫКОВА к подполковнику того же полка князю Василию Володимировичу ДОЛГОРУКОВУ. По этому поводу в том же архиве имеется дело: 9880. №10.

«Просьба князя Василия Володимировича сына ДОЛГОРУКОВА и Алексея Федоровича сына САЛТЫКОВА о расписке за ними вотчин Московскаго уезда. Начато 1709 года Августа 3, решено того же августа 8 числа на 9 листах». «Державнейший Царь Государь Всемиловитвейший 1709 году поменялись мы вотчинными своими землями: я князь Василий променил Алексею САЛТЫКОВУ в Суздальском уезде в Польском стану в селе Лежнев по конец поль пол четверика, а я Алексей променил ему князю Василию ДОЛГОРУКОМУ в Московском уезде в Сетунском стану в полуселе Андреевском, что во Пленницах всю свою дачу со всеми угоды, что принадлежит мне по разделу, а меняемся мы пуста на пуста и с переходжими четвертьми. Всемиловитвейший государь, просим Ваше Величество Великий государь те наши меновыя земли и с переходжими четвертьми записать. Вашего Величества нижайший раб лейб-гвардии Преображенскаго полку подполковник князь Василий князь Володимирович ДОЛГОРУКОВ. Того же полку порутчик Алексей Федоров сын САЛТЫКОВ».

В другом деле, возникшем уже в конце XVIII-го века по поводу раздела имений после смерти Василия Михайловича Долгорукова, имеются указания о переходе этого владения, и приведено краткое его описание: при этом в первый раз встречается название ВАСИЛЬЕВСКОЕ: «...В даче 1742 года Генваря 15 дня книгах вотчинной Коллегии канцеляриста Тимофея Берешина того же 1742 года Генваря 24 числа написано: возвращено Генералу-Фельдмаршалу и Сенатору и Князю Василию Володимировичу ДОЛГОРУКОМУ описное его недвижимое имение в разных городах... В Московском уезде Сетунскаго стану в полуселе Андреевском, что в Пленницах, Васильевское тож, в нем двор его Генерала-Фельдмаршала каменным и деревянным всяким строением, в саду пашенной земли пятнадцать четвертей, да внизу того двора вниз Москвы реки два пруда копанные, да на той же земле по берегу Москвы реки от заповеднаго лесу села Воробьева до земли Андреевскаго монастыря, лес, речные покосы и всякия угоды, что и ту полуселу Андреевскому, Васильевское тож изстари

принадлежит. Да, по словам дворового его человека, садовника Василия Васильевича Романова, показано, что, де, и тому полуселу Андреевскому, Васильевское тож, имелось во владении по другую сторону Москвы реки дворовые многие места, которые куплены князем Василием Володимировичем и жалованы из ведомства конюшенной канцелярии луга, а именно от Москвы реки подле двора камергера Петра Борисова сына Шереметева до земли Девичья Монастыря земли вправо до слободы разных чинов людей, а от той слободы до Москвы реки...».

Далее приведена купчая, по которой видно, что князь Василий Володимирович ДОЛГОРУКОВ в 1744 году продал ВАСИЛЬЕВСКОЕ князю Василию Михайловичу ДОЛГОРУКОМУ: «1744 года Декабря в 19 день Генерал фельд-маршал и разных орденов кавалер князь Василий князь Володимирович сын ДОЛГОРУКОВ в роде своем и последний продал я князь Василий Генералу адъютанту князю Василию князю Михайлову сыну ДОЛГОРУКОМУ и жене его и детям его безповоротно недвижимое свое имение в Можайском уезде... да в Московском уезде близь Москвы за Андреевским монастырем село Васильевское да против того села жалованные мне и купленные луга...».

В 1746 году 18 февраля новый владелец Васильевского князь Василий Михайлович ДОЛГОРУКОВ бил челом, чтобы это владение за ним записать.

В 1780 году 21 декабря подана просьба князей Михаила, Василия и девицы княжны Федосии Васильевых детей ДОЛГОРУКОВЫХ о закреплении за ними доставшегося по наследству после отца их князя Василия Михайловича Долгорукова недвижимого московских и других городов имения. По этому делу имеется в архиве любопытный акт: «1783 году Ноября 1 дня. Московской округи Сетунского стану жительствоющие в Андреевской слободе московский купец Иван Осипов, лейб-гвардии Преображенскаго полку капитан поручик Дмитрий Михайлов сын Тараканов, дворовый человек Федор Иванов сын Лопатин, дворцоваго ведомства села Воробьева крестьяне Яков Семенов, Иван Николаев, слободки Живодерной, что за Калутской заставой жительствоющие десятский Николай Ильин, московский купец Андрей Алексеев по выслушании присланнаго из Московскаго Губернскаго Правления в Московский нижний Земский суд указа, последовавшаго, по сообщению Государственной Вотчинной Коллегии касательно до отказа за господина генерал поручика лейб-гвардии Семеновс[к]аго полку премьер майора и кавалера князя Василия Васильевича Долгорукова, доставшагося ему по наследству и разделу с братом Ея Императорскаго Величества действительным камергером князь Михайлою Васильевичем Долгоруким после отца их покойнаго господина генерал-аншефа сенатора и кавалера князя Василия Михайловича ДОЛГОРУКОВА-КРЫМСКАГО недвижимаго имения, состоящаго в Московской округе в Сетунском стану в полуселе Андреевскаго монастыря, что во Пленницах, а Васильевское тож пятнадцати четвертей в поле по тому же с двором помещичьем и снизу того двора

близ Москвы реки от заповедного леса села Воробьева до земли села Воробьева до земли Андреевского монастыря лесу, сенных покосов и всяких угодий, сказали, что оное недвижимое невыморочное и неописное и никакого в нем спору не имеется, ибо оно состояло во всегдашнем владении за покойным господином генералом аншефом и сенатором и кавалером князь Василием Михайловичем ДОЛГОРУКОМ-КРЫМСКИМ безспорно. К сей скаске Московской окружи церкви Воскресения Христова, что в Пленницах Козьма Алеутский вышеописанных сторонних людей по их прошению руку приложил». Дело это значит законченным того же 1783 года августа 7 дня, и с этого времени владельцем Васильевского делается князь Василий Васильевич ДОЛГОРУКОВ.

Из приведенных документов важно, что н[а]именование Васильевское по-является по имени первого владельца князя Василия Владимировича ДОЛГОРУКОВА, а не князя Василия Михайловича ДОЛГОРУКОВА-КРЫМСКОГО, как это обыкновенно приводится в литературе, и, таким образом, устанавливается переход этого имения: 1709 г. находится во владении князя Васил. Владимир. ДОЛГОРУКОВА. 1742 г. передается по продаже кн. Васил. Михайл. Долгорукому-КРЫМСКОМУ. 1780 г. переходит по наследству к кн. Васил. Васил. ДОЛГОРУКОМУ. По странному совпадению это Васильевское переходит поочередно к трем Долгоруким, которые носят одно и тоже имя Василий.

Сведений о жизни в Васильевском в период владения им князя Василия Владимировича ДОЛГОРУКОВА отыскать не удалось. Известно только, что в 1730 году была освящена домовая церковь при доме ДОЛГОРУКОВА, о которой будет ниже сказано более подробно. Можно предположить, что приблизительно к этому времени можно отнести первоначальную постройку каменного дома, который значит в приведенных выше документах 1742 года «двор с каменным и деревянным и всяким строением».

В 1763 году 26 апреля, по свидетельству [И.Е.] Забелина, Екатерина II приезжала на Воробьевы горы и заезжала к князю ДОЛГОРУКОМУ. По всей вероятности, в этот период Васильевское было в наиболее пышном расцвете, когда здесь ДОЛГОРУКОВ-КРЫМСКИЙ давал свои пышные празднества.

Одно такое празднество в 1765 году по случаю восшествия на престол Екатерины и тезоименитства цесаревича Павла подробно описано в газетах того времени, и я позволю себе привести эту выдержку, которую дает Забелин в своей книге «Опыты изучения русских древностей» т. 2³: «Сверх же сего в сих торжествах отменное свое усердие сказал его сиятельство господин-аншеф и ордена святого Александра кавалер князь Василий Михайлович ДОЛГОРУКОВ, у которого в оба оные дни, приехав от молебна, по приглашению чрез разосланные печатные билеты, обретающиеся здесь господа сенаторы, генералитет и прочия, как светския, так и духовныя знатныя персоны весьма великолепно и богато, с крайним порядком и удовольствием всех, трактованы были, как обеденным, так и вечерним кушанием, за сделанным в одной галерее фигурным столом

на 150 кувертов, а сверх того и в других покоях за несколькими столами, где при пиитии за высочайшия ея императорскаго величества и его императорскаго высочества здравия, из поставленных в оном доме пушек производилась пальба. В оба ж дни с пятаго часа по полудни начинался бал, на котором так как и за ужиными столами по таковому ж приглашению от супруги его сиятельства княгини Настасии Васильевны, присутствовали знатныя дамы и девицы, и бал, состоя в персонах в двухстах обоего пола, продолжался всегда до рассвета следующего дня: а, между тем, беспрестанно подаваемы были служащие к прохлаждению напитки и нынешняго времени фрукты и конфеты. Причем, для смотрения столов и бала впускаемы были также в покои купечество и мещанство: а особливо для них сделан был театр, на котором учрежденные от полиции актеры представляли разныя комедии, которых бывшия у его сиятельства знатныя особы смотрели из галереи. Как дом его сиятельства, так и проезжая к Москве реке дорога, были иллюминированы. А 28 числа в 12 часу пополудни зажжен был фейерверк, изображающий на возвышенном многими ступенями и с обеих сторон трофеями украшенном месте стоящую на пьедестале в веселом виде Россию, возносящую вверх щит с именем ея императорскаго величества со стоящими перед нею двумя статуями, из которых одна представляла преданность и любовь, а другая — усердие и верность к ея императорскому величеству, как угостителя самого с угощаемыми, так и всего народа: которое представление переменялось в разныя увеселительныя огни, состоящие из разнаго виду машин, луфт и ландкугулей, швермеров, водяных дукеров, квекеров⁴ и воздушных ракет; напоследок же окончилось все весьма приятною зрению машиною с высочайшим ея императорским величеством именем, и сверх того производились пушечныя залпы, и пущено вдруг великое число ракет. 29-го же числа после обеденнаго стола приведены были эскадроны гусарские, которые перед двором его сиятельства делали военныя экзерциции с производением не малой стрельбы из ружей».

Сохранилась также гравюра, относящаяся к этому же времени, которая передает вид парка во время иллюминации в Васильевском. Гравюра эта находится в музее «Старой Москвы»⁵.

В Межевом архиве мне удалось найти «Геометрический специальный план села Васильевского межевания, учиненного в 1766 года августа 9 числа». (Дан рисунок этого плана и к нему подпись). «Геометрический специальный план Московского выгона села Васильевского, которое во владении состоит генерал-аншефа и разных орденов кавалера князя Василия Михайловича Долгорукова. Межевания, учиненного в 1766 году месяца августа 9-го числа. Описание смежных земель:

От А до В — Андреевского монастыря.

От В до С — Выгонная земля, взятая из дач Донского монастыря.

От С до Д — Села Воробьева ведомства Главной дворцовой канцелярии.

От Д до А — Река Москва».

На этом плане значится в левом углу у дороги церковь*. В ведомости о домовых церквях 1772 года она значится так (приведено у Н.А. Скворцова): «В приходе церкви Воскресения Христова во Пленницах в доме князя Василия Михайловича ДОЛГОРУКОВА церков[ь] Живоначальной Троицы, особо устроенная не с подвижным антиминсом, словущая в селе Васильевском: при нем священник Иван Дмитриев по указу Московской консистории, данному в 1749 году 10 ноября, дьячок Филипп Александров по данной в 1770 г. 7 октября за подписанием архиепископа Амвросия грамоте.

В ведомости 1773 года значится, что эта церковь освящена в 1730 году и по разборным ведомостям показана ружною⁶, а когда и по какому определению построена, о том известия не отыскалось.

В другом труде Н.А. Скворцова «Уничтоженные церкви в Замоскворецком сороке» указано, что церковь эта в 1775 году существовала (по клировым ведомостям Воскресенской церкви 1775 г.), а когда уничтожена, неизвестно.

В настоящее время никаких следов этой церкви в ближайших окрестных церквях обнаружить не удалось.

О жизни в Васильевском в период владения им князя Василия Васильевича ДОЛГОР[У]КОВА сведений не нашлось, и остался неизвестным дальнейший переход его к другому владельцу.

На большей части планов г. Москвы местность, лежащая далее Андреевского монастыря за Калужской заставой, не показана вовсе. На плане 1807 года Васильевское нанесено, но цифры на владении нет, и потому в указателе к нему объяснений не имеется. (Рисунок «ПЛАН СТОЛИЧНАГО ГОРОДА МОСКВЫ 1807 года», 9. Андреевский упраздненный монастырь).

Только на плане 1818 года Военно-топографического депо указанное владение значится «ДАЧА ЮСУПОВА» (Рисунок «Топографическая карта окружности Москвы, снятая офицерами квартирмейстерской части. 1818 г.»).

Таким образом, становится очевидным, что распространенное мнение, будто бы «Мамоновская дача» подарена Екатериной II своему фавориту Александру Матвеевичу ДМИТРИЕВУ-МАМОНОВУ, неверно.

Упоминание того, что Васильевское принадлежало до Мамонова ЮСУПОВУ, имеется также в «Путеводителе по окрестностям Москвы» М. Захарова 1867 года⁷. Кроме того, из писем А.Я. БУЛГАКОВА⁸ можно установить, что в [18]20-х годах Васильевское, несомненно, принадлежало князю Николаю Борисовичу ЮСУПОВУ. Так, в письме от 26 апреля 1821 года при рассказе о приеме в Москве принца Мекленбургского Булгаков указывает, что принц «обедал в Васильевском у князя ЮСУПОВА». В другом же письме упоминается, что все пребывание в Москве другого принца, Оранского, расписано, и, между прочим, в честь него «устраивается праздник в Архангельском у ЮСУПОВА: будет еще обед у ЮСУПОВА в ВАСИЛЬЕВСКОМ, когда принц поедет на Воробьевы

* Справка о церкви получена от М.И. Александровского.

Горы». Последнее указание расположения дает полную уверенность, что речь идет именно об этом Васильевском.

После Н.Б. ЮСУПОВА владельцем Васильевского делается Матвей Александрович ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ (1790—1863 — *сост.*): здесь протекает несчастная половина его жизни душевнобольного, которая тянется более 30 лет и оканчивается трагичной смертью.

Сын фаворита Екатерины II Матвей Александрович граф ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ знатнейшего рода, ведущего свое начало от Владимира Мономаха, обладавший наряду с громадным состоянием большими способностями, начал свою карьеру еще 18 лет, будучи произведен в камер-юнкеры и назначен советником Московского губернского правления, а вскоре переведен на должность обер-прокурора 6 уголовного департамента Правительств[ующего] Сената.

В 1812 году по обнародовании Высочайшего манифеста о созыве государственного ополчения Д.-М. (Дмитриев-Мамонов — *сост.*) сформировал на свои средства целый конный полк, получивший название Первого московского конного казачьего графа Дмитриева-Мамонова полка. Полк этот, отличившись во многих боях, был переформирован в 1813 году в уланский генерал-майора графа Дмитриева-Мамонова, принял участие в Заграничном походе, входя в состав резервной армии.

За границей, стоя в бездействии, полк сжег одно селение и, хотя командир уплатил пострадавшим жителям все убытки, но получил от главнокомандующего выговор, что сильно оскорбило Дмитриева-Мамонова, он подал в отставку, а полк был расформирован.

Дмитриев-Мамонов переехал в Москву и поселился в своем имении Дубровицы. Будучи от природы гордым и самолюбивым, Дмитриев-Мамонов, оскорбленный, сделался урюмым и стал вести жизнь полного затворника, не показываясь никому на глаза, не хотел видеть даже своих слуг, которые должны были в определенные часы подавать ему чай, обед и платье, когда граф уходил в другие комнаты, а все распоряжения по дому делались исключительно в письменной форме.

Приблизительно с 1823 года у Дмитриева-Мамонова временами появляются приступы бел[о]й горячки, когда он, то ходит всю ночь по дому с кинжалами, то велит запрячь в карету шесть арабских лошадей, скачет в Москву, «перелетая», по свидетельству А.Я. Булгакова, 11 верст в 20 минут или выдумывает еще что-нибудь необыкновенное.

В начале 1825 года один из слуг Дмитриева-Мамонова, желая незаметно увидеть его, спрятался за колонну, но был обнаружен и жестоко избит графом. Слуга бросился в Москву и явился с жалобой к генерал-губернатору Дмитрию Владимировичу ГОЛИЦЫНУ. Для дознания по этому делу Голицын прислал в Дубровицы своего адъютанта, что настолько возмутило Дмитриева-Мамонова, что им было написано Голицыну очень резкое письмо, о котором,

по свидетельству А.Я. Булгакова, многие узнали, так как некоторым знакомым Мамоновым были посланы копии этого письма. Одна из этих копий сохранилась и была перепечатана в «Русском Архиве». Не могу, чтобы полностью не привести этот любопытный документ:

«Милостивый государь, князь Дмитрий Владимирович. На письмо Вашего сиятельства от 23-го, сейчас мною полученное, должен я вам сказать, милостивый государь, что вы надо мной опеки учредить не можете и не смеете, ибо я не малолетний и не сумасшедший, что крепостных людей, которые у меня в доме я не п[е]рестану наказывать телесно, когда по усмотрению моему окажутся они того достойными, ибо право наказывать крепостных людей палками неразрывно сопряжено с политическим и частным домостроительством Российского государства, что это право передано нам от предков наших, я исповедаю и это политическое правило, что правительство не может нас лишить сего права без общего и нарочитаго нашего согласия; к тому же, как и кому мне жаловаться, когда полицейские майоры и порутчики отказываются придти ко мне в дом услуживать мои жалобы? Но жаловаться мне совершеннолетнему, урожденному дворянину, урожденному помещику и пр. полицейскому офицеру и на кого, на крепостного человека, на раба. Какая подлость! И как поверю я, чтобы таковая подлость входила в состав благонамерений правительства. Ваше сиятельство, до начертания письма вашего от 23 февраля, которым вы грозите учредить надо мною опеку, ваше сиятельство, говорю я, должны бы были размыслить и о достоинстве имени лица, к которому вы дерзнули обратиться ваши угрозы, о степени уважения, коим оно некогда пользовалось в отечестве. Ваше сиятельство, как гражданин совершеннолетний должны знать, что Вам не дано грозить совершеннолетнему гражданину и вельможе империи, и как бы вы смели писать это мне и человеку, который предшествует вам по всему прочему, кроме табели о рангах. Что же касается до мещанина Никанора Афанасьева, бывшего у меня в должности казначея, о котором вы пишете, что я намерен был бить его палками, то я скажу вам, милостивый государь, что я подобных ему мещан, особливо тех, которые были некогда крепостными людьми князей Волконского и Голицыных, никогда иначе не наказываю как палками и плетью и сажанием в колодки и кандалы, в страх и обуздание тем уличенным наглецам, на которых я вам жалуюсь. Да и он Никанор был не однократно наказан палками и, наконец, по моему приказанию фухтелями⁹ из рук того самого частного пристава Захарова, о докладной записке которого вы ко мне пишете.

Домоправителя у меня теперь нет, домоправитель мой молодой, отставной канцелярский служитель, споспешествовал тем беспорядкам, которые кажутся вам невероятными и я, по совершении над ним телесного наказания, согнал его со двора.

Я, милостивый государь, в отставке и оставил военную службу императору во избежание грубостей, подобных тем, каковыми преисполнено письмо ваше ко мне, письмо невероятное, которое я потщусь сделать известным публике.

Всемиловейшим увольнением меня от службы возвратилось мне столь вожделенное и рождением присвоенное каждому дворянину право мстить за личные обиды. Ваше сиятельство по приведении в забвение, что вы князь Голицын и генерал от кавалерии, при особе его величества находящийся, и, приведя на память, что вы русский дворянин, гражданин и солдат, должны будете признаться, что письмо ваше от 23 февраля грубо и дерзко. Я не хочу призывать на помощь и адресуюсь к вам лично, пребывая (уверен), что и правительство не одобрит той дерзости, которую вы возымели грозить мне. Знайте, милостивый государь, что я писал не к генералу от кавалерии, и к вам писал не генерал майор, а всегда готовый встретить вас шпагою и пистолетом.

Милостивый государь вашего сиятельства покорный слуга. На подлинном подписано граф Дмитриев-Мамонов. Февраля 23 1825 года. Его сиятельству Князю Дмитрию Владимировичу ГОЛИЦЫНУ в собственные руки. С подлинным верно: граф Дмитриев-Мамонов».

Письмо это убедило Голицына, которому были даны широкие полномочия, учредить над Дмитриевым-Мамоновым опеку. 1 июня 1825 года по распоряжению Голицына в Дубровицы был прислан караул, который отобрал у графа все оружие и оставался здесь до 25 июня, когда Дмитриев-Мамонов был перевезен в Москву и отдан под наблюдение врачам.

В Москве граф первоначально был помещен на Покровском бульваре в доме, занятым потом б[ывшей] Практической академией коммерческих наук¹⁰, но по настоянию опекуна князя Цицианова ввиду неудобства близости казарм с постоянным барабанным боем и музыкой был перевезен в дом Покровского на Колымажном дворе. После отказа князя Цицианова от опекуна новые опекуны купили для графа Васильевское, так как он выразил желание уехать из Москвы. А.Я. Булгаков в своем письме еще 28 апреля 1827 года упоминает о том, что он вместе с опекуном фон-Визиним ездил осматривать Васильевское. Переезд Дмитриева-Мамонова в это имение следует отнести к 1833 году. В этом году или в следующем, очевидно, произведен ремонт и переделка дома, о чем имеется указание в письме А.Я. Булгакова от 3 августа 1833 года: «Вчера был у Мамоновой в Васильевском. Васильевское прелестно. Она хочет переделать, украсить и употребить столько, сколько стоила покупка сама, тогда брат ее может быть тут и некоторую часть зимы». Можно предположить, что эта переделка и украшение дома и придали ему ту отделку, которая заметна сейчас. К этому времени относится сделанная вокруг владения ограда стиля ампир.

В путеводителе по окрестностям Москвы Захарова (1867 г.) указано, у Дмитриева-Мамонова в Васильевском находился большой музей, и была библиотека, которые потом перешли к наследнику князю Голицыну и перевезены в Москву¹¹.

О жизни в Васильевском Дмитриева-Мамонова имеются указания в статье доктора Малиновского «О болезни графа М», которая была напечатана в одном из медицинских журналов того времени, а затем перепечатана в «Русском Архиве»: «...В 1842 году, когда я был приглашен к нему, спустя десятки лет по развитию его болезни, главная идея его бреда было тоже самолюбие, которое довело его до этого плачевного состояния. Он считал себя Папой и Римским Императором и беспрестанно писал приказания воображаемым исполнителям своей власти. Теперь гр. М. около 56 лет, он высок ростом, плечист, несколько тучен, лицо выражает одичалость и сознание собственного достоинства, движения его, то важны, то порывисты, аппетит довольно хороший. Сон гр. М. беспорядочный, очень часто он не спит целые ночи и за то спит большую часть дня, почти всегда не одет (кроме рубашки и брюк, которые он носит), бреется без зеркала и на голове носит черный шелковый колпак. Разговоры гр. М. сохраняют печать его обширного ума, но к ним всегда примешивается бред и, кроме того, как во время разговоров, так и тогда, когда бывает один, гр. М. произносит невнятно слова, между которыми часто слышится привычное его восклицание: “этакие они, Боже мой”. Дыхание этого больного имеет запах, но он уничтожает его, курия почти непрерывно крепкий канастер¹². Ему часто кажется, будто развиваются сторонние запахи, и он тотчас же кричит, чтобы курили. Его удовольствие состоит в том, чтобы быть окруженным маленькими детьми, которые к нему сбегаются из дворни (сам граф М. не был женат и не любит женщин). Около десятка разных собак, бесприютных или потерявших своих хозяев, стадо голубей и бесчисленное множество воробьев получают от гр. М. ежедневную пищу...».

Смерть Матвея Александровича Дмитриева-Мамонова, по одним воспоминаниям, произошла неожиданно от удара, когда он шел из своей спальни в библиотеку и, упав, моментально умер, а, по другим, от случайной неосторожности — у него воспламенилась рубашка, пропитанная одеколоном, и после сильных ожогов, несмотря на все медицинские средства, скончался. Погребен он, как и все Мамоновы, на Донском кладбище, где скромно стоит серый обелиск с краткой надписью: «ГЕНЕРАЛ МАЙОР ГРАФ МАТВЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ скончавшийся 11 июня 1863 года»¹³.

После смерти Дмитриева-Мамонова его громадное состояние было разделено в ущерб прямым наследникам между дальними его родственниками — князем ГОЛИЦЫНЫМ и московским губернатором Иваном Сергеевичем фон-ВИЗИНЫМ. Васильевское перешло к фон-Визину.

Новый владелец, очевидно, произвел мелкие переделки и произвел некоторую отделку комнат. По воспоминаниям современников, здесь в Васильевском фон-ВИЗИН часто устраивал пышные празднества с многочисленными гостями.

По-видимому, денежные дела фон-Визина пошатнулись, и он принужден был сдать «Мамоновскую дачу» в 1877 году в аренду доктору Левенштейну под

лечебницу для душевнобольных. По воспоминаниям родственников доктора Левенштейна, в то время дом находился в полном порядке, был прекрасно обставлен и обмобилирован, причем там, между прочим, стояло много громадных пустых шкафов — по-видимому, остатки от библиотеки и музея, о которых упоминалось выше. Особенно хорош был цветник и парк, уставленный множеством статуй героев из мифологии и охотничьих сцен. Вспоминается также ими, что в доме было громадное количество крыс, и, по рассказам в то время от очевидцев, одним из занятий Дмитриева-Мамонова во время жизни в Васильевском было устройство крысиных боев, для чего крысы привозились из разных мест и выдерживались в особых помещениях до того времени, когда начинались битвы.

Лечебница для душевнобольных доктора Левенштейна была на «Мамоновской даче» до 1884 года. Еще ранее этого фон-ВИЗИН заложил имение в Кредитном обществе, за которым оно осталось в 1883 году. У Кредитного общества владение это было в том же 1883 году приобретено Ф.Ф. Ноевым¹⁴.

В 1908 году в Московской городской думе возникает вопрос о покупке городом «Мамоновской дачи» на предмет устройства там общественного парка, но продажа не состоялась ввиду слишком высокой цены (первоначально 15, а затем 9 руб. за кв. саж.).

Ф.Ф. Ноевым¹⁵ владение снова было заложено в Кредитном обществе, в 1910 году осталось за ним, и в этот же год было приобретено Московским городским самоуправлением.

В начале 1912 года городом было решено разрешить открыть Васильевское для общественного пользования, привести в порядок парк, устроить эстраду для музыки, восстановить цветники и принять меры к сдаче места для устройства кофейни. Осенью того же 1912 года по предложению IX Отделения Городской управы было принято решение о ремонте главного здания и приспособления его для временного больничного отделения, причем предполагалось израсходовать на это 20—25000 руб. В ноябре же, когда выяснилось, что ремонт дома очень затруднителен и обойдется около 40000 руб., было решено, хотя котлы для устройства отопления, паркет и некоторые другие материалы уже доставили, не производить ремонта, а вместо этого сдать в аренду главный дом и прилежащие к нему постройки под ресторан, о чем была сделана публикация в газетах от Московской городской управы.

Переговоры об открытии ресторана велись с некоторыми предпринимателями, но соглашения ни с одним из них достигнуто не было.

В 1912—[19]20 гг. «Мамоновская дача» находилась в отчаянном состоянии — здания разрушались все более и более, а они не только не поддерживались, но и почти не охранялись. Благодаря настояниям архитектора С.К. Родионова владение было взято под охрану в Главмузей, и некоторый порядок был восстановлен.

Осенью 1921 года во время одного из спортивных празднеств находившиеся здесь в качестве гостей члены Коминтерна, проходя мимо здания дворца «Мамоновской дачи», заинтересовались им и, видя, что оно накануне полного разрушения, высказали пожелание бывшему здесь начальнику Главного управления ВСЕВОБУЧА¹⁶ Н.И. ПОДВОЙСКОМУ восстановить здание для устройства в нем музея и школы физической культуры. Н.И. Подвойским было предложено Совету по сооружению на Воробьевых горах стадиона срочно приступить к реставрации в прежнем виде дворца с тем, чтобы до зимы закончить работы. На указанную цель была получена лишь небольшая сумма денег, почему ремонт был начат весьма небольшими силами и подвигался крайне медленно. Были выломаны сгнившие полы, накаты и балки, стены частично стали штукатурить, причем в одной из комнат была уничтожена орнаментная живопись на стенах и потолке.

Изготовление рам ввиду полного прекращения отпуска денег было приостановлено, и уже по наступлении зимы после выпавшего снега были зашиты тесом все открытые окна.

Таким образом, всякие работы по ремонту были прекращены.

Весною 1922 года вследствие соглашения между Главной школой физического развития и одним учреждением, которое было заинтересовано в освобождении школой помещения в центре города, занимаемого приютом для детей голодающих, благодаря стараниям и энергии помощника комиссара школы П.Ф. Базилевича в короткий срок был произведен капитальный ремонт почти всего нижнего этажа, куда летом перешел из города этот приют.

В настоящее время вопрос о ремонте и восстановлении дома снова вернулся к тому же положению, как это было в 1911—[19]12 году, когда Московская городская управа решила сдать его в аренду. Снова ведутся переговоры об отдаче на известное число лет с условием полного ремонта дома с предпринимателями на предмет устройства здесь ресторана.

Доклад окончен.

Так проследили, хотя бегло и приблизительно, жизнь этого уголка почти на протяжении 300 лет.

Жутко подумать, сколько пережили и сколько видели эти стены.

Ходит до сих пор легенда, что здесь в старом доме по ночам появляется на балконе тень несчастного страдальца, сгоревшего сумасшедшего графа, и долго блуждает, не находя себе покоя.

Есть и еще легенда о зарытом где-то здесь золоте мамоновских богатств, и этот клад несколько раз даже искали, то под вскрытыми полами, то около дома, то, наконец, в прудах...

А полуразрушенный белый дворец с колоннами грустно стоит и молчит...

Много хранит он, вероятно, тайн своего прошлого, о которых никогда не услышишь и не узнаешь...

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Ныне принадлежит Институту химической физики РАН (ул. Косыгина, д. 4).
- ² Здесь и далее по тексту в оригинале фамилии даны прописными буквами.
- ³ *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. — Ч. II. — М., 1873. — С. 490—492.
- ⁴ Все перечисленные термины, обозначают различные виды огней фейерверка.
- ⁵ Музейное собрание, формировавшееся «Старой Москвой» на протяжении всей ее деятельности.
- ⁶ Ружными назывались церкви, получавшие от казны особую выплату (ругу) — денежную или натурой.
- ⁷ Путеводитель по окрестностям Москвы и указатель их достопримечательностей / сост. М.П. Захаровым. — М., 1867. — С. 241.
- ⁸ Переписка братьев А.Я. и К.Я. Булгаковых (1802—1834 гг.) публиковалась в журнале «Русский архив» в 1900—1904 гг. См. также: Братья Булгаковы: Переписка: В 3 т. — М., 2010. — Т. 2: Письма 1821—1826 гг.
- ⁹ Фухтель — плоская сторона клинка холодного оружия.
- ¹⁰ Принадлежал М.А. Дмитриеву-Мамонову, известен как дом Дурасовых (Покровский б-р, д. 11).
- ¹¹ Путеводитель по окрестностям Москвы... — С. 242.
- ¹² Сорт крепкого курительного табака.
- ¹³ Надробие сохранилось.
- ¹⁴ Ф.Ф. Ноев (1840(?)—1901) — основал собственное дело по торговле живыми растениями в 1880-е гг., был соучредителем нескольких торговых фирм; в Васильевском выращивал цветы для продажи; в Сухуме основал питомник гиацинтов и других растений, выращиваемых на продажу (См.: *Джус А.* Семья Петуховых — купеческое гнездо и его птенцы // *Деньга: Альманах.* — 2021. — №1 (31)).
- ¹⁵ Очевидно, речь идет о наследниках Ф.Ф. Ноева.
- ¹⁶ Всеобщее военное обучение — система обязательной военной подготовки граждан; введена в 1918 г.

САХНОВСКИЙ Василий Григорьевич (1886–1945)

*Режиссер, театровед, педагог, д-р искусствоведения,
Народный артист РСФСР*

Работал в Театре им. В.Ф. Комиссаржевской, режиссер, заведующий художественной частью, заместитель художественного руководителя МХАТа, заведующий кафедрой режиссуры ГИТИСа, художественный руководитель Школы-студии МХАТ. Репрессирован, реабилитирован.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Выступал на «Старой Москве» лишь однажды с докладом «Москвич Островского» на последнем заседании «Старой Москвы» в качестве Комиссии МАО (152-е засед. 21.06.1923 г.).

МОСКВИЧ ОСТРОВСКОГО

*доклад на 152-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
21 июня 1923 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 49. Д. 13. Л. 1–2; архивное дело)

Машинописный текст под копирку, читается хорошо, с правкой. Листы двухсторонние, большеформатные. Л.1 «Дублет» (надпись карандашом). Запись сделана П.Н. Миллером.

Докладчик В.Г. Сахновский, говорит, что темой своего доклада «Москвич Островского» он взял не простое перечисление московских типов, выведенных Островским, что имеется в статье Варнеке¹, а выяснение, как Островский избразил москвича в своих произведениях.

Типы Островского, и одни и те же, были изображены различными художниками — Федотовым, Боклевским, Перовым, и в изображении каждого из них имеется разница, и изображения Боклевского² надо признать наиболее правильными.

Одна и та же жизнь, как Островский называет ее, «желтенькая», избразалась и Островским, и, напр[имер], Достоевским, но и тут изображение ее и ее действующих лиц тоже разное, хотя обоими ими взята бытовая

действительность, описана мелкая борьба и события. Островский — прямая противоположность Достоевскому. Если сравнить изображения Островского с иконами, то приходится сказать, что у него оклады скрывают лики; все содержание мелкой житейской драмы задавливает быт, т.е. та обстановка, в которой живут его действующие лица.

Пристально глядя на пьесы Островского, замечаем, что у него есть нарочитость положения, но это вполне законно, т.к. пьесы написаны специально для театра, а не представляют из себя лезештюков³. Эта нарочитость замечается всюду, и в песнях, где обнаруживается символика, и в самой манере письма, в котором много субъективности, достаточно вспомнить хотя бы названия тех городов, которые постоянно фигурируют у Островского — «Брехимов, Калинин, Черемухов...». В первой его вещи — о неведомой стране (Замоскворечье) ясно проглядывает желание как бы аберрировать действительность.

Если признать все указанные примеры, то люди Островского и Москва Островского — какие-то особые. Его Москва не чисто реалистическая Москва, а все-таки своя — Москва Островского. У него нет подлинного изображения действительности, для ее изображения он придумал новую форму, а потому и не мог дать правильную картину Москвы. Он создал новую своеобразную русскую драматургию, маленький человек, которого постоянно изображает Островский, изумителен по своим изображениям. Но, так как Островскому мало показать его по существу, и он должен показать его еще и по внешности, то он пользуется особым приемом — выбирает смешные слова и вкладывает их в речь своих типов.

Москва и москвичи Островского подлинны или нет. Надо сказать, «нет», ни в ранних, ни в поздних его произведениях. Такова ли жизнь, как ее изображает в своих пьесах Островский. И снова приходится спорить, «нет». Если пристально всмотреться в его произведения и глубже их изучить, мы ясно увидим, как преувеличена в них незначительность, и как уменьшена значительность.

Если взять еще сравнение, напр[имер], изображение действительности в колерах, в красках, напр[имер], одних и тех же сюжетов Кустодиевым и Перовым, то у Кустодиева мы всегда заметим преувеличение, у Перова — правильность и простоту. В отношении к живой Москве [18]50-х годов изображения Островского напоминают Кустодиева, т.е. они ярки не по действительности.

Нарочитость Островского замечается и в ремарках, вообще очень скупой им даваемых. Например, у Гоголя ремарки всегда просты, у Островского, наоборот, всегда преувеличены.

В лицах, которых изображали Островский и Достоевский, много тождественности, напр[имер], Досуев Островского (пьеса «Тяжелые дни» — *сост.*) — Лебедев — Достоевского (роман «Идиот» — *сост.*), Перцов Островского (пьеса «Тяжелые дни» — *сост.*) тип из «Подросток» Достоевского, и, хотя у Островского они выражены превосходно, но как-то запылены.

В живости у Островского при изображении Москвы нет ни археологичности, ни фотографичности, и его типы, так сказать, пресуществлены, т.е. изображение их доведено до предела.

Вывод: Москвич-москвичка Островского это некоторый вид рода человеческого, который надо изучать и наблюдать, но изучающему необходимо вооружение особыми очками.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Варнеке Б.В. Заметки об Островском. — Одесса, 1912. — 94 с.
- ² П.М. Боклевский (1816—1897), художник-иллюстратор.
- ³ Дословно с немецкого — короткий текст (отрывок) для чтения на занятиях.

СМЕРДОВ Владимир Николаевич (1870 — после 1920-х)

Полковник, военный историк, общественный деятель

Родился в Москве. Получил военное образование: окончил 2-й Московский кадетский корпус, 3-е военное Александровское училище (1891 г.), откуда выпущен подпоручиком. После службы в различных полках с 1899 по 1910 г. служил офицером родного Александровского училища. В 1903—1905 гг. составил и издал 3 выпуска «Сборника биографий бывших юнкеров Александровского военного училища и кадет Александринского сиротского кадетского корпуса».

С 1910 г. в звании полковника служил в размещавшемся в Москве Фанагорийском полку, где являлся одним из инициаторов создания военного музея этого полка, стал председателем Исторической комиссии полка. Председательствовал на 1-м съезде хранителей полковых музеев, был активным членом Императорского Русского военно-исторического общества. Поднимал вопрос о сооружении памятника А. В. Суворову в Москве.

В Первую мировую войну участвовал в качестве командира полка в боях под Лодзью, затем состоял в резерве, был начальником штаба 20-й пехотной запасной бригады, начальником 2-й Тифлисской школы подготовки прапорщиков пехоты (1917 г.). С апреля 1917 г. — генерал-майор. Участник Белого движения, эмигрировал, был заведующим «Русским домом» в Варне (Болгария). Имел много наград.

Избран в состав Комиссии «Старая Москва» на 36-м заседании 20 декабря 1913 г. С докладом, посвященным созданию Музея Старой Москвы, выступал лишь однажды — на 41-м заседании 11 марта 1914 г. Как уже имеющий опыт организации музея, он предложил организовать особую комиссию, выдвинул план сбора различных документальных материалов для будущего московского музея. Выступал на заседаниях еще дважды, с началом Первой мировой войны связь его с Комиссией прервалась.

К ВОПРОСУ О МУЗЕЕ СТАРОЙ МОСКВЫ

*сообщение на 41-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
11 марта 1914 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 49. Д. 29. Л. 1—4; архивное дело)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с автографом, с правкой и пометами. Листы большеформатные, сдвоенные, двухсторонние, разлинованные. Запись напоминает стенографическую, с пропуском букв и слогов.

Вопрос об устройстве в Москве музея Старой Москвы входит в задачи нашей комиссии. Я не состоял членом комиссии при ее основании, и потому и не знаю, что было высказано по отношению к этому вопросу, но полагаю, что уважаемые мои сочлены по этому делу, конечно, имеют свой вновь определенный и авторитетный взгляд, я же лично беру на себя смелость сказать по этому же вопросу несколько слов лишь потому, что сам, создав 2 музея (Александров. воен. училища¹ и 11 гр[енадерского] Фанагорийского полка²), и при устройстве их я, придер[живаясь] обыч[ного] поряд[ка], проводил несколько особенный взгляд, который, по моим наблюдениям, пока еще не имеет широкого распространения по отношению к музеям вообще. Этот-то взгляд я и хотел представить на усмотрение здесь, где предстоит решить вопрос о музее Старой Москвы, в надежде, что, быть может, и он пригодится для дела и найдет себе применение.

Вдумываясь в деятельность вообще исторических обществ, я всегда разделял такую точку зрения, которая делила работу деятелей на этом поприще на 2 части.

Первая часть, это деятельность, направленная к отысканию и восстановлению и сохранению прошлого. Она прекрасно усвоена и стоит на твердых научных основаниях, доказательством этого служат те результаты, которые мы видим, и обилие исторических обществ, особенно возросших за последнее время (здесь лишь, кстати, скажу, что жалко, что эти общества мало объединены между собою. Много есть вопросов, где это очень желательно. Укажу хотя бы на такой пример. При Импер[аторском] в[оенно]-ист[орическом] об[ществе] есть особая постоянная комиссия надписей, цель ее... (так в тексте — *сост.*). Думается мне, что ее задачи весьма соприкасаются с нашей комиссией, и единение здесь весьма, конечно, думается, уместно). Итак, возвращаясь к сказанному, первая часть это собирание, говоря короче, прошлого.

Вторая же часть деятельности в данное время, можно сказать, еще в зародыше. Эта деятельность должна в противоположность первой и, как бы являясь ее продолжением, быть направлена к сохранению научно-обоснованному всего, что в научных и иных целях необходимо из современной жизни сохранить для наших потомков, помня, что и наши дни когда-нибудь будут началом прошлого, позапрошлого и т.д. столетий. Помня также, что мы нравственно обязаны это сохранять для них, особенно живя в более культурное время, за что с нас и спросится больше, и, живя в такое время, когда в нашем распоряжении, благодаря технике, такие средства, о коих наши предки и не могли мечтать, а кто иногда в старые времена кое-что и придумывал, то платился подчас и жизнью, но это мы к слову. Мы еще как-то не привыкли думать о будущем, но это несколько эгоистично, если так можно выразиться, и, мне кажется, если чаще обращать внимание и на эту сторону жизни, то у нас выработается соответствующий взгляд и знание, что надо сохранить и что нет, подобно тому, как теперь наши археологи знают, что достойно внимания, а что нет, и без этого, главным образом, необходимо помнить, как я сказал выше, что и наши дни будут началом прошлого столетия.

Представляемый на ваше усмотрение взгляд я излагал в прошлом году на заседании Императорского военно-исторического общества по применению к одному вопросу. Он встретил сочувствие, и устроена комиссия для проведения его в жизнь. В настоящее же время, излагая его здесь, и льщу себя надеждою на внимание к нему и глубоководных членов общества С.М. («Старой Москвы» — *сост.*), что может иметь некоторую связь и с той комиссией, о которой я упомянул, но об этом я буду иметь честь доложить позднее.

Подходя теперь к вопросу о музее Стар. Москвы, я на основании вышеизложенного беру на себя смелость сказать, что и по отношению к нему всю деятельность надо также разделить на 2 части, одна будет направлена к отысканию и сохранению прошлого, и другая к сохранению настоящего (вернее, каждую минуту уходящего от нас в прошлое). Разве мы не обязаны для этой цели использовать все те средства, какие имеем под руками. Одним из могущественных средств является кинематограф, дающий возможность сохранить потомству не мертвые памятники, а почти живых людей. Мы любим картину Кузнецкого моста в XIX-м столетии, и можем оставить потомству современные улицы со всей жизнью на них. Разве мы не обязаны сохранить, например, современников [18]12 года, уже снятых на ленте и каждую минуту могущих бесследно исчезнуть. Разве мы не обязаны сохранить все торжества юбилея Отеч. войны (1812 года — *сост.*) и 300 юбилея царствования Дома Романовых³ и т.д. Все это захватить надо буквально немедленно (пример с Фанагорийским полком).

Разве не дорого для потомства сохранить почти живыми и их голоса, хотя бы тех лиц, кои в данное время служат, работают и пр. в Москве. Мы сохраняли раньше галереи портретов различных деятелей и ныне можем сохранить подобные же живые галереи.

Пора использовать кинематограф не как забаву, подчас приносящую вред нравственности и пр., а как средство, имеющее большое значение для истории, и в данном случае, для истории Москвы. Москва чуть не со дня своего основания давала тон и пример всему государству. Пусть же и в данном случае она положит начало, и ее примеру последуют другие города, и за ними и все государство.

Что, как и через какие сроки снимать или собирать для музея, это надо решить научно комиссии, к чему и желательно приступить немедленно. Главное же, надо с первых же шагов деятельности этой комиссии озаботиться сохранением уже существующих мест, дорогих истории, ибо они уже погибают, надо найти на это средства. Неужели Москва, щедро жертвующая на просветительные цели, откажет в этом: не хочется верить этому.

Вообще, приступая к устройству музея, если будут приняты во внимание и отмечаемые мною направления деятельности, мы не можем рассчитывать на свои силы, нас слишком мало и мы лишь любители, подчас уделяющие свои досуги. Но данный вопрос, вопрос дорогой для Москвы, вопрос государственный. Он должен привлечь к себе внимание не только обществ[енных] жертвователей,

но и город и государство. Он сразу должен быть поставлен на научную почву и в самое ближайшее время развиваться во всех направлениях. На этом поприще должны заработать и любители, и те, кто будет призван работать за жалование, кому зачтется его работа как служба. В противном случае, дело будет идти ни шатко, ни валко, и сколько утечет времени, и сколько ценного пропадет без пользы. Я, быть может, говорю смело, но приступать к этому делу надо по примеру нашего москвича Суворова с быстротою и натиском. Сделать надо немедленно почтительный натиск на высоких лиц, где, почему-то я верю, мы получим поддержку и моральную, и материальную, и тогда эта поддержка сразу подвинет внимание к нашему делу и со стороны тех, кто нам нужен.

Теперь, прося извинить мне мой смелый натиск и на Ваше внимание, натиск, которому, быть может, суждено, когда я окончу доклад, разлететься в прах, я позволю себе в самых кратких общих чертах набросать картину музея Москвы, как он представляется мне лично.

Мне представляется, что первое место в музее Москвы найдут себе все, какие только можно найти, ее планы, и некоторые, быть может, придется и составить по историческим данным и по преданиям, напр[имер], план времени Кучки⁴, хотя бы и с большим допуском фантазии. В дальнейшем коллекция этих планов должна периодически пополняться, начиная с плана современной Москвы. Здесь мне уже предвидится роль города, и какой-то проведенный им и сделанный для себя обязательным порядок, обеспечивающий музей своевременным получением соответствующих планов в те сроки, кои признано будет желательным установить. Само собою разумеется, что эта коллекция даст наглядное представление о расширении Москвы. Также интересно иметь план с отметками на нем исторических мест, где происходили какие-либо важные события, сражения и пр., и домов, где жили исторические лица, или также происходили важные для истории события.

2) Далее мое воображение рисует план с указанием всех существовавших и существующих церквей и монастырей Москвы.

Кроме того, необходимо собрать рисунки и фотографии московских церквей и монастырей, а тех, которых нет, снять. В данном случае нам могло бы оказать помощь само духовное ведомство.

3) Вслед за храмами приходится говорить о домах. Надо собрать также рисунки старых домов и так же снять уцелевшие дома и не только снаружи, но и внутри. Думается мне, что и здесь можно рассчитывать на некоторую помощь и самих домовладельцев. В дальнейшем же необходимо провести закон о ипотечной системе для домов по примеру Варшавы и просить город установить обязательства, чтобы перед сломом каждого дома его владелец был бы обязан представить в музей его план и снимок. Много планов уже исчезнувших домов можно достать, кажется, в архиве копированием.

Переходя теперь во внутрь домов, само собою разумеется, для музея дорого собрание предметов прежнего домашнего обихода, и на будущее установить,

что и когда следует оставлять. К данному отделу я, конечно, отношу не только дома частные, но и общественные, фабрики и пр. Их современная утварь легко может быть отмечена (? — *сост.*) при той же помощи кинематографа.

4) Почти то же приходится сказать и по отношению к улицам и к различным событиям жизни Москвы.

5) Теперь коснусь и того, кто живет и работает в самой Москве, в ее домах и учреждениях. Прежде всего, необходимо собрать возможно полное число портретов, фотографий и прежних москвичей, когда-либо живших и работавших в ней. Чьи портреты должны войти в эту галерею, это надо, конечно, решить.

Из современных же деятелей надо сохранить возможно большее число их и это легко сделать при помощи кинематографа, граммофона и фотографий; и здесь мне предвидятся (? — *сост.*) сроки для подобных снимков и пр. надобностей. Разве не дорого сохранить игру или голос знаменитых наших артистов, певцов и пр.

6) Большое место в музее должно быть отведено собранию литературных, научных трудов, изобретениям и пр. Этот отдел явится своеобразной выставкой всего, что дали науки и промышленность и пр. Москвы в лице ее жителей. Отдел этот, конечно, требует внимательной и научной разработки.

7) Московские газеты за прошлое и настоящее время, книги о Москве, каталоги издаваемых книг, адрес-календари и пр., и пр., все это должно найти себе соответствующее место, и обо всем этом надо теперь же подумать, теперь же наметить программу и план нашей деятельности, помня, что каждый прошедший час и день уже становятся достоянием истории.

На этом я и кончу утруждать Ваше внимание, прося простить за отнятое время.

КОММЕНТАРИИ

¹ Александровское военное училище возникло в 1863 г.; преобразовано из Александровского кадетского корпуса; упразднено в 1917 г.; располагалось в доме Апраксина на Знаменке (ул. Знаменка, д. 19–21).

² Здание казарм гренадерского Фанагорийского полка им. А.В. Суворова в Немецкой слободе — Бригадирский пер., д. 13 стр. 5 (дом лейб-медика Лестока — сгорел; Сенатский дом (арх. Д.В. Ухтомский), дом канцлера А.А. Безбородко, дворец цесаревича Александра (будущего императора Александра I), после пожара 1812 г. перестроен арх. О.И. Бове); в здании размещались военно-учебные заведения, казармы; ныне принадлежит МГТУ им. Н.Э. Баумана.

³ Юбилеи отмечались соответственно в 1912 и 1913 гг.

⁴ Боярин Стефан Иванович Кучко — полулегендарная личность XII в., связанная с начальной историей Москвы. Память о нем сохранялась в средневековой топографии Москвы: известные Кучковы села, Кучково поле (местность на севере и северо-востоке Белого города).

СОБОЛЕВ Николай Николаевич (1874–1966)

Художник, искусствовед, член МАО

Окончил Строгановское училище (1893 г.) и Московский археологический институт. С 1900 г. — преподаватель и член учебного комитета Строгановского училища. В 1923–1930 гг. — преподаватель текстильного факультета ВХУТЕМАС — ВХУТЕИН, с 1945 г. — профессор, декан кафедры истории искусств Московского высшего художественно-промышленного училища, заведующий Кустарным музеем. Автор работ по древнерусскому декоративному искусству, художественным тканям, русской народной мебели, истории и реставрации архитектурных памятников (Покровский собор, церкви Сретенского монастыря и др.). Художник, рисовальщик, каллиграф.

Похоронен на новом кладбище Донского монастыря.

Н.Н. Соболев — член-учредитель Комиссии «Старая Москва» и один из активнейших участников заседаний с 1911 по 1929 г. Сделал 9 докладов: «О постройке Триумфальных ворот у Тверской заставы» (9-е засед. 04.01.1911 г.), «О деревянных резных изображениях в московских церквях» (31-е засед. 15.05.1913 г.), «О русском зодчем половины и конца XV в. Василии Дмитриевиче Ермолине» (36-е засед. 20.12.1913 г.), «О церкви Марии Египетской в Сретенском монастыре» (101-е засед. 16.06.1921 г.), «План Спасского крестца в XVIII столетии» (144-е засед. 08.02.1923 г.), «О главках собора Василия Блаженного, разобранных в 1784 г.» (221-е засед. 16.04.1925 г.), «Столетие существования Строгановского училища» (250-е засед. 12.11.1925 г.), «Иноземцы-резчики Московской Оружейной палаты XVII в.» (321-е засед. 23.04.1927 г.), «Строительство иконостаса Новодевичьего монастыря» (358-е засед. 12.01.1928 г.). Очень часто выступал в прениях и с информационными сообщениями — не менее 34 раз. Не раз выступал с информацией об осмотрах памятников, о предстоящих их сносах и др. 5 раз председательствовал на заседаниях «Старой Москвы» (в 1921 г. — дважды, в 1922 г. — один раз, в 1923 г. — дважды).

ПЛАН СПАССКОГО КРЕСТЦА XVIII СТОЛЕТИЯ

*доклад на 144-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
8 февраля 1923 г.¹ (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 49. Д. 38. Л. 1–7об.; архивное дело)

Машинописный текст, с рукописной правкой и пометами чернилами и карандашом, с автографом, есть опечатки, подклейка. Листы двухсторонние, с тиснением. Есть приложение к докладу Н.Н. Соболева — «Объяснительная надпись на плане архитектора Кирина (? — сост.) 1784 года».

При выходе из Кремля через Спасские ворота на Красную площадь внимание каждого прохожего привлекает какая-то искусственная пустота между стенами этой части Кремля и собором Василия Блаженного. Это знаменитый Спасский крестец, игравший роль своеобразной биржи бесприходного духовенства, ежедневно собиравшегося с предложением своих услуг.

Спасский крестец или перекресток существовал почти до конца XVIII столетия, когда были снесены многочисленные постройки, лепившиеся по обеим сторонам Спасского моста, вокруг Василия Блаженного и спускавшиеся вниз к реке, вдоль линии Алевизова рва². Самый же мост был разобран после [18]12-го года. На старинных гравюрах и рисунках XVIII столетия, представляющих эту сторону Красной площади, видны силуэты построек, в которых торговало московское купечество. Фотографических снимков с этих картин имеется очень много в коллекциях Э.В. Готье, ныне хранящихся в Московском Румянцевском музее³. Недавно наш уважаемый сочлен Н.П. Сырейщиков указал мне на один любопытный план этой местности, который хранится в настоящее время в Московском Губернском архиве. Когда-то к плану прилагались фасады и разрезы изображенных на нем зданий; к сожалению, они до нас не дошли, и лучшей иллюстрацией к нему является одна масляная картина 1787 года из собрания графов Шереметевых, находившаяся в их подмосковном имении Кускове, на которой с поразительной точностью выписаны все детали зданий, изображенных на представляемом мною плане.

План этот, составленный на основании конфирмованного Петром Великим 7-го июля 1715 года «Положения о приведении Москвы строениями в лучшее состояние, согласно генерального учреждения и плана», дает интересную картину Спасского крестца на протяжении пятидесяти с лишком лет. Помимо чертежа, подписанного архитектором Семеном Кириным⁴, на нем имеются подробные данные о владельцах построек и пометка: «По исходящей №216 апреля... дня 1784 года», дающая более или менее точную дату рассматриваемого документа.

Пожар Кремля 19 июня 1701 года⁵ очистил этот последний от многих мелких деревянных построек, придававших такой деревенский вид всему городу. 4-го июля того же года был издан Петром I указ с угрозой наказания и великой пени тому, кто будет строить деревянные, а не каменные дома. К этому же времени, очевидно, относится и мысль о генеральной перепланировке города, которая была утверждена, как сказано выше, в 1715 году. Но перенесение столицы в Петербург в 1703 году и великая Северная война (1700—1721 гг. — *сост.*), тянувшаяся свыше 20 лет, отодвинули исполнение этого плана надолго. Опасность движения Карла XII на Москву заставила Петра в целях предосторожности воздвигнуть ряд укреплений вокруг Кремлевских стен. С 1707 года началась постройка земляных бастионов или болверков, и на нашем плане возле Константино-Еленинской башни видны острые профили этих сооружений. Показан и Алевизовский ров, построенный еще в 1508 году, с двумя каменными

стенами. По свидетельству [И.Е.] Забелина, он имел в подошве от 14 до 16 сажень, а по верху — 17⁶; на нашем плане он уже вполовину, и расстояние между стенами не превышает 8 саж. Видны на плане и предмостные укрепления около Спасских ворот, и самый Спасский мост на арках, имевший в длину до 20 саж. В эту меру он показан и на плане. Правее его видна батарея — большое четырехугольное здание, стоявшее вправо от Спасских ворот. Мерию 8x15 саж., судя по картине из Кусковской вотчины гр. Шереметева, здание это представляло каменную площадку, около 2-х аршин высотой, на которую вел отлогий въезд со стороны теперешнего Исторического музея. Над этой площадкой, на массивных каменных столбах, по 6 с длинных сторон и по 4 с коротких, покоилась высокая четырехскатная железная крыша. По направлению Ильинки выглядывали жерла 4-х пушек. Бли[же] к Спасскому крестцу стояла Царь-пушка, отлитая в 1586 году Андреем Чоховым, далее — «Троил Старый» и «Аспид», обе 1590 года, произведения того же мастера. Ближе к Никольским воротам — «Единорог», работы Мартьяна Осипова 1670 года.

На Спасском мосту, очевидно, уже не было тех книжных лавок и ларьков, о которых так много сохранилось сведений; на плане они не показаны, и на Кусковской картине их тоже не видно. Вероятно, торговля с моста перешла к стенам Василия Блаженного, а у Спасского моста, как раз на углу крестца, осталось только одно большое каменное владение, принадлежавшее купеческой вдове Федоре Андреевне Курочкиной. На той же картине из собрания гр. Шереметева видно это здание, представляющее солидную постройку, вероятно, имевшую 2 этажа, подобно другим, сохранившимся домам этого времени. Низ с мелкими почти квадратными окнами и помещениями для торговли, а верх, предназначенный для жилья, имел окна более удлиненной формы и большего размера. По углам здания парные или одинарные полуколонны поддерживают фигурный карниз. Высокая железная крыша с каменным парапетом и одной дымовой трубой венчает постройку. Большое пространство каменной стены над окнами лицевого фасада позволяет предположить, что с задней стороны, со стороны стен Кремля, имелись небольшие окна третьего этажа, тех горенок, которые обычно делались в купеческих домах до половины XIX столетия.

Спасский крестец и постоянные его обитатели, безместные «крестцовые» попы, известны нам еще по Стоглавому собору 1551 года⁷, посвятившему свою 69 главу установлению тиунской пошлыны за разрешения на службу в церквах этим священникам. Позднее устройство Патриаршей избы с тиуном, заведовавшим порядками поповского управления, подле собора Василия Блаженного закрепило обычай собрания безместных священников именно в этом месте Москвы.

Борьба с ними велась духовными властями около двухсот лет. «В установленную Патриархом избу они не ходят», как писал один из патриарших тиунов Иван Чортов в 1604 году, «а садятся у Фроловскаго (Спасского — *сост.*) моста и бесчинства

чинят велия, меж себя бранятся и укоризны чинят скарედныя, смехотворныя, а иные меж себя играют и борются и в кулачки бьются; а которые наймуются обедню служить и они с своею братьею, с которыми бранилися, не простясь, божественную литургию служат». Меры, принятые по этому поводу, очевидно, ни к чему не привели, т.к. через полтора года с лишком лет, в 1768 году, московский митрополит Амвросий⁸, зверски убитый во время чумного бунта в 1771 году, писал, что «в Москве праздных священников и прочаго церковнаго причта людей премногое число шатается, которые к крайнему соблазну, стоя на Спасском Крестце для найму к служению по церквам, великия делают безобразия, производят между собою торг и при убавке друг перед другом цены вместо надлежащего священнику благоговения произносят с великою враждою сквернословную брань, иногда же делают и драку. А после служения, не имея собственного дому и пристанища, остальное время или по казенным питейным домам и харчевням провождают, или же, напившись до пьяна, по улицам безобразно скитаются» (Розанов, II кн. 2, 72. «История Московского Епархиального Управления»⁹).

Возникновение представленного мною плана местности около Спасского крестца и собора Василия Блаженного, обязано прошению протоиерея этого храма Ивана Герасимова, которое до нас не дошло, но в котором он, между прочим, требует для возобновления колокольни и ограды около собора снести назначенные к сломке еще по генеральному плану 1715 года лавки и строения, облепившие храм. Очевидно, это прошение рассматривалось «у его высокородия господина бригадира и московскаго обер-полицейместера Бориса Петровича Островскаго», и последним была положена резолюция, благоприятная для протопопа. И вот для «лучшего рассмотрения» и был сделан архитектором этот чертеж с прикрытием тушью тех зданий, которые надо было сломать. Из этого плана мы узнаем поименный состав тогдашнего причта собора, который во время чумы потерял 1-го протоиерея и 14 священников; пережили поветрие только 1 священник и 1 дьякон (См.: «Книга записная достопамятных вещей Московского Покровского Собора»¹⁰, стр. 3; «Исторические записки и сведения о Покровском и Святого Василия Блаженного Соборе в столичном граде Москве». Изд. А.Е. Белянкина 1847 года¹¹). По данным рассматриваемого плана, причт является уже в новом составе, в числе 6-ти следующих лиц: 1) протоиерея Ивана Герасимова, 2) священника Николая Никитина, 3) дьякона Василия Васильева, 4) дьячка Василия Ильина, 5) пономаря Михаила Петрова, 6) вдовой попадьи Дарьи Яковлевой, исполнявшей, по всей вероятности, обязанности просвирни. Кроме этого, мы узнаем из плана имена московских купцов, торговавших около собора на своей или оброчной земле, цену на землю и лавки в этой части города в XVIII столетии, размеры владений и пр.

Против южного крыльца Василия Блаженного стоял двор протопопа Ивана Герасимова, упираясь задами в стены Алевизова рва. Обозначенный на плане под №28, двор занимал площадь в 60 кв. саж., имея по улице 10 саж., а в глубину

участка 6. Большая часть владения была занята каменным домом с крыльцом посредине фасада, несколько выступавшим вперед. У второго священника было два владения с каменными постройками. Первое по этому же порядку, ближе к Спасскому крестцу — на плане №32, с каменным домом по улице и деревянными надворными постройками в глубине владения. Мерею по улице 8 саж., а в глубину $4\frac{1}{2}$ саж. Второе владение находилось перед северным шатровым крыльцом собора (на плане №34) на том месте, где теперь начинается чугунная решетка каменной ограды. Эта вторая усадьба имела 10 саж. х 4 саж. Таким образом, во владении отца Никитина было 76 кв. саж. с 2-мя каменными домами. Двор дьякона Василия Васильева стоял под горой, там, где теперь идет продолжение Варварки, между Москворецкой улицей и Васильевской площадью¹² — по плану №24. Усадьба у отца дьякона была небольшая, хотя на ней показано 4 строения. Представляя почти правильный четырехугольник, она имела в длину $10\frac{1}{2}$ саж., а в ширину $\frac{1}{2}$, всего же $68\frac{1}{4}$ кв. саж. Рядом с ней, выше и ближе к колокольне и южной стороне собора находился двор с тремя постройками вдовой попадьи Дарьи Яковлевой, мерею $12 \times 6\frac{1}{2}$ саж., а всего 78 кв. саж., а выше ее двора лежало угловое владение (№26) пономаря Михаила Петрова — 11×7 саж., площадью 77 кв. саж. Двор дьячка Василия Ильина (№31) помещался рядом с двором священника Никитина, выходя задом к кремлевским стенам и представляя два смежных владения, мерею по улице $8\frac{1}{2}$ саж., а в глубину 6 саж., всего 51 кв. саж. Таким образом, весь причт собора занимал своими дворами земли 410 кв. саж.

Вся местность около собора представляла собою целую сеть мелких проулочков. Если бы мы, сойдя со Спасского моста, повернули направо под гору, где теперь мчится трамвай, мы увидели бы узкую улочку, в 6 арш. ширины, на углу которой справа стоял уже упомянутый мною каменный дом купчихи Курочкиной, а за ним, по эту же сторону шли дворы священника Никитина (№32), 2 двора дьячка Ильина, деревянное владение (№30) грека Лазаря Карпова и, по плану №29, большое владение с каменным домом купца Ивана Ножова, занимавшее по улице более 2 погонных саженей. Рядом с ним было расположено угловое владение протопопа Ивана Герасимова. Далее по тому же порядку, через переулок спустился под гору двор со строениями, занятый под лабораторию Берг-Коллегии¹³. Это большое владение в виде косоугольного четырехугольника, обозначенное на плане №27, имело несколько каменных и деревянных зданий и выступало вперед на 5 саженей против линии остального порядка. Образуя угол площадки перед храмом, оно тянулось по улице на целых 15 сажен., а в глубину уходило на 12. Углом одного из своих задних строений оно подходило вплотную к земляному болверку Петровских укреплений Кремля. Против фасада лаборатории, по другой стороне улицы идут дворы дьякона, попадьи и пономаря, к задом которых примыкают каменные лавки на оброчной земле (на плане №23) московских купцов Назара Степановича Галькова да Никиты Павловича Павлова, которыми они владели

с 1772 года, получив их по купчей от Прасковьи Ивановой, вдовы московского купца и суконного фабриканта Алексея Ивановича Иванова. Место этих лавок, равно как и трех владений церковнослужителей, теперь занято продолжением Варварки и частью владений Базыкина¹⁴. Между владениями Галькова и Павлова и колокольной собора был узкий проулочек 5 арш. ширины, с лестницей, выходившей одним концом на Москворецкую улицу, а другим на площадку у южной стороны собора. Далее по ограде собора шел ряд лавок по дуге, огибавший восточную и южную стороны собора и подходивший к дому купчихи Курочкиной. Здесь было 17 отдельных владений, Прямо против дома Курочкиной стояло невысокое здание под железной крышей (на плане №7 и 8), с 4-мя лавками. Три из них принадлежали московскому купцу Ивану Семеновичу Чикину, а четвертая — купцу Ивану Осиповичу Татаринovu, который владел ею со 2-го апреля 1742 года, когда он приобрел ее по купчей крепости от московского же купца Артамона Федоровича Турчанинова за 750 руб. Дальше идут владения двух братьев Мыльниковых. Первое, обозначенное на плане №9 и стоявшее под углом к предыдущим владениям, принадлежало московскому купцу Василию Алексеевичу Мыльникову. Второе, на оброчной земле, обозначенное на плане №10, принадлежало купцу Ивану Алексеевичу Мыльникову и состояло из 3-х лавок. Две лавки достались ему в 1742 году по купчей от московского купца Якова Леонтьевича Хвастливого, получившего их, в свою очередь, в наследство от своего отца, а третья была куплена в 1777 году в сентябре у московского купца Алексея Петровича Зубкова.

Интересно отметить рост цен на землю и лавки. В 1742 году Мыльников купил у Хвастливого две лавки всего за 550 руб., а уже через 35 лет в 1777 году он же покупает одну лавку у Зубкова за 1000 руб. Таким образом, за 35-летний период цены возросли почти вчетверо. Дал[е] шли лавки купеческой вдовы Пелагеи Алексеевны Волоковой, показанные на плане под №11. Рядом с волоковскими лавками помещались лавки (на плане №12) другой купеческой вдовы, Татьяны Евдокимовны Тамчаловой, доставшиеся ей по разделу с ее многочисленной родней. В подлинном документе подробно перечислена вся родня до третьего поколения: «Лавки вдовы Татьяны Евдокимовой дочери Дмитриевой жены московского купца Яковлева сына Тамчалова, доставшаяся ей по разделу со вдовою Евдокимовою дочерью Афанасьевую женою Иванова сына Турчанинова да Московским купцом Васильем Петровым сыном Жаренковым после умерших Марьиного отца, а Васильева деда родного московского купца Евдокима да брата его родного Марьиного дяди, а Васильева деда же московского купца Ивана Митрофанова детей Володимировых».

Следующие в ряду (на плане №13) были лавки упоминавшегося уже Семени Осиповича Татаринова, купленные им в 1742 году тоже у купца Артамона Федоровича Турчанинова за 750 рублей. Все эти 4 владения задами примыкали к владению 2-го священника — Никитина, фасадом своим глядевшему на

северную стену собора. Последняя каменная лавка в этом ряду принадлежала московскому купцу Ивану Никитичу Сорову, которым крепостей на его лавки представлено не было. Рядом с ними тянулись почти на 8 сажень деревянны лавки (на плане №15) Московского купца Луки Афанасьевича Девятова, купленные им в Канцелярии Конфискаций за 3125 руб. 18 августа 1783 года. Очевидно, что это было владение, или оставшееся после чумного года (1771 г. — *сост.*) без владельца или же вымороченное, пущенное с торгов. Далее идет опять целый ряд каменных владений сначала двух братьев Иконниковых, Петра и Николая (на плане №16), тяжбное дело которых подробно описано в нашем документе: «Лавки надворного советника Петра да Московского купца Николая Ивановых детей Иконниковых, которые достались им по наследству после отца Ивана и дядьев их родных Артемья, Гр[е]горья и Никиты Ивановых детей Иконниковых, а им дошедшие по закладным или по купчим после 730-го году, а в котором точно году, о том скаскою показал первой части на съезде дворе реченой купец Николай Иконников, что он наследством не помнит от Московского купца Прокопия Красильникова, на которые лавки закладными или крепости писаны в Московской Крепостной Конторе Красильникова и даны б по смерти отца також и дядей их родных Артемьем, Григорьем и Никиты Иконниковых детей — усиленно завладел (означенной Артемьев — сын — Мина Иконников) их имением, а все письменныя документы и крепости удержал в своих руках, почему вышписанныя лавки в Магистрате за ним Миною записаны и владеет он». Далее лавки московского купца Игнатия Фокина Свешникова (№17). За ними идут две рядом лавки, которые ранее принадлежали одному владельцу Григорью Григорьевичу Лукашеву, но когда составлялся настоящий план, оказалось, что одно владение (№18) действительно составляет собственность Лукашева, как купленное им 1-го февраля 1777 года у Московского мещанина Михаила Петровича Шмакова за 3000 рублей, который, в свою очередь, получил их от отца своего Петра Шмакова, и лавки эти не на своей, а на оброчной земле. Вторая же лавка — самое маленькое владение из всех, окружающих собор, это торговля купеческой жены Прасковьи Дмитриевой (на плане №19), ранее на предшествующих планах значившаяся как владение Лукашева. За этой маленькой лавочкой шла торговля московского купца Семена Ивановича Мыльников, а за нею две лавки, примыкавшие к восточной стене колокольни: первая московского купца Абрама Васильевича Зубкова и рядом с ним угловая лавка какого-то майора, имя и отчество которого сохранилось, а на месте фамилии осталась только дыра на бумаге. Звали этого купца-воина Николай Тимофеевич. Лавка его занимала очень живописное место. Она стояла на углу проулочка, который, поднимаясь в гору, оканчивался лесенкой, выводящей кверху как раз на том месте, где теперь возвышается подпорная стенка ограды, а за нею вделана большая икона с лампадой под вычурным навесом из фигурного железа, очевидно, появившимся не ранее эпохи Елизаветы Петровны.

* * *

Подводя итог сведениям, которые мы почерпнули из разбора этого любопытного плана, находим, что из купеческих родов, торговавших около стен Покровского собора, наиболее старинной фирмой была фирма братьев Иконниковых, владевших торговыми помещениями с 1723 года и получивших их в наследство по купчей от своих же родных.

Одновременно с ними торговал московский купец Артамон Федорович Турчанинов, который имел 2 владения до 1742 года, в этом году он прекратил свою торговлю и продал оба владения (№8 и №13) Семену Осиповичу Татаринovu. В этом же году окончил торговлю и купец Хвастливый, продавший отцовскую лавку (№10) Ивану Алексеевичу Мыльникову. Следующие перемены в среде купечества произошли уже после московской чумы. В 1772 году появились крупные владельцы целого ряда лавок на оброчной земле. Назар Степанович Гальсков и Никита Павлович Павлов, приобретшие их от бывшего суконного фабриканта Иванова. В 1777 году вместо фирмы Шмаковых появляется Григорий Григорьевич Лукашев, и в 1783 г. — Лука Афанасьевич Девятov.

Позже, до составления настоящего плана, изменений в составе купечества не происходит, и, вероятно, все выше перечисленные торговые люди старой Москвы были последними владельцами и насельниками около стен древнего собора. Очевидно, просьба протопопа, хотя и получила благоприятную резолюцию господина бригадира и об[е]р-полицмейстера Москвы, и, хотя и был изготовлен и специальный план архитектором Кириным с прикрытием тушью для лучшего рассмотрения тех мест, которые надлежат к сломке, все же, видно, купечество не сдалось сразу и, потрянув мощной, затеяло волокиту. По крайней мере, мы видим, что между планом 1784 года и картиной из Кускова от 1787 года прошло целых три года, а местность осталась без всяких изменений. Только уже на гравюрах Делябarta¹⁵ и позднее на гравюрах из коллекции Ефремова (1805 г.), изображающих виды Москвы до нашествия Наполеона, нет следов крестецких построек. На гравюре 1805 года еще видны каменные парапеты Спасского моста, засыпанного землею вместе со рвом и едва возвышающегося над уровнем Красной площади¹⁶, видна и та подпорная стенка с чугунной решеткой, которая существует и до сего дня, но от Спасского крестца с его шумной толпой и мелкими построечками, лепившимися вокруг величественного памятника XVI столетия, не осталось никакого следа.

Приложение к докладу

Объяснительная надпись на плане архитектора Кирина 1784 года

План, учиненной во исполнение конфирмованного 1715 года июля 7-го дня о приведении Москвы строениями в лучшее состояние генерального учреждения и плана, подлежащим в площадь, а равно и для расширения проезда около лобного места и Покровского собора в Китай-городе застроенным разным мелочным лавкам, которые по тому генеральному плану назначены в сломку. А вышеозначаемого Покровского собора протоиерей Иван Герасимов прошением

своим, прописывая, между прочего, требовать к возобновлению колокольни и ограды, чтоб те лавки приказано было очистить и в сходственность подписанной рукою Его высочордия господина бригадира и московского обер-полицмейстера Бориса Петровича Островского на том требовании резолюции; для лучшего рассмотрения оказываются на сем плане прикрытые тушью разные строения для учинения площадки надлежат к сломке, коим прилагаются фасады и профили, а к ним прикосновенные:

- 1) Означенной Покровской собор и при оном колокольня
- 2) Лобное место
- 3) Спасской мост
- 4) Батарея
- 5) Стена города Кремля и ров, выделанной стенами каменными
- 6) Красная площадь и часть рядов, и к распространению подходят следующие строения

в сломку, а из них:

- 7) Лавки московского купца Ивана Семенова сына Чикина
- 8) Лавки московского купца Семена Осипова сына Татарина, доставшиеся ему по купчей в прошлом 1742-ом году апреля во 2-й день от купца Артамона Федорова сына Турчанинова за семь сот пятьдесят рублей, а мерою под означенными лавками и лавочными местами земли длинник и поперечник по старым местам и по лавочным оброчным книгам.

- 9) Лавка московского купца Василия Алексеевича сына [Мыль]никова.

- 10) Лавка на оброчной земле купца Ивана Алексеева сына Мыльников, две доставшиеся ему по купчей в прошлом 1742-м году декабря в седьмой день от московского купца Якова Леонтьева сына Хвастливого за пять сот пятьдесят рублей, а к нему дошедшие по наследству после отца его московского купца Леонтия Хвастливого, а третья 1777 году сентября в 18 день по купчей от московского купца Алексея Петрова сына Зубкова за тысячу рублей.

- 11) Лавки вдовы купеческой жены Пелагеи Алексеевой дочери Волоковой, которые при снятии их на плане показаны были купеческой жены Прасковьи Семеновы дочери Мыльниковой от Волоховой крепостей и не представлено.

- 12) Лавки вдовы Татьяны Евдокимовой дочери Дмитриевой жены московского купца Яковлева сына Тамчалова, доставшаяся ей по разделу со вдовою Евдокимовою дочерью Афанасьевою женою Иванова сына Турчанинова да московским купцом Васильем Петровым сыном Жаренковым после умерших Марьиного отца, а Васильева деда родного московского купца Евдокима да брата его родного Марьиного дяди, а Васильева деда же московского купца Ивана Митрофанова детей Володимировых.

- 13) Лавки Семена Осипова сына Татарина, доставшиеся ему по купчей в прошлом 1742 году июля в 28 день от купца Артамона Федорова сына Турчанинова за семь сот пятьдесят рублей.

- 14) Лавки московского купца Ивана Никитина сына Сорова, по требованию из части крепостей не прислано.

- 15) Лавки московского купца Луки Афанасьева сына Девятова, доставшиеся ему поданной в прошлом 1783-м году августа в 18 день из канцелярии конфискации за три тысячи сто за двадцать за пять рублей.

- 16) Лавка Надворного советника Петра да московского купца Николая Ивановых детей Иконниковых, которы[e] достались им по наследству после отца Ивана и дядьев их родных Артемья, Григорья и Никиты Ивановых детей Иконниковых, а им дошедшие по закладным или по купчим после 730-го году, а в котором точно году, о том сказкою показал первой части на съезде двора реченной купец Николай Иконников, что он наследством не помнит от московского купца Прокопия Красильникова, на которые лавки закладными или крепостями писаны в Московской Крепостной конторе Красильникова и даны б по смерти отца також и дядей их родных Артемьем, Григорьем и Никиты Иконниковых детей — усиленно завладел (означенной Артемьев — сын — Мина Иконников) их имением, а все письменные документы и крепости удержал в своих руках, почему вышеписанные лавки в Магистрат за ним Миною записаны и владеет он.

- 17) Лавки московского купца Игнатия Фокина Свешникова по требованию крепостей из части не прислано.

18) Лавки московского купца Григорья Григорьева сына Лукошева, доставшиеся ему по купчей в прошлом 1777-м году февраля 1-го дня от московского мещанина Михаила Петрова сына Шмакова, за триста рублей, а к нему дошедшие по наследству после отца его московского купца Петра Шмакова на оброчной земле.

19) Лавки купеческой жены Прасковьи Дмитриевой дочери, которые при снятии плана показаны были московского купца Григорья Григорьева сына Лукашева.

20) Лавки московского купца Семена Иванова сына Мыльниковца, по требованию крепостей из части не прислано.

21) Лавки московского купца Абрама Васильева сына Зубкова, по требованию крепостей из части не прислано.

22) Лавки майора Николая Тимофеева сына... (фамилия в тексте документа утрачена — *сост.*), [по тре]бованию крепостей из части не прислано.

23) Лавки на обро[ч]ной земле московских купцов Назара Степанова сына Гальскова да Никиты Павлова сына Павлова, доставшиеся им по купчим в прошлом 1772 г. мая 21 дня московского купца и суконной фабрики содержателя Алексея Иванова сына Иванова, от жены его Прасковьи Ивановой дочери, а ей доставшиеся по наследству после умершего отца ее директора Ивана Медовщикова по разделу с мачехою ее Мариєю Филипповою дочерью и с сестрами Марьею генерал-аудитора лейтенанта Николаевою женою Копнина и Татьяною Ивановыми дочерьми московского купца Степановою женою Струговщикова за двадцать за две тысячи рублей.

24) Двор онго Покровского собора с строением дьякона Василия Васильева, крепостей не требовано.

25) Двор с строением попадьи Дарьи Яковлевой.

26) Двор с строением пономаря Михаила Петрова.

27) Двор с строением берг-коллегии лаборатории.

28) Двор с строением онго ж собора вышписанного протоиерея Ивана Герасимова.

29) Двор с строением купца Ивана Нахова.

30) Двор с строением грека Лазаря Карпова.

31) Двор с строением дьячка Василия Ильина.

32) Двор с строением священника Никиты Никитина.

33) Строение каменное вдовы купеческой жены Федоры Андреевой дочери Курочкиной.

34) Двор с строением священника Никиты Никитина.

Архитектор Семен Кирин

КОММЕНТАРИИ

¹ В архивных деле и описи дана дата — 7 февраля.

² Устройство рва при строительстве новых кремлевских стен и укреплений в конце XV — начале XVI в. было окончено к 1519 г.; ров шел вдоль восточной стены Кремля (соединял реки Неглинную и Москву, наполнялся водой из Неглинной); работы производились под руководством итальянского архитектора и инженера Алевиза Фрязина (Алоизио да Карезано).

³ Румянцевский публичный музей образован на основе библиотеки и коллекций графа Н.П. Румянцева (1754—1826); существовал в 1862—1925 гг. После ликвидации музея коллекции распределены между художественными музеями Москвы и Ленинграда.

⁴ Можно предположить, что речь идет об архитекторе Семене Карине (1733—1797), состоял архитектором при московской Полицмейстерской канцелярии, затем при Управе благочиния (1770-е гг.), был в должности московского губернского архитектора (1790 г.). В 1775—1790 гг. участвовал в разработке Прожескированного плана Москвы, составлял планы, чертежи и проч.

⁵ Один из крупнейших пожаров Москвы; начался в Кремле, продолжался несколько дней, распространился на другие территории, в том числе на Садовые слободы в Замоскворечье и др.

- ⁶ В «Истории города Москвы» И.Е. Забелин указывает: «Глубина этого рва... простиралась до 4 саж., ширина показана в 17 саж. вверх и 15 саж. вниз» (См.: *Забелин И.Е. История города Москвы.* — Ч. 1. — М., 1902. — С. 143).
- ⁷ В 1551 г. в Москве был создан Земский собор и Поместный собор Русской Церкви, его решения составили сборник — «Стоглав» (состоящий из 100 глав).
- ⁸ Амвросий (Зертис-Каменский) (1708—1771), архиепископ Московский.
- ⁹ *Розанов Н.П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721—1821).* — Ч. 2. — Кн. II. — М., 1870. — С. 72.
- ¹⁰ «Книга записная достопамятных вещей Московского Покровского собора и Василия Блаженного, что на Рву» — рукописная книга XVIII—XIX вв. Считалась утраченной; в 2023 г. возвращена в Покровский собор (отдел Государственного Исторического музея).
- ¹¹ Исторические записки и сведения о Покровском и святого Василия Блаженного соборе, в столичном граде Москве, основанные на верных фактах и почерпнутые из достовернейших источников Л.Е. Белянкиным. — М., 1847. — 62 с.
- ¹² Эта часть бывшей Васильевской пл. ныне называется пл. Васильевский спуск.
- ¹³ Берг-коллегия, учреждена в ходе петровских реформ в 1719 г.; осуществляла управление горнорудной промышленностью.
- ¹⁴ Все пространство от собора Василия Блаженного до Москвы-реки вдоль пл. Васильевский спуск и ул. Москворецкой ныне застройки не имеет.
- ¹⁵ Ж. Делабарт, французский живописец, гравер. В России был в 1780-е — 1810-е гг.; известен своими городскими пейзажами.
- ¹⁶ Алеизов ров к началу XIX в. был в значительной степени засыпан землей и мусором, в первые годы этого столетия разобрали мосты у Спасских и Никольских ворот; окончательно ров ликвидирован в 1813 г. в ходе реконструкции Красной пл. под руководством архитектора О.И. Бове после пожара 1812 г. Комиссией для строений в Москве.

СТЕЛЛЕЦКИЙ Игнатий Яковлевич (1878–1949)

Археолог, историк, исследователь подземной Москвы, член МАО

Родился в с. Григорьевка Александровского уезда Екатеринославской губ. в семье сельского учителя. Мать его была дочерью священника. Окончил Харьковскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию (1905 г.). Работал учителем истории и географии в русско-арабской семинарии на Ближнем Востоке — в Назарете, участвовал в раскопках в Палестине. В 1907 г. переехал в Москву, поступил в Московский археологический институт (закончил в 1910 г.), одновременно работал в Московском архиве Министерства юстиции. В 1916 г. мобилизован на Кавказский фронт, организовывал археологические изыскания на территории Турции.

После 1917 г. жил и работал на Украине, преподавал археологию в Украинском университете в Киеве. В 1923 г. вернулся в Москву, работал в Историческом музее. В 1930-е гг. как знаток подземной Москвы сотрудничал с Московским метрополитеном, консультировал метростроителей, сотрудников Наркомата обороны. В 1933–1935 гг. производил раскопки в Арсенальной башне Кремля, занимался поисками библиотеки Ивана Грозного. В годы Великой Отечественной войны оставался в Москве.

Похоронен на Ваганьковском кладбище. Долгие десятилетия могила его считалась утерянной, найдена в 2010-х гг. некрополистами, новое надгробие поставлено в 2011 г.

Активно участвовал в деятельности ряда московских научно-исторических общественных организаций, был членом обществ: Палестинского, Русского военно-исторического, Любителей духовного просвещения (его церковно-археологического отдела), а также — Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии.

Обладая обширными знаниями в области археологии, архивного дела (как представитель МАО участвовал в разборке дел старых московских архивов), богословия, истории Москвы, значительную часть творческой жизни посвятил изучению подземной Москвы: поиски подземных ходов, библиотеки Ивана Грозного и т.д. Составил «План подземной Москвы», согласно которому средневековые подземные сооружения города в пределах Садового кольца связаны между собой и с Кремлем. Далеко не все современники верили в утверждения Стеллецкого. Последние годы жизни работал над книгой о библиотеке Ивана Грозного.

И.Я. Стеллецкий — член-учредитель и один из самых активных членов «Старой Москвы». Всего им сделан на заседаниях Комиссии 21 доклад на разнообразные темы, в том числе в дореволюционные годы (1909–1916 гг.) — 14 (и в этом ему не было равных в Комиссии). По всей видимости, в 1917–1923 гг. заседания посещал мало, с конца 1924 г. по конец 1927 г. выступал 6 раз с докладами.

Доклады И.Я. Стеллецкого на заседаниях «Старой Москвы»: «К истории Московского водоотводного канала» (5-е засед. 16.03.1910 г.), «Подземный ход под Новодевичьим монастырем в Москве» (11-е засед. 22.01.1911 г.), «Новые подземные ходы под Москвой» (16-е засед. 05.12.1911 г.), «Об осмотре дома Б.П. Юргенсона на Хохловке, принадлежащего некогда Архиву Коллегии иностранных дел» (19-е засед. 13.03.1912 г.), «Об осмотре подземных ходов в Лефортово» (19-е засед. 13.03.1912 г.), «О плане Москвы 1819 г.» (21-е засед. 19.04.1912 г.), «Об архивных башнях в Москве» (30-е засед. 24.04.1913 г.), «О Кунцевском городище под Москвой» (32-е засед. 19.10.1913 г.), «Китайгородская стена в прошлом и настоящем Москвы» (37-е засед. 10.01.1914 г.), «О подземном Кремле» (43-е засед. 23.04.1914 г.), «Нескучное, исторический этюд» (53-е засед. 16.10.1915 г.), «Старая Москва по делам Коллегии экономии» (57-е засед. 29.01.1916 г.), «О старой Москве по делам Московского губернского архива старых дел» (62-е засед. 05.10.1916 г.), «О мытарствах кремлевской пушки в 1818 г.» (65-е засед. 20.12.1916 г.), «Конон Осипов» (184-е засед. 05.06.1924 г.), «Воспоминания о создании и развитии Комиссии “Старая Москва”» (юбилейное 200-е засед. 27.12.1924 г.), «Новое о библиотеке Ивана Грозного» (248-е засед. 29.10.1925 г.), «Тайник дома Дмитриева-Мамонова. Глазная больница» (318-е засед. 07.04.1927 г.), «Подмосковные гипогеи (о подземных пещерах Московской губернии» (322-е засед. 05.05.1927 г.), «Археологические находки на территории Москвы» (353-е засед. 15.12.1927 г.), «О подземельях на р. Пахре» (407-е засед. 27.12.1927 г.).

В дореволюционный период в прениях выступил лишь дважды, а в 1924—1928 гг. — не менее 40 раз, в том числе с информационными сообщениями об открытии или осмотре вновь открытых подземных помещений или ходов близ Симонова монастыря (1925 г.), под Сухаревой башней и др.

В 1929 г. дважды официально исполнял обязанности секретаря заседания (419-е засед. 21.03. и 431-е засед. 20.06).

Возможно, последним (по протоколам) было посещение им юбилейного 457-го заседания «Старой Москвы» — 26 декабря 1929 г. (присутствовал как член-учредитель Комиссии первого состава).

НОВЫЕ ПОДЗЕМНЫЕ ХОДЫ ПОД МОСКВОЙ

*доклад на 16-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
5 декабря 1911 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 25об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

Докладчиком была исследована так называемая Круглая башня в Китайской стене близ Варварских ворот¹. Внутренность этой башни находится в очень плачевном состоянии, нуждающемся в скором ремонте для сбережения этого ценного древнего памятника. Кроме того, И.Я. Стеллецкий на основании некоторых данных предполагает, что от башни должен идти старинный подземный ход, ведущий и во внутренность Кремля, и за черту Китая-города к Москве-реке. Гр. П.С. Уварова, думая, что копанье почвы для раскрытия подземного

хода едва ли возможно без нарушения прав чужой земельной собственности, высказала, что самая башня представляет ценный интерес, что о ремонте ее уже намечено сообщить губернатору Комиссией по сохранению памятников².

Во второй части своего доклада И.Я. Стеллецкий на основании тщательно-го осмотра подземной части дома Археологического общества на Берсеневке³ [предположил], что дом этот по своей кладке и устройству подвальной части принадлежит к эпохе XVI века и в одном случае представляет застенок, заставляющий думать, что дом этот принадлежал Малюте Скуратову⁴.

О ПЛАНЕ МОСКВЫ 1819 г.

*сообщение на 21-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
19 апреля 1912 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 36; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

И.Я. Стеллецкий сделал сообщение о плане Москвы 1819 г.⁵, в котором, между прочим, высказал, что этот план Москвы, равно как и другие старинные ее планы, служит ценнейшим материалом для историка и археолога. Москва, искони деревянная, много раз горела, нередко дотла и от руки (обывателя) неприятеля, и от обывательской неосторожности. И всякий раз после пожара она возникала деревянною, чтобы снова гореть. В 1812 г. Москва погорела сразу от трех причин: от стихийной силы ветра, неприятеля и от поджогов самих русских. Однако страшный пожар 1812 г. оказался последним сплошным: после изгнания французов был издан Высочайший приказ о распланировании Москвы по новому плану с постройкою, особенно в центре, только каменных домов. Картину необычайного роста новой «европейской» Москвы и рисует план 1819 г. На нем можно наглядно проследить, что уцелело от старой Москвы, и какие изменения в план города принесли семь лет ее новой жизни.

Количество населения Москвы после изгнания французов в 1812 г., по данным, собранным гр. Ф.В. Растопчиным⁶, едва превышало 97 000, тогда как в 1819 г. оно уже достигало 300 000 человек. Там, где по Белогородскому валу Москвы в 1812 г. ютились беспорядочными группами деревянные дома и избышки, там в 1819 г. пролегли зеленые бульвары, и на месте старомосковских жилищ гордо выросли величественные каменные дома, дворцы и палаццо.

ОБ АРХИВНЫХ БАШНЯХ В МОСКВЕ

доклад на 30-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
24 апреля 1913 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)

(К. 1. Д. 3. Л. 51—52; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками (карандашом). Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

Членом Комиссии И.Я. Стеллецким был прочитан доклад «Об архивных башнях в Москве». Пять—семь веков назад, — сказал докладчик, — московские башни и стены составляли насущную потребность; теперь они лишь археологическая драгоценность. Счастливая мысль обратить эти монументальные памятники в хранилища письменных материалов русской истории практически, однако, не осуществима. Трудно, а иные башни прямо невозможно, приспособить для указанной цели. Да и все они, вместе взятые, не могли бы вместить многомиллионного собрания манускриптов, бесконечно растущих. Нужны специальные дворцы, наподобие существующих для московских архивов: Юстиции и Министерства иностранных дел. Такой же дворец готовится к постройке на Ходынском поле и для Губернского архива старых дел⁷, размещенного ныне в четырех башнях Китая-города, Кремля и в двух кладовых под Годуновским зданием Губернского правления⁸.

Все нараставший приток старых дел из различных присутственных мест, московских и провинциальных, вынудил московскую администрацию первой четверти XIX столетия искать новых для архива помещений. Московский главнокомандующий кн. Д.В. Голицын (1820—1844 гг. — *сост.*) указал на Никольскую башню в Кремле, представлявшую поблизости к Правлению более удобное и емкое помещение. В этой башне три этажа, а с двумя верхними пять. Сердцевина Никольской башни (2 и 3 ярусы) представляет из себя восьмимерик, стены сплошь заставлены полками с делами Губернского архива, помещенными сюда весной 1822 г. Полки деревянные, дела накрест перевязаны веревками в виде массивных вязок, из которых часть на лицевой стороне имеет дощечку с надписью названия дел. К полкам прислонена отлогая деревянная лестница, спиралью огибающая помещение и ведущая в верхушку башни. Вскоре по водворении архива в эту башню оказалось, что крыша башни ветха, при сильном дожде на документы выливается вода. По-видимому, не лучше обстояло дело и после поправок 1826 г., вплоть до капитальной реставрации Никольской башни в 1878 году. В настоящее время, хотя дождь и не попадает в башню, но через неисправные окна зимою сюда навеивается снег.

В 1841 г. под Губернский архив были отведены Владимирская и Ильинская башни, потом Воскресенская у Иверских ворот (все башни китайгородские — *сост.*). Через 33 года башни о[ка]зались заполненными архивными делами. В 1874 г. из Воскресенской башни дела были вывезены и размещены в нескольких комнатах Губернского правления, излишек — в двух китайгородских

башнях: Круглой, на Старой площади⁹ и четырехугольной — против Воспитательного дома¹⁰. Спустя 18 лет, из башни, что против Воспитательного дома, по инициативе председателя Моск. археологического общества гр. П.С. Уваровой в 1892 г. часть архивных дел была перемещена в Арсенальную башню (Кремля — *сост.*), кроме того, до 30 возов архивной гнили было вывезено, и из них только 6 возов поступило для разбора в Археологическое общество, в котором из 15 000 пересмотренных дел годными оказались всего 381 дело. В верхнем же этаже двухэтажной Круглой башни на Старой площади, как более благоустроенном, дела хранятся и доныне, из нижнего же они вывезены в Арсенальную башню и в две кладовые Губернского правления, так как три этажа нижнего цилиндра в Круглой башне были настолько перегружены делами, что верхний из них рухнул и проломил два, под ним лежавшие пола; немало вследствие этого документов осталось догнивать на месте среди бревен и мусора.

Новое помещение для спасенных дел — кладовая Московского губернского правления — оказалась сухой, но тесноватою. Зато Арсенальная башня, оборудованная монахами на свои средства в компенсацию за Ильинскую, вышла идеальной «архивною башнею». Полки для вязок здесь железные, такая же винтовая лестница. Дела опускаются сверху и поднимаются посредством специальных блоков, башня совершенно суха, хотя темновата, но приток воздуха достаточный, так что, можно полагать, что архивные манускрипты находятся здесь на своем месте. Докладчик свое сообщение иллюстрировал многими фотографиями, им исполненными.

ПОДЗЕМНЫЙ КРЕМЛЬ

*сообщение на 43-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
23 апреля 1914 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 1. Д. 3. Л. 71об.—72; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, со вставками. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

Членом Комиссии И.Я. Стеллецким было сделано сообщение о Подземном Кремле, составляющем, по словам докладчика, ядро всякого древнего города-крепости; для обороны последней необходимы были вылазки, а для них — подземные ходы — «слухи». При падении крепости осажденные через те же тайники могли ее покинуть. Тайники служили также кладовыми, сокровищницами, или, по прежней терминологии, — «казною».

Московский Кремль возник и развивался в тех же условиях, как и другие древнерусские города, крепости. Поэтому, путем аналогии, устанавливается и в нем наличность подземных сооружений. Теоретические выкладки подтвердились

раскопками кн. Н.С. Щербатова¹¹ в 1894 г. Другим подтверждением служат документальные данные Москов. архива Минист[ерства] юстиции; последние связывают кремлевские подземелья с сокрытой в них библиотекой Иоанна Грозного.

Из царских теремов где-то из подвала был спуск в подземелье, в царскую «казну». Входной люк в подземелье вскоре же после Грозного был, видимо, заделан, навсегда затерян и забыт. Его же никак не могли найти при царевне Софии¹², усиленно искавшей библиотеку. Из теремов ход вел в царскую «казну», большую подземную палату, в какую расширялся подземный тоннель между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами. Палата была наполнена ящиками с книгами, под нею имелось нижнее помещение, на что указывает архивная терминология «с двумя сводами» и факт существования таких же двойных палат под Кремлем, например, — под Троицкой башней, где из нижнего яруса ведет подземный ход под Кремль. Запиралась палата из подземного коридора железною дверью с висячими замками, цепями и свинцовыми печатями. От библиотечной палаты ход направлялся в две противоположные стороны: к Тайницкой и к Собакиной (Арсенальной) башням. У последней выход вел в старый Точильный ряд на берегу Неглинной, имея кроме того, ответвление на Никольскую башню и направляясь отсюда под Историческим музеем в Китай-город, где, возможно, ход сообщался с Круглой башней на Старой площади. Здесь открыто устье тайника, имеющего направление на Кремль.

Белокаменных погребов на территории Кремля встречается немало. Все они залегают на незначительной глубине; они найдены при сооружении здания Судебных установлений (Сената — *сост.*), один обнаружен при провале между Чудовым монастырем¹³ и Царь-пушкой. Подобный же погреб был открыт в XVIII в. известным в печатной литературе пономарем Кононом Осиповым близ Архангельского собора.

В заключение докладчик полагает, что археологическое обследование Кремля должно неизбежно привести к открытиям чрезвычайной важности, могущим расширить не только горизонты старой Москвы, но и составить ценный вклад в сокровищницу не только русской историко-археологической науки.

СТАРАЯ МОСКВА ПО ДЕЛАМ КОЛЛЕГИИ ЭКОНОМИИ

доклад на 57-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
29 января 1916 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)

(К. 50. Д. 3. Л. 1—9; архивное дело)

Рукописный текст, черные чернила с карандашными пометками на полях, с автографом, с правкой и вставками (карандашом). Листы односторонние, разлинованные, сшитые. Обложка из сшивки выпала, на обложке пометы карандашом.

Несколько лет тому назад, еще когда Московский архив Министерства юстиции¹⁴ только приступил к работам по подготовке псковских сборников к предстоявшему Археологическому съезду в Пскове¹⁵, мне было поручено рассмотреть с этой целью, между прочим, дела Коллегии экономии, хранящиеся в названном архиве.

Ознакомившись ближе с документами, я нашел в них сравнительно мало относящегося к Пскову; напротив, значительная доля документов трактовала по вопросам Старой Москвы.

Тогда я вышел по начальству с рапортом об открытии.

Решено было делать попутные выписи указаний по Старой Москве.

Уже мною был почти закончен обзор описи №182 по делам Коллегии экономии, когда я неожиданно получил новое служебное назначение.

Мое первоначальное намерение — составить сводную опись Старой Москвы по документам Коллегии экономии, Каменного приказа и Управы благочиния, хранящимся в М[осковском] арх[иве] М[инистерства] юстиции, пришлось, таким образом, не без сожаления оставить.

Тем не менее, вера в целесообразность и большую практическую ценность подобной работы для дела Старой Москвы мною не утратилась: я продолжал выжидать случая и возможности закончить начатую интересную работу. Впереди такая возможность представляется, но будущее человека — в руке Божией, почему считаю за лучшее опубликовать, хотя бы то небольшое, что по этому вопросу имеется.

Весь материал по Старой Москве, содержащийся в упомянутой описи №182, я группирую сообразно с характером содержания документов.

Главная масса документов по содержанию подпадает под рубрику: 1. «Церкви, соборы и монастыри» — 48. Значительно меньше — под рубрику: 2. «Архирейские дома и подворья» — 9. И уже совсем мало, всего два-одно, под рубрики: 3) «Дворцы» — 3. 4) «Мосты» — 2. 5) «Учреждения» — 2. 6) «Архивы» — 1. 7) «Ворота и стены» — 1. 8) «Пруды» — 1. 9) «Торговля» — 1 и 10) «Каналы» — 1. Всего — 69 дел.

I. Церкви, соборы, монастыри

1775 г.

1) Челобитная протопопа Кремлевского дворцового на сенях собора Леонтьева о ему акафистного жалованья¹⁶

2) Прошение о жалованье соборов: Рождественского¹⁷, «что под колоколы Александра Невского»¹⁸ и Черниговского, «что на Тайницких воротах»¹⁹

3) Об осмотре ветхостей Зачатьевского монастыря в Москве

4) Об отпуске средств на строение Воскресенского Новодевичьего монастыря из сумм Коллегии экономии

5) Об отдаче прежде владеемой земли церкви Рождества Христова в Троице-Сергиевой лавре

6) О выдаче жалованья причту ружской²⁰ церкви вм. Георгия²¹, что у Спасских ворот в углу, в городе Кремле

7) Об исправлении мостовых московских (монастырей) подворий и богаделен

8) О выдаче жалованья причту новоприписной к кремлевскому дворцу ружской церкви пр. Сергия²²

9) О пропаже медного листа с купола строящейся колокольни Троице-Сергиевой лавры

10) О починке трех московских соборов

11) О сделании властью прежних медных мироваренных котлов и одной кади серебряных

12) О сломке самовольно построенных близ Троицкой лавры на Красной горке обывательских шалашей и печей

13) О поднятии и укреплении нового Успенского колокола на Успенскую церковь

14) Указ Конторы Св. Синода об учреждении Комиссии о перелитии всedневногo колокола на Ивановской колокольне

15) О ремонте церкви Благовещения, что на Житном дворе²³

16) Причта ружных церквей Рождества Иоанна Предтечи и свм. Уара²⁴, что в Кремле, близ дворца, о выдаче

17) Причта ружной церкви Константина и Елены²⁵ и Петра митрополита (? — *сост.*), что в Кремле, близ дворца, о выдаче жалованья

1776 г.

18) Причта ружных соборов Черниговского и Александро-Невского, что на Тайницких воротах, о жалованье

19) Причта ружных церквей Николая Чудотворца и мч. Ирины, что в Китае-городе

20) О передаче властям Переславль-Никитского монастыря (? — *сост.*), на Тверской ул.

21) Причта Рождественского собора, что под колоколы, о жалованье

22) Ружной церкви Всех Скорбящих, что в Вознесенском монастыре²⁶

23) Причта «верховых трех соборов, двух Спасских, да Сретенского²⁷, о жалованье»

24) Причта Покровского собора Василия Блаженного о жалованье

25) Причта Николаевского Гостунского собора²⁸ о жалованье

26) Причта Покровского собора, что при Покровском дворце²⁹, о жалованье

27) Причта Московского ружного Казанского собора, о жалованье

28) Причта ружной церкви Воскресения Христова, что в Старом Преображенском дворце³⁰, о жалованье

29) Причта ружной церкви Гребневския Пресвятыя Богородицы (на Лубянке)³¹

30) О выдаче кормовых денег колодникам Симонова монастыря³²

31) О переведении гарнизонной школы в упраздненный Новинский м[онасты]рь³³, по доношению московского обер-коменданта царевича Грузинского

32) О выдаче жалованья кн. [Д.В.] Ухтомскому³⁴, строителю Троице-Сергиевой лаврской колокольни

33) О ремонте московского Знаменского монастыря³⁵

34) О покрытии московского Никитского монастыря³⁶ вместо деревянной железною кровлей

35) Об отпуске ко дню недели Вайи³⁷ вербы в верховые соборы и церкви

36) О кормовых деньгах для колодников Костромских Богоявленского и Крестовоздвиженского женских монастырей

37) Причта ружной церкви Живоносного Источника на Воробьевых горах³⁸, о жалованье

38) Донос игуменьи Новодевичьего монастыря Анфии на подъячего и служителя Ильиных о непорядочных поступках

39) О починке в Синодальном доме на церкви 12 апостолов³⁹ на главах деревянных крестов с отбитием медью с позолотою и выкрашиванием глав

40) По словесному представлению ключаря Успенского большого собора (в Кремле — *сост.*) Петра Алексея о починке каменных «степеней» у Лобного места

41) Об отдаче купцу Знаменского монастыря за Москвою-рекою огорода

42) Об осмотре архитектором ветхостей Симонова монастыря и об отпуске на ремонт суммы
1773 г.⁴⁰

43) По прошению диакона церкви Иоанна Предтечи при Новодевичьем монастыре Гаврилова о выдаче ему жалованья

1775 г.

44) Об отпуске 500 р. на возобновление нижней теплой Крутицкой Успенской церкви⁴¹

45) Об отпуске 29911 р. на исправление ветхостей в Чудовом монастыре⁴²

1776 г.

46) Об исправлении на Ивановской колокольне разных ветхостей

II. Архиерейские дома и подворья

1) О поклаже из архиерейского Черкизовского дома⁴³ чугунного котла с железною полоскою

2) О постройке в Москве Рязанского архиерейского подворья⁴⁴

3) Суждения Коллегии экономии об исправлении ветхостей в архиерейских (? — *сост.*)

4) Об имеющихся в Москве архиерейских и монастырских подворьях и пустых местах, от содержания которых власти отказались

5) О состоящем в Китай-городе подворье Белогородского архиерейского дома с каменным палатным строением

6) О принятии в ведомство Коллегии экономии подворья Новгородского Иверского монастыря, которое находилось в Китай-городе близ Посольского двора

7) Справка о состоящих в ведении Коллегии экономии монастырских и архиерейских подворьях, с указанием числа поко[е]в, размеров, каменных или деревянных

8) О поклаже из Крутицкого архиерейского дома большого колеса

9) О починке в Москве Калязинского подворья⁴⁵

10) О продаже генералу Фаминцыну подворья Владимирского архиерейского дома, на Никольской ул. в Москве

III. Дворцы

1765 г.

1) О покрытии в Троицкой лавре чертогов Ее Величества железом

2) Московская гоф-интендантская контора об осмотре и описи дворцов

3) О продаже хоромного строения Грузинской княжны Анны Потаповой прихода церкви Введения Пресв. Богородицы, что в Новинском

IV. Мосты

1765 г.

1) О починке на улицах мостов

2) О мостах за Даниловым монастырем

V. Учреждения

1766 г.

1) Об учреждении в Москве Губернской межевой канцелярии

1771 г.

2) О перемещении Коллегии экономии из угрожающих старых покоев в новонаемные покои на Воскресенском подворье

VI. Архивы

1) Дело о покраже крестьянином Андреевым из Коллежского архива девяти дел

VII. Ворота и стены

1) О командировке архитектора для осмотра ветхостей Триумфальных и других ворот и городских стен

VIII. Пруды

1765 г.

1) Об исследовании рыбных прудов в с. Пушкине

IX. Торговля

1765 г.

1) Об учреждении в Москве экспедиции для торговли сибирской пушпиной

X. Каналы

1) О починке при Смоленской, что на Арбате, богадельни каналов

СТАРАЯ МОСКВА ПО ДЕЛАМ МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО АРХИВА СТАРЫХ ДЕЛ — ОПИСЬ ДЕЛ (кон. XVIII — нач. XIX в.)⁴⁶

*доклад на 62-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
5 октября 1916 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 50. Д. 2. Л. 1—14об.; архивное дело)

Рукописный текст, сиреневые и черные чернила (на обложке красный карандаш), с автографом, с правкой. Листы двухсторонние, среднего формата.

1782 г.⁴⁷

I. Администрация

1) О бытии Чернышеву графу Захару Григорьевчу⁴⁸ генерал-губернатором (Опись №1 решенным делам Моск. Генерал-губернаторов 1782. Т. 1)

2) Об открытии Московской губернии⁴⁹. 13, 17, 29 листов нет. Дело начато 1784 февр. 4, реш[ено] декабря

3) О расширенных в комиссариате деньгах и о присутствовании Чернышеву, 1784

4) Еропкину о бытии главнокомандующим Москве и Московской губ.⁵⁰

5) Еропкина об учреждении Канцелярии Московского Военного генерал-губернатора

6) Еропкина об отправлении в отпуск

1792 г.

7) О перемещении главнокомандующего во дворец

8) Разные бумаги, полученные по бытии генерал-губернатора в Петербурге

9) Дневные рапорты обер-полицмейстера

10) Рапорты моск. обер-полицмейстера

1793 г.

- 11) Долгорукову об отправлении должности губернатора⁵¹
- 12) Об обозрении кн. Долгоруковым городов
- 13) Его сиятельства об отсутствии в Спб (Санкт-Петербурге — *сост.*)
- 14) О генеральной ревизии
- 15) Об увольнении Прозоровского⁵² и о бытии главнокомандующим Измайлову⁵³
- 16) Об определении двух адъютантов в штате главнокомандующего
- 17) Надписи на прошениях
- 18) О Литовском генерал-губернаторе Репнине⁵⁴
1796 г.
- 19) Об увольнении Долгорукова
- 20) О состоянии полиции под ведомством военного губернатора и прочем
- 21) О разных жалобах и о прочем
1798 г.
- 22) Об отпуске на канцелярию главнокомандующего денег
- 23) О запрещении Салтыкову выезда из Москвы
1799 г.
- 24) Об отпуске суммы в полицию
- 25) Долгорукова о дозволении жить в Москве
1800 г.
- 26) О штатах губернских
- 27) Об отставных штаты московской полиции
- 28) О сношениях по полиции с Петербургскою
1801 г.
- 29) Об имении земель в полиции
1802 г.
- 30) Об определении к должностям, об увольнении и награждении чинами с послужными списками
- 31) Ведомости губернатора и правления о фураже
- 32) О Талызине генерал-майоре (секретное)
- 33) Об отпуске на канцелярию (ген.-губ.) суммы
- 34) Ведомость о делах губернского правления
- 35) Об исправлении вице-губернатору должности губернатора
1793 г.
- 36) Ростопчина об определении в полицию (из «Описи решенным делам моск. гражд[ан-ски]х губернаторов»)
1788 г.
- 37) По доносу губернаторов на откупщиков
- 38) Об отъезде генер.-губерн. в деревню, губернатора в Петербург
- 39) Об отлучке главнокомандующего из Москвы в Серпухов
1783 г.
- 40) Выписки из указов; [нрзб]
- 41) Ордера, секретное
1785 г.
- 42) Послужные списки, докладные реестры, журналы и пр.
1794 г.

43) Об огнестрельном и белом оружии для полиции

44) О наблюдении смены обер-полицмейстеру должности

1801 г.

45) О взятии полиции в ведение Его Сиятельства моск. воен. губернатора

46) О Тайной экспедиции⁵⁵

47) О представляемых кн. Ал[ексан]дром Никол. Голицыном 5000 душ за купца Кноуфа

48) По жалобе на б[ывшего] обер-полицмейстера генер.-майора Эртеля⁵⁶

1802 г.

49) Об отъезде Его Сиятельства в Петербург и о кончине супруги его

1804 г.

50) Об объявлении полицейским чиновникам похвалы

51) О делах бывшего 2-го военного губернатора Архарова⁵⁷ и по полицейской части производившихся

52) Об отпуске на канцелярию генерал-губернатора суммы и о вычете из жалования чиновников за повышение

53) Об увольнении военного губернатора гр. Ивана Салтыкова⁵⁸

54) Об осмотре присутственных мест

55) Об учреждении в Москве новых присутственных мест

56) О смене обер-полицмейстера Спиридонова ген.-майором Балашевым

57) О новом положении для городской полиции

1805 г.

58) Гудович генерал-лейтенант⁵⁹ о доставлении грамоты на орден св. Георгия и [нрзб] Статута

59) О награждении вице-губернатора Брусилова⁶⁰ следующим чином

1808 г.

60) О бытии генерал-фельдмаршалу гр. Гудовичу Ив. Вас. в Москве главнокомандующим⁶¹

1813 г.

61) О доставлении сведений главноком. в Москве графу Ф. Вас. Ростопчину⁶² о штатных чинах полиции

1814 г.

62) О вступлении в должность главнок. в Москве ген. от кав[алерии] Ал-дра Петр. Тор-масова⁶³

63) Об именовании главнокомандующих в обеих столицах генерал-губернаторами

64) О всемилостивейшем пожаловании московской полиции [нрзб] за время Высочайшего присутствия в Москве

IV. Двор

1792 г.

1) О бархатах и парчах, забранных для кабинета

2) Великой княгини Марии Феодоровны⁶⁴ о благополучном разрешении

3) Письма князя Голицына о кончине

1796 г.

4) О бракосочетании Его Высочества Константина Павловича⁶⁵

5) О позволении Михаилу Михайловичу жить во дворцах

- 6) О рождении Вел. кн. Николая Павловича⁶⁶
 - 7) О вступлении Его Высочества (Павла I — *сост.*) на Всероссийский престол
 - 8) О депутатии от дворян
 - 9) О придворном трауре
1800 г.
 - 10) О коронации Е[го] И[мператорского] В[еличества] Александра Павловича⁶⁷
1788 г.
 - 11) О дворцовых доходах
1795 г.
 - 12) О заготовлении лошадей разным особам
 - 13) О лошадях под экипажи особам
1801 г.
 - 14) Марии Павловны вел. княжны о бракосочетании⁶⁸
1805 г.
 - 15) О выдаче графине Миних всемилостивейше пожалованных денег
1806 г.
 - 16) О происшествиях и празднествах в день тезоим[енитства] Государя
 - 17) О разрешении Ея Велич. Елизаветы Алексеевны⁶⁹ от бремени
 - 18) О кончине в. княжны Елизаветы Александровны⁷⁰
 - 19) По предмету Высочайшего пребывания в Москве
1817 г.
 - 20) Об экстренном постое и найме домов по случаю Высочайшего здесь пребывания⁷¹
 - 21) По предмету Высочайшего в Москву прибытия в 1817
 - 22) О путешествии Его И.В. вел. кн. Михаила Павловича⁷²
1816 г.
 - 23) О пособии в следовании судну с яшмовыми комнатами для Высочайшего двора
1817 г.
 - 24) О проезде через Округ Его И.В. Михаила Павловича
1792 г.
 - 25) О рождении вел. кн. Ольги Павловны⁷³ (собственноручное письмо митроп[олита] Платона (Левшина — *сост.*))
1802 г.
 - 26) Анны Имеретинской царицы о проезде через Москву
1803 г.
 - 27) О путешествии Его Королевского Величества эрцгерцога Иосифа
- II. Дома**
- 1782 г.
 - 1) Чернышева графа о покупке дома
1794 г.
 - 2) О доме для полицмейстера
1799 г.
 - 3) О починках ветхостей в губернаторском доме
1800 г.
 - 4) О дровах для дома генерал-губернатора

1795 г.

- 5) О починке казенных зданий

1801 г.

- 6) О вымощении против казенного дома Его сиятельства
7) О доме обер-полицмейстера в Тверской части и о даче ему земли
8) О приезде в Москву грузинских посланников и о доме — им квартире
9) Об освобождении от постоя домов проф. Университета Антоновского и кандидата Щегалева

- 10) О доме для вице-губернаторов, занимаемом Мануфактур-конторою

1804 г.

- 11) Об имении умершего Щеглова и об отдаче дома его вице-губернатору

- 12) О построении магометанского храма⁷⁴

1806 г.

- 13) О запрещении на дом князя Голицына
14) О надстройке над Губернским правлением башни⁷⁵
15) О сумме на исправление московской губ. типографии

1808 г.

- 16) О домах пленных французов и об умерших
17) Алешиной об отдаче дома Университету
18) Об очищении странноприимного дома гр. Шереметева⁷⁶ от постоя пленных
19) О возвращении Присутственных мест в Москву (после эвакуации в 1812 г. — *сост.*)
20) Хоненко проф. об обозрении зданий Университета
21) Об исправлении присутственных мест и казенных учреждений в Москве, в 3 т., 1-го тома нет
22) О покупке Никольских казарм для помещения Горного правления

1813 г.

- 23) О помещении гимназий, университета и народных училищ
24) О доме Московского Благородного собрания⁷⁷
25) О недозволении купцу Федорову поправлять обгорелые свои строения
26) Крестьян о даче им леса из казенных рощей на постройку сгоревших домов
27) Янишевской о ссуде 10 000 р. для выстройки дома на месте сгоревшего⁷⁸
28) О доме покойного коллежск. советника Ростопчина, об описании одного по случаю жалобы его Ростопчина

1814 г.

- 29) О домах г-жи Каменской по случаю продажи оных с оценки Моск. губернского правления

- 30) О выдаче суммы на обстройку обгоревших домов обывателей Московской столицы

1815 г.

- 31) О московском наместническом доме

1816 г.

- 32) Об осмотре дома, занимаемого московским военным генерал-губернатором, и об определении для надзора полицейского чиновника

1802 г.

- 33) О хранении спорных домов

1806 г.

- 34) О помещении в доме Пашкова театра⁷⁹

1811 г.

- 35) О выборе под московскую гимназию дома

Сооружения и ветхости (на разных листах раздел также обозначен как «Учреждения, сооружения и “ветхости” Москвы» — *сост.*)

1808 г.

- 1) О пришедшем в ветхость отрубе у водоотводного канала
2) О пособии от полиции в зделании моста на речке Неглинной

1810 г.

- 3) По прошению купца Симонова о засыпке кирпичом городской стены Китай-города
4) О предположении соорудить на Бородинском поле церковь и об отправлении как там, так и в Москве по убиенным 26 августа панихиды

1814 г.

- 5) О препровождении планов строениям на утверждение гр. Ростопчина

1816 г.

- 6) Об отстройке Арсенала под распоряжение Главнокомандующего в Москве⁸⁰

1818 г.

- 7) Об образовании пристани в Москве и о бечевнике⁸¹ на р. Москве
8) О бечевнике по водоотводному каналу в Москве и о состоянии проекта углубления его
9) О доставлении дел и планов московского водоотвода
10) О подвозе в Москву камня для мощения улиц

1815 г.

- 11) О нивелировании земли от Триумфальных ворот до рынка Новой Слободы
12) О нарезке бечевника по р. Москве
13) О составлении проекта о водостеснительных плотинах при мелях на р. Москве

1817 г.

- 14) О препровождении судов с памятником Минину и Пожарскому⁸²
15) О паровых судах, изобретенных обер-бергмейстером [нрзб] Гердом

1832 г.

- 16) Яниша г[енерал]-м[айора]⁸³ относительно свидетельствования работ по соединению р. Москвы с Волгою

1792 г.

- 17) О построении доходных домов причтом Борисоглебской церкви у Арбатских ворот⁸⁴
18) О Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре (о пожаре в м[онасты]ре и о починке его)

- 19) О назначении места близ Крутицкого монастыря для склада жерновов и камня (с планом двора лейб-гвардии Измайловского полка)

- 20) О сломке Годуновского дворца в Кремле⁸⁵

- 21) О пожаре Новодевичьего монастыря

1786 г.

- 22) О плавучем мосте через Крымский Брод

23) Дело о даче на постройку лавки между Тверской и Миусской заставами плана (с планом 1787 г.)

24) О перенесении пушек в Кремль (с планом)

1787 г.

25) О помещении в Кремле Государственного Архива старых дел

1789 г.

26) О ветхостях церкви, что в Булгакове на Варварке⁸⁶ и церкви на Могильцах (Успения Пресвятой Богородицы? — *сост.*)

1782 г.

27) О постройке в Кремле присутственных мест⁸⁷

28) Об учреждении римских консисторий (автограф Архарова).

29) О месте для Живорыбного ряда

30) Дела Московской конторы городских строений за 1800 г.

31) О повреждениях в Успенском соборе и монастырях

1823 г.

32) О мощении улиц

33) О разобрании за ветхостью церквей: ц. Преображения на Тверской, ц. Рожд[ества] Христова, что на Стрелке⁸⁸, ц. Иоакима и Анны у Пушечного двора, ц. Всех свв. на Кулишках⁸⁹, ц. Екиманки (? — *сост.*)

1786 г.

34) О помещении Вотчинного архива

35) О построении Земляного вала вокруг Кремля и Китая-города

36) О народном камине для согревания (с планом)

37) О здании в Кремле для государственного архива

38) О переводе лавок на Красную площадь

39) О ветхостях Симонова монастыря

1790 г.

40) О переносе зала куратора Мелиссино⁹⁰

41) О регулировании Москворецкой улицы

1793 г.

42) Об уничтожении Благородного собрания (? — *сост.*)

43) О постройке Гостиного двора⁹¹

1794 г.

44) О переносе строения сторожей Успенского собора

1795 г.

45) Об учреждении Сиротских судов

1792 г.

46) Об отделке Москворецкого берега диким камнем

1800 г.

47) О составлении Москве атласа с фасадическим планом

48) О человеколюбивых заведениях

49) Об учреждении французом танцевальной академии

1802 г.

- 50) Об упразднении Андреевского монастыря⁹²
- 51) О сломке обывательских и прочих домов по случаю ведомого канала
- 52) Об исправлении мостовой против Московского университета
- 53) О дозволении старообрядцам завести типографию⁹³
- 54) О сломке Серпуховских триумфальных ворот⁹⁴

1804 г.

- 55) О проезде через Камер-Коллежский вал из Рождественской церкви
- 56) О снятии и продаже декорации с Никольских ворот⁹⁵
- 57) Об отдаче Университету для распространения зданий его переулка
- 58) О сломке трех деревянных триумфальных ворот
- 59) О зданиях Синодальных певчих в Китае-городе
- 60) Ветхость каменных мостов по Петербургскому тракту
- 61) О мельнице на Пресненских прудах
- 62) О новом образовании Канцелярии Управы Благочиния
- 63) О починке Госпитального в Лефортовской части деревянного моста

1805 г.

- 64) О построении Лобного [места] в Москве⁹⁶
- 65) О сделании архитектором Соколовым плана Москвы
- 66) О лавочках, цирюльнях и харчевнях при церквях и кладбищах
- 67) Сведения о построении Воскресенского монастыря
- 68) О безвременной высылке грека Стериапула из Богоявленского монастыря

1806 г.

- 69) О дозволении иностранцу Куртнеру открыть Музеум или кабинет для чтения
- 70) О заведении актером Сандуновым⁹⁷ костоправки
- 71) О мостах и мостовых
- 72) Мельхиседека архимандрита о дороге Воскресенского монастыря

1807 г.

- 73) Об исправлении Потешного⁹⁸ в Москве дворца
- 74) О сооружении церкви во имя Троицы
- 75) О ветхости крыши над колоколом, в Кремле лежащем⁹⁹
- 76) О ветхости обруба берега Москвы-реки
- 77) О ветхости каменного Москворецкого моста
- 78) О ветхостях Екатерининских Спасских казарм¹⁰⁰

1808 г.

- 79) Об успехах строения в Москве и ее городах
- 80) О пруде купца Уточкина
- 81) О починке канавы
- 82) О стоке в Пресненские пруды
- 83) Иностранца Вензельтутена о воздушном плавании
- 84) О заведении иностранцем Коле немецкого театра

Опись планов, чертежей и пр., сданных на основании журнального постановления Комиссии по приведении в порядок Архива Канцелярии Московского генерал-губернатора от 14 января 1848 г., утвержденного Его Императорским Величеством, для хранения в Московском губернском архиве старых дел

Планы:

1. Водоудержательной плотины
2. Лагеря под Москвой 1802 г.
3. Специальной части Московского обводного канала 1839 г.
4. Церкви Зачатия св. Анны 1820—1821 гг.
5. Водопроводных каналов для рр. Неглинной и Самотечной 1823 г.
6. Сада от Боровицких ворот к Москве реке 1823 г.
7. Двухколенного шлюза на верхнем устье Обводного канала
8. План земли священника и дьяка Николо-Столбовской (Николы в Столпах — *сост.*) церкви 1841 г.
9. План Москвы с выгонными землями (в переплете)
10. Геометрический план Москвы 1862 г.
11. Три плана поперечных разрезов Воробьевых гор 1827 г.
12. План проекта механика Лебедева на вынутые из ямы большого колокола 1827 г.
13. Проект части московского водопровода с показанием обрушившейся 30 м. 1823 г. части земли
14. Чертежи станка для подъема большого московского колокола
15. Чертеж колокола, находящегося в Кремле в яме

Имения и земли

1806 г.

- 1) О кончине кн. Ал[ексан]дра Мих. Голицына, имении его

1813 г.

- 2) О найденной грамоте покойного Госуд. Имп. Павла Петровича на Всемило-с. пожалованное имение в Ворон[ежской] губ. г. Волчкову

- 3) О том, что оставшегося во время нашествия (французов в 1812 г. — *сост.*) имения хозяева не в праве отыскивать

- 4) О допущении г. Мятлева к распоряжению оставшимся после гр. Салтыкова имением
- 5) Об отыскании имущества преосв. Грузинских митрополитов Ионы и архиеп. Пафнутия
- 6) Трубецкого кн. о разграблении купцом Кольчутиным вместе с французами его имущества
- 7) О пожертвовании купцом леса на постройку погоревшим от неприятеля
- 8) Волконской княгини о неправильно присвоенной купцами земли ее против Лобного места
- 9) Кн. Хилкова об отдаче ему земли, примыкающей к погорелому строению, в Пресн[енской] ч[асти]

1815 г.

- 10) О распоряжениях по Комиссии для вспоможения разоренным обывателям по Москве и Моск. губернии

1816 г.

- 11) О распоряжении по предмету приведения в исполнение Высочайше утвержденных предположений, единственно до обстройки Москвы относящихся, и вообще об всем, что принадлежит до общих распоряжений по строительной части в 13 частях. Не оказалось 1—3, 4, 5—8, 10—12

1818 г.

- 12) О нарезке земли к московскому водопроводному каналу

1793 г.

- 13) О земле Предтеченской церкви

- 14) Об отводе для строения Сергиевской лавры служителям земли

- 15) Суворова в покупке имения

1800 г.

- 16) Об отдаче Златоустинскому м[онасты]рю¹⁰¹ близ Покровских ворот земли взамен отошедшей под гостиницу

1805 г.

- 17) О месте в Китае-городе, Сергиевой Лавре принадлежащем

1806 г.

- 18) О земле за Камер-Коллежским валом Березовой и Оленьей рощи

- 19) О выморочных имениях

- 20) О наделении землею прихта Крутицкого Успенского собора

- 21) Списки дворянам Московской губернии, владеющим недвижимым имением

1808 г.

- 22) О пустопорозжих (пустующих — *сост.*) в Москве местах

1809 г.

- 23) Преосвященного Августина о землях

1811 г.

- 24) Лярге купца о расхищении имущества у кн. Голицына

1812 г.

- 25) О выдаче Шерапову имущества, хранящегося в Чудовом монастыре

III. Население, состояние, образование Москвы

1789 г.

- 1) О благополучном состоянии в Москве и губернии

- 2) То же

1790 г.

- 3) О числе жителей в Москве

1793 г.

- 4) Рапорт о благополучии и о разных происшествиях

1794 г.

- 5) Дела в 5 томах: 1. О состоянии Москвы; 2. О разных случаях; 3. Об определении чиновников; 4. О даче пашпортов; 5. Об удостоении к орденам

1796 г.

- 6) Дела в томах: 1. О даче пашпортов; 2. О благосостоянии Москвы; 3. О разных случаях; 4. По уголовной части; 5. О награждении

1800 г.

- 7) О Высочайшем благоволении за устройство

- 8) Об освобождении обывателей от полицейских повинностей

- 9) О чиновниках, о доставлении списков

1802 г.

- 10) Об отношениях директора с университетом

- 11) О войсках, в Москве находящихся

1788 г.

12) О благополучии Москвы (из Описи [нрзб] решен[ным] делам моск. ген[ерал-губ[ернатора]в)

13) Книга делам о благополучном состоянии и о прочем. Окончания нет

14) О благосостоянии Москвы (с 164 по 176 лл. нет)

1782 г.

15) О доносе Управою о приключениях

16) По предложению главнокомандующего о корчемстве

1788 г.

17) О пойманных турецких подданных

18) О жаловании Магистрату

1795 г.

19) Секретное в разбитии почты

1788 г.

20) О таксах на съестные припасы

1801 г.

21) По Высочайшему рескрипту с изъявлением Всемилостивейшего благоволения московскому духовенству

22) О молебствиях по случаю манифеста

23) Об отпуске леса для новооткрытой суконной фабрики

1803 г.

24) О наблюдении полиции за чистотою и опрятностью в столице и других губернских городах

1804 г.

25) О благоволении Московскому купечеству за богадельни

1805 г.

26) О переписке московских обывателей для распорядка о французах

27) О Высочайшем благоволении обывателям Москвы

28) О случившихся в Москве и губернии происшествиях

1808 г.

29) О состоянии и обозрении мест по выходе неприятеля из Москвы

30) О числе жителей, оставшихся в Москве при неприятеле

1813 г.

31) О дозволении жительства в Москве грузинской царице Марии Георгиевне

1816 г.

32) О раздаче без возврата по Высочайшему повелению 520 т[ыс]. р[уб]. разным жителям

1818 г.

33) О доставлении ген[ерал]-м[айору] Ильину сведений о мелководье по р. Москве в конце августа 1812 г.

34) О доставлении московскому губернатору сведений о ценах по перевозу тяжестей Москвы до Н. Новгорода в 1812 г.

1815 г.

35) О доставлении московскому губернатору сведений о привезенном в 1812 в Москву вине

- 1786 г.
- 36) Дело о наводнении в Москве
- 1787 г.
- 37) О селе Всехсвятском
- 38) О пожаре в Москве
- 1782 г.
- 39) О Каменном приказе¹⁰²
- 40) Донос м[итрополита] Платона на старообрядцев по поводу часовни
- 41) Указ Екатерины II о запрещении передавать Универс[итетскую] типографию [Н.И.] Новикову¹⁰³
- 1787 г.
- 42) Ведомость о ценах на провиант (1787 г.)
- 43) О пожаре деревянных мостов на водоотводном канале
- 1790 г.
- 44) Об употреблении сокращенного катехизиса в училищах
- 45) Волконского князя — о дозволении перенести тело в Донской монастырь
- 1793 г.
- 46) О погребении в Симоновском м[онасты]ре купцов и мещан
- 47) О штатных церковниках
- 1794 г.
- 48) О даче квартиры служащим в Университете
- 49) Об определении в учителя Университета
- 1795 г.
- 50) О происшествии в Успенском соборе
- 1797 г.
- 51) О составлении медицинским чином консилиума о предохранении от болезней жителей от нечистоты р. Яузы
- 1792 г.
- 52) О донесении Ея И[мператорскому] В[еличеству], нет ли в Университете праздных мест
- 1799 г.
- 53) О мытном и животном дворах
- 1800 г.
- 54) О старообрядческой церкви
- 1804 г.
- 55) О прекращении шибкой езды в Москве
- 56) О непринятии в гражданскую службу духовного звания людей без увольнения от их начальства
- 57) О старых делах Департамента Надворного Суда
- 58) О принятии частных в Москве училищ на счет городских доходов
- 59) О запрещении книги «Опыт о просвещении относительно России»¹⁰⁴
- 60) О закрытии Совестного Суда
- 1806 г.
- 61) О запечатанном в доме купеческой жены Калиной с напитками погребя

- 62) Об одержании над французами победы и о прочем
1807 г.
- 63) О наводнении в Москве
- 64) О ценах жизненных и хлебных припасов
- 65) О таксе на припасы
1808 г.
- 66) О болезни в милиции¹⁰⁵
- 67) О мздоимстве и лихоимстве
- 68) О перемене крестного хода
- 69) Об оказании пособий профессорам Университета
- 70) О публичном испытании воспитанниц Александровского училища
- 71) О задавлении каретою Данилова
- 72) О бракосочетании чиновников
- 73) О наблюдении за иностранцами, желающими вступить в подданство в России
1811 г.
- 74) О Практической академии¹⁰⁶
- 75) О награждении чинов за обнаружение запрещенных товаров
- Нравы Москвы**
1818 г.
- 1) По случаю ограбления Имеретинского царевича Константина
1793 г.
- 2) Долгорукого о распутной жизни
1794 г.
- 3) Секретное купца Федорова о церкви и утвари
1795 г.
- 4) О Гендрикове в растлении девочки
1802 г.
- 5) О капитанше, засекшей девку
- 6) О взыскании с кн. Голицына женщин де Фарж и Пьедуа
1804 г.
- 7) О запрещении французу показывать публике невидимку
1805 г.
- 8) О Домбровском ген.-лейтенанте, увезшем Яковлеву девку
1806 г.
- 9) Об азартной карточной игре
- 10) О распутной жизни жены иностранца Гельда
- 11) О худых поступках мужа поручицы Федоровой
- 12) О побеге жены коллежского регистратора Воеводина с полковником
- 13) О разводе с женою коллежского асессора Воеводского
1807 г.
- 14) О худой жизни жены губернского секретаря Благовещенского
1808 г.
- 15) О продаже купецкими женами племянницы их

1810 г.

- 16) О нравственности мужа и жены Лопухиных

V. Смесь

1748 г.

- 1) Письма по разным предметам
- 2) Черновые бумаги разных годов в беспорядке
- 3) Бумаги и сведения по словесному приказанию

1799 г.

- 4) О позволении продавать в пути изображения Его Величества

1800 г.

- 5) Формулярные списки о чиновниках

1802 г.

- 6) Разные бумаги и сведения
- 7) О секретном пакете из Богородска
- 8) О фальшивых ассигнациях, найденных у разных людей

1788 г.

- 9) О секретных делах
- 10) О фальшивом указе
- 11) Дела по разным предметам
- 12) Рапорт о приключениях

1794 г.

- 13) Секретное о Пацевиче
- 14) Игнатьева и Разина о делании ассигнаций. Секретно
- 15) Секретное о французах в высылке за границу

1795 г.

- 16) Секретное о бежавших из разных батальонов
- 17) Разные письма

1794 г.

- 18) О сочинении Вольтера
- 19) О найденных в доме купца Терентьева старинных серебряных монетах

1804 г.

- 20) Об открытии в Москве французского [нрзб] подписки о наследственном происхождении французской короны

- 21) О запрещении иезуитам открывать училища

1805 г.

- 22) О содержании памятника Петра Дм. Еропкина
- 23) О перевозе тела княжны Репниной в Москву
- 24) О доставлении Государственному Казначей по отчетам о расходе при возобновлении Земляного вала и Арсенала [нрзб]

1806 г.

- 25) О пожаловании перстня художнику Курцвеле
- 26) О кончине гр. Орлова

1808 г.

- 27) О показании редкостей в Кремле Гольдштейн Ольденбургскому принцу
- 28) О несчастных случаях от скорой езды
- 29) О произведении земляных работ по Высочайшему повелению
- 30) Об учреждении нового тракта от Вышнего Волочка до Москвы
- 31) О содержании Новикова в Суздальском м[онасты]ре
- 32) О даче билетов на вход в Кремль для разборки дел Сената

1813 г.

- 33) О мальчике Глебова, вышедшем из Москвы при неприятеле
- 34) О гербовой бумаге, расхищенной при нашествии неприятеля
- 35) О дозволении кн. Голицыну разобрать хранящиеся за печатью бумаги Голицынской публичной больницы¹⁰⁷
- 36) О невозможности закупки в Моск. губ. провианта для войска
- 37) Об амнистии по манифесту сочувствующих французам
- 38) О посажении поручика Ясинского в яму
- 39) О покровительстве магометанскому служению в Москве
- 40) О воспрещении в Москве вредных неприличностей — курения табаку, пускания змеев и проч.
- 41) Ведомости Московской конторы о чине людей обоего пола
- 42) Об отдаче монахиням Страстного монастыря оставшейся после неприятеля пшеницы

1814 г.

- 43) Относительно ведомостей об утраченных делах при нашествии неприятеля
- 44) О краже иеромонахом из Алексеевского м[онасты]ря церковных вещей и денег
- 45) Об отъезде гр. Растопчина к теплым водам
- 46) О бумагах, взятых в 1812 г. в Герцогстве Варшавском
- 47) О том, чтобы чиновники являлись ранее к своим должностям
- 48) О подаче прошений главнокомандующему на гербовой бумаге

1816 г.

- 49) Относительно военно-рабочих батальонов¹⁰⁸

1817 г.

- 50) О ковчеге для Высочайшей грамоты
- 51) О замеченном Государем ночном стороже в изодранном платье
- 52) О покупке бочки для возки воды в доме военного генерал-губернатора

1818 г.

- 53) О снятии печатей с ящика с картинами, поднесенными Государю Императору генералом

1807 г.

- 54) О бронзовых медалях чиновникам за 1812 г.

1823 г.

- 55) По гардеробу московского Императорского театра
- 56) Форма контракта артиста Импер[аторско]го театра
- 57) Репертуар московского театра

1822 г.

- 58) О преобразовании московского театра
- 59) О жилетах с портретом Екатерины II

1792 г.

60) Дело о масонах и опись библиотеки Новикова

61) Дело о даче билетов на разборку дел в Кремле

1803 г.

62) О найденном с частицами мощей кресте

1790 г.

63) Об определении Пушкина в эскадрон

1802 г.

64) О найденной при чистке Чистого Пруда землекопами медной старинной монете в мешке

1805 г.

65) О Петровском театре

66) О найденном купцом Алексеевым бочонке с серебром

67) О найденной серебряной копеечной монете

1807 г.

68) О книгах, выписанных из Германии для Московского Университета

1808 г.

69) О присвоении наименований площадям и улицам в Кремле

70) О новоизобретенном кн. Голицыным винокуренном кубе

71) Об осмотре землемером Сеземовым впадающих в реку Москву речек

МЫТАРСТВА КРЕМЛЕВСКОЙ ПУШКИ (ИЗ ХРОНИКИ 1812 г.). СТОЛЕТНЯЯ БЫЛЬ¹⁰⁹

*доклад на 65-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
20 декабря 1916 г.¹¹⁰ (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 50. Д. 4. Л. 1—4; архивное дело)

Рукописный текст (черновик), черные чернила, с правкой и пометами цветными карандашами, со вставками и зачеркиваниями. Листы односторонние и двухсторонние, разлинованные, большеформатные (два двоянных, один вложен в другой).

Молчат кремлевские пушки, свято храня память о грозном былом. *Сами не расскажут они о богатом боевом своем прошлом, не поведают, когда и как попали в московский Детинец*¹¹¹ (Кремль — *сост.*). Говорят за них московские архивы. Архивный документ 1812 г. повествует об одной из них, интересной по своей загадочной судьбе.

Сколько человеческих жизней оборвала она в памятный год? Когда, кем и для чего была она зарыта в толще Воскресенского бастиона Китайгородского вала, что

рядом с Неглинной? Вопросы, на которые документ молчит. Он замечает лишь, что найдена была «медная пушка» случайно, при ведении земляных работ.

Уже гр. Ф.В. Ростопчин немало потрудился над выполнением Высочайшей воли по планировке Москвы. *Гр. Ф.В. Ростопчиным были скрыты белогородские стены и вал, на месте которых протянулись затем красивые ленты зеленых бульваров*¹¹².

Гр. А.П. Тормасов продолжал работы Ростопчина и окончательно снес Китайгородский вал¹¹³. Раскопки велись военно-рабочей командой в 100 человек. Стоял октябрь 1818 г. Воском таяли последние бастионы¹¹⁴.

1812 г. составил эпоху в истории внешнего благоустройства Москвы. Уже моск. ген[ерал]-губ[ернатор] гр. Ростопчин во исполнение Высочайшего повеления приступил к планированию г. Москвы: снес вал и разобрал древнюю белогородскую стену, на месте которой разбил нынешние бульвары.

Ген[ерал]-губ[ернатор] Тормасов продолж[ил] работы своего предшественника в прежнем направлении.

В 1818 г. производилось срытие Китайгородских вала и бастионов. Работал военно-рабочий батальон в 100 чел. под надзором прапорщика Апушкина, боевого офицера Отечественной войны.

До 1812 г. Апушкин участвовал в морских и сухопутных сражениях с турками. Со времени вторжения Наполеона в пределы России состоял в Западной армии адмирала [П.В.] Чичагова, а после изгнания французов участвовал в кампании за освобождение Европы. Затем он перевелся, по болезни, в Костр[омской] гарнизонный батальон, а в 1818 г. занял скромную роль смотрителя над военн[ыми] рабочими в Москве. Во время работы 8 октября по срытию Воскресенского бастиона, по линии Китайгородского вала, вблизи Неглинной, рабочие неожиданно наткнулись на пушку.

Вытащенная из земли пушка оказалась медной, в полтора арш. длиной, весом тринадцать с половиною пудов. Пушка была повреждена: не доставало затравки.

Прапорщик Апушкин нашел, что находка принадлежит рабочим, почему немедленно решил ее продать. Тотчас был вызван из соседней лавки на Неглинной купец Силин, который и сторговал пушку по 12 р. за пуд, за 160 р. 50 к.

Справедливо опасаясь, что подобная сделка может повести к нежелат[ельным] осложнениям, Силин поставил непременно условием разрешение сделки полицией. Тогда Апушкин пригласил случайно проходившего по своему участку квартального Волкова, который, полагаясь на компетенцию Апушкина, приложил свою разрешительную подпись на расписке, выданной прапорщиком купцу. Полученные от последнего деньги были тут же розданы рабочим, исключая удержанные Апушкиным «для положения в артель» 43 р.¹¹⁵

От вала по Неглинной оставались жалкие обрезки; прапорщик Апушкин старался! *Работа спорилась, благодаря зоркому глазу и распорядительности прапорщика Апушкина (боевого офицера 1812 года), пострадавшего за пушку.*

Небезынтересен боевой формуляр этого офицера. Бил он турок под Трапезундом, громил их в Закавказье. В роковой канун (1812 года — сост.) перевелся он с полком в Крым, едва показался Наполеон на русском горизонте, выступил Апушкин с Западной армией адм. Чичагова против. Бил французов под Бородиным, жег в Москве, топил в Березине, теснил в Париже. Наконец — в 1813 году — перемирие. Апушкин — «на убиваках (искаженное «бивуаках» — сост.) под Верненсдорфом». Еще три года ушло, Апушкин — в Костромском гарнизонном батальоне (застаем уже его, 26-летнего прапорщика за работами). Октябрь 1818 года и — Апушкин в Москве, занятый сглаживанием морщин Старой Москвы! Вдруг в земле — старая медная пушка... Значит, рабочая, «от недоразумения» решил прапорщик ее продать...

Один из команды Терентьев был отправлен искать покупателя. Зайдя в железную, что на Неглинной, лавку купца Силина, он пригласил его осмотреть находку. Пушка оказалась отличной сохранности, дуло медное в полтора аршина длиной, но не было «затравной части». Вес немалый — тринадцать с половиною пудов.

Купец-жох¹¹⁶, Силин учуял, чем пахнет, и потребовал представить разрешение от полиции на продажу. Как раз возле Неглинной, случилось, проходит квартальный Волков, Апушкин затащил его — «для освидетельствования», уверял, что «все, вырываемое военно-рабочими из земли, принадлежит в пользу их». А дабы «против речения не последовало какой-либо неблагопристойности», квартальный санкционировал сделку собственноручной подписью на расписке, выданной Апушкиным купцу.

Пушка пошла 12 р. пуд, всего за 160 р. 50 к. Полученные деньги тотчас были розданы рабочим по рублю на душу, тринадцать получили почему-то по два, и унтер-офицер — целых пять рублей. Посланец Терентьев — четыре. Всего — 117 р. с копейками. Сорок три рубля Апушкин удержал «для положения в артель». Но денежки артели плакали... Узнав о происшествии, обер-полицмейстер [А.С.] Шульгин немедленно отпартовал обо всем генерал-губернатору.

Было наряжено следствие. Следователь Трубников деньги у рабочих отобрал и возвратил купцу, а злополучную пушку препроводил «в Тверской частный дом». Оттуда вскоре гр. Тормасов приказал перевезти ее в Артиллерийское Депо, а пока что — к себе на дом [нрзб] «для осмотра». Тормасов признал данные следствия, произведенного майором Трубниковым, несостоятельными. «Производившему следствие, — гласит его резолюция губернатора, — сделать выговор за то, что пушку, которую я сам видел и у которой только не достаёт затравной части, показал в следствии отрывком пушки, заключающим в себе одну дульную часть».

Прапорщик Апушкин и квартальный Волков были приговорены резолюцией к аресту, первый на семь, а второй на три дня. Виновница же раздора таинственная «медная пушка» — к окончательному водворению в кремлевский арсенал.

Мытарства пушки кончились. Она снова молчит, пока вновь не заговорят документы¹¹⁷.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Речь идет о Многогранной башне Китай-города, выходившей на Старую пл. (между Ильинскими и Варварскими воротами). В 1920-е гг. башня была реставрирована с участием «Старой Москвы».
- ² Одна из комиссий Московского археологического общества; первая по времени возникновения — действовала с 1870 г., занималась изучением, реставрацией и сохранением памятников.
- ³ Палаты думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневке (1650-е — 1700-е гг.); в 1868 г. Именным указом императора Александра II переданы МАО; Домом МАО оставались до 1923 г. (до закрытия МАО) — Берсеневская наб., д. 20.
- ⁴ Одна из версий-легенд, популярных в XIX в.; с именем Малюты Скуратова история палат не связана (См.: *Козлов В.Ф., Смирнова А.Г. Жемчужина Замоскворечья. Палаты Аверкия Кириллова на Берсеневке в истории и культуре Москвы и России.* — М., 2020. — 304 с.).
- ⁵ Проектированный план столичного города Москвы 1819 г., составлен Е.Г. Челиевым в ходе осуществления масштабных работ по планировке и застройке Москвы после пожара 1812 г. Комиссией для строений в Москве.
- ⁶ Ф.В. Растопчин (1763—1826), генерал-губернатор Москвы в 1812—1814 гг.
- ⁷ Построен не был.
- ⁸ Здание Губернского правления в Воскресенском проезде у Воскресенских (Иверских) ворот ныне принадлежит Государственному Историческому музею (ул. Никольская, д. 5/1).
- ⁹ Вероятно, речь идет о Многогранной башне Китай-города на Старой пл.; не сохранилась.
- ¹⁰ Вероятно, имеются в виду Космодемьянские ворота и башня в Китайгородском пр-де; не сохранились.
- ¹¹ Н.С. Щербатов (1853—1929), брат гр. П.С. Уваровой (урожд. Щербатовой), археолог, один из активных участников создания Российского (ныне Государственного) Исторического музея, его директор, один из учредителей Комиссии «Старая Москва», ее член.
- ¹² Царевна Софья Алексеевна (1657—1704), дочь царя Алексея Михайловича, при малолетних братьях Иване и Петре правительница (регент) в 1682—1689 гг.
- ¹³ Монастырь не сохранился.
- ¹⁴ Ныне — в составе фондов РГАДА.
- ¹⁵ Археологические съезды всероссийского масштаба были одной из главных форм научно-организационной работы МАО; проходили регулярно с 1869 г.; всего прошло 15 съездов в разных городах Российской империи; XVI съезд был подготовлен и должен был открыться 22 июля 1914 г. в Пскове (не состоялся из-за начала 19 июля 1914 г. Первой мировой войны).
- ¹⁶ Публикуемая тематическая роспись архивных документов, составленная И.Я. Стеллецким, в оригинале содержит архивные шифры дел — при публикации они опущены, поскольку утратили функциональное значение (устарели).
- ¹⁷ Видимо, речь идет о храме Рождества Христова — Рождественский престол был помещен в 1550-е гг. в храм (Воскресения Христова) со звонницей, пристроенный в 1530-е гг. к столпу

- Ивановской колокольни, храм стал именоваться Рождества Христова (впоследствии перестроен в звонницу — Успенскую).
- 18 Храм Александра Невского известен с 1620-х гг.; каменный с 1630-х гг.; в 1680-е гг. перенесен в здание Приказов (к приказным Верхним Тайничным воротам); разобран при строительстве дворца В.И. Баженовым в 1770-е гг. (См.: Собор св. князя Александра Невского / Архитектурный ансамбль Кремля: Несохранившиеся памятники архитектуры // Музеи Московского Кремля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kremlin-architectural-ensemble.kreml.ru/architecture/view/nesokhranivshiesya-pamyatniki-arkhitektury/#mobile-jump>).
 - 19 Храм Черниговских чудотворцев, вероятно, основан в конце XVI в. при Иоанне IV Грозном, изображен на плане рубежа XVI—XVII вв. у Ивановской колокольни; в 1680-е гг. перенесен в здание Приказов (под одну крышу с храмом Александра Невского, у приказных Верхних Тайничных ворот); разобран при строительстве дворца В.И. Баженовым в 1770-е гг. (См.: Там же).
 - 20 Ружные храмы получали особую выплату (ругу) из казны на содержание храма и причта.
 - 21 Видимо, речь идет о Георгиевском храме (XVI в.) в Вознесенском кремлевском монастыре, разобранном в начале XIX в. при строительстве монастырского Екатерининского храма.
 - 22 Храм Сергия Радонежского (XVI в.) на Троицком подворье в Кремле; подворье упразднено в ходе секуляризационной реформы в 1760-е гг.; храм разобран в начале XIX в.
 - 23 Храм Благовещения Пресвятой Богородицы на Житном дворе в Кремле, построен в 1730-е гг.; не сохранился.
 - 24 Вероятно, упоминание здесь двух храмов ошибочно: Храм Рождества Иоанна Предтечи в Кремле (известен с XIV в.) в конце XVI в. имел придел мч. Уара; храм не сохранился.
 - 25 Храм не сохранился.
 - 26 Монастырь не сохранился.
 - 27 Комплекс Верхоспаского собора при Теремном дворце в Кремле формировался в 1630—1660-е гг. (ныне в составе Большого Кремлевского дворца); Сретенский собор возведен в 1561 г. у новых деревянных хором царевичей Ивана и Федора — сыновей Ивана Грозного; разобран в 1801 г.
 - 28 Собор Николая Гостунского возведен в Кремле рядом с Ивановской колокольней в начале XVI в.; в нем служил дьякон Иван Федоров (Первопечатник); в 1817 г. разобран, престол перенесен в Успенскую звонницу (в комплексе колокольни Ивана Великого — помещение Музеев Московского Кремля).
 - 29 Вероятно, имеется ввиду храм Покрова в Покровском-Рубцове (ул. Бакунинская, д. 83) у Покровского дворца Елизаветы Петровны (ул. Гастелло, д. 44 стр. 1); дворец построен в 1730-е — начале 1740-х гг.; храм Покрова (каменный) освящен в 1626 г., до 1760-х гг. являлся дворцовым; с 1870-х гг. принадлежал Покровской общине сестер милосердия (См.: Сорок сороков / авт.-сост. П.Г. Паламарчук. — Т. 3: Город в границах 1917 года. — М., 1995. — С. 244—247).
 - 30 По некоторым данным, в 1670-е гг. царем Алексеем Михайловичем в его дворце в Преображенском был построен храм Воскресения Христова; не сохранился (См.: *Смирнова К.А.* Православные памятники исторических территорий Москвы: Преображенского, Черкизова, Богородского, Семеновского и Благуши: аннот. справ. — М., 2021. — С. 29).
 - 31 Храм не сохранился.
 - 32 Как монастырь не действует; архитектурный комплекс сохранился фрагментарно.
 - 33 Не сохранился; основан в первой трети XV в. у впадения р. Пресни в Москву-реку; упразднен в 1760-е гг.
 - 34 Д.В. Ухтомский (1719—1774), князь, архитектор, в 1740-х — 1760 гг. фактически был главным архитектором Москвы, основал Дворцовую архитектурную школу, автор дворцовых и церковных построек в стиле елизаветинского барокко.

- 35 Как монастырь не сохранился; основан в 1630-е гг. в Китай-городе; закрыт в 1920-е гг.; Знаменский собор (ул. Варварка, д. 8–10) — ныне действующий.
- 36 Монастырь не сохранился.
- 37 День недели Вайи (шестой недели Великого Поста) — Вербное воскресенье (вайя — ветка (греч.)). На Руси верба заменяла традиционную пальмовую ветвь, которой жители Иерусалима встречали Иисуса.
- 38 Храм не сохранился; известен с 1680-х гг. — деревянный дворцовый, при царском дворце в с. Воробьево; в XVIII в. перестраивался; в начале XIX в. упразднен.
- 39 Патриаршие палаты с церковью Собора Двенадцати апостолов были сооружены на старом Патриаршем дворе в Кремле в 1630–1650-е гг. В 1721 г. здесь разместились Синодальная канцелярия.
- 40 Распределение архивных дел по годам и последовательность их размещения в списке — авторские.
- 41 Собор Успения Пресвятой Богородицы (Малый Успенский собор) на митрополичьем подворье на Крутицах; во имя Успения освящен в 1516 г. (перестроен из храма XV в.); в 1680-е гг. — 1700 г. перестроен: верхний (летний) основной престол во имя Успения, нижний (зимний, теплый) во имя свв. апп. Петра и Павла; ныне нижний храм — действующий.
- 42 Монастырь в Кремле, не сохранился.
- 43 Загородная резиденция Московских митрополитов в Черкизово на берегу р. Сосенки — известна со второй половины XIV в.; дом многократно перестраивался, последняя по времени деревянная постройка относилась к концу 1860-х — 1880-м гг.; сгорела в 1998 г.
- 44 Не сохранилось. Подворье существовало в Москве уже в XVII в. (возможно, ранее — дата основания неизвестна), упоминается впервые в 1634 г.; располагалось у Лубянской пл. в начале ул. Мясницкой, близ церкви Гребневской иконы Божией Матери (также не сохранившейся).
- 45 Подворье Калязинского Троицкого (Макария Желтоводского) монастыря в Москве в Китай-городе существовало уже в XVII в., упоминается в 1649 г.; после пожара 1812 г. отстроено без храма; сохранившееся здание (ул. Никольская д. 12/1, угол с М. Черкасским пер.) 1905 г., арх. Г.И. Макаев (См.: *Романюк С.К.* Москва. Китай-город: Путеводитель. — М., 2007. — С. 286–288).
- 46 Публикуемая тематическая роспись архивных документов, составленная И.Я. Стеллецким, в оригинале содержит архивные шифры дел — при публикации они опущены, поскольку утратили функциональное значение, ныне документальные комплексы Московского губернского архива старых дел входят в состав фондов Центрального государственного архива Москвы.
- 47 Публикаторы сохранили авторскую систематизацию материалов, при этом авторское распределение дел по годам не всегда совпадает с хронологией упоминаемых исторических событий, что требует отдельного исследования, как в отношении самой росписи, так и в отношении архивных дел, в ней обозначенных; сохранены также авторская нумерация разделов, порядок их расположения и хронологический порядок расположения материалов внутри разделов (не всегда понятные).
- 48 З.Г. Чернышев (1722–1784), генерал-губернатор Москвы в 1782–1784 гг.
- 49 Открытие Московской губернии состоялось 5 октября 1782 г. на основании «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» в ходе реформ Екатерины II.
- 50 П.Д. Еропкин (1724–1805), генерал-губернатор Москвы в 1786–1790 гг.
- 51 П.П. Долгоруков (1744–1815), московский губернатор в 1793–1796 гг.
- 52 А.А. Прозоровский (1732–1809), генерал-губернатор Москвы в 1790–1795 гг.
- 53 М.М. Измайлов (1719–1800), генерал-губернатор Москвы в 1795–1796 гг.
- 54 Н.В. Репнин (1734–1801), генерал-губернатор Лифляндский, Эстляндский и Литовский в 1792–1798 гг.

- 55 Тайная экспедиция — центральный государственный орган политического сыска и суда России в 1762—1801 гг.
- 56 Ф.Ф. Эртель (1768—1825), обер-полицмейстер Москвы в 1798—1801 гг. (от службы отстранен).
- 57 Н.П. Архаров (1742—1814), обер-полицмейстер Москвы в 1781—1785 гг., второй (гражданский) генерал-губернатор Санкт-Петербурга в 1796—1797 гг.
- 58 И.П. Салтыков (1730—1805), военный губернатор и начальствующий по гражданской части в Москве в 1797—1804 гг.
- 59 Н.В. Гудович (1758—1841), генерал-лейтенант; участник Отечественной войны 1812 года.
- 60 Н.И. Брусилов (1754—1828), московский вице-губернатор в 1802—1806 гг.
- 61 В. Гудович (1741—1820), московский главнокомандующий и управляющий по гражданской части в 1809—1812 гг.
- 62 Ф.В. Растопчин (1763—1826), граф, государственный деятель, генерал от инфантерии, главнокомандующий Москвы в 1812—1814 гг.
- 63 А.П. Тормасов (1752—1819), граф, военачальник и государственный деятель, генерал от кавалерии, участник Отечественной войны 1812 года, главнокомандующий Москвы в 1814—1819 гг.
- 64 Мария Федоровна, будущая императрица, супруга будущего императора Павла I.
- 65 Константин Павлович (1779—1831) великий князь, сын императора Павла I.
- 66 Николай Павлович (1796—1855) великий князь, будущий император Николай I, сын императора Павла I.
- 67 Император Александр I (1777—1825), годы правления — 1801—1825 гг.
- 68 Мария Павловна (1786—1859) великая княжна, дочь императора Павла I; 23 июля 1804 г. сочеталась браком с наследным принцем Карлом Фридрихом Саксен-Веймарским в Санкт-Петербурге.
- 69 Елизавета Алексеевна (1779—1826) императрица, супруга императора Александра I.
- 70 Елизавета Александровна (1806—1808) великая княжна, дочь императора Александра I.
- 71 В 1817 г. по случаю торжеств в честь 5-летия победы в Отечественной войне 1812 года императорская семья, двор и гвардейские полки пребывали в Москве.
- 72 Михаил Павлович (1798—1859) великий князь, сын императора Павла I; образовательное путешествие по России и Европе совершил в 1817—1819 гг.
- 73 Ольга Павловна (1792—1795) великая княжна, дочь будущего императора Павла I.
- 74 Вопрос о построении в Москве каменной мусульманской мечети в Замоскворечье в Татарской слободе решался в 1800-е — 1820-е гг.
- 75 Здание губернского правления (присутственных мест) у Воскресенских ворот (Воскресенский пр-д, д. 1/5), выстроено в 1730-е гг. (арх. П.Ф. Гейден) в комплексе зданий Монетного двора; в конце XVIII в. перестраивалось внутри арх. М.Ф. Казаковым; в 1806 г. надстроено башней, создававшей живописный ансамбль с башней здания Главной аптеки (бывш. Земского приказа); башня над зданием губернского правления утрачена.
- 76 Страноприимный дом гр. Н.П. Шереметева на Сухареvской пл. (1790-е — 1800-е гг.; арх. Е. Назаров, П.И. Аргунов, А.Ф. Миронов, Г.Е. Дикишин, Д. Кваренги; ныне входит в комплекс НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского).
- 77 Усадебное здание кн. В.М. Долгорукова-Крымского (на углу ул. Б. Дмитровка и Охотного ряда); куплено дворянским Благородным собранием в 1784 г. и перестроено по проекту арх. М.Ф. Казакова; сильно пострадало в пожар 1812 г.; восстанавливалось в 1812—1814 гг. (ул. Б. Дмитровка, д. 1).
- 78 По именному Указу 1813 г. для московских обывателей, чьи дома сгорели или пострадали в пожаре 1812 г., учреждалась государственная ссуда; ее распределение, выдача шли через Комиссию для строений в Москве.

- 79 В 1806 г. у владельца большой усадьбы А.И. Пашкова для труппы первого в Москве Императорского театра был арендован флигель на углу ул. Моховой и ул. Б. Никитской; спектакли здесь шли с перерывами до 1824 г. (ныне в здании — храм св. Татианы МГУ; ул. Моховая, д. 9 стр. 2); см. статью В.А. Михайловского «Здания императорских московских театров в XIX столетии», помещенную в настоящем сборнике.
- 80 Здание Арсенала в Кремле, пострадавшее от взрыва в 1812 г., восстанавливалось в 1815–1828 гг.
- 81 Бечевник (от «бечева», «бичева» — веревка, канат) — определенное пространство земли, отведенное по берегам рек и других водяных сообщений для бечевой тяги судов и плотов и для прочих нужд судоходства (См.: Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — Т. IIIа. — СПб., 1892).
- 82 Памятник К.М. Минину и кн. Д.М. Пожарскому (скульп. И.П. Мартос) был установлен на Красной пл. в 1818 г.; в 1817 г. отлитый памятник и его постамент из Санкт-Петербурга по воде были доставлены в Москву.
- 83 Н.И. Яниш (1872–1842), генерал-майор, инженер, руководил перестройкой Мытищинского водопровода в 1820-е — 1830-е гг.
- 84 Храм не сохранился.
- 85 Запасной дворец царя Бориса Годунова в Кремле возведен в 1601–1603 гг.; разобран при строительстве дворца для Екатерины II арх. В.И. Баженовым в 1770-е гг.
- 86 Храм Воскресения в Булакове (на углу ул. Варварки и Никольского пер.); не сохранился.
- 87 Имеется ввиду постройка здания Сената (арх. М.Ф. Казаков) в 1770-е — 1780-е гг.
- 88 Вероятно, ошибка — храм Рождества Богородицы на Стрелке (на ул. Солянке); перестраивался в 1821 г.
- 89 Из перечисленных храмов не сохранились: Преображения на Тверской, Иоакима и Анны у Пушечного двора.
- 90 И.И. Мелиссино (1718–1795), директор Московского университета в 1757–1763 гг.; куратор Московского университета в 1771–1778 гг.
- 91 Здание Старого Гостиного двора в Китай-городе на Ильинке (ул. Ильинка, д. 4) было построено по проекту арх. Д. Кваренги, И.В. Егоровым, С.А. Кариным, И.А. Селиховым в 1790–1805 гг. (здание перестраивалось).
- 92 Монастырь возник в 1648–1649 гг. (есть мнение, что возник в конце XV в., а в XVII в. был возрожден); упразднен в 1760-е гг. (См.: Сорок сороков... — Т. 1: Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 377–382; Козлов В.Ф. Православные монастыри Москвы и их культурное наследие: науч.-справ. изд. / отв. ред. А.Г. Смирнова. — М., 2023. — С. 67–72). В 1803 г. Московским купеческим обществом на территории бывш. монастыря устроена богадельня; ныне Андреевский ставропигиальный мужской монастырь (Андреевская наб., д. 2).
- 93 Речь идет об учреждении единоверческой типографии (единоверие введено в России в 1800 г. в противовес староверию), активно этот вопрос обсуждался духовными и светскими властями с 1801 г., когда был издан соответствующий указ; решение о местонахождении типографии не было принято до 1818 г. (когда типография открылась в Москве при единоверческой Троицкой Введенской общине на ул. Новоблагословенной (ныне — Самокатная)) (См.: Козлов В.Ф. Москва старообрядческая: История. Духовные центры. Наследие. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М., 2021. — С. 573).
- 94 Триумфальные ворота построены в 1775 г. в честь победы в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. у Серпуховских ворот Земляного города (линия современного Садового кольца); разобраны в конце XVIII в.
- 95 Речь, видимо, идет о снятии декораций, которыми были украшены кремлевские Никольские ворота в связи с коронационным шествием императора Александра I в Кремль и из Кремля в Лефортово (подробнее см.: Слюнькова И. «Вшествие в царственный град Москву» // Москва. — 2017, сентябрь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://moskvam.ru/publications/publication_1817.html (публика «Московская тетрадь»)).

- ⁹⁶ Лобное место (на Красной пл.), каменный помост, впервые упоминается в середине XVI в. в правление царя Иоанна IV Грозного (1533—1584 гг.). Не единожды ремонтировалось и реставрировалось, в том числе арх. Д.В. Ухтомским, М.Ф. Казаковым и др.
- ⁹⁷ С.Н. Сандунов (1756—1820), актер, основатель Сандуновских бань (1808 г.; совр. адрес: ул. Неглинная, д. 14 стр. 3—7).
- ⁹⁸ Потешный дворец в Кремле, построен как палаты боярина И.Д. Милославского в 1650-е гг. В 1670-е гг. здесь устраивались театральные представления (потехи) для царской семьи, палаты получили название «Потешных». В 1806 г. в связи с помещением здесь московского коменданта дворец перестраивался арх. И. Егоровым.
- ⁹⁹ Имеется в виду Царь-колокол, отлит в 1730-е гг. (вес около 200 т); в 1737 г. во время Троицкого пожара, находясь в земле — в литейной яме, треснул, откололся кусок; в 1836 г. колокол поднят и поставлен на постамент (инженер и арх. О. Монферан).
- ¹⁰⁰ Вероятно, речь идет о двух комплексах: Екатерининские казармы — с 1796 г. размещались в Екатерининском дворце (1-й Краснокурсантский пр-д, стр. 3/5), служебные флигеля дворца и пристроенные к ним здания в XIX в. (Красные казармы; ул. Красноказарменная, д. 2, 3, 4/1) также использовались для военных нужд и размещения военных формирований. Комплекс зданий Спасских казарм — сохранился (ул. Садовая-Спасская, д. 1).
- ¹⁰¹ Монастырь не сохранился.
- ¹⁰² Каменный приказ (1775—1782 гг.), учреждение, созданное для реализации генерального плана Москвы 1775 г., занимавшееся регулированием планировки и застройки города.
- ¹⁰³ Н.И. Новиков (1744—1818), один из крупнейших представителей Эпохи Просвещения в России, издатель, журналист, критик, общественный деятель; в Москве с 1779 г.; арендовал типографию Московского университета; широко развернул издание и распространение книг с целью просвещения, учредил книгоиздательскую «Типографическую компанию»; с 1784 г. подвергся преследованиям властей; указ Екатерины II, запрещающий продлить аренду Университетской типографии относится к 1788 г.; с 1775 г. был связан с масонством.
- ¹⁰⁴ Автор книги — И.П. Пнин (1773—1805), книга вышла в 1804 г. и была запрещена цензурой за вольнолюбивые идеи.
- ¹⁰⁵ Речь идет о земском войске, созданном как временное милицейское военное формирование в России в 1806—1807 гг. в период Наполеоновских войн; распущено после заключения Тильзитского мира (1807 г.). Слово «милиция» — от militia (лат.), воинство, служба, ополчение.
- ¹⁰⁶ Московская Практическая академия коммерческих наук, среднее учебное заведение, основана в 1910 г. на основе пансиона К.И. Арнольда (учрежден в 1804 г.); размещалась в Армянском пер., на Солянке, затем с 1840-х гг. в доме Дурасовых на Покровском б-ре (д. 11).
- ¹⁰⁷ Больница для бедных, открыта в 1802 г. по завещанию кн. Д.М. Голицына (арх. М.Ф. Казаков); ныне в составе Первой городской клинической больницы (Голицынский корпус) на Ленинском просп.
- ¹⁰⁸ Военно-рабочие команды, батальоны, роты — специальные подразделения, использовавшиеся на крепостных работах с начала XIX в. В Москве в 1816 г. были учреждены военно-рабочие батальоны, которые активно использовались на работах по восстановлению после пожара 1812 г. и благоустройству города
- ¹⁰⁹ Черновой вариант не предназначавшийся для публикации, представлен в нескольких фрагментах, которые частично дополняют друг друга и лишь частично повторяют, не являясь законченными текстами; автором логическая последовательность или связь этих фрагментов не обозначена; публикуется с учетом более поздней карандашной правки и с обозначением вычеркнутых, но законченных в смысловом отношении частей текста, имеющих значение для раскрытия темы доклада.
- ¹¹⁰ В архивных деле и описи дана неверная датировка — 1920-е гг.
- ¹¹¹ Здесь и далее вычеркнутые автором, но законченные смысловые фрагменты, не являющиеся повторами и публикуемые составителями, выделены курсивом.

- ¹¹² Разбор стен Белого города был начат еще в середине XVIII в., а первый бульвар — Тверской — разбит в 1790-е гг.; основные работы по устройству бульваров на месте стен Белого города начаты при Ф.В. Растопчине в ходе восстановления и благоустройства Москвы после пожара 1812 г. Комиссией для строений в Москве и продолжались до 1820-х гг.
- ¹¹³ Земляные укрепления (валы и бастионы) для артиллерии, возведенные при Петре I дополнительно у кремлевских и китайгородских стен в связи с угрозой осады Москвы Карлом XII во время Северной войны (1700—1721 гг.).
- ¹¹⁴ Этой фразой заканчивается один фрагмент текста; далее публикаторы приводят второй черновой вариант (в оригинале он вновь озаглавлен).
- ¹¹⁵ Этой фразой заканчивается второй фрагмент текста; далее публикаторы приводят третий черновой вариант.
- ¹¹⁶ Жох — хитрый, ловкий, пройдоха.
- ¹¹⁷ Отдельно есть еще такой вариант части текста: «Через день об инциденте узнал обер-полицм. Шульгин. Немедленно был преправлен рапорт по начальству, и в результате — строжайшее следствие. Отобранные у рабочих деньги были возвращены купцу Силину, а злополучная пушка водворена “в Тверской частный дом”. Здесь она оставалась, впрочем, недолго и по распоряжению Тормасова была перевезена в Артиллерийское депо, а затем к генерал-губернатору на дом “для осмотра”. В результате последовала резолюция ген.-губ., совершенно ниспровергавшая данные предварительного следствия. Осмотр пушки Тормасовым, большим знатоком дела, имел следствием такую резолюцию: “Производившему следствие сделать выговор за то, что пушку, которую я сам видел и у которой только не доставало затравной части, показал в следствии отрывком пушки, заключающим в себе одну дульную часть. Прапорщика же Апушкина арестовать на семь дней, квартального Волкова на три дня, а пушку поместить в арсенал”».

СЫТИН Петр Васильевич (1885–1968)

Историк, музейный деятель, д-р ист. наук (1954 г.)

Родился в Одессе в семье повара. Окончил учительский институт в Феодосии (1902 г.), работал учителем в Ольвиополе, Херсоне, учился в Коммерческом институте в Москве. С 1913 г. работал заведующим Музеем городского хозяйства Москвы. Служил в армии, вернулся в Музей коммунального хозяйства. В 1920 г. возглавил Статистический отдел при Моссовете. В 1921 г. основал и возглавил редакцию журнала «Коммунальное хозяйство», возглавлял Комиссию по переименованию улиц Москвы (с 1920 г.). Читал лекции по коммунальному хозяйству и истории Москвы: на рабфаке Академии социального воспитания им. Н.К. Крупской. В 1929 г. ушел с поста директора музея. В 1930-е гг. работал в разных учреждениях: заместителем директора Политехнического музея, ученым секретарем Комиссии РСФСР по охране памятников. В 1939 г. вновь возглавил Музей коммунального хозяйства, переименованный в Музей истории и реконструкции Москвы.

П.В. Сытин — известный исследователь истории Москвы. Им написано более 20 книг и более 300 статей, посвященных истории московских улиц и площадей, их топонимике. Ему принадлежит капитальное трехтомное исследование «История планировки и застройки Москвы» (М., 1950–1972), несколько изданий «Из истории московских улиц» (первое — М., 1958), «Сухарева башня (1692–1926)...» (последнее переиздание — М., 1993) и др.

Похоронен на новом кладбище Донского монастыря.

П.В. Сытин — один из активных членов «Старой Москвы». В члены Комиссии был принят на 116-м заседании 12 января 1922 г. С 1923 по 1930 г. выступал с докладами 5 раз: «Исторический очерк благоустройства г. Москвы» (143-е засед. 25.01.1923 г.), «Былое и грядущее Сухаревой башни» (228-е засед. 04.06.1925 г.), «Два примера подворного описания владений в историческом и современном разрезе (Хамовнический дом Л.Н. Толстого и Троицкое подворье в Троицкой)» (327-е засед. 16.06.1927 г.), «Пушечный двор в Москве» (в соавторстве с А.М. Васнецовым; 380-е засед. 14.06.1928 г.), «Перепланировка центра Москвы в начале XIX в.» (416-е засед. 28.02.1929 г.).

В 1925–1930 гг. не менее 35 раз выступал в прениях по докладам, с информационными сообщениями о состоянии московских памятников, о выставках «Старой Москвы» и др. В частности, регулярно информировал на заседаниях об этапах сноса Красных ворот, о начале ремонта Сухаревой башни, о находках надгробий, об организации экскурсионной работы. Последний раз выступал на 460-м заседании «Старой Москвы» 16 января 1930 г., где зачитал свой отзыв на книгу Т.А. Богданович «Старый и новый город».

Архив Сытина хранится в Музее Москвы и у потомков.

МОСКОВСКОЕ КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО — ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

*доклад на 143-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
25 января 1923 г.¹ (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 50. Д. 19. Л. 1—7об.; архивное дело)

Машинописный текст, бледный, затертый, с правкой красными и черными чернилами, со вставками, с пометой карандашом, с автографом. Листы двухсторонние, разлинованные.

Под «коммунальным хозяйством» в настоящее время принято разуметь совокупность служб, учреждений и предприятий, находящихся в ведении местной государственной власти и имеющих целью повышение общественной санитарии и внешнего благоустройства известного поселения, главным образом, города. Хозяйство частных союзов, благотворительных и др. обществ, хотя бы оно так же преследовало вышеозначенные задачи, не входит в понятие «коммунального хозяйства». С другой стороны, предприятия и учреждения, принадлежащие местной государственной власти, не эксплуатируемые в других целях, также не входят в состав «коммунального хозяйства». Коммунальные предприятия — фабрики, заводы, мастерские и т.п., — техническая эксплуатация которых ведется на тех же началах, что и в коммерческих предприятиях, резко отличаются от последних двумя чертами: 1) целью оборудования и эксплуатации коммунального предприятия является вышеуказанное повышение общественной санитарии и внешнего благоустройства города, тогда как целью коммерческого предприятия — наибольшая прибыль; 2) коммунальное предприятие обслуживает исключительно данное поселение (город, местечко, поселок и т.п.), продукты его производства, большей частью, совершенно невозможно предоставить потреблять вне границ поселения. Коммерческое предприятие большей частью работает на неограниченный рынок. На практике встречаются частные предприятия, приближающиеся по одному из указанных признаков к коммунальным, и, наоборот, но лишь наличие у предприятия, находящегося в ведении местной государственной власти, обоих признаков дает ему право называться «коммунальным» в подлинном смысле этого слова.

Вопросы общественной санитарии и внешнего благоустройства, присущие всем людским поселениям, наиболее часто ставятся и наиболее интересно разрешаются в больших городах, с постоянно мигрирующим и чрезвычайно скученно живущим населением. При этом коммунальному хозяйству приходится считаться при разрешении этих вопросов не только с массой политических, экономических и социальных условий настоящего времени, но в значительной степени также с прошлым и будущим развитием города. Прошое, доставшееся коммунальному хозяйству в наследство от прежних поколений в виде нерационально

проведенных улиц, площадей и т.п., неразумно и антигигиенически застроенных кварталов и отдельных владений и др., зачастую связывает «хозяина города» по рукам и ногам, не позволяя провести радикальных мероприятий по оздоровлению города. Мысль о будущем развитии города заставляет тратить много сил и средств на предотвращение губительных следствий для будущих поколений от мероприятий, которые для данного поколения, может быть, никакого вреда и не причинили бы. Например, продажа в частные руки окружающих город земельных участков, уничтожение изв[естной] части находящихся за городом лесов и рощ, заключение больших займов на нужды временного значения и т.п. Все это создает сложность и медленность эволюции коммунального хозяйства, обуславливает несоразмерно малый размах и техническую отсталость многих коммунальных предприятий. Коммунальное хозяйство ведется на суммы, получаемые, главным образом, от налогов и сборов с населения: коммунальные предприятия зачастую бездоходны и зачастую убыточны, тем не менее, сознательно так эксплуатируются с целью повышения общественной санитарии и гор[одского] благоустройства. Невозможность обложения населения налогами и сборами дальше известного предела, определяемого большей частью его платежеспособностью, накладывает тяжелую узду на развитие многих сторон коммунального хозяйства, в том числе и коммунальных предприятий.

Москва, столица княжества, а потом государства Российского, издавна была большим населенным городом. Точных сведений о количестве его населения в отдельные века не имеется, но уже в конце XVI века это население заселяло весь центр города в районе Садовых улиц, а в некоторых местах выходило и за пределы их. По планам XVII века можно судить, что планировка центра в районе Садовых в основе была закончена уже в этом веке, и дальнейшие века должны были считаться с нею, как с историческим данным. Застроен город был почти исключительно небольшими деревянными домишками, среди которых кое-где возвышались каменные церкви и монастыри: лишь Кремль уже в XVII веке был почти весь каменный. Улицы и площади Москвы, по словам иностранных путешественников того времени, поражали неправильностью своих очертаний и грязью. Вместо мостовых на главных из них были положены поперек улицы бревна, а вместо тротуаров лежали толстые доски. Освещения на улицах не существовало; во избежание краж, грабежей и убийств ночью на перекрестках были устроены решетки, запирающие выход из кварталов, у которых дежурили по очереди жители ближайших улиц. Из мостов в конце XVII в. был устроен лишь 1 фундаментальный — каменный мост с красивой шестиворотной башней-воротами при съезде с него на Берсеневку²; в прочих местах были либо «живые» деревянные мосты, легко разбирающиеся при случае, либо простые переходы и переезды в брод. Набережных совсем не было. Воду возили из Москвы-реки и др. речек или доставляли из неглубоких колодцев на дворах; нечистоты выливали на улицу или на дворы. Бульваров, общественных

садов и парков внутри города не было; были в городе лишь огороженные заборами частные сады при домах, а за городом — рощи. Вместо сплошного кольца нынешних бульваров (Пречистенского (ныне Гоголевского — *сост.*), Никитского, Тверского и других) шла широкая крепостная стена из белого камня, с воротами-башнями при выезде из больших улиц замыкаемого ею «Белого города», с узкими проездами по обе стороны, стена довольно ветхая, разрушающаяся и в некоторых местах небезопасная для проходящих.

Вместо бульваров по Садовым улицам³ шел крепостной вал со рвом, в дождливую погоду наполняющимся водою, которая в сухое время страшно загрязняла и плесневела и издавала зловоние. Аналогичное зрелище представляли нынешние «Болото», «Балчуг» и «Садовники»⁴, весной затопляемые полый водой р. Москвы, в течение всего лета сохнувшие и распространяющие зловоние.

В самом центре города по нынешнему Неглинному проезду (ныне ул. Неглинная — *сост.*), Театральной площади и пл. Революции, а также Александровским садом текла маленькая речка Неглинная, образующая на Театральной площ. и у кремлевских стен несколько прудов, речка, страшно загрязненная нечистотами и отбросами. По сказаниям современников, на Театральной площ. по ее берегам всегда лежали кучи навоза и гниющих отбросов. Наконец, кладбища находились при всех приходских церквях города, особенно многочисленных в центре города, и гниение трупов незримо, но систематически заражало и воздух, и почву, и воду, как на улицах, так и внутри жилых домов. Убой скота производился у самых границ города, а зачастую и на отдельных дворах внутри города, среди жилых построек; кровь, кишки и др. остатки от убоя никуда больш[ей] частью не убирались и гнили тут же. Мясные рынки по санитарии немногим отличались от боен. Так, например, зловоние и гниющие остатки мяса с мясного рынка у нынешних Мясницких ворот бросались в находящиеся возле пруды, загрязняя их, отчего они в старину назывались «Погаными прудами»; лишь после того как А.Д. Меншиков, сподвижник Петра I, дом которого находился возле этих прудов, велел очистить их, они стали называться по-теперешнему «Чистыми прудами».

Нарисованная картина городского благоустройства и санитарии Москвы в XVII в. дополняется сведениями о санитарии перевозов: как внутри города, так в него и из него ездили на лошадях, которых приезжие в город ставили прямо на улицах, площадях, мало думая об уборке навоза и загрязнении улиц мочой. На постоянных дворах останавливались приезжие побогаче, но для санитарии города это не имело значения, так как вместо улиц, загрязнялись дворы. Вывозки навоза и мусора, не говоря уже о снеге, за город не существовало, за весьма редким исключением, и приезжие, таким образом, благодаря существовавшим способам передвижения, помогали общему загрязнению города. При такой санитарии и благоустройстве г. Москвы в старину, не диво, что ее то

и дело посещали всякие «язвы» и «моры» — эпидемические болезни, уносившие каждый раз от четверти до половины ее населения в могилу.

Единственным средством, повышающим санитарию и способствовавшим благоустройству города, служили, как это ни кажется странным и парадоксальным, другие стихийные бедствия — пожары. Деревянная Москва от них выгорала почти целиком по нескольку раз в столетие, а вместе с домами сгорали и скопившиеся в них нечистоты, отбросы и насекомые. Отстраивающаяся на пепелищах новая Москва на несколько лет повышалась в санитарном отношении и иногда в отношении гор. благоустройства (расширялись улицы, выравнивались переулки, образовывались или расширялись площади и т.п.), но через несколько лет постоянно действующие в городе причины делали Москву снова и грязной, и неблагоустроенной.

Реформаторская деятельность Петра I (1682—1725 гг. — *сост.*), вызвавшая к жизни Петербург и способствовавшая его благоустройству, почти не коснулась Москвы. Наоборот, образование новой столицы вызвало вольный и невольный отлив из Москвы наиболее заботившегося (конечно, в собственных интересах) о благоустройстве города населения (вышеупомнутый А.Д. Меншиков и др.). В первой половине XVIII века даже Кремль был так загрязнен, что перед каждой коронацией часто сменявшихся в это время царей площадь между соборами перед Красным крыльцом приходилось с трудом очищать от камней, сора, нечистот и людского помета. В царствование Петра I в Москве были проведены лишь две более или менее заметных меры гор. благоустройства — замощение Кремля, Китая (Китай-города — *сост.*) и Белого города каменными щебневыми мостовыми и устройство кладбищ на окраинах города, с запрещением хоронить на кладбищах при церквях в приходах г. Москвы⁵.

С 1730 года улицы города стали освещаться масляными фонарями на столбах и стенах домов, продержавшимися свыше 100 лет — до 60-х годов XIX века, когда они были заменены частью керосиновыми, частью газовыми. Пожары 1737, 1745, 1763 гг., от которых Москва выгорела почти целиком, за исключением каменных больших зданий и церквей, освободили ее от накопившихся за столетие нечистот и содействовали появлению в ней во 2-й пол. XVIII в. множества новых и красивых зданий. Кроме множества каменных церквей, выстроенных в это время в центре и на окраинах города и составляющих до настоящего времени украшение города стильностью и художественностью постройки (например, церковь Климента на Пятницкой ул. (1758—70 гг.), Вознесения у Серпуховских ворот (1762 г.) и др., колокольня Новоспасского (1758—85) и Андроньевского⁶ (1765—99) монастырей и т.п.), в это время были выстроены такие архитектурные шедевры как Воспитательный дом (1764—70), Окружной суд (1776—87) (Сенат — *сост.*) и Николаевский (малый) дворец (1775—76) в Кремле⁷, Кадетский корпус в Лефортово (1771—76 г.), Старый Гостиный двор на Варварке, ряд больниц, домов призрения и др. общественных зданий.

Частное строительство не отставало от казенного и дало Москве ряд высоко художественных построек, каковы, например, дом Соллогуба на углу Поварской и Кудринской площади, д. Самарина (Губкиной) на Петровке⁸, д. Пашкова (ныне Рум[янцевский] муз.⁹), д. кн. Куракина (ныне Межевой институт¹⁰) и др.

Вместе с новым строительством повышалось и благоустройство города, особенно, когда пронесшаяся над Москвой в 1771 г. «морская язва» (чума), унесшая в могилу свыше трети всего населения, напомнила правительству и обществу о тяжелых санитарных условиях тогдашней московской жизни.

В 1779 г. начинается постройка в Москве первого в России Мытищинского водопровода, закончившаяся в 1804 г. и давшая Москве несколько сот тысяч ведер в сутки чистой и прекрасной на вкус ключевой воды. В 1780 г. устраивается в Замоскворечье параллельно р. Москве обводный канал, принимающий в себя ежегодно излишки талой воды и освобождающий от затопления Болото, Балчуг и Садовники, на которых с того времени появляются строит[ельные] кварталы и общественн[ые] здания. В 80–90-х годах XVIII века сносятся обветшавшие, загрязненные и мешающие уличному движению стены Белого города с башнями-воротами: Пречистенскими, Арбатскими, Тверскими и др., и на их месте в конце XVIII и в начале XIX века разбиваются бульвары с цветниками, существующие и поныне. Идет перестройка и улучшение мостов, набережных, мостовых и тротуаров, расширение уличного освещения и др.

Перед нашествием Наполеона в 1812 г. Москва, хотя и считалась «большой деревней» — по разбросанности и малой застроенности владений, но представляла собою на деле уже довольно по тому времени благоустроенный европейский город.

Нашествие Наполеона и пожар Москвы 1812 года, как справедливо указывает Грибоедов, «способствовал ее украшению» и дальнейшему благоустройству. Москва почти целиком выгорела: из бывших до пожара в городе 2567 каменных домов осталось всего 526; из 6591 деревянного — 2100. Целые кварталы, как в центре, так и на окраинах, представляли собою груды закопченных развалин. Но по изгнании из Москвы неприятеля начинается лихорадочная деятельность как правительственная, так и частная, по восстановлению города. Уже в 1817 г. было возобновлено поправкой 2514 каменных домов, выстроено новых 623 каменных и 5551 деревянных. Образованная правительством «Комиссия строений» (Комиссия для строений в Москве; 1813–1843 гг. — *сост.*) заботится не только о возведении хороших и художественно-совершенных зданий, но занимается и планировкой Москвы (многие окраинные местности были разбиты на строительные кварталы, существующие и поныне, например, Дорогомилово) в пределах Камер-Коллежского вала, фактически ставшего с этого времени границей города, и разл[ичного] рода благоустройством. В 1818–20 гг. клоака г. Москвы — речка Неглиная — заключается в подземную трубу от Самотецкого (Самотечного — *сост.*) пруда (на Цветном бульваре) до впадения ее

в р. Москву у Каменного моста. В [18]20-х годах перестраивается водопровод: устраивается Алексеевская (ныне Ольденбургеровская¹¹) водокачка, подающая паровыми машинами воду в Сухареву башню¹², и расширяется по городу сеть водопровода (устраивается ряд фонтанов на улице Садовой, [в] Неглинном проезде и др.). К двадцатым годам же (XIX в. — *сост.*) р. Москва одевается в гранит, устраиваются нынешние набережные, разбиваются Александровские сады возле Кремля¹³ и опоясываются чугунной решеткой художественной работы, сохранившейся и донныне. В тридцатых годах для регулирования воды в Водоотводном канале и в целях судоходства устраивается на р. Москве Бабье-городская плотина, а на канале — Краснохолмская и шлюзы¹⁴.

В 40-х годах на улицах г. Москвы появляются впервые «варшавские» фонари с рефлекторами, дающими невиданную до того времени силу освещения, и число масляных доводится до 8000. В пятидесятых годах появляется на центральных улицах несколько сот спирто-скипидарных фонарей; но более всего это десятилетие замечательно в истории благоустройства Москвы переводом всего Мытищинского водоснабжения (в Мытищах и до Алексеевской водокачки) на паровую тягу с уничтожением Екатерининского водовода¹⁵.

Новую эру в истории гор. благоустройства Москвы составляют [18]60-е годы. Правительство, до сих пор хозяйничавшее в городе через генерал-губернатора, его канцелярию и различные комиссии, после освобождения крестьян и под напором общественного мнения, вынуждено было уступить место истинному хозяину города — населению, в лице его выборного органа — Городской думы, и постепенно передать последней почти все функции по гор. благоустройству. Правда, все «городовые положения» — 1862, 1870 и 1892 гг. — давали управление городом в руки богатых и привилегированных классов, в выборах участвовала лишь незначительная часть населения (в 1863 г. — 500 чел., в 1881 г. — 2394 ч., в 1893 г. — 6250 при населении г. Москвы в первом из этих годов в 322000 ч., во втором — в 715000 чел. и в третьем — в 930000 ч.), которым естественно было за счет всего населения благоустраивать центральные районы города, в которых они сами проживали. Тем не менее, гор. благоустройство в руках Городской думы поднялось в течение нескольких десятков лет на значительно большую высоту, чем в руках правительства в течение столетий. Момент перехода управл[ения] гор. хозяйством к Гор. думе совпал с моментом начала торгово-промышленного роста г. Москвы и необычайного увеличения численности его населения, что вызвало ряд новых, неизвестных раньше задач гор. благоустройства и общественной санитарии. В [18]60–70-х годах в ведение Думы перешли от правительства: воинские казармы (1864 г.), бульвары (1865 г.), водопровод (1871 г.) и строительная часть (устройство мостовых, мостов и проч., наблюдение за частными постройками, возведение общественных зданий и проч.) — 1867 г. Казенные больницы, школы и дома призрения лишь в незначительной

части перешли в 80-х годах в ведение города, но последнему было предоставлено воздвигать свои больницы, школы, дома призрения и т.п.

Прежде чем описывать деятельность Моск. гор. думы по благоустройству города, кинем беглый взгляд на состояние его в момент передачи из правительственных рук в руки городского общественного управления и укажем основные моменты, которыми определялась деятельность Гор. думы за истекшие 50 слишком лет (1863—1917) до революции, передавшей управление городом в руки пролетариата. Сравнительно с XVII веком, благоустройство города Москвы шагнуло далеко вперед. Водопровод Мытищинский только что (в [18]50-х гг.) был перестроен и расширен. Нечистоты и отбросы из центральных кварталов города вывозились за город и на огороды, нередко расположенные в самом городе. Водостоков в совр[еменном] смысле не было, и дождевая вода стекала в реку по желобам и канавам, расположенным по бокам мостовых и шоссе. Около $\frac{3}{4}$ всех городских проездов была замощена булыжником или шоссировано (в 1868 г. считались замощенными 908 тыс. кв. саж. проездов и незамощенными 552 тыс. кв. саж.). В 1859 г. был заново перестроен Б. Каменный мост. Почти повсеместно было осуществлено освещение улиц масляными фонарями (около 8000 ф.), а в центре города «варшавскими» и «спирто-скипидарными». Набережные р. Москвы были одеты камнем, но река Яуза и др. речки г. Москвы, за исключением заключенной в трубу р. Неглинной, текли в своих естественных берегах. Через р. Москву, Яузу и др. были перекинута мосты и мостки, но почти все они, не исключая и Каменного моста, требовали либо капитального ремонта, либо полного переустройства. Общественных средств передвижения по городу не было, за исключением дилижансов¹⁶ и линейек¹⁷, возящих публику по воскресным и праздничным дням в окрестности г. Москвы на гулянье. Но сношение с Петербургом и др. городами поддерживалось уж большей частью железными дорогами, построенными в [18]50—60-х годах.

Зелени в городе было много, но она, как и в XVII веке, большей частью находилась за заборами и в распоряжении частных владельцев. Лишь бульвары, насаженные на месте стен Белого города (особенно Тверской бульвар), да Александровские сады у Кремля, служили местом для ежедневных гуляний и прогулок. Если бы жизнь в дальнейшем текла таким же темпом, как и до 60-х годов, то и в этом случае Городской думе предстояло, как видно из только что изложенного, много работы по благоустройству Москвы. Но ее работа с первых же лет существования была осложнена 2-мя факторами: 1) скачкообразным ростом моск. населения, стоящим в непосредственной связи с ростом фабрик и заводов, промышленных и торговых заведений в городе — ростом, представляющим постоянную угрозу здоровью и жизни всего города и требующим неустанныго принятия мер в области общественной санитарии, которые нивелировали бы связанные с ним опасности; 2) хроническим недостатком денег в городской кассе, вследствие непредоставления правительством городу

Население Москвы через 25-летние периоды, начиная с 1785 г., увеличивалось приблизительно таким образом:

Годы	Количество населения	% прироста	Годы	Количество населения	% прироста
1785	180 тыс.	-	1885	800 тыс.	122,2
1810	260 «	44,4	1910	1500 (?) «	87,5
1835	340 «	30,8			
1860	360 «	5,9			

в 1863 г. — 994 тыс. руб. на все нужды, из них 317 тыс. на гор. благоустр[рой-ство]

[illegible]

Вторую половину — как планомерную и в крупном масштабе работу по радикальному оздоровлению города и приданию ему европейского вида.

В 60–80-х годах город расширил водоснабжение путем устройства временного артезианского колодца на Яузском бульваре (1867–80), Ходынского водопровода (1869–80), Преображенского (1872–83 гг.) и Андреевского. С 70-х гг. воду начали проводить в дома и квартиры. Для вывоза нечистот и отходов устроены были свалки за городом. Капитально перестроен был в 80-х гг. главный водосток г. Москвы — р. Неглинная и устроен ряд новых водосток. Во многих местностях устроены были новые булыжные мостовые. На место старых мостов через Москву-реку были устроены новые: Бородинский (1868 г.), Крымский (1873 г.), Краснохолмский (1872 г.), Москворецкий (1872 г.), Устьинский Большой (1883 г.) и Малый (1883 г.), Чугунный (1888 г.), малый Каменный (1890 г.), деревянные мосты через реку Язу (Высокоязузский в 1873 г.) и др. В 1888 г. приняты от правительства в ведение города Бабьегородская и Краснохолмская плотины. Устроена в 1880 г. набережная и терраса у Храма Христа Спасителя. В 1879 г. приобретены Сокольники, Оленья роща и Ширяево поле, в первых устроен загородный парк для гулянья, а вторые в главной своей части — спланированы для строительных кварталов. Уступлена городск. земля, и оказано содействие к постройке общественных зданий, составляющих поныне гордость и украшение города: Политехническому музею на Лубянской площади (1872 г.), Историческому музею (187(?) г.)¹⁸, архиву Министерства юстиции на Девичьем поле (1881 г.), университетским клиникам (1886 г.) и др.

При содействии же Гор. думы были перестроены Верхние Торговые ряды (1887 г.)¹⁹. К этому же времени относится проведение ряда новых улиц (Рязанской, Гороховской (ныне ул. Казакова — *сост.*) и др.), расширение других (Кузнецкого моста, Б. Успенского пер., проездов у Балканского пруда²⁰ и др.), устройство Сухаревой площади (1881–87 г.) и др.

В деле освещения улиц в этот период происходят большие перемены: в [18]60-х годах исчезают масляные фонари, заменившиеся на окраинах керосиновыми, а в центральных частях города — газовыми. Газ в них шел из учрежденного иностранными концессионерами в 1865 г. Газового завода. В начале 80-х годов (1883 г.) терраса у Храма Христа Спасителя, Б. Каменный мост и Кремль стали освещаться электричеством с Гор. электр[ической] станции (потом уничтоженной) на Винно-Соляном дворе²¹ у Каменного моста. В конце 80-х годов открывает в Москве электрическую станцию Общество 1886 г., и его энергией освещаются квартиры и некоторые улицы города.

В области передвижения по улицам также происходит реформа: город сдает Бельгийскому о[бществу] концессию на устройство конок²², и с [18]70-х годов появляются на всех больших улицах Москвы рельсы, по которым движутся наполненные пассажирами конки. Наконец, упомянем, что в конце 80-х годов Гор. дума значительно расширила площадь существовавших с конца XVIII — начала XIX веков 8 самых больших кладбищ (Ваганьковского, Калитниковского, Лазаревского²³ и др.).

Из изложенного видим, что единственно крупными мероприятиями по благоустройству города, проведенными в [18]60—80-х годах за счет города, были: постройка металлических мостов и приобретение Сокольников. Мы не упоминаем здесь о построенных городом больничных, школьных и для благотворительн. целей зданиях, ибо они почти целиком строились городом на благотв. капиталы. Остальные крупные мероприятия — постройка общественных зданий, газового завода, электрической станции, устройство конных железных дорог — производились за счет либо благотворительного, либо концессионного капитала.

Не имея денег на крупные мероприятия по благоустройству, город не имел возможности сделать и заем: правительство давало городу ссуду лишь на постройку казарм и т.п. дела, в которых само было близко заинтересовано, а частный капитал не шел на те условия, которые мог предложить город. Новая эра началась лишь в конце [18]80-х гг., когда город мог заключить первый свой облигационный заем. Заем, в размере 3 000 000 руб. был заключен в 1886 году, и главная часть его пошла на устройство первого крупного предприятия г. Москвы — городских боен, открывших свою деятельность в 1888 г.

Успешность реализации займа побудила город в дальнейшем все средства на крупные мероприятия гор. благоустройства, будь то доходные предприятия или бездоходные сооружения, черпать из займов. Всего займов за 25 лет (1890—1915) заключено было, как в России, так и за границей, на сумму свыше 150 миллионов руб. На деньги от этих займов были произведены, в несколько очередей, следующие капитальные работы по благоустройству города: переустройство и расширение Мытищинского водопровода (1893—1907 гг.) и устройство Крестовских башен²⁴, устройство канализации (1893—98 гг.), устройство Рублевского водопровода (1903) и расширение его, выкуп у Бельгийского о[бщест]ва коночной концессии и устройство электрического трамвая (1902 г.), переустройство газового завода (1905 г.), расширение боенских сооружений и устройство мясного рынка с холодильником, устройство усовершенствованных мостовых по главным улицам города, замена керосинового и отчасти газового освещения — электрическим, сооружение нового Бородинского моста (1912 г.), бульваров и скверов как в центре города (Театральный сквер, Воскресенский и др.), так и на окраинах (на площадях Серпуховской, Кудринской, Триумфальной и др., на Серпуховском Камер-коллежском валу и др.). На эти же деньги отчасти шло устройство водостоков и дренажей, заключение речек в трубы, возведение крупных зданий (Гор. думы²⁵, школ, больниц и др.), приобретение земель и проч.* К моменту революции большинство

* Займы на отд. предприят[ия] и сооруж[ения] по 1 янв. 1914 г. были заключены в след. суммах: на трамвай — 50.695.178 р., водопровод — 36.843.057 р., канализацию — 34.070.382 р., лом[б]ард [—] 7.979.938 р., газ. завод — 4.000.000 р., бойни — 3.936.622 р., на мясн[ой] рынок — 3.384.000 р., на птичьи бойни — 207.300 р., на прачеш[ные] — 183.906 р., на постр[ойку] гор. зданий — 6.928.461 р., на спланирование гор. земель — 1.436.700 р., на урегул[ивание] улиц, каналов и рек — 2.155.826 р., на постройку мостов — 2.563.285 руб.

займов осталось непогашенным. Так, из общей суммы их в 154.385.256 р. к 1 янв. 1916 г. осталось неуплоченной сумма в 143.610.776 руб. Тем не менее, городские предприятия, на которые, главным образом, и были истрачены заемные суммы, помимо успешного выполнения функций общественной санитарии и благоустройства, давали городу большой чистый доход, позволявший ему производить заведомо бездоходные мероприятия по благоустройству города. Так, чистый доход в 1915 г. от водопровода равнялся 893.949 р., от боен — 213.831 р., от трамвая — 3.745.880 р., от газового завода — 168.302 р. Доходы от канализации не поступали в общее распоряжение города (как и доходы от ломбарда), тем не менее, они были, и вместе с доходами мелких предприятий город имел чистого дохода 5.041.907, что давало ему возможность покрыть свыше 13% всех своих расходов (без оборотных статей предприятий).

Рост города Москвы в XX веке, перед империалистической (Первой мировой — *сост.*) войной, по количеству ежегодно прибавляющегося населения (3,53%) обогнавший рост всех городов мира, поставил перед Московским гор. управлением ряд задач по расширению всех своих сооружений. Опираясь на возможность заключения за границей многочисленных займов, с одной стороны, и на готовность правительства расширить некоторые источники гор. доходов (попудный сбор²⁶ и др.), с другой, Моск. гор. дума уже в 1911–14 гг. подготавливала решение вышеозначенных задач. Так, были сделаны изыскания водоснабжения г. Москвы с Волги или Оки; произведена съемка местностей за Садовыми улицами для устройства канализации II и III очереди. Начаты устройством новые (Люберецкие) поля орошения и перестройка Главной насосной станции. Устроен завод водяного газа, и заново перестроен завод каменноугольного газа. Начата постройкой 2-я электрическая трамвайная станция в Симонове. Подготовлены к устройству птичьей бойни и Центральный рынок на Болоте, спроектированы новые мосты вместо Б. Каменного, Крымского и Краснохолмского, куплена Мамоновская дача за Калужской заставой и устроены верхний и нижний парки на Воробьевых горах, близились к окончанию переговоры с правительством о передаче городу Александровских садов, Петровского парка, разработан план замощения города усовершенствованными мостовыми и др.

Война, а за ней Февральская революция приостановили развитие городского благоустройства Москвы. Происшедшие после Октябрьской революции Гражданская война, голод, холод, эпидемия сыпного тифа и др. бедствия, обрушившиеся на Москву в 1918–20 гг. и усилившие начавшийся еще в 1917 г. уход населения из города, разрушили многое в гор. хозяйстве, которое только с конца 1921 г. начало немного оправляться.

Водопровод и канализация Москвы, правда, выдержали трудный пятилетний экзамен, и ни на один день не приостанавливали своей деятельности: но их спасли только большие запасы труб и др. частей, предназначавшиеся для расширения водопровода и канализации, а также уменьшение к 1920 г. населения

до половины числа его в 1915 году. Все же машины и др. части их сооружений порядком износились и требуют в ближайшие годы капитального ремонта. Газовый завод совсем было приостановил свою деятельность, за недостатком донецкого угля, а когда с конца 1920 г. последний стал поступать, не смог развить своей деятельности до прежних размеров из-за отсутствия главного потребителя прежнего времени — фабрик и заводов и мастерских, работающих газом, и из-за изношенности уличной сети и порчи фонарей. Трамвай за 1918–20 гг. все уменьшал свою деятельность вследствие катастрофического выбытия вагонов в ремонт и невозможности произвести последний в надлежащем виде и размерах. Замошение и перемощение проездов, ремонт мостов приостановились за отсутствием денег.

Лишь с переходом к новой экономической политике начала открываться возможность лечить старые раны. Первым к настоящему времени залечил их трамвай, превратившись, если не в доходное, то в окупающее свои эксплуатационные расходы предприятие. Водопровод, канализация и газовый завод, не имеющие возможности по социально-экономическим причинам брать за свои продукты и услуги с населения даже по себестоимости, гораздо медленнее и слабее производят ремонт и др. крупные работы. Их дефицит, а равно производящиеся в 1922 г. ремонт общественных зданий, мостовых, мостов и др., покрывается из сумм, полученных МКХ (Московским коммунальным хозяйством — *сост.*) от сдачи в аренду недвижимых имуществ города и торговых помещений.

Лишь с изданием 29 августа 1922 г. ВЦИКом и Совнаркомом дополнения к перечню местных налогов, позволяющих вводить специальные сборы с населения за коммунальные мероприятия, принесшие ему длительные выгоды, открывается возможность развивать благоустройство города в соответствии с платежеспособностью населения. Но последняя, в общем, пока еще низка, а потому не приходится ожидать в ближайшие годы каких-нибудь крупных улучшений в благоустройстве Москвы. Ускорить их может только привлечение иностранных капиталов в виде займов, концессий и т.п.

Из только что изложенного видим, что последние 5 лет чрезвычайно тяжело отзывались на гор. благоустройстве Москвы и работе крупных коммунальных предприятий. Но эти же годы расчистили поле для будущей плодотворной деятельности в области общественной санитарии и гор. благоустройства в размерах, невиданных и даже неслыханных при прежнем строе русской жизни. Все земли перешли в собственность города и создали возможность полной перепланировки улиц, площадей и целых местностей, уничтожения кривых переулков и тупиков, которыми так изобилует Москва и которые оставались бы еще века в таком состоянии, если была бы сохранена в городе частная собственность на землю. Улицы, как в центре, так и на окраинах, большей частью освободились от ветхих, грязных и антисанитарных построек, которые либо сгорели, либо были разобраны на дрова. На их месте, вероятно, уж в ближайшем

будущем возникнут красивые и здоровые здания. Заброшенные прежним правительством или окрашенные в нелепый цвет прекрасные архитектурные строения, занятые различными правительственными учреждениями, уже в настоящее время окрашены в соответствующий эпохе их возникновения цвет, выявляющий наиболее выпукло их архитектурные красоты (Университет, д. Московск. Совета²⁷ и др.). Исчезли старые рынки, служившие вечным скоплением грязи и угрозой здоровью, как в центре города (Охотный ряд), так и на окраинах. Московский Совет прилагает героические усилия к поднятию благоустройства окраин, бывших пасынками прежней Городской думы и уездного земства, и потому во многом менее благоустроенных, чем иные уездные города России. К ним подводится трамвай (Всесвятское, Покровское Стрешнево и др.), водопровод (Благуша, Марьиная роща), канализация и др. Особенно много выиграло от революции садовое хозяйство города. Во всех частях последнего множество садов, парков и проч. зеленых мест, принадлежавших ранее отдельным собственникам и использовавшихся ими только для себя и узкого круга своих родных и знакомых, теперь открылись для всего населения, и оно, особенно дети, используют их полностью для отдыха и игр.

Наконец, только после Октябрьской революции стал живой реальностью план расширения территории г. Москвы с 200 до 2000 кв. верст, определяющий гигиенически и экономически правильную застройку площади на 25 верст вокруг центра Москвы с оставлением на месте множества садов, рек, лесов и парков, и соединяющий в одно целое удобства жизни в городе и деревне без отрицательных сторон той и другой. Нечего и говорить, что вместе с этим предвидится огромное техническо-санитарное строительство для нужд новой Москвы, ибо современными предприятиями и учреждениями последняя ни в коем случае не сможет быть обслужена.

В заключение считаем долгом предложить всем прочитавшим настоящую статью и желающим близко ознакомиться с тем или другим коммунальным предприятием г. Москвы, прежде осмотра его на месте, прочитать один из печатаемых ниже очерков об этом предприятии и затем посетить Московский коммунальный музей (Театральный проезд д. 3²⁸, тел. 1—84—68), где посредством обзора диаграмм, чертежей, таблиц, моделей и проч., сопровождаемого устным объяснением лектора Музея, они познакомятся с прошлым, настоящим и будущим каждого предприятия, с его ролью и значением в общей системе коммунального хозяйства и жизни города, с его экономикой и общими принципами технического устройства. В библиотеке-читальне Музея они найдут всю литературу, касающуюся данного предприятия, которая большей частью отсутствует не только на книжном рынке, но даже в таких больших библиотеках, как библиотека Румянцевского музея, Исторического музея, Университета, Института К. Маркса и др.

Библиография

- 1) И.Е. Забелин. История русского народа. Т. I и II.²⁹
- 2) Путеводитель «По Москве». Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1917 г.
- 3) Петунников. Пути сообщения в г. Москве. М. 1915 г.
- 4) М.П. Щепкин. Общественное хозяйство г. Москвы. Ч. I и II. 1887–92 гг.
- 5) Сборник очерков по г. Москве. М. 1897 г.
- 6) Современное хозяйство г. Москвы. Под ред. И.А. Вернера. М. 1913 г.
- 7) Статистический ежегодник по г. Москве. Вып. IV. М. 1916 г.
- 8) «Известия Моск. Гор. Думы» за 1877–1917 гг.
- 9) «Красная Москва». Сборник очерков, изд. М.С.Р.К. и К.Д., 1920 г.
- 10) «Коммунальное Хозяйство» за 1920–1922 гг. Москва.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ В архивных деле и описи дана дата — 25 октября 1922 г.
- ² Первый (по древности) предшественник современного Большого Каменного моста через Москву-реку. Первый же каменный мост в Москве (Троицкий) был построен через р. Неглинную от Троицких ворот Кремля.
- ³ Имеются в виду палисадники и сады, устройство которых было обязательным условием при получении земельных участков под застройку в первой трети XIX в., когда на месте укреплений Земляного города было образовано кольцо Садовых улиц (ныне — Садовое кольцо), в ходе работ по планировке и застройке Москвы Комиссией для строений в Москве.
- ⁴ Все три урочища — в Замоскворечье.
- ⁵ Первые шаги в этом направлении были предприняты в правление императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.), официальное же запрещение хоронить в приходах церквей в городе связано с московской чумой 1771 г.; для погребения умерших, «кто бы таков ни был», отводилась особая земля «в нарочитом от Москвы расстоянии» (Именной указ «О прекращении появившейся в Москве заразительной болезни» от 25 марта 1771 г.; Сенатский указ от 24 декабря 1771 г. (См.: ПСЗ. — Собр. 1-е. — М., 1830. — Т. XIX. — №13586. — С. 409; №13724. — С. 244).
- ⁶ Колокольня не сохранилась.
- ⁷ Не сохранился.
- ⁸ Вероятно, имеется в виду дом Губина (ул. Петровка, д. 25), построенный арх. М.Ф. Казаковым; в числе владельцев в начале XX в. упоминаются Самарины.
- ⁹ Румянцевский музей — образован на основе библиотеки и коллекций графа Н.П. Румянцева (1754–1826); существовал в 1862–1925 гг. в Доме Пашкова. Здание ныне — в комплексе зданий Российской государственной библиотеки.
- ¹⁰ Константиновский межевой институт помещался в здании быв. усадьбы П.И. Демидова — А.Б. Куракина (1790-е гг. арх. Р.Р. Казаков), под институт перестроено в 1830-е гг. (арх. Е.Д. Тюрин), последняя перестройка в 1880-е гг. (арх. Б.В. Фрейденберг); ныне — Государственный университет по землеустройству (ул. Старая Басманная, д. 21/4 стр. 1).
- ¹¹ В.В. Ольденборгер (1863–1921), главный инженер Алексеевской насосной станции. Фрагменты ансамбля Алексеевской водонапорной станции сохранились (ул. Новоалексеевская).
- ¹² Сухарева башня не сохранилась. Вода подавалась также в Крестовские водонапорные башни (не сохранились).
- ¹³ Верхний, Средний и Нижний сады; нынешний Александровский сад первоначально носил имя Кремлевского.

- ¹⁴ Обе плотины и шлюзы не сохранились.
- ¹⁵ Первый водовод с системой подачи воды самотеком; сохранился Ростокинский акведук — галерея Екатерининского водопровода.
- ¹⁶ Многоместная карета на конной тяге, обычно использовались для междугородных перевозок пассажиров и багажа.
- ¹⁷ Конный многоместный экипаж с крытым верхом и открытыми боками, пассажиры сидели на двух продольных лавках в центре экипажа — боком по направлению движения и спинами друг к другу; в Москве линейки появились в конце 1840-х гг.
- ¹⁸ Российский (ныне Государственный) Исторический музей в северной части Красной пл. строился в 1870-е — 1880-е гг.; открытие состоялось в 1883 г.
- ¹⁹ Выстроены в 1890—1893 гг. (арх. А.Н. Померанцев, инженер В.Г. Шухов) на месте здания рядов арх. О.И. Бове (возведены после пожара 1812 г.); ныне здание ГУМа (Красная пл., д. 3).
- ²⁰ Не существует.
- ²¹ Комплекс Винно-Соляного двора не сохранился.
- ²² Конно-железная городская дорога; вагоны на конной тяге передвигались по рельсам.
- ²³ Первые два были созданы после 1771 г.; Лазаревское кладбище — первое городское, было устроено в 1750-е гг., оно утрачено.
- ²⁴ Водонапорные Крестовские башни Мытищинского водопровода, построены в 1890-е гг. у Крестовской заставы (ныне — Рижская пл.) арх. М.К. Геппенером; не сохранились.
- ²⁵ Здание Городской думы на Воскресенской пл. (ныне — пл. Революции, д. 2/3) построено в 1890—1892 гг. по проекту арх. Д.Н. Чичагова (члена МАО) по инициативе городского головы Н.А. Алексеева. Конкурсные проекты активно обсуждались МАО, членами его Комиссии по сохранению древних памятников, по просьбе Н.А. Алексеева, обратившегося в МАО за экспертной оценкой.
- ²⁶ Сбор с товаров, привозимых в город и вывозимых из него, в том числе по железной дороге.
- ²⁷ Здание Моссовета (бывш. дом генерал-губернатора) на ул. Тверской. Ныне — здание Правительства Москвы (ул. Тверская, д. 13).
- ²⁸ По этому адресу музей находился с 1921 до 1926 г. (Подробнее см.: Музей Москвы. История и коллекция. 1896—2021 / ред.-сост. Н.Ю. Катанова, К.В. Лапина. — М., 2022. — 712 с.).
- ²⁹ *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен: В 2 ч. — Ч. I. — М., 1876; Ч. II — М., 1879.

ТАРАБРИН Иван Мемнонович (1876–1942)

Музейный сотрудник, краевед, биограф И.Е. Забелина, член МАО

Родился в семье художника. Учился в московской 5-й гимназии (1896–1895 гг.), на историко-филологическом факультете Московского университета (1895–1899 гг.). С 1902 г. более 35 лет работал в Историческом музее: помощником библиотекаря (1902–1905 гг.), ученым секретарем (1905–1920 гг.), с 1920 по 1937 г. — зав. Архивом историко-бытовых материалов (с 1938 г. — Отдел письменных источников).

При жизни И.Е. Забелина Тарабрин помогал ему в организации научной работы, после кончины Забелина активно участвовал в приеме и первичной обработке его библиотеки и научного архива, участвовал в подготовке к печати последней работы И.Е. Забелина — 2-го тома «Истории города Москвы», составлял указатель его трудов.

В 1920–1930-е гг. И.М. Тарабрин принимал активное участие в работе московского Коммунального музея, был председателем Архивно-библиотечной комиссии музея, членом Совета музея. С 1933 г. участвовал в работе Комиссии по строительству московского метрополитена.

Значительный по объему личный архив И.М. Тарабрина (513 ед. хр.) хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 203).

В 1902 г. стал членом-корреспондентом МАО, в 1904 г. действительным членом, являлся секретарем Славянской комиссии МАО.

И.М. Тарабрин — активный участник деятельности «Старой Москвы». Трижды выступал с докладами на заседаниях: «Папки вырезок М.Д. Хмырова о Москве» (140-е засед. 14.12.1922 г.), «Малоизвестные планы Москвы конца XVIII в.» (355-е засед. 27.12.1927 г.), «О научных трудах И.Е. Забелина» (410-е засед. 17.01.1929 г.). В 1920, 1925 (дважды), 1927, 1928 гг. выступал с информацией и в прениях по докладам других лиц.

ПАПКИ ВЫРЕЗОК М.Д. ХМЫРОВА О МОСКВЕ

*доклад на 140-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
14 декабря 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 1. Д. 9. Л. 78об.—79об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой. Листы двухсторонние, с пятнами, потертостями. Запись сделана П.Н. Миллером.

Сегодня, 1 декабря ст[арого] ст[илия] [1922 г.], исполнилось 50 лет со дня похорон в Петербурге русского историка и библиографа Михаила Дмитриевича Хмырова¹, умершего 27 ноября. Воспитывался М.Д. (Михаил Дмитриевич — *сост.*) в Московском кадетском корпусе и свою ученую и библиографическую деятельность начал в Москве. После его смерти библиотека и замечательно[е] собрание хмыровских вырезок поступили в Исторический музей. Систематизацией этих вырезок М.Д. надеялся создать нечто вроде настольной энциклопедии. Вырезки собраны в 14 томах и заключены в 5 папок. В каждом томе, кроме вырезок из газет и журналов, имеются и отдельные статьи и брошюры, даже книги и рукописи, всего таких отдельных предметов 746, относящихся к периоду времени более чем в 100 лет, с 1755 по 1869 год. Вырезки в большинстве русские, но имеются и французские. Кроме вырезок из русских периодических изданий, губернских столичных и провинциальных ведомостей, много статей из таких редких журналов, как «Уrania», «Современный наблюдатель», «С[анкт]п[етер]б[ургский журнал]», «Трудовая пчелка» и др.

Соединение их в папки произведено без всякой системы, почему составленный к ним Н.Н. Рудневым и С.М. Кононовой карточный каталог является единственным пособием для пользования этим богатейшим материалом.

Материал в папках не исчерпывает всего, что было собрано М.Д. Хмыровым по Москве, — в числе его книг имеется немало специальных томов, попадаются даже отдельные № журналов, как, например, № «Живописного сборника» со статьей о Красной площади самого М.Д. Хмырова.

Кроме материалов по Москве, встречается немало статей и по Московской губернии.

Несмотря на то, что за последние 60 лет появилось в печати множество различных специальных исследований по Москве, поражаешься какое разнообразие и обилие материалов содержат в себе хмыровские папки, от них веет свежестью и неувядаемой новизной. Какой бы вопрос не был задан по Москве, на каждый можно иметь ответ в неизвестном и неопубликованном до сих пор материале.

После краткого вступления И.М. Тарабрин кратко же познакомил с содержанием каждого из XIV томов, причем называл материал наиболее редкий и интересный и продемонстрировал уже упомянутую статью М.Д. о Красной площади и три тома вырезок.

Каждый том представляет из себя крепко сшитые между собою вырезки из газет и журналов, иллюстрации, рукописи, отдельные книги, причем от последних безжалостно отделены переплеты и даже обложки. На вырезках тщательно помечено название издания, его № и год издания.

В I томе Ив. Мемнонович обратил внимание на следующие материалы:

«Альманах для приезжающих» изд. Кузнецова 1825 года² со всеми гравюрами к нему полагающимися;

Критическая заметка из №7 за 1853 год из «Москвитянина» с подписью Ив. Дм. о Хотевском плане Москвы³;

О карточной системе (1826 г.);

О Московских слободах (1867 г.);

«Весна» из «Сына Отечества» за 1816 г., где говорится о перепланировке Театральной площади;

Критич. заметка о книге [нрзб] «Взгляд на москов[ские] вывески»⁴;

О дубленых полушубках, впервые появившихся в 1837 г.;

О воксале⁵ в Петровском парке (1837);

Сборное воскресенье в Москве и т.п.

Во II томе

«Москва за полвека» Гастева 1843 г.⁶ Из статьи видно, что автор пользовался делами, хранящ. наверху Никольской башни⁷. Интересно, где теперь эти дела?

Федот Исаев — очерки из жизни ремесленников Ф. Глинки 1836 г.;

История Москвы Павла Горбунова 1856 г., где рассказывается о Тверской и описывается каждый дом, что в нем раньше было;

Из вырезки 1867 узнаем, что первая дешевая газета в Москве появилась именно в этом году в лице «Современных известий»;

Доклад о состоянии Москвы в 1806 году ген.-губ. [Т.И.] Тутолмина;

Очень много заметок и статей о Кремле, о Бородинском мосте и т.п.

В III томе

Новое заведение в Москве — Общий магазин Ф. Глинки 1843 г.;

О заложении нового Каменного моста (Москворецкого) 1830 г.;

О моск. богоугодных заведениях 1844 г.;

Замечания к таблице о ценах в Москве за 1782—1803 г. — 1806 гг.;

Записки старого моск. жителя за 1803 г., из которых, между прочим, видно, что уличная продажа ландышей началась именно в этом году;

Новые здания в Москве — фонтаны, больницы. 1832 г.;

Статья Макарова о московских урочищах;

Архитектурные заметки Дмитриева⁸ 1851 г. и пр.

В IV томе

Стихи «На разрушение Москвы» Ф. Иванова 1813 г.;

О Синей земле (1835 г.);

О находке мамонтов. костей бл[из] [нрзб] Керцели 1857 г.;

О Киевцах в Улановском пер.;

О пожарах;

Чрезвычайно любопытное рассуждение одного из анонимных авторов об устройстве гульбища в Москве, для чего автор предлагает снести часть кремлевской стены.

В V томе

О лагере в подмоск. селе Всехсвятском 1810 г.;

О судоходстве по М[оскве]-реке 1836 г.;

Летопись моск. пожаров;
О новых гуляньях Любецкого 1854 г.⁹;
Макаров — «Москва в своих родных песнях»;
[А.Ф.] Мерзляков «Песнь на заложение Хр[ама] Хр[иста] Спасителя» 1828 г.;
Макаров — «Москва в исходе 1813 г.», где говорится о Петре Андриановиче
Позднякове и его театре; плата шла в пользу пострадавших от войны 1812 г.;
О старине Москвы в «Наблюдателе» 1835 г.;
Москва за столом — из истории Москов. Английского клуба. 1850 г.;
О первых женских школах 1838 г.

В VI томе

Под 1865 г. статья о необходимости перестройки входных дверей в помещениях, где собирается много народа, там следует переделать их так, чтобы они открывались наружу, а не во внутрь;

О тротуарах 1842 г.;

Статья Макарова о ц[еркви] Большой крест на Ильинке¹⁰ под 1817 г.;

Новая набережная по берегу Москвы-реки 1851 г.;

Открытие Технич. института 1867 г.¹¹;

Описание тутовых плантаций, разводившихся Любимовым позади Мещанского уч[или]ща, где теперь подготовл. место для всероссийской выставки.

VII т[ом]

Статья [нрзб] о статистическ. атласах Тарасова и Самойлова;

О тротуарах (вместо кирпичных, каменные) 1843 г.;

Образцовое пивоварное заведение 1862 г.;

Обед, какого не бывало (для 250 нищих на Болоте¹²) 1839;

Новое гульбище в Петровском парке 1835 г.;

Статья Лешкова о древней полиции в Москве¹³.

VIII т[ом]

Статья [П.В.] Хавского 1845 г.;

Описание Москвы [В.Г.] Рубана¹⁴;

О Троицкой в Троицкой церкви Орлова;

Описание нового минерального источника на Соляной площади 1841 г.;

О водопроводе 1839 г.

IX т[ом]

Описание ц. Спаса в Чигасах¹⁵ 1858 г.;

Новая булыжная мостовая по Бульварной улице 1864 г.;

О выработке в М[оскве] шалей (у Гучкова) 1827 г.;

О состоянии Москвы, сколько домов сгорело, сколько построено 1817 г.;

О Воронинских блинах в Егоровском трактире¹⁶;

Дмитриев. О строении в М[оскве] при Петре Великом;

Сломаны решетки у могилы Грановского¹⁷ 1861 г.;

О женской следственной тюрьме 1861 г.;

Зала, построенная Баженовым в 1773 году;
О галерее Тюрин¹⁸ «Моск. вед[омости]» 1850 г. №182.

Х т[ом]

Появились ридикюли¹⁹ 1804 г.;
Искусственные минеральные воды 1828 г.;
Список членов Моск. Библейского комитета 1817 г.

XI т[ом]

О достопамятностях Тромонина²⁰;
Леонтьевский пер. — Макарова 1841 г.;
Картина Москвы, напоминающая фламандский пейзаж у ц. Троицы в Листах.

XII т[ом]

Москвичи дома, в гостях и на улице, Полякова²¹;
О городской почте 1845 г.;
О престольных праздниках;
Гранатный пер. — Макарова 1837 г.;
Дом Апраксиных 1836 г.;
О проекте моск. водопровода Бауэра в 1780 г. — 1840 г.

XIII т[ом]

О москов. артели Гостиного двора;
О фабриках;
Артезианский колодезь 1867 г.

XIV т[ом]

Такса на лесные продукты 1841—1842 г[г].;
Три сонета Павла Флеминга 1634;
1636 г., статьи [нрзб] и пр.
Последней вырезкой является заметка 1853 г. об ярмарке в Росс. Благородном собрании²².

КОММЕНТАРИИ

- ¹ М.Д. Хмыров (1830—1872), историк, библиофил, публицист; составил уникальную библиотеку, включавшую журналы и папки (конволюты) вырезок, подобранных тематически; автор неизданных библиографических трудов, собрания надгробных надписей и др.
- ² Альманах на 1826 для приезжающих в Москву и для самих жителей сей столицы, или Новейший указатель Москвы, в котором с точностью означены все лучшие предметы, служащие к потребностям городской жизни: с присовокуплением исторической картины Москвы и описания всех присутственных мест, военных, гражданских, учебных и прочих заведений и т.д. — М., 1825. — 136 с.
- ³ Атлас столичного города Москвы А. Хотева. 1852—1853 гг.
- ⁴ Взгляд на московские вывески / соч. Ф. Дистрибуенди. — М., 1836. — 68 с.
- ⁵ Увеселительное место (сад) или помещение, где организовывались гуляния, музыкальные вечера, танцы, маскарады, музыкальные концерты, театральные представления и иные

формы досуга. Подробнее см. статью Э.В. Готье «Воксал в Петровском парке», помещенную в настоящем сборнике.

- ⁶ *Гастев М. С.* Москва за полвека // Московские ведомости. — 1843. — №10.
- ⁷ В некоторых кремлевских и китайгородских башнях в конце XIX — начале XX в. хранились архивные документы Московского губернского архива старых дел. Подробнее см. статью И.Я. Стеллецкого «Об архивных башнях в Москве», помещенную в настоящем сборнике.
- ⁸ Н.В. Дмитриев (1822—1866), архитектор, член-корреспондент Московского археологического общества; публиковался в газетах «Московский вестник», «Московский курьер» (1859—1861 гг.) в рубрике «Архитектурная деятельность в Москве», в «Оберточном листке» (1860 г.) и «Русских ведомостях» (1863—1866 гг.) в рубрике «Архитектурные заметки» (Подробнее о нем см.: *Печенкин И.Е., Сайгина Л.В.* Московская архитектурная жизнь середины XIX века в критических публикациях Н.В. Дмитриева (1822—1866) // Архитектурное наследство. — Вып. 52. — М., 2010. — С. 263—270).
- ⁹ «Московские старинные и новые гулянья и увеселения» — цикл статей С.М. Любецкого, опубликованных в 1854 г. в журнале «Москвитянин»; см. также: *Любецкий С.М.* Московские старинные и новые гулянья и увеселения. — М., 1854. — 66 с.
- ¹⁰ Храм не сохранился.
- ¹¹ Речь идет об Императорском Московском техническом училище; устав утвержден в 1868 г.; в советский период — Московское высшее техническое училище (МВТУ) им. Н.Э. Баумана; ныне — Московский государственный технический университет (МГТУ) им. Н.Э. Баумана.
- ¹² Название местности (урочища) в Замоскворечье.
- ¹³ *Лешков В.Н.* О древней московской городской полиции: Исторические известия. — М., 1852. — 56 с.
- ¹⁴ Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе: звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов и рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извозчиков и прочая / собр. в 1775 г. и изданное в свет для удовольствия общества Издателем «Описания Санкт-Петербурга» г.н.с. В.Г. Рубаном. — СПб., 1782. — 159 с.
- ¹⁵ Храм не сохранился.
- ¹⁶ Трактир Егорова, располагался в Охотном Ряду.
- ¹⁷ Могила Т.Н. Грановского на Пятницком кладбище; сохранилась.
- ¹⁸ Частная картинная галерея архитектора Е.Д. Тюриня (1792—1875). Подробнее см. статью П.Н. Миллера «Картинная галерея Е.Д. Тюриня в Москве», помещенную в настоящем сборнике.
- ¹⁹ Ридикюль — женская вышитая сумочка на длинном шелковом шнуре для ношения на руке (лат.; фр.).
- ²⁰ Достопамятности Москвы, изданные Корнилием Тромониным. — М., 1843. — 128 с.
- ²¹ Москвичи дома, в гостях и на улице: Рассказы из народного быта / соч. Н. Полякова. — М., 1858. — 167 с.
- ²² Российское (Дворянское) благородное собрание (1766—1917 гг.), орган дворянского самоуправления. В Москве Благородным собранием в 1784 г. был выкуплен дом на углу ул. Б. Дмитровки и Охотного ряда кн. В.М. Долгорукова-Крымского (перестроен арх. М.Ф. Казаковым; последняя перестройка — в 1903—1908 гг., арх. А. Мейснер); в советский период — Дом Союзов; ныне принадлежит акционерному обществу (ул. Б. Дмитровка, д. 1/30).

ХЛОПОВ Григорий Ильич (? — 1920)

*Судебный следователь, историк Москвы,
товарищ председателя Комиссии «Старая Москва»*

Из дворян Тульской губ. Родился в имении родителей недалеко от Ясной Поляны. Окончил юридический факультет Московского университета. Служил судебным следователем в Елифани (Тульская губ.), Харькове, Москве (в 33-м участке Пречистенской части). После 1917 г. работал в Карточном бюро Комиссариата юстиции, затем зав. Карточным бюро в Наркомпросе РСФСР.

Отравился угарным газом, скончался в 1-й Градской больнице. По воспоминаниям современников, забрал в больницу самое ценное имущество, после смерти реквизированное. Оставшиеся на его квартире книги и бумаги сожгли квартиранты.

Избран в члены Комиссии «Старая Москва» 5 декабря 1913 г. Посетил 27 заседаний. Прочитал 8 докладов по результатам историко-топографических исследований московских районов: «Опыт историко-топографического исследования Ваганькова. Воздвиженка со второй половины XVII до середины XIX столетия» (47-е засед. 12.12.1914 г.), «Об историко-топографическом исследовании участка по улицам Тверской и Дмитровке с конца XVII до середины XIX в.» (54-е засед. 06.11.1915 г.), «Об Охотном ряде на планах местности 1794 и 1805 г., хранящихся в собрании Э.В. Готье» (56-е засед. 11.01.1916 г.), «О Театральной площади» (63-е засед. 28.10.1916 г.), «О сломке деревянных Триумфальных ворот в начале XIX в.: двух на Тверской и одних на Мясницкой (по материалам Московского губернского архива старых дел)» (64-е засед. 25.11.1916 г.), «Историко-топографическое исследование Мясницкой ул. и Кривоколенного и Милютинского переулков в царствование Елизаветы Петровны и Екатерины II» (69-е засед. 17.02.1918 г.), «О московском быте по путевым заметкам проф. Кларка 1799 г., изданным в Лондоне в 1810 г.» (70-е засед. 21.04.1918 г.), «Грибоедовская Москва по записям иностранцев» (72-е засед. 30.03.1919 г.). Часто выступал в прениях.

На заседаниях «Старой Москвы» трижды вспоминали о большом вкладе Г.И. Хлопова в развитие москвоведения и в работу Комиссии — 27 мая, 29 июля и 4 ноября 1920 г. Также ему посвящали выступления А.М. Васнецов и Б.С. Пушкин (27 мая и 4 ноября 1920 г.). По воспоминаниям Б.С. Пушкина, Хлопов «горячо любил старую Москву и живо переносился воображением в ее былую жизнь. Много работал в московских архивах и обладал большими и необычными познаниями по быту прежних времен».

ОПЫТ ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВАГАНЬКОВА¹. ВОЗДВИЖЕНКА СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ДО СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

*доклад на 47-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
12 декабря 1914 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 77об.—80; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и карандашными вставками. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись сделана И. С. Беляевым.

В предисловии к своему сообщению докладчик скромно заявил, что его работа названа им опытом исследования, потому что он сам является не историком и не профессиональным ученым, а делает попытку исполнить требование Устава нашей Комиссии. Между тем, работа Г. И. Хлопова — обширный, детально обследованный труд, где в полной мере использована вся печатная литература по затронутому предмету и большинство письменных первоисточников.

Докладчик, прежде всего, отмечает расположение близ кремлевских стен, между Троицкими и Боровицкими воротами старого Аптекарского сада в начале XVII века и здесь же, близ Троицких ворот, по плану Федора Годунова² указывает исчезнувшую потом церковь св. Николая на Сапожке, которую он склоняется отождествить с называемой в конце XVI ст. церковью «Николы Чудотворца Зарайского, еже есть у Каменного моста за Неглинной»³. Храм Николы на Сапожке был разобран в 1837 г.⁴, а материал его употреблен для постройки церкви во имя того же святого в Москов[ском] манеже⁵.

Далее докладчик сообщает сведения о церкви Николы, что на Старом Ваганькове, указывая, со слов [А. А.] Мартынова, что здесь существовал «царский псаренный двор», переведенный в XVIII веке «на Ново-Ваганьково на Трех горах за Пресней»⁶. Недалеко от храма Николы в Старом Ваганькове между углом Румянцевского музея (Дом Пашкова — *сост.*) и концом ограды, при доме Архива [Министерства] иностр[анных] дел⁷, стояла церковь во имя Михаила Малейна, уничтоженная в конце XVIII века⁸. На месте Псаренного двора на Знаменке был построен дом для царевны Прасковьи Иоанновны⁹, перешедший потом к сыну «полудержавного властелина» к кн. А. А. Меншикову; в конце XVIII века это владение приобретает Пашковым.

Здание теперешнего Румянцевского музея¹⁰ в 1831 г. было сильно запущено, потом здесь была 4 гимназия, дворянский пансион и, наконец, с 1861 г. Публичный музей. В 30-х годах XIX ст. Пашков дом с землею 2500 кв. с[ажений] оценен был в 400 тысяч рублей. В Ваганькове между Знаменкой и Воздвиженской в нынешнем Ваганьковском переулке (ныне Староваганьковский пер. —

сост.), ранее называвшемся Шуйским, вероятно по имени боярина Д. И. Шуйского, здесь упоминавшегося, и Благовещенским¹¹ переулком, в середине, где теперь владение книжн. склада Клюкина, стоял храм Благовещения Пресвятой Богородицы, построенный в XVI веке Алевизом Фрязином¹². После нашествия Наполеона эта церковь, очень пострадавшая от пожара, в 1817 г. была разобрана, а материал пошел на устройство Успенского собора при Крестовоздвиженском монастыре¹³. По Знаменке теперешнее владение С. С. Бутурлина в 1738 г. принадлежало вдове графа Петра Матвеевича Апраксина, в 1761 г. гр. Роману Ларионовичу Воронцову, потом гр. П. В. Мусиной-Пушкиной, полк. Н. П. Римскому-Корсакову, кн. С. И. Гагарину, за дочерью которого княжнюю М. С. он перешел к отцу настоящего владельца. На Знаменке на углу Ваганьковского переулкa, где теперь высится шестиэтажный дом Шампиной¹⁴, построенный архитектором Шехтелем, владение принадлежало в 1738 г. генералу, бывшему впоследствии главнокомандующим в Москве (в 1744—1751 гг. — *сост.*), Ив. Вас. Левашову; до 1828 года было в этом роде, а потом часть владения была продана купчихе Марии Арбузовой. Владение теперешнего Александровского военного училища¹⁵ принадлежало Апраксину, и сюда после 1812 г. была переведена с Никитской из дома Кузнецова труппа Императорского московского театра¹⁶. Здесь же играла и «французская труппа».

От Неглинной по Воздвиженке на месте теперешнего Архива Министерства иностранных дел в XVII веке находилось владение сверстника и любимца царя Михаила Федоровича (1613—1645 гг. — *сост.*) боярина Василия Ивановича Стрешнева. Дом, как видно по планам, расположен был также, как и теперь, на середине двора, фасадом только на Моховую улицу, на которую выходили и его главные ворота. Здесь существовала церковь во имя Великомученицы Ирины, соединенная с палатами. После смерти вдовы боярина двор принадлежал Касимовскому царевичу Араслановичу, с 1675 г. — роду Нарышкиных, около 1812 г. был продан генеральше С. П. Свечиной, урожденной Соймоновой, в 1818 г. — казне для Департамента горных и соляных дел; на месте же последнего с 70-х годов XIX столетия — новое здание архива с церковью св. Ирины в память прежнего храма. Около этого владения по Моховой стояли «богадельни», называвшиеся в XVII—XVIII столетиях «Тургеневскими».

Почти против Стрешневского двора и Манежа, стоящего в XVII в. в тупике, соответствующем другому углу теперешней Воздвиженки, тогда Смоленской улицы, стояла церковь Дмитрия Солунского, ныне уже не существующая, с смежным двором бояр Пушкиных. Дальше шли дворы Сомова, Протопоповых, Кологривова, Бурцева, лекаря Василия Ульфа и, наконец, боярина Н. И. Романова. Двор Пушкиных, где была вблизи церковь Димитрия, с 1738 г. принадлежал гр. Пл. Ив. Мусину-Пушкину, в 1740 купцу Миленкову, в 1749 г. купцу Кузнецову, в 1757 г. купцу М. П. Гусятникову, после 1840 г. Петрову и Скворцову, от них ныне воздвигнуто лет 10 назад огромное здание Общества

страхового с рестораном Петергоф¹⁷. Романов же двор после смерти боярина Н.И. [Романова] в одной части был взят на государя, а в другой поступил в род Нарышкиных, представительница которого принесла эту часть в приданое гр. Разумовскому; от последнего в 1799 г. она куплена гр. Н.П. Шереметевым. В доме его внука гр. А.Д. находится ныне Охотничий клуб¹⁸. Исходя из летописного сказания, что «царь Иоанн (Грозный) повелел ставить себе двор за городом на Неглинной, меж Арбатской улицы и Никитской от полаго места, где церковь Великомученика Димитрия и храм Петра и Павла», докладчик и на основании других соображений полагает, что Опричный двор был именно на месте прежнего владения бояр Романовых.

На углу нынешнего Шереметевского переулка (ныне Романов пер. — *сост.*) в XVII в. был двор Головина, дом находился в глубине двора и состоял из двух частей, каждая заключавшая в себе 2 комнаты и сенцы, а сзади было крыльцо и около баня, после Головина был двор взят на государя, в 1751 г. женою полковника Анной Мих. Отяевой продан графу Кир. Гр. Разумовскому за 50 рублей, от него владение перешло к гр. Н.П. Шереметеву и ныне принадлежит его внуку, пожизненному члену нашей Комиссии гр. С.Д. Шереметеву¹⁹.

Далее по Воздвиженке в XVII ст. был двор И. Ф. Стрешнева, сзади дворовое место кн. В.Б. Вериги-Волконского. Дальше по Воздвиженке — дворовое место Матюшкиных, проданное в 1765 г. кн. Д.М. Голицыну, в 1773 г. М.В. Зиновьеву, в 1781 г. Е.Е. Мальцевой, в 1818 г. полковнику Терскому, в 1839 г. ген. Мосолову. В [18]80-х годах это владение принадлежало Базилевскому с памятной стеклянной галереей и чугунной решеткой, выходившими на Воздвиженку. Ныне здесь шестиэтажный корпус Экономического общества офицеров²⁰.

Против Шереметевского переулка в половине XVII в. был расположен Новый государев аптекарский сад, хранивший припасы для царского стола: вины, меда, арбузные полосы и пр. В начале XVIII ст. это место принадлежит «верховнику» кн. Вас. Лук. Долгорукову, потом грузинскому царевичу Егору Вахтангеевичу, в 1801 г. ген. С.А. Талызину, в 1806 г. Устинову, а с половины XIX ст. здесь находится Казенная палата с казначейством²¹.

На углу Крестовоздвиженского переулка и далее по улице, где теперь дома Асадулаева и Арманд, в половине XVII в. было владение — загородный двор князя Михаила Алегуковича Черкасского, в начале XVIII ст. оно принадлежит кн. А.А. Шаховскому, в 1793 г. ген. В.В. Грушецкому, потом родному деду по матери писателя гр. Л.Н. Толстого, князю Николаю Сергеевичу Волконскому, в 1823 г. Бахметевой, в 1831 г. Рюминой и потом Кристи.

Арбатские ворота, сломанные в 1793 г., были расположены, по плану Мичурина (1739 г. — *сост.*), так, что Знаменка и Воздвиженка сходились к ним под углом, Воздвиженка делала изгиб у церкви Бориса и Глеба²², а Знаменка — у Тихона Чудотворца²³. На площади у этих ворот ютились избушки с чоботниками, портными и др. мастерами. Окончательно Арбатская площадь была распланирована лишь после 1812 г., когда к ней отошли части владений Головкина и Макарова, церкви

Тихона, земля от упраздненной церкви Саввы Стратилата на Знаменке²⁴, дворовое место князя А.В. Хованского — около нынешнего Александров. воен. училища. В 1831 г. на Арбатской площади существовал еще деревянный театр, выстроенный здесь после пожара, уничтожившего Петровский театр, и «московская театральная труппа, — как говорит путеводитель, — давала представления в нем». Фасад его «был подобен зданию Новой Биржи в Петербурге».

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УЧАСТКА ПО УЛИЦАМ ТВЕРСКОЙ И ДМИТРОВКЕ

*доклад на 54-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
6 ноября 1915 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 93—95; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись сделана И.С. Беляевым.

Членом Комиссии Гр. Ил. Хлоповым был сделан доклад о историко-топографическом исследовании участка по улицам Тверской и Дмитровке, ограничиваемого по современному плану с [северо-]в[остока] Космодемьяновским (ныне Столешниковым — *сост.*) переулком, с ю[го-]в[остока] Георгиевским, с ю[го-]з[апада] Тверской улицей и с [северо-]в[остока] Большой Дмитровкой и представляющего собою два квартала, разделенных Камергерским переулком. Исследование начинается концом XVII и восходит до середины XIX столетий. На Дмитровке на углу Георгиевского переулка в настоящее время тянется некрасивое длинное каменное строение, занятое еще недавно электрической станцией²⁵. В XVII веке здесь вместе со смежными двумя церквями был Георгиевский второразрядный девичий м[онасты]рь, упраздненный 100 лет тому назад, а земля, простирающаяся далее по Дмитровке, вплоть до Камергерского переулка, а по другую сторону до половины Георгиевского, ныне принадлежит частью Синодальному ведомству, частью — приходской церкви Георгия. Георгиевский монастырь был основан в XVI веке теткою первой жены Грозного, девицею Феодосиею Георгиевною Захарьевою-Юрьевною-Романовою в память своего отца. Кроме сохранившихся донныне двух храмов, в Георгиевском монастыре был еще третий во имя Захария и Елизаветы, выстроенный в 1750 г. «тщанием и иждивением княгини Прасковьи Петровны Шаховской»²⁶.

Выйдя Георгиевским переулком на Тверскую, здесь, напротив, на левой стороне этой улицы увидим разрушаемое теперь здание бывшего Университетского пансиона²⁷, по правой же стороне стоят дома: 1) почетной гражданки

Сушкиной, 2) купца Маттейсена²⁸ с аптекой и 3) почетного гражданина Орлова, лиц, по-видимому, купеческого сословия, тогда как 250 лет тому назад это было старое дворянское гнездо князей Голицыных, Михаила и Алексея Андреевичей, а на месте нынешнего владения Комиссарова фаворит царевны Софьи кн. В.В. Голицын выстроил также себе великолепные палаты. Голицыны считали это все место своею колыбелью. По словам Долгорукова, говаривали: «Помни, что ты князь Голицын, живи ближе к Тверской, а умрешь — так в Донской». Двор кн. А.А. Голицына в 1763 г. перешел по продаже к главнокомандующему Москвы кн. Михаилу Никитичу Волконскому, продавшему, в свою очередь, в 1773 г. Бахметеву. Потом дом перешел к Татьяне Васильевне Глебовой, к Петру Афанасьевичу и сыну его Петру Петровичу Бекетовым. Так как при этом дворе некогда существовала домовая церковь, то в 1815 г. П.П. Бекетов просил разрешить ему здесь устроить храм во имя Иверския Божия Матери, но в просьбе ему было отказано. Двор же кн. М.А. Голицына находился в его поместье до конца XVIII века, а в первой половине XIX столетия оба владения братьев М. и А. Андреевичей Голицыных принадлежали уже тому же П.П. Бекетову.

За бывшим голицынским владением выходила в XVII веке на Камергерский переулочек, против теперешнего Художественного театра, еще одна боярская усадьба — князя Гр. Гр. Ромодановского, двоюродного дяди князя «кесаря»²⁹. В 1730 г. она состояла за вдовою одного из потомков Ромодановского, Андрея Михайловича, Анастасиею Борисовною, урожденной княжной Голицыной, в 1765 г. усадьба была продана кн. Сергею Никитичу Трубецкому, после 1820 г. она состоит уже за женою известного деятеля [18]60-х годов Варварою Ивановною Ланской, урожденной Одоевской. После 1830 г. часть двора перешла Мещанскому обществу, а остальные Плещеевой и Марковой. Ныне прошлая Ромодановского усадьба принадлежит Массе и отчасти Орлову. По Камергерскому переулочку на месте теперешнего дома Толмачева³⁰ находилось владение уже указанного кн. Гр. Гр. Ромодановского, в середине XVIII века оно принадлежало Сергею Петровичу Вельяминову-Зернову, в 1758 г. продавшему его кн. Вас. Серг. Долгорукову, в свою очередь, через два года переправившему за 500 рублей девицам гр. Наталии и Екатерине Александровнам Головиным. В 1773 г. оно вновь перешло к кн. Долгоруким и принадлежало кн. Мих. Ив., а в 1783 г. бригадиру князю Ивану Алексеевичу. В 1793 г. владение это значится за княжною Елизаветой Борисовною Голицыной, в начале XIX века за гр. Ираклием Ив. Марковым, а после 1830 г. за женою действительного с[татского] с[оветника] Самариной. Во дворе этого же владения сохранился до сих пор, хотя и малозаметный, старый двухэтажный дом, занятый почтовым отделением и синематографом. Отделка его носит характер Александровского ампира и, по-видимому, это есть тот дом, который был выстроен кн. Мих. Ив. Долгоруковым после пожара 1812 года³¹.

По плану Мичурина 1739 г., на углу, где владение Толмачевых, как будто показана церковь Спаса Преображения на Копье, докладчик же на основании переписи 1738—1743 г., окладной книги 1815 г. и трудов [И.Е.] Забелина и [П.В.] Хавского, полагает, что эта церковь была расположена посредине, выдаваясь в перекресток между улицами. Храм этот был упразднен в 1787 и разобран в следующем году.

На месте теперешнего владения Лианозова, занятого Художественным театром, был в конце XVII и начале XVIII столетия двор стольника Александра Ивановича Милославского, после 1750 г. он перешел во владение Наталии Алексеевны Пассек, от нее в 1776 г. — князю Петру Иван. Одоевскому, а около 1830 г. — к его сестре Варваре Ивановне Ланской.

На углу Камергерского переулка и Дмитровки стояла в XVII веке усадьба боярина Родиона Матвеевича Стрешнева, в потомстве которого она находилась до начала XIX века, когда одна из этого рода, Елизавета Петровна, вышла замуж за генерала Глебова, давшего начало фамилии Глебовых-Стрешневых. Рядом с стрешневским по Дмитровке в XVII веке был расположен двор Сергея и Алексея Степановичей Собакиных, из этого рода продажею в 1774 г. он перешел к князю Александру Васильевичу Урусову, а в начале XIX века к генералу Николаю Николаевичу Муравьеву. Рядом с этим же владением был по Дмитровке другой двор Собакиных, проданный в 1725 г. жене стряпчего Сытного двора Агафье Ивановне Машковой, потом он перешел к Безобразову, Сабурову, Ляпуновой, Ржевскому, в 1793 г. — князьям Мещерским, а с начала XIX ст. — генералу Н.Н. Муравьеву.

На углу Дмитровки и Кузьмодемьянского переулка, где ныне дом Чуксина³², была расположена церковь, называвшаяся Старым Воскресением и в Скоморошках³³, от нее был переход в виде арки с противоположным домом по переулку князя Козловского. Пострадав во время пожара 1812 г., церковь была сломана. О земле из-под нее просил сосед генерал Н.Н. Муравьев, что «он посвятил себя на образование молодых дворян для служения отечеству (школа колонновожатых) и продолжает оное своим иждивением, для чего занимает значительную часть своего дома». Однако просьба и не была уважена, и земля из-под церкви Воскресения была отдана Ризположенскому священнику Андрееву.

В переулке уже в 1626 году была построена церковь Козьмы и Демьяна в Шубине, иногда также прозывавшаяся в «Ржищах». Докладчик находит, что последнее название должно относиться к упраздненной церкви Козьмы и Демьяна в Кисловке.

За церковью в Шубине стоял в XVII в. двор дьяка Герасима Дохтурова; из его рода двор после 1721 г. перешел к кн. Сонцеву-Засекину и Молчанову, потом к Кознину и князю Петру Ив. Одоевскому.

На Тверской улице за домом Толмачева ныне расположено Саввинское подворье³⁴, прежде между подворьем и домом Толмачева был переулок, шедший с Тверской на Дмитровку, а в 1801 и 1805 годах он уже изображен тупиком, исчез-

нувшим затем после 1812 г. На месте подворья стоял с XVI века Воскресенский высокий монастырь, именуемый «за Золотой решеткой», самостоятельность которого окончилась в 1651 г. его передачей Саввину Сторожевскому монастырю. Против Саввинского подворья, на месте теперешнего дома Линдштедт находилась церковь Василия Кесарийского, упраздненная в 1817 г. Рядом с подворьем вверх по Тверской шел двор князя Ивана Дашкова, а сзади его — стряпчего Алмазникова, оба эти двора в 1716 г. уже принадлежали печальной памяти бывшему сибирскому губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину, повешенному за злоупотребления по службе по приговору Сената, утвержденному Петром. В 1793 г. этот двор принадлежал внуку князю Матвею Алексеевичу Гагарину, в начале XIX ст. — статс-даме гр. Елизавете Васильевне Зубовой, потом купцу Часовникову, а ныне это дом Ларионова.

В дополнение к докладу члена нашей Комиссии И.К. Линдемана о гагаринских чугунных плитах докладчиком было высказано мнение, что для разрешения вопроса об этих плитах сведения могут встретиться в петроградском Сенатском архиве и в документах Москов. Духовной консистории. В заключение Г.И. Хлопов указал, что на месте углового дома Немчинова с гостиницей «Дрезден»³⁵ в XVII веке должна быть усадьба кн. Александра Ив. Лобанова-Ростовского, в 1738 г. это место значитися за кн. Вас. Ив. Гагариным, в 1793 г. за вдовою, по-видимому, аптекаршею, Авдотьей Михайловною Калькау, в 1818—1835 гг. за генералом Дмитрием Васильевичем Чертковым, а в 1839 г. за купеческим сыном Поповым.

СООБЩЕНИЕ В ДОПОЛНЕНИЕ К ДОКЛАДАМ И.П. МАШКОВА И В.Н. СТОРОЖЕВА ОБ ОХОТНОМ РЯДЕ

*сообщение на 56-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
11 января 1916 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 97об.—99; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, есть чернильные подтеки. Запись сделана И.С. Беляевым.

Затем членом Комиссии Гр.И. Хлоповым было сделано сообщение, в дополнение к докладам И.П. Машкова и В.Н. Сторожева об Охотном ряде, на основании двух планов этой местности 1794 и 1805 годов, хранящихся у Э.В. Готье, материалов по статистике Москвы Гастева³⁶ и книжки английского путешественника Роберта Циялля — 1825 г. Монетный двор Берг-Коллегии, полученный

моск. обер-полиц[мейстером] Каверинным от императора Павла, был продан около 1823 года Лухманову; в 1825 году в Охотном ряду были следующие ряды: мясной, рыбный, хлебный, горшочный, цепной, луковый и зеленый. Около церквей Анастасии и Параскевы³⁷ были ряды обжорный и лоскутный, имена которых сохранились до нас в названиях переулков³⁸. Торговля производилась преимущественно по средам и субботам: летом с 5 и до 10 часов утра и зимой с 7 до 12. «Для иностранца, — говорит англ. путешественник, — Охотный ряд представляет невиданное зрелище по изобилию голубей, павлинов, индюков, гусей, уток и прочей птицы, а равно певчих птиц, борзых собак, болонок, дворняжек и даже котов и, в особенности, по невероятному количеству грибов, в теплые летние месяцы привозимых после дождей в сыром, а зимой — в сушеном виде».

Грязен был Охотный ряд необычайно: немощеная земля от тысячи ног и копыт после дождей превращалась в непролазную грязь, а в засухи — в густую пыль облаками. От них разлагались бесчисленные отбросы и заражали воздух зловонием. Толпа состояла из покупателей, продавцов и праздных гуляк, беспорядочно толкавшихся между лавками и шалашами и поднимавших невозможный шум и гам; когда же при содействии казенных питейных домов разогревалась кровь, бывали брань и драка. Криков и шума, по словам Гастева, было так много, что члены Монетного департамента³⁹ в 1787 г. просили Управу Благочиния перевести торговлю в другое место, так как говор и шум мешали им заниматься делами, а нечистота от продуктов давала Монетному двору неблагоприятный (несоответствующий присутственному учреждению) вид. Общее впечатление безобразия и грязи завершалось близостью казенных Моисеевских бань, отличавших непристойностью и нечистотой.

За Охотным рядом налево к Воскресенским воротам, где ныне дворы Германова и Яковлева, в XVIII в. были лавки Гризенкова и церковью Успения на Покровке и Николая на Мясницкой⁴⁰, а за ними со стороны Неглинки лежал пустырь, на который выходили зады дворов Сенатской типографии⁴¹, Монетного департамента и лавок и который ясно виден на плане 1781 г.; в 1790 г. здесь значится «порожая земля» купца Фалеева. К концу XVIII ст. пустырь стал застраиваться; здесь в 1794 г. уже значится владение Курманалеева, соответствующее Большой Московской гостинице⁴². Место, занимаемое ныне рестораном Тестова⁴³, угловое, было также пустопорожним, в 1805 г. его просил себе Патрикеев, и в 1818 г. оно уже значится за ним, так что в начале XIX столетия здесь получилась целая линия дворов, соответствующая настоящей линии домов Воскресенской площади⁴⁴.

По плану 1816 г., к владению Сенатской типографии и церкви Пятницы вместо их земли, отошедшей под регулированную площадь Охотного ряда⁴⁵, был прирезан уничтоженный переулок у Сенатской типографии. При въезде в Охотный ряд стояла церковь Анастасии Узорешительницы, по Хавскому и Забелину, именовавшаяся еще на «Житной площадке»⁴⁶. Она в XVIII в. была

настолько малоприходна, что состояла из одного только двора князя Александра Борисовича Голицына, а ранее в 1734 г. уже указывалось, что при ней действительно служащих церковников не имеется, а чтение, пение и благовест со звоном отправляют дети приходских господских людей. В 1786 г. она была снесена для приведения Охотнорядской площади в соответствие с подтвержденным планом.

Церковь Пятницы Параскевы называлась еще у «Старых поль»; каменный храм этой церкви был построен кн. Вас. Вас. Голицыным в 1667 г. и освящен в 1687 г.; в 30-х годах XVIII ст. кн. А.И. Троекуровым был пристроен придел; в 1812 г. церковь Пятницы сильно пострадала, верхние приделы все выгорели, кресты с глав упали, утварь разграблена. По ходатайству прихожан, с 1815 г. она по-прежнему стала самостоятельной. На месте теперешней часовни Александра Невского⁴⁷ стояла церковь [Моисея] Боговидца, к ней были приписаны 7 дворов, лавки и шалаши. Уничтожена она была в 1789 г.

По правую сторону от нынешней Театральной площади на месте здания Благородного собрания в 1638 было владение окольного Фед. Вас. Волынского; путем брака представительницы этого рода Анастасии Васильевны с кн. Вас. Мих. Долгоруким-Крымским оно перешло к последнему, а в 1784 г. было куплено для дворянства. Теперешнее владение Мещанского общества⁴⁸ в XVII в. принадлежало стольнику кн. Бор. Ив. Троекурову, в 1793–1818 годах Юрьевым, а после Мещ[анскому] обществу. На теперешнем Баратовском владении в конце XVII ст. стояли великолепные палаты кн. Вас. Вас. Голицына⁴⁹, потом двор принадлежал грузинским царевичам, из которых за последним кн. Григорием Александровичем он значился еще в 1839 г. Угловой дом, ныне Комиссарова⁵⁰, в 1668 г. принадлежал кн. Ю.А. Долгорукову, убитому стрельцами в 1682 г.; в его роде это владение состояло в течение всего XVIII столетия; часть земли Долгоруких, выступавшая к середине Охотнорядской площади, поступила для урегулирования этой площади по плану 1786 г.

В заключение докладчиком сообщены интересные данные о работах по проведению водопроводного канала по тому месту, где должна находиться Неглинная. Проведение воды из Мытищ началось в 1779 под наблюдением ген. Бауэра, на что было ассигновано миллион рублей. Предположено было провести канал до Москвы-реки, обсадить его рядом деревьев с разбивкою по сторонам бульвара для гуляния. В 1783 г. наблюдение было поручено гр. З. Чернышеву и при нем полковнику Бланкеннагелю и затем ст[атскому] сов[етнику] Герарду. Сначала канал обкладывали кирпичом, а потом продолжали его чугунными трубами. К 1804 г. работы были окончены проведением водопровода от Мытищ до Кузнецкого моста, длиною 22 версты, обыватели пользовались пущенною водою из бассейнов и колодцев, расположенных от Каланчи до Кузнецкого моста, однако обсадки деревьями произведено не было. По проекту Бауэра 1785 г. предполагалось провести чистую воду через улицы Петровскую,

Моховую и Пречистенку до Девичьего поля, Самотечный пруд и берега Неглинной до устья обделать камнем. Но по представлению А.А. Беклешова повелено было в 1805 г. водопровод продолжить только от [нрзб] Кузнецкого моста до устья Неглинной на протяжении 800 сажен, берега обложить диким камнем, воду провести открытыми каналами и чугунными трубами, а ниже Троицкого моста покрытою трубою, с устройством 3 колодцев и 3 же бассейнов: 1) у Петровского театра, 2) против здания Присутственных мест и 3) на месте настоящего Кремлевского (Александровского — *сост.*) сада. Самое же производство всех этих работ было выполнено иначе и гораздо позднее.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

*доклад на 63-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
28 октября 1916 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 112об.—113 об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, с пятнами. Запись сделана И.С. Беляевым.

Членом Комиссии Гр.И. Хлоповым был сделан доклад о Театральной площади в развитие предыдущих докладов по тому же предмету: его же и И.П. Машкова.

Улицы Дмитровка и Петровка вдались в конце XVIII ст. на площадь ижицею⁵¹, причем первая шла прямо, а последняя делала изгиб к теперешнему Бол[ьшому] театру и дому Мерилиза⁵². Левая часть Театральной площади за гостиницею «Континенталь»⁵³ была занята площадками торгового характера, а на месте теперешнего «Метрополя» по плану 1799 г. были расположены «бани на Неглинке». Следуя по этой речке против течения по направлению к Иверской, около церкви Анастасии, видим харчевню, принадлежавшую канцеляристу Протодияконову. На правой стороне теперешнего сквера и по переулку, поперечному по направлению Неглинной, через площадь указывается очень большой двор секретаря Губернской канцелярии Иванова в 900 кв. сажен и далее Петровское кружало, или питейный дом, занимавший до 440 кв. сажен земли и граничивший сзади с Неглинною. Рядом с ним по направлению к Кузнецкому мосту стояли княжеские дворы Щетининых и Егуповых-Черкасских, подходившие к церкви Воскресения, что у «старых богаделен», стоявшей на месте нынешнего пассажа Солодовникова⁵⁴. Оба эти двора в половине XVIII в. перешли к прокурору Никите Ег. Елагину, потом к Зиновьевым и, наконец, в 1799 г. — кн. Сибирскому; в XIX же веке часть их отошла под Театральную площадь, часть купцу Варгину, от которого приобретена под Малый театр.

Часть же усадьбы кн. Сибирского в середине XIX ст. была пустопорожним пространством, огороженным забором, как видно из рисунка пожара Бол[ьшого] театра, занятым ныне домом Мерилиза; другая же часть владения кн. Сибирского занята Голофтеевской галереей, явившейся, в свою очередь, на месте Голицынской галереи, и Александровским пассажем⁵⁵.

С Петровки против Солодовниковского пассажа, на углу Кузнецкого переулка⁵⁶, в начале XVIII в. были владения стольника Мих. Никитича Чемоданова и недоросля Акинфиева, от них они перешли к кн. Ник. Петр. Щербатову, а с 1818 г. эти владения, принадлежав гвардии прап[орщику] Степ. Александровичу Хомякову, состоят все в одном и том же роде. Соседний двор был собственностью с 1668 г. Щербатовых, потом в 1818 г. Голицыных, далее Полторацкой, Загряжской и, наконец, ныне светл[ейшего] князя Горчакова. Место, занимаемое ныне театром Зимина⁵⁷, в XVII ст. принадлежало кн. Приимковым-Ростовским, потом в XVIII в. Измайловым, Лодыженским, кн. Прозоровскому, а в первой половине XIX ст. кн. Дм. Мих. Щербатову.

Со стороны Дмитровки на теперешнюю Театральную площадь выходили две боярские усадьбы. Во-первых, на месте владения гр. Ностиц — в XVII веке — кн. Ромодановского, дочь которого Ирина Федоровна принесла за собою этот двор в приданое Вас. Вас. Шереметеву, а в половине XVIII в. другая Шереметева, Варвара Петровна, с тем же домом в виде приданого вышла замуж за кн. Мих. Мих. Голицына по прозвищу «Чепура». В XIX в. этот двор указывается за полковницею Раевскою, от которой, по-видимому, путем замужества перешел к гр. Ностиц. Второю усадьбою был двор, принадлежавший в XVIII ст. кн. Черкасским-Бековичам, потом он значится за кн. Голицыными, в 1825 г. за ген.-майором Петр. Вас. Киндяковым, а в 1838 г. за зятем последнего за ген.-майором же Серг. Дм. Полторацким, выстроившим против Малого театра, в соответствие ему, большой дом, составлявший, по словам одного указателя, «украшение площади». Потом этот дом был во владении Бронникова. Между бывшей усадьбой Бековичей-Черкасских и теперешним Большим театром были мелкие владения: в начале XVIII ст. Роговского, Вадковского, потом Лачинова, Языкова, Салтыковых в 1761 г., Туркестанова, граничившие с владением по Петровке в начале XVIII в. генер.-аншефа Семена Кирил. Нарышкина, продавшего кн. Бор. Вас. Голицыну. От последнего это владение по Петровке перешло в 1760 г. кн. Ив. Ив. Лобанову-Ростовскому, в 1777 г. — кн. Петру Вас. Урусову. Все эти, как прежде бывшие мелкие владения, шедшие от усадьбы Бековичей-Черкасских, так и владение по Петровке кн. П.В. Урусова, перешли в собственность англичанину Мих. Егоровичу Медоксу, выстроившему здесь оперный театр в 1780 г. с чрезвычайною энергиею в течение 5 месяцев⁵⁸. Г.И. Хлопов сообщил в своем докладе много биографических сведений о Медоксе, как из словарей, так и из воспоминаний его внука, помещенных в 29 т. «Русской Старины» 1880 г. (стр. 221), и следующий отзыв кн. Прозоровского

о театре Медокса, когда дела его уже пошатнулись: «Фасад театра дурен, ни-где в нем нет архитектурной пропорции, скорее он представляет груду кирпи-ча, чем здание. Он глух, потому что без потолка, весь слух уходит под кровлю. В сырую погоду бывает течь сквозь худую кровлю, ветер всюду ходит, окна не замазаны, везде пыль и нечистота. Построен не по плану: нет определенных вы-ходов; в большую залу только один вход и выход, в верхний этаж одна деревян-ная лестница, вверху нет бассейна, отчего большая опасность в случае пожара. Кругом театра вместо положенной для разъезда улицы — деревянное мелочное строение. Внутреннее убранство посредственное, декорации и гардероб худы. Зала для концертов построена дурно, в ней нет резонанса, и ее зимой не топят, отчего все сидят в шубах, а когда топят — утарно. Актеров хороших есть только 2—3 старых. Нет ни певца, ни певицы хороших, ни посредственно танцующих, ни знающих музыку. Поверить нельзя, что у вас капельмейстер глухой, а балет-мейстер хромой. Из школы вашей не вышло ни певца, ни певицы, ни актера, ни актрисы порядочных. В выборе пьес вы неудачны».

«Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло», говорил в заключение свое-го доклада Г.И. Хлопов, потому что после пожара Москвы при Наполеоне Те-атральная площадь приняла тот красивый вид, в котором она и ныне находит-ся⁵⁹. После 1818 г. писал англичанин Ляйель, «эта площадь скоро станет одним из красивейших мест Москвы, уже возведено здесь до дюжины зданий, некото-рые из них, как дом поставщика на казну Варгина⁶⁰, огромны».

О СЛОМКЕ ДЕРЕВЯННЫХ ТРИУМФАЛЬНЫХ ВОРОТ: ДВУХ НА БОЛЬШОЙ ТВЕРСКОЙ УЛИЦЕ И ОДНИХ НА МЯСНИЦКОЙ

*сообщение на 64-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
25 ноября 1916 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 116об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Ли-сты двухсторонние, разлинованные. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

Второе сообщение принадлежало члену Комиссии Гр.И. Хлопову, на ос-новании дела Москов. губ[ернского] архива ст[арых] дел, о ломке деревянных Триумфальных ворот: двух на Большой Тверской улице и одних на Мясницкой. Построены были они от здешнего (т.е. городского) общества в 1797 г., возоб-новлялись в 1801 г., а в 1804 г., как доносил в июле месяце начальству Москов. обер-полицеймейстер, «они в такую приходят ветхость, что сверх безобразия,

тем городу причиняемого, они угрожают еще и опасностью проезжающим». Государь император, которому москов. ген[ерал]-губ[ернатором] [А.А.] Беклешевым было донесено это дело с указанием, что теперь ворота «совсем не нужны», согласился произвести сломку ворот в действие, если «по местному усмотрению Вашему не найдете каких-либо препятствий в привязанности жителей к сему роду зданий или в предрассудках, производящих иногда неприятное в публике впечатление от самых простых происшествий». Двои Триумфальные ворота, стоившие, по словам [М.С.] Гастева, 13840 рублей, были проданы с публичного торга крест[ьянину] Ефремову за 1350 р., а Мясницкие было поручено Думой сломать гласному Косенкову, который донес в описи их материала, что осталось всего 10 бревен. Ген.-губ. Беклешов, узнав о последней сломке и находя распоряжение и управление Думы весьма слабыми, необдуманными и бесхозяйственными, замечает, что он «г[осподину] градскому голове довольно часто делал словесные внушения о прямой обязанности Думы и его личных обязанностях». Снимок с рисунка Триумф. ворот на Тверской, имеющегося в Историч[еском] музее, на собрании докладчиком демонстрировался и им предоставлен в Музей Старой Москвы.

МЯСНИЦКАЯ УЛИЦА

*доклад на 69-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
17 февраля 1918 г.⁶¹ (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 51. Д. 9. Л. 1—11об.; архивное дело)

Машинописный текст, крупный, яркий, с рукописной правкой фиолетовыми, черными чернилами и карандашом, со вставками. Листы двухсторонние, большеформатные.

Москва, подобно Риму, расположена на семи холмах, но вид с птичьего полета на Москву грандиознее, нежели вид на Рим, например, с купола Св. Петра. Взобравшись благодаря любезности настоятеля церкви Архангела Гавриила на Почтамтском дворе на вершину колокольни этого храма и любясь великолепной панорамой, открывающейся оттуда не только на всю Москву, но и на ее окрестности, я невольно переносился воображением от этого колоссального нагромождения сбившихся в груды каменных зданий, разделяемых высющимися то тут, то там небоскребами, к иной старой Москве, которая была, правда, более похожа на большую деревню, но зато была и несравненно более живописной. Мне невольно припомнилось на этой высоте стихотворение, которое я учил когда-то в детстве по хрестоматии и которое здесь среди этого широкого

полного света и воздуха простора облекалось в плоть и кровь. Вы, конечно, помните эти строки поэта, самое имя которого я забыл (Ф.Н. Глинка — *сост.*):

«Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посадки, и деревни,
И чертоги, и дворцы.

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах...»

Может это стихотворение и пришло мне в голову потому, что я стоял на вершине одной из таких башен, «Меншиковой башни», возвышающейся над одним из самых изящных и красивых храмов и венчающей один из самых высоких московских холмов.

Насколько высок этот холм, можно судить, если Вы взбираетесь на него пешком или сидите в медленно и грузно ползущем трамвае со стороны Трубной площади от русла Неглинной или от Солянки со стороны Яузы. Холм этот, расположенный, таким образом, между Москвой-рекой и двумя ее притоками — Неглинной и Яузой, примыкает с северо-востока к Китай-городу. Намереваясь изучить былую физиономию этого района Белого города, я из всех больших улиц, лучами разбегающихся по означенному холму, остановился на Мясницкой, главным образом, потому, что на ней больше, чем где либо, имеется разительный контраст между веком нынешним (XX в. — *сост.*) и веком минувшим.

Не подлежит сомнению, что Мясницкая, да еще Кузнецкий Мост являются теперь самыми бойкими, оживленными и яркими центрами нашей торговой и промышленной Белокаменной. Мясницкая с ее роскошными магазинами и внушительными конторами, с ее огромными домами, с зеркальными окнами, изящными вывесками, прекрасной мостовой, может смело поспорить со многими такими же городскими артериями первоклассных центров Западной Европы. Кстати, на каждом шагу Вы видите на вывесках иностранные фамилии, и потому нет ничего удивительного, если иностранцы, попав в Москву, отдыхают здесь душой от слишком экзотических для них особенностей русской жизни в других частях этого города.

Но, если Мясницкая шумна, бойка, импозантна теперь, зато в минувшей, давно ушедшей Москве это было настоящее захолустье, особенно в середине XVII столетия. Так, из Росписного списка, составленного при Михаиле Федоровиче в 1638 году, видно, что к урочищу Лубянке, т.е. к современной нам Лубянской площади, с востока примыкала здесь Покровская сотня, а с Запада Сретенская сотня, посреди которых вклинивалась Мясницкая полусотня. Если мы вспомним, что на сотни и полусотни делились тогда посадские люди, занимавшиеся при патриархальном экономическом образе жизни того времени убогими и первобытными ремеслами и таковой же торговлей, то нам станет ясно, какой серый простонародный демократический вид имел исследуемый район

в сравнении с аристократическим Занеглименьем, густо заселенным важным и надменным боярством, тяготевшим к Кремлю, в котором сосредоточивались всякие богатые и великие милости.

Демократичность Мясницкого района подчеркивалась еще более тем, что между упомянутыми сотнями и Мясницкой полусотней расположены были с востока Патриаршая Гаврилова Слобода на «Поганых», а ныне Чистых, прудах, и с запада Казенная слобода на месте нынешней Малой Лубянки и Милютинского переуллка. В этих посадах и деревнях жили преимущественно ремесленники, торгаши и простые мужички-хлеборобы, и, так как среди их незатейливых хижин, домов и келий не возвышались ни чертоги, ни дворцы, то, в сущности, это было простое густозаселенное подгороднее село. Чтобы иллюстрировать лучше состав населения исследуемого района, обратимся опять к тому же Росписному списку. На 12 страницах большого формата издания Русского Военно-исторического общества 1911 г.⁶² (стр. 100–111) среди сотен дворов самого демократического населения я нашел всего 4 двора крупных аристократических владельцев в исследуемом районе между Сретенской сотней и церковной землей церкви Егория в Лужниках⁶³, а именно: двор кн. Дмитрия Михайловича Пожарского на месте теперешней 3 гимназии на Лубянке⁶⁴ близ Кузнецкого моста, двор новокрещенного князя Исаи Шейдякова в нынешнем Милютинском переуллке близ церкви Архидиакона Евпла⁶⁵, двор боярского сына Ивана Немцова близ церкви Архангела Гавриила да двор кн. Григория Семеновича Куракина близ церкви Гребенской Божией Матери⁶⁶ в нынешнем Златоустовском переуллке. Если к этому прибавить десяток другой дворов, относительно владельцев которых в списке нет обозначения их происхождения и служилого состояния, но самые фамилии которых указывают на принадлежность их к высшему классу, как дворы Горяинова, Волынского и др., то этими немногими дворами и исчерпывается наличность аристократических владений в этом районе, владений, которые совершенно тонут в сотнях жилищ простого народа. Зато, какой пестротой отличалась эта простонародная среда, мы рельефно видим из простого перечисления обитателей между Сретенкой и Покровской. Кого-кого, каких только ремесленников, торговцев и обывателей только тут нет. Выхватывая на выдержку, мы находим пред собою то попа Акиндина Мамонтова, то недельщика Казенного двора Дробышева, то нищего Гришку Федорова, то какого-то Костю Калашникова, то земского двора приказчика Трусова, то вдову Александрицу Самопальникову и так далее, и так далее. Целой вереницей как в калейдоскопе проходят перед нами представители всевозможных ремесел и всякого рода торговли: селедники, шубники, медошники, саадашники⁶⁷, ветошники, монатейники⁶⁸, свешники, мушники, мыльники, кафтанники, голянишники, блиннички и, конечно, мясники, давшие название самой Мясницкой полусотне.

Жили в исследуемом районе и иностранцы, хотя и в небольшом количестве, вроде золотаря на дворце немчина Рамзина, или служивого иноземца Ариста Хаменты, или же рохмиста, т.е. ротмистра, Реланта и проч. Упоминаются в списке курьезные английские торговые немцы, проживавшие у Пречистой Богородицы Гребенской⁶⁹. Эти английские немцы, как истые британцы, остались верными себе и, считая себя независимыми от русских властей, не пожелали сказать при переписи, сколько у них людей, ссылаясь на то, что их ведают, де, в Посольском Приказе.

Однако к концу XVII столетия исследуемый район все более и более заселяется знатными и аристократическими обитателями. Мы можем судить об этом по переписи от 20 апреля 1669 года, где перечислены дворы Белого города от Сретенки по Покровку. Тут мы находим уже значительное количество князей и множество стольников. Так, в этом перечне мы встречаем князей Хованского, Милославского, Масальского, Ухтомского, Гагарина, Каркадинова (в переписи названного Крокодиловым) и других природных князей, а также стольников Салтыкова, Вельяминова, Нарбекова, Ляпунова, Соковнина, Протасьева, Бутурлина и многих других. Из иностранцев я насчитал в упомянутом списке всего 8 фамилий.

В царствование Петра Великого в исследуемом районе стали селиться и его сподвижники. Вы помните сделанный Пушкиным в «Полтаве» перечень «птенцов гнезда Петрова»: «и Шереметев благородный, и Брюс, и Баур, и Репнин, и счастья баловень безродный полудержавный властелин». Из них близ Мясницкой в начале XVIII столетия мы видим Брюса, поселившегося около церкви Архидиакона Евпла, и Меншикова, купившего усадьбу около церкви Архангела Гавриила, а близ церкви Фрола и Лавра⁷⁰ была усадьба Шереметева. Тут же мы видим и представителей аристократических фамилий, поднявшихся в XVII веке на верхи боярства из мелкопоместных дворян благодаря царским бракам, а именно, близ церкви Архидиакона Евпла селятся Нарышкин и Стрешнев. При Петре в исследуемом районе встречается порядочно иноземцев, число которых в XVIII столетии все более и более возрастает. По актам начала этого столетия мы находим здесь жену дохтура Юдифь Финкельдерман, торгового иноземца Поппа, иноземцев Меллер в теперешнем Кривоколенном переулке, иноземцев Даниила Артмона, Вестова, Шлихтер и др.

После этого общего обзора местности между Сретенкой и Покровкой я стараюсь дать более детальное исследование Мясницкой улицы с прилегающими к ней переулками Милютинским и Кривоколенным, приурочивая обзор владений здесь к двум эпохам XVIII столетия, именно к царствованию Елизаветы (1741–1761 гг. — *сост.*) и к царствованию Екатерины II (1762–1796 гг. — *сост.*). Относительно обеих этих эпох мы имеем достаточный материал в переписи Московских владений (Мясницкой части) за 1742 год и в алфавитном указателе Московских дворов за 1793 год. Большим подспорьем к этому материалу

служит план Москвы Мичурина за 1739 и Акты XVIII столетия, изданные, хотя, к сожалению, не полностью, Найденовым⁷¹.

Произведем наше исследование, пользуясь методом сравнения. Для этого совершим прогулку по Мясницкой два раза, и всякий раз мысленно будем сравнивать теперешние владения и переулки с теми, которые были сначала при Елизавете, а потом при Екатерине. Благодаря этому мы можем с большою точностью воспроизвести топографию указанного района сперва в середине XVIII-го века, когда созданное Петром новое дворянство, основанное на табели о рангах, сменив родовитое боярство, росло, богатело и крепло в своем привилегированном положении и понемногу усваивало лоск западной культуры, будучи еще довольно грубым и неуклюжим несмотря на парики и иностранные кафтаны, а затем к концу века, когда то же дворянство, уже свободное от обязательной службы⁷², чрезвычайно богатое, находившееся в зените своего социального могущества, стало искусно покрываться лаком версальской полировки, скрывавшем все еще грубоватую «татарскую», по выражению французов, подоплеку русского барина.

Но, прежде, нежели начать нашу прогулку, мы должны точнее установить происхождение названий Мясницкой улицы. В XVII и в начале XVIII столетий Мясницкая называлась Фроловской улицей или Фроловкой по имени церкви Фрола и Лавра у Мясницких ворот⁷³. Название Мясницкой улицы было дано ей в середине XVIII века, потому что тут жили Мясники и потому еще, что, как утверждает [А.А.] Мартынов, за Фроловскими, т.е. Мясницкими воротами находился «Старинный пригонный скотинный двор», который в 1724 г. переведен был за Калужские ворота, на месте же Мясницкого скотинного двора в настоящее время находится владение Виноградова⁷⁴.

Теперь начнем наш обход Мясницкой с прилегающими к ней переулками в середине XVIII века от Китая-города. Для этого, прежде всего, обратимся к плану Мичурина. Тут нам в глаза сразу бросится, что Китайгородская стена окружена была рвом, обрамленным извне валом в виде бастиона или больверка, что придавало, конечно, совсем иной вид прилегающей части нынешней Лубянской площади. Оригинально, что через ров здесь для проникновения в Китай-город был устроен мост, который был перекинут не против Никольских или Ильинских ворот, а посредине против проломных ворот. Отсюда и начиналась тогда Мясницкая улица, так как никакой площади тут в то время, разумеется, не было. Для лучшего уяснения описываемого начала Мясницкой улицы в сороковых годах XVIII столетия приведу выдержку из переписной книги за 1742 год под №529: «Вышел из Китая Города и из Никольских ворот через деревянный мост, который лежит через ров на Мясницкую улицу, по левую сторону той улицы церковная земля церкви Успения Пресвятой Богородицы (т.е. Гребенской Божией Матери — Г.Х.), что на Мясницкой улице, мерою (эта земля — Г.Х.) по мостовой улице от рва — 21 сажень, поперешник по

улице, которая лежит к Сретенской улице, мерою оная улица поперек 5 саж., а до упомянутого рва 23 саж. 2 арш. По правую сторону длиннику 14 саж. В заднем конце поперешнику 40 саж. 1 арш., на которой земле имеется богадельня в межах по правой стороне Мясницкая улица, а по левую сторону ратушская (т.е. городская — Г.Х.) земля, да земля гостинных сотни купца Андрея Евстратова Носова». Далее под №531 описывается эта ратушская земля, как граничащая с левой стороны с упомянутой церковной землей, а справа с больварочным рвом. Из приведенного сбивчатого описания мы видим, что в сороковых годах XVIII века прямо за рвом возле Мясницкой улицы расположена была слева городская земля, а рядом с ней по этой улице в 21 саженьях от рва была церковная земля церкви Гребенской Божией Матери, ограниченная с одной стороны Мясницкой улицей, и с другой — улицей, которая лежала к Сретенке, т.е. было продолжением теперешней Лубянки. И, так как обе эти улицы расходились, образуя стрелку, то в заднем конце эта церковная земля имела в поперечнике значительную ширину в 40 саженьей. На означенной церковной земле была богадельня, которая в одном акте 1782 г. названа каменной Федосьевской богадельней с часовней, причем самая церковная земля названа в этом акте бывшей церковной Федосьевской землей.

С правой стороны, если идти от Китай-города по Мясницкой того времени, были два владения: двор вдовы тайного советника Софьи Васильевны Фамейциной или, как она названа в одном из актов, Фамициной, и двор, принадлежавший сначала генеральше Марье Алексеевне Шидловской, а затем в 1743 г. проданный ею солдату Василию Харитонову, который, в свою очередь, продал этот двор серебряных дел мастеру Григорию Андрееву Платову. Рядом с этим последним двором был еще двор Софьи Васильевны фон Менгден, которая продала его в 1747 году аптекарю Гавриилу Гавриловичу Соульс, в некоторых актах переименованному в Соуса. В 1750 году этот Соульс продал свой дом иноземцу Ивану Федоровичу Мейер, купившему в следующем 1751 году и соседнее владение Платова. Как видно из акта №193 за 1782 год, этот Мейер, как и Соульс, был партикулярным аптекарем и владел образовавшимся у него путем покупки у Соульса и Платова довольно большим участком земли до 1773 года. Очевидно, это было именно то самое дворовое место, на котором находится теперь дом Человеколюбивого общества⁷⁵ с магазином Морица Филиппа.

Если мы вступим на Мясницкую теперь со стороны Лубянской площади, то слева будет Консistorия, а справа церковь Гребенской Божией Матери с церковными домами. В XVIII столетии на месте Консistorии расположено было подворье Рязанского и Муромского архиепископа. Судя по данным переписи 1742 г., это было довольно внушительное дворовое место, имевшее в переднем конце 30 саж., а в длину с одной стороны 66 саж. и с другой — 72 саж. Что касается находящейся напротив красной небольшой церкви во имя Гребенской или Гребневской Божией Матери, то главный корпус этого храма, заслоненный приделом

позднейшего происхождения, носит характерные черты стиля московских церквей XVII столетия. По [И.Е.] Забелину, эта церковь упоминается в собранных им материалах еще в 1625 (7133) году⁷⁶. Но, если построение каменного храма имело место в первой половине XVII столетия, быть может, вскоре после восстановления порядка, нарушенного бурями Смутного времени, то возникновение впервые храма на этом месте, вероятно, сначала деревянного, было гораздо ранее. По свидетельству, приводимому на доске, имеющейся на воротах этой церкви, здесь была основана церковь во имя Успения Богородицы на Бору еще Иоанном III в 1472 г. во исполнение обета, данного им перед походом на Новгород. Сюда впоследствии была перенесена чудотворная икона Божией Матери, поднесенная Гребенскими или Гребневскими казаками Дмитрию Иоанновичу (Донскому — *сост.*) при возвращении его с победы на Куликовом поле (1380 г. — *сост.*).

За церковными строениями далее по правой стороне Мясницкой на месте теперешнего дома наследников Стахеева⁷⁷ с магазином Мишина в сороковых годах XVIII столетия находилось владение Ивана Петровича Леонтьева, получившего этот двор в наследство от отца своего Петра Борисова Леонтьева. Вообще же это дворовое место находилось у Леонтьевых еще с XVII столетия, так как, по сведениям, имеющимся у [П.В.] Хавского, в книге 1689 г. означенная церковь Гребенской Божией Матери упоминается в связи с соседним владением дьяка Гавриила Леонтьева.

Рядом с двором Леонтьева на углу Гребневского, а ныне Златоустинского переулка по переписи 1742 года значится двор морского флота обер-штеркритс-комиссара Александра Ефимовича Зыбина. Двор этот имел по Мясницкой всего 6 саженей, но по переулку в длину тянулся на 35 саженей, расширяясь так, что в заднем конце имел уже 19 саженей. Теперь здесь дом Кузнецова⁷⁸. Рядом с двором Зыбина по переулку на месте нынешнего дома Бахрушина⁷⁹ находилось дворовое место, принадлежащее еще с начала XVII-го столетия князьям Куракиным и упоминаемое, как я уже сказал, в Росписном списке 1638 года.

Пересекая теперешний Большой Златоустовский переулок, мы находим против дома Кузнецова на углу Мясницкой ул. Вятское подворье⁸⁰, далее по Мясницкой улице — дом Мейер и дом Тульского подворья⁸¹. Все эти дома имеют довольно невзрачный, совсем не соответствующий общему блестящему характеру улицы вид, особенно большой дом Тульского подворья с какими-то грязенькими меблированными комнатами и вывеской, знаменующей, что за углом в этом доме находится трактир. В сороковых годах XVIII века, кроме помянутого Вятского подворья, в описываемом квартале по Мясницкой были еще два подворья: Псковское⁸² и Коломенское. Эти последние два подворья занимали площадь, находящуюся на месте настоящих Тульского подворья и дома Мейер. В Вятском подворье была каменная церковь во имя св. Николая, в Псковском подворье — каменная церковь во имя св. Адриана и Натальи и в Коломенском подворье — каменная церковь во имя Тихвинской Божией Матери⁸³.

Коломенское подворье было расположено на углу Мясницкой и Кривоколенного переулка, называвшегося тогда по этому подворью Коломенским (Мартынов⁸⁴). При слиянии этого переулка и Мясницкой улицы в сороковых годах (XVIII в. — *сост.*) против Коломенского подворья расположен был питейный дом, названный в одном из актов середины XVIII столетия (№403 — 1761 г.) фartiной⁸⁵ компанейщика Ивана Иванова Медовщикова. Как-то так выходило, что в старой Москве вблизи Святых мест вырастал всегда питейный дом, и потому часто приходится, исследуя старомосковскую топографию, переходить от Божьего храма к кабаку и наоборот.

Квартал от Кривоколенного до Банковского переулков в настоящее время застроен домами Соколова, Мишина, Анановых и Сытова⁸⁶. В 1742 году порядок дворовых мест в этом квартале был следующий: на углу Кривоколенного пер. расположены были церковные дома церкви Архидиакона Евпла, находящейся напротив; рядом было владение генерала Томилова, далее двор сержанта Семеновского полка кн. Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского, еще далее пустопорожнее место кн. Юсупова и, наконец, на углу теперешнего Банковского переулка, т.е. на месте нынешнего дома Сытова — двор генерала кн. Григория Алексеевича Урусова. Владение кн. Кольцова-Масальского перешло к нему от его предков, и еще по переписи 1669 года, оно значилось за Масальским; что же касается двора Урусова, то он, как видно из акта №620 за 1722 г., состоял ранее за стольником Федором Нарбековым, имя коего упоминается еще в переписи 1669 г.

Здесь нелишне будет сказать, несколько забегаая вперед, что наследники генерала Томилова кн. Семен Борисович Бабичев и его сноха Елена Ермолаевна Бабичева с дочерью княжной Акулиной продали в 1761 и 1762 годах доставшиеся им в наследство части означенного дворового места соседу кн. Ивану Михайловичу Кольцову-Мосальскому и, таким образом, в этом квартале на Мясницкой образовалось только два крупных двора: кн. Урусова, да кн. Кольцова-Мосальского.

Минуя Банковский переулок, мы находим в настоящее время большое дворовое место с огромными домами Строгановского училища. В 1742 году здесь было владение племянника царицы Евдокии Федоровны генерала Василия Абрамовича Лопухина, имевшее по улице 73 сажени.

Далее на месте теперешнего Почтамта расположено было в то время дворовое место камергера Александра Борисовича Куракина. Ширина этой усадьбы, по переписи 1742 года, была 56 саженей по улице, в глубину же двора она простиралась на 84 сажени. В XVII-м столетии здесь было владение Дмитриевых-Мамоновых, которое 4 марта 1669 года купил «счастья баловень безродный», друг и сподвижник Великого Петра, когда-то пирожник Алексашка Меншиков, а теперь молодой сержант Преображенского полка и будущий Светлейший князь Александр Данилович Меншиков, за 2000 руб., а затем прикупил

соседние дворы Кирилла Пестова и Василия и Алексея Салтыковых, а также в 1702 году двор подъячего Приказа Большой Казны Дмитрия Небогатова («Материалы к истории постройки нового здания Московск. Почтамта» 1810 г. Акт №210 1702 г.). Когда Меншиков, будучи «полудержавным властелином», вдруг попал в опалу и ссылку, это его владение с домом перешло в 1730 году к вышеназванному кн. Александру Борисовичу Куракину.

Последний двор на Мясницкой к Мясницким воротам принадлежал в начале XVIII столетия Лихаревым. Часть этого двора, которая была обращена на Мясницкую к церкви Фрола и Лавра, напротив, была продана поручиком Александром Дмитриевичем Лихаревым в 1721 году капитану Ивану Юрьевичу Караулову, у которого в 1749 году это владение было приобретено также кн. Александром Борисовичем Куракиным.

Таким образом, в середине XVIII столетия дворовое место, принадлежавшее Куракиным, по Мясницкой тянулось от двора Лопухина до самого проезда у Белгородской стены.

Сзади Куракинская усадьба, как видно из переписи 1742 года, граничила с дворами купцов Осипа и Прокопия Ильиных Шукиных и двором некоего Петра Федорова Десятого. Дворы эти тянулись против Белгородской стены. Из них двор Осипа Шукина был продан в 1750 году его женою обер-комиссару Поспелову, а от него в 1760 г. перешел опять к тому же кн. Куракину, владение которого оттого разрослось еще более.

Двор Прокофия Шукина, также как и находившийся с ним рядом двор солдата Ивана Морозова, купил в 1749 какой-то армянин Никита Козловский, а двор Десятого в том же году перешел к Устинье Ивановне Глебовой.

Рядом с этим последним двором был расположен, очевидно, на углу нынешнего Архангельского переулкa пустырь, а сзади двор священника церкви Архангела Гавриила, из акта №260 за 1764 год, пустырь этот украсился выросшим по соседству кабаком, вероятно, для симметрии с упомянутой церковью.

Церковь Архангела Гавриила расположена, как всем, конечно, известно, посредине почтамтского двора и заслоненная со всех сторон зданиями Почтамта, и Киево-Воронежской жел. дороги⁸⁷, а также церковными домами и домом Бари⁸⁸, почти не видна для идущих по Мясницкой или по Чистопрудному бульвару или же по Архангельскому переулку. Чтобы лучше рассмотреть ее, мы должны войти на почтамтский двор через ворота с бульвара.

Если мы пройдем этими воротами и, став посредине двора, посмотрим на план Мичурина, то тут на месте станет сразу понятно то дробное деление, которое на этом плане соответствует описываемому кварталу нашего времени.

На плане мы видим переулок, который шел параллельно Мясницкой с небольшим уклоном внутрь и впадал в Кривоколенный переулок, причем, вправо к Мясницкой направлялся еще переулок, благодаря чему площадь двора между Мясницкой, Белгородским проездом, двором Лопухина и сзади лежавшим

и проходившим мимо церкви Архангела Гавриила упомянутым выше переулком принимала вид трапедии. Это и был Куракинский двор, застроенный ныне почтамтскими постройками.

Переулок направлялся как раз по линии от ворот с бульвара к Кривоколенному переулку. На плане мы видим еще небольшой поперечный переулок, ведущий мимо храма и церковных домов к теперешнему Архангельскому переулку. Этот переулок существует и теперь в виде прохода мимо храма, и только со стороны Архангельского переулкa теперь этот проход отгорожен, и сообщение с церковным двором устроено чрез калитку возле выходящей в переулок церкви Федора Стратилата. Таким образом, благодаря компактной массе окружающих домов и строений и ограде между ними, исчезли эти скрещивавшиеся некогда у храма Архангела Гавриила проходные переулки, и образовался огромный двор, войти в который, пожалуй, не всякий додумается и, благодаря этому, к сожалению, многие не только приезжие, но даже коренные москвичи не знакомы с очаровательной архитектурой этого едва ли не самого изящного московского храма.

Угол описываемого квартала, образуемый нынешними Архангельским и Кривоколенным переулком, там, где теперь дом Бари, представлял собою в середине XVIII столетия усадьбу барона Осипа Алексеевича Соловьева, как видно из следующего описания в акте №769 за 1750 г.: «Закладная на двор вдовы барона Осипа Алексеевича Соловьева Екатерины Ивановны в приходе Архангела Гавриила; по правую сторону переулок к Белому Городу (т.е. Архангельский пер. — Г.Х.), по левую сторону переулок к означенной церкви (ныне не существующий — Г.Х.), а зади двор диакона и просвирни, с лица переулок с Чистого Пруда на Покровку (т.е. Успенский переулок⁸⁹, служащий продолжением Кривоколенного — Г.Х.)». Двор достался ей от мужа по духовной в 1746 году.

Далее по нынешнему Кривоколенному переулку рядом с упомянутым ранее двором Лопухина на изгибе этого переулкa, где теперь дом Лунц⁹⁰, находился в сороковых годах XVIII столетия двор поручика Андрея Борисовича Колтовского, имевший около 30 саженей в квадрате.

Идя обратно к Мясницкой Кривоколенным переулком, мы опять минуем нынешний Банковский переулок. По переписи 1742 года, этот переулок показан здесь шириной 3 саж. 1 арш. Иными словами, он был настолько узок и тесен, что мог бы поспорить размерами с такими же переулками старых итальянских или испанских городов, вроде Севильи или средневекового квартала Рима.

От Банковского переулкa по правой стороне находились два двора: один, расположенный около вышеуказанного владения кн. Урусова, принадлежал в сороковых годах XVIII века статскому советнику Ивану Никитичу Брылкину, и другой, граничивший с усадьбой кн. Кольцова-Мосальского, находился в собственности у иностранцев Петра и Вахрамея Вахрамеевичей Меллер, из которых Петр Вахрамеевич в одном акте 1780 года назван содержанием железных заводов.

С левой стороны по Кривоколенному переулку были расположены в 1742 году следующие дома: а) на углу на месте расхождения Архангельского и Кривоколенного переулков — дом княгини Анны Михайловны Долгорукой, вдовы кн. Якова Петровича Долгорукова, урожденной Аргамаковой, б) рядом подполковника Петра Васильевича Головина (по улице всего 15 саж.), в) далее иноземца Якова Павловича Вестова, г) в меже двор содержателя шелковой фабрики Семена Федоровича Мыльников и д) обер-гофмаршала Левольда (быть может, гр. Левенвольда — героя романа Натальи Лопухиной).

Чтобы лучше ориентироваться в расположении этих домов, следует еще раз заглянуть в карту Мичурина. Там мы увидим посредине описываемого квартала небольшой тупик. Если мы, кроме того, возьмем еще один акт за 1719 год под №620, то из него увидим, что Софья Ивановна Вестова, жена московского торгового иноземца Павла Павловича Вестова, продала подполковнику Ивану Васильевичу Чебышову двор, доставшийся ей от деда иноземца Даниила Армона, которому тот двор заложил и в 1702 году просрочил переводчик Андрей Креволот, и в меже показаны иноземец Иван Энкин и глухой переулок. Следует еще обратить внимание на то, что, по переписи 1742 года, рядом с двором Якова Павловича Вестова слева показаны как двор Головина, так и двор Левольда. Из всего этого можно заключить, что от угла Архангельского и Кривоколенного переулков до тупика были только дворы кн. Долгоруковой и Головина, а затем в тупике был двор Мыльников и далее по Кривоколенному пер. был расположен двор Вестова. Часть этого двора перешла затем к Чебышову, причем от Чебышовых владение перешло по наследству к Екатерине Михайловне кн. Голицыной, жене кн. Павла Федоровича Голицына, урожденной Чебышовой, а другая часть двора Вестова прошла через руки сначала Левкиной, урожденной Вестовой, а потом Исаевых и попала уже в конце XVIII-го столетия в руки Андрея Ивановича Набокова. Так как в актах след двора Мыльников после 1751 года исчезает, а затем исчезает и упомянутый тупик, то можно с большой вероятностью допустить, что двор Мыльников и двор упомянутого Энкина являются преемственно одним и тем же владением, и что это дворовое место, также как и тупик, в котором оно было расположено, сливаются и входят в состав какого-нибудь одного из смежных владений.

Чтобы закончить исследование этого квартала в середине XVIII века, следует еще сказать, что в акте №219 1759 года, где говорится о закладной на вышеозначенный двор Голицыных, упоминается соседнее с ним справа владение Аграфены Михайловны Лачиновой. Очевидно, это владение перешло к Лачиновой от того Левольда или Левенвольда, который показан рядом справа с двором Вестова, предшественника Голицыных, по переписи 1742 года. Как известно, гр. Левенвольд пострадал при Елизавете вместе с Лопухиной и умер в ссылке в пятидесятых годах, и этим объясняется переход его двора к Лачиновой.

От Армянского переулка до расположенного на углу Мясницкой Тульского подворья теперь по Кривоколенному переулку расположены два двора: угловой с Армянского переулка дом Лазаревского института Восточных языков и рядом далее интересный старый дом, остаток уходящей Москвы, принадлежащий Фроловым. Первое из них дворовое место на углу Армянского переулка в 1742 году принадлежало тем же Петру и Вахрамею Меллер, которые владели двором vis-a-vis по соседству с кн. Кольцовым-Масальским, о чем я уже упоминал выше. Второй двор, по переписи 1742 года, показан за бригадиршей вдовой Екатериной Герасимовной Сытиной. По переписи Московских дворов 1716 года, двор этот значился за стольником Карпом Евтифеевичем Сытиным.

За двором Меллер и Сытиных, а также сзади Коломенского, Псковского и Вятского подворьев находился и находится теперь Златоустовский монастырь⁹¹. Хотя он и не выходит на Мясницкую, но трудно обойти молчанием этот своеобразный уголок Москвы. Кто не любопытен к прошлому, тот может проходить много раз по бойкой и шумной Мясницкой, не догадываясь, что тут же в двух шагах приютился обломок давно минувшей жизни. Зато, как же будет удивлен такой равнодушный к уходящей Москве прохожий, если он случайно завернет в Златоустовский переулок и, увидав церковные ворота, вздумает войти во двор. Неожиданно он вдруг попадает в небольшой, но типичный монастырский дворик, весь утопающий в зелени старых лип и разросшейся сирени, с большим храмом, архитектуры XVII столетия, посередине. От суетливой и мятущейся жизни современного торгового города он погружается каким-то волшебством в далекую Московскую Русь с воспоминанием об ее благочестивом спокойном, размеренном и крепком существовании. Воображение невольно уносит нас здесь далеко назад за пределы даже XVII столетия. Вспоминается седая легендарная старина, того времени, когда боярин Кучка обитал, согласно легенде, на берегу Чистых прудов и владел Кузнецкой слободой на месте нынешнего Кузнецкого моста, а между Лубянской и Мясницкой лежало Кучково Поле. Так передает, по крайней мере, эти легендарные сведения «Путеводитель по знаменитой столице Государства Российского» 1827 года (Т. 1. Стр. 3). Не углубляясь, однако, так далеко, мы имеем все-таки и довольно отдаленные и притом совершенно точные сведения относительно Златоустовского монастыря благодаря 2-й Новгородской летописи, где имеется следующая запись: «Лета от сотворения мира 6920 (т.е. в 1412 году — Г.Х.) ездил владыка Иван на Москву к митрополиту Фотею, и тамо преставися Иоаким дьякон, месяца Марта 9-го и положен бысть в монастыре Св. Иоанна Златоуста». Таким образом, уже к началу XV века монастырь этот существовал, и основание его следует отнести, конечно, к более ранней эпохе, т.е., во всяком случае, к XIV-му столетию. Имеется еще другое летописное сведение, из которого видно, что каменная церковь в этом монастыре была построена Иоанном III-м в 1474 году, а в 1479 году «учини Великий Князь игумена той церкви выше всех соборных игуменов и попов града Москвы и заградских попов еще за лето прежде сего,

егда обет свой положи, понеже бо имя его наречено бысть, егда бывает праздник принесения Иоанна Златоустаго генваря 27-го». ([В.В.] Зверинский⁹² приводит еще надпись о построении этой каменной церкви вместо деревянной в 1479, откуда видно, что строителями были московские гости).

Может быть, потому, что Великий князь особенно чтит этот монастырь, он и выстроил поблизости от него, как сказано выше, в 1472 году церковь Успения на Бору, т.е. храм Гребенской Божией Матери в настоящее время. Из этого названия «на Бору» можно заключить, что монастырь был окружен сосновым бором, равно как по названию соседней церкви Егория в Лужниках или, как еще она называется в актах и по Росписному списку 1638 года, «в лужках», можно думать, что в сторону Покровки перед монастырем расстился луг, откуда, конечно, должен был открываться широкий вид на Москву-реку и на Яузу. Несомненно, это была живописная обитель, одна из тех, которые с замечательным эстетическим чутьем основывали древнерусские подвижники, отыскивавшие исключительно красивые уголки для спасения души.

В конце XVII и в первой половине XVIII столетия монастырь этот имел крестьян, которых в 1678 году было 299 дворов и в 1744 году 566 душ.

В настоящее время это захудалый монастырь III-го класса. Большая часть земли застроена доходными домами. Сжатый со всех сторон этими постройками, затерявшийся в густозаселенной центральной части столицы, Златоустовский монастырь все еще является интересным островком прошедшей жизни среди расходившегося взбаламученного моря современности.

* * *

Попробуем теперь снова obeжать воображением описанный район в конце XVIII столетия, чтобы отметить изменения, которые произошли здесь за полвека в сравнении с первой половиной того же столетия.

Мы говорили раньше о партикулярном аптекаре Мейер, который скупил дворы на месте теперешнего дома Человеколюбивого общества на Лубянской площади и владел этой усадьбой до 1773 года, когда он продал ее купчихе Климовой, а та, в свою очередь, перепродала ее в 1782 году знаменитому Новикову⁹³. Из акта №193 видно, что «4 мая 1782 года Московская 1-й гильдии купчиха вдова Елена Петровна Климова продала Императорского Московского университета типографии содержателю от армии поручику Николаю Иванову сыну Новикову двор в Белом Городе за Никольскими воротами на Мясницкой улице в приходе у Гребневския Божия Матери, что на Лубянке на белой земле, доставшийся ей по купчей в 1773 г. Апреля 16 от иноземца партикулярныя аптеки аптекаря Ивана Федоровича Мейера; в меже: идучи от Никольских ворот в переднем конце Большая Мясницкая улица, с правой стороны принадлежащий к больверку ров, а с левой стороны проезжая на Покровку улица, а в заднем конце земля церкви Св. Георгия». Из этой первой части акта совершенно определенно явствует, что это дворовое место совпадает вполне с домом Человеколюбивого Общества,

принадлежавшем в прошлом столетии Шипову, по имени которого большой дом, где теперь магазин Морица Филип, назывался «Шипов дом»⁹⁴.

Перейдем теперь ко второй части того же акта, из которого видно, что Климова продала Новикову еще состоящие на той же Мясницкой улице и в том же приходе, «идучи из Никольских ворот влево, против означенного строения, доставшуюся от вышеназванного Мейера из Коллегии Экономии в 1767 году каменную называемую Феодосьевскую Богадельню с часовней да в 1772 году бывшую церковную Феодосьевскую землю; в меже: в переднем конце Большая Мясницкая улица, в длину по правой стороне проезжая на Сретенку улица, а по левой стороне ров, что к земляному больверку». Эта земля с богадельней, о которой я упоминал выше, и по переписи 1742 года, очевидно, соответствует теперешней Лубянской площади с фонтаном посредине⁹⁵. К изложенному можно еще добавить, что из того же акта видно, что у богадельни были лавки Гребневской церкви, и, что все описанное большое владение Климова продала Новикову за 24 000 рублей.

[М.И.] Пыляев⁹⁶ рассказывает, что принадлежавшее Новикову низкое каменное здание с его вольной типографией было расположено на Лубянской площади против здания Тайной экспедиции. Я не склонен особенно доверять Пыляеву, у которого много неточностей и мало документального обоснования приводимым сведениям, однако факт существования в начале нынешней Мясницкой упомянутого печальной памяти учреждения подтверждается и путеводителем по знаменитой столице государства Российского, издания 1827 года, который сообщает: «Против стены Китая-Города на Лубянской площади, при выходе на Мясницкую улицу на левой руке против церкви Пресвятыя Богородицы Гребневския дом прежде бывшей Тайной Канцелярии, известный по имени “слово и дело”, а потом Библейского общества. Дом сей по наружности своей не имеет ничего замечательного, огромен, хорош, новейшей архитектуры, но таковых в Москве многое множество. Итак, посмотрим на самое заведение и сравним оное с тем, что было здесь до времени Петра III. Что же было на месте сем прежде. Ответствуем: Тайная Канцелярия, известная более во времена позднейшия под именем “слово и дело”»⁹⁷. Говоря далее об уничтожении Петром III и Екатериной II Тайной канцелярии и о замене ее при той же Екатерине Тайной экспедицией, «Путеводитель» прибавляет: «Старожилы Московские еще запомнят железные ворота сей Тайной, обращенныя к Лубянской Площади; караул стоял во внутренности двора; страшно было ходить мимо, и страх сей служил к обузданию строптивых. Теперь на месте сем другое: дома частных лиц и дом Библейского общества»⁹⁸. Курьезно, что Пыляев, приводя слова «Путеводителя» дословно, не делает на него никакой ссылки и еще вставляет отсебятину после слов «старожилы московские» — «в сороковых годах», тогда как путеводитель был издан в 1827 году.

В конце XVIII столетия в начале нынешней Мясницкой, также как и в сороковых годах, слева было Рязанское подворье, справа же за церковью Гребневской

Божией Матери и церковными домами причта двор, принадлежавший, как я уже сказал, еще с XVII-го века Леонтьевым, потерпел изменение в своих владельцах. Из целого ряда актов мы видим, что в 1750 году подполковник Иван Петрович Леонтьев продал этот двор Настасье Александровне Нарышкиной, в 1751 году эта последняя продала его Григорию Андреевичу Платову, в том же году Платов перепродал двор Золотиллову, и в 1753 году Золотиллов опять продал его Платову. Далее в 1776 году наследники этого Платова продали этот двор жене директора Ассигнац[ионного] банка Перпетуе Григорьевой Ушаковой, а она в 1778 году продала его викарному священнику церкви Максима Блаженного (на Варварке — *сост.*) Григорьеву. Из всех этих интересен для нас акт о продаже Платовым двора Ушаковой, где указаны точные границы этого двора: справа двор дьячка Гребневской церкви Иванова, слева двор бригадира Зыбина, а сзади двор генерал поручика кн. Александра Ивановича Куракина. Отсюда ясно видим, что в семидесятых годах на углу теперешнего Златоустовского переулка был все еще двор Зыбина, а сзади по-прежнему расположено было по этому переулку историческое владение кн. Куракиных.

Идя по Мясницкой дальше к Мясницким воротам, мы в 1773 году находим по-прежнему Вятское и Коломенское подворья, но уже нет подворья Псковского. Существует по-прежнему посреди переулка кабак, который пережил даже и XVIII век и, не смотря на пожар 1812 года, остался существовать позднее. По списку домов 1818 года, он носил довольно хлесткое название «Кривое колесо».

По-прежнему в конце XVIII столетия мы находим усадьбу кн. Кольцовых-Мосальских, за которыми она значится и по списку 1818 года. Для русской аристократии это редкий случай, когда дома в Москве оставались так долго в одном и том же роде, как в данном случае — два столетия.

Соседний двор кн. Урусова уже перешел в другие руки. В 1765 году (акт №97) кн. Сергей Григорьевич Урусов продал этот двор полковнику Федору Ивановичу Боборыкину, за которым это владение и показано по списку 1793 года.

Расположенный рядом с этим двором нынешний Банковский переулок, во второй половине XVIII столетия носил название Шуваловского, потому что дворовое место на другом углу (принадлежавшее Лопухину; ныне Строгановское училище) перешло к графу Шувалову. В вышеприведенном акте о продаже двора Урусова Боборыкину так и указано измерение: по Большой улице поперек 35 саж. И по переулку мимо двора гр. Шувалова 35 саж. Стало быть, в 1765 году Лопухинская усадьба перешла уже к Шувалову. Учрежденный с 1 января 1769 года Ассигнационный банк в Москве помещался в этом доме Шувалова, причем главным директором его был граф Андрей Петрович Шувалов. Впоследствии дом стал собственностью этого банка, и от последнего и переулок получил название Банковского.

Большая усадьба кн. Куракина в конце Мясницкой у Мясницких ворот была продана в 1783 году князьями Александром, Степаном, Иваном и Алексеем Борисовичами Куракиными дворянину Ивану Лазареву. Из купчей крепости,

хранящейся в Архиве Почтамта, видно, что это дворовое место, имевшее по Мясницкой улице 78 саж. и по городу 86 саж., содержало каменные и деревянные строения и сад с фруктовыми деревьями, и имело ворота спереди на Мясницкую и сзади к Меншиковой башне. Эта купчая крепость была составлена по случаю продажи указанного двора названным Лазаревым Московскому Почтамту в 1792 году.

Из брошюры под названием «Материалы к истории постройки нового здания Московского Почтамта» (М., 1910 — *сост.*) видно, что на упомянутом дворе находился посреди его каменный крытый деревом корпус с балконами и деревянными лестницами. «Путеводитель» 1827 года так описывает это здание: «Обширное здание на середине обширного двора, обнесенного к улице железною решеткой. Внутренность прекрасно расположена».

От описанного двора по стене Белого города на месте упомянутых выше дворов армянина Козловского и Глебовой и пустыря, бывших здесь в середине XVIII столетия, по списку 1793 года показаны дворы: купечкой жены Шульгиной, лекаря Крезель и генерала Кашкина (последний двор в начале XIX ст. принадлежал Мус[ину]-Пушкину).

Вместо двора барона Соловьева мы, по списку 1793 года, уже видим двор князя Черкасского, а на месте двора Колтовского (теперь дом Лунц) находим двор жены доктора Елизаветы Дадо.

Идя далее по Кривоколенному переулку, мы в сороковых годах XVIII столетия видели по правую руку дворы Брылкина и Меллер. Первый из этих дворов, пройдя через ряд владельцев, перешел в 1766 г. от лекаря Ивана Ивановича Боленса к гр. Матвею Федоровичу Апраксину, а второй от Меллеров перешел к доктору Гевит, а от него в 1764 г. к гр. Михаилу Федоровичу Апраксину. О дальнейшей судьбе обоих этих дворов я не мог собрать сведений. Только по списку 1793 года с этой стороны переулкa здесь дворов не означено. По-видимому, оба упомянутых двора вошли в составную часть и слились с усадьбами, прилегавшими к ним со стороны Мясницкой. И в настоящее время тут расположены лишь сквозные дворы, выходящие на Мясницкую.

С левой стороны Кривоколенного переулкa, по списку 1793 года, мы по-прежнему находим на разветвлении этого переулкa с Архангельским дом кн. Долгоруких. Рядом двор, бывший ранее во владении у Головина, принадлежит теперь Шварцу, рядом далее находим двор Набокова (ныне Ферейн), и следующее за ними владение принадлежит кн. Голицыным, а на углу Армянского переулкa расположено дворовое место графа Санти. В смежности за углом показана Армянская кирка.

Из перечисленных выше дворов наибольший интерес представляет двор Шварца. Это тот Шварц, Иоанн Георг или Иван Егорович, который приехал в Россию из Германии в семидесятых годах XVIII столетия, и с 1779 года поселился в Москве, где был назначен профессором. Он был одним из самых деятельных членов в обществе Московских масонов. Он был канцлером в масонск. ордене, а [Н.И.] Новиков — секретарем. Означенный дом был, собственно, куплен

на средства «Дружеского общества», но купчая заключена была на имя Шварца. Здесь была у масонов тайная типография, где работали рабочие-немцы.

Что касается графа Санти, то это был генерал-интендант Александр Львович, внук пьемонтского выходца графа Франца Матвеевича Санти, приглашенного Петром I-м в товарищи герольдмейстера и сосланного за заговор Толстого в Якутский острог, откуда он был возвращен при Елизавете Петровне и возведен в обер-церемониймейстеры.

Двор Меллеров на другом углу Армянского и Кривоколенного переулков был куплен в 1780 году княгиней Елизаветой Алексеевной Несвицкой. По списку 1793 года, двор этот показан за купцом Уваровым. Следующий двор, принадлежавший в сороковых годах Сытиным, был потом куплен доктором Гевит, который перепродал его в 1764 году гр. Апраксину, а от последнего владение это перешло в 1766 году к жене камергера Наталье Федоровне Ласунской, за которой двор показан по списку 1793 года.

Теперь это двор наследников Фроловых с интересным старым домом, который относится всецело к обломкам уходящей Москвы и который следовало бы сфотографировать или зарисовать.

В заключение я хотел бы предложить нашей Комиссии организовать зарисовку всех остатков Старой Москвы через кого-либо из наших членов-художников. Это была бы великолепная коллекция для предполагаемого Музея, а после войны и революции начнется [нрзб]строек и бесследно погибнет то немного, что осталось еще в разных углах Москвы. Издание такой серии снимков, несомненно, с лихвой окупит расходы на рисунки, так как спрос на художественные издания, относящиеся к старой Москве, очень велик.

ЧЕРТЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ НА РУБЕЖЕ XVIII И XVII СТОЛЕТИЙ ПО ПУТЕВЫМ ЗАМЕТКАМ ПРОФЕССОРА КЛЕРКА⁹⁹

*доклад на 70-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
21 апреля 1918 г.¹⁰⁰ (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 51. Д. 10. Л. 1–16; архивное дело)

Машинописный текст, с рукописной правкой и вставками черными чернилами, есть пометы чернилами и карандашом, с автографом, встречаются опечатки.

Листы двухсторонние, прошитые, есть пятна, затеки.

Из всех иностранцев англичане всегда проявляли наибольший интерес к России и ко всему русскому, и в иноземной литературе о нашем отечестве английские писатели, бесспорно, занимают первое место. Начиная с описаний

Московской Руси у Рандольфа¹⁰¹, Боуса¹⁰², Флетчера¹⁰³, Дженкинсена¹⁰⁴, Горсея¹⁰⁵ в XVI веке, до новейшей огромной литературы о России за время войны, на протяжении более трех столетий, мы можем составить длинный список английских сочинений о нашем отечестве, и, если британцам не всегда удавалось уяснить себе внутреннюю сущность русского характера и проникнуть в глубь русской души, как вообще трудно иноземцу проникнуть в психику чуждой нации, то в описании внешних сторон русской жизни и русского быта ими проявлялась всегда большая внимательность, вдумчивость и полное беспристрастие¹⁰⁶. Поэтому при изучении нашего прошлого нам не следует упускать из вида этого богатого источника и можно, пожалуй, пожалеть, что источник этот не достаточно использован, особенно в отношении такой любопытной эпохи в жизни русского общества, как эпоха конца XVIII и начала XIX столетий, с ее своеобразно сложившимся укладом жизни богатого барства, лощеного снаружи на французский манер, но малокультурного, грубого и крепостнического по существу, а между тем относительно этой именно эпохи имеется особенно много сочинений английских писателей, из которых назовем: Whitworth Richardson, Cox, Tooke, Porter, Wilson, Clarke, Lyall и друг. Труды эти не переведены на русский язык и, являясь теперь библиографической редкостью, малоизвестны русской публике.

В настоящем очерке мне хотелось бы привести несколько выдержек, далеко, впрочем, не исчерпывающих всего интересного описания московской жизни на пороге XIX столетия, из путевых заметок профессора минералогии Кембриджского университета Эдуарда Даниила Клерка, изданных в Лондоне в 1810 году под заглавием «Путешествие по России, Татарии и Турции». Записки эти, написанные образно и выразительно рукою образованного европейца, представляют значительный интерес для каждого любителя Старой Москвы.

В России Клерк прожил сначала некоторое время в Петербурге, откуда 3 апреля 1799 года он на лошадях выехал в Москву. Прodelав утомительное, благодаря весенней распутице, путешествие, он 8 апреля приближался к древней столице по Тверской дороге. Пред ним раскрылся прекрасный вид, вдохновивший, между прочим, нашего Пушкина к известным стихам:

«Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы
Как жар крестами золотыми
Горят старинные главы.

Ах, братцы, как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг...»*.

Клерк отзывается об этой живописной картине в таких словах: «Высокие башни и иглы колоколен бросились нам в глаза версты за четыре до въезда в город. Окрестности Москвы представляют плоскую и открытую местность.

* Евгений Онегин. Гл. VII. Стр. 36.

Расположенный на огромной территории, город этот имеет такой же величественный вид, как и Рим, если смотреть на него на подобном расстоянии».

Отметив далее Петровский дворец, показавшийся путешественнику большим великолепным зданием смешанной и тяжелой архитектуры, и обширное предместье с разбросанными жилищами, с голубятнями на стенах, с церквами, с кучами навоза, с дворцами, деревянными избами и магазинами, Клерк описывает далее свой въезд в Московскую заставу: «В этот город, подобно большинству других русских городов, въезжают через ворота в виде двух колонн, увенчанных орлами. Слева от них помещается вблизи кордегардия. Около этих ворот множество рабов занимались уборкой грязи, скопившейся при таянии снега^{*}. В то же время из города выезжали в большом количестве крестьяне в своих кибитках, и рабы развлекались тем, что незаметно для крестьян, бросали им в кибитки грязь. Приставленный для наблюдения за рабами офицер застал их за этим гнусным развлечением, и мы ждали, что он положит ему конец, но такова странная черта национального характера: офицер стал сам забавляться таким остроумным времяпрепровождением и даже, чтобы поощрить бросавших грязь, велел крестьянам остановить лошадей и держать их, пока наполнялись нечистотами их повозки, на которых была наложена провизия, провозимая ими для своих бедных семейств. В довершение возмутительного надругательства офицер заставил крестьян самих сесть в кибитки, и их самих покрывали грязью и нечистотами. Когда некоторые из них слегка зароптали, то град палочных ударов, посыпавшийся на их головы, быстро прекратил их жалобы».

У заставы путешественники предъявили свои паспорта, но, несмотря на это, какая-то «дикая усатая фигура» повлекла их к коменданту, где у них опять начали проверять паспорта. Оттуда им пришлось еще явиться к обер-полицмейстеру, и только после всех этих мытарств истомленные дорогой путники попали, наконец, в гостиницу; но и здесь им едва ли удалось воспользоваться настоящим отдыхом, так как гостиница эта или, скорее всего, постоялый двор оказалась грязной и безобразной трущобой. Огорченный неуютностью и нечистоплотностью этого помещения наш, привыкший к комфорту и чистоте, джентльмен делает следующее мрачное заключение о русских гостиницах: «И в Москве, и в Петербурге гостиницы плохи свыше меры, особенно в Москве, и только необходимость заставляет ими пользоваться. За комнату, в которой англичанин постыдился бы держать собаку, здесь просят 3 рубля. Грязь на полах можно было бы счищать лишь скребкой или мотыкой. В помещениях этих совершенно отсутствуют кровати. В комнатах Вы найдете лишь голые стены, да два-три кресла, обитых лохмотьями и изобилующих насекомыми. Стены еще более отвратительны, потому что русские их марают грязью и нечистотами». В этой клоаке нашему английскому путешественнику пришлось вдобавок поселиться по соседству с остановившимися тут же проездом какими-то восточными людьми, персами, киргизами

^{*} Вероятно, это были арестанты, работавшие под конвоем.

и бухарцами. О некоторых из них Клерк отзывается весьма выразительно; так, о киргизах он говорит, что их можно было бы показывать в клетках, а про бухарцев отзывается, что они столь же дики, как нумидийские ослы.

Присматриваясь к Москве в первые дни своего пребывания в ней, Клерк не мог не быть поражен тем контрастным впечатлением, какой город должен был производить на европейца. Резкая противоположность между богатством и нищетой, между роскошью жизни крупного барства и купечества и убожеством существования мелкого дворянства и среднего класса, противоречие между налетом европейской культуры сверху и беспросветным рабством и невежеством в низах общества; все это сказывалось и на внешнем облике города, дававшего, хотя и сумбурное, но исключительно оригинальное для нашего английского профессора впечатление. «Москва, — говорит он, — во всех отношениях необычайна. Она обманывает и превосходит всякое ожидание и вызывает одновременно чувства удивления, отвращения, удовольствия и восхищения». «Иностранец, — говорит Клерк далее, — приехавший в Москву с головой, набитой представлениями об азиатской пышности и великолепии Востока, был бы очень удивлен, увидев эти узкие улицы, дурно вымощенные, грязные, покрытые навозом, обстроенные плохими домами, или эти экипажи, запряженные, правда, шестеркой, но каких лошадей: старых, слепых кляч, разномастных и разнокалиберных, в упряжи из гнилых тесемок или старых веревок, связанных узлами из обрывков. На лошадях на козлах сидят какие-то люди с физиономиями каторжников. Позади экипажа стоит один, а то и два лакея в лохмотьях, да и сама карета смахивает на самый плохой ночной лондонский экипаж».

Клерк приехал в Москву в конце Великого Поста, когда наступали торжественные дни Страстной Недели и Пасхи, и одно это уже должно было привлечь к себе на первых порах все внимание чужестранца, но интерес к Православной Церкви и ее обрядам был у Клерка, по-видимому, более глубокий, так как из его описаний проглядывает серьезный интерес к религиозным вопросам. Приведу здесь описания, касающиеся Страстной и Пасхальной недель, о всех нам, конечно, знакомых предметах, но любопытные постольку, поскольку они преломились через призму наблюдений чужестранца и притом реформата. «Первой церемонией перед пасхальными торжествами, — сообщает Клерк, — является праздник Вербного Воскресения. Накануне этого дня все москвичи отправляются, кто в экипажах и верхом, а кто пешком, в Кремль, чтобы закупить себе верб и поставить их в божницы перед “богами”^{*} или же украсить ими иконы на улицах. Это — самая веселая прогулка в году. Генерал-губернатор в сопровождении обер-полицеймейстера, коменданта и многочисленного дворянства участвуют в процессии верхом на прекрасных лошадях. Вдоль улиц шпалерами расположены зрители и около них расставлены конные солдаты для поддержания

^{*} Богами Клерк называет, по-видимому, наши иконы.

порядка. Зайдя в Кремль, Вы застаёте там несметное количество людей с вербами и искусственными цветами в руках, и эта движущаяся масса представляет собою необыкновенную и своеобразную картину. Кроме искусственных цветов, вербы украшаются также и поддельными плодами. За несколько копеек Вам предлагают отличную имитацию апельсина или лимона из воска, что указывает на замечательную способность русских к быстрому восприятию и подражанию. Желая слыть за истинных христиан, все посетители Кремля обязательно покупают себе верб, и, когда Вы возвращаетесь из Кремля, Вы видите всевозможные экипажи, переполненные благочестивыми москвичами, которые держат в руках по одной или по несколько таких верб сообразно религиозному усердию каждого или по количеству “богов” (икон) в его доме.

«Второе большое религиозное торжество перед Пасхой бывает в Чистый Четверг в полдень, когда Митрополит совершает омовение ног. Мы сами присутствовали при этом торжестве. Духовенство является в своем самом великолепном облачении. Двенадцать монахов, избранных для того, чтобы изображать собою 12 апостолов, размещаются полукругом перед Митрополитом. Торжество происходит в соборе, переполненном зрителями. Митрополит выполняет все и даже больше того, что написано о Иисусе Христе в третьей главе у Евангелиста Иоанна. Он снимает с себя облачение, опоясывается полотенцем, и оmyвает ноги всех монахов, пока не подходит к тому, который изображает Св. Петра. Тот поднимается, и между ним и Митрополитом начинается диалог, подобный тому, который был, как говорят, между Спасителем и этим Апостолом».

«Третье и самое великолепное торжество происходит два часа спустя после полуночи*, в утро Светлого Христова Воскресения. Поистине великолепие этого торжества превосходит собою все подобные церемонии в Риме и в других местах. Ни разу ни в одной католической стране, даже в день благословения Папой молящихся на Святой Неделе, я не видал такого блестящего зрелища.

В полночь зазвучал соборный колокол, и его вибрации походили на отдаленные раскаты грома. Вдруг к ним присоединился звон колоколов всех церквей московских. Все городское население пришло в движение, и на улицах поднялась такая суматоха, какой не было видно даже среди дня. Город весь загорелся огнями. Засветились окна домов и бесчисленные шпили колоколен. Соборная башня (т.е. Иван Великий) была иллюминирована снизу до верха, до самого креста. Тоже было и на других колокольнях. Но что было особо поразительно, так это самое обилие московских церквей, и говорят, что все они были переполнены».

«Мы отправились в Собор, где уже собралось несметное количество народу обоёго пола, из всех классов общества. У них у всех были в руках зажженные свечи, которые потом нужно было ставить перед мощами в знак обета. Когда мы подошли к соборному храму, двери его были заперты, а снаружи перед ними

* Здесь, очевидно, ошибка Клерка, описывающего Пасхальную заутреню, начинающуюся, как известно, в полночь.

мы увидали Митрополита Платона¹⁰⁷, предшествуемого хоругвями и факелами и сопровождаемого всем кортежем священников с крестами и дьяконов с кадильницами. В такой процессии они три раза обошли вокруг собора, с громким пением, одетые в великолепные одежды, залитые золотом, серебром и драгоценными камнями. Так как снег в Кремле еще не стоял вполне, как в городе, то вся эта пышная процессия принуждена была следовать по доскам, чтобы не попасть в непролазную грязь, окружающую кафедральный собор. Обойдя храм в третий раз, процессия остановилась перед большими дверями, все еще закрытыми, и Митрополит около них стал кадить перед толпою кадилом, распространявшим вокруг благовоние. Вдруг двери распахнулись, и нашим глазам представилось зрелище, превосходящее своей величием всякое описание. Собравшиеся в храме молящиеся со свечами в руках разделились на две шеренги, и в середину между ними вступил Митрополит, направляясь с своим кортежем к возвышению в виде трона посреди храма. Море огней, яркий блеск огромной спускающейся с сводов люстры, богатство одеяний, множество собравшихся людей преисполнили нас чувством изумления. Мы пошли за процессией и приблизились к трону, где полицейский офицер позволил нам разместиться с духовенством возле атласного расшитого табурета, предназначенного для Митрополита. Раздавшееся при появлении последнего громкое пение хора не смолкало все время, пока он подвигался к этому трону, и даже, когда уселся на него. В это время мое внимание привлек один из русских, который, быстро крестясь одной рукой, запустил одновременно другую руку в карман моего спутника и вытащил оттуда носовой платок».

«Вдруг Митрополит спустился с трона и стал обходить храм, кадя пред священниками и молящимися. Когда он вернулся на свое место, то такое же кажение проделало между собой и духовенство. Между тем, молящиеся беспрестанно наклоняли головы и крестились, причем некоторые, казалось, доходили до изнеможения от этих непрерывных движений головы и рук».

«Прежде всего, я обратил внимание на одежду и весь облик духовенства, конечно, на тех из них, наружность которых особенно выделялась. Их длинные черные волосы, без пудры, падали на плечи и на роскошные облачения. На голове Митрополита и епископов были высокие митры, украшенные драгоценными камнями и миниатюрными священными изображениями. Там были изображены Воскресение, Богородица и Святые. Разноцветные атласные одежды священников были великолепно расшиты. На некоторых видны были миниатюры, оправленные драгоценными камнями. Так, согласно священному преданию, должны были стоять пред Ковчегом Завета Аарон и его сыновья в великолепных одеждах, сделанных Базалеем, сыном Ури из еврейского племени Ура».

«После трех часов разных религиозных церемоний Митрополит вышел с крестом в руках, и весь народ, давя друг друга и толкаясь, бросился прикладываться ко кресту. По окончании этого целования креста Митрополит вошел

в сакристию¹⁰⁸. Здесь он переоделся в красную одежду и снова вышел с громким пением: “Христос Воскресе”. Потом наступила удивительная часть церемонии: Митрополит сошел на середину церкви и, отбросив всякую торжественность, распростерся на плитах пола и передвигался на коленях и руках, прикладываясь к образам на колонах, стенах, алтарях и гробницах похороненных иерархов, а весь народ подражал ему в этом. Были открыты раки, и выставлены для всеобщего поклонения мощи святых».

«Когда Пасха была, таким образом, возвещена, то распутство и кутежи неожиданно порвали все сдерживающие узы. Гостиница, где мы остановились, превратилась в какой-то пандемониум¹⁰⁹. Пьянство, пение и пляска продолжались всю ночь, но среди этой распушенности почти не возникло ссор. Дикий и грубый разгул русского простонародья чужд свирепой жестокости. Слышны небольшие препирательства, но нет драк, и жизнь проявляется только в излишнем употреблении спиртных напитков. На Пасхе кто бы с кем ни встретился, повторяются беспрестанно слова радости и мира: “Христос Воскрес”, на что ответом всегда служит “Воистину Воскрес”. С понедельника на Пасхе начинается поднесение пасхальных яиц: влюбленные преподносят их своим возлюбленным, слуги господам. Самый последний нищий на улице, преподнеся яйцо и повторяя слова: “Христос Воскресе”, может вызвать приветствие даже у императрицы. За праздники забываются дела. Лица высшего общества проводят время на балах, обедах, ужинах, маскарадах, а мужики оглашают воздух криками или валяются пьяные на улицах. Слуги ходят в новых ярких ливреях, и экипажи имеют чрезвычайно нарядный вид».

Увидав Митрополита Платона во время богослужений, Клерк возымел желание посетить знаменитого иерарха, молва о котором доходила и до Западной Европы, и побеседовать с ним. Посещение это состоялось, и, вот, как описывает его Клерк: «Посетив Московского митрополита Платона, находившегося тогда в Николо-Перервинском монастыре, мы были поражены контрастом, который представляли его манеры с тем блеском, которым он был окружен в наших глазах. Я давно искал случая побеседовать с этим замечательным человеком, который был воспитателем Павла (императора Павла I — *сост.*) и который известен своей перепиской с М. Duteus. Когда мы приехали, нас предупредили, что он прогуливается в маленьком садике, уход за которым доставляет ему величайшее наслаждение, что свидетельствует о неиспорченности и простоте его вкусов. Войдя в садик, мы нашли его сидящим на лавочке, сделанной из дерна, под окнами трапезной в обществе старого епископа, своего викария, настоятеля монастыря и каких-то других монахов.

Я едва мог поверить своим глазам, когда мне сказали, что это Платон, потому что, хотя я и видел его в архиепископском облачении, но мне было невозможно узнать его в этой сельской одежде, изменявшей его совершенно. На нем было домашнее платье из полосатой шелковой материи, на голове надет был колпак

вроде тех шелковых сеток, которые носят итальянские ямщики, на ногах были шерстяные чулки грубой работы. Он был без обуви, но в некотором расстоянии мы заметили желтые туфли, а рядом с Митрополитом лежала широкополая шляпа наподобие тех, что носят альпийские пастухи. В довершение сходства за ленту шляпы был заткнут букет увядших цветов. Черты лица Митрополита имели очень приятное выражение, благодаря его большой седой бороде и живости и мягкости его манер. Он пожелал узнать, кто мы, и как только мы сказали, что мы англичане, он воскликнул: “Как! Все — англичане! Я удивляюсь, как ваши сооте[че]ственники могут так интересоваться Россией, что удаляются столь далеко от своей родины?”. Произнеся эти слова по-французски, он осмотрелся кругом и, обращаясь к монахам, спросил их с некоторым беспокойством, понимают ли они французский язык. Убедившись, что язык этот им совершенно неизвестен, он усадил меня рядом с собою, а все остальные присутствующие собрались в круг перед нами. Митрополит начал с нами разговор, в котором показал столько учености, ума и свободомыслия, что мог бы удивить всякого путешественника в подобной стране и в подобную эпоху. Я с трудом мог удержать в памяти лишь часть этой беседы, касавшейся нравов его соотечественников. “Может быть, Вы смотрите на меня, как на предмет любопытства, сказал он, показывая на свои шерстяные чулки и свой странный наряд. В данный момент я готов сколько угодно служить для ваших наблюдений. Вы видите старика, согбенного под тяжестью лет и недугов”. Я ответил ему, что имел удовольствие видеть его, окруженного величайшим блеском в ночь на Светлое Христово Воскресение в Кремлевском Соборе. “А что Вы думаете об этой церемонии”, спросил он. “Я нахожу ее, — ответил я, — самой пышной, которую мне когда-либо приходилось видеть, не исключая даже церемонии благословения в Риме”. “А находите ли Вы ее интересной?”, снова спросил Его Преосвященство. “Бесконечно интересной”, продолжал я. При этих моих словах на его губах скользнула улыбка, он пожал плечами и промолвил: “Вы провели ночь, наблюдая обряды религии, которой Вы не исповедуете, и Вы называете это торжество интересным”.

Мы пошли за ним по саду, восхищаясь красотой местоположения и мягкостью температуры. “Как, — спросил он, — разве Вы предпочитаете наш климат Вашему”. Я ответил, что, говоря по правде, я нахожу русский климат суровым, но добавил, что зимний холод в России не отличается такой сыростью, как в Англии, что атмосфера здесь суха и ясна. “О, да, очень суха, — сказал он, — и поэтому все наши плодовые деревья засохли”.

Потом он стал меня спрашивать, куда я направляюсь, и, узнав, что в Тарию и Константинополь, он воскликнул: “Боже сохрани, какое путешествие, но для англичан нет ничего трудного. Они объезжают все страны света. Мой брат тоже был путешественником, — продолжал митрополит, — он получил воспитание в Вашей стране, в Оксфорде, но я был лишь в Петербурге, да в Москве, хотя мне все-таки было бы приятно попутешествовать, если бы

представился к тому случай. Описание путешествий составляет мое излюбленное чтение. В последний раз я читал путешествие лорда Макартнея”.

Возвратившись к воспитанию своего брата, митрополит продолжал: “Англичане научили его произносить речи, и он приехал к нам русским с своими проповедями, которые были очень красноречивы и витиеваты. Действительно, прекрасные речи, все переведенные с английского. Некоторые из Ваших богословов пишут отлично, только с недопустимой свободой. Так, в одной из английских проповедей обсуждался вопрос, может ли народ низложить своего государя”. На это я ответил: “Ваше Преосвященство, можете сказать еще больше. У нас был прелат, который, говоря проповедь перед королем, имел смелость критиковать лично его поведение”. “Мне очень хотелось бы, чтобы у нас был такой проповедник”, сказал митрополит. Но, тотчас же обеспокоенный толкованием, которое можно было придать его словам, он прибавил после минутного раздумья: “Мы скоро увидали бы, как он наслаждается свободой проповедовать на чистом воздухе под открытым небом Сибири”. Митрополиту доставило большое удовольствие процитировать ответ одного английского духовного лица, к которому он однажды обратился с вопросом, не имеет ли он намерения вступить в брак, на что тот ответил: “Если бы мне посчастливилось сделаться епископом, то я женился бы на дочери какого-нибудь богатого буржуа и жил бы в свое удовольствие”.

Митрополит очень жаловался на Duteus за то, что он опубликовал его переписку без позволения. Он признавался, что хотел в ней доказать, что Папа — антихрист, но при этом боялся стать предметом вражды со стороны Римской Курии. Мы уверяли его, что, по нашему мнению, ему не следует долго предаваться этому чувству страха, так как Курия не страшна более никому. “Ах, Вы не знаете ее интриг и уловок. Ее политика все та же, что и в Древнем Риме, старающаяся скрывать свои опасные намерения, но готовая всегда их осуществить, лишь бы представился к этому случай, и, в конце концов, всегда достигающая своей цели”. Потом он говорил о Вольтере и о его переписке с Императрицей Екатериной. “Ничем она так не гордилась, — сказал он, — как этой перепиской. Я никогда не видал ее такой веселой и в таком хорошем расположении духа, как в том случае, когда она сообщала мне о получении письма от Вольтера”.

Митрополит показал нам покои прежнего патриарха, основавшего монастырь и выстроившего церковь. Он постарался сохранить их в их прежнем виде. Эти покои представляют собою несколько маленьких сводчатых комнат готической архитектуры, среди которых не видно даже библиотеки. Я воспользовался этим предложением, чтобы удостовериться, есть ли в библиотеках переводы классических писателей на славянском языке, на что он заверил меня, что таких переводов нет, и к этому добавил, что он не знает никого достойного внимания до времени Патриарха Никона. Видя, что он хорошо знаком со славянским языком, я спросил его, в каком отношении этот язык находится с разговорным русским языком. На это он

определенно утверждал, что единственная разница сводится к различию диалекта и, что ни тот, ни другой не имеют ни малейшего сходства с языком финским».

После того Клерку представился случай видеть митрополита Платона в церкви на погребении кн. Голицына. Вложив рукописание в гроб, Платон обратился к путешественнику по-латыни, объясняя, что это — не паспорт на небо, как думают многие иностранцы, но простое удостоверение о смерти погребаемого.

Несмотря на краткость своего пребывания в Москве, Клерк имел все-таки возможность присмотреться к быту дворянского класса, задававшего тогда всему тон и бывшего потому особенно на виду. От Клерка не ускользнуло развившееся в привилегированном сословии нашем неравенство состояний, резко делившее дворянство на крупное и мелкое. «Богатство отдельных представителей русского барства, — говорит он, — превосходит состояния самых богатых английских пэров, но зато многие дворяне чрезвычайно бедны. Благодаря этой нищете и этому богатству происходит самая гнусная низость у одних и ужаснейшая расточительность других. В своей распущенности их не удерживает ни правосудие, ни честь, ни совесть. В одном доме молодого графа Орлова не менее 500 слуг; одни из них роскошно одеты, тогда как другие ходят в рубище. Обычно можно видеть, что за одним стулом стоит лакей, парадно разодетый и покрытый золотом и перьями вроде итальянского *volante*, а немного далее за другим стулом находится лакей, одетый, как нищий. Для иностранца непонятно, как можно прокормить такую ораву слуг, населяющих дворцы, но дело в том, что, если какое-нибудь знатное лицо имеет 50 или 500 слуг, то это ему не стоит ни гроша. Одежду для них и все необходимое для их существования доставляют угнетенные крепостные крестьяне, а жалование, если только можно употребить это название для того, что выдается несчастным, — едва превышает полторы копейки в день. Стоимость пропитания в целый год едва достигает суммы 5 руб. 45 коп. для каждого слуги, что по условиям денежного рынка, когда мы были в России, составило бы 12 шиллингов 9 пенсов. Но и эта сумма, как она ни ничтожна, могла бы быть обойдена молчанием, потому что на самом деле ее никогда не платят, и найдется немного дворян, которые испытывали бы неприятность от сознания неплатежа этого мизерного жалованья своим слугам».

По поводу господствовавшей тогда расточительности, бывшей наследственным недугом русского дворянства и приведшей к концу века к полному его оскудению, воспетому Сергеем Атавой¹¹⁰, Клерк заносит следующие строки в свои путевые заметки: «Русский барин готов продать все, что он имеет от жены до болонки, мебели и одежды. Он все пускает в оборот, лишь бы добыть денег и затем их растратить. Один раз я был удивлен, увидав у торговца минералогическими предметами стеклянные ящики, наполненные придворной одеждой, и узнав, что дворяне прислали их выставить на продажу, нуждаясь в деньгах. У русского дворянства метода никогда не платить долгов и продавать все, что они приобрели. В Англии мы называли бы это плутовством, но в Москве это называется русской пышностью».

Относительно и тогда уже наблюдавшихся случаев оскудения Клерк приводит следующее описание разорившегося московского барина. «Знакомство с архитектором Компареze дало мне возможность войти в дом кн. Трубецкого, который, разорившись, занимается тем, что продает все, что ему представится случай купить. Его дом, как ссудная касса, представляет огромный магазин, занимающий много комнат. Было очень оригинально видеть князя в роли владельца подобного предприятия, действовавшего по всем правилам старьевщиков. У его сиятельства можно было приобрести все от детской колясочки до картины Клода Лорена. В одной комнате были выставлены вместе носовые платки, искусственные цветы, веера, одеколон, мыло, помада, картины, книги, ружья, пистолеты, минералы, драгоценности, упряжь, седла, хомуты, трубки, второстепенные предметы одежды, сабли, чучела птиц, бронза, пряжки, пуговицы, табакерки, парики, часы, коробки и башмаки. “Мой дом, — сказал он, выходя, — к Вашим услугам и к услугам всякого покупателя. Я бы продал Вам его за один рубль, но с условием, что Вы дадите мне по рублю за каждую вещь из его мебелировки”. Пока мы торговались с князем, он получил записку и прочитал нам ее вслух. Какой-то князь Л. просил у него взаймы. “Вот человек, — промолвил его сиятельство, — у которого одна гостиная стоит миллион рублей, а он присылает ко мне за сорока пятью рублями на расходы по деревне. Вот каковы дела у нас в России”».

Попутно Клерк рассказывает об одном курьезном случае, невыгодно характеризующем нравы дворянской молодежи того времени. По словам Клерка, у одного из его спутников пропала шляпа, причем слуги уверяли, что в отсутствие господ ее с некоторыми другими мелкими вещами взяли молодые дворяне, посещавшие путешественников и выказывавшие по отношению к ним чрезвычайно большую дружбу. Хотя путешественники не поверили слугам, но случай помог подозрениям во время поездки англичан с этими молодыми дворянами в Новый Иерусалим, когда с одного из этих барчуков, ехавшего верхом, ветер сдул шляпу, и поднявший ее спутник Клерка к изумлению убедился, что то была его собственная пропавшая шляпа. Случай этот носит слишком анекдотический характер и, пожалуй, может быть объяснен простым недоразумением или ошибкой. Но если он не может быть вполне характерным для нравов всего общества, но несомненно характерной для дворянства того времени является другая черта, отмечаемая Клерком, это — слабость брачных уз. «Среди дворянства, — говорит Клерк, — женщины стоят гораздо выше мужчин; они нежны, чувствительны, часто очень образованы, красивы и превосходны во всех отношениях, тогда как мужчины лишены вовсе тех качеств, за которые их жены могли бы их уважать и любить. Неудивительно, что лучшие московские женщины слынут не особенно строгими в исполнении брачных обетов. Поистине трудно понять, как большинство жен из московского барства могут питать хоть какие-нибудь чувства к своим мужьям. Выйдя замуж без склонности, из-за политики и расчетов своих родителей,

часто за мужчин, которых до свадьбы они никогда не видали, отданные тиранам, не дающим хороших примеров своим детям и никакой радости общения своим женам, сочетавшись браком с людьми старше их лет на 30, больных и нечистоплотных, и покрытых долгами, дамы эти могут, конечно, предпочитать брак монастырской жизни, но, зато, смотрят на него, как на рабство, из которого они освобождаются в случае смерти мужа без сожаления».

По внешности высшее общество того времени имело блестящий вид, соответствующий прекрасным фасадам великолепных палат той эпохи, чарующих и донныне наш глаз прелестными линиями русского «*empire*’а» (ампира — *сост.*). Налет французской полировки, жадно усваившейся героями «Бригадира» и «Горя от ума», с первого взгляда мог ввести европейца в заблуждение, пока он еще не разобрался в впечатлениях и не заметил странного смешения французского с нижегородским. Приведу здесь не лишнее интереса описание московского бала, сделанное Клерком: «Дворянские балы бывают по вторникам. Про них, пожалуй, было бы справедливо сказать, что и в Европе не найдешь бала, который можно было бы поставить в сравнение с ним. Такого яркого впечатления на меня не производило ни одно собрание, соединившееся для танцев. По законам высшего русского общества на эти балы не допускается ни одно лицо из низшего класса, и это правило распространяется даже на иностранцев. Однако нам удалось добиться милости быть допущенными туда. Князь Вяземский, женатый на англичанке, любезно достал нам билеты, хотя в то время было очень опасно оказывать дружбу и гостеприимство англичанам. Если его сиятельство находится еще в живых, я прошу у него извинения за разоблачение его благородной снисходительности».

«Картина при входе в зал не поддавалась описанию. Хотя в течение шести лет я привык к подобного рода зрелищам в разных концах континента, но ничего подобного мне наблюдать не приходилось. Собрание состояло более нежели из двух тысяч человек, в число которых были допущены одни только дворяне. Туалеты были великолепны и, что особенно замечательно, сделаны с полным вкусом и отлично сидели. Любимым украшением у дам, казалось, были камеи, которые укреплены у них на руках, груди и в поясе: это новый способ украшать красоту, изобретенный во Франции и введенный в Англии. Но французские дамы могут ехать в Москву посмотреть, как улучшены их моды. Русские дамы были преимущественно задрапированы на греческий образец, и их волосы должны были держаться при помощи повязок вокруг головы. Вобщем, дамы в России с увлечением следуют лондонским и парижским модам, но они берут из них лишь то, что более всего идет им к лицу. И надо отдать справедливость, как их прелести, так и тому, что ни одна страна в мире не может похвастаться более совершенными красавицами. Если принять при этом во внимание, что, помимо их личных качеств, самая крайняя экстравагантность доставляет им все необходимое

для их уборов*, что целое состояние тратится только на один туалет, что все эти женщины соединены в одном из самых красивых зал в мире, освещенном и задекорированном с неслыханным блеском и великолепием, тогда будет нетрудно представить себе, что эффект от всего виденного получается несравненный».

«Мы могли думать, что в таком собрании два англичанина путешественника не обратят на себя внимания, но в силу особых обстоятельств на деле вышло не совсем так. Подчиняясь повелению императора Павла, мы сделали из своих коротких волос косы, но стриженные волосы имели очень комичный вид, хотя мы хотели лишь показать, какого рода прическу мы имели только в виду себе сделать. Конечно, наша шевелюра представляла полный контраст с длинными волосами русских. По несчастью произошло все не то, чего мы ожидали, и любопытство посмотреть на двух англичан было настолько всеобщим, что мы к нашему смущению оказались окруженными целою толпою разных лиц, из которых некоторые нашли уместным спросить у нас, кто делал нам прическу. Весьма понятно, что подобные расспросы мало увеличили удовольствие, доставленное нам вечером, но каково же было наше удивление, когда на следующий день бедный цирюльник в лохмотьях, причесывавший и пудривший нас в гостинице, рассыпался перед нами в благодарностях и благословениях, уверяя, что мы составили ему состояние. Все молодые дворяне бросились наперерыв его приглашать, чтобы он им делал такие же смешные прически, как он сделал нам. Я не стал бы рассказывать о таком пустом случае, если бы он не получил затем серьезной окраски. Дело в том, что полиция, зная, что молодежь, остригши волосы, стала появляться в таком виде на общественных прогулках, получила жестокий нагоняй, а молодые люди были принуждены надеть парики. Нам самим пришлось вести себя с крайней осторожностью, чтобы не подать повода к упрекам, а, быть может, и к еще более суровому обращению».

Этот анекдот о парикмахере и прическе дает лишний штрих к изображению того нелепого и смешного подражания всему иноземному, против которого ополчается Чацкий в своем монологе: «Французик из Бордо...» и о котором свидетельствуют другие русские источники. Так, напр[имер], Ф.Ф. Вигель в своем «Письме к приятелю в Симбирск» пишет: «В Москве всякий иностранец в диковинку. Не знаю, случалось ли тебе читать плохие московские журналы 1812 г. Ты бы нашел в них объявления о приезде всякого неизвестного ледящего¹¹¹ англичанина, француза или итальянца, описание его костюма, наружности, — и, разумеется, все в похвалу». Вигель далее вспоминает старинную песенку о пребывании в Москве при Екатерине пленного шведского адмирала гр. Вахтмейстера. В этой песенке имеются, между прочим, следующие куплеты:

* По этому поводу Клерк рассказывает об одной княжне, которая, купив парик, посадила свои куафера под замок, сама его кормила и выпускала лишь для причесывания, чтобы никто не знал, что у нее фальшивые волосы.

«...Показался адмирал,
Взбеленился весь Вокзал.
Все краснели, все шептали,
Все красавцем называли,
Всем хотелось ускорить,
Чтобы с ним поговорить.

Обветшалые княгини,
Поседелые графини,
Все за шведом поплелись,
За кокетство принялись.
Дамы, барышни, старухи
К шведу льнут, как к меду мухи,

Все толпятся, все бегут,
Со всех сторон шведа жмут...» *.

Как видим, русские и иностранные источники живописуют согласно это курьезное увлечение всем иноземным, доходившее до абсурда.

Зак[а]нчивает свое описание московского бала Клерк следующей характеристикой танцев: «На балу танцевали кадрили, полонез и англес. Очень любимый прежде русскими дамами вальс теперь запрещен. Какое бы название ни носили эти танцы, все они имеют томный и грустный характер, и представляют собою лишь прогулку на разные лады. Ни мужчины, ни женщины не проявляют в танце ни малейшей живости. Глядя на танцующих, можно подумать, что для них это только предлог, чтобы не сидеть долго на одном месте. Все присутствовавшие на балу были одеты парадно, по-бальному. На мужчинах были надеты мундиры или богато ра[с]шитые фраки».

Из других описаний московской жизни у Клерка любопытно описание рынка: «Праздничный базар, — говорит он, — представляет собой оригинальное зрелище. С 5 до 8 часов утра обширная Голицынская площадь близ Кремля** бывает запружена толпою крестьян и представителей других общественных классов, которые приходят сюда одни, чтобы продавать, другие — для покупки белых павлинов, голубей с веерообразными хвостами или иных редких пород, всевозможных охотничьих и комнатных собак, певчих птиц, разной птичьей живности, ружей, пистолетов и вообще всего, что только обычай или случайность может превратить в предмет торговли. Кроме очень большого участка этой площади, предназначенного специально для продажи певчих птиц, торговцы на остальном пространстве рынка не имеют лавок и продают свои товары, выставяя их на лотках или держа в руках. Главным предметом торговли

* Древняя и новая Россия: Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник. — Год 3-й. — №11. — СПб., 1877. — С. 259–260.

** Речь идет, очевидно, об Охотнорядском рынке, к которому еще с XVII-го столетия примыкали со стороны Тверской ул. дворы князей Голицыных, а роскошные палаты фаворита Софьи кн. Василия Васильевича Голицына выходили на самый Охотный ряд, будучи расположены на месте теперешнего дома Комиссарова. Этим Голицыным построена и церковь во имя св. Параскевы Пятницы в Охотном ряду. (Палаты кн. В.В. Голицына в Охотном Ряду на тот момент существовали по соседству с домом Комиссарова, но еще в апреле 1918 г., когда Г.И. Хлопов выступал с этим докладом, считались утраченными; позднее, в 1920 г., внимание «Старой Москвы» привлекли «два старых дома у церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду в Москве» — палаты Голицына и Троекурова, был поднят вопрос о размещении в них после расселения жильцов и реставрации Музея Старой Москвы; палаты снесены в конце 1920-х гг. (См.: Козлов В. Ф. Общество «Старая Москва»... — С. 46, 140, 145 (сост.)).

являются птицы и собаки. В толпе Вы найдете и дрессировщиков голубей. Богатые москвичи находят большое удовольствие в этих птицах, и особенно понравившаяся пара голубей может идти на рынке за цену от 5 до 10 рублей. Я смотрел с удовольствием, как продавцы, желая показать своих голубей, выпускали их летать на свободе и по мере надобности и по усмотрению снова собирали их к себе. Главный талант этих голубей состоит в том, что они взлетают вверх очень высоко спиральной линией и летят все совершенно одинаково один за другим. Когда птица начинает устывать и не держится той линии, по которой стремятся остальные, продавец свистит, помахивая палочкой, и обыкновенно птица меняет направление. Во время этих упражнений русские баре держат пари на деньги, на какую высоту птица поднимется, и сколько изгибов она опишет, достигая этой высоты».

«Среди охотничьих собак мы заметили любопытную породу с длинными хвостами, как у собак с Новой Земли, но только поразительного роста и величины. Эти собаки употребляются в России для охоты на волков. Маленькие немецкие собачки, так ценящиеся в Англии, здесь не имеют никакой цены. Одну такую собаку мне предлагали за шиллинг. Мы заметили еще английских левреток и собак для охоты на лисиц, но самой излюбленной породой в Москве являются английские терьеры. В России их очень мало и их продают по 18 рублей и дороже, сообразно капризу покупателя или продавца».

«Любителям предлагают также персидских кошек с голубовато-серой или аспидного цвета шерстью. Этих кошек здесь очень любят».

«Между прочим, я обратил внимание на несколько лотков с рассыпанным по ним, как мне показалось, зерном, но каково же было мое изумление, когда, приблизившись, чтобы получше разглядеть, что это такое, я увидел, что то было не зерно, как я принял издали, а рассыпанные кучей муравьиные яйца. Тут же рядом с лотками стояли бочки, полные муравьев, которые кишели среди своих яиц. Муравьи ползали и по самим продавцам».

«В Москве муравьев и муравьиные яйца раскупают в качестве корма для соловьев. Русские любят этих птиц, и они составляют обычную принадлежность их жилищ. В клетках соловьи поют не хуже, чем в рощах. Мне нередко приходилось их слушать в тех давках, где они продаются. Они распевают с той же полнотой звука и с таким же разнообразием тонов, как где-нибудь в лесу на свободе. Цена соловья — около 15 рублей, если он поет хорошо. Перебирая зерно рукой на столе, русские заставляют соловьев петь сколько угодно. По ночам улицы города наполняются звуками мелодического лесного концерта».

Из описываемых Клерком картин старой московской жизни не лишена интереса еще одна, именно изображение публичного загородного гулянья.

«Самым интересным зрелищем для иностранца в Москве, — говорит Клерк, — являются гулянья, особенно весенние. Главное такое гулянье бывает в одной из рощ близ Москвы*. Оно представляет любопытную картину в том

* Вероятно, речь идет о Сокольниках, где еще в восьмидесятых годах XIX столетия 1-го Мая собиралась чуть не вся Москва, и появлялся, несмотря на дряхлость, верхом на коне старик генерал-губернатор кн. В.А. Долгоруков.

отношении, что в нем участвует буржуазия наравне с дворянством, а также и потому, что тут можно видеть во всей красоте национальный русский костюм. Экипажей и всадников собирается великое множество. Под деревьями и на лужайках видны крестьяне, занятые веселой пляской и выражающие свою радость веселым пением. Треньканье балалаек, резкие звуки сельских дудок, хлопанье в ладоши, дикие пляски на манер египетских, все это перемешивается в этих шумных развлечениях. Купчихи, одни на дрожках, другие пешком, выставляют напоказ свои роскошные наряды и прически. По пышности Вы не заметите никакой разницы в одежде между московской княгиней и купчихой. Впрочем, разница, пожалуй, есть и только в том, что одна подражает модам из Лондона или Парижа, тогда как другая носит платья, доставшиеся ей от предков».

«Во время Пасхи прогулки бывают каждый вечер. Цель для поездок разнообразится, смотря по обстоятельствам. Едут верхом и в экипажах, причем экипажей собирается много, гораздо больше, нежели бывает в таких случаях в других городах Европы. Побуждением для таких сборищ является, как и везде, посмотреть других и показать себя. Во время гулянья экипажи движутся вереницей, непрерывно следуя один за другим, параллельно, двумя линиями. Зрелище подчас превосходит всякое описание. Красивые женщины в самых роскошных и элегантных нарядах и уборах заполняют окна и балконы, мимо которых дефилируют кавалькады. Гусары и полицейские чиновники расставлены в разных пунктах для поддержания порядка».

«Доехав до пункта, специально предназначенного для разъезда кортежа, иностранец, однако, будет поражен, видя то, что лишь можно наблюдать на английских землях, смежных с королевскими лесами, где помещики имеют право охоты (*purlieus*). Среди пыли едва заметны жалкие деревянные хижинки и избышки».

«В пятницу на Пасхе выбирается лучшее место для гулянья: именно едут на обширную и красивую равнину, расстилающуюся до стен монастыря*. Задолго до въезда на эту равнину вереница экипажей так велика, что едва можно двигаться, пока, наконец, не открывается широкая перспектива и картина, захватывающая зрителя, поистине поразительна. Процессия, пока может различить глаз, движется вперед и назад по этой живописной равнине. Всех экипажей не менее двух тысяч. Большая часть из них запряжена шестеркой, и, во всяком случае, менее четверки нет ни одной упряжи. Группы этих экипажей производят, вобщем, большой эффект, хотя взятые в отдельности экипажи вместе с лакеями и кучерами представляют отличную карикатуру на роскошь и великолепие. Почти все фореиторы старики жалкого вида, одетые в отвратительные

* Можно думать, что Клерк говорит здесь о Девичьем Поле, которое тогда, разумеется, не было застроено и имело вид равнины, заканчивавшейся Новодевичьим монастырем. (В XVIII — первой половине XIX в. Пасхальные гуляния происходили у Новинского монастыря (гулянье под Новинским), сам монастырь был упразднен в 1764 г., а на его землях и устраивалось гулянье; на Девичье Поле гулянье перенесено во второй половине XIX в. (*сост.*)).

ливреи с галунами, скрученными из шерсти. Заломив на затылок шляпы, они держат кнуты и вожжи так, как если бы никогда не садились на лошадь. Упряжь представляет собой старые веревки в лохмотьях*, резко отличаясь от тех белых постромок, какие употребляются в Польше и которые там так элегантны, если не сказать великолепны. Что касается до самых карет, то хотя они и не так жалки, как лондонские ночные экипажи, но все-таки плохой работы, старомодны и тяжелы. Только огромное число этих экипажей дает отчасти представление о величественности и пышности. Вереница карет направляется к монастырю, о котором я сказал, и, достигнув его, возвращается в том же порядке, в каком следовала туда. Между экипажами едут всадники. Появляясь на великолепных английских или турецких конях, они воображают, что едут совсем по-английски, хотя у них нет ничего общего с английскими наездниками. Выученные в манеже лошади топчутся на месте, не подвигаясь вперед, и грызут удила. Они упражняются в рыси на месте, словно цирковые лошади на арене, а их всадники, сидя на роскошно вышитых седлах и сдвинув на затылок шляпы, думают, что они проявляют чудеса верховой езды. Некоторые русские семьи сохранили для прислуги старый русский костюм, другие же, наоборот одевают слуг на манер итальянских скороходов, отчего получается забавная пестрая смесь.

Резюмируя общее впечатление, вынесенное Клерком из наблюдений над русской жизнью, можно сказать, что впечатление это довольно мрачное и далеко неблагоприятное для наших предков. Как англичанин Клерк не задумывается говорить правду прямо, как бы сурова она ни была, хотя и предвидит упреки в преувеличении, говоря, что, быть может, нравственный портрет обитателей России покажется затемненным благодаря «сплину».

Однако, сопоставляя описания Клерка, с тем, что мы находим в сатирических журналах времен Екатерины, в комедиях Фон-Визина и Грибоедова и в записках и мемуарах современников, мы должны будем признать, что если в путевых заметках Клерка и были ошибки и преувеличения, то в общем изображенная им картина быта и нравов на рубеже XVIII и XIX столетий в нашем отечестве довольно правдива. В числе недостатков русского характера того времени Клерк возмущался особенно две черты, это — суеверие и несвобода. Так, наблюдая религиозную сторону русской жизни, Клерк пишет: «Все, что говорилось или писалось о католицизме в некоторых странах, едва может дать слабое представление относительно суеверий православной церкви. Эти суеверия можно рассматривать, как величайшее оскорбление человеческому разуму и как величайший скандал для истинного благочестия какие когда-либо оскорбляли летописи человечества. Невежественный и свирепый дикарь Южной Америки, распространившийся ниц

* Здесь в описаниях Клерка нет преувеличения. Автору этого очерка в девяностых годах приходилось еще видеть в глуши старика-помещика, владельца шести тысяч десятин и предводителя дворянства, который ездил по уезду непременно в карете и шестеркой, но на очень плохих лошадях и с веревочной упряжью. Человек старого закала и крепостник, он являлся живым осколком дореформенного минувшего быта.

перед солнцем и оказывающий поклонение тому, что он считает источником света и жизни, проявляет более разумную религиозность, нежели русский человек, который целый день крестится перед своими “богами” или сжигает свечи перед изображением св. Александра Невского». В не менее резких выражениях клеймит Клерк и тот дух несвободы и раболепства, порожденный деспотизмом и крепостничеством, который долго еще после того пропитывал насквозь русскую жизнь. Этот дух, который Щедрин называл «рабым духом», а Некрасов «холопским недугом», быть может, не выдохся вполне и до наших дней. «Система тирании», говорит Клерк: «простирается от трона вниз по всем направлениям и разветвлениям общества до хижины последнего крестьянина. Она загасила всякую искру свободы в груди русских, которые все — рабы. Император бьет вельмож, князья и дворяне — крепостных, а эти последние — жен и дочерей. Все русские от самых высших до самых низших, богатые и бедные, одинаково раболепствуют пред стоящими выше их по положению, но зато надменны и жестоки по отношению к тем, которые зависят от них. Все русские — невежественные суеверные грязные, подлые (mean) варвары».

Нас не должна возмущать эта исключительно жестокая характеристика, так как она относится к далекому прошлому, а «быль молодцу не укор». Историческое исследование минувших времен должно в своем суде быть равнодушным к добру и злу, а стараясь только о воспроизведении истинного облика исследуемой эпохи. Во всяком случае, такое резкое выявление темных сторон русской жизни конца XVIII и начала XIX столетий может служить полезным противовесом той идеализации этой грубоватой эпохи, которая благодаря утонченной стилизации, вводимой многими современными художниками и писателями в ее изображение, принимает иногда в нашем представлении слишком изящный и неестественно нарядный колорит.

ГРИБОЕДОВСКАЯ МОСКВА ПО ЗАПИСЯМ ИНОСТРАНЦА

*доклад на 72-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
30 марта 1919 г.¹¹²*

(К. 1. Д. 5. Л. 1; протокольная запись)

Машинописный текст, с рукописными вставками чернилами и карандашом.

Листы двухсторонние, есть подтеки. Запись краткая, сделана И.К. Линдеманом.

В середине [18]30-х годов А.С. Пушкин в своей статье «Мысли на дороге» находит, что грибоедовская Москва есть уже анахронизм. Для всестороннего и детального изучения любопытного уклада жизни московского общества, так

ярко изображенного [А.С.] Грибоедовым в его бессмертной комедии («Горе от ума» — *сост.*), помимо русских источников, необходимо обратиться еще и к свидетельству иностранцев, посещавших Москву того времени и оставивших интересные воспоминания о различных сторонах русской жизни. В числе книг, относящихся ко времени Александровской эпохи, особенно интересен труд англичанина Лайяля, проводшего много лет в России после Наполеонова нашествия в качестве домашнего врача в богатых барских семьях и имевшего случай наблюдать близко жизнь крупного русского барства.

Для нас важно в особенности то, что Лайяль овладел русским языком и потому мог избежать многих ошибок, допущенных другими иностранцами, обыкновенно совершенно не говорившими по-русски. Живя долго в России и отличаясь большою наблюдательностью и интересом к русскому, Лайяль, вернувшись на родину, издал в двадцатых годах в Лондоне объемистый том под заглавием: *The character of the Russians and a detailed history of Moscow. London 1823*¹¹³.

Во введении он сделал попытку дать анализ и характеристику быта русского народа и, главным образом, быта русского барства, которое он наблюдал, живя в Москве. Из этого введения Г.И. Хлопов и привел некоторые отрывки и анекдоты, имеющие, по его мнению, известное значение в историческом отношении.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ В районе совр. Староваганьковского пер., между ул. Знаменкой и ул. Воздвиженкой; бывш. великокняжеское село (с загородным дворцом вел. кн. Софьи Витовтовны, супруги вел. кн. Василия I — XV в.); с XVI в. — также Старое Ваганьково, в связи с переводом части жителей в район Пресни (Новое Ваганьково).
- ² Рукописный Годунов чертеж России был подготовлен, как полагают, царевичем Ф.Б. Годуновым ок. 1605 г. В 1613, затем в 1614 г. на его основе в Амстердаме картографом Г. Герритсом была издана карта, на которой вверху был помещен план Москвы (вопрос о принадлежности этого плана также Ф.Б. Годунову дискутируется).
- ³ В современной литературе такое отождествление отсутствует.
- ⁴ По другим данным — в 1838 г.
- ⁵ Из материала разобранного храма была сделана пристройка к зданию Манежа (возведено в 1817 г.), куда перенесли престол храма свт. Николая в Сапожке, и в 1843 г. освятили там домовую Николаевскую церковь. Разрушена в 1930-е гг. (См.: Сорок сороков: В 4 т. / авт.-сост. П.Г. Паламарчук. — Т. 2. — М., 1994. — С. 208–210).
- ⁶ См.: Улицы и переулки Москвы. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями, сост. А. Мартыновым. — Изд. 3-е, испр. и значит. доп. — М., 1888. — С. 31.
- ⁷ Дом Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) не сохранился; занимал участок на углу ул. Моховой и Воздвиженки; ныне территорию занимает комплекс зданий Российской государственной библиотеки.
- ⁸ Храм прп. Михаила Малеина у Тургеневских (Туренинских) богаделен на Моховой; храм был построен на месте двора боярина Туренина (ближе к Староваганьковскому пер.), освящен в 1679 г., приписан к церкви свт. Николы в Сапожках (см.: *Скворцов Н.А.* Московская

- церковная старина. Уничтоженные церкви в местности Пречистенского сорока // Московские церковные ведомости. — 1896. — №23. — С. 300–302).
- 9 Младшая дочь царя Иоанна V Алексеевича (1682–1696 гг.), племянница Петра I и родная сестра императрицы Анны Иоанновны.
 - 10 Дом Пашкова — ныне в составе комплекса зданий Российской государственной библиотеки.
 - 11 Об этом названии упоминает А.А. Мартынов (См.: Улицы и переулки Москвы. Названия московских улиц и переулков... — С. 13), но это ошибочно (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 499).
 - 12 Алевиз Фрязин — Алоизио да Карезано; да Каркано (конец XV — XVI в.), итальянский инженер и архитектор из Пьемонта, приглашенный в Москву; с 1494 г. возглавлял строительство в Кремле.
 - 13 Собор и монастырь не сохранились.
 - 14 Доходный дом А.И. Шампина/Л.В. Шампиной (ул. Знаменка, д. 8/13 стр. 1), построен в 1909 г. (арх. Н.Н. Благовещенский, Ф.О. Шехтель).
 - 15 Александровское военное училище располагалось здесь в 1849–1917 гг. (1790-е гг., арх. Ф.И. Кампорези; корпуса здания перестраивались в XIX в.; корпуса по ул. Знаменка (д. 19) перестроены в 1940-е гг.). Ныне комплекс зданий занимает Министерство обороны РФ.
 - 16 Подробнее об этом см. статью В.А. Михайловского «Здания Императорских московских театров в XVIII столетии», помещенную в настоящем сборнике.
 - 17 Здание страхового общества с рестораном и гостиницей «Петергоф» — арх. В. Шауб (ул. Воздвиженка, д. 4/7).
 - 18 Русский Охотничий клуб (1887–1917 гг.; с 1892 г. занимал здание усадьбы Разумовских—Шереметевых (ныне — Романов пер., д. 26 стр. 3); ранее в здании размещалась Московская городская дума (до постройки собственного здания на Воскресенской пл.); ныне находится в ведении Управления делами Президента.
 - 19 Усадебный дом сохранился (ул. Воздвиженка, д. 8/1 стр. 1).
 - 20 Здание Военторга — Центрального военного универсального магазина; построено в стиле модерн по проекту арх. С.Б. Залесского в 1910–1913 гг. по заказу Экономического общества офицеров Московского военного округа (ул. Воздвиженка, д. 10); снесено не смотря на протесты общественности в 2003 г.; ныне на этом месте, по тому же адресу — офисное здание, стилизованный новодел.
 - 21 В доме Талызина на Воздвиженке ныне располагается Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева; сохранились палаты Аптекарского приказа (во дворе по Староваганьковскому пер.)
 - 22 Храм не сохранился.
 - 23 Храм не сохранился.
 - 24 Храм не сохранился; на углу Знаменки, напротив Александровского военного училища; упразднен по малоприходности в 1775 г., разобран в 1782 г. (См.: *Скворцов Н.А.* Московская церковная старина. Уничтоженные церкви в местности Пречистенского сорока // Московские церковные ведомости. — 1896. — №16. — С. 205–206).
 - 25 Георгиевская электростанция; здание построено в 1888 г. (арх. В. Шер), действовала до 1897 г.; ныне — выставочный зал «Новый манеж».
 - 26 Монастырь упразднен в начале XIX в. после Московского пожара 1812 г.; храмы не сохранились (храм Георгия Победоносца закрыт в конце 1920-х гг., снесен в 1930-е гг.).
 - 27 Благородный пансион Московского университета, основан в 1778 г., в 1830 г. упразднен и преобразован в гимназию (позднее Дворянский институт); здание построено арх. М.Ф. Казаковым, пострадало в пожаре 1812 г., было восстановлено; в 1910-е гг. выкупившее участок страховое общество «Россия» здание снесло и начало строительство

- доходных домов (не завершено). Ныне на этом месте — здание Центрального телеграфа (ул. Тверская, д. 7).
- 28 Здание сохранилось (Георгиевский пер., д. 1 стр. 1).
- 29 Князь-«кесарь» Ф. Ю. Ромодановский (ок. 1640—1717), сподвижник Петра I, государственный деятель, замещал Петра I при отъездах; возглавлял Преображенский, Сибирский и Аптекарский приказы.
- 30 Здание сохранилось частично, угловая часть на Тверской утрачена, реконструировано, надстроено (Камергерский пер., д. 1/6).
- 31 Дом не сохранился.
- 32 Дом снесен и построен заново.
- 33 Имеется в виду храм Воскресения в Скоморошках (Воскресения Старого — храм на углу Остоженки и Савеловского пер.). Храм упразднен в 1806 г., разобран в 1816 г. (См.: *Скворцов Н. А.* Московская церковная старина. Уничтоженные церкви в местности Никитского сорока // *Московские церковные ведомости.* — 1897. — №23).
- 34 Здание подворья Саввино-Сторожевского монастыря построено в 1905—1907 гг. (арх. И. Кузнецов); в 1939 г. подвинуто вглубь квартала (ул. Тверская, д. 6 стр. 6) и загорожено одним из домов, выстроенных в конце 1930-х гг. арх. А. Г. Мордвиновым по красной линии улицы.
- 35 В 1930-е гг. здание гостиницы включено в объем ныне существующего здания (ул. Тверская, д. 6 стр. 2).
- 36 *Гастев М. С.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы: — Ч. 1 с двадцатью семью гравированными на меди планами, фасадами и видами. — СПб., 1841. — 312 с.
- 37 Оба храма не сохранились.
- 38 Оба переулка не существуют, исчезли в 1930-е гг. — ныне территория Манежной пл.
- 39 Монетный двор у Воскресенских китайгородских ворот (Новый, Красный китайский) — ул. Никольская, д. 5/1 стр. 2.
- 40 Оба храма не сохранились.
- 41 Здание Сенатской типографии не сохранилось; снесено в ходе строительства гостиницы «Москва» (снесена); ныне здесь находится вновь построенный отель «4 сезона» (ул. Охотный ряд, д. 2).
- 42 Здание гостиницы «Москва» не сохранилось; снесено в ходе строительства гостиницы «Москва» (снесена).
- 43 Здание не сохранилось, снесено в ходе строительства гостиницы «Москва».
- 44 Ныне пл. Революции; вся историческая застройка снесена, кроме здания Московской городской думы конца XIX в. (ныне входит в комплекс зданий ГИМ).
- 45 Охотнорядская пл., с 1933 г. — пл. Охотного ряда, с 1956 г. — ул. Охотный ряд, в 1961—1990 гг. — часть просп. Маркса; ныне — ул. Охотный ряд (См.: *Рачинский Я. З.* Полный словарь названий... — С. 379).
- 46 См.: Семисотлетие Москвы. 1147—1847, или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков / соч. П. Хавского. — М., 1847. — №164. — С. 63; Материалы для истории, археологи и статистики города Москвы / собр. и изд. руководством и трудами И. Забелина: В 2 ч. — Ч. 1. — М., 1884. — Стб. 459.
- 47 Часовня-памятник воинам, погибшим в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. (арх. Д. Н. Чичагов; 1882—1883 гг.), находилась на Моисеевской (ныне Манежной) пл. на углу ул. Моховой и Тверской, напротив гостиницы «Националь»; не сохранилась.
- 48 Имеются в виду палаты Троекуровых в Охотном ряду (XVII в.); с 1810-х гг. принадлежали Московскому мещанскому обществу (Георгиевский пер., д. 4. стр. 1).
- 49 Палаты Голицына XVII в. (составляли уникальный ансамбль с палатами Троекурова и церковью Параскевы Пятницы в Охотном ряду): Комиссия «Старая Москва» в 1920-е гг.

- изучала и защищала памятник; палаты не сохранились; на их месте — здание Государственной думы (бывш. здание Совета Труда и Оборона).
- 50 Здание на углу ул. Тверской и Охотного ряда — не сохранилось.
- 51 Ижица — буква старославянского алфавита, по начертанию напоминающая латинскую «V».
- 52 Торговый дом «Мюр и Мерилиз» (ЦУМ) — ул. Петровка, д. 2 стр. 1.
- 53 Здание гостиницы «Континенталь» не сохранилось, снесено при строительстве второй очереди гостиницы «Москва» (ныне также снесенной).
- 54 Здание пассажа Солодовникова не сохранилось; на его месте комплекс зданий ЦУМа; храм Воскресения упразднен после 1812 г.; ныне на его месте современная пристройка здания ЦУМа (2007 г.) между ул. Кузнецкий Мост, Неглинная и Петровка; археологами найдены фундаменты храма и некрополь при нем.
- 55 Здания не сохранились.
- 56 Кузнецкий пер. — ныне часть ул. Кузнецкий мост между ул. Петровкой и ул. Б. Дмитровкой (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 258).
- 57 Частная опера Зимина находилась в здании театра Солодовникова — ныне комплекс зданий Московского государственного академического театра оперетты (ул. Б. Дмитровка, д. 6).
- 58 М.Е. Медокс (1747—1822), английский инженер, антрепренер, театральный деятель, основатель театр (1780—1805 гг.); здание театра Медокса (Петровского театра; главный фасад выходил на ул. Петровку) — предшественник здания Большого театра; сгорело в 1805 г.
- 59 Театральная пл. входила в кольцо центральных парадных площадей Москвы, сформированное в ходе работ по восстановлению застройки, регулированию планировки и благоустройству Москвы после пожара 1812 г., осуществлявшихся Комиссией для строений в Москве.
- 60 Здание, выстроенное после пожара 1812 г. на участке купца В.В. Варгина (1791—1859) — ныне здание Малого театра (Театральный пр-д, д. 1).
- 61 В архивных деле и описи дана неверная датировка — 1920-е гг.
- 62 Росписной список города Москвы 1638 года / Труды Московского отдела Императорского Русского военно-исторического общества. — Т. 1 / под ред. И.С. Беляева. — М., 1911. — 313 с.
- 63 Имеется в виду храм Георгия Победоносца в Старых Лучниках (Лубянский пр-д, д. 9 стр. 2).
- 64 Здание на ул. М. Лубянке не сохранилось.
- 65 Храм не сохранился.
- 66 Храм не сохранился.
- 67 Саадак — набор вооружения конных воинов луком и стрелами.
- 68 Манатейник — мастер по пошиву монашеских облачений, мантий (монатей), ряс.
- 69 Храм не сохранился
- 70 Храм не сохранился.
- 71 Н.А. Найденов (1834—1905), гласный Московской городской думы, видный общественный деятель, предприниматель; среди прочего, в 1880-е гг. издал «Материалы для истории московского купечества» в 9 т., включившие ревизские сказки московского купечества.
- 72 Екатерининский Манифест «О вольности дворянства» 1762 г. освобождал дворянство от обязательной военной и гражданской службы.
- 73 Храм не сохранился.
- 74 См.: Улицы и переулки Москвы. Названия московских улиц и переулков... — С. 134.
- 75 Дом не сохранился.
- 76 Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... — Ч. 1. — Стб. 469—472.
- 77 Дом сохранился, надстроен (ул. Мясницкая, д. 6/3 стр. 1).
- 78 Здание сохранилось (ул. Мясницкая д. 8/2).

- 79 Здание сохранилось — перестроено и надстроено (Б. Златоустинский пер., д. 4).
- 80 Здание сохранилось (ул. Мясницкая, д. 10 стр. 1).
- 81 Здание сохранилось (ул. Мясницкая, д. 14/2 стр. 1); первоначально здесь располагалось Коломенское подворье.
- 82 Здание сохранилось (ул. Мясницкая, д. 12 стр. 1).
- 83 Все три храма не сохранились.
- 84 См.: Улицы и переулки Москвы. Названия московских улиц...
- 85 Фартина — питейный дом, кабак, кружало.
- 86 Здания сохранились, за исключением дома И. Соколова (на его месте современный д. 16 на углу ул. Мясницкой и Банковского пер.).
- 87 Здание сохранилось (в основе его усадебный дом Мусиных-Пушкиных) — Чистопрудный б-р, д. 6/19 стр. 1.
- 88 Здание сохранилось, частично перестроено (Архангельский пер. д. 13/11 стр. 1).
- 89 Бывш. Б. Успенский пер. — ныне Потаповский пер.
- 90 Здание сохранилось (Кривоколенный пер., д. 9 стр. 1).
- 91 Монастырь не сохранился. От всего ансамбля остался лишь дом, принадлежавший монастырю (М. Златоустинский пер., д. 5), где ныне существует храм, работают воскресная школа и Центр изучения истории и наследия Златоустовского монастыря (при Центре существует музей).
- 92 Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем / сост. и изд. В.В. Зверинский. — Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. — СПб., 1892. — №808. — С. 138.
- 93 Н.И. Новиков (1744–1818), один из крупнейших представителей Эпохи Просвещения в России, издатель, общественный деятель.
- 94 «Шиповская крепость» — пользовалась дурной славой у москвичей как место притонов.
- 95 Водоразборный фонтан Мытищинского водопровода, работы скульптора И.П. Витали, на Лубянской пл. был установлен в 1835 г.; с 1930-х гг. — в Нескучном, перед Александринским дворцом (зданием Президиума РАН).
- 96 М.И. Пыляев — автор книги «Старая Москва: Рассказы из былой жизни Первопрестольной столицы» (1891 г.).
- 97 См.: *Гурьянов И.Г.* Москва или Исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского: В 4 ч. — Ч. 3. — М., 1831. — С. 172.
- 98 Там же. — С. 183.
- 99 Clarke, Edward Daniel (1769–1822), в тексте назван Эдуардом Даниилом Клерком; в современной историографии принято произношение Эдвард Даниэль Кларк.
- 100 В архивных деле и описи дана неверная датировка — 1920-е гг.
- 101 Томас Рандольф, автор «Путешествия Томаса Рандольфа» (1568–1569 гг.).
- 102 Джером Боус, посланник английской королевы, был в Москве в 1583 г. Оставил описание своего путешествия.
- 103 Джильс Флетчер, посланник английской королевы, был в Москве в 1586–1589 гг., оставил записки.
- 104 Энтони Дженкинсон, первый посол Англии в Русском государстве, приезжал в Россию в 1557–1571 гг., составил карту «Описание Руси, Московии и Татарии» (Лондон, 1562).
- 105 Джером Горсей, находился в России в 1570-е — 1580-е гг.; оставил описание путешествия и пребывания в России в 1571–1591 гг. (См.: *Горсей Дж.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / под ред. В.Л. Янина. — М., 1990. — 288 с.).

- ¹⁰⁶ Нельзя согласиться с этим мнением Г.И. Хлопова, тем более что приводимые им выдержки из записок Клерка с его оценками всех сторон русской жизни (быта, общественных, семейных отношений, нравов, веры), национального характера и прочего, обобщенно относимые ко всем русским вообще, своей одиозностью, крайним высокомерием «просвещенного» европейца и преимущественной недоброжелательностью говорят сами за себя. Такие сентенции английского путешественника, как «Все русские — невежественные суеверные, грязные, подлые (mean) варвары» вполне однозначно отражают его отношение к предмету описания.
- ¹⁰⁷ Платон (Левшин; 1737–1812), митрополит Московский и Коломенский.
- ¹⁰⁸ Помещение в католических храмах, где хранятся принадлежности культа, совершаются облачения священнослужителей и т.д. В православном храме соответствует сосудохранилищу и ризнице (диаконнику) — находятся в алтаре справа от престола.
- ¹⁰⁹ Пандемониум — ад, обиталище демонов.
- ¹¹⁰ Псевдоним публициста, журналиста С.И. Терпигорева (1841–1895); среди прочего, им написана серия очерков «Оскудение» (публиковались в 1880 г. в «Отечественных записках»).
- ¹¹¹ Ледащий — тщедушный, слабый, плохой, негодный.
- ¹¹² Место заседания в протокольной записи не указано.
- ¹¹³ Лайолл Р. Русские нравы и подробная история Москвы. — Лондон, 1823. — 640 с.

ЧАЯНОВ Александр Васильевич (1888–1937)

Ученый-аграрник, экономист, историк, писатель

Родился в Москве, в семье крестьянина, ставшего купцом. В 1911 г. закончил Московский сельскохозяйственный институт. После окончания оставлен в институте для подготовки к профессорскому званию. В 1912 г. командирован в западноевропейские страны. С 1913 г. — приват-доцент, с 1918 г. — профессор Московского сельскохозяйственного института. Преподавал также экономические, педагогические и исторические дисциплины в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, в Московском университете. С 1919 г. — директор НИИ сельскохозяйственной экономики при Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. Разрабатывал теорию трудового крестьянства, сельскохозяйственной кооперации и агрономии. Занимал ответственные руководящие должности: председатель Лынецкого центра (1915 г.), товарищ министра земледелия при Временном правительстве, председатель Совета Сельскохозяйственного союза (1919–1920 гг.), член Коллегии Наркомзема (1921–1922 гг.).

Известен и как писатель, автор нескольких романтических повестей, и как страстный библиофил и коллекционер западноевропейских гравюр, книг, планов, выпустил книгу-путеводитель «Старая западная гравюра», был членом-учредителем Российского общества друзей книги.

Как один из лидеров «Трудовой крестьянской партии» обвинен в контрреволюционной деятельности, в 1931 г. арестован, в 1932 г. сослан в Алма-Ату. Вновь арестован в 1935 г., расстрелян в Алма-Ате в 1937 г. Именем А.В. Чаянова названа улица в Москве.

Известен как москвовед. Участвовал в археологических раскопках в Подмосковье. Принят в члены Комиссии «Старая Москва» на 83-м заседании 19 февраля 1920 г. Изучал топографию и планировку средневековой Москвы, архитектуру Москвы. Сделал на заседаниях 7 докладов (почти все в 1920–1921 гг.): 4 из них посвятил «Опыту построения ситуационного плана Москвы» по разным территориям: в XVII в. — Ч. I. «Китай-город и его Торговые ряды» (91-е засед. 02.12.1920 г.), Ч. II. «Белый город» (92-е засед. 16.12.1920 г.), Ч. III. «Земляной город и Замоскворечье» (93-е засед. 30.12.1920 г.); «Опыт построения ситуационного плана Москвы XV в.» (100-е засед. 29.05.1921 г.). Один доклад был посвящен также близкой теме: «Москва XIII–XIV вв.» (313-е засед. 03.03.1927 г.). Еще дважды выступал с темами: «Об Английском клубе» (114-е засед. 15.12.1921 г.) и «Московские типографии XVIII века» (313-е засед. 03.03.1927 г.).

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СИТУАЦИОННОГО ПЛАНА МОСКВЫ В XVII в. [ЧАСТЬ] I — КИТАЙ-ГОРОД И ЕГО ТОРГОВЫЕ РЯДЫ

доклад на 91-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
2 декабря 1920 г.¹

(К. 1. Д. 7. Л. 24–25об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой, есть пятна. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись сделана Н.Р. Левинсоном.

I — Китай-город и его Торговые ряды²

В начале своего весьма обстоятельного доклада А.В. (Александр Васильевич — *сост.*) указал на насущную потребность в деле изучения Старой Москвы произвести общую сводку имеющихся в значительном количестве материалов и изысканий топографического характера. Однако воссоздать на плане старый город является возможным лишь к периоду XVII-го века, до того времени — от-сутствие достаточно полных сведений не допускает графического изображения.

Для осуществления поставленной задачи чрезвычайно важным материа-лом служат документы того времени, из которых главнейшие:

Перепись моск. дворов (но без Китая-города) 1620 г. — первая из переписей.

Переписная книга Китая-города, по случаю пожара 1626 г.

Разрядный список 1638 г.

Перепись Китай-города 1695 г. и др.

Затем ряд общих планов Москвы с начала XVII в., мелкие планы, опубли-кованные Ламанским³ и Белокуровым⁴ и т.д.

Сличая эти материалы, можно получить общие сведения почти исчерпы-вающего характера. Особенно полно это относится к Китай-городу, описанию которого посвящен настоящий доклад. Легко вполне точно определить течение улиц; позднейшие изменения их ясно обозначаются протоколами переплани-ровок 1626 и 1775 гг., предпринятых после больших пожаров. Чрезвычайно ве-скими являются указания на церкви, почти все оставшиеся на прежних местах. Интересно отметить, что план Мериана⁵ и планы середины XVIII в. совпадают в отношении церквей почти полностью. Исходя из основных пунктов, доклад-чиком составлен ситуационный план, на котором указаны все владения, а раз-рядные списки дают возможность поименного перечисления всего населения и указания даже мест мелкой торговли (так, н[а]пр[имер], по Никольской про-живала знать и крупное боярство, Ильинка была населена чиновным людом помельче и купцами, к Варварке располагались монастырские подворья и т.д.).

Самые Торговые ряды существовали на нынешнем их месте уже в XV в., в конце XVI в. построены каменные ряды, уничтоженные пожаром 1626 г., после чего произведено передвижение рядов отдельных товарных категорий. Первое полное описание всех рядов дают Доимочные книги Земского приказа в 1701 г.

Далее имеются подробные описания 1736 и 1745 гг. В 1799 г., даны даже точные размеры лавок. Последней, до теперешней, постройкою было здание екатерининского времени, к которому в 1818 г. был пристроен ампирный фасад⁶.

По имеющимся данным, пользуясь методом обратного хода от позднейших рядов, сделаны А.В. графические реконструкции ситуации старых рядов, с обозначением всех товарных линий.

Из отдельных частностей можно указать на местонахождение иконной торговли Симона Ушакова на углу Никольской и Ветошного ряда; по Красной площади вдоль рядов и перед Никольскими воротами шли открытые лотки; за стеной (Китай-города — *сост.*), у Воскресенских ворот были размещены харчевни, а на противоположном берегу Неглинной расположились овощные торговцы; извозчики в нач. XVI в. стояли у хр. Василия Блаженного, а позже между церковью «На крови»⁷ и др.

В заключение докладчик указал на некоторые, еще не вполне выясненные им вопросы: где был самопальный ряд? Каково было местоположение Мытного двора в XVI в., позже находившегося в Зарядье по Зачатьевской⁸ улице? Не следует ли полагать, что при екатерининской перестройке подверглись переделке лишь верхние части сооружения, подвалы же и, может быть, часть надземных построек остались древними?

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СИТУАЦИОННОГО ПЛАНА МОСКВЫ XVII в. ЧАСТЬ II — БЕЛЫЙ ГОРОД

*доклад на 92-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
16 декабря 1920 г. (в Историческом музее)*

(К. 1. Д. 7. Л. 27—28; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой. Листы двухсторонние (один в середине порван), с пятнами. Запись сделана Н.Р. Левинсоном.

Построение плана Белого города XVII в. является значительно более трудным, чем это было по отношению к Кремлю и, особенно, к Китай-городу, перетерпевших с течением времени лишь незначительные изменения. Для работы по XVII в. почти непригоден метод наложения планов, так удачно использованный при изучении более поздних периодов: главное затруднение в том, что большинство древних планов построены перспективно. Также труден и прямой анализ их вследствие бедности разъясняющих данных. Прежде всего, надлежало по возможности установить точную последовательность планов Москвы, относимых к XVII в. Планы Герберштейна⁹, Библии 1663 г.¹⁰ и Ис[аака] Массы¹¹ (1606 г. — *сост.*) мало пригодны для изучения по многим неточностям своим.

Рассматривая остальные планы, приходится констатировать, что год издания далеко не есть год составления планов, так: план Мериана 1643 г., по-видимому, относится к XVI в. Сличая различные планы, можно отметить в них объединяющие общие детали и некоторые подробности, допускающие предельную датировку. Одним из таких указателей служит отсутствие или наличие надстройки над Спасскими воротами Кремля (16[24–1625 гг.]), также изменение очертаний Царицына луга¹² и др.

Таким образом, выясняются три группы планов, объединенные общими признаками и, по-видимому, имеющие общий первоисточник.

I серия: пл[ан] Ис. Массы.

II серия: Олеарий¹³, Мейерберг¹⁴, Кириан¹⁵-Стиэм, Мериан, Библия 1663 г. и явные репродукции их.

III серия: Таннер 1663 г.¹⁶

Наиболее относящаяся к настоящему вопросу II серия имеет в своей первооснове, надо полагать, Годуновский чертеж¹⁷; и действительно в 1626 Волконскому и Волкову был дан приказ составить план Москвы «и сделать так, как было при блаж. памяти царе Феодоре Иоанновиче». Также трудно предположить, что для каждого из многочисленных планов делались специальные обмеры и, тем более, представляется невероятным, чтобы этим делом могли заниматься иноземные гости, о чем и никаких упоминаний не сохранилось. Несомненно, составители планов пользовались одним из существующих образцов, прибавляя замеченные ими новшества, привнося свои исправления и давая свою экспликацию.

Однако, как упомянуто выше, прямой и сравнительный анализы планов достаточно достоверного материала не дали.

Докладчиком был применен метод образного хода. На основании документов не топографического характера: строельных книг, церковных документов, актов и пр., был разработан каталог построек XVII в. и проведена дальнейшая работа по определению точного местоположения их.

Уже план Хотева (1852–1853 гг. — *сост.*) позволил определить аж $\frac{1}{2}$ всего числа; по плану Мичурина 1739 г. (в сущности, очень близкого к планам XVII в.), найдена еще $\frac{1}{2}$. Дальнейшие изыскания выяснили дальнейшие $\frac{3}{4}$ общего числа, и в результате несколько сомнительным осталось местоположение некоторых подворий и всего лишь 3-х церквей.

На найденные таким образом пункты надлежало натянуть улицы. Руководствуясь наиболее вероятным Мериановским планом и сличая с мелкими планами, изд[анными] Ламанским и Белокуровым, удалось провести эту работу с большой степенью точности. Проверка по переписи 1626 г. дала очень хорошие результаты.

Таким образом, дана возможность установления идентичности многих церквей, неоднократно менявших свои названия, а также и улиц, из которых большинство мелких были безымянными — адреса определялись по приходам.

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СИТУАЦИОННОГО ПЛАНА г. МОСКВЫ XVII в. ЧАСТЬ III — ЗЕМЛЯНОЙ ГОРОД И ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

доклад на 93-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
30 декабря 1920 г. (в Историческом музее)

(К. 1. Д. 7. Л. 29—30об.; протокольная запись)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой. Листы двухсторонние, есть пятна. Запись сделана Н.Р. Левинсоном.

Докладчик указал, что результаты работы над этой частью плана Москвы далеко не достигли той точности, которою отличаются предыдущие обследования внутренних районов города. Многие детали наметились лишь очень расплывчато, и вследствие этого значительная часть улиц обозначены на конечном плане лишь пунктиром.

Методика работы была та же, что и при изучении Белого города — Строельная книга 1657 г. наметила все церкви, по планам Мичурина (1739 г. — *сост.*), Полежаева (1796 г. — *сост.*)¹⁸ и др. довольно точно определились их местоположения, но для проведения направлений улиц оказалось очень недостаточно данных. Планы Мериана, Блавиана, Ис. Массы и др. дают за стенами Белого города лишь линии основных путей почти без детализации. Пришлось пользоваться, гл[авным] обр[азом], планом Таннера (Nurenberg, 1689), в общем довольно грубым и недостаточным, но содержащим именно по Земляному городу многие подробности. Отдельные участки могли быть изучены при помощи других материалов: н[а]пр[имер], Мейерберг дает достаточно указаний для Таганского района и Замоскворечья.

В результате всех обследований является весьма сомнительным: были ли вообще улицы в Земляном городе (кроме главных дорог); можно с большим основанием предположить, что на картах обозначены границы отдельных слобод, внутреннее расположение которых определенным образом распланировано не было. Ведь в действительности Земляной город и Замосквор[ечье] были местом расселения стрелецких полков, имевших каждый свой участок — приказ. С полками тесно связаны и церкви: «Живонач[альная] Троица, что в Стрелецкой слободе, что в приказе Ив. Зубова»¹⁹, «Благовещенье, что в приказе Пыжова (ныне Никола)». Арбатский район был разбит на несколько приказов, именовавшихся по именам полковников их и др.

Весь облик местности за Белым городом был значительно скромнее центра. Иной была и самая стройка церквей. В то время как в Китай-городе не имелось ни одной деревянной (кроме «на Крови») церкви, в Белом городе их было очень немного (Феодосий на Лубянке²⁰, София, Сергей на Трубе (Сергия Радонежского в Крапивках — *сост.*), Никола в Мыльниках²¹ и неск. др.), — они

преобладали в Замоскворечье (19 дерев[янных] на 11 камен[ных]) и Земл[яном] городе. Этим объясняется также тот факт, что наибольшее количество церквей, воздвигнутых в камне в XVIII в., размещены именно во внешних районах (еще у Мичурина большинство — деревянные), а центр значительно богаче постройками XVII в., возведенными тогда же в камне.

Расселение в Земл. гор. и Замосквор. имело почти сельский характер, тут были большие пустыри, огороды, как бы соединение нескольких деревень, образованных стрельцкими и ремесленными слободами. Общественных построек здесь было немного: Загородный колымажный двор — в конце Остоженки, близ очень древнего Семченского селения; Феодоровский монастырь у Никитских ворот²²; Патриарший загородный двор на Козьем болоте с обширными пастбищами, — здесь церкви Спиридония²³ и Ермолая²⁴, покровителей скотоводства; ц. Рождества в Старых Палачах (Палашах — *сост.*)²⁵; ц. Рожд. Б[ожией] М[атери] в Путинках на старом на Посольском дворе, бывшем здесь до перевода на Ильинку; Патриарш[ий] загородный двор у Мясницких ворот у Харитония²⁶ и др. В Таганной слободе все существенное сохранилось.

Замоскворечье более богато материалами, чем Земл[яной] город. Почти все его церкви в наличности по сию пору. Расшифровка улиц проведена, гл[авным] обр[азом], по Мейербергу; старейшая из них — главная артерия — Ордынка; ясно обозначается и другая большая улица — Пятницкая.

Сведения о местности за Земл. городом уже настолько неполны и беглы, что зафиксировать ее на плане не представляется пока возможным, судя по некоторым старинным картам (И. Массы и др.) в то время застраивались лишь главные подъездные пути к городу. Быть может, дальнейшей работой по Писцовым книгам удастся составить каталог построек и этого района и тогда нанести и их на карту.

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СИТУАЦИОННОГО ПЛАНА МОСКВЫ XV в.

*доклад на 100-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
29 мая 1921 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 1. Д. 8. Л. 17об. — 18; протокольная запись)

Рукописный текст, чернила разных цветов, встречается карандаш, с автографами, с правкой. Листы двухсторонние, разноформатные, есть выцветшие, с пятнами. Запись сделана П. Н. Миллером.

«Года два назад я начал заниматься картографией Москвы, — так начал А. В. (Александр Васильевич — *сост.*), — и в 1920 году я дал почти точный план Москвы XVII века, но всякие бедствия, обрушившиеся на Москву до XVII в.,

делали невозможным иметь точный материал для постройки более ранних планов. Нисколько не претендуя на полноту, пользуясь скудными источниками, бывшими у меня под руками, не имея возможности из-за недостатка времени с желаемой широтой воспользоваться источниками, находящимися в хранилищах, я решил предложить вашему вниманию план Москвы конца XV века перед моментом перестройки кремлевских стен Иваном III-м.

Для этого мною использованы, во-первых, летописи, во-вторых, отдельные документы, княжеские завещания, и предания, заключавшиеся в церковных хрониках.

Методика построения плана та же, обратная, которой я держался и при построении плана XVII века, т.е. мною нанесены сначала точки определенных построек, а потом вычерчен план.

Таких построек в 1493 году мною обнаружено и нанесено на план 18.

Кремль взят топографической единицей и отметок в нем не сделано, затем:

1) церков[ь] Бориса и Глеба на Варварке, ныне Максима (Блаженного — *сост.*), 2) Никола Мокрый²⁷, 3) Зачатия св. Анны в углу — сгорела в 1493 г.²⁸, 4) Никола Большой на Песках, ныне Никольский греч. м-рь²⁹, 5) Троица в Полях³⁰, 6) церков[ь] на месте встречи Владимирской иконы Б[ожией] М[атери]³¹, 7) Введение Златоверхое (1491 г.)³², 8) Иоанна Богослова, сгорела в 1493 г.³³, 9) Гребенская, построена 1472 г.³⁴, 10) Иоанна Предтечи (1337), загородный Государев двор³⁵, 11) Всех святых на Кулишках, 12) Софии на Софийке (ныне ул. Пушечная — *сост.*) — 1480 г., 13) Владимира в Старых садах, 14) Николы в Подкопае — 1493 г., 15) Всех святых (около Похвалы Богородицы) — 1365 г.³⁶, 16) Спаса Преображения на Болвановке 1465, 17) Иоанна Предтечи под Бором и 18) Спаса в Чигасах — 1483 г.³⁷

Около ц. Николы в Подкопае был Конюшенный двор и при нем церк. Фрола и Лавра³⁸.

К этому числу надо прибавить некоторые окраинные монастыри.

Здесь дан перечень только тех построек, на существование которых имеются точные данные.

Естественно, что эти точки были связаны между собою улицами, и кое-какие из них отмечены, как, например: Великая³⁹, Царская, Богоявленская, Кучкино поле, Арбат.

В слободах улиц не было, их заменяли проезды и дороги. Из дорог следует отметить: дорога в Литву — Воздвиженка, Арбат; дорога в Тверь — по теперешней Никитской; на Ярославль; в Рязанские земли через Таганную слободу; в Орду; в Дмитров и через село Семченское или Сенченское на Воробьевы горы.

По этим дорогам и улицам можно построить и поперечные улицы.

Названия церквей «под бором» дают возможность довольно точно наметить лесные пространства, входившие в теперешнюю черту города.

Как видно по планам, наибольшее число отметок приходится на старую Москву, на восток, Занеглименье пусто.

И все же из тех скудных сведений, которые удалось собрать, можно составить понятие о старинной городской московской культуре».

Во время доклада А.В. Чаянов демонстрировал два, составленные им плана Москвы.

МОСКВА XIV ВЕКА

*доклад на 113-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
1 декабря 1921 г. (в Историческом музее)*

(К. 1. Д. 8. Л. 46об.—47; протокольная запись)

Рукописный текст, чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой.
Листы двухсторонние. Запись сделана П.Н. Миллером.

К топографии Москвы XIII в. можно назвать девять пунктов и, т.к. все эти пункты входят и в топографию Москвы XIV в., где насчитывается уже более двадцати названий, то для этого века и составлена предлагаемая карта.

Начертание на плане водной системы г. Москвы взято с Мичуринского плана (1739 г. — *сост.*), где она довольно полно представлена.

Кроме водных путей — Москвы-реки, Яузы, Напрудной⁴⁰, Неглинной и Золотого рожка⁴¹ на план нанесены и исторические дороги, которые можно совершенно точно определить по направлению теперешних улиц, например,

- 1) Ордынка, ведущая в Орду.
- 2) Никитская в Волоколамск и Новгород.
- 3) Остоженка в Смоленск и Литву.
- 4) Сретенка — в Сергиеву Лавру и Владимир и
- 5) через Крутицы к Симонову м[онасты]рю⁴² и дальше.

Вокруг этих дорог, ведущих к Кремлю, изображенному на плане в меньшем, чем теперь, виде, образовывался посад с кольцом монастырей, из которых к тому времени можно отметить следующие:

- 1) Высоко-Петровский
- 2) Рождественский
- 3) Сретенский
- 4) Никольский (Греческий — *сост.*)
- 5) Богоявленский⁴³
- 6) Андроньев⁴⁴
- 7) Симонов
- 8) Данилов

9) Крутицы с старейшей церковью Успения и

10) Зачатьевский, бывший Алексеевский (Алексеевский м[онасты]рь был переведен на место, где ныне храм Христа Спасителя, а на его месте был восстановлен Зачатьевский м[онасты]рь).

Затем могут быть намечены слободы:

1) село Семченское — на Остоженке и

2) слобода Напрудная на Троицкой дороге

Из церквей следует назвать:

1) Всех святых на Валу (в Чертолье)

2) Всех святых на Кулишках

3) Фрола и Лавра в местности близ Хитрова рынка

4) Николы, что в Киевцах⁴⁵ близ Зачатьевского м[онасты]ря

5) Николы в Хамовниках

6) Петра и Павла в Хвостове (на Якиманке)⁴⁶ и

7) Космы и Дамиана в Шубине (близ Тверской).

Еще топографическим указанием к древнему плану Москвы может служить ров, шедший приблизительно по теперешней Китайгородской стене⁴⁷, начатый при Василии Дмитриевиче (1389–1425 гг. — *сост.*), но неоконченный ввиду сильных протестов со стороны поселившихся там обывателей.

Таким образом, как это видно на плане, топографические указания группируются в виде пятиконечной звезды.

Вот канва для более глубокого анализа Мих. Ив. Александровского⁴⁸.

Ко всему сказанному можно было бы назвать предположительно еще несколько мест без точного обозначения их границ, как, напр[имер], луга, леса, болота.

Вероятно, все Замоскворечье представляло из себя луговину с бором, на последнее указывает церковь Иоанна Предтечи, что зовется под Бором, луга, несомненно, были и по Неглинной, т.к. известно, что там было «поле» — место для поединков, немыслимое без чистого лугового места, Васильевский луг XVII века, на месте теперешнего Воспитательного дома, несомненно, существовал луг и в прежние времена.

Леса должны были быть как вокруг Златоустовского м[онасты]ря⁴⁹, церкви Гребенской Бож[ией] Матери, так и у Федоровского м[онасты]ря (по Никитской ул.).

Из болот можно назвать Козье у церкви Ермолая, у церкви Николы Москворецкого⁵⁰ и др.

[О ПОВАРАХ АНГЛИЙСКОГО КЛУБА]

*доклад на 114-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
15 декабря 1921 г. (в Музее старой Москвы, ул. Тверская, д. 59)*

(К. 1. Д. 8. Л. 49об.—52; протокольная запись)

Рукописный текст, чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой.
Листы двухсторонние. Запись сделана П.Н. Миллером.

А.В. Чаянов читает свой доклад, причем им демонстрировалось несколько книг — уставов Английского клуба, брошюр с описанием нескольких торжественных обедов и 2-х книг по поваренному искусству XVIII века.

Своему докладу о поварах Английского клуба проф. Чаянов предпослал общий исторический очерк этого учреждения. Хотя оно прославлено в сочинениях и [А.С.] Пушкина и [А.С.] Грибоедова и Л.[Н.] Толстого, мы мало знаем историю Английского клуба, и о нем нет особой монографии. С тех пор, как докладчик получил некоторые сведения от И.И. Лазаревского и стал собирать относящиеся к делу книги, он потонул в материалах, которые, однако, до сих пор сырые, не обработанные.

История Английского клуба начинается с тех еще пор, когда в нем своих поваров не было, обеденный стол сдавали кондитеру. В 1770 году в марте один англичанин устроил клуб в Петербурге; в 1771 году этот клуб имел уже свой устав, назывался Санкт-Петербургским аглицким собранием, а членов было сначала 250, потом даже 400. Клуб, имевший своим девизом «concordia quotidiano», просуществовал до времен Павла I.

В 1772 году в Москве два француза, Петр Павел Тюнье и Леопольд Галиоти открыли тоже аглицкое собрание. Оно походило больше на вечерний ресторан, однако посещалось, главным образом, верхним слоем московских жителей. Этот клуб был открыт и летом, когда он помещался в Красном селе в доме Сиверса. Плата была по 30 рублей в месяц. Клуб испытывал затруднение, из которого его вывели его завсегдатаи. В 1790-х годах Никифоров, Еропкин, Ян Щерб, Эдуард Латер, Гордон, Вильям Шмидт устроили клуб в доме Яцына, откуда скоро он перешел в дом Ю.В. Долгорукова. К этому времени относится первый известный устав Московского Английского клуба. Число членов доходило до 300 человек, плата была по 25, потом по 15 р. в месяц. Между прочим, в клубе давались балы. Этот первый период клуба продолжался до Павла I, который не терпел вообще остроумия и закрыл и С[анкт]п[етер]бургское аглицкое собрание, и Московский английский клуб.

В 1802 году клуб возродился. Известен обед 12 июля этого года, когда присутствовал 231 член. Первыми старшинами были Н.И. Баранов, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, В.И. Нелидов, Н.Ф. Муравьев, кн. Дм. Евс. Цицианов, В.М. Галлидей, А.Т. Менссендейк. Клуб помещался в доме, где теперь

Ново-Екатерининская больница⁵¹. Пребывание в этом Гагаринском доме было блестящей эпохой Клуба. За это время известны два описания его: 1) Жихарева, который посетил клуб 23 января 1808 года*, 2) Л. Толстого, который во 2 томе «Войны и мира» описал обед, данный Багратиону в Гагаринском доме**. Это был кульминационный пункт блеска жизни Английского клуба. Сюда собирались и, чтобы узнать общественное мнение, и, чтобы поиграть, поспорить, пообедать. Но было место также и страстям и волнениям, напр[имер], когда Сандунов был забаллотирован: его нашли недостойным за его актерское звание. Тогда же и дедушка Крылов здесь читал свои басни, в которых старались видеть политический смысл.

В 1812 году Гагаринский дом погорел. После ухода Наполеона здесь оставались только обгорелые стены. Члены клуба разъехались по разным городам, оставалась едва одна треть. Три члена С.А. Хомяков, А.Н. Еропкин и Е.С. Васильев открыли клуб 1 марта 1813 года в доме Бенкендорфа (ныне дом св[етлейшей] кн. Ливен на Страстном бульваре)⁵², где клуб оставался один год, с этого времени начинается третий период жизни Английского клуба. Он помещался вплоть до 1831 года в доме Муравьева на Большой Дмитровке, где была потом школа колонновожатых (д. 11 — *сост.*), а впоследствии Лицей Цесаревича Николая. С 22 августа 1831 года до 1917 года клуб занимал дом гр. Разумовской на Тверской, здание которого можно приписать строительству Джилярди⁵³.

О том, какова была жизнь Английского клуба, мы узнаем, между прочим, из его Уставов, напр[имер], 1849 года. Любопытен тот §, который допускает гостей иностранных или иногородних, москвичи гостями не могут быть, а выбраны в число членов они могут быть только большинством $\frac{2}{3}$ голосов. По §10 обеды полагаются только по средам и субботам, а ужины ежедневно от 10 до 12½ ч., летом с 11 до 11 ч. ночи. Есть постановления, когда развешивать салфетки, и о том, какие когда вина можно подавать и не подавать. Главный интерес Клуба составляли обед и карточный стол. Какую роль в те времена играл обед, об этом можно судить по библиотеке имения Архангельского. Там книги, главным образом, принадлежат к двум сериям — по французской революции и по поваренному искусству. Из книг по поваренному искусству можно обратить внимание в виде примера на «Русскую поварню» 1816 года, составленную небезызвестным Левшиным. Французская книга из той же области, переводная, больше говорит о винах. 20 страниц подряд посвящены только винам, а 15 — искусству разрезать ростбиф. Понятно, что повара занимали не последнее место в жизни Английского клуба. В [18]30-х годах, напр[имер], медик при клубе получал 500 р., а повар 1400 р.

От старых времен Английского клуба известен повар Самойло Федоров, крепостной кн. Гагарина, перешедший от него к клубу вместе с домом. С 1 марта

* Цит. по: Жихарев. 1. В Английском клубе (1808 г.) // Москва в истории и литературе: Сб. / сост. М. Коваленский. — М., 1916. — С. 191–193.

** Соч. Толстого, т. 2-ой. гл. III и IV.

по 13 октября 1813 года поваром был Н.И. Волков, [нрзб] — цеховой. Он получал 600 р. в год, просил прибавки, его прогнали за такую дерзость поведения. Поваром на 1½ года стал Ларион Афанасьев, крепостной Булгакова. Но были сторонники Волкова, который и вернулся 9 июля 1815 года, с окладом по 700 р., потом по 1000 р. За новые требования прибавки Волков опять изгоняется в 1818 году. Его преемниками члены клуба долго были недовольны, сменились Григорьев, получавший 1500 р., потом Яковлев, потом Алексеев Андрей, наконец, явилось новое светило — Влас Осипов. Ему было поставлено в виду неисправность обмундирования служащих при кухне, напр[имер], недостаток тулупов. Осипов был уволен, на его место поступил Стефан Радионов от кн. Мещерской. Но через два года 47 членов, недовольные кухней Радионова, подали заявление о возвращении Власа Осипова, который и возвратился, но только на 3 дня: 62 члена вспомнили записанную в журнал старшин вину Осипова, сочли недопустимым возвращать такого человека. Но вообще только три имени было знаменитых среди поваров, долго державшихся на своем посту, а среди прочих попадались увольняемые за то, что были горькими пьяницами. Все-таки смена поваров была событиями в жизни тогдашней Москвы: Москва жила обедами. Даже не будучи коллекционером обеденных книг, докладчик имеет все-таки на своих полках 5 описаний обедов, от 1858, 1826, 1852, 1856 и 1877 годов.

Из событий в клубе, не касающихся обедов, можно упомянуть два. Когда баллотировался граф П.С. Толстой, то при 85 избирателях, все шары оказались неизбирательными. Было подано заявление, что случай произошел по ошибке: один из членов (Мироновский) брал у избирателей шары и клал их, по ошибке, не в тот ящик, куда следовало. Была допущена перебаллотировка, белых шаров оказалось 105, черных один.

Другое событие состояло в том, что официант Сигалов нашел письмо, адресованное жандармскому полковнику Бибикову. Старшины решили предложить Бибикову взять письмо или же сжечь письмо. Бибиков не пожелал взять письма, доставляемого не обыкновенным способом, и нераспечатанное письмо было сожжено на свечах.

В клубе велась игра экарте⁵⁴. Старшины обсуждали, не должна ли быть эта игра изгнана из клуба, и вопрос был решен в пользу этой игры. Тогда генерал-губернатор кн. Д.М. Голицын прислал официальное предложение, в котором написал очень длинное нравоучение об азартных играх, причем отнес экарте к азартным, а не к коммерческим играм, и игра была изгнана.

В заключение докладчик указал, что не только стены Английского клуба, но и каждый другой уголок Москвы может иметь обилие материалов по своей истории, в которых можно потонуть, как чувствовал себя потонувшим докладчик в материалах по Английскому клубу. Следует находить биографии отдельных домов, исследователи должны раскрыть историю, создать монографии по многим зданиям, где находится много интересного.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Место заседания в протокольной записи не указано.
- ² Подчеркивания в тексте — авторские.
- ³ Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия / ред. В. Ламанский. — СПб., 1861. — 111 с.
- ⁴ Планы г. Москвы XVII века / изд. Комиссии печатания Государственных грамот и договоров, состоящ. при Моск. Главн. архиве Министерства иностранных дел; [работа исполн. С.А. Белокуровым]. — М., 1898. — 80 с.
- ⁵ План опубликован в 1638 г. в составе книги «Всемирная архонтология», издававшейся с 1628 г. художником, гравером М. Мерианом и его наследниками на основе книги французского историка и географа П. д'Авити в переводе И.Л. Готфрида (См.: *Драницына Е.С.* Планы городов. Москва // Виртуальные выставки РНБ. Россия на картах: из фондов отдела картографии РНБ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://expositions.nlr.ru/ve/RA8139/rossiya-na-kartakh>).
- ⁶ Перестройка осуществлена по проекту арх. О.И. Бове в ходе восстановления Москвы после пожара 1812 г. Комиссией для строений в Москве.
- ⁷ В XVI в. вдоль рва у восточной кремлевской стены на будущ. Красной пл. на месте казней были поставлены деревянные церкви «на крови».
- ⁸ Зачатьевская (Зачатейская, Зачатская) ул. — в Зарядье, параллельная набережной Москвы-реки; название по церкви Зачатия св. Анны что в Углу (XVII–XVIII вв.); меняла названия, последнее — Мокринский пер.; исчез при строительстве гостиницы «Россия» (ныне также снесена) (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 316–317).
- ⁹ Сигизмунд Герберштейн, словенец, посол, был в Москве в 1516–1517, 1525–1526 гг., автор «Записок о московитских делах» с планом Москвы (возможно, составленным по памяти), план опубликован со 2-м изданием «Записок» в 1556 г. в Базеле. Это первый печатный план Москвы.
- ¹⁰ План на фронтисписе Библии царя Алексея Михайловича, изданной в 1663 г.
- ¹¹ Исаак Масса, итальянец, голландский торговый резидент в Москве, был в России в 1601–1609, 1612–1634 гг.; оставил записки: Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России: с прил. портр. Массы, плана Москвы (1606 г.) и дворца Лжедмитрия I. — СПб., 1874. — 362 с.
- ¹² Царицын луг — с конца XVII в. название местности в Замоскворечье, напротив Кремля, где ранее были владения Великой Государыни инокини Марфы, матери царя Михаила Федоровича Романова; совр. Болотная пл. (См.: *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 48).
- ¹³ Адам Олеарий, математик, антикварий, придворный советник герцога Шлезвиг-Гольштинского; был в Москве в 1633–1634, 1635–1636 гг., оставил записки.
- ¹⁴ Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. — М., 1874. — 216 с. По чертежу Москвы А.Мейерберга 1661 г. был издан план (См.: Барон Мейерберг и путешествие его по России... / изд. Ф. Аделунгом. — СПб., 1827).
- ¹⁵ Л. Килиан — гравер, гравировавший составленный Ф. Абелином план Москвы 1610 г. перед походом Сигизмунда III на Москву (традиционно в историографии «Сигизмундов план») (См.: *Клепиков С.А.* Библиография печатных планов города Москвы XVI–XIX веков / под ред. и со вступ. ст. акад. М.Н. Тихомирова. — М., 1956. — 122 с.).
- ¹⁶ Бернгард Леопольд Франциск Таннер, чешский путешественник, был в Москве в 1678–1682 гг., оставил записки: *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. — М., 1891. — 203 с.

- 17 Относительно авторства царевича Ф.Б. Годунова в литературе высказываются разные мнения.
- 18 Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы: С приобщением генерального и частных ее планов / изданием Т. Полежаева. — М., 1796. — 86 с., 20 л.
- 19 Храм не сохранился.
- 20 Храм Феодосия Печерского в Стрелецкой слободе пред Никольскими (Владимирскими) воротами на Лубянке; сломан в 1707 г. (См.: *Скворцов Н.А.* Московская церковная старина. Уничтоженные церкви в местности Сретенского сорока // *Московские церковные ведомости.* — 1897. — №38. — С. 499–504).
- 21 Храм Николая Чудотворца в Мыльниках — на Васильевском луту, у Яузского моста; упразднен и разобран в 1770-е гг.
- 22 Монастырь не сохранился; сохранился храм св. Феодора Студита.
- 23 Храм не сохранился.
- 24 Храм не сохранился.
- 25 Храм не сохранился.
- 26 Храм не сохранился.
- 27 Храм не сохранился; стоял на пересечении ул. М. Лубянки и Фуркасовского (до кон. XVIII в. — Ивановского) пер. (См.: *Романюк С.* Из истории московских переулков. — М., 2000. — С. 230; *Рачинский Я.З.* Полный словарь названий... — С. 552).
- 28 Храм сохранился.
- 29 Монастырь не сохранился, ансамбль утрачен; в сохранившемся здании по ул. Никольской действует городское подворье Заиконоспасского монастыря.
- 30 Храм не сохранился, находящиеся в земле фрагменты музеефицированы как археологический памятник.
- 31 Вероятно, речь идет о церкви прп. Марии Египетской в Сретенском монастыре; у этого храма произошла встреча перенесенной из Владимира Чудотворной Владимирской иконы Божией Матери в 1395 г. (в 1397 г. в память об этом основан Сретенский монастырь); храм не сохранился.
- 32 Храм не сохранился; упразднен и продан на сломку при строительстве Гостиного двора в 1790 г. (См.: *Скворцов Н.А.* Московская церковная старина. Уничтоженные в Московском Китай-городе церкви. — М., 1895. — С. 28–31).
- 33 Иоанна Богослова под Вязом — храм сохранился.
- 34 Храм не сохранился.
- 35 Храм не сохранился.
- 36 Оба храма не сохранились.
- 37 Храм не сохранился.
- 38 Храм Флора и Лавра — предшественник храма Трех Святителей на Кулишках на углу М. Трехсвятительского и Хитровского пер. (М. Трехсвятительский пер., д. 4/6) (См.: *Романюк С.* Из истории московских переулков... — С. 282).
- 39 В Зарядье, шла параллельно берегу Москвы-реки; упоминается с конца XV в., название менялось в XVII в.; последнее название — Мокринский пер. (по церкви Николы Мокрого — не сохранилась); переулок исчез при строительстве гостиницы «Россия» (ныне тоже снесена).
- 40 Напрудная р. — левый приток р. Неглинной; в коллекторе; память сохраняется в названии Напрудного пер. и храма Трифона в Напрудной.
- 41 Золотой Рожок р. — левый приток р. Яузы; в коллекторе; память сохраняется в целом ряде топонимов в восточной части Москвы между Золоторожской наб. и Золоторожским валом.
- 42 Как монастырь не сохранился; утрачена значительная часть ансамбля.
- 43 Как монастырь не сохранился; здесь существует патриаршее подворье.

- 44 Как монастырь не сохранился; здесь существует патриаршее подворье.
- 45 Храм не сохранился.
- 46 Храм не сохранился.
- 47 Китайгородская стена не сохранилась; существуют только два фрагмента.
- 48 См. статью М.И. Александровского «Топография Москвы XIII в. и XIV в.», помещенную в настоящем сборнике.
- 49 Монастырь не сохранился.
- 50 Храм не сохранился.
- 51 Здание бывш. Ново-Екатерининской больницы у Петровских ворот ныне входит в комплекс владений Московской городской думы («Московский парламентский центр»; Страстной б-р, д. 15/29 стр. 1).
- 52 Очевидно, речь идет о двух разных зданиях: дом И.И. Бенкендорфа (Страстной б-р, д. 6 стр. 1) сохранился, реконструирован и надстроен; историческая часть имеет облик архитектуры классицизма. Дом Ливен стоит по ул. Б. Дмитровке (д. 23 стр. 1), построен в начале XX в.
- 53 Ныне — Музей современной истории (ул. Тверская, д. 21 стр. 1); при Л.К. Разумовском, купившем усадьбу, старый дом перестраивался в 1811 г. (предположительно арх. А.А. Менелас), после пожара 1812 г. восстановлен (предположительно арх. Д.И. Жилярди).
- 54 Карточная игра, пришедшая из Франции.

ШЕДЛИНГ Максимилиан Юльевич (1857(?)–?)

*Служащий почтово-телеграфного ведомства,
директор Почтово-телеграфного музея в Петербурге (Петрограде)*

В почтовом ведомстве начал работать с 1874 г., в классном чине — с 1878 г. В 1885 г. издана его книга «История изобретения и развития электрического телеграфа». В 1910–1917 гг. был редактором «Почтово-телеграфного журнала». В 1911 г. стал руководителем Почтово-телеграфного музея в Санкт-Петербурге (создан в 1884 г.). Под его руководством в музее развернулась научная работа, был создан каталог музейных предметов. Руководил музеем до 1924 г., затем продолжил работу в нем как сотрудник (в 1918–1922 гг. музей был переведен в Москву).

В 1914 г. получил чин действительного статского советника, а в начале 1916 г. — должность чиновника особых поручений Главного управления почты.

В 1920-е гг. Шедлингом были написаны и изданы в Москве брошюра «Исторический очерк развития телеграфа» (1921 г.) и книга «Очерки истории мировой почты» (1926 г.).

Шедлинг выступал на заседаниях «Старой Москвы» с двумя докладами: «Москва и московская почта с древнейших времен» (111-е засед. 03.11.1921 г.) и «О версте в Московском государстве» (11(181)-е засед. 15.05.1924 г.).

МОСКВА И МОСКОВСКАЯ ПОЧТА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

*доклад на 111-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
3 ноября 1921 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 52. Д. 2. Л. 1–10об.; архивное дело)

Машинописный текст, слепой, некоторые буквы не пропечатаны, с правкой и пометками карандашом. Листы односторонние и двухсторонние, большеформатные (бланки Наркомата почт и телеграфов). На обложке помечено — «I ч.».

Москва, считавшаяся сердцем России, долгое время своего начального существования занимала далеко не первенствующее, а весьма скромное, второстепенное положение среди русских городов. Относительно возникновения или основания Москвы точных данных не имеется. Существуют лишь различные сказания, из коих наиболее распространенное и вошедшее в историю, то,

по которому некий пустынный Букал поселился на возвышенном берегу реки, там, где теперь стоит Кремль, и на том самом месте, где и поныне находится церковь «Спаса на Бору»¹. Затем тут появился помещик или боярин по имени Кучка, поместья которого были расположены между реками Москвою и Яузою и назывались село Кучково². К сожалению, даты появления Букала и Кучки не установлены; ссылки на то, что здесь уже в IX в. веке могло быть поселение, основанные на найденных в курганах арабских монетах этого времени, не могут служить доказательством, так как монеты и другие найденные предметы могли быть занесены сюда и в позднейших период, тем более что о появлении в этой местности татар в IX веке никаких сведений не имеется. Неизвестно также происхождение слова Москва, и было ли это первоначально название реки, по которому названо и поселение, или же это название было дано одновременно реке и поселению³. Есть предположение, что слова «Москва» является сочетанием двух угро-финских слов: «мос» — темный, грязный, и «ква» — вода, что могло иметь отношение к мутной воде реки или болотистости низин между реками. Первые определенные даты появляются в истории лишь с 1147 года, когда владими́ро-суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий, вотчиною которого, очевидно, была эта местность, пригласил сюда на сильный обед-пир своего союзника и друга северского князя Святослава Ольговича («Приди ко мне, брате, в Москву»). В 1156 году усадьба эта «построилась городом», т.е. была обнесена деревянными стенами и населена отрядом княжеской дружины для защиты Владимирского княжества от западных соседей. В 1213 году была уже сделана попытка братом вел. кн. Юрия Всеволодовича Владимиром основать в Москве особым княжеством, но он был вскоре выселен на княжение в южн. Переяславль. Во время нашествия Батые в 1238 г. Москва была разорена татарами. В городе в то время находился малолетний сын Юрия Владимир с воеводою, что служит доказательством, что в Москве тогда существовал уже особый княжеский стол⁴. Вслед затем М[осква] уже достается как отдельное княжество различным князьям, назначавшимся вел. князем. Александр Невский посадил княжить в М[оскве] своего младшего сына (Даниила Александровича Московского — *сост.*), который прокняжил с 1271 по 1303 г. С этого князя и преемника его Ивана Данилыча, прозванного «Калитой», начинается увеличение Моск. княжества различными приобретениями. Иван Калита, воспользовавшись недовольством Ордою вел. князем Тверским Александром Михайловичем, поехал в Орду и добился там получения великокняжеского стола (1238 г. — *сост.*). С этого времени М[осква] начинает становиться средоточием гражданской и духовной власти, а постепенно и всенародного торгового дела. Из общей истории России мы видим, как постепенно развивалось и крепло Московское государство. Истории всех народов показали, что для управления обширными своими владениями центральная власть нигде не могла обходиться без путей

сообщения для сношения с отдаленными окраинами, а также и с соседними странами. То же самое относится и к Москве.

История почты России, как это удостоверяется не только русскими, но и иностранными писателями, является одною из древнейших в Европе, если не считать, конечно, римскую почту. Так, например, Веридариус в своем сочинении «Всемирная почта» говорит, что через Россию пролегали нередко пути обмена между народами Азии и Западной Европы. Таким образом, Россия еще в Средние века, благодаря своему географическому положению, служила посредницею между европейской культурой и азиатским варварством. Москва нередко лежала на пути между Прибалтийскими странами и югом. Просматривая древние документы времен, относящихся к началу нашествия на Россию татар и к периоду удельных князей, встречаются различные грамоты и другие документы, свидетельствующие о появлении на Руси уже тогда учреждений, по характеру своему представляющих не что иное, как ярко выраженное начало так называемой почтовой гоньбы. Конечно, было бы ложно заключать отсюда, что тогда уже существовало нечто подобное нашей современной организации почты. В большинстве случаев эти учреждения имели временное назначение и не служили в широком смысле для всего общества, но ими пользовались владельческие князья и правители для государственных и отчасти династических целей. Почта же в том смысле, как мы ее ныне понимаем, вырабатывалась лишь постепенно и притом очень медленно, переходя мало-помалу через все стадии развития в соответствии с требованиями времени и культурного роста страны.

Вопрос о возникновении ямской гоньбы, а равно о значении самого слова «ям» рассматривался неоднократно известными историками, но, тем не менее, его происхождение осталось не вполне выясненным. [С.М.] Соловьев в «Истории России с древнейших времен» говорит, что учреждение «ямов», без сомнения, возникло сначала вследствие татарских отношений. Оно могло произойти, как от русского слова «емлю», т.е. «беру», а вернее, от татарского «ям» — дорога, но, во всяком случае, не от межевых ям, как некоторые предполагали. К этому мнению присоединяется и историограф Российской почты И.П. Хрущев («Очерк ямских и почтовых учреждений от древних времен до Екатерины II», изд. 1884 г.)⁵. Он также производит слово «ям» от татарского слова «дзям» — дорога, [нрзб] ям-чи — проводник, путеводитель (по-монгольски «дзям»; звук «дз» при переходе с монгольского на татарский изменяется в «я»). Ям и тамга или тягло были виды устроенной татарами дани и от них же получили свое название. Впервые в историческом документе слово «ям» встречается в ярлыке (грамоте) Кипчакского царя Менгутимура русским митрополитам 1270 г., в котором сказано: «Пожаловали есмя жаловальныя грамоты русским митрополитом и церковным людям тако молвячи: да правым сердцем молят за вас Бога и за ваше племя без печали и благословляют нас — и не надобе им дань, ни тагло, ни поплужное, ни ям, ни подводы, ни воина, ни корм». Другое, своеобразное,

толкование слова «ям» приводит Каразин в своей монографии о русской почте (1907 г.), производя его от имени народа Ями или Еми, обитавшего на севере от Ладожского озера до Двины и Белого озера и называемого летописцами XV столетия заволочью, так как жил этот народ за Волоком. Очень богатый лошадьми, он доставлял их новгородцам и другим соседним странам. В 1398 году новгородцы, выступившие сечью против этих своих данников, передавшихся Московскому вел. князю Василию Дмитриевичу, разбив их, получили в дань 3000 коней. Каразин полагает, что царь Иван Васильевич, вконец покоривший эту область в 1464 г., принимая во внимание способности и привычки заволочан к конной езде, мог учредить из их селений станы по большим дорогам, которые от древнего имени этого народа и названы «ямами», а содержимые на них в готовности лошади — ямскими. Такое толкование слова «Ям» представляется довольно рискованным, но, тем не менее, в историческом исследовании почты его нельзя обойти без внимания.

Название «Почта» возникло в России лишь в XVII столетии при царе Алексее Михайловиче, но гораздо раньше были уже учреждены ямы по некоторым дорогам для содержания на них лошадей и отправления гонцов или курьеров с грамотами или письмами не только внутри государства, но и за границу. По скудости дошедших до нас сведений, частью погибших в разное время от пожаров и разорений, нет возможности с точностью установить, когда именно введены впервые ямы: известно лишь, что до нашествия татар их не было. Письменные сношения между частными людьми происходили очень редко, и, нужно полагать, что по грубости нравов и малой развитости народа в них особой надобности не встречалось. Пользовались чаще случаями, «оказиями». Торговые люди для своих промыслов переезжали значительные расстояния и пользовались для этого по большей части водными путями; в случае недостатка [текст утрачен] нанимали поселян, которые на себе или на скотах своих доставляли товары до ближайшего города или «волока», так назывались промежутки между судоходными реками, и с того времени остались еще поныне наименования «Вышний Волок», «Волок Ламский» (Вышний Волочек, Волоколамск) и др. Таким торговцам частные люди поручали иногда словесные и реже письменные сообщения, куда следовало. Эти первые привозили обыкновенно самые важные вести, как то: о нашествии на соседнюю область неприятеля, плене, опустошении селения и проч. Князья и бояре по надобностям их, большею частью военным, отправляли нарочных гонцов, которые без дальней околичности брали на пути и в селах встречающихся коней, когда их собственные выбивались из сил.

По Карамзину⁶, древнейшая грамота новгородская 1264 г. включает требования, предъявленные князю Ярославу, в которой впервые упоминается о прогонах: «тиунам и дворянам княжеским, объезжающим волости, даются прогоны, как издревле установлено, и только одни ратные гонцы могут в селах

требовать лошадей от купцов». В проездных местах повинность: «давать проезжим корм и подводы по пошлинам, как в старину пошло», упрочивается грамотами. Размер этой натуральной повинности был в обычае «по старине», грамота не приурочивала эту повинность к тем людям, которые снабжены были ею.

Учреждение Яма или Ямского двора было новою экономической или юридической связью сел. Повинность ям была общею, потому что каждый должен был доставлять средства проезжим гонцам, «баскакам», княжьим людям. И вместе с тем это была личная повинность, потому что требовала людей и, наконец, это была повинность натурою давать средства передвижения, корм проезжающим, и дорогу обязаны были содержать в исправности.

Повинность эта состояла в даче под всяких проезжающих по казенным делам подвод в натуре. Соединенная с обязанностью доставлять нужное продовольствие, она лежала на всех посадах, деревнях и волостях, так что во всяком месте, где случалась надобность, она отправляема была местными жителями, лишь бы только проезжий имел на право взимания подвод княжескую грамоту. Известное количество лошадей, подвод, а, может быть, и известный запас корму с известного количества дворов поставлялся на ям через каждые пять дней на шестой. Повинность эта была тяжелая для местностей проездных. Оттуда стремление получить льготу быть избавленным от яма и подвод. И в льготных жалованных грамотах того времени, преимущественно монастырям, главное место принадлежит ямской повинности. Выражение «не надоби ни ям, ни подвода» встречается во многих таких грамотах, начиная с XIV столетия. Распоряжение о яме, ямщиках и гоньбе ямской встречается в акте от 1361 года. Ямская гоньба, судя по этим данным, такая же древняя у нас, как и повинность давать подводы, из которой, естественно, она произошла и с которою первое время и долго еще потом она имела одинаковое свойство. Как повинность давать подводы в военное время, гоньбная повинность первоначально была общею, личною, натуральною. При нужде, по воле князя каждый обязан был по делам князя и управления на своих лошадях доставлять, куда прикажут, все, что ему поручалось — тяжесть и кладь, грамоты и гонцов. Это была государственная служба, которую отправляли все жители в мирное время. Иначе нельзя представить себе происхождение нашей ямской гоньбы.

Впоследствии в актах XIV в. видно уже дальнейшее развитие этой повинности, когда в отдельных княжествах указаны особенные пункты, ямы, вдоль правительственных путей сообщения для усиления и ускорения первоначальной гоньбы. Далее со времени уничтожения уделов и собирания Руси воедино, отдельные ямы отдельных княжеств сливаются в одно общее учреждение Московского княжества и дают возможность установить непрерывное движение по всей сети ямских дорог в России. В этом виде ямская гоньба XIV и последующего веков существенно отличается от гоньбы прошлого времени. Следуя по направлению ямских дорог, естественно, гоньба ямская резко отделяется от

подводной, обнимавшей собою всех и каждого, вообще отделяется от повинности общей, личной и становится повинностью общинной. Только члены общины, прилегавшей к ямской дороге, подвергались повинности возить гонцов от яма до яма; другие жители, члены других общин, удаленных от линии ямского движения, могли долго оставаться свободными от этой обязанности, до тех пор, пока не придумали средства уравнивать эту тягость и сделать ее общею, как это было в старину.

К концу XV века относится первая, дошедшая до нас подорожная, о которой в летописи сказано так: «А се Кулпе дана грамота подорожная: от Великого князя Ивана Васильевича всеа Руси от Москвы по дорозе по нашим землям, по Московской земле и по Тферской земле до Торжку по Ямам Ямщиком, да и в Торжке старостам, а от Торжку по Новгородской земле до Великого Новгорода по Ямам Ямщиком. Также и назад от Новгорода до Москвы. Послал есмы с Юрием с Греком в Немцы Кулпу Оксентьева, и вы бы ему давали по две подводы до подвод от Яму до Яму по сей моей грамоте. Лета девять—десять седьмого» (6997 — 1489).

Далее приводим характерную подорожную 1493 г., выданную на имя пристава Зезевидова, сопровождавшего немчина Снупса: «...От Москвы по дорозе, по нашим землям до Новагорода. Послал есми Сеньку Зезевидова с Немчином Михайлом Снупсом — и вы бы давали Сеньке по две подводы по ямом к Новугороду, да и назад от Новагорода до Москвы, а Михаилу бы есте Немчину давали по две же подводы от яму до яму до Новагорода, а корму бы есте давали на Немчина, на яму, где ему случитца стати, куря, да две части говядины, да две части свинины, да соли и заспы (крупы) и сметаны, и масла, да два калача полуденежные по сей моей грамоте. Лета семь тысяч первого генваря» (Карамзин, VI, прим., 362').

Следует заметить, что подорожные Иоанна III во всех частях удивительно напоминают напечатанную у Матиаса (Т. I, стр. 64) римскую подорожную (дипломата, эвекцио).

Насколько Иоанн III заботился о ямах и подводах, видно из того, что в завещании преемнику своему (1504 г.) он писал: «А сын мой Василий в своем великом княжестве держит ямы и подводы на тех местах по дорогам, где были ямы и подводы на дорогах при мне, а дети мои по своим отчинам держат ямы и подводы».

При царе Василии Ивановиче (великом князе Василии III — *сост.*) ямское учреждение получило уже известное основание, это видно из указа к Смоленскому воеводе о препровождении цесарского посланника в 1517 году. В этом указе сказано: «...А дал бы еси ему лошадей из тех, которые у тебя живут на яму в Смоленске добрых» и т.д. Но при наследнике его Иване IV исправность и скорость ямских почт заслужили уже внимание иностранцев. Барон Герберштейн, посланный императором Максимилианом в 1528 году к царю Василию III,

в путешествии своем, напечатанном в 1557 г.⁸, с удивлением говорит, что курьеры, посланные им зимой, проезжали по 100 миль в 3 дня; вероятно, царские гонцы или вестники, отряжаемые из похода в Москву, скакали еще скорее. Платеж прогонов от частных людей был, как из подлинных ямских разгонных книг, которых позднейшие остатки уцелели еще в разрядном архиве, видно, с 10-ти верст $\frac{3}{10}$ деньги на лошадь, следовательно, сравнив цену тогдашних денег, едва ли не дороже, чем в еще недавнее наше время. Во второй половине XVI столетия из фунта чистого серебра выходило только два рубля с половиной или 500 денег; следовательно, медный рубль нашего (довоенного) времени не составляет и пятнадцатой доли тогдашнего серебряного; умножив $\frac{3}{10}$ на пятнадцать, получаем $\frac{45}{10}$ или $4\frac{1}{2}$ денег с версты на лошадь.

Расстояние от яма до другого было более теперешнего и только в редких случаях — 40 нынешних верст, в некоторых случаях до 100 в[ерст] и более. Нужно еще заметить, что тогдашняя верста имела 700⁹ сажен.

В древней России, с тех пор как Москва сделалась ее средоточием, известны были четыре главные дороги: Новгородская, которая потом через Псков продолжалась до Лифляндской границы, Смоленская — для сношений с Польшей, Сибирская или Казанская и Вологодская, которая шла до Архангельска, но за Вологдою в летнее время она почти пустовала, так как большая часть сообщений происходила водою по Двине. Все эти дороги имели с середины XIV столетия ямы, из коих к каждому приписано было от ста и до трехсот ямщиков, уволенных не только от всяких податей в казну, но и от прочих повинностей, кроме служб посадских. Посадские наряжаемы были в города таможенными, кабацкими и другими подобными приставами, причем каждый город должен был давать своих по очереди. Стрельцы, казаки и других званий люди могли просить о записании их в ямские охотники, причем должны были представить поруки. В указе по этому поводу выражено так: «А о тех ново прибывлых ямских охотниках велеть бы поймать краткие поруки с записмы, что им ямская гоньба гонять с прежними ямскими охотниками вряд, а на кабаке не пробиваться и зерню¹⁰ и карты не играть и никаким воровством не воровать и никуда не збежать и ямской гоньбой жеребьев своих впусте не покинуть, и для той ямской гоньбы лошади держать добрие» (подлинные слова грамоты или указа к Верхотурскому воеводе Стрешневу из Сибирского приказа 1645 г.). Дворы свои они должны были выносить в ямскую слободу, но не были обязаны оставаться навсегда в этом звании. Им давалась пашня и другие угодья и, кроме того, они получали ежегодно под названием подмоги жалованье на пай или на человека по 5 и 7 рублей, с постепенным прибавлением, так что при Алексее Михайловиче они получали уже по 25 рублей в год, обыкновенно на полгода вперед. Есть примеры особого сбора на платеж этого жалованья ямщикам; так в 1698 г. собирали по 10 денег со двора, а с монастырских крестьян и с людей других состояний и больше. Иногда вместо денег присылали ямщикам товар: сукно, кумач и др.;

за это они обязаны были давать без прогонов верховые лошади посылаемым с казенными делами гонцам и едущим по службе чиновникам. На этот предмет в 1627 году было издано особое постановление, по сколько подвод кто имел право брать. По этому указу от 8-го марта полагалось подвод: митрополитам и боярам 20, архиепископам и окольничим — 15, думным дворянам — 12, епископам — 11, думным дьякам, стольнику 1-й статьи кн. Одоевскому и дворянину 1 ст[атьи] Кафтыреву — 10, архимандритам, стольнику 2 ст. кн. Туренину и дворянину 2 ст. кн. А. Долгорукову — 8, ловчему московскому — 7, стольнику 3 ст. Погожеву и двор[янину] 3 ст. кн. И. Козловскому, дьякам из приказов, головам стрелецким, стряпчим 1 ст. — 6, игуменам, стряпчим 2 ст., дворянину 4 ст. Никите Лихареву, тамож[енным] и казац[ким] головам, гостям, дворянину 5 ст. Редракову, жильцам 1 ст., дворянам из городов, сотникам московск., ключникам путным, переводчикам, псовникам — 4, дворянам из городов, чарошникам, стряпчим, векошникам, стремянным конюхам, охотникам, кречетникам, сокольникам, ястребникам, подьячим из приказов добрым, толмачам, головам 2 ст. и торговым людям — 3, жильцам 2 ст., городов[ым] детям боярским, головам стрелецким и казачьим из городов, сытникам и подключникам, конюхам, стряпчим, задворным, псарям конным, трубникам, подьячим 2 ст. — 2, псарям и целовальникам — 1.

Упомянутый уже выше барон Герберштейн говорит о ямах следующее: «Великий князь московский имеет по разным местам своего княжества ямщиков с достаточным количеством лошадей, так что, куда бы ни послал князь своего гонца, везде для него найдутся лошади. Гонец имеет право выбирать коня, который ему покажется лучшим. На каждом яму лошадей меняли; в свежих лошадях не было недостатка. Кто требовал их 10 или 12, тому приводили 40 и 50. Усталых кидали на дороге и заменяли другими, которых брали в первом селе или у проезжающих». На самом же деле мы знаем, что количество лошадей на яме было ограничено далеко не таким числом, какое встретил посол, и можно предположить, что о его проезде было возведено вперед гонцом в селах и ямах. «Всякий, — говорит далее Герберштейн, — имел право ехать с такою скоростью, как хотел. Если же лошадь падала или уставала, то без всякого препятствия мог брать другую из ближайшего дома или даже у встретившегося проезжающего, кроме царских гонцов. Ямщик обыкновенно отыскивал усталых и палых лошадей, сдавал хозяину на место их других или платил по расчету за езду. Часто за 10 или даже 20 верст платили не более 6 денег»¹¹.

Прежде, чем закончить этот первейший период русской почты, остановим еще несколько внимание на приведенной эпохе ямской гоньбы. Выше было сказано, что с XIV века ямская гоньба лежала обязанностью на отдельных общинах, однако положение личной общинной повинности неизбежно было создать неравенство, вызывавшее многочисленные жалобы, а потому перешли постепенно к безличной повинности, которая лежала на всяком городе и селении,

выполнялась выборными от общины отдельными лицами — охотниками. В исполнении такой повинности могли уже участвовать все общины, даже самые отдаленные от ямских дорог и ямов, посылая в эти места своих выборных ямских охотников. Из Новгородской летописи 1572 г. видно, что в то время общины доставляли на ямы и ямские дороги натурою только кормы и содержание, напр[имер], кур, свинину, говядину, и только эта доставка, без сомнения, лежала еще на общинах, близких к дорогам, вероятно, по закону вознаграждения. Гоньба же производилась тогда особыми лицами (ямщиками — ямскими охотниками), выбранными от общин, взамен их натуральной личной повинности. Для раскладки такой общей повинности являются особые чиновники, под названием «ямских стройщиков», которые должны были расписывать села по ямам, т.е. приписывать общину к тому или другому яму, на ту или другую дорогу, с тем, чтобы каждая из общин имела на своем яму своих выборных охотников. Расписание производилось по расчету с каждой сохи¹² по два ямщика.

Любопытная подробность: в случае непредставления какою-либо общиною своих выборных охотников, наряжалась экзекуция; в общину посылались многие пристава на многих подводах с стрельцами из прогонов, для того чтобы править охотников нещадно, и в виде наказания эти пристава брали с виновных несколько десятков подвод с телегами и проводниками, восстанавливая, таким образом, на время древнюю натуральную повинность: за выбранных ямщиков отвечали все крестьяне (Акты юрид. №313, 1613 г.¹³).

Каким образом производились выборы охотников, какие они получали права и какие обязанности принимали, их положение и выгода народа от такой формы ямской повинности — усматривается из приводимых ниже текстов, относящихся сюда актов.

«По государеву цареву и в[еликого] к[нязю] Бориса Феодоровича всяя Руси наказу, Вологодского уезда, Прилуцкого монастыря вотчины крестьяне..., во всех крестьян место (т.е. от имени всех крестьян — *М.Ш.*) выбрали есмя и излюбили Ярофия, Иванова сына Собинина в умершего охотника место, в ямскую слободу по Кирилловской дороге, в охотники: тот, государь наш охотник добрый, семьянистой и статочной и прожиточной, и гонемых у него три мерена есть; и государева ему гоньба гоняти, и государевых, царевых и в[еликого] к[нязю] послов и посланников и гонцов встретить и провожати зимным и летным путем на подводах; и водяным путем в судех; государевых послов и посланников отпускати, и суды, и кормщики, и гребцы держати, и емская стряпня стряпати можно; в том есмы вологодские ямские слободы прикащику Ярофию и выбор дали» (1601 г.). Так община обеспечивала государство в исправном выполнении своей ямской повинности. Далее приводим акт от 1609 г. о поручке ямских охотников, в слободу которых поступал новоизбранный охотник. «Се яз Ананья, Юрьев сын, да яз Фома, Володимеров сын и пр. (всего на этом яму было 15 ямщиков — *М.Ш.*), все мы, охотники московския дороги,

бронницкаго яму, поручилися есмы волосным людем Николо-Вежинского монастыря крестьянам, и т.д., по охотнике — по Матфее, Еремееве сыне Вяжиском, в том житии тому охотнику на московской дороге на бронницком яму в охотниках; живучи, государева, царева и в[еликого] к[нязя] всея Руси гоньба гоняти своею братьею ровно, и государевых послов и т.д. по своей череде — отпущати; а держати ему, по государеву указу на выти (дворе — *М.Ш.*) по три мерина добрых гонных, со всем гонным запасом, с летным и зимным, и никаким воровством не воровати, и зерню не играти, и т.д. и убытка и волокиты волосным людем не учинити. А подмоги (т.е. вознаграждения — *М.Ш.*) ему охотнику дано, на нынешний сто седмой надесят год по Сборное же воскресенье старой годовой подмоге, 10 рублей да десять четьи (четверти — *М.Ш.*) хлеба, ржи и овса пополам, для государевы гонбы и дворового поставленья для гонных лошадей и гоннаго запаса; а вперед давати ему охотнику, на всякой год, по пяти рублей денег, да по пяти коробей хлеба, ржи, овса пополам. И за эту ему подмогу охотнику на броницком яму двор поставити, изба да клеть, да конюшню, да около двора тын (изгородь — *М.Ш.*), и пашня пахати, и в нынешнем году о подмоге не бити челом. — А не учнет тот Охотник Матвей на яму житии, и государевы гоньбы гоняти и т.д. (повторение всех обязанностей охотника — *М.Ш.*) и что в том волосным людем учинится убытка и положить и то все взятии на нас на поручниках, — которой (из — *М.Ш.*) нас поручников в лицах (налицо — *М.Ш.*), — по сей надписи». Мы привели здесь эти акты почти полностью, как наиболее ярко характеризующие взаимные соотношения в то время между ямщиками и обществом, да и вообще показывающие, с какой точностью и осмотрительностью тогда составлялись подобные договоры, где все предусмотрено, все выяснено. И насколько прочны и основательны были эти взаимоотношения, можно судить уже по тому, что несмотря на трудные обязанности охотников и на небольшое сравнительно вознаграждение: десять рублей на первые годы на обзаведение и по пяти рублей впоследствии, и небольшое количество хлеба, в делах не видно нигде жалоб на ямщиков, и в ямские охотники шли, очевидно, охотно. Весьма возможно, что в самом положении ямского охотника было нечто и выгодное, и вместе с тем достойное, лестное, послужившее основанием к образованию целого класса населения ямщиков, процветавшего вплоть до появления и развития железных дорог, да отчасти, местами существующего еще и поныне.

Известно, что вокруг звания ямщика, в Западной Европе постильона, в минувшие века складывались целые повествования и легенды, им посвящались поэтические сочинения, из коих можно было бы составить целые тома и которые отчасти изданы различными собирателями старины. Вообще сам род звания ямщика-постильона делал его всегда очень близким к жизни всех людей, чем и объясняется его общая популярность и покрывающий его ореол внимания и заботливости со стороны окружающих. Конечно, не следует увлекаться и обобщать, безусловно, это опозитизирование на целое сословие, несомненно,

были и здесь свои темные и отрицательные стороны, как мы отчасти увидим еще в последующем, но все же нельзя обойти без внимания и положительные стороны.

Здесь любопытно отметить еще то обстоятельство, что в повторяющемся в приведенных выше актах обязательстве ямщика иметь трех коней: «и гонемых у него три мерина есть», или «держати ему на выти по три мерина добрых гонных», Лешков¹⁴ и другие усматривают происхождение русских троек.

Из актов XVII века видно, что ямщики на Руси были люди свободные, жившие в своих отдельных общинах — слободах — частью хлебопашеством, частью извозом, гоньбою. Это был класс средний между крестьянами, земледельцами и служилыми людьми, и потому пользовавшийся выгодами того и другого положения. При таких условиях устройства ямская гоньба делалась более и более надежным и правильным учреждением. Еще шаг, и в России должна была явиться почта, в смысле западного установления. От выборов в ямские охотники до уничтожения всей натуральной ямской повинности и замены ее денежною был только этот шаг. Вместо того чтобы сами общины избирали охотников и платили им лично, казна скоро нашла и более справедливым, и более выгодным обложить все общины сбором ямских денег и приискивать от себя охотников, под собственным своим надзором. Тем более, что в таком случае казна могла довольствоваться ямщиков своею землею, лежавшею часто пустопорожнею, да и при прежней системе казна не всегда рассматривала ямщиков как наемников общины и часто помогала им льготами (Акт. ист. II, №35, 1600 г.¹⁵).

Перевод ямской повинности из натуральной в денежную совершался постепенно, с начала XVII в., и окончательно состоялся в половине минувшего XIX в. Народ облагается ямскими деньгами, ямщики делаютя некоторого рода служилыми людьми и получают жалование и земли от казны; ямская гоньба есть та же почта, только под старинным именем.

Любопытно в бытовом отношении повеление (июля 1619 г.) произвести дознание по жалобе ямщиков, что они получают вместо 15 р., как прежде, только 7 руб., а гоняют по 6 и 7 дорогам, что лошади их, стоящие 5 р., падают от перегону и дальних расстояний в 300, 400 и 700 верст, что они долгами задолжали, жен и детей прозакладывали, многие разбрелись. В 1621 г. дано им жалованье по 15 руб.

Смутное время произвело всеобщее расстройство государства; но по водворении порядка правительство в своих интересах принимает горячие заботы о восстановлении и даже расширении ямских сношений. Ямское учреждение явным образом крепнет и делается более правильным. обстоятельные сведения приводит Гурлянд¹⁶ о деятельности боярина кн. Сушелева, особенно в Сибири в 1623–1625 гг., отличавшегося чрезвычайной энергией в этом обновлении.

Главные черты ямского устройства в том виде, в каком оно было в первой половине XVII века, заключались в следующем. От Москвы, как от главного

центра страны, во все стороны шли ямские дороги мимо важнейших городов к окраинам государства. По этим дорогам устроены были станции, ямы, снабженные всем необходимым для гоньбы. Расстояние между ямам и первоначально не было точно определено; но с начала XVII в существовала «Поверстная книга», бывшая дополнением к книге «Большого чертежа»¹⁷: она содержала в себе подробное перечисление городов Московского государства с указанием расстояний их от Москвы и друг от друга, а также от Москвы до различных заграничных городов. Поверстная книга была составлена для дьяков и подьячих Ямского приказа, которые руководились сведениями, помещенными в ней, при определении количества прогонных денег, подлежащих выдаче ямщикам.

Возле ямов располагались ямские слободы в расстоянии 30—100 верст друг от друга. Слободы эти заселялись ямскими охотниками и их семьями. Каждая деревня и посад обязаны были поставлять на ям одного охотника с полусохи по собственному своему выбору. Податные лица селений, далеко отстоявших от ямов, вместо натуральной повинности несли денежную, платя так называемую ямщину.

Мы уже раньше говорили о том, какой договор жители заключали со своими выборными охотниками, и как они обеспечивали своим поручительством их исправность перед правительством. Избранные ямщики должны были ехать в Москву для присяги и получения деловых книг. В свободное время ямщики занимались хлебопашеством, торговлей и извозом, посылая за себя, обыкновенно, младших членов семьи или нанятых работников.

В половине XVII века ямские слободы состояли каждая из 30, 40, 100 дворов. О числе охотников на яме до половины XVII века имеется мало сведений. Надзор над ямщиками и их лошадьми на каждом яму имел ямской пристав или приказчик, без согласия которого даже воевода не мог распоряжаться ямскими лошадьми. Письменные дела, в особенности ведение загонных книг (для записи платимых прогонов), лежали на целовальнике или присяжнике (ямской староста). Эти книги представлялись на ревизию в Москву в соответствующую часть. Царским гонцам и всем служащим для получения ямских лошадей выдавались особенные грамоты-подорожные по форме выдававшихся и раньше в отдельных случаях еще при Иване III.

Центральным государственным учреждением для управления ямскими делами был Ямской Приказ. Время учреждения его неизвестно; первое упоминание о Ямском приказе или Ямской избе (как его еще называли) встречается в разрядных книгах под 1516 г. (Карамзин. Т. IX¹⁸. стр. 443—444).

Чем более расширялось и улучшалось ямское учреждение, тем чувствительнее сказывался и его недостаток. А недостаток этот состоял в отсутствии постоянных курсов и в необходимости посылать нарочных гонцов даже для обычных административных распоряжений — как то указов воеводами и т.п. При всем этом необходимо еще иметь в виду, что ямское учреждение все же служило

исключительно правительству, и при развитии администрации и усилении правительственных сношений частным лицам уже не представлялось почти никакой возможности пользоваться ямской гоньбой.

Мысль об устройстве в России правильной почты была высказана при Иване Грозном саксонцем Шлиттом, предполагавшем учредить такую почту от Москвы и до Аугсбурга. Затем в 1630 году было приступлено к установлению при помощи ям правильного почтового курса. Однако эти учреждения оставались лишь то тут, то там производившимися ограниченными опытами организованной связи.

В 1660 г. введено было голландцем Ван Сведеном почтовое сообщение России через Ригу и Вильно с Западной Европой. Главная линия этого сообщения шла от Нижнего Новгорода до Амстердама и, имея свыше 3000 в[ерст] протяжения, была длиннейшим почтовым курсом того времени. Правда, и она носила посольский характер. Ван Сведен содержал своих лошадей и людей и получал за это по 1200 рублей в год, пользуясь доходами. Любопытно, что люди Сведена и свои гонцы, посылаемые по ямам, сталкивались на одном и том же пути.

Важным шагом в деле развития почты было заключение в 1667 г. первого нашего почтового договора с Польшей, включенного в трактат между Россией и Польскими послами 14 декабря того года (пункт 6-й. П.С.З. №420, с. 6¹⁹). По этому трактату положено вместо прежних гонцов установить почту для «ведомости через грамоты, в скорых приключившихся делах государства, и наипаче для приумножения обоим тем государствам (т.е. России и Польше — *М.Ш.*) прибытков». Эта почта должна была еженедельно ходить между Москвою и резиденцией короля, возя с собою, как дела государственные, так и письма торговых и частных лиц, которым по трактату воспрещается пересылать свои письма другим путем, помимо почты.

До сих пор пришлось говорить преимущественно о применении ямской гоньбы только к перевозке людей и, главным образом, царских и княжеских гонцов, людей, облеченных той или иной правительственной властью, а равно иностранных послов; но здесь же видим в первый раз употребление той же гоньбы, форменно выраженное, к пересылке уже писем частных лиц, для которых тогда установилось название «грамотка», в отличие от слова «грамота», обозначавшего переписку государей и знатных бояр.

Далее в договоре говорится о записывании всех таких грамот и грамоток у почтаря и относительно платежа за частную пересылку. Количество этого платежа должно было установить каждое из двух договаривающихся государств, по своему усмотрению.

Основателем и организатором этой почты явился боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин²⁰, приступивший к своей организаторской деятельности в 1666 году, перед заключением им названного Андрусовского мирного договора. В исполнение приведенных распоряжений трактата, русское

правительство приступило к делу, заключив в 1668 году, 21 августа договор с иноземцем Леонтием Марселисом (или Марселиусом), по которому последний принимал на себя устройство почты по означенному тракту при посредстве русских ямщиков с установлением плат за пересылку частных писем по весу их с золотника²¹, и за страх при пересылке денег с обозначением, как должно надписывать на оболочках и т.п. В 1672 году государственная переписка из Москвы отправляется уже правильно по два раза в неделю: по вторникам в Ригу через Новгород и Псков, и по четвергам в Вильно, через Смоленск. В 1670 г. Леонтий Марселис умер, и почта поступила к отцу его, Петру Марселису, который, впрочем, уже и ранее принимал в ней участие. История почт в эпоху Марселисов (1668—1675 гг.) дает уже достаточно материала для выводов о значении первых почт в истории русской культуры. Выводы эти следующие:

1. Московское прав[ительст]во, поняв необходимость устройства правильных почтовых сношений с Западной Европою, по необходимости обратилось к содействию иностранных предпринимателей; но среди московских госуд. деятелей того времени, были такие, которые умели быстро схватить сущность дела и понять, как светлую, так и темную его стороны. Таковым был Ордин-Нащокин, пришедший к мысли, что такое дело, как почта, должно быть организовано возможно шире, но обязательно под контролем прав[ительст]ва.

2. Довольно скоро прав[ительст]во поняло значение почты для культурных сношений. Развивавшийся госуд. механизм требовал большого количества исполнительных органов, и сношения провинциальных органов управления со столичными нуждались в правильной постановке и регулярности.

3. К сожалению, для устройства заграничных сношений исполнителей приходилось искать среди иноземцев, обладавших знанием и капиталом. Такие предприниматели, конечно, избавляли прав[ительст]во от многих забот, хлопот и издержек, но старались из дела по возможности извлекать больше пользы для самих себя. Отсюда почты почти сразу становятся предприятием коммерческим.

4. Это последнее обстоятельство вынуждало прав[ительст]во стремиться скорее избавиться от почтовой монополии предпринимателей. Оно уже не разрешает им открывать новых почт; свои же почты устраивает с помощью чиновников. Хотя первые шаги правит. почты были неудачны, но оно не отказалось делать такие попытки и в будущем, сознавая всю важность почт для госуд. и административн. целей.

5. Но правит. почты не могли обслуживать население, поэтому для последнего были доступны только почты предпринимателей. Коммерческий характер этих почт вредит их культурному значению. Таксировка писем и посылок была чрезвычайно высокая, и это не давало возможности лицам среднего состояния пользоваться услугами этого учреждения.

Климатические условия, слабая населенность страны, отдаленность жилых мест друг от друга, некультурность почтовых гонцов и среды, их окружающей,

очень мешали развитию почтовых сношений; но, в свою очередь, последние должны были послужить важным средством для смягчения именно этих условий жизни русского народа, волею, неволею устанавливая связь между разобщенными местностями. Регулярная перевозка писем, долгое время непонятная для народа и не оцененная им, устанавливала правильные сообщения городов и местностей и этим незаметно оказывала великую услугу истории развития народа.

При Марселисе ямщикам впервые была присвоена форма, что выражено было следующими словами: «те выборные люди, которые гонять станут, одеты будут в наших зеленых суконных кафтанах, и на правой стороне кафтанов будет пришит красного сукна орел, а на левой рожок, чтобы они дорогою были знатны».

В таком положении находилось почтовое дело в Московском государстве накануне вступления России на путь реформ Великого Петра.

От Марселисов почта перешла в ведение Виниусов. Первый Виниус, Андрей Денисович, прибыл в Россию из Голландии в 1648 г. и вскоре стал играть видную роль при Русском правит[ельств]ве, по поручению которого он в 1652 г. ездил в Голландию для покупки разных товаров. Сын его Андрей Андреевич с детского возраста провел в России (род. в 1641 г.) и рано поступил на службу в Посольский Приказ переводчиком голландского языка. В этом звании он в 1672 был послан во Францию, Испанию и Англию с предложением союза против турок. Скорее по возвращении в Россию на А.А. Виниуса возложено было в 1675 г. заведование почтовым делом, во главе которого он стоял затем при четырех правительствах, немного более четверти века (1675—1701 гг.). Во время его управления в истории русских почт происходило много перемен, и новое учреждение принесло много пользы государству. Много было издано указов об ускорении возки почты, и о том, чтобы ямщики ездили сами, а не посылали бы за себя работников. За свою службу Виниус, называвшийся первым русским почтмейстером, получил поместного оклада с придачами 1000 чети денег 120 рублей, это вознаграждение было затем увеличено на 100 четей и 20 рублей. Когда в 1693 г. учреждена была Архангелогородская почта, то управление ею поручено было сыну А[ндрея] А[ндреевича], Матвею, бывшему в чине стольника, а когда в 1695 г. А[ндрей] А[ндреевич] получил чин думного дьяка, и круг его обязанностей расширился, то и Рижская, и Виленская почты также были вверены сыну его Матвею.

Приведем здесь в заключение этого периода еще некоторые сведения о плате за письма, заимствованные из документов времени царей Иоанна и Петра (совместное правление 1682—1696 гг. — *сост.*). Так за письмо из Москвы и из-за границы взималось с грамотки с золотника по 2 алтына, по 4 деньги, с Новгородских в Москву по 8 денег, из Риги в Псков с золотника по 2 алтына. С золотых ефимок²², пересылаемых, через почту, брали с каждого ста по 3 ефимка. Половина денег тому, кто будет занят отпуском и приемом грамоток, за работу, другая половина еженедельно доставлялась Марселису (Хрущ. Стр. 17²³).

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Храм не сохранился.
- ² Существуют и другие распространенные легенды о первоначальном происхождении Москвы, как существует и научная литература, посвященная этому вопросу.
- ³ Название городу дано по названию реки.
- ⁴ В современной историографии началом самостоятельного московского княжения считается время правления кн. Даниила Александровича Московского, сына Александра Невского — 1263–1303 гг., а фактически самостоятельно начал править с 1272 г. (после смерти тверского князя, бывшего опекуном Даниила по его малолетству).
- ⁵ *Хрущов И. П.* Очерк ямских и почтовых учреждений от древних времен до царствования Екатерины II. — СПб., 1884. — 87 с.
- ⁶ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. — СПб., 1819. — Т. 4. — С. 95.
- ⁷ Там же. — Т. 6. — С. 83 (Примечания; №362).
- ⁸ Записки о Московии барона Герберштейна. — СПб., 1866. — 230, XIV с.
- ⁹ Сверху карандашом проставлена цифра 1000.
- ¹⁰ Азартная игра в кости.
- ¹¹ Записки о Московии барона Герберштейна... — С. 87.
- ¹² Соха — единица податного обложения на Руси вплоть до XVII в.
- ¹³ Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства. — СПб., 1838. — №313. — С. 333–335.
- ¹⁴ *Лешков В. Н.* Исторический очерк русского законодательства о путях сообщения и ямской гоньбе и почтах. — М., [1852]. — 36 с.
- ¹⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. — Т. 2: 1598–1613. — СПб., 1841. — №35. — С. 33–35.
- ¹⁶ *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. — Ярославль, 1900. — 339 с.
- ¹⁷ Книга Большому чертежу (1699 г., 124 л.) — роспись карты территории Московского государства по Старому чертежу Московского государства и Большому Чертежу Московского государства (местонахождение обоих с конца XVII в. неизвестно), выполнена А. Мезенцевым.
- ¹⁸ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. — Т. 9. — СПб., 1821.
- ¹⁹ ПСЗ. — Собр. 1-е. — М., 1830. — Т. 1. — №420. — С. 732–733.
- ²⁰ А. Л. Ордин-Нащокин (1605–1680), боярин, государственный деятель, дипломат, возглавлял приказы: Посольский, Малороссийский, Новгородской чети, Галицкой чети, Владимирской чети и др.
- ²¹ Единица измерения массы, равная 4,266 г.
- ²² Ефимок — русск. обозначение западноевропейской серебряной монеты талера (иоахимсталера).
- ²³ *Хрущов И. П.* Очерк ямских и почтовых учреждений... — С. 17.

ИСТОРИЯ И ПАМЯТНИКИ СТАРОЙ МОСКВЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ

Сигизмундов план Москвы. 1610 г.

План Москвы «Кремленград»
(первая половина XVII в.; в более позднем переиздании)

А.М. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите. 1921 г.

А.М. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрие Донском. 1922 г.

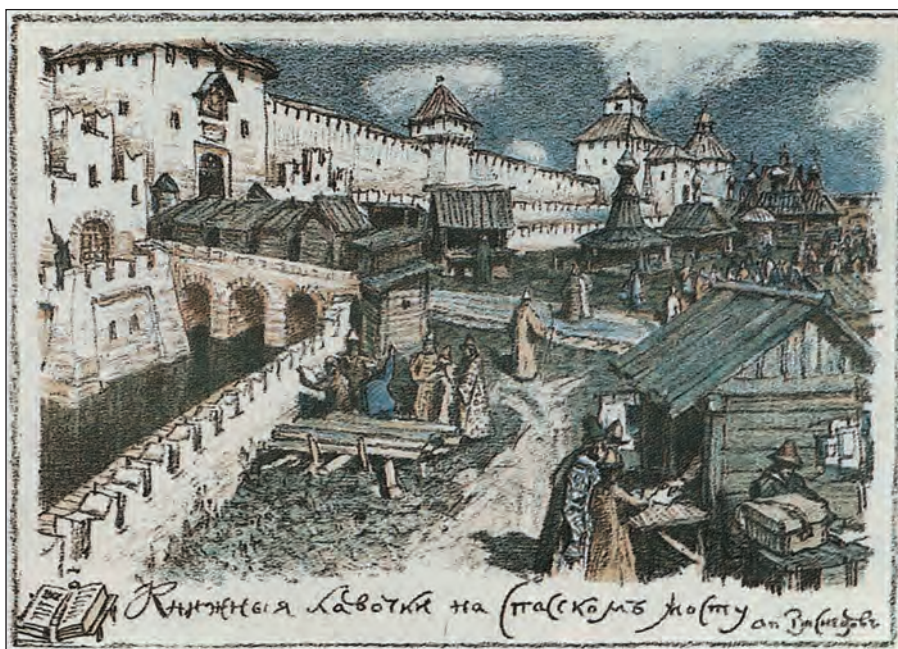
А.М. Васнецов. Пушечно-Литейный двор на реке Неглинной в XVII в. 1918 г.

А.М. Васнецов. Воскресенский мост в XVII веке. 1921 г.

А.М. Васнецов. Спасские Водяные ворота Китай-города в XVII в. 1922 г.

А.М. Васнецов. Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке. 1922 г.

Ф.Я. Алексеев. Вид в Кремле на Боровицкие ворота, Конюшенный двор и церковь Рождества Иоанна Предтечи. 1800-е гг.

Ф.Я. Алексеев. Вид храма Василия Блаженного от Москворецкой улицы. 1800-е гг.

Ж. Делабарт. Вид Старой [Красной] площади в Москве и старых Торговых рядов. Гравюра, 1800 г.

Г. Лори с оригинала Ж. Делабарта. Вид Подновинского предместья в Москве. Акватина, раскрашенная акварелью, 1800-е гг.

**М.Н. Воробьев. Вид Манежа, Кутафьей башни
и церкви Николы в Сапожках. 1817 г.**

**Вид Большого театра. Литография Ж.-Б. Арну по рисунку И. Вивьена, XIX в.
(Из книги: *Московская панорама. Книга-фотоальбом: В 2 т. —*
*Т. II. — Изд. 2-е, доп., испр. — М., 2014)***

С.И. Светославский. Москворецкий мост. 1878 г.

В.К. Коленда. Вид в Обжорке
(бывшие ряды против Александровского сада). 1921 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

КРАТКИЕ ПРОТОКОЛЬНЫЕ ЗАПИСИ ДОКЛАДОВ

АЛЕКСАНДРОВ Николай Артамонович

Биографических сведений о нем не выявлено.

Избран в состав Комиссии «Старая Москва» на 16-м заседании 5 декабря 1911 г. На 118-м заседании 16 февраля 1912 г. сделал доклад «О гуляниях под Новинским в 20–30-е гг. XVIII в.». Других сведений о работе в «Старой Москве» не обнаружено.

НАРОДНОЕ ГУЛЯНИЕ ПОД НОВИНСКИМ В ДВАДЦАТЫХ–ТРИДЦАТЫХ ГОДАХ ПРОШЛОГО XVIII СТОЛЕТИЯ¹

*доклад на 18-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
16 февраля 1912 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 28об.—29)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, есть пятна. Запись очень краткая, сделана И. С. Беляевым.

Н. А. Александровым² был прочитан доклад, касающийся народного гуляния под Новинским³ в двадцатых–тридцатых годах прошлого XVIII столетия, на основании документов, хранящихся в Москов. губернском архиве старых дел. Докладчиком, к сожалению, был прочитан только экстракт из приготовленного им реферата, так как последний перед заседанием в дороге был у него украден. Особенно интересным демонстрировался докладчиком план Новинскому гулянию на Святой неделе в 1822 г. План представляет длинейший свиток, в несколько аршин, на котором нанесены в одну линию здания довольно красивого стиля, предположенные к возведению на гулянье. На плане надпись: «Прожектировал и устраивал кварталный надзиратель, тит[улярный] сов[етник] Николай Ешевский». Докладчик, между прочим, сообщил, что на гулянье московская полиция имела свою особую палатку для продажи народу вина.

БАЛИЦКИЙ Григорий Васильевич (1880–1938)

Издатель, историк, публицист

Из дворян. Родился в д. Клементьево Зарайского уезда Рязанской губ. В 1930-е гг. заведовал отделом Графического бюро Гослестехиздата. В 1938 г. арестован и расстрелян.

Г.В. Балицкий — автор (под псевдонимом Г. Василич) ряда книг по истории России первой половины XIX в., в частности, о восстании декабристов: «Междоусобица и восстание 1825 г.» (Ч. I—II. М., 1907–1908), «Император Александр I и старец Федор Кузьмич» (М., 1910). Активно занимался изучением истории Москвы, участвовал в выпуске 12-томного издания «Москва в ее прошлом и настоящем», для 11-го тома написал очерк «Москва в 1850–1910 гг.» (М., 1912); для 12-го тома — очерк «Улицы и люди современной Москвы» (М., 1912).

Избран в члены Комиссии «Старая Москва» на 9-м заседании 4 января 1911 г. Входил в состав образованной в марте 1911 г. Комиссии по изданию печатного органа «Старой Москвы», пожертвовал средства на это издание. На 17-м заседании 14 января 1912 г. сделал доклад «О плане Москвы 1800 г. с описанием столицы и уездов». 18 декабря 1924 г. участвовал в прениях.

О ПЛАНЕ МОСКВЫ 1800 г. С ОПИСАНИЕМ, КАК СТОЛИЦЫ, ТАК И УЕЗДОВ

доклад на 17-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы

14 января 1912 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)

(К. 1. Д. 3. Л. 26об.—27)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, со вставками. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

Гр. Вас. Балицким был прочитан доклад о плане Москвы 1800 г. с описанием, как столицы, так и уездов. Подлинный план и описание хранятся в С.-Петербурге в Военно-топографическом депо Главного Штаба. Докладчиком демонстрировались изготовленные им копии плана, фотографические снимки уездных городов Московской губернии и чрезвычайно интересная графическая «Краткая табель Москов. губернии с городами и уездами».

В 1800 г. в Москве значилось 253 церкви каменных, церквей при обывательских домах: каменных 25, деревянных 12, соборов 9, монастырей мужских и женских 24, казенных зданий: каменных 5 и в числе последних «внутри земляного Камер-коллежского вала» указан (кроме Головинского⁴ и Лефортовского⁵) «дворец слободской⁶, в котором Его Императорское Величество со Всевысочайшею фамилиею изволил иметь пребывание». Домов обывательских: деревянных 6605, каменных 1802, или последних на все количество (8407) приходилось менее одной четвертой части; аптек, из коих одна главная Казенная, каменных 14. Лавок: каменных 4929, деревянных 1777 — здесь, наоборот,

число каменных лавок чуть не втрое превышает деревянные; конечно, хранить товар в каменных было безопаснее. Гербергов⁷ каменных 9, деревянный 1, фряжских погребов каменных 176, деревянных 3; питейных домов каменных 78, деревянных 87, трактиров съестных каменных 33; харчевен каменных и деревянных 162, цырулен каменных и деревянных 86, богаделен: каменных 11, деревянных 6; кузниц каменных и деревянных 189; бань каменных 3, деревянных 55. Застав каменных 17. Кладбищ: российских 8, старообрядческих 2, разных наций 3. Мельниц мучных деревянных водяных 3, ветряная деревянная 1. Заводов: каменных 157, деревянных 131, итого 288. Фабрик: каменных 115, деревянных 129, итого 244. Всего фабрик и заводов в Москве в 1800 году было 532. Жителей указано: мужчин 94 661, женщин 52 380, итого 147 041 человек, в том числе дворян 12 477, духовных 3 848, купцов 6 279, мещан 8 688, цеховых и временно приписанных к цеху 52 737, иностранцев 3 159, людей, приписанных к домам и монастырям, 46 327, ямщиков — мужчин 1 052, женщин 661 и разночинцев 2 817. Площадь города Москвы в 1800 г. указывалась: заселенная в 6 292 десятины 478 сажень и незаселенная 2 875 д[есятин] 975 с[ажень]. Всего 9 167 десят. 1 453 саж. Москва тогда разделялась на 20 частей, из которых ныне не существуют уже: Новинская, Таганская и Покровская.

ГОЛОВИН С.С.⁸ (? — ?)

Член-корреспондент МАО

Биографических сведений о нем не выявлено.

В члены Комиссии «Старая Москва» принят еще до революции. Упомянут среди выступавших на заседаниях не менее 4-х раз в период с 1915 по 1920 г.: с докладом «О доме XVII в. в Царицынском переулке на Пречистенке» (63-е засед. 28.10.1916 г.) и трижды — в прениях по докладам, связанным с историей улиц и домов старой Москвы.

О ДОМЕ XVII в. В ЦАРИЦЫНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ, НА ПРЕЧИСТЕНКЕ

*сообщение на 63-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
28 октября 1916 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 114)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, есть пятна. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

Второе сообщение принадлежало члену Комиссии проф. С.С. Головину о доме XVII в. в Царицынском (ныне Чертольском — *сост.*) переулке, на

Пречистенке⁹, с демонстрацией исполненных им видов, как самого дома, так и отдельных частей его, пожертвованных им в Музей Комиссии Старой Москвы. Во вступлении докладчик сказал, что Москва, кроме Кремля и Китай-города, вообще бедна обывательскими памятниками, домами XVII столетия, не так как за границей, где и не в центрах городов сохранились здания древнейших построек. В Царицынский переулок, грязным желтоватым квадратом выступает на красную линию тротуара двухэтажный каменный старый дом, примыкающий к церкви Спаса на Божedomке и находящийся в конце сада владения Московского дворянства, выходящего на Пречистенку и пожертвованного последнему недавно г. Селезевым¹⁰. Вход к этому старому дому идет также со двора бывшего Селезнева, огороженного по Царицынскому переулку деревянным забором. Нижний, или первый этаж старого здания представляет одну почти квадратную комнату, около 4 сажен с массивным сводом-потолком, имеет одну входную дверь и 2 окна на дворе современного стиля, выстроенные в позднейшее время. Сбоку в том же нижнем этаже идет спуск с подвалами в подклете, имеющий по стенам 2 ниши старой формы.

В настоящее время в первом этаже происходит стирка белья от приюта, помещающегося в доме, пожертвованном г. Селезевым дворянству. Сбоку, за входом в подвале высится старая, уже местами разрушившаяся, каменная лестница с тамбурным сверху деревянным крыльцом. Второй этаж представляет точно такого же размера, как и нижний, квадратную комнату, полом служит верх каменного свода первого этажа, в ней 2 узких, наподобие ниш окна, со вставными внутри железными в виде ершей полосами, внизу над каменным полом две небольшие полукрытые ниши. Во втором этаже печи нет, а в первом имеется современная русская печь. Все здание запущено и требует значительного ремонта, почему С.С. Головиным высказано пожелание позаботиться о его судьбе и просить Московское дворянство, не найдет ли оно возможным его исправить и устроить какое-либо культурное учреждение, хотя бы музей.

ДУДАРЕВА Валентина Александровна (1880–1964)

Историк, журналист, искусствовед, член-корреспондент МАО

Окончила московскую гимназию, Строгановское художественно-промышленное училище, Московский филологический институт. Писала статьи по истории культуры, о памятниках старины и искусства в различные журналы. В 1919–1920 гг. работала в Румянцевском музее, впоследствии — сотрудник отдела тканей Государственного Исторического музея.

Небольшой личный фонд, преимущественно с материалами 1920–1930-х гг., хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 493).

Избрана в члены «Старой Москвы» на 54-м заседании 6 ноября 1915 г. Активно участвовала в заседаниях «Старой Москвы» в период с 1915 по 1922 г. Четырежды делала доклады и сообщения: «О подмосковной князей Волконских в с. Суханово» (60-е засед. 22.03.1916 г.), «О необходимости сохранения беседок конца XVIII в. на Девичьем поле» (70-е засед. 21.04.1918 г.), «Уходящая Москва» (73-е засед. 04.05.1919 г.), «О Меншиковой башне» (87-е засед. 24.06.1920 г.), а также не менее 8 раз выступала в прениях (1919 г. — четырежды; 1920 г. — дважды; 1921 г. — один раз, 1922 г. — трижды), главным образом, по докладам на историко-церковные темы.

ПОДМОСКОВНАЯ КНЯЗЕЙ ВОЛКОНСКИХ — СЕЛО СУХАНОВО

*доклад на 60-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
22 марта 1916 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 1. Д. 3. Л. 106—106об.)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, есть пятна. Запись краткая, сделана И. С. Беляевым.

Членом Комиссии В. А. Дударевой был сделан доклад о подмосковной князей Волконских села Суханова, остававшейся неизвестной до самого последнего времени. Независимо от значения этой подмосковной, как памятника художественного и бытового, связанного здесь с пребыванием известного фельдмаршала князя Петра Михайловича Волконского (1776—1852 — *сост.*), одни даже реликвии императора Александра I придают особый интерес. Докладчица познакомила вкратце с книжкой о Суханове г. Иваска¹¹, дополнив ее новыми материалами.

Первое упоминание о Суханове, еще деревне дворцовой Ермолинской волости, относится к 1680 г. по межевой книге. Для составления своей книжки г. Иваск пользовался делами в Архиве М[инистерства] ю[стиции]¹², но совсем не тронул архива Моск. дух[овной] консистории¹³ об истории церквей, старейшая из которых в с. Суханове, Богородице-Рождественская, выстроена в 1767 г. не А. П. Мельгуновым, как предполагает г. Иваск, а секунд-майором А. Г. Гурьевым, владельцем Суханова в 1761—1769 гг. Теплый же придел Тихвинской Б[ожией] М[атери] воздвигнут в 1790 г. сыном Мельгунова В. А.

Из двух документов, найденных докладчицей в архиве Саратов. архивной комиссии, видно, что этот Мельгунов состоял под опекой дяди по матери, фельдмаршала Салтыкова, а последний выдал доверенность на всю недвижимость Мельгунова, зятю его кн. Дм. Петр. Волконскому, мужу родной сестры Мельгунова.

Богородице-Рождественская церковь Суханова подвергалась разграблению французов в 1812 г. Дом помещичий остался невредим, но обстановка так же, вероятно, была разграблена, как и вся утварь. Колокольня при этой церкви была построена в 1854 г. кн. Дм. Петр. Волконским, по проекту домашн. архитектора Як. Ив. Реймерса¹⁴, как равно этому же князю принадлежит и мысль об устройстве 2-й церкви, имеющей быть и родовой усыпальницей, но смерть помешала ему, и церковь была воздвигнута его вдовою княг[иней] Ек. Алексе-

евн[ой] Волконской, в 1814 г. Строителя ее — архитектора, в памятной доске о закладке не указано, но по чертежам, найденным у наследников Жилярди¹⁵, можно предполагать его участие в проекте церкви. Единственное изменение после ее построения было — новые царские ворота, сооруженные уже фельдмаршалом кн. Петр. Мих. Волконским в 1840 г., по поводу чего в консисторском архиве имеется переписка князя с митрополитом Московским Филаретом. Далее докладчицею было сообщено описание предметов старины, сохранившихся в обеих церквях, а также дома и его достопримечательностей — комнат и в них отдельных вещей, с демонстрированием многочисленных фотографических снимков, исполненных самою В.А. Дударевою.

ЗЕНБИЦКИЙ Петр Николаевич (?)¹⁶ (1875–?)

Архивист, член-сотрудник Историко-родословного общества

Биографических сведений почти нет. Родился в 1875 г. в г. Белом Смоленской губ. в купеческой семье. Служил ст. делопроизводителем в Московском архиве Министрства юстиции. Избран в члены Комиссии «Старая Москва» на 17-м заседании 14 января 1912 г. Выступал с докладами: «О плане дома канцлера А.П. Бестужева-Рюмина в Москве в Немецкой слободе на берегу Яузы» (22-е засед. 10.05.1912 г.), «О пожаре в Москве под Новинским в 1736 г.» (25-е засед. 07.12.1912 г.), «О пожаре в Московском Кремле в 1633 г. и его виновнике» (40-е засед. 25.02.1914 г.). Тексты двух последних докладов опубликованы в 1914 г. во 2-м выпуске сборника «Старая Москва». Не менее двух раз выступал в прениях и с информационным сообщением (21-е засед. 19.04.1912 г.; 39-е засед. 07.02.1914 г.).

ПЛАН ДОМА КАНЦЛЕРА гр. А. П. БЕСТУЖЕВА- РЮМИНА В МОСКВЕ В НЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЕ, НА БЕРЕГУ РЕКИ ЯУЗЫ

*доклад на 22-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
10 мая 1912 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 37–37об.)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, есть пятна. Запись сделана И.С. Беляевым.

Член Комиссии П.Н. Зенбицкий прочел доклад о плане дома канцлера гр. А.П. Бестужева-Рюмина в Москве в Немецкой слободе, на берегу реки Яузы. План, сделанный от руки и иллюминированный (раскрашенный — *сост.*),

хранится в библиотеке Москов. архива Мин[истерства] юстиции. К сожалению, некоторые надписи экспликации плана от времени стерлись, в том числе и фамилии составителей, которые можно лишь восстановить предположительно, как «кн. Дмитрий» (Ухтомский), «Иван Мич» (урин), «Василей» (Баженов). Даты на плане нет, но докладчик на основании его заголовка, что план дома «бывшаго канцлера», основательно относит составление его после 27 февраля 1758 г. — начала опалы Бестужева, или же после его смерти 1766 г., тогда как Пыляев в «Старой Москве»¹⁷ подводит постройку дома к 1753 г.

В экспликации даются следующие подробности: дом каменный двухэтажный, выходивший одним фасадом на улицу Коровий брод (ныне ул. 2-я Бауманская — *сост.*), а другим в обширный сад, спускавшийся к Яузе. Комнат в доме в обоих этажах насчитывалось около 50-ти, и расположение их в этажах было почти одинаковое.

Главная лестница в 2 марша выходила в сторону сада, а от нее к выходу на улицу шел большой с колоннами вестибюль. К корпусу с правой и левой стороны примыкали постройки, названные «гротами» и «залами». За гротами с той и другой стороны перпендикулярно шли два деревянных двухэтажных корпуса, названных «служебным с погребями», и «оранжерейным».

Деревянная двухэтажная терраса опоясывала дом и все службы со стороны сада. В последнем, ближе к р. Яузе, находилась оранжерея, где указаны «деревья цветами», еще ближе к Яузе намечено помещение для машины, «коя подымала воду».

Рядом с домом Бестужева на плане обозначен «Лефортов дом», или дворец, а напротив через улицу — «двор Правительствующего Сената», где при Петре I было построено особое здание под это высшее учреждение¹⁸. Дом гр. А.П. Бестужева-Рюмина у его наследников был куплен императрицею Екатериною II, по-видимому, желавшей следовать примеру своей предшественницы и подарившей купленный дом также своему канцлеру кн. Александру Андреевичу Безбородко. Последний за высокую цену подарок продал Павлу Петровичу (Павлу I — *сост.*), приступившему к перестройкам и назвавшему его «Слободским дворцом». В настоящее время на этом месте Императорское техническое училище.

П.Н. Зенбицкий демонстрировал перед собранием и самый план дома Бестужева-Рюмина.

КУЗНЕЦОВ Иоанн Иоаннович (1863–1923)

Протоиерей, церковный историк, член МАО

Родился в г. Верее Московской губ. в семье купца 2-й гильдии И.Ф. Кузнецова. Окончил Донское духовное училище в Москве (1876 г.), Вифанскую духовную академию (1886 г.); канд. богословия. Священник в Московском уезде: в 1887 г. в храме с. Белый Раст, в 1887–1891 гг. — в Троицкой церкви в с. Голенищеве; с 1891 г. до начала 1920-х гг. — священник (с 1904 г. протоиерей) в соборе Василия Блаженного.

В 1907—1909 гг. учился в Московском археологическом институте, удостоен звания ученого археолога. После октября 1917 г. активно участвовал в работе Комиссии по охране памятников искусства и старины при Моссовете и Музейного отдела Наркомпроса РСФСР по охране и реставрации Покровского собора.

Дважды арестовывался: в октябре 1919 г. и в апреле 1922 г. В последние годы жизни бедствовал. В августе 1921 г. был награжден митрой. Скончался 5 апреля 1923 г., место погребения забыто. Государственный Исторический музей раз в 2 года проводит чтения памяти И.И. Кузнецова (с 2019 г.).

Автор работ: «Московский Покровский и св. блаженного Василия, что на Рву, собор. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради Юродивые, московские чудотворцы, в сем соборе почивающие. Спасские ворота. Лобное место» (1895. 110 с.), «Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [Юродивые], московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование)» (1910 г.), «Покровский (Василия Блаженного) собор в Москве. Очерк монументальной истории собора» (1919 г.; опубликована в 2022 г.), ряда статей о московских святынях и подвижниках в «Трудах Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии».

Член Совета Общества любителей духовного просвещения. Выступал в Обществе истории и древностей Российских. Член-корреспондент МАО (1896 г.).

И.И. Кузнецов избран в члены «Старой Москвы» в начале 1916 г. Выступил на заседании 12 февраля 1916 г. с сообщением о находке в 1737 г. на ул. Варварке «мертвой головы». На 147-м заседании (12.04.1923 г.) было сообщено о кончине И.И. Кузнецова; на 148-м заседании (26.04.1923 г.) член «Старой Москвы» диакон Н.П. Виноградов выступил с воспоминаниями о нем и его вкладе в изучение Москвы.

[ОБ АРХИВНОМ ДЕЛЕ О НАЙДЕННОЙ НА ВАРВАРКЕ МЕРТВОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГОЛОВЕ]

*сообщение на 58-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
12 февраля 1916 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 102—102об.)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, есть пятна. Запись сделана И.С. Беляевым.

В одном из архивов, по-видимому, — Министерства юстиции, было найдено дело, из которого видно, что летом 13 июля 1737 г. на Варварке у двора компанейщика Андрея Семенова была обнаружена человеческая голова, оказавшаяся распиленной надвое, на одной половинке проверчена, а на другой 9 зубов. Нерусскими литерами чернилами были сделаны написания: на небе — 2 слова, на носу с двух сторон — 2, на скулах — 2, в глазах — 1, на носу — 2, на лбу — 1; да внутри в той же половине против носа — 2 слова, в середине близ гортани — 2, а всего 19 слов.

О голове из Сенатской канторы было доложено главнокомандующему в Москве графу Семену Андреевичу Салтыкову и решено было потребовать от Московской славяно-греко-латинской академии¹⁹ ученого человека, которому, показав означенные на голове литеры, велеть истолковать. Ректор Академии Спасского (Зайконоспасского — *сост.*) училищного монастыря архимандрит Стефан по требованию Московской канцелярии Синодального Правления

лишь через полтора месяца, 22 августа, командировал учителя академии Тарасия Посникова, который произвел осмотр головы и объявил, что литеры на ней назначены латинские: на небе по два «L» и «M», в носу с двух сторон — две «N», на скулах два «G», на обоих глазах — два «H», на носу два «K», на лбу два «A», внутри против носа — два «C», в середине близ гортани — два «E», под носом — два «J», да посреди верхней половинки «E».

Посников в заключение прибавил: «А в какой силе оные литеры на голове написаны, того он истолковать не может, по нем, то принадлежит до медицинской науки». Докладчик думает, что голова была случайно выброшена на улицу после занятий какого-нибудь врача.

ПЕТУХОВ С.Н.²⁰ (? — ?)

Биографических сведений о С.Н. Петухове выявить не удалось.

Избран в члены Комиссии «Старая Москва» на 4-м заседании 24 февраля 1910 г. Исполнял обязанности секретаря Комиссии в летние месяцы 1912 г. (составленные им 2 протокола не сохранились).

Среди выступавших на заседаниях «Старой Москвы» упоминается всего 5 раз, из них лишь 1 раз с докладом «О московских старых городских рядах, выстроенных архитектором О.И. Бове, и жизни в них в 1860 г.» (23-е засед. 04.10.1912 г.). Остальные выступления в 1913–1914 гг. имели информационный характер: о необходимости начать собирать Музей Старой Москвы, о возможности занятия под Музей Старой Москвы двухэтажного дома близ храма Христа Спасителя (завещанного Бурьшкиным городу); об осмотре старинного дома княгини Ливен на Покровке. После 1914 г. информации о его выступлениях на заседаниях в протоколах не обнаружено.

О МОСКОВСКИХ СТАРЫХ ГОРОДСКИХ РЯДАХ В 1860 ГОДУ, ВЫСТРОЕННЫХ НЕКОГДА АРХИТЕКТОРОМ БОВЕ

*доклад на 23-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
4 октября 1912 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 1. Д. 3. Л. 38об.—39)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

С.Н. Петуховым был прочитан доклад о Московских старых городских рядах в 1860 году, выстроенных некогда архитектором Бове²¹. Пятью горизонтальными проходами, тянувшимися по всему зданию от Никольской к Ильинской

улицам, здание было разделено на пять рядов: Ножевой с магазинами модной галантереи: Смирнова, Галафтьева и других; узенький, торговавший музыкальными инструментами; Обойно-Нитяной, Серебряно-Иконный и, наконец, Ветошный; в последнем продавались сукно, шерстяные материи и полотна.

Три вертикальных прохода, выходявших на Красную площадь к памятнику Минину и Пожарскому²², перерезывали здание поперек, образуя, в свою очередь, ряды: Крашенинный, Золотокружевной.

Торговля в рядах начиналась в 8 ч. утра и продолжалась до вечера. Приказчики, а иногда и сами хозяева выходили из рядов на улицу зазывать публику, обращаясь с такими словами: «Прошу покорно зайти, сударыня, у нас найдете все товары!». В полдень приходили в ряды торговцы съестными припасами, с ветчиной, рыбой и икрой, самый лучший сорт паюсной икры, называвшейся «конторской», продавался по 60 коп. за фунт. Более бедному люду предлагалось особое горячее кушанье — печенка под соусом; ее из горшков вылавливали особой лучинкой; пять кусочков печенки, насаженной на лучинку, продавали по одной копейке.

По окончании торговли, когда магазины совсем запирались, в рядах вдоль линий на длинных веревках бегали злые собаки, принадлежавшие хозяевам лавок; на день они убирались вниз, в подвал. С.Н. Петуховым демонстрировалась фотография старых городских рядов незадолго до их сломки.

ПУШКИН Борис Сергеевич (1879–1939)

Архивист, церковный историк, член МАО

Родился в Москве. Окончил Московскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, в которой и преподавал. Около 25 лет служил архивариусом в московских архивах. Член Генеалогического общества; принимал участие в деятельности Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, в трудах которой опубликовал работу о Спиридоновской на Козьем болоте церкви (1904 г.). Автор книги «Краткий указатель Патриаршей ризницы в Москве, с описанием церкви Двенадцати апостолов, апостола Филиппа, Мироварной палаты...» (4-е издание — 1907 г.).

После революции работал в Центральном архиве. Продолжая заниматься историей московских храмов, целенаправленно изучал архивные материалы о декабристах. В декабре 1933 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Казахстан.

Похоронен на Даниловском кладбище, место могилы утрачено.

Б.С. Пушкин — один из самых активных сотрудников «Старой Москвы». Избран в члены Комиссии на 3-м заседании 3 февраля 1910 г. Многократно выступал на заседаниях с докладами, сообщениями, в прениях. С отдельными докладами выступал 4 раза:

«О топографии местности Б. Никитской улицы и Воздвиженки по плану конца XVII в.» (опубликован в сборнике «Старая Москва» (Вып. 2. М., 1914)) (8-е засед. 05.12.1910 г.); «О переписке между Главноначальствующим Кремлевскою экспедицией Валуевым и Главнокомандующим Москвы графом Салтыковым об исправлении провала в Кремлевской стене» (14-е засед. 04.04.1911 г.); «О колокольне Симонова монастыря» (132-е засед. 24.08.1922 г.); «О связи декабристов с Москвой» (257-е засед. 27.12.1925 г.).

С 1911 по 1929 г. не менее 33 раз (!) выступил по разным вопросам, преимущественно, по истории московских храмов, по результатам их осмотров, с заявлениями о необходимости фиксации и охраны церковных зданий, исторических некрополей, надгробий. С 1925 г. был руководителем Кладбищенской комиссии «Старой Москвы», с 1927 г. — членом Комитета по охране могил выдающихся деятелей на кладбищах Москвы. Последнее его выступление на 444-м заседании «Старой Москвы» 19 сентября 1929 г. касалось старинного надгробия у Николо-Греческого монастыря на Никольской.

О ПОСТРОЕНИИ КОЛОКОЛЬНИ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

*доклад на 132-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
24 августа 1922 г. (в Доме МАО на Берсеневке)*

(К. 1. Д. 9. Л. 52об.—53об.)

Рукописный текст, черные чернила, встречается карандаш, с автографами, с правкой. Листы двухсторонние, ветхие. Запись краткая, сделана М.И. Александровским.

Б.С. Пушкин прочел свой доклад о построении нынешней колокольни Симонова монастыря²³. 31 марта 1831 года купец 3-й гильдии Иван Игнатьев сын Игнатьев подал прошение обер-прокурору Синода, в котором выражал желание построить в Симонове колокольню с храмом во имя Иоанна, Павла и Александра Константинопольских, ассигновав на это 100 000 р. деньгами и оставляя по завещанию несколько своих торговых лавок, причем, просил доложить об этом государю. Очень скоро после подачи прошения Игнатьев умер. Настоятелем монастыря был с 1821 по 1850 год энергичный Мельхиседек, который и вел дело о построении колокольни во всех инстанциях.

Проект был составлен архитектором [Е.Д.] Тюриным. Предполагалась многоярусная ампирная колокольня, чертежи которой сохранились в архиве монастыря и были представлены на настоящем заседании. Николай I не утвердил проекта, постройку велел поручить К.А. Тону, который и выстроил настоящую колокольню высотой в 42¾ саж. в течение времени с 19 декабря 1834 по 27 августа 1844 года. Древняя колокольня стояла у северной стены Успенской церкви²⁴, затемняла ее и производила сырость, была ветха и развалилась в 1836 году. Она была шатровая, имела три яруса, и в них — 4 престола, была сложена из 20-фунтовых кирпичей, имела, кроме железных, также сосновые связи.

Закладка новой колокольни была 28 апреля 1835 года. В фундамент были положены некоторые могильные плиты, между прочими, Головиных. Мельхиседек, подслуживаясь двору, в закладной доске, текст которой, отпечатанный

на особом листе, был прочитан на заседании, в противность воле жертвователя, назвал церковь во имя Иоанна Цареградского и Александра Невского.

В 1828 году в строящейся колокольне, во II этаже обнаружались некоторые трещины, обеспокоившие многих и бывшие причиной большой переписки, но оказавшиеся неопасными. При постройке были и другие неудачи, имевшие следствием увечья рабочих и два смертных случая, а именно были неудачи при поднятии креста, при поднятии яблока, которое под крестом, и при постройке галереи II этажа. Был случай, когда расселась западная дверь в церковь.

Для колокольной церкви уже давно имелся иконостас и древнее паникадило из Сергиевской церкви. Освящение произошло 27 августа 1844 года. Мельхиседек был главным деятелем по постройке. Он очень был одушевлен желанием благосостояния своему монастырю, в честь которого сложил особое стихотворение, прочитанное на заседании.

В монастыре было нечто вроде оппозиции архимандриту в лице инока Павла, в свое время ставшего самого настоятелем монастыря; Павел вел летопись, в которую заносил неодобрительные замечания, напр[имер], по поводу переименования церкви и излишней поспешности, бывшей причиной смерти двух работников.

Доклад Б.С. Пушкина составлен на основании найденных им документов, которые полностью читались на заседании.

СТОРОЖЕВ Василий Николаевич (1866–1924)

Археограф, архивист, историк, публицист, педагог, член МАО

Из мещан. Окончил в 1884 г. 3-ю Московскую гимназию, в 1888 г. — историко-филологический факультет Московского университета. В 1888–1895 гг. работал в Московском архиве Министерства юстиции, где подготовил и издал несколько сборников документов и исследований по истории русской провинции, дворянства: «Указная книга поместного приказа» (М., 1889), «Материалы для истории русского дворянства» (Т. 1–2. М., 1891–1908), «Дозорная книга города Твери. 1616» (Тверь, 1890), «Тверское дворянство XVII века» (Тверь, 1891–1895), «Писцовые книги Рязанского края» (Т. I. Вып. 1–3. Рязань, 1898–1907), «Состав рязанского дворянства по десятиям XVII в.» (Рязань, 1891), «Московское управление в Вильне XVII в.» (М., 1894), «Засечные книги как историко-географический и археологический источник» и др.

В 1895–1917 гг. служил секретарем финансовой комиссии Московской городской думы, преподавал в Коммерческом училище К.К. Мазинга, на Московских высших женских курсах и др. Публиковал критические статьи в различных журналах, являлся одним из авторов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона».

С 1918 г. — член Коллегии Главного управления архивным делом, зам. заведующего управлением, руководитель его научно-издательской комиссии. Публиковал документы в московских газетах. Общее число его историко-литературных трудов превышает 350.

В 1922 г. из-за ухудшения здоровья сосредоточился на преподавательской работе (в 1-м Московском университете), издал книгу «Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам)» (150 с.).

Похоронен на Новодевичьем кладбище. Некролог опубликован в газете «Правда» (19.06.1924 г.).

Активно участвовал в научно-общественных организациях: в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, в Московском педагогическом обществе, в Комиссии по устройству в Москве публичных народных чтений.

В.Н. Сторожев избран в состав Комиссии по изучению старой Москвы на 54-м заседании 6 ноября 1915 г. Тогда же выступил с сообщением об обнаруженном им в архиве Московского купеческого общества документе, касающемся Охотного ряда и Монетного двора. На 56-м заседании 11 января 1916 г. сделал сообщение о прижизненном памятнике московскому генерал-губернатору Д.В. Голицыну, сооруженном московским купечеством в 1834 г.

На заседании 22 марта 1916 г. внес предложение завести в Комиссии особый журнал для записи результатов осмотров памятников старины.

На 186-м заседании «Старой Москвы» 19 июня 1924 г. было объявлено о кончине Сторожева.

[ОБ ОБНАРУЖЕННОМ В АРХИВЕ ДОКУМЕНТЕ КОНЦА XVIII ВЕКА ОБ ОХОТНОМ РЯДЕ И В НЕМ МОНЕТНОМ ДВОРЕ]

*сообщение на 54-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
6 ноября 1915 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 95)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные. Запись очень краткая, сделана И.С. Беляевым.

В.Н. Сторожев познакомил собрание с встреченным им документом в архиве Московского купеческого общества, касающимся в конце XVIII ст. Охотного ряда и в нем Монетного двора²⁵, с планом 1775 года этой местности.

Московский обер-полицеймейстер генерал Коверин²⁶ в рапорте главнокомандующему в Москве графу Салтыкову²⁷ доносил, что в существующем у Охотного ряда Монетном дворе чеканки денег не производится, существует лишь пробирное мастерство, а для торговли здесь бывает стеснение, почему Коверин и полагает Монетный двор для его устройства отдать какому-нибудь знатному лицу. Салтыков 14 мая 1798 г. докладывает дело государю Павлу Петровичу, который указом 20 мая, т.е. менее чем через неделю, повелевает Монетный двор отдать обер-полицеймейстеру Коверину с тем, чтобы он для пробирного мастерства отдал двор свой за Москвою-рекою (под пробирное мастерство) и чтобы вместо деревянных лавок были устроены каменные.

ТРУТОВСКИЙ Владимир Константинович (1862–1932)

*Музейный деятель, нумизмат, востоковед, педагог, общественный деятель,
действительный статский советник, камергер Высочайшего двора,
секретарь МАО*

Родился в Санкт-Петербурге в семье известного художника, академика живописи К.А. Трутовского, детство провел в семейном имении в Курской губ. В 1885 г. окончил специальный класс Лазаревского института восточных языков. В 1886–1887 гг. прослушал курсы в Учебном отделении Азиатского департамента МИД и в Санкт-Петербургском Археологическом институте. Работал в 1887–1898 гг. делопроизводителем и смотрителем в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, в 1898–1924 гг. — хранитель Московской Оружейной палаты и ее филиала «Дома бояр Романовых». Один из основателей в 1907 г. Императорского Московского археологического института имени Николая II, где до 1922 г. читал лекции по нумизматике.

Активно участвовал в работе научных обществ. С 1885 г. — член МАО (с 1888 г. — секретарь), член-учредитель Московского историко-родословного общества (1905 г.), председатель Московского нумизматического общества (1889–1898 гг. и 1904–1919 гг.), пожертвовал ему свою коллекцию монет; председатель Московского общества любителей книжных знаков, собрал коллекцию экслибрисов (около 6 тыс. экз.).

В 1914–1917 гг. принял для хранения в Оружейной палате ценности Эрмитажа. В советский период работал в Московской комиссии по охране памятников искусства и старины, был сотрудником Музейного отдела Наркомпроса РСФСР. В 1922–1931 гг. — профессор археологического отделения 1-го Московского университета, в 1921–1924 гг. — проректор Института востоковедения.

Похоронен на Дорогомиловском кладбище в Москве, могила не сохранилась.

Автор трудов по нумизматике, генеалогии, истории искусств, одного из первых русских учебников по нумизматике. Соавтор (с Ю.В. Арсеньевым) путеводителя по Оружейной палате (М., 1911). К юбилею МАО (1915 г.) издан составленный В.К. Трутовским «Список изданий Императорского Московского археологического общества за 50 лет его деятельности, с указанием их содержания. 1864–1915».

Член-учредитель Комиссии по изучению старой Москвы, активно участвовал в работе в первые годы. На 13-м заседании в 1911 г. читал доклад «О происхождении слова “Арбат”» (опубликован в сборнике «Старая Москва» — Вып. 1. М., 1912). В 1911–1912 гг. в «Старой Москве» был председателем Комиссии по изданию печатного органа. В 1912 г. трижды выступал на заседаниях: по вопросам учреждения библиотеки по истории Москвы в память И.Е. Забелина; об отводе Сухаревой башни под Музей Старой Москвы; о желании МАО присоединить Музей Старой Москвы к будущему городскому музею. В 1916 г. на 59-м заседании выступал с сообщением «О Забелинской библиотеке в Москве». В 1913–1916 гг. четыре раза участвовал в прениях по докладом.

После 1917 г. почти не принимал участия в работе «Старой Москвы»: в 1921 г. дважды выступал в прениях, в том числе на юбилейном 100-м заседании. 26 декабря 1929 г. также на юбилейном заседании, посвященном 20-летию «Старой Москвы», присутствовал как член-учредитель Комиссии.

[О ЗАБЕЛИНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ В МОСКВЕ]

*сообщение на 59-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
4 марта 1916 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 105об.)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, есть пятна. Запись очень краткая, сделана И. С. Беляевым.

Сообщение было сделано членом-учредителем Комиссии В. К. Трутовским о Забелинской библиотеке в Москве²⁸. Помещение для нее отведено в Городской управе близ Статистического отделения. Общее число в ней 5 923 тома, из которых большинство составляет часть изданий Думы по разным рубрикам, часть по хозяйственным.

В 1914 г. было 648 посещений и выдано 1693 книги. Ассигновано на покупку: книг — 600 р., планов — 300 р. и на служителей — 420 р. Библиотека уже успела пополниться портретами прежних московских голов: [А. А.] Куманина — в 1812 г. (1811–1813 гг. — *сост.*), [П. Д.] Шелапутина — также в 1812 г. (1812–1813 гг. — *сост.*), [М. И.] Титова — в 1814–1818 (1819 — *сост.*) гг., второго Куманина (К. А. Куманин, 1824–1828 гг. — *сост.*), [К. К.] Шапошникова (1841–1843 гг. — *сост.*), Е. [Ф.] Гучкова (1858–1859 гг. — *сост.*), [М. Л.] Королева (1861–1863 гг. — *сост.*) и [К. А.] Кирьякова (1849 г. — *сост.*).

УВАРОВА Прасковья Сергеевна (1840–1924)

*Графиня, археолог, коллекционер, почетный член Российской Академии наук
(1894 г.), председатель МАО, создатель и председатель «Старой Москвы»*

Родилась в семье Сергея Александровича и Прасковьи Борисовны (урожд. княжна Святополк-Четвертинская) Щербатовых в с. Бобрики Лебедянского уезда Харьковской губ. В середине 1850-х гг. семья переехала в Москву. П. С. Уварова получила прекрасное домашнее образование. В 1859 г. вышла замуж за археолога, одного из основателей Петербургского археолого-нумизматического общества и одного из учредителей Русского археологического общества в Санкт-Петербурге, в будущем основателя МАО графа А. С. Уварова (1824–1884). После путешествия в Западную Европу с 1864 г. чета проживала в особняке в Леонтьевском пер. близ Тверской. П. С. Уварова активно участвовала в культурных начинаниях мужа — помогала в деятельности МАО (официально членом не являлась), в организации Археологических съездов, в формировании музейных коллекций в имениях: подмосковном Поречье (Можайский уезд), в Карачарове (близ Муромы во Владимирской губ.). После кончины А. С. Уварова

стала его преемницей на посту председателя МАО (с 30 апреля 1885 г. до 1917 г.). Благодаря личным качествам, энергии, умению увлечь специалистов, любви к отечественной старине, разносторонним знаниям П.С. Уварова сумела превратить МАО в одно из самых авторитетных и деятельных научных обществ России. При ней были созданы комиссии МАО, в том числе по «Изучению старой Москвы» (1909 г.); основаны отделения на Кавказе, расширился круг печатных изданий МАО, проведены общероссийские Археологические съезды (с 7-го по 15-й). Огромны заслуги Уваровой и под ее началом Общества в разработке законодательства по охране культурного наследия, музейного дела, изучения местного края (краеведения). Является автором более 200 печатных работ; проф. Дерптского, Харьковского, Казанского университетов, Петербургского Археологического института.

Осенью 1917 г. уехала с семьей на юг России (Ессентуки, Майкоп) и потом эмигрировала в Сербию, где и скончалась в Добрне близ г. Целио. Могила ее находится на русском кладбище в г. Белграде. В эмиграции Уварова начала писать воспоминания, рукопись опубликована в 2005 г.

По инициативе П.С. Уваровой 14 декабря 1909 г. была учреждена в структуре МАО Комиссия по изучению старой Москвы; до 1917 г., до отъезда из Москвы, была ее председателем (почти 9 лет). За это время Комиссия собиралась на заседания 67 раз, из них 61 заседание состоялось в доме Уваровой в Леонтьевском пер. (под ее председательством — 47); прозвучало около 80 докладов.

Сама П.С. Уварова часто выступала с сообщениями, информацией в основном по вопросам сохранения памятников старины, а также активно принимала участие в прениях. В 1910 г. председательствовала на 7 заседаниях, выступала дважды (12 апреля и 13 мая). По поводу создания при комиссии Музея старой Москвы выступала 4 января 1911 г.; по вопросу сохранения первоначального облика Иверской часовни, о сохранении исторического некрополя Москвы, о путях развития Комиссии — 13 марта 1912 г.; регулярно выступала по вопросам поиска помещений для Музея Комиссии, его комплектования (12 ноября 1913 г., 26 марта 1914 г. и др.).

Активно выступала в прениях (в протоколах тексты выступлений в прениях не зафиксированы): в 1912 г. — 4 раза, в 1913 г. — 6 раз, в 1914 г. — 2 раза, в 1915 г. — 2 раза, в 1916 г. — 8 раз.

Последний раз председательствовала на заседании в своем доме в Леонтьевском пер. 31 января 1917 г., выступила в прениях по докладу И.Ф. Огнева «Воспоминания о проф. Московского университета А.П. Богданове» и вспоминала о роли графа А.С. Уварова в работе Этнографической выставки в Манеже в 1877 г. Больше в 1917 г. Комиссия не заседала, а в октябре П.С. Уварова покинула Москву.

Члены «Старой Москвы» неоднократно с благодарностью вспоминали вклад Прасковьи Сергеевны в основание и развитие Комиссии: узнав о кончине Уваровой, председатель «Старой Москвы» П.Н. Миллер рассказал, как начиналась Комиссия, и назвал П.С. Уварову «всегдашней вдохновительницей и председательницей» «Старой Москвы», добавив что «на всех заседаниях Прасковья Сергеевна выступала с замечательными добавлениями, критикой доложенного и создавала особую струю интереса и деловитости самих заседаний»; на юбилейном заседании 27 декабря 1924 г. И.П. Машков предложил организовать особое заседание «Старой Москвы», посвященное памяти Прасковьи Сергеевны. К сожалению, оно так и не состоялось.

[ПО ПОВОДУ ГАЗЕТНЫХ ИЗВЕСТИЙ О ПЕРЕСТРОЙКЕ И УВЕЛИЧЕНИИ ИВЕРСКОЙ ЧАСОВНИ]

*сообщение на 19-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
13 марта 1912 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 30)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, со вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, есть пятна. Запись очень краткая, сделана И. С. Беляевым.

В начале заседания гр. П. С. Уварова сообщила о своем посещении Ее Высочества Великой княгини Елизаветы Феодоровны по поводу появившихся в газетах известий о перестройке и увеличении Иверской часовни²⁹. Великая княгиня ответила, что она консерваторка по убеждениям и стояла бы за оставление в прежнем виде часовни, в которой пролито столько молитвенных слез.

Графиня Прасковья Сергеевна сообщила также Комиссии собственноручное письмо на ее имя обер-прокурора Свят. Синода В. К. Саблера следующего содержания: «Тревога, вызванная слухами о перестройке Иверской часовни, как изволите усмотреть из прилагаемой справки, представляется несколько преждевременною. Окончательному разрешению этого вопроса, во всяком случае, предшествовали бы переписка и сношение с учреждениями, охраняющими памятники церковного зодчества прежних времен. Ныне же, ввиду усмотренных на месте технических затруднений к производству каких-либо строительных работ, и самый вопрос о перестройке часовни не признано возможным возбуждать. 27 февраля 1912».

ХРЕПТОВИЧ-БУТЕНЕВ Константин Аполлинариевич (1848–1933)

Граф, моряк, общественный деятель

Родился в Риме, в семье видного дипломата. Образование получил за границей. На русском флоте дослужился до звания капитан-лейтенанта. В 1875 г. уволен со службы и стал активно заниматься научно-общественной работой. Был председателем Совета Московского художественного общества, активным членом других общественных организаций. В начале Первой мировой войны вывез из своего имения Щорсы Гродненской губ. богатейшую библиотеку на временное хранение в библиотеку Киевского университета им. св. Владимира.

После 1917 г. эмигрировал во Францию, в г. Кламаре. Был дважды женат, имел 9 детей, из которых самым известным стал сын Аполлинарий Константинович (1879—1948) — дипломат, эмигрировавший во Францию, где принял активное участие в жизни русской эмиграции.

Умер в г. Кламаре (Франция), где и похоронен.

Был одним из учредителей Комиссии «Старая Москва», присутствовал на 1-м заседании 14 декабря 1909 г. На 9-м заседании 4 января 1911 г. был избран товарищем председателя «Старой Москвы». На 16-м заседании 5 декабря 1911 г. отказался от обязанностей товарища председателя в связи с отъездом из Москвы.

В 1913—1916 гг. сделал 4 доклада на темы, связанные с работами итальянских мастеров в Москве XV—XVI вв.: «О строителе московского Успенского собора Аристотеле Фиораванти» (34-е засед. 22.11.1913 г.), «О серебряных монетах, чеканенных в России Аристотелем Фиораванти» (45-е засед. 16.10.1914 г.), «Латинская надпись на Спасской башне и ее творец Петр Антонио Солари» (48-е засед. 27.01.1915 г.), «Еще несколько мыслей об Аристотеле Фиораванти и некоторых других итальянских зодчих, работавших в XV и XVI веках в Москве» (61-е засед. 30.04.1916 г.).

Пять раз выступал в прениях (1911—1916 гг.).

Доклад 1913 г. опубликован в сборнике «Старая Москва» (Вып. 2. М., 1914).

О СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТАХ, ЧЕКАНЕННЫХ В РОССИИ АРИСТОТЕЛЕМ ФИОРАВАНТИ

*сообщение на 45-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
16 октября 1914 г. (в доме П. С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 74—74об.)

Рукописный текст, черные чернила, есть карандашная вставка, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разлинованные, есть пятна. Запись краткая, сделана И. С. Беляевым.

Разобрав все прежние труды по затронутому вопросу и новый по тому же предмету А. В. Орешникова³⁰, докладчик приходит к выводу, что известные серебряные монеты с изображением на лицевой стороне всадника верхом с поднятым мечом и надписью кругом: «Князь великий Иван Васильевич» и с подписью автора-чеканщика на другой, принадлежат труду исторически известного Аристотеля Фиораванти³¹, имея на обратной стороне денег именно его имя, а не загодочного Орнототеля, как думает А. В. Орешников.

Гр. К. А. Хрептович-Бутенев считает четыре знака на углах монет цветочными украшениями, почему, первую буквою на них он называет «А», вторую «Р», следующими, о которых спору быть не может, являются «istotele», но последнюю букву, считаемую А. В. Орешниковым за «S» докладчик относит к числу четырех цветочных украшений, указанных выше. Наконец, гр. К. А. Хрептович-Бутенев для доказательства своего положения останавливается на сличении подлинного письма Аристотеля Фиораванти к миланскому герцогу, снимок с которого приложен к его статье, напечатанной во втором выпуске «Сборни-

ка» нашей Комиссии³², где буквы «г», «с» и «е» в большей или меньшей степени каждая чрезвычайно сходны с теми же буквами на монетах.

В заключение доклада гр. К.А. Хрептович-Бутенев решается, как он сам говорит, сделать «новое смелое предложение», что не Аристотелю ли Фиораванти принадлежит труд гравировки известной привесной печати Иоанна Третьего с двуглавым орлом на одной стороне и Георгием Победоносцем — на другой, хранящейся ныне в Вене и, что очень желательно бы выяснить, когда именно впервые появилась эта печать.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ОБ АРИСТОТЕЛЕ ФИОРАВАНТИ И О НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ИТАЛЬЯНСКИХ ЗОДЧИХ, РАБОТАВШИХ В XV И XVI ВЕКАХ В МОСКВЕ

*доклад на 61-м заседании Комиссии по изучению Старой Москвы
30 апреля 1916 г. (в доме П.С. Уваровой в Леонтьевском пер.)*

(К. 1. Д. 3. Л. 107об.—108)

Рукописный текст, черные чернила, с автографами, с правкой и вставками. Листы двухсторонние, разноцветные, есть пятна. Запись краткая, сделана И.С. Беляевым.

Докладчиком, в дополнение к прежнему его сообщению, было обращено внимание на астрономическую часть письма Аристотеля³³ о посещении им нашего крайнего Севера; он приходит к выводу, что Аристотель побывал там на Рыбачьем полуострове и в астрономическом отношении дал весьма точные сведения. Точно также он находит вполне правдоподобными все сообщения Аристотеля о морских животных.

Гр. К.А. Хрептович-Бутенев отметил те места, по которым должен был следовать на Север Аристотель, определяя все время его пути от Москвы до Рыбачьего полуострова с остановками всего в 48 дней, а обратного от Мурман до Москвы в 55 суток. Целью поездки, как полагает докладчик, поддержанной Иоанном III, был также попутно осмотр церковной архитектуры в Суздальском и Новгородском краях перед приступлением к сооружению в Москве каменного Успенского собора, и докладчик думает, что новгородские, владимирские и суздальские храмы, вероятно, значительно отразились при выработке планов Аристотелем.

Некоторое недоумение в вопросе о подготовке фундамента Успенского собора докладчиком объясняется тем, что в отсутствие Аристотеля в поездке его

на Север, эти работы могли быть по его поручению исполнены сыном его Андреем, уже взрослым человеком, имевшим до 30 лет³⁴.

Затем гр. К.А. Хрептовичем-Бутеневым была сделана краткая характеристика других итальянцев, работавших в Москве в XV и XVI веках, Антона Джисларди³⁵, Марка Руфо³⁶, Петрока Малого³⁷ и Алевиза³⁸.

Закончил свой доклад гр. К.А. Хрептович-Бутенев пожеланием прикрепления к стене Успенского собора сбоку от западных дверей мраморной доски с датами закладки и освящения собора и имени его гениального строителя³⁹.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Во 2-м выпуске сборника «Старая Москва» (1914 г.) опубликована статья П.Н. Зенбицкого на ту же тему — «Народные гуляния под Новинским» (С. 119–123).
- ² Текст подчеркнут в оригинале.
- ³ Подновинское гулянье — весной; у Новинского монастыря (упразднен в 1764 г.) — в районе современных Новинского пер., Новинского б-ра и ул. Новый Арбат.
- ⁴ Головинский дворец — не сохранился; входил в парадный дворцово-парковый ансамбль на левом берегу Яузы, созданный для генерал-фельдмаршала Ф.А. Головина (1650–1706), государственного деятеля, одного из ближайших сподвижников Петра I; в 1720-е гг. бывш. усадьба Головина выкуплена казной; в 1730-е гг. здесь была устроена резиденция императрицы Анны Иоанновны с новыми деревянными дворцами — Анненгоф (арх. Б. Растрелли); при императрице Елизавете Петровне в 1740-е гг. построен еще один деревянный дворец с историческим названием «Головинский» (арх. Б. Растрелли, И. Земцов); дальнейшее развитие дворцово-парковый ансамбль получил при императрице Екатерине II.
- ⁵ Лефортовский дворец — парадная резиденция на правом берегу Яузы в Немецкой слободе генерала адмирала Ф.Я. Лефорта (1655–1699), государственного и военного деятеля, одного из ближайших сподвижников Петра I; дворец построен в 1696–1699 г. (арх. Д. Аксамитов); затем дворец перешел к А.Д. Меншикову, перестроившему его; с 1727 г. дворцом владела казна, использовался как императорская резиденция, затем в нем размещались архивные учреждения; архитектурный ансамбль претерпевал изменения в XVIII–XIX вв.; ныне здесь находится Российский государственный военно-исторический архив (ул. 2-я Бауманская, д. 3).
- ⁶ Слободской дворец — был возведен на месте дворца в усадьбе канцлера А.П. Бестужева-Рюмина (арх. П. Гейден, 1750-е гг.); затем усадьбой владел сподвижник Екатерины II А.Г. Орлов (1760–1780-е гг.), а затем — кн. А.А. Безбородко, при нем на основе старого здания был возведен новый дворец (конец 1780-х гг.; арх. Д. Кваренги, М.Ф. Казаков); с 1796 г. дворец стал резиденцией императора Павла I; в 1820–1830-е гг. перестроен арх. Д. Жилярди, А.Г. Григорьевым для ремесленного училища (позднее Императорское московское техническое училище — ныне МГТУ им. Н.Э. Баумана) — ул. 2-я Бауманская, д. 5.
- ⁷ Герберг — постоянный двор с трактиром.
- ⁸ В протокольной записи указаны только инициалы, по другим документам выявить имя и отчество не удалось.
- ⁹ Каменные палаты; возможно, принадлежали Салтыковым или храму Спаса Нерукотворного образа (Параскевы Пятницы) на Божедомке (храм не сохранился).
- ¹⁰ Речь идет об усадьбе Хрущевых-Селезневых на Пречистенке; наследники Д. Селезнева передали усадьбу московскому дворянству для устройства приюта (школы-интерната) в начале XX в. Ныне здесь располагается Музей А.С. Пушкина.
- ¹¹ *Иваск У.Г.* Село Суханово. Подмосковная светлейших князей Волконских. — М., 1915. — 89 с.

- ¹² Московский архив Министерства юстиции ныне — в составе фондов РГАДА.
- ¹³ Архив Московской духовной консистории — ныне в составе фондов ЦГА г. Москвы.
- ¹⁴ Я.И. Реймерс (1818–1877), архитектор, академик, почетный вольный общник Императорской Академии художеств, вице-председатель Московского архитектурного общества.
- ¹⁵ Д.И. Жилярди (1785–1845), архитектор, один из крупнейших мастеров архитектуры ампира; был архитектором Экспедиции кремлевского строения, Воспитательного дома; по приглашению Комиссии для строений в Москве участвовал в застройке Москвы после пожара 1812 г.
- ¹⁶ В протокольной записи указаны только инициалы, по другим документам выявить имя и отчество не удалось.
- ¹⁷ *Пыляев М.И.* Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. — СПб., 1891. — 576, 22, VII с.
- ¹⁸ Здание известно как казармы Фанагорийского гренадерского полка им. А.В. Суворова (нач. XX в.); в 1750-х гг. построено Д.В. Ухтомским на основе предшествующей сгоревшей постройки для московских департаментов Сената (Сенатский дом), перестраивалось после пожара 1812 г. (Бригадирский пер., д. 13 стр. 5).
- ¹⁹ Славяно-греко-латинская академия — учреждена как высшее учебное заведение в 1685 г. по мысли Симеона Полоцкого (1629–1680) братьями И. и С. Лихудами; с 1687 г. находилась в Заиконоспасском монастыре; в 1814 г. переведена в Троице-Сергиеву лавру как Московская духовная академия.
- ²⁰ В протокольной записи указаны только инициалы, по другим документам выявить имя и отчество не удалось.
- ²¹ Здание в стиле классицизма было построено О.И. Бове в 1815 г. на месте сгоревших в 1812 г. рядов; в 1893 г. построено новое, ныне существующее здание в русском стиле по проекту арх. А.Н. Померанцева.
- ²² Стоящий ныне близ собора Василия Блаженного памятник изначально был установлен у Верхних торговых рядов напротив здания Сената в Кремле.
- ²³ Колокольня не сохранилась, как и большая часть ансамбля бывшего монастыря.
- ²⁴ Храм не сохранился.
- ²⁵ Монетный двор (ул. Никольская, д. 5/1), архитектурный комплекс формировался с конца XVII до начала XIX в. В 1690-е гг. построено здание палат, краснокирпичных с белокаменным барочным и изразцовым декором; в 1730-е гг. возведен корпус между Казанским собором и Иверскими воротами, реконструировался во второй половине XIX в., в 1806 г. надстроен башней (служила пожарной каланчей; не сохранилась). Монетный двор функционировал до последней четверти XVIII в.; затем помещения использовались Московским губернским правлением, Шестигласной думой; здесь также размещалась тюрьма. Ныне здания — в составе Государственного Исторического музея.
- ²⁶ П.Н. Каверин (1763–1853), московский обер-полицмейстер в 1797–1798 гг.
- ²⁷ И.П. Салтыков (1730–1805), московский главнокомандующий в 1797–1804 гг.
- ²⁸ Библиотека создана по решению Московского городского управления в память об историке И.Е. Забелине (1820–1908); размещалась в здании Городской думы (ныне в составе зданий Государственного Исторического музея — пл. Революции, д. 2/3).
- ²⁹ Иверская часовня у Воскресенских (Иверских) ворот Китай-города; построена в 1680 г. для помещения точной копии со списка с чудотворной Иверской иконы Божией Матери, привезенного с Афона в 1648 г.; перестраивалась в XVIII в., восстанавливалась после пожара 1812 г.; снесена в 1929 г.; восстановлена в 1990-е гг.
- ³⁰ *Орешиников А.В.* Орнистотель, денежник Ивана III // Старая Москва / изд. Комиссии по изучению Старой Москвы при Императорском Московском археологическом обществе; под ред. Н.Н. Соболева. — Вып. 2. — М., 1914. — С. 50–52.

- ³¹ Аристотель Фиораванти (ок. 1415 — ок. 1486), болонский инженер и архитектор; по приглашению Ивана III прибыл в 1475 г. в Москву, в 1475–1479 гг. выстроил Успенский собор в Кремле; завел в Москве кирпичное производство; конструктивные новшества, привнесенные благодаря А. Фиораванти в русскую архитектуру, оказали определенное влияние на ее дальнейшее развитие.
- ³² *Хрептович-Бутенев К.А.* Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора, и письмо его из Москвы 1476 г. // *Старая Москва...* — С. 33.
- ³³ Там же. — С. 30–31.
- ³⁴ В 1475 г. А. Фиораванти прибыл в Москву вместе со своим сыном Андреем.
- ³⁵ Антонио Джисларди — Антон Фрязин (вторая половина XV в.), итальянский мастер, строивший стены Московского Кремля в конце XV в. при Иване III.
- ³⁶ Марк Фрязин (Руффо —?) (конец XV в.), итальянский мастер, один из основных участников первого этапа строительства кремлевских укреплений, строитель Большой (Грановитой) палаты в Кремле при Иване III (совместно с Пьетро Антонио Солари).
- ³⁷ Петр Малый Фрязин (Петрок Малый) — Петр Франческо ди Аннибале —? (первая половина XVI в.), итальянский архитектор, бывший в Москве при Василии III в первой трети XVI в.; строитель церкви-колокольни Воскресения (позднее Рождества Христова) — Петроковой звонницы, пристройки к храму Иоанна Лествичника; укреплений Китай-города.
- ³⁸ Речь может идти об одном из двух итальянских зодчих: Алевизе Фрязине (Алоизио да Карезано; да Каркано) (конец XV — начало XVI в.), строителе кремлевских укреплений и великокняжеского дворца в Кремле, а также, возможно, 11 церквей за пределами Кремля; или Алевизе Новом (Альвизе Ламберти да Монтаньяна (начало XVI в.), строившем в Кремле церковь Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот и Архангельский собор; возможно, строителем 11 церквей за пределами Кремля был он.
- ³⁹ Памятная табличка с информацией о соборе, в том числе и о его строителе, установлена в 2016 г.

Приложение 2

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АВТОРАМИ ДОКЛАДОВ

ИСТОЧНИКИ

Адрес-календарь жителей Москвы (перепечатан с изменениями из календаря 1848 года). 1849 / К. Нистрем: В 2 ч. — М., 1849.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. — Т. 2: 1598–1613. — СПб., 1841. — 438, 30 с.

Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства / изд. Археографической комиссией. — СПб., 1838. — 511 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук / дополнены и изданы высочайше учрежденному комиссией. — Т. 1: 1294–1598. — СПб., 1836. — XV, 491, 10 с.

Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы, составленному по распоряжению г. московского обер-полицмейстера... генерал-майора Лужина А. Хотевым. — М., 1852–1853. — 184 с.

Атлас столичного города Москвы, составленный А. Хотевым. 1852–1853 гг.

Барон Мейерберг и путешествие его по России: пер. с немец. / изд. Ф. Аделунгом. — СПб., 1827. — VIII, 374 с.

Васнецов А. Автолитографии. — М., 1922. — 10 отд. л.

Воспоминания из времен императора Николая I / [соч.] Д.И. Никифорова. — М., 1903. — 60 с.

Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. — Т. IX. — СПб., 1875. — 360 с.

Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 / И.А. Желябужский. — СПб., 1840. — IV, 314 с.

Записки о Московии барона Герберштейна. — СПб., 1866. — 230, XIV с.

Кавказ и Севастополь: Воспоминания Д.И. Никифорова. — М., 1901. — 80 с.

Книга адресов жителей Москвы: Составлена по официальным сведениям и документам... 1855. — Ч. 1. — М., 1854; Ч. 2. — М., 1855.

Лайолл Р. Русские нравы и подробная история Москвы. — Лондон, 1823. — 640 с.

Михаил Семенович Щепкин. 1788–1863: Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. — СПб., 1914. — VIII, 396 с.

Москва в царствование императора Александра II: Воспоминания Д. Никифорова: с ил. событий того времени и портретами деятелей царствования имп. Александра II. — М., 1904. — 200 с.

Москвитянин: Учено-литературный журнал / М.П. Погодин.

Московские ведомости: Газета политическая и литературная.

- Московские епархиальные ведомости / изд. Общ-ва любителей духовного просвещения. — М., 1901. — 186 с.
- Московские церковные ведомости / изд. Московской духовной консистории. — М., 1901. — 186 с.
- Никифоров Д. И. Из прошлого Москвы (записки старожила). — М., 1901. — 186 с.
- Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. — Т. II. — Ч. 1. — СПб., 1879. — VII, 133 с., 1190 стб.
- План Императорского столичного города Москвы, сочиненный под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 г. — 1 л.
- Планы Москвы XVII века / изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском Главном архиве Министерства иностранных дел; [работа исполн. С. А. Белокуровым] // Древнерусская картография. — Вып. 1. — М., 1898. — 80 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). — Собр. 1-е. — М., 1830.
- Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. [Царствование государя императора Петра I], 1722. — Т. 2. — СПб., 1872. — 28, 685, 73 с.
- Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссией. — Т. 1: I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. — СПб., 1846. — XX, 267 с.
- Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Придворного совета и Го-рация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, посланного августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. — М., 1874. — 216 с.
- Росписной список города Москвы 1638 года / Труды Московского отдела Императорского Русского военно-исторического общества. — Т. 1 / под ред. И. С. Беляева. — М., 1911. — 313 с.
- Русская летопись по Никонову списку. До 1362 г. / изд. под смотрением Императорской Академии наук. — Ч. III. — СПб., 1786. — 220 с.
- Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия / ред. В. Ламанский. — СПб., 1861. — 111 с.
- Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России: с прил. портр. Массы, плана Москвы (1606 г.) и дворца Лжедмитрия I / изд. Археографич. комиссии. — СПб., 1874. — VI, 362, VII с.
- Сказания современников о Дмитрии Самозванце. — Ч. 2: Маскевич и дневники. — Изд. 3-е, испр. — СПб., 1859. — 365 с.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. — Ч. 1. — М., 1813. — VI, 643 с.
- Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. — М., 1891. — 203 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Альманах на 1826 для приезжающих в Москву и для самих жителей сей столицы, или Новейший указатель Москвы, в котором с точностью означены все лучшие предметы, служащие к потребностям городской жизни: с присовокуплением исторической картины Москвы и описания всех присутственных мест, военных, гражданских, учебных и прочих заведений и т. д. — М., 1825. — 136 с.
- Амеросий (Орнатский А. А.). История российской иерархии. — М., 1822. — 646 с.
- Архитектурные памятники Москвы / ред. и текст И. Е. Бондаренко. — Вып. 2 и 3: Эпоха Петра I-го, эпоха Елизаветы, эпоха Екатерины II-й. — М., 1906. — XVI, 55 с.
- [Бантыш-Каменский Д. Н.] Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого, с портретами их. — Ч. 1. — М., 1812. — XV, 290 с.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). — Ч. 2: (Германия и Италия). — М. 1896. — С. 221.

Благовещенский А. А. История Школы живописи, ваяния и зодчества в Москве // Русский художественный архив. — М., 1894. — Вып. I, II.

Варнеке Б. В. Заметки об Островском. — Одесса, 1912. — 94 с.

Взгляд на московские вывески / соч. Ф. Дистрибуенди. — М., 1836. — 68 с.

Гастев М. С. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы: Ч. 1 с двадцатью семью гравированными на меди планами, фасадами и видами. — СПб., 1841. — 312 с.

Гастев М. С. Москва за полвека // Московские ведомости. — 1843. — №10.

Гельбиг Г. Русские избранники и случайные люди (Тюбинген, 1809) // Русская старина. — 1886. — №4.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 12 ч. — М., 1788—1789.

Голубинский Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. — Т. 2, первая половина: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно / изд. Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1900. — 919 с.

Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: В 2 т. — Т. 1: Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. — М., 1913. — 472 с.

Грбавь И. История Русского искусства. — Т. 2: Архитектура. История архитектуры. Допетровская эпоха. — М., 1911. — 478 с.

Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. — Ярославль, 1900. — 339 с.

Гурьянов И. Г. Москва или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского: В 4 ч. — Ч. 2. — М., 1827. — 397 с.; Ч. 3. — М., 1831. — 416 с.

Даниил, иеромонах. Сведения о московских церквах // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. — 1883. — Кн. IX—X. — С. 288—304.

Достопамятности Москвы, изданные Корнилием Тромониным. — М., 1843. — 128 с., 66 л.

Древность Москвы или Указатель источников ее топографии и истории / соч. П. Хавского. — Изд. 2-е. — М., 1854. — X, 512 с.

Древняя и новая Россия: Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник. — Год 3-й. — №11. — СПб., 1877.

Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся, изданная Николаем Новиковым... — Изд. 2-е, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное. — М., 1788—1791.

Дунин А. Сокольничий дворец Грозного в Москве (Теперь князей Юсуповых) // Столица и усадьба. — 1914. — №16—17, 1 сентября. — С. 17—20.

Жихарев. 1. В Английском клубе (1808 г.) // Москва в истории и литературе: Сб. / сост. М. Коваленский, — М., 1916. — С. 191—193.

Забелин И. Е. История города Москвы. — Ч. 1: с прил. древн. плана Кремля. — М., 1902. — XX, 635 с.

Забелин И. Е. История города Москвы. — Ч. 1. — 2-е изд. (автора), испр. и доп.; с рис. в тексте и в особом альбоме. — М., 1905. — XXVI, 652 с.

Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен: в 2 ч. — Ч. I. — М., 1876; Ч. II. — М., 1879.

Забелин И. Е. Кунцово и древний Сетунский стан: ист. воспоминания. — М., 1873. — 258 с.

Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. — Ч. II. — М., 1873. — С. 490—492.

Иваск У.Г. Село Суханово. Подмосковная светлейших князей Волконских. — М., 1915. — 89 с.

Из истории Москвы. 1147—1703: Очерки: с 212 рисунками / В. Назаревского. — М., 1896. — 2, 272 с., 10 л.

Из истории Москвы. 1147—1913: Иллюстр. очерки / В.В. Назаревского. — М., 1914. — VI, 373 с.

Изложение об устройстве воксала в Петровском парке в Москве. — М., 1836. — 11 с.

Историко-статистическое и археологическое описание церкви во имя святых апостолов Петра и Павла, что в Лефортове, в Москве, и ее прихода / сост. И.Ф. Токмаков. — М., 1898. — 40 с.

Исторические записки и сведения о Покровском и святого Василия Блаженного соборе, в столичном граде Москве, основанные на верных фактах и почерпнутые из достовернейших источников Л.Е. Белянкиным. — М., 1847. — 62 с.

Исторические сведения о Лефортове и описание Петропавловского храма: Изд. юбил. (1711—1911 г.) для местных жителей / сост. диакон С. Озеров. — М., 1911. — 62 с.

Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами: С прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквях. — М., 1787. — 368, 114 с.

Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы: С приобщением генерального и частных ее планов / изданием Т. Полежаева. — М., 1796. — 86 с., 20 л.

Историческое известие о всех церквях столичного города Москвы, собранное из показаний духовенства и начальства, при оных обретающегося, також с надписей и из летописей Российских... — М., 1796. — 219 с.

История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721—1821) / соч. Н.П. Розанова. — Ч. 2. — Кн. II. — М., 1870. — 429 с.

История областного управления в России от Петра I до Екатерины II / Ю. Готье. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. — Т. 1. — М., 1913. — 472 с.

История России с древнейших времен / соч. С.М. Соловьева. — Кн. 6: Т. XXVI—XXIX. — СПб., 1911.

Карabanов П.Ф. Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии // Русская старина: Ежемесячное историческое издание. — Т. II. — СПб., 1870. — С. 468—498.

Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. — СПб., 1818—1829.

Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1866. — 264 с.

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1860. — 214 с.

Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. — М., 1904. — 672 с.

Красовский Мих. Очерк истории Московского периода древнерусского церковного зодчества (от основания Москвы до конца первой четверти XVIII в.). — М., 1911. — 432 с.

Лешков В.Н. Исторический очерк русского законодательства о путях сообщения и ямской гоньбе и почтах. — М., [1852]. — 36 с.

Лешков В.Н. О древней московской городской полиции: Исторические известия. — [М., 1852]. — 56 с.

Любецкий С.М. Московские старинные и новые гулянья и увеселения. — М., 1854. — 66 с.

Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем / сост. и изд. В.В. Зверинский. — Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. — СПб., 1892. — VI, 462 с.

Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / собр. и изд. руководством и трудами И. Забелина: В 2 ч. — Ч. 1. — М., 1884. — 749 с.; Ч. 2. — М., 1891. — 16, 20 с., 1068 стб.

Материалы к истории постройки нового здания московск. Почтамта. 1711–1910. — М., 1910. — 61 с.

Москва с топографическим указанием всей ее местности и окрестностей: подробная справочная книжка для приезжающих и живущих в столице: В 3 ч.: (с планом Москвы) / сост. М. Рудольф. — М., 1848–1849.

Москва. Подробное историческое и археологическое описание города / изд. А. Мартынова; текст составлен И.М. Снегиревым при сотрудничестве самого издателя. — Т. 1. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1875. — 335 с.

Москвичи дома, в гостях и на улице: Рассказы из народного быта / соч. Н. Полякова. — М., 1858. — 167 с.

Московские святые и памятники: Краткие исторические сведения о московских соборах, монастырях, древних церквях, памятниках и замечательных зданиях. — М., 1903. — 135 с.

Московский дом князя Юсупова // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. А. Мартыновым; текст И.М. Снегирева. — Изд. 2-е, доп. — М., 1850. — С. 90–96.

Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями, составленными А.А. Мартыновым. — Изд. 3-е, испр. и значит. доп. — М., 1888. — 244 с.

Никифоров Д.И. Старая Москва: описание жизни в Москве со времен царей до двадцатого века: В 2 ч. — М., 1902–1903. — 248; 204 с.

Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе звание государских ворот, казенных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов и рынков, фабрик, заводов и прочее / собр. и изд. в свет для удовольствия общества издателем Описания Санкт-Петербурга г.н.с. В.Г. Рубаном. — СПб., 1782. — 159 с.

Описание московских церквей, учиненное Московскою консисториею в 1817 году, с показанием, когда церкви построены и от чего имеют название своей местности / Н.П. Розанов; изд. Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1875. — 44 с.

Орешиников А.В. Орнистотель, денежник Ивана III // Старая Москва / изд. Комиссии по изучению Старой Москвы при Императорском Московском археологическом обществе; под ред. Н.Н. Соболева. — Вып. 2. — М., 1914. — С. 50–52.

Памятники древнего русского зодчества / изд. Императорской Академии художеств; сост. акад. В.В. Суслов. — Вып. 6. — СПб., 1900. — 32 с., 15 л.

Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы / соч. И. Снегирева; изд. А. Семена. — М., 1841. — 526 с., 42 л.

Потанов А.А. Очерк древней русской гражданской архитектуры: [В 2-х вып.]. — Вып. 2 (последний). — М., 1903. — С. 159–161.

Путеводитель к древностям и достопамяностям московским, руководствующий любопытствующего по четырем частям сей столицы к де-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и зданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений, как старых, так и новых, с надписей и других достоверных источников собранный и для удобнейшего оных приискивания азбучною росписью умноженный / [Л.М. Максимович]. — Ч. IV. — М., 1793. — 296 с.

Путеводитель к святыне и священным достопамятностям города Москвы и ее окрестностей / сост. архим. Иосиф (Левицкий). — М., 1896. — VIII, 288 с.

Путеводитель по Москве, изданный Московским архитектурным обществом для членов V съезда зодчих в Москве / под ред. тов. председателя Общества И.П. Машкова. — М., 1913. — 311 с.

Путеводитель по окрестностям Москвы и указатель их достопримечательностей / сост. М.П. Захаровым. — М., 1867. — 340 с.

Пути сообщения в г. Москве по Высочайше утвержденному плану регулирования / сост. А.Н. Петунников. — М., 1915. — XXIV, 367 с.

Пушкин Б.С. Московская Спиридоновская, на Козьем болоте, церковь. — М., 1904. — 16 с.

Пыляев М.И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни Первопрестольной столицы. — СПб., 1891. — 576, 22, VII с.

Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. чл.-корр. Императорского Археологического общества А. Мартыновым; текст Н.М. Снегирева. — Изд. 3-е с доп. — Год первый. — М., 1852. — 120 с.

Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. А. Мартыновым; текст И.М. Снегирева. — Изд. 2-е с доп. — Год третий. — М., 1852. — 218 с.

Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцева. — Т. 1. — СПб., 1896. — 892, II с.

Сборник материалов для VIII-го Археологического съезда в Москве / сост. И.Ф. Токмаков: Вып. 1–9. — Вып. 3: Московская губерния и ее святыни: (история, археология и статистика). — М., 1889. — 22 с.

Седая старина Москвы: Исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей, соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, общественных зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ и проч., и проч.: с подробным историч. описанием основания Москвы и очерком ее замечат. окрестностей / сост. И.К. Кондратьев. — М., 1893. — IV, 686 с.

Семисотлетие Москвы 1147–1847, или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков: 4–5 апреля 1847 г., в день семисотлетнего юбилея, совершившегося со дня историч. известности Москвы / соч. П. Хавского. — М., 1847. — XXIV, 512 с.

Скворцов Н.А., прот. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. — Вып. I. — М., 1911. — 266 с.

Скворцов Н.А., прот. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. — Вып. II. — М., 1914. — VIII, 811 с.

Скворцов Н.А. Московская церковная старина. Уничтоженные в Московском Китай-городе церкви. — М., 1895. — 44 с.

Скворцов Н.А., свящ. Храм св. великомученика Георгия Победоносца на Красной Горке в Москве: Исторический очерк / изд. Комис. по осмотру и изучению памятников церковн. старины г. Москвы и Московской епархии. — М., 1904. — 15 с.

Словарь достопамятных людей Русской земли: В 5 ч. / сост. Д. Бантыш-Каменский. — Ч. 2. — М., 1836. — 388 с.

Снегирев И.М. Воскресенские ворота // Русские достопамятности / изд. А. Мартынова. — Т. 1 (раздел VIII). — М., 1877. — С. 1–20.

Снегирев И.М. Всесвятский Каменный мост в Москве // Русские достопамятности / изд. А. Мартынова. — Т. 1 (раздел II). — М., 1877. — С. 1–20.

Сокровища в Москве [Выст. худож. произведений старины в Строгановском училище] / сост. Д. Никифоров. — М., 1901. — 50 с., 15 л.: ил.

Справочный энциклопедический словарь / изд. под ред. А. Старчевского. — Т. 7 [Л–Мар]. — СПб., 1853.

Сухарева башня в Москве // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / сост. А. Мартыновым; текст И.М. Снегирева. — М., 1850. — С. 6–20.

Труды Церковно-Археологического отдела при Обществе любителей духовного просвещения. — Вып. 1. — М., 1911. — 228 с.

Указатель г. Москвы / изд. Моск. гор. стат. ком-та; [сост. И. Савинов]. — М., 1866. — 619 с.

Указатель дорог от Кремля Московского к заставам и к границам Московского уезда: с присовокуплением замечаний о реках, горах и древнем делении уезда Московского на волости и станы, также о предполагаемом ныне соединении Москвы реки с Волгою и проч. / соч. П. Хавского. — М., 1839. — XI, 79 с.

Указатель Москвы: Показывающий по азбучному порядку имена владельцев всех домов сей столицы; каждый дом, в которой части города, в котором квартале, под каким номером, где в приходе, на какой главной улице или в каком переулке находится: С приложением иллюминированного плана Москвы, на части разделенной: В 2 ч. — М., 1793. — 413, 470 с.

Указатель московских церквей и монастырей / сост. М. Александровский. — М., 1915. — 75 с.

Улицы и переулки Москвы. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями / сост. А. Мартыновым. — 3-е изд., испр. и значит. доп. — М., 1888. — 244 с.

Хавский П.В. Древность Москвы или Указатель источников ее топографии и истории. — Изд. 2-е. — М., 1854. — 528 с.

Хрущов И.П. Очерк ямских и почтовых учреждений от древних времен до царствования Екатерины II. — СПб., 1884. — 87 с.

Цветаев И. Музей Изыщных Искусств имени императора Александра III в Москве: [К истории создания музея]. — М., 1912. — 16 с.

Церковная археология в связи с историей христианского искусства / проф. Н.В. Покровский. — Пг., 1916. — 226 с.

Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1858. — Кн. 3, 15, 43.

Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. — Т. XVIIа. — СПб., 1896.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКЛАДОВ
ЧЛЕНОВ «СТАРОЙ МОСКВЫ»,
ОПУБЛИКОВАННЫХ
В 1-М И 2-М ВЫПУСКАХ СБОРНИКА
КОМИССИИ (1912 И 1914 ГГ.)*

Выпуск первый:

1. *Беляев И.С.* Дом князя Дмитрия Михайловича Пожарского на Лубянке
2. *Беляев И.С.* Ильинская улица в Китае городе и Покровская в Белом каменном, в 1671—1672 г., с планом и описаниями
3. *Пушкин Б.С.* Большой Кисловский переулок, Воздвиженка, Никитская улица и местность, ими ограничиваемая, в начале XVIII в.
4. *Соболев Н.Н.* Триумфальная арка в Москве
5. *Стеллецкий И.Я.* Подземный ход под Новодевичьим монастырем в Москве
6. *Тастевен Ф.* Кузнецкий мост и прилегающая к нему улицы в конце XVIII столетия
7. *Трутовский В.К.* Происхождение названия «Арбат»

Выпуск второй:

1. *Беляев И.С.* К истории развлечений москвичей в половине XVIII столетия. Маскарад и опера Локателли
2. *Зенбицкий П.Н.* Народные гулянья под Новинским
3. *Зенбицкий П.Н.* Пожар под Новинским в 1736 г. и план пожарища
4. *Миллер П.Н.* «Кулишки»
5. *Орешиников А.В.* Орнототель, денежник Ивана III

* Старая Москва. Издание Комиссии по изучению Старой Москвы при Императорском Московском Археологическом Обществе. — Вып. 1. — М., 1912. — 72 с.; Вып. 2 / под ред. Н.Н. Соболева. — М., 1914. — 135 с.; Старая Москва. Выпуски 1 и 2: Сборник. — М., 1993. — 224 с. (Факсимильное издание).

6. *Пушкин Б.С.* Двор боярина Никиты Ивановича Романова
7. *Соболев Н.Н.* Резные изображения в московских церквях
8. *Соболев Н.Н.* Русский зодчий XV века Василий Дмитриевич Ермолин
9. *Стеллецкий И.Я.* Китайгородская стена
10. *Тастевен Ф.И.* Большая Лубянка и прилегающая к ней улицы в XVII и XVIII столетиях
11. *Хребтович-Бутенев К.А., граф.* Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора

ПРЕДМЕТНО-ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

I. Административно-территориальные, административно-политические единицы (страны, княжества, губернии (области), уезды), населенные пункты, усадьбы, исторические территории

- Абрамцево ус. 266
Адрианополь 261
Азия 118, 549
Азов 165
Алатырский уезд 250
Америка 250, 260, 262, 524
Амстердам 90, 559
Англия 517, 519, 522, 561
Андреевское, что во Пленницах на Москве-реке с. (Васильевское тож) 391–397, 399–401
Арск (Казанская губ.) 144
Архангельск 116, 553
Архангельская губ. 149, 185
Архангельское ус. 396, 542
Астрахань 56
Аугсбург 559
Афон 176
- Белозерск 144
Берлин 228, 368
Богородск 445
Бородино (Бородинское поле) 376, 437, 449
Буэнос-Айрес 228
- Варшава 228, 410
Варшавское герцогство 446
Вена 228, 590
Венеция 268
Вильно 559, 560
Вифлеем 119
- Владивосток 261
Владимир-на-Клязьме 144, 147, 148, 150, 152, 153, 539
Владими́ро-Суздальское княжество 144, 153, 548
Владимирская губ. 227
Владыкино с. 119
Вологда 186, 553
Вологодская губ. 149, 185
Вологодский уезд 555
Волоколамск (Волок Ламский; Заволочье) 70, 153, 173, 387, 539, 550
Воробьево (дворцовое) с. 392–395
Воронеж 157
Воронежская губ. 440
Всехсвятское с. 443, 470, 475
Высокое с. 63
Выхино с. 88
Вышний Волочек 446, 550
Вяземы с. 220
Вятская губ. 185
- Галич Мерский (Мерянский) 144
Германия 447, 507
Гималаи 261
Глухов г. 53
Голландия (Голландские Соединенные Штаты) 170, 212, 213, 308, 561
Грузия (Иверия) 176, 196
Гуслицы с. 143
Гусь-Хрустальный г. 267
Гутаково с. (Темниковский уезд Тамбовской губ.) 345

Дмитров 315
 Дмитровский уезд 387
 Дрезден 31
 Дубровицы ус. 397, 399

Европа 118, 162, 171, 174, 176, 213, 250, 323,
 324, 369, 448, 493, 519, 523, 549, 556, 559,
 560
 Ермолинская вол. 576

Женева 212

Закавказье 449,
 Звенигород 144

Иерусалим 119
 Измайлово с. 134, 166
 Испания 261, 561
 Италия 135

Кавказ 346
 Калуга 85
 Кафа (Феодосия) 196
 Капира 144
 Керчь 196
 Киев 65, 71, 94, 152, 213
 Киото 228
 Коломенское с. 143, 165, 259
 Коломна 144, 197
 Колпино 356
 Константинополь (Царьград) 73, 145, 147,
 515
 Коростень 156
 Корсунь 145
 Кострома 144, 186, 351
 Костромская губ. 351
 Котлы д. 259
 Красное с. (Смоленский уезд) 104
 Красное с. 92, 125, 541
 Крым 261, 449
 Кузьминки ус. 133
 Куликово поле 498
 Купавна 238
 Кусково ус. 65, 413, 414
 Кучково с. 63, 548

Лебедянь 284
 Лежнево с. 392
 Лейпциг 176
 Литва 105, 115, 151, 152, 538, 539
 Лондон 176, 509, 523,
 Лопьяло с. (Уржумский уезд Вятской губ.)
 263
 Лыщевское на Яузе с. 62, 63
 Люблино с. 133
 Люцерна (Люцерн) 174

Маковец с. 143
 Малороссия 210
 Марсель 212
 Мацуяма 228
 Можайский уезд 393
 Московская губ. 87, 432, 440, 441, 446, 474,
 573
 Московская обл. 62
 Московский уезд 34, 392, 393
 Московское княжество 147, 548
 Мстера с. 227
 Мурман 590
 Мытищи 463, 488

Напрудное с. 61, 63, 70, 143
 Нарва 176
 Настасьино с. 163
 Нежин 117
 Нижний Новгород 153, 187, 196, 442, 559
 Николаев 262
 Новгород Великий 62, 70, 94, 143, 161, 169,
 196, 214, 498, 539, 552, 560
 Новый Иерусалим 518
 Нюрнберг 155, 170

Одесса 197
 Оксфорд 515
 Орловская губ.
 Останкино ус. 355, 378
 Остафьево (Астафьево) с. 143

Париж 176, 197, 263, 449, 523
 Переславль-Залесский 144
 Переяславль Южный 548
 Петергоф 228

Петровско-Разумовское ус. 65
Плес 351
Поволжье 144
Покровское-Рубцово с. 92, 134, 225, 226
Покровское-Стрешнево 470
Полтава 49
Польша 102, 104, 105, 115, 376, 524, 553, 559
Помпея (Помпеи) 187
Преображенское с. 108
Псков 151, 154, 159, 429, 553, 560
Пушкино с. 432

Радонеж с. 143
Раменское с. 143
Резицкий уезд (под Ригой) 126
Рига 126, 559, 560
Рим 321, 49, 501, 510, 512, 515, 516
Рославль 115
Ростов Великий 48, 153, 253, 264
Рыбачий п-ов 590
Рязань 197

Самара 105
Самарово сельцо 34
Санкт-Петербург (Петроград) 31, 56, 85, 87, 88, 132, 134, 135, 256, 262, 263, 307, 308, 321, 351, 354, 377, 386, 413, 432–434, 461, 464, 474, 509, 510, 515, 541, 573
Санкт-Петербургская губ. 54
Севастополь 346
Севилья 501
Семченское (Семчинское; Сенченское; Семценское) с. 41, 63, 70, 537, 538, 540
Серпухов 144, 186, 196, 433
Сетунский стан Московского уезда 392, 393
Сибирь 105, 112, 296, 516, 557
Сикоку о-в 228
Симбирск 250, 520
Симбирская губ. 250
Симоново с. 63
Симферополь 197
Смоленск 115, 539, 560
Смоленский уезд 104
Старая Ладога 146, 196
Старая Руза 50
Стокгольм 90

Страсбург 162
Суздальский уезд 392
Сурож (Судак) 196
Суханово с. 576

Татария 509, 515
Тверская обл. 151
Тверское княжество 152
Тверь 147, 150–154, 195, 538
Тобольск 56
Токио 228
Торжок 552
Трапезунд 449
Труфановское д. 143
Тула 186
Турция 508
Тушино д. 226, 315

Углич 144

Флоренция 164
Франция 107, 377, 381, 519, 561

Харьков 251
Хвостово (Хвостовское с. у города) 47, 71, 72, 135
Хвостовское-на-Клязьме с. 71

Цюрих 174

Череповец 259
Черкизово с. 70, 71
Чернигов 142
Черноголов-на-Воре д. 143
Чесма 361

Шацк 87
Швейцария 251

Юрьев Польский 144

Якутский острог 144, 508
Япония 261, 262
Ярославль 48, 153, 186, 253, 264, 538
Ярославская губ. 356
Яхрома 387

II. Городские топонимические объекты (урочища, слободы, улицы, площади, переулки и др.)

Андреевская слобода 393
 Антиповский пер. 238
 Арбат (Арбатская) ул. 70, 124, 132, 236, 320, 482, 538
 Арбатская пл. 351, 482
 Армянский пер. 503, 507, 508
 Архангельский пер. 500—502, 507
 Афанасьевский Большой пер. 319

 Балтуч 460, 462
 Банковский (Шуваловский) пер. 499, 501, 506
 Барашевская слобода (Бараша) 105, 117
 Басманная Новая слобода 237
 Басманная Новая ул. 73, 236
 Басманная Старая слобода 237
 Басманная Старая ул. 236, 237
 Басманная ул. 70
 Басманная часть 320
 Безымянный пер. 362
 Белгородский пр-д 500
 Белый город (Белгород; Царь-город) 55, 84, 95, 119, 123, 160, 162, 164, 170, 177, 179, 189—192, 236, 237, 293, 316, 360, 460, 461, 464, 493, 495, 501, 504, 534, 536
 Берсенева 162, 164, 192
 Берсеновская наб. 60, 181, 182, 185, 459
 Благовещенский (Черный) пер. 301, 481
 Благуша 470
 Богоявленская ул. 538
 Богоявленский пер. 293
 Божедомка Старая ул. 283
 Болотная пл. 61
 Болото 107, 117, 460, 462, 476
 Большая (в Мещанской слободе) ул. 111, 116, 363
 Боровицкий холм 145, 153
 Бронные ул. 363
 Брюсовский пер. 44, 301
 Бубнин пер. 61
 Бульварная ул. 476
 Бутырки 92, 380

Ваганьково 44, 63, 480
 Ваганьково Новое (Ново-Ваганьково на Трех горах за Пресней) 44, 480
 Ваганьковский (Шуйский) пер. 480, 481
 Варварка (Варварская) ул. 84, 292, 293, 416, 533, 579
 Варварская пл. 379
 Варварский крестец 237
 Васильевская пл. 416
 Васильевский луг 94, 124, 540
 Введенские горы 134, 376
 Введенский пер. 293
 Великая ул. 156, 538
 Великий луг за рекой 71
 Великий Торг 176, 177, 186
 Владимирка (Владимирская дорога) 65, 70, 73, 316
 Воздвиженка (Смоленская) ул. 65, 480—482, 538
 Волконские пер. 364
 Вологодская дорога 553
 Волхонка (Волконка) ул. 319, 364
 Воробьевы горы 164, 257, 317, 394, 396, 397, 402, 440, 538
 Воронцово поле 123
 Воронцовская ул. 263
 Воротники Новые 45
 Воскресенская дорога 315
 Воскресенская пл. 161, 173, 181, 487
 Воскресенский пер. 293
 Выползов пер. 283, 285

 Гаврилова патриаршая слобода на Поганах (Чистых) прудах 494
 Гагаринский пер. 364
 Газетный (Строгановский) пер. 301
 Георгиевский пер. 319, 483
 Глинищевский (Облезов) пер. 301
 Гнездиновский Малый пер. 319
 Голутвинские пер. 120
 Горохово поле 91, 256, 362
 Гороховская ул. 466
 Гранатный пер. 477
 Гребневский (Златоустинский) пер. 498
 Грибоедовский (Некрасовский) пер. 320

- Даниловская слобода 64
 Дворцовая пл. 97
 Девичье поле 90–92, 363, 364, 466, 489
 Демидов (Демидовский) пер. 263
 Денежный пер. 320
 Дмитровка Большая ул. 301, 376, 483
 Дмитровка ул. 53, 121, 236, 306, 483, 485, 489, 490
 Дмитровская дорога 315
 Долгоруковский пер. 301, 364
 Дорогомиловская застава 91
- Елохово** 236
 Ермолаевский пер. 61
- Жернилово** 43
 Живодерная слободка за Калужской заставой 393
- Замоскворечье** 43, 61, 123, 150, 164, 188, 359, 360, 405, 462, 536, 537, 540
 Занеглименье 161, 179, 494, 539
 Заречье 69, 195
 Зарядье 237, 293, 319, 534
 Зачатская ул. 292, 293
 Звонарский пер. 125
 Земляной вал 103, 124, 319, 438, 445
 Земляной город (Скородом) 44, 53, 84, 88, 94, 102, 121, 124, 169, 236, 237, 316, 360, 536, 537
 Златоустовский Большой пер. 498
 Златоустовский пер. 494, 498, 503, 506
 Знаменка ул. 236, 319, 480–482
 Знаменский пер. 293
 Золоторожская ул. 71
- Ивановская** пл. 156
 Ильинка (Ильинская) ул. 61, 84, 292, 293, 414, 533, 537, 580
 Ильинский 1-й (Безобразовский) пер. 319
 Ильинский крестец 116
 Ипатцкий пер. (Ипатьевский) 293
- Кадаши** 74
 Казенная слобода 494
 Каланчевская пл. 388
 Калужская Большая ул. 363
 Калужская дорога 316, 392
 Калужская застава 31, 128, 390
 Калужская ул. 31
 Камергерский пер. 301, 483–485
 Камер-Коллежский вал 84, 88, 317, 439, 441, 462, 573
 Киевцы 71, 319, 475
 Кирилловская дорога 555
 Кисловка Нижняя 319
 Китай-город (Китай) 160, 169, 171, 173, 175–177, 181, 182, 189, 191, 193, 236, 237, 292, 293, 317, 319, 359, 360, 419, 424, 426, 428, 431, 438, 441, 461, 493, 496, 497, 533, 534, 536, 575
 Китайгородский пр-д 172
 Козиха 363
 Козихинские пер. 364
 Козье болото 61, 120, 540
 Конюшенная слобода 126
 Коровий брод 578
 Коровий вал 319
 Космодемьянская ул. 164
 Космодемьянский пер. 121, 293, 483
 Крапивки 46
 Красная горка 45
 Красная пл. 97, 120, 162, 176–178, 184, 188, 256, 257, 267, 268, 317, 413, 419, 420, 438, 474, 534, 581
 Красноворотская (Сенная) пл. 90, 320
 Краснохолмская ул. 320
 Кремлевский холм 184
 Кремлевское городище 62
 Крестовоздвиженский пер. 319, 482
 Кривой пер. 319
 Кривоколенный (Коломенский) пер. 495, 499–503, 507, 508
 Крутицы 66, 539
 Крымская ул. 319
 Крымский брод 152, 160, 192, 437
 Кудрино 44
 Кудринская пл. 467
 Кузнецкая слобода 503
 Кузнецкий мост (Кузничная; Кузнецкая) ул. 95, 172, 179, 409, 466, 488, 489, 493, 494, 503,
 Кузнецкий пер. 490
 Кучково поле 63, 70, 152, 157, 503, 538

Лебяжий пер. 237
Левшинский пер. 346
Ленивка ул. 192
Леонтьевский пер. 301, 319, 364, 477
Лесной пр-д 60
Лефортово 32, 132, 218, 238, 263
Лефортовская слобода 214, 216, 236, 237
Лефортовская часть 320
Листы 74
Лубянка Малая ул. 494
Лубянка ул. 316, 380, 497
Лубянская пл. 69, 125, 160, 172, 179, 466, 493, 496, 497, 503, 505
Лубянский пр-д 360
Лужники Большие 122
Люблино 133

Мамоновский пер. 301
Марка св. в Венеции пл. 267
Маросейка ул. 208
Марьяна роща 91, 470
Мерзляковский (Мамстрюковский) пер. 364
Мещанская 1-я ул. 103
Мещанская 3-я ул. 111
Мещанская 4-я ул. 111, 262, 268
Мещанская слобода 102–112, 116–118, 124, 127, 308, 315
Мещанская часть 320
Мещанские улицы 102, 103, 262
Милютинский пер. 494, 495
Миусская застава 438
Мокринский пер. (Зачатская ул.) 61, 156, 293, 534
Москворецкая ул. 61, 145, 177, 184, 186, 188–190, 416, 417, 438
Московская застава 510
Моховая ул. 133, 176, 178, 192, 351, 352, 481, 489
Мыльники 94
Мясницкая (Фроловка; Фроловская) ул. 122, 236, 237, 493, 495–501, 503–507
Мясницкая Большая ул. 504, 505
Мясницкая часть 320, 495

Напрудная слобода 102, 103, 106, 540
Народная в Риме пл. 90
Настасьинский пер. 364

Неглинная ул. 236
Неглинный пр-д 460, 463
Немецкая слобода 107, 109, 120, 132, 134, 213, 236, 237
Несвицкий пер. 363, 364
Нескучное 31, 354, 391
Никитская Большая ул. 361
Никитская ул. 44, 67, 70, 120, 351, 352, 481, 482, 538–540
Никитский б-р 133, 460
Николо-Ямская ул. 316
Никольская ул. 70, 162, 168, 173, 292, 293, 533, 534, 580
Новая слобода, что на Дмитровке 53, 73, 117, 437
Новгородская дорога 553
Новинская часть 317, 320, 574
Новинский б-р 132
Новинский пер. 96
Новинское 376, 572
Новомещанская слобода 103
Новослободская дорога 315

Обжорный пер. 179
Оболенский пер. 363, 364
Ордынка ул. 67, 70, 152, 186, 537, 539
Ордынская дорога 69, 152, 153, 186
Орловский пер. 364
Остоженка ул. 70, 319, 537, 539, 540
Острый конец 69
Охотнорядская пл. 487, 488
Охотный ряд 45, 46, 74, 90, 172, 175, 177, 179, 180, 305, 470, 486, 487, 584

Панкратьевская слобода 188, 308
Патриаршая слобода 61
Петербургский тракт 439
Петровка (Петровская) ул. 115, 236, 305, 376, 377, 380, 381, 488, 489, 490
Плющиха (Саввинская; Б. Смоленская) ул. 61, 320
Поварская ул. 320, 361, 364
Поганый брод на Неглинной 123, 172
Покровка ул. 208, 209, 236, 237, 494, 495, 501, 504
Покровская часть 317, 574
Покровский Большой пер. 362

Покровский б-р 399
Полянка ул. 61, 263
Пометный вражек 61
Посольский пер. 293
Преображенская слобода 213, 214
Пресненская застава 90
Пресненская часть 320, 440
Пресня 480
Пречистенка ул. 132, 293, 307, 319, 346, 489, 574, 575
Пречистенская наб. 254, 256
Пречистенский б-р 60, 460
Псковский пер. 293
Пятницкая ул. 186, 537

Разумовская наб. 364
Раушская наб. 187
Рахмановский пер. 377
Революции пл. 460
Рогожская застава 90
Рогожская слобода 316
Рогожская часть 320
Рождественка ул. 171, 172, 179, 236, 316
Рыбный пер. 317, 319
Рязанская дорога 315
Рязанская ул. 466

Садовая ул. 321, 463
Садовники 460, 462
Садовники Нижние 122
Садовые ул. 459, 460, 468
Салтыковский пер. 301
Самотека 316, 364
Семеновская ул. 361
Серпуховская пл. 467
Серпуховская часть 319
Серпуховской камер-коллежский вал 467
Сибирская (Казанская) дорога 553
Симоново 92
Смоленская дорога 70, 553
Смоленская ул. 293, 320
Соборная пл. 67
Сокольники 91, 466, 467
Солодовники 42
Соляная пл. 476
Солянка ул. 132, 493

Софийка ул. 172
Спасский крестец 413—416, 419
Сретенка ул. 119, 236, 494, 495, 497, 505, 539
Старая пл. 427, 428
Староконюшенная (слобода) 132
Староконюшенный пер. 320
Столешников (Мамонов) пер. 301, 346
Страстной б-р 542
Стромынка (Матросская) ул. 320
Сухарева пл. 466
Сущево 45

Таганка 263
Таганная слобода 53, 537, 538
Таганская часть 242, 243, 317, 574
Тверская (Царская) ул. 41, 120, 121, 173, 176, 236, 297, 319, 361, 362, 364, 475, 483, 485, 486, 538, 540
Тверская Большая ул. 491
Тверская дорога 315, 509
Тверская застава 242, 438
Тверская часть 319
Тверская-Ямская слобода 53, 315
Тверской б-р 380, 460, 464
Театральная пл. 160, 162, 177, 255, 305, 352, 355, 460, 475, 488—491
Театральный пр-д 470
Тетеринская слобода 124
Титовский пер. 319
Томесов пер. 320
Трехпрудный пер. 61
Трехсвятительский тупик 386
Три горы 92, 480
Триумфальная пл. 467
Троицкая дорога 315, 540
Троицкая слобода 103
Троицкий 3-й пер. 262
Труба 92, 94, 182
Трубецкая ул. 363, 364
Трубецкой пер. 363, 364
Трубная пл. 63, 162, 285, 493
Трубниковский пер. 362

Улановский пер. 475
Успенский Большой пер. 466
Успенский вражек 61
Успенский пер. 501

Ушаковский 2-й пер. 319

Ушаковский 3-й пер. 263

Фурманный пер. 362

Хамовники 74, 363

Харитоновский (Харитоньевский) пер. 386

Ходыньское поле 426

Хомутовка Большая ул. 386, 387

Хохловка 210

Хрустальный пер. 319

Хрущевский (Бяратинский) пер. 319, 346

Царицын лут 535

Царицынский пер. 306, 574, 575

Царская пл. 317

Царская ул. 173, 538

Цветной б-р 462

Черкасский Большой пер. 364

Черкасский пер. 361

Черногрязская-Садовая 60

Чернышевский Большой пер. 364

Чернышевский пер. 301

Чертов пер. 242

Чертолье 161, 178, 182

Чистопрудный б-р 500

Чудовская ул. 46

Шаболовка ул. 362

Шапошный пер. 263

Шереметевский пер. 319, 364, 482

Ширяево поле 466

Шубино 71, 72

Юшков пер. 317

Якиманка 47, 540

Якиманская ул. 42

Якиманская часть 319

Яузская ул. 236

Яузский б-р 60

III. Гидронимические объекты (моря, реки, ручьи, озера, пруды и каналы)

Балканский пруд 61, 466

Белое море 214

Белое оз. 550

Березина 449

Бубна 61

Великая (Псков) 159

Водоотводный канал 120, 437, 443, 463

Волга 153, 184, 190, 437, 468

Волхов 161

Вышеславцевы пруды 320

Двина 550, 553

Золотой рог (Рожок) ручей 71, 539

Капля 61

Кокуй ручей 60

Красный пруд 60, 122

Ладожское оз. 550

Лебяжий пруд 122

Лизин (Сергиевский Лизин) пруд 320

Мойка 385

Москва-река 42, 60, 62, 69, 70, 84, 96, 120, 122–124, 145, 146, 149, 153, 155, 156, 160, 162–164, 173, 175, 177, 178, 183–191, 195, 197, 198, 253, 259, 316, 317, 319, 392–395, 424, 431, 437, 439, 440, 442, 447, 459, 460, 462–464, 466, 475, 476, 488, 493, 504, 539, 548, 584

Напрудная 61, 539

Нева 185

Неглинная 62, 69, 75, 103, 120, 122, 123, 145, 153, 160, 161, 169–171, 173–176, 178–180, 182, 183, 315, 316, 428, 437, 440, 448, 449, 460, 462, 464, 466, 481, 482, 487–489, 493, 534, 539, 540

Неглинные пруды 162, 172, 174, 176, 178–180

Обводной канал 440, 462

Ока 144, 184, 190, 468

Ольховец ручей 60

Патриарший пруд 61, 122, 123

Пахра 174, 238

Переславское (Плещеево) оз. 214

Пресненский пруд 32, 122, 439

Пресня 61, 160

Рачка 60

Рыбенка (Рыбинка) 226

Самотецкий (Самотечный) пруд 462, 489

Самотечная 440

Сетунь 70

Тибр 90

Черногрязка ручей 60

Черторый (Черторой; Чертоны) ручей 60, 178

Чечора 60

Чистые (Поганые) пруды 60, 63, 122, 133, 447, 460, 501, 503

Яуза 32, 34, 60, 62, 71, 94, 95, 122, 135, 183, 237, 316, 364, 443, 464, 466, 493, 504, 539, 548, 577, 578

Яхрома 387

IV. Производственные предприятия (мануфактуры, фабрики, заводы и др.), торговые и питейные заведения

Александровские ряды 180

Александровский пассаж 490

Бостанжогло фабрика (на Старой Басманной) 320

Винно-Соляной двор 466

Водяного газа завод 468

Голицынская галерея (пассаж) 251, 490

Голофтьевская галерея (пассаж) 490

Гостинный двор (новый) у Ильинского крестца 116

Гостинный двор (старый) на Варварке 317, 461

Егорова трактир 476

Живорыбный трактир 189

Житный двор 236, 237, 443

«Заверейка» кружало 165

Каменноугольного газа завод 468

Кожевенный завод на Берсеневке 185

Кофейный дом у Спасских ворот 168

«Кривое колесо» кабак 506

Кружечная на Полянке изба 42

Кружечный на Петровке двор 115

Куретный рынок 176

Мещанский кружечный двор 107, 115

Монетный двор Берг-коллегии 486

Монетный двор в Охотном ряду 180, 305, 486, 487, 584

Мячковские каменоломни 195

Охотный (Куретный) ряд 160, 172, 175–178, 180, 305, 486, 584

«Петергоф» ресторан 482

Петровское кружало 237, 489

Печатный двор на Никольской 168, 182

Питейный дом в Охотном ряду 305

Пушечно-литейный двор на р. Неглинной 160, 170–174, 179, 182, 316

Рыбный двор 317

Сафьянный двор на Воронцовом поле 115, 122

Свенская ярмарка 116

Сенатская типография в Охотном ряду 90, 305, 487

Синодальная типография на Никольской 98, 133

«Славянский базар» ресторан 98

Солодовниковский пассаж 489, 490

Суконный двор 164

Тамесова фабрика 320

Тестова ресторан 487

Типография Императорского московского театра 93, 504
 Типография Московского университета 176, 443
 Торговые (городские) ряды на Красной пл. в Китай-городе 121, 533, 580

Торговые Верхние ряды 132, 466
 Торговые Нижние ряды 184

Хитров рынок 72, 540

Центральный рынок на Болоте 468

V. Органы управления, учреждения и заведения (учебные, лечебные, благотворительные, научные, военные, увеселительные), банки

Адмиралтейская коллегия в Сухаревой башне 308
 Академия Спасского (Заиконоспасского) училищного м-ря 579
 Академия художеств 166, 254, 263, 284, 323
 Алатырское духовное училище 250
 Александровская больница (Больница для чернорабочих, Ортопедический институт) в Казенном пер. 320
 Александровский институт 379
 Александровское военное училище на Знаменке 351, 481, 483
 Александровское училище 444
 Английский клуб 284, 476, 541–543
 Английского клуба в Красном с. дом (Сиверса) 541
 Английского клуба на Большой Дмитровке дом (Муравьева) 542
 Английского клуба на Страстном б-ре дом 542
 Английского клуба на Тверской дом (графини Разумовской) 193, 341, 542
 Андреевская богадельня на Москве-реке 62, 257
 Аптека (новая) 108, 115
 Аптека главная 317, 320, 573
 Аптека царская 118
 Аптекарский приказ 105
 Арсенал 67, 97, 437, 445, 450
 Артиллерийское депо 449
 Археографическая комиссия 315
 Архив Московского купеческого общества 584
 Архив Московской духовной консистории 576
 Архив Оружейной палаты 211
 Архив Саратовской архивной комиссии 576
 Архив Св. Синода 55
 Архитектурное дворцовое училище 325
 Ассигнационный банк в Москве 506

Бани за Сретенскими воротами 94
 Бани на Неглинке 182, 489
 Бани около Кузнецкого моста в Белом городе 95
 Бани у Егория в Ендове 94, 95
 Бани у Краснохолмского моста 182
 Бани у Крымского брода 182
 Басманная пожарная часть 388
 Берг-коллегия 416
 Большая Московская гостиница 306, 487
 Большого прихода приказ 107
 Большой казны приказ 500
 Большой театр 257, 305, 354–356, 378, 489, 490
 Большой театр в г. Марселе 90
 Брок на Смоленском б-ре пансион 378
 Брюло на Б. Дмитровке/Петровке пансион 376

Верховный Тайный совет 301
 Военно-топографическое депо Главного штаба 85, 396, 573
 Воксал в Петровском парке 241, 242, 475
 Воспитательный дом 94, 124, 427, 461, 540
 Вотчинная коллегия 237, 301, 392, 393
 Вотчинный архив 438
 Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК) 469
 Вятская духовная семинария 263

Гимназия 3-я (мужская) на Лубянке 380, 381, 494
 Гимназия 4-я (мужская) на Покровке 362, 480
 Главмузей 341, 401
 Главная школа физического развития 402
 Главное управление ВСЕВОБУЧа 402

- Главное управление путей сообщения и публичных зданий 356
 Голицынская публичная больница 253, 446
 Горное правление 319, 436
 Горных и соляных дел департамент 481
 Городская электрическая станция на Вино-Соляном дворе 466
 Государственный архив в Санкт-Петербурге 88
 Гофшпиталь 236, 237
 Градская 1-я больница 31, 253
 Губернская межевая канцелярия 87, 88, 95, 431, 489
 Губернское правление 88, 317, 426, 427
- Д**
 Дворцовая канцелярия 33, 34, 237, 395
 Дворцовая контора 323, 326
 «Дрезден» гостиница 486
 Духовная дикастерия 216
 Духовный приказ 51
- Е**
 Екатерининская новая больница на Страстном б-ре 360, 367, 542
 Екатерининские казармы 439
 Екатерининский институт 379
- З**
 Забелинская библиотека 586
 Земский приказ 119—121, 162, 178, 182, 533
 Зоологический сад 368
- И**
 Императорский московский театр 93, 351, 446, 481
 Императорское техническое училище 257, 578
 Императорского двора министерство 323, 324
 Императорского московского театра контора 89, 92, 93
- «Колизей»** воздушный театр в Нескучном саду (отделение Малого театра) 353, 354
 Кадетский 1-й московский корпус 133, 136, 256, 461, 474
 Казанский университет 250
 Казенная палата 88, 166, 320, 482
 Каменный приказ 135, 305, 429, 443
 Камер-коллегия 88, 95, 96, 359
 Канцелярия конфискации 418
- Карла Маркса институт 470
 Кембриджский университет 509
 Коллегия экономии 429, 431, 432, 505
 Колымажный двор 399
 Колымажный загородный двор на Остоженке 537
 Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства иностранных дел 187
 Комиссия строений 133, 387, 388, 462
 Коммерц-коллегия 106
 Коммерческий суд 319
 «Континенталь» гостиница 489
 Конюшенная канцелярия 393
 Конюшенный двор 236, 237, 538
 Конюшенный приказ 107
 Корпус инженеров в Санкт-Петербурге 346
 Корчемный приказ 165
 Купецкая палата 115
- Л**
 Левенштейна лечебница для душевно-больных на Мамоновой даче 401
 Лежневы бани на углу ул. Краснохолмской 320
 Лепешкинские бани на Москве-реке у Новинского пер. 96
 Лефортовская пожарная часть 388
 Лефортовская часть 212
 Лицей Цесаревича Николая на Большой Дмитровке 542
 Лоскутная гостиница 180
 Львиный двор 177
- М**
 Магистрат 84, 420, 442
 Малороссийское подворье (двор) 111, 115, 208—210
 Малый театр 352, 355, 489, 490
 Манеж 132, 480, 481
 Мариинская больница 132
 Медокса воксал в Таганской части 242
 Медокса театр (оперный дом) 305, 490, 491
 Межевой архив 395
 Межевой институт 462
 Меншиковские бани 165
 «Метрополь» гостиница 489
 Мещанская съезжая (приказная) изба 105, 108, 109, 114

Мещанское училище 253, 476
Министерство Императорского двора 323
Мироваренная палата 228
Митрополичий двор в Кремле 67
Моисеевская богадельня 45
Моисеевские бани 487
Монетный департамент 487
Морская академия в Санкт-Петербурге 307
Москворецкие бани (у Москворецкого моста) 182, 187
Московская городская дума 254, 255, 290, 317, 401, 463–468, 470, 492, 586
Московская городская управа 254, 401, 402, 442, 586
Московская духовная академия 266
Московская духовная консистория 210, 396, 486, 497
Московская интендантская контора 33–35, 431
Московская контора городских строений 438
Московская крепостная контора 418
Московская Синодального правления канцелярия 579
Московский Археологический институт 220, 229, 265
Московский архив Министерства юстиции 87–89, 95, 234, 359, 391, 426, 428, 429, 466, 576, 578, 579
Московский Библейский комитет 477
Московский главный архив Министерства иностранных дел (Московский архив Коллегии иностранных дел) 33, 85, 308, 319, 320, 426, 480, 481
Московский губернский архив старых дел 413, 426, 438, 440, 491, 572
Московский земельный банк 251
Московский нижний земский суд 393
Московский университет 135, 176, 250, 267, 321, 367, 436, 439, 443, 444, 447, 470
Московского военного губернатора канцелярия 432
Московское городское управление 290, 291, 401, 468
Московское губернское правление 393, 436
Московское коммунальное хозяйство (МКХ) 469
Моссовет 470
Мытный двор 186, 443, 534

Мясницкий полицейский дом в Трехсвятительском пер. 320

Надворного суда департамент 443
Никольские казармы 436
Новгородский приказ 108
Новомещанская приказная изба 109

Окружной суд 461
Опричный двор 482
Оружейная палата в Кремле 56, 97, 133, 317
Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины 179
Охотничий клуб 482

Павловская больница 132, 259
Патриаршая изба у храма Василия Блаженного 414
Патриаршая синодальная ризница 229
Патриарший приказ 57
Пашковский на Моховой театр 351, 352, 437
Петербургский Арсенал 169, 171
Петербургский магистрат 106
Петербургский технологический институт 250
Петровские казармы 360
Петровский (Большой) театр 132, 350–353, 447, 483, 489
Пожарное депо Басманной части 388
Пожарное депо Якиманской части 388
Покровская община сестер милосердия 220, 226
Полевой двор (на Каланче) 91
Полицмейстерская канцелярия 236, 305
Посольский двор на Ильинке 84, 431, 537
Посольский приказ 103, 104, 106–110, 114, 116, 124, 163, 495, 561
Потешный двор 236, 237, 317
Почтамт 320, 499, 500, 507
Приказ Большого прихода 107
Приказ Большой казны 41, 107–109
Приказ Малой России 102, 107
Приказ общественного призрения 166, 320
Приказ церковных дел 51, 53
Псаренный двор на Знаменке 480
Пятницкая пожарная часть 388

Работный в Харитоновском пер. дом 386
 Разрядный приказ 88
 Ревизион-коллегия 237
 Рукавишниковский на Смоленском б-ре
 приют 378

Святейший Синод 49, 52, 54, 55, 237, 430,
 483, 582, 588
 Сенат 54, 87, 88, 96, 97, 234, 397, 446, 486
 Сенатский архив в Петрограде 486
 Серебрянические (Серебрянские) бани на
 Яузе 94, 95, 156, 182
 Серпуховской частный дом 388
 Сибирский приказ 553
 Симбирская гимназия 250
 Симбирская семинария 250
 Синодальная контора 212
 Славяно-греко-латинская академия 579
 Смирительный дом 96
 Смоленская богадельня на Арбате 432
 Совестный суд 443
 Совнарком (Совет Народных комиссаров)
 469
 Спасские казармы 309, 439
 Сретенская пожарная часть 388
 Статс-контора 237
 Стрелецкий приказ 120, 128
 Строгановские мастерские 253
 Строгановское училище 253, 320 499
 Сыскной приказ 107, 164, 165

Тверской частный дом 449
 Театр деревянный в Петровском парке 354
 Театр деревянный на Арбатской пл. 132, 351,
 483
 Театральное училище на Большой Дмитров-
 ке 377, 378

Технический институт 476
 Трамвайная 2-я электрическая станция в
 Симонове 468
 Трубные бани (на Трубной пл.) 285
 Тургеневские богадельни на Моховой 481

Университетская гимназия 176
 Университетский пансион 483
 Управа благочиния 168, 305, 429, 439, 487
 Управы благочиния канцелярия 439
 Училище живописи, ваяния и зодчества 321

Федосьевская (Феодосьевская) богадельня
 497, 505

Хамовнический частный дом 320
 Художественный театр 376, 484, 485

Цейхгауз 236, 237
 Центральные бани 179

Черепанова народный театр на Сретенском
 б-ре 320

Шереметевский странноприимный на Су-
 харевской пл. дом 376, 436
 Школа гимнастики, фехтования и верховой
 езды 376
 Школа колонновожатых на Большой Дми-
 тровке 485, 542
 Школа навигационных и математических
 наук (Навигационная школа) в Сухарево-
 й башне 307, 308

Якиманская пожарная часть 388
 Ямской приказ (Ямская изба) 558
 Яузская пожарная часть 388
 Яхт-клуб 380

VI. Казенные, общественные и частные здания и владения

Александринский дворец в Нескучном 31,
 391
 Анненгофский дворец в Лефортово 133, 236
 Апраксина на Знаменке дом 351, 352, 477
 Археологического общества на Берсеневке
 дом 425

Баженовский дворец в Кремле 135
 Бахрушина в Большом Златоустинском пер.
 дом 498
 Библийского общества на Лубянской пл. дом
 505
 Биржи (новой) в Санкт-Петербурге здание
 483

Благородного собрания на Дмитровке дом
89, 319, 436, 438, 477, 488

Братолюбивого общества на Плющихе дом
320

Бурышкиных (на Волхонке) дом 341

Васнецова В.М. в Троицком пер. дом 263

Верещагинская дача 259

Военной инвалидной богадельни на Новой
Басманной здание 320

Волкова в Харитоньевском пер. дом (палаты)
387

Воробьевский дворец 84

Гагарина М.П. на Тверской палаты 360

Гагарина Н.С. на Новинском б-ре дом 132

Гагаринский на Страстном б-ре дом 542

Гагариных на Тверской дом 296

Годуновский дворец в Кремле 437

Голицына В.В. палаты 179, 484, 488

Голицына Ф. на Знаменке дом 236

Голицынская дача 31

Головинский дворец в Лефортово (Лефор-
товский дом) 32, 34, 134, 573

Городской думы в Китай-городе дом 317

Государев двор у Володимера в Садах (у хра-
ма Владимира в Старых Садах) 72

Государственного банка на Никитском б-ре
дом 132, 133, 319

Грановитая палата 158, 184, 237

Губина* на Петровке дом 462

Дашковой на Большой Никитской дом 362

Дворец Труда в Охотном ряду 74

Екатерининский в Лефортово дворец
133—135

Елизаветинский в Кремле дворец 97, 98

Запасной в Кремле дворец 181, 182

Игумнова на Якиманке дом 253

Казначейства на углу Арбата и Староконо-
шенного пер. здание 88, 320, 482

Княжеский в Кремле дворец 67

Кокоревское подворье 189

Консерватории на Большой Никитской
здание 362, 379

Конторы адресов на Поварской здание 320

Кремлевский Большой дворец 149, 253, 256,
317

Кремлевский Малый (Николаевский) дво-
рец 156, 256, 461

Купеческого общества в Рыбном пер. дом
317

Купеческого общества в Юшковом пер. дом
317

Куракина А.Б. на Старой Басманной дом 462

Кучки боярина ус. 63

Лазаревского института восточных языков в
Армянском пер. дом 503

Левинсона в Рахмановском пер. дом 376, 380

Лефортовский дворец 237, 573, 578

«Лионского кредита» на Кузнецком мосту
дом 367

Мамоновская (Ноевская; Юсупова; Фонви-
зинская) дача 380, 391, 392, 396, 400—402,
468

Матвеева Артамона на Маросейке палаты
362

Мерилиза на Петровке дом 489, 490

Мещанского общества в Охотном ряду дом
179

Мраморный в Санкт-Петербурге дворец 134

Набережная в Кремле палата 182, 184

Народного уездного училища на углу Арбата
и Денежного пер. здание 320

Нескучный А.Г. Орлова-Чесменского дворец
361

Ностица у Театральной пл. дом 305, 490

Обер-полицмейстера в Тверской части дом
436

Общины «Утоли моя печали» в Лефортово
дом 361

Опекунского Совета на Солянке здание 132

Орлова-Чесменского А.Т. на Калужской дом
31

* В тексте ошибочно указан дом Самарина (Губкиной).

Орловой-Чесменской А.А. на углу Фурман-
ного пер. дом 362

Остермана на Садовой дом 362

Патриарший в Китай-городе двор 120

Патриарший загородный на Козьем болоте
двор 537

Патриарший загородный у Мясницких ворот
двор 537

Пашкова дом 351, 462

Петра митрополита в Кремле палаты 147, 183

Петровский дворец 510

Писарева (Голофеева) в Люблино дача 133

Покровский в Покровском-Рубцове дворец
222

Потешный в Кремле дворец 58, 236, 439

Правительствующего Сената в Лефортово
здание 578

Практической академии коммерческих наук
на Покровском б-ре дом 399, 444

Присутственных мест здание 180, 436, 438,
489

Разумовского в Трубном пер. дом 362

Разумовского на Большой Якиманке дом 362

Разумовского на Гороховом поле дом 362

Разумовского на Девичьем поле дом 361

Разумовского на Шаболовке дом 362

Разумовской на Тверской дом 542

Римского-Корсакова в Камергерском пер.
дом 376

Романовых на Варварке дом 317

Ромейко на Тверском б-ре дом 380

Румянцева-Задунайского в Рогожской дом
362

Румянцева-Задунайского на Маросейке дом
362

Сената (Судебных установлений) в Кремле
здание 97, 428

Синодальных певчих в Китай-городе здание
439

Скорняковой на Петровке дом 377

Слободской дворец (Бестужева-Рюмина
А.П. в Немецкой слободе дом) 132, 236,
573, 577, 578

Соллогуба на углу Поварской и Кудринской
пл. дом 462

Софьи Витовтовны в Ваганьково дворец 63

Страхового общества на Воздвиженке здание
481, 482

Страхового общества «Россия» на Сретен-
ском б-ре дома 320

Студенец дача 380

Тайной канцелярии (экспедиции) на Лубян-
ской пл. дом 434, 505

Терема в Кремле 98, 182, 253

Торгового банка на углу Ильинки и Юшкова
пер. дом 317

Трубецкого на Покровке дом 362

Уваровой в Леонтьевском пер. дом 364

Управления государственными театрами на
Б. Дмитровке здание 377

Хабара Симского (Хабро) в Кремле палаты
185

Ховрина в Кремле палаты 185

Цареборисовский в Кремле двор 67

Шереметева на Семеновской дом 361

Шереметева С.Д. на Воздвиженке дом 361

Шереметева С.Д. на Никольской дом 360,
361

Шереметевых в Черкасском пер. дома 361

Шестигласной Думы здание 97

Экономического общества офицеров на
Воздвиженке здание 482

Юсупова на Мойке (в Санкт-Петербурге)
дом 385

Юсуповых в Трехсвятительском тупике дом
385, 387

Яузский дворец 219

VII. Крепостные сооружения

Алевизов ров 413, 415

Арбатская воротная башня Белого города 191, 462

Арбатские (Смоленские) ворота Белого города 132, 191, 193, 226, 293, 482

Арбатский острожек 226

Арсенальная (Собакина; Неглинская) башня Кремля 156, 427

Беклемишевская башня (стрельница) Кремля 69, 187–190, 194, 317

Белого города стена 84, 162, 175, 193, 197, 448, 462, 464, 500, 507, 536

Белогородский вал 425

Берсенева воротная башня Белого города 192

Берсеневские (Водяные, Всехсвятские) ворота Белого города 164, 191, 192, 195

Бибрийский замок в окрестностях Рейна 90

Боровицкие (Предтечинские) ворота Кремля 63, 67, 98, 145, 146, 149, 156, 157, 181, 183, 184, 197, 293, 440, 480

Варварские ворота Китай-города 92, 424

Владимирская (Никольская) башня (ворота) Китай-города 426

Водяные (Берсеневские, Всехсвятские) ворота Белого города 316

Водяные (Москворецкие; Спасские) ворота Китай-города 177, 186–189

Воскресенская башня у Иверских ворот 189, 426

Воскресенские (Иверские; Неглинские; Куретные; Львиные) ворота Китай-города 53, 120, 162, 164, 173, 175–177, 180, 182, 187, 189, 190, 256, 487, 534

Воскресенский бастион Китайгородского вала 447, 448

Всехсвятская стрельница Белого города 164

Всехсвятские (Берсеневские; Водяные) ворота Белого города 160, 162, 165, 167, 181, 191

Геок-Тепе крепость 261

Гербовая башня Кремля 182

Гербовые (Колымажные) ворота Кремля 145, 182

Детинец (Новгород) 187

Думфериолимский замок 90

Ильинская башня Китай-города 426

Ильинские ворота Китай-города 496

Калужские ворота Земляного города 496

Китайгородская (Китайская) стена 69, 120, 156, 173, 175, 185, 187–191, 268, 437, 496, 505, 540

Китайгородский вал 448

Коломенская крепость 298

Константино-Еленинская башня Кремля 67, 69, 413

Константино-Еленинские (Тимофеевские; Нижние) ворота Кремля 67, 145, 156, 196

Космодемьянские (Васильевские) ворота Китай-города 156, 292

Кремлевская стена 69, 97, 98, 120, 156, 181, 194, 197, 268, 317, 413, 416, 420, 475, 480

Кремль 49, 51, 54, 61–64, 66–70, 97, 98, 120, 123, 141, 142, 144–146, 148, 149, 153, 154, 156, 157, 161, 162, 164, 169, 170, 177, 178, 180–190, 194–197, 236, 237, 253, 256, 263, 265, 267, 292, 293, 317, 318, 359, 360, 413, 414, 416, 424, 426–428, 438–440, 446, 447, 461, 463, 464, 466, 475, 494, 511–513, 521, 534, 538, 539, 548, 575

Круглая башня в Нижнем набережном саду в Кремле 182

Круглая башня Китай-города 424, 427, 428

Кутафья башня 161, 162, 167

Людвигсбург замок 90

Москворецкие (Водяные; Спасские) ворота Китай-города 53, 160, 175

Мясницкие (Фроловские) ворота (воротная башня) Белого города 191, 293, 460, 496, 500, 506

Набатная башня Кремля 388

Никитские ворота (воротная башня) Белого города 44, 67, 191, 237

Никольская (Владимирская) башня (ворота) Китай-города 496, 504, 505, 534

Никольская башня (стрельница) Кремля 67, 317, 426, 428
Никольские ворота Кремля 69, 97, 156, 173, 317, 414,

Петровская башня Кремля 194
Петровские ворота (воротная башня) Белого города 95, 123, 191
Покровские ворота (воротная башня) Белого города 51, 191, 237, 441
Пречистенская воротная башня Белого города 462
Пречистенские (Чертольские) ворота Белого города 190–192, 293
Проломные ворота Китай-города 496

Свибловская (Водовзводная; Водяная; Угловая) башня Кремля 182, 196
Семиверхая башня Белого города 191, 192
Сент-Ангела крепость (замок св. Ангела) в Риме 90
Серпуховского кремля стены 196
Смоленские ворота Белого города (Арбатские) 360
Смоленского кремля стены 191, 193
Собакина (Арсенальная) башня Кремля 181, 317, 428
Спасская (Фроловская) башня Кремля 156, 162, 237, 253, 299, 535

Спасские (Водяные; Москворецкие) ворота Китай-города 186, 188
Спасские (Фроловские) ворота Кремля 51, 67, 72, 97, 168, 173, 182, 195, 196, 293, 297, 317, 413, 414
Сретенские ворота Белого города 91, 92, 94, 124, 226
Сухарева башня 92, 307, 308, 341, 463

Таганские ворота Земляного города 117
Тайницкая башня Кремля 187, 428
Тайницкие (Чешковы; Водяные) ворота Кремля 67, 194
Тверская воротная башня Белого города 462
Троицкая башня Кремля 161, 428
Троицкие (Курятные; Чертольские) ворота Кремля 67, 161, 167, 178, 181, 182, 191, 293, 480

Фроловская (Спасская) башня (стрельница) Кремля 67, 94, 95

Часовзвонная башня в Новгороде 388
Чертольские (Пречистенские) ворота Белого города 178

Шестиворотная башня 164–167, 181, 459

Яузские ворота Белого города 53, 94

VIII. Инженерные сооружения (мосты, плотины), городской водопровод и железные дороги

Алексеевская (Ольденбургеровская) водоканал 463
Андреевский водопровод 466
Артезианский колодец на Яузском б-ре 466

Бабьегородская плотина 253, 463, 466
Боровицкий мост (р. Неглинная) 236
Бородинский мост (р. Москва) 466, 467, 475

Виндавская ж.д. 320
Воскресенский (Куретный) мост (р. Неглинная) 161, 162, 173, 174, 176–178, 181, 236, 316
Всехсвятский (Берсенеvский; Новый каменный) мост (р. Москва) 98, 160, 162–166, 181, 185, 188, 192, 237, 463, 464, 466, 468
Высокояузский мост 466

Горбатый мост (р. Пресня) 160
Госпитальный деревянный мост (р. Яуза) 439

Дорогомиловский мост (р. Москва) 160

Екатерининский водовод 463

Измайловский мост (в Измайлово) 167

Каменный Малый мост (Водоотводный канал) 466
Киево-Воронежская ж.д. 500
Краснохолмская плотина 463, 466
Краснохолмский мост (р. Москва) 466, 468
Крестовские (водонапорные) башни 467

Крымский мост (р. Москва) 160, 263, 466, 468

Кузнецкий мост (р. Неглинная) 179

Люберецкие поля орошения 468

Москворецкий («Живой») мост 94, 98, 160, 161, 173, 182, 184, 187, 190, 257, 439, 466, 475

Мытищинский водопровод 462, 464, 467

Насосная главная станция 468

Неглинский мост 178

Никольский мост (р. Неглинная) 162, 176

Подольский мост (р. Пахра) 174

Преображенский водопровод 466

Рублевский водопровод 467

Салтыков мост (Лефортово; р. Яуза) 135

Спасский (Фроловский) мост на Красной пл. 162, 167, 168, 182, 413, 414, 416, 419, 420

Троицкий (Старый каменный) мост (р. Неглинная) 51, 161, 162, 167, 174, 178, 489

Устьинский Большой мост (р. Москва) 161, 466

Устьинский Малый мост (р. Яуза) 466

Ходынский водопровод 466

Чугунный мост (Водоотводный канал) 466

Яузский (Горбатый) мост 156, 160

IX. Монастыри, храмы, часовни, некрополи

Монастыри, монастырские подворья, пустыни, скиты

Алексеевский женский 257, 264, 446, 540

Андреевский мужской 392–396, 439

Андреевский на Афоне скит 228, 316

Афанасьевский мужской 68

Белоградского архиерейского дома в Китай-городе подворье 431

Богоявленский (Богоявленско-Анастасиин) в Костроме женский 430

Богоявленский мужской 65, 69, 142, 387, 439, 539

Владимирского архиерейского дома подворье 431

Воздвиженский мужской 52

Вознесенский женский в Кремле 68, 133, 237

Воскресенский (Воскресения Высокого; за Золотой решеткой) мужской 41, 45, 173, 486

Воскресенский Ново-Иерусалимский мужской 437

Воскресенское подворье 432

Высоко-Петровский мужской 73, 539

Вятское подворье 498, 503, 506

Георгиевский женский (на Дмитровке) 50, 483

Гуслицкий (Спасо-Преображенский) мужской 228

Данилов мужской 50, 64–66, 92, 142, 316, 431, 539

Донской мужской 50, 92, 221, 226, 253, 319, 392, 395, 443

Зачатьевский женский 70, 71, 263, 429, 540
Златоустовский мужской 441, 503, 504, 540
Знаменский мужской 228, 430, 431

Ивановский женский 61, 92, 237

Иверского новгородского монастыря в Китай-городе подворье 431

Калязинское подворье 431

Кирилло-Белозерское (Кирилловское) в Кремле подворье 190, 317

Коломенское подворье 498, 499, 503, 506

Крестовоздвиженский (Анастасин) женский в Костроме 430

Крутицкое подворье (Крутицкий архиерейский дом) 317, 431, 437, 540

Лукьяновская пустынь (Владимирская обл.)
114

Моисеевский девичий 176

Нижегородское в Китай-городе подворье
317

Никитский женский 430

Николо-Вязищский* женский (Новгород-
ская обл.) 556

Николо-Перервинский мужской 228, 308,
514

Николо-Угрешский мужской 53

Никольский греческий мужской (Никола
Старый; Никола Большой на Песках) 53,
69, 98, 538, 539

Никольский единоверческий мужской 228

Новинский мужской 430

Новодевичий 91, 393, 431, 437

Новоспаский мужской 92, 228, 316

Предтеченский Азовский мужской 165

Псковское подворье 498, 503

Рождественский женский 73, 539

Ростовское подворье 317

Рязанское (архиерейское) подворье 431, 497,
505, 506

Саввино-Сторожевский мужской 486

Саввинское подворье 173, 485, 486

Саровская пустынь (Тамбовская обл.) 228

Свенский мужской (Брянская обл.) 116

Симонов мужской 50, 117, 257, 266, 371, 430,
431, 438, 443, 539

Скорбященский женский 265

Соловецкая пустынь 53

Спасо-Андроников мужской 53, 62, 70, 71,
92, 539

Спасо-Преображенский в Кремле мужской
148

Спасо-Прилуцкий (Димитриев) мужской
(Вологодская обл.) 555

Сретенский мужской 73, 539

Страстной женский 91, 121, 228, 284, 446

Суздальский (Спасо-Евфимиев) мужской
446

Суздальское подворье 171, 172

Тверское подворье 317

Тихвинский новгородский 157

Троице-Сергиева Лавра (Троица), мужской
68, 112, 115, 213, 228, 315, 430, 431, 441,
539

Троицкое в Кремле подворье 68, 69, 237, 317

Троицкое у Неглинной подворье 315

Тульское подворье 498, 503

Успенский во Владимире 50

Федоровский у Никитских ворот мужской
537, 540

Чудов в Кремле мужской 46, 66–69, 71, 156,
185, 224, 237, 284, 428, 431, 441

Ютско-Дорофеевская пустынь (Ярослав-
ской обл.) 228

Храмы православные и культовые здания других конфессий

Адриана и Натальи в Мещанской слободе
116, 117

Адриана и Натальи на Псковском подворье
498

**Акинфия (Иакинфа; Космы и Дамиана в
Шубине)** 41, 47, 72

**Александра Невского на Тайницких воротах
в Кремле собор** 429, 430

Алексия митрополита на Глинниках 41

**Анастасии Узорешительницы (на Житной
площадке) в Охотном ряду** 75, 305, 487,
489

Андрея св. в Риме 90

Антипия Чудотворца у Колымажного двора
236

Армянская кирха 507

Архангельский в Кремле собор 63–65, 69,
142, 154, 157, 168, 182–184, 190, 197, 253,
257, 428

* В тексте ошибочно указан Николо-Вежинский монастырь.

- Архиерейский в Черкизово дом 431
 Афанасия Александрийского в Кремле 190
 Афанасия и Кирилла в Афанасьевском м-ре в Кремле 68
 Афанасия и Кирилла в Вознесенском м-ре в Кремле 68
- Благовещения** в Старом Ваганькове 481
 Благовещения Моисеевского м-ря 176
 Благовещения на Житном дворе в Кремле 430
 Благовещения на Крутицком подворье 317
 Благовещения на Тверской 122
 Благовещенский в Кремле собор 65, 149, 184, 228, 253, 428
 Благовещенья в приказе Пыжова (в Пыжах) 536
 Богородице-Рождественский в с. Суханово 576
 Богоявленский Богоявленского м-ря на Никольской 68
 Большого Вознесения колокольня 44
 Бориса и Глеба в Кремле 317
 Бориса и Глеба на Поварской (у Карцева) 46, 360
 Бориса и Глеба у Арбатских ворот 437, 482
- Варсонофьевский** в Варсонофьевском пер. 55
 Василия Блаженного (Покровский) собор 149, 180, 182, 253, 257, 263, 267, 413—415, 419—421, 430, 534
 Василия Кесарийского на Тверской (в Тверской-Ямской слободе) 45, 360, 486
 Введения в Барапах (Илии Пророка под Сосенками) 43, 116
 Введения в Новинском (бывш. Новинского м-ря) 431
 Введения во храм Пресвятой Богородицы (Введения Златоверхая) у Гостиного двора 538
 Введения на Лубянке 122
 Весты в Египте 90
 Владимира в Старых Садах 538
 Власия в Старокопюшенной 284
 Власия на Козьем болоте 61
 Воздвижения на Воздвиженке 55
 Воздвижения на Остром конце 69
 Воздвижения на Поветном (Чистом) вражке 61
 Вознесение (Большое) за Никитскими воротами (в Новых Сторожах) 44—46, 122
 Вознесение (Малое) на Большой Никитской 44, 45, 361
 Вознесения на Гороховом поле 91, 362
 Вознесения у Серпуховских ворот (на Серпуховке) 55, 75, 461
 Воскресения в Барапах (Успения под Сосенками) 43, 47
 Воскресения в Булгакове на Варварке 317, 438
 Воскресения в звоннице «Ивана Великого» 158
 Воскресения в Кадапах (на Грязи) 61
 Воскресения в Скоморошках 485
 Воскресения Лазаря в Кремле 68
 Воскресения на Успенском вражке (Воскресения Христова хороших колокольников) 44, 45, 61
 Воскресения Нового на Остоженке 70
 Воскресения Словущего в Крутицах 66
 Воскресения Старого (на Дуровом огороде) на углу Остоженки и Савеловского пер. 46, 70
 Воскресения Христова (Даниила Столпника) в Даниловской слободе 64
 Воскресения Христова в Пленницах 394, 396
 Воскресения Христова в Старом Преображенском дворце 430
 Воскресения Христова на Петровке, у Кузнецкого моста (Воскресения Словущего у старых богаделен) 489
 Всемилоостивого Спаса над Святыми воротами в Симоновом м-ре 371
 Всех Святых в Чертолье (в Валу) у Берсеневских ворот 72, 191, 195, 538, 540
 Всех Святых на Кулишках 73, 438, 538, 540
 Всех Скорбящих в Вознесенском м-ре в Кремле 430
- Гавриила Архангела** на Арбате 40
 Гавриила Архангела на почтамтском дворе, на Чистых прудах (Меншикова башня) 360, 492—495, 500, 501, 507
 Георгия (Егория) в Ендове 94, 95, 123

Геorgia в Лучниках* (в Старых Лучниках) на Лубянке 360, 494, 504

Геorgia в Солодовниках, на Яру на Болвановке (Спаса Преображения на Болвановке) 43

Геorgia на Дмитровке 483

Геorgia на Красной горке (Геorgia в Сущеве; Геorgia на Тверской (против Моисеевской богадельни)) 45, 178

Геorgia у Спасских ворот 430

Гоара на Рейнфельской крепости 90

Гребневской Божией Матери на Лубянке 430, 494—498, 504—506, 538, 540

Григория на Дмитровке 41

Григория Неокесарийского в Морозове слободе (в Дербицах (?)) 47

Двенадцати Апостолов в Кремле 67, 69, 431

Дмитрия Солунского на Арбате 482

Дмитрия Солунского на Воздвиженке 481

Евпла архидиакона на Мясницкой 494, 495, 499

Егория у Воскресения Высокого 41, 45

Ермолая на Козьем болоте 61, 360, 537, 540

Жен Мироносиц при доме гр. Шереметева на Никольской 317

Живоносного Источника на Воробьевых горах 430

Захария и Елизаветы в Георгиевском м-ре 483

Зачатия Анны в Углу 440, 538

Знамения в Зубове 361

Знамения за Петровскими воротами 360

Иван Великий (Ивановская колокольня; соборная башня; Ивановский; Годуновский столп) 67, 97, 134, 153, 158, 170, 182, 183, 253, 317, 430, 431, 512

Илии Обыденного на Остоженке 70, 256

Илии Пророка в Черкизово 70

Илии Пророка на Воронцовом поле 92

Иоакима и Анны у Пушечного двора 172, 438

Иоанна Богослова (под Вязом) у Китайгородской стены 538

Иоанна Лествичника под колоколы под колокольней Ивана Великого 67, 151, 153, 158, 184, 190, 197

Иоанна Предтечи на Пресне 55

Иоанна Предтечи при Новодевичьем м-ре 431

Иоанна Цареградского и Александра Невского (Иоанна, Павла и Александра Константинопольских) в колокольне Симонова м-ря 582, 583

Ирины (домовая Нарышкиных) на углу Воздвиженки и Моховой 55

Ирины в Китай-городе 430

Ирины при Московском Главном архиве Министерства иностранных дел 481

Казанский в Старом Сущеве 315

Казанский (домовый Головиных) в Подколольном пер. 55

Казанский на Красной пл. собор 97, 430

Казанский на Якиманке (у Калужских ворот) 253

Кирилла Александрийского на Кирилловском подворье 317

Климента в Чертолье 70

Климента на Варварке 317

Климента на Пятницкой 461

Константина и Елены в Кремле 156, 430

Космы и Дамиана (Кузьмы и Демьяна) на Остром конце 69

Космы и Дамиана (Старого) на Вражках 61

Космы и Дамиана в Кадашах 50

Космы и Дамиана в Кисловке 485

Космы и Дамиана в Шубине («на Ржищах»; Акинфия; Иакинфа) 55, 71, 361, 485, 540

Леонтия Ростовского дворцовый («на сенях») в Кремле 429

Леонтия Ростовского на Успенском вражке 45, 61, 120

Максима Блаженного (Бориса и Глеба) на Варварке 506, 538

Марии Египетской в Сретенском м-ре 73, 538

* В тексте приводится название «В Лучниках».

Михаила Малеева при доме Московского
Главного архива Министерства иностран-
ных дел (на Моховой) 480

Моисея Боговидца (Благовещения Пресвя-
той Богородицы) Моисеевского м-ря 176,
488

Николая Чудотворца в Вятском подворье
498

Николая Чудотворца в Кленниках (Блинни-
ках; на Покровке; у Покровской решетки;
Казанской Божией Матери) 43, 47, 57, 59,
208, 209

Николая Чудотворца в Пушкарской слободе
(Спаса Преображения в Пушкарях) 46

Николая Чудотворца в Солодовниках 41, 42

Николая Чудотворца в Хамовниках (у Ми-
трополичьих конюшен) 46, 71, 540

Николая Чудотворца на Мясницкой 487

Николая Чудотворца на Рождественке 237

Николая Чудотворца Явленного на Арбате
(«Новые Прощи» из-за Арбатских ворот;
Тихона у Арбатских ворот) 46, 70

Николаы Большой Крест на Ильинке 476

Николаы в Башмачках (Николаы Явленного
«Старые Прощи»; Похвалы Богородицы)
70, 72

Николаы в Гнездниках 45

Николаы в Голутвине (Рождества; Николая
Чудотворца (Пятницы) за Песком) 41, 42

Николаы в Драчах 62, 257

Николаы в Киевцах 70, 540

Николаы в Кобыльском 237

Николаы в Московском манеже 480

Николаы в Мыльниках 536

Николаы в Николо-Греческом м-ре 55

Николаы в Новом Ваганькове (на Ваганькове,
у Государева нового двора; во Псарях;
за Никитскими воротами; за Земляным
городом) 44

Николаы в Подкопаях 538

Николаы в Пыжах 536

Николаы в Сапожке (Николаы Чудотворца
Зарайского у Каменного моста за Нег-
линной) 480

Николаы в Старом Ваганькове 480

Николаы в Столпах (Николо-Столбовский)
122, 300, 440

Николаы в Углу 317

Николаы Гостунского в Кремле собор 97, 317,
430

Николаы Дербенского (Николая Чудотворца
в Дербенево) 60

Николаы Мокрого (на Мокром) 69, 120, 538

Николаы Москворецкого (Благовещения на
Болоте) 61, 540

Николаы (Сопествия святого духа; Иоанна
предтечи Ясовой) в Толмачах 47, 72, 123

Николаы Стрелецкого у Боровицкого моста
361

Николаы (Троицы) на Берсеневке (Николая
Чудотворца у Русанина двора красных
колокольников) 42

Никольский в Можайске собор 133

Новоспасского м-ря колокольня 49, 461

Отрады и Утешения на Ходынском поле 264

Параскевы Пятницы в Охотном ряду (у
Старых Поля; у Быдаревы; Воскресения
домовый кн. В.В. Голицына) 45, 46, 74,
75, 178, 179, 305, 487, 488

Параскевы Пятницы на Божьих домах (Спа-
са на Божедомке) 307

Параскевы Пятницы на Пятницкой 50

Петра апостола в Кремле 151

Петра в Риме 90, 492

Петра и Павла в Лефортово 212, 215—219

Петра и Павла в Преображенской слободе 92

Петра и Павла на Арбате 482

Петра и Павла на Новой Басманной 55, 320

Петра и Павла на Якиманке (в Голутвиной; в
Хвостове) 47, 55, 71, 540

Петра и Павла римско-католический в Ми-
лютинском пер. 320

Петра митрополита в Кремле 430

Покрова в Рубцове (в Покровской общине
сестер милосердия; при Покровском
дворце) 220, 223—227, 430

Покрова на Лыщиковой горе 62

Покрова на Покровке (в Садах) 209

Похвалы Богородицы (Николаы Явленного
«Старые Прощи»; Николаы в Башмачках)
46, 70

Премудрости Божии Софии на Ваганькове
(подле Земляного города; за Никитскими
воротами) 43

Преображения Господня на Тверской 438

Происхождения Честного Креста Господня в
Жернилове 41, 43

- Ризоположения в Кремле 67, 145
 Рождества Богородицы «на сенях» в Кремле собор 68
 Рождества Богородицы в Путинках 46, 537
 Рождества Богородицы в Старом Симонове 73, 371
 Рождества Богородицы* на Стрелке (на Кулишках) 438
 Рождества Богородицы на Трубе в Кремле 156, 182, 256
 Рождества Иоанна Предтечи на Бору (под Бором; на дворце; Уара) в Кремле 61, 63, 98, 146–149, 181, 183, 184, 197, 430, 538, 540
 Рождества Иоанна Предтечи на Пресне 55
 Рождества Христова в Кудрине 44
 Рождества Христова в Палатах (в Старых Палатах; у Мисюревы мельницы за Тверскими воротами) 46, 47, 284, 537
 Рождественский, «под колоколы» в Кремле собор 429, 430
- Саввы в с. Баде 47
 Саввы Стратилата на Знаменке 483
 Святых Жен Мироносиц у Якиманки 42, 43
 Семи Вселенских соборов в Даниловом м-ре 64
 Сергия в Кремлевском дворце 430
 Сергия Радонежского (Тихвинский) в Симоновом м-ре 371–373
 Сергия Чудотворца в Крапивках (в Новых Сторожах; на Петровке; у Трубы; в Старых Серебренниках) 45, 46, 536
 Симеона Богоприимца на Поварской 361, 362
 Симеона Дивногорца на Покровке 43, 47, 57, 72, 209
 Симонова монастыря колокольня 63, 371, 372, 374, 582
 Сионский в Тифлисе собор 229
 Софийский на Лубянке (Софии на Софийке) 536, 538
 Спаса в Каретном ряду 42
 Спаса в Наливках 55
 Спаса в Чигасах 476, 538
 Спаса за Золотой решеткой (Верхоспасский) в Кремле собор 182, 228, 430
- Спаса на Божedomке (Параскевы Пятницы на Божиих домах) 307, 575
 Спаса на Бору в Кремле собор 61–64, 105, 142, 148, 149, 153, 182, 183, 197, 256, 548
 Спаса на Глинищах 122
 Спаса на Шеине дворе 316
 Спаса Преображения в Копье 75, 305, 485
 Спаса Преображения в Переславле-Залеском собор 148
 Спаса Преображения на Болвановке (на Красной царичинской и великой княгини слободе) 42, 43, 538
 Спаса Смоленского на Москворецкой ул. 186
 Спасо-Андроникова монастыря колокольня 461
 Спасо-Преображенский в Твери собор 143
 Спасский в Симоновом м-ре 58
 Спиридона на Козьем болоте 61, 537
 Сретенский в Кремле собор 182, 430
 Стефана архидиакона за Яузой 39
 Стефана около Сретеньки 40
- Татьяны при Московском университете 351, 352
 Тихвинский (Сергия Радонежского) в Симоновом м-ре 370, 371, 374
 Тихвинский в Коломенском подворье 458
 Тихвинский в Лужниках 55
 Тихона Чудотворца у Арбатских ворот 46, 360, 482
 Трех Святителей на Кулишках 72, 73, 122
 Трех Святителей у Красных ворот 346
 Трифона в Напрудной 364
 Троице-Сергиевой Лавры колокольня 430
 Троицкий Троице-Сергиевой Лавры собор 229
 Троицы в Кожевниках 316
 Троицы в Листах 477
 Троицы в Лужниках (Николая Чудотворца, в Конюхах, на Верченом) 43
 Троицы в Никитниках 59
 Троицы в приходе церкви Воскресения Христова во Пленницах 396
 Троицы в Старых Полях 39, 175, 293, 538
 Троицы в Стрелецкой слободе 536
 Троицы в Троицкой слободе 115, 264

* В тексте ошибочно указано название «Рождества Христова, что на Стрелке».

Троицы на Берсеневке (Троицы в Берсеневских Садовниках; Николы на Берсеневке) 47, 191

Троицы на Грязех 120

Троицы на Капельках 61

Троицы на Хохловке (в Старых Садах) 210, 211

Успения (домовый Салтыковых) на Никольской 55

Успения в Екатерининском дворце в Лефортово 134

Успения в Кожевниках 55, 316

Успения на Бору (Гребневской Божией Матери) 498

Успения на Крутицах собор 66, 431, 441, 540

Успения на Могильцах 438

Успения на Остоженке (у Остожного двора; Иоанна Лествичника в Семчинском сельце) 41, 42, 70

Успения на Покровке 487

Успения на Успенском вражке 45, 61

Успенский в Кремле собор 64, 65, 67, 145, 147, 148, 150, 151, 158, 183, 184, 190, 197, 198, 228, 229, 260, 317, 428, 431, 438, 590, 591

Успенский Крестовоздвиженского м-ря собор 481

Успенский Симонова м-ря собор 73, 372, 582

Федора Стратилата в Архангельском пер. 501

Феодосия на Лубянке 536

Филиппа апостола в Патриаршем доме 39

Филиппа митрополита в Мещанской слободе 115, 116

Филиппа митрополита в Патриаршем доме 39

Флора и Лавра (Флоровский) у Государевых конюшен 72, 73, 538, 540

Флора и Лавра на Мясницкой (у Мясницких ворот) 173, 495, 496, 500

Харитона Исповедника в Огородниках 537

Христа Спасителя 63, 72, 178, 253, 254, 257, 264, 566, 476, 540

Черниговских чудотворцев (Черниговский на Тайницких воротах) в Кремле собор 182, 190, 317, 429, 430

Чуда Архангела Михаила в Чудовом м-ре собор 68, 266

Часовни

Александра Невского в Охотном ряду 488

Иверская у Воскресенских ворот (Никола-Угreshского м-ря) 53, 489, 588

Николая Чудотворца на Никольской 53

Спаса Москворецкого у Москворецкого моста 53

У Андроникова монастыря каменная 53
У Таганских ворот деревянная 53

Кладбища

Ваганьковское 256, 346, 466

Донское 400

Калитниковское 134, 466

Лазаревское 466

Рогожское старообрядческое 265

Скорбященского м-ря 265

У храма Леонтия Ростовского 120

Х. Музеи, галереи, выставки

Александровского военного училища музей 408

Венская галерея 251

Берлинская галерея 251

Голицына галерея-музей на Волхонке 322

Изящных искусств им. В.В.Верещагина
музей (г. Николаев) 262

Изящных искусств музей 321, 322, 341

Исторический музей 97, 178, 193, 264, 267,
286, 317, 341, 414, 428, 466, 470, 474, 492

Коммунальный музей 181, 193, 195, 470

Лемерсье галерея в Москве 262

Литературно-художественного кружка галерея 182

Панорама Плевны на Сретенском б-ре 320

Политехническая выставка 379

Политехнический музей 267, 466

Растопчинская публичная галерея на Садовой 321

Румянцевский музей 251, 264, 322, 413, 462,
470, 480

Старой Москвы музей 193, 308, 309, 320,
327, 340—342, 395, 408—410, 492, 575

Третьяковская галерея 180, Ю 250, 251, 254,
264, 265, 268

Тюрина Е.Д. картинная галерея 320, 322, 326,
477

Фанаторийского полка музей 408

Цветковская картинная галерея 250, 253,
255, 258, 264

Церковно-археологический музей в Епархиальном доме 225

Щукинский музей 159

Эрмитаж 180, 326

XI. Скульптурные памятники и мемориальные сооружения

Александр III императору 72

Колоннада Ватикана в Риме (на пл. св. Петра) 90

Красные триумфальные ворота 237, 346

Кутузовская в Филях изба 257

Лобное место 97, 420, 431, 439, 440

Минину и Пожарскому 97, 267, 437, 581

Серпуховские триумфальные ворота 439

Триумфальные ворота (арка) 132, 257

Триумфальные ворота на Большой Тверской (деревянные) 491, 492

Триумфальные ворота на Мясницкой (деревянные) 491, 492

Триумфальные ворота у Всехсвятского моста 165

Царь-колокол в Кремле 97

Царь-пушка в Кремле 49, 97, 414, 428

XII. Рощи, сады, парки, скверы

Александровский (Кремлевский) сад (парк) 133, 161, 175, 180, 379, 460, 463, 464, 468,
489

Аптекарские сады 317

Аптекарский (государев; новый) сад 482

Аптекарский (старый) сад 480

Березовая за Камер-Коллежским валом
роща 441

Воскресенский сквер 467

Головинский в Лефортово сад 33—35, 135

Дворцовый (Слободской) в Лефортово сад 135

Екатерининский парк 379

Набережный (Кремлевский) нижний сад 156, 182

Нескучный сад 31, 353, 354

Оленья за Камер-Коллежским валом роща 441, 466

Парки на Воробьевых горах 468

Петровский парк 133, 241, 242, 354, 468, 476

Подольный в Кремле садец 69

Разумовских на Яузе сад 364

Театральный сквер 467

ХІІІ. Общества

Архитектурное 327, 344

Древнерусского искусства 228

Истории и древностей Российских 74

Купеческое 317, 584

Литературно-художественный кружок 182

Любителей древней письменности 228, 229

Любителей духовного просвещения 43, 228, 229

Любителей художеств 253

Мещанское 484, 488

Московский союз деятелей по истории искусства, археологии и музееведения 344

Московское археологическое 75, 85, 161, 192, 228, 319, 340—343, 345, 361, 427

Московское художественное 321

«Нептуновское» (тайное) 309

Поощрения художеств 262

Преподавателей графических искусств 267

Русских художников союз 267

Русское военно-историческое 87, 408, 409, 494

Человеколюбивое 209

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ

Авишаров Е.Г. «...Исключительный знаток истории города Москвы...» М.И. Александровский. 1865–1943 // Краеведы Москвы: Сб. — Вып. 1 / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1991. — С. 121–131.

Аполлинарий Васнецов: К столетию со дня рождения / Труды Музея истории и реконструкции Москвы. — Вып. VII. — М., 1957. — 169 с.

Белоусов И.А. Ушедшая Москва / сост. В.Б. Муравьев. — М., 1998. — 400 с.

Беспалова Л.А. Аполлинарий Михайлович Васнецов. 1856–1933. — М., 1956. — 176 с.; Изд. 2-е, перераб. и доп. — М., 1983. — 229 с.

Богоявленский С.К. Памяти П.Н. Миллера // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1995. — С. 113–119.

Бранденбург Б.Ю., Татаржинская Я.В. «Душа» Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. Иван Павлович Машков. 1867–1945 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1995. — С. 120–138.

Бранденбург Б.Ю., Татаржинская Я.В., Щенков Л.С. Архитектор Иван Машков. — М., 2001. — 136 с.

Васильев С.Д. Воспоминания о А.М. Васнецове // Аполлинарий Васнецов: К столетию со дня рождения / Труды Музея истории и реконструкции Москвы. — Вып. VII. — М., 1957. — С. 104–105.

Вздорнов Г.И. «Нестыжательный москвовед» [Воспоминания В.С. Попова о М.И. Александровском] // Московский журнал. — 1993. — №10.

Виноградов Н.Д. Воспоминания о А.М. Васнецове // Аполлинарий Васнецов: К столетию со дня рождения / Труды Музея истории и реконструкции Москвы. — Вып. VII. — М., 1957. — С. 94–95.

Виноградов Н.Д. Воспоминания об Аполлинарии Васнецове // Московский журнал. — 2015. — №11. — С. 80–96.

Гатагова Л.С. Сытин Петр Васильевич // Историки и краеведы Москвы. Некрополь. Библиографический справочник / сост. Л.В. Иванова. — М., 1996. — С. 154.

Древняя Москва. Васнецов А.М. Рисунки. Документы / сост. В.Ф. Молчанов, А.Е. Родионова, О.Л. Соломина. — М., 2011. — 160 с.

Иванова Л.В. Члены «Старой Москвы» о знатоках и историках столицы [Публ. отдельных материалов из документального наследия «Старой Москвы»] // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1997.

Иванова Л.В., Матвеева О.В. Богоявленский Сергей Константинович // Историки и краеведы Москвы. Некрополь. Биобиблиографический справочник / сост. Л.В. Иванова. — М., 1996. — С. 35–36.

Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). — Т. II / под ред. гр. П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. — М., 1915. — XXII, 447, 257 с.

Историки и краеведы Москвы: Некрополь. Биобиблиографический справочник / сост. Л.В. Иванова. — М., 1996. — 220 с.

Кабанов В.В. Москва чаяновская. А.В. Чайнов. 1888–1937 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1997. — С. 298–314.

Козлов В.Ф. Общество «Старая Москва» и культурное наследие. 1909–1930 гг.: Путеводитель по архивным материалам. — М., 2020. — 340 с.

Козлов В.Ф. «Старая Москва» на защите московских древностей (1920–1930) // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. — Вып. 3 / сост. В.Ф. Козлов. — М., 2002. — С. 334–362.

Козлов В.Ф. У истоков москвоведения. О первых годах деятельности Комиссии по изучению старой Москвы (1909–1917) // Московский журнал. — 2019. — №10 (346). — С. 46–59.

Козлов В.Ф., Смирнова А.Г. Жемчужина Замоскворечья. Усадьба Аверкия Кириллова на Берсеневке в истории и культуре Москвы и России. — М., 2020. — 304 с.

Кочетова С.Е. Беляев Иван Степанович // Историки и краеведы Москвы. Некрополь. Биобиблиографический справочник / сост. Л.В. Иванова. — М., 1996. — С. 30–31.

Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1997.

Кудрявцева Л.С., Ядохина Е.И. Мемориальный музей-квартира художника А.М. Васнецова: Путеводитель. — М., 2004. — 208 с.

Леонтий Петрович Александров (1858–1929) // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1997. — С. 384–386 (Публ. Л.В. Ивановой выступления П.В. Кислякова на заседании «Старой Москвы»).

Матвеева О.В. Машков Иван Павлович // Историки и краеведы Москвы. Некрополь. Биобиблиографический справочник / сост. Л.В. Иванова. — М., 1996. — С. 102–103.

Москва в творчестве А.М. Васнецова: Сб. [статьи А.М. Васнецова, посвященные Москве XII–XVII веков] / сост. Е.К. Васнецова. — М., 1986. — 272 с.

Московская энциклопедия. — Т. 1. Лица Москвы. — Кн. 1–6. — М., 2007–2014 [Статьи о членах «Старой Москвы»].

Овсянникова Е.Б. «Работа была весьма интересная...»: Николай Дмитриевич Виноградов. 1885–1980 // Краеведы Москвы: Сб. — Вып. 1 / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1991. — С. 200–215.

Овсянникова Е.Б. Старая Москва и «Старая Москва» // Архитектура и строительство Москвы. — 1988. — №8. — С. 24–27.

Огнев С.И. Заслуженный профессор Иван Флорович Огнев (1855–1928). Страницы из жизни медицинского факультета Московского университета конца XIX и начала XX века. — М., 1944. — 72 с.

- Петров Ф.А.* Обзор фонда «Музей Старой Москвы». — М., 1991. — 199 с.
- Полякова М.А., Фролов А.И.* Ревнители московских древностей. Алексей Сергеевич Уваров. 1825–1884. Прасковья Сергеевна Уварова. 1840–1924 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1995. — С. 48–64.
- Попов В.С.* Нестыжательный москвовед. Воспоминания об М.И. Александровском (1865–1943) / публ. Г.И. Вздорнова // Наше наследие. — 1999. — №49.
- [Публ. Л.В. Ивановой материалов мемориального заседания] // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1997. — С. 367–369.
- Рабинович М.Г.* Неутомимый москвовед. Петр Николаевич Миллер. 1867–1943 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1995. — С. 100–113.
- Редин Е.* Графиня П.С. Уварова // Сборник Харьковского Историко-филологического общества. — Т. 16. — Харьков, 1905.
- Рюмина Т.Д.* Архив москвовед П.Н. Миллера в ОПИ ГИМ [Ф. 134] // Археографический ежегодник за 1971 год / гл. ред. С.О. Шмидт. — М., 1972. — С. 344–346.
- Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. 1885–1915. [К 30-летию деятельности на посту председателя Моск. археол. о-ва]. — М., 1916. — XXIV, 405 с.
- Соболевский А.И.* П.С. Уварова. 1840–1924 // Известия Российской Академии наук. — М., 1925. — Сер. XI. — Т. XIX. — С. 144.
- Советская историческая энциклопедия. — Т. 13. — М., 1971; Т. 14. — М., 1973.
- Старая Москва. Вып. 1 и 2: Сборник. — М., 1993. — 224 с. (Факсимильное издание).
- Старая Москва. Издание Комиссии по изучению Старой Москвы при Императорском Московском археологическом обществе. — Вып. 1. — М., 1912. — 72 с.; Вып. 2 / под ред. Н.Н. Соболева. — М., 1914. — 135 с.
- Уваров С.А.* Неутомимый москвовед // Московский журнал. — 2000. — №1. — С. 45–50.
- Уварова Прасковья Сергеевна (1840–1924) // *Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы: Иллюстр. биогр. словарь. — М., 1997. — С. 353–357.
- Уварова П.С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. — М., 2005. — 296 с.
- Филимонов С.Б.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края / под ред. С.О. Шмидта. — М., 1989. — 168 с.
- Филимонов С.Б.* Общество «Старая Москва» // Памятники Отечества. — 1980. — №2. — С. 113–116.
- Филимонов С.Б.* Почетный председатель общества «Старая Москва». Аполлинарий Михайлович Васнецов. 1856–1933 // Краеведы Москвы: Сб. — Вып. 1 / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1991. — С. 111–120.
- Фролов А.И.* Хранители Московской старины — Алексей и Прасковья Уваровы. — М., 2003. — 368 с.
- Функ М.К.* Знаток московской старины. Сергей Константинович Богоявленский. 1871–1947 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сб. / сост. Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. — М., 1995. — С. 139–152.
- Чанышева Т.С.* Уварова Прасковья Сергеевна // Историки и краеведы Москвы. Некрополь. Биобиблиографический справочник / сост. Л.В. Иванова. — М., 1996. — С. 165–166.

Чанышева Т. С. Чаянов Александр Васильевич // Историки и краеведы Москвы. Некрополь. Биобиблиографический справочник / сост. Л. В. Иванова. — М., 1996. — С. 173–174.

Чаянов Александр Васильевич (1888–1937) // *Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы: Иллюстр. биогр. словарь. — М., 1997. — С. 384–387.

Чаянов А. В. Избранное. Статьи о Москве. Письма. 1909–1936. — М., 2008. — 464 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Т. XXI. — СПб., 1897; Т. XXXI. — СПб., 1900; Т. LXVII. — СПб., 1902.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ал. — алтын
 арх. — архитектор
 арш. — аршин
 б-р — бульвар
 бывш. — бывший / бывшая
 верш. — вершок
 влкмч. — великомученик / великомученица
 ВСЕВОБУЧ — Всеобщее военное обучение
 ВХУТЕМАС / ВХУТЕИИ — Высшие художественно-технические мастерские / Высший художественно-технический институт
 ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
 Г.Х.Г. — Городская художественная галерея
 ген. (генер.) — генерал
 ген.-губ. (генер.-губерн.) — генерал-губернатор
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 гл. — глава
 г-н (г.) — господин
 гр. — граф / графиня
 губ. — губерния
 Д. — дело (архивное)
 д. — деревня / дом
 десят. — десятина
 Е.И.В. — Его (Ее) Императорское Величество
 ж.д. — железная дорога / железнодорожный (ая)
 засед. — заседание
 И.А.Х. — Императорская Академия художеств
 К. — картон (архивный)
 к. / коп. — копейка
 кв. — квадратный(ая) (аршин, сажень и проч.)
 кн. — князь / княгиня
 Л. — лист (архивный)
 лат. — латинский
 МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
 МАО — Московское археологическое общество
 МГУ — Московский государственный университет
 М.Г.У. — Московское городское управление
 МИД — Министерство иностранных дел
 МКХ — Москоммунхоз (отдел коммунального хозяйства Моссовета)
 М.С.Р.К. и К.Д. — Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
 МХАТ — Московский художественный академический театр
 МХТ — Московский художественный театр
 МЦВ — Московские церковные ведомости
 мч. — мученик
 НИИ — научно-исследовательский институт
 нрзб. — неразборчиво
 об. — оборотный (лист, архивный)
 ОИМГ — Общество изучения Московской губернии
 ОИМО — Общество изучения Московской области
 О.Л.Д.П. — Общество любителей духовного просвещения
 ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
 ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

п/о — подраздел
 пер. — переулок
 пл. — площадь
 пр-д — проезд
 просп. — проспект
 прот. — протоиерей
 П.С.З. (ПСЗ) — Полное собрание законов
 (Российской империи)
 р. — река
 РАН — Российская Академия наук
 РГАДА — Российский государственный
 архив древних актов
 РИМ — Российский Исторический музей
 РОДК — Русское общество друзей книги
 РСФСР — Российская Советская Федера-
 тивная Социалистическая Республика
 руб. — рубль / рублей
 Р.Х. — Рождество Христово
 св. — святой / святая
 Св. (Синод) — Святейший (Синод)
 свв. — святые
 свящ. — священник
 С.М. — «Старая Москва»

собр. — собрание
 Совнаркомом (СНК) — Совет Народных
 Комиссаров
 сост. — составитель
 соч. — сочинение / сочинил
 С.П.Б. (СПб.) — Санкт-Петербург
 ССКиЭ — Секция собирателей книги и экс-
 либрисов
 ст. — статья
 ст. ст. — старый стиль
 стб. — столбец
 сщмч. — священномученик
 т. — том
 ул. — улица
 устаревш. — устаревшее
 Ф. — фонд (архивный)
 фр. — французский
 ц. — церковь
 ЦГА — Центральный государственный архив
 (г. Москвы)
 ЦУМ — Центральный универсальный мага-
 зин
 чел. (ч.) — человек

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
О Комиссии по изучению старой Москвы Московского археологического общества. 1909–1923 гг.	11
ДОКЛАДЫ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ «СТАРАЯ МОСКВА»	29
Александров Леонтий Петрович	30
Нескучный сад и его историческое прошлое	31
О ловлении в прудах и каналах старого Головинского сада лягушек и об отвозе их, куда надлежит	32
Александровский Михаил Иванович	36
О древних названиях московских церквей по ружным книгам XVII века	39
О некоторых стеснениях церковного быта в Москве при Петре I	48
История церкви Николы на Покровке	57
Топография Москвы XIII в. и XIV в.	60
О церкви Пятницы в Охотном ряду	74
Беляев Иван Степанович	82
О плане Москвы 1775 г. из коллекции Э.В. Готье	84
Некоторые материалы к предполагаемому изданию старых планов г. Москвы	85
Новый источник для истории Москвы. «Росписной список» 1764 года	86
Увеселения москвичей в двадцатых годах XIX столетия	89
Бани в Москве в XVII–XVIII столетиях	93
О гравюрах-видах Москвы в кн[иге] «Виды Москвы» (Лондон, 1823 г.) — описание	97
Богоявленский Сергей Константинович	101
О Мещанской слободе в Москве в XVII веке	102
Санитарное состояние Москвы в XVII веке	118
Бондаренко Илья Евграфович	131
Застройка Москвы в эпоху Empire	132
Екатерининский дворец в Москве	133
Васнецов Аполлинарий Михайлович	138
Кремль при Иване Калите	141

Ивановская звонница — пояснительная записка [к изданию видов Москвы Тромонина]	158
Мосты старой Москвы	159
Книжная торговля на Спасском мосту	167
Пушечно-литейный двор по изображениям XVII века	168
Воскресенский мост и прилегающая к нему местность в XVII веке	173
Альбом автолитографий «Древняя Москва»	181
Пояснительная записка к акварели Московского Кремля	182
Спасские водяные ворота Китай-города в XVII веке	186
Остатки Берсеневской воротной башни Белого города	190
Беклемишевская башня Кремлевской стены	194
Вероятный вид на Белокаменный Кремль 1367—1485 годов	195
Виноградов Николай Петрович	207
О Николаевской в Кленниках церкви	208
О Троицкой на Хохловке церкви (реферат доклада)	210
Из истории Петропавловской в Лефортове церкви	212
О Покровском соборе в Покровской общине сестер милосердия в Москве	220
Памяти В. П. Гурьянова	227
Высотский Николай Гаврилович	233
Московское пожарное разорение 1737 г.	233
Готье (Готье-Дюфайе) Эмилий Владимирович	240
Воксал в Петровском парке	241
Довнар-Запольский Митрофан Викторович	244
О материальном положении московских ремесленников в XVII в.	244
Жучков Иван Николаевич	248
И. Е. Цветков и «Старая Москва» в его художественной галерее	249
Верецагинская дача под Москвою	259
В. М. Васнецов и Москва — доклад к 75-летию со дня рождения	262
Ильинский А. А.	283
Тимофей Егорович Мятков, московский художник 40-х — 50-х годов прошлого столетия	283
Клементьевский Николай Матвеевич	288
Петунников А. Н. «Пути сообщения в Москве по Высочайше утвержденному плану регулирования» (Москва, 1915 г.)	288
Линдеман Иосиф Карлович	295
Загадочные плиты князей Гагариных	296
О латинской надписи на Спасских воротах	297
О надписи на Спасских воротах (дополнение)	299
[О «Записках Желябужского»]	300
К вопросу о топографии Тверской и Дмитровской улиц в Москве	301

Машков Иван Павлович	304
Монетный двор в Охотном ряду	305
Заключение о старом доме во владении Селезнева, выходящем на Царицынский пер.	306
Сухарева башня в Москве и ее реставрация	307
Миллер Петр Николаевич	311
О плане Москвы 1606 г. по сказанию Исаака Массы	315
О плане Москвы 1824 г.	316
В защиту исследователя старой Москвы П.В. Хавского	318
О плане П.В. Хавского	319
Картинная галерея Е.Д. Тюриня в Москве	320
Сто заседаний Комиссии (Краткий отчет)	339
О писателе Д.И. Никифорове	345
Михайловский Владимир Александрович	350
Здания императорских московских театров в XIX столетии	350
Никольский Виктор Александрович	358
Московские князья и графы	358
Огнев Иван Флорович	366
О профессорах Московского университета 70-х годов XIX столетия	366
Попенцева Адда (Алевтина) Ивановна	370
Церковь во имя Тихвинской Божией Матери в Симоновском монастыре	370
Пуаре Александра Яковлевна	375
Воспоминания об отце Якове Викторовиче Пуаре, о театральной Москве [18]70-х гг.	375
Пустаханов Николай Алексеевич	384
О доме, бывшем князей Юсуповых, в Трехсвятительском тупике, близ Красных ворот	384
Московские частные пожарные дома	387
Пучков Николай Сергеевич	390
Село Васильевское (б[ывшая] Мамоновская или Ноевская дача) в Москве за Калужской заставой на Воробьевых горах	390
Сахновский Василий Григорьевич	404
Москвич Островского	404
Смердов Владимир Николаевич	407
К вопросу о музее Старой Москвы	407
Соболев Николай Николаевич	412
План Спасского крестца XVIII столетия	412
Стеллецкий Игнатий Яковлевич	423
Новые подземные ходы под Москвой	424
О плане Москвы 1819 г.	425

Об архивных башнях в Москве	426
Подземный Кремль	427
Старая Москва по делам Коллегии экономии	428
Старая Москва по делам Московского губернского архива старых дел — опись дел (кон. XVIII — нач. XIX в.)	432
Мытарства кремлевской пушки (из хроники 1812 г.). Столетняя быль	447
Сытин Петр Васильевич	457
Московское коммунальное хозяйство — Исторический очерк	458
Тарабрин Иван Мемнонович	473
Папки вырезок М.Д. Хмырова о Москве	473
Хлопов Григорий Ильич	479
Опыт историко-топографического исследования Ваганькова. Воздвиженка со второй половины XVII до середины XIX столетия	480
Историко-топографическое исследование участка по улицам Тверской и Дмитровке	483
Сообщение в дополнение к докладам И.П. Машкова и В.Н. Сторожева об Охотном ряде	486
Театральная площадь	489
О сломке деревянных триумфальных ворот: двух на Большой Тверской улице и одних на Мясницкой	491
Мясницкая улица	492
Черты московской жизни на рубеже XVIII и XVII столетий по путевым заметкам профессора Клерка	508
Грибоедовская Москва по записям иностранца	525
Чаянов Александр Васильевич	532
Опыт построения ситуационного плана Москвы в XVII в. [Часть] I — Китай-город и его Торговые ряды	533
Опыт построения ситуационного плана Москвы XVII в. Часть II — Белый город	534
Опыт построения ситуационного плана г. Москвы XVII в. Часть III — Земляной город и Замоскворечье	536
Опыт построения ситуационного плана Москвы XV в.	537
Москва XIV века	539
[О поварах Английского клуба]	541
Шедлинг Максимилиан Юльевич	547
Москва и московская почта с древнейших времен	547
ПРИЛОЖЕНИЯ	571
<i>Приложение 1. Краткие протокольные записи докладов</i>	572
Александров Николай Артамонович	572
Народное гуляние под Новинским в двадцатых—тридцатых годах прошлого XVIII столетия	572

Балицкий Григорий Васильевич	573
О плане Москвы 1800 г. с описанием, как столицы, так и уездов	573
Головин С.С.	574
О доме XVII в. в Царицынском переулке, на Пречистенке	574
Дударева Валентина Александровна	575
Подмосковная князей Волконских — село Суханово	576
Зенбицкий Петр Николаевич (?)	577
План дома канцлера гр. А.П. Бестужева-Рюмина в Москве в Немецкой слободе, на берегу реки Яузы	577
Кузнецов Иоанн Иоаннович	578
[Об архивном деле о найденной на Варварке мертвой человеческой голове]	579
Петухов С.Н.	580
О Московских старых городских рядах в 1860 году, выстроенных некогда архитектором Бове	580
Пушкин Борис Сергеевич	581
О построении колокольни Симонова монастыря	582
Сторожев Василий Николаевич	583
[Об обнаруженном в архиве документе конца XVIII века об Охотном ряде и в нем Монетном дворе]	584
Трутовский Владимир Константинович	585
[О Забелинской библиотеке в Москве]	586
Уварова Прасковья Сергеевна	586
[По поводу газетных известий о перестройке и увеличении Иверской часовни]	588
Хрептович-Бутенев Константин Аполлинариевич	588
О серебряных монетах, чеканенных в России Аристотелем Фиораванти	589
Еще несколько мыслей об Аристотеле Фиораванти и о некоторых других итальянских зодчих, работавших в XV и XVI веках в Москве	590
Приложение 2. Источники и литература, использованные авторами докладов	594
Приложение 3. Перечень докладов членов «Старой Москвы», опубликованных в 1-м и 2-м выпусках сборника Комиссии (1912 и 1914 гг.)	601
Приложение 4. Предметно-топографический указатель	603
Рекомендованная литература по теме	629
Список сокращений	633

СТАРАЯ МОСКВА

**ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ СТАРОЙ МОСКВЫ
МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
1909—1923 гг.**

Редактор: А.Г. Смирнова

Корректор: К.А. Смирнова

Макет, оформление, подбор иллюстраций:

В.Ф. Козлов, А.Г. Смирнова, К.А. Смирнова

Компьютерная верстка: В.В. Брызгалова

На 1-й стороне обложки — репродукции открыток худ. А.П. Цесевича: «Музей революции СССР (б. Английский клуб)» и «Палаты боярина Волкова». 1976 г.; Вид на Кремль со стороны Раушской наб. (Москворецкий мост). Фотография рубежа XIX—XX вв.

На титуле — П.С. Уварова. Фотография начала XX в.

На шмуц-титулах: репродукции линогравюр И.Н. Павлова из альбома «Старая Москва» 1947 г.:

«Ильинские ворота» и «Лубянская площадь».

В оформлении издания использованы: декоративные элементы из книги:

Кудряшов К., Яновский А. Москва в далеком прошлом: Очерки городской жизни, быта и нравов Москвы XVI—XVII веков. — М., 1962. — 396 с.